

Ю. А. РУБИНЧИК

ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
ПЕРСИДСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Российская академия наук
Институт востоковедения

Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

—
فرهنگستان علوم روسیه
انستیتوی خاورشناسی

دانشگاه دولتی مسکو به نام لامانوسوف
انستیتوی کشورهای آسیا و آفریقا

یوری روبینچیک

دستور زبان ادبی معاصر فارسی

مسکو
مؤسسۀ چاپ و انتشارات
«ادبیات خاور»
۲۰۰۱

Ю.А.РУБИНЧИК

ГРАММАТИКА
СОВРЕМЕННОГО
ПЕРСИДСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2001

УДК 811.1
ББК 81.2-2Перс
Р82

*Книга издана при содействии
Посольства Исламской Республики Иран
в Российской Федерации*

Ответственный редактор
Б.Я.ОСТРОВСКИЙ

Редактор издательства
М.И.КАРПОВА

Рубинчик Ю.А.

Р82

Грамматика современного персидского литературного языка. — М.:
Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 600 с.

ISBN 5-02-018177-3

«Грамматика современного персидского литературного языка» представляет собой капитальное монографическое исследование, не имеющее аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной иранистике. Основанная на большом фактическом материале, работа является самой полной грамматикой персидского языка, не только учитывающей традиции его изучения в России, но и предлагающей оригинальные новые решения спорных вопросов персидской морфологии и синтаксиса.

«Грамматика» послужит основой для проведения дальнейших исследований по теории персидского языка и подготовки новых учебников.

ББК 81.2-2Перс

ISBN 5-02-018177-3

© Ю.А.Рубинчик, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на многолетний опыт изучения грамматического строя персидского языка, на значительное количество грамматик и учебников персидского языка, опубликованных в нашей стране, в самом Иране и за его пределами, остается еще немало грамматических проблем, которые либо не исследовались совсем, либо остаются еще малоизученными. Многие грамматические вопросы вызывают споры среди иранистов, и при их решении прослеживаются неоднозначные подходы. Достаточно назвать такие вопросы, как выделение частей речи и свойственных им грамматических категорий, определение разновидностей простых и сложных предложений, установление средств связи между членами простых предложений, а также между частями сложных предложений, отграничение служебных частей речи от знаменательных и др. Нуждаются в научном обосновании статус категории выделенности имен существительных, выделение и классификация отыменных предлогов, связь семантики глаголов со способами управления, выделение так называемых неличных форм глагола и т.д. Необходимо подробное описание семантико-грамматических функций временных категорий глагола и их связи с глагольными наклонениями. Необходимы также характеристика случаев употребления выделительного артикля, послелога *l_j -ra*, установление обязательного и факультативного в функционировании названных выше показателей.

Необходимость создания полной грамматики персидского языка диктуется потребностью дальнейшего углубленного изучения грамматического строя языка и стремлением улучшить преподавание этого языка в различных учебных заведениях. Недостаточная изученность грамматического строя персидского языка, противоречивый подход к оценке и толкованию многих явлений фонетики, морфологии и синтаксиса делают опубликование «Граматики современного персидского литературного языка» весьма своевременным и актуальным.

«Грамматика» состоит из трех частей, которые делятся на главы. Часть первая — «Фонетическая и морфологическая структура персидского слова», часть вторая — «Морфология», часть третья — «Синтаксис». Описание этих частей дается в синхронном плане, однако в отдельных случаях при анализе и толковании конкретных фактов языка применяется также диахронический подход.

Персидский язык по своим парадигматическим и синтагматическим свойствам принадлежит к языкам аналитическо-флективного строя, поэтому при характеристике частей речи привлекаются в первую очередь лексико-грамматические критерии, а также факты, явления словообразования и фразеобразования. Особое внимание обращается на фразеологию, которая играет огромную роль в формировании грамматического строя языка. Многие фразеологические единицы со структурой словосочетания по своим семантическим и функциональным свойствам входят в состав частей речи и могут быть приравнены к соответствующим лексико-грамматическим единицам (например, сложные глаголы, моделированные и немоделированные наречные фразеологизмы), а фразеологизмы-предложения либо функционируют

самостоятельно, либо входят в состав различных простых и сложных предложений, обеспечивая их предикативность.

В качестве иллюстративного материала послужили произведения современных иранских писателей, научная литература, персидские газеты и журналы¹. Во многих случаях приводимые примеры в целях экономии места сокращались, а иногда для большей наглядности упрощались. В «Грамматике» приводятся два вида примеров: а) примеры, иллюстрирующие то или иное устоявшееся грамматическое явление; б) примеры, подтверждающие правильность вводимого впервые, еще не описанного грамматического правила или получающего распространение нового явления.

В данной работе автор опирается на современный персидский литературный язык. В отдельных случаях приводятся примеры из обиходно-разговорного языка, в основе которого лежит тегеранский диалект, и языка классической персидской литературы. Необходимость выделения современного персидского языка как объекта самостоятельного исследования диктуется тем, что большинство грамматик строится на описании языка классической литературы, игнорирует его существенные отличия от современного языка. И только в последние три-четыре десятилетия стали появляться работы, прежде всего в нашей стране и на Западе, в которых подчеркивается лексическое и грамматическое отличие современного персидского языка от классического.

Из грамматик, изданных в Иране, ярким примером работ, опирающихся на язык классической литературы, служат двухтомная грамматика для средней школы пяти авторов [Бахар, Форузанфар и др.], полная грамматика персидского языка А.Хомаюнфарроха [Хомаюнфаррох], грамматика А.Хайямпур [Хайямпур 1334] и др. Главным иллюстративным материалом этих грамматик служат примеры из классической персидской поэзии; примеры же из персидской прозы почти полностью отсутствуют. Это объясняется традициями иранской грамматической школы, большой популярностью произведений классической персидской поэзии среди широких слоев населения страны. Хорошо известно, что стихи таких выдающихся поэтов средневековья, как Рудаки, Фирдоуси, Саади, Омар Хайям, Хафез, иранцы хорошо помнят со школьной скамьи и отрывки из них свободно цитируют наизусть в разных жизненных ситуациях как готовые афоризмы.

Традиционному направлению противостоят грамматика и грамматические исследования многих современных иранских авторов, не только опирающихся на современный язык, главным образом язык прозы, но и пользующихся в своих работах современными лингвистическими методами. К их числу относятся такие исследователи, как П.Ханляри, А.А.Садеги, Г.Х.Адель, А.Тафаззоли, А.Наджафи, Э.Саадат, М.Батени, А.Самии и др. Стремление по-новому подойти к решению вопросов грамматического строя персидского языка наблюдается во многих статьях, публикуемых в журналах «Языкознание», начавшем издаваться в Тегеране в 1984 г., «Нашр-э данэш» и др.

¹ Ссылки на источники даются в круглых скобках после перевода, полная их расшифровка приводится в конце книги (см. «Названия источников иллюстративного материала»). Ссылки на цитируемую научную литературу даются в квадратных скобках в виде кода с фамилией автора, названием или аббревиатурой (по первым буквам названия книги) и годом выпуска издания. Расшифровка каждого сокращения приводится в конце книги (см. «Литература»), где дается полное описание издания.

С самого начала Исламской революции 1979 г. светское и религиозное руководство страны уделяло и продолжает уделять большое внимание совершенствованию персидского языка. Это выражается в создании научных и научно-практических учреждений, которые призваны следить за развитием лексического состава языка и его грамматического строя. Представляет большой интерес выступление лидера Исламской революции аятоллы А.Хаменеи на заседании Ученого совета Академии персидского языка и литературы (март 1992 г.), в котором он признал, что в определении основного пути развития персидского языка были допущены ошибки, см. [Намэ-йе Фархангестан 1995, с. 2–6].

Известно, что язык находится в состоянии постоянного развития, изменения и нуждается в выработке кодифицированных норм. В «Грамматике» не только дается описание уже известных и устоявшихся грамматических явлений, но и обращается внимание на такие факты, которые из-за их ненормированности затрудняют пользование языком. Например, в «Грамматике» рассматриваются случаи употребления артикля, который назван «выделительным». К сожалению, ни в одной из грамматик, изданных в Иране и в западноевропейских странах, не приводятся правила использования артикля (за исключением случая выражения неопределенности имени). Другой случай неустоявшейся нормы, который анализируется в работе, — это согласование / несогласование глагола-сказуемого с подлежащим, выраженным именем существительным неодушевленным в форме множественного числа.

Данная «Грамматика» отличается от других грамматик большей полнотой включенного материала, новым подходом к решению многих вопросов частей речи и их грамматических категорий, синтаксиса простого и сложного предложений; в ней более полно и систематично излагаются фонетика и фонология, морфология и синтаксис современного персидского языка; впервые выделяется как самостоятельный раздел морфонология. В «Грамматике» использованы материалы других грамматик, а также новейшие исследования и публикации отечественных и зарубежных авторов, диссертационные работы по различным вопросам грамматики, защищенные за последние два-три десятилетия в нашей стране. И все же основой данной работы послужили многолетние наблюдения и исследования самого автора, а также опыт преподавания теории персидского языка в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова (группы 3-го и 4-го курсов в период с 1994 по 2000 г.).

«Грамматика» рассчитана на широкий круг лингвистов, научных работников-иранистов, а также на преподавателей и студентов востоковедных вузов. Благодаря применяемой в ней транскрипции на латинской основе и персидской графике² круг читателей может быть расширен.

Автор выражает искреннюю признательность рецензентам работы профессорам Г.Ш.Шарбатову и А.А.Веретенникову, а также сотрудникам отдела языков Института востоковедения РАН за замечания и добрые пожелания, высказанные в ходе обсуждения «Грамматики». Ее издание поддержал коллектив кафедры иранской филологии ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова (заведующий проф. В.Б.Иванов), что явилось немаловажным стимулирующим фактором на завершающем этапе работы.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность директору Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В.Ломоносова профессору

² О соответствии транскрипционных знаков персидским графемам см. табл. 3 на с. 67.

М.С.Мейеру за помощь, оказанную в подготовке рукописи «Грамматики» к изданию.

Искренне благодарю редактора «Грамматики» доцента Б.Я.Островского за замечания, сделанные им во время подготовки рукописи для публикации. Наличие расхождений по некоторым теоретическим вопросам между Б.Я.Островским и автором «Грамматики» не помешало нашему сотрудничеству.

В заключение отметим, что для достижения надежных и обоснованных результатов необходимо опираться на обширный фактический материал. Но завершение любой большой работы не может снять всех проблем, которым она посвящена, хотя автор и стремился раскрыть их максимально полно и объективно. Сказанное полностью относится и к «Грамматике современного персидского литературного языка», над созданием которой пришлось трудиться в течение многих лет.

ВВЕДЕНИЕ

На территории Исламской Республики Иран (ИРИ) вследствие особых историко-географических и политических условий, в которых проходило развитие этой многонациональной страны и формирование ее населения, существует огромное количество языков и диалектов. Наряду с языками иранской группы здесь распространены тюркские и семитские языки.

Согласно новой конституции ИРИ, принятой в результате референдума в декабре 1979 г., официальным государственным языком страны является персидский (разд. 2, ст. 15). Этот язык, являющийся родным для персов (составляющих немного менее половины населения), для других народов, населяющих Иран (это азербайджанцы, курды, белуджи, луры, бахтияры, кашкайцы, туркмены, арабы, армяне и др.), служит средством межэтнического общения. На нем ведется преподавание в школах, в специальных средних и высших учебных заведениях, профессионально-техническое обучение, административное делопроизводство, издаются многочисленные газеты и журналы, ведутся передачи по радио и телевидению, создаются кинофильмы, ставятся пьесы в театрах.

Руководство страны, ее правительство и политические институты всегда уделяли большое внимание вопросам развития персидского языка. При этом проводившаяся в отношении языка политика целиком зависела от тех идеологических установок, которыми в конкретный исторический период руководствовались правящие круги. В шахский период в основе языковой политики лежали националистические, паниранистские установки. Из персидского языка искусственно изымались прочно вошедшие в обиход арабские, тюркские и западноевропейские заимствования. Вместо них вводились вновь образованные или вышедшие из употребления староперсидские слова. При создании новых персидских терминов использовались корни и слова Авесты, древне- и среднеперсидского языков. По мнению сторонников пуризма, создание «чистого персидского языка» должно было способствовать усилению националистического мировоззрения иранской нации, возрождению былого величия Ирана. В настоящее время основное внимание обращено на вытеснение западноевропейских заимствований, а на вопросы замены арабских слов чисто персидскими словами внимание не обращается.

Непосредственными проводниками языковой политики правительства становились специально созданная Академия языка и литературы (فرهنگستان *Farhangestān*), различные комитеты и комиссии. Наряду с пуристической деятельностью в работе Академии наблюдались положительные моменты, заключавшиеся в стремлении упорядочить персидскую терминологическую систему, создать новые термины для выражения понятий, либо совсем не имевших словесного обозначения, либо еще не получивших устойчивого и четкого выражения в персидском языке.

В настоящее время можно говорить о трех Академиях языка в Иране. Первая Академия Ирана (فرهنگستان ایران *Farhangestān-e Irān*) была создана в 1935 г. указом

Реза-шаха для осуществления шовинистических и паниранистских установок в сфере языка. К концу 1941 г. она фактически прекратила свое существование, но движение за «очищение» языка продолжалось и в последующие годы.

В октябре 1970 г. указом шаха Мохаммада Реза Пехлеви была создана Академия языка Ирана (فرهنگستان زبان ایران *Farhangestān-e zabān-e Irān*), которая по существу занималась аналогичной деятельностью. Она прекратила свою деятельность в первые годы Исламской революции 1979 г.

После длительного перерыва, в феврале 1990 г., на заседании Высшего совета культурной революции, проходившем под председательством тогдашнего президента Исламской Республики Иран Хашеми-Рафсанджани, был утвержден устав новой академии, названной Академией персидского языка и литературы (فرهنگستان زبان و ادب فارسی *Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi*). Решением Высшего совета Академия была объявлена главным научным центром исследований в области персидского языка и литературы. Прошло уже несколько лет после создания третьей Академии, но результаты ее деятельности, научные и практические достижения недостаточно известны иранской общественности. Видимо, руководство Академии, ее действительные члены, опасаясь повторить ошибки предыдущих академий, подходят с чрезмерной осторожностью к публикации материалов своих исследований.

Главным в деятельности первых двух Академий были вытеснение иноязычных заимствований и замена их на вновь создаваемые слова, попытки создания собственной научно-технической терминологии. Все три Академии ставили своей целью способствовать развитию персидского языка, его совершенствованию и распространению в сопредельных странах, а также собиранию и изучению местных языков и диалектов. Одной из важных задач, записанных в уставах всех трех Академий, считалось создание полной грамматики персидского языка. Однако ни нормативная, ни академическая грамматика персидского языка в Иране до сих пор не создана.

1. Становление персидского языка как национального языка страны

По своим генетическим, фонетическим и лексико-грамматическим признакам персидский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Языки иранской группы допускают два основных вида классификации: 1) на основе исторического развития и исторических критериев и 2) на основе историко-диалектологических и фонетико-грамматических признаков. По историческому развитию иранские языки делятся на три подгруппы: древнеиранские (авестийский, древнеперсидский, сакский или скифский, мидийский); среднеиранские (среднеперсидский, парфянский, бактрийский, согдийский, хорезмийский); новоиранские (персидский, таджикский, дари, пушту, белуджский, курдский, татский, талышский, гиланский, мазандеранский, осетинский, ягнобский, памирские).

Мы не приводим деления иранских языков на основе историко-диалектологических и фонетико-грамматических признаков, так как оно имеет более специальный

характер и непосредственно не связано с темой данной работы, и, хотя в наименованиях языковых подгрупп лежат названия стран света (западные, восточные, юго-западные, северо-западные, юго-восточные, северо-восточные), нередко реальное географическое расположение языков не соответствует названию той подгруппы, в которую они входят на основании фонетико-грамматического отражения исторических звуков и праформ.

Современный персидский входит в юго-западную подгруппу иранских языков, куда также входят таджикский, дари, татский, бахтиярские и лурские диалекты, большинство говоров Фарса, диалект кумзари и др. Современные персидский, дари и таджикский языки считаются близкородственными, поскольку они восходят к одному источнику — языку персидско-таджикской классической литературы.

После завоевания Ирана арабами в VII в. официальным языком страны являлся арабский, оказавший большое влияние на последующее развитие персидского языка, на его лексико-семантическую систему, на фонетический и грамматический строй. Первые письменные памятники на персидском языке появились в IX в., причем в период господства Арабского халифата персидский язык, называвшийся в письменных памятниках в ту пору *پارسی* *pārsi* (арабизованная форма — *فارسی* *fārsi*) или словосочетанием *پارسی دری* *pārsi-ye dari* (*فارسی دری* *fārsi-ye dari*), использовался главным образом в кругу семейного общения.

Распад Арабского халифата создает возможности для появления первых произведений письменности на новоперсидском языке в Мавераннахре, Хорасане, Балхе. Первые попытки фиксации новоперсидского языка средствами арабской графики относятся к IX в. Но памятники письменности этого периода до нас не дошли; об их существовании мы знаем лишь на основании косвенных данных — по древним фархангам и более поздним рукописям.

Постепенно арабский язык вытесняется из всех сфер политической и культурной жизни, а новоперсидский становится официальным языком государства Саманидов (875–999). Вся документация и переписка, не имевшая отношения к мусульманской религии, стали вестись на этом языке. Новоперсидский язык до конца XV в. оставался общим литературным языком для персов и таджиков, центром его формирования были северо-восток Ирана, север Афганистана и Средняя Азия. В течение IX–XV вв. на нем создается богатейшая литература, главным образом поэзия, получившая название классической. Таким образом, этот этап развития новоперсидского языка может быть охарактеризован как ранний.

Становление фарси как языка литературного тесно связано с развитием персидско-таджикской классической литературы. Язык этого периода, несмотря на большую территорию своего распространения и участие в его формировании представителей многих народов, характеризовался унифицированностью и наличием единой литературной нормы, о чем свидетельствуют дошедшие до наших дней многочисленные документы. Это подтверждается исследованиями различных литературных памятников, а также историко-географических и медицинских сочинений этого периода.

В начале XVI в. в связи с изменением политической обстановки в Иране и Средней Азии и территориально-государственным обособлением отдельных регионов появляются признаки фонетической, лексико-семантической и грамматической дифференциации литературного фарси. Это поздний этап в развитии языка

классического периода, продолжавшийся с начала XVI до конца XIX в. Центр формирования литературного языка с северо-востока постепенно переносится на юго-запад Ирана, в провинцию Фарс; происходит смена диалектной базы персидского литературного языка — ею становятся юго-западные диалекты этого языка. Подтверждением этого являются главные черты персидского литературного произношения, сохраняющиеся и в современном языке. Начавшийся процесс дифференциации новоперсидского языка постепенно приводит к образованию местных языков на основе региональных диалектов. Об этом свидетельствуют появившиеся в течение XVI–XVIII вв. дифференциальные признаки фонологического, лексико-грамматического и семантического характера. С учетом реальных языковых фактов, сложившихся социально-политических условий и межгосударственных отношений в конце XIX и в начале XX в. можно констатировать появление трех близкородственных языков: персидского в Иране, таджикского в Средней Азии, фарси-кабули (дари) в Афганистане.

В научной литературе по персидскому языку, издававшейся в нашей стране и за рубежом, не существует четкой периодизации исторического развития новоперсидского языка. Нередко это приводит к тому, что явления, характерные для языка классического периода, приписываются современному персидскому литературному языку (особенно часто — в работах иранских авторов). В действительности классический и современный языки — тесно связанные между собой, но самостоятельные этапы развития новоперсидского языка, обладающие различиями в области лексики, грамматики, фонетики и даже письменности.

В середине и конце XIX в. происходит становление персидского национального языка, обусловленное развитием капитализма в Иране, тенденций к экономическому объединению ранее оторванных друг от друга областей и районов страны, усилением централизованной власти. В этот период наблюдаются упрощение литературного языка, демократизация его стилей, в язык проникает большое количество европейских заимствований, главным образом слов и терминов из французского языка.

Современный этап в развитии новоперсидского языка связан с первой иранской революцией. Революция 1905–1911 гг., имевшая антифеодалный характер, способствовала дальнейшей демократизации лексической и грамматической систем языка. В ходе первой иранской революции формируется современный персидский литературный язык, но процесс этот полностью не завершился. Совершенствование персидского языка, становление его литературных норм и функциональных стилей сильно сдерживались социально-политическими условиями, экономической раздробленностью и сохранением элементов феодализма во всех сферах общественной жизни страны. Процессы демократизации и сближения литературного языка с разговорным продолжались еще в течение приблизительно трех десятилетий после первой иранской революции (вплоть до начала второй мировой войны); их нельзя считать завершенными и в настоящее время.

Данная работа посвящена грамматическому описанию персидского литературного языка за период после революционных событий 1905–1911 гг.; особое внимание обращено на состояние грамматического строя языка после второй мировой войны, после Исламской революции и до наших дней.

2. Основные этапы изучения грамматического строя персидского языка в Иране и за рубежом

Языковая ситуация, сложившаяся на обширной территории после завоевания сасанидского Ирана в VII в. арабами, оказала влияние на характер изучения и описания персидского языка в последующие века, когда он стал официальным языком страны. В этот период особенно велика была роль арабской лингвистической традиции.

Описание раннего новоперсидского языка имело чисто лексикографическую направленность, причем большое влияние на него оказала арабская лексикография. Последнее проявлялось не только в структурной организации словарей, но и в использовании арабской лингвистической терминологии. Сведения не только по лексическому составу, но и по грамматике и даже по фонетике содержались исключительно в толковых словарях, называвшихся фархангами (فرهنگ *farhang*). Грамматик в современном понимании этого термина в тот период у персов не существовало, словари были единственным источником познания родного языка.

Первые сведения по грамматике персидского языка появились в средневековых фархангах, и прежде всего во введениях и предисловиях к ним. Наиболее полное освещение вопросы персидской фонетики, грамматики и словообразования получили в предисловии к «Фарханг-и Джахангири» — словарю, составленному в конце XVII в. в Индии выходцем из Шираза Хусейном Инджу. Теоретические положения этого автора стали повторяться в последующих работах, в связи с чем Хусейна Инджу считают одним из основоположников изучения грамматики персидского языка.

Грамматические вопросы языка классического периода находили освещение и в другого рода письменных памятниках средневековья — в работах по поэтике. Грамматические правила персидского языка стали систематически излагаться в руководствах по арузу (عروض *aruz*) — системе стихосложения, возникшей в арабской поэзии в VII–VIII вв. и распространившейся на персидскую поэзию. Первые такие сочинения стали появляться в XIII в. на арабском языке. В них наряду с характеристикой стихотворных размеров и рифм затрагивались вопросы фонетики, правописания, сообщались сведения об отдельных частях речи, о строении слов и словообразовании.

Самостоятельные работы по грамматике персидского языка, созданные в средние века, до нас не дошли. Однако на основании косвенных источников можно утверждать, что еще в XIII–XVI вв. создавались сочинения грамматического характера на арабском языке и они по своему содержанию почти не отличались от грамматических описаний в фархангах и руководствах по поэтике. Так, в 40-м томе, являющемся предисловием к многотомному словарю А.Деххода, упоминаются две работы на арабском языке, в которых одновременно излагаются грамматические правила арабского, турецкого и персидского языков [Деххода 1337, с. 124].

Первой в современном понимании грамматикой персидского языка следует считать работу Абдоль-Кярима Ирвани, опубликованную в 1893 г. в Тебризе.

По словам автора, он писал грамматику с чисто практическими намерениями — с целью научить персидскому языку своего сына, за учебой которого он постоянно следил. Автор этой грамматики, а также авторы последующих грамматик стремились научить одновременно правильному владению арабским и персидским языками, что практически сделать было нелегко. Часто арабские примеры механически заменялись на персидские, а изложение грамматических правил персидского языка было всецело подчинено традициям изложения правил арабской грамматики, имевшей многовековой опыт изучения. Об этом свидетельствует, в частности, выделение трех частей речи — имя (اسم *esm*), глагол (فعل *fe'l*), частицы (حرف *harf*). Выделялись морфология (صرف *sarf*) и синтаксис (نحو *nahv*).

Следует отметить еще один вид грамматических работ, которые можно охарактеризовать как «переводческие». Авторы их по существу выступали как переводчики грамматик западноевропейских и турецкого языков. Они пытались приспособить эти грамматики для персидского языка путем замены иллюстративного материала примерами из персидского языка.

Традиционно во всех работах главное внимание обращалось на морфологию (صرف *sarf*). Считалось, что синтаксис (نحو *nahv*) в персидском языке не получил развития.

Особое место в грамматической литературе по персидскому языку, созданной иранцами, принадлежит грамматике Хабиба Эсфахани, изданной в 1929 г. в Стамбуле с целью оказания помощи в изучении персидского языка, под названием «Дабестан-э парси» (دبستان پارسی *Dabestān-e pārsī*). В ней сделана попытка по-новому подойти к изучению грамматического строя персидского языка, освободиться от неоправданно большого влияния арабской грамматической школы. В работе широко использован опыт создания грамматик западноевропейских и турецкого языков, выделяется десять типов слов, что соответствовало общепринятым понятиям о частях речи. Однако классификация персидских слов, предложенная Х.Эсфахани, не была логически последовательной. Тем не менее эта грамматика сыграла свою положительную роль; в дальнейшем другие грамматисты продолжили это начинание.

Х.Эсфахани предложил заменить арабский термин صرف و نحو *sarf-o nahv* 'грамматика' на термин иранского происхождения دستور *dastur*, который получил большое распространение в Иране. Х.Эсфахани по праву считается одним из создателей современной грамматической школы в Иране.

К 50–60-м годам XX в. в Иране сложилось два основных направления в изучении грамматического строя персидского языка: направление, ориентирующееся в значительной степени на арабскую грамматическую традицию, и направление (хотя также частично связанное с арабской традицией), опирающееся на опыт создания грамматик западноевропейских языков. Естественно, что существуют работы занимающие промежуточное положение между ними. В большинстве работ используется арабская лингвистическая терминология. Вместе с тем в ряде грамматик арабские термины заменяются на вновь создаваемые персидские, а для выражения новых понятий создаются новые термины на основе чисто персидских морфем (например, в работах П.Ханляри, М.Батени). Нельзя не видеть и отрицательную сторону в появлении многочисленных терминов для выражения одинаковых понятий. Неупорядоченность лингвистической терминологии препятствует взаимопониманию

манию лингвистов, снижает качество выпускаемых работ и мешает повышению уровня грамматических исследований.

Все грамматики персидского языка, как правило, ориентируются на письменную форму литературного языка. Основное внимание обращается на морфологию, структуру слова и словообразование. Для всех грамматик характерна недооценка синтаксиса (особенно — синтаксиса словосочетаний и сложного предложения); во многих грамматиках синтаксический раздел вообще отсутствует. В качестве иллюстративных примеров используются главным образом стихотворные отрывки из поэзии классического периода.

Среди грамматик персидского языка, опубликованных в Иране в годы после второй мировой войны, наибольшую известность получили грамматики П.Ханляри [Ханляри 1351], А.Хомаюнфарроха [Хомаюнфаррох], А.Хайямпура [Хайямпур 1334], двухтомная грамматика для средней школы, написанная такими известными авторами, как профессора Бахар, Форузанфар, Гариб, Хоман, Ясеми [Бахар, Форузанфар и др.]. Последняя работа получила большое распространение и послужила образцом для написания других грамматик. В высших учебных заведениях используются различные грамматические работы П.Ханляри, М.Моина, М.Батени, М.Шариата и др.

Много статей по различным грамматическим вопросам публиковалось в журналах «Сохан», «Рахнэма-йе кетаб», в филологических журналах Тегеранского, Мешхедского и Тебризского университетов. Уже более десяти лет выходит журнал «Забаншенаси» («Языкознание»), ответственным редактором которого в течение всего этого времени является известный иранский лингвист доктор Али Ашраф Садеги. Журнал публикует статьи не только иранских авторов, но и ученых-иранистов из других стран.

Кратко остановимся на изучении грамматики персидского языка в странах Европы и в России.

Изучение персидского языка в Европе и России было в первую очередь стимулировано практическими потребностями установления экономических и политических контактов с Ираном. Первые пособия-руководства по изучению персидского языка появляются в конце XVIII в. В течение XIX в. стали создаваться грамматические описания языка, напоминающие учебники. Они содержали не только грамматические правила, но также тексты и словари.

В конце XIX — начале XX в. на западноевропейских языках стали появляться грамматики с этимологическими экскурсами: грамматики П.Хорна [Horn 1901], Ю.Плэттса и Г.Рэнкинга [Platts, Ranking 1911]. Широкую известность получили грамматики Д.Филлота [Phillot 1919], Э.Лэмбтона [Lambton 1953], немецкого ираниста Х.Енсена [Jensen 1931]. Наиболее полной грамматикой персидского языка следует считать работу французского ираниста Ж.Лазара [Lazard 1957].

Иранистами всего мира высоко оценивается вклад отечественных ученых в изучение грамматического строя персидского языка. Особо следует выделить работу К.Г.Залемана и В.А.Жуковского «Краткая грамматика новоперсидского языка» [Залеман, Жуковский 1890] за глубину раскрытия строя языка и высокий научный стиль. Грамматика поражает строгостью научного метода, стройностью и систематичностью изложения. Это — первое в России научное описание персидского языка классического периода, стоящее на уровне лингвистической науки своего времени.

Как работа, характеризующая средневековый период развития персидского языка, она сохраняет значение и до наших дней. Широкую известность приобрели также грамматики М.Джафара [Джафар 1901], Е.Э.Бертельса [Бертельс 1926], Л.И.Жиркова [Жирков 1927], В.С.Расторгуевой [Расторгуева 1950, 1953], работы по синтаксису А.К.Арендса [Арендс 1941], Л.С.Пейсикова [Пейсиков 1959] и др. В годы после второй мировой войны защищен ряд кандидатских диссертаций по различным вопросам грамматики, опубликовано много работ, статей, посвященных отдельным проблемам грамматического строя персидского языка. В «Грамматике» сделана попытка критически обобщить публикации последних четырех-пяти десятилетий и использовать все то ценное, что в них было.

Часть первая

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПЕРСИДСКОГО СЛОВА

Глава первая

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

1. Состояние изученности фонетики персидского языка

В настоящее время по фонетике персидского языка имеется большое количество работ, в том числе экспериментальные исследования. Наиболее детально изучен звуковой состав языка, его гласные и согласные звуки, их позиционные варианты, комбинаторные изменения в потоке речи, даются артикуляционные и акустические характеристики звуков. Получила экспериментальное подтверждение необоснованность деления гласных звуков на долгие и краткие. По мнению сторонников нового подхода, такое деление отражает лишь прошлое состояние персидского вокализма и семантически нерелевантно. Вместо этого утвердилось деление гласных на устойчивые и неустойчивые. Однако недавно снова появилось предложение делить персидские гласные на долгие и краткие (об этом см. ниже).

Вместе с тем остаются недостаточно изученными и противоречивыми качественные и количественные характеристики гласных, вызывает споры вопрос о правомерности выделения дифтонгов, их фонетическая природа и фонологический статус требуют всестороннего изучения. Нуждаются в уточнении состав согласных и их классификация. Отсутствуют исследования по слогу и слогоделению, синтагменному и фразовому ударению, мелодике речи, интонации различных видов простых и сложных предложений. Почти совсем не изучены фонетические процессы, проблемы морфонологии. Нельзя не согласиться с К.И.Поляковым, который отмечает, что «в целом персидская фонетика пока исследовалась преимущественно в плане описания единиц, притом, как правило, единиц сегментных, и крайне слабо в плане описания отношений и взаимодействий между этими единицами» [Поляков 1988, с. 5].

Автор «Грамматики» еще в 1951 г. совместно с Г.А.Восканяном опубликовал «Вводный курс современного персидского языка» [Восканян, Рубинчик 1951]. Это был первый учебник по фонетике персидского языка, где впервые в систематической форме излагались основные сведения о персидских звуках и интонации простого

предложения, характеризовались ударение, слог и слоговоеделение. И хотя изложение фонетического материала в этой работе было подчинено учебным целям, авторам пришлось уделить серьезное внимание разработке теоретических вопросов персидского вокализма и консонантизма, интонационной структуры вопросительного и вокативного предложений, проблемам комбинаторных изменений звуков в процессе речевой деятельности.

Характеристика фонетической системы персидского языка в этой работе описалась на данные грамматик и учебников, опубликованных ранее, и на личные наблюдения авторов. Позднее стали появляться экспериментально-фонетические исследования с использованием современной аппаратуры, которые позволили не только уточнить характеристику звукового состава языка, но и значительно расширить круг проблем, охватывающих специфические особенности внутреннего механизма звуковой персидской речи. Так, экспериментально-фонетические исследования посвящены характеристике звукового состава, см. [Гаприндашвили, Гиунашвили 1964; Завьялова 1961]; фонетической природе и акустической характеристике ударения [Мамедова 1972; Иванов 1976]; синтагме и некоторым видам интонации [Завьялова 1960, 1962; Арзумян 1965]; звуковым процессам и пограничным сигналам на стыках морфем [Поляков 1972].

Книга К.И.Полякова «Персидская фонетика. Опыт системного исследования» [Поляков 1988] явилась своего рода обобщающим трудом по фонетике современного персидского литературного языка, в котором не только отражены исследования других авторов, но и приведены результаты его собственных экспериментально-фонетических разысканий. Однако не все положения автора данной монографии могут быть безоговорочно приняты. Недостаточно четко и объективно раскрыто влияние арабской фонетической системы на персидскую: в частности, автором без достаточных оснований отрицается наличие в звуковом составе персидского языка смычно-взрывного согласного, напоминающего глухой гортанный приступ и обозначаемого обычно в транскрипции надстрочным апострофом ('), см. [Поляков 1988, с. 102]. Признавая возможность появления этого звука на фонетическом уровне и отрицая при этом его сигнификативную роль, К.И.Поляков ограничивается только теми арабскими словами, в которых есть буква ξ *euu*, хотя этот звук, как подтверждается приводимыми в упомянутой книге примерами, может возникать и в словах, включающих в свой состав знак «хамза». В книге содержатся спорные положения относительно качественной характеристики некоторых согласных, словесного ударения, недостаточно убедительно обосновывается отсутствие в персидском языке дифтонгов, не всегда правильно определяется просодическая структура слов (например, причастий прошедшего времени, образованных от сложных глаголов).

В нашей работе, посвященной систематическому описанию грамматического строя персидского языка, вопросы фонетики и фонологии в известной степени играют вспомогательную роль, содействуя более полному раскрытию структуры слова как лексико-грамматической единицы и грамматических форм при их парадигматическом и синтагматическом рассмотрении. Автор стремится показать, как путем использования фонологических средств достигаются морфологические изменения имен существительных и глаголов. Именно эти части речи в персидском языке содержат наибольшее количество словоформ, подверженных морфонологическим изменениям. Так, имена существительные одушевленные, оканчивающиеся

на неустойчивый гласный *-e*, при образовании форм мн. числа на $\bar{a}n$ получают эпентетический согласный *-g-*; глагольная отрицательная приставка $\bar{z} na-$ в положении перед другой глагольной приставкой — $\bar{m}i$ — меняет неустойчивый гласный *a* на *e*; весьма многообразны морфонологические изменения гласных и согласных в стихотворной речи.

2. Состав и характеристика вокализма

У иранистов вызывают разногласия классификация гласных, их состав и качество, вопрос о дифтонгах и их фонологической значимости.

Большинство специалистов считает, что персидский вокализм состоит из шести монофтонгов — \bar{a} , *u*, *i*, *a*, *e*, *o* и двух дифтонгов — *eu*, *ow*.

Прежде всего остановимся на качественной характеристике гласных, которая основывается на трех признаках: а) ряд (передний, средний, задний), б) степень подъема языка и в) участие губ. В персидском языке различается три ряда: передний (*i*, *e*), средний (*a*), задний (\bar{a} , *u*, *o*). При этом в пределах каждого ряда наблюдаются два подъема языка: верхний (*i*, *u*, *e*), в котором *i*, *u* — самые верхние по отношению к менее верхнему *e*; средний (*a*, \bar{a} , *o*). Участие / неучастие губ позволяет подразделить персидские гласные на лабиализованные (\bar{a} , *u*, *o*) и нелабиализованные (*i*, *e*, *a*)¹. Качественная характеристика персидских гласных может быть представлена в виде таблицы их артикуляторной классификации (табл. 1).

Таблица 1

Гласные персидского языка

Степень подъема языка	Ряд	Нелабиализованные		Лабиализованные	
		передний	средний	задний	
Верхний	2	<i>i</i>			<i>u</i>
	1	<i>e</i>			
Средний			<i>a</i>	\bar{a}	<i>o</i>

Деление гласных звуков по количественным признакам, традиционно проводившееся в грамматиках и учебниках персидского языка, как показали экспериментальные исследования, не имеет смысловозначительного значения, долгота гласных нефонологична². Это подтверждается тем, что в зависимости от фонетической по-

¹ Качественная характеристика персидских гласных, дававшаяся нами раньше [Рубинчик 1970, с. 794], уточнена в соответствии с последним экспериментальным исследованием К.И.Полякова [Поляков 1988].

² В персидской поэзии, где мелодичность стиха достигается чередованием долгих и кратких слогов, разграничение гласных по длительности имеет смысл. Деление гласных на долгие и краткие всегда сохраняло силу при их исторической характеристике, начиная с ранненовоперсидского и кончая классическим персидско-таджикским языком.

зиции, звукового окружения, темпа речи и ряда других факторов так называемые краткие гласные по долготе звучания могут оказаться равны долгим, а в некоторых случаях даже превзойти их. Краткие гласные уступают по длительности долгим гласным только в безударном слоге, а в ударном они могут звучать более длительно, чем соответствующие им долгие гласные. Таким образом, количественное различие проявляется в открытом безударном слоге: в этой позиции краткие гласные сильно сокращаются, долгие же гласные сохраняют свою длительность. Все отмеченное выше дает основание говорить не столько о долготе и краткости персидских гласных, сколько об их устойчивости и неустойчивости.

В.Б.Иванов, предложивший в своей докторской диссертации вернуться к качественной характеристике гласных, т.е. к делению их на долгие и краткие, как основе описания персидских гласных [Иванов 1996], тем не менее считает, что сформулированные раньше основные закономерности (в том числе и о целесообразности деления гласных на устойчивые и неустойчивые) полностью подтверждаются. Проверка положений работы «Новые сведения по фонетике иранских языков» [Соколова, Неменова и др. 1952], где было обосновано деление персидских гласных на устойчивые и неустойчивые, показала их правильность, несмотря на использование других информантов и другой аппаратуры, см. [Иванов 1996, с. 9].

«Долгота / краткость существует в иранских языках с древнего состояния. Устойчивость / неустойчивость не может быть обнаружена в мертвых языках, но ее существование... позволяет ее возвести по крайней мере к новоперсидскому периоду» [Иванов 1996, с. 10].

Выделение неустойчивости как особого свойства некоторых персидских гласных оказывается целесообразным и благодаря тому обстоятельству, что неустойчивые гласные в разговорной речи под влиянием окружающих звуков и в зависимости от позиции в слове могут качественно видоизменяться, выступая в *открытом* (*широком*) и *закрытом* (*узком*) вариантах. Нельзя не отметить также и тот факт, что в некоторых (иногда даже очень употребительных) словах наблюдается чередование неустойчивых гласных: کشیدن *kešidan*, *kašidan* 'тянуть', 'тащить', شکر *šakar*, *šekar* 'сахар-песок', نمونه *netune*, *namune*, *nomune* 'образец', 'пример'. Поскольку все фонетические варианты слова не могут быть одинаково употребительными, с орфоэпической точки зрения необходимо определять основные и второстепенные варианты произношения слова. Эти варианты слова должны фиксироваться нормативными словарями литературного языка.

Таким образом, главным в характеристике персидских гласных выступает не количественный, а качественный признак. Учитывая эту особенность вокализма, перейдем к рассмотрению характерных свойств устойчивых и неустойчивых гласных.

Звук \bar{a} — гласный заднего ряда, среднего подъема, слегка лабиализованный, устойчивый. При его артикуляции задняя часть спинки языка напряжена и приподнята. Персидский \bar{a} произносится всегда четко, звонко, напряженно; в любой фонетической позиции, даже в безударной, не подвергается редукции: آفتاب *āftāb* 'солнце', دانā *dānā* 'знающий', 'сведущий'.

Звук u — гласный заднего ряда, верхнего (2) подъема, лабиализованный, устойчивый. При артикуляции задняя часть спинки языка энергично отодвигается к мягкому нёбу, кончик языка отступает от нижних зубов. В неударном слоге этот

звук произносится с меньшим напряжением, но не подвергается редукции: *دوربین durbin* ‘бинокль’, *پوزش puzeš* ‘извинение’.

Звук *i* — гласный переднего ряда, верхнего (2) подъема, нелабиализованный, устойчивый. При его артикуляции кончик языка напряжен и упирается в нижние зубы: *دیوار divār* ‘стена’, *زیر zir* ‘нижний’. Незначительно изменяясь количественно, он не теряет своей качественной определенности. Согласные *t*, *d* и увулярные согласные *x*, *q* перед этим звуком никогда не смягчаются: *تیر tir* ‘стрела’, ‘выстрел’, *خیز xiz* ‘прыжок’.

Звук *a* — гласный среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный, неустойчивый. При артикуляции гласного *a* корпус языка отходит назад, кончик языка отступает от нижних зубов и доходит до альвеол нижних зубов; средняя часть спинки языка приподнята, губы растянуты. Этот звук подвержен количественной редукции: в неударном открытом слоге сильно сокращается (например, в слове *سفر safar* ‘путешествие’), а в закрытом слоге под ударением, особенно в позиции перед звонким согласным, звучит более длительно (например, в слове *زرنگ zerang* ‘шустрый’, ‘ловкий’). Будучи неустойчивым гласным, звук *a* подвергается и качественно-морфонологическим изменениям: в открытом ударном слоге в соседстве с узким гласным *i* он переходит в гласный *e* (вместо *نمی روم namiravam* ‘не пойду’ произносится *nemiravam*), а перед сонантом *y* по звучанию приближается к *e* (*نیاورید na(e)yāvarid* ‘не приносите’).

Звук *e* — гласный переднего ряда (значительно продвинутый назад), верхнего (1) подъема, нелабиализованный, неустойчивый: *اراده erāde* ‘воля’, *ستاره setāre* ‘звезда’. Как и все персидские неустойчивые гласные, звук *e* подвергается количественной редукции: в неударном открытом слоге, особенно в позиции перед глухими согласными, он сильно сокращается (*کتاب ketab* ‘книга’, *کلید kelid* ‘ключ’). Может подвергаться также качественным изменениям: перед гласным *i* или сонантом *y* возникает наиболее закрытый вариант, который звучит почти как *i* (*بیا beyā* → *biyā* ‘приходи’, *پیاده peyāde* → *piyāde* ‘пеший’, *به ایست beist* → *biist* ‘стой’). В середине слова, особенно после мягких согласных, звук *e* звучит более закрыто (*شکم šekam* ‘живот’). После твердых (особенно увулярных) согласных и гласных, а также в начале и исходе слов наблюдается открытый вариант: *رکاب rekāb* ‘стремя’, ‘педаль’, *قشر qešr* ‘слой’, *باعث bāes* ‘причина’, *انتخاب entexāb* ‘выбор’, *دانه dāne* ‘зерно’.

Звук *o* — гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, неустойчивый. При его произнесении губы напряжены и сильно выдвинуты вперед. Звук *o* подвергается количественной редукции: в неударном открытом слоге, особенно в окружении глухих согласных, значительно сокращается, а в закрытом ударном слоге звучит более длительно (*شتر šotor* ‘верблюд’, *درست dorost* ‘правильный’, ‘верный’). Этот звук претерпевает также и качественные изменения: он встречается в более закрытом и более открытом вариантах, но никогда не переходит в звук *a*, как в русском языке. Узкий вариант этого звука возникает перед губными согласными либо после них, где он по произношению приближается к звуку *u* (*امید omid* ‘надежда’, *دم dom* ‘хвост’).

Прежде чем дать общую характеристику персидских дифтонгов и определить их место в фонетической системе персидского языка, остановимся на звуковом составе каждого из двух дифтонгов.

Дифтонг *eu* — нисходящий, ложный. Состоит из двух звуков, произносимых в один слог. Дифтонг начинается с открытого гласного *e*, который, суживаясь, постепенно переходит в полугласный неслоговой *y*.

Дифтонг *ow* — нисходящий, ложный, состоящий из слогаобразующего гласного *o* и неслогового гласного *u*. Закрытый гласный *o*, лабиализуясь, переходит в звук *w*, отличающийся по тембру звучания и напряженности от персидского устойчивого *u*. Первый элемент дифтонга звучит более четко и напряженно, чем второй.

Персидские дифтонги обладают рядом особенностей и к этой разновидности гласных звуков могут быть отнесены лишь условно. Дело в том, что дифтонг — это сочетание двух гласных в пределах одного слога. Вторые элементы персидских дифтонгов фактически не являются гласными и выступают как ослабленные, ненапряженные аналоги устойчивых гласных *i* и *u*, вследствие чего их можно квалифицировать как полугласные. Кроме того, они четко переходят перед гласным в согласные *y* и *v*, причем в этом случае оба элемента дифтонга распределяются по разным слогам. Так, в слове *پی* *peu* ‘ступня’, ‘след’ дифтонг *eu* разлагается в составе изафетного словосочетания *پی پا* *pe-ye pā* ‘ступня ноги’, ‘след ноги’, и полугласный *y* объединяется в один слог с последующим *e* — изафетным показателем. Аналогичное явление можно наблюдать и с дифтонгом *ow*, второй элемент которого чаще всего превращается в согласный *v* или в сонант *y*: *جلو* *jelow* ‘перёд’, ‘напротив’ → *جلو پنجره* *jelo-ve panjare* или *جلوی پنجره* *jelo-ye panjare* ‘перед окном’³.

Отмеченные выше факты дают основание говорить о неполноценности персидских дифтонгов, о возможности прохождения слоговой границы внутри дифтонгов. Тем не менее их наличие в персидском языке является реальностью, которую, несмотря на всю специфику их существования, нельзя отрицать.

3. Состав и характеристика консонантизма

По вопросу о количественном составе персидских согласных мнения исследователей не совпадают: расхождения во взглядах касаются признания или непризнания существования гортанного смычного согласного арабского происхождения, обозначаемого в транскрипции апострофом (‘). Признающие наличие этого звука — их большинство — считают, что персидский консонантизм представлен 23 звуками, не признающие наличия — 22 звуками. Обоснование нашей точки зрения о наличии гортанной смычки (‘) дается ниже.

Персидские согласные классифицируются по трем признакам: 1) место образования (по артикулирующему органу); 2) способ образования преграды; 3) участи голосовых связей.

1) По месту образования персидские согласные подразделяются на губные, язычные, вулярные, фарингальные и гортанные.

³ В работах по фонетике персидского языка обычно указывается на разложение дифтонга *ow* и переход второго элемента в согласный *v*, а возможность его перехода в сонант *y* не отмечается, см., например, [Поляков 1977, 1988].

При образовании губных согласных губы либо смыкаются (например, *p, b*), либо нижняя губа приближается к верхним зубам (например, *f, v*). В связи с этим одни согласные называются губно-губными, другие — губно-зубными.

Язычные согласные в зависимости от того, какая часть спинки языка является активным органом, бывают переднеязычными (*t, d, č, j, n, s, z, š, ž, l, r*), среднеязычными (*k, g, y*, вариант звука *n*) и заднеязычными (варианты звуков *k, g, n*).

Увулярные согласные образуются путем смычки (*q*) или сближения мягкого нёба и увулы (*x*, вариант звука *q*) с задней спинкой языка.

К фарингальным относится один звук — *h*, который образуется путем сближения корня языка с нижней частью задней стенки зева.

Гортанный ' образуется смыканием и мгновенным размыканием голосовых связок.

2) По способу образования преграды персидские согласные делятся на смычные, щелевые и дрожащие.

Среди смычных выделяются чистые (*p, b, t, d, k, g, [k]⁴, [g], q, '*), аффрикаты (*č, j*) и носовые (*m, n*).

Щелевые согласные подразделяются на четыре типа: однофокусные, двухфокусные, срединные и боковые.

У однофокусных (*f, v, s, z, x, q, h*) образуется одна шумообразующая преграда, при артикуляции двухфокусных (*š, ž*) — две преграды.

Срединный щелевой согласный *y* образуется путем поднятия средней части спинки языка к твердому нёбу.

Боковой щелевой согласный *l* артикулируется путем смыкания кончика языка с альвеолами, вследствие чего воздушная струя проходит по бокам — между языком и щеками.

Дрожащие представлены в персидском языке согласным *r*, который образуется посредством вибрации загнутого кверху кончика языка, соприкасающегося с задней частью альвеол.

3) По участию голосовых связок и наличию голоса при артикуляции персидские смычные делятся на шумные (глухие — *p, t, k, q, ', č*; звонкие — *b, d, g, j*) и сонанты (*m, n*); щелевые — на шумные (глухие — *f, s, h, š, x*; звонкие — *v, z, ž*) и сонанты (*y, l*) (табл. 2).

Таблица отражает основные характеристики артикуляционных особенностей персидских согласных звуков, однако она не полностью учитывает их акустические свойства, явления придыхания и случаи возникновения комбинаторных вариантов. Поэтому кратко остановимся на этих дополнительных свойствах.

Звуки *p, b* — губно-губные смычные шумные: *p* — глухой, *b* — звонкий.

Звук *p* произносится с некоторым придыханием, возникающим в результате разрыва смычки под сильным напором воздушной струи. Придыхательные согласные произносятся с большим напряжением, чем другие согласные. Наиболее ощутимо эффект придыхания проявляется в позиции перед гласными и после них в начале и конце слова.

Звук *b* произносится без придыхания и в абсолютном исходе слов полностью не оглушается. В начале слова не наблюдается оглушение этого звука. Сильное

⁴ В квадратные скобки заключены варианты звуков, встречающихся в особых фонетических позициях.

Таблица 2

Согласные персидского языка

Способ образования		Место образования		губно-губные	губно-зубные	передне-язычные	средне-язычные
		чистые	аффрикаты				
Смычные	шумные	чистые		<i>p, b</i>		<i>t, d</i>	<i>k, g</i>
		аффрикаты				<i>č, j</i>	
	сонанты (носовые)			<i>m</i>		<i>n</i>	[<i>n</i>]
Щелевые	шумные	однофокусные			<i>f, v</i>	<i>s, z</i>	
		двухфокусные				<i>š, ž</i>	
	сонанты	срединные					<i>y</i>
Дрожание	сонанты	боковые				<i>l</i>	
						<i>r</i>	

Способ образования		Место образования		задне-язычные	увулярные	фарингальные	гортанные
		чистые	аффрикаты				
Смычные	шумные	чистые		[<i>k</i>], [<i>g</i>]	<i>q</i>		
		аффрикаты					
	сонанты (носовые)			[<i>n</i>]			
Щелевые	шумные	однофокусные			<i>x, [q]</i>	<i>h</i>	
		двухфокусные					
	сонанты	срединные					
Дрожание	сонанты	боковые					

оглушение звука *b* происходит в позиции после глухого согласного: قطب *qotb(p)* ‘полюс’, كسب *kasb(p)* ‘приобретение’, ‘получение’. Однако при прибавлении к слову изафетного показателя *-e* звонкость согласного *b* полностью восстанавливается: اسب احمد *asb-e Ahmad* ‘лошадь Ахмада’.

Звук *m* — губно-губной смычный носовой сонант. Независимо от своей позиции в слове и фонетического окружения согласный *m* не утрачивает звонкости.

Звуки *t*, *d* — переднеязычные смычные шумные согласные: первый — глухой, второй — звонкий. Оба звука образуются в результате сближения кончика языка и передней части спинки языка с передней частью верхних зубов.

Звук *t* произносится с придыханием. Наиболее ощутимо придыхание перед гласными и сонорными согласными, например: تاخت *tāxt* ‘набег’, ‘нападение’, متن *matn* ‘текст’, سطل *satl* ‘ведро’.

Согласный *d* произносится без придыхания и в исходе слова, особенно если перед ним находится глухой согласный, немного оглушается: رشد *rošd* ‘рост’, قصد *qasd* ‘цель’, ‘намерение’.

Согласные *t*, *d* перед гласными переднего ряда *i*, *e* и среднего ряда *a* никогда не палатализируются.

Звуки *č*, *j* — переднеязычные смычные шумные аффрикаты: *č* — глухая, *j* — звонкая. Обе аффрикаты имеют смычное начало и щелевой исход со вторым средним фокусом. При артикуляции аффрикат происходит незначительное понижение задней спинки языка, что ведет к некоторой палатализации этих согласных: چهل *čehel* ‘сорок’, جزا *jazā* ‘возмездие’. Аффрикаты *č*, *j* относятся к разряду мягких персидских согласных.

Глухая аффриката *č* произносится с незначительным придыханием.

Аффриката *j* по звонкости уступает другим звонким смычно-взрывным согласным. В абсолютном исходе слова она несколько приглушается, а в позиции перед глухим согласным уподобляется глухой аффрикате *č*: اجتناب *ejtenāb* → *ečtenāb* ‘уклонение’, اجسام *ajsām* → *ačsām* ‘телá’.

Звуки *k*, *g* — среднеязычные смычные шумные: первый — глухой, второй — звонкий. Артикулируются путем смыкания заднего края средней и переднего края задней части спинки языка с твердым нёбом.

Звук *k* произносится с придыханием, которое увеличивается в случаях, когда этот звук находится в конце слова. В абсолютном исходе слова этот согласный сильно палатализуется.

Звук *g* произносится без придыхания; как и глухой *k*, он в исходе слова палатализуется и, кроме того, незначительно оглушается.

Перед лабиализованными гласными заднего ряда *ā*, *o*, *u* возникают заднеязычные варианты согласных *k*, *g*, которые характеризуются твердым произношением: کار *kār* ‘работа’, گربه *gorbe* ‘кошка’.

Звук *n* — переднеязычный смычный носовой сонант. При его артикуляции кончик языка приподнят и прикасается к верхней части верхних зубов и к альвеолам. Перед губно-губным звуком *b* согласный *n* переходит в губно-губной носовой сонант *m*: شبه *šambe* ‘суббота’.

В некоторых позициях возникают средне- и заднеязычные варианты сонанта *n*.

Среднеязычный вариант согласного *n* возникает перед мягкими среднеязычными *k*, *g* (انكشاف *enkešāf* ‘открытие’, زنگ *zang* ‘звонк’) и перед мягкими передне-

язычными аффрикатами *č*, *j* (معدنجی *ma'danči* 'шахтер', گنج *ganj* 'сокровище'). Среднеязычный *n* артикулируется путем поднятия и затем смыкания средней части спинки языка с твердым нёбом, кончик языка отстает от верхних зубов.

Заднеязычный вариант звука *n* появляется перед твердыми заднеязычными *k*, *g* (انکار *enkār* 'отрицание', انگور *angur* 'виноград') и увулярным *q* (منقار *menqār* 'клюв'). Этот звук артикулируется путем смыкания задней части спинки языка с мягким нёбом. При этом следующий за ним увулярный глухой *q* незначительно озвончается.

Звук *q* — увулярный смычный шумный глухой. При его артикуляции задняя часть спинки языка и увула образуют смычку. Активным речевым органом при образовании этого согласного является увула.

В определенных позициях встречается звонкий щелевой вариант звука *q*, который совпадает с глухим согласным по месту образования, но отличается от него по способу образования. При артикуляции щелевого *q* между задней частью спинки языка и увулой образуется щель. По мнению К.И.Полякова, при проходе воздушной струи наблюдается вибрация мягкого нёба и увулы. Это дает основание для отнесения щелевого *q* к щелевым вибрантам, включаемым в класс дрожащих [Поляков 1977, 1988].

Для разграничения основного смычного *q* и его щелевого варианта необходимо знать позиции их возникновения.

Смычный глухой *q* встречается в следующих позициях:

- а) в начале слова: قد *qand* 'сахар', غار *qār* 'пещера';
- б) внутри слова в позиции перед глухим согласным: سقف *saqf* 'потолок', مقتول *maqtul* 'убитый', رقص *raqs* 'танец'; в этой позиции, особенно в разговорном языке, возможно уподобление глухого *q* глухому щелевому *x*: وقت *vaqt* → *vaxt* 'время';
- в) в исходе слова, особенно в позиции после глухого согласного: فسق *fesq* 'разврат', مشق *mašq* 'упражнение'. В этой позиции в арабизованном произношении возможно сохранение смычного глухого *q* и после гласных и звонких согласных.

Щелевой вариант согласного *q* встречается в следующих позициях:

- а) внутри слова между гласными: چاقو *čāqu* 'нож', رقم *raqam* 'цифра';
- б) внутри слова между гласным и звонким согласным или звонким согласным и гласным: اقدام *eqdām* 'мероприятие', مغز *maqz* 'мозг', ارقام *arqām* 'цифры';
- в) в абсолютном исходе слова: چاق *čāq* 'толстый', باغ *bāq* 'сад', چماق *čomāq* 'дубина', 'палка'.

Появление увулярного смычного глухого *q* в персидском языке связано с влиянием арабского языка, откуда этот звук был заимствован вместе с большим количеством слов арабского происхождения. На письме этот звук обозначается двумя буквами: ق *qāf* и غ *qeyn*, имеющими в арабском языке разное произношение: ср. قانون *qānun* 'закон' и غاصب *qāseb* 'захватчик'. В персидском языке обе буквы читаются одинаково, а различие в звучании обозначаемого ими звука зависит, как было отмечено выше, от позиции в слове и звукового окружения⁵.

⁵ В некоторых работах по персидскому языку неправомерно противопоставляются глухой смычный *q*, обозначаемый на письме якобы только буквой ق *qāf*, и звонкий щелевой звук, обозначаемый на письме якобы только буквой غ *qeyn*. В современном языке дари, восходящем, как и современный персидский язык, к языку классической литературы, такое противопоставление сохраняется, в персидском

Щелевой звонкий вариант согласного *q*, по нашему мнению, представляет собой отражение иранского увулярного звонкого согласного. Последний зафиксирован в небольшом количестве слов среднеперсидского языка, в который он был заимствован из северо-западных иранских языков, см. [Расторгуева, Молчанова 1981, с. 33].

Звук ' — гортанный смычный шумный глухой. При его артикуляции на пути воздушной струи образуется преграда в результате смыкания голосовых связок, которые, мгновенно размыкаясь, создают звук наподобие легкого взрыва. Этот звук встречается в персидском литературном языке исключительно в словах арабского происхождения в середине и абсолютном исходе: *معنى ta'ni* 'смысл', 'значение', *ربع rob'* 'четверть'.

Звук ' имеет весьма ограниченное употребление и возникает только в высоком стиле речи и в арабизованном произношении, для разговорно-просторечного стиля речи он совершенно нехарактерен.

Звук ' в персидском языке является рефлексом двух самостоятельных арабских согласных: гортанного смычного глухого и зевного смычного звонкого, выражаемых в арабском письме соответственно орфографическим знаком «хамза» и буквой *ع* *uyn*. Поскольку в персидском языке звучание этого согласного ближе всего к звучанию орфографического знака «хамза» в арабском языке, он может быть условно назван звуком «хамза».

Появление звука «хамза» в персидском языке зависит от позиции в слове и звукового окружения и тесно связано с его графическим отображением в арабском слове. В отдельных случаях возникновение его носит сугубо факультативный характер: он может совсем отсутствовать либо превращаться в прерыв голоса. В начале слова в персидском языке в отличие от арабского этот звук никогда не возникает.

Ограниченность случаев появления звука «хамза» и недостаточно четкое отображение его в графической системе персидского языка послужили поводом для исключения его из состава персидского консонантизма, см. [Поляков 1977, 1988]. Однако с этим нельзя согласиться: в отдельных словах пропуск его невозможен, так как он имеет смыслоразличительное значение. Ср. слова с этим звуком и без него: *جزء* *joz'* 'часть' и *جز* *joz* 'кроме', *سوء* *su'* 'зло' и *سو* *su* 'направление', *منع* *man'* 'запрет' и *من* *man* 'я', *بعد* *ba'd* 'потом', 'затем', 'после' и *بد* *bad* 'плохой', *طعنه* *ta'ne* 'упрек' и *تنه* *tane* 'тело', 'туловище'. Пропуск этого звука в этих и других подобных словах может привести к искажению смысла.

Звуки *f*, *v* — губно-зубные щелевые однофокусные шумные: первый — глухой, второй — звонкий. Образуются путем поднятия нижней губы к верхним зубам, в результате чего создается слабая смычка, сквозь которую свободно проходит воздушная струя.

Звонкий *v* подвергается незначительному оглушению в исходе слов, особенно в позиции после глухого согласного, но не переходит в соответствующий глухой: *نحو* *nahv* 'способ', 'манера', *صحو* *sahv* 'ясность', 'безоблачность'.

Звуки *s*, *z* — переднеязычные щелевые однофокусные шумные: *s* — глухой, *z* — звонкий. Образуются путем сближения передней части спинки языка с основанием верхних зубов и верхней частью альвеол.

Согласный *s* ни в каких фонетических позициях не озвончается. Согласный *z* перед глухим согласным внутри слова оглушается, приближаясь по своему звуча-

нию к глухому *s*: اضطراب *ezterāb* ‘волнение’, مضحك *mozhek* ‘смешной’. Происходит также небольшое оглушение звука *z* в абсолютном исходе слова, особенно если ему предшествует глухой согласный: لفظ *lafz* ‘слово’, محض *mahz* ‘чистый’.

Звуки *š*, *ž* — переднеязычные щелевые двухфокусные шумные: *š* — глухой, *ž* — звонкий. При артикуляции этих звуков образуются два фокуса: первый — в результате сближения загнутого вверх кончика языка с передней частью альвеол, второй — в результате поднятия средней части спинки языка к твердому нёбу. Таким образом создается мягкость этих согласных. Перед узкими гласными *i*, *e* они никогда не произносятся твердо: شیر *šir* ‘молоко’, ژنده *žende* ‘поношенный’, ‘изношенный’. Некоторая твердость появляется в позициях перед лабиализованными гласными *ā*, *o*, *u*: شاخه *šāxe* ‘ветвь’, شجاع *šojā* ‘храбрый’, ژولیده *žulide* ‘спутанный’.

Звук *x* — увулярный щелевой шумный глухой. При его артикуляции между задней частью спинки языка и увулой образуется щель, через которую энергично прорывается струя воздуха. К.И.Поляков относит согласный *x* к увулярным дрожащим (вибрантам), считая, что при его образовании наблюдается вибрация мягкого нёба и увулы [Поляков 1977, 1988]. Однако при такой характеристике этого звука должна появляться бóльшая хриплость, что, по нашему мнению, не свойственно персидскому *x*. В абсолютном исходе слова наблюдается некоторая приглушенность по сравнению с начальной и срединной позициями в слове, ср. خوب *xub* ‘хороший’ и سوراخ *surāx* ‘дыра’.

Звук *h* — нижнефарингальный щелевой однофокусный шумный глухой. Образуется путем сближения корня языка и надгортанника с задней стенкой фаринкса. Звук *h* возникает в результате трения воздушной струи о края щели и напоминает простой выдох с небольшим шумом: چاه *čāh* ‘колодец’, حالا *hālā* ‘сейчас’. В интервокальном положении и в положении между гласным и сонантом звук *h* получает озвончение: بهار *bahār* ‘весна’, چهره *čehre* ‘лицо’.

Звук *y* — среднеязычный щелевой срединный сонант. При его артикуляции средняя часть спинки языка поднимается к твердому нёбу, кончик языка соприкасается с нижней и средней частью коронок нижних зубов. Перед гласными сонант *y* произносится более напряженно и четко, чем после них.

Сонант *y* оказывает влияние на произношение гласного *e*, если после этого согласного следует другой гласный. В этой позиции *e* значительно суживается и произносится как гласный *i*: ریه *reye* → *riye* ‘легкие’, زیاد *zeyād* → *ziyād* ‘много’.

Звук *l* — переднеязычно-альвеолярный щелевой боковой сонант. При его артикуляции передняя часть спинки языка прижимается к альвеолам и основанию коронок верхних зубов, кончик языка приподнят. Воздушная струя проходит по краям языка.

Мягкость сонанта *l* создается поднятием спинки языка к твердому нёбу: لب *lab* ‘губа’, سال *sāl* ‘год’. В позиции перед заднерядными гласными *ā*, *o*, *u* наблюдается более твердый вариант этого звука. В конце слова после глухого согласного сонант *l* несколько оглушается: قفل *qofl* ‘замок’, فصل *fasl* ‘сезон’.

Звук *r* — переднеязычный дрожащий сонант. При его артикуляции кончик языка вибрирует и соприкасается с задней частью альвеол верхних зубов. По сравнению с носовыми сонантами *m*, *n* звук *r* обладает меньшей звонкостью. В исходе слова, особенно после глухих согласных, звук *r* незначительно оглушается: صفر *sefr* ‘ноль’, نشر *našr* ‘издание’.

Рассмотрение характеристик конкретных согласных звуков позволяет сделать общие выводы о свойствах персидского консонантизма.

1. Общая особенность персидских согласных — деление на *мягкие* и *твердые*; оно зависит от того, какое произношение (мягкое или твердое) является единственным или характеризует основной вариант звука. В персидском языке восемь мягких (*š, ž, č, j, k, g, l, y*) и пятнадцать твердых согласных (*p, b, t, d, q, ' , m, n, f, v, s, z, x, h, r*). При этом мягкость или твердость является только свойством конкретного звука и не имеет смысловозначительного значения. В отдельных позициях мягкие согласные звучат твердо (например, согласные *k, g* перед гласными заднего ряда *ā, o, u*), а твердые согласные незначительно смягчаются перед гласными переднего ряда — *i, e* и среднего ряда — *a*. Никогда не палатализируются переднеязычные *t, d* и все увулярные.

2. Персидские звонкие согласные характеризуются возможностью оглушаться. Причем оглушение зависит как от позиции в слове, так и от фонетического окружения. В исходе слов и морфем звонкий согласный незначительно оглушается, но не переходит в соответствующий глухой коррелят: عزیز *aziz* 'дорогой', رود *rud* 'река', سازمان *sāzmān* 'организация'. Степень оглушения согласного увеличивается, если ему предшествует глухой согласный (например, звук *d* в قصد *qasd* 'цель') или этот последний следует за ним (например, звук *z* в اضطراب *ezterāb* 'волнение').

3. Для смычных глухих согласных *p, t, k* характерно явление придыхания, которое более ощутимо перед гласными и сонорными согласными, а также в абсолютном исходе слов.

В заключение характеристики персидского консонантизма отметим некоторые явления, возникшие в персидской фонетической системе под влиянием арабского языка.

По звуковому составу персидский язык значительно отличается от арабского, поэтому арабские заимствования подверглись фонетической адаптации: звуки, чуждые персидской фонетической системе, были заменены на более или менее близкие звуки персидского языка⁶. Вместе с тем наличие огромного количества арабских заимствований не прошло бесследно для персидской фонетики: в новоперсидском языке появились звуки, не характерные для среднеперсидского языка, некоторые исконно персидские слова получили арабизованную форму. Арабская графика, используемая для персидского языка свыше тысячи лет и приспособленная для персидской фонетической системы, способствовала упрочению новых звуков, появившихся в персидском языке под влиянием арабского, и закреплению изменений в произношении некоторых исконно персидских слов на арабский лад.

Среди звуков, появившихся в новоперсидском языке под влиянием арабского, следует отметить гортанный смычный согласный ' , условно названный нами «хамза» и обозначаемый апострофом. Этот звук встречается только в арабских словах и, как было отмечено выше, имеет ограниченное употребление. В ряде случаев произношение звука «хамза» имеет фонологическое значение — без него произошло бы смешение слов, ср. سو *su* 'сторона' и سوء *su* 'зло', مدنی *madani* 'гражданский' и معدنی *ma'dani* 'минеральный'.

⁶ Анализ и общая характеристика звуковых изменений, которым подверглись заимствованные арабские слова, даются в статье «О характере фонетических изменений арабских заимствований в персидском языке» [Рубинчик 1965].

Есть основание считать, что персидский увулярный смычный глухой согласный *q* возник в новоперсидском языке под влиянием арабского глубокозадненёбного глухого смычного. Звук *q* встречается преимущественно в словах арабского происхождения и на письме обозначается двумя буквами — ق *qāf* и غ *qeyn*, имеющими в арабском языке разное произношение. В результате такие заимствованные слова, как غريب *qarib* ‘чужой’, ‘посторонний’ и قريب *qarib* ‘близкий’, ‘приблизительный’, غالب *qāleb* ‘побеждающий’, ‘преобладающий’ и قالب *qāleb* ‘форма’, ‘модель’, различающиеся в арабском языке первым согласным, в персидском языке выступают как омофоны.

Многие исконно иранские слова стали употребляться в арабизованной фонетической форме: پارسی *pārsi* → فارسی *fārsi* ‘персидский’, پولاد *pulād* → فولاد *fulād* ‘сталь’, لگام *legām* → لجام *lejām* ‘уздечка’ и т.д. Как правило, в персидских словах заменялись звуки, отсутствующие в арабском языке: *p* на *f*; *g* на *q* и *j*; *č* и *ž* на *j*.

4. Фонетические процессы и явления в потоке речи

Ни один звук как элементарное звено в речевом континууме не произносится изолированно, отдельно от других звуков и звуковых комплексов. Произнесение одного звука, взаимосвязанное с произнесением других, приводит их к различным количественным и качественным изменениям. В потоке речи возникает ситуация, когда произнесение одного звука еще не закончено, а уже начинается произнесение следующего. В результате этого происходит частичное наложение артикуляции одного звука на другой.

Выше было отмечено количественное и качественное изменение персидских звуков. Если обобщить характеристики гласных и согласных, то следует отметить, что количественные изменения свойственны главным образом персидским гласным, а качественные изменения — согласным. Эти изменения проявляются по-разному в зависимости от положения в слове и звукового окружения.

Наиболее сильно подвержены количественным изменениям неустойчивые гласные, особенно в позиции открытого предударного слога и в окружении глухих согласных (см. соответствующие характеристики неустойчивых гласных и примеры). Под воздействием звукового окружения возможны качественные изменения неустойчивых гласных, например переход неустойчивого *a* в составе отрицательной частицы в неустойчивый *e* (перед глагольной приставкой می *mi-*) и неустойчивого *e* в устойчивый *i* перед сочетанием сонанта *y* с гласным: نمی گوید *namigu-yad* → *netigu-yad* ‘не говорит’, پیاده *peyāde* → *piyāde* ‘пеший’.

Значительным качественным изменениям подвержены персидские согласные звуки. Эти изменения происходят как под воздействием гласных на согласные, так и под воздействием самих согласных друг на друга. Так, под влиянием гласных согласные звуки могут звучать твердо или мягко, выступать в задне- или среднеязычном варианте, озвончаться (например, щелевой согласный *h* в интервокальной позиции), увеличивать или уменьшать степень придыхания, а под влиянием соглас-

ных — частично или полностью оглушаться, переходить в другой звук. Ярким примером трансформации одного согласного в другой может служить переход сонанта *n* в сонант *m* в позиции перед губно-губным согласным *b*, например: پنبه *panbe* → *rambe* ‘хлопок’, انبار *anbār* → *ambār* ‘склад’, شنبه *šanbe* → *šambe* ‘суббота’.

Изменения гласных и согласных происходят не только в результате воздействия звука на звук, но и в зависимости от позиции, в которую попадает звук: начало, середина или конец слова, позиция под ударением или без него, нахождение в открытом или закрытом слоге и т.д.

Говоря о позиционных изменениях гласных, следует отметить, что устойчивые гласные *ā*, *i*, *u* могут в неударной позиции лишь незначительно изменяться по долготе звучания, но никогда не подвергаются качественной редукции. Неустойчивые гласные находятся в зависимости от ударения и от вхождения в открытый или закрытый слог. В закрытых ударных слогах они сохраняют свои свойства, а в открытом неударном слоге сокращаются и могут частично утрачивать качественные показатели.

Персидские согласные проявляют позиционную неустойчивость в конце слова: звонкие согласные в этой позиции оглушаются, удвоенные согласные произносятся как неударенные (об этом см. ниже).

Начальная позиция в слове благоприятна не для всех согласных звуков. Гортанный смычный (‘) никогда не произносится в начале слов, вместо него произносится последующий гласный: عرب *arab* ‘араб’, عمر *omr* ‘жизнь’, أخذ *axz* ‘взимание’, ‘получение’, إخراج *exrāj* ‘исключение’, ‘изгнание’⁷.

Начальная позиция оказывается неблагоприятной для стечения двух и более согласных, поэтому в словах иранского происхождения не наблюдается двухсогласное начало слов. В европейских заимствованиях, когда слово имеет в начале два согласных, перед ним употребляется *протематический* гласный *e* (например, استراتژی *estrāteži* ‘стратегия’, استاندارد *estāndār* ‘стандарт’) либо *эпентематический* *e* или *o* (например, پلاستیک *pelāstik* ‘пластический’, ‘пластмасса’, پروژه *porože* ‘проект’), а также *e* или *a* (فراک *ferāk* и *farāk* ‘фрак’, کلاسور *kelāsor* и *kalāsur* ‘папка для бумаг’, ‘кляссер’).

Особо следует остановиться на случаях удвоения согласных. На характер произнесения удвоенных согласных оказывает влияние позиция в слове, происхождение слова и его словообразовательная структура.

1. В словах арабского происхождения, выделяющихся среди других слов персидского языка своей структурой, удвоение встречается в середине и в конце слов, в чисто персидских простых непроектированных словах — в основном в срединной позиции.

1) В середине слов удвоенный согласный произносится длительно и напряженно: حمام *hammām* ‘баня’, سقا *saqqā* ‘водовоз’, ‘водонос’, جلاذ *jallād* ‘палач’. Удлинение удвоенного согласного становится особенно заметным в тех случаях, когда оно имеет фонематическое значение и помогает разграничивать слова-омографы: بنا *bannā* ‘каменщик’ и بنا *banā* ‘здание’.

⁷ Гортанный согласный ‘ является рефлексом двух арабских согласных, обозначаемых знаком ‘хамза’ и буквой ع *ʿun*, которые, как отмечалось выше, в арабском языке в начале слова имеют два разных звучания.

Количество слов иранского происхождения с удвоенными согласными в середине невелико, и они произносятся, как и слова арабского происхождения, с некоторым напряжением: *خرم* *xorram* ‘свежий’, *بچه* *bačče* ‘ребенок’.

2) В конце слов удвоенный согласный произносится как неудвоенный: *سد* *sad(d)* ‘плотина’, *دال* *dāl(l)* ‘доказывающий’. Но как только удвоенный согласный попадает в интервокальное положение, например при добавлении к таким словам изафетного показателя, второй согласный восстанавливается, ср. *رد* *rad(d)* ‘отклонение’, но *رد پیشنهاد* *radd-e pišnehād* ‘отклонение предложения’.

2. В словах иранского происхождения и гибридных словах — сложных и полупроизводных — произнесение удвоенных согласных имеет иной характер. Удвоение возникает в тех случаях, когда на стыках морфем появляются одинаковые согласные. Тогда каждый согласный произносится отдельно. Подобного рода слова построены по чисто персидским словообразовательным моделям, например, сложные и полупроизводные слова: *شب بوی* *šabbuy* ‘левкой’, *پاک کن* *pākkon* ‘резинка’, ‘ластик’, *ساززن* *sāzzan* ‘музыкант’.

3. В словах иранского происхождения и в иноязычных словах при присоединении к ним служебных морфем (например, универсального показателя мн. числа *ها* *-hā*, показателей степеней сравнения), начинающихся с той же согласной, на которую оканчивается слово, наблюдается раздельное произношение согласных: *روباه* *rubāhhā* ‘лисы’, *سلاح* *selāhhā* ‘оружие’, *سخت ترین* *saxttarin* ‘самый трудный’, ‘самый тяжелый’.

5. Фонологический подход к характеристике персидских звуков

При описании звукового состава языка необходимо четкое разграничение понятий «фонема», «вариант фонемы» и «звук». Именно фонологический подход к звукам и звуковым явлениям, позволяющий характеризовать их с точки зрения смысловоразличительной значимости и коммуникативных функций, дает возможность их разграничивать.

Характеризуя различные гласные и согласные звуки персидского языка, мы отмечали их комбинаторные и позиционные изменения в потоке речи. Так, было отмечено, что неустойчивые гласные *a*, *e*, *o* в открытом безударном слоге сильно сокращаются. В результате варианты неустойчивых гласных, возникающие в определенной позиции, выступают как звуки, не влияющие на смысловую сторону слов. Были отмечены также некоторые изменения, характерные для устойчивых гласных. Анализ изменений персидских гласных позволяет сделать вывод, что в данном случае появляются варианты фонем. Вариантность гласных фонем касается в основном их количественной стороны и в меньшей степени затрагивает их качественные свойства.

Сложнее обстоит дело с определением фонематической сущности персидских дифтонгов. Известно, что фонема представляет собой не только минимальную, но и неделимую единицу звуковой системы языка. Дифтонг только в том случае может

рассматриваться как единая фонема, если оба составляющих его звука входят в один слог, равны по длительности звучания фонеме-монофтонгу, имеют единую артикуляцию и т.д., см. [Трубецкой 1960, с. 62–73]. Персидские дифтонги *eu*, *ow* часто не сохраняют неразложимость при прибавлении к ним гласного: второй элемент дифтонга объединяется с последующим гласным и входит в другой слог. Позиция, в которой происходит разложение дифтонга, строго обозначена: это исход слова или морфемы. В такой позиции ко второму элементу дифтонга чаще всего прибавляется изафетный показатель *-e*, а также суффикс мн. числа *آن -ān*, словообразовательные суффиксы или основы, начинающиеся с гласного звука.

Дифтонг *eu* чаще всего распадается в составе изафетных словосочетаний. Так, в слове *نی ney* ‘тростник’, ‘флейта’ в случае присоединения изафета сонант *y* отходит к следующему слогу: *نی قلم ne-ye qalam* ‘тростниковое перо’.

Дифтонг *ow* также проявляет неустойчивость: второй элемент, объединяясь с последующим гласным и переходя в последующий слог, превращается либо в губно-зубной *v*, либо в сонант *y*. При этом процесс распада дифтонга наблюдается не только в изафетных конструкциях, но и при образовании формы множественного числа с суффиксом *آن -ān* и создании слов с помощью словообразовательных суффиксов: *دو dow* ‘бег’ — *دو ماراتن do-ve mārāton* ‘марафонский бег’, *جلو jelow* ‘перёд’, ‘впереди’ — *جلوی من jelo-ye man* ‘впереди меня’, *پیرو peyrow* ‘последователь’, ‘сторонник’ — *پیروان peyrovān* ‘последователи’, ‘сторонники’.

Анализ персидских дифтонгов свидетельствует об их двухфонемности, что необходимо учитывать при их фонологической характеристике.

Система персидских согласных обладает гораздо бóльшим количеством вариантов форм, оценка сущности которых со стороны иранистов не всегда однозначна. Отличие фонематических вариантов (аллофонов) от основных вариантов нередко заключает в себе значительные качественные различительные свойства.

Прежде всего остановимся на увулярном смычном *q*, являющемся основным вариантом фонемы. Значительно отличается от него фонематический вариант, являющийся звонким щелевым согласным. Возникает вопрос: не являются ли эти звуки самостоятельными фонемами. Сомнение в возможности интеграции этих звуков в одну фонему может усилиться в связи с тем, что на письме фонема *q* обозначается двумя графемами, выражающими в арабском языке разные фонемы. Однако анализ большого количества слов показывает, что различие в произношении звуков зависит от их позиции в слове, о чем было сказано выше. При этом в тех позициях, где обычно возникает щелевой вариант, при арабизованном произношении возможно употребление смычного варианта. Таким образом, различие в произношении фонемы *q* не имеет смысловозначительного значения. В начальной позиции, при нейтрализации всех фонетических условий, в изолированной позиции фонема всегда звучит как смычный глухой согласный, что дает право считать его основным вариантом фонемы *q*.

Вопрос о правомочности рассмотрения гортанного смычного, встречающегося исключительно в словах арабского происхождения, как самостоятельной фонемы, хотя и получает неоднозначную трактовку у разных иранистов, нами решается в пользу наличия этой фонемы в составе персидского консонантизма. Причина этого не только в том, что существует реальное произношение этого звука, но и в фонологическом подходе к анализу слов, в которых он встречается. Истинность

последнего фактора состоит в том, что в персидском языке существует противопоставление данной фонемы нулю фонемы. Например, если сопоставить такие слова, как معدنی *ma'dani* 'минеральный' и مدنی *madani* 'цивилизованный', 'культурный', جزء *joz* 'часть' и جز *joz* 'кроме', то только благодаря наличию фонемы ' в одних словах и ее отсутствию в других становится возможным смысловое разграничение этих слов.

Своеобразие употребления фонемы ' состоит в том, что в потоке речи она может исчезать, и ее альтернантом в этих позициях служит прерыв голоса. В арабизованном произношении эта фонема всегда присутствует⁸.

Выделение фонемы как минимальной неделимой единицы звуковой системы связано с разграничением ее основного варианта и одного или нескольких фонематических вариантов. В персидском языке фонема либо не имеет вариантов, либо представлена основным и второстепенным фонематическим вариантом, либо основным и двумя фонематическими вариантами. Выше были рассмотрены смычный и щелевой варианты фонемы *q*, различающиеся способом образования, но, как было показано, представляющие одну фонему.

Примером двухвариантной фонемы могут служить смычные согласные *k* и *g*: первый — глухой, второй — звонкий. Обе фонемы имеют среднеязычный и заднеязычный варианты. Заднеязычные варианты возникают только в определенной позиции — перед гласными заднего ряда *ā*, *o*, *u*. Разграничение среднеязычных и заднеязычных вариантов фонем *k* и *g* не имеет фонематического значения и необходимо для соблюдения орфоэпической нормы.

Переднеязычно-зубной сонант *n* обладает двумя вариантами: средне- и заднеязычным. Каждый вариант фонемы обусловлен последующим согласным. Среднеязычный *n* возникает перед мягкими среднеязычными *k* и *g* (پنکه *panke* 'электроventильатор') и перед мягкими переднеязычными аффрикатами *č*, *j* (آنچه *ānče* 'то, что', پنج *panj* 'пять'). Заднеязычный вариант появляется перед заднеязычными *k*, *g* (انکار *enkār* 'отрицание', انگار *angār* 'как будто') и увулярным *q* (انقلاب *enqelāb* 'революция'). Фонологический подход к анализу согласного *n* позволяет определить заднеязычный вариант фонемы как основной, ибо он появляется в позиции, наиболее независимой от воздействия фонетических факторов.

Характеризуя систему персидских фонем в целом, следует остановиться на характере свойственных им оппозиций. Обычно выделяются два типа оппозиций: 1) многомерная (некоррелятивная) оппозиция, когда любые две фонемы противопоставлены друг другу не по одному, а по нескольким признакам, например, персидские согласные *m* и *r*, *s* и *q*; 2) одномерная (коррелятивная) оппозиция, когда две фонемы различаются только по одному признаку, например по глухости и звонкости: *t-d*, *p-b*, *f-v*, *s-z*, *š-ž*.

Для персидской системы фонем нехарактерно ослабление звонких согласных до полного перехода их в глухие корреляты, т.е. нельзя говорить о сильных и слабых позициях этих фонем. Тем не менее частичное оглушение звонких согласных наблюдается в исходе морфем и слов (см. приведенные выше примеры). Частичная

⁸ Трудности в определении статуса фонемы ' усугубляются тем, что, будучи рефлексом двух разных арабских звуков, обозначаемых орфографическим знаком * «хамза» и буквой ع *u*, в персидском произношении она не сохранила закономерностей функционирования ни того ни другого звука. Например, в начальной позиции слова, как отмечалось выше, эта фонема всегда отсутствует.

утрата звонкости не влияет на фонологическую значимость звонкой фонемы. Вместе с тем необходимо отметить, что наибольшее оглушение наблюдается после глухих согласных, особенно в исходе слов. В этой позиции может происходить полный переход звонкой согласной в ее глухой коррелят: *اسب اسب asb* → *اسب اسپ asp* 'лошадь'.

6. Слог и слоговоеделение

Определение слога, его границ и структуры, типов существующих в персидском языке слогов имеет непосредственное отношение к определению структуры морфем и слов. Общие принципы, выработанные фонетистами и опирающиеся на артикуляционные и акустические критерии при выделении различных типов слогов, применимы и по отношению к персидскому языку. Некоторые трудности и разногласия может вызвать лишь определение слогов в арабских заимствованиях. Это соображение высказывается нами в связи с тем, что нет единогласия в оценке наличия / отсутствия глухого согласного ' в определении позиций его возникновения, а также в признании того, что допустимо сочетание подряд двух гласных (согласный ' не произносится).

Слог представляет собой фонетическую единицу членения речи. Это отрезок речи, состоящий из группы взаимосвязанных звуков или одного звука, произносимый за одну минимальную порцию воздушного потока и имеющий вершину звучности. Один из составляющих элементов слога — гласный и, значительно реже, сонант — выступает в качестве центрального, слогаобразующего звука, наделенного большей звучностью по отношению к другому или другим звукам. Так обстоит дело в русском языке, где гласный и сонант могут выступать слоговыми звуками. В персидском языке слогаобразующим элементом может быть только гласный, а сонанты слога не образуют.

Слогаобразующий гласный — всегда один, а периферийных элементов — согласных звуков — бывает один или несколько. В зависимости от характера сочетания маргинальных элементов, их числа и места по отношению к главному элементу структура персидского слога имеет несколько типов.

Прежде чем устанавливать типы слогов персидского языка, необходимо рассмотреть возможности сочетания гласных и согласных между собой в составе слога.

1. В персидском языке невозможно стечение двух и более согласных в начале слога и слова. Об этом свидетельствует и тот факт, что в заимствованных словах с двухсогласным началом возникает явление протезы (استاندار *estāndār* 'стандарт', استکان *estekān* 'стакан') или эпентезы (پروژه *porože* 'проект', پلاژ *pelāž* 'пляж'). В результате появления добавочных гласных консонанс заимствованных слов устраняется, и согласные входят в разные слоги.

2. Невозможно также стечение двух гласных в пределах одного слога. Например, в арабском по происхождению слове مطالعه *motālee* 'изучение' два последних гласных *e* образуют два слога: *le* и *e*.

3. Персидские дифтонги *eu*, *ow*, у которых второй элемент является полугласным неслоговым, встречаются перед согласными (в начале и середине слова). В абсолютном исходе слова при соединении с последующим гласным, как было показано выше, дифтонги распадаются, и их вторые элементы соединяются с гласным, образуя самостоятельный слог. Однако в других позициях, когда единство дифтонгов сохраняется, они способны образовывать слог в сочетании с согласными либо изолированно.

Таким образом, персидский слог может начинаться либо с одного согласного, либо с одного гласного, причем любой персидский гласный может образовывать отдельный слог. Согласные звуки группируются в составе слога перед и после гласного. Расположение согласных неодинаково: перед гласным может находиться один согласный, а после гласного — не более двух.

Отмеченные выше возможности сочетания гласных и согласных звуков и вытекающие из этого ограничения позволяют выделить шесть типов персидских слогов: V (آقا *āqā* — сокр. от آقا *āqā* 'господин'), VC⁹ (آب *āb* 'вода'), VCC (است *ast* 'есть'), CV (?كو *ku?* 'где?'), CVC (مار *mār* 'змея') и CVCC (پوست *pust* 'кожа'). Приведенные выше в круглых скобках примеры представляют собой не только отдельные слоги, но и самостоятельные односложные слова. К этому следует добавить, что все названные структуры персидских слов могут выступать как части производных и сложных слов.

С точки зрения длительности произнесения персидские слоги делятся на три вида: краткие, состоящие из согласного и краткого гласного; долгие, состоящие из одного долгого гласного, или из согласного и долгого гласного, или из согласного, краткого гласного и согласного; сверхдолгие, состоящие из согласного (факультативно), долгого гласного и согласного или из согласного (факультативно), гласного (долгого или краткого) и двух согласных¹⁰.

Зная структурные типы персидских слогов, можно подсчитать и изучить их различные сочетания в составе многосложных слов. Это даст возможность установить наиболее типичные по слоговой структуре персидские слова, выяснить особенности слогаделения, среднюю длину слова в персидском языке и решить многие другие вопросы, связанные с морфологической структурой слова.

Прежде всего следует выделить слова, состоящие из одного слога: количество их разновидностей соответствует количеству типов слогов, т.е. их также насчитывается шесть.

Наименьшее распространение получили односложные слова типа V, состоящие из одного гласного, например او *u* 'он'. Другие типы односложных слов получили значительное распространение в персидском языке.

Особое положение занимают структурные типы слогов в связи с возможностью присоединения изафетного показателя. Дело в том, что структура слога может изменяться в случае прибавления гласного звука. Так, односложные слова, представляющие собой слоговые структуры VC, VCC, CVC и CVCC, в составе изафетной

⁹ V — гласный звук (от лат. *vocalis* 'гласный звук'), C (произносится как *и*) — согласный звук (от лат. *consonantis* 'согласный звук').

¹⁰ Термины «краткий» и «долгий» гласный соответствуют употребленным выше «неустойчивый» и «устойчивый» гласный. Деление слогов по долготе используется в персидской поэзии для создания особой структуры и ритма стиха.

конструкции превращаются в двусложные: آب *āb* ‘вода’ — گرم آب *ā-b-e garm* ‘горячая вода’, مرد *mard* ‘мужчина’ — مرد قشنگ *mar-d-e qašang* ‘красивый мужчина’ и т.д.¹¹ Однако не все слоги подвергаются модификации. Слог типа CV часто сохраняет свою структуру и при добавлении изафетного показателя: جا *jā* ‘место’ — جای خالی *jā-ye xālī* ‘свободное место’.

Двусложные и многосложные слова представляют собой различные комбинации из отмеченных выше шести типов слоговых структур. Так, в двусложных словах допустимы самые разнообразные сочетания слогов: CV–CV (سوزا *su-zā* ‘горючее’), V–CV (آقا *ā-qā* ‘господин’), CV–CVC (مادر *mā-dar* ‘мать’), CVCC–CVC (سست ریش *sost-riš* ‘наивный’), CVC–CV (فارسی *fār-si* ‘персидский’), CVC–CVC (گفتن *gof-tan* ‘говорить’) и т.д.

Если в двусложных словах теоретически допустимо сочетание слогов различной структуры, то практически наблюдается ограничение в их сочетаемости, т.е. далеко не все комбинации слогов участвуют в образовании реальных слов. Для установления наиболее типичных комбинаций слоговых структур необходимы их анализ и подсчеты. Но факты ограничения сочетаний подряд двух гласных и согласных, а тем более — трех согласных, характерные для персидской фонетической системы, очевидны.

Выше была отмечена невозможность сочетания двух согласных в начале слов. В заимствованных словах в большинстве случаев возникает протетический или эпентетический гласный. Таким образом, модели слов типа CCV+CVC, CCVC+CVC и т.д. из возможных построений двусложных слов должны быть исключены.

Особо следует выделить случаи сочетания гласных при объединении слогов в словообразовательных и словоизменительных процессах. Например, в случае стечения двух гласных при образовании форм множественного числа с помощью суффикса ان *-ān* появляются вставки в виде согласных *y* и *g*: آشنا *āšnā* ‘знакомый’ → آشنایان *āšnāyān* ‘знакомые’, نویسنده *nevisande* ‘писатель’ → نویسندگان *nevisandegān* ‘писатели’, بیگانه *bigāne* ‘иностранец’ → بیگانگان *bigānegān* ‘иностранцы’. Разные виды эпентез — *y*, *g* — связаны с окончаниями слов на устойчивый *ā* и неустойчивый *e*, после каждого из них возникает своя определенная эпентеза.

Аналогичную картину можно наблюдать в словообразовательных и словоизменительных процессах при образовании причастий настоящего времени на ان *-ān*, ان *-ān* и نده *-ande*, при присоединении к слову словообразовательных суффиксов ی *-i* (صدری *yā-ye masdari* и نسبت *yā-ye nesbat*), ش *-eš* и др.: پویا *puyā*, پویان *puyān*, پویانده *puyānde* ‘ищущий’ (от ОНВ پو *pu* гл. پویدن *puyidan* ‘искать’, ‘разыскивать’), گویا *guyā*, گویان *guyān* ‘говорящий’, گویانده *guyānde* ‘рассказчик’, ‘диктор’, گویش *guyēš* ‘говор’, ‘наречие’, ‘диалект’ (от ОНВ گو *gu* гл. گفتن *goftan*), خانگی *xānegi* ‘домашний’ (от خانه *xāne* ‘дом’), رانندگی *rānandegi* ‘вождение’ (автомобиля, от راننده *rānande* ‘водитель’). В приведенных примерах при прибавлении словообразовательных морфем-слогов были использованы эпентетические вставки *y* и *g*.

¹¹ Способность изафетного показателя образовывать с конечным согласным слова один слог может служить основанием для рассмотрения этого показателя как части слова. Однако, по мнению иранистов, изафетный показатель не является частью слова.

Вместе с тем допустимы стечения двух гласных на стыках слогов без появления эпентетических согласных. Отметим следующие случаи отсутствия эпентез при стечении гласных:

1) сочетание глагольной приставки می *mi-* с корнем или основой, начинающимися с гласной: می آورم *mi+āvaram* ‘я приношу’, آمد می *mi+āmad* ‘он приходил’;

2) сочетание словообразовательного префикса بی *bi-* с последующей основой: بی اسم *bi+esm* ‘безымянный’, بی ارزش *bi+arzeš* ‘неценный’, بی آب *bi+āb* ‘безводный’;

3) сочетание двух гласных на стыках слогов в словах арабского происхождения: ساعت *sāat* ‘час’, رئیس *rais* ‘глава’, ‘начальник’, معا *meā* ‘кишка’, مال *maāl* ‘конец’, ‘конечная цель’ и др.

К сожалению, слоговая структура заимствованных арабских слов до сих пор остается недостаточно изученной, хотя количество таких слов в персидском языке, как известно, чрезвычайно велико. Возникают вопросы: в каких случаях в арабских словах между гласными могут возникать консонантные вставки, как проходит граница при наличии или отсутствии смычного согласного ‘, выражаемого на письме буквой ع *eyn* и орфографическим знаком * «хамза».

Решение вопросов, связанных с возникновением консонантных вставок в словах арабского происхождения, приходится сопоставлять с появлением согласных вставок между гласными в чисто персидских словах.

В персидских словах, за исключением отмеченных выше случаев, при сочетании гласных звуков между ними возникают консонантные вставки. Так, при добавлении к слову, оканчивающемуся на устойчивые гласные *ā*, *u*, ударного *-i*, представляющего словообразовательный суффикс ی مصدری *yā-ye masdari* и یای نسبت *yā-ye nesbat*), между гласными появляется полугласная вставка *y*: آشنا *āšnā* ‘знакомый’ — آشنايي *āšnāyi* ‘знакомство’, دارو *dāru* ‘лекарство’ — دارویی *dāruyi* ‘лекарственный’.

В случае прибавления этих словообразовательных суффиксов к словам арабского происхождения эпентетический *y* может не появляться: املا *emlā* ‘орфография’ — املائي *emlāi* ‘орфографический’, قضا *qazā* ‘приговор’, ‘случай’, ‘судьба’, ‘рок’ — قضائي *qazāi* ‘судебный’, ‘роковой’, ‘фатальный’, وداع *vedā* ‘прощание’ — وداعي *vedāi* ‘прощальный’. Отсутствие консонантной вставки в арабских словах объясняется, видимо, тем, что в арабском языке эти слова оканчиваются не на гласные звуки, а на согласные, графически обозначаемые буквой ع *eyn* и знаком * «хамза».

В персидском языке в этой позиции такого рода слова не имеют согласного звука: на месте этого звука при соединении со словообразовательным суффиксом ی *-i* может возникать слогораздел. При этом если слово в конце имеет знак * «хамзу», то последний может заменяться на букву ی *yā*, и тогда в арабских словах может появляться консонантная вставка *y*: املايي *emlāyi* ‘орфографический’ (قواعد املايي *qavāed-e emlāyi* ‘орфографические правила’), قضائي *qazāyi* ‘судебный’, ‘роковой’ (اشتباه قضائي *eštebāh-e qazāyi* ‘судебная ошибка’). Такое произношение арабских слов допустимо, но не всегда признается орфоэпически правильным.

Таковы некоторые особенности сочетания гласных в персидском языке, когда между ними проходит слогораздел. В персидских многосложных словах возникают

слоговые структуры, при анализе которых необходимо учитывать отмеченные выше особенности.

Как показало специальное исследование частоты употребления различных типов слогов на основании подсчетов по словарю [ПРС 1985] и специально подобранным текстам, основную массу слогов персидского языка составляют слоги типа CV и CVC, см. [Поляков 1988, с. 154]. Персидский язык характеризуется тенденцией к образованию закрытых слогов внутри слов. Но необходимо также учитывать, что в потоке речи конечные закрытые слоги, попадая в изафетные словосочетания или сочетаясь с энклитическим сочинительным союзом *و* -*o*, обычно открываются. Например, *پرچم سه رنگ* *parčam* 'знамя' в изафетном словосочетании *پرچم سه رنگ* *par-čā-m-e serang* 'трехцветное знамя', 'триколор' последний слог слова *پرچم* *parčam* становится открытым. Это позволяет сделать вывод, что закрытые конечные слоги характерны для лексем, взятых изолированно, а фонетические слоги речевых единиц чаще бывают открытыми.

Слогораздел в словах персидского языка может проходить между следующими звуками:

- 1) после гласного перед согласным: *بودار* *bu-dār* 'ароматный' (CV-CVC);
- 2) после согласного перед согласным: *خدمت* *xed-mat* 'служба', 'работа' (CVC-CVC);
- 3) после двух согласных перед согласным: *سردخانه* *sard-xāne* 'холодильник' (CVCC-CVCC);
- 4) после согласного перед гласным: *پرآب* *por-āb* 'полноводный' (CVC-VC);
- 5) после гласного перед гласным: *ساعت* *sā-at* 'час' (CV-VC), *با اساس* *bā-asās* 'основательный' (CV-VCVC), *بی آرام* *bi-ārām* 'непокойный' (CV-VCVC).

Из приведенных примеров видно, что чаще всего граница между слогами проходит среди согласных, но слогораздел возможен и перед гласным, и между гласными; причем в словах иранского происхождения слогораздел в интервокальном положении допустим в случае совпадения его с морфемными границами слова (см. приведенные выше примеры на словоизменительные и словообразовательные префиксы). В словах арабского происхождения интервокальный слогораздел возможен независимо от морфемных границ слова: *سؤال* *so-āl* 'вопрос', *رئيس* *ra-is* 'начальник'. Однако этот факт в некоторых работах игнорируется. Например, К.И.Поляков считает, что слогораздел в интервокальном положении невозможен, поскольку «слогораздел проходит не перед гласным звуком, а перед гортанной смычкой, „приступом“, с которого начинается гласный второго слога» [Поляков 1977, с. 152].

Выше были рассмотрены случаи, когда в словах арабского происхождения может возникать гортанный смычный согласный. В позиции между гласными звук «хамза» не возникает, а знак *ء* «хамза» и буква *ع* *ʿun*, выражающие на письме этот звук, обозначают только слоговую границу. К.И.Поляков вообще не признает этого звука в составе персидского консонантизма [Поляков 1988, с. 103]. Тем более нет оснований говорить о его возникновении в интервокальной позиции.

В персидском языке слоговые границы могут не совпадать со словесными и морфемными границами. Так, одноморфемное слово (обычно заимствованное) и двухморфемное слово могут иметь одинаковую слоговую структуру. Одноморфемное арабское слово *صراحت* *sarāhat* 'искренность', 'ясность' имеет следующую слоговую структуру: *sa-rā-hat* (CV-CV-CVC). Аналогичную слоговую структуру

может иметь двухморфемное персидское слово *باخبر* *bāxabar* 'осведомленный': ср. морфемная структура — *bā+xabar*, слоговая структура — *bā-xa-bar* (CV–CV–CVC).

Слоговые и морфемные границы могут не совпадать в глагольных формах: *می رود* *miravad* 'он идет'. ср. слоговое деление — *mi-ra-vađ* и морфологическое деление — *mi-rav-ad*.

В изафетных словосочетаниях фонетический слог первого компонента (в трехчленных словосочетаниях — первого и второго компонентов, в четырехчленных — первого, второго и третьего компонентов) выходит за пределы границ слова, в связи с чем слоговые границы не совпадают со словесными. Например, каждая лексема из трех — *کتاب* *ketāb* 'книга', *خواهر* *xāhar* 'сестра', *من* *man* 'я' — имеет следующую слоговую структуру: *ke-tāb* (CV–CVC), *xā-har* (CV–CVC), *man* (CVC). Объединяясь в изафетную конструкцию, эти лексемы образуют иную слоговую структуру: *من خواهر کتاب* *ketāb-e xāhar-e man* 'книга моей сестры' — *ke-tā-be* (CV–CV–CV), *xā-ha-re* (CV–CV–CV), *man* (CVC). Законы слогаделения в персидском языке относятся главным образом к синтагме, выходя за пределы морфемы и слова, хотя могут осуществляться и в пределах последних.

Несовпадение границ слога и слова можно наблюдать, когда в именном предложении происходит слияние именной части сказуемого с краткой формой глагола-связки. Особенно это ощутимо при выпадении гласного *a* глагола-связки в 3-м лице ед. числа: в этом случае происходит изменение слоговой структуры последних двух слов предложения, что затрудняет установление формальной границы между этими словами: *او دانشجو است* *U dānešju ast* 'Он — студент'; в устной форме предложение может приобретать сокращенную форму: *او دانشجوست* *U dānešju-st* — V | CV–CVC–CV | (V)CC → V | CV–CVC–CVCC. Ср. также предложение *دانشیارمان آدم داناست* *Dānešyār-emān ādam-e dānā-st* 'Наш преподаватель — знающий человек'.

7. Словесное ударение

Исследования фонетистов свидетельствуют о том, что большинство языков имеет смешанные типы ударений, когда выделение слога достигается разными фонетическими средствами: усилением интенсивности, изменением тона голоса, увеличением длительности одного из слогов.

О персидском словесном ударении высказывались разные мнения, поскольку не было экспериментальных данных. Одни иранисты считали персидское ударение динамическим, силовым или экспираторным, другие — двухкомпонентным, включающим интенсивность звука (основной компонент) и изменение тона, третьи — тоническим с интенсивностью в качестве компонента, имеющего второстепенное значение.

Проведенные экспериментальные исследования персидского ударения (см. [Иванов 1976]) показали, что в его создании играет роль не только *интенсивность*, но также *тон* и *длительность*. Правомерность такого подхода обосновывается рас-

смотрением акцентной структуры слова в потоке речи. И все же В.Б.Иванов приходит к выводу, что «большая длительность и интенсивность нерегулярно маркируют ударный слог, даже если сравниваются слоги с одинаковым гласным. Напротив, частота основного тона (ЧОТ) всегда выше в ударном слоге, чем в безударном... Таким образом, важность частотного фактора и малосущественность всех других рассмотренных факторов для маркирования ударного слога дают нам все основания для определения персидского словесного ударения как тонического» [Иванов 1976, с. 21–22].

Персидский язык характеризуется связанным, фиксированным ударением. За сравнительно небольшим исключением, в отдельно взятых номинативных единицах ударение падает на последний слог слова. Особого внимания заслуживают положительные и отрицательные формы глагола, в которых ударение может падать на разные структурно-слоговые элементы глагольной словоформы.

Фиксированность ударения в персидском языке хорошо наблюдать на двух- и трехсложных словах: دختر *doxtár* ‘девушка’, دروازه *darvāzé* ‘ворота’, پروانه *parvāné* ‘бабочка’, کارمند *kārmánd* ‘сотрудник’, سفید *sefid* ‘белый’, سیاه *siyāh* ‘черный’, پیروزمند *piruzmánd* ‘победоносный’, نیرومند *nirumánd* ‘сильный’, گفتن *goftán* ‘говорить’, آمدن *āmadán* ‘приходить’, نوزده *nuzdáh* ‘девятнадцать’, چهارده *čahārdáh* ‘четырнадцать’, شما *šomā* ‘вы’, آنها *ānhā* ‘они’.

Перенос фиксированного ударения на последний слог слова наблюдается в различного вида префиксальных и суффиксальных образованиях, что свидетельствует о них как о цельных лексических единицах¹²: باخبر *bāxabár* ‘осведомленный’, بافهم *bāfāhm* ‘умный’, ‘понятливый’, بی اسم *biésm* ‘безымянный’, ‘анонимный’, بی اساس *biasās* ‘неосновательный’, ‘несостоятельный’, سفیدی *sefidí* (*sefid+i*) ‘белизна’, گرمی *garmí* (*garm+i*) ‘теплота’, مشورتی *mašvaratí* (*mašvarát+i*) ‘совещательный’, برادرانه *barādarāné* (*barādár+āne*) ‘по-братски’, ‘братский’, بزرگوار *bozorgvār* (*bozörg+vār*) ‘великий’, ‘благородный’, براستی *berāstí* (*be+rāst+i*) ‘в самом деле’, بزودی *bezudí* (*be+zud+i*) ‘вскоре’ и т.д.

В полуаффиксальных и сложных словах фиксированное ударение объединяет составные части и падает на последний слог: خودنویس *xodnevis* (*xod+nevis*) ‘авторучка’, ‘самописка’, کتابفروش *ketābforúš* (*ketāb+forúš*) ‘продавец книг’, جنگ افروز *jangafrúz* (*jang+afruz*) ‘поджигатель войны’, پرفریب *porfarib* (*por+farib*) ‘коварный’, پرقیمت *porqeymát* (*por+qeymat*) ‘очень дорогой’, ‘ценный’, پیرمرد *pirmárd* (*pir+mard*) ‘старик’, کارخانه *kārxāné* (*kār+xāne*) ‘завод’, ‘фабрика’, رفت و آمد *raftoámád* (*raft-o-ámád*) ‘движение’, رنگارنگ *rangārāng* (*rang-ā-rāng*) ‘разноцветный’, راه راه *rāhrāh* (*rāh+rāh*) ‘полосатый’ и т.д.

Общей закономерности постановки ударения на последний слог подчиняются и все заимствованные слова. Чтобы показать некоторые особенности словесного ударения, остановимся на двух пластах, составляющих наибольшее количество лексических заимствований: на арабских и западноевропейских словах.

Как уже отмечалось, арабские заимствования составляют больше половины лексического состава современного персидского литературного языка. В арабском

¹² Четкая фиксированность ударения в персидском слове служит важным критерием для определения границ слова, для разграничения сложного слова, синтаксического словосочетания и фразеологизма.

языке главное ударение обычно падает на предпоследний слог, и только если этот слог краткий, то ударение переходит на третий от конца слог. В персидском языке во всех арабских заимствованиях ударение переходит на последний слог слова: *قاعده qā'edé* 'правило', *قاضى qāzī* 'судья', *فاضل fāzél* 'ученый', *فاتح fātéh* 'победитель' и т.д.

В персидский язык вошло определенное количество идафных предложно-именных словосочетаний, воспринимаемых как одно слово. В этих словосочетаниях ударение также падает на последний слог: *دارالفنون dāroľfonún* 'университет', *دارالشرع dāroššár* 'шариатский духовный суд', *صعب العبور sa'bolobúr* 'труднопроходимый', *تحت الحماية tahtolhemāyé* 'находящийся под протекторатом', *بين الملل beynolmelál* 'международный', 'интернациональный', *فوق الذكر fowqozzékr* 'вышеупомянутый'. Именно единое главное ударение в этих арабских словосочетаниях превращает их в персидском языке в одно слово (в одну из разновидностей сложного слова).

Особо следует сказать об ударении в различных по структуре арабских предложениях (преимущественно глагольных) и предикативных словосочетаниях. В персидском языке все они выступают в качестве имен существительных и прилагательных, служебных частей речи и имеют главное ударение на последнем слоге: *ماجرا mājará* 'случай', 'авантюра' (букв. 'то, что произошло'), *ماترك mātarák* 'наследство' (букв. 'то, что он оставил'), *لا يعلم lāya'lam* 'глупый' (букв. 'не знает'), *لايزل lāyazál* 'вечный', 'вечно' (букв. 'не прекращается'), *كن فيكون konfayakún* 'вселенная', 'акт творения' (букв. 'будь ты, и он будет'). Последнее арабское предложение-словосочетание употребляется в качестве именной части персидских сложных глаголов: *كن فيكون شدن konfayakun šodan* 'становиться полностью разрушенным', *كن فيكون كردن konfayakun kardan* 'разрушать полностью'.

Не отличаются в отношении ударения и оканчивающиеся на «танвин-фатху» арабские имена, выступающие в качестве наречий: *رسماً rasmán* 'официально', *احتراماً ehterāmán* 'с уважением', *وسيعاً vasi'án* 'широко', *منظماً monazzamán* 'регулярно', 'организованно'. Нет оснований утверждать, что некоторые из арабских имен в винительном падеже якобы сохраняют ударение, свойственное им в арабском языке: *فوراً fowran* 'мгновенно', *حتماً hátman* 'обязательно', *كاملاً kámelan* 'полностью', см. [Поляков 1988, с. 192]¹³.

Показателем фиксированности персидского словесного ударения на последнем слоге могут служить и западноевропейские слова. Например, научно-технические термины, заимствованные из английского языка, получают ударение на последний слог: *ليفتراك lifterák* 'подъемник', *تريلر treylér* 'прицеп', *فوتوكوپى fotokopi* 'фотокопия', *كامپيوتر kāmپیوتر* 'компьютер', *مينيبوس minibús* 'микроавтобус', *كمباين kombāyn* 'комбайн', *كراكينگ kerāking* 'крекинг'.

Слова, заимствованные из русского языка, приспособиваясь к новой акцентно-ритмической системе, также меняют свое ударение. Например, слова *дрóжки*, *спúтник*, вошедшие в персидский язык, меняют свою фонетическую форму и получают ударение на последний слог: *درشكه doroshké* 'дрожки', 'коляска', *اسپوتنيك esputnik* 'спутник'.

¹³ Случаи переноса ударения с последнего слога на первый в наречиях, оканчивающихся на «танвин-фатху», наблюдаются в современных дари и таджикском языках.

Как исключение следует отметить небольшое количество слов, в которых ударение падает не на последний слог: *آیا āyā* 'разве', *بلی bāli* 'да', *بلکه bālke* 'но', 'даже', *حتی háttā* 'даже', *مگر mágar* 'разве', 'ли', *ولی váli* 'но', 'однако', 'چرا? cērā?' 'почему?', *بعضی bá'zi*, *برخی bárxi* 'некоторые', *خیلی xéyli* 'очень', 'много', *یعنی yá'ni* 'то есть'. «Нарушение» обычного ударения в отдельных словах вызвано исторически сложившейся морфологической структурой, когда слова представляют собой либо сочетание имени с артиклем, превратившимся в часть слова (*خیلی xéyli*, *برخی bárxi*), либо сочетание союза с неударной частицей *که -ke* (*بلکه bālke*), либо заставшую арабскую глагольную форму (*یعنی yá'ni*).

Персидское ударение не может быть средством различения грамматических форм. Дело в том, что некоторые грамматические показатели, будучи присоединены к слову, получают ударение. Например, персидские суффиксы множественного числа *ان -ān*, *ها -hā*, суффиксы арабского происхождения *ات -āt*, *ین -in*, *ون -un*, образуя формы множественного числа, получают ударение как последние слоги персидского слова: *دختران doxtarān* 'девушки', *پدران pedarān* 'отцы', *درختان deraxtān* 'деревья', *بنگاهها bongāhhā* 'учреждения', *صندلیها sandalihā* 'стулья', *اتومبیلها otomobilhā* 'автомобили', *مشکلات moškelāt* 'трудности', *محصولات mahsulāt* 'продукты', *مهندسين mohandesin* 'инженеры', *ناظرین nāzerin* 'наблюдатели', *انقلابیون enqelābiyūn* 'революционеры'. Получает ударение и показатель двойственного числа *ین -eyn*, используемый с весьма ограниченным количеством слов и заимствованный из арабского языка: *دولتین dowlatéyn* 'оба государства', *طرفین taraféyn* 'обе стороны'.

В то же время такие грамматические показатели, как послелог *را -rā* (показатель объектных отношений), артикль *ی -i* (показатель категории выделенности), присоединяясь к слову, ударения не получают: *این کتاب را خواندم In ketāb-rā xāndam* 'Я прочитал эту книгу'; *مردی به اتاق وارد شد Mārd-i be o'tāq vāréd šod* 'Какой-то мужчина вошел в комнату'. Отсутствие ударения на этих грамматических показателях позволяет поставить вопрос о границах слова и о самостоятельности этих служебных частиц, об их независимости от основной структуры слова.

Основную массу персидской лексики составляют двусложные и трехсложные слова, но встречается немало слов, обладающих большей слоговой протяженностью. При увеличении количества слогов в словах, образованных путем словосложения или полуаффиксальным способом, в них возникают одно или два в т о р о с т е п е н н ы х (с л а б ы х) у д а р е н и я, но главное ударение по-прежнему сохраняется на последнем слоге: *جوانمرد javānmārd (javān+mārd)* 'благородный, великодушный человек', *خوشبخت xošbāxt (xoš+bāxt)* 'счастливый', *زبانشناس zabānšenās (zabān+šenās)* 'языковед', *کمرشکن kamāršekān (kamār+šekān)* 'сокрушительный'. Как правило, второстепенным ударением в сложном и полупроизводном слове становится главное ударение первого компонента. В определенных видах сложных и полупроизводных слов могут сохраняться два или даже три второстепенных ударения: *بزن و بکوب bēzanobekūb* 'бурное веселье', *رختشوخانه raxtšuxānē* 'прачечная', *مرا فراموش مکن marāfarāmušmakōn* 'незабудка'.

Говоря о наличии в слове главного и второстепенного ударений, необходимо отметить, что в некоторых номинативных формах слов главное ударение может регулярно падать на первый слог. Так, в префиксальных формах глагола главное

ударение падает на глагольный префикс, а второстепенное — на последний слог: برخاستن *bār-xāstān* 'вставать', 'подниматься', درآوردن *dār-āvardān* 'вынимать', 'вытаскивать'¹⁴.

С точки зрения ударения следует выделить те знаменательные и служебные слова, которые не имеют самостоятельного ударения и выступают в качестве энклитик и проклитик, а также частицы. Однако при их оценке с акцентологической точки зрения необходим дифференцированный подход.

1. Не имеет самостоятельного ударения и всегда выступает как энклитика послелог را *-rā*.

Собственно предлоги в составе синтагм и предложений получают самостоятельное ударение. В персидском языке имеется постоянно расширяющаяся группа отыменных предлогов, которые в грамматиках персидского языка обычно не учитываются и не оцениваются с акцентологической точки зрения. Все отыменные предлоги имеют, как и обычные знаменательные слова, самостоятельное ударение: ...پهلوی *pahlú-ye* 'рядом с...', ...نزد *názd-e* 'y', ...در خصوص *dar xosús-e* 'o', 'относительно'.

2. Никогда не получают ударения изафетный показатель *-e*, усилительные частицы هم *-ham* 'также', 'тоже', که *-ke* 'ведь', 'же'. Они всегда примыкают к предшествующему слову и выступают как энклитики.

3. От частиц هم *-ham* и که *-ke* следует отличать совпадающие с ними по звучанию двойной соединительный союз هم...هم *ham... ham* 'и..., и', союз که *ke*. Последний, вводя различные виды придаточных предложений и имея значения 'что', 'чтобы', 'который', 'когда', 'как' и т.д., способен выступать не только как энклитика, но и как проклитика. Что касается двойного союза هم...هم *ham... ham*, то каждая его составная часть обладает самостоятельным ударением.

Подобно универсальному союзу که *ke*, подчинительный союз چه *če* 'что', употребляющийся в своем значении только после местоимений آن *ān* 'тот', هر *har* 'каждый', не имеет ударения: آنچه *ān-če* 'то, что', هر چه *hār-če* 'всё, что'.

4. Сочинительный союз و *va/o*, имеющий одну графическую форму (و) и две фонетические (*va* и *-o*), обладает также двумя акцентологическими формами: و *va* может выступать как самостоятельное слово с отдельным ударением (من و برادر *man va barādar* 'я и брат'), хотя в потоке речи часто примыкает к последующему слову; و *-o* никогда не имеет самостоятельного ударения и примыкает к предшествующему слову (کوشش و سعی *sa'y-o kušēš* 'старания', سعادت و بدبختی *saādat-o badbaxti* 'счастье и несчастье').

5. Выделительный артикль ی *-i*, присоединяясь к члену предложения, в том числе и к антецеденту в сочетании с последующим придаточным определительным предложением, не имеет самостоятельного ударения и в то же время не является частью слова. Вряд ли можно считать корректным утверждение К.И.Полякова, что при добавлении артикля «ударение, оставаясь связанным с тем же слогом, что и в исходной форме, относительно перемещается с конца в глубь слова на один слог, становясь парокситонным... Это позволяет определить его не как

¹⁴ В инфинитивной форме префиксальных глаголов также возможна постановка главного ударения на последнем слоге. Что касается сложных глаголов, где распределение главного и второстепенного ударений несколько напоминает их распределение в префиксальных глаголах, то, поскольку они представляют собой не сложное слово, а словосочетание фразеологического типа, их акцентуально-ритмическое строение должно рассматриваться при характеристике синтагмы и ее разновидностей.

фонологически, а как фонетически относительно подвижное (разноместное) ударение» [Поляков 1988, с. 193].

От служебных слов и частиц следует отличать звательные формы имени, когда в конце слова ставится неударный алеф (ا). В этом случае звук *ā* становится частью слова, но ударение падает не на алеф, а на последний слог слова: *חסنا* *Hasánā* 'о Хасан'. Поскольку употребление алефа носит регулярный характер, можно сделать вывод, что в звательной форме ударение никогда не падает на морфологическую частицу *l-ā*.

В связи с упоминанием форм вокатива следует отметить случаи, когда *الف ندا* *alef-e nedā* (букв. 'звательный алеф') становится частью слова, не выражая при этом звательную форму имени и оставаясь также неударным: *چه بسا!* *če básā!* 'как много!', *چه خوشا!* *če xóšā!* 'как хорошо!'. Приведенные словосочетания обычно рассматриваются как междометия.

6. Не получают ударения слитные местоимения, выражающие атрибутивные отношения и выполняющие функции субъектно-объектных членов предложения: *خواهرم* *xāhár-am* 'моя сестра', *دوست دارم* *dúst dārám-at* 'я тебя люблю', *باورشان نمی‌کنم* *bāvár-ešān némikonam* 'я им не верю'. По характеру выполняемых функций, семантических и синтаксических, слитные местоимения вряд ли можно отнести к служебным словам или частицам, и в то же время, будучи неударными элементами, они утрачивают важные свойства знаменательных слов и выступают как особые, полужнаменательные слова-заместители личных местоимений.

8. Соотношение словесного и морфемного ударений

Персидское ударение в слове является фиксированным, акцентно оно никак не индивидуализировано. Подвижность ударения допустима только в грамматическом плане и имеет весьма ограниченный характер. Но и в грамматическом отношении ударение не является фонологически подвижным, поскольку в процессе словоизменения не перемещается с одного слога на другой в пределах одной и той же морфемы. Морфологическая функция персидского ударения проявляется весьма слабо, что подтверждает справедливость утверждения Н.С.Трубецкого о том, что «в языках с фиксированным ударением последнее не может быть средством различения грамматических форм» [Трубецкой 1960, с. 22].

Грамматическая и фонетическая подвижность ударения наблюдается главным образом в сфере глагольного формообразования. При этом аспект акцентологии финитных форм глагола остается наименее изученной областью проблем ударения в персидском языке.

Особенность ударения при формообразовании в классе глагольной лексики состоит в том, что, переходя с одной морфемы на другую в пределах разных форм одного глагола, оно, как правило, не оставляет после себя слог безударным: слог, имевший на себе главное ударение, превращается в слог с второстепенным ударением. Так, в паре глаголов *می‌ترسم* *mítarsam* — *نمی‌ترسم* *némítarsam* 'боюсь — не

боюсь' в положительной форме глагола ترسیدن *tarsidan* 'бояться' главное ударение падает на глагольную приставку می *mi-*, а в отрицательной форме того же глагола — на отрицательную частицу نه *ne-*. Однако в отрицательной форме приставка می *mi-* получает второстепенное ударение, т.е. в отрицательной форме главное ударение меняет свое место, а ударение на приставке трансформируется во второстепенное. В отдельных временных формах глагола при отрицании бывший ударный слог может становиться неударным, например: گفتم *góftam* 'я сказал' — نگفتم *nágoftam* 'я не сказал'. В отрицательной форме глагола в простом прошедшем времени после главного ударения, падающего на отрицательную приставку, на слоге, имевшем главное ударение, второстепенного ударения не возникает, и он становится безударным. Таким образом, в различных формах глагола при употреблении с частицей отрицания и без нее строгой корреляции главного и второстепенного ударений не наблюдается.

Общие наблюдения над ударением в различных временных формах, а также с глагольными приставками می *mi-* و به *be-*, с частицей отрицания и без нее сводятся к следующему:

1) необходимо различать простые и аналитические формы глагола не только по их грамматической структуре, но и с акцентологической точки зрения: простые формы глагола имеют одно главное ударение, аналитические — два: ср. رفتم *ráftam* 'я пошел' и رفتم *xāhám ráft* 'я пойду', می گویم *míguyam* 'я говорю' и گفته بودم *gofte budám* 'я говорил'¹⁵;

2) глаголы в форме простого прошедшего времени имеют главное ударение на втором слоге, которое в потоке речи может переходить на последний слог: گفتم *góftam* 'я сказал' и ... من به او گفتم *Man be u goftám...* 'Я ему сказал...'. Таким образом, в глагольных формах простого прошедшего времени ударение характеризуется речевой подвижностью и зависит от строения фразы;

3) при наличии формообразующих приставок می *mi-* و به *be-* главное ударение в финитных формах простого глагола приходится на эти приставки: می نویسد *minevisad* 'он пишет', می گفتم *mígoftam* 'я говорил', بنویسید *bénevisid* 'пишите', بگویم *béguyam?* 'мне сказать?', باید بروید *bāyad béravid* 'вы должны уйти';

4) в отрицательных формах глагола при прибавлении отрицательной частицы نه *na-/ne-* к личной форме глагола главное ударение переносится на эту частицу. При употреблении отрицательной частицы перед приставкой می *mi-* главное ударение также переходит на отрицательную частицу نه ¹⁶: نمی روم *némiravam* 'я не пойду'. Таким образом, во всех случаях главное ударение берет на себя отрицательная частица نه *na-/ne-*.

В связи с характеристикой ударения глагольных приставок необходимо отметить различие слов-омографов, устанавливаемое благодаря ударению. Так, глагольные формы и однокоренные существительные и прилагательные различаются только ударением: ср. بدهی *bédehi* 'дашь' и بدهی *bedehi* 'долг', نترس *nátars* 'не бойся'

¹⁵ Сложные глаголы, рассматриваемые нами как разновидность глагольных фразеологизмов, представляют собой сочетание двух знаменательных слов, каждое из которых имеет самостоятельное ударение, но главное ударение падает на именную компонент.

¹⁶ В позиции перед глагольной приставкой می *mi-* гласный *a* отрицательной частицы переходит в *e*: نمی خورم *man nemixoram* 'я не ем'.

и *نترس natárs* ‘смелый’, *نسوز násuz* ‘не гори’ и *نسوز nasúz* ‘огнестойкий’. Подобного рода слов не много. В этих словах семантико-морфологическое различие создается ударением.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что свойство персидского языка сохранять качественную определенность гласных звуков во всех позициях, даже если они не являются устойчивыми, приводит к сохранению каждым слогом своей самостоятельности, к отсутствию сильной подчиненности безударных слогов ударному. В результате возрастает возможность появления второстепенных и разноместных ударений в словах, состоящих из нескольких слогов. Это хорошо видно в сложных и полупроизводных словах, элементы которых представлены знаменательными морфемами: ср. *چهار čahār* ‘четыре’ (два слога — одно ударение), *چهارصد čahârsád* ‘четыреста’ (три слога — два ударения: главное и второстепенное), *چهارصدساله čahârsâdsâlé* ‘четырёхсотлетний’ (пять слогов — три ударения: одно главное, два второстепенных). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в процессе словообразования и соответственно увеличения количества слогов происходит изменение структуры ударений слова и увеличение числа второстепенных ударений. Независимость второстепенных слоговых элементов от главного слогового элемента приводит в известной степени к автономии слогов и в конечном счете к неустойчивости единства фонетического слова. Все это, как справедливо отмечает К.И.Поляков, «дает основание говорить об определенной самостоятельности морфемы в составе слова и морфемном характере ударения в персидском языке» [Поляков 1988, с. 200].

Вопрос расшатанности единства слова и известной самостоятельности морфемы в связи с изучением словесного ударения рассматривался и на материале других языков. В частности, на материале немецкого языка фонологический анализ проблемы отдельности и цельности слова проводился С.И.Бернштейном (см. [Бернштейн 1962]), который установил ряд признаков, свидетельствующих о расшатанности структуры слова и определенной самостоятельности морфемы. Ряд выделенных С.И.Бернштейном признаков обнаруживается и в персидском языке.

1. Отделяемость глагольных префиксов при спряжении. Так, префиксальные глаголы, представляющие собой одно слово, в финитных формах имеют формообразующие приставки и вспомогательный глагол *خواستن xâstan* (при образовании будущего категорического времени) не перед глагольным префиксом, а после него: *درکشیدن dar-kešidan* ‘вынимать’ — *درمی‌کشید darmi-kešid* ‘вы вынимаете’, *دربرکشید darbe-kešid* ‘выньте’ — *در خواهید کشید darxâhid-kešid* ‘вы будете вынимать’.

2. Легкость в образовании сложных и полупроизводных слов. Сложные слова, представленные такими разновидностями, как детерминативы, копулятивы и сращения, чаще всего состоят из двух лексических морфем, но встречаются также трехчленные и многочленные объединения. Ряд моделей сложных слов по характеру сочетания лексических морфем стоит на грани слов и устойчивых словосочетаний. Близки к сложным словам полупроизводные (полуаффиксальные) слова, сочетающие в себе черты двух основных типов слов — сложных и аффиксальных.

3. Наличие в слове, наряду с главным, второстепенных ударений. Выше было показано, что в результате словообразовательных и словоизменительных процессов по мере увеличения длины персидских слов растет число второстепенных ударений. В потоке речи места главных и второстепенных ударений могут меняться,

подчиняясь закономерностям интонационно-просодической структуры синтагмы и фразы.

К отмеченным выше признакам, характеризующим словесные и морфемные границы, следует добавить еще два, установленных К.И.Поляковым в результате экспериментального исследования фонетических процессов и явлений на стыках морфем, см. [Поляков 1972].

4. Более сильная маркировка морфемных границ по сравнению со словесными границами. Изучение интервокальных и интерконсонантных морфемных швов показало, что вставочные явления, выполняя функции пограничных сигналов, при тесной спайке стыкующихся морфем усиливаются по всем своим акустическим показателям. Наоборот, идентичные эпентезам согласный *y* (в исходе слов) и гласный *e* (изафетный показатель), выступая в роли сигналов словесных границ, не только не усиливаются по тем же параметрам, но и имеют тенденцию к ослаблению, к изменению в количественном и качественном отношении.

5. Однородность фонетических процессов в исходах слов и морфем (например, позиционно-комбинаторное оглушение звонких согласных), что позволяет говорить об одинаковости в этом отношении единиц, принадлежащих к разным языковым уровням.

Итак, в персидском языке морфемное ударение обладает известной самостоятельностью и независимостью от словесного ударения. Это выражается в том, что ударение может падать на первый слог слова (*می روید miravid* 'вы идете'), на срединный (*آمدید amādīd* 'вы пришли') и последний слог (*پرده براندازی pardebarandāzi* 'разглашение тайн'), почти во всех случаях проявляя свои акцентологические свойства в интересах морфемы. Оформляя не столько слово, сколько морфему, персидское ударение относится также к средствам морфонологии.

9. Синтагматическое, фразовое и логическое ударение

О словесном ударении по существу речь идет в тех случаях, когда слово берется как словарная единица (лексема), а не как лексический элемент, функционирующий в речевой цепи, поскольку ударение получают не лексемы, а морфемы и группы слов. Последние (группы слов) представляют собой семантико-синтаксические единства, объединенные в смысловом и ритмомелодическом отношении. Они выделяются в составе предложения как его сегменты и называются синтагмами. В семантическом и структурном отношении синтагма представляет собой менее сложноорганизованный объект, чем фраза. Организуясь в любом речевом отрезке в форме минимального семантически целостного единства, она принимает участие в реализации коммуникативной функции языка.

Все синтагмы оформлены в соответствии с синтаксическими правилами персидского языка и выступают как сочетания слов или отдельные слова, выполняющие роль главных членов предложения, а также дополнений, обстоятельств.

1. Главные члены предложения и их группы: *کارمندان انستیتیوی ما دائماً در کتابخانه های مختلف کار می کنند* *Kārmāndān-e anstītu-ye mā | dāyeman | dar ketābxāne-hā-ye moxtalef | kār mikonand* ‘Сотрудники нашего института постоянно работают в разных библиотеках’.

2. Группы развернутых дополнений и обстоятельств: *من دو روز دیگر کتاب شما را پس خواهیم داد* *Man | do ruz-e digar | ketāb-e šomā-rā | pas xāham dād* ‘Через два дня я возвращу вашу книгу’.

3. Однословные обстоятельства времени, обычно находящиеся в начале предложения: *فردا من با زنم به سینما می روم* *Fardā | man bā zan-am | be sinemā miravam* ‘Завтра я с женой иду в кино’. Однако обстоятельства, находящиеся непосредственно перед сказуемым (например, обстоятельства места, образа действия) и выраженные одним словом или сочетанием предлога с именем, часто объединяются с ним в одну синтагму: *او همیشه زود کار می کند* *U | hamīše | zud kār mikonad* ‘Он всегда работает быстро’. Более подробно положение синтагмы рассматривается ниже, при характеристике интонации некоторых видов простого предложения.

Принадлежность персидского языка к языкам аналитического строя и, как следствие, отсутствие склонения у именных частей речи находят прямое отражение в синтаксических средствах связи словосочетаний. Для выражения определенных смысловых отношений и соответственно связи слов в словосочетаниях и предложениях используются: а) служебные слова (предлоги, послелог *را -rā*, сочинительные союзы); б) изафет; в) порядок слов. При формировании простых (двусоставных) и сложных словосочетаний используются как одинаковые, так и смешанные виды связи. Все эти виды связи проявляются в синтагмах, представленных различными видами словосочетаний, причем обычное синтагматическое членение фразы может меняться, когда необходимо придать большую значимость и весомость одной из частей высказывания. Так, при обычном синтагматическом членении фразы типа *او سه روز دیگر به خارجه می رود* *U | se ruz-e digar | be xāreje miravad* ‘Он через три дня уезжает за границу’ обстоятельство места *به خارجه* *be xāreje* объединяется в одну ритмико-мелодическую группу со сказуемым, однако при необходимости смыслового обособления этой части высказывания обстоятельство места может быть выделено в отдельную синтагму. В данном случае создание дополнительных смысловых оттенков не связано с изменением синтаксической структуры предложения и свидетельствует о возможности использования синтагматического членения в стилистических целях.

Как было показано выше, *словесное ударение* в персидском языке не индивидуализирует слово в акцентном отношении и подчиняется более сильному, синтагматическому ударению.

Синтагматическое ударение совпадает по месту со словесным ударением и представляет собой его усиленную форму, которая поддерживается повышением / понижением тона. Так, в изафетном словосочетании *جلسه نمایندگان نواحی مختلف* *jalase-ye nemāyandegān-e navāhi-ye moxtaléf* ‘собрание представителей разных регионов’ *синтагматическое ударение* приходится на последний слог последнего слова; оно поддерживается повышением тона.

Ударение является одним из основных средств просодической структуры синтагмы, которое наряду с мелодикой речи, ритмом, темпом и паузами создает ее ритмико-мелодическую оформленность и целостность.

Мелодика речи обеспечивается изменением основного тона голоса, его повышением или понижением. Для персидского языка характерны два основных мелодических типа: мелодика конечной и неконечной синтагм. В зависимости от цели высказывания и места синтагмы во фразе, повышения основного тона голоса мелодические вершины могут распределяться различным образом. В одних предложениях они приходятся на начальные синтагмы, в других — на конечные.

Паузы, представляющие собой перерывы в звучании речи, служат для установления синтагматических и фразовых границ. В персидском языке паузы между словами фактически отсутствуют, но между синтагмами ощущаются весьма четко.

Таким образом, единство синтагмы обеспечивается участием и соединением всех ее ритмико-мелодических средств.

Более высоким звеном в характеристике звучащей речи является фраза, нередко объединяющая две-три синтагмы. Обычно фраза представляет собой интонационно оформленное единство, в создании которого важная роль принадлежит фразовому ударению. *Фразовое ударение* достигается путем усиления одного из синтагматических ударений. В простом повествовательном предложении фразовое ударение чаще всего приходится на синтагму, представляющую подлежащее или группу подлежащего, т.е. находится в начале предложения. Выделение подлежащего путем постановки на него ударения объясняется той смысловой ролью, которую оно играет, обозначая предмет мысли, о котором говорится в предложении.

Следует отметить, что фразовое ударение на слух воспринимается довольно слабо. Это объясняется незначительным различием между главным и второстепенным ударением, между ударными и безударными слогами. Поэтому главная роль фразового ударения состоит не в том, чтобы добиться выделения соответствующей синтагмы, а в том, чтобы обозначить завершенность фразы как наиболее крупной ритмико-мелодической единицы.

Особое место занимает *логическое ударение*, назначение которого состоит в смысловом подчеркивании наиболее важных в данной речевой ситуации слова или группы слов. Оно используется, чтобы привлечь внимание слушающего к тому, чему говорящий придает особое значение. В персидском языке логическое выделение достигается путем *усиления ударения гласного ударного слога и повышения его тона*. Особенность логического ударения заключается в том, что оно может приходиться не только на знаменательные слова, но и на служебные (предлоги, союзы). Сравните три предложения, произнесенные с логическим выделением трех разных слов: *حسن در اتاق است* *Hasan dar otâq ast* 'Хасан в комнате'; *حسن در اتاق است* *Hasan dar otâq ast* 'Хасан в комнате'; *حسن در اتاق است* *Hasan dar otâq ast* 'Хасан в комнате'.

Глава вторая

ИНТОНАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

При определении предложения обращают внимание не только на его структурную и смысловую сторону, но и на интонационную законченность. Характеристика способов грамматической организации слов в предложении, в основе которой лежит предикативность, рассматривается в синтаксисе. Здесь же обсуждается интонация — важнейшая ритмико-мелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических отношений и эмоционально-экспрессивной окраски. Она является важнейшим элементом предикативности и существенным признаком предложения, одним из средств его грамматической оформленности.

В состав ритмико-мелодических средств, характеризующих интонацию, кроме упоминавшихся выше мелодики речи, ритма, ударений, темпа входят также интенсивность речи и тембр. Все эти интонационные средства взаимодействуют между собой. Благодаря интонации одному и тому же высказыванию можно придать различные смысловые и эмоциональные оттенки.

Полное описание интонации различных видов предложений должно опираться на данные экспериментальных исследований, поскольку интонация — явление многоэлементное и многофункциональное и требует рассмотрения и анализа большого фактического материала. Естественно, ее успешному изучению способствует окружение, состоящее из носителей языка. Принимая во внимание состояние изученности персидской интонации, мы ограничиваемся рассмотрением интонаций простого повествовательного и простого вопросительного предложений, а также побудительного и восклицательного предложений. Именно в этих разновидностях предложений, выделяемых по цели высказывания, проявляются наиболее типичные черты, характерные для интонации.

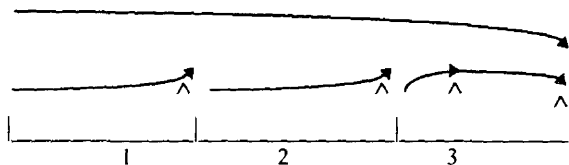
Коммуникативно-смысловая сторона предложений подробно рассматривается в синтаксисе, где в центре внимания — грамматические средства их оформления. Строение простого предложения и его интонационные характеристики тесно связаны между собой, поэтому об упомянутых выше разновидностях простого предложения приходится говорить дважды, что неизбежно приводит к некоторым повторениям.

1. Интонация простого повествовательного предложения

Большинство предложений состоит из двух, трех и более синтагм. В простых повествовательных предложениях наибольшим единообразием обладают конечные синтагмы. Они характеризуются понижением тона в последних слогах последнего слова.

Наиболее заметно понижение тона в тех конечных синтагмах, где в состав сказуемого входят краткие формы глагола-связки: *حسن دوست من است Hasan | dust-e man ast* 'Хасан — мой друг'. В приведенном предложении выделяются две синтагмы: первая (подлежащее) произносится с повышением тона, вторая (группа сказуемого) — с понижением. Обычно такого рода предложения из-за противопоставления в интонационном отношении начальной и конечной синтагм и наличия между ними значительной паузы Л.В.Щерба рассматривал как двучленные [Щерба 1957].

В предложениях с финитными формами глаголов и второстепенными членами предложений не наблюдается интонационного противопоставления между группами подлежащего и сказуемого. Такого рода фразы, по терминологии Л.В.Щербы, называются одночленными. Они также характеризуются общим понижением тона к концу фразы, что особенно ощутимо к концу последней синтагмы. А остальные синтагмы в зависимости от состава и построения словосочетаний имеют свои синтагматические ударения и характеризуются повышением тона к концу каждой синтагмы: *دیروز برادر بزرگ من به تهران رفت Diruz | barādar-e bozorg-e man | be Tehrān raft* 'Вчера мой старший брат отправился в Тегеран'. В интонационном отношении синтагмы, находящиеся в начале и середине фразы, характеризуются сравнительно ровным тоном с незначительным повышением его на ударных слогах. Слова, поясняющие и дополняющие сказуемое, чаще всего ритмически примыкают к нему. Приведенная выше фраза, состоящая из трех синтагм, схематически может быть представлена в следующем виде¹:

Данная схема свидетельствует о том, что между синтагмами фразы не существует резких интервалов, повышение тона приходится на последние слоги последних слов неконечных синтагм, к концу фразы мелодические вершины постепенно понижаются.

¹ В этой и приводимых далее схемах знак ^ обозначает мелодическую вершину слова, линии с стрелкой вверх — повышение тона, со стрелкой вниз — понижение тона в пределах одной синтагмы (часто пословно). Верхняя большая стрелка показывает общее направление интонации предложения. Вертикальная черта | указывает на границы синтагмы.

И в двучленных, и в одночленных фразах конечные слоги в последних словах произносятся несколько протяжно, создавая таким образом повышение тона и эффект незавершенности предложения. Вся же интонация простого повествовательного предложения является нисходящей.

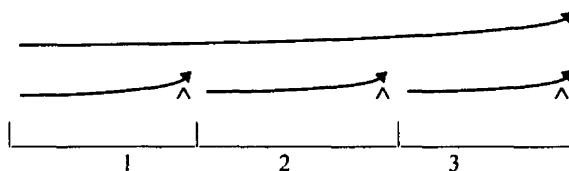
2. Интонация простого вопросительного предложения

В организации структуры персидских вопросительных предложений принимают участие либо чисто интонационные средства, либо интонационные средства в сочетании с лексическими. К числу последних относятся вопросительные слова и вопросительные частицы. В зависимости от участия в организации вопроса интонационных и лексических средств выделяются четыре типа интонации вопросительных предложений: 1) интонация вопросительного предложения без лексических средств; 2) интонация вопросительного предложения с вопросительным словом; 3) интонация вопросительного предложения с вопросительной частицей; 4) интонация альтернативного вопросительного предложения.

2.1. Интонация вопросительного предложения без лексических средств

Интонация такого рода вопросительных предложений характеризуется общим повышением тона к концу предложения. Она в какой-то степени сходна с интонацией неконечных синтагм, которые, как уже отмечалось, характеризуются повышением тона на последнем слоге последнего слова синтагмы. Однако существенное отличие заключается в том, что последний слог последнего слова вопросительного предложения по высоте тона выделяется более резко, чем последние слоги в последних словах неконечных синтагм. Это достигается путем выделения гласного звука последнего слога, который звучит наиболее высоко и одновременно может удлиняться (*факультативно*), даже если он неустойчивый.

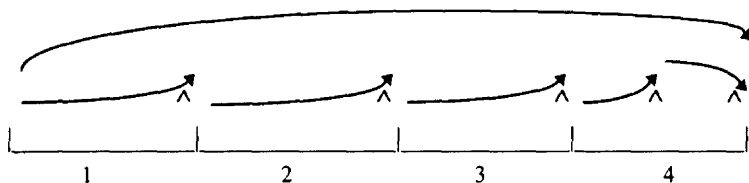
Что касается отличия вопросительного предложения без лексических средств от повествовательного, то оно состоит в разном характере интонаций: в вопросительном предложении интонация является восходящей, а в повествовательном — нисходящей. Интонация вопросительного предложения *برادر شما به سینما رفته بود؟* *Barādar-e šomā | be sinemā | rafte bud?* ‘Ваш брат ходил в кино?’ может быть схематически представлена следующим образом:

2.2. Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом

Вопросительные предложения этого типа, так же как и простые повествовательные предложения, характеризуются понижением тона в конце предложения. Однако понижение тона в них проявляется не столь сильно, как в повествовательных предложениях. В вопросительных предложениях с вопросительным словом наиболее высокая мелодическая вершина приходится на синтагму с вопросительным словом. Эта синтагма выделяется не только своим высоким тоном, но и сильным ударением, падающим на вопросительное слово. В качестве вопросительных слов используются вопросительные местоимения (؟کی *ki?* 'кто?', ؟چه *če?* 'что?', 'какой?'), местоименные наречия (؟کی *key?* 'когда?', ؟کجا *kojā?* 'где?', ؟چرا *čérā?* 'почему?', ؟چطور *četowr?* 'как?', 'каким образом?' и др.). Другие синтагмы вопросительного предложения по своей ритмико-мелодической структуре подобны синтагмам простого распространенного повествовательного предложения, т.е. неконечные синтагмы произносятся с повышением тона на последнем слове и постепенным понижением его на конечной синтагме. Схематично интонация вопросительного предложения с вопросительным словом может быть представлена следующим образом:

شما دیروز پیش پزشک چرا نرفتید؟
Šomā | diruz | piš-e pezešk | čérā naraftid?
 'Почему вчера вы не ходили к врачу?'

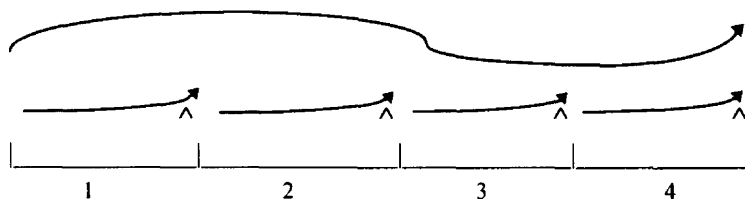
Решающим фактором, отличающим данный тип вопросительного предложения от простого повествовательного предложения, является наличие вопросительного слова.

2.3. Интонация вопросительного предложения с вопросительной частицей

В качестве вопросительных частиц в вопросительных предложениях третьего типа используются две частицы: آیا *āyā* 'разве', 'ли' и مگر *māgar* 'разве'. Эти частицы обычно располагаются в начале предложения и выделяются повышением тона в исходе и употреблением паузы непосредственно после них. Вся остальная часть вопросительного предложения произносится с повышением тона в конце каждой синтагмы, причем наибольшее повышение тона наблюдается на последнем слове

последнего слова конечной синтагмы. Однако, как показывают наблюдения, повышение тона в конечной синтагме вопросительного предложения с вопросительной частицей не бывает таким резким, как в вопросительном предложении без вопросительного слова, поскольку основную функцию в создании структуры вопросительного предложения берет на себя вопросительная частица. Схематически вопросительное предложение третьего типа можно изобразить следующим образом:

آیا خواهر شما در مسکو زندگی می‌کند؟
Āyā || xāhar-e šomā | dar Moskow | zendegi mikonad?
 ‘Разве ваша сестра живет в Москве?’

2.4. Интонация альтернативного вопросительного предложения

Вопросительные предложения с вопросительной частицей нередко могут иметь в конце разделительный союз *یا yā* ‘или’ и частицу отрицания *نه na* либо *خير xeyr* ‘нет’ — *یا نه? yā na?*, *یا خیر؟ yā xeyr?* ‘или нет?’. *آیا در آن عصر این خط و زبان در نزد شعرای بزرگ معروف بوده است یا نه؟ Āyā dar ān asr in xatt va zabān dar nazd-e šoarā-ye bozorg ma'ruf bude ast yā na?* ‘Разве в ту эпоху великим поэтам были известны эта письменность и язык?’ (Фирдоусинамэ-йе Бахар).

В таких предложениях сочетания *یا نه? yā na?*, *یا خیر؟ yā xeyr?* ‘или нет?’ произносятся с понижением тона на последнем слове и играют в образовании персидского вопросительного предложения чисто формальную роль. Предшествующая же этому сочетанию часть произносится так, как было описано выше, с повышением тона на последнем слове последней синтагмы.

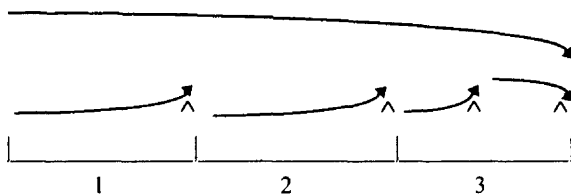
3. Интонация побудительного предложения

Особенности интонационного строения побудительных предложений делают необходимым выделить их в самостоятельную разновидность. В смысловом отношении этот тип предложения выражает приказ, повеление, предостережение, протест, угрозу, призыв, побуждение к совершению какого-либо действия.

Побудительные предложения оформляются специальными средствами. К их числу относятся: 1) побудительная интонация; 2) постановка сказуемого в форме повелительного наклонения либо в форме аориста; 3) особые модально-побудительные частицы. В данном разделе работы, естественно, главное внимание обращается на побудительную интонацию. Использование модально-побудительных частиц и форм наклонения и времени глагола оказывает влияние на характер интонации и позволяет выделить *два типа* побудительной интонации.

К *первому типу* побудительных предложений относятся такие, которые строятся с помощью модально-побудительных частиц بگذار *bégozār*, بگذار *bógzār* ‘пусть’, بیا *biyā* ‘давай’, بیا بیا *biyāyid* ‘давайте’ и глагола в форме аориста: بیا استراحت کنیم *Biyā esterāhat konim* ‘Давай отдохнем’; بگذار پیش پزشک برود *Bégozār piš-e pezešk beravad* ‘Пусть он пойдет к врачу’. Особенностью интонации этого типа побудительных предложений является выделение побудительных частиц: они произносятся высоким тоном, образуя самостоятельные синтагмы. Эти частицы отделяются от остальной части предложения паузой. Мелодическая вершина приходится на конец модально-побудительных частиц — на устойчивые гласные *ā* или *i* (بگذار *bégozār*, بیا *biyā*, بیا بیا *biyāyid*), образующие последний слог синтагмы. Главное ударение в первой синтагме падает на глагольную приставку ب *be-*. Оставшаяся часть предложения произносится с незначительным повышением тона к концу каждой синтагмы, но общая интонация всего побудительного предложения является нисходящей. Вот интонационная схема побудительного предложения с модально-побудительной частицей:

بیا بیا سخترانی او را گوش کنیم
Biyāyid | soxanrāni-ye u-rā | guš konim
 ‘Давайте послушаем его лекцию’

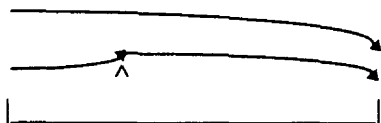
В приведенном примере побудительное предложение завершает сложный глагол گوش کردن *guš kardan* ‘слушать’ в форме аориста 1-го лица мн. числа. Приставка ب *be-*, образующая формы аориста и повелительного наклонения глаголов, в составе сложных глаголов может отсутствовать. Это наблюдается и в данном предложении. Поэтому главное ударение завершающей синтагмы падает на именную часть گوش *guš* ‘ухо’.

Во *втором типе* побудительных предложений смысловым центром является глагол в повелительном наклонении (модально-побудительные частицы не употребляются), который может стоять в положительной (с приставкой ب *be-*) либо в отрицательной форме (с отрицательной приставкой ن *na-*). В сложных глаголах употребление приставки ب *be-* с компонирующим глаголом является факультативным.

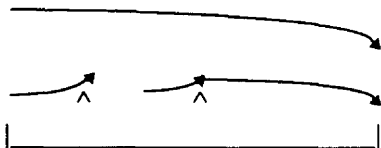
При более категоричном, настоятельном повелении (обычно в разговорной речи) в случае отрицания вместо приставки *na-* употребляют приставку *ta-*: *مگو tagu* ‘не говори’. Глагол-сказуемое в повелительном наклонении может самостоятельно образовывать предложение либо употребляться с распространяющими второстепенными членами. В такого рода предложениях основное ударение падает на приставки *be-* или *na-*, причем в сложных и префиксальных глаголах ударение падает также на именную часть и префикс: *ترجمه بکنید tarjomé békonid* ‘переведите’, *درنیاورید dār-náyāvarid* ‘не вынимайте’.

Если побудительное предложение представлено только одним глаголом-сказуемым в повелительном наклонении, то повышение тона приходится на начальный слог слова; одновременно основное ударение падает на приставку:

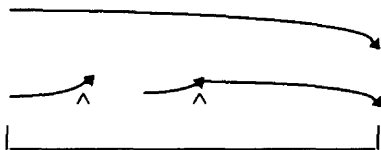
بروید Béravid! ‘Идите!’

برنخیزید Bār-náxizid! ‘Не вставляйте!’

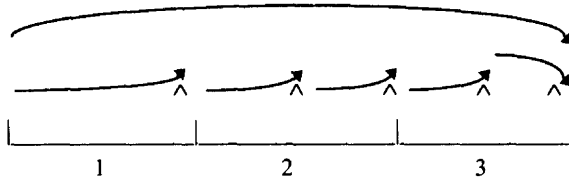
ادامه بدهید Edāmé bédehid! ‘Продолжайте!’

В приведенных выше трех побудительных предложениях сказуемые выражены тремя структурными видами глаголов в повелительном наклонении. Во всех глагольных формах основное ударение и соответственно повышение тона приходятся на приставки. Кроме того, ударение и повышение тона наблюдаются на глагольном префиксе (в префиксальных глаголах) и на именной части (в сложных глаголах). Общая интонация однословных побудительных предложений, как и интонация повествовательных предложений, характеризуется понижением тона к концу предложения.

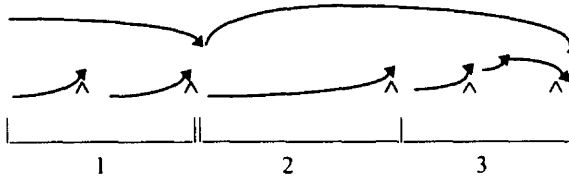
Аналогичную интонацию можно наблюдать и в распространенных побудительных предложениях, в которых выделяется несколько синтагм. Каждая неконечная

синтагма характеризуется повышением тона на последнем слоге, а последняя синтагма произносится с понижением тона на последнем слоге последнего слова. Так, распространенное побудительное предложение *فردا ده ساعت ده صبح پیش پزشک بروید!* *Fardā | sāat-e dah-e sobh | piš-e pezešk béravid!* ‘Завтра в десять часов утра пойдите к врачу!’ может быть представлено в виде следующей схемы:

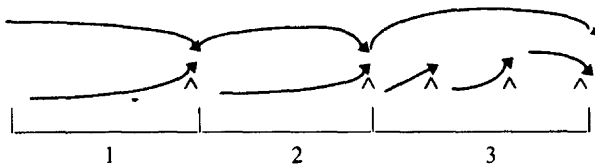
Особо следует выделить побудительные предложения, имеющие в начале *обращение*, выраженное одним или несколькими словами. Обращение образует самостоятельную *вокативную синтагму*, которая выделяется не только паузой, но и необычным ударением, переходящим на первый слог первого слова. Наибольшая высота тона в обращении также приходится на первый слог первого слова, даже если к этому слову относятся одно или два определения. Остальные синтагмы, если это распространенное побудительное предложение, имеют такую же интонацию, как в обычном побудительном предложении. Наличие вokatивной синтагмы придает речи некоторую эмоциональную окраску и торжественность:

دوستان عزیز! روز جمعه برویم بیرون شهر!
Dústān-e aziz! | Ruz-e jom 'e | béravim birún-e šahr!
 ‘Дорогие друзья! Поедемте в пятницу за город!’

Если в предложении имеется несколько обращений, то каждое получает ударение на первый слог. Одновременно на этот слог приходится самая высокая мелодическая вершина, каждое обращение отделяется от другого паузой:

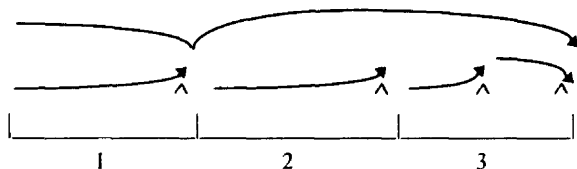
خانمها! آقایان! حرفهایم را گوش بدهید!
Xānomhā! | Āqāyān! | Harfihā-yam rā guš bedehid!
 ‘Дамы! Господа! Послушайте меня!’

Вокативная синтагма с необычным ударением и повышением тона на первом слоге первого слова может проявляться в обычной речи при обращении к аудитории в докладах и выступлениях без последующего побудительного предложения.

Вместе с тем следует отметить, что в обычной речи, при отсутствии торжественности, обращение получает интонационное строение обычной синтагмы, которая не отделяется от последующей части высказывания паузой и произносится как синтагма, находящаяся не в конце предложения, например:

دختر، این کتاب را به من بده
Doxtār | in ketāb-rā | be man bedeh
 'Дочь, дай мне ту книгу'.

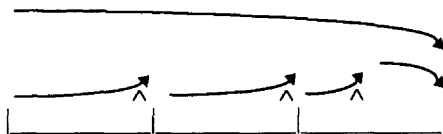
4. Интонация восклицательного предложения

В восклицательных предложениях высказывание сопровождается выражением чувств, эмоций говорящего. Конструктивными элементами восклицательных предложений выступают междометия, эмоциональные частицы, восклицательная интонация. Благодаря этим средствам любое из предложений, выделяемых по цели высказывания (повествовательное, побудительное, вопросительное), может быть превращено в восклицательное. Например, вопросительное предложение چرا دیروز نیامدی دیگه؟! *Ārā diruz nayāmedi, dige?! 'Ну почему же ты не пришел вчера?!'* благодаря особой, восклицательной интонации становится также и восклицательным предложением.

Персидские восклицательные предложения чаще всего вводятся частицами چه *če* 'как', 'какой', چقدر *čeqadr* 'как'. На них падает основное (фразовое) ударение, и они характеризуются наиболее высокой мелодической вершиной:

چه آدم خوبیست! *Ārā ādam-e xub-i-st!* 'Какой хороший человек!'

چقدر خسته شد! *Čeqadr xaste šod!* 'Как он устал!'

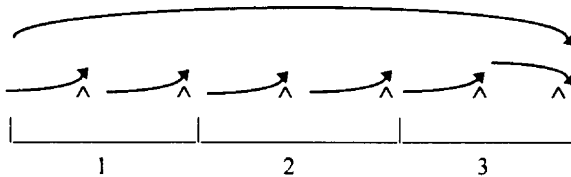
Приведенная схема отражает пословно интонацию последнего предложения, состоящего из одной синтагмы. Интонационная схема первого предложения мало чем отличается от приведенной схемы.

Восклицательные предложения помимо выделения восклицательных частиц характеризуются понижением тона к концу предложения.

Персидские восклицательные предложения могут начинаться с междометий, выражающих радость, одобрение, похвалу, порицание, проклятие: به به *bah-bah* 'прекрасно', مرحبا *marhabā* 'браво', 'прекрасно', آفرین *āfarin* 'браво', تفو *tofu* 'тьфу', لعنت *la'nat* 'проклятие' и т.д.

Междометия представляют собой отдельные синтагмы и характеризуются повышением тона на последнем слоге. Они всегда отделяются от остальной части предложения паузой. В состав предложений могут входить также отмеченные выше восклицательные частицы چه *če* и چقدر *čeqadr*.

آفرین! چقدر خوب حکایت کرده!
Āfarin! | Čeqadr xub | hekāyat karde!
 'Браво! Как он хорошо рассказал!'

Глава третья

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПИСЬМЕННОСТИ И ОРФОГРАФИИ

Рассмотренные выше вопросы фонетики и фонологии нельзя отрывать от специфических особенностей персидской письменности.

Персидская письменность не адекватна фонетической системе персидского языка: в ряде случаев наблюдается нарушение фонематического принципа графического изображения персидских слов, до сих пор не выработаны четкие правила написания знаменательных и служебных морфем в составе персидского слова, принцип слитного написания самостоятельного слова нарушается. На одной и той же странице одно и то же слово может быть написано то слитно, то раздельно. Нередко в грамматических работах иранских авторов допускается смешение звука и буквы.

Неудобства арабско-персидской графической системы для передачи звуков персидского языка отмечались многими иранскими учеными, писателями и общественными деятелями. В конце XIX в. возникло движение за реформу персидской письменности, во главе которого стояли просветитель-демократ Мирза Фатали Ахундов и иранский писатель и ученый Мальком-хан. В 30-е годы XX в. усилилось движение за отмену арабской графики. Предлагались многочисленные проекты создания персидского алфавита на основе латинской графики. Вопрос об изменении персидской письменности связывали с ликвидацией неграмотности и повышением общей культуры народа. Однако все эти проекты не получили реальной поддержки.

После окончания второй мировой войны и в начале 50-х годов в периодической печати и в научных изданиях снова стали появляться статьи, в которых указывалось на неудобство арабско-персидской письменности, говорилось о необходимости ее замены. Но, как и прежде, это движение не встретило поддержки со стороны правительства, мусульманского духовенства и большинства лингвистов Ирана.

В 60-е и 70-е годы вопрос о реформе арабско-персидской письменности почти совсем перестал обсуждаться на страницах прессы. Более того, появились публикации, в которых указывалось на несвоевременность проведения реформы, на большие финансовые затраты, которые она потребует, см. [Сохан 1339, № 1]. Вместе с тем в отдельных статьях по-прежнему затрагивались вопросы совершенствования персидской орфографии, например, правописания изафетного показателя и артикля после слов, оканчивающихся на *hā*-«немое» (ۛ), слитного или раздельного написания глагольных приставок, словообразовательных префиксов, а также предлогов с последующим словом, написания заимствований из западноевропейских языков.

Весьма показательным для середины 70-х годов XX в. явилось выступление известного иранского филолога М.Шафии, который резко критиковал любые попытки реформы персидской письменности и замены ее на латинскую, считая необходимым ее улучшение и совершенствование [Шафии 1353].

Высказывания противников реформы приблизительно одинаковы. Они обычно выдвигают сходные аргументы, заявляя, что отказ от существующей письменности может привести к утрате связи с классическим литературным наследием, откроет еще более широкий путь для проникновения в персидский язык европеизмов и нанесет урон национальному искусству, составной частью которого является персидская каллиграфия, что проведение реформы требует немалых финансовых затрат.

После Исламской революции 1979 г. в Иране не публиковалось никаких материалов, связанных с реформой арабско-персидской письменности, и всякие разговоры на эту тему даже признаны вредными.

1. Арабско-персидский алфавит и вопросы орфографии

Займствование арабского алфавита новоперсидским языком потребовало введения дополнительных графем (پ *pe*, چ *če*, ژ *že* и گ *gāf*) для передачи четырех согласных звуков, отсутствующих в арабском языке. Сам же арабский алфавит остался неизменным, хотя звуковой состав персидского языка значительно отличается от арабского. Ряд чисто персидских слов на письме имеет в своем составе типичные арабские графемы (например, ص *sād*, ط *tā-ye moallaf*, ق *qāf*), служащие для обозначения звуков, свойственных исключительно арабскому языку. Чисто арабские графемы можно также встретить во многих заимствованиях из других языков (например, в тюркско-монгольских, греческих, западноевропейских заимствованиях). Нельзя не отметить, что использование типичных арабских графем в неарабских по происхождению слова затрудняет установление этимологии этих слов.

В настоящее время персидский алфавит состоит из 32 букв, большинство которых имеет четыре написания: отдельное, начальное, срединное и конечное. Направление письма — справа налево, заглавные буквы отсутствуют. Буквенное обозначение имеют только долгие гласные и согласные. Для обозначения кратких гласных в некоторых изданиях (словари, буквари, учебники) используются особые надстрочные и подстрочные знаки.

В палеографическом плане арабско-персидская письменность, используемая более тысячи лет для обозначения звуков персидского языка, почти не подвергалась специальным исследованиям, особенно с учетом происшедших в ней изменений. Можно отметить отличия в использовании отдельных графем в письменных памятниках раннего новоперсидского языка по сравнению с современной письменностью — о них, в частности, сообщается в некоторых работах по персидскому языку, см. [Залеман, Жуковский 1890, с. 2–3; Lazard 1963, с. 3–4; Ханляри 1337, с. 90–95]. В этих работах говорится не только о наличии некоторых графем, в даль-

нейшем исчезнувших, но и об ином чтении (в тот период) ряда букв, сохранивших-ся в современном алфавите.

В ранних текстах новоперсидского языка отмечается наличие буквы ق (имела то же основное начертание, что и ف *fe*, но вместо одной точки над ней ставили три), отсутствующей в современном алфавите. Она обозначала звонкий губно-губной щелевой согласный в отличие от ف *fe*, которая выражала глухой губно-губной щелевой согласный. Эта буква в более поздних текстах стала передаваться как *fe*, *be* и *vāv*.

Наряду с буквой د *dāl* в тех же позициях употреблялась буква ذ (обычно после гласных), называемая либо «*dāl* с точкой», либо *zāl*: آمد 'пришел', بود 'был'. Употребление буквы ذ *zāl* в значении د *dāl* зафиксировано приблизительно до начала XV в.¹ Эта буква обозначала зубной щелевой согласный, а в более позднее время в языке классического периода уже читалась как *d*.

В текстах раннего новоперсидского языка и в более поздних текстах языка классического периода наблюдались случаи замены буквы پ *pe* на ب *be*, چ *čim* на ج *jim*, ژ *že* на ز *ze* или ج *jim* и گ *gāf* на ک *kāf*.

Вопросительные местоимения که *ke*? 'кто?' и چه *če*? 'что?' писались через букву ی *yā*, что отражало их реальное произношение в языке классического периода: کی *ki*?, چی *či*?

Во многих случаях не удается установить время изменения произношения и чтения отдельных букв и буквосочетаний. Так, П. Ханляри отмечает, что нельзя указать, когда буква و *vāv-e ma'dule* 'непроизносимый вав') в составе буквосочетания خوا перестала читаться как *v*: خواهر *xāhar* 'сестра', خواهش *xāheš* 'просьба' [Ханляри 1343, с. 73].

Что касается употребления одних графем вместо других, то оно могло объясняться разными причинами: влиянием арабского произношения, ошибками переписчиков, которые, пропуская точки, смешивали арабские и чисто персидские буквы, отражением местного диалектного произношения.

Изафетный показатель в позиции после долгих гласных обозначался преимущественно при помощи знака * «хамза» независимо от того, являлось ли слово по происхождению арабским или персидским, и лишь в поздний классический период этот знак стал вытесняться буквой ی *yā*.

Диалектные черты, отражавшиеся на ранних стадиях развития новоперсидского языка в существовавшей в то время арабско-персидской письменности и вызывавшие графический разноречивый, постепенно нивелировались и приобрели упорядоченное и единообразное письменное выражение. Развитие арабско-персидской письменности шло по пути ее совершенствования, приближения к звуковой системе персидского языка, некоторого упрощения и унификации.

Однако процесс освоения персидским языком арабской письменности проходил не совсем гладко. Как показывают наблюдения М.Н. Боголюбова, в ранних текстах таджикско-персидской литературы существовали две тенденции написания слов арабского происхождения: согласно первой, слова писались приближенно к местному произношению, согласно второй — они воспроизводились в соответ-

¹ Интересно отметить, что буква ذ *zāl* в языке дари Афганистана до сих пор иногда встречается в некоторых заимствованных словах, например استاد *ostāz* 'преподаватель', 'мастер'.

вии с нормами арабской письменности. В конечном счете «возобладала вторая тенденция, исключившая произвольное обращение с арабской лексикой» [Боголюбов 1983, с. 65]. Она стала орфографической нормой в письменности классического персидского языка. Поэтому не случайно арабские слова меньше всего подверглись графическим изменениям.

И все же для тех, кто начинает изучать персидскую письменность, остаются немалые трудности. Так, графически не обозначаются неустойчивые гласные. В персидском языке меньше согласных, чем в арабском, поэтому некоторые буквы, передающие в арабском разные согласные, употребляются для обозначения одних и тех же персидских согласных. Например, буквы ذ, ز, ض и ظ передают один звук *z*, буквы ث, س и ص — звук *s*, буквы ت, ط — звук *t*. В связи с этим возможны орфографические варианты при написании отдельных слов. Для правильного написания таких слов всем изучающим язык необходимо запоминать, с какой буквой пишется то или иное слово.

Неустойчивые гласные вообще не имеют регулярного отображения в тексте. Отсутствие на письме огласовок — особых надстрочных и подстрочных знаков, применяемых для обозначения персидских неустойчивых гласных только в словарях (в тех случаях, когда не дается транскрипция) и в учебных текстах, создает большие неудобства при чтении многих слов. Эти неудобства возрастают в связи с возможностью разночтений встречающихся в большом количестве омографов. Только благодаря догадке по контексту можно определить значение и правильное произношение таких слов, как ده *dah* ‘десять’ и ده *deh* ‘деревня’, بنا *benā* ‘здание’ и بنا *bannā* ‘каменщик’, گل *gel* ‘грязь’ и گل *gol* ‘цветок’, میل *meyl* ‘желание’ и میل *mil* ‘металлический прут’.

Коротко остановимся на составе и последовательности букв арабско-персидского алфавита: в этом, казалось бы, уже давно решенном вопросе имеются неясные и спорные моменты.

Обычно принято считать, что в персидском алфавите 32 буквы (28 арабских, к которым добавлено 4 персидские; табл. 3). Этого мнения придерживается большинство иранских и западноевропейских ученых (например, [Хомаюнфаррох, с. 36]). Однако М.Моин, видимо стремясь расположить хамзованные слова по арабским правилам и пытаясь одновременно оправдать нарушение алфавитного порядка при расположении слов, в которых есть ʿ хамза, включил этот знак в алфавит после ʾ алефа, в результате чего получилось 33 буквы, см. [Моин 1342, т. 1, с. 339]. В данном случае его подход не согласуется с арабскими грамматиками и словарями, так как их авторы не включают ʿ хамзу в алфавит и считают ее лишь орфографическим знаком, который ставится над одной из трех подставок: ʾ *alef*, ʿ *z* (зубец) и ۋ *vāv*. Хамза может помещаться также самостоятельно («на воздухе»), обычно в конце слов: امضاء *emzā* ‘подпись’, املاء *emlā* ‘орфография’.

Учитывая специфику употребления хамзы в персидском языке, мы считаем, что в этом языке имеется еще больше оснований для того, чтобы не считать данный знак самостоятельной буквой.

Персидский алфавит отличается от арабского еще и порядком следования трех последних букв, на что обычно не обращается внимание: персидский алфавит оканчивается буквами ۋ *vāv*, ه *hā-ye havvaz* и ی *yā*, арабский — буквами ه *hā-ye havvaz*, ۋ *vāv* и ی *yā*.

Далее остановимся на порядке следования некоторых букв, в отношении места расположения которых в алфавите между иранистами-фонетистами и иранистами-лексикографами имеются расхождения.

В арабском языке буква *alef* считается знаком долготы для огласовки «фатха» (—) или является «подставкой» для ʿ хамзы, см. [Баранов 1976, с. 21]. В персидском языке функции *алефа*, который, как и в арабском, является первой буквой алфавита, изменились, и эта буква стала обозначать не только устойчивый гласный *ā* (в середине и исходе слов), но и неустойчивые гласные *a*, *e*, *o* в начале слов. Как показали фонетические исследования, хамза, помещаемая иногда над или под *алефом* только в начале слов (أخذ *axz* ‘получение’, إخراج *extrāj* ‘изгнание’) в персидских источниках, полностью утратила значение выразителя согласного звука. Не наблюдается в этой позиции и сильного приступа (*кнакклаута*) соответствующего гласного.

В начале слов (иногда — в середине: مآب *meāb* ‘убежище’, ‘прибежище’) устойчивый гласный *ā* обозначается буквой *ā*, называемой *алеф-е тамдуд* ‘алеф с маддой’ и фактически являющейся первой буквой алфавита. В персидских толковых словарях слова, начинающиеся с *алефа* с маддой (*ā*), даются раньше, чем слова, в начале которых стоит просто *алеф*: آب *āb* ‘вода’, آس *ās* *карт*. ‘туз’. В арабско-русском словаре Х.К.Баранова оба *алефа* не разделяются [Баранов 1976, с. 21], а в алфавите сначала дается просто *алеф* *ā*, а потом *алеф* с маддой *ā*. В имеющихся персидско-русских словарях оба *алефа* также даются вместе, например, словарь М.А.Гаффарова [Гаффаров 1974], словарь Б.В.Миллера [Миллер 1950], двухтомный словарь под редакцией Ю.А.Рубинчика [ПРС 1985].

Слова, которые имеют хамзу, по нашему мнению, следует располагать в общем алфавитном порядке с учетом не хамзы, а «подставки» под ней. На основании этого, слова арабского или иранского происхождения с хамзой над зубцом — ُ, ٌ — должны располагаться в алфавитном порядке так, как если бы вместо хамзы была употреблена буква *yā*. Такая подача этого орфографического знака наблюдается в упоминавшихся выше персидско-русских словарях.

Авторы толковых словарей персидского языка считают, что сразу после *алефа* должна следовать не буква *be*, как это предусмотрено персидским алфавитом, а орфографический знак ʿ «хамза». Поэтому в персидских словарях сначала даются слова *ائتلاف* *e'telāf* ‘союз’, ‘коалиция’, *ائمة* *aemme* ‘имамы’ и др., а затем — ابتدا *ebtedā* ‘начало’, ابتكار *ebtekār* ‘инициатива’ и т.д.

В словах арабского происхождения иногда можно встретить букву *ة* (تای مربوطه) *tā-ye marbuta*, букв. ‘тэ связанное’). Она употребляется только в абсолютном исходе слов и всегда произносится как буква *te*, например: حياة *hayāt* ‘жизнь’, قضاة *qozzāt* ‘судьи’, مراجعة *morājeat* ‘возвращение’. Хотя эта буква в персидском языке произносится как *t* и может свободно заменяться на букву *t*, в алфавите ее следует приравнять к букве *hā-ye havvaz*. Причиной для такого приравнивания служит не только их внешнее сходство, но и то, что арабские слова, имеющие в исходе букву *ة* *tā-ye marbuta*, в персидском языке очень часто оканчиваются на *ه* (های غیر ملفوظ) *hā-ye qeyr-e malfuz* ‘*hā*-«немое», ‘непроизносимое *hā*’): حمله *hamle* ‘атака’, مصاحبه *mosāhebe* ‘беседа’, صدقه *sadaqe* ‘милостыня’. В арабском же алфавите эта буква следует после буквы *hā-ye havvaz*.

В арабском литературном языке буква *ā* обычно произносится как *at* (в разговорном — как *a*) и чаще всего является показателем женского рода; замена ее на букву *ā* невозможна.

Арабские слова, оканчивающиеся на *ā* *tā-ye tarbut* и заимствованные в персидский язык, в тех случаях, когда эта буква не сохранилась, имеют окончание либо *-e* (حمله *hamle* ‘атака’), либо *-at* (عمارت *emarat* ‘здание’). При этом выбранное окончание заимствованного арабского слова становится постоянным и чаще всего не меняется на другое (ср. مراجعه *morājee* ‘обращение’ и مراجعت *morājeat* ‘возвращение’).

В отдельных словах, обычно в наречиях, *ā* *tā-ye tarbut*, как и алеф, может иметь над собой «танвин-фатху»: نسبه *nesbatan* ‘относительно’, واهله *vahlatan* ‘внезапно’.

2. Явления ненормализованности персидской письменности

Каждый язык должен обладать более или менее четкими орфографическими нормами, иначе письменное общение на нем будет затруднено.

Персидская письменность прошла более чем тысячелетний путь развития. Влияние арабского произношения на раннем этапе развития новоперсидского языка, наличие многочисленных местных языков и диалектов при более или менее единой литературной норме приводили к частым нарушениям единообразия в написании сложных, производных и даже простых слов, собственно персидских и заимствованных. О неупорядоченности орфографических правил на раннем этапе развития новоперсидского языка пишет П.Ханляри. Указывая на многочисленные ошибки в написании слов, он, в частности, отмечает, что переписчики «при написании каждого слова обращали больше внимания на внешнюю красоту слова или на необходимость его размещения в рамках одной строки, чем на необходимость соблюдения строгих правил орфографии» [Ханляри 1357, с. 25].

Выше было указано на наличие дополнительных букв, приближавших персидское произношение к арабскому, на употребление одних букв вместо других; в средневековой письменности встречались и другие особенности и несовершенства. При наличии огромной территории, на которой главную коммуникативную роль выполнял персидский классический язык, вполне допустимо было возникновение письменного языка с большими отклонениями от нормы, на письме отражавшими диалектные особенности. Однако развитие общеписьменного литературного языка пошло по другому пути, привело к созданию единой арабско-персидской письменности, отражающей более или менее стройно и единообразно звуковой состав персидского языка.

И все же необходимо сказать о неупорядоченности персидского правописания, об отсутствии выработанных четких орфографических норм. Вопросы персидского правописания неоднократно поднимались в иранских научных журналах, в периодической печати, на страницах центральных газет. В частности, речь шла о слитном

Таблица 3

Персидский алфавит и транскрипция²

Буквы	Названия буквы	Транскрипция	Буквы	Названия буквы	Транскрипция
آ } ا }	<i>alef</i>	<i>ā</i> <i>ā, a, e, o</i>	ص	<i>sād</i>	<i>s</i>
ب	<i>be</i>	<i>b</i>	ض	<i>zād</i>	<i>z</i>
پ	<i>pe</i>	<i>p</i>	ط	<i>tā</i>	<i>t</i>
ت	<i>te, tā</i>	<i>t</i>	ظ	<i>zā</i>	<i>z</i>
ث	<i>se</i>	<i>s</i>	ع	<i>eyn</i>	<i>a, e, o, ' </i>
ج	<i>jim</i>	<i>j</i>	غ	<i>qeyn</i>	<i>q</i>
چ	<i>če</i>	<i>č</i>	ف	<i>fe</i>	<i>f</i>
ح	<i>he, hā-ye hotti</i>	<i>h</i>	ق	<i>qāf</i>	<i>q</i>
خ	<i>xe</i>	<i>x</i>	ک	<i>kāf</i>	<i>k</i>
د	<i>dāl</i>	<i>d</i>	گ	<i>gāf</i>	<i>g</i>
ذ	<i>zāl</i>	<i>z</i>	ل	<i>lām</i>	<i>l</i>
ر	<i>re, rā</i>	<i>r</i>	م	<i>mim</i>	<i>m</i>
ز	<i>ze</i>	<i>z</i>	ن	<i>nun</i>	<i>n</i>
ژ	<i>že</i>	<i>ž</i>	و	<i>vāv</i>	<i>v, o, u, ow</i>
س	<i>sin</i>	<i>s</i>	ه	<i>he, hā-ye havvaz</i>	<i>h, e</i>
ش	<i>šin</i>	<i>š</i>	ی	<i>ye, yā</i>	<i>y, i, ey</i>

или раздельном написании предлога с последующим словом, о слитном или раздельном написании знаменательных и служебных морфем, об использовании орфографического знака «хамза» в словах иранского происхождения, об орфографии западноевропейских заимствований и т.д.³

Для того чтобы более наглядно показать современное состояние персидского правописания, особо остановившись на спорных и трудных вопросах орфографии, следует сгруппировать типичные, часто встречающиеся случаи графических расхождений в современной орфографии, исключив, разумеется, явные ошибки.

1. Имеется значительное количество употребительных слов, которые при одинаковом произношении пишутся с разными буквами.

Наблюдается смешение таких букв, как ق и غ, ت и ط, ذ и ز, ب и پ, ک و گ, и некоторых других: قاز و غاز *qāz* 'гусь', طپیدن و تپیدن *tapidan* 'биться', 'стучать', اتاق و اطاق *otāq* 'комната' и т.д.

² В основе транскрипции лежит латинский алфавит, к которому добавлены его измененные графемы — *ā, č, ž* и диакритический знак ' (апостроф).

³ Проблеме современной персидской орфографии была посвящена статья «Современное состояние персидской орфографии» [Рубинчик 1969].

Разные графические варианты имеют некоторые слова арабского происхождения: *حیات* и *حياة hayāt* 'жизнь', *دعوى* и *دعوا da'vā* 'ссора', *نسبتاً* и *نسبة nesbatan* 'относительно'.

Особо следует отметить случаи, когда в арабских и исконно персидских словах хамза, стоящая над зубцом — *هـ*, *أ* и указывающая на необходимость чтения подряд двух гласных, заменяется буквой *ی yā*. В результате в языке возникают два варианта написания и произношения одного и того же слова: *حائز hāez* и *حایز hāyez* 'владеющий', *پاییز pāyīz* и *پائیز pāīz* 'осень'.

Наблюдаются случаи употребления разных «подставок» под хамзу; при этом произношение слов не меняется: *هیئت* и *هیات hey'at* 'состав', 'комиссия', *مسئله* и *مساله mas'ale* 'вопрос', *جرات* и *جرت jor'at* 'смелость', 'отвага'.

2. Имеется много расхождений в написании западноевропейских заимствований, в частности при передаче на письме звука *o*. Встречаются графические варианты, где этот звук обозначается буквой *و vāv* или только огласовкой *ُ* «*piš*»: *اتم atom* 'атом', *اپرا* и *اوپرا operā* 'опера'.

Некоторые слова, выступая в языке-доноре как цельная лексическая единица, в персидском языке изображаются как два слова: *امفی بی amfibi* 'амфибия', *امفی تاتر amfiteātr* 'амфитеатр'.

Заемствованные географические наименования иногда имеют два-три произношения и написания: *امریکا amrikā*, *امریکا emrikā* и *amrikā* — Америка, *افریقا efriqā* и *افریقا afriqā* — Африка.

3. Не существует строгих правил слитного и раздельного написания слов со служебными морфемами и словами. Например, предлог *به be* 'в', послелог *را -rā* пишутся с основным словом слитно и раздельно: *بشما گفتم* и *به شما گفتم Be šomā goftam* 'Я вам сказал', *این وظیفه مهم را انجام نداده اند* и *این وظیفه مهمرا انجام نداده اند In vazife-ye mohemm-rā anjām nadāde-and* 'Эту важную задачу они не выполнили'.

Некоторый разнобой наблюдается в написании глагольной приставки *می mi-*, которая в настоящее время чаще пишется раздельно с последующей глагольной основой (настоящего или прошедшего времени): *می گفت migoft* 'говорил', *می نویسم minevisam* 'пишу', *می روند miravand* 'идут'.

Глагольная приставка *ب be-* (повелительное наклонение, настоящее время сослагательного наклонения — аорист, простое прошедшее время в языке классического периода) обычно пишется слитно с последующей глагольной основой: *بخوانید bexānid* 'читайте', *بیآورم? biyāvaram?* 'мне принести?', *برفت beraft* 'он отправился'. Но иногда встречаются случаи раздельного написания приставки *به be-* от глагольных основ.

4. Не соблюдаются строгие правила слитного написания сложных, полупроизводных и производных слов. Некоторые сложные и полупроизводные слова, а также отдельные виды производных слов (с суффиксами *چی -či*, *گر -gar*, префиксами *بی bi-*, *به be-* и др.) даже в пределах одной страницы текста, статьи нередко имеют и слитное, и раздельное написание: *بازیکن* и *بازیکنان bāzikon* 'игрок', *دانش آموز* и *دانشآموز dānešāmuz* 'ученик', *پستچی* и *پستچی postči* 'почтальон', *صورتگر* и *صورتگر suratgar* 'портретист', *بیجا* и *بیجا bijā* 'неуместный', *به آسانی* и *به آسانی beāsāni* 'легко'.

5. Существует несколько вариантов обозначения изафетного показателя, написания артикля и словообразовательных суффиксов после слов, оканчивающихся на *ه hā-* «немое», — *-e*:

1) изафетный показатель обозначается при помощи хамзы или буквы *ی* *yā*: نامه پدر *nāme-ye pedar* ‘письмо отца’;

2) выделительный артикль обозначается либо буквосочетанием *ای*, либо *یی*: خانه ای *xāne-i*, خانه یی *xāne-yi* ‘какой-то дом’;

3) словообразовательные суффиксы *-i* (مصدری *yā-ye masdari* и نسبی *yā-ye nesbi*) чаще всего присоединяются к слову при помощи буквы *گ* *gāf* (ه *hā*—«немое» в этом случае опускается⁴): خانه *xāne* ‘дом’ — خانگی *xānegi* ‘домашний’; в отдельных случаях допускается изображение этих суффиксов в виде буквосочетаний *ای* или *یی*: افسانه ای *afsānei* и افسانه یی *afsāneyi* ‘сказочный’, باسمه ای *bāsmei* или باسمه یی *bāsmeyi* ‘печатный’, ‘литографский’.

Отмеченные выше пункты свидетельствуют о необходимости уточнения правописания отдельных слов и выработки более строгих правил персидской орфографии.

3. Особенности произношения буквы *ع* *ey* и орфографического знака * «хамза» в персидском языке

По своему звуковому составу персидский язык существенно отличается от арабского. Арабские заимствования подверглись значительной фонетической адаптации: звуки, чуждые персидской фонетической системе, были заменены на более или менее близкие звуки персидского языка. Кроме того, в новоперсидском языке появились звуки, не характерные для среднеперсидского языка. Так, можно отметить появление в персидском языке гортанного смычного глухого согласного, обычно обозначаемого в транскрипции в виде апострофа (’). В силу некоторого сходства со звуком, обозначаемым в арабском языке орфографическим знаком * «хамза», этот звук назван нами «хамза».

Как уже указывалось, согласный «хамза» образовался на базе двух арабских согласных — гортанного смычного глухого и зевного смычного звонкого, выражаемых в арабском письме орфографическим знаком * «хамза» и буквой *ع* *ey*. Этот звук встречается только в арабских словах при соблюдении арабизованного произношения и имеет ограниченное употребление. Наиболее ярко наличие этого звука можно наблюдать в арабизованном произношении⁵.

Таким образом, в результате фонетических изменений, которые произошли в заимствованных арабских словах, буква *ع* *ey* и знак * «хамза» перестали обозначать в персидском языке разные звуки. Они по существу превратились в орфографические знаки, которые либо совсем не произносятся, либо обозначают прерыв голоса — паузу. В определенных позициях в слове при арабизованном произношении они могут обозначать гортанную смычку.

⁴ В редких случаях *ه* *hā*—«немое» может сохраняться: آسوده گی *āsudegi* ‘покой’.

⁵ Арабизованное произношение — это такое произношение заимствованных арабских слов в рамках персидской фонетической системы, которое приближается к фонетическим нормам арабского языка. Оно свойственно книжному стилю, и его можно встретить главным образом при тщательном произношении в речи дикторов радио и телевидения, служителей мусульманского культа.

Звук «хамза» встречается только в двух позициях — в середине и исходе слов: وعده *va'de* 'обещание', جرأت *gor'at* 'смелость', 'отвага', ربع *rob* 'четверть', جزء *joz* 'часть', 'доля'.

Произношение звука «хамза» тесно связано с его позицией в слове, с фонетическим окружением. Поэтому возникает необходимость рассмотрения особенностей произношения таких слов одновременно с характеристикой правил чтения знака «хамза» и буквы ع *eyn*.

Перед устойчивыми гласными буква ع *eyn* и знак «хамза» никак себя не проявляют и произносятся соответствующий устойчивый гласный: عامل *āmel* 'фактор', بيعانه *beuāne* 'аванс', 'задаток', عور *ur* 'нагой', 'обнаженный', عيد *id* 'праздник'.

В начале слов ни буква ع *eyn*, ни орфографический знак «хамза» не произносятся, а произносятся следующие за ними неустойчивые гласные: عذاب *azāb* 'мучка', 'мучение', عزت *ezzat* 'величие', 'могущество', عرق *araq* 'пот', 'водка', عذر *ozr* 'повод', 'извинение', عمر *omr* 'жизнь', اتحاد *ettehād* 'союз', اخذ *axz* 'получение', اشخاص *ašxās* 'люди', افول *oful* 'заход', 'конец'.

Как отмечено выше, в начале слов ع *eyn* и «хамза» не произносятся и не оказывают влияния на произношение последующих звуков. Поэтому рассмотрение особенностей их произношения следует ограничить позициями в середине и в конце слов. В середине слов выделяется три позиции.

1. В интервокальной позиции эти звуки сигнализируют о слогоразделе, а гласные, предшествующие им и следующие после них, произносятся подряд: تعجب *taajjob* 'удивление', تأمل *taammol* 'обдумывание', 'размышление'.

Как видно из анализа примеров, эти графические знаки являются показателями слогораздела и одновременно дают возможность произносить подряд одинаковые неустойчивые гласные звуки. Поэтому в транскрипции в интервокальной позиции апостроф не следует ставить⁶.

2. В позиции после гласного перед согласным на месте буквы ع *eyn* или «хамзы» возникает прерыв голоса, который в транскрипции изображается в виде апострофа: رعد *ra'd* 'гром', تأمين *ta'min* 'обеспечение', شعر *še'r* 'стих'.

Необходимо отметить, что в этой позиции возможно и другое произношение, особенно в разговорной речи: под влиянием буквы ع *eyn* или «хамзы» предшествующий неустойчивый гласный может удлиняться: رعد *ra'd* → *raad*, تأمين *ta'min* → *taamin*, بعد *ba'd* → *baad*. Это явление следует рассматривать как удлиненный вариант неустойчивого гласного *a* в особой фонетической позиции. В словарях обычно отражается первый вариант.

3. В позиции после согласного перед гласным на месте буквы ع *eyn* или «хамзы» возникает прерыв голоса: طلعت *tal'at* 'внешний вид', 'наружность', مسئله *mas'ale* 'вопрос', قرعه *qor'e* 'жребий', جرعه *gor'e* 'глоток'.

В последних двух позициях при арабизованном произношении вместо прерыва голоса может возникать гортанная смычка.

Особо следует выделить хамзованные по происхождению слова, в которых хамза полностью исчезла: она не выражается графически и не оказывает никакого

⁶ Способность знака «хамза» обозначать слогораздел и следование подряд гласных звуков используются при написании заимствованных западноевропейских слов: فئودال *feodāl* 'феодал', سوندا *Sued* — Швеция, أئروپلان *āeroplān* 'аэроплан'.

влияния на произношение. Обычно отмечаются два таких слова: تاريخ *tārix* 'история' и فال *fāl* 'гадание'.

Хотя в исходе слов общая характеристика произношения буквы ع *eyn* и * хамзы приблизительно совпадает, в отдельных позициях имеются различия, на которых необходимо остановиться. Рассмотрим произношение каждого знака отдельно.

Буква ع *eyn* в конце слов обозначает прерыв голоса (а при арабизованном произношении — голосовую смычку): ممنوع *tamnu'* 'запрещенный', قطع *qat'* 'отрезание', 'прерывание'. В разговорном языке ع *eyn* часто совсем не произносится. Однако в изафетной конструкции на месте буквы ع *eyn* всегда наличествует прерыв голоса, например: رفع اختلافات *raf'-e extelāfāt* 'устранение противоречий', اطلاع خوب *ettelā'-e xub* 'хорошее сообщение'. Поэтому при транскрибировании арабских слов, оканчивающихся на ع *eyn*, ставится апостроф.

Орфографический знак * «хамза» в абсолютном исходе чаще всего встречается после устойчивого гласного ā. В этой позиции он не имеет никакой подставки («хамза на воздухе») и обычно не произносится, но при арабизованном произношении на месте этого знака может возникать прерыв голоса и даже гортанная смычка. Особенно это проявляется в изафетных словосочетаниях: همزه املاء *emlā'-e hamze* 'орфография хамзы', اجراء اوامر *ejrā'-e avāmer* 'исполнение приказов' — и чаще встречается в книжном стиле. Неустойчивость знака * «хамза» в этой позиции приводит к тому, что хамза совсем опускается, и изафетный показатель выражается буквой ی *yā*: همزه املاي *emlā-ye hamze*, اجراي اوامر *ejrā-ye avāmer*. Возможность двойного чтения арабских слов, оканчивающихся на * хамзу («хамза на воздухе»), дает основание не употреблять при их транскрибировании апостроф: املا *emlā* 'орфография', امضا *emzā* 'подпись'.

Все сказанное выше о транскрибировании слов, оканчивающихся на букву ع *eyn* и знак * «хамза», позволяет сформулировать правила написания этих слов в транскрипции при сочетании с последующими грамматическими и словообразовательными морфемами: 1) после слов, оканчивающихся на букву ع *eyn*, ставится апостроф (اطلاع خوب *ettelā'-e xub* 'хорошее известие', واسعاً *vasi'an* 'широко'); 2) после слов, оканчивающихся на хамзу, возможны три варианта транскрибирования: а) с апострофом (املاء فارسي *emlā'-e fārsi* 'персидская орфография'); б) без апострофа (при наличии двух гласных — املائي *emlāi* 'орфографический') и в) с буквой ی *yā* (املاي فارسي *emlā-ye fārsi*, املاي *emlāyi*). Учитывая большой разбой в словарях персидского языка, в фонетической и грамматической литературе, хотелось бы обратить особое внимание на транскрибирование подобного рода слов.

Опущение хамзы и замена ее (в составе изафетных словосочетаний) буквой ی *yā* полностью исключаются в тех случаях, когда ее употребление имеет смысло-различительное значение. Обычно такие случаи возникают, когда наряду с арабским словом имеется сходное по написанию и произношению персидского слово, ср. سوء *su'* 'зло' и سو *su* 'сторона', 'направление', جزء *joz'* 'часть', 'доля' и جز *joz* предлог 'кроме'. В изафетных словосочетаниях всегда сохраняется хамза: سوء تفاهم *su'-e tafāhom* 'недопонимание', جزء ساختمان *joz'-e sāxtemān* 'часть строения', جزء لاينفك *joz'-e lāyanfak(k)* 'неотделимая часть'.

⁷ В слове جزء *joz'* 'часть' * хамза может переходить в букву و *vāv* — جزو *jozv*. В этом случае в атрибутивных словосочетаниях употребляется изафет: اتاق جزو *jozv-e otāq* 'часть комнаты'.

Рассмотрев особенности произношения знака ʿ «хамза» в персидском языке, следует еще раз остановиться на месте этого знака в арабско-персидском алфавите. Хотя составители персидских словарей, как и арабские лексикографы, исключают его из алфавита, тем не менее они считают, что он следует после алефа (независимо от того, что является «подставкой» под этим знаком — *alef*, *vāv* или зубец). Поэтому после алефа, не имеющего над собой хамзы (например, в слове *ابر abr* 'облако'), следующими в алфавитном порядке графемами считаются две буквы-«подставки», которые могут иметь хамзу — *alef* (أ, إ), *vāv* (و), а также зубец (آ, ؤ). Соответствующим образом включаются в словарь арабские слова, имеющие в своем составе ʿ хамзу. Например, при подаче в словаре лексем, начинающихся на букву ت, сначала дают слова *تافتن tāftan*, *تاوان tāvān*, *تاوه tāve*, *تاه tāh* и т.д., а затем *تاويد ta'uid*, *تاثر taassor*, *تاخير ta'xir*, *تاريخ ta'rix*, *تاسف taassof* и т.д., что фактически свидетельствует о нарушении алфавита, см. [Моин 1342, т. 1, с. 1010–1014]. Однако такой порядок подачи арабских слов неудобен для персидского языка по двум причинам.

1. В текстах (особенно в газетных) хамза над буквами *alef* и *vāv* часто опускается. Читатель, не знающий твердо арабского написания слова с хамзой, вынужден искать его в соответствии с тем порядковым положением, которое занимает буква-«подставка» в арабско-персидском алфавите, что затрудняет нахождение нужного слова. Следовательно, ʿ хамзу нецелесообразно учитывать в алфавите, и хамзованные слова следует давать в алфавитном порядке с учетом «подставки».

2. Имеется большое количество персидских слов, которые пишутся как через ʿ хамзу, так и через букву *yā*. Ср., например, слова *پائیز pāiz* и *پاییز pāyiz* 'осень', *آیین āin* и *آیین āyin* 'обычай', 'доктрина', *پائین pāin* и *پایین pāyin* 'низ', *زایدن zāidan* и *زاییدن zāyidan* 'рожать'⁸. В последние годы в этих словах стали употреблять преимущественно букву *yā*.

По мнению некоторых иранских авторов, ʿ хамза, встречающаяся в словах иранского происхождения или после слов, оканчивающихся на *hā*-«немое» (для обозначения изафетного показателя), не является настоящей арабской хамзой, а представляет собой уменьшенную букву *yā*: *خانه من xāne-ye-man* 'мой дом', *دانائی danai* 'знание', 'ученость', например, [Шариат 1364, с. 12].

Замена хамзы на *yā* стала допустима и в большинстве арабских по происхождению слов. В результате этого такие арабские слова имеют двойное произношение и написание: *دایر dāyer* и *دائر dāer* 'функционирующий', 'действующий', *شرایط šarāyet* и *شرايط šarāet* 'условия' и т.д. Действительно, изменения и перестановку знаков осуществить можно, но это ничего не дает для улучшения персидской фонетики и орфографии.

Отмеченные выше факты употребления хамзы наряду с буквой *yā* свидетельствуют о целесообразности при расположении слов в словаре приравнять хамзу над зубцом — آ, ؤ — к букве *yā*.

⁸ В словах иранского происхождения ʿ хамза используется как орфографический знак, указывающий на слогораздел и на необходимость чтения подряд двух гласных звуков, следующих один за другим (обычно — устойчивого и неустойчивого или двух устойчивых).

⁹ В арабском литературном языке написание хамзованных слов через букву *yā* считается неправильным и является отражением диалектного произношения.

Из других особенностей графического функционирования хамзы отметим вопрос о «подставке» под хамзу в арабских словах. В большинстве случаев в персидском написании соблюдаются орфографические правила арабского языка: заимствованные арабские слова имеют те же «подставки» под хамзу, что и в арабском языке. Однако в отдельных случаях возможны отклонения от канонического арабского написания. Например, арабские слова *مسأله* *mas'ale* 'вопрос', *هیات* *hey'at* 'состав', 'комиссия' имеют и другую орфографическую форму, в которой «подставкой» под хамзу является не алеф (как это полагалось бы по арабским нормам), а зубец — *ه*, *ه*, причем последнее написание получило в современном персидском языке большее распространение.

Все сказанное выше относительно употребления хамзы свидетельствует о том, что орфография арабских и персидских слов, имеющих этот знак, нуждается в упорядочении и нормировании.

Глава четвертая

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПЕРСИДСКОГО СЛОВА

Слово — кратчайшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов и свойств. В слове сочетаются три основных признака: фонетический (звуковой комплекс), лексико-семантический (значение) и грамматический (морфологическая структура и роль слова как составного элемента предложения).

Вместе с тем приходится констатировать, что у иранских грамматистов при определении структуры персидского слова его фонетическая и семантическая цельность часто не согласуются с его графической цельностью — отдельные элементы слова пишутся раздельно (например, глагольная приставка می *mi-*, некоторые части заимствованных и чисто персидских слов).

Выше были рассмотрены главные фонетические признаки персидского слова (часть первая, глава первая). Соединяя в себе лексические и грамматические значения, слово принадлежит к определенной части речи и обладает свойственными ей грамматическими категориями. Однако вопросы распределения слов между частями речи в персидском языке не всегда решаются просто. Дело в том, что в языках аналитического строя, к которым относится персидский, из-за отсутствия категорий падежа и рода возникают трудности выделения формальных показателей принадлежности слова к той или иной части речи. Если персидский глагол, обладающий четкой формой инфинитива и развитой парадигмой спряжения, сравнительно легко выделяем в контексте, то именные части речи (существительные и прилагательные) внешне выступают как одинаковые по структуре слова. Нередко такого рода слова, будучи именными и по своему происхождению, обладают значениями наречий и отыменных предлогов. Например, слово بالا *bālā* имеет значение существительного 'верх', прилагательного 'верхний', наречия 'наверху', отыменного предлога 'на', 'над'; слово پایین *pāyin* выступает в значении существительного 'низ', прилагательного 'нижний', наречия 'внизу', 'вниз'. Таких примеров можно привести много. Наличие у слова нескольких лексико-грамматических значений затрудняет определение того, имеем ли мы дело с одним словом или с несколькими омонимами. Эти вопросы специально рассматриваются ниже при характеристике персидских частей речи.

*Морфологическая структура исконно персидского слова не имеет четкого формального выражения и из-за этого создает трудности при его отнесении к той или иной части речи. Так, слова مرد *mard* 'мужчина' и سرد *sard* 'холодный', پناه*

panāh ‘убежище’ و سیاه *siyāh* ‘черный’ и другие, внешне похожие по своей структуре, относятся к разным частям речи. Все эти слова, выступающие как чистые основы, являются простыми, но независимо от того, относится ли слово к простым, производным, полупроизводным (полуаффиксальным), сложным или сложнопроизводным, определить принадлежность конкретного слова к существительным или прилагательным не удастся. И все же на основании лексико-семантических и морфологических признаков персидские слова объединяются в знаменательные и служебные части речи, которые характеризуются определенными грамматическими категориями и способами словообразования. Грамматические характеристики частей речи, а также способы словообразования именных частей речи рассматриваются во второй части «Граматики».

При анализе строения персидского слова необходимо учитывать словарный состав языка с точки зрения его исторического развития, отделяя исконно персидские слова от заимствованных. В силу ряда исторических условий в персидский язык проникло огромное количество иноязычных заимствований, многие из которых обозначают жизненно важные понятия и имеют широкое распространение. Более половины лексического состава персидского языка составляют слова арабского происхождения. В персидский язык проникло много тюркско-монгольских и западноевропейских слов, а также некоторое число заимствований из индийских, греческого, русского и других языков. Ряд слов вошел в персидский язык из мертвых и живых иранских языков, например, из парфянского, согдийского, курдского, гилианского. Многие заимствования вошли в персидский язык через арабский (например, صابون *sābun* ‘мыло’, فیلسوف *filsuf* ‘философ’, قانون *qānun* ‘закон’ — из греческого, فلفل *felfel* ‘перец’ — из санскрита), некоторые чисто персидские слова подверглись арабизации и стали употребляться в арабизованной фонетической форме (например, فارسی *fārsi* из پارسی *pārsi* ‘персидский’, جوهر *jowhar* из گوهر *gowhar* ‘драгоценный камень’, جهان *jahān* из کیهان *keyhān* ‘мир’, لجام *lejām* из لگام *legām* ‘уздечка’). Основу словарного состава современного персидского языка образуют слова иранского и арабского происхождения, они определяют морфологическую структуру персидского слова. Поэтому кратко остановимся на характеристике этих двух пластов лексики.

Слова иранского происхождения в большинстве случаев на основе сравнительно-исторического анализа могут быть возведены к своим прототипам в среднеперсидском и древнеперсидском языках. Однако, к сожалению, до сих пор не создан этимологический словарь, который более или менее полно отражал бы историческое развитие структуры и семантики исконно персидских слов.

Чисто персидские слова — имена существительные — обозначают родственные отношения (مادر *mādar* ‘мать’, پدر *pedar* ‘отец’, دختر *doxtar* ‘дочь’, پسر *pesar* ‘сын’), части человеческого тела (سر *sar* ‘голова’, چشم *česm* ‘глаз’, دست *dast* ‘рука’, پا *pā* ‘нога’), названия животных и растений (سگ *sag* ‘собака’, شتر *šotor* ‘верблюд’, خر *xar* ‘осел’, اسب *asb* ‘лошадь’, درخت *deraxt* ‘дерево’, گل *gol* ‘цветок’), названия основных понятий и явлений природы (آسمان *āsmān* ‘небо’, آفتاب *āftāb* ‘солнце’, زمین *zamīn* ‘земля’, آب *āb* ‘вода’, باران *bārān* ‘дождь’), названия продуктов сельского хозяйства, предметов домашнего обихода и т.д.

К исконно персидским словам относятся имена прилагательные, выражающие наиболее часто встречающиеся качества и признаки предметов (بزرگ *bozorg*

‘большой’, کوچک *kučək* ‘маленький’, خوب *xub* ‘хороший’, بد *bad* ‘плохой’), местоимения личные (من *man* ‘я’, تو *to* ‘ты’, او *u* ‘он’ и т.д.), указательные (آن *ān* ‘тот’, این *in* ‘этот’, همان *hamān* ‘тот самый’ и т.д.), вопросительные (چه *če?* ‘что?’, ‘какой?’, که *ke?* ‘кто?’, کدام *kodām?* ‘какой?’), числительные (یک *yek* ‘один’, دو *do* ‘два’, سه *se* ‘три’ и т.д.), все простые (непроизводные) и префиксальные глаголы (کردن *kardan* ‘делать’, آمدن *āmadan* ‘приходить’, رفتن *raftan* ‘уходить’, برخوردن *bar-xordan* ‘сталкиваться’, درآمدن *dar-āmadan* ‘выходить’, ‘получаться’, فراگرفتن *farā-gereftan* ‘охватывать’, ‘изучать’), основные предлоги (از *az* ‘от’, ‘из’, به *be* ‘в’, در *dar* ‘в’, ‘на’) и т.д.

Основную массу иранских по происхождению слов составляют слова, имеющие широкое употребление в современном языке. Вместе с тем среди них можно встретить малоупотребительные слова, слова книжные и архаизмы.

Говоря о морфологической структуре персидских слов, следует иметь в виду, что они могут подвергаться сокращению, редукации (по-персидски تخفیف *taxfif*), например: کوتاه *kutāh* → کوتاه *kutah* ‘короткий’, سیاه *siyāh* → سیاه *siyah* ‘черный’, سپاه *sepāh* → سپه *sepah* ‘корпус’, ‘войско’, همواره *hamvāre* → همواره *hamāre* ‘постоянно’, آواز *āvāz* → آوا *āvā* ‘голос’, ‘пение’, گناه *gonāh* → گنا *gonā* ‘вина’, کوه *kuh* → که *koh* ‘гора’ и т.д. Такого рода слова принято именовать сокращенными (کلمات مخفف *kalamāt-e toxaffaf*).

Иногда в начале слова появляется | *alef*: اشکم *eškam* (вместо شکم *šekam*) ‘живот’, اشتر *oštōr* (вместо شتر *šotor*) ‘верблюд’ и т.д., см. [Бахар, Форузанфар и др., т. 1, с. 14].

Наблюдаются соединение и сокращение двух и трех слов в одно: که او *ke-u* → که او *ku* ‘который он’, که از آن *ke-az-ān* → که از آن *kazān* ‘который из того’, که این *ke-in* → که این *kin* ‘который этот’, که را *ke-rā* → که را *kerā* ‘кого’ и т.д.

Все эти изменения слов, объединения и сокращения, были характерны для персидского языка классического периода и в настоящее время встречаются главным образом в стихотворной речи. Их необходимо учитывать при определении структуры персидского слова.

Рассматривая морфологическую структуру персидского слова, нельзя не коснуться арабских заимствований.

В отличие от исконно персидских слов слова арабского происхождения построены по строго определенным моделям и воспринимаются в персидском языке в основном как простые слова (за исключением идафных словосочетаний, в которых артиклем ال *-al-* соединяются самостоятельные лексемы и которые поэтому следует рассматривать как сложные слова). Несмотря на то что арабский язык принадлежит к другой языковой семье — к семье афразийских языков (к группе семитских языков), арабские слова хорошо адаптировались в персидском языке: подверглись фонетическим, семантическим изменениям и при функционировании в языке полностью подчиняются правилам персидской грамматики.

Иногда в учебниках персидского языка типичными арабскими словами считают такие, которые в своем составе имеют одну из восьми букв: ث *se* ‘s’, ح *he* ‘h’, ص *sād* ‘s’, ض *zad* ‘z’, ط *tā* ‘t’, ظ *zā* ‘z’, ع *eyn* ‘a’, ‘e’, ‘o’, ق *qāf* ‘q’. Но это неверно, так как нередко можно встретить чисто персидские слова, которые в своем составе могут иметь эти буквы, например: کیومرث *Kiyumars* — Кийумарс (имя мужское), اصفهان *Esfahān* — Исфahan (название города).

Арабская графика способствовала проникновению в персидский язык огромного количества арабских слов (например, в тексте новой Конституции ИРИ их насчитывается свыше 60%), причем морфологическая структура лексических заимствований в большинстве случаев сохранилась неизменной.

Арабские слова и фонетически, и семантически более органично вошли в персидский, чем заимствования из западноевропейских языков. Влияние арабского языка, охватившее первоначально только лексическую систему персидского языка, послужило импульсом для разного рода изменений на других языковых уровнях. При дальнейшем контактировании языков арабский оказал влияние на фонологическую и грамматическую системы персидского языка, на его словообразование, см. [Рубинчик 1997]. Появились отдельные фонемы, отсутствовавшие в среднеперсидском языке, были заимствованы формы арабского ломаного множественного числа, некоторые суффиксы правильного множественного и двойственного числа, префиксальные и суффиксальные словообразовательные морфемы. Слова арабского происхождения в качестве лексических морфем активно участвуют в словообразовательных процессах — в словосложении, аффиксации и других видах словообразования. В персидский язык проникли некоторые словообразовательные и словоизменительные модели, однако моделирование персидских слов по арабским формулам занимает незначительное место.

Влияние арабского языка на персидский было настолько велико, что арабские слова нередко вытесняли персидские эквиваленты. В результате в персидском языке появились не только многочисленные синонимы, но и случаи полной замены персидских слов арабскими, например: کتاب *ketāb* ‘книга’, درس *dars* ‘урок’, ساعت *sāat* ‘час’, ‘часы’, دقیقه *daqiqe* ‘минута’. Заимствовались не только знаменательные, но и служебные слова, отдельные словосочетания и даже предложения.

В работах по лексике персидского языка характеристика заимствований из арабского в основном ограничивается описанием моделей, по которым построены эти слова. Необходимо рассмотреть основные структурные типы арабских заимствований и одновременно определить их место в морфологической классификации лексических единиц персидского языка. Знание основных структурно-морфологических типов арабизмов окажет помощь в их отграничении от исконно персидских слов.

Наибольшее количество лексических заимствований составляют арабские имена, построенные по определенным словообразовательным и словоизменительным моделям, см. [Рубинчик 1999].

В основе образования арабских имен лежит трехсложный (иногда — четырехсложный) корень, составляющий как бы скелет арабского слова. От одного и того же корня путем внутренней флексии, а также с помощью префиксов и суффиксов может быть образовано сразу несколько лексических единиц. Например, от корня, состоящего из букв *ك kāf*, *ت tā*, *ب be*, образуются следующие слова: کتاب *ketāb* ‘книга’, كاتب *kāteb* ‘писарь’, ‘писец’, مكتب *maktab* ‘школа’, مكتوب *maktub* ‘письмо’, مكاتبه *mokātebe* ‘переписка (друг с другом)’.

Арабскому глаголу свойственны особые лексико-грамматические формы, называемые в арабских грамматиках *порадами*; они изменяют первичное значение корня в отношении качества, количества, направления действия или состояния. Всего в современном арабском языке фактически существует десять пород, из которых

наиболее употребительны девять (I–VIII и X). Каждая порода имеет определенные модели для образования различных глагольных и отглагольных форм и характеризуется одним или несколькими общими значениями (например, для второй породы характерно усилительно-побудительное значение, для третьей — значение взаимности, для четвертой, как и для второй, — усилительно-побудительное и т.п.). В действительности нет ни одного корня, от которого употреблялись бы все породы, хотя теоретически можно образовать формы для всех пород от любого корня. Поскольку в персидский язык из арабского вошли только отглагольные имена, описание пород для персидского языка ограничивается характеристикой форм масдаров и причастий.

Среди заимствованных имен выделяются своим количественным составом отглагольные образования — *масдары* (علم *elm* ‘наука’ — масдар I породы, اعلام *e'lām* ‘объявление’ — масдар IV породы, تعلل *taallol* ‘отговорка’, ‘увиливание’ — масдар V породы и т.д.) и *причастия*: *действительного залога* (واقع *vāqe* ‘расположенный’ — причастие I породы, متشكر *motašakker* — причастие V породы и т.д.), *страдательного залога* (مشغول *mašgul* ‘занятый’ — причастие I породы, مستعمل *mosta'mal* ‘употребительный’ — причастие X породы и т.д.). При образовании масдаров и причастий используются следующие способы: постановка гласных между корневыми согласными, удвоение второго корневого согласного, употребление префиксов и суффиксов. Если обозначить первый, второй и третий корневые согласные цифрами 1, 2, 3, а гласные звуки — соответствующими знаками транскрипции¹, то масдары и причастия различных пород будут иметь парадигмы, приводимые ниже в виде таблиц (табл. 4, 5).

Таблица 4

Масдары

Породы	Буквенно-цифровое обозначение	Примеры
I	имеет свыше 40 моделей	عمل <i>amal</i> ‘действие’, كسب <i>kasb</i> ‘получение’
II	две модели: 1) <i>tal2i3</i> , 2) <i>tal2e3e</i>	1) تحكيم <i>tahkim</i> ‘укрепление’, 2) تبصره <i>tabsera</i> ‘примечание’
III	две модели: 1) <i>molā2e3e</i> , 2) <i>molā2e3at</i>	1) مراجعه <i>morājee</i> ‘обращение’, 2) مراجعت <i>morājeat</i> ‘возвращение’
IV	<i>e12ā3</i>	اعلام <i>e'lām</i> ‘объявление’
V	<i>talā22o3</i>	تشكر <i>tašakkor</i> ‘благодарность’
VI	<i>talā2o3</i>	تجاوز <i>tajāvōz</i> ‘агрессия’
VII	<i>en1e2ā3</i>	انقلاب <i>enqelāb</i> ‘революция’
VIII	<i>e1te2ā3</i>	اكتشاف <i>ektešāf</i> ‘разведка’
X	<i>este12ā3</i>	استقلال <i>esteqlāl</i> ‘независимость’

¹ В арабских грамматиках для обозначения трех корневых согласных используются буквы ف *fe*, ع *eup*, ل *lām* (от корня فعل *faala* ‘делать’), а гласные и другие согласные обозначаются соответствующими буквами и огласовками.

Характерной особенностью всех причастий, кроме причастий I породы, является то, что они начинаются со звукосочетания *mo-*. Причастия действительного залога всегда имеют между второй и третьей корневой огласовку *zir* (ز — звук *e*), а причастия страдательного залога между теми же согласными — огласовку *zabar* (ز — звук *a*). Причастия II–X пород, за редким исключением, не противопоставляются друг другу как коррелирующие пары по залоговым значениям. Причастия страдательного залога III–X пород встречаются сравнительно редко, а по моделям V и VI пород вообще не образуются. Ряд причастий страдательного залога употребляется в персидском языке как с огласовкой *زبر zabar* (по-арабски فتحه *fathe* ‘фатха’ — *a*), так и с огласовкой *زير zir* (по-арабски كسره *kasre* ‘кясра’ — *e*) между второй и третьей корневой (например, مسترد *mostaradd* и *mostaredd* ‘возвращенный’, مشترک *moštarak* и *moštarek* ‘совместный’, ‘взаимный’) (табл. 5).

Таблица 5

Причастия

Породы	Действительный залог	Страдательный залог
I	<i>lā2e3</i> : حاضر <i>hāzer</i> ‘готовый’, ‘присутствующий’	<i>ma12u3</i> : معلوم <i>ma'lum</i> ‘известный’
II	<i>mo1a22e3</i> : معلم <i>moallem</i> ‘учитель’	<i>mo1a22a3</i> : مركب <i>morakkab</i> ‘составленный’
III	<i>mo1ā2e3</i> : مقابل <i>moqābel</i> ‘противоположный’	<i>mo1ā2a3</i> : مخاطب <i>moxātab</i> ‘тот, к кому обращаются с речью’
IV	<i>mo12e3</i> : مشکل <i>moškel</i> ‘трудный’	<i>mo12a3</i> : مبرم <i>mobram</i> ‘настоятельный’, ‘необходимый’
V	<i>mo1a1a22e3</i> : متشکر <i>motašakker</i> ‘благодарный’	<i>mo1a1a22a3</i> —
VI	<i>mo1a1ā2e3</i> : متجاوز <i>motajāvez</i> ‘агрессор’, ‘агрессивный’	<i>mo1a1ā2a3</i> —
VII	<i>mon1a2e3</i> : منفصل <i>monfasel</i> ‘отделенный’	<i>mon1a2a3</i> : مهزوم <i>monhazam</i> ‘переваренный’
VIII	<i>mo1ta2e3</i> : منتظر <i>montazer</i> ‘ожидающий’	<i>mo1ta2e3</i> : مشترک <i>moštarak</i> ‘совместный’, ‘взаимный’
X	<i>mostal2e3</i> : مستطق <i>mostanteq</i> ‘производящий дознание’, ‘судебный следователь’	<i>mostal2a3</i> : مستعمل <i>mosta'mal</i> ‘употребительный’

Помимо отмеченных выше отглагольных образований в персидский язык вошли некоторые имена существительные (ارض *arz* ‘земля’, امت *ommat* ‘народ’, ‘нация’ и т.д.), прилагательные (عظیم *azim* ‘великий’, قلیل *qalil* ‘малый’, ‘незначительный’ и т.д.), имена места (مکتب *taktab* ‘школа’, مجلس *tajles* ‘меджлис’ и т.д.), профессии (نقاش *naqqās* ‘художник’, حمال *hammāl* ‘носильщик’ и т.д.), орудия (مقراض *meqrāz* ‘ножницы’, مسواک *mesvāk* ‘зубная щетка’ и т.д.). Встречаются также слова, образованные по модели превосходной степени прилагательных: اعظم *a'zam* ‘величайший’, اقل *aqall* ‘наименьший’ и т.д.

Все перечисленные выше виды арабских имен построены по моделям, получившим широкое распространение в персидском языке. Знание этих моделей облегчает чтение и запоминание незнакомых слов, способствует их правильному написанию, а в отдельных случаях может дать представление о строении и значении слова без помощи словаря.

Свидетельством распространенности этих моделей может служить тот факт, что в персидском языке можно встретить слова, отсутствующие в литературном арабском. Вполне возможно, что некоторые из них могли быть образованы на чисто персидской почве на базе арабских корней и на базе согласных звуков неарабских слов. Они только внешне по своим лексико-грамматическим моделям совпадают с арабскими масдарами и причастиями, именами профессии, места, прилагательными: *شراکت* *šerākat* 'участие', 'компания', 'общество', *فلاکت* *falākat* 'бедствие', 'несчастье', *خجالت* *xejālat* 'стыд', 'смущение', *حراف* *harrāf* 'речистый', 'говорливый', 'болтливый', *شورور* *šarur* 'злбный', 'упрямый' и т.д. Подобные слова образованы от трехсогласных арабских корней по живым моделям. Они имеют значения, вытекающие из значения этих корней, и поэтому могут быть понятны носителям арабского языка, хотя в самом арабском языке они неупотребительны. В персидских грамматиках их обычно называют искусственными, ложными арабскими словами (*کلمات معجول* *kalemāt-e ma'jul*).

К этой же группе лексических единиц следует отнести слова, которые образованы приблизительно по арабским моделям на базе согласных, взятых из основ неарабского происхождения (чаще всего из персидских основ): *مزلّف* *mozallaf* 'кудрявый', 'курчавый' (из *زلف* *zolf* 'локоны', 'кудри'), *مکلا* *mokallā* 'носящий шляпу', 'в шляпе' (из *کلاه* *kolāh* 'шляпа') — по формуле причастия страдательного залога II породы; *مهور* *mamhur* 'опечатанный', 'имеющий печать' (из *مهر* *mohr* 'печать') — по формуле причастия страдательного залога I породы; *مستفرنگ* *mostafrang* 'поклоняющийся всему европейскому', 'европофил' (из *فرنگ* *Farang* — Европа, Франция) — по формуле причастия страдательного залога X породы; *کفّاش* *kaffāš* 'сапожник' (из *کفش* *kafš* 'обувь', 'ботинки', 'туфли') — по формуле имени профессии. Подобных примеров не много, и поэтому они не могут служить доказательством того, что создание слов по арабским моделям превратилось в самостоятельный способ словообразования в персидском языке.

Арабские масдары в персидском языке выступают только как отглагольные существительные, а причастия действительного и страдательного залога используются главным образом как существительные и прилагательные². Глагольные свойства арабских причастий значительно ослаблены: почти полностью отсутствуют залоговые противопоставления, весьма редко появляется способность к управлению другими словами. Можно отметить лишь отдельные причастия, которые сохраняют способность управлять последующими словами с помощью предлогов и изафета; например: *شهر کوچک واقع در کنار دریا* *šahr-e kuček-e vāqe' dar kenār-e daryā* 'небольшой город, расположенный на берегу моря', *سخنرانی حاوی حقایق جالب* *soxanrāni-ye hāvi-ye haqāyeq-e jāleb* 'доклад, содержащий интересные факты'.

² Употребление арабских масдаров и причастий в роли персидских именных частей речи подробно рассматривается нами в морфологической части «Грамматики» (часть вторая).

Вместе с арабскими лексическими заимствованиями в персидский язык вошли многие формы арабского ломаного множественного числа, образующиеся путем внутренней флексии. Имеются основания рассматривать их не только как грамматические формы соответствующих слов в единственном числе, но и как самостоятельные лексические единицы³.

Как простые непроемные слова воспринимаются заимствованные в персидский язык арабские числительные (اول *avval* 'первый', ثانی *sāni* 'второй', ثالث *sāles* 'третий' и т.д.), союзы (اما *ammā*, لکن *lāken*, ولی *vāli* 'но', 'однако'), предлоги (تحت *taht* 'под', بین *beyn* 'между'), частицы (فقط *faqat* 'только', 'лишь', حتی *hāttā* 'даже').

Ряд заимствований из арабского языка следует рассматривать как слова производные и сложные, поскольку их морфемы (знаменательные и служебные) могут быть выделены как значимые элементы слова.

К числу производных слов относятся арабизмы, образованные с помощью суффиксов *-an* (окончание арабского винительного падежа имени в неопределенном состоянии), *-iyuat*, *-iyue* (суффиксы арабских отвлеченных существительных), частицы отрицания لا *lā-*, بلا *belā-* (сочетание арабского предлога *bi-* с частицей отрицания لا *lā-*). Количество морфем арабского происхождения невелико. Они вошли в язык в период наиболее интенсивного проникновения арабизмов, и их состав в современном персидском языке остается неизменным.

Наиболее продуктивными морфемами арабского происхождения, участвующими в процессах словообразования персидского языка, являются суффиксы *-an*, *-iyuat*, *-iyue*. Слова, оканчивающиеся на эти суффиксы, наиболее легко узнаваемы среди других лексических единиц персидского языка.

Суффикс *-an* используется только для образования наречий от арабских прилагательных, причастий, существительных: سریعاً *sari'an* 'быстро', 'скоро' (سريع *sari* 'быстрый', 'скорый'), منظماً *monazzaman* 'регулярно', 'организованно' (منظم *monazzam* 'регулярный', 'организованный'), احتراماً *ehterāman* 'с уважением', 'уважительно' (احترام *ehterām* 'уважение') и т.д. Возможно также образование наречий от арабских прилагательных в форме превосходной степени: أقلّاً *aqallan* 'по меньшей мере', 'минимально' (اقل *aqall* 'наименьший'), أكثرّاً *aksaran* 'большой частью', 'преимущественно' (اکثر *aksar* 'наибольший'). В арабском языке подобные формы невозможны.

Свидетельством большой ассимилированности суффикса *-an* персидским языком является использование его для образования наречий от основ иранского и европейского происхождения: زوراً *zuran* 'насильно', 'силой' (زور *zur* 'сила'), نژاداً *nežādan* 'по происхождению' (نژاد *nežād* 'раса', 'род', 'происхождение'), تلفناً *telefonan* 'по телефону', پستاً *postan* 'по почте' и т.д.

Суффиксы отвлеченных существительных *-iyuat*, *-iyue* стали активными элементами персидского словообразования: قابلیت *qābeliyat* 'способность' (قابل *qābel* 'способный'), صلاحیت *salāhiyyat* 'компетентность', 'компетенция' (صلاح *salāh* 'целесообразность'), اظهاریه *ezhāriyye* 'заявление' (اظهار *ezhār* 'заявление'), نظریه *nazariyye* 'теория', 'взгляд' (نظر *nazar* 'взгляд').

³ Формы арабского ломаного множественного числа рассматриваются в связи с характеристикой грамматической категории числа персидских имен существительных (см. часть вторая, глава первая).

Сочетания арабских собственно предлогов с именами выступают в персидском языке в качестве наречий: عن قريب *anqarib* 'вскоре', 'в скором времени', بالاتفاق *belettefāq* 'сообща', 'единодушно', على الخصوص *alalxosus* 'особенно', فى الفور *felfowr* 'срочно' и т.д. С точки зрения морфологической структуры такие сочетания должны рассматриваться как непроеизводные слова, ибо входящие в их состав первые компоненты не могут быть выделены как самостоятельные морфемы.

От рассмотренных выше арабизмов следует отличать сочетания, образовавшиеся путем соединения арабских несобственно предлогов с именами. В составе таких сочетаний перед именем употребляется артикль ال *-al-*: فوق الذكر *fowqozzeqr* 'вышеупомянутый', فوق العاده *fowqolāde* 'чрезвычайный', 'чрезвычайно', تحت السلاح *tahtosselāh* 'находящийся на действительной службе' и т.п. Такие сочетания в персидском языке следует относить к производным словам, состоящим из трех составных элементов: префиксальная морфема + интерфикс + лексическая морфема. Первый и третий элементы коррелируют с самостоятельными словами: с отыменными предлогами и именами существительными; арабский определенный артикль выступает как интерфикс с изменяющимся согласным⁴ — он выполняет исключительно вспомогательную функцию: служит для связи значимых элементов слова друг с другом.

Особое место в персидском языке принадлежит идафным словосочетаниям — определенным арабским словосочетаниям (в персидском языке — всегда с определенным артиклем перед вторым компонентом): حق الاجاره *haqqolejāre* 'арендная плата', دارالافتون *dāraolfonun* 'университет', سريع السير *sari'osseyr* 'быстрый', 'быстроходный', ضعيف الاراده *zaifolerāde* 'слабовольный' и т.д. Количество таких лексических единиц в современном языке довольно велико и имеет тенденцию к росту. В связи с тем, что каждое существительное или прилагательное, входящее в состав такого рода образований, может употребляться самостоятельно, эти образования следует рассматривать как сложные слова. Составные компоненты этих слов выступают как лексические основы, а арабский определенный артикль — как интерфикс.

Рассмотренные выше модели словосочетаний с несобственно предлогами в роли первых компонентов и идафные словосочетания настолько прочно вошли в язык, что образование на их основе новых производных и сложных слов стало возможным и на персидской почве. Видимо, следует рассматривать как созданные в самом персидском языке такие слова, как جديد الورود *jadidolvorud* 'недавно появившийся', 'вновь прибывший', خالى الذهن *xāliozzehn* 'глупый', 'неразумный', بين الشهري *beynoššahri* 'междугородный' и др.

⁴ Гласный *a* определенного артикля в составе сочетаний несобственно предлогов بين *bāyna* 'между', تحت *tāhta* 'под', 'снизу', فوق *fāwqa* 'над', 'свыше' с именами в персидском языке по аналогии с произношением его в идафных словосочетаниях обычно произносится как *o*, см. [Рубинчик 1965, с. 591–592]. Кроме того, необходимо учитывать, что в арабском языке наблюдается явление уподобления (ассимиляции) звука *l* определенного артикля первому согласному имени (если это имя начинается с одной из «солнечных» согласных). В результате этого согласный *l* артикля выпадает, а первый согласный второго слова удваивается, см. [Юшманов 1985, с. 34], например: تحت + ال + شعاع *taht + al + šoa'* 'луч' = تحت الشعاع *tahtoššoa'* 'освещенный лучами'. В арабской грамматической литературе к «солнечным» согласным относят следующие: ت, ث, د, ذ, ر, ز, س, ش, ص, ض, ط, ظ, ل, ن. Остальные четырнадцать согласных арабского алфавита называются «лунными».

Выделяются своей необычной структурой имена существительные, прилагательные и другие части речи, представляющие собой застывшие арабские предложения (преимущественно глагольные) и предикативные словосочетания (неоконченные предложения). Они неразложимы и носителями языка воспринимаются как целостные единицы: ماجرا *mājarā* ‘случай’, ‘авантюра’ (букв. ‘то, что произошло’), مابه الاشتراك *mābeholešterāk* ‘общее имущество’, ‘общий’, ‘совместный’ (букв. ‘то, что является общим’), مابعد *māba'd* ‘продолжение’, ‘следующий’, ‘последующий’ (букв. ‘то, что будет потом’), لا يعلم *lāya'lam* ‘невежественный’, ‘необразованный’ (букв. ‘не знает’). Все эти словесные комплексы едины в своей просодической структуре — произносятся без внутренних пауз с ударением на последнем слоге.

Таковы главные структурные типы арабских заимствований, выделение и знание которых важны для определения общей морфологической структуры персидского слова.

Глава пятая

ПРОБЛЕМЫ ПЕРСИДСКОЙ МОРФОНОЛОГИИ

Морфонология (из «морфофонология») представляет собой промежуточное звено между фонологией и морфологией и помогает лучше понять использование фонологических различий морфем на уровне морфологии. Благодаря морфонологии удастся выявить структуру разных типов морфем и их варианты, возникновение которых вызвано определенными фонетическими условиями. Она изучает также использование разных фонологических средств в морфологических целях. Наибольшие заслуги в разработке морфонологии принадлежат Н.С.Трубецкому, который впервые очертил ее границы и которому принадлежит сам этот термин. В качестве ее составных разделов он выделял три: 1) теория фонологической структуры морфем; 2) теория комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теория звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию [Трубецкой 1960, с. 116–117].

До сих пор морфонологии как особому разделу языкознания не уделялось достаточно внимания при описании грамматического строя иранских языков¹. Тем не менее отдельные морфонологические альтернации, возникавшие на почве позиционных и комбинаторных изменений звуков, независимо от научного анализа причин их появления получали освещение при описании образования и функционирования грамматических форм, а также процессов словообразования. Персидский язык, являющийся одним из наиболее изученных в фонологическом и грамматическом отношении иранских языков, наглядно свидетельствует о справедливости выказанного выше утверждения.

Одним из первых иранистов, обративших внимание на значение морфонологического описания при анализе фонетических изменений морфем в морфологии и словообразовании персидского, таджикского языков и языка дари Афганистана, был Б.Я.Островский. Еще в кандидатской диссертации «Вопросы морфонологической системы разговорного языка кабули» [Островский 1969] он анализирует чередования алломорф в языке дари. В статье «Чередования алломорф в персидском языке» [Островский 1977] сделана попытка установить конкретные объекты исследования морфонологии и показать, какие фонетические явления персидского языка следует считать чередованиями алломорф.

¹ Вопросы фонологических изменений в древних, средних и новых иранских языках в сравнительно-историческом и этимологическом плане получили освещение в работах, см. [Расторгуева 1990; Эдельман 1990].

В грамматиках и учебниках персидского языка, изданных как в самом Иране, так и за его рубежами, явления морфологии не получали должного освещения, что, естественно, отрицательно сказывалось на учебном процессе в школьных и студенческих аудиториях.

Морфология изучает не все изменения фонем и фонемного состава языка, а только те из них, которые касаются варьирования фонем в составе морфов одной корневой или аффиксальной морфемы и происходят в процессах формо- и словообразования. Важно установить на материале персидского языка, какие фонологические изменения в составе персидских морфем следует рассматривать как морфологические, и одновременно выявить наиболее характерные случаи чередования и появления новых фонем, обусловленные фонологическими законами персидского языка и происходящие на основе правил грамматики и словообразования.

Прежде чем рассматривать явления персидской морфологии, необходимо выработать основные принципы их описания. По нашему мнению, в этом случае следует исходить не из потребностей фонологии, а из интересов всестороннего изучения особенностей морфологической и словообразовательной структуры слова, опираясь при этом на фонологические правила. Главным критерием, определяющим последовательность рассмотрения морфологических явлений, служат морфологический и словообразовательный подходы. В связи с этим морфологический анализ в первую очередь охватывает фонологические изменения морфем, относящиеся к явлениям морфологии глагола и имени, синтаксических конструкций, образованных именными частями речи, а также включает в себя фонологические изменения морфем, связанные с процессами словообразовательной деривации.

Анализ морфологических явлений персидского языка показал, что главное среди них — *возникновение эпентез* при образовании различных морфологических форм, изафетных конструкций, словообразовательных дериватов *на стыках морфем как в исходе, так и в начале и внутри слова*. Возникновение эпентез — явление весьма распространенное в персидском языке. Эпентезы обычно возникают на интервокальных стыках морфем, образуют единый слог с последующим гласным и становятся неотъемлемой частью последующей морфемы. Условиям возникновения различного рода эпентез и их фонетическому анализу была посвящена кандидатская диссертация К.И.Полякова «Некоторые фонетические процессы и явления на стыках морфем в современном литературном персидском языке» [Поляков 1972]. Работа К.И.Полякова характеризуется чисто фонологическим подходом к возникновению эпентез на стыках морфем, анализ альтернатив морфем в ней обычно не связывается с морфологическими и словообразовательными процессами и структурами персидского языка. Однако морфологические явления не ограничиваются в персидском языке только возникновением эпентез на интервокальных стыках морфем, а охватывают более широкий круг фонологических изменений в структуре морфем и слов в результате возникновения синтагматического и фразового ударений. Эти изменения, обычно трактуемые как чередования алломорф, появляются как морфологически обусловленные и диктуются правилами грамматики.

К явлениям морфологии относятся характерные для персидского языка исторические чередования звуков в презентных и претеритальных основах глагола (конечных корневых согласных и корневых гласных).

1. Эпентеза как средство изменения морфологической структуры слова

В экспериментально-фонетическом исследовании К.И.Полякова показано, что наибольшее распространение получила йотовая эпентеза, обычно возникающая на стыках корневых морфем с грамматическими и словообразовательными морфемами. Условием ее появления является интервокальный стык. Эпентеза *y* у возникает в тех случаях, когда объединяются морфемы, первая из которых оканчивается, а вторая начинается с гласной фонемы. Появляясь на стыке между двумя морфемами, *yot* примыкает к последующей морфеме, входит в ее состав, образуя с ней один слог, и превращает начальный гласный морфемы в йотированный². Учитывая строгие условия возникновения йотовой эпентезы, можно предсказать случаи ее появления и сформулировать морфонологические правила употребления.

1. Йотированные гласные возникают в следующих случаях.

1. В финитных формах глагола при присоединении личных окончаний к основам настоящего времени (ОНВ) в настояще-будущем времени, в настоящем времени сослагательного наклонения (аористе) и повелительном наклонении (2-е лицо мн. числа).

Настояще-будущее время: *گویم می migu-yam* 'я говорю' (ОНВ *گو gu* гл. *گفتن goftan* 'говорить'), *می گشاید migošā-yad* 'он/она открывает' (ОНВ *گشا gošā* гл. *گشودن gošudan* 'открывать'), *می گویم migu-yim* 'мы говорим', *می گشایند migošā-yand* 'они открывают', *می جوید miju-yad* 'он ищет' (ОНВ *جو ju* гл. *جستن jostan* 'искать').

Аорист: *؟ بگویم begu-yam?* 'мне сказать?', *که بیایی ...ke-biyā-yi* '...чтобы ты пришел' (ОНВ *آ آمدن āmadan* 'приходить'), *می تواند بگشاید mitavānad begošā-yad* 'он может открыть'.

Повелительное наклонение: случаи йотированного последующего гласного наблюдаются во 2-м лице мн. числа: *بگوید begu-yid* 'говорите', *بگشایید begošā-yid* 'открывайте', *بیایید biyā-yid* 'приходите'.

В приведенных выше примерах все основы настоящего времени персидских глаголов оканчиваются на устойчивые гласные *ā*, *i*, которые соединяются с личными окончаниями глаголов, начинающимися с неустойчивого *a*, либо с устойчивого *i*. Таковы типичные случаи соприкосновения гласных грамматических морфем, между которыми обязательно возникает йотовая эпентеза. Картина йотирования начального гласного глагольных окончаний настолько ясна, что не было необходимости приводить полные парадигмы финитных форм глаголов — достаточно было ограничиться лишь некоторыми примерами.

² Йотированным в языковедении принято называть гласный звук, который имеет перед собой среднеязычный звонкий щелевой согласный, традиционно обозначаемый латинской буквой *j* *yot* (в русском языке — буквой *й*). Однако в транскрипции, применяемой в «Грамматике», для более точного обозначения персидских звуков при обозначении среднеязычного щелевого согласного используется не буква *j* *yot*, а буква *y*, называемая по-английски «уай», по-французски — «игрек», по-латински и по-немецки — «ипсилон». Буква *j* (по-латински и по-немецки — «йот», по-английски — «джей»), по-французски — «джи») в транскрипции изображает персидскую аффрикату *дж*. Это необходимо учитывать при употреблении терминов «йотированный», «йотовый».

Вместе с тем необходимо отметить, что еще 10–15 лет тому назад некоторые иранские авторы, ссылаясь на неустойчивость орфографических норм, допускали замену буквы *ی* *yā*, обозначающей на письме среднеязычный полугласный звук, на орфографический знак «хамза» перед устойчивым гласным *i*, который обозначался с помощью графемы *ی* *yā*. Известно, что в словах арабского происхождения возможно следование одного гласного за другим, относящимся к другому слогу слова, например: *املاتی emlāi* ‘орфографический’, *شرايط šarāet* ‘условия’, *وسائط vasāet* ‘средства’. В персидском языке арабские знак «хамза» и буква *ع eyn* на письме служат показателями произношения подряд гласных звуков в середине и конце слов. Допуская постановку знака «хамза» вместо буквы *ی* *yā* перед персидской буквой *ی* *yā*, обозначающей окончание глагола или входящей в состав окончания, сторонники такого написания слов считали, что в словах чисто иранского происхождения возможно следование двух гласных подряд без добавления йотовой эпентезы: *می گوئی migui* ‘ты говоришь’, *بگوئید beguid* ‘говорите’, *می گشائی migošāi* ‘ты открываешь’, *نگشائید nagošāid* ‘не открывайте’. В настоящее время замена буквы *ی* *yā* на хамзу встречается редко. Тем не менее нормализация написания и произношения такого рода слов по-прежнему остается необходимой.

В связи с появлением эпентезы *ی* *y* после упомянутых устойчивых гласных *ā*, *i* встает вопрос о том, как фиксировать отдельно корни глаголов, в частности в словарях: с полугласным *ی* *y* или без него. Думается, что фиксировать основы наст. вр. таких глаголов следует без буквы *ی* *yā* по двум причинам: во-первых, в повелительном наклонении глагол во 2-м лице ед. числа употребляется всегда без звука *y* *yot*, и, во-вторых, полугласный *ی* *y*, изменяя начальный гласный присоединяемой морфемы, входит в ее состав. К сожалению, в имеющихся словарях и грамматических работах по персидскому языку нет четкости в этом вопросе: ОНВ глаголов, оканчивающиеся на устойчивые гласные *ā*, *i*, фиксируются с буквой *ی* *yā* и без нее — *ای āy* и *آ ā* (ОНВ гл. *آمدن āmadan* ‘приходить’), *گشای gošāy* и *گشا gošā* (ОНВ гл. *گشودن gošudan* ‘открывать’) и т.д.

2. При присоединении приставки *ب* *be-* к глагольным основам настоящего времени, начинающимся с гласных звуков — неустойчивых *a*, *o* и устойчивого *ā*. Так образуются формы аориста и повелительного наклонения: *بیایم biyāyam?* ‘мне приходить?’, *می تواند بیاندازد mitavānad biyandāzād* ‘он может бросить’ (ОНВ *انداز andāz* гл. *انداختن andāxtan* ‘бросать’), *بیاندازید biyandāzīd* ‘бросьте’, *باید بیافتد bāyad biyoftād* ‘должен упасть’ (ОНВ *افت ofi* гл. *افتادن oftādan* ‘падать’). При этом неустойчивый гласный *e* глагольной приставки *ب* *be-* перед среднеязычным полугласным *y* переходит в устойчивый гласный *i*. Анализ случаев чередования гласных *e* и *i* в составе глагольной приставки проводится ниже (при рассмотрении чередования гласных в составе глагольных приставок).

3. При присоединении частицы отрицания к глагольным основам настоящего и прошедшего времени, начинающимся с гласных звуков: *نیامد nayāmad* ‘не пришел’, *می توانیم نیایم mitavānim nayāyim* ‘мы можем не приходить’, *نیاورد nayāvārd* ‘он не принес’, *نیاوريد nayāvārid* ‘не приносите’, *نیانداختم nayandāxtam* ‘я не бросил’, *نیانداز nayandāz* ‘не бросай’, *نیافتاد nayoftād* ‘не упал’, *نیافتی nayofti* ‘смотри не упади’.

4. В изафетных словосочетаниях при присоединении изафетного показателя *-e* к словам, оканчивающимся на гласный звук: *آشنای من āšnā-ye man* ‘мой знакомый’, *دفترهای دانش آموز daftarhā-ye dānešāmuz* ‘тетради ученика’, *دانه گندم dāne-ye gandom*

‘зерно пшеницы’, خانه پدر *xāne-ye pedar* ‘дом отца’, آرزوی دیدار *ārzu-ye didār* ‘желание встретиться’, دانشجوی خوب *dānešju-ye xub* ‘хороший студент’, سینی قشنگ *sini-ye qašang* ‘красивый поднос’.

Следует иметь в виду, что в изафетных словосочетаниях после слов, оканчивающихся на дифтонг *-eu*, последний распадается и полугласный у примыкает к изафетному показателю *-e*, образуя с ним один слог: می گلگون *me-ye golgun* ‘розовое вино’, در پی او *dar pe-ye u* ‘следом за ним’, طی دو روز *te-ye do ruz* ‘в течение двух дней’.

5. При образовании форм множественного числа с помощью суффикса *-ān* (обычно у имен одушевленных), если слово оканчивается на устойчивый гласный: دانایان *dānāyān* ‘знатоки’, ‘мудрецы’, آشنایان *āšnāyān* ‘знакомые’, دانشجویان *dānešjuyān* ‘студенты’, سلجوقیان *Saljuqiyān* — Сельджуки (династия).

6. При образовании форм причастий настоящего времени с помощью суффиксов *-ān*, *-ā*, *-i*, *-ā*, если ОНВ глагола оканчивается на устойчивые гласные *-ā*, *-u*: آزماینده *āzmāyande* ‘испытывающий’ (ОНВ آزما *āzmā* гл. آزمودن *āzmudan* ‘испытывать’), گوینده *guyande* ‘говорящий’, ‘диктор’ (ОНВ گو *gu* гл. گفتن *goftan* ‘говорить’), بویان *buyān* ‘нюхающий’ (ОНВ بو *bu* гл. بوییدن *buyidan* ‘нюхать’), نمایان *netāyān* ‘видимый’, ‘ясный’ (ОНВ نما *netā* гл. نمودن *netudan* ‘показывать’), جویا *juyā* ‘ищущий’ (ОНВ جو *ju* гл. جستن *jostan* ‘искать’), رویا *ruyā* ‘растущий’ (ОНВ رو *ru* гл. رستن *rostan* ‘расти’).

7. При прибавлении артикля к именам существительным, оканчивающимся на устойчивые гласные *-ā*, *-u*: دانشجویی *dānešju-yi* ‘какой-то студент’, بنایی *banā-yi* ‘какое-то здание’, ... دانایی که *dānā-yi-ke...* ‘мудрец, который...’, ... آرزویی که *ārzu-yi-ke...* ‘желание, которое...’.

Присоединение артикля к слову, оканчивающемуся на гласный, не всегда сопровождается йотовой эпентезой. Так, она не появляется после слов, оканчивающихся на неустойчивый гласный *-e*: خانه ای *xāne-i* ‘какой-то дом’, از آن نویسنده *āz ān نویسنده* ‘один писатель из той группы’. Неоднозначно можно охарактеризовать и употребление артикля после слов, оканчивающихся на устойчивый гласный *-i*. В этом случае, по нашим наблюдениям, возможны два варианта: первый — употребление йотовой эпентезы, примыкающей к артиклю, — سینی *sini-yi* ‘какой-то поднос’, ‘один поднос’, ... گیتی که *giti-yi-ke...* ‘мир, который...’; второй — непосредственное сочетание двух гласных без всякой эпентезы — سینی ای *sini-i*, ... گیتی ای که *giti-i-ke...*³. Это различие в произношении двух сочетаний гласных находит отражение в персидской орфографии выделительного артикля и одновременно свидетельствует об отсутствии единой орфографической и орфоэпической нормы при произношении артикля после некоторых персидских гласных.

Выше было констатировано, что в словах арабского происхождения на слоговых швах допустимо сочетание гласных звуков. Анализ случаев употребления артикля после слов, оканчивающихся на некоторые гласные, свидетельствует о том, что и на интервокальных стыках морфем иранского происхождения возможно сочетание гласных фонем. Таким образом, нельзя категорически утверждать, что на

³ Случаи употребления артикля после слов, оканчивающихся на дифтонг *ow*, рассматриваются ниже, в связи с характеристикой других эпентез.

стыках морфем в словах иранского происхождения невозможно сочетание гласных фонем без йотовой эпентезы.

II. Йотированные гласные возникают также на интервокальных стыках в словообразовательных процессах в следующих случаях.

1. При присоединении к именам существительным и прилагательным, оканчивающимся на устойчивые гласные *-ā, -u*, словообразовательных суффиксов, выраженных в современном персидском языке устойчивым гласным *i*. Внешне единый по фонетической форме суффикс *ی -i* на самом деле представляет два разных по происхождению суффикса, один из которых служит для образования имен существительных — *مصدری یای yā-ye masdari*, другой — для образования имен прилагательных — *نسبی یای yā-ye nesbi*: *آشنایی āšnāyi* ‘знакомство’ (*آشنا āšnā* ‘знакомый’), *بازجویی bāzjuyi* ‘следствие’ (*بازجو bāzju* ‘следователь’), *دوایی davāyi* ‘лекарственный’ (*دوا davā* ‘лекарство’), *اینجایی injāyi* ‘здешний’, ‘местный’ (*اینجا injā* ‘здесь’), *پهلویی pahluyi* ‘боковой’, ‘фланговый’ (*پهلوی pahlū* ‘бок’, ‘фланг’).

2. При образовании имен существительных с помощью суффикса *ش -eš*, прибавляемого к ОНВ глаголов, оканчивающихся на устойчивые гласные *-ā, -u*: *آزمایش āzmayēš* ‘испытание’ (ОНВ *آزما āzmā* гл. *آزمودن āzmodan* ‘испытывать’), *آرایش ārāyēš* ‘украшение’ (ОНВ *آرا ārā* гл. *آراستن ārāstan* ‘украшать’), *گوش گویēš guyeš* ‘говор’ (ОНВ *گو gu* гл. *گفتن goftan* ‘говорить’).

3. При образовании наречий-прилагательных с помощью суффикса *انه -āne*: *جنگجویانه jangjuyāne* ‘воинственно’, ‘воинственный’, *صلحجویانه solhjuyāne* ‘миролюбиво’, ‘миролюбивый’, *عامیانه āmiyāne* ‘простонародный’, ‘просторечный’, ‘попростонародному’, ‘обыкновенно’.

III. Помимо эпентезы *ی u* в персидском языке встречаются и другие, которым в научной литературе уделено значительно меньше внимания. Они участвуют как в формообразовании, так и в словообразовании. Важно установить их состав и случаи, когда они употребляются. К их числу относятся три эпентезы: *گ g, ج j* и *و v*.

1. Эпентеза *گ g* возникает при присоединении суффикса множественного числа *ان -ān* к именам существительным одушевленным, оканчивающимся на гласный *ه -e* (*hā*-«немое»): *گرسنه gorosne* ‘голодный’ — *گرسنگان gorosnegān* ‘голодные люди’, ‘голодающие’, *کشته košte* ‘убитый’ — *کشتگان koštegān* ‘убитые’, *نویسنده nevisande* ‘писатель’ — *نویسندگان nevisandegān* ‘писатели’, *رزمنده razmande* ‘воин’ — *رزمندگان razmandegān* ‘воины’, *ایجادکننده ijādkonande* ‘создатель’ — *ایجادکنندگان ijādkonandegān* ‘создатели’, *فراموش شده farāmuššode* ‘позабытый’ — *فراموش شدگان farāmuššodegān* ‘позабытые’.

Согласный *گ g* как эпентеза участвует не только в формообразовательных, но и в словообразовательных процессах. Он используется при образовании имен существительных и прилагательных с помощью деривационных суффиксов *ی -i* (*مصدری یای yā-ye masdari* и *نسبی یای yā-ye nesbi*), если слово, к которому они прибавляются, оканчивается на гласный *ه -e* (*hā*-«немое»): *نماینده nemāyande* ‘представляющий’, ‘представитель’ — *نمایندگی nemāyandegi* ‘представительство’, *آماده āmāde* ‘готовый’ — *آمادگی āmādegi* ‘готовность’, *گرسنه gorosne* ‘голодный’ — *گرسنگی gorosnegi* ‘голод’, *سرکرده sarkarde* ‘руководитель’, ‘предводитель’ — *سرکردگی sarkardegi* ‘руководство’, ‘предводительство’, *نویسنده nevisande* ‘писатель’ — *نویسندگی nevisandegi* ‘занятие писателя’, *خانه xāne* ‘дом’ — *خانگی xānegi* ‘домашний’. Как видно из приведенных примеров, от слов, оканчивающихся на

ه *hā*-«немое», образуются преимущественно имена существительные отвлеченные. Согласный *g* прочно сливается с устойчивым гласным *-i*, и образовавшееся звуко-сочетание *گی* *-gi* представляет собой позиционные варианты двух словообразовательных морфем — *یای مصدری* *yā-ye masdari* и *یای نسبی* *yā-ye nesbi*.

Возможно также появление эпентезы *گ* *g* при прибавлении словообразовательного суффикса *انه* *-āne* после основ с исходом на *-e*: *بچه* *bačče* ‘ребенок’ — *بچه گانه* *baččegāne* ‘детский’, *مژده* *možde* ‘добрая весть’ — *مژده گانه* *moždegāne* ‘вознаграждение за добрую весть’.

Немногочисленность имен прилагательных, образованных с помощью алломорфа *گی* *-gi*, может быть объяснена тем, что при употреблении словообразовательного суффикса *یای نسبی* *yā-ye nesbi* после ه *hā*-«немое» эпентеза во многих случаях не появляется совсем. Тогда, несмотря на возникающее зияние, непосредственно после неустойчивого гласного *-e* следует устойчивый гласный *-i*: *دانه* *dāne* ‘зерно’ — *دانه ای* *dānei* ‘зерновой’, *دوره* *dowre* ‘период’ — *دوره ای* *dowrei* ‘периодический’, *دایره* *dāyere* ‘круг’ — *دایره ای* *dāyerei* ‘круговой’, ‘кругообразный’, *گونه* *gune* ‘щека’ — *گونه ای* *gunei* ‘скуловой’. Этот факт свидетельствует также о том, что случаи непосредственного сочетания двух гласных вполне допустимы в персидском языке и что возникновение эпентез в интервокальных стыках морфем не обязательно. При отсутствии эпентезы орфография таких слов имеет довольно четкий характер: после слова, оканчивающегося на *-e* (*hā*-«немое»), следуют буква *الف* *alef* и буква *ی* *yā* — *دانه ای* *dānei*, *دوره ای* *dowrei*, *دایره ای* *dāyerei*, *گونه ای* *gunei*.

Кроме того, можно сделать вывод, что после слов, оканчивающихся на неустойчивый гласный *-e*, при образовании прилагательных с помощью суффикса *یای نسبی* *yā-ye nesbi* используется *ی* *-i* без добавления эпентезы *گ* *g*⁴. При образовании же имен существительных отвлеченных *یای مصدری* *yā-ye masdari* представлен всегда алломорфом *گی* *-gi*.

2. Аффриката *ج* *j* в качестве эпентезы используется только при образовании форм мн. числа с помощью суффикса *ات* *-āt*. Суффикс мн. числа с добавлением *ج* *j* появляется в тех случаях, когда слово имеет в исходе гласный ه *-e* (*hā*-«немое»). Чаще всего это слова иранского происхождения: *میوه* *mive* ‘плод’ — *میوه ات* *mivejāt* ‘плоды’, ‘фрукты’, *نوشته* *nevešte* ‘письмо’, ‘записка’ — *نوشتجات* *neveštejāt* ‘письма’, ‘записки’. Возможно также употребление эпентезы *ج* *j* после устойчивого гласного *-i*: *سبزی* *sabzi* ‘зелень’ — *سبزیجات* *sabzijāt* ‘овощи’, ‘зелень’.

Участие эпентез *گ* *g* и *ج* *j* в формообразовательных процессах свидетельствует о том, что они прочно срослись с суффиксами мн. числа и по существу превратились в их неотъемлемую часть, а образовавшиеся звуко-сочетания *گان* *-gān* и *جات* *-jāt* должны рассматриваться соответственно как алломорфы суффиксов мн. числа *ان* *-ān* и *ات* *-āt*, чередующиеся с ними в определенных фонетических условиях.

3. При выделении эпентезы *و* *v* необходим дифференцированный подход. Нами отмечаются два случая.

⁴ Исключение представляют слова *خانگی* *xānegi* ‘домашний’ (от *خانه* *xāne* ‘дом’), *هفتگی* *haftegi* ‘еженедельный’ (от *هفته* *hafte* ‘неделя’) и некоторые другие, являющиеся именами прилагательными, образованными с помощью алломорфа *گی* *-gi*: *حیوانات خانگی* *heyvānāt-e xānegi* ‘домашние животные’, *مجله هفتگی* *majalle-ye haftegi* ‘еженедельный журнал’.

1) В словах, оканчивающихся на устойчивый *o* и *-u* (например, *ابرو abru* 'бровь', *بانو bānu* 'госпожа', *زانو zānu* 'колени'), при образовании форм мн. числа с помощью суффикса *ان -ān* происходит изменение устойчивого гласного основы *-u* на неустойчивый гласный *-o*. Эпентеза *v* появляется между конечным гласным *-o* и суффиксом *ان -ān*: *ابروان abrovān* 'брови', *بانوان bānovān* 'госпожи', *زانوان zānovān* 'колени'.

2) В словах, оканчивающихся на дифтонг *ow* (например, *قلمرو qalamrow* 'область', 'сфера', *نو now* 'новый', *درو derow* 'жатва'), в результате его распада возникают гласный *-o*, который принадлежит основе, и согласный *v*, который отходит к последующей морфеме, начинающейся с гласного. Однако согласный *v*, видимо, полноценной эпентезой считать нельзя, поскольку этот звук не возникает заново (как обычно бывает с эпентезой), а появляется в результате превращения неслогового гласного *w* в согласный *v*. Ложная эпентеза *v* может появляться в двух случаях:

а) когда слово вступает в изафетную связь с последующим словом: *قلمرو qalamrow* 'область' — *در قلمرو شیمی dar qalamro-ve šimi* 'в области химии', *جو jow* 'ячмень' — *جو خوب jo-ve xub* 'хороший ячмень', *جلو jelow* 'перед' — *جلو من jelo-ve man* 'передо мной', *دو dow* 'бег' — *دو پنج کیلومتری do-ve panjkiometri* 'забег на пять километров';

б) когда словообразовательная морфема начинается с гласного (обычно перед деривационным суффиксом *ین -in*): *جو jow* 'ячмень' — *جوین jovin* 'ячменный', *نو now* 'новый' — *نوین novin* 'новый'.

Говоря о распаде дифтонга *ow* в исходе слов, необходимо отметить также возможность появления другой ложной эпентезы: вместо согласного *v* в изафетных словосочетаниях может появляться полугласный *y*: *در جلوی من dar jelo-ye man* 'передо мной', 'впереди меня', *قلمروی مناسبات qalamro-ye monāsebāt* 'область отношений'. Нам представляется, что такое употребление полугласного *y* вполне оправданно с фонологической точки зрения, поскольку после слов, оканчивающихся на неустойчивый согласный *o* (случай чрезвычайно редкий), на стыке с изафетным показателем *-e* употребляется именно этот полугласный звук: *دو do* 'два' — *هر دوی آنها har do-ye ānhā* 'они оба'.

Таким образом, при употреблении в составе изафетных словосочетаний лексем, оканчивающихся на дифтонг *ow*, перед изафетным показателем допустимы два вида ложных эпентез — *v* или *y*. Однако слов, оканчивающихся на этот дифтонг, сравнительно немного, поэтому случаи возникновения согласного *v* и полугласного *y* на стыке морфем весьма немногочисленны.

В связи с рассмотрением распада дифтонга *ow* в исходе слов необходимо остановиться на случаях употребления артикля после слов, оканчивающихся на этот дифтонг. В результате распада дифтонга на конце слова остается неустойчивый гласный *o*, после которого в случае присоединения артикля либо добавляется срединный полугласный *y* (на письме это выражается буквой *yā*: ... *قلمروی قلمروی qalamro-yi-ke...* 'область, которая...', *جویی jo-yi* 'какой-то ячмень'), либо подряд следуют два гласных без всякой эпентезы между ними (в графике знак * «хамза» выступает как показатель отсутствия эпентезы: ... *قلمروئی قلمروئی qalamro-i-ke...*, *جویی jo-i*). Ср. также употребление артикля после неустойчивого гласного *o*: *هیچ دونی نیست که سه نشود (به سه نرسد) Hič do-i nist-ke se našavad (be se narasad)* посл. 'Нет такой двойки, которая не стала бы тройкой' (т.е. удалось два раза — удастся и в третий).

Особо следует выделить случаи изменения структуры слов (фонологической и морфологической) в связи с присоединением к ним грамматических морфем. Нам представляется, что эти факты должны рассматриваться как явления морфонологии.

Так, в словах арабского происхождения, оканчивающихся на *-e* или *-at* (обычно в арабском языке это слова в форме женского рода: они оканчиваются на букву *ة tā-ye marbuta*) и образующих мн. число с помощью суффикса *-āt*, при образовании мн. числа отмеченные выше окончания отпадают, и суффикс *-āt* присоединяется непосредственно к основе: *کلمه kaleme* 'слово' — *کلمات kalemāt* 'словá', *مکالمه mokāleme* 'разговор' — *مکالمات mokālemāt* 'разговоры', *محاسبه mohāsebe* 'расчет', 'подсчет' — *محاسبات mohāsebāt* 'расчеты', 'подсчеты', *علامت alāmat* 'знак' — *علامات alāmāt* 'знаки', *عمارت emārat* 'здание' — *عمارات emārāt* 'здания', *خسارت xesārat* 'убыток' — *خسارات xesārāt* 'убытки'.

В связи с использованием арабского суффикса мн. числа наблюдается еще одна особенность. В тех случаях, когда между второй и третьей согласной слова арабского происхождения отсутствует гласный, при присоединении суффикса *-āt* происходит изменение фонематической структуры слова: между этими гласными появляется неустойчивый гласный *a* (*1a23e - 1a2a3āt*): *حمله hamle* 'атака' — *حملات hamalāt* 'атаки', *صفحه safhe* 'страница' — *صفحات safahāt* 'страницы', *ضربه zarbe* 'удар' — *ضربات zarabāt* 'удары', *زحمت zahmat* 'труд' — *زحمات zahamāt* 'труды', *جمله jomle* 'предложение' — *جملات jomalāt* 'предложения'. Это изменение структуры слова и появление гласного имеют место в самом арабском языке и не являются новообразованием персидского.

К явлениям морфонологии относятся также альтернации гласных в составе глагольных приставок. Гласные звуки глагольных приставок *be-* и *na-* в определенных фонетических позициях подвергаются изменениям.

Неустойчивый гласный *e* глагольной приставки *be-* перед глагольными основами настоящего времени (*a* в текстах классического периода и перед основами прошедшего времени), начинающимися с гласных звуков, переходит в устойчивый *i* (формы повелительного наклонения, аориста): *بیاورید biyāvarid* 'принесите' (ОНВ *آوردن āvardan* гл. *آوردن āvardan* 'приносить'), *بیا بیا biyā* 'приходи' (ОНВ *آمدن āmadan* 'приходить'), *بیانداز biyandāz* 'бросай' (ОНВ *انداز انداختن andāxtan* 'бросать'), *می تواند بیافتد mitavānad biyoftad* 'он может упасть' (ОНВ *افت افتادن oftādan* 'падать'). Видимо, альтернация гласных *e* и *i* в составе глагольной приставки *be-* связана с появлением полугласной эпентезы *y*, которая, как было отмечено выше, в силу определенных фонетических условий возникает на интервокальных стыках двух морфем. Переход неустойчивого гласного *e* в устойчивый гласный *i* не проходит бесследно для графического изображения такого рода слов: если перед ОНВ, начинающейся с согласного, не возникает никаких дополнительных графем, то перед ОНВ, начинающейся с гласного, появляется дополнительная графема *y* *yā* — ср. *بگو begu* 'скажи' (ОНВ *گو گفتن goftan* 'говорить') и *بیایید biyāyid* 'приходите' (ОНВ *آمدن آمدن āmadan* 'приходить').

В обиходно-разговорном языке гласный *e* глагольной приставки *be-* в форме повелительного наклонения переходит в гласный *o*, если в составе глагольного корня имеется устойчивый гласный *u* или неустойчивый гласный *o*: *بگو begu* → *bogu* 'скажи' (ОНВ *گو گفتن goftan* 'говорить'), *بکنم bekonam* → *bokonam* (в предло-

жении *باکتم صحبتش را وقت نیست صحبتش را بکنم Vaqt nist sohbat-eš-rā bokonom* ‘Нет времени, чтобы я рассказал об этом’).

Неустойчивый гласный *a* отрицательной частицы *na-* во всех временных формах глагола перед приставкой *می mi-* переходит в неустойчивый гласный *e*: ср. *نگفت nagoft* ‘не сказал’ и *گفت نمی nemigoft* ‘не говорил’, *نگو nagu* ‘не говори’ и *نمی گویی nemiguuyi* ‘не говоришь’, *نرفت naraft* ‘не пошел’ и *رفت نمی nemiraft* ‘не ходил’, *نرو narow* ‘не ходи’ и *روی نمی nemiravi* ‘не идешь’, *ننوشت nanevešt* ‘не написал’ и *نمی نویسی neminevešt* ‘не писал’, *ننویس nanevis* ‘не пиши’ и *نمی نویسی neminevisi* ‘не пишешь’. Переход неустойчивого гласного *a* в неустойчивый гласный *e* в этой позиции носит постоянный характер и, видимо, обусловлен наличием в составе приставки *می mi-* устойчивого гласного переднего ряда верхнего подъема *i*, к которому по своим фонетическим характеристикам приближается гласный *e*.

Особо следует отметить случаи слияния вопросительных местоимений *که ke?* (*کی ki?*) ‘кто?’, *چه ċe?* (*چی ċi?*) ‘что?’ и отрицательной частицы *na-* с последующей формой глагола-связки *هست hast* ‘есть’, ‘имеется’. Глагол *هست hast* редко употребляется в роли связки: обычно в этой роли употребляют его краткую форму *است ast* (3-е лицо ед. числа). Кроме 3-го лица ед. числа, все другие полные формы глагола *هست hast* употребительны во всех лицах. Наряду с ними употребляются краткие формы глагола-связки. Все краткие формы связки *энклитичны*. Мы не приводим здесь парадигму спряжения полной и кратких форм глагола-связки, она рассматривается при характеристике служебных глаголов (часть вторая, глава седьмая). Отметим только, что вопросительные местоимения *که ke?* и *چه ċe?* и отрицательная частица *na-* с последующей краткой формой глагола-связки *است ast* образует сочетания *کیست kist?*, *چیست ċist?*, *نیست nist*. Происходит фонетическая перестройка сочетающихся элементов: имеет место не только переход неустойчивых гласных *e* (в составе местоимений *که ke*, *چه ċe*) и *a* (в составе отрицательной частицы *na-*) в устойчивый гласный *i*, но и пропуск неустойчивого гласного *a* (в начале глагола-связки *است ast*). Такие же изменения происходят при сочетании этих элементов с полными формами глагола-связки: положительная форма — *کیستم kistam?*, *کیستی kisti?* и т.д., отрицательная форма — *نیستم nistam*, *نیستی nisti* и т.д.

Неустойчивый гласный *a* глагола-связки *است ast* обычно опускается, если ему предшествует слово, оканчивающееся на устойчивые гласные *ā*, *u*, *i*: *حسن داناست Hasan dānā-st* ‘Хасан знаток’, *او دانشجوست U dānešju-st* ‘Он студент’, *او دانشجوی خوبیست U dānešju-ye xub-i-st* ‘Он хороший студент’. Хотя допустимо произношение этих предложений с сохранением неустойчивого *a* в составе связки: *حسن دانا است Hasan dānā ast*; *او دانشجو است U dānešju ast*.

Сравните аналогичный случай сочетания неустойчивого *o* в исходе слов со связкой *است ast*: *مال تو است Māl-e to ast* ‘Принадлежит тебе’ и *Māl-e to-st*.

Следует проанализировать сочетания различных слов, оканчивающихся на устойчивые и неустойчивые гласные, с краткими формами глагола-связки в различных лицах, чаще всего встречающимися в обиходно-разговорном языке.

Образовавшиеся сочетания-стяжения (в том числе и упоминавшиеся выше *کیست kist*, *چیست ċist* и т.д.) представляют фактически два слова (за исключением отрицательных форм) в сокращенной форме, но по своим ритмико-мелодическим показателям выступают как одно слово. Морфонологические изменения согласных

и гласных фонем наблюдаются при образовании презентных и претеритальных основ простых и префиксальных глаголов. Чередования согласных и гласных фонем при образовании этих глагольных форм рассматриваются во второй части в главе седьмой.

2. Роль словесного ударения в изменении морфологической структуры слова

Морфонология изучает использование различных фонологических средств в интересах морфологии. К их числу относятся не только случаи альтернации фонем в составе стыкующихся морфем, но и случаи изменения морфологической структуры слова, в том числе перенос ударения в слове, когда оно сопровождается изменением его семантики и переходом этого слова из одной части речи в другую: ср. *násuz* ‘не гори’ и *nasúz* ‘огнестойкий’, *bédehi* ‘дашь’ и *bedehi* ‘долг’, *nátars* ‘не бойся’ и *natárs* ‘храбрый’, *گویا* *guyá* ‘говорящий’ и *gúyā* ‘как будто’; в этих примерах акцентное чередование выражает морфологизованное ударение в словах и формах, совпадающих графически, но различающихся местом ударения. Перенос ударения в слове в данных примерах выступает одновременно и как средство словообразования. Однако количество подобного рода слов в современном персидском языке невелико.

Для того чтобы определить, имеет ли изменение ударений в глаголе и его грамматических формах морфонологическое значение, необходимо провести акцентологический анализ этих форм.

Персидский глагол, представленный тремя структурными типами, сохраняет устойчивость ударения в номинативных формах. В то же время в сфере глагольного формообразования наблюдается грамматическая и фонетическая подвижность ударения. Так, в глагольных формах, использующих приставки *می* *mi-* и *ب* *be-* (настояще-будущее время, прошедшее длительное время, настоящее время сослагательного наклонения — аорист, повелительное наклонение), главное ударение переносится на глагольные приставки: *می گوید* *míguyid* ‘вы говорите’, *می نویسم* *mínevisam* ‘я пишу’, *باید بروم* *bāyad béravam* ‘я должен уйти’, *بخوانم؟* *béxānam?* ‘мне читать?’, *بنویسید!* *bénevisid!* ‘пишите!’, *بخوانید!* *béxānid!* ‘читайте!’. При появлении отрицательной частицы *ن* *na-* в сочетании с глагольной приставкой *می* *mi-* ударение переносится на эту частицу: ср. *می خوانم* *míxānam* ‘читаю’ и *نمی خوانم* *nemíxānam* ‘не читаю’. В случае усиления отрицания, имеющего запретительный характер, частица *ن* *na-* заменяется на частицу *م* *ma-*: *مگو* *māgu* ‘не говори’, *مترس!* *mátars!* ‘не бойся!’.

В префиксальных глаголах в составе предложения ударение падает на префикс, приставка *می* *mi-* утрачивает ударение: *برمی گردم* *bár-migardam* ‘я возвращаюсь’, *درمی آورد* *dár-miāvard* ‘он вытаскивал’. Однако приставка *ب* *be-* сохраняет ударение наряду с ударением на префикс: *در بیاورید!* *dár-biyāvarid!* ‘выньте!’. Сохраняет ударение и отрицательная частица *ن* *na-*: *در نیاورید!* *dár-nāyāvarid!* ‘не вынимайте!’.

В сложных глаголах главное ударение падает на именную часть: *ما مقاله جالبی* *Mā maqāle-ye jāleb-i-rā tarjomé mikonim* ‘Мы переводим интересную

статью'. В отличие от глагольной приставки می *mi-*, которая в финитной форме сложного глагола полностью утрачивает ударение в повествовательном предложении, глагольная частица به *be-* (если она не пропущена) и частица отрицания نه *na-* сохраняют главное ударение, находясь в начале компонирующего глагола: ترجمه بکنید! *tarjomé békonid!* 'переведите!', ترجمه نکنید! *tarjomé nákonid!* 'не переводите!'.

Рассмотренные выше изменения словесных ударений в составе финитных форм глагола свидетельствуют о том, что эти изменения связаны с морфологической структурой глагольных форм и не имеют непосредственного отношения к морфонологическим явлениям языка.

Что касается постановки главного и второстепенного ударений в различных глагольных формах времени и наклонения, то они должны быть предметом отдельного изучения. Особое внимание следует обратить на акцентологическую структуру аналитических глагольных форм. В «Грамматике» при характеристике временных и залоговых форм персидского глагола делается попытка рассмотреть вопросы ударения в аналитических и синтетических формах.

С морфонологической точки зрения заслуживает быть отмеченным ударение в причастных формах прошедшего времени префиксальных и сложных глаголов. При использовании причастий прошедшего времени в их основной функции — образовании аналитических форм персидского глагола — чаще всего главное ударение падает на префикс и именную часть: برآمده است *bár-âmâde-ast* 'он поднялся, взшел', 'он появился, показался', وازده ایم *vâ-zade-im* 'мы забраковали', تقدیم شده است *taqdim šode-ast* 'было преподнесено'. В случае же превращения этих причастных форм в прилагательные происходит слияние префиксов и именных частей с причастиями, а ударение переносится на последний слог слова: برآمده *barâmâde* 'поднявшийся', 'взошедший', 'появившийся', وازده *vâzâde* 'бракованный', 'забракованный', تقدیم شده *taqdimšode* 'преподнесенный'.

Затрагивая вопросы персидской морфонологии, мы рассмотрели следующие явления: употребление разного рода эпентез (ی *y*, گ *g*, ج *j*, و *v*) на интервокальных стыках морфем и слов; особенности функционирования эпентез при распаде дифтонгов *ow* и *eu*; изменение фонологической структуры слов арабского происхождения в результате прибавления суффикса мн. числа ات *-ât*; альтернации гласных звуков в составе глагольной приставки به *be-* и частицы отрицания نه *na-*. Отдельно были рассмотрены вопросы ударения как одного из морфонологических средств изменения морфологической структуры персидского слова. При этом особое внимание было уделено изменению места ударения в формах причастий прошедшего времени сложных и префиксальных глаголов.

Часть вторая

МОРФОЛОГИЯ

Объектом изучения морфологии является грамматическая структура слова, включающая формы словоизменения и способы выражения грамматических значений. На основании обобщенных критериев, связанных со словоизменительными, словообразовательными и семантическими свойствами слов, последние принято разбивать на классы, именуемые частями речи, которые также изучаются морфологией. Однако классификация частей речи в описании любого языка, как правило, не бывает до конца последовательной, поскольку в ее основе обычно используются разные критерии. Выделяемые части речи не соответствуют какой-либо логически последовательной схеме, их выделение является компромиссом между классификациями разных типов. Вот почему между исследователями постоянно возникают разногласия по тем или иным вопросам выделения частей речи.

Критерии выделения частей речи в персидском языке не обсуждались ни в отечественных, ни в зарубежных научных изданиях. В грамматиках, как правило, называются части речи, но критерии их выделения не обосновываются. В данной работе основные лексико-грамматические классы слов персидского языка выделяются на основании четырех критериев: 1) семантического (обобщенное значение предмета, качества, действия и т.д.); 2) морфологического (грамматические категории слова); 3) синтаксического (синтаксические функции слова в словосочетании и предложении); 4) словообразовательного. Не все названные критерии позволяют четко определить принадлежность слова к тому или иному лексико-грамматическому классу. Например, словообразовательные суффиксы могут быть одинаковыми у существительных и прилагательных, а некоторые лексико-грамматические классы слов совсем не обладают словообразовательными показателями (например, местоимения, предлоги).

При описании персидских частей речи в первую очередь будут названы те синтаксические характеристики, грамматические категории, формально-грамматические и словообразовательные показатели, которые позволяют отделить данную часть речи от другой.

В морфологическом разделе «Грамматики» рассматриваются знаменательные и служебные части речи.

К знаменательным частям речи в персидском языке относятся существительные, прилагательные, числительные, местоимения, глаголы, наречия.

Служебные части речи охватывают предлоги, союзы, частицы.

Кроме того, вместе с частями речи рассматриваются слова и словосочетания, которые по характеру своего функционирования, по семантическим и синтаксическим свойствам не могут быть отнесены к каким-либо частям речи, ибо они выступают самостоятельно и не входят в состав предложения как его члены. Среди них

по фонетическим и функциональным признакам выделяются словосочетания, которые практически выступают как одна-единственная лексема, хотя могут состоять из нескольких словоформ (например, خدا نکند *xodā nakonad!* ‘не дай Бог!’, پناه بر خدا *panāh bar xodā* ‘не дай Бог!’, ‘упаси Бог!’, در ضمن *dar zemn* ‘между прочим’). К ним относятся модальные слова, междометия и звукоподражательные слова. Порядок подачи этих категорий слов внутри морфологического раздела зависит от структурной близости к лексемам, образующим знаменательные и служебные части речи. Поэтому модальные слова рассматриваются после наречий, а междометия и звукоподражательные слова — после частиц.

Глава первая

ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важных проблем морфологической теории языка является проблема классификации частей речи — установление четких границ между ними и семантико-грамматических критериев, которыми можно руководствоваться при их выделении.

В языках синтетического строя, которые, как известно, обладают хорошо развитой морфологической системой, части речи характеризуются эксплицитно выраженными грамматическими категориями, имеющими формальные приметы — падежные окончания, показатели рода, числа, форманты спряжения глаголов, показатели вида, времени и т.д. Распределение словарного состава между частями речи в этих языках, как правило, не вызывает трудностей, хотя и здесь возможны случаи нечеткой выраженности грамматических значений в слове.

Синтетическими свойствами обладали, в частности, древние предшественники персидского языка. Например, именные части речи имели там системы склонения и рода, ныне полностью утраченные.

Историческое развитие персидского языка, как и других иранских языков, привело к изменению его морфологического строя: развитие шло по линии изменения сложной древней флективной системы к аналитически-флективной с элементами агглютинации. Известно, что в языках аналитически-флективного строя, к которым относится современный персидский язык, грамматическая принадлежность слов определяется не всегда легко и четко. Наряду с формально-грамматическими критериями важную роль играют в них критерии семантические и функционально-синтаксические. В аналитических языках грамматические значения выражаются также при помощи служебных слов, порядка слов в предложении и интонации.

Персидский язык, как и языки других типов, сплошь и рядом обладает чертами, не свойственными данной типологической группе; в частности, он характеризуется элементами синтетизма и агглютинации. В персидском языке отсутствуют грамматические категории падежа и рода, но категория числа выражается с помощью агглютинативных аффиксов множественного числа и внутренней флексией (формы арабского ломаного множественного числа), а глагол характеризуется развитой системой спряжения.

Наибольшие трудности возникают при установлении границ между именными частями речи. Большинство исконных имен (субстантивов и адъективов) представ-

лены чистой основой, преимущественно с консонантным исходом. Отсутствие морфологических показателей, которые характеризовали бы слово в исходной форме как субстантивную или адъективную единицу, приводит к тому, что в персидском языке слабо выражены различия между существительными и прилагательными. Персидское имя (чаще всего непроемное), взятое вне предложения, не может быть с полной определенностью отнесено ни к той ни к другой части речи, так как не обладает какими-либо внешними, эксплицитно выраженными признаками и нередко обозначает как признак, так и его носителя.

В.С.Расторгуева в «Кратком очерке грамматики персидского языка» справедливо отметила, что в этом языке «имеется большая группа имен, которые не могут быть отнесены ни к существительным, ни к прилагательным... Не всегда четко можно провести грань между существительными и прилагательными также и в области словообразования» [Расторгуева 1953, с. 624–625]. Кроме того, многие имена могут выступать еще и как наречия, и как отыменные (производные) предлоги. В связи с этим возникает вопрос, связанный с отграничением одного лексико-грамматического значения от другого: представляют ли собой такие слова одну многозначную, полифункциональную лексему или несколько разных, но омонимичных лексем? Однозначный ответ на этот вопрос дать, видимо, невозможно. Проблема разграничения именных частей речи имеет не только чисто научное, но и большое практическое значение — при лексикографической разработке словарного состава в различного рода словарях персидского языка, при переводах с персидского на другие языки, при преподавании различных аспектов языка.

Если взять для анализа такие непроемные слова, как سود *sud* ‘прибыль’ и زود *zud* ‘быстрый’, چوب *čub* ‘палка’ и خوب *xub* ‘хороший’, شرم *šarm* ‘стыд’ и گرم *garm* ‘теплый’, ‘горячий’, то между ними не обнаруживается каких-либо различий в морфологической структуре. Семантические и грамматические различия между ними выявляются только при употреблении в составе словосочетаний и предложений, при смысловом и синтаксическом анализе более широкого контекста.

Многие имена с семантической точки зрения не могут быть с полной определенностью отнесены ни к существительным, ни к прилагательным, поскольку одновременно выражают значения признака и его носителя: پایین *pāyin* ‘нижний’ и ‘низ’, بالا *bālā* ‘верхний’ и ‘верх’, پالانی *pālāni* ‘вьючный’ и ‘вьючное животное’, چینی *čini* ‘китайский’ и ‘китаец’ и т.д. К этому следует добавить, что большинство типов морфологической структуры и словообразования у имен существительных и прилагательных совпадают.

Собственно именные части речи иногда бывают тесно связаны с персидскими причастными формами, причем некоторые из них полностью перешли в существительные и прилагательные. Процессы субстантивации и адъективации причастий происходят постоянно, наблюдаются случаи окказиональной и узуальной транспозиции этих неличных форм глагола в именные части речи, в результате чего число слов, имеющих нечетко выраженные грамматические признаки существительных и прилагательных, увеличивается.

По лексико-семантическим и функционально-грамматическим свойствам в персидском языке можно выделить три группы имен:

1) имена с субстантивным значением, обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы, конкретные и отвлеченные понятия: آدم *ādam* ‘человек’, اسب *asb*

asb 'лошадь', *miz* 'стол', *gorosnegi* 'голод', *saxāvātmandi* 'великодушие', 'щедрость';

2) имена, обозначающие качества и свойства предметов: *qašang* 'красивый', *kuček* 'маленький', *dorostkār* 'честный', 'порядочный', *zamini* 'сухопутный', 'наземный';

3) имена, одновременно обозначающие признак и носителя признака: *javān* 'юный' и 'юноша', *zir* 'низ' и 'нижний', *pir* 'старый' и 'старик', *irāni* 'иранский' и 'иранец'. В состав третьей группы имен входят многие причастия прошедшего и настоящего времени. Например, причастие прошедшего времени *nevešte* (< гл. *neveštan* 'писать') имеет адъективное значение 'написанный' и субстантивное значение 'письмо', 'записка'; причастие настоящего времени *guyande* (< гл. *gofian* 'говорить') также объединяет в себе значение прилагательного 'говорящий' и значение существительного 'оратор', 'диктор', 'докладчик'; причастие настоящего времени на *ā-* — *suzā* (< гл. *suxtān* 'гореть') обладает субстантивным значением 'горючее', 'топливо' и адъективным значением 'воспламеняющийся', 'горючий'.

Первые две группы имен по своим лексико-грамматическим и функциональным свойствам с полной определенностью могут быть отнесены к именам существительным (первая группа) и к именам прилагательным (вторая группа). При функционировании в предложении такого рода слова получают грамматические показатели, характерные соответственно для той или другой части речи.

Особо следует отметить, что некоторые имена, относящиеся ко второй группе, при функционировании в речи могут подвергаться окказиональной субстантивации и получать грамматические показатели, свойственные именам существительным: *dorostkār* 'честный', 'порядочный' — *dorostkārān* 'честные, порядочные люди', *sālmand* 'взрослый', 'пожилой' — *sālmandān* 'взрослые', 'пожилые' и т.д.

Гораздо реже в персидском языке наблюдается адъективация производных существительных (первая группа). Л.С.Пейсиков приводит два примера на адъективацию существительных: *qalat* 'ошибка' → *qalat* 'ошибочный', *salāmat* 'здоровье' → *salāmat* 'здоровый' [Пейсиков 1973, с. 135].

Имена третьей группы получают семантико-грамматическую конкретизацию только в контексте и в зависимости от выполняемой синтаксической функции могут получать грамматические показатели имен существительных или прилагательных. Наличие имен третьей группы дало основание некоторым исследователям говорить о существовании третьей, «гибридной» части речи — существительно-прилагательных, см. [Расторгуева 1953; Овчинникова 1961]. Свое несогласие с этой точкой зрения выразил Л.С.Пейсиков, предложив считать такие слова «частичными омонимами», образованными по частной конверсионной модели транспозиции [Пейсиков 1973, с. 136–141]. Такой подход позволяет относить слова, имеющие общее происхождение и не всегда четко проявляющие семантико-грамматические различия, к разным лексемам. Однако нам представляется, что эти слова не настолько семантически и грамматически оторвались друг от друга, чтобы можно было рассматривать их как самостоятельные лексемы, относящиеся к разным частям речи.

Отсутствие четко выраженных морфологических признаков у имен, взятых в качестве изолированных лексем, вынуждает лексикографов сохранять их в одной

словарной статье и применять специальные пометы, указывающие на разные лексико-грамматические значения подобных слов (например, пометать эти значения полужирными арабскими цифрами).

В толковых словарях персидского языка каждое слово, как правило, дается в качестве самостоятельной вокабулы, а его функционально-грамматические значения внутри словарной статьи имеют грамматические пометы, указывающие на принадлежность к определенной лексико-грамматической категории слов, например: اسم *esm* 'имя' (в значении 'имя существительное'), صفت *sefat* 'прилагательное', اسم فاعل *esm-e fāel* 'имя деятеля', 'причастие настоящего времени', قيد *qeyd* 'наречие'.

Помимо отмеченных выше причастий именными свойствами обладает и такая неличная глагольная форма, как инфинитив. Он способен образовывать именные словосочетания, выступая в качестве стержневого слова, или являться именным зависимым членом словосочетания (дополнением, определением). Выступая в роли субстантивного члена предложения, инфинитив может получать морфологические показатели существительных. Особенности употребления инфинитива в роли имен существительных будут специально рассмотрены при характеристике этой неличной формы глагола. Здесь же следует отметить, что, несмотря на субстантивные свойства инфинитива, он легко распознается и не смешивается с именами существительными благодаря суффиксу ن *-an*, являющемуся показателем инфинитивных форм глагола.

Могут возникнуть сомнения относительно целесообразности разделения имен по частям речи. Однако сомнения пропадают при глубоком семантико-грамматическом анализе этих слов. Отмеченные выше лексико-грамматические свойства трех групп имен делают необходимым тщательный подход к выделению грамматических категорий, свойственных именам существительным и именам прилагательным, а также к установлению побочных (второстепенных) грамматических признаков, позволяющих отделять одну часть речи от другой. В то же время наличие третьей группы имен не дает оснований для отрицания необходимости выделения в качестве автономных частей речи имен существительных и прилагательных.

Глава вторая

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I. Общая характеристика.

Семантика существительных

Имя существительное занимает важнейшее место в системе частей речи персидского языка и охватывает основную массу его номинативных единиц. Главным смысловым признаком, объединяющим данный лексико-грамматический разряд знаменательных слов, является предметность. Понятие предметности находит отражение в грамматических категориях числа, выделенности, одушевленности / неодушевленности. Кроме того, понятие предметности имен существительных подкрепляется и другими факторами, проявляющимися в синтаксисе — в составе словосочетаний и предложений: способностью сочетаться с предлогами и послелогом *را* -*rā*, способностью выступать первым распространяемым членом изафетных словосочетаний, способностью сочетаться с количественными и порядковыми числительными.

Имена существительные могут обозначать лиц и животных (مرد *mard* 'мужчина', دختر *doxtar* 'дочь', شیر *šir* 'лев', اسب *asb* 'лошадь'), вещи (کتاب *ketāb* 'книга', ميز *miz* 'стол', کارد *kārd* 'нож'), а также их совокупность (جمعیت *jam'iyyat* 'население', جنگل *jangal* 'лес', هیزم *hizom* 'дрова'), вещества (برف *barf* 'снег', آب *āb* 'вода', گچ *gač* 'мел'), качества, свойства (سخاوت *saxāvat* 'щедрость', شجاعت *šojāat* 'смелость'), действия (خنده *xande* 'смех', گفتگو *goftogu* 'разговор', گسترش *gostareš* 'распространение'), состояния (استراحت *esterāhat* 'отдых', سکوت *sokut* 'молчание', نگرانی *negarāni* 'беспокойство') и т.д.

Имена существительные со значением действия, состояния чаще, чем другие существительные, выступают в роли именной части сложных глаголов — наиболее распространенной структурной разновидности персидского глагола: گفتگو کردن *goftogu kardan* 'разговаривать', ادامه دادن *edāme dādan* 'продолжать', زحمت کشیدن *zahmat kešidan* 'трудиться', به عهده گرفتن *be ohde gereftan* 'брать на себя'.

В составе предложения существительные выступают в роли главных и распространяющих членов. Для них наиболее характерны функции и именных распространителей (дополнения и именного определения): حسن روزنامه میخواند *Hasan ruznāme mīxānad* 'Хасан читает газету', خواهر در خانه پدر زندگی می کند *Xāhar dar xāne-ye pedar zendegi mikonad* 'Сестра живет в доме отца'. Нередко существитель-

ное выполняет роль обстоятельственных членов предложения (تابستان خانواده او به) *Tābestān xānevāde-ye u be yeylāq miravad* 'Летом его семья уезжает на дачу') и предикатива (احمد دانشجو است) *Ahmad dānešju ast* 'Ахмад — студент [есть]')

Велика роль существительных в структурной и семантической организации предложения. Все логические категории предложения могут быть выражены с помощью существительных: субъект, предикат, объект, разнообразные составные компоненты предложения, выражающие атрибутивно-предикативные отношения.

II. Лексико-грамматические классы имен существительных

По своим семантическим и грамматическим признакам имена существительные делятся на лексико-грамматические классы и подклассы. Их можно подразделить, во-первых, на имена нарицательные и собственные, во-вторых, на имена одушевленные и неодушевленные, в-третьих, на имена конкретные, отвлеченные и вещественные. Главные различия между названными классами существительных состоит в их семантике и характере функционирования в предложении, а также в возможности или невозможности иметь при себе определенные грамматические показатели. Выделение подклассов существительных производится внутри классов на основании разнообразных признаков: семантических, ономастиологических, словообразовательных и т.д.

Имена существительные нарицательные выступают как обобщенные наименования, как названия — представители целой группы однородных предметов: آدم *ādam* 'человек', خانه *xāne* 'дом', کتاب *ketāb* 'книга', ميز *miz* 'стол'.

Имена существительные собственные представляют собой индивидуальные названия конкретных предметов. К ним относятся личные имена людей (мужские — احمد *Ahmad* — Ахмад, نژاد *Nežād* — Нежад; женские — دلفریب *Delfarib* — Дельфариб, معصومه *Ma'sume* — Масумэ); фамилии (بهزاد *Behzād* — Бехзад, صادقی *Sādeqi* — Садеги); географические названия (اصفهان *Esfahān* — Исфahan, آمریکا *Āmrīkā* — Америка, آسیا *Āsiyā* — Азия); названия месяцев солнечного и лунного годов хиджры¹, названия месяцев григорианского календаря (شهریور *šahrivar* 'шахривар' — 6-й месяц иранского солнечного года, صفر *safar* 'сафар' — 2-й месяц мусульманского лунного года, ژانویه *žānvīy* 'январь'); названия планет и зодиакальных созвездий (مریخ *Merrix* — Марс, زهره *Zohre* — Венера, کزدم *Každom* — Скорпион). К именам существительным собственным относятся и другие группы индивидуальных наименований, например названия газет и журналов (روزنامه کیهان *ruznāme-ye Keyhān* 'газета «Кейхан»', مجله آدینه *majalle-ye Adine* 'журнал «Адине»'), партий (حزب بعث *hezb-e Ba's* 'партия Баас'), акционерных обществ, фирм, различ-

¹ هجره *hejre* 'хиджра' — начало мусульманского летосчисления, 16 июля 622 г., дата переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину.

ных учреждений (شركت سهامی اعظم *šerkat-e sahāmi-ye A'zam* 'акционерное общество «Азам», چاپخانه حیدری *čāp-xāne-ye Heydari* 'типография Хейдари'). В функции имен существительных собственных могут выступать словосочетания и предложения: عيد قربان *id-e qorbān* 'курбан-байрам'², «سگ ولگرد» داستان هدایت *dāstān-e Hedāyat* «Sag-e velgard» 'рассказ Хедаята «Бродячий пес», مردی *romān-e Hugo* «Mard-i ke mixandad» 'роман Гюго «Человек, который смеется», «سنگها انتقام می گیرد» اثر حیدری *asar-e Heydari* «Sanghā enteqām migirad» 'произведение Хейдари «Камни мстят»'.

Существительные собственные обычно употребляются в форме единственного числа. Однако некоторые личные имена людей имеют форму арабского ломаного множественного числа: мужские — شهود *Šohud* — Шохуд (букв. 'свидетели'), فتوح *Fotuh* — Фотух (букв. 'победы', 'завоевания'); женские — افاق *Afāq* — Афаг (букв. 'страны света', 'вселенная'), جواهر *Javāher* — Джавахер (букв. 'драгоценные камни'). Кроме того, в персидском языке возможно употребление собственных имен в форме множественного числа при обозначении определенного типа людей, часто в пейоративном значении (هیتلرها *hitterhā* 'гитлеры', رضاشاهها *rezāšāhhā* 'резашахи'). В этом случае имена существительные собственные приобретают обобщенное нарицательное значение.

К именам существительным одушевленным относятся имена, обозначающие живых существ (людей, животных): زن *zan* 'женщина', شاگرد *šāgerd* 'ученик', ببر *babr* 'тигр', خروس *xorus* 'петух'. Класс существительных одушевленных обладает некоторыми сопутствующими грамматическими признаками, о которых будет сказано ниже.

Неодушевленные имена существительные служат наименованиями предметов и явлений реальной действительности, не относящихся к живым существам: صندلی *sandali* 'стул', میز *miz* 'стол', دریا *daryā* 'море'. По своим семантико-грамматическим признакам они противостоят одушевленному существительному, но в персидском языке эти признаки либо проявляются нечетко, либо совсем не проявляются.

К классу конкретных принадлежат имена существительные, обозначающие считаемые предметы (явления, вещи, факты): مداد *medād* 'карандаш', کلاه *kolāh* 'шапка', 'шляпа', باران *bārān* 'дождь', حادثه *hādese* 'случай', آتش سوزی *ātašsuzi* 'пожар'. К данному классу относятся все одушевленные существительные.

Отвлеченные имена существительные обозначают свойства, качества, действия, процессы, состояния: جسارت *jesārat* 'смелость', 'отвага', پیری *piri* 'старость', پرورش *parvareš* 'воспитание', نرمی *narmi* 'мягкость', رفت و آمد *raftoāmad* 'движение', سیاهی *siyāhi* 'чернота', کوشش *kušeš* 'старание'. Большинство существительных этого класса семантически связано с глаголами и прилагательными. Причем связь таких существительных обнаруживается как с простыми и префиксальными, так и со сложными глаголами: простые глаголы бывают представлены основами настоящего и прошедшего времени, а сложные глаголы — чаще всего арабскими масдарами, способными вступать в контакт с компонирующими глаголами, т.е. образовывать сложные глаголы. Отвлеченные существительные, значение

² Курбан-байрам — мусульманский праздник жертвоприношения.

которых мотивировано прилагательными, образованы преимущественно с помощью суффикса *-i* (ی *yā-ye masdari*): *قاشنگی qašangi* ‘красота’, *خستگی xastegi* ‘усталость’, *بزرگی bozorgi* ‘величие’. Значительная часть отвлеченных существительных представлена арабскими заимствованиями, закономерности образования которых выходят за рамки персидского словообразования и рассматриваются самостоятельно: *رضایت rezāyat* ‘согласие’, *عقل aql* ‘ум’, *صلاحیت salāhiyyat* ‘компетентность’, *سلامت salāmat* ‘здоровье’, ‘благополучие’.

К в е щ е с т в е н н ы м существительным относятся такие, которые обозначают названия веществ, однородных масс: *شکر šakar* ‘сахар-песок’, *نان nān* ‘хлеб’, *آب āb* ‘вода’, *گندم gandom* ‘пшеница’, *آهن āhan* ‘железо’, *مس mes* ‘медь’, *پارچه pārče* ‘ткань’, *ابریشم abrišam* ‘шелк’, *عطر atr* ‘духи’, *صابون sābun* ‘мыло’.

Значение предметности является одним из компонентов семантической структуры имени существительного как самостоятельной части речи, общим для всех слов этого разряда. Субстантивность выявляется из семантики самого существительного. Этим свойством задаются все парадигматические и синтагматические свойства данного разряда слов. Названные свойства находят выражение в прямых и косвенных грамматических показателях, отражающих определенные значения. Совокупность однородных грамматических значений, получающих выражение в определенных эксплицитных средствах, образует грамматические категории. В грамматической литературе по персидскому языку нет четкого определения грамматических категорий, свойственных имени существительному. Поэтому необходимо обоснование их выделения и подробное их описание.

III. Грамматические категории имен существительных

В грамматической литературе по персидскому языку можно встретить разные оценки сочетания предлогов и послелога *را -rā* с именами. В частности, сочетания существительного с предлогами ранее трактовались как косвенные падежи, сочетание существительного с послелогом *را -rā* — как выражение винительного падежа, см. [Залеман, Жуковский 1890]. Однако последующее изучение природы связи имени с предлогом показало, что речь может идти только о выражении синтаксических связей имени в составе словосочетаний и предложений с помощью предлогов и послелога *را -rā*, которые не превращаются в грамматические морфемы — части слова. Предлоги и послелог *را -rā* в персидском языке не образуют словоизменительную форму имени существительного, выражающую его отношение к другим словам в словосочетании и предложении, а выступают как служебные слова. Они не являются средствами, образующими словоизменительную парадигму имени. В настоящее время такой подход к сочетанию предлогов и послелога *را -rā* с именами существительными принят практически всеми авторами грамматик и учебников персидского языка.

Персидский язык не обладает грамматической категорией рода. Однако это не означает, что он не способен выражать естественные половые различия. Разграничение полов выражается чисто лексическими средствами. Для обозначения принадлежности того или иного имени к мужскому либо женскому полу употребляются особые слова: а) для лиц мужского пола — مرد *mard* ‘мужчина’, پسر *pesar* ‘мальчик’, جوان *javān* ‘юноша’, ‘парень’, آقا *āqā* ‘господин’: پسر دانش آموز *pesar-e dānešāmuz* ‘ученик’, مرد کارگر *mard-e kārgar* ‘рабочий’, آقای پرویز *āqā-ye Parviz* ‘господин Парвиз’; б) для лиц женского пола — زن *zan* ‘женщина’, خانم *xānom* и بانو *bānu* ‘госпожа’, ‘дама’, دختر *doxtar* ‘девочка’, ‘девушка’, دوشیزه *dušize* ‘девушка’, دختر دانش آموز *doxtar-e dānešāmuz* ‘ученица’, زن کارگر *zan-e kārgar* ‘рабочая’, زن خدمتکار *zan-e xedmatkār* ‘служанка’, خانم معصومه *xānom Ma'sume* ‘госпожа Масумэ’; в) для животных мужского пола — نر *nar* ‘самец’: شیر نر *šir-e nar* ‘лев’, پرندهگان نر *parandegān-e nar* ‘птицы-самцы’, فیل نر *fil-e nar* ‘слон’, گاو نر *gāv-e nar* ‘бык’; г) для животных женского пола — ماده *māde* ‘самка’, ماچه *māče* ‘самка (собаки, осла)’: شیر ماده *šir-e māde* ‘львица’, فیل ماده *fil-e māde* ‘слониха’, الاغ ماده *olāq-e māde* ‘ослица’. С помощью приведенных выше слов, обозначающих пол, были образованы изафетные словосочетания. Однако в отдельных случаях возможно употребление указанных слов в качестве лексических морфем в составе сложных слов: ماده فیل *mādefil* ‘слониха’, ماچه خر *māčexar*, ماچه الاغ *māčeolāq* ‘ослица’, ماچه سگ *māčesag* ‘сука’.

Естественные различия по полу могут выражаться также специальными лексемами: نوکر *nowkar* ‘лакей’, ‘слуга’, غلام *qolām* ‘раб’ и کلفت *kolfat*, کنیز *kaniz* ‘служанка’, ‘горничная’; عمو *amu* ‘дядя (по отцу)’, خالو *xālu*, دایی *dāyi* ‘дядя (по матери)’ и عمه *amme* ‘тетя (по отцу)’, خاله *xāle* ‘тетя (по матери)’: نریان *naryān* ‘жеребец’ и مادیاں *mādyān* ‘кобыла’; خروس *xorus* ‘петух’ и ماکیان *mākiyān* ‘курица’. Кроме того, в некоторых заимствованных из арабского языка словах для различения мужского и женского пола употреблен суффикс женского рода *-e*: ملکه *maleke* ‘королева’ (ملک *malek* ‘король’), شاعره *šāere* ‘поэтесса’ (شاعر *šāer* ‘поэт’), معلمه *moallete* ‘учительница’ (معلم *moallem* ‘учитель’), خیاطه *xayyāte* ‘портниха’ (خیاط *xayyāt* ‘портной’), معشوقه *ma'suqe* ‘возлюбленная’ (معشوق *ma'suq* ‘возлюбленный’). Употребление этого суффикса в составе существительных, обозначающих лиц женского пола, не имеет строго регулярного характера, а сами эти слова представляют собой уже готовые заимствования, образованные по определенной формуле. Поэтому для персидского языка суффикс *-e* нельзя считать грамматическим формантом женского рода.

Основными грамматическими категориями, выражающими субстанциональные свойства существительных, являются категория числа и выделенности. Есть основания отнести к грамматическим категориям персидских существительных и категорию одушевленности / неодушевленности. Однако последняя не имеет четкого выражения.

1. Категория числа

Данная категория имен существительных имеет наиболее четкое и определенное выражение. Она выступает как словоизменяемая морфологическая категория и служит для количественной характеристики предметов и явлений, обозначаемых существительными.

Древняя трехчленная система числовых оппозиций (единственное–двойственное–множественное число) в персидском языке была заменена на бинарную систему противопоставлений. Последняя основывается на противопоставлении двух рядов форм — единственного и множественного числа, которые различаются соответственно нулевым показателем и агглютинативными суффиксами. В персидском языке семантика грамматических форм числа не ограничивается простым отражением количества предметов в его математическом или формально-логическом понимании. Она охватывает более сложные логико-психологические характеристики количественных отношений между предметами и явлениями. Формы множественного числа образуются не только от конкретных существительных, но и от существительных отвлеченных и вещественных.

У конкретных существительных (названий считаемых предметов) формы ед. числа обозначают один предмет, а формы мн. числа — ряд предметов в количестве более одного: *مداد medād* ‘карандаш’ — *مدادها medādhā* ‘карандаши’, *خانه xāne* ‘дом’ — *خانهها xānehā* ‘дома’, *دانشجو dānešju* ‘студент’ — *دانشجویان dānešjuyān* ‘студенты’.

У существительных отвлеченных и вещественных формы числа не связаны с выражением количественного противопоставления. Так, формы мн. числа отвлеченных существительных могут иметь значение различной степени проявления качества, свойства, действия, состояния: *امکان emkān* ‘возможность’ — *امکانات وسیع emkānāt-e vasi* ‘широкие возможности’, *بیعلاقگی bialāqegi* ‘незаинтересованность’ — *بیعلاقگیهای کامل bialāqegihā-ye kâmel* ‘полная незаинтересованность’, *قهرمانی qahremāni* ‘героизм’ — *قهرمانیهای بیسابقه qahremānihā-ye bisābeqe* ‘беспрецедентный героизм’. В приведенных примерах формы мн. числа отвлеченных существительных *امکانات emkānāt* ‘возможности’, *بیعلاقگیها bialāqegihā* букв. ‘незаинтересованности’, *قهرمانیها qahremānihā* букв. ‘героизмы’ выражают собирательную множественность, большую, чем формы ед. числа, степень проявления какого-либо качества, свойства, действия. В приведенных примерах эти значения еще усиливаются постпозитивными определениями-прилагательными.

Вещественные существительные в формах мн. числа в основном имеют значение большого количества какого-либо вещества: *خون xun* ‘кровь’ — *خونها xunhā* ‘большое количество крови’, *نفت nafī* ‘нефть’ — *نفتها nafihā* ‘много нефти’, *پشم pašm* ‘шерсть’ — *پشمها pašmhā* ‘большое количество шерсти’; значение видов, сортов веществ: *گندم gandom* ‘пшеница’ — *گندمها gandomhā* ‘пшеницы’, *روغن rowqan* ‘масло’ — *روغنها rowqanhā* ‘масла (технические)’, *شراب šarāb* ‘вино’ — *شرابها šarābhā* ‘вина’; значение большого количества веществ, покрывающих обширное пространство: *آبهای اقیانوس ābhā-ye oqiyānus* ‘воды океана’, *برفهای شمال دور barfhā-ye šemāl-e dur* ‘снега Крайнего Севера’, *شنهای روان بیابان šenhā-ye ravān-e biyābān* ‘зыбучие пески пустыни’.

Частое употребление неисчисляемых имен существительных во мн. числе представляет одну из специфических черт грамматического строя персидского языка: فشارها *fešārḥā* ‘давление’, مبارزات *mobārezāt* ‘борьба’. На русский язык такие слова чаще всего переводятся существительными в ед. числе. Как уже отмечалось, мн. число в этих случаях не выражает отдельного множества предметов, а указывает на собирательность, обобщение.

Вместе с тем понятие множественности может выражаться в персидском языке и вне категории числа, когда форма ед. числа в определенном контексте, в определенных синтаксических условиях употребляется применительно к множеству предметов. Так, имя существительное в роли предикатива при постановке глагольной части сказуемого в форме мн. числа часто употребляется в ед. числе: آنها کارگر هستند *Anhā kārgar hastand* ‘Они — рабочие’, دو دوست من استاد می باشند *Do dust-e man ostād mibāšand* ‘Два моих друга — профессорá’.

Форма ед. числа обозначает как единственный предмет, так и совокупное множество. В некоторых случаях форма ед. числа существительного приобретает обобщенно-множественное значение: در باغ درخت زیاد است *Dar bāq deraxt ziyād ast* ‘В саду много деревьев’, من هر روز میوه می خرم *Man har ruz mive mixaram* ‘Я каждый день покупаю фрукты’. Такое употребление форм ед. числа для обозначения множества объектов — явление, довольно распространенное в персидском языке.

По существу, в персидском языке нет таких лексико-грамматических классов имен существительных, которые не могли бы образовывать формы мн. числа. Поэтому здесь не выделяются существительные, имеющие только формы ед. числа и называемые *singularia tantum*. Как было показано выше, различные лексико-семантические классы существительных, образуя формы мн. числа, различаются между собой по выражаемому значению.

В то же время в персидском языке нельзя полностью отрицать наличие противоположной группы имен существительных — *pluralia tantum*, имеющих только (или преимущественно) формы мн. числа. Например, среди форм арабского ломаного мн. числа встречаются слова, которые употребляются преимущественно во мн. числе: آمال *āmāl* ‘надежды’, ‘чаяния’, ‘упования’ (от *امل amāl*), مائثر *maāser* ‘деяния’, ‘подвиги’ (от *ماثره ma’sare*), ابرار *abrār* ‘святые’, ‘праведники’ (от *بر barr*), اغنام *aqnām* ‘мелкий рогатый скот’, احشام *ahšām* ‘крупный рогатый скот’. Формы ед. числа упомянутых выше слов почти не встречаются в современном языке, а вместо них в значении ед. числа употребляются их синонимы.

Кроме того, встречается ряд форм мн. числа, образованных от слов арабского и иранского происхождения (чаще всего от арабских причастий и персидских прилагательных) и получивших новое значение (лексическое и часто грамматическое) по сравнению со словом, от которого они образованы: ممنوعات *tamnu’āt* ‘запрещенные, запретные вещи’ (ممنوع *tamnu’* ‘запрещенный’, ‘запретный’), معلومات *ma’lumāt* ‘знания’ (معلوم *ma’lum* ‘известный’, ‘ясный’), عزیزان *azizān* ‘близкие’, ‘родные’ (عزیز *aziz* ‘близкий’, ‘милый’), زیباییان *zibāyān* ‘красавицы’ (زیبا *zibā* ‘красивый’), بستگان *bastegān* ‘родственники’, ‘домашние’ (بسته *baste* ‘привязанный’, ‘прикрепленный’), متنفذین *motanaffezin* ‘влиятельные лица’ (متنفذ *motanaffez* ‘влиятельный’), مرکبات *morakkabāt* ‘цитрусовые’, مصالح *masāleh* ‘строительные материа-

лы', لبنیات *labaniyyāt* 'молочные продукты', تشکيلات *taškilāt* 'учреждение', 'организация' (تشکیل *taškīl* 'организация', 'составление').

Встречаются формы мн. числа, которые, получая новое значение, утрачивают связь с соответствующей формой ед. числа. Ср. форму арабского ломаного мн. числа اطراف *atrāf* 'окрестности', 'окраины' и существительное طرف *taraf* 'сторона' — форма ед. числа. В персидском языке лексико-грамматическая связь между ними утрачена, так как اطراف *atrāf* перестало являться формой мн. числа этого слова.

Рассмотрев различные значения форм мн. числа персидских имен существительных, остановимся на конкретных способах их образования.

1.1. Суффиксы множественного числа иранского происхождения

Имена существительные в ед. числе имеют нулевой показатель категории числа, т.е. представляют собой чистую, ничем не осложненную основу: خانه *xāne* 'дом', شخص *šaxs* 'человек'.

Самый распространенный способ образования формы мн. числа — присоединение к основам существительных одного из двух суффиксов иранского происхождения — ان *-ān* или ها *-hā*. Первый из этих двух суффиксов — наиболее древний по своему происхождению, второй — ها *-hā* (< *-ihā*) зафиксирован только в среднеперсидском языке.

В среднеперсидском языке суффикс *-ān* был значительно более употребителен, чем *-ihā*. Он мог присоединяться ко всем существительным, независимо от их семантики, см. [Расторгуева 1966, с. 55]. В новоперсидском языке круг его использования сужается. Ж.Лазар отмечает использование в ранних памятниках прозы суффикса ان *-ān* при существительных одушевленных (т.е. обозначающих людей и животных), при существительных со значением растений, частей человеческого тела, чувств, действий, места, времени и т.д. [Lazard 1963, с. 195].

Суффикс *-ihā* в среднеперсидском языке присоединялся в основном к существительным, обозначавшим неодушевленные предметы, см. [Расторгуева 1966, с. 51]. В классическом персидском круг его использования расширился, и он стал встречаться при некоторых существительных одушевленных, причем гласный *-i* отпал: سرها *sarhā* 'головы', استادها *ostādihā* 'учителя', 'наставники'. В последующую эпоху развития новоперсидского языка использование ها *-hā* все более расширялось, и он фактически превратился в универсальный суффикс множественного числа.

В современном языке суффикс ان *-ān* образует форму мн. числа от существительных одушевленных, например существительных, обозначающих человека: بازرگانان *bāzargānān* 'торговцы', زنان *zanān* 'женщины', کارگران *kārgarān* 'рабочие', دهقانان *dehqānān* 'крестьяне'.

Исключение представляют имена существительные одушевленные, относящиеся к деятельности людей, их положению, должности и т.д. и заимствованные из европейских языков, после которых вместо суффикса ان *-ān* употребляется ها *-hā*: فئودال *feodāl* — فئودالها *feodālhā* 'феодалы', ژنرال *ženerāl* — ژنرالها *ženerālhā* 'генералы', فوتبالیست *futbālist* — فوتبالیستها *futbālisthā* 'футболисты', دیپلومات *diplomāt* —

دیپلماتها *diplomāthā* ‘дипломаты’ и т.д. Суффикс ها *-hā* (а не ان *-ān*) употребляется также после многих одушевленных существительных арабского и неарабского происхождения: ملت *mellat* — *mellathā* ‘народы’, ‘нации’ (кроме того, слово имеет форму арабского ломаного мн. числа — ملل *melal*), اقلیتها *aqaliyyathā* — *aqaliyyathā* ‘меньшинства’, جمعیتها *jam'iyathā* — *jam'iyathā* ‘сообщества’, ‘коллективы’, نژادها *nezādha* — *nezādha* ‘расы’, ‘племена’.

И все же употребление суффикса ان *-ān* не сузилось только до выражения мн. числа имен существительных одушевленных, т.е. живых существ. Он образует мн. число от слов, обозначающих парные части человеческого тела: لبان *labān* ‘губы’, چشمان *čašmān* ‘глаза’, ابروان *abrovān* ‘брови’, دستان *dastān* ‘руки’, بازوان *bāzovān* ‘руки (от локтя до плеча)’, زانوان *zānovān* ‘колени’ (زانو *zānu* ‘колено’), رخان *roxān* ‘щеки’, и слова انگشتان *angoštān* — *angoštān* ‘палец’, а также от названий некоторых деревьев и растений: بیدان *bidān* ‘ивы’, گیاهان *giyāhān* ‘растения’, درختان *deraxtān* ‘деревья’, سروان *sarvān* ‘кипарисы’, گلبنان *golbonān* ‘кусты розы’.

Некоторые слова, обозначающие время, могут образовывать мн. число и с ان *-ān*, и с ها *-hā*: شبان *šabān* и شبها *šabhā* ‘вечера’, ‘ночи’, روزان *ruzān* и روزها *ruzhā* ‘дни’, روزگارآن *ruzgārān* и روزگارها *ruzgārha* ‘эпохи’. В языке классического периода встречался вариант суффикса ان *-ān* — یان *-iyān*, который употреблялся после основ, оканчивающихся на согласный: سالیان *sāliyān* ‘годы’, ماهیان *māhiyān* ‘месяцы’, см. [Ногн 1901, с. 105]. Форма мн. числа سالیان *sāliyān* широко употребительна и в современном персидском языке наряду с سالها *sālha*. В то же время форма на ان *-ān* не употребляется. В подтверждение употребительности в современном языке формы سالیان *sāliyān* следует привести устойчивые сочетания, в которые входит эта форма: سال سالیان *sāliyān-e sāl* или دراز سالیان *sāliyān-e derāz* ‘долгие годы’.

Формы на ان *-ān* могут образовывать и некоторые другие имена существительные неодушевленные: سخنان *soxanān* ‘слова’, غمان *qamān*, اندوهان *anduhān* ‘печали’, ستارگان *setāregān*, اختران *axtarān* ‘звезды’, گناهان *gonāhān* ‘грехи’, سوغندان *sowgandān* ‘клятвы’. И тем не менее, суффикс мн. числа ان *-ān* в персидском языке в основном остается показателем мн. числа имен существительных одушевленных.

При образовании форм мн. числа на ان *-ān* следует отметить два случая появления эпентез на стыке основы слова и суффикса мн. числа ان *-ān*.

1. Слово оканчивается на *hā* — «немое»: ه *-e*. Между основой и суффиксом возникает согласный *-g-*: ستاره *setāre* ‘звезда’ — ستارگان *setāregān*, نویسنده *nevisande* ‘писатель’ — نویسندگان *nevisandegān*, خواننده *xānande* ‘читатель’ — خوانندگان *xānandegān*. Появление эпентезы *-g-* связано со среднеперсидским элементом *g* (ср.-перс. *stārag* ‘звезда’, мн. число — *stāragān* ‘звёзды’). В новоперсидском языке этот звук в абсолютном исходе такого рода слов отпал. Однако во мн. числе этот согласный сохранился, но стал восприниматься не как элемент основы, а как элемент суффикса мн. числа.

2. Слово оканчивается на устойчивые гласные *-ā*, *-i* или *-u*. Между основой и суффиксом ان *-ān* появляется полугласный *-y-*: آشنا *āšnā* ‘знакомый’ — آشنايان *āšnāyān*, پیشوا *pišvā* ‘вождь’ — پیشوایان *pišvāyān*, بزهگو *bazlegu* ‘шутник’, ‘остряк’ — بزهگویان *bazleguyān*, دانشجو *dānešju* ‘студент’ — دانشجویان *dānešjuyān*,

ایرانی *irāni* ‘иранец’ — ایرانیان *irāniyān*, سامانی *sāmāni* ‘саманид’ — سامانیان *sāmāniyān*³.

Как исключение следует отметить слово بانو *bānu* ‘дама’, ‘госпожа’, когда устойчивый гласный *u* переходит в неустойчивый *o* (или *e*) и между словом и окончанием *-ān* возникает эпентеза *-v-*: بانوان *bānovān*, *bānevān* ‘дамы’, ‘женщины’. Таким же путем может быть образовано мн. число существительных ابرو *abru* ‘бровь’ — ابروان *abrovān*, بازو *bāzu* ‘рука (от локтя до плеча)’ — بازوان *bāzovān*, زانو *zānu* ‘колени’ — زانوان *zānovān*.

Второй суффикс иранского происхождения — ها *-hā*, несмотря на свой универсальный характер, не употребляется после некоторых основ существительных, оканчивающихся на нижефарингальный согласный *h* — جمهوریخواه *jomhurixāh* ‘республиканец’, فرمانده *farmāndeh* ‘командир’, آزادیخواه *āzādixāh* ‘свободолюбивый’, ‘либерал’. Формы мн. числа такого рода слов образуются при помощи суффикса *-ān*: جمهوریخواهان *jomhurixāhān*, فرماندهان *farmāndehān*, آزادیخواهان *āzādixāhān*. В то же время этот суффикс можно встретить после ряда других подобных основ: ماه *māhhā* ‘месяцы’, کوه *kuhhā* ‘горы’, کلاه *kolāhhā* ‘шапки’, ‘шляпы’.

1.2. Формы множественного числа арабского происхождения

Влияние арабского языка на грамматический строй персидского выразилось главным образом в заимствовании ряда суффиксов правильного мн. числа и многих форм арабского ломаного мн. числа. Последние стали настолько регулярно употребляться в персидском языке, что по существу можно говорить о заимствовании из арабского языка нового, самостоятельного способа образования мн. числа. Формы ломаного мн. числа вошли в персидский язык либо как самостоятельные лексические единицы, либо одновременно с арабскими словами в ед. числе. При их образовании происходит изменение фонетико-графической структуры, что принято рассматривать как внутреннюю флексию — явление, свойственное семитским и некоторым другим языкам.

Вначале рассмотрим образование форм мн. числа с помощью суффиксов. В персидский язык заимствованы арабские суффиксы мн. числа *-āt* ات, *-in* ين, *-un* ون и суффикс двойственного числа *-eun* -ین. Все они претерпели изменения в персидском языке по сравнению с арабским в семантическом и функциональном плане. Наибольшее употребление получил суффикс *-āt* ات; с его помощью образуется мн. число не только от арабских слов, но и от слов иранского и тюрко-монгольского происхождения.

1.2.1. Суффикс *-āt* ات. В арабском языке суф. *-āt* ات образует мн. число от имен женского рода, оканчивающихся на *-at* (تای مربوطه *tā-ye marbuta*). Поскольку в персидском языке арабский суффикс женского рода выступает в двойной форме,

³ Саманиды — династия правителей Мавераннахра (Средняя Азия, 819–999 гг.).

а именно в форме *-at* и *o-e*⁴, заимствованные имена могут образовывать мн. число и в той и в другой форме при помощи суффикса *-āt*: مقاله *maqāle* ‘статья’ — مقالات *maqālāt*, حسنه *hasane* ‘доброе дело’, ‘благодетель’ — حسنات *hasanāt*, كلمه *kaleme* ‘слово’ — كلمات *kalemāt*, عبارت *ebārat* ‘оборот’, ‘выражение’ — عبارات *ebārāt*, حالت *hālat* ‘положение’, ‘состояние’ — حالات *hālāt*. В тех случаях, когда суффиксу предшествуют два согласных звука, между ними возникает эпентетический гласный *a*, и фонетическая структура слова меняется: صفحه *safhe* ‘страница’ — صفحات *safahāt*, حملة *hamle* ‘атака’ — حملات *hamalāt*, زحمت *zahmat* ‘труд’, ‘беспокойство’ — زحمتات *zahamāt*, ضربت *zarbat* ‘удар’ — ضربات *zarabāt* и т.д.

Из арабского суффикса *-āt* в персидском языке образовался его алломорф *-jāt*, присоединяемый к некоторым словам иранского происхождения, оканчивающимся на *hā*-«немое» — *o-e*: دسته *daste* ‘отряд’, ‘группа’ — دستجات *dastejāt*, میوه *mive* ‘фрукт’ — میوهجات *mivejāt*, نوشته *neveste* ‘написанное’, ‘письмо’ — نوشتهجات *nevestejāt*, کارخانه *kārxāne* ‘завод’, ‘фабрика’ — کارخانهجات *kārxānejāt*⁵. Появление аффрикаты *j* в начале суффикса *-āt* вызвано теми же причинами, что и появление согласного *g* в качестве эпентезы перед суффиксом мн. числа *-ān*, — невозможностью соединения окончания слова *o-e* с начальным гласным *ā* суффикса мн. числа *-ān*. Возникновение же на стыке гласных эпентезы *j* вместо *g*, видимо, объясняется фонетической закономерностью — заменой персидского согласного *g* на аффрикату *j* в арабизованных словах персидского происхождения: گوهر *gowhar* ‘драгоценный камень’, ‘жемчуг’ — جوهر *jowhar*, لگام *legām* ‘уздечка’ — لجام *lejām*, گند *gond* ‘армия’, ‘войско’ — جند *jond*.

Следует отметить необычное употребление суффикса *-jāt* в составе слова арабского происхождения, да к тому же обозначающего не отвлеченное понятие, предмет, а человека: عمله *amale* ‘наемный рабочий’, ‘поденщик’ — عملجات *amalejāt*.

Употребление *-āt* допустимо с персидскими словами, не оканчивающимися на *hā*-«немое»: ده *deh* ‘деревня’ — دهات *dehāt*, دستور *dastur* ‘указание’ — دستورات *dasturāt*, فرمایش *farmāyeš* ‘приказ’ — فرمایشات *farmāyešāt*, گزارش *gozāreš* ‘доклад’ — گزارشات *gozārešāt*, گرایش *gerāyeš* ‘тенденция’ — گرایشات *gerāyešāt* и т.д.

Некоторые иранские лингвисты возражают против использования суффикса *-āt* для образования мн. числа от слов иранского происхождения; при этом они ссылаются на классический язык, в котором он сочетался главным образом с арабскими словами.

В современном языке этот суффикс используется для образования мн. числа от некоторых заимствований из западноевропейских языков: نمرة *nomre* ‘номер’ — نمرات *nomarāt*, پاکت *pākat* ‘пакет’ — پاکات *pākāt*, تلگراف *telgerāf* ‘телеграф’, ‘телеграмма’ — تلگرافات *telgerāfāt*.

⁴ Появление арабских слов женского рода в персидском языке с двумя разными суффиксами, видимо, вызвано тем, что одни слова заимствованы в разговорной форме — слова с суффиксом *o-e*, а другие — в форме первого члена идафного словосочетания, когда обязательно произносится согласный *t*, — слова с суффиксом *o-at* (تای مربوطه *tā-ye marbuta*).

⁵ Как исключение, суффикс *-jāt* присоединяется к слову иранского происхождения, оканчивающемуся на *i* — سبزیجات *sabzijāt* ‘овощи’.

В персидском языке наблюдается расширение функций суффикса *ات -āt*. Сохраняя значение множественности, этот суффикс приобретает еще словообразовательное значение с различными оттенками.

А.Садеги отмечает употребление суффикса *ات -āt* со значением 'окрестности чего-л.', например: *شَمِيرَانَات šemirānāt* 'окрестности Шемира́на', *لَنْجَانَات lanjānāt* 'окрестности Ланджана́', см. [Садеги 1348].

Из арабского языка заимствован суффикс арабских имен *یت -iyuat* (иногда встречается также другой суффикс, имеющий с первым общее происхождение: *یه -iyue*): *مَعْرُوفِيَّتْ ma'rufiyyat* 'известность', *مَدَنِيَّتْ madaniyyat* 'цивилизация', 'культура', *حَاكِمِيَّتْ hākemiyyat* 'власть', 'господство', *نَظَرِيَّة nazariyye* 'теория', 'мнение', *مَوْقِعِيَّتْ mowqe'iyyat* 'положение', *وَضْعِيَّتْ vaz'iyyat* 'обстановка', 'положение', *مَوْجُودِيَّتْ mowjudiyyat* 'существование'. Некоторые из таких арабизмов могут иметь форму мн. числа на *ات -āt*: *وَأَقْعِيَّتْ vāqe'iyyat* 'действительность' — *وَأَقْعِيَّات vāqe'iyyāt*, *نَظَرِيَّة nazariyye* 'теория' — *نَظَرِيَّات nazariyyāt*.

Вместе с тем встречаются арабские заимствования, которые в персидском языке не имеют формы ед. числа и употребляются только в форме мн. числа. В этих словах арабский суффикс *ية -iyuat* является признаком абстрактных имен существительных⁶. Он может сливаться с суффиксом мн. числа *ات -āt*, и тогда слова либо получают собирательно-обобщающее значение (*تَجْرِبِيَّات tajrobiyyāt* 'накопленный опыт', 'опыт', *رِيَاذِيَّات riyažiyyāt* 'математика', *أَدَبِيَّات adabiyyāt* 'литература'), либо имеют значение мн. числа (*لَبَنِيَّات labaniyyāt* 'молочные продукты', *دَخَانِيَّات doxāniyyāt* 'табачные изделия', *جُزْئِيَّات joz'iyyāt* 'подробности')⁷.

Арабский суффикс мн. числа *ات -āt* получил настолько широкое употребление в персидском языке, что частично выполняет словообразовательные функции, а слова, имеющие этот суффикс, могут сохранять значение ед. числа и приобретать новые значения, отсутствующие в ед. числе и вообще в арабском языке.

В заключение характеристики суффикса мн. числа *ات -āt* отметим его опосредованное участие в образовании мн. числа ряда сложных слов, в которых вторым компонентом выступает слово *أَلْ alat* 'орудие', 'инструмент' во мн. числе — *أَلَات ālāt*: *أَهْنُ أَلَات āhanālāt* 'изделия из железа', 'металлоконструкции', *مَاشِينِ أَلَات māšiniālāt* 'машинное оборудование', *جُوبِ أَلَات ĩubālāt* 'изделия из дерева', 'пиломатериалы', *زِينَتِ أَلَات zinatālāt* 'предметы украшения'. В данных примерах форму мн. числа непосредственно создает не суф. *ات -āt*, а слово *أَلَات ālāt*, поскольку в форме ед. числа эти слова не употребляются.

1.2.2. Суффикс *ين -in*. Этот суффикс используется для образования мн. числа от существительных арабского происхождения со значением деятеля, специалиста, знатока в какой-либо области и т.д. Часто они имеют форму арабских причастий действительного и страдательного залога разных пород: *مُعَلِّمِينَ moallemin* 'учителя', *نَازِرِينَ nāzerin* 'наблюдатели', *مَالِكِينَ mālekin* 'помещики', *سَاكِنِينَ sākenin*

⁶ По форме они совпадают с относительными прилагательными женского рода.

⁷ От форм мн. числа, оканчивающихся на сочетание абстрактного суффикса *یت -iyuat* с окончанием мн. числа *ات -āt*, следует отличать слова, внешне сходные с таким сочетанием, но на самом деле представляющие непосредственное сочетание слова с суффиксом *ات -āt*, например: *مُقْتَضَى moqtazā* (причастие страдательного залога VIII породы) 'необходимость', 'потребность' — *مُقْتَضِيَّات moqtaziyyāt*.

‘жители’, متخصصين *motaxassesin* ‘специалисты’, زارعين *zāre'in* ‘крестьяне’, ‘земледельцы’, حاضرين *hāzerin* ‘присутствующие’, كاسبين *kāsebin* ‘ремесленники’, عاملين *āmelin* ‘агенты’, ظالمين *zālemin* ‘угнетатели’, مستضعفين *mostaz'afin* ‘угнетенные’, ‘обездоленные’, مجروحين *majruhin* ‘раненые’, معلولين *ma'lulin* ‘инвалиды’.

В арабском языке *-in* по своему происхождению является суффиксом правильного мн. числа косвенного падежа одушевленных имен существительных мужского рода. В арабских диалектах суф. *-in* употребляется как единственная форма правильного мн. числа для одушевленных существительных мужского рода. В персидский язык этот суффикс заимствован скорее всего из арабских диалектов.

Встречаются случаи его употребления с некоторыми персидскими существительными: بازرسين *bāzrasin* ‘контролеры’, داوطلبين *dāvtalabīn* ‘добровольцы’.

1.2.3. Суффикс *-un* в арабском языке используется как показатель мн. числа имен мужского рода. В персидском этот суффикс используется с арабскими именами, оканчивающимися на *-i* и обозначающими деятелей в какой-либо области, представителей партий, политических и религиозных организаций и т.д.: روحانیون *ruhāniyun* ‘духовные лица’, ‘клерикалы’, انقلابيون *enqelābiyun* ‘революционеры’, ملیون *melliyun* ‘националисты’, مسیحیون *masihiyun* ‘христиане’, اعرابیون *a'rābiyun* ‘арабы-кочевники’, ‘бедуины’, ارتجاعیون *ertejā'iyun* ‘реакционеры’, سیاسیون *siyāsiyun* ‘политики’, ‘политические деятели’.

1.2.4. Суффикс арабского двойственного числа *-eyn* имеет весьма ограниченное употребление, так как категория двойственного числа в персидском языке отсутствует. Употребляется ограниченное количество арабских по происхождению слов, стоящих в форме двойственного числа. Эти формы означают парные предметы, объединенные между собой: دولتین *dowlateyn* ‘оба государства’, طرفین *tarafeyn* ‘обе стороны’, طرفین معظمین متعاهدین *tarafeyn-e moazzameyn-e motaāhedeyn* ‘Высокие Договаривающиеся Стороны’, دولتین متعاهدین *dowlateyn-e motaāhedeyn* ‘оба договаривающихся государства’, مجلسین *majleseyn* ‘обе палаты парламента’, دارین *dāreyn* ‘оба мира (перл. материальный и потусторонний)’, والدین *vāledeyn* ‘родители’.

1.3. Формы арабского ломаного множественного числа (ФЛМЧ)

Эти формы вошли в персидский язык вместе с арабскими лексическими заимствованиями. Как свидетельствуют грамматики арабского языка, ФЛМЧ в арабском языке употребляются чаще, чем формы правильного мн. числа. Название «ломаное», или «разбитое», мн. число возникло в связи с тем, что образование мн. числа имен существительных происходит не путем прибавления суффиксов к основе слова, а путем чередования гласных и согласных и добавления или сокращения гласных звуков, изменения их качества, т.е. путем изменения структуры слова, что принято рассматривать как внутреннюю флексию.

Эти формы глубоко проникли в строй персидского языка. Уже в ранних текстах новоперсидского языка наблюдается использование ФЛМЧ, но широкое распространение они получают в языке классического периода и особенно в современном

персидском. Однако в обиходно-разговорном языке и в диалектах персидского языка употребление ФЛМЧ весьма ограничено.

ФЛМЧ в отличие от правильных форм мн. числа не создаются заново, а употребляются как уже готовые лексические единицы, построенные по определенным моделям. Приведем несколько примеров на образование ФЛМЧ по наиболее типичным образцам: **مفاعل mafā'el**⁸ — **مجالس majāles** (ед. **مجلس majles**) 'собрания', 'меджлисы', **منافع manāfe** (ед. **منفعة manfaat**) 'интересы', **منازل manāzel** (ед. **منزل manzel**) 'квартиры'; **أفعال af'āl** — **اشعار aš'ār** (ед. **شعر še'r**) 'стихи', **اقسام aqsām** (ед. **قسم qesm**) 'виды', 'разряды', **أنواع anvā** (ед. **نوع now**) 'виды', **ارقام arqām** (ед. **رقم raqam**) 'цифры'; **فوعلاء foalā** — **شعرا šoarā** (ед. **شاعر šāer**) 'поэты', **فقرا foqarā** (ед. **فقير faqir**) 'бедняки', **رفقا rofaqā** (ед. **رفيق rafiq**) 'товарищи', **رقبا roqabā** (ед. **رقيب raqib**) 'соперники'; **فواعل favāel** — **قواعد qavāed** (ед. **قاعدة qāede**) 'правила', **طوائف tavāyef** (ед. **طائفة tāyefe**) 'племена', **فوائد favāyed** (ед. **فايده fāyede**) 'пользы', 'выгоды', **لوازم lavāzem** (ед. **لازمة lāzeme**) 'необходимые условия'; **فعل foul** — **علوم olum** (ед. **علم elm**) 'науки', **حدود hodud** (ед. **حد hadd**) 'границы'; **فعل feal** — **ملل melal** (ед. **ملت mellat**) 'народы', **علل elal** (ед. **علت ellat**) 'причины' и т.д.

В грамматиках персидского языка ФЛМЧ рассматриваются наряду с другими формами мн. числа, но специфика их функционирования не раскрывается: авторы ограничиваются простым перечислением наиболее употребительных форм, не показывая соотношения их значений со значениями слов в ед. числе и не рассматривая черты сходства и различия с правильными формами мн. числа.

В арабском языке насчитывается свыше тридцати моделей, по которым происходит образование ФЛМЧ. Нередко для слов, имеющих одинаковую структуру, ФЛМЧ совпадают, но во многих случаях правила выбора той или иной модели нарушаются. В то же время одно и то же имя может образовывать ФЛМЧ по двум или нескольким моделям.

Персидский язык заимствовал вместе с арабским словом обычно одну ФЛМЧ, иногда не самую употребительную. Случаи, когда одно и то же имя имеет не одну, а две (иногда три) ФЛМЧ, встречаются редко, например: **خليفة xalife** 'халиф' — **خلفا xolafā**, **خلائف xalāef**, **خادم xādem** 'слуга', 'служитель' — **خودام xoddām**, **خدم xadam**, **خدمه xadame**. Причем эти формы характеризуются разной степенью употребительности. Например, **صحيفة sahife** 'страница' формально имеет две ФЛМЧ — **صحائف sahāef** и **صحف sohof**, но употребительной является только первая (**صحائف sahāef**).

В персидском языке арабское имя существительное наряду с ФЛМЧ может иметь также формы правильного мн. числа, выраженные персидскими суффиксами **ها -hā** и **ان -ān**: **كتاب ketāb** 'книга' — мн. число **كتب kotob** и **كتابها ketābhā**; **ملت mellat** 'народ', 'нация' — мн. число **ملل melal** и **ملتها mellathā**; **شاعر šāer** 'поэт' — мн. число **شعرا šoarā** и **شاعران šāerān** и т.д.

Вместе с тем не все заимствованные слова, имеющие ФЛМЧ в арабском языке, сохраняют их в персидском. Например, слова **سن senn** 'возраст', **بحران bohrān**

⁸ Образец ФЛМЧ, в основе которого лежат три корневые согласные буквы **ف**, **ع** и **ل** (от корня **فعل faala** 'делать'), а гласные и другие согласные обозначаются соответствующими буквами и огласовками. Такое условное обозначение принято в арабских грамматиках.

‘кризис’, عسل *asal* ‘мед’, وطن *vatan* ‘родина’ образуют формы только правильного мн. числа с суффиксом ها *-hā*: سنها *sennhā*, بحرانها *bohrānhā*, عسلها *asalhā*, وطنها *vatanhā*. Неупотребительность ФЛМЧ от приведенных и многих других арабских слов подтверждается не только тем, что они не встречаются в персидских текстах различного содержания, но и тем, что толковые и переводные словари персидского языка их не фиксируют.

От любого арабского слова можно свободно образовать мн. число с помощью персидских суффиксов ها *-hā* и ان *-ān*. И все же наблюдения показывают, что некоторые арабские слова в отдельных или во всех своих значениях при необходимости выразить мн. число употребляются только или преимущественно в ФЛМЧ. Например, слова حق *haqq* в значении ‘право’ и رئيس *rais* ‘глава’, ‘начальник’, ‘председатель’ употребляются всегда в ФЛМЧ حقوق *hoquq* и رؤسا *roasā*; слова محفل *mahfel* ‘круг’, ‘общество’, مرحله *marhale* ‘этап’, ارض *arz* ‘земля’ — преимущественно в ФЛМЧ: محافل *mahāfel*, مراحل *marāhel*, اراضی *arāzi*.

Иногда арабские заимствования имеют в персидском языке не ту форму ломаного мн. числа, которая свойственна этому слову в арабском языке. Например, слово حاضر *hāzer* ‘присутствующий’, ‘имеющийся налицо’ в персидском языке имеет ФЛМЧ حضار *hozzār*, тогда как в арабском эта ФЛМЧ свойственна слову حاضر *hāzer* в значении ‘городской житель’, ‘оседлый’. В арабском языке слово حاضر *hāzer* ‘присутствующий’ имеет ФЛМЧ حضور *hozur*, которая совпадает с формой масдара I породы ‘присутствие’, ‘приход’, ‘появление’.

ФЛМЧ имеют и отдельные слова иранского происхождения, которые были заимствованы арабским языком и употребляются в настоящее время также в персидском языке, иногда в арабизованной форме: دهقان *dehqān* ‘крестьянин’ — دهاقين *dehāqin*, فرمان *farmān* ‘указ’, ‘декрет’, ‘приказ’ — فرامین *farāmin*, استاد *ostād* ‘учитель’, ‘мастер’, ‘профессор’ — اساتید *asātid*, جوهر *jowhar* ‘драгоценный камень’, ‘драгоценность’ — جواهر *javāher*, جند *jond* ‘армия’ — جنود *jonud* и т.д. Образование ФЛМЧ от слов неарабского происхождения — явление сравнительно редкое.

При характеристике функционирования ФЛМЧ в персидском языке необходимо обратить внимание на то, что нередко ФЛМЧ образуются не от всех значений слова, а только от одного или двух. Так, слово حقوق *hoquq* — ФЛМЧ от حق *haqq* в персидском языке соотносится только с одним значением этого слова — ‘право’, а другие значения — ‘истина’, ‘правда’, ‘правота’, ‘долг’, ‘обязанность’ — обычно не образуют мн. числа по этой модели, тогда как в арабском языке حقوق *hoquq* как форма мн. числа охватывает все значения слова حق *haqq*; ФЛМЧ دول *doval* соотносится со значениями ед. числа существительного دولت *dowlat* ‘государство’, ‘правительство’ и не охватывает другие значения этого слова — ‘богатство’, ‘состояние’, ‘владычество’, ‘могущество’. В арабском языке دول *doval* как форма мн. числа слова دولت *dowlat* охватывает все его значения. Знание структуры значений ФЛМЧ заимствованных арабских слов необходимо для определения их функционирования в персидском языке.

В связи с тем, что слова арабского происхождения потенциально могут иметь несколько разных форм мн. числа, перед пользующимся персидским языком не-

редко возникает вопрос, какую форму предпочтительнее использовать в данном конкретном случае⁹.

Опираясь на статистические данные, приводимые в статье И.К.Овчинниковой «Об употребительности неправильных форм множественного числа в современном литературном персидском языке», см. [Овчинникова 1964], и на собственные наблюдения, мы можем отметить следующие особенности функционирования ФЛМЧ по сравнению с правильными формами мн. числа:

1) имя существительное во всех значениях или в одном конкретном значении используется только либо преимущественно в ФЛМЧ: حق *haqq* 'право' — حقوق *hoquq*; حرف *harf* 'буква', 'звук', 'частица' — حروف *horuf*; ارض *arz* 'земля' — اراضی *arāzi*; علم *elm* 'наука' — علوم *olum*; مرحله *marhale* 'этап' — مراحل *marāhel*; رجل *rajol* 'деятель', 'муж' — رجال *rejāl* и т.д.;

2) имя существительное приблизительно одинаково встречается как в ФЛМЧ, так и в формах правильного мн. числа иранского происхождения: قرن *qarn* 'век' — قرون *qorun* и قرنها *qarnhā*; ملت *mellat* 'народ', 'нация' — ملل *melal* и ملتها *mellathā*; جمهوری *jomhuri* 'республика' — جماهير *jamāhir* и جمهوریها *jomhurihā*; وزیر *vazir* 'министр' — وزرا *vozarā* и وزیران *vazirān* и т.д.;

3) имя существительное использует только правильные формы мн. числа: مدیر *modir* 'директор', 'заведующий', 'управляющий' — مدیران *modirān*; بحران *bohrān* 'кризис' — بحرانا *bohrānhā*.

Арабские слова первой и третьей групп почти никогда не вызывают колебаний при образовании форм мн. числа; слова же, относящиеся ко второй группе, в связи с необходимостью выбора той или иной формы мн. числа требуют учета жанровой принадлежности текста, стилистических особенностей предложения. Причина состоит в том, что ломаная и правильная формы мн. числа одного и того же существительного, даже если их значения полностью совпадают, не всегда свободно взаимозаменяются. Например, ФЛМЧ كتب *kotob* 'книги', دروس *dorus* 'уроки' свойственны книжному стилю речи, а их синонимы — правильные формы мн. числа كتابها *ketābhā*, درسها *darshā* — нейтральному и сниженному стилям. В эпистолярном стиле персидского литературного языка, в языке научных произведений используются преимущественно ФЛМЧ, в разговорном стиле литературного языка и в обиходно-разговорном языке чаще можно встретить формы персидского правильного мн. числа. Вместе с тем в современных персидских газетах и в других периодических изданиях нередко встречается параллельное использование правильных и ломаных форм мн. числа даже в одной и той же статье.

Особую устойчивость ФЛМЧ проявляют в составе фразеологических словосочетаний. На это явление обратила внимание И.К.Овчинникова, справедливо отметив, что многие устойчивые словосочетания при наличии нескольких форм мн. числа у одного слова обычно используют только одну неправильную [Овчинникова 1964, с. 98]: سازمان ملل متحد *sāzmān-e melal-e mottahed* — Организация Объединенных Наций (только ملل *melal*, а не ملتها *mellathā*), اتحاد جماهير شوروی سوسیالیستی

⁹ Речь идет не только о выборе ФЛМЧ или форм персидского мн. числа с суффиксами ها *-hā* и ان *-ān*. Для более полного и объективного анализа употребительности той или иной формы мн. числа необходимо учитывать также заимствованные из арабского языка суффиксы ات *-āt* (جات *-jāt*), ين *-in* и ون *-un*.

ettehād-e jamāhir-e šowravi-ye sosyālisti — Союз Советских Социалистических Республик (только جماهير *jamāhir*, а не جمهوریها *jomhurihā*), قرون وسطی *qorun-e vosta* ‘средние века’ (только قرون *qorun*, а не قرنہا *qarnhā*), افکار عمومی *afkār-e omumi* ‘общественное мнение’ (только افکار *afkār*, а не فکرہا *fekrhā*) и т.д.

Некоторые ФЛМЧ в персидском языке являются более употребительными, чем формы ед. числа соответствующих арабских слов, например, آمال *āmāl* ‘надежды’, ‘чаяния’, ‘упования’ (от امل *amal*), اساطير *asātīr* ‘легенды’, ‘мифы’ (от اسطور *ostur*).

Помимо отмеченных выше функциональных особенностей ФЛМЧ обладают рядом специфических семантических черт.

1. Слово в ФЛМЧ приобретает дополнительное значение (иногда несколько значений), не свойственное ему в ед. числе. Например, اوقات *owqāt* (мн. от وقت *vaqt*) ‘время’, ‘времена’ получает дополнительные значения ‘обстоятельства’, ‘обстановка’, ‘настроение’; دقائق *daqāyeq* (мн. от دقیقه *daqiqe* ‘минута’) — значения ‘детали’, ‘подробности’; ادوات *adavāt* (мн. от آدات *adāt* грам. ‘частица’) — значения ‘инструменты’, ‘орудия’, ‘приборы’.

Иногда слово в ФЛМЧ приобретает дополнительное обобщенно-множественное значение, например اولاد *owlād* ‘потомки’, ‘потомство’ (мн. от ولد *valad* ‘ребенок’, ‘дитя’).

2. ФЛМЧ (наряду со значением множественности) сохраняет значение, которое слово имеет в ед. числе, или одно из его значений (при многозначности слова)¹⁰. Например, اوضاع *owzā* (мн. от وضع *vaz*) сохраняет значение слова, которое оно имеет в ед. числе, — ‘положение’, ‘состояние’; احوال *ahvāl* (мн. от حال *hāl*) имеет также одно из значений слова в ед. числе — ‘состояние здоровья’. ФЛМЧ اولاد *owlād* (мн. от ولد *valad*) в разговорном языке употребляется в значении, которое слово имеет в ед. числе, — ‘дитя’, ‘ребенок’.

В отдельных случаях ФЛМЧ, получив значение слова в ед. числе, перестает выражать множественность. Например, اسلحه *aslehe* (мн. от سلاح *selāh* ‘оружие’, ‘вооружение’) имеет то же значение, что и слово в ед. числе, и поэтому фактически перестало быть формой мн. числа.

Иногда слово в ФЛМЧ приобретает новое значение. Так, لوازم *lavāzem*, сохраняя семантическую связь с формой ед. числа لازمه *lāzeme* ‘необходимое условие’, ‘необходимая предпосылка’, ‘необходимость’, ‘необходимая вещь’, ‘необходимый предмет’ (т.е. выступая как ФЛМЧ для этого слова), одновременно приобретает новое значение — ‘оборудование’, ‘инвентарь’, ‘инструменты’, а формой мн. числа для нового значения становится форма لوازمات *lavāzemāt*, являющаяся только формально вторичной формой мн. числа (об этом см. ниже).

Встречаются случаи вторичного образования форм мн. числа от ФЛМЧ, что в грамматике персидского языка получило название «двойного множественного числа» (جمع جمع *jam*’-e *jam*): وجوهات *vojuhāt* ‘суммы’, ‘деньги’, ‘средства’ (мн. от وجوه *vojūh* — ФЛМЧ от وجه *vajh*); جواهرات *javāherāt* ‘драгоценные камни’, ‘драгоценности’ (мн. от جواهر *javāher* — ФЛМЧ от جوهر *jowhar*) и т.д.

¹⁰ На использование ФЛМЧ некоторых арабских слов в значении ед. числа указывает Ж.Лазар [Lazard 1957, с. 57].

Анализ конкретных ФЛМЧ свидетельствует о том, что семантические отношения между ними и формами ед. числа постоянно находятся в состоянии изменения, ввиду чего эти отношения должны всегда находиться в поле зрения лексикологов и лексикографов.

2. Категория выделенности

Категория выделенности — грамматическая категория имен существительных, выступающая как показатель субстантивности. Любое имя существительное в зависимости от того, служит ли оно в предложении для обозначения одного из однородных предметов или какой-то части их либо используется для обозначения всего класса однородных предметов, может употребляться с артиклем и без него. Артикль служит грамматическим средством выделения предметов и явлений из ряда им подобных. Обозначая соотношение «предмет — класс предметов», имя существительное с артиклем получает значение 'один из...', 'какой-то'. Артикль выполняет много функций в предложении. Но мы не противопоставляем употребление артикля после антецедента, к которому относится придаточное определительное предложение, употреблению артикля после имени существительного, к которому не относится придаточное определительное, ибо общая выделительная функция артикля проявляется и в тех случаях, когда он употребляется после имен существительных, поясняемых придаточными определительными предложениями. На основании главной функции, которую он выполняет, артикль назван выделительным¹¹. Вместе с тем мы не отрицаем специфику употребления выделительного артикля после антецедентов, к которым относятся придаточные определительные предложения.

История развития артикля в языках, предшествующих новоперсидскому, показывает, что в древнеперсидском языке не было артикля. Впервые он зафиксирован только в среднеперсидском языке, на что указывают ряд исследователей. В частности, в работе Х.Нюберга говорится о наличии в среднеперсидском языке постпозитивного неопределенного артикля *ē* [Nyberg 1931, с. 63]. Что касается указа-

¹¹ Выделительным артиклем в работе названа служебная морфема, которая в грамматиках и учебниках по персидскому языку обычно именуется *یای نکره* *yā-ye nakare*, *یای تنکیر* *yā-ye tankir* '—i неопределенности', 'неопределенный артикль', *یای وحدت* *yā-ye vahdat* '—i единичности', *یای معرفه* *yā-ye ma'rafe* '—i определенности', 'определенный артикль', *یای اشاره* *yā-ye ešāre* '—i указательное'.

Употребление артикля после имен существительных с относящимися к ним придаточными определительными и без них явилось основанием для противопоставления в ряде работ двух артиклей — определенного и неопределенного. Согласно этой точке зрения, соответственно двум артиклям должны выделяться категории определенности и неопределенности. Однако анализ фактического материала показывает, что персидский язык не обладает двумя соотносительными формами артикля, а имеет один артикль, присоединяемый к именам существительным в разных синтаксических позициях.

Известный французский иранист Ж.Лазар, ознакомившись с точкой зрения автора данной работы, одобрительно отнесся к такой оценке артикля [Lazard 1966, с. 250, 263]. В этой же статье (с. 251) отмечено, что немецкий иранист Г.Хинха [Hincha 1961], не будучи знакомым с нашими работами, пришел к почти аналогичному выводу в отношении оценки природы персидского артикля.

тельного местоимения *ēt* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’, которое, по мнению некоторых иранистов, могло послужить основой для образования определенного артикля, то оно происходит из древнеперсидского местоимения *aita* ‘этот’ и в более позднюю, среднеперсидскую эпоху звучало как *ē*. Такое произношение могло приводить к смешению указательного местоимения $\bar{e} < \bar{e}t$ и неопределенного артикля \bar{e} , восходящего к древнеперсидскому числительному *aiva* ‘один’ ($\bar{e} < \text{ср.-перс. } -ev < \text{др.-перс. } aiva$ ‘один’) [Nyberg 1931, с. 68].

П.Хорн считал, что *یای اشارت* *yā-ye ešārat* ‘-i указательное’ восходит не к древнеперсидскому указательному местоимению *aita*, а, так же как и *یای تنکیر* *yā-ye tankir* ‘-i неопределенности’, происходит из древнеперсидского числительного *aiva* [Horn 1901, с. 107, 120].

Изучение случаев употребления артикля в современном персидском языке привело к выводу о том, что независимо от того, как будет решен вопрос о происхождении артикля, в персидском языке нет оснований для противопоставления двух артиклей — неопределенного и определенного. В языке существует один постпозитивный артикль, главная функция которого — выделение предметов и явлений из ряда им подобных. Отсутствие артикля означает, что предмет или явление берется в наиболее обобщенном виде как представитель класса предметов или класса явлений: ср. *بود کیف ای روزنامه* *Ruznāme-i tu-ye kif bud* ‘В портфеле лежала какая-то газета’ и *من هر روز روزنامه میخوانم* *Man har ruz ruznāme mixānam* ‘Я каждый день читаю газету’.

Выделительная функция безударного суффикса *ی* -i весьма сходна с индивидуализирующей функцией, свойственной артиклям ряда западноевропейских языков. Артикль может сообщать имени значение неопределенности или единичности, служить средством выделения предметов и явлений из ряда однородных, подобно указательным местоимениям.

Таблица 6

Орфография выделительного артикля

	После согласного	После гласных <i>ā, u, o</i>	После гласного <i>e</i>	После гласного <i>i</i>
Графическое обозначение	ی -i	یی -yi или نی -i	ای -i или یی -yi	без ی, с ی или ای -i
Примеры	<i>مردی</i> <i>mard-i</i> ‘какой-то мужчина’	<i>آرزویی</i> <i>ārezu-yi</i> или <i>آرزویی</i> <i>ārezu-i</i> ‘какое-то желание’, <i>بنایی</i> <i>banā-yi</i> или <i>بنایی</i> <i>banā-i</i> ‘какое-то здание’, <i>تویی که</i> <i>to-yi-ke</i> или <i>تویی که</i> <i>to-i-ke</i> ‘ты, который’	<i>کوزه ای</i> <i>kuze-i</i> или <i>کوزه یی</i> <i>kuze-yi</i> ‘какой-то кувшин’	<i>قوطی</i> <i>quti-i</i> , <i>قوطی</i> <i>quti-yi</i> или <i>قوطی ای</i> <i>quti-i</i> ‘какая-то коробочка’

Выделительный артикль произносится и пишется слитно с предшествующим словом (табл. 6) и не несет на себе ударения. При наличии одного или нескольких

определений, выраженных прилагательными, артикль обычно ставится в конце атрибутивного сочетания: اتاق بزرگی *otāq-e bozorg-i* ‘какая-то большая комната’, جواب صحیح و روشنی *javāb-e sahih va rowšan-i* ‘правильный и ясный ответ’. Иногда возможно употребление артикля непосредственно после определяемого слова: احمد آدمی عاقل است *Ahmad ādam-i āqel ast* ‘Ахмад — человек умный’, راهی دور *rāh-i dur* ‘путь дальний’. Такое употребление артикля вызвано чисто стилистическими целями — выделить определение. Этот прием часто используется в стихотворной речи.

В каждом языке артикль должен получить характеристику с учетом его грамматических, семантических и стилистических особенностей. Вместе с тем случаи употребления артикля анализируются и с точки зрения выделения объекта действительности, нуждающегося в актуализации в данном речевом отрывке. Регулярное употребление артикля в одних и тех же синтаксических условиях приводит к формализации и стандартизации его основных функций, в результате чего артикль получает позиционную закрепленность. Функции артикля должны описываться в грамматиках и учебниках в виде правил его употребления. Они вытекают из выполняемой им общей функции — служить средством выделения предметов и явлений из ряда им подобных.

В грамматиках и учебниках, изданных в Иране, к сожалению, не формулируются четкие правила употребления артикля, что не может не снижать общую грамотность учащихся. Совершенно очевидно, что особенности функционирования артикля, случаи его структурно-синтаксического и стилистического использования нуждаются в углубленном исследовании на добротном фактическом материале. Ниже делается попытка сформулировать основные правила употребления артикля в составе предложения. Случаи употребления артикля после антецедента, к которому относится придаточное определительное предложение, тесно связаны со структурой и семантикой последнего, поэтому они рассматриваются не здесь, а при характеристике этой разновидности сложноподчиненных предложений.

Дейктическая функция артикля связана не только с необходимостью обозначить неопределенность или единичность предмета, но и с синтаксической функцией имени существительного в предложении, с предшествующими ему или следующими за ним словами, — все это формулируется в виде правил употребления артикля после имен существительных (а иногда и после личных местоимений).

Артикль обычно употребляется в следующих случаях.

1. После имени существительного, обозначающего впервые упоминаемый предмет, неизвестный слушателю до момента речи. Имя существительное при присоединении артикля получает значение неопределенности: حادثه ای روی داد *Hādese-i ruy dād* ‘Произошел какой-то случай’; او کتابی خرید *U ketāb-i xarid* ‘Он купил какую-то книгу’¹².

Артикль может присоединяться к именам существительным не только в единственном, но и во множественном числе: در این سال حوادث نامساعدی روی داد *Dar in sāl havādes-e nāmosāed-i ruy dād* ‘В этот год произошли неблагоприятные

¹² Для выражения неопределенности имени может также употребляться числительное یک *yek* ‘один’, нередко в сочетании с артиклем: یک مردی گفت... *Yek mard-i goft...* ‘Один (какой-то) человек сказал...’.

события'. Следует обратить внимание, что наличие артикля не всегда обязывает переводить существительное как какое-либо неопределенное, неизвестное имя. Нередко после слова с артиклем употребляется предлог از *az* 'из', который как бы поддерживает выделительную функцию артикля: حضور زائرانی از کشورهای پاکستان، اندونزی، مالزی، هند، بنگلادش، عربستان سعودی... *Hozur-e zāērān-i az kešvarhā-ye Pākēstān, Andonezi, Mālezi, Hend, Banglādeš, Arabestān-e Sa'udi*... 'Присутствие паломников из Пакистана, Индонезии, Малайзии, Индии, Бангладеш, Саудовской Аравии...'

Не оказывает влияния на употребление артикля семантическая разновидность имени — артиклем могут оформляться не только имена существительные конкретные, но и абстрактные и вещественные: احتیاج به آب خنکی دارند *Ehtiyāj be āb-e xonok-i dārānd* 'Они испытывают потребность в холодной воде'; ناگهان افکار خوب و مفیدی به سرش آمدند *Nāgahān afkār-e xub-o tofid-i be sar-aš āmadānd* 'Неожиданно хорошие и полезные мысли пришли ему (букв. 'в его') в голову'.

2. После имени существительного, выступающего в роли предикатива и имеющего постпозитивное определение, выраженное именем прилагательным: او مرد خوبی است *U mard-e xub-i ast* 'Он хороший человек'; این پیشنهاد مناسبی است *In pišnehād-e monāsebi ast* 'Это подходящее предложение'.

Артикль ставится после прилагательного — изафетного определения и часто сливается с неустойчивым гласным глагола-связки, образуя фонетически единое и одновременно энклитическое слово احمد شاگرد با استعدادیست *-ist: Ahmad šāgerd-e bāeste 'dād-ist* 'Ахмад — способный ученик'.

Этот случай употребления артикля можно рассматривать как позиционный, поскольку он связан с синтаксической ролью имени существительного в составе предложения. Неупотребление артикля, а следовательно, и изафета после предикатива в предложениях типа این خانه بزرگی است *In xāne-ye bozorg-i ast* 'Это — большой дом' привело бы к изменению его смысла, так как в этом случае подлежащим стало бы словосочетание این خانه *in xāne* 'этот дом', а не указательное местоимение این 'это'. В случае пропуска артикля и изафета предложение следовало бы перевести не 'Это — большой дом', а 'Этот дом — большой'.

3. После имен существительных, обозначающих неопределенное количество (دسته *daste* 'группа', گروه *goruh* 'группа', عده *edde*, مقدار *meqdār* 'число', 'количество', قسمت *qesmat*, پاره *pāre* 'часть', بهره *bahre* 'доля', 'часть' и т.д.). Такого рода слова, получая артикль, сочетаются с существительными вещественными, собирательными или именами существительными и личными местоимениями во мн. числе при помощи предлога از *az* 'из', 'от' или без него: مقداری غله *meqdār-i galle* 'некоторое количество зерна', عددی از دانشجویان *edde-i az dānešjuyān* 'некоторое число студентов', گروهی به تعداد ده نفر *goruh-i be te 'dād-e dah nafar* 'группа в количестве десяти человек', عددی از آنها *edde-i az ānhā* 'их некоторое число', 'некоторое число из них'.

4. После имен существительных, употребляемых для указания приблизительного количества в сочетании с количественным числительным. Словосочетание строится по формуле: «существительное + артикль + количественное числительное»: دانشجویی پنج *dānešju-yi panj* 'примерно пять студентов', کارگری ده *kārgar-i dah* 'примерно десять рабочих', نفری سه *nafar-i se* 'человека три'. По своему значению

словосочетания с артиклем соответствуют трехчленным словосочетаниям со словами تقریباً *taqriban* ‘приблизительно’, قریب *qarib* ‘приблизительно’: تقریباً پنج دانشجو *taqriban panj dānešju*, قریب پنج دانشجو *qarib-e panj dānešju* ‘приблизительно пять студентов’, کارگر قریب ده *taqriban dah kārgar*, کارگر قریب ده *qarib-e dah kārgar* ‘приблизительно десять рабочих’ и т.д.

5. После имен существительных, к которым относится вопросительное местоимение چه *če*? ‘какой?’, ‘что за?’: چه سؤالی دارید? *Če soāl-i dārid?* ‘Какой у вас вопрос?’, چه حاجتی بود? *Če hājat-i bud?* ‘Какая была необходимость?’.

6. После имен существительных, в качестве препозитивных определений которых выступают местоимения چنین *čenin*, چنان *čenān* ‘такой’, ‘подобный’: چنین کمکی *čenin komak-i-rā az u entezār nadāštam* ‘Я не ожидал от него такой помощи’; چنان مسئولیتی بر عهده من بود... *Čenān mas’uliyat-i bar ohde-ye man bud...* ‘Такая ответственность лежала на мне...’.

7. После имен существительных, выступающих в роли подлежащего или прямого дополнения в отрицательных предложениях. Артикль придает имени существительному значение единичности: اینجا کسی نیست *Injā kas-i nist* ‘Здесь никого нет’; در توی میز حتی کتابی نبود *Dar tu-ye miz hattā ketāb-i nabud* ‘В столе не было даже одной книги’. Часто в такого рода предложениях перед существительным употребляется отрицательное местоимение هیچ *hič* ‘никакой’: هیچ چاره ای ندارم *Hič čāre-i nadāram* ‘У меня нет никакого выхода’; هیچ پرده ای بین او و دخترش نبود *Hič parde-i beyn-e u va doxtar-aš nabud* ‘Между ним и его дочерью не было никаких тайн’ (Аляви. Ее глаза).

8. Если в роли определения к имени существительному употребляется прилагательное в сравнительной степени: نخست وزیر باید به منافع صادراتی کشور توجه بیشتری *Noxostvazir bāyad be manāfe'-e sāderāti-ye kešvar tavajjoh-e bištar-i tabzul dāšte bāšad* ‘Премьер-министр должен больше внимания уделять внешнеторговым интересам страны’; دوستم با قدمهای سریعتری راه می رفت *Dust-am bā qadamhā-ye sari'tar-i rāh miraft* ‘Мой друг шел более быстрыми шагами’; باران شدیدتری باریدن گرفت *Bārān-e šadidtar-i bāridan gereft* ‘Пошел более сильный дождь’.

9. После имен существительных, выступающих в ролименной части сложного глагола, когда нужно подчеркнуть однократность, категоричность совершения действия: پدرم دیگر حرفی نزد *Pedar-am digar harf-i nazad* ‘Отец больше не сказал ни слова’; دکاندار فکری کرده گفت... *Dokāndār fekr-i karde goft...* ‘Лавочник, [немного] подумав, сказал...’ Появление артикля после именной части не нарушает цельности сложного глагола.

10. После имен существительных со значением отрезка времени (روز *ruz* ‘день’, هفته *hafte* ‘неделя’, ماه *māh* ‘месяц’ и т.д.), единицы измерения (دانه *dāne* ‘штука’, متر *metr* ‘метр’, كيلو *kilo* ‘килограмм’ и т.д.). Артикль сообщает им значение единичности, т.е. выполняет функцию количественного числительного يك *yek* ‘один’: روزی سه بار غذا می خوریم *Ruz-i se bār qazā mixorim* ‘В день мы три раза едим’; هفته ای دو بار به دانشگاه می آید *Haft-e do bār be dānešgāh miāyad* ‘В неделю он два раза приходит в университет’; این پارچه متری ده روبل فروخته می شود *In pārče metr-i dah rubl foruxte mišavad* ‘Этот материал продается по десять рублей за метр’.

11. После числительного صد *sad* 'сто' для обозначения процентов: صدی چهل *sad-i čehel* 'сорок процентов', صدی پنج *sad-i panj* 'пять процентов'¹³.

Перечисленные примеры отражают, видимо, не в полной мере картину функционирования артикля, встречаются и другие случаи его употребления после имен существительных. Функционирование артикля в персидском языке нуждается в дальнейшем изучении и установлении более четких норм в его употреблении.

Вместе с тем необходимо выделить случаи, когда употребление артикля полностью исключается. Артикль не употребляется, если имя существительное определяется другим именем существительным, личным или слитным местоимением, а также после имен собственных, сочетаний имен существительных с указательными местоимениями این *in* 'этот', آن *ān* 'тот'¹⁴. В других же случаях отсутствие артикля свидетельствует о том, что: а) в данном высказывании предметы и явления берутся в наиболее общем виде, как представители класса в целом: عشق به انسان نیروهای *Ešq be ensān niruhā-ye tāze-i mibaxšad* 'Любовь придает человеку новые силы'; б) предметы и явления известны говорящему и слушающему непосредственно из речевого общения или из предыдущей речи, так что не могут быть выделены из им подобных: کتاب را به برادر دادم *Ketāb-rā be barādar dādam* 'Я отдал книгу брату'; من به خانه برگشتم *Man be xāne bargastam* 'Я возвратился домой' (букв. 'в дом').

В заключение характеристики случаев употребления артикля отметим превращение его из служебной морфемы в словообразовательную. О превращении служебной частицы в безударный суффикс свидетельствует следующее: а) приобретение словом нового значения и превращение его в другую часть речи: چند *čand* 'сколько', 'несколько' → چندی *čandi* 'немного', خیل *xeyl* 'табун лошадей' → خیلی *xeyli* 'очень', 'много', قدر *qadr* 'количество', 'мера' → قدری *qadri* 'немного', یک *yek* 'один' → یکی *yeki* 'некто', 'один' (переход числительного в неопределенное местоимение); б) слово постоянно употребляется с безударным суффиксом: برخی *bārxi* 'некоторые', 'одни'¹⁵.

В слове بعضی *bā'zi* 'некоторые', 'одни' ی *-i*, видимо, следует считать уже безударным словообразовательным суффиксом, поскольку возможна форма мн. числа بعضیها *ba'zihā*, причем значение сохраняется прежним — 'некоторые', 'одни'. Кроме того, слово بعض *ba'z*, имея значение 'некоторые' (обычно в более высоком стиле), сохраняет и свое основное значение — 'часть'.

Количество слов, в которых артикль превращается в безударный словообразовательный суффикс, постоянно увеличивается. В таких словах, как اندکی *andāki* 'немного', کمی *kāmi* 'немного', 'чуть-чуть', суффикс ی *-i*, присоединяясь к словам اندک *andak* 'немного', 'чуть-чуть', 'малый', 'незначительный', کم *kam* 'мало',

¹³ Этот способ обозначения процентов в персидском языке менее распространен, чем другой: образование свободного словосочетания со словом درصد *darsad* 'процент' — چهل درصد *čehel darsad* 'сорок процентов'.

¹⁴ В данном случае мы не касаемся случаев употребления выделительного артикля после некоторых слов и словосочетаний, выступающих в роли антецедента придаточных определительных предложений. Эти вопросы рассматриваются при характеристике сложноподчиненных предложений с придаточными определительными.

¹⁵ В современном языке слово برخ *barx* 'часть' не употребляется.

‘немного’, ‘редко’, ‘малый’, имеющим не только значение наречий, но и значение прилагательных, укрепляет в них наречное значение.

3. Категория одушевленности / неодушевленности

Эта категория имен существительных не получила четкого и однозначного грамматического выражения в персидском языке. Обычно в других языках, где выделяются эти две грамматические категории, категория одушевленности четко противопоставляется категории неодушевленности. В персидском языке такого четкого противопоставления не наблюдается, хотя, как это будет показано ниже, и та и другая категория получают грамматическое выражение. Вот поэтому мы и не выделили эти две категории как противостоящие, а объединив их вместе, назвали «категория одушевленности / неодушевленности».

Семасиологически имена существительные делятся на одушевленные и неодушевленные. Одушевленные существительные служат для наименования живых существ, неодушевленные — для наименования предметов и явлений реальной действительности, не причисляемых к живым существам. К понятию «одушевленные предметы» относятся все живые существа — от человека до микробов, а также существа и предметы, приравняемые к живым или просто олицетворяемые.

Грамматический анализ имен существительных одушевленных и неодушевленных ведется по четырем параметрам: 1) по способу образования формы мн. числа; 2) по способности образовывать словосочетания с прилагательными, оканчивающимися на суф. *انه -āne*; 3) по возможности соблюдать согласование сказуемого с подлежащим во мн. числе; 4) по возможности замены имен существительных на соответствующие личные и указательные местоимения.

1. При описании суффиксов мн. числа иранского происхождения отмечался суф. *ان -ān*, который используется в основном для образования форм мн. числа имен существительных одушевленных (преимущественно обозначающих человека): *بازرگانان bāzargānān* ‘торговцы’, *کارگران kārgarān* ‘рабочие’, *دهقانان dehqānān* ‘крестьяне’, *زنان zanān* ‘женщины’ и т.д. Вместе с тем указывались случаи, когда этот суффикс не употреблялся с именами существительными одушевленными (например, с заимствованиями из европейских языков) или употреблялся с некоторыми именами существительными неодушевленными (например, *چشمان čašmān* ‘глаза’, *گیاهان giyāhān* ‘растения’, *واژگان vāžegān* ‘слова’). И все же преимущественное использование суффикса *ان -ān* с именами одушевленными позволяет говорить о нем (хотя и с оговорками) как о показателе имен существительных одушевленных.

Суффикс арабского происхождения *ین -in* используется исключительно с именами существительными, обозначающими людей (деятели в какой-либо области, специалистов): *معلمین moallemin* ‘учителя’, *کاسبین kāsebin* ‘ремесленники’, *مهندسین mohandesin* ‘инженеры’, *مالکین mālekin* ‘помещики’ и т.д.

Суффикс *-in* ون употребляется с арабскими именами, обозначающими деятелей в какой-либо области, представителей партий, политических организаций и т.д.: *سیاسیون siyāsiyūn* ‘политики’, ‘политические деятели’, *روحانیون ruhāniyūn* ‘духовные лица’, ‘клерикалы’, *انقلابیون enqelābiyūn* ‘революционеры’.

Поскольку оба суффикса — *-in* ين и *-un* ون — употребляются только с именами существительными, обозначающими каких-либо лиц, они позволяют говорить об одушевленных существительных как об особом разряде.

2. Деление имен существительных на одушевленные и неодушевленные находит отражение и в специфике употребления словообразовательного суффикса имен прилагательных *-āne* انه¹⁶. Прилагательные, образованные с помощью этого суффикса, употребляются в качестве определений только после имен существительных неодушевленных: ср. *رفتار شرافتمندانه raftār-e šarāfatmandāne* ‘благородный поступок’, но *زن شرافتمند zan-e šarāfatmand* ‘благородная женщина’, *اظهاریه عادلانه ezhāriyye-ye ādelāne* ‘справедливое заявление’, но *اشخاص عادل ašxās-e ādel* ‘справедливые люди’. Четкое употребление прилагательных с суффиксом *-āne* после имен существительных неодушевленных дает основание для противопоставления одушевленных и неодушевленных имен существительных.

3. Если одушевленные имена существительные в форме мн. числа выступают в роли подлежащего, то глагол-сказуемое *всегда* согласуется с ним в числе: *دانشجویان مشغول آموختن زبان فارسی هستند Dānešjuyān mašqul-e āmuxtān-e zabān-e fārsi hastand* ‘Студенты изучают персидский язык’, *بچه ها استراحت می کنند Baččehā esterāhat mikonand* ‘Дети отдыхают’.

Если в роли подлежащего выступает неодушевленное имя существительное во мн. числе, то четкого согласования глагола-сказуемого с таким подлежащим в числе в персидском языке не наблюдается. Наоборот, здесь чаще наблюдается несогласование глагола-сказуемого с подлежащим в числе: *کتابها و دفترها روی میز است Ketābhā va daftarhā ru-ye miz ast* ‘Книги и тетради находятся (букв. находится) на столе’, *امتحانات شروع شده است Emtehnānāt šoru’ šode ast* ‘Экзамены начались’ (букв. ‘начался’); *پس از شرح حال و فهرست انتشارات مقالات به شرح زیر آمده است Pas az šarh-e hāl va fehrest-e entešārāt maqālāt be šarh-e zir āmade ast* ‘После биографии и списка публикаций статьи помещены (букв. помещена) в следующем порядке’. Правда, в отдельных случаях наблюдается согласование глагола-сказуемого с подлежащим во мн. числе, выраженным неодушевленным существительным: *پس از گفتگو تمام مقالات منتشر شدند Pas az goftogu tamām-e maqālāt montašer šodand* ‘После этого разговора все статьи были опубликованы’, *فعلهای ساده در فارسی کم اند Fe’lhā-ye sāde dar fārsi kam-and* ‘Простых глаголов в персидском языке мало’ (букв. ‘Простые глаголы в персидском языке мало имеются’).

Некоторые авторы персидских грамматик считают обязательным согласование сказуемого с неодушевленным подлежащим во мн. числе только в тех случаях, когда подлежащее-существительное метафорически воспринимается как предмет одушевленный и глагол-сказуемое по смыслу согласуется с ним как с подлежащим,

¹⁶ Слова, оканчивающиеся на суффикс *-āne* انه, обладают одновременно адвербиальным значением и используются в предложении в качестве обстоятельств образа действия: *او دلیرانه از برادران خود دفاع می کرد U dalirāne az barādarān-e xod defā’ mikard* ‘Он отважно защищал своих братьев’.

обозначающим живое существо. Ср. несогласование и согласование сказуемого с подлежащим, выраженным одним и тем же словом «снежинки». Примеры взяты из статьи Э.Саадата «Разграничение одушевленности и неодушевленности в персидском языке» [Саадат 1373]: *دانه های برف با همهٔ بیشمارى به زمین می ریزد* *Dānehā-ye barf bā hame-ye bišomāri be zamin mirizad* ‘Снежинки в неисчислимом количестве падают (букв. падает) на землю’; *دانه های برف در هوا می رقصند* *Dānehā-ye barf dar havā miraqsand* ‘Снежинки танцуют в воздухе’. В первом предложении сказуемое стоит в форме ед. числа, поскольку подлежащее «снежинки» обозначает один неодушевленный предмет, представленный именем существительным во мн. числе. Во втором предложении сказуемое стоит во мн. числе и сочетается с подлежащим «снежинки», представляемым говорящим как живые существа (женщины).

4. Имена существительные одушевленные и неодушевленные заменяются в речи (в последующих предложениях) на неодинаковые личные и указательные местоимения. Одушевленные существительные во мн. числе могут быть заменены на личные местоимения 3-го лица мн. числа *آنان ānān*, *آنها ānhā*, *اینها inhā*, *ایشان išān* ‘они’. Неодушевленные существительные во мн. числе заменяются только на одно местоимение — местоимение 3-го лица мн. числа *آنها ānhā*: *بچه ها به کنار رودخانه Bačče-hā be kenār-e rudxāne rafte-and. Anān dar ānjā āftāb mixorand va šenā mikonand* ‘Дети пошли на речку. Они там загорают и плавают’; *امسال پنج تا خانه ساخته شد. همهٔ آنها متعلق به یک صاحب می باشند. Emsāl panj tā xāne sāxte šod. Hame-ye ānhā motaalleg be yek sāheb mibāšand* ‘В этом году построено пять домов. Все они принадлежат одному хозяину’.

Одушевленные существительные в ед. числе могут быть заменены на личные местоимения 3-го лица ед. числа *او u*, *وی veu* ‘он’. Неодушевленные существительные в ед. числе в персидском языке обычно заменяются на указательные местоимения *آن ān* ‘тот’, *این in* ‘этот’.

Рассмотренные выше критерии разграничения и приведенные примеры позволяют говорить о наличии у персидских имен существительных грамматической категории одушевленности / неодушевленности, хотя грамматические показатели выявляются не всегда четко и регулярно (например, употребление суффикса мн. числа *-ān* с неодушевленными существительными, согласование сказуемого с подлежащим, выраженным неодушевленным существительным).

4. Служебные функции имен существительных

Имена существительные находят весьма широкое применение в языке. В предложении они выполняют функции различных именных членов, могут выступать в роли именной части составного сказуемого.

Выполняя роль того или иного члена предложения, имена существительные сохраняют свое реальное значение. Но персидские существительные нередко выполняют еще и служебные функции. В этом случае они в значительной степени

утрачивают свое вещественное значение и становятся служебными или полуслужебными словами.

Одна из главных служебных функций имен существительных — употребление в роли отыменных предлогов. Выступая в этой функции, они почти полностью утрачивают свое основное лексическое значение. Большинство отыменных предлогов соединяются с последующим словом при помощи изафета и поэтому называются еще изафетными предлогами. По сравнению с собственно предлогами отыменные предлоги обладают более конкретным значением и могут употребляться еще и с собственно предлогами, которые уточняют их значение: *روی میز (در) (dar) ru-ye miz* ‘на столе’, *پشت میز pošt-e miz* ‘за столом’, *سر درس sar-e dars* ‘на уроке’, *پهلوی او pahlu-ye u* ‘рядом с ним’, *سوی شهر (به) (be) su-ye šahr* ‘по направлению к городу’, *به وسیله اتومبیل be vasile-ye otomobil* ‘автомобилем’ и т.д.

Другая служебная функция имен существительных — использование их в качестве служебных слов-нумеративов (счетных слов). Эти слова употребляются вместе с числительными при счете людей, предметов, видов оружия, скота и т.д.: *نفر nafar* ‘человек’ (при счете людей и верблюдов); *رأس ra's* ‘голова’ (при счете коров, баранов, ослов и др.); *قیضه qabze* ‘рукоятка’, ‘эфес’ (при счете шашек, винтовок); *جلد jeld* ‘том’ (при счете книг); *دست dast* ‘комплект’, ‘набор’ (при счете белья, одежды, ложек и мебели); *ده نفر شتر dah nafar šotor* ‘десять верблюдов’ (букв. ‘десять человек верблюдов’), *هفت رأس گاو haft ra's gāv* ‘семь (голов) коров’, *بیست جلد کتاب bist jeld ketāb* ‘двадцать томов книг’. Находясь между числительным и названием считаемого предмета, нумеративы не являются членами предложения.

В персидском языке отсутствуют притяжательные местоимения. В тех случаях, когда главной целью высказывания является сообщение о принадлежности предметов какому-либо лицу или лицам, используется существительное *مال māl* ‘имущество’ (в значении ‘принадлежит’) в сочетании с личными местоимениями, именами собственными, именами одушевленными и другими в качестве именной части составного сказуемого: *این کتاب مال شما است In ketāb māl-e šomā ast* ‘Эта книга принадлежит вам’; *خانه بزرگ مال پدر حسن است Xāne-ye bozorg māl-e pedar-e Hasan ast* ‘Большой дом принадлежит отцу Хасана’.

Глава третья

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

К именам прилагательным относятся слова, выражающие признак предмета (качества, свойства). В ранних памятниках прозы новоперсидского языка иногда имело место согласование в числе прилагательного и существительного, см. [Lazard 1963, с. 196–197]. Однако на последующих этапах развития новоперсидского языка прилагательные утратили грамматическую категорию числа.

В предложении имена прилагательные выполняют функции определения именной части составного именного сказуемого: اتاق بزرگ *otāq-e bozorg* ‘большая комната’; مداد سرخ *medād-e sorx* ‘красный карандаш’; خنده اش بلند بود *Xānde-aš boland bud* ‘Его смех был громким’; این اظهاریه ناگهانی بود *In ezhāriyye nāgahāni bud* ‘Это заявление было неожиданным’.

Выполняя роль определения, прилагательные следуют после определяемого слова и присоединяются к нему при помощи изафетного показателя *-e*: محافل اجتماعی *mahāfel-e ejtemā'i* ‘общественные круги’, خانه سنگی *xāne-ye sangi* ‘каменный дом’. Как исключение следует отметить способность некоторых прилагательных употребляться в препозиции по отношению к определяемому имени: اندک مدت *andak moddat* ‘краткий срок’, با مختصر تغییرات *bā moxtasar taqyirāt* ‘с незначительными изменениями’, به دیگر سخنان *be digar soxanān* ‘другими словами’, ... تنها دلیل او *yegāne rāh-i-ke...* ‘единственный путь, который...’, ... این بود که *tanhā dalil-e u in bud ke...* ‘единственный его аргумент состоял в том, что...’, عجب آدم *xojaste sālrūz* ‘счастливая, славная годовщина’, عجب آدم *ajab ādam* ‘удивительный человек’.

Выделительный артикль, относящийся семантически к определяемому имени, в изафетном словосочетании обычно ставится после прилагательного, выступающего в роли определения — مرد خوبی *tard-e xub-i* ‘хороший человек’, однако иногда в целях выделения определения как члена предложения артикль ставится непосредственно после имени существительного — احمد مردی خوب است *Ahmad tard-i xub ast* ‘Ахмад человек хороший’.

Персидские прилагательные отличаются от существительных своими семантическими и функциональными свойствами. Следует отметить также их несочетаемость с предлогами и послелогом *را -rā*, с указательными местоимениями и количественными числительными.

Имена прилагательные называют признаки предметов или непосредственно, или через отношения этих предметов к другим предметам. На основании этого

прилагательные делятся на две группы: имена прилагательные качественные (کوه بلند *kuh-e boland* 'высокая гора', دختر زیبا *doxtar-e zibā* 'красивая девочка') и имена прилагательные относительные (نیمکت چوبی *nimkat-e čubi* 'деревянная скамейка', روزنامه دیواری *ruznāme-ye divāri* 'стенная газета').

Каждая из этих групп прилагательных имеет свои семантические признаки и грамматические отличия. В то же время между этими группами не существует резких границ: в персидском языке наблюдаются случаи перехода относительных прилагательных в качественные.

1. Качественные прилагательные

Качественные прилагательные обозначают свойства и качества предметов, отражающие оценочно-классификационную деятельность человеческого сознания и непосредственно воспринимаемые органами чувств. Таковы многие прилагательные, обозначающие свойства, связанные с пространственными и временными отношениями (بزرگ *bozorg* 'большой', کوچک *kuček* 'маленький', دراز *derāz* 'длинный', پهناور *pahnāvar* 'широкий', تنگ *tang* 'узкий', کوتاه *kuṭāh* 'короткий', نزدیک *nazdik* 'близкий', دور *dur* 'далекий'), свойства и качества вещей и предметов (شیرین *širin* 'сладкий', لذیذ *laziz* 'вкусный', سرد *sard* 'холодный', گرم *garm* 'горячий', تلخ *talx* 'горький', شور *šur* 'солёный', سفت *seft* 'крепкий', 'прочный', سنگین *sangin* 'тяжелый', سبک *sabok* 'легкий'), физические качества людей и животных (نیرومند *nirumand* 'сильный', جوان *javān* 'молодой', پیر *pir* 'старый', لاغر *lāqar* 'худой', کلفت *koloft* 'толстый', لنگ *lang* 'хромой'), качества характера и умственного склада (نیک *nik* 'добрый', 'хороший', خشمگین *xašmgin* 'злой', 'сердитый', بد *bad* 'плохой', خوب *xub* 'хороший', عاقل *āqel* 'умный', بی عقل *biaql* 'неумный', محیل *mohil* 'хитрый', خسیس *xasis* 'жадный', با سخاوت *bāsaxāvat* 'щедрый'), цвета (سرخ *sorx* 'красный', آبی *ābi* 'голубой', کبود *kabud* 'синий', سیاه *siyāh* 'черный', سفید *sefid* 'белый', زرد *zard* 'желтый') и т.д. Свойства и качества предметов, как правило, могут проявляться в большей или меньшей степени, т.е. имена прилагательные качественные обладают степенями сравнения.

Многие качественные прилагательные одновременно обладают значением наречий и выступают в предложении в качестве обстоятельства образа действия: احمد تند راه می رفت *Ahmad tonḍ rāh miraft* 'Ахмад быстро шел'.

От некоторых качественных прилагательных путем прибавления префикса *be-* и суффикса *-i* (یای مصدری *yā-ye masdari*) образуются наречия: بزودی *bezudi* 'вскоре', بخوبی *bexubi* 'хорошо', بتازگی *betāzegi* 'недавно', بروشنی *berowšani* 'ясно', بدرستی *bedorosti* 'правильно' и т.д.

От многих качественных прилагательных путем прибавления ударного словообразовательного суффикса *-i* (یای مصدری *yā-ye masdari*) образуются имена существительные с общим значением отвлеченного качества: سفید *sefid* 'белый' — سفیدی *sefidi* 'белизна', نیرومند *nirumand* 'сильный' — نیرومندی *nirumandi* 'сила',

‘мощь’, سنگين *sangin* ‘тяжелый’ — سنگيني *sangini* ‘тяжесть’, سست *sost* ‘слабый’ — سستی *sosti* ‘слабость’, کلفت *koloft* ‘толстый’ — کلفتی *kolofti* ‘толщина’, بی ادب *biadab* ‘невоспитанный’ — بی ادبی *biadabi* ‘невоспитанность’ и т.д.

Многие качественные прилагательные образуют антонимические пары: بزرگ *bozorg* ‘большой’ — کوچک *kuček* ‘маленький’, خوب *xub* ‘хороший’ — بد *bad* ‘плохой’, دراز *derāz* ‘длинный’ — کوتاه *kutāh* ‘короткий’, پیر *pir* ‘старый’ — جوان *javān* ‘молодой’, گرم *garm* ‘горячий’ — سرد *sard* ‘холодный’, سنگين *sangin* ‘тяжелый’ — سبک *sabok* ‘легкий’.

Все перечисленные выше семантико-грамматические и словообразовательные особенности позволяют отличать качественные прилагательные от относительных. Но главное отличие качественных прилагательных от относительных заключается в том, что им свойственна грамматическая категория степеней сравнения.

1.1. Степени сравнения качественных прилагательных

Качественные прилагательные в отличие от относительных способны образовывать формы степеней сравнения: сравнительную и превосходную.

Имена прилагательные в положительной степени, т.е. в исходной, ничем не осложненной форме (بزرگ *bozorg* ‘большой’, نیرومند *nirumand* ‘сильный’, مشکل *moškel* ‘трудный’), характеризуют качество человека, предмета или процесса безотносительно к тем же качествам других людей, предметов или процессов (دوشیزه قشنگ *dušize-ye qašang* ‘красивая девушка’, اتاق بزرگ *otāq-e bozorg* ‘большая комната’, کار مشکل *kār-e moškel* ‘трудная работа’). Сравнительная и превосходная степени выступают как средства количественных различий внутри одного качества.

1.1.1. Сравнительная степень прилагательных

Имя прилагательное в сравнительной степени называет качество, присущее какому-либо предмету (живому существу, процессу) в большей степени, чем другому, или же в большей степени, чем он обладал этим качеством в какое-либо другое время.

В персидском языке сравнительная степень прилагательных имеет одну простую форму, образуемую путем прибавления к основе положительной степени суффикса تر *-tar*: زیبا *zibā* ‘красивый’ — زیباتر *zibātar* ‘красивее’, بد *bad* ‘плохой’ — بدتر *badtar* ‘хуже’.

Прилагательное в сравнительной степени может относиться к разным субстантивным членам предложения, выступать в роли именной части сказуемого: دوستم *Dust-am az man qavitar ast* ‘Мой друг **сильнее** меня’; او با قدمهای *U bā qadamhā-ye sari'tar-i be mā nazdik mišod* ‘Он **более быстрыми** шагами приближался к нам’; لازم بود وظیفه دشوارتری را به او بدهید

Lāzem bud vazife-ye došvārtar-i-rā be u bedehid ‘Было необходимо, чтобы вы поручили ему *более сложное* задание’.

Прилагательное в форме сравнительной степени, употребленное в качестве постпозитивного определения, получает выделительный артикль.

При образовании сравнительных оборотов перед существительным, выступающим в роли эталона для сравнения, чаще всего употребляется предлог از *az*: من از برادرم بزرگتر هستم *Man az barādar-am bozorgtar hastam* ‘Я старше *моего брата*’; تصورات ما بسیار ناتوانتر از واقعیت بوده است *Tasavvorāt-e mā besyār nātavāntar az vaqe‘iyyat bude-ast* ‘Наши представления были значительно слабее *действительности*’; صورتش سفیدتر از برف بود *Surat-aš sefidtar az barf bud* ‘Ее лицо было белее *снега*’.

В языке классического периода, в современной поэтической речи, а также в пословицах и поговорках встречаются другие способы образования сравнительных оборотов.

В грамматике, написанной для средней школы пятью профессорами Тегеранского университета, приводятся сравнительные обороты, образованные с помощью союзов که *ke*, تا *tā* ‘чем’ и изафета: دانش بهتر که مال *Dāneš behtar ke māl* ‘Знание лучше, *чем* собственность’; این راه نزدیکتر تا آن *In rāh nazdiktar tā ān* ‘Эта дорога ближе, *чем* та’; صلح بهتر که جنگ *Solh behtar ke jang* ‘Мир лучше, *чем* война’ [Бахар, Форузанфар и др., с. 58].

Сравнительные обороты с изафетом строятся по модели «прилагательное в сравнительной степени + изафет + существительное». Благодаря наличию изафета они выполняют не только сравнительную, но и выделительную функцию: تواناتر مردم *Tavānātār-e mardom kas-i-ast-ke dānāyi-ye u fozuntar bāšad* ‘*Сильнее из людей* тот, у кого больше знаний’; خانم بعد از اقا بزرگتر خانواده *Xānom ba‘d az āqā bozorgtar-e xānevāde-ast* ‘Жена после хозяина является *старшей в семье*’.

В упомянутой грамматике отмечается, что сравнительные обороты, образованные не с помощью предлога از *az*, редко встречаются в современном языке (там же).

Некоторые прилагательные, даже оставаясь в исходной форме, сохранили старое значение сравнительной степени: به *beh* ‘хороший’, ‘лучший’, ‘лучше’, کم *kam* ‘малый’, ‘меньше’. В этом значении они встречаются в текстах классического периода, в пословицах и поговорках: هر دوست که بیوفاست دشمن به از اوست *Har dust ke-bivafāst, došman beh az u-st* ‘Неверный друг хуже врага’ (букв. ‘Всякий друг, который неверен, враг *лучше* него’); مردن به عزت به از زندگی به ذلت *Mordan-e be ezzat beh az zendegi-ye be zellat* ‘*Лучше* умереть с честью, чем жить в унижении’; دانش من کم از دانش شما نیست *Dāneš-e man kam az dāneš-e šomā nist* ‘Мои знания не *меньше* ваших’. Однако в современном языке прилагательные به *beh* ‘хороший’, کم *kam* ‘малый’ обычно употребляются в форме сравнительной степени: دانش من از دانش شما کمتر نیست *Dāneš-e man az dāneš-e šomā kamtar nist* ‘Мои знания не *меньше* ваших’; توضیحات بهتری لازم است *Towzihāt-e behtar-i lāzem ast* ‘Нужны *более хорошие* объяснения’.

Прилагательное خوب *xub* ‘хороший’ в современном персидском языке употребляется только в положительной степени, в других случаях вместо него используются супплетивные формы: به *beh*, بهتر *behtar* ‘лучше’, بهترین *behtarīn* ‘самый лучший’.

Наречие *بیش biš* ‘больше’, ‘чаще’, ‘дольше’ часто используется в сравнительных оборотах с предлогом *از az*: *ما بیش از دو ساعت منتظر پزشک بودیم Mā biš az do sāat montazer-e pezešk budim* ‘Мы **больше** двух часов ждали врача’.

Иногда прилагательные в сравнительной степени приобретают не только новые лексические, но и новые грамматические значения. Так, прилагательное *کمتر kamtar* получает значения наречия ‘редко’, ‘мало’ и существительного ‘меньшая часть’ (например, времени): *کمتر اتفاق می افتاد که باران نمی بارید که کمتر روزی بود که باران نمی بارید Kamtar rut-i bud-ke bārān nemibārid* ‘Почти не было дня, чтобы не шел дождь’; *کمتر کسی است که او را Kamtar ettefāq mioftād-ke...* ‘Редко случалось так, чтобы...’; *کمتر کسی است که او را Kamtar kas-i ast-ke u-rā nemišenāsad* ‘Мало людей, которые его не знают’; *کمتر اوقات آزاد بودیم Kamtar-e owaqt āzād budim* ‘**Меньшую часть** времени мы были свободны’.

Прилагательное в сравнительной степени *بیشتر bištar* приобретает значения наречия ‘больше’, ‘большей частью’, ‘чаще’ и существительного ‘большая часть’, ‘большинство’: *بیشتر سر وقت نمی آمد Bištar sar-e vaqt nemīāmad* ‘**Большей частью** он вовремя не приходил’; *بیشتر اوقات را صرف کتاب خواندن می کرد Bištar-e owaqt-rā sarf-e ketāb xāndan mikard* ‘**Большую часть** времени он тратил на чтение книг’.

Иногда прилагательные в сравнительной степени подвергаются субстантивации и могут получать суффикс мн. числа *ها -hā* — *بزرگترها bozorgtarhā* ‘старшие’, *کوچکترها kučektarhā* ‘младшие’: *بزرگترها باید از کوچکترها مواظبت کنند Buzorgtarhā bāyad az kučektarhā movāzebat konand* ‘**Старшие** должны заботиться о **младших**’.

Форма сравнительной степени может использоваться для передачи значения превосходной степени, если образовать словосочетание с определительным местоимением *همه hame* ‘все’ и предлогом *از az*: *از همه بزرگتر az hame bozorgtar* ‘больше всех’, *از همه بهتر az hame behtar* ‘лучше всех’, *از همه قشنگتر az hame qašangtar* ‘красивее всех’.

1.1.2. Превосходная степень прилагательных

Имя прилагательное в превосходной степени обозначает высшую степень качества или превосходство данного предмета (процесса) над другими однородными предметами в отношении степени называемого качества: *برای انجام دشوارترین وظایفی مستعد است U barāye anjām-e došvārtrin vazāyef-i mosta'edd ast* ‘Он способен выполнить **труднейшие** задания’; *اپراهای چایکوفسکی در اغلب کشورهای دنیا جزو Operāhā-ye Čāykofski dar aqlab-e kešvarhā-ye donyā jozv-e mahbubtarin āsār-e musiqi be šomār miravad* ‘Оперы Чайковского считаются **самыми любимыми** музыкальными произведениями в большинстве стран мира’.

Форма превосходной степени прилагательных образуется путем прибавления к форме положительной степени суффикса *-tarin*. Имя прилагательное в превосходной степени всегда предшествует определяемому имени.

Прилагательное в превосходной степени сочетается с последующим существительным двумя способами: 1) с помощью изафета и 2) без изафета.

1. Прилагательное в превосходной степени получает изафет только в том случае, если оно предшествует имени существительному во множественном числе или имени существительному собирательному. При этом превосходная степень прилагательного, выражая высшую степень качества, присущего предмету (процессу), выделяет его из ряда других: *ولگا بزرگترین رودخانه های اروپاست* *Volgā bozorgtarin-e ruxkānehā-ye Orupā-st* 'Волга — **крупнейшая** река Европы'; *این شعر بهترین اشعار* *In še'r behtarin-e aš'ār-e šā'er-ast* 'Это стихотворение является **лучшим** из стихотворений поэта'; *بهترین مردم کشور در این همایش شرکت می کنند* *Behhtarin-e mardom-e kešvar dar in hamāyeš šerkat mikonand* '**Лучшие** люди страны участвуют в этом совещании'; *علی بزرگترین خانواده است* *Ali bozorgtarin-e xānevāde ast* 'Али — **самый старший** в семье'.

Если превосходной степени предшествует сочетание неопределенного местоимения *یکی yeki* 'один' с предлогом *از az* — *از یکی yeki az* 'один из', то изафет опускается: *آحمد یکی از نیرومندترین دانشگران دانشکده ماست* *Ahmad yeki az nirumandtarin šenāgarān-e dānešcade-ye mā-st* 'Ахмад является **одним из сильнейших** пловцов нашего факультета'.

Вместо изафета после формы превосходной степени прилагательного иногда употребляется только предлог *از az*. Такое построение характерно для языка классического периода и в современном персидском языке встречается редко: *بزرگترین از شهرها* *bozorgtarin az šahrhā* 'один из крупнейших городов'.

2. При отсутствии выделения независимо от того, стоит ли форма превосходной степени прилагательного перед именем существительным в единственном или во множественном числе, изафетный показатель не употребляется (*کوچکترین بچه* *kučektarin bačče* 'самый маленький ребенок', *کوچکترین بچه ها* *kučektarin baččehā* 'самые маленькие дети'): *تأسیل مهمترین وظیفه دانشجویان است* *Tahsil mohemmtarin vazife-ye dānešjuyān ast* 'Учение — **важнейшая** задача студентов'; *من بهترین آثار* *Man behtarin āsar-e in nevisande-rā xānde-am* 'Я прочитал **лучшие** произведения этого писателя'.

В отличие от прилагательных в сравнительной степени прилагательные в превосходной степени очень редко переходят в другие части речи. Например, *کمترین kamtarin* 'наименьший' иногда может употребляться в значении существительного 'наименьшая часть'.

В современном языке встречаются качественные прилагательные — устойчивые словосочетания моделированного типа¹. Они образованы сочетанием двух слов — *جالب jāleb* 'привлекательный' или *قابل qābel* 'достойный' — с существительными, которые являются переменными величинами: *جالب توجه jāleb-e tavajjoh* 'интересный', 'заслуживающий внимания' (*توجه tavajjoh* 'внимание'), *قابل اطمینان qābel-e etminān* 'надежный' (*اطمینان etminān* 'уверенность'), *قابل احترام qābel-e ehterām* 'достойный уважения', 'уважаемый' (*احترام ehterām* 'уважение'), *قابل استفاده qābel-e estefāde* 'годный к употреблению' (*استفاده estefāde* 'употребление'), *قابل اجرا qābel-e ejrā* 'выполнимый' (*اجرا ejrā* 'выполнение') и т.д. Такого рода моделированные образования — прилагательные могут образовывать формы сравнительной и превосходной степени, что свидетельствует о большой слитности

¹ Характеристику именных моделированных словосочетаний см. [Рубинчик 1981, с. 102–110].

таких словосочетаний: *جالب توجه تر jāleb-e tavajjohtar* ‘интереснее’, ‘более интересный’, *قابل اطمینان ترین qābel-e molāhezetarin* ‘самый значительный’, *قابل اطمینان ترین qābel-e etmināntarin* ‘самый надежный’. Однако практически в языке формы сравнительной и превосходной степени от таких прилагательных используются относительно редко.

Образование степеней сравнения не является обязательным грамматическим свойством всех качественных прилагательных. Многие из них не образуют форм степеней сравнения, что объясняется спецификой выражаемого ими лексического значения: признак, обозначаемый этими прилагательными, не может проявляться в большей или меньшей степени. К ним относятся такие обозначающие состояние человека качественные прилагательные, как *لخت loxt* ‘нагой’, ‘голый’, *پابرهنه pāberehne* ‘босой’, *لال lāl* ‘немой’, *کور kur* ‘слепой’, *لنگ lang* ‘хромой’, *مجرد mojarad* ‘холостой’, *زندار zandār* ‘женатый’ и т.д.

Формы сравнительной и превосходной степени не образуются от многих качественных прилагательных, обозначающих цвета: *کبود kabud* ‘светло-синий’, *نارنجی nārenji* ‘оранжевый’, *بور bur* ‘бурый’, *قهوه‌ای qahvei* ‘коричневый’, ‘кофейного цвета’, *ارغوانی arqavāni* ‘пурпурный’, ‘багровый’, *زیتونی zeytuni* ‘оливковый’ и т.д.

2. Относительные прилагательные

Относительные прилагательные выражают признак, основанный на отношении к лицу, предмету, действию, обстоятельству и т.д. Они указывают признак предмета не прямо, а через отношение к ним: 1) отношение к лицу: *بازیهای بچگانه bāzihā-ye baččegāne* ‘детские игры’, *سازمان کارگری sāzmān-e kārgari* ‘рабочая организация’; 2) отношение к животному: *پشم شتری pašm-e šotori* ‘верблюжья шерсть’ (чаще в этом значении используются существительные); 3) отношение к неодушевленному предмету: *روزنامه دیواری ruznāme-ye divāri* ‘стенная газета’, *خانه چوبی xāne-ye čubi* ‘деревянный дом’, *ظروف سفالین zoruf-e sofālin* ‘глиняная посуда’; 4) отношение к отвлеченному понятию: *کار علمی kār-e elmi* ‘научная работа’, *فعالیت خلاقه fa'āliyyat-e xallāqe* ‘творческая деятельность’; 5) отношение к действию: *نقشه پیشنهادی naqše-ye pišnehādi* ‘предложенный план’, *اقدامات تدافعی eqdāmāt-e tadāfo'i* ‘оборонительные мероприятия’; 6) отношение к месту: *رادیوی محلی radio-ye mahalli* ‘местное радио’, *روزنامه های تهران ruznāme-hā-ye tehrāni* ‘тегеранские газеты’; 7) отношение ко времени: *خبر دیروزی xabar-e diruzi* ‘вчерашнее известие’, *نامه امروزه nāme-ye emruzī* ‘сегодняшнее письмо’, *در پذیرایی پیشین dar pazirāyi-ye pišin* ‘во время прошлого приема’; 8) отношение к определенному количеству предметов или явлений: *مذاکرات دوجانبه mozākerāt-e dojānebe* ‘двусторонние переговоры’, *سفر پنج روزه safar-e panjruze* ‘пятидневное путешествие’ и т.д.

Общее значение относительного прилагательного может быть сформулировано как «относящийся к предмету, действию, обстоятельству и т.д.». Поэтому относи-

тельные прилагательные по своей синтаксической функции часто бывают эквивалентны именам существительным, от которых они образованы, т.е. и те и другие в атрибутивных словосочетаниях выступают в роли определения: ср. روزنامه امروزى *ruznāme-ye emruzī* и روزنامه امروز *ruznāme-ye emruz* 'сегодняшняя газета', بازارگانی شهرى *bāzargāni-ye šahri* и بازارگانی شهر *bāzargāni-ye šahr* 'городская торговля', پشم شترى *pašm-e šotori* и پشم شتر *pašm-e šotor* 'верблюжья шерсть', جنبش کارگرى *jombeš-e kārgari* и جنبش کارگر *jombeš-e kārgar* 'рабочее движение', صنایع جنگى *sanāye'-e jangi* и صنایع جنگ *sanāye'-e jung* 'оборонная промышленность', مهندس معدنى *mohandes-e ma'dani* и مهندس معدن *mohandes-e ma'dan* 'горный инженер' и т.д. При этом трудно определить, какое из словосочетаний — с относительным прилагательным или с именем существительным — более употребительно в персидском языке.

От многих существительных относительные прилагательные вообще не образуются, например от слов اتاق *otāq* 'комната', نان *nān* 'хлеб', گاو *gāv* 'корова', مار *mār* 'змея', مرغ *morq* 'птица', 'курица', خبرنگار *xabarnegār* 'корреспондент', سیب *sib* 'яблоко', گلابى *golābi* 'груша'.

Наиболее употребительным суффиксом для образования относительных прилагательных является суффикс *-i* (نسبتى *yā-ye nesbat* или نسبى *yā-ye nesbi* 'относительное'). Для образования относительных прилагательных используются также суффиксы: *-in*, انه *-āne* и др.: چوب *čub* 'дерево' — چوبى *čubi* 'деревянный', بلور *bolur* 'хрусталь' — بلورى *bolurin* 'хрустальный', زن *zan* 'женщина' — زنانه *zanāne* 'женский'.

Как уже отмечалось, между относительными и качественными прилагательными в персидском языке не существует непреодолимых семантических границ — сплошь и рядом наблюдаются случаи перехода относительных прилагательных в качественные. При этом в случае появления у прилагательного качественного значения обычно сохраняется и относительное. Значение предметных отношений начинает совмещаться со значением качественной оценки этих отношений.

Отметим случаи перехода относительных прилагательных в качественные. Так, прилагательное زرین *zarrin* 'золотой', 'содержащий золото', 'сделанный из золота' (سماور زرین *samāvar-e zarrin* 'золотой самовар', سکه های زرین *sekkehā-ye zarrin* 'золотые монеты', قوطى سیگار زرین *qutisigār-e zarrin* 'золотой портсигар') может одновременно употребляться в качественном значении 'золотистый', 'золотой' (о цвете — زلفهای زرین *zolfhā-ye zarrin* 'золотые косы'), 'счастливый', 'благоприятный' (دوران زرین *dowrān-e zarrin* 'золотая пора'); прилагательное پولادى *pulādi* одновременно имеет значение относительного прилагательного 'стальной', 'сделанный из стали' и качественного — 'стального цвета'; прилагательное گندمى *gandomi* обладает относительным значением 'пшеничный' и качественным — 'смуглый' и т.д.

В заключение характеристики относительных прилагательных отметим случаи их перехода в имена существительные. Так, ряд слов, образованных в результате прибавления суффикса *-i* (نسبى *yā-ye nesbi*) к основе существительных, используются не только как прилагательные, но и как существительные: زندانى *zendāni* 'тюремный' и 'арестант', 'заключенный' (от زندان *zendān* 'тюрьма'), شهرى *šahri* 'городской' и 'горожанин' (от شهر *šahr* 'город'), فرارى *farāri* 'беглый' и 'беглец', 'дезертир' (от فرار *farār* 'бегство'), زخمى *zaxmi* 'раненый' (прилагательное

и существительное — от زخم *zaxm* ‘рана’). Для прилагательных, перешедших в существительные, характерны сужение и конкретизация их общего лексического значения. Они могут получать показатели множественного числа.

3. Причастия прошедшего времени в роли прилагательных

Среди имен прилагательных имеется немало количество слов, по форме представляющих собой причастия прошедшего времени. В случае перехода причастия прошедшего времени в прилагательное оно теряет временное значение и приобретает качественное. Так, причастие прошедшего времени فهمیده *fahmide* (гл. فهمیدن *fahmidan* ‘понимать’) приобрело значение ‘понятливый’, ‘смышленный’ — مرد فهمیده *mard-e fahmide* ‘понятливый человек’; причастие گرفته *gerefte* (гл. گرفتن *gereftan* ‘получать’) приобрело несколько значений: ‘мрачный’, ‘удрученный’ — با قیافه گرفته *bā qiyāfe-ye gerefte* ‘с мрачной физиономией’; ‘охрипший’ — صدای گرفته *sadā-ye gerefte* ‘охрипший голос’; ‘пасмурный’, ‘хмурый’ — هوای گرفته *havā-ye gerefte* ‘пасмурная погода’; причастие برجسته *barjaste* (гл. برجستن *bar-jastan* ‘выпрыгивать’, ‘выпрыгивать’) приобрело значение ‘выдающийся’, ‘важный’ — دیپلومات برجسته *diplomāt-e barjaste* ‘выдающийся дипломат’, مقام برجسته *maqām-e barjaste* ‘важный пост’; причастие پخته *poخته* (гл. پختن *poختan* ‘варить’, ‘печь’) приобрело значения ‘спелый’ — میوه پخته *mive-ye poخته* ‘спелые фрукты’; ‘зрелый’, ‘опытный’ — آدم پخته *ādam-e poخته* ‘опытный человек’; ‘совершенный’ — زبان پخته *zabān-e poخته* ‘хороший, красивый язык’, خط پخته *xatt-e poخته* ‘совершенный, установившийся почерк’ и т.д.

Иногда причастие прошедшего времени приобретает значение существительного: دیده *dide* ‘глаз’, ‘око’, ‘зрачок’ (гл. دیدن *didan* ‘видеть’), а иногда значение как существительного, так и прилагательного: گفته *gofte* ‘слово’, ‘слова’ и ‘сказанный’, ‘произнесенный’ (гл. گفتن *goftan* ‘говорить’); نوشته *nevešte* ‘письмо’, ‘записка’, ‘бумага’, ‘документ’ и ‘написанный’ (гл. نوشتن *neveštan* ‘писать’).

Как видно из приведенных примеров, адъективное значение, приобретаемое формой причастия прошедшего времени, как правило, далеко отстоит от основного значения глагола или вообще не связано с ним. Например, причастие прошедшего времени افتاده *oftāde* ‘упавший’ (гл. افتادن *oftādan* ‘падать’) приобрело значение ‘кроткий’, ‘мягкий’, ‘скромный’, ‘простой’ — آدم افتاده *ādam-e oftāde* ‘скромный человек’, которое не связано непосредственно со значением глагола.

Ярким свидетельством превращения причастий прошедшего времени в прилагательные могут служить слова, образованные на основе причастий прошедшего времени префиксальных и сложных глаголов. На примере этих форм благодаря различиям в ударении четко прослеживается сосуществование разных грамматических и лексико-фразеологических образований. В тех случаях, когда эти формы являются действительно причастиями, главное ударение падает на префиксы и именную

часть: برآمده است *bár-āmade-ast* ‘он поднялся, взошел’, ‘он появился, показался’, وازده ایم *vā-zade-im* ‘мы забраковали’, شده است *taqdīm šode-ast* ‘было преподнесено’. В случае использования этих форм в атрибутивной или субстантивной функции ударение переносится на последний слог образовавшегося слова: برآمده *barāmade* ‘поднявшийся’, ‘взошедший’, ‘появившийся’, ‘показавшийся’, وازده *vāzade* ‘бракованный’, ‘забракованный’, شده *taqdīmšode* ‘преподнесенный’. Перенос ударения на последний слог причастной формы позволяет сделать вывод об образовании новых производных и сложных слов на основе причастий прошедшего времени префиксальных и сложных глаголов. А сам факт образования новых слов на основе переноса ударения следует рассматривать как одно из явлений морфологии. Такого рода образования часто получают новые лексические значения и отличаются своей лексико-грамматической определенностью по сравнению с рассмотренными выше многозначными и полифункциональными лексемами, обладающими одновременно субстантивным, адъективным и адвербиальным значениями.

Как и другие качественные прилагательные, прилагательные–причастия прошедшего времени приобретают возможность образовывать формы сравнительной и превосходной степени: برجسته ترین دانشمندان جزو این سازمان بین المللی شدند *Barjastetarin dānešmandān jozv-e in sāzmān-e beynolmelali šodand* ‘Самые выдающиеся ученые вошли в эту международную организацию’; سه روز دیگر اوضاع آسوده تر شد *Se ruz-e digar owzā āsudetar šod* ‘Через три дня обстановка стала спокойней’ (آسوده *āsude* ‘спокойный’, ‘мирный’, гл. آسودن *āsudan* ‘отдыхать’, ‘успокаиваться’).

Глава четвертая

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Цель данной главы состоит не в том, чтобы раскрыть и полно охарактеризовать способы образования существительных и прилагательных, а в том, чтобы попытаться показать, как эти способы помогают разграничивать указанные именные части речи между собой. К сожалению, эти способы далеко не всегда дают возможность отделить одну часть речи от другой ввиду того, что они часто применимы одновременно как к существительным, так и к прилагательным.

Именные части речи, как ни одна другая часть речи в персидском языке, обладают развитой деривационной системой. При помощи различных словообразовательных способов ведется активное пополнение словарного состава современного персидского языка. Из других частей речи только глагольная система так же активно пополняет свой состав, но не за счет обычных словообразовательных средств (количество простых глаголов не только не увеличивается, но даже уменьшается), а за счет роста числа глагольных фразеологизмов, главным образом за счет появления новых двучленных глагольных устойчивых словосочетаний, обычно называемых сложными глаголами. Таким образом, пополнение глагольных единиц идет по линии фразеобразования.

1. Структурные типы существительных и прилагательных

Прежде чем рассматривать словообразовательные способы и средства именных частей речи, необходимо охарактеризовать основные структурные типы имен существительных и прилагательных. По морфологической структуре существительные и прилагательные делятся на: 1) простые; 2) производные; 3) полуаффиксальные (полупроизводные); 4) сложные и 5) сложнопроизводные.

1. К простым именам относятся слова, состоящие из одной корневой (непроизводной) основы: *چوب* *čub* 'дерево', 'древесина', *خوب* *xub* 'хороший', *خانه* *xāne* 'дом', *زمین* *zamin* 'земля', *بزرگ* *bozorg* 'большой', *بلند* *boland* 'высокий'.

2. Производные имена образуются при помощи словообразовательных аффиксов (суффиксов и префиксов), присоединяемых к лексической основе: *بزرگی bozorgi* 'величие' (*بزرگ bozorg* 'большой', 'величественный' + суф. *ی -i* — *مصدری yā-ye masdari*), *باغبان bāq̄bān* 'садовник' (*باغ bāq̄* 'сад' + суф. *بان -bān*), *خانگی xānegi* 'домашний' (*خانه xāne* 'дом' + суф. *ی -i* — *نسبی yā-ye nesbi*), *روزانه ruzāne* 'ежедневный' (*روز ruz* 'день' + суф. *انه -āne*), *بی آبر biabr* 'безоблачный' (преф. *بی bi-* + *آبر abr* 'облако', 'туча'), *بااستعداد bāeste'dād* 'способный' (преф. *با bā-* + *استعداد este'dād* 'способность'). Производные имена могут одновременно иметь суффикс и префикс: *باسوادى bāsavādi* 'грамотность' (преф. *با bā-* + *سواد savād* 'грамотность' + суф. *ی -i*), *بی آرامی biārāmi* 'беспокойство' (преф. *بی bi-* + *آرام ārām* 'спокойный' + суф. *ی -i*).

3. Полуаффиксальные имена занимают промежуточное положение между аффиксальными и сложными словами и образуются путем присоединения к лексической основе глагольных и именных полуаффиксов: *کارشناس kāršenās* 'специалист' (*کار kār* 'дело' + полуаффикс *شناس -šenās* < ОНВ гл. *شناختن šenāxtan* 'знать', 'узнавать'), *شهردار šahrđār* 'мэр города' (*شهر šahr* 'город' + полуаффикс *دار -dār* < ОНВ гл. *داشتن dāstan* 'иметь'), *دستگاه dastgāh* 'аппарат', 'станок' (*دست dast* 'рука' + именной полуаффикс *گاه -gāh* < *گاه gāh* 'время', 'место'), *دانشکده dāneškade* 'факультет', 'институт' (*دانش dāneš* 'знание' + именной полуаффикс *کده -kade* < *کده kade* 'дом').

Среди полуаффиксальных имен следует выделить слова, образованные путем присоединения к лексической основе блочного глагольного полуаффикса: *گروه پرستی goruhparasti* 'групповщина' (*گروه goruh* 'группа' + полуаффиксальный блок *پرستی parasti*; гл. *پرستیدن parastidan* 'поклоняться', 'почитать'), *نمک زدایی namakzedāyi* 'опреснение' (*نمک namak* 'соль' + полуаффиксальный блок *زدایی zedāyi*; гл. *زدودن zedudan* 'чистить'). Отличие блочного полуаффикса от обычного полуаффикса состоит в том, что он выступает как единый блок и не образуется путем прибавления к полуаффиксу словообразовательного суффикса *ی -i* (*مصدری yā-ye masdari*).

4. Сложные имена представляют собой либо соединение лексических основ (обычно двух): *کارخانه kārkhāne* 'завод' (*کار kār* 'работа' + *خانه xāne* 'дом'), *خوشبخت xošbaxt* 'счастливый' (*خوش xoš* 'хороший' + *بخت baxt* 'судьба', 'счастье'), либо лексикализованные словосочетания и даже предложения: *مرغ آبی morq(e)ābi* 'утка' (букв. 'водяная птица'), *راه آهن rāh(e)āhan* 'железная дорога', *از قلم افتاده azqalam-oftāde* 'пропущенный' (букв. 'из-пера-упавший'), *مرا فراموش مکن marāfarāmušmakōn* 'незабудка' (букв. 'меня не забывай').

По своей структуре к сложным словам относятся получившие распространение в персидском языке арабские идафные словосочетания с артиклем *ال -: دارالفنون dārolfonun* 'политехнический институт', 'университет', *صعب العبور sa'bolobur* 'труднопроходимый', *دفع الوقت daf'olvaqt* 'затягивание', 'проволочка', *ذات الریه zātorriye* 'пневмония'.

5. Сложнопроизводные имена образовались в результате присоединения к сложным именам словообразовательных аффиксов (обычно суффиксов): *بدبختی badbaxti* 'несчастье' (*بدبخت badbaxt* 'несчастный' + суф. *ی -i*), *دلگامی*

delgāhi ‘чуткость’ (دلگاه *delgāh* ‘чуткий’ + суф. *-i* ی), *āborangi* ‘акварельный’ (آب و رنگی *āborangi* ‘акварель’, ‘акварельные краски’ + суф. *-i* ی).

К сложнопроизводным именам следует отнести слова, образованные на основе сочетаний числительных с существительными, к которым прибавлен словообразовательный суффикс: *dozabāne* ‘двуязычный’ (دو زبان *do zabān* ‘два языка’ + суф. *-e* ه), *domarhalei* ‘двухэтапный’ (دو مرحله ای *do marhale* ‘два этапа’ + суф. *-i* ی), *panjnafari* ‘рассчитанный, предназначенный на пять человек’ (پنج نفری *panj nafari* ‘пять человек’ + суф. *-i* ی).

Ознакомление с основными структурными типами имен существительных и прилагательных позволяет выделить пять словообразовательных способов: 1) словообразование при помощи аффиксов; 2) полуаффиксация — соединение лексических основ с глагольными или именными полуаффиксами; 3) словосложение — соединение именных и глагольных основ; 4) лексикализация словосочетаний; 5) транспозиция (безаффиксное словообразование).

2. Словообразование при помощи аффиксов

Персидский язык обладает большим количеством аффиксов. Л.С.Пейсиков насчитал около 80 словообразующих аффиксов, которые представляют собой структурно простые, морфологически неделимые суффиксы и префиксы: *-i* ی, *-či* چی, *-dān* دان, *-āne* انه, *be-* به, *ham-* هم и др., см. [Пейсиков 1973, с. 66]. Кроме того, в персидском языке используются еще аффиксальные блоки, которые функционируют как простые неделимые элементы и присоединяются непосредственно к производящим основам: *sufigari* ‘суфизм’, *monšigari* ‘секретарство’, ‘должность секретаря’. Цельность аффиксальных блоков подтверждается тем, что в языке отсутствуют слова **sufigar*, **monšigar*, которые могли бы подтвердить образование отмеченных выше слов не в результате прибавления блочного аффикса, а путем прибавления суффикса *-i* ی (یا مصدری *yā-ye masdari*). Аффиксальный блок *-gari* گری образует имена существительные со значением профессии, деятельности. Блок *-aki* کی образует в основном наречия (زورکی *zuraki* ‘насильно’, *yavāšaki* ‘потихоньку’) и — реже — прилагательные (آبکی *ābaki* ‘жидкий’, ‘водянистый’) и существительные (نعلکی *na'laki* ‘каблук’, ‘набойка’).

В зависимости от частоты использования для образования слов аффиксы делятся на продуктивные (например, *-i* ی — مصدری *yā-ye masdari*, *-i* ی — نسبی *yā-ye nesbi*, ستان *-estān*, دان *-dān*, انه *-āne*) и непродуктивные (или малопродуктивные: گان *-gān*, مان *-mān*, سار *-sār*, سیر *-sir*).

Большинство аффиксов по своему происхождению являются иранскими (например, *-i* ی — مصدری *yā-ye masdari*, *-i* ی — نسبی *yā-ye nesbi*, ستان *-estān*, گار *-gar*, بی *bi-*, با *bā-*), но имеются также аффиксы, заимствованные из арабского и тюркских языков. Арабские суффиксы — یت *-iyuat*, یه *-iyue*; арабские префиксы —

لا *lā-*, بلا *belā-*; тюркские суффиксы — چی *-či*, لاخ *-lāx*, وله *-ule* (ولو *-ulu*), بیگی *-beygi*, تاش *-tāš*.

Некоторые суффиксы, имеющие различное происхождение, в современном языке совпали по звучанию и графически. Например, суффикс ی *-i* (یای مصدری *yā masdari*), служащий для образования абстрактных существительных, полностью совпал по звучанию с суффиксом ی *-i* (یای نسبی *yā nesbi*), образующим относительные прилагательные. Первый суффикс восходит к среднеперсидскому суффиксу *-ih*, второй — к среднеперсидскому суффиксу *-ik*.

Суффикс ا *-ā* (< ср.-перс. *-ā*) с основами качественных прилагательных образует отвлеченные существительные: گرما *garmā* ‘жара’ (گرم *garm* ‘теплый’, ‘горячий’), ژرفا *žarfā* ‘глубина’ (ژرف *žarf* ‘глубокий’), پهنا *pahnā* ‘широта’ (پهن *pahn* ‘широкий’), درازا *derāzā* ‘длина’ (دراز *derāz* ‘длинный’). Суффикс другого происхождения — ا *-ā* (< ср.-перс. *-āk*), сочетаясь с основами настоящего времени глаголов, образует прилагательные и существительные (так называемые причастия настоящего времени на ا *-ā*): کوشا *kušā* ‘старательный’ (ОНВ کوش *kuš* гл. کوشیدن *kušidan* ‘стараться’), توانا *tavānā* ‘мощный’, ‘могущественный’ (ОНВ توان *tavān* гл. توانستن *tavānestan* ‘мочь’), بینا *binā* ‘зрячий’ (ОНВ بین *bin* гл. دیدن *didan* ‘видеть’), رسا *rasā* ‘доходчивый’, ‘понятный’ (ОНВ رس *ras* гл. رسیدن *rasidan* ‘достигать’, ‘доходить’), گنجا *gonjā* ‘вместительный’, ‘объемистый’, ‘объем’, ‘вместимость’ (ОНВ گنج *gonj* гл. گنجیدن *gonjidan* ‘вмещаться’, ‘вмещать’), سوزا *suzā* ‘топливо’, ‘горючее’, ‘воспламеняющийся’, ‘горючий’ (ОНВ سوز *suz* гл. سوختن *suxtan* ‘гореть’).

Особо следует выделить многофункциональный суффикс ه *-e* (ср.-перс. *-agl-ak*), образующий существительные, прилагательные и наречия. Так, этот суффикс образует:

1) существительные: а) от существительных: دسته *daste* ‘ручка’, ‘рукоятка’ (от دست *dast* ‘рука’), لبه *labe* ‘острие’, ‘лезвие’, ‘кайма’ (от لب *lab* ‘губа’), بیمه *bime* ‘страхование’ (от بیم *bim* ‘страх’); б) от прилагательных: زرده *zarde* ‘желток’ (от زرد *zard* ‘желтый’), سفیده *sefide* ‘белок’ (от سفید *sefid* ‘белый’), سبزه *sabze* ‘зелень’ (от سبز *sabz* ‘зеленый’); в) от ОНВ глаголов: اندیشه *andiše* ‘мысль’ (от гл. اندیشیدن *andišidan* ‘думать’), خنده *xande* ‘смех’ (от гл. خندیدن *xandidan* ‘смеяться’), بوسه *buse* ‘поцелуй’ (от гл. بوسیدن *busidan* ‘целовать’), لرزه *larze* ‘дрожь’ (от гл. لرزیدن *larzidan* ‘дрожать’); г) от числительных: دهه *dahe* ‘декада’ (от ده *dah* ‘десять’), هفته *hafte* ‘неделя’ (от هفت *haft* ‘семь’), صده *sade* ‘век’ (от صد *sad* ‘сто’), پنجه *panje* ‘лапа’ (от پنج *panj* ‘пять’);

2) прилагательные — от сочетаний числительных или определительных местоимений с существительными: هفت ساله *hafisāle* ‘семилетний’ (هفت *haft* ‘семь’, سال *sāl* ‘год’), شش موتور *šeš motore* ‘шестимоторный’ (شش *šeš* ‘шесть’, موتور *motor* ‘мотор’), چهارنفره *čahār nafare* ‘четырёхместный’ (چهار *čahār* ‘четыре’, نفر *nafar* ‘человек’), هرروزه *har ruz* ‘ежедневный’ (هر *har* ‘каждый’, روز *ruz* ‘день’), همه جانبه *hamejānebe* ‘всесторонний’ (همه *hame* ‘все’, جانب *jāneb* ‘сторона’);

3) существительные с уменьшительным значением и значением определенности: پسره *pesare* ‘этот мальчик’, دختره *doxtare* ‘эта девочка’, مرده *marde* ‘этот человек’, گرگه *gorge* ‘тот волк’ (в этих случаях суф. ه *-e* присоединяется к основам одушевленных существительных).

Отмеченные выше способы образования существительных и прилагательных всегда образуют именно ту часть речи, которая предусмотрена моделью. Например, هرروزه *harruze* имеет значение не только прилагательного ‘ежедневный’, но и наречия ‘ежедневно’. Сочетание числительного с существительным и суффиксом *-e* образует не только прилагательное, но и существительное: پنجساله *panjsāle* ‘пятилетний’, ‘пятилетие’ (پنج *panj* ‘пять’, سال *sāl* ‘год’).

Суффикс *-e* может не придавать никакого нового значения слову, а только создавать его фонетические варианты, например: ثمر *samar* / ثمره *samare* ‘плод’, آشیان *āšyān* / آشیانه *āšyāne* ‘гнездо’, انبان *ambān* / انبانه *ambāne* ‘кожаная сума’, آستان *āstān* / آستانه *āstāne* ‘порог’ и т.д., но это не исключает и того, что фонетические варианты могут иметь дополнительные значения.

Рассмотрев основные характеристики персидских аффиксов, участвующих в образовании существительных и прилагательных, назовем наиболее часто встречающиеся из них и более или менее четко закрепленные за определенной частью речи.

2.1. Суффиксы существительных и прилагательных

К числу наиболее продуктивных суффиксов имен существительных относятся:

ستان *-estān* — образует топонимы, слова, указывающие на изобилие: پاکستان *Pākestān* — Пакистан, ترکمنستان *Torkmanestān* — Туркмения, گلستان *golestān* ‘цветник’, تاکستان *tākestān* ‘виноградник’, هندوستان *Hendustān* — Индия, تاجیکستان *Tājikestān* — Таджикистан.

دان *-dān* — образует имена со значением вместилища: قلمدان *qalamdān* ‘пенал’ (قلم *qalam* ‘перо’), نمکدان *namakdān* ‘солонка’ (نمک *namak* ‘соль’), نانندان *nāndān* ‘кормушка’ (نان *nān* ‘хлеб’).

بان *-bān* — образует имена со значением ‘охраняющий’, ‘защищающий’: باغبان *bāqbān* ‘садовник’ (باغ *bāq* ‘сад’), دژبان *dežbān* ‘комендант’ (دژ *dež* ‘крепость’), شتربان *šotorbān* ‘погонщик верблюдов’ (شتر *šotor* ‘верблюд’), سایبان *sāyebān* ‘навес’, ‘тент’ (سایه *sāye* ‘тень’).

گر *-gar* — образует имена деятеля: آهنگر *āhangar* ‘кузнец’ (آهن *āhan* ‘железо’), کارگر *kārgar* ‘рабочий’ (کار *kār* ‘работа’), اشغالگر *ešqālgar* ‘захватчик’ (اشغال *ešqāl* ‘захват’).

چی *-či* — образует имена профессии: معدنچی *ma'danči* ‘шахтер’ (معدن *ma'dan* ‘шахта’), توپچی *tupči* ‘артиллерист’ (توپ *tup* ‘пушка’), شکارچی *šekārči* ‘охотник’ (شکار *šekār* ‘охота’).

ی *-i* یا مصدری *yā-ye masdari* — образует имена с отвлеченным значением: سرخی *sorxi* ‘краснота’ (سرخ *sorx* ‘красный’), جوانی *javāni* ‘молодость’ (جوان *javān* ‘молодой’), تنهایی *tanhāyi* ‘одиночество’ (تنها *tanhā* ‘одинокий’), بیوزنی *bivazni* ‘невесомость’ (بیوزن *bivazn* ‘невесомый’).

ش *-eš* — образует имена действия от ОНВ: دانش *dāneš* ‘знание’ (ОНВ دان *dān* гл. دانستن *dānestan* ‘знать’), گردش *gardeš* ‘гулянье’, ‘вращение’ (ОНВ گرد *gard*

гл. گردیدن *gardidan* 'гулять', 'вращаться'), آزمایش *āzmāyeš* 'испытание' (ОНВ آزما *āzmā* гл. آزمودن *āzmudan* 'испытывать').

یت *-iyyat* — суффикс арабского происхождения, образует отвлеченные имена: قابلیت *qābeliyyat* 'способность' (قابل *qābel* 'способный'), واقعیت *vāqe'iyyat* 'действительность' (واقع *vāqe* 'действительный', 'реальный'), صلاحیت *salāhiyyat* 'компетентность' (صلاح *salāh* 'целесообразность', 'приемлемость'), ظرفیت *zarfiyyat* 'объем', 'вместимость' (ظرف *zarf* 'сосуд', 'вместитель'), زوجیت *zowjiyyat* 'супружество', 'брак' (زوج *zowj* 'супруг', 'пара') и т.д. Возможно соединение этого суффикса с чисто персидскими основами: زنیت *zaniyyat* 'женственность' (زن *zan* 'женщина'), خردیت *xariyyat* 'глупость', 'тупость' (خر *xar* 'осел'), دویت *doiyyat* 'двойственность', 'разлад' (دو *do* 'два'), ایرانیت *irāniyyat* 'любовь к Ирану', 'иранский патриотизм'. Однако количество слов иранского происхождения с суффиксом یت *-iyyat* невелико.

یه *-iyye* — суффикс арабского происхождения, образует отвлеченные имена: نظریه *nazariyye* 'теория', 'взгляд', 'мнение' (نظر *nazar* 'взгляд'), نشریه *našriyye* 'издание', 'публикация' (نشر *našr* 'издание'), روحیه *ruhiyye* 'настроение', 'моральное состояние', 'духовный облик' и т.д. Среди слов, образованных с помощью этого суффикса от арабских слов, имеются такие, которые вообще не употребляются в арабском языке и образовались на персидской почве: اظهاریه *ezhāriyye* 'заявление' (اظهار *ezhār* 'заявление'), اعلامیه *e'lāmiyye* 'коммюнике' (اعلام *e'lām* 'объявление'), اثاثیه *asāsiyye* 'утварь', 'мебель' (اثاث *asās* 'мебель'). Ряд арабских слов с суффиксом یه *-iyye* был вытеснен и заменен первой Академией Ирана на слова и словосочетания иранского происхождения. Так, вместо بلدییه *baladiyye* 'муниципалитет' стали употреблять شهرداری *šahrdāri*, вместо نظمیه *nazmiyye* 'полиция' — شهربانی *šahrbāni*, вместо بحرییه *bahriyye* 'морской флот' — نیروی دریایی *niru-ye daryāyi*. Суффикс یه *-iyye* для образования слов от основ неарабского происхождения используется редко. Например, слово رویه *raviyye* 'образ действия', 'метод', 'способ' образовано от رو *row* — ОНВ персидского глагола رفتن *raftan* 'идти', 'уходить'. Это слово не следует смешивать с арабским словом رويت *raviyyat* 'рассуждение', 'размышление', встречающимся лишь в средневековых текстах классической персидской литературы.

Оба деривационных суффикса — یت *-iyyat* и یه *-iyye* — имен существительных служат четкими показателями их отграничения от имен прилагательных. В арабском языке суффиксы یت *-iyyat* и یه *-iyye*, имеющие одно и то же графическое изображение یه, выступают как две фонетические разновидности одной словообразовательной морфемы. На употребление того или иного суффикса оказывает влияние фонетическое начало второй лексической морфемы в идафном словосочетании: если она начинается с гласного, то суффикс оканчивается на звук *t*, если с согласного — то на звук *-a* (в персидском *-e*). В персидском языке в отличие от арабского есть все основания рассматривать эти суффиксы, несмотря на их общее происхождение, как две самостоятельные словообразовательные морфемы: они образуют разные слова и не могут заменять друг друга. Вот поэтому мы не можем согласиться с Л.С.Пейсиковым, который склонен рассматривать суффикс یه *-iyye* как алломорф суффикса یت *-iyyat* [Пейсиков 1973, с. 184]. Ярким примером самостоятельного использования этих суффиксов для образования разных лексем могут служить

два слова: *بلدیت baladiyyat* ‘знание’, ‘компетентность’ и *بلدییه baladiyye* ‘муниципалитет’.

К наиболее продуктивным суффиксам имен прилагательных относятся:

-i — *یای نسبی yā-ye nesbi* — образует прилагательные относительные: *نباتی nabāti* ‘растительный’ (*نبات nabāt* ‘растение’), *هسته ای هسته hastei* ‘ядерный’ (*هسته haste* ‘ядро’), *ابریشمی abrišami* ‘шелковый’ (*ابریشم abrišam* ‘шелк’), *نقره ای noqrei* ‘серебряный’ (*نقره noqre* ‘серебро’), *خانگی خانگی xānegi* ‘домашний’ (*خانه xāne* ‘дом’), *شش روزی šešruzi* ‘шестидневный’ (*شش روز šeš ruz* ‘шесть дней’).

-nāk — образует прилагательные качественные от существительных: *خطرناک xatarnāk* ‘опасный’ (*خطر xatar* ‘опасность’), *نمناک namnāk* ‘влажный’ (*نم nam* ‘влага’), *اسفناک asafnāk* ‘печальный’ (*اسف asaf* ‘печаль’), *آبناک ābnāk* ‘жидкий’, ‘водянистый’ (*آب āb* ‘вода’), *آفتابناک āftābnāk* ‘солнечный’ (*آفتاب āftāb* ‘солнце’).

-mand — образует прилагательные со значением обладания каким-либо качеством: *نیرومند nirumand* ‘сильный’ (*نیرو niru* ‘сила’), *خردمند xeradmand* ‘умный’, ‘мудрый’ (*خرد xerad* ‘ум’, ‘мудрость’), *آبرومند ābrumand* ‘честный’, ‘достойный’ (*آبرو ābru* ‘честь’), *سودمند sudmand* ‘полезный’ (*سود sud* ‘польза’), *ثروتمند sarvatmand* ‘богатый’ (*ثروت sarvat* ‘богатство’), *دانشمند dānešmand* ‘ученый’ (*دانش dāneš* ‘знание’).

-gin — образует прилагательные со значением качества, часто выражающего состояние, черты характера: *خشمگین xašmgin* ‘гневный’, ‘сердитый’ (*خشم xašm* ‘гнев’), *غمگین qamgin* ‘опечаленный’ (*غم qam* ‘горе’, ‘печаль’), *شرمگین šarmgin* ‘пристыженный’ (*شرم šarm* ‘стыд’), *اندوهگین anduhgin* ‘печальный’ (*اندوه anduh* ‘печаль’), *دردگین dardgin* ‘болезненный’ (*درد dard* ‘боль’).

-in — образует прилагательные преимущественно от основ существительных вещественных: *بلورین bolurin* ‘хрустальный’ (*بلور bolur* ‘кристалл’, ‘хрусталь’), *زمردین zomorrodin* ‘изумрудный’ (*زمرد zomorrod* ‘изумруд’), *خونین xunin* ‘красный’, ‘кровообразный’ (*خون xun* ‘кровь’), *آهنین āhanin* ‘железный’ (*آهن āhan* ‘железо’), *زرین zarrin* ‘золотой’ (*زر zar* ‘золото’), *سنگین sangin* ‘тяжелый’ (*سنگ sang* ‘камень’). Л.С.Пейсиков считает, что суффикс *-in* в персидском языке имеет более ограниченное использование, чем другой суффикс прилагательных — *-i* (*یای نسبی yā-ye nesbi*), и что первый даже вытесняется последним: ср. *چوبی čubi* ‘деревянный’, *کاغذی kāqazi* ‘бумажный’, *مشکی meški* ‘черный’, *خاکی xāki* ‘земляной’, *گلی geli* ‘грязный’, ‘испачканный грязью’ и их стилистически ограниченные дублиеты того же значения — *چوبین čubin*, *کاغذین kāqazin*, *مشکین meškin*, *خاکین xākin*, *گلین gelin* [Пейсиков 1973, с. 75].

-āne — образует прилагательные и наречия преимущественно путем соединения с основами существительных одушевленных: *دوستانه dustāne* ‘дружеский’, ‘по-дружески’, ‘дружественно’ (*دوست dust* ‘друг’), *بچگانه baččegāne* ‘детский’, ‘по-детски’ (*بچه bačče* ‘дитя’, ‘ребенок’), *مردانه mardāne* ‘мужской’, ‘мужественный’, ‘мужественно’ (*مرد mard* ‘мужчина’), *زنانه zanāne* ‘женский’, ‘по-женски’ (*زن zan* ‘женщина’), *تجاوزکارانه tajāvokārāne* ‘агрессивный’, ‘агрессивно’ (*تجاوزکار tajāvokār* ‘агрессор’), *قهرمانانه qahremānāne* ‘героический’, ‘героически’ (*قهرمان qahremān* ‘герой’). Этот же суффикс соединяется с основами прилагательных и

причастных форм арабского происхождения: محزونانه *mahzunāne* ‘печальный’, ‘грустный’, ‘печально’, ‘грустно’ (محزون *mahzun* ‘печальный’), عاقلانه *āqelāne* ‘умный’, ‘умно’ (عاقل *āqel* ‘умный’), شجاعانه *šojā’āne* ‘храбрый’, ‘храбро’ (شجاع *šojā* ‘храбрый’), مغرضانه *moqrezāne* ‘корыстный’, ‘корыстно’ (مغرض *moqrez* ‘корыстный’).

Как уже отмечалось при характеристике грамматической категории одушевленности / неодушевленности имен существительных, все прилагательные, оканчивающиеся на انه *-āne*, употребляются при неодушевленных существительных.

В ряде случаев слова с суффиксом انه *-āne* имеют значение имен существительных: عصرانه *asrāne* ‘полдник’, ‘вечерняя закуска’ (عصر *asr* ‘вечер’), صبحانه *sobhāne* ‘завтрак’ (صبح *sobh* ‘утро’), بیعانه *bey’āne* ‘задаток’ (بیع *bey* ‘продажа’), مزدگانه *moždegāne* ‘вознаграждение за добрую весть’ (مژده *možde* ‘добрая весть’).

Рассмотренные выше суффиксы существительных и прилагательных в основном характеризуют каждую их этих двух частей речи в чистом виде, но среди них встречаются и такие, которые иногда участвуют в словообразовании как существительных, так и прилагательных (это может быть вызвано процессами субстантивации и адъективации). Например, слово پوستین *pustin* (پوست *pust* ‘кожа’, ‘мех’ + ین *-in*) имеет значения ‘шуба’, ‘дубленка’ и ‘кожаный’, ‘меховой’. См. также приведенные случаи на использование суффикса انه *-āne* в словах عصرانه *asrāne*, صبحانه *sobhāne*, بیعانه *bey’āne* и других, имеющих значение существительных. Суффикс بان *-bān*, типичный для деривации существительных, иногда участвует в образовании прилагательного: مهربان *mehrebān* ‘ласковый’, ‘любящий’ (مهر *mehr* ‘любовь’).

Встречается немало случаев синонимичного использования суффиксов: دردناک *dardnāk* и دردگین *dardgin* ‘болезненный’, غمگین *qamgin* и غمناک *qamnāk* ‘горестный’, ‘печальный’, چوبی *čubi* и چوبین *čubin* ‘деревянный’ и т.д. Ср. также синонимичность в некоторых значениях прилагательных: آهنی *āhani* ‘железный’, ‘из железа’ и آهنین *āhanin* ‘железный’, ‘из железа’, ‘твердый’, ‘непреклонный’; سنگی *sangi* ‘каменный’, ‘из камня’ и سنگین *sangin* ‘тяжелый’, ‘каменный’, ‘из камня’.

2.2. Префиксы

Префиксы в основном используются для образования имен прилагательных, количество их невелико.

با *bā-* — образует в основном качественные прилагательные: با اراده *bāerāde* ‘волевой’, ‘решительный’, با اساس *bāasās* ‘основательный’, ‘убедительный’, با ارزش *bāarzeš* ‘ценный’, با استعداد *bāeste’dād* ‘способный’, ‘талантливый’, با اطلاع *bāetteleā* ‘осведомленный’, ‘сведущий’, با اعتبار *bāe’tebār* ‘солидный’, ‘авторитетный’, با انضباط *bāenzebāt* ‘дисциплинированный’. Все приведенные прилагательные сохраняют прямую смысловую связь с существительными, от которых они образованы; сохраняет смысловую связь с соответствующим предлогом и префикс با *bā-*. Однако возможность употребления артикля после таких прилагательных, а также возможность образования степеней сравнения и включения их в изафетную цепь, когда после них следуют другие зависимые слова, дают все основания рассматривать их

как самостоятельные слова-прилагательные. Еще более устойчивыми образованиями выглядят прилагательные, имеющие переносные значения: *با استخوان* *bāostoxān* ‘стойкий’, ‘волевой’, ‘пустивший глубокие, прочные корни (о человеке)’ (*استخوان* *ostoxān* ‘кость’), *با اشتها* *bāēštehā* ‘имеющий хороший аппетит’, ‘корыстолюбивый’, ‘алчный’ (*اشتها* *eštehā* ‘аппетит’).

Некоторые сочетания субстантивных слов с префиксом *با* *bā-* помимо значения прилагательного имеют еще значения адвербиальные: *با احتياط* *bāehīyāt* ‘осторожный’ и ‘осторожно’, *با ادب* *bāadab* ‘вежливый’, ‘воспитанный’ и ‘вежливо’, ‘воспитанно’, *با احترام* *bāehterām* ‘уважительный’ и ‘уважительно’. Слитность такого рода образований в первую очередь обеспечивается наличием у них адъективного значения. И все же они не обладают такой слитностью, как обычные производные слова. Благодаря тесной связи префикса *با* *bā-* с соответствующим собственно (основным) предлогом они могут быть пронизаемы, например, для указательных местоимений, помещаемых между предлогом *با* *bā* и субстантивной основой: *با چنین اشتها* *bā čenin eštehā* ‘с таким аппетитом’, *با این ادب* *bā in adab* ‘с такой учтивостью’ и т.д.

به *be-* — образует качественные прилагательные: *بخرد* *bexerad* ‘умный’, ‘мудрый’, *بنام* *benām* ‘известный’, ‘знаменитый’, *بجا* *bejā* ‘уместный’, *بکار* *bekār* ‘годный’, ‘полезный’, ‘употребительный’. И все же возможности образования прилагательных у префикса *به* *be-* меньше, чем у префикса *با* *bā-*.

Префикс *به* *be-* — используется также для образования наречий: *بحق* *behaqq* ‘по праву’, ‘справедливо’, *بقاعده* *beqāede* ‘по правилу’, ‘умеренно’, *بزودی* *bezudī* ‘вскоре’, ‘быстро’, *بتازگی* *betāzegi* ‘недавно’, *بخوبی* *bexubi* ‘хорошо’.

بر *bar-* — используется в основном как глагольный префикс; число образованных прилагательных и существительных невелико: *برجا* *barjā* ‘устойчивый’, ‘прочный’, *برحق* *barhaqq* ‘справедливый’, *برکناری* *barkenāri* ‘отстранение’, ‘устранение’, *برنامه* *barnāme* ‘программа’.

بی *bi-* — образует прилагательные, основное значение — значение отрицания: *بی دست* *bidast* ‘безрукий’, *بی دین* *bidin* ‘неверующий’, *بی باک* *bibāk* ‘бесстрашный’, *بی شمار* *bišomār* ‘бесчисленный’.

Как и в других случаях, адъективное значение сопровождается в отдельных случаях адвербиальным: *بیدقت* *bideqqat* ‘невнимательный’ и ‘невнимательно’, *بیدلیل* *bidalil* ‘беспричинный’, ‘неосновательный’ и ‘беспричинно’, ‘неосновательно’, *بیدرنگ* *bidarang* ‘немедленный’ и ‘немедленно’.

تا *nā-* (алломорф *نه* *na-*) очень продуктивен при соединении с существительными, прилагательными, причастиями, глагольными основами настоящего и прошедшего времени; префикс вносит значение отрицания: *ناکار* *nākār* ‘негодный’, ‘непригодный’, *ناشاد* *nāšād* ‘грустный’, ‘невеселый’, *نافهم* *nāfahm*, *نفهم* *nafahm* ‘непонятливый’, ‘несообразительный’, *ناشناس* *nāšenās*, *نشناس* *našenās* ‘незнакомый’, *نادرست* *nādorost* ‘неправильный’, *نابخرد* *nābexerad* ‘неразумный’, ‘глупый’, *ناخوانا* *nāxānā* ‘неразборчивый (о почерке)’, *ناخوانده* *nāxānde* ‘незванный’ и т.д. Во многих случаях префиксы *تا* *nā-* и *نه* *na-* взаимозаменяемы, но замена не носит абсолютного характера.

هم *ham-* — образует имена существительные и прилагательные со значением совместности: *همکار* *hamkār* ‘коллега’, ‘сотрудник’, *همگام* *hamgām* ‘сопутствующий’,

‘спутник’, هم غذا *hamqaza* ‘сотрапезник’, هم شهرى ‘земляк’, هم فكر ‘единомышленник’, هم رنگ *hamrang* ‘одноцветный’.

В персидский язык заимствованы арабские частицы отрицания لا *lā-* и بلا *belā-* (сочетание предлога *bi-* с частицей отрицания لا *lā-*), которые превратились в словообразовательные префиксы.

لا *lā-* — образует прилагательные и наречия, соединяясь с формами арабских причастий и масдаров: لا وارث *nāvāres* ‘не имеющий наследников’, لا وصول *lāvosul* ‘невозвратимый’.

بلا *belā-* — соединяясь с формами арабских причастий и масдаров, образует прилагательные и наречия: بلا صاحب *belāsāheb* ‘не имеющий владельца, хозяина’, ‘бесхозный’, بلا مانع *belāmāne* ‘беспрепятственный’, ‘свободный’ и ‘беспрепятственно’, ‘свободно’, بلا فاصله *belāfāsele* ‘немедленно’, بلا شرط *belāšart* ‘безусловный’, ‘безоговорочный’ и ‘безусловно’, ‘безоговорочно’.

Слова с отрицательными префиксами لا *lā-* и بلا *belā-* не всегда представляют собой прямые заимствования из арабского языка, в персидском они могут быть образованы по уже устоявшейся модели. Иногда эти префиксы сочетаются с лексическими основами иранского происхождения, например: لا كردار *lākerdār* ‘проклятый’, ‘окаянный’, ‘противный’ (کردار *kerdār* ‘поступок’, ‘действие’), بلا درنگ *belāderang* ‘немедленный’, ‘срочный’, ‘немедленно’, ‘срочно’ (درنگ *derang* ‘промедление’, ‘медлительность’).

Подводя итоги использования аффиксации как способа образования имен существительных и прилагательных, отметим, что в качестве производящей основы помимо простых имен могут выступать производные и сложные именные основы: عقب آزمایشگر *āzmāyešgar* ‘экспериментатор’, ورزشی *varzeši* ‘спортивный’, عقب افتادگی *aqaboftādegi* ‘отсталость’, دوآتشه *doāteše* ‘поджаристый’, ‘пылкий’.

3. Полуаффиксация

До недавнего времени полуаффиксацию не отмечали как отдельный способ в системе персидского словообразования и выделяли лишь два основных способа образования слов — аффиксацию и словосложение. Слова же, образованные с помощью полуаффиксов, принято было относить к разряду сложных слов. И среди иранистов нет единого мнения о методах и критериях выделения полуаффиксов в системе словообразования. Изучение словообразовательных процессов свидетельствует о все возрастающей роли полуаффиксации в обогащении лексики персидского языка.

К полуаффиксам относятся такие словообразовательные элементы, которые, не будучи аффиксами, практически выполняют в слове их функцию, но в отличие от аффиксов обладают конкретным лексическим значением. В лингвистической литературе по отношению к ним используются различные термины: «суффиговые элементы», «основы в функции аффикса», «относительно свободные, относительно связанные морфемы», «аффиксоиды», «полуаффиксы», «словоморфемы». На наш взгляд, наиболее приемлемыми для адекватного отражения морфологической

структуры персидских слов представляются два термина: «полуаффикс» и «словоморфема». Первый термин подчеркивает функциональную сторону данных словообразовательных единиц, второй — их смысловую нагрузку.

В лингвистической литературе слова, образованные с помощью полуаффиксов, принято называть полуаффиксальными или полупроизводными. Удачное наименование этим словам дано В.И.Месамедом, который называет их композитоидами [Месамед 1984, с. 10]. Тем самым он подчеркивает близость таких лексических образований к сложным словам.

Персидские словоморфемы представлены глагольными и именными полуаффиксами. И те и другие занимают промежуточное положение между словом и аффиксом.

Среди полуаффиксов различаются простые и блочные. Блочные полуаффиксы представляют собой неделимые сочетания ОНВ глаголов со словообразовательными суффиксами. Полуаффиксальный способ словообразования в персидском языке получил наиболее яркое развитие в глагольной полуаффиксации.

С семантической стороны полуаффиксы близки к компонентам сложных слов, т.е. к лексическим морфемам, а с функциональной тесно примыкают к аффиксам. Полуаффиксальный способ словообразования занимает промежуточное положение между аффиксацией и словосложением.

В количественном отношении глагольные и именные полуаффиксы значительно превосходят аффиксальные морфемы. В настоящее время создание слов с помощью полуаффиксов занимает одно из ведущих мест в обогащении лексического состава персидского языка. Использование полуаффиксальных морфем главным образом связано с образованием новых общественно-политических и научно-технических терминов.

Особенно широкое распространение в современном персидском языке получили полуаффиксы глагольного происхождения.

3.1. Полуаффиксы глагольного происхождения

Простые глагольные полуаффиксы — это морфологически неделимые словообразовательные единицы, образовавшиеся из основ настоящего времени глаголов, обладающие, как правило, лексическим значением и не способные к самостоятельному употреблению. Аффиксы в большинстве своем характеризуются абстрактной семантикой, глагольные полуаффиксы в основном обладают конкретным значением.

Как показывает анализ собранного материала по полуаффиксации, большинство ОНВ простых глаголов используется в роли полуаффиксов. При этом наиболее часто значение глагольного полуаффикса связано со значением глагола, от основы которого он образован, см. [Алиев 1985].

Большая часть композитоидов образована путем присоединения различных глагольных полуаффиксов к основам существительных: زبانشناس *zabānšenās* ‘языковед’ (زبان *zabān* ‘язык’ + полуаф. شناس *-šenās*), شکم پرست *šekamparast* ‘обжора’, ‘лакомка’ (شکم *šekam* ‘живот’ + полуаф. پرست *-parast*), چکش پذیر *čakošpazir* ‘ковкий’,

‘поддающийся ковке’ (چکش *čakoš* ‘молот’ + полуаф. پذیر *-pazir*, نشاط *nešātbaxš* ‘радующий’, ‘ободряющий’ (نشاط *nešāt* ‘радость’, ‘веселье’ + полуаф. بخش *-baxš*) и т.д.

Несколько реже композитиды образуются по модели «основа прилагательного + глагольный полуаффикс»: ریزسنج *rizsanj* ‘микрометр’ (ریز *riz* ‘мелкий’ + полуаф. سنج *-sanj*), دیرین شناس *dirinšenās* ‘палеонтолог’ (دیرین *dirin* ‘древний’, ‘старинный’ + полуаф. شناس *-šenās*) и т.д.

Помимо ОНВ простых глаголов в словообразовании принимают участие ОНВ префиксальных и сложных глаголов.

Из ОНВ префиксальных глаголов в основном используется полуаффикс بردار *-bardār* (< بردار *bar-dār* — ОНВ префиксального глагола برداشتن *bar-dāštan* ‘поднимать’, ‘брать’, ‘забирать’): خاک بردار *xāk bardār* ‘землекоп’ (خاک *xāk* ‘земля’), عکس بردار *aks bardār* ‘фотограф’, ‘фотографирующий’ (عکس *aks* ‘фотография’).

Основную массу слов со сложноголагольными полуаффиксами составляют слова, полуаффиксальный компонент которых восходит к ОНВ сложных глаголов с компонирующим глаголом کردن *kardan* ‘делать’: شیرگرم کن *širgarmkon* ‘нагреватель молока’ (گرم کن *garmkon* < ОНВ СГ گرم کردن *garm kardan* ‘греть’, ‘нагревать’), ماشین سوارکن *māšinsavārkon* ‘механик по монтажу’ (سوارکن *savārkon* < ОНВ СГ سوار کردن *savār kardan* ‘собирать’, ‘монтировать’), مداد پاک کن *medādpākkon* ‘ластик’, ‘резинка’ (مداد *medād* ‘карандаш’ + پاک کن *pākkon* < ОНВ СГ پاک کردن *pāk kardan* ‘чистить’, ‘очищать’).

Особенностью сложноголагольных полуаффиксов по сравнению с простыми является то, что их использование для образования слов не имеет регулярного, повторяющегося характера, а полуаффиксы, образовавшиеся из ОНВ сложных глаголов, сохраняют тесную связь со значениями этих глаголов.

Сопоставление композитидов со сложными глаголами позволяет выделить две категории полупроизводных слов:

1) полупроизводные слова, не имеющие соответствия в сложных глаголах: شورانگیز *šurangiz* ‘волнующий’, ‘возбуждающий’ (شور *šur* ‘волнение’, ‘возбуждение’ + гл. полуаф. انگیز *-angiz* < ОНВ гл. انگیزختن *angixtan* ‘подстрекать’, ‘возбуждать’), زمین شناس *zaminšenās* ‘геолог’, ‘почвовед’ (زمین *zamin* ‘земля’ + гл. полуаф. شناس *-šenās* < ОНВ гл. شناختن *šenāxtan* ‘знать’, ‘узнавать’);

2) полупроизводные слова, имеющие соответствие в сложных глаголах: زحمتکش *zahmatkeš* ‘трудящийся’, ‘труженик’ (ср. СГ زحمت کشیدن *zahmat kešidan* ‘трудиться’), نکته گیر *noktegir* ‘придиричивый’, ‘язвительный’, ‘придира’, ‘критик’ (ср. СГ نکته گرفتن *nokte gereftan* ‘критиковать’, ‘придираться’).

Чаще всего полуаффикс имеет одно значение, но может иметь и несколько значений. Встречаются полуаффиксы, одновременно сохраняющие значение глагола и получающие одно или несколько новых лексических значений.

С помощью глагольных полуаффиксов образуются в основном имена существительные и прилагательные. Сам по себе тот или иной глагольный полуаффикс не дает четких критериев для определения принадлежности слова к существительным или прилагательным.

Отметим наиболее продуктивные глагольные полуаффиксы современного персидского языка.

дар *-dār* (< ОНВ гл. داشتن *dāstan* ‘иметь’, ‘обладать’). В большинстве случаев присоединяется к существительным: *تفنگدار tofangdār* ‘стрелок’, ‘мушкетер’ (تفنگ *tofang* ‘ружье’, ‘винтовка’), *قالبدار qālebdār* ‘кирпичник’ (قال *qāleb* ‘форма для изготовления кирпича’), *کشودار kešowdār* ‘имеющий выдвижной ящик’ (کشو *kešow* ‘выдвижной ящик’), *فضادار fazādār* ‘просторный’, ‘обширный’ (فضا *fazā* ‘пространство’), *جاندار jāndār* ‘живое существо’, ‘живой’, ‘одушевленный’ (جان *jān* ‘душа’).

شناس -šenās (< ОНВ гл. شناختن *šenāxtan* ‘знать’, ‘различать’, ‘узнавать’). В основном присоединяется к существительным: *کتابشناس ketābšenās* ‘библиограф’ (کتاب *ketāb* ‘книга’), *ویروسشناس virusšenās* ‘вирусолог’ (ویروس *virus* ‘вирус’), *هواشناس havāšenās* ‘метеоролог’, ‘аэролог’ (هوا *havā* ‘воздух’), *واژهشناس vāzešenās* ‘лексиколог’ (واژه *vāze* ‘слово’), *خونشناس xunšenās* ‘гематолог’ (خون *xun* ‘кровь’), *گیاهشناس giyāhsenās* ‘ботаник’ (گیاه *giyāh* ‘растение’). В отдельных случаях возможно присоединение *شناس -šenās* к прилагательным: *آنتیکشناس āntikšenās* ‘антиквар’ (آنتیک *āntik* ‘антикварный’), *زیباشناس zibāšenās* ‘эстетик’, ‘эстет’ (زیبا *zibā* ‘красивый’, ‘прекрасный’), *باستانشناس bāstānšenās* ‘археолог’, ‘антиквар’ (باستان *bāstān* ‘древний’, ‘старинный’).

ساز -sāz (< ОНВ гл. ساختن *sāxtan* ‘изготавливать’, ‘строить’). Образует наиболее четкие по своей структуре композитиды, присоединяясь к основам существительных: *زرساز zarsāz* ‘золотых дел мастер’ (زر *zar* ‘золото’), *ماشینساز māšinsāz* ‘машиностроитель’ (ماشین *māšin* ‘машина’), *موبلساز moblsāz* ‘мебельщик’ (موبل *mobl* ‘мебель’), *مدساز modsāz* ‘модельер’ (مد *mod* ‘мода’), *دندانساز dandānsāz* ‘зубной техник’ (دندان *dandān* ‘зуб’), *فلزساز felezsāz* ‘металлист’ (فلز *felezz* ‘металл’), *کشتیساز kaštisāz* ‘кораблестроитель’ (کشتی *kašti* ‘корабль’, ‘судно’). Возможно также присоединение полуаффикса *ساز -sāz* к прилагательным: *راستساز rāstsāz* ‘выпрямитель’ (راست *rāst* ‘прямой’), *قالبساز qalbsāz* ‘фальшивомонетчик’ (قالب *qalb* ‘поддельный’, ‘фальшивый’), *ظاهرساز zāhersāz* ‘притворщик’, ‘внешне привлекательный’ (ظاهر *zāher* ‘внешний’, ‘наружный’), *تازہساز tāzesāz* ‘вновь выстроенный’ (تازہ *tāze* ‘новый’, ‘свежий’). Слова с полуаффиксом *ساز -sāz* обозначают в основном профессию лица.

آور -āvar (< ОНВ гл. آوردن *āvardan* ‘приносить’, ‘привозить’, ‘доставлять’). Присоединяется только к именам существительным: *خوابآور xābāvar* ‘усыпляющий’, ‘снотворный’, ‘наводящий сон, скуку’ (خواب *xāb* ‘сон’), *عرقآور арақавар araқāvar* ‘потогонный’ (عرق *araq* ‘пот’), *ربحآور rebhāvar* ‘приносящий прибыль, доход’, ‘приносящий проценты’ (ربح *rebh* ‘прибыль’, ‘доход’, ‘процент’), *رنجآور ranjāvar* ‘трудный’, ‘утомительный’ (رنج *ranj* ‘труд’, ‘усилие’), *رزمآور razmāvar* ‘воинственный’, ‘храбрый’ (رزم *razm* ‘бой’, ‘сражение’). Полуаффикс *آور -āvar* образует преимущественно имена прилагательные.

В связи с рассмотрением глагольных полуаффиксов нельзя не остановиться на участии в именном словообразовании глагольных префиксальных блоков. Для примера возьмем два блока: *زدایی zedāyi* (от гл. زدودن *zedudan* ‘очищать’) — *نمکزدایی namakzedāyi* ‘опреснение’ и *گریایی gerāyi* (от гл. گراییدن *gerāyidan* ‘стремиться’) — *خردگریایی xeradgerāyi* ‘рационализм’. Эти полуаффиксальные блоки участвуют в образовании полуаффиксальных существительных путем прямого соединения с именными основами *نمک namak* ‘соль’ и *خرد xerad* ‘ум’.

Сходные полуаффиксальные слова образуются в результате соединения именных основ, глагольных полуаффиксов и словообразовательного суффикса *ی -i* (مصدری یای *yā-ye masdari*). При этом во многих случаях бывает трудно установить, в какой последовательности шло объединение 2-го и 3-го элементов: ср. صابون پز *sābunpaz* ‘мыловар’ или صابون پزی *sābunpazi* ‘мыловарение’; زبانشناسی *zabānšenās* ‘языковед’ или زبانشناسی *zabānšenāsi* ‘языкознание’.

Для удобства словообразовательного анализа в обоих рассмотренных случаях мы выделяем два блока: первый — настоящий блок — со словообразовательной точки зрения неразложим на составные элементы, а второй — ненастоящий блок (квазиблок) — разложим на два элемента. Основой для разделения такого рода полуаффиксальных блоков служат конкретный словообразовательный анализ и установление того, как образовано данное полупроизводное слово, продуктом какого словообразовательного акта оно является. Но в большинстве случаев сделать это бывает трудно или вообще невозможно.

Все глагольные полуаффиксальные блоки образуют только имена существительные.

Рассмотрим два блочных полуаффикса: سازی *-sāzi* и شناسی *-šenāsi* (без словообразовательного анализа).

Блочный полуаффикс سازی *-sāzi* присоединяется в большинстве случаев к основам существительных: جمله سازی *jomlesāzi* ‘построение предложения’ (جمله *jomle* ‘предложение’), بستنی سازی *bastanisāzi* ‘производство мороженого’ (بستنی *bastani* ‘мороженое’), قندسازی *qandsāzi* ‘сахароварение’ (قند *qand* ‘сахар’), کودسازی *kudsāzi* ‘производство удобрений’ (کود *kud* ‘удобрение’). Этот полуаффикс иногда может присоединяться к прилагательным и наречиям: نوسازی *nowsāzi* ‘обновление’ (نو *now* ‘новый’), بازسازی *bāzsāzi* ‘восстановление’, ‘возрождение’ (باز *bāz* ‘опять’), خصوصی سازی *xosusisāzi* ‘частное предпринимательство’, ‘приватизация’ (خصوصی *xosusi* ‘частный’).

Блочный полуаффикс شناسی *-šenāsi* присоединяется к существительным, образуя наименования отдельных областей науки, знаний; большинство терминов, образованных с помощью этого полуаффиксального блока, представляет собой кальки с западноевропейских языков: واژه شناسی *vāžešenāsi* ‘лексикология’ (واژه *vāže* ‘слово’), زیست شناسی *zistšenāsi* ‘биология’ (زیست *zist* ‘жизнь’), زیبایی شناسی *zibāyišenāsi* ‘эстетика’ (زیبایی *zibāyi* ‘красота’), نمودشناسی *nemudšenāsi* ‘физиономистика’ (نمود *nemud* ‘внешний вид’, ‘явление’, ‘феномен’).

В последние годы в иранской прессе появляются неологизмы, в составе которых используются полуаффиксальные блоки от ОНВ сравнительно малоупотребительных глаголов, например, زدایی *-zedāyi* (< ОНВ гл. زدودن *zedudan* ‘чистить’, ‘очищать’) и گرایي *-gerāyi* (< ОНВ гл. گراییدن *gerāyidan* ‘стремиться’, ‘иметь тенденцию, склонность’): واکمات زدایی *vaxāmatzedāyi* ‘разрядка’, ‘ослабление напряженности’ (واکمات *vaxāmat* ‘напряженность’), ثبات زدایی *sabātzedāyi* ‘дестабилизация’ (ثبات *sabāt* ‘устойчивость’, ‘стабильность’), استعمارزدایی *este mārzedāyi* ‘деколонизация’ (استعمار *este mār* ‘колонизация’), سنت گرایي *sonnatgerāyi* ‘традиционализм’ (سنت *sonnat* ‘традиция’, ‘обычай’), خردگرایی *xeradgerāyi* ‘рационализм’ (خرد *xerad* ‘ум’, ‘рассудок’), عربگرایی *arabgerāyi* ‘панарабизм’ (عرب *arab* ‘араб’) и т.д.

3.2. Полуаффиксы именного происхождения

К именным полуаффиксам относятся такие элементы слова, которые на синтаксическом уровне, как правило, не имеют опоры в виде самостоятельного слова, но на ранней стадии развития новоперсидского языка выступали как отдельные слова. Например, словоморфема *کده* -*kade* в раннем новоперсидском языке употреблялась как отдельное слово в значении 'дом', а словоморфема *منش* -*maneš* — в значении 'мысль', 'натура', 'свойство'.

По сравнению с глагольными полуаффиксами именные полуаффиксы не столь многочисленны и продуктивны. Кроме того, глагольные полуаффиксы бывают только суффиксального типа, а именные — как суффиксального, так и префиксального. Именные полуаффиксы делятся на простые и блочные.

Именные словоморфемы суффиксального типа (*گاه* -*gāh*, *منش* -*maneš*, *گون* -*gun*, *کده* -*kade*, *باشی* -*bāši*, *ماب* -*maāb*, *مانند* -*mānand*) и префиксального типа (*پر* -*por*-, *کم* -*kam*-, *خر* -*xar*-, *گاو* -*gāv*-, *شاه* -*šāh*-) имеют разные лексико-грамматические характеристики, на основе которых они включаются в полуаффиксальную деривацию.

Именные полупрефиксы имеют соответствия в словах, которые на синтаксическом уровне употребляются самостоятельно. Ярким примером превращения в именные полупрефиксы могут служить слова *پر* -*por* 'полный', 'много', 'очень' и *کم* -*kam* 'мало', 'малый'. Одним из критериев отнесения их к полуаффиксам служит участие в типовой словообразовательной модели «*پر* -*por*- (или *کم* -*kam*-) + имя существительное». Элементы *پر* -*por* и *کم* -*kam* в современном персидском языке употребляются как в составе полупроизводных слов, так и отдельно. В композитоидах их конкретное значение ослабевает, и они становятся структурно и семантически зависимыми от существительного, с которым соединяются. Функционально они превращаются в полуаффиксы.

Итак, именные полуаффиксы можно определить как морфологически нечленимые словоморфемы суффиксального и префиксального типов, восходящие к именным основам (самостоятельным и несамостоятельным) и участвующие в образовании слов по определенным структурно-семантическим моделям.

3.2.1. Именные словоморфемы суффиксального типа

К именным словоморфемам суффиксального типа относятся следующие полуаффиксы: *گاه* -*gāh*, *منش* -*maneš*, *کده* -*kade*, *گون* -*gun*, *باشی* -*bāši*, *ماب* -*maāb*, *مانند* -*mānand*, *کاری* -*kāri* (блочный полуаффикс).

1. *گاه* -*gāh* — самая продуктивная именная словоморфема, в составе полупроизводных слов сохраняет значения слова-этимона 'время', 'место'. При образовании композитоидов в подавляющем большинстве случаев присоединяется к именам существительным: *دانشگاه* -*dānešgāh* 'университет' (*دانش* -*dāneš* 'знание'), *تبعیدگاه* -*tab'idgāh* 'место ссылки, изгнания' (*تبعید* -*tab'id* 'ссылка', 'изгнание'), *دَرگاه* -*dargāh* 'порог', 'подоконник' (*در* -*dar* 'дверь'), *کارگاه* -*kārgāh* 'мастерская', 'ателье', 'цех' (*کار* -*kār* 'работа'), *رصدگاه* -*rasadgāh* 'обсерватория' (*رصد* -*rasad* 'наблюдение', 'подстерегание'), *سحرگاه* -*sahargāh* 'раннее утро', 'рассвет' и т.д.

К именам прилагательным полуаффикс گاه *-gāh* присоединяется редко: پنهانگاه *penhāngāh* ‘скрытое место’, ‘тайное убежище’ (پنهان *penhān* ‘тайный’, ‘скрытый’), قرقگاه *qoroqgāh* ‘заповедник’ (قرق *qoroq* ‘заповедный’, ‘неприкосновенный’), گيجگاه *gijgāh* ‘висок’ (گيج *gij* ‘рассеянный’, ‘невнимательный’).

Полуаффикс گاه *-gāh* иногда присоединяется к производящим основам, выраженным инфинитивами некоторых глаголов и ОНВ простых глаголов: جستنگاه *jastangāh* ‘трамплин для прыжков’ (جستن *jastan* ‘прыгать’, ‘скакать’), نشستگاه *nešastangāh* ‘место сидения’, ‘беседка’, ‘местожительство’ (نشستن *nešastan* ‘сидеть’, ‘садиться’), بستگاه *bastangāh* ‘причал’ (بستن *bastan* ‘привязывать’, ‘завязывать’), باشگاه *bāšgāh* ‘клуб’ (باش *bāš* — ОНВ гл. بودن *budan* ‘быть’), ایستگاه *istgāh* ‘остановка’, ‘станция’ (ایست *ist* — ОНВ гл. ایستادن *istādan* ‘стоять’, ‘останавливаться’), گریزگاه *gorizgāh* ‘выход’, ‘путь к спасению’, ‘лазейка’ (گریز *goriz* — ОНВ гл. گریختن *gorixtan* ‘убегать’, ‘избегать’).

Полуаффикс گاه *-gāh*, сохраняя в составе композитов оба значения слова-этимона — ‘место’ и ‘время’, — чаще встречается в значении ‘место’.

2. منش *-maneš* в значении ‘мысль’, ‘свойство’ утратил свою самостоятельность и в современном персидском языке самостоятельно не употребляется. В полупроизводных словах этот полуаффикс выступает большей частью в значениях ‘обладающий натурой...’, ‘обладающий свойством...’, ‘подобный...’. Наиболее часто полуаффикс منش *-maneš* присоединяется к прилагательным: آزادمنش *āzādmaneš* ‘свободолюбивый’, ‘вольнлюбивый’ (آزاد *āzād* ‘свободный’), بزرگمنش *bozorgmaneš* ‘благородный’, ‘великодушный’, ‘гордый’ (بزرگ *bozorg* ‘большой’, ‘великий’), رادمنش *rādmaneš* ‘щедрый’, ‘великодушный’ (راد *rād* ‘щедрый’).

Этот же аффикс образует композитовиды в сочетании с существительными: گدامنش *gedāmaneš* ‘низкий’, ‘презренный’, ‘мелочный’ (گدا *gedā* ‘нищий’, ‘попрошайка’), گرگمنش *gorgmaneš* ‘с волчьим нравом’, ‘лицемерный’ (گرگ *gorg* ‘волк’), سگمنش *sagmaneš* ‘сварливый’ (سگ *sag* ‘собака’). Слова, образованные с помощью полуаффикса منش *-maneš*, являются преимущественно именами прилагательными, обозначающими качества и свойства человека.

Композитовиды с этим полуаффиксом часто синонимичны словам, образованным с участием морфемы صفت *-sefat* (< صفت *sefat* ‘качество’, ‘свойство’): گرگمنش *gorgmaneš* = صفت گرگ *gorgsefat* ‘с волчьим нравом’, ‘свирепый’, دادمنش *dadmaneš* = صفت داد *dadsefat* ‘звероподобный’, ‘жестокий’, شیطانمنش *šeytānmaneš* = صفت شیطان *šeytānsefat* ‘сатанинский’, ‘дьявольский’, بربرمنش *barbarmaneš* = صفت بربر *barbarsefat* ‘варварский’, ‘дикий’ и т.д.

Морфема صفت *-sefat* так же активно участвует в словообразовательных процессах, как и именной полуаффикс منش *-maneš*. Различие между ними состоит только в том, что صفت *-sefat* находит соответствие в самостоятельном слове, а морфема منش *-maneš* утратила независимое значение. Учитывая большую продуктивность словообразовательной модели с морфемой صفت *-sefat* и формализацию ее лексического значения, мы имеем все основания рассматривать образованные с ее участием слова не как сложные, а как полупроизводные.

3. کده *-kade* в современном языке самостоятельно не употребляется; в раннем новоперсидском эта морфема употреблялась как самостоятельное слово в значении

‘дом’. Присоединяется в основном к существительным: آتشکده *āteškade* ‘храм огнепоклонников’ (آتش *āteš* ‘огонь’), بتکده *botkade* ‘языческий храм’, ‘храм идолопоклонников’ (بت *bot* ‘идол’), دانشکده *dāneškade* ‘институт’, ‘факультет’ (دانش *dāneš* ‘знание’), میخانه *meykade* ‘питьевой дом’, ‘кабак’ (می *meu* ‘вино’), خمکده *xomkade* ‘винный погреб’ (خم *xom* ‘сосуд для хранения вина’) и т.д. Образует только имена существительные.

Новообразования с аффиксом کده *-kade* встречаются редко: دانشکده *dāneškade* ‘институт’, ‘факультет’, هنرکده *honarkade* ‘художественное училище’, ‘институт искусств’.

4. گون *-gun* употребляется как полуаффикс в значении ‘цвет’, ‘вид’, ‘сходство’, ‘подобие’, присоединяясь к существительным и прилагательным: سیمگون *simgun* ‘серебристый’ (سیم *sim* ‘серебро’), شبگون *šabgun* ‘темный как ночь’ (شب *šab* ‘ночь’), قیرگون *qirgun* ‘черный как смоль’ (قیر *qir* ‘смола’, ‘деготь’), آذرگون *āzargun* ‘огненный’, ‘огненно-красный’ (آذر *āzar* ‘огонь’), گلگون *golgun* ‘розовый’, ‘розоватый’, ‘румяный’ (گل *gol* ‘цветок’, ‘роза’), نیلگون *nilgun* ‘синий’, ‘небесно-голубой’ (نیل *nil* ‘синяя краска’, ‘краска индиго’), سرخگون *sorxgun* ‘красного цвета’ (سرخ *sorx* ‘красный’), سبزگون *sabzgun* ‘зеленого цвета’ (سبز *sabz* ‘зеленый’). Этот полуаффикс образует прилагательные со значением цвета.

В композитоидах с گون *-gun* семантическая нагрузка на полуаффикс очень ослаблена, и он уподобляется аффиксам с весьма обобщенным значением.

5. باشی *-bāši* — полуаффикс тюркского происхождения (باش *bāš* ‘голова’ + суф. принадлежности *-i*), выступает в значении ‘старший’, ‘главный’, ‘глава’, ‘старшина’¹. Присоединяясь, как правило, к существительному, образует только существительные: حاکیم باشی *hakimbāši* ‘лейб-медик’ (حاکیم *hakim* ‘лекарь’), تاجر باشی *tājerbāši* ‘глава купечества’, ‘купеческий староста’ (تاجر *tājer* ‘купец’), پیشخدمت باشی *pišxedmatbāši* ‘мажордом’, ‘дворецкий’, ‘камердинер’ (پیشخدمت *pišxedmat* ‘слуга’, ‘лакей’), قزاق باشی *qazzāqbāši* ‘казачий офицер’, ‘сотник’ (قزاق *qazzāq* ‘казак’), غلام باشی *qolāmbāši* ‘старший слуга дворца’ (غلام *qolām* ‘слуга’, ‘прислужник’). Полуаффикс باشی *-bāši* образует только имена существительные, и поэтому можно говорить о категориальном значении этой словоморфемы и рассматривать ее среди показателей, характеризующих имя существительное как часть речи.

Слова, образованные с помощью суффикса باشی *-bāši*, как правило, относятся к устаревшим.

6. مآب *-maāb* — полуаффикс арабского происхождения, представляющий в арабском языке слово со значением ‘прибежище’, ‘убежище’, ‘место возвращения’. В персидском языке эта словоморфема употребляется в значении ‘подржающий кому-л.’, ‘похожий на кого-л.’ и присоединяется главным образом к существительным: فرنگی مآب *farangimaāb* ‘европоман’, ‘любящий всё европейское’ (فرنگی *farangi* ‘европеец’), انگلیس مآب *engelismaāb* ‘англофил’ (انگلیس *engelīs* ‘англичанин’), سیاست مآب *siyāsatmaāb* ‘занимающийся политиканством’ (سیاست *siyāsat* ‘политика’), فیلسوف مآب *filsumfaāb* ‘философствующий’ (فیلسوف *filsum* ‘философ’), روس مآب *rusmaāb* ‘русофил’ (روس *rus* ‘русский’).

¹ В современном дари Афганистана باشی *bāši* употребляется не только как именной полуаффикс, но и как самостоятельное слово со значением ‘бригадир’, см. [Киселева, Миколайчик 1986, с. 94].

7. *mānand* -مانند представляет собой усеченную форму причастия настоящего времени на *نده -ande*, восходящую к глаголу *مانستن mānestan* ‘походить’, ‘быть похожим’². Широко используется в именном словообразовании в значении ‘похожий на...’, ‘сходный с...’: *گازمانند gāzmānand* ‘газообразный’ (*گاز gāz* ‘газ’), *کوهمانند kuhmānand* ‘горообразный’, ‘огромный’ (*کوه kuh* ‘гора’), *موجمانند towjmānand* ‘волнообразный’ (*موج towj* ‘волна’), *گنبدمانند gombadmānand* ‘куполообразный’ (*گنبد gombad* ‘купол’), *شیشهمانند šīšemānand* ‘стеклоподобный’ (*شیشه šīše* ‘стекло’).

Как видно из приведенных примеров, данный полуаффикс не обладает сильной семантической нагрузкой и во всем своим свойствам приближается к суффиксу.

8. *کاری -kāri* — блочный именной полуаффикс (< *کار kār* ‘работа’, ‘дело’, ‘занятие’ + суф. *ی -i* — *یای مصدری yā-ye masdari*): *پنهانکاری penhānkāri* ‘конспирация’, ‘конспиративная, подпольная деятельность’ (*پنهان penhān* ‘скрытый’, ‘тайный’, ‘тайно’, ‘скрытно’), *سوارکاری savār-kāri* ‘искусство верховой езды’ (*سوار savār* ‘всадник’, ‘наездник’), *چوبکاری čubkāri* ‘палочные удары’, ‘обработка древесины’ (*چوب čub* ‘дерево’, ‘бревно’, ‘палка’), *بهره‌کاری bahrekāri* ‘продажа с прибылью’ (*بهره bahre* ‘польза’, ‘выгода’, ‘прибыль’), *کتک‌کاری kotakkāri* ‘драка’, ‘избиение’ (*کتک kotak* ‘побой’, ‘битье’) и т.д. Основанием для рассмотрения *کاری -kāri* как целостной словообразовательной единицы — блочного полуаффикса — служит то, что ни у одного из приведенных выше слов нет аналогов среди форм без суффикса *ی -i*.

Число блочных именных полуаффиксов невелико. К словам, образованным с их помощью, можно отнести такие, как *گاومرگی gāvmargi* ‘падёж крупного рогатого скота’ (*گاو gāv* ‘бык’, ‘вол’, ‘корова’ + именной блок *مرگی -margi*), *پدرشاهی pedaršāhi* ‘патриархат’ (*پدر pedar* ‘отец’ + именной блок *شاهی -šāhi*), *مادرشاهی mādaršāhi* ‘матриархат’ (*مادر mādar* ‘мать’ + именной блок *شاهی -šāhi*). Основанием для такого подхода служит то, что слов **gāvmarg*, **pedaršāh*, **mādaršāh*, к которым мог бы быть добавлен суффикс *ی -i* (*یای مصدری yā-ye masdari*), в персидском языке не существует. Функционально блочные именны полуаффиксы в отличие от простых глагольных и именных полуаффиксов стоят ближе к компонентам сложных слов, чем к аффиксам.

3.2.2. Именные словоморфемы префиксального типа

К именным словоморфемам префиксального типа относятся *پر por-*, *کم kam-*, *خار xar-*, *گاو gāv-* и *شاه šāh-*. Особенность этих полуаффиксов заключается в том, что все они имеют соответствие в словах, употребляющихся в современном персидском языке самостоятельно. Тем не менее образованные с их помощью слова мы не относим к сложным.

Одним из критериев отнесения этих словообразовательных элементов в разряд именных полуаффиксов служат наличие словообразовательной модели широкого диапазона, серийность образования.

² Эта же форма послужила основой для образования сравнительного отыменного предлога *مانند mānand-e* ‘подобно’, ‘как’, ‘наподобие’.

По характеру функционирования в словообразовании и семантическим характеристикам в составе композитов названные выше полупрефиксы следует разделить на две группы: 1) پر *por-* (< پر *por* 'полный', 'много', 'очень'), کم *kam-* (< کم *kam* 'мало', 'малый') и 2) خر *xar-* (< خر *xar* 'осел'), گاو *gāv-* (< گاو *gāv* 'бык'), شاه *šāh-* (< شاه *šāh* 'шах', 'король').

1. Первую группу составляет наибольшее количество композитов, образованных по модели «پر *por-* (или کم *kam-*) + имя существительное».

Если сопоставить использование پر *por* и کم *kam* в качестве самостоятельных слов и в качестве именных полуаффиксов, то трудно установить частоту их употребления в первом и втором случаях. Однако в составе композитов конкретное лексическое значение этих слов ослабляется, они становятся структурно зависимыми от существительного, к которому примыкают, и функционально превращаются в полуаффиксы.

Полупрефикс پر *por-* присоединяется исключительно к основам существительных и образует имена прилагательные; указывает на наличие какого-либо свойства в больших количествах, выражает интенсивность признака: پرجمعیت *porjam'iyayt* 'многолюдный', 'густонаселенный' (جمعیت *jam'iyayt* 'население'), پرآب *porāb* 'полноводный', 'многоводный', 'сочный' (آب *āb* 'вода', 'сок'), پرهنا *porpahnā* 'широкий', 'обширный' (پهنا *pahnā* 'ширина'), پردوام *pardavām* 'длительный', 'продолжительный' (دوام *davām* 'прочность', 'длительность'), پرجگر *porjegar* 'смелый', 'мужественный' (جگر *jegar* 'печень', 'печенка'), پرآب و تاب *porābotāb* 'высокопарный', 'красочный', 'яркий' (آب و تاب *ābotāb* 'великолепие', 'блеск', 'напыщенность') и т.д.

Иногда полупрефикс پر *por-* соединяется с прилагательными, усиливая выраженный в них качественный признак: پرواضح *porvāzeh* 'совершенно ясный', 'совершенно очевидный' (واضح *vāzeh* 'ясный', 'очевидный'), پردور *pardur* 'очень далекий' (دور *dur* 'далекий').

Полупрефикс پر *por-* может сообщать образующимся прилагательным более высокую или крайнюю степень проявления признака, качества: پرخطر *porxatar* 'чрезвычайно опасный' (خطر *xatar* 'опасность'), پرآستعداد *poraste'dād* 'очень способный' (آستعداد *este'dād* 'способность'), پرزور *porzur* 'очень сильный', 'мощный' (زور *zur* 'сила'), پریول *porpul* 'очень богатый', 'богач' (پول *pul* 'деньги').

Полупрефикс کم *kam-* присоединяется к основам существительных и образует имена прилагательные. Выражает проявление признака или свойства в малых количествах, указывает на их ослабление: کمزور *kamzur* 'немогущий', 'малосильный' (زور *zur* 'сила'), کم عقل *kamaql* 'слабоумный', 'неумный' (عقل *aql* 'ум'), کم سال *kamsāl* 'малолетний' (سال *sāl* 'год'), کم آب *kamāb* 'мелководный', 'засушливый' (آب *āb* 'вода'), کم پهنا *kampahnā* 'узкий', 'неширокий' (پهنا *pahnā* 'ширина'), کم ارتفاع *kamertefā* 'невысокий', 'небольшой высоты' (ارتفاع *ertefā* 'высота') и т.д.

Процесс расширения значения и словообразовательной формализации значения охватил и другие краткие прилагательные. Например, прилагательные خوش *xoš* 'хороший', 'приятный', به *beh* 'хороший', 'лучше' стали регулярно использоваться как полупрефиксальные элементы в композитоидах: خوش آواز *xošāvāz* 'обладающий хорошим, приятным голосом', خوش آب *xošāb* 'чистой воды (о драгоценном камне)', خوشبو (ی) *xošbu(y)* 'ароматный', 'пахучий', 'душистый', خوش قلب *xošqalb* 'благо-

желательный', 'добросердечный', بهروز *behruz* 'счастливым', بهنام *behnām* 'пользующийся добрым именем', 'добрая слава', 'доброе имя', بهداشت *behdāst* 'санитария', 'гигиена', بهزیستی *behzisti* 'благополучная жизнь' и т.д.

2. Вторую группу именных полуаффиксов составляют خر *xar-*, گاو *gāv-*, شاه *šāh-*; несмотря на разные исходные значения, они рассматриваются вместе. Дело в том, что в составе полупроизводных слов в качестве их первых компонентов они приобрели приблизительно одинаковые значения — 'большой', 'крупный', 'главный', 'основной'. Эти значения возникли еще в языке классической персидско-таджикской литературы.

Хотя в современном языке именные полупрефиксы خر *xar-*, گاو *gāv-*, شاه *šāh-* малопродуктивны, тем не менее существует значительное количество слов, образованных с их участием и используемых в настоящее время в различных областях знания, жизни и быта: خرمگس *xarmagas* 'слепень', 'овод' (مگس *magas* 'муха'), خرموش *xarmuš* 'крыса' (موش *muš* 'мышь'), خرگوش *xarguš* 'заяц' (گوش *guš* 'ухо'), خرچنگ *xarčang* 'рак', 'краб' (چنگ *čang* 'клешня'), خرپول *xarpul* 'толстосум' (پول *pul* 'деньги'), گاوصندوق *gāvsanduq* 'сейф', 'несгораемый шкаф' (صندوق *sanduq* 'ящик', 'сундук'), گاوچاه *gāvčāh* 'глубокий колодец' (چاه *čāh* 'яма', 'колодец'), شاهراه *šāhrāh* 'большак', 'тракт', 'шоссе' (راه *rāh* 'дорога'), شاه سیم *šāhsim* 'кабель' (سیم *sim* 'провод'), شاهرود *šāhrud* 'большая река' (رود *rud* 'река'), شاه لوله *šāhlule* 'магистральный водопровод' (لوله *lule* 'труба', 'трубка'), شاهکار *šāhkār* 'шедевр', 'лучшее произведение' (کار *kār* 'работа') и т.д.

Рассмотренные выше глагольные и именные полуаффиксы, их характерные свойства и, главное, образование с их помощью полупроизводных слов по устоявшимся моделям с возможностью предсказания более или менее стандартного значения этих слов позволяют отграничить полуаффиксацию от словосложения и рассматривать ее как самостоятельный способ персидского словообразования.

4. Словосложение (основосложение)

Соединение в одно слово двух или более лексических морфем рассматривается в грамматиках как словосложение. В результате этого словообразовательного акта образуется сложное слово, представляющее собой бинарное (иногда трехчленное или многочленное) объединение лексических основ, каждая из которых чаще всего является свободно употребляемым в языке словом: کتابخانه *ketābxāne* 'библиотека' (کتاب *ketāb* 'книга' + خانه *xāne* 'дом'), مارماهی *mārmāhi* 'угорь' (مار *mār* 'змея' + ماهی *māhi* 'рыба'), شتر مرغ *šotormorq* 'страус' (شتر *šotor* 'верблюд' + مرغ *morq* 'курица'), رنگین کمان *ranginkamān* 'радуга' (رنگین *rangin* 'цветной' + کمان *kamān* 'лук', 'дуга'), جانماز *jānamāz* 'коврик для намаза' (جا *jā* 'место' + نماز *namāz* 'намаз', 'молитва'), رفت و آمد *raftoāmad* 'движение' (букв. 'ушел-и-пришел'), دادوستاد *dādosetād* 'торговля' (букв. 'дал-и-получил').

К сложным словам относятся также объединения лексических морфем, которые (или одна из которых) не имеют свободного синтаксического употребления: ششپوش

šostošu 'стирка' (ОПВ *šost* + *o* 'и' + ОНВ *šu* гл. *šostan* 'мыть', 'стирать'), *šikopik* 'прекрасный', 'красивый', 'роскошный' (*šik* 'прекрасный' + *o* 'и' + аллитерирующий повтор *šik* *šik*), *poxtopaz* 'готовка', 'приготовление' (*poxt* 'варка' + *o* 'и' + ОНВ *paz* гл. *poxtan* 'готовить'), *roftorub* 'подметание' (*roft* 'подметание' + *o* 'и' + ОНВ *rub* гл. *roftan* 'подметать', 'убирать').

В образовании сложных имен часто используются интерфиксы — словообразовательные средства языка, предназначенные для соединения лексических морфем. Л.С.Пейсиков, называя их связочными морфемами, подчеркивает, что они не обладают каким-либо категориальным значением и выполняют лишь функцию «пустой» связки [Пейсиков 1973, с. 16]. Он выделяет два типа интерфиксов: «1) собственно интерфиксы, соединяющие морфемы сложных слов копулятивного типа и не имеющие аналога в связочных служебных словах синтаксического уровня, и 2) интерфиксы союзного, предложного и изафетного происхождения, входящие в состав разноструктурных сложных слов и внешне тождественные служебно-связочным словам синтаксического уровня» [Пейсиков 1973, с. 15].

Интерфиксы первого типа образуют только сложные слова сочинительного характера: интерфикс *-ā-* — *rangārang* 'разноцветный', 'пестрый' (*rang* 'цвет'), *sarāsar* 'весь', 'от начала до конца' (*sar* 'голова', 'начало', 'конец'); интерфикс *-vā-* — *kešvākeš* 'невзгоды', 'тяготы', 'борьба', 'стычка' (*keš* < ОНВ гл. *kešidan* 'тащить'), *jurvājur* 'разнообразный' (*jur* 'род', 'вид'); интерфикс *-e-* — *goftegu* 'разговор' (*gofte* < ОПВ и *gu* < ОНВ гл. *goftan* 'говорить'), *josteju* 'поиск' (*joste* < ОПВ и *ju* < ОНВ гл. *jostan* 'искать'); интерфикс *-me-* — *xolmexoli* 'с придурью', 'глупый', 'глупо' (*xol* 'слабоумный', *xoli* 'безрассудство', 'нелепость'), *šolmešoli* 'вялый', 'хилый', 'слабый', 'вяло', 'слабо' (*šol* 'слабый', 'вялый', *šoli* 'вялость', 'слабость'). Сложные слова, образованные интерфиксами первого типа, представляют собой соединение существительных, прилагательных, основ прошедшего и настоящего времени глаголов. Как видно из примеров, часто объединяются одинаковые основы.

Интерфиксы второго типа включают элементы союзного, предложного и изафетного происхождения: *-o-*, *-vo-*, *-be-*, *-dar-*, *-andar-*, *-tā-*, *-bar-*, *-tu-*, *-e-*. Образуемые ими сложные слова могут иметь сочинительные и подчинительные отношения между компонентами.

Интерфиксы *-o-*, *-vo-* образуют копулятивы: *paštonax* 'полушерстяная ткань' (*pašm* 'шерсть' + *o* 'и' + *nax* 'хлопчатобумажная ткань'), *raftoamad* 'движение' (букв. *raft* 'пошел' + *o* 'и' + *amad* 'пришел'), *amadošod* 'движение' (*amad* 'пришел' + *o* 'и' + *šod* 'ушел'), *āborang* 'акварель' (*āb* 'вода' + *o* 'и' + *rang* 'краска'), *šostevorofte* 'чистый', 'промытый' (*šoste* — причастие прош. вр. гл. *šostan* 'мыть' + *vo* 'и' + *rofte* — причастие прош. вр. гл. *roftan* 'мести') и т.д.³

³ Разграничение копулятивных сложных слов с интерфиксами *-o/-vo-* и копулятивных фразеологизмов с сочинительными союзами *-o/-vo-* вызывает большие трудности в связи с близостью их семантики и структуры. Поэтому была сделана попытка установить границы между этими единицами языка, см. [Рубинчик 1981, с. 75–91].

Другие интерфиксы образуют сложные слова, структура которых напоминает подчинительные отношения между членами предложения. Большое распространение получили композиты с повторяющимися лексическими основами, связанными между собой интерфиксами предложного происхождения: دیواربیدیوار *divārbedivār* ‘соседний’, ‘ближайший’ (دیوار *divār* ‘стена’), پی در پی *peydarpey* ‘беспрерывно’ (پی *pey* ‘ступня’, ‘след’), دربدر *darbedar* ‘бездомный’, ‘бродячий’ (در *dar* ‘дверь’), خرتوخر *xartuxar* ‘беспорядок’, ‘неразбериха’ (خر *xar* ‘осел’, تو *tu* ‘в’). Такие повторы с интерфиксами нами рассматриваются среди слов, образованных путем лексикализации словосочетаний.

В зависимости от смысловых отношений между компонентами сложные имена подразделяются на два вида: 1) сложные имена сочинительного типа, в которых оба элемента выступают как семантически равноправные; 2) сложные имена детерминативного типа, в которых один элемент зависит по смыслу от другого: определяет, поясняет или дополняет его.

4.1. Сложные имена сочинительного типа (копулятивы)

По характеру отношений компонентов копулятивы напоминают сочинительные сочетания слов, редупликации и синонимические словесные ряды. Их компоненты выступают как семантически равноправные элементы.

В ряде случаев допускается замена одного интерфикса на другой (گفتگو *goftogu* = *goftegu* ‘разговор’, جستجو *jostoju* = *josteju* ‘поиск’, دورادور *dowrādowr* = *dowrtādowr* ‘вокруг’ — دور *dowr* ‘круг’) или вообще пропуск интерфикса (کتوشلوار *kotošalvār* = کتشلوار *kotšalvār* ‘костюм’ — کت *kot* ‘пиджак’, شلوار *šalvār* ‘брюки’, تاریکروشن *tārikorowšan* = تاریکروشن *tārikrowšan* ‘сумерки’, ‘полумрак’ — تاریک *tārik* ‘темный’, روشن *rowšan* ‘светлый’).

В копулятивах возможно соединение существительных без интерфикса: گن آفتابه لگن *āfiābelagan* ‘кувшин и таз (для мытья рук до и после еды)’. К копулятивным сложным словам относятся редупликации различных имен и причастий прошедшего времени глаголов — объединение одинаковых лексических основ путем соположения: راه راه *rāhrāh* ‘полосатый’ (راه *rāh* ‘полоса’), خانه خانه *xānexāne* ‘клетчатый’ (خانه *xāne* ‘клетка’, ‘квадрат’), سوراخ سوراخ *surāxsurāx* ‘дырявый’ (سوراخ *surāx* ‘дыра’), رفته رفته *rafteraŋte* ‘постепенно’ (رفته *rafte* — причастие прош. вр. گل رفتن *raftan* ‘идти’, ‘уходить’), جسته جسته *jastejaste* ‘мало-помалу’, ‘постепенно’ (جسته *jaste* — причастие прош. вр. گل جستن *jastan* ‘прыгать’).

К числу копулятивов, видимо, следует отнести аллитерирующие или рифмующиеся сочетания, характерные для разговорного языка. Они образуются либо соединением самостоятельного слова с элементом, не имеющим лексического значения и являющимся его рифмующимся повтором (ساخت ویاخت *sāxtopāxt* ‘сговор’ — ساخت *sāxt* ‘сговор’; شیک وپیک *šikopik* ‘роскошный’ — شیک *šik* ‘шикарный’; پاره پاره *pārepure* ‘рваный’ — پاره *pāre* ‘разорванный’; خرج وبرج *xarjobarj* ‘расходы’ — خرج *xarj* ‘расход’), либо соединением двух рифмующихся элементов, не

имеющих в отдельности лексического значения (خرت وپرت *xertopert* ‘хлам’, ‘барахло’, هرج ومرج *harjomarj* ‘беспорядок’, ‘анархия’).

4.2. Сложные имена детерминативного типа

По характеру отношений своих компонентов детерминативы напоминают подчинительные словосочетания с главным и распространяющим членом. В такого рода сложных словах один из компонентов является детерминатором (уточнителем) другого компонента, а сами они напоминают атрибутивные словосочетания с перемысленными компонентами.

В отличие от соответствующих словосочетаний в составе сложного слова детерминатор часто находится на первом месте. Детерминативы могут образовываться из сочетания:

1) существительного с существительным: سال جشن *sāljašn* ‘годовщина’ (سال *sāl* ‘год’ и جشن *jašn* ‘праздник’), سالنامه *sālnāme* ‘календарь’, ‘альманах’ (نامه *nāme* ‘письмо’, ‘сочинение’), گلبرگ *golbarg* ‘лепесток’ (گل *gol* ‘цветок’ и برگ *barg* ‘лист’), کتابخانه *ketābxāne* ‘библиотека’ (کتاب *ketāb* ‘книга’ и خانه *xāne* ‘дом’), چاپخانه *čāpxāne* ‘типография’ (چاپ *čāp* ‘печатание’, ‘издание’), خردل *xardel* ‘трусливый’ (خر *har* ‘осел’ и دل *del* ‘сердце’, ‘душа’);

2) прилагательного с существительным: کورفهم *kurfahm* ‘несообразительный’, ‘бестолковый’ (کور *kur* ‘слепой’ и فهم *fahm* ‘разумение’, ‘понимание’), چابک دست *čābokdast* ‘проворный’, ‘ловкий’ (چابک *čābok* ‘ловкий’, ‘быстрый’ и دست *dast* ‘рука’), گرمخانه *garmxāne* ‘оранжерея’, ‘теплица’ (گرم *garm* ‘теплый’ и خانه *xāne* ‘дом’), خردمه مالک *xordemālek* ‘мелкий собственник’, ‘мелкий землевладелец’ (خردمه *xorde* ‘мелкий’ и مالک *mālek* ‘собственник’, ‘помещик’); прилагательное может находиться в постпозиции к существительному: قد کوتاه *qaddkutāh* ‘низкого роста’, ‘невысокий’ (قد *qadd* ‘рост’ и کوتاه *kutāh* ‘низкий’), دستکچ *dastkaj* ‘нечистый на руку’, ‘вороватый’ (دست *dast* ‘рука’ и کچ *kaj* ‘хривой’), دست و دل پاک *dastodelpāk* ‘честный’, ‘чистый’ (دل *del* ‘сердце’ и پاک *pāk* ‘чистый’), ساقه کوتاه *sāqekutāh* ‘с коротким стеблем’ (ساقه *sāqe* ‘стебель’ и کوتاه *kutāh* ‘короткий’). Детерминативы, построенные по модели «существительное + прилагательное», обычно не имеют даже факультативного изафета между компонентами и выступают как прилагательные. В этом состоит их главное отличие от лексикализованных изафетных словосочетаний (см. ниже).

В некоторых детерминативных сложных словах допустима обратимость компонентов. Например, سفیدریش *sefidriš* ‘старейшина’, ‘старик’ (سفید *sefid* ‘белый’ и ریش *riš* ‘борода’), تنگدل *tangdel* ‘печальный’, ‘грустный’ (تنگ *tang* ‘узкий’ и دل *del* ‘сердце’, ‘душа’), دست گشاده *gošādedast* ‘щедрый’, ‘великодушный’ (گشاده *gošāde* ‘широкий’, ‘открытый’ и دست *dast* ‘рука’) допускают перестановку своих компонентов с сохранением прежнего значения — ریش سفید *rišsefid*, دل تنگ *deltang*, دست گشاده *dastgošāde*. При этом, несмотря на то что в последних примерах на первом месте оказывается имя существительное, а на втором — имя прилагательное,

между ними не появляется изафетный показатель. Этим они отличаются от лексикализованных изафетных словосочетаний, рассматриваемых ниже.

Выше были рассмотрены главные модели копулятивных и детерминативных сложных слов. В языке этих моделей существует намного больше, и все они должны изучаться в системе персидского словообразования. Рассмотренные же в «Грамматике» модели должны служить более глубокому пониманию лексико-грамматической структуры именных частей речи.

5. Лексикализация словосочетаний

Под лексикализацией словосочетаний здесь понимается не образование из синтаксического словосочетания фразеологического, а превращение сочетания лексических основ в самостоятельное сложное слово. При лексикализации свободные и устойчивые словосочетания превращаются в сложные слова, характеризующиеся тесной фонетической и лексико-семантической спаянностью своих компонентов. Иногда лексикализации подвергаются отдельные предложения.

Многие сложные слова, образовавшиеся в результате лексикализации словосочетаний, представляют собой идиоматические сочетания компонентов, в которых один или все компоненты подверглись семантическому переосмыслению. С просодической точки зрения сложные слова — лексикализованные словосочетания характеризуются наличием в их составе не менее двух слогов и чередованием фонетически слабо выделенных слогов с сильно ударенным последним слогом («цементирующее» ударение).

5.1. Сложные слова образуются в результате утраты изафетного показателя в атрибутивном словосочетании. В роли первого компонента таких сложных слов всегда выступает существительное, в роли второго компонента — существительное или прилагательное: راه آهن *rāh(e)āhan* ‘железная дорога’ (راه *rāh* ‘дорога’, آهن *āhan* ‘железо’), آبجو *āb(e)jow* ‘пиво’ (آب *āb* ‘вода’, جو *jow* ‘ячмень’), رئیس جمهور *ra’is(e)jomhur* ‘президент’ (رئیس *ra’is* ‘начальник’, جمهور *jomhur* ‘республика’), آبرو *āb(e)ru* ‘честь’, ‘достоинство’ (آب *āb* ‘блеск’, رو *ru* ‘лицо’), راه آب *rāh(e)āb* ‘водосток’, ‘сырьевые материалы’ (مرغابی *morq(e)ābi* ‘утка’ (مرغ *morq* ‘курица’, آبی *ābi* ‘водяной’), سيب زمینی *sib(e)zamini* ‘картошка’ (سیب *sib* ‘яблоко’, زمینی *zamini* ‘земляной’). В потоке речи в отмеченных выше сложных словах может восстанавливаться изафет, и тогда они превращаются в изафетные словосочетания, сохраняя то же значение.

В отличие от такого рода слов, рассмотренные выше детерминативные сложные слова (модель «существительное + прилагательное»), во-первых, никогда не могут иметь изафетного показателя между компонентами и, во-вторых, полностью отличаются по значению от соответствующих им изафетных словосочетаний: سرجاماناماز *jānamāz* ‘коврик для намаза’ и جای نماز *jā-ye namāz* ‘место для намаза’, گردن کلفت *gardankoloft* ‘грубиян’, ‘хулиган’, ‘бесстыжий’, ‘грубый’ и گردن کلفت *gardan-e koloft* ‘толстая шея’.

5.2. Сложные слова, образованные на основе словосочетаний с примыкающей связью. К ним относятся два вида сочетаний.

1. Сочетания указательных местоимений *این in* 'этот', *آن ān* 'тот', *همین hamin* 'этот самый', *همان hamān* 'тот самый', вопросительного местоимения *چه ċe?* 'какой?', определительных местоимений *هر har* 'каждый', 'всякий', *همه hame* 'весь', 'все', 'каждый' с существительными *طور towr* 'способ', 'образ', *گاه gāh* 'время', *گونه gune* 'образ', 'способ', 'вид', 'род', *قدر qadr* 'количество', 'размер', 'величина'. Образуя одно слово, эти компоненты объединяются главным ударением, падающим на последний слог лексической основы. Они обладают адвербиальным либо адъективным значением или тем и другим значением одновременно: *أنطور āntowr* 'так', 'таким образом', *همینطور hamintowr* 'точно так же', 'таким же образом', *چطور ċetowr* 'каким образом?', 'как?', 'какой?', 'какого рода?', *آنگاه āngāh* 'тогда', 'в то время', 'затем', 'потом', *همه گونه hamegune* 'всякого вида', 'разнообразный', 'по-всякому', 'по-разному' и т.д.

2. Сочетания числительных с именами существительными. Кроме семантической цельности они имеют главное ударение на последнем слоге последнего компонента, что отличает их от соответствующих словосочетаний. Ср. следующие пары:

<i>سه گوشه segoše</i> 'треугольник'	и	<i>سه گوشه se guše</i> 'три угла',
<i>چهارراه ċahārrāh</i> 'перекресток'	и	<i>چهار راه ċahār rāh</i> 'четыре дороги',
<i>چارپا ċārpā</i> 'животное'	и	<i>چار پا ċār pā</i> 'четыре ноги',
<i>هزارپا hezārpā</i> 'сороконожка'	и	<i>هزار پا hezār pā</i> 'тысяча ног',
<i>چلچراغ ċelċerāq</i> 'люстра'	и	<i>چل چراغ ċel ċerāq</i> 'сорок ламп',
<i>دورو doru</i> 'двуличный'	и	<i>دو رو do ru</i> 'два лица'.

К сложным словам, а не к фразеологизмам относятся многочисленные сочетания числительного *یک yek* 'один' с именами существительными. Помимо единого ударения они получают новое лексическое и иное категориальное значение, выступая как прилагательные и наречия: *یکدانه yekdāne* 'один', 'единственный', 'дорогой', 'любимый', *یکدل yekdel* 'единодушный', 'единогласный', 'искренний', 'прямой', 'единодушно', 'единогласно', *یکرنگ yekrang* 'одноцветный', 'искренний', 'откровенный', *یک زبان yekzabān* 'единодушный', 'единогласный', 'единодушно' и т.д.

5.3. Сложные слова, образованные на основе предложных словосочетаний существительных: *پابرجا pābarjā* 'устойчивый' (*پا pā* 'нога' + *بر bar* 'на' + *جا jā* 'место'), *پادارخوا pādarhavā* 'неустойчивый', 'неосновательный' (*پا pā* 'нога' + *در dar* 'в' + *هوا havā* 'воздух'), *خانه بدوش xānebeduš* 'скиталец', 'бродяга', 'бездомный', 'бродячий' (*خانه xāne* 'дом' + *به be* 'на' + *دوش duš* 'плечо'), *حلقه به گوش halqebeguš* 'рабски покорный', 'раб', 'невольник' (*حلقه halqe* 'кольцо' + *به be* 'в' + *گوش guš* 'ухо'), *دست آندرکار dastāndarkār* 'знающий', 'разбирающийся', 'компетентный', 'знаток', 'специалист' (*دست dast* 'рука' + *آندر andar* 'в' + *کار kār* 'дело', 'работа'), *خردارچمن xardarċaman* 'неприятный', 'противный (о голосе, пении)', 'беспорядок', 'суматоха' (*خرī xar* 'осел' + *در dar* 'в' + *چمن ċaman* 'луг'), *دست بدهن dastbedahan* 'довольствующийся малым', 'бедный', 'неимущий' (*دست dast* 'рука' + *به be* 'в' + *دهن dahan* 'рот') и т.д. Многие из этих слов принадлежат разговорному языку.

5.4. Сложные слова по характеру отношений компонентов внешне идентичны предикативным словосочетаниям, односоставным и двусоставным предложениям. Происходит как бы сращение группы слов в одну лексическую единицу. Отсюда

и возникло название таких сложных слов — сращения. Наиболее часто последний компонент сращений представлен застывшей формой повелительного наклонения в ед. числе: *هیچ میدان* *hičmadān* ‘невежда’ (букв. ‘ничего-не-знай’), *راحت باش* *rāhatbāš* ‘отдых’, ‘перерыв’, ‘передышка’ (букв. ‘спокоен-будь’), *باش آماده* *āmādebāš* ‘состояние боевой готовности’ (букв. ‘готовым-будь’), *آتش بس* *ātešbas* ‘перемирие’ (букв. ‘огонь-прекрати’), *مرا فراموش مکن* *marāfarāmušmakon* и *مکن فراموشم* *farāmušammakon* ‘незабудка’ (букв. ‘не-забывай-меня’), *بگو مگو* *begumagu* ‘споры’, ‘разногласия’ (букв. ‘говори-не-говори’).

Иногда сложные слова этого типа имеют между компонентами интерфикс *-o-*, напоминая сложные слова копулятивного типа: *کجدار و مریز* *kajdāromariz* ‘лавирование’ (букв. ‘держи-криво-и-не-лей’), *بزن و بکوب* *bezanobekub* ‘драка’ (букв. ‘бей-и-ударь’), *بخور و نمیر* *bexor-o-namir* ‘ничтожный’, ‘скудный’ (о еде; букв. ‘ешь-и-неумирай’), *بریز و پاش* *berizobepāš* ‘мотовство’, ‘расточительство’ (букв. ‘лей-и-рассыпай’).

5.5. Сложные слова — причастия прошедшего времени, образованные от устойчивых и свободных глагольных словосочетаний. В результате возникают два вида сложных слов.

1. Сложные слова, образованные на основе бинарных устойчивых глагольных словосочетаний — сложных глаголов: *شکست خورده* *šekastxorde* ‘потерпевший поражение’, ‘разбитый’, ‘побежденный’ (< СГ *شکست خوردن* *šekast xordan* ‘терпеть поражение’, ‘терпеть неудачу’, ‘проваливаться (на экзамене)’), *تعلیم دیده* *ta’limdide* ‘обученный’ (< СГ *تعلیم دیدن* *ta’lim didan* ‘учиться’, ‘обучаться’, ‘быть дрессированным’, ‘дрессироваться’), *تقدیم شده* *taqdimšode* ‘преподнесенный’ (< СГ *تقدیم شدن* *taqdim šodan* ‘преподноситься’, ‘вручаться’, ‘быть подаренным’, ‘подноситься’), *آبدیده* *ābdide* ‘подмоченный’, ‘намокший’, ‘закаленный’, ‘испытанный’ (< СГ *آب دیدن* *āb didan* ‘размокать’, ‘отсыревать’, ‘получать пятна, следы от воды’), *از خود گذشته* *azxodgozašte* ‘самоотверженный’ (< СГ *از خود گذشتن* *az xod gozaštan* ‘жертвовать собой’), *از قلم افتاده* *azqalamoftāde* ‘пропущенный (на письме)’ (< СГ *از قلم افتادن* *az qalam oftādan* ‘быть пропущенным’) и т.д. В отличие от соответствующих причастий прошедшего времени (в них главное ударение падает на именную часть сложного глагола) в образовавшихся сложных словах ударение переносится на последний слог причастной формы.

2. Сложные слова, не соотносимые с глагольными фразеологизмами, а образовавшиеся на основе свободных словосочетаний и даже предложений. Некоторые из этих рода образований только внешне напоминают причастия прошедшего времени от сложных глаголов. В действительности же они образовались по определенной структурной модели, минуя стадию сложных глаголов, и поэтому не находят соответствий среди последних, например: *زلزله زده* *zelzelézade* ‘пострадавший от землетрясения’ (*زلزله* *zelzele* ‘землетрясение’ + *زده* *zade* — причастие прош. вр. гл. *زدن* *zadan* ‘бить’, ‘ударять’), *وحشت زده* *vahšatzade* ‘испуганный’, ‘запуганный’, ‘испуганно’, ‘запуганно’ (*وحشت* *vahšat* ‘ужас’, ‘страх’ + причастие прош. вр. *زده* *zade*), *هجران زده* *hejranzade* ‘находящийся в разлуке’, ‘разлученный’ (*هجران* *hejran* ‘разлука’, ‘расставание’ + причастие прош. вр. *زده* *zade*).

Л.С.Пейсиков отмечает, что сложнопричастная форма *مادر مرده* *mādamorde* ‘сирота’, ‘потерявший мать’ представляет собой трансформу коррелирующего

предложения *است مرده ای که مادرش بچه ای bačče-i-ke mādar-aš morde ast* ‘ребенок, у которого умерла мать’ [Пейсиков 1973, с. 53].

Примером образования сложного слова с конечной причастной формой на основе свободного словосочетания может служить лексикализованное образование تازه بدوران رسیده *tāzebedowrānraside* ‘высочка’ (букв. ‘недавно-эпохи-достигший’).

6. Транспозиция (безаффиксное словообразование)

Транспозиция — это такой способ словообразования, при котором происходит образование новых слов от аналогичных основ без помощи аффиксов и полуаффиксов. Первичная основа, относящаяся к одной части речи, в результате приобретения «чужой» парадигмы и новых грамматических свойств становится представителем другой части речи.

Безаффиксный способ словообразования охватывает несколько моделей, причем в отдельных случаях частная модель словообразовательной транспозиции может становиться основным и почти единственным способом пополнения определенной категории слов в персидском языке. Так, по частной модели транспозиции «имя → предлог» образовано и продолжает образовываться большое количество вторичных предлогов, называемых также отыменными или изафетными предлогами и получивших широкое распространение в персидском языке. При образовании отыменных предлогов имя (существительное, прилагательное) утрачивает свое основное, вещественное значение и получает новое, служебно-релятивное значение. Отыменные предлоги по сравнению с первичными обладают более конкретным значением и служат для выражения пространственных, временных, причинных и других отношений. Например, слова *زیر zir* ‘низ’, *بالا bālā* ‘верх’, *نزدیک nazdik* ‘близкий’, *رو ru* ‘лицо’, *پهلوی pahlu* ‘бок’, превращаясь в изафетные предлоги по данной транспозиционной модели, приобретают следующие значения: ... *زیر زیر-zir-e* ‘под’, ... *بالای bālā-ye* ‘над’, ‘на’, ... *نزدیک نزدیک-nazdik-e* ‘около’, ‘подле’, ‘у’, ... *روی ru-ye* ‘на’, ... *پهلوی pahlu-ye* ‘у’, ‘возле’, ‘рядом с’.

Из ряда моделей безаффиксного словообразования остановимся на двух частных транспозиционных моделях — «*прилагательное → существительное*» и «*глагол → существительное*», по которым образовано большое количество слов, выступающих как имена существительные.

6.1. При реализации модели «*прилагательное → существительное*» происходит субстантивация имен прилагательных. Наиболее часто это явление — результат эллипсиса определяемого компонента в атрибутивном словосочетании. В этом случае прилагательное берет на себя функцию всего словосочетания, приобретает новое лексико-грамматическое значение и превращается в существительное: *بارانی bārāni* ‘плащ’ (из *بارانی bārāni* ‘дождевой’), *پوستین پوستین-pustin* ‘шуба’, ‘тулуп’, ‘дубленка’ (из *پوستین پوستین-pustin* ‘ меховой’), *چینی چینی-čini* ‘фарфор’ (из *چینی چینی-čini* ‘китайский’),

شکاری *šekāri* ‘истребитель’ (из شکاری *šekāri* ‘охотничий’, ‘истребительный’), زره پوش *zerehpūš* ‘броневик’, ‘броневантомобиль’ (из زره پوش *zerehpūš* ‘покрытый броней’, ‘бронированный’), تبریزی *tabrizi* ‘пирамидальный тополь’ (из تبریزی *tabrizi* ‘табризский’) и т.д.

Употребляясь без определяемых компонентов جامه *jāme*, لباس *lebās* ‘одежда’ (پالتوی پوستین *pālto-ye pūstin* ‘дождевая одежда’), پالتو *pālto* ‘пальто’ (پالتوی پستین *pālto-ye pūstin* ‘меховое пальто’), کشتی *kašti* ‘корабль’ (کشتی زیردریایی *kašti-ye zirdaryāyi* ‘подводный корабль’), ظروف *zoruf*, ظروف چینی *zoruf-e čini* ‘китайская посуда’), هواپیما *havāpeymā* ‘самолет’ (هواپیمای شکاری *havāpeymā-ye šekāri* ‘самолет-истребитель’), اتومبیل *otomobil* ‘автомобиль’ (اتومبیل زره پوش *otomobil-e zerehpūš* ‘бронированный автомобиль’), درخت *deraxt* ‘дерево’ (درخت تبریزی *deraxt-e tabrizi* ‘табризское дерево’), эти слова приобрели новое, самостоятельное значение и свидетельствуют о превращении словосочетаний (в результате эллипсиса определяемого) в однословные термины. Однако далеко не всегда при синхроническом анализе можно указать, на основе каких конкретно атрибутивных словосочетаний произошла субстантивация того или иного прилагательного.

Вместе с тем в современном персидском языке имеются такие составные термины (обычно бинарные), один из компонентов которых может быть опущен. Оставшийся компонент, употребляясь самостоятельно, выступает в том же значении, каким обладает все словосочетание. Таким образом, сосуществуют синонимичные пары, например: عمل پیوند *amal-e peyvand* и پیوند *peyvand* ‘трансплантация’, چتر نجات *čatr-e nejāt* и چتر *čatr* ‘парашют’, هواپیمای جت *havāpeymā-ye jet* и جت *jet* ‘реактивный самолет’.

6.2. Модель «глагол → существительное» является весьма продуктивной. По этой модели образуются отглагольные имена от основ настоящего и прошедшего времени простых, префиксальных и сложных глаголов. При реализации этой модели обе основы утрачивают парадигматические свойства глагольной системы и включаются в парадигму имени существительного.

Наибольшее количество отглагольных существительных образуется от основ прошедшего времени:

простых глаголов: خواست *xāst* ‘требование’ (от خواستن *xāstan* ‘хотеть’, ‘требовать’), خرید *xarid* ‘покупка’ (от خریدن *xaridan* ‘покупать’), گذشت *gozašt* ‘уступка’ (от گذاشتن *gozaštan* ‘уступать’), سوخت *suxt* ‘горючее’, ‘топливо’, ‘сгорание’ (от سوختن *suxtan* ‘гореть’, ‘сгорать’), شکست *šekast* ‘поражение’ (от شکستن *šekastan* ‘ломаться’, ‘разбиваться’), شناخت *šenāxt* ‘познание’, ‘опознание’, ‘признание’ (от شناختن *šenāxtan* ‘знать’, ‘опознавать’, ‘признавать’);

префиксальных глаголов: درآمد *darāmad* ‘доход’ (от درآمدن *dar-āmadan* ‘выходить’, ‘получаться’), درخواست *darxāst* ‘требование’ (от درخواستن *dar-xāstan* ‘требовать’), دریافت *daryāft* ‘получение’ (от دریافتن *dar-yāftan* ‘требовать’), درگذشت *dargozašt* ‘смерть’, ‘кончина’ (от درگذشتن *dar-gozaštan* ‘умереть’, ‘скончаться’), ورشکست *varšekast* ‘банкротство’ (от ورشکستن *var-šekastan* ‘обанкротиться’);

сложных глаголов: عملکرد *amalkard* ‘операция’ (от کردن عمل *amal kardan* ‘действовать’, ‘функционировать’), قرارداد *qarārdād* ‘договор’ (от قرار دادن *qarār dādan* ‘заключать договор’, ‘договариваться’), پیشپرداخت *pišpardāxt* ‘аванс’ (от

پیش پرداختن *piš pardāxtan* ‘платить вперед’), رویداد *ruydād* ‘событие’ (от روی دادن *ruy dādan* ‘происходить’).

Количество слов, образованных от основ настоящего времени глаголов, сравнительно невелико, например: فروش *foruš* ‘продажа’ (от فروختن *foruxtan* ‘продавать’), افت *oft* ‘утруска’, ‘падение’ (от افتادن *oftādan* ‘падать’), سوز *suz* ‘жжение’ (от سوختن *suxtan* ‘гореть’, ‘сгорать’), گذر *gozar* ‘проход’ (от گذشتن *gozaštan* ‘проходить’), ایست *ist* ‘остановка’ (от ایستادن *istādan* ‘стоять’, ‘останавливаться’), وایند *vāband* ‘стык’, ‘место соединения’ (от وابستن *vā-bastan* ‘связывать’, ‘соединять’), وخواه *vāxāh* ‘истец’ (от وخواستن *vā-xāstan* ‘опротестовывать’), واریز *vāriz* ‘упорядочение’, ‘приведение в порядок’ (от واریختن *vā-rixtan* ‘упорядочивать’, ‘приводить в порядок’).

Глава пятая

МЕСТОИМЕНИЕ

К местоимениям относится сравнительно ограниченная группа слов, выполняющих указательную функцию или ее разновидность — заместительную функцию. В отличие от слов-названий местоимения не называют лиц, предметы и их признаки, а только указывают на них, часто выступая в роли заместителей слов, их называющих. Особенностью местоимений как особого разряда словарного состава является то, что они представляют собой замкнутые, непополняющиеся ряды слов.

В общем языкознании нет единого подхода к характеристике местоимений. Существует несколько классификаций этого лексического разряда, но наиболее распространенная основывается на двух принципах: 1) классификация по соотносительности с частями речи и 2) классификация по семантическим признакам.

При описании языков различного строя применяются обе, причем в языках с синтетическим строем чаще используется классификация по признаку принадлежности к именным частям речи. Это, видимо, объясняется тем, что в таких языках более ярко выражены морфологические категории именных частей речи благодаря использованию флективных показателей.

Для персидского языка, обладающего ярко выраженными аналитическими чертами, на наш взгляд, более подходит классификация по семантическим признакам, позволяющая не только объединить местоимения в один лексико-грамматический класс на основании характерных для них общих действительных свойств, но и произвести последующее деление их на личные (من *man* 'я', تو *to* 'ты', او *u* 'он' и т.д.), слитные (م *-am* 'мой', مان *-emān* 'наш', ت *-at* 'твой' и т.д.), указательные (این *in* 'этот', آن *ān* 'тот' и т.д.), вопросительные (کِه؟ *ke?* 'кто?', چه؟ *če?* 'что?', 'что за?', 'какой?', کدام؟ *kodām?* 'какой?', 'который?' и т.д.), определительные (هر *har* 'каждый', 'всякий', همه *hame* 'весь', 'все', کلیه *kolliyye* 'все', 'весь' и т.д.), определительно-возвратные (خود *xod* 'сам', 'свой', خویش *xiš* и خویشان *xištan* 'сам'), неопределенные (بعضی *bā'zi*, برخی *bārxi* 'некоторые', فلان *folān* 'некто', 'некий', 'такой-то' и т.д.), отрицательные (هیچ *hič* 'никакой', 'ничто', هیچکس *hičkas* 'никто' и т.д.), взаимные (هم *ham*, همدیگر *hamdigar*, یکدیگر *yekdigar* 'друг друга').

Как показывает приведенная классификация, в персидском языке отсутствуют притяжательные и относительные местоимения. Способы выражения принадлежности с помощью личных и слитных местоимений рассматриваются ниже, при характеристике этих разновидностей. Отсутствие относительных местоимений, служащих для присоединения придаточных определительных к главным предложениям,

в персидском языке восполняется наличием группы местоименных подчинительных слов, которые вместе с подчинительным союзом *که* *ke* вводят эти придаточные предложения. Характеристика местоименных подчинительных слов дается в синтаксической части «Грамматики», при рассмотрении средств связи сложноподчиненных предложений с придаточными определительными.

Поскольку местоимения выступают в качестве слов-заместителей, не выражающих конкретные значения, а лишь указывающих на лиц, предметы и явления, семантика их является весьма отвлеченной. Например, значения, выражаемые личными местоимениями, соответствуют значениям, передаваемым личными окончаниями глаголов. В персидском языке в отличие от русского значение лица выражается не только в настоящем и будущем, но также и в прошедшем времени: *من گفتم* *man goftam* 'я сказал', *ما گفتیم* *mā goftim* 'мы сказали', *او گفت* *u goft* 'он сказал', *آنها گفتند* *ānhā goftand* 'они сказали'. Видимо, четким выражением лица флективными формами персидского глагола можно объяснить более частый, чем в русском языке, пропуск подлежащего (которое следовало бы выразить личным местоимением).

Основанием для объединения местоимений в одну часть речи служат их общие семантические признаки, главный из которых составляет как бы их категориальное значение — указание. В то же время по своим формальным показателям и функциональным свойствам местоимения сближаются с соответствующими частями речи — существительными, прилагательными, числительными. В некоторых языках морфолого-синтаксические признаки местоимений настолько сближают их с именными частями речи, что местоименные слова получают названия местоимений-существительных, местоимений-прилагательных и т.д. и анализируются вместе с этими частями речи¹.

Таким образом, у местоимений нет общих морфологических признаков, которые были бы характерны только для них и выделяли бы их из других частей речи. Обычно конкретное значение местоимений обнаруживается в контексте.

По своей структуре местоимения являются простыми (*من* *man* 'я', *آنها* *ānhā* 'они') и сложными словами (*هیچ یک* *hičyek* 'никто', *هیچکدام* *hičkodām* 'никто', 'никакой'). При этом границы между сложными словами и словосочетаниями, обладающими местоименными значениями, часто прослеживаются недостаточно четко.

1. Личные местоимения

В составе личных местоимений насчитывается одиннадцать слов, указывающих на говорящего, его собеседника (или собеседников) и на лиц, о которых ведется речь. Наличие в составе личных местоимений не шести (по количеству лиц обоих чисел), а одиннадцати слов объясняется тем, что в 3-м лице ед. и мн. числа употребляются дополнительно другие слова².

¹ Такой подход к анализу местоименных слов можно наблюдать в грамматиках русского языка, см., например, «Граматику современного русского литературного языка» [Грамматика 1970].

² Персидский язык сохранил древнюю систему местоимений, в которой имеются личные местоимения только 1-го и 2-го лица, а для 3-го лица употребляются в основном указательные.

Единственное число

Множественное число

1-е л.	من <i>man</i> 'я'	ما <i>mā</i> 'мы'
2-е л.	تو <i>to</i> 'ты'	شما <i>šomā</i> 'вы'
3-е л.	او <i>u</i> , وی <i>vey</i> ³ 'он', 'она', 'оно'	آنها <i>ānhā</i> , ایشان <i>išān</i> ⁴ , آنان <i>ānān</i> , اینان <i>inān</i> , اینها <i>inhā</i> 'они'

Поскольку в 3-м лице ед. и мн. числа употребляется по нескольку слов, необходимы некоторые пояснения по поводу различий в характере их функционирования.

Местоимения 3-го лица ед. числа او *u*, وی *vey* могут указывать как на лицо, так и на не-лицо (на любое живое существо), но обычно не указывают на неодушевленные предметы и явления. Для указания на них в 3-м лице ед. числа употребляется указательное местоимение آن *ān* 'тот' (в некоторых случаях допустима его замена на другое указательное местоимение — این *in* 'этот').

Местоимение 3-го лица мн. числа آنها *ānhā*, представляющее собой соединение указательного местоимения آن *ān* с универсальным суффиксом мн. числа ها *-hā*, указывает как на одушевленные, так и на неодушевленные предметы. Это наиболее употребительная форма местоимения 3-го лица мн. числа. Несколько реже в этом же значении употребляется местоимения اینها *inhā*. Последнее в разговорном языке может приобретать указательно-обобщающее значение 'это', 'всё это': اینها دروغ است *Inhā doruq ast* 'Всё это ложь'.

Кроме отмеченных местоимений 3-го лица мн. числа в отношении людей употребляются местоимения آنان *ānān* и اینان *inān* 'они'. Образованные от указательных местоимений آن *ān* 'тот', 'та', 'то' и این *in* 'этот', 'эта', 'это' путем присоединения к ним суффикса мн. числа ان *-ān*, они также сохраняют значения соответствующих указательных местоимений 'те' и 'эти', относящихся к лицам: آنان آمده اند *Anān āmade-and* 'Они пришли', ایشان راضی نیستند *Inān rāzi nistand* 'Они недовольны'.

В персидском языке, как уже отмечалось, отсутствуют притяжательные местоимения. В случае необходимости выразить принадлежность одному из трех лиц используются личные местоимения (наряду с энклитическими местоимениями), которые в качестве определения с помощью изафета присоединяются к предшествующему слову: من کتاب من *ketāb-e man* 'моя книга', تو مادر تو *mādar-e to* 'твоя мать', ما خانه ما *xāne-ye mā* 'наш дом', شما دانشیار شما *dānešyār-e šomā* 'ваш преподаватель'. Таким образом личные местоимения выполняют функцию притяжательных.

В речи личные местоимения используются в тех же синтаксических функциях, что и имена существительные. Их можно встретить как в роли подлежащего, так и в роли дополнений: تو دانشجو شده ای *To dānešju šode-i* 'Ты стал студентом'; او با کی صحبت می کند? *U bā ki sohbat mikonad?* 'С кем он говорит?'; از او پرسیدم *Az u porsidam* 'Я у него спросил'; شما را ندیدم *Šomā-rā nadidam* 'Я вас не видел'. Различные синтаксические функции личных местоимений выражаются при помощи

³ Местоимение وی *vey* чаще употребляется в книжной и поэтической речи.

⁴ Местоимение ایشان *išān* употребляется только по отношению к группе людей и как вежливый эквивалент местоимения 3-го лица ед. числа в случаях, когда хотят выразить почтение, уважение к человеку.

предлогов и послелого *را -rā*. Особую форму с послелогом *را -rā* образует личное местоимение 1-го лица ед. числа — вместо **man-rā* употребляют *مرا ma-rā*.

Формы множественного числа персидских местоимений выражаются чисто лексическим способом — путем использования слов, образованных от других основ (супплетивизм основ). Возможно образование вторичного множественного числа от местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа путем прибавления универсальных суффиксов *ها -hā* и *ان -ān*: *ماها māhā*, *مایان māyān* ‘мы все’, *شماها šomāhā*, *شمایان šomāyān* ‘вы все’. Суффиксы мн. числа придают местоимениям 1-го и 2-го лица семантический оттенок обобщения, цельности. Однако в современном языке эти местоимения встречаются главным образом с суффиксом *ها -hā*; с суффиксом *ان -ān* их можно встретить в основном в языке классического периода и поэзии.

Наряду с местоимением 3-го лица мн. числа *آنها ānhā*, как уже было отмечено, несколько реже встречаются местоимения *اینها inhā*, *آنان ānān* и *اینان inān*. Происхождение этих местоимений очевидно: они образованы путем прибавления суффиксов мн. числа к указательным местоимениям и являются новообразованиями.

Местоимение *ایشان išān* ‘они’, употребляемое нередко в качестве вежливой формы по отношению к одному лицу, в новоперсидском языке является также новообразованием. Это местоимение образовано из элемента *iš* (< ир. **aišām* ‘этого’) и элемента *-ān* — суффиксального показателя мн. числа.

Местоимения 3-го лица ед. числа *او u* и *وی veu* ‘он’, ‘она’, ‘оно’ также восходят к древнему указательному местоимению — к форме родительного падежа древнеперсидского указательного местоимения *ava* ‘тот’ — *avahya*. Различие форм *او u* и *وی veu* вызвано наличием у этого падежа двух вариантов с разным ударением.

Местоимения 1-го и 2-го лица происходят от родительного падежа соответствующих древнеиранских местоимений:

1-е лицо ед. числа *من man* ‘я’ < ир. **mana* (др.-перс. *manā* ‘мой’, ‘мне’ — род.-дат. падеж ед. числа);

2-е лицо ед. числа *تو to* ‘ты’ < ир. **tava*;

1-е лицо мн. числа *ما mā* ‘мы’, ср.-перс. *ama(h)* < ир. **ahmākam* или **ahmāxam* (др.-перс. *amāxam* — род.-дат. падеж мн. числа);

2-е лицо мн. числа *شما šomā* ‘вы’, ср.-перс. *ašmā(h)* < ир. **xšmākam*?

В персидском языке получили распространение синонимы личных местоимений, обычно называемые «вежливые эквиваленты». Некоторые из них свойственны главным образом эпистолярному стилю. Употребление вежливых эквивалентов расширяет стилистические возможности языка. Появление их явилось отражением социального неравенства в обществе. В качестве вежливых эквивалентов личных местоимений используются слова и устойчивые словосочетания, имеющие конкретные лексические значения: *بنده bande* ‘я’ (букв. ‘раб’), *چاکر čāker* ‘я’ (букв. ‘слуга’), *حقیر haqir* ‘я’ (букв. ‘ничтожный’), *احقر aḥqar* ‘я’ (букв. ‘ничтожнейший’), *سرکار sarkār* ‘вы’ (букв. ‘господин’), *نامبرده nāmborde* ‘он’ (букв. ‘вышеупомянутый’), *معظم له moazzam[on]lah* ‘он’ (букв. ‘возвеличенный на него’), *معظم لها moazzam[on]lahā* ‘она’ (букв. ‘возвеличенная на нее’). По своему происхождению они являются либо арабскими заимствованиями (последние составляют большинство), либо словами иранского происхождения. Сюда же относятся устойчивые

словосочетания: *این جانب in jāneb* 'я' (букв. 'эта сторона'), *آن جانب ān jāneb* 'вы' (букв. 'та сторона'), *جناب عالی janāb-e āli* 'вы' (букв. 'высокое превосходительство', 'высокий господин'). Все эти слова и словосочетания выступают как синонимы или полные эквиваленты местоимений.

Перечисленные выше слова и словосочетания, хотя и выступают как эквиваленты личных местоимений, относятся к разным стилистическим слоям. Так, местоименное слово *بندہ bande* 'я' равнозначно личному местоимению *من man* 'я' и употребляется в нейтральном и в разговорном стиле. Вежливые эквиваленты личного местоимения 1-го лица ед. числа *چاکر čāker*, *حقیق haqir*, *احقر ahqar* свойственны эпистолярному стилю и имеют уничижительный характер; *این جانب in jāneb* 'я', *آن جانب ān jāneb* 'вы' употребляются в официальной деловой переписке. Социально-стилистическое употребление вежливых эквивалентов детерминируется их семантикой и позволяет выделить две группы: вежливо-уничижительные (1-е лицо ед. числа) и вежливо-почтительные (2-е лицо мн. числа и 3-е лицо ед. числа).

Какие основания имеются для рассмотрения эквивалентов местоимений среди собственно личных местоимений? Прежде всего это характер их употребления в современном персидском языке, свидетельствующий об их местоименном, указательном значении. К.Е.Майтинская в работе «Местоимение в языках разных систем» отмечает, что о наличии в языке местоименно-подобных слов и выражений вежливого и уничижительного значений можно говорить в двух случаях: а) когда им противопоставляются стилистически нейтральные местоимения и б) когда они различаются между собой способностью выражать разные оттенки, см. [Майтинская 1969, с. 160–161]. Эти условия в персидском языке имеются.

На основании сопоставительного изучения личных местоимений и соответствующих им вежливых эквивалентов было установлено, что личные местоимения имеют стилистически нейтральное значение, а их вежливые эквиваленты, как правило, обладают специфическим коннотативным значением, см. [Узина 1976, с. 9–10].

С точки зрения перехода вежливых эквивалентов местоимений в разряд обычных местоимений прономинализации подверглись такие слова и словосочетания, как *بندہ bande* 'я' (букв. 'раб'), *این جانب in jāneb* 'я', *آن جانب ān jāneb* 'вы'. По существу можно говорить о полном превращении их в личные местоимения.

2. Слитные местоимения (местоименные энклитики)

Этот разряд местоимений в отличие от других видов местоимений всегда примыкает к предшествующему слову, не употребляется самостоятельно и не может иметь главного ударения. В грамматической литературе из-за несамостоятельности и отсутствия ударения их называют местоименными энклитиками, энклитическими местоимениями или слитными местоимениями (термин арабской грамматики).

Эти аффиксоподобные элементы по своему значению соответствуют личным местоимениям, но отличаются от них характером употребления и выполняемым

синтаксическим функциям. Они так же четко соотносятся с лицами и имеют формы единственного и множественного числа.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	م - <i>am</i>	مان - <i>emān</i> (مون - <i>emun</i>)
2-е л.	ت - <i>at</i> (- <i>et</i>) ⁵	تان - <i>etān</i> (تون - <i>etun</i>)
3-е л.	ش - <i>aš</i> (- <i>eš</i>)	شان - <i>ešān</i> (شون - <i>ešun</i>)

По своему происхождению они восходят к соответствующим древнеиранским энклитическим местоимениям в родительно-дательном падеже:

- 1-е лицо ед. числа م -*am* < ср.-перс. *am* < ир. **mai* (ср. др.-перс. *mai*);
 2-е лицо ед. числа ت -*at* < ср.-перс. *at* < ир. **tai* (ср. др.-перс. *tai*);
 3-е лицо ед. числа ش -*aš* < ср.-перс. *aš* < ир. **šai* (ср. др.-перс. *šai*).

Множественное число слитных местоимений образовалось в среднеиранский период из перечисленных выше форм единственного числа путем присоединения суффикса мн. числа ان -*ān*.

Выше были показаны местоименные энклитики, следующие после слов, оканчивающихся на согласные звуки. Их графическое обозначение и произношение не вызывают затруднений: كتابم *ketāb-am* 'моя книга', كتابمان *ketāb-emān* 'наша книга' и т.д.

Некоторые особенности имеют произношение и написание местоименных энклитик, следующих после слов, оканчивающихся на гласные звуки. Поэтому рассмотрим эти случаи отдельно.

После устойчивых гласных ا ā, و u, ی i

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	یم - <i>yam</i>	یمان - <i>yemān</i>
2-е л.	یت - <i>yat</i>	یتان - <i>yetān</i>
3-е л.	یش - <i>yaš</i>	یشان - <i>yešān</i>

Между гласными слова и местоименной энклитики появляется эпентеза у.

Звук а ā: پایم *pā-yam* 'моя нога', پایمان *pā-yemān* 'наша нога' и т.д.

Звук u: دانشجویم *dānešju-yam* 'мой студент', دانشجویمان *dānešju-yemān* 'наш студент' и т.д.

После звука і i слитные местоимения имеют двойное произношение и написание: а) صندلیم *sandali-yam* 'мой стул', صندلیمان *sandali-yemān* 'наш стул' и т.д.; б) صندلیام *sandali-am* 'мой стул', صندلیمان *sandali-mān* 'наш стул' и т.д.

После неустойчивого гласного ه e

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ام - <i>am</i>	مان - <i>mān</i>
2-е л.	ات - <i>at</i>	تان - <i>tān</i>
3-е л.	اش - <i>aš</i>	شان - <i>šān</i>

⁵ Поскольку местоименные энклитики получили большое распространение в обиходно-разговорном языке, в круглых скобках приводятся их разговорные формы.

После гласного *e* существует лишь один вариант изменения местоименных энклитик по лицам, поэтому ограничимся только двумя примерами — словами в 1-м лице ед. и мн. числа: خانه ام *xāne-am* ‘мой дом’, خانه مان *xāne-mān* ‘наш дом’ и т.д.; بچه ام *bačče-am* ‘мой ребенок’, بچه مان *bačče-mān* ‘наш ребенок’ и т.д.

Еще бóльшим изменениям подвергаются сочетания слитных местоимений со словами, оканчивающимися на гласные звуки, в разговорном языке.

В обиходно-разговорном языке, а под его влиянием и в литературном персидском языке местоименные энклитики изменяют свое звучание — исчезает начальный гласный и пропадает йотовая эпентеза: آشناتون *āšnā-tun* (лит. آشنايتان *āšnā-yetān*) ‘ваш знакомый’, خونم *xuna-m* (или خونه ام *xune-am*, лит. خانه ام *xāne-am*) ‘мой дом’, پاتون *pā-tun* (или پايتون *pā-yetun*) ‘ваша нога’.

После слов, оканчивающихся на согласный, при присоединении энклитик во мн. числе возможен пропуск гласного *e*: منزلمان *manzel-emān* → разг. منزلمون *manzel-mun* ‘наша квартира’, كتابتان *ketāb-etān* → разг. كتابتون *ketāb-tun* ‘ваша книга’, دخترشان *doxtar-ešān* → разг. دخترشون *doxtar-šun* ‘их дочь’.

В современном персидском языке слитные местоимения чаще всего выполняют атрибутивную функцию, выражая принадлежность: پدرش *pedar-aš* ‘его отец’, منزلمان *manzel-emān* ‘наша квартира’, کتابهایم *ketābhā-yam* ‘мои книги’.

При наличии нескольких определений при одном определяемом слитные местоимения помещаются в конце, после последнего из них: پدر پير و بيمار *pedar-e pir va bimār-aš* ‘его старый, больной отец’, دستهای قشنگ سفيد *dasthā-ye qašang-e sefid-at* ‘твои красивые белые руки’.

Однако в современном персидском языке функции слитных местоимений не ограничиваются выражением принадлежности.

Местоименные энклитики могут выражать в предложении косвенные и прямые объекты, выступая заместителями имен существительных и личных местоимений (чаще всего в обиходно-разговорном языке). Как известно, разговорный язык и фольклор, где слитные местоимения наиболее часто употребляются в функции прямого и косвенного дополнений, оказывают влияние на язык художественной литературы. В связи с этим в язык современных художественных произведений, главным образом в язык персонажей, широко проникают слитные местоимения. В этом случае местоименные энклитики соединяются с предлогами (как с основными, так и с отыменными), присоединяются к глаголам, наречиям, числительным.

При присоединении к собственно и отыменным предлогам, оканчивающимся на гласные звуки, у местоименных энклитик в обиходно-разговорном языке происходят нарушения морфонологических закономерностей, свойственных литературному языку: исчезают йотовые и другие эпентезы на стыках морфем (вместо них иногда возникают новые), пропадают гласные в исходе слов или инициальные гласные энклитических местоимений и т.д.⁶ И эти фонетические изменения, проникающие также в литературный язык, не имеют регулярного характера и вызывают нарушения литературных норм и в произношении, и в орфографии. Так, при сочетании собственно предлогов به *be* ‘в’, ‘к’, با *bā* ‘с’, ‘вместе с’, برای *barāye* ‘для’,

⁶ Все эти фонетические изменения, свойственные обиходно-разговорному языку, обычно рассматриваются при описании грамматических форм разговорного языка.

отыменных предлогов ... روی *ru-ye* 'на', ... جلو *jelow-e* 'перед', 'напротив', ... پهلو *pahlu-ye* 'рядом с', 'около' с местоименными энклитиками происходят следующие изменения: گفته *Be-m gofte* 'Он мне сказал' (بم *be-m* = به من *be man*); نتوانستم باهت صحبت کنم *Natavānestam bā-hat sohbat konam* 'Я не смог с тобой поговорить' (باهت *bā-hat* = تو با *bā to*); براشون خریدم *Barā-šun xaridam* 'Я для них купил' (براشون *barā-šun* = برای آنها *barāye ānhā*); کتاب روشه *Ketāb ru-š-e* 'Книга находится на нем' (روش *ru-š* = رویش *ru-yaš* = او روی *ru-ye u*, آن روی *ru-ye ān*); پهلو *pahlu-t* 'рядом с тобой' (= پهلویت *pahlu-yat* = تو پهلو *pahlu-ye to*), جلوم *jelo-m* 'передо мной' (= جلوی من *jelo-yam* = جلو *jelo-ye man*).

При отсутствии в исходе предлога гласного звука местоименная энклитика примыкает непосредственно к предлогу: ازش پرسیدم *Az-eš porsidam* 'Я у него спросил'.

Выступая в роли заместителей прямого и косвенного дополнений, местоименные энклитики присоединяются непосредственно к различным структурным формам глагола, выступающим в предложении в роли сказуемого. Прежде всего отметим употребление энклитик с простыми глаголами: گفتمت *Goftam-et* 'Я тебе сказал' (= گفتم *Be to goftam*); دیدمش *Didam-eš* 'Я его видел' (= دیدم *U-rā didam*); بگوш بیاد تو *Bogu-š biyād tu* 'Скажи ему, чтобы он вошел' (= بگو بیاید تو *Be u begu biyāyad tu*).

В префиксальных глаголах местоименные энклитики чаще ставятся в конце: بردارش *bar-dār-eš* 'возьми, убери его', 'убери то', но можно встретить случаи, когда энклитика ставится после префикса: بارش دار *bar-eš dār*.

Аналогичная картина наблюдается при сочетании слитных местоимений со сложными глаголами, причем чаще они присоединяются к именной части: دوستش دارم *Dust-eš dāram* 'Я его люблю' (возможно и другое сочетание: دوست دارمش *Dust dāram-eš*); باورشون نمی کنم *Bāvar-ešun nemikonam* 'Я им не верю'.

Местоименные энклитики широко используются в составе многочленных глагольных фразеологизмов и фразеологизмов-предложений и представляют как субъект, так и объект действия.

Поскольку в составе фразеологизмов анализ по членам предложения не производится и разбор их структуры проводится по другим критериям, отметим лишь случаи употребления местоименных энклитик в составе многочленных глагольных фразеологизмов: با دمش گردو می شکست *Bā dom-aš gerdu mišekast* 'Он был вне себя от радости' (букв. 'Своим хвостом он разбивал орехи'); زیر پایم پوست خربزه گذاشت *Zir-e pā-yam pust-e xarboze gozāšt* 'Он мне сильно помешал' (букв. 'Под мои ноги он положил корку дыни').

Во многих фразеологизмах-предложениях местоименные энклитики являются их неотъемлемой частью: پایش روی پوست خربزه است *Pā-yaš ru-ye pust-e xarboze ast* 'Он держится на волоске' (букв. 'Его нога находится на корке дыни'); دود از سرم بلند شد *Dud az sar-am boland šod* 'У меня помутилось в голове' (букв. 'Дым поднялся из моей головы'); گوشش سنگین است *Guš-aš sangin ast* 'Он глуховат' (букв. 'Его уши каменные'); سرش به کلاهش می ارزد *Sar-aš be kolāh-aš miarzd* 'Он порядочный человек' (букв. 'Его голова достойна его головного убора').

В этих предложениях слитные местоимения формально являются определениями, но по смыслу выражают субъекты, а иногда и объекты действия⁷.

В состав значительной части безличных фразеологизмов-предложений в качестве обязательного элемента входят слитные местоимения. Они выступают как показатели субъекта, который является производителем действия либо испытывает какое-либо состояние. В силу обязательного наличия в их составе слитных местоимений они названы субъектными безличными фразеологизмами-предложениями и имеют трехкомпонентную структуру — «имя + слитное местоимение + глагол в 3-м лице ед. числа»: *ننگم می آید Nang-am miāyad* 'Мне стыдно'; *خشمش گرفت Hašm-aš gereft* 'Его охватил гнев'; *خنده ام گرفت Xande-am gereft* 'Мне стало смешно'; *زدم بختمان زد Baxt-emān zad* 'Нам повезло'; *دیرش شد Dir-aš šod* 'Он опоздал'.

Особенностью такого рода безличных предложений является то, что их трехкомпонентная структура не может быть сведена к двухкомпонентной: в их состав всегда входят слитные местоимения. Последние свободно изменяются по лицам, образуя парадигматические ряды таких предложений: *رحم ام آمد Rahm-am āmad* 'Мне стало жаль'; *رحمت ام آمد Rahm-at āmad* 'Тебе стало жаль'; *رحمش ام آمد Rahm-aš āmad* 'Ему стало жаль' и т.д.

К отмеченным выше безличным предложениям примыкают связочные безличные фразеологизмы-предложения, выражающие психофизическое состояние живых существ: *تشنه ام است Tašne-am ast* 'Мне хочется пить'; *گرسنه مان است Gorosne-mān ast* 'Нам голодно'; *سردم است Sard-am ast* 'Мне холодно'; *گرمش است Garm-aš ast* 'Ему жарко'; *سختم است Saxt-am ast* 'Мне трудно'.

Выше было показано многообразное использование местоименных энклитик в составе глагольных фразеологизмов и фразеологизмов-предложений. Весьма многообразны функции и семантика местоименных энклитик в составе предложений нефразеологического характера.

В сочетании с глаголами местоименная энклитика 3-го лица ед. числа в общо-разговорном языке может выражать субъект действия: *اومدش Umad-eš (آمدش Āmad-eš)* 'Он пришел'; *رفتندشان Raftan-ešun (رفتندشان Raftand-ešān)* 'Они ушли'; *کله بزرگی داشتش Kalle-ye bozorg-i dāšt-eš* 'У него была большая голова'.

В разговорной речи местоименные энклитики могут замещать не только отдельные слова, но и словосочетания и даже целые предложения, выражать часть какой-либо совокупности предметов. Например, в предложении: *این لباسها را ببین: سفیدش خیلی قشنگ است In lebāshā-rā bebin: sefid-eš xeyli qašang ast* 'Взгляни на эти платья: белое — очень красивое' местоименная энклитика *ش -eš* указывает на один из объектов кратчайшим способом.

Характер функционирования слитных местоимений в речи, их безударность, приводящая к тому, что они всегда примыкают к предшествующему слову, дают основание считать их не обычными, а несамостоятельными словами, словами-заместителями. Только в сочетании с другими словами (в том числе и служебными) они могут выступать в качестве члена предложения.

На несамостоятельность персидских слитных местоимений обратил внимание Л.С.Пейсиков [Пейсиков 1959, с. 31–34]. Он на конкретных примерах показал,

⁷ Характеристика фразеологизмов-предложений, имеющих в своем составе слитные местоимения, дается в работе «Основы фразеологии персидского языка» [Рубинчик 1981, с. 218–220].

в чем состоит отличие слитных местоимений от других разрядов местоимений, и назвал их словами-заместителями. Л.С.Пейсиков относит их к «особому разряду служебных слов в персидском языке». Признавая справедливыми аргументы Л.С.Пейсикова в пользу исключения слитных местоимений из состава знаменательных слов, считаем необходимым отметить, что в отличие от служебных слов они обладают указательным значением, свойственным личным местоимениям, и способны выполнять функции членов предложения.

3. Указательные местоимения

Местоимения этого типа характеризуются общим указательным значением, включающим семантическое противопоставление «ближний — отдаленный от говорящего (в пространстве или во времени)». В качестве основных слов, выражающих это противопоставление, выступают два простых местоимения: *این in* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’ и *آن ān* ‘тот’, ‘та’, ‘то’. Все указательные местоимения могут употребляться атрибутивно и субстантивно.

Указательные местоимения *این in* (< ср.-перс. *ēn*) и *آن ān* (< ср.-перс. *ān, hān*) в древнеперсидском не зафиксированы.

В собственно указательном значении в качестве определения они ставятся в препозиции к определяемому слову; при этом они не согласуются с ним в числе: *این اشخاص in ašxās* ‘эти люди’, *آن خانه ها ān xānehā* ‘те дома’.

Местоимения *این in* и *آن ān* могут употребляться в качестве личных местоимений 3-го лица, но в этой функции, как уже было отмечено, чаще используются их формы мн. числа. Местоимение *آنها ānhā* ‘они’ является основной формой личного местоимения 3-го лица мн. числа. Формы же ед. числа указательных местоимений, обозначая конкретное лицо или предмет, как и личные местоимения, выступают в роли именных членов предложения — в роли подлежащего и различных дополнений. В этом случае они сочетаются с предлогами и послелогом *را -rā: رفت* *Ān raft* ‘Тот ушел’; *این را ندیدم In-rā nadidam* ‘Этого я не видел’; *از آن بیرون رفتند Az ān birun raftand* ‘Они вышли оттуда’ (букв. ‘Из того вышли’).

При сочетании местоимений *این in* и *آن ān* с предлогом *به be* — *این به be in* ‘в это’, *آن به be ān* ‘в то’ возможно появление эпентезы *d* — *بدین bedin*, *بدآن bedān*, что характерно главным образом для письменного литературного языка.

Помимо первичных указательных местоимений существуют другие формы, образованные путем сочетания этих двух местоимений с префиксальными частицами — *چون čon-/čēn-* (восходит к предлогу классического персидского *چون čūn* ‘как’, ‘подобно’) и *هم ham-* (восходит к усилительной частице *هم ham* ‘также’, ‘тоже’): *چنین čonin/čēnin* ‘такой’, ‘подобный’, *چنان čonān/čēnān* ‘такой’, ‘подобный’, *همین hamin* ‘этот же’, ‘этот самый’, *همان hamān* ‘тот же’, ‘тот самый’.

Местоимения *چنین čēnin* и *چنان čēnān* употребляются для указания на лицо либо предмет, подобный данному или тому, о котором уже говорилось: *چنین کارشناسی* *Čēnin kāršenās-i barāye mā lāzem ast* ‘Такой специалист нам

нужен'; چنان خودنویسی را لازم دارم *Čenān xodnevis-i-rā lāzem dāram* 'Мне нужна такая авторучка'. Между местоимениями چنين *čenin* и چنان *čenān* по существу утрачивается противопоставление по принципу «ближний–дальний», заложенное в первичных местоимениях این *in* и آن *ān*.

В указательных местоимениях همین *hamin* и همان *hamān* такое противопоставление сохраняется, а в значение еще добавляются оттенки уточнения и усиления: همین کتاب روی میز است *Hamin ketāb ru-ye miz ast* 'Эта самая книга — на столе'; در همان روز ما جمع شدیم *Dar hamān ruz mā jam' šodim* 'Именно в тот день мы собрались', 'В тот же день мы собрались'.

Указательные местоимения این *in*, آن *ān* и их производные همین *hamin*, همان *hamān*, вступая в сочетание с именами существительными со значениями количества (قدر *qadr* 'количество', 'размер', 'мера'), способа и образа осуществления действия (طور *towr* 'способ', 'образ', گونه *gune* 'способ', 'образ', 'манера'), места (جا *jā* 'место'), образуют многочисленные сложные слова со значением наречий: اینقدر *inqadr* 'столько', 'настолько', 'в такой мере', آنقدر *ānqadr* 'столько', 'настолько', 'в такой мере', اینطور *intowr* 'так', 'таким образом', 'такой', 'такого рода', اینجا *injā* 'здесь', 'там', آنجا *ānjā* 'там', همینقدر *haminqadr* 'столько', 'настолько', همینطور *hamintowr* 'так же', 'таким же образом', همینجا *haminjā* 'здесь же', 'тут же', همانجا *hamānjā* 'там же', 'в том же месте' и т.д.

В заключение характеристики указательных местоимений необходимо отметить, что первичные указательные местоимения این *in* и آن *ān* вступают в сочетание с производными местоимениями چنين *čenin* и چنان *čenān*, образуя сложные слова с местоименным адвербиально-адъективным значением: اینچنین *inčenin* 'такой', 'подобный', 'так', 'таким образом', آنچنان *ānčenān*, آنچنین *ānčenin* 'такой', 'такого рода', 'подобный', 'так', 'таким образом'.

4. Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения выражают вопрос о лице (که؟ *ke?* 'кто?'), о предмете и его качестве (چه؟ *če?* 'что?', 'что за?', 'какой?'), о количестве предметов или лиц (چند؟ *čand?* 'сколько?'), о месте, занимаемом лицом или предметом среди им подобных (کدام؟ *kodām?* 'какой?', 'который (из двух или нескольких)?').

Местоимения که؟ *ke?* и چه؟ *če?* встречаются также в формах کی؟ *ki?* и چی؟ *či?* (обычно в разговорном языке)⁸. В составе предложения эти местоимения могут выполнять роль именных членов – подлежащего, дополнения, определения: که آمد؟ *Ke āmad?* 'Кто пришел?'; که را دعوت کردید؟ *Ke-rā da'vat kardid?* 'Кого вы пригласили?'; با کی صحبت می‌کنی؟ *Bā ki sohbat mikoni?* 'С кем ты разговариваешь?';

⁸ Вопросительные местоимения که؟ *ke?* и چه؟ *če?*, имеющие самостоятельное ударение и сочетающиеся с предлогами, следует отличать от совпадающих с ними по форме усилительной частицы که *ke* 'ведь', 'же', восклицательной частицы چه *če* и подчинительных союзов که *ke* и چه *če*, которые не несут на себе ударения.

گرفتگی؟ *Daftar-e ki-rā gerefti?* ‘Чью тетрадь (букв. ‘тетрадь кого’) ты взял?’; چه شد؟ *Če šod?* ‘Что случилось?’; او چه خواهد گفت؟ *U če xāhad goft?* ‘Что он скажет?’; از چه خوشحال ای؟ *Az če xošhal-i?* ‘Чему ты рад?’.

Вопросительное местоимение چه؟ *če?* в функции определения находится всегда в препозиции по отношению к определяемому: چه کتابی خریدید؟ *Če ketāb-i xaridid?* ‘Какую книгу вы купили?’; چه اتوبوسی آمدی؟ *Bā če otobus-i āmadi?* ‘Каким автобусом ты приехал?’. Имя существительное, к которому относится это вопросительное местоимение в качестве определения, обычно получает выделительный артикль.

Оба вопросительных местоимения — که؟ *ke?* и چه؟ *če?* — произносятся и пишутся слитно с личными формами глагола-связки: کیستی؟ *Kisti?* ‘Кто ты?’; اینجا کیست؟ *Injā manzel-e kist?* ‘Здесь чья квартира?’; این چیست؟ *In čist?* ‘Что это?’; این صدا چیست؟ *In sadā čist?* ‘Что за шум?’, ‘Из-за чего шум?’. Однако полная форма глагола-связки при сочетании с местоимением که؟ *ke?* (کی؟ *ki?*) часто сохраняется неизменной: تو کی هستی؟ *To ki hasti?* ‘Кто ты есть?’; شما کی هستید؟ *Šomā ki hastid?* ‘Вы кем являетесь?’.

Вопросительные местоимения که؟ *ke?* и چه؟ *če?* различаются не только значением, но и степенью синтаксической самостоятельности: که؟ *ke?* для выражения своего основного значения ‘кто?’ не нуждается в дополнительных словах, چه؟ *če?* часто (особенно в разговорной речи) употребляется в значении ‘что?’ совместно с существительным چیز *čiz* ‘вещь’: چه چیز را دیدی؟ *Če čiz-rā (разг. Či či-ro) didi?* ‘Что ты видел?’; چه چیز است؟ *Če čiz ast?* ‘В чем дело?’, ‘О чем идет речь?’.

Обычно вопросительные местоимения, употребляемые для связи придаточных определительных предложений с главным, выступают в других языках как относительные местоимения. В персидском языке такое использование вопросительных местоимений که؟ *ke?* и چه؟ *če?* невозможно. Таким образом, относительные (союзные) слова в нем отсутствуют, и для связи определительных придаточных предложений используется универсальный подчинительный союз که *ke* в сочетании с местоименными подчинительными словами. В роли местоименных подчинительных слов используются такие конкретные члены определительных придаточных предложений, которые вводят эти придаточные предложения, представляя в них определенное имя. В роли местоименных подчинительных слов используются указательное местоимение آن *ān* ‘тот’, личные местоимения 3-го лица и соответствующие им слитные местоимения, местоименное наречие آنها *ānjā* ‘там’: اختصاصات دیگری در: *Extesāsāt-e digar-i dar Avestā hast ke-bāyad ānhā-rā dar zemn-e tārix-e tatavvor-e še'r biyāvarim* ‘В Авесте имеются другие особенности, которые следует изложить при рассмотрении истории развития поэзии’. В приведенном предложении придаточное определительное подчиняется главному предложению с помощью союза که *ke* и местоимения آنها *ānhā-rā*, выступающего в роли прямого дополнения придаточного предложения и представляющего в нем определяемое слово اختصاصات *extesāsāt* ‘особенности’.

Вопросительное местоимение کدام؟ *kodām?* ‘какой?’, ‘который?’, как и چه؟ *če?*, помещается перед определяемым словом, но в семантическом отношении отличается от последнего тем, что предполагает в ответе указание на один или несколько предметов (на одно лицо или нескольких лиц), которые интересуют спраши-

вающего, тогда как چه *če*? предполагает указание на качество предмета: از این دو نفر کدام گفت? *Az in do nafar kodām goft?* ‘Кто из этих двух человек сказал?’. Реже в современном языке употребляются еще две формы этого местоимения: کدامین? *kodāmin?* и کدامی? *kodāmi?* В разговорном языке کدام? *kodām?* может звучать как *kodum?* и *kudum?* Встречается форма мн. числа этого местоимения: کدامها? *kodāmhā?* (разг. *kodumhā, kodumā, kudumā*): نویسنده چه نوع کلمات و تعبیراتی می تواند استعمال بکند و کدامها را نباید? *Nevisande če now’ kalemāt va ta’birat-i mitavānad este māl bekonad va kodāmhā-rā nabāyad?* ‘Какие слова и выражения может употреблять писатель и какие не должен употреблять?’ (Джамальзадэ. Были и небылицы).

При постановке вопроса по отношению к лицам возможно сочетание местоимения کدام? *kodām?* с числительным یک *yek* и близким к нему по значению неопределенным местоимением یکی *yeki* ‘один’, ‘некто’ — کدام یک? *kodām yek?*, کدام یکی? *kodām yeki?*: کدام یک از آنها? *Kodām yek az ānhā?* ‘Который из них?’.

Для постановки вопроса о количестве людей, предметов используется местоимение چند? *čand?* ‘сколько?’: چند بار آنجا بودید? *Čand bār ānjā budid?* ‘Сколько раз вы там были?’; چند تا بچه دارد? *Čand tā bačče dārad?* ‘Сколько у нее детей?’; تو چند سال داری? *To čand sāl dāri?* ‘Сколько тебе лет?’.

По характеру употребления вопросительное местоимение چند *čand* приближается к числительным. Это выражается в том, что: 1) после него могут употребляться нумеративы (счетные слова): چند نفر دانشجو آمدند? *Čand nafar dānešju āmadand?* ‘Сколько пришло студентов?’; چند تا دفتر خریدید? *Čand tā daftar xaridid?* ‘Сколько тетрадей вы купили?’; 2) к нему могут присоединяться суффиксы *-om*, *-omin*, используемые при образовании порядковых числительных: چندم? *čandom?*, چندمین? *čandomin?* ‘какой?’, ‘который?’. При добавлении суффикса *-om* местоимение находится в постпозиции по отношению к определяемому слову, при добавлении *-omin* — в препозиции: او را چندم است (بار چندم است) *u-rā da’vat mikonam?* ‘Который раз уже я его приглашаю?’. При установлении порядка следования предметов и определении номера вопросительное местоимение چند *čand* приобретает значение ‘какой?’: نمره پایتان چند است? *Nomre-ye pā-yetān čand ast?* ‘Какой размер вашей ноги?’.

5. Определительные местоимения

Определительные местоимения выражают обобщенный признак. В роли собственно определительных местоимений употребляются два слова: هر *har* ‘каждый’, ‘всякий’ и همه *hame* ‘весь’, ‘все’. Оба слова иранского происхождения и выступают как прилагательные-местоимения, а слово همه *hame* может выступать еще как существительное-местоимение: همه می دانند *Hame midānand* ‘Все знают’.

Местоимение همه *hame* имеет форму мн. числа — همگان *hamegān* (употребляемую только по отношению к лицам) ‘все’, ‘все люди’. В литературном языке

встречается также производная форма местоимения همه *hame* — همگی *hamegi* 'все', 'весь': گفت به همگی سلام *Be hamegi salām goft* 'Он приветствовал всех'.

Местоимение هر *har* всегда используется в качестве определения и никогда самостоятельно не употребляется. Местоимение همه *hame*, как было сказано выше, может употребляться в сочетании с другими словами и самостоятельно. При сочетании с другими словами местоимение همه *hame* находится в препозиции к определяемому слову и соединяется с ним словом посредством изафета: همه کارمندان اداره *hame-ye kārmandān-e edāre* 'все сотрудники учреждения', همه شهرها *hame-ye šahrhā* 'все города', همه روز *hame-ye ruz* 'весь, целый день'.

При сочетании с именами существительными в ед. числе (в значении 'каждый') определительное местоимение همه *hame* употребляется без изафета: همه شب *hame šab* 'каждую ночь', 'по ночам', همه روز *hame ruz* 'каждый день', 'все дни', همه کس *hame kas* 'каждый человек', 'все люди'. В отличие от местоимения هر *har* оно передает еще обобщающе-определяющее значение.

Местоимения هر *har* и همه *hame* активно участвуют в словообразовании и фразеобразовании, в результате чего создаются сложные слова и устойчивые словосочетания со значением определительных местоимений, союзов, прилагательных, наречий: هر یک *har yek*, هر کدام *har kodām* 'каждый', 'всякий', هر چه *har če* 'всё, что', 'что ни', 'сколько ни', هرگونه *hargune* 'всякий', هر آنچه *har ān-če* 'всё, что', هر چند *har čand* 'хотя', 'несмотря на то, что', هر وقت که *har vaqt-ke* 'всякий раз, когда', همه چیز *hamečiz* 'всё', همه وقت *hamevaqt* 'все время', 'всегда', همه روزه *hame ruze* 'ежедневный', 'ежедневно'.

В роли определительных местоимений как синонимы местоимения همه *hame* выступают заимствованные из арабского языка слова تمام *tamām*, کلیه *kolliyye*, جميع *jami*, عموم *omum*, کل *koll*: تمام کتابها *tamam-e ketābhā* 'все книги', کلیه دانشجویان *kolliyye-ye dānešjuyān* 'все студенты', همه روزنامه ها *kolliyye-ye ruznāme hā* 'все газеты', جميع مردم *jami-e mardom* 'все люди', 'весь народ', اهالی عموم *omum-e ahāli* 'все население', کل مسائل *koll-e masāel* 'все вопросы'. Все эти слова в персидском языке употребляются как определительные местоимения, часто утрачивая свое основное значение, свойственное им в арабском языке. Из названных выше слов только слово تمام *tamām* используется еще и в значениях 'большой', 'полный' (عجله تمام *bā ajale-ye tamām* 'с большой поспешностью') и 'целиком', 'полностью' (قرض خود را تمام پرداختم *Qarz-e xod-rā tamām pardāxtam* 'Я полностью уплатил свой долг').

Кроме слова تمام *tamām* в этом же значении 'весь', 'все' используется другая форма, образованная от этого слова путем добавления словообразовательного суффикса *-i* — تمامی *tamāmi*: گزارشات تمامی *tamāmi-ye gozārešāt* 'все сообщения'. Она чаще всего встречается с формами мн. числа неодушевленных существительных.

Наибольшее распространение из перечисленных выше определительных местоимений, заимствованных из арабского языка, получили تمام *tamām* и کلیه *kolliyye*.

В заключение характеристики определительных местоимений следует отметить, что в роли этих местоимений со значением 'каждый из' используются сложные слова *fardfard* فردفرد *fardfard*, *yekāyek* یکایک, представляющие собой повторение слов *fard* 'человек' и *yek* 'один'. Они присоединяются к последующему слову

во мн. числе: *fardfard-e ānhā* ‘каждый из них’; *فردفرد سوالات جواب داد* *Be fardfard-e soālāt javāb dād* ‘Он ответил на каждый из вопросов’; *در باره یکایک* *dar bāre-ye yekāyek-e qārrehā-ye jahān* ‘о каждом из материков мира’.

6. Определительно-возвратные местоимения

В современном языке имеется три определительно-возвратных местоимения: *خود* *xod*, *خویش* *xiš* и *خویشان* *xištan* с приблизительно одинаковым значением ‘сам’, ‘свой’. Но более употребительным является местоимение *خود* *xod*, а два других имеют архаичный характер и употребляются значительно реже.

Местоимение *خود* *xod* выполняет в языке три функции.

1. Оно употребляется как определительное местоимение со значением ‘сам’. В этом случае оно может иметь при себе в качестве уточняющего слова либо существительное, либо личное местоимение. Эти слова указывают на то, о ком именно идет речь, и ставятся в препозиции или в постпозиции по отношению к местоимению *خود* *xod*. При употреблении уточняющего слова перед местоимением *خود* *xod* последнее часто сочетается со слитными местоимениями: *من خودم؛ می دانم* *Man xod-am midānam* ‘Я сам знаю’; *مهندس خودش باید تصمیم بگیرد* *Mohandes xod-aš bāyad tasmiim begirad* ‘Инженер сам должен принять решение’. При постановке местоимения *خود* *xod* перед уточняющим словом оно связывается с ним изафетом: таким образом достигается выделение того лица или предмета, о котором ведется речь: *خود آنها* *xod-e ānhā* ‘сами они’, *خود استاد* *xod-e ostād* ‘сам профессор’, *تا خود شهر* *tā xod-e šahr* ‘до самого города’.

В качестве уточняющего слова может выступать местоименная энклитика, указывающая на лицо и число: *با خودتان است* *Taqsir bā xod-etān ast* ‘Вы сами виноваты’.

2. Употребляется как притяжательное местоимение со значением ‘свой’. В этом случае оно следует после определяемого имени, присоединяясь к нему изафетом, часто в сочетании со слитными местоимениями: *قلم خودت را به من بده* *Qalam-e xod-at-rā be man bedeh* ‘Дай мне свою ручку’.

3. Употребляется как возвратное местоимение со значением ‘себя’. В этом случае оно выступает в роли прямого или косвенного дополнения и сочетается с послелогом *را* *-rā* или предлогами: *او پیش خود فکر می کرد* *U piš-e xod fekr mikard* ‘Он думал про себя’; *من خود را در آئینه دیدم* *Man xod-rā dar aine didam* ‘Я увидел себя в зеркале’.

Из архаичных определительно-возвратных местоимений *خویش* *xiš* и *خویشان* *xištan* в современном литературном языке в значении ‘свой’ (а иногда ‘сам’) можно встретить *خویش* *xiš*⁹; местоимение *خویشان* *xištan* в языке классического периода

⁹ Местоимение *خویش* может употребляться также в значении ‘родственник’ (часто в составе копулятивного сочетания *قوم و خویش* *qowmoxiš* ‘родственник’; ‘родня’, ‘родственники’).

чаще встречалось в значении 'сам'. Оба местоимения в отличие от местоимения خود *xod* в сочетании с личными местоимениями и местоименными энклитиками не употребляются.

7. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения указывают на существующие, но неизвестные, неопределенные лица и предметы. К их числу относятся: بعضی *ba'zi*, برخی *barxi* 'некоторые', 'одни', فلان *folān* (или *felān*) 'некто', 'некий', 'такой-то', فلانی *folāni* (или *felāni*) 'такой-то', 'такой-то человек', یکی *yeki* 'некто', 'один'. В качестве неопределенных местоимений выступают имена существительные کس *kas*, شخص *šaxs* 'человек', 'лицо', 'личность', چیز *čiz* 'вещь', употребляемые обычно с артиклем: کسی *kas-i*, شخصی *šaxs-i* 'некто', 'кто-нибудь', چیزی *čiz-i* 'нечто', 'что-нибудь'.

Местоимения بعضی *ba'zi* и برخی *barxi* являются синонимами и употребляются в основном перед именами существительными во мн. числе: بعضی دانشمندان فکر می‌کنند... *Ba'zi dānešmandān fekr mikonand...* 'Некоторые ученые полагают...'; برخی زنان *barxi zanān* 'некоторые женщины'. После местоимений بعضی *ba'zi* и برخی *barxi* часто употребляется предлог از *az*, так что допустимо употребление этих местоимений и с предлогом и без него: بعضی از مسائل *ba'zi az masāel* 'некоторые проблемы', در بعضی از موارد *dar ba'zi az mavāred* 'в некоторых случаях'. В сочетании с личными местоимениями употребление предлога از *az* обязательно: بعضی از ما *ba'zi az mā* 'некоторые из нас', بعضی از آنها *ba'zi az ānhā* 'некоторые из них'.

Допустимо употребление بعضی *ba'zi* без суффикса ی *-i*: بعض دانشمندان *ba'z-e dānešmandān* 'некоторые ученые'. В этом случае оно присоединяется к последующему слову при помощи изафета. Однако употребление слова بعض *ba'z* в значении неопределенного местоимения более характерно для языка классической персидско-таджикской литературы, а в современном языке свойственно книжному стилю.

Употребляясь в значении существительного, только местоимение بعضی *ba'zi* может получать суффикс мн. числа ها *-hā*: بعضیها برای گردش بیرون شهر رفتند *Ba'zihā barāye gardeš birun-e šahr raftand* 'Некоторые отправились на прогулку за город'. Употребление суффикса ها *-hā* факультативно.

По своему происхождению местоимения بعضی *ba'zi*, برخی *barxi* являются существительными со значением 'часть', 'доля'. Слово بعض *ba'z* арабского происхождения сохраняет это значение в современном языке, слово برخ *barx* в этом значении встречается только в текстах классической персидско-таджикской литературы. Выделительный артикль в сочетании с этими словами фактически превратился в неударный словообразовательный суффикс.

То же самое наблюдается и в неопределенном местоимении یکی *yeki* 'некто', 'один', которое образовалось в результате сочетания числительного یک *yek* с выделительным артиклем, выступающим как словообразовательный суффикс. В результате присоединения неударного ی *-i* из числительного, не имеющего значения неопределенности, образовалось неопределенное местоимение.

Роль выделительного артикля в образовании значения неопределенных местоимений чрезвычайно велика. Выше были отмечены имена существительные *کس kas*, *شخص šaxs* ‘человек’, ‘индивидуум’ и *چیز čiz* ‘вещь’, которые в сочетании с артиклем получают значение неопределенности — ‘некто’, ‘кто-нибудь’ и ‘нечто’, ‘что-нибудь’. Имена существительные *پاره pāre* ‘часть’, ‘доля’ и некоторые другие имена в сочетании с выделительным артиклем получают значение ‘некоторый’, ‘некоторая часть’, ‘некоторое количество’: *در پاره ای از موارد dar pāre-i az mavāred* ‘в некоторых случаях’.

8. Отрицательные местоимения

Отрицательное местоимение *هیچ hič* ‘никакой’, ‘ничто’ употребляется только с отрицательной формой сказуемого: *او هیچ نگفت U hič nagoft* ‘Он ничего не сказал’. При сочетании с именами ставится всегда в препозиции к ним и усиливает отрицание: *هیچ سخنی نگفت Hič soxan-i nagoft* ‘Он не сказал ни слова’; *در هیچ کتابخانه ای این کتاب را نمی شود پیدا کرد Dar hič ketābxāne-i in ketāb-rā nemišavad peydā kard* ‘Ни в какой библиотеке этой книги нельзя найти’.

Местоимение *هیچ hič*, сочетаясь с рядом слов (с существительными, местоимениями, числительным *یک yek* ‘один’), образует сложные слова — отрицательные местоимения: *هیچ چیز hiččiz* ‘ничто’, *هیچکس hičkas*, *هیچ یک hičyek* ‘никто’, *هیچگونه hičgune* ‘никакой’, *هیچکدام hičkodām* ‘никто’, ‘никакой’. Все эти местоимения также употребляются в отрицательных предложениях.

В вопросительных предложениях местоимения *هیچکدام hičkodām*, *هیچگونه hičgune*, образовавшиеся с участием *هیچ hič*, приобретают значение неопределенного местоимения ‘какой-либо’, ‘какой-нибудь’: *هیچکدام از این نویسندگان را می شناسید? Hičkodām az in nevisandegān-rā mišenāsīd?* ‘Вы знаете кого-либо из этих писателей?’; *هیچکدام از این کتابها را پسندیدید? Hičkodām az in ketābhā-rā pasandīdid?* ‘Вам понравилась какая-нибудь из этих книг?’; *با برقراری هیچگونه محدودیتی مخالفت می کنید? Bā barqarāri-ye hičgune mahdudīyyat-i moxālefat mikonid?* ‘Вы выступаете против установления каких-либо ограничений?’.

9. Взаимные местоимения

К этому разряду местоимений относятся *هم ham*, *همدیگر hamdigar*, *یکدیگر yekdigar*, имеющие одно значение — ‘друг друга’. В грамматиках персидского языка этот разряд местоимений обычно не выделяется.

Основное значение таких местоимений заключается в указании на взаимодействие и взаимоотношение одного лица (предмета) с другим. В предложении они выступают в роли второстепенных членов предложения — дополнений и опреде-

лений. В связи с этим они употребляются с различными предлогами и послелогом *را -rā*, присоединяются к предшествующему имени изафетом: *آنها یکدیگر را* *Ānhā yekdigar-rā salām kardand* ‘Они поприветствовали друг друга’; *هر روز باید با یکدیگر به فارسی صحبت کنیم* *Har ruz bāyad bā yekdigar be farsi sohbat konim* ‘Каждый день мы должны говорить друг с другом по-персидски’; *آنها همدیگر را بوسیدند* *Ānhā hamdigar-rā busidand* ‘Они поцеловали друг друга’.

Местоимение *هم ham* не употребляется с послелогом *را -rā*: *دست هم فشردیم* *Dast-e ham fešordim* ‘Мы пожали друг другу руки’.

Взаимное местоимение *هم ham*, имеющее самостоятельное ударение, следует отличать от совпадающих с ним по звучанию энклитического соединительного союза *هم ham* ‘также и’, ‘тоже’ и усилительной частицы *هم ham* ‘даже’: *شما که فوراً عریضه ای خدمتشان عرض کنید* *Šomā ke qarābat-i-ham bā ham dārid, fowran arize-i xedmat-ešān arz konid* ‘Так как вы также имеете родство друг с другом, срочно подайте ему заявление’; *تلفن هم نکرد* *Telefon-ham nakard* ‘Он даже не позвонил по телефону’; *اگر هم بیاید* *Agar-ham biyāyad...* ‘Если он даже придет...’

10. Употребление других частей речи в функции местоимений

Местоимения не обладают какими-либо морфологическими или синтаксическими характеристиками, которые отличали бы их от других частей речи. Главный признак, по которому представляется возможным выделить местоимения в самостоятельную часть речи, — это их дейктическое значение.

Некоторые имена существительные и прилагательные, переставая обозначать лиц, предметы и их признаки, т.е. утрачивая свое лексическое значение, получают указательное значение. Этому переосмыслению чаще подвергаются имена, имеющие наиболее общее и отвлеченное значение. Так, существительное *آدم ādam* ‘человек’ может употребляться в значении одного из личных местоимений ед. числа (значение определяется по контексту): *چه می گویند؟* *Be ādam če miguyand?* ‘Что мне скажут?’; *چرا به کیف آدم دست می زنید؟* *Čerā be kif-e ādam dast mizanid?* ‘Почему вы трогаете мой портфель?’; *هوا به قدری سرد است که آدم نمی داند چه کار کند* *Havā be qadr-i sard ast ke-ādam nemidānad če kār konad* ‘Так холодно, что не знаешь, что делать’.

Как уже отмечалось, имена существительные *کس kas*, *شخص šaxs* ‘человек’, ‘индивидуум’, *چیز čiz* ‘вещь’, употребляясь с выделительным артиклем, выступают в роли неопределенных местоимений: *کسی kas-i*, *شخصی šaxs-i* ‘некто’, ‘кто-то’, *چیزی čiz-i* ‘нечто’, ‘что-то’. Употребленные (также с выделительным артиклем) в качестве определяемого имени в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными, эти слова по своему значению приближаются к указательным местоимениям ‘тот’, ‘та’, ‘то’, например: *این کتاب را به کسی می دهم که مضمون آن را* *In ketāb-rā be kas-i mideham-ke mazmun-e ān-rā nemidānad* ‘Я эту книгу дам

тому, кто не знает ее содержания'; گفتی درست نیست *Āiz-i ke gofti dorost nist* 'То, что ты сказал, неправильно'.

Слова سرتاسر *sartāsar* и سراسر *sarāsar* (букв. 'на протяжении', 'с начала до конца', 'из конца в конец'), являясь по своему происхождению именами существительными, в современном языке используются как определительные местоимения со значением 'весь', 'все': در سرتاسر این کشور *dar sartāsar-e in kešvar* 'по всей стране', سراسر زندگی خود *sarāsar-e zendegi-ye xod* 'всю свою жизнь', سراسر مردم *sarāsar-e mardom* 'все люди', 'весь народ'.

В значении указательных местоимений 'этот', 'тот', 'такой' употребляются заимствованные из арабского языка слова: حاضر *hāzer* 'настоящий', ذیل *zeyl* 'следующий', مذکور *mazkur*, مزبور *mazbur* 'упомянутый' и некоторые другие.

Примером перехода других частей речи в местоимения может служить использование некоторых слов и словосочетаний в качестве «вежливых эквивалентов» личных местоимений¹⁰.

¹⁰ Характеристика этих слов и словосочетаний дана при рассмотрении личных местоимений.

Глава шестая

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

1. Общая характеристика имени числительного

К числительным относятся слова, обладающие количественно-числовым и счетно-порядковым значениями. Они обозначают отвлеченное число (دو *do* 'два', سه *se* 'три'), количество предметов (دو دفتر *do daftar* 'две тетради', بیست سال *bist sāl* 'двадцать лет'), порядок при их счете (زنگ دوم *zang-e dovvom* 'второй звонок', جلد سوم *jeld-e sevvom* 'третий том'). Как само понятие числа, так и называющие его числительные весьма абстрактны. Выражаемый ими количественный признак уточняется и конкретизируется только после присоединения к ним предметных слов.

Числительные представляют собой замкнутые ряды слов, не пополняющиеся за счет слов других лексико-грамматических классов: имя числительное само обладает необходимыми словесными ресурсами для образования по существу неограниченного количества знаков. Производство необходимых числовых знаков для обозначения конкретных количественных значений осуществляется по определенным моделям.

Семантически и по способу образования числительные подразделяются на два больших разряда: количественные и порядковые. Количественные числительные обозначают абстрактное количество или количество конкретных предметов. Порядковые числительные выражают порядок, последовательность предметов при счете.

Среди количественных числительных выделяются определенно-количественные, неопределенно-количественные и распределительные. К числительным относятся также дроби и проценты¹.

¹ Простое перечисление основных разновидностей персидских числительных в сравнении с русскими разновидностями показывает, что в персидском языке отсутствуют собирательные числительные, обозначающие количество как совокупность (*четверо студентов, семеро одного не ждут*). В то же время среди персидских числительных на основании структурно-семантических признаков выделяются распределительные числительные и проценты. В русском языке распределительные числительные отсутствуют, а проценты обозначаются сочетанием количественного числительного с именем существительным *процент* (т.е. не образуется особая форма, как в персидском языке), поэтому проценты в русском языке не считаются видом числительных.

Большинство числительных представляют собой исконно персидские, но имеются и заимствованные из арабского (اول *avval* 'первый', ثانی *sāni* 'второй', ثالث *sāles* 'третий', ربع *rob* 'четверть', 'одна четвертая'), французского (مليون *melyun* 'миллион', مليار *melyārd* 'миллиард'). Почти вышли из употребления иранское по происхождению слово بیور *bivar* 'десять тысяч' и санскритское لک *lak* 'сто тысяч'.

Для числительных характерна обособленность от других частей речи. Но отдельные числительные — такие, как ده *dah* 'десять', صد *sad* 'сто', هزار *hezār* 'тысяча', میلیون *melyun* 'миллион', مليار *melyārd* 'миллиард', — могут подвергаться субстантивации, получая показатели множественного числа: ده ها دانشجو *dahhā danešju* 'десятки студентов', صد ها کارگر *sadhā kārgar* 'сотни рабочих', هزاران نفر *hezārān nafar* 'тысячи людей'². После формы множественного числа этих числительных не ставится изафетный показатель, а имена существительные, следующие за ними, сохраняют форму единственного числа.

Как и в некоторых других языках, персидское числительное یک *yek* 'один' может выполнять функцию неопределенного артикля, придавая слову значение 'некий', 'какой-то': یک روز ما بیرون شهر رفتیم *Yek ruz mā birun-e šahr raftim* 'Однажды (в какой-то день) мы отправились за город'; ... یک نفر گفت *Yek nafar goft*... 'Какой-то человек сказал...'. Иногда یک *yek* употребляется одновременно с выделительным артиклем (главным образом в разговорном языке): یک زنی *yek zan-i* 'одна какая-то женщина'³. Числительное یک *yek* может употребляться в значении местоимения-прилагательного: آنها در یک اداره کار می کنند *Ānhā dar yek edāre kār mikonand* 'Они работают в одном учреждении'.

Из других числительных отметим порядковое числительное اول *avval* 'первый', у которого развились качественные значения 'начальный', 'первоначальный', 'первый', 'лучший' и наречное значение 'сначала'. Эти значения дают основание рассматривать это слово и как прилагательное и даже как наречие. В целом же основная масса числительных семантически достаточно четко выделяется в самостоятельный лексико-грамматический класс слов.

По своей структуре персидские числительные делятся на три группы:

1) *простые*, состоящие из одной основы: یک *yek* 'один', دو *do* 'два', ده *dah* 'десять', بیست *bist* 'двадцать', سی *si* 'тридцать', صد *sad* 'сто', دویست *devist* 'двести', هزار *hezār* 'тысяча';

2) *сложные*, образованные путем соединения основ: چهارده *čahārdah* 'четырнадцать', چهارصد *čahārsad* 'четыреста', هفت صد *haftsad* 'семьсот'. Среди сложных числительных встречаются такие, в которых первая основа в процессе исторического развития изменила свою форму и перестала внешне соответствовать отдельному числительному: دوازده *davāzdah* 'двенадцать', سیزده *sizdah* 'тринадцать', پانزده *pānzdah* 'пятнадцать', شانزده *šānzdah* 'шестнадцать', هفده *hefdah* 'семнадцать', هجده *hejdah* 'восемнадцать' и т.д.⁴. Такого рода числительные, несмотря на

² Иногда понятие множественности от некоторых из этих числительных передается удвоением слова: هزار هزار *hezār hezār* 'тысячи', میلیون میلیون *melyun melyun* 'миллионы'.

³ Сочетание числительного یک *yek* с выделительным артиклем получает значение неопределенного местоимения 'один', 'некто': یکی گفت *yék-i goft* 'кто-то сказал'. Артикль превращается в неударный словообразовательный суффикс.

⁴ Характеристику исторического развития подобного рода числительных см. в книге [ОИЯ 1982, с. 124].

возможность выделения основы ده *dah*, следует рассматривать как квазисложные, или простые, числительные;

3) *составные*, образованные сочетанием нескольких числительных с помощью союза و -о 'и' (چهل و پنج *čehel-o panj* 'сорок пять', صد و بیست و سه *sad-o bist-o se* 'сто двадцать три') или путем примыкания (یک هزار *yek hezār* 'одна тысяча', پنج میلیون *panj melyun* 'пять миллионов').

Особенности образования, структуры и функционирования слов с числовым значением позволяют включать в разряд числительных не только дробные числительные, но и проценты, а также выделять особую разновидность — распределительные (дистрибутивные) числительные.

2. Определенно-количественные числительные

По своему составу определенно-количественные числительные немногочисленны: это числительные, обозначающие единицы от یک *yek* 'один' до نه *noh* 'девять' (девять слов), числа от یازده *yāzdah* 'одиннадцать' до نوزده *nuzdah* 'девятнадцать' (девять слов), десятки от ده *dah* 'десять' до نود *navad* 'девяносто' (девять слов), сотни от صد *sad* 'сто' до صد نه *nohsad* 'девятьсот' (девять слов) и, наконец, слова هزار *hezār* 'тысяча', میلیون *melyun* 'миллион', میلیارد *melyārd* 'миллиард', تریلیون *terilyon* 'триллион'. В старых текстах можно встретить архаичные слова بیور *bivar* 'десять тысяч', لک *lak* 'сто тысяч' и کورور *korur* 'пятьсот тысяч'. Несмотря на небольшой словарный фонд (около сорока слов), определенно-количественные числительные путем различных сочетаний могут обозначать огромное количество чисел и выражать самые разнообразные количественные понятия. Десятичная система счисления дала возможность сэкономить огромное количество словесных знаков⁵.

Количественные числительные всегда стоят перед именем существительным, к которому они относятся: سه کارگر *se kārgar* 'трое рабочих', پنج اتاق *panj otāq* 'пять комнат'. Исключения представляют имена с артиклем, когда выражается приблизительность: کارگری پنج *kārgar-i panj* 'примерно пять рабочих', 'около пяти рабочих', شش درختی *deraxt-i šeš* 'приблизительно шесть деревьев', 'около шести деревьев'.

Для обозначения приблизительного количества также употребляют подряд количественные числительные, сочетающиеся между собой путем примыкания (без союза و -о): دو روز یک *yek do ruz* 'один-два дня', هفت هشت ساعت *haft hašt sāat* 'семь-восемь часов', سی چهل میلیون *si čehel melyun* 'тридцать-сорок миллионов'.

Имена существительные при количественных числительных всегда ставятся в единственном числе: شش دانشجو *šeš dānešju* 'шесть студентов', چهار مداد *čahār medād* 'четыре карандаша'.

⁵ При цифровом обозначении числительных многозначные цифры пишутся слева направо: ۲۱ '21', ۳۲۱ '321'.

Определенно-количественные числительные, вступая в сочетание с именами существительными, образуют с ними синтаксические единства. Это выражается в том, что существительные не принимают формы множественного числа. В то же время если сочетание числительного с именем одушевленным выступает в роли подлежащего, то сказуемое ставится в форме множественного числа: فقط سه نفر سر *Faqat se nafar sar-e dars nayāmadand* 'На урок не пришли только три человека'.

Имена числительные количественные, субстантивируясь, могут выступать в роли именных членов предложения: سه بیشتر از دو است *Se bištar az do ast* 'Три больше двух'.

2.1. Нумеративы

Одна из особенностей строя персидского языка — возможность употребления нумеративов (счетных слов) в сочетании с определенно-количественными числительными. Нумеративы помещаются между числительными и именами существительными и всегда употребляются без изафетного показателя: دو نفر دانش آموز *do nafar dānešāmtuz* 'два (человека) ученика', دو تا کتاب *do tā ketāb* 'две (штуки) книги'. В приведенных примерах в качестве нумеративов использованы слова *نفر* *nafar* 'человек' и *تا* *tā* 'штука' — наиболее универсальные нумеративы. В основе употребления нумеративов лежит идея измерения, счета живых существ и предметов, поэтому в их роли часто выступают существительные, обозначающие предметы, внешне напоминающие по форме и строению считаемые объекты.

Нумеративы широко употреблялись в языке классического периода; в современном персидском языке количество употребляемых нумеративов значительно сократилось. Каждый нумератив в соответствии со своим значением используется с определенной семантической группой слов, обозначающих людей, животных и предметы. Нумеративы употребляются только с теми словами, которые могут быть представлены как счисляемые единицы. Существует несколько десятков нумеративов, употреблявшихся при счете тех или иных живых существ и предметов, однако не все нумеративы употребительны в современном языке⁶. Кроме того, употребление нумеративов имеет факультативный характер: они могут вообще не употребляться или опускаться. Например, можно сказать دو تا کتاب *do tā ketāb* и دو کتاب *do ketāb* 'две книги', سه نفر کارگر *se nafar kārgar* и سه کارگر *se kārgar* 'трое рабочих'. В большинстве работ (в том числе в учебниках персидского языка, изданных в Иране и в других странах) к нумеративам относятся такие слова, как جفت *joft* 'пара', گیلās *gilās* 'стакан', 'бокал': دو جفت جوراب *do joft jurāb* 'две пары чулок', یک گیلās شراب *yek gilās šarāb* 'один бокал вина'. Но эти слова являются необходимыми элементами словосочетаний и не могут быть опущены: они выступают как количественные определители, и поэтому их следует исключить из состава нумеративов.

⁶ Подробная характеристика нумеративов дается в кандидатской диссертации Г.Ю.Гасанли «Счетные слова в современном персидском языке (состав и особенности функционирования)» [Гасанли 1977].

Существует согласованность по смыслу между нумеративами ичисляемыми словами: نفر *nafar* 'человек', 'лицо' употребляется при счете людей, верблюдов; تا *tā* 'штука' — при счете неодушевленных предметов, а также животных и даже людей; تن *tan* 'тело', 'персона', 'человек' — при счете людей; رأس *ra's* 'голова' — при счете скота; دستگاه *dastgāh* 'аппарат', 'прибор' — при счете станков, агрегатов, радиоприемников, телефонов, автомобилей, часов; فروند *farvand* 'рукоятка руля' — при счете кораблей, самолетов; باب *bāb* 'дверь' — с такими словами, как магазин, лавка, дом; قبضه *qabze* 'шейка приклада', 'рукоятка', 'эфес' — при счете оружия и т.д.: دو تا کارگر *do tā kārgar* 'двое рабочих'; دو رأس گوسفند *do ra's gusfand* 'два барана'; یک دستگاه تلفن *yek dastgāh telefon* 'один телефон'; دو فروند هواپیما *do farvand havāpeymā* 'два самолета'; دو باب خانه *do bāb xāne* 'два дома'; یک باب دکان *yek bāb dokān* 'одна лавка'; سه قبضه تفنگ *se qabze tofang* 'три винтовки'.

Поскольку нумеративы обладают лексическим значением, выступая в функции обычных имен существительных, они могут получать изафетный показатель, прекращая свою функцию счетных слов. Если сравнить два словосочетания *ده اصله درخت* *dah asle deraxt* и *سه اصله درخت* *se asle-ye deraxt*, то в первом сочетании слово *اصله asle* 'корень' выступает как нумератив и переводится 'десять деревьев' (букв. 'десять корней деревьев'), во втором *اصله asle* следует рассматривать как определяемое слово, а слово *درخت deraxt* — как определение; второе словосочетание переводится 'три корня дерева'.

Нередко лексическое значение прямо не координируется со значениемчисляемого слова. Так, слово *تکه tekke* 'кусок', 'ломтик' встречается в таких сочетаниях, как *یک تکه باغ* *yek tekke bāq* 'один сад', *یک تکه ده* *yek tekke deh* 'одна деревня'; *دانه dāne* 'зерно', 'семя', 'штука' — в сочетаниях *یک دانه فرزند* *yek dāne farzand* 'один ребенок', *دو دانه مهمان* *do dāne mehmān* 'двое гостей', *سه دانه اسب* *se dāne asb* 'три лошади'; *در dar* 'дверь' — в сочетаниях *دو در خانه* *do dar xāne* 'два дома', *یک در خانواده* *yek dar xānevāde* 'одна семья', *یک در پرده* *yek dar perde* 'один занавес'; *طغرا toqrā* 'монограмма', 'вензель', 'указ' используют при счете квитанций, чеков, конвертов, векселей: *یک طغرا قبض* *yek toqrā qabz* 'одна квитанция', *دو طغرا پاکت* *do toqrā pākat* 'два конверта', *سه طغرا چک* *se toqrā ček* 'три чека', *یک طغرا برات* *yek toqrā barāt* 'один вексель'.

Анализ употребления нумеративов в современном персидском языке показывает, что при словах, относящихся к одному и тому же роду или виду живых существ, растений, предметов, могут употребляться несколько разных нумеративов; различие состоит только в частоте употребления. Так, при счете людей могут употребляться нумеративы *نفر nafar*, *تن tan*, *تا tā*; при счете домов, магазинов — *باب bāb*, *در dar*; при счете кораблей — *فروند farvand*, *پاره pāre*; при счете животных — *رأس ra's*, *سر sar* и т.д.

3. Неопределенно-количественные числительные

К ним относится небольшая группа слов со значением неопределенного количества. Это числительные چند *čand*, چندین *čandin* 'несколько'. (Слово چند *čand* имеет также значение вопросительного местоимения 'сколько?') Эти числительные выражают не дифференцированное, а общее понятие количества (т.е. более одного). После неопределенно-количественных числительных имена существительные ставятся в ед. числе: چند کتاب *čand ketāb* 'несколько книг', چندین شاگرد *čandin šāgerd* 'несколько учеников'.

Подобно определенно-количественным числительным числительное چند *čand* может находиться после имен существительных, в этом случае после имени ставится артикль: ср. چند ساعت *čand sāāt* 'несколько часов' и ساعتی چند *sāāt-i čand* 'какие-то несколько часов'.

Слово چند *čand* в сочетании с выделительным артиклем приобретает значение самостоятельного слова — چندی *čand-i* 'немного', 'несколько', 'некоторое количество', что дает основание рассматривать данное сочетание как единое слово چندی *čandi*. Артикль как бы превращается в неударный словообразовательный суффикс⁷. Ср. также употребление этого слова в предложно-наречных словосочетаниях с временным значением: چندی پیش *čandi piš*, چندی قبل *čandi qabl* 'недавно', 'некоторое время тому назад', از چندی (پس) بعد *ba'd (pas) az čandi* 'по прошествии некоторого времени'.

Другая особенность слова چند *čand* состоит в том, что оно может принимать суффикс порядковых числительных -om — چندم *čandom?* 'который (по порядку, по счету)?'. В результате этого слово приобретает значение вопросительного местоимения и присоединяется к предшествующему слову изафетом: دفعه (بار) چندم *daf'e-ye (bār-e) čandom?* 'который раз?'; این کتاب چندم است *In ketāb-e čandom ast?* 'Эта книга какая по счету?'. Как и у порядковых числительных, встречается форма с суффиксом -omin. В этом случае چندمین *čandomin* ставится впереди определяемого слова: چندمین بار *čandomin bār?* 'который раз?'.
 К неопределенно-количественным числительным следует отнести еще несколько слов, выражающих неопределенное количество, которое может относиться как к большому, так и к малому, незначительному числу. Это слова بسیار *besyār*, بسی *bāsi* 'много', بسیاری *besyāri* 'множество', اندک *andak*, اندکی *andāki* 'немного', 'мало', کمی *kāmi*, قدری *qādri* 'немного' и некоторые другие. Они отличаются от обычных количественных числительных тем, что исчисляемое существительное может иметь форму множественного числа, а сами эти числительные могут сочетаться не только с конкретными, но и с отвлеченными и с вещественными существительными, употребляясь с предлогом از *az* 'из': بسیار فواید *besyār favāyed* 'много выгод', کمی نان *kāmi nān* 'немного хлеба', بسیاری از زوار *besyāri az zovvār* 'многие из паломников'.

⁷ Ср. употребление артикля в неопределенных местоимениях بعضی *bā'zi*, برخی *bārxi* 'некоторые', 'одни'.

4. Распределительные числительные

К распределительным числительным относятся словосочетания, образованные путем редупликации количественного числительного и обозначающие количество предметов в виде расчлененных числовых групп. В грамматиках персидского языка этот вид числительных не выделяется. Однако есть все основания для их выделения в самостоятельный вид: они имеют специфическое значение и образуются по строго определенным моделям.

В современном языке получили распространение три способа образования распределительных числительных: а) путем повторения основ двух количественных числительных (دو دو *do do* 'по два', چهار چهار *čahār čahār* 'по четыре'); б) путем повторения количественного числительного с нумеративом تا *tā* (تا سه *se tā se tā* 'по три штуки'); в) путем соединения двух количественных числительных предлогом به *be* (یک به یک *yek be yek* 'по одному', 'один за другим', هفت به هفت *haft be haft* 'по семи').

В предложении распределительные числительные выступают в роли обстоятельств образа действия.

5. Порядковые числительные

Порядковые числительные обозначают порядок следования предметов при их счете и по своему значению соотносятся с соответствующими определенно-количественными числительными. Они образуются от количественных числительных путем прибавления к их основам суффиксов *-om* م и *-omin* مین: چهارم *čahārom* — چهارمین *čahāromin* 'четвертый', پنجم *panjom* — پنجمین *panjomīn* 'пятый', دهم *dahom* — دهمین *dahomin* 'десятый'. Суффикс *-omin* обычно употребляется в более высоком стиле (например, при обозначении торжественных дат): پنجاهمین *panjāhomīn* سال تولدش *panjāhomīn sāl-e tavallod-aš* 'пятидесятилетие (букв. **пятидесятый** год со дня рождения), صد و بیست و پنجمین سال تولد شاعر *sad-o bist-o panjomīn sāl-e tavallod-e šāer* 'сто двадцать пятая годовщина (букв. **сто двадцать пятый** год рождения поэта)'.
 Порядковые числительные, соответствующие количественным دو *do* 'два', سه *se* 'три' и سی *si* 'тридцать', имеют по две графические и фонетические формы: دوم *dovvom* и دویم *doyyom* 'второй', سوم *sevvom* и سیم *seyyom* 'третий', سیوم *siyom* и سیام *siom* 'тридцатый'.

Порядковое числительное یکم *yekom* (или یکمین *yekomīn*) 'первый' в современном литературном языке самостоятельно употребляется редко. Вместо него используют арабское числительное اول *avval* или персидское архаичное числительное نخست *noxost*. Варианты этих порядковых числительных на -in ставятся впереди имени: نخستین درس *noxostin dars* 'первый урок', اولین سفر من *avvalin safar-e man* 'мое первое путешествие'.

Порядковые числительные, оканчивающиеся на суффикс م -om, следуют после определяемого имени и соединяются с ним при помощи изафета: جلد پنجم *jeld-e panjom* 'пятый том', ماده دوم *mādde-ye dovvom* 'вторая статья'. Порядковые числительные с суффиксами مين -omin и ين -in, как уже говорилось, ставятся перед именем и не соединяются с ним изафетом: بار دهمین *dahomin bār* 'десятый раз', روز نخستین *noxostin ruz* 'первый день'. Однако редко возможны случаи постановки этих числительных в постпозицию: درس نخستین *dars-e noxostin* 'первый урок'.

Все суффиксы, образующие порядковые числительные, по характеру функционирования — словообразовательные форманты, приближающиеся по своей сущности к грамматическим морфемам.

Порядковое значение составных числительных передается только последним числительным, все остальные сохраняют форму количественных числительных: صد و پنجمین سال تولد *sad-o bist-o panjomīn sāl-e tavallod* 'сто двадцать пятый год рождения', جلد بیست و هفتم *jeld-e bist-o haftom* 'двадцать седьмой том'. В составных числительных употребляется только слово یکم *yekom* (но не *اول avval* и не *نخست noxost*): سال بیست و یکم *sāl-e bist-o yekom* 'двадцать первый год'.

Типичная синтаксическая функция порядковых числительных — выступать в роли определения. По характеру функционирования они сходны с прилагательными, однако отличаются от последних лексическим значением. Будучи образованы от количественных числительных, порядковые числительные сохраняют их основное значение счета. Как и имена прилагательные, они могут получать выделительный артикль (обычно выступая в роли антецедента перед придаточным определительным предложением): در روز سومی که آن را می بایستی بیرون شهر بگذرانیم، ناگهان *Dar ruz-e sevvom-i-ke ān-rā mibāyesti birun-e šahr begozarānim, nāgahān havā bad šod* 'На третий день, который мы должны были провести за городом, погода внезапно испортилась'.

Порядковые числительные, получая словообразовательный суффикс ی -i (*یای مصدری yā-ye masdari*), выступают в речи как имена существительные: *Yekomi xandid* 'Первый засмеялся'; *Dovvomi goft...* 'Второй сказал...'; *Sevvomi raft* 'Третий ушел' и т.д.

Кроме чисто персидских порядковых числительных иногда используются порядковые числительные, заимствованные из арабского языка: ثانوی *sāni* (или ثانوی *sānavi* 'второй', ثالث *sāles* 'третий', رابع *rābe* 'четвертый'. О широком употреблении арабского числительного اول *avval* 'первый' говорилось выше.

6. Дробные числительные

Существует три способа образования простых дробей. Наибольшее употребление в современном персидском языке получил способ, при котором числитель обозначается количественным числительным, а знаменатель — порядковым:

دو پنجم *do panjom* ‘две пятых’. Последующее имя существительное присоединяется к знаменателю изафетом: دو سوم دانشجویان *do sevvom-e dānešjuyān* ‘две трети студентов’.

Второй способ касается только тех случаев, когда числителем является числительное یک *yek* ‘один’: یک چهارم *yek čahār* ‘одна четвертая’, хотя и первый способ прочтения дроби также допустим.

Третий способ образования простых дробей основывается на употреблении предлога از *az* ‘от’: سه از چهار *se az čahār* ‘три четвертых’. В современном языке этот способ почти не употребляется; отдельные случаи такого прочтения простой дроби можно встретить в разговорном языке.

Для выражения дробных значений ‘одна вторая’, ‘половина’ помимо отмеченных способов используются персидское слово نیم *nim* (نیمه *nime*) и арабское نصف *nesf*: نصف سال *nesf-e sāl* ‘полгода’, یک سال و نیم *yek sāl-o nim* ‘один год с половиной’, ‘полтора года’, نیمه شب *nime-ye šab* ‘половина ночи’.

Наряду со словами иранского происхождения в качестве дробных числительных используются арабские слова: ثلث *sols* ‘одна третья’, ‘треть’, ربع *rob* ‘одна четвертая’, ‘четверть’, خمس *xoms* ‘одна пятая’ и т.д.

В десятичной дроби число, указывающее на количество десятых, сотых и других долей, выражается количественным числительным, а сами десятые, сотые и другие доли — порядковыми: دو دهم *do dahom* ‘две десятых’, پنج صدم *panj sadom* ‘пять сотых’, نه هزارم *noh hezarom* ‘девять тысячных’. При цифровом обозначении между целым числом и десятичной дробью ставится косая линия (а не запятая), причем вся дробь может читаться двумя способами:

а) между целыми и дробными числами произносится союз و ‘и’: صفر و پنج *sefr-o panj dahom* ‘ноль целых пять десятых’, یک و پنج صدم *yek-o panj sadom* ‘одна целая пять сотых’;

б) между целыми и дробными числами произносится слово ممیز *tomayuez* ‘запятая десятичных дробей’: پنج صدم بیست و پنج *panj tomayuez bist-o panj sadom* ‘пять целых двадцать пять сотых’.

Дробные числительные сочетаются как с именами существительными конкретными, так и с вещественными: دو پنجم دانش آموزان *do panjom-e dānešāmuzān* ‘две пятых учеников’, یک سوم شیر *yek sevvom-e šir* ‘одна треть молока’.

7. Проценты

Проценты обозначают количество, измеряемое в сотых долях чего-то, принято за единицу. Они образуются путем сочетания количественных числительных с числительным صد *sad* ‘сто’. Существует два способа образования процентов:

а) на первое место ставится число, обозначающее количество процентов, а затем — сочетание предлога در *dar* ‘в’ с числительным صد *sad* ‘сто’, фактически превратившееся в единое слово: سی درصد *si darsad* ‘тридцать процентов’;

сочетание درصد *darsad* по характеру употребления в современном языке является производным словом;

б) на первое место ставится слово صد *sad* с артиклем, за ним следует числительное, обозначающее количество процентов: بیست صدی *sad-i bist* 'двадцать процентов'.

Если проценты, образованные первым способом, присоединяются к последующему определяемому имени изафетом, то при образовании процентов вторым способом изафет перед определяемым именем отсутствует: بیست درصد دانشجویان *bist darsad-e dānešjuyān* и صدی بیست دانشجویان *sad-i bist dānešjuyān* 'двадцать процентов студентов'. Первый способ образования процентов получил в современном персидском языке большее распространение.

Глава седьмая

ГЛАГОЛ

1. Общая характеристика

Глагол — часть речи, в основе семантики которой лежит обозначение процесса. Обобщенное понятие процесса конкретизируется лексической семантикой глагола: процесс может обозначать действия лиц, предметов, явлений (پدر روزنامه می خواند *Pedar ruznāme mīxānad* 'Отец читает газету'; قطار حرکت می کند *Qatār harakat mikonad* 'Поезд трогается'), их состояние (دختر خواب است *Doxtar xāb ast* 'Девочка спит'), связь или отношение между ними (بخار از آب به وجود می آید *Boxār az āb be vojūd miāyad* 'Пар образуется из воды'; این نتیجه از تحقیقات ناشی می گردد *In natije az tahqiqāt nāši migardad* 'Этот вывод вытекает из исследования'). Значение процесса свойственно и некоторым существительным, но в отличие от них в глаголе понятие процесса выражается грамматическими категориями лица, времени, наклонения, залога.

По мнению В.В.Виноградова, «глагол — самая сложная и самая емкая грамматическая категория» [Виноградов 1972, с. 337]. В персидском языке глагол занимает важное место среди других частей речи и выделяется не только богатством и разнообразием значений, но и обилием форм. Присущие глаголу различные грамматические формы выражают характер протекания действия во времени, отношение действия к субъекту и объекту, соотношение с моментом речи, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, утверждаемый или отрицаемый.

В систему форм глагола входят спрягаемые и неспрягаемые формы. Изменение глагола по лицам, временам и наклонениям характеризует спрягаемые формы¹. Все персидские глаголы имеют один тип спряжения. Грамматические формы глагола современного языка значительно отличаются от глагольных форм языка классического периода как по способам образования (особенно по формообразующим приставкам), так и по значениям. К неспрягаемым компонентам глагольной системы относятся инфинитив и причастия.

¹ В персидском языке глаголу несвойственна категория рода. Что касается числа, то оно выражается личными формами глагола. Поэтому категория лица/числа выражает не только носителя процессуального признака, но и отнесенность процесса к одному или нескольким субъектам.

Синтаксические функции глагола сложны и многообразны. Спрягаемые формы глагола выступают в функции сказуемого и играют решающую роль в формировании коммуникативных и структурных признаков предложения. Именно благодаря этим формам получают выражение коммуникативные характеристики предложения — такие, как модальность, отношение процесса к субъекту и объекту, отнесенность процесса во времени.

Финитным формам глагола противостоят неличные формы — инфинитив и причастия.

Весьма многообразны функции причастий; которые используются для образования аналитических форм глагола и в роли различных членов предложения. Синтаксические функции причастий не ограничиваются выражением определительных и определительно-обстоятельственных значений, но охватывают и значения предиката, заменяя личные формы глаголов-сказуемых (например, в предложениях с однородными сказуемыми). Многие причастия, выполняя постоянно атрибутивные и субстантивные функции, утратили глагольные свойства и выступают как прилагательные и существительные.

Многообразны синтаксические функции персидского инфинитива: он легко поддается субстантивации, получая грамматические показатели существительных, и может выступать в функции как главных, так и второстепенных членов предложения.

Персидский глагол характеризуется богатой системой форм, которые служат для выражения его категориальных значений. Грамматические формы глагола в зависимости от типа образования делятся на простые (синтетические) и описательные (аналитические). Синтетические формы образуются из глагольных основ прибавлением личных окончаний и префиксов *می* *mi-* и *ب* *be-* или только из одних основ. Аналитические формы глагола состоят из двух или нескольких слов, из которых одно всегда — вспомогательный глагол.

В образовании многочисленных глагольных форм участвуют следующие элементы: основы (настоящего и прошедшего времени), личные окончания, формообразующие приставки (префиксы), служебные глаголы. Кратко охарактеризуем каждый из этих элементов.

2. Составные элементы глаголов и глагольных форм

2.1. Основы

Одна из особенностей структуры простых глаголов персидского языка — наличие у каждого из них двух основ: претеритальной основы, или основы прошедшего времени (ОПВ), и презентной основы, или основы настоящего времени (ОНВ), называемой в грамматиках также корнем. Глагольные основы несут двойную семантическую нагрузку: а) выражают основное лексическое значение глагола и б) указывают на время совершения действия.

Претеритальные основы восходят к древнему причастию прошедшего времени на *-*ta* и поэтому всегда имеют в исходе согласный ت *-t* (после глухих согласных) либо согласный د *-d* (после гласных и звонких согласных). Они могут быть образованы путем отбрасывания окончания ن *-an* инфинитива глагола: گفت *goft* (گفتن *goftan* 'говорить'), دید *did* (دیدن *didan* 'видеть'), بوسید *busid* (بوسیدن *busidan* 'целовать').

Презентные основы, восходящие к древнеиранской основе настоящего времени, в процессе длительного исторического развития и в результате слияния превербов и основообразующих суффиксов с корнями претерпели по сравнению с древними формами значительные изменения.

В зависимости от характера соотношения презентных и претеритальных основ персидские глаголы принято делить на три большие группы: правильные (например, رسیدن *rasidan* 'достигать' — ОНВ رس *ras*, ОПВ رسید *rasid*), подобноправильные² (например, فرستادن *ferestādan* 'посылать' = ОНВ فرست *ferest* + суф. اد *-ād* + суф. ن *-an*, ОПВ فرستاد *ferestād*) и неправильные (например, انداختن *andāxtan* 'бросать' — ОНВ انداز *andāz*, ОПВ انداخت *andāxt*). Различие между этими тремя группами простых глаголов состоит в том, что ОПВ правильных глаголов образуются от ОНВ путем прибавления к последним основообразующих суффиксов د *-d* или يد *-id*, тогда как ОПВ подобноправильных и неправильных глаголов имеют морфонологические отличия от ОНВ и не могут быть образованы путем присоединения к ОНВ упомянутых выше суффиксов. Более подробно правильные, подобноправильные и неправильные глаголы характеризуются ниже, в разделе «Простые глаголы».

2.2. Личные окончания

Для выражения значений лица и числа используются специальные суффиксы, обычно называемые личными окончаниями. В зависимости от форм времени и наклонения, а также от синтаксических условий (вида и структуры словосочетаний и предложений) они могут быть ударными и безударными.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	م <i>-am</i>	یم <i>-im</i>
2-е л.	ی <i>-i</i>	ید <i>-id</i>
3-е л.	د <i>-ad</i>	ند <i>-and</i>

Личные окончания присоединяются к основам настоящего и прошедшего времени глаголов, образуя финитные формы. Исключение представляют формы 3-го лица ед. числа простого прошедшего времени (претерита) и прошедшего длительного времени (имперфекта), которые не получают соответствующего окончания: آمد *āmad* 'пришел', می آمد *miāmad* 'приходил' (от آمدن *āmadan* 'приходить'). Иначе говоря, после претеритальной основы окончание 3-го лица ед. числа не употребляется.

² Этот термин впервые был применен В.С.Расторгуевой и А.А.Керимовой в работе «Система таджикского глагола» [Расторгуева, Керимова 1964, с. 11].

2.3. Формообразующие приставки

Для образования форм времени и наклонения используются две формообразующие приставки: *می* *mi-* (является формальным показателем протекания действия в настоящем времени либо придает значение длительности, многократности глагольным формам в прошедших временах) и *ب* *be-* (присоединяется к глаголу в формах аориста и повелительного наклонения)³.

По своему происхождению глагольная приставка *می* *mi-* восходит к среднеперсидским *hamev*, позднее *hamē* — наречие ‘постоянно’, ‘всегда’ и преверб со значением длительности. В качестве наречия со значением ‘всегда’ *همی* *hamē* встречается в раннем новоперсидском языке (IX–XI вв.). Одновременно (параллельно со своим сокращенным вариантом *می* *mē-*) *همی* *hamē* использовалась в функции отделимой приглагольной частицы, выражавшей длительность действия. Позднее (в XIII в.) частица *همی* *hamē* была полностью вытеснена ее кратким вариантом *می* *mē-*, который к тому времени превратился в глагольный формообразующий префикс.

Происхождение частицы *ب* *be-* (классический персидский) остается не вполне ясным. Традиционно ее связывают со среднеперсидским наречием *bē* ‘снаружи’, ‘вне’, которое употреблялось также в качестве приглагольной частицы.

Каждая из отмеченных выше приставок имеет свои особенности употребления с различными грамматическими и структурными формами глаголов, о чем будет сказано при рассмотрении этих форм.

Выделяется также приставка *ن* *na-*, с помощью которой образуется отрицательная форма глагола. При употреблении с финитными формами глагола на нее падает главное ударение. Однако в отрицательной форме инфинитива ударение сохраняется на суффиксе *ن* *-an*, ср.: *نرفتند* *náraftand* ‘они не ушли’ и *نرفتَن* *naraftán* ‘не ходить’. Перед приставкой *می* *mi-* отрицательная приставка произносится как *ne-*. В повелительном наклонении наряду с *ن* *na-* может употребляться другая отрицательная приставка — *م* *ma-*, сообщающая глаголу более категоричное отрицание: *مگو!* *magu!* ‘не говори!’, ‘не смей говорить!’.

2.4. Служебные глаголы

К служебным относятся такие глаголы, которые не являются обозначением процессов и не способны функционировать в качестве самостоятельных членов предложения. В предложении они не имеют лексического значения и выполняют чисто грамматические функции, выражая различные категории глагола. Этим они противостоят лексически полноценным знаменательным глаголам. Тем не менее, как будет показано ниже, границы между служебными и знаменательными глаго-

³ Приставка *ب* *be-* широко употреблялась в языке классического периода с глаголами в форме претерита, придавая им главным образом значение однократности и завершенности действия, например: *از دل برود هر آن که از دیده برفت* *Az del beravad har ān-ke az dide beraft* *посл.* ‘Каждый, кто исчез с глаз, исчезает из сердца’ (соотв. ‘С глаз долой, из сердца вон’).

лами подвижны и неустойчивы. Будучи по своей структуре самостоятельными словами, по выполняемым функциям и значению они сходны с грамматическими аффиксами.

В персидском языке с его аналитически-флективным строем служебные глаголы имеют широкое распространение и представлены тремя разновидностями: связочные, вспомогательные и компонирующие глаголы.

2.4.1. Связочные глаголы

В предложении связочные глаголы выступают в роли предикативной связки, обеспечивая связь предикатива с субъектом. Таким образом, они являются частью составного именного сказуемого и выражают его грамматическое значение, обозначая время, лицо и наклонение: امروز گرم است *Emruz garm ast* ‘Сегодня тепло [есть]’; تو دانشجو هستی? *To dānešju hasti?* ‘Ты являешься студентом?’. Связочные глаголы — часть глагольно-именных конструкций, их семантико-функциональные свойства проявляются только на синтаксическом уровне.

Наиболее часто в функции предикативной связки используются глагол-связка هست *hast* ‘есть’, ‘имеется’ и его краткие формы и глагол بودن *budan* ‘быть’⁴. Глагол-связка — недостаточный глагол и употребляется только в настоящем времени.

Таблица 7

Спряжение глагола-связки هست *hast*

Число	Лицо	Положительная форма		Отрицательная форма
		полная	краткая	
единственное	1-е	هستم <i>hastam</i>	ام <i>-am</i>	نیستم <i>nistam</i>
	2-е	هستی <i>hasti</i>	ای <i>-i</i>	نیستی <i>nisti</i>
	3-е	هست <i>hast</i>	است <i>-ast</i>	نیست <i>nist</i>
множественное	1-е	هستیم <i>hastim</i>	ایم <i>-im</i>	نیستیم <i>nistim</i>
	2-е	هستید <i>hastid</i>	اید <i>-id</i>	نیستید <i>nistid</i>
	3-е	هستند <i>hastand</i>	اند <i>-and</i>	نیستند <i>nistand</i>

Глагол-связка не имеет формы инфинитива⁵. Кроме того, ее полная форма редко употребляется в 3-м лице ед. числа в качестве предикативной связки: вместо нее используется краткая форма است *-ast*. Все краткие формы энклитичны и обычно произносятся слитно с предшествующим словом.

Особое произношение и соответствующее графическое изображение получает связка в 3-м лице ед. числа است *ast* после слов с исходом на гласный (кроме *-e*).

⁴ Глагол-связка هست *hast* и глагол بودن *budan* помимо чисто грамматического значения обладают также лексическими значениями: هست *hast* — ‘есть’, ‘существует’, ‘имеется’, ‘находится’; بودن *budan* — ‘присутствовать’, ‘находиться’. Выступая в своих лексических значениях, эти глаголы утрачивают служебную функцию.

⁵ Форма инфинитива هستن **hastan*, зафиксированная в некоторых толковых словарях и грамматиках персидского языка, имеет искусственный характер и не встречается ни в современных текстах, ни в текстах языка классического периода.

Как известно, группа сказуемого состоит из связки и именной части, которая может быть выражена существительным, прилагательным и, реже, другими частями речи. В этом случае в обычной речи конечный гласный предикатива вытесняет гласный связки *-a*. В повседневной речи чаще всего наблюдается вытеснение гласного звука краткой формы глагола-связки, однако возможны случаи, когда гласный *a* сохраняется. Что касается графического обозначения вытесненного гласного *a* в современном персидском языке, то на письме чаще всего сохраняется *alef* связки; в произношении же, наоборот, *alef* пропускается: این بازو است *In bāzu + ast = in bāzu-st* 'Это рука'; این پا است *In pā + ast = in pā-st* 'Это нога'; اسم او رضا است *Esm-e u Rezā + ast = esm-e u Rezā-st* 'Его зовут Реза'; این رادیو است *In rādio + ast = in rādio-st* 'Это радио'; او ایرانی است *U irāni + ast = u irāni-st* 'Он иранец'. Ведущим является произношение, а графическое изображение оказывается вторичным.

Что касается звуков *-e*, *-a*, дифтонгов *eu*, *ow* в исходе предикатива, то о каждом из них следует сказать отдельно. Звук *-e* никак не влияет на гласный связки, звук *a* в персидском языке в исходе слов практически не встречается (а отрицательная форма представлена самостоятельным словом نیست *nist*). Дифтонг *ow* в исходе слова перед гласным распадается, и второй элемент переходит в согласный звук *v* (پلو *polow* → *polov*): این پلو است *In polov-ast* 'Это плов'; این پتو نو است *In patu nov-ast* 'Это одеяло новое'. Дифтонг *eu* не распадается на отдельные сегменты. Таким образом, в последних примерах связка *است -ast* остается неизменной.

Глагол بودن *budan* в настоящем времени выступает как синоним глагола-связки هست *hast* и по сравнению с последним имеет книжный характер.

Таблица 8

Спряжение глагола بودن *budan*

Лицо	Настоящее время		Прошедшее время	
	ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е	می باشم <i>mibāšam</i>	می باشیم <i>mibāšim</i>	بودم <i>budām</i>	بودیم <i>budīm</i>
2-е	می باشی <i>mibāši</i>	می باشید <i>mibāšid</i>	بودی <i>budi</i>	بودید <i>budid</i>
3-е	می باشد <i>mibāšad</i>	می باشند <i>mibāšand</i>	بود <i>bud</i>	بودند <i>budānd</i>

Учитывая то обстоятельство, что бессвязочных именных предложений в персидском языке почти не бывает, следует подчеркнуть большую роль связочных глаголов в структурной организации предложения.

По лексическому значению от чисто связочных глаголов следует отличать полусвязочные глаголы типа به شمار رفتن *be šomār raftan* 'считаться', درآمدن *dar-āmadan* 'получаться', 'выходить', نمودن *nemudan*, به نظر رسیدن *be nazar rasidan* 'казаться': این جواب درست به شمار می آید *In javāb dorost be šomār miāyad* 'Этот ответ *считается* правильным'; کوه از دور کوچک می نمود *Kuh az dur kučək minamud* 'Гора издали *казалась* небольшой'. Наиболее абстрактными и лексически малозначимыми среди полусвязочных глаголов являются глагол شدن *šodan* 'делаться', 'становиться' и его синонимы گردیدن *gardidan* и گشتن *gaštan*: هوا بهتر می شود *Havā behtar mišavad* 'Погода *становится* лучше'.

2.4.2. Вспомогательные глаголы

Эту разновидность служебных глаголов иногда рассматривают вместе со связочными, однако для этого нет ни лексических, ни грамматических оснований. Вспомогательные глаголы выражают исключительно грамматические категории в составе аналитических форм и по сравнению со связочными глаголами в еще большей степени лишены лексического значения. Их особенностью являются регулярность использования в служебной функции и стабильность выражаемого грамматического значения.

К вспомогательным глаголам относятся уже упоминавшиеся выше глаголы بودن *budan* 'быть', краткие формы глагола-связки, глагол شدن *šodan* 'становиться', а также глагол داشتن *dāstan* 'иметь' и особые бесприставочные формы глагола خواستن *xāstan* 'хотеть'. Характер функционирования упомянутых вспомогательных глаголов будет рассмотрен при характеристике соответствующих аналитических форм времени, наклонения и залога.

2.4.3. Компонирующие глаголы

Глаголы, выступающие в составе устойчивых двучленных глагольных словосочетаний и сообщающие им глагольные свойства, получили название компонирующих⁶. Они выполняют формально-грамматическую роль показателя действия. В качестве компонирующих используются простые, префиксальные, а иногда и сложные глаголы.

Наиболее часто в роли компонирующих выступает сравнительно небольшая группа простых глаголов: کردن *kardan* 'делать', دادن *dādan* 'давать', زدن *zadan* 'бить', شدن *šodan* 'становиться', خوردن *xordan* 'есть', گرفتن *gereftan* 'брать', 'получать', کشیدن *kešidan* 'тянуть', یافتن *yāftan* 'находить', داشتن *dāstan* 'иметь', دیدن *didan* 'видеть'. Другие простые глаголы в этой функции используются реже.

Из префиксальных глаголов в роли компонирующих чаще употребляются برداشتن *bar-dāstan* 'поднимать', 'брать', برآوردن *bar-āvardan* 'исполнять', 'осуществлять', درآوردن *dar-āvardan* 'вынимать', 'вытаскивать' и некоторые другие.

Из сложных глаголов компонирующими можно считать только те, которые выступают как полные синонимы простых глаголов, например: کردن پیدا *peydā kardan* и یافتن *yāftan* 'находить', به عمل آوردن *be amal āvardan* کردن *kardan* 'делать', 'производить'. Образованные с помощью синонимичных сложных и простых глаголов, устойчивые глагольные словосочетания не имеют ни семантических, ни стилистических различий, ср.: ادامه یافتن *edāme yāftan* и ادامه پیدا کردن *edāme peydā kardan* 'продолжаться', اقدام کردن *eqdām kardan* и به عمل آوردن *eqdām be amal āvardan* 'прилагать усилия', 'принимать меры'.

Большинство сложных глаголов может иметь в качестве эквивалентов не один, а два-три (иногда и больше) компонирующих глаголов. При этом очень часто

⁶ Впервые компонирующие глаголы были отнесены к числу служебных в статье Л.С.Пейсикова [Пейсиков 1958]. Из работ, изданных в Иране, наиболее подробная характеристика этих глаголов и их состава дается в книге П.Ханляри «История персидского языка» в разделе «Структура глагола» [Ханляри 1349, с. 23–68].

комбинирующие глаголы, не будучи лексическими синонимами, выступают как слова-эквиваленты, образуя вариантыные формы сложных глаголов: تغییر کردن (پذیرفتن، یافتن) *taqyir kardan (paziroftan, yāftan)* 'изменяться', آسیب خوردن (دیدن، یافتن) *āsib خوردan (didan, yāftan)* 'получить повреждение', 'нести убыток'. Вариантные формы сложных глаголов почти не различаются ни семантически, ни стилистически.

Семантически наиболее опустошенными проявляют себя комбинирующие глаголы, образующие моделированные сложные глаголы (об этом см. ниже). Комбинирующие глаголы, которые образуют немоделированные сложные глаголы, в значительной степени утрачивают свои служебные функции и поэтому могут быть отнесены к служебным глаголам условно.

3. Структурная и словообразовательная классификация глаголов

В персидском, как и в большинстве других иранских языков, словообразовательные пути глаголов и имен значительно разошлись. Если для образования существительных и прилагательных используются такие способы, как аффиксация, полуаффиксация, словосложение, транспозиция, лексикализация словосочетаний, то в основе образования глаголов (простых и префиксальных) лежит исключительно аффиксальное словопроизводство, характеризующееся крайней бедностью словообразовательных аффиксов. В современном языке образования новых простых и префиксальных глаголов практически не происходит, поэтому об аффиксальном способе глагольного словообразования фактически можно говорить лишь в диахроническом плане. Основная масса глагольных единиц образована и образуется по фразеологической модели типа «имя + глагол». Таким путем создаются устойчивые глагольные словосочетания, обычно называемые в грамматической литературе сложными глаголами. Они только в плане содержания могут быть сопоставлены со сложными словами, но отличаются от последних рядом структурно-грамматических признаков.

В работах, посвященных глаголу в иранских языках, существует разный подход к структурной и словообразовательной классификации глагольных единиц, используется обширная система терминов, обозначающих виды и подвиды глаголов, однако единого подхода до сих пор не выработано. Трудности выработки единых критериев классификации глагольных единиц вызваны тем, что в синхронном плане простые и префиксальные глаголы представляют собой закрытые группы, которые не пополняются новыми глагольными образованиями, тогда как сложные глаголы — наиболее обширный класс глагольных словосочетаний, постоянно пополняющийся на основе упоминавшейся выше фразеологической модели. Все сказанное свидетельствует о том, что термин «словообразование» по отношению к глаголам может быть применен весьма условно: простые и префиксальные глаголы по существу не участвуют в словообразовании, а новые сложные глаголы появляются в результате фразеобразования.

Таким образом, в основе классификации глагольных единиц современного персидского языка, получившей широкое распространение в грамматической литературе, лежит их строение, учитывающее глагольное словообразование и фразеобразование в диахроническом и синхроническом плане. В соответствии с этой классификацией выделяются следующие структурные типы глагольных единиц: простые глаголы, префиксальные глаголы и сложные глаголы.

3.1. Простые глаголы

Простые глаголы состоят из одного слова, в котором, если оно берется в форме инфинитива, выделяются две морфемы — основа прошедшего времени и суффикс ن *-an*⁷. Количество простых глаголов в персидском языке строго ограничено и составляет около трехсот единиц, см. [Ханляри 1349, с. 13].

3.1.1. Глаголы правильные, подобноправильные, неправильные

На основе соотношения презентных и претеритальных основ простые глаголы делятся на правильные, подобноправильные и неправильные.

1. Правильные глаголы.

К правильным относятся глаголы, ОПВ которых является производной от ОНВ и образуется путем присоединения к ней основообразующего суффикса د *-d* или يد *-id* (например, ران *rān* + د *-d* = راند *rānd* — ОПВ гл. راندن *rāndan* ‘гнать’, كوب *kub* + يد *-id* = كوبيد *kubid* — ОПВ гл. كوبيدن *kubidan* ‘бить’, ‘ударять’). ОНВ правильных глаголов свободно вычленяется из инфинитива путем отбрасывания конечных элементов دن *-dan*, يدن *-idan*, представляющих собой сочетание суффиксов ОПВ и суффикса инфинитива ن *-an*: كندن *kandan* ‘копать’, ‘рыть’ — ОНВ كن *kan*, نوشيدن *nušidan* ‘пить’ — ОНВ نوش *nuš*.

2. Подобноправильные глаголы.

Подобноправильные глаголы проявляют сходство с правильными глаголами в отношении выделения ОНВ и ОПВ. ОНВ подобноправильных глаголов могут быть образованы от ОПВ путем механического отбрасывания конечных элементов اد *-ād*, ست *-est*, ت *-t*, فت *-oft* и ست *-st*. Однако они в отличие от суффиксов правильных глаголов являются «мертвыми» и не участвуют в образовании отыменных, вторичных и каузативных глаголов.

В.С.Расторгуева и А.А.Керимова выделили в особую группу простые глаголы, претеритальная основа которых имеет конечные -od (اد), -ust (ست), -m (ت), см. [Расторгуева, Керимова 1964, с. 11]. К этим трем суффиксам А.Г.Джавов в кандидатской диссертации «Структурные типы глагола современного языка дари (в сопоставлении с современным персидским языком)» справедливо добавил еще два

⁷ Это наиболее общее морфологическое членение простых глаголов, охватывающее все их структурные разновидности: правильные, подобноправильные и неправильные. В правильных и подобноправильных глаголах выделяются ОНВ, суффикс ОПВ и суффикс инфинитива ن *-an*.

окончания: *-oft* *فت* и *-st* *ست* [Джавов 1988, с. 7]. Таким образом, подобноправильные глаголы в современном персидском языке представлены небольшим количеством простых глаголов, ОПВ которых оканчиваются на суффиксы: *اد -ād* (*ایست ist* — *ایستاد istād* < гл. *ایستادن istādan* ‘стоять’, *فرست ferest* — *فرستاد ferestād* < гл. *فرستادن ferestādan* ‘посылать’); *ست -est* (*توان tavān* — *توانست tavānest* < гл. *توانستن tavānestan* ‘мочь’, *دان dān* — *دانست dānest* < гл. *دانستن dānestan* ‘знать’); *ت -t* (*باف bāf* — *بافت bāft* < гл. *بافتن bāftan* ‘плести’, ‘ткать’, *شکف šekof* — *شکفت šekoft* < гл. *شکفتن šekoftan* ‘цвести’, ‘расцветать’); *فت -oft* (*پذیر pazir* — *پذیرفت paziroft* < гл. *پذیرفتن paziroftan* ‘принимать’); *ست -st* (*زی zi* — *زیست zist* < гл. *زیستن zistan* ‘жить’, *گری geri* — *گریست gerist* < гл. *گریستن geristan* ‘плакать’) и *یست -ist* (*نگر negar* — *نگریست negarist* < гл. *نگریستن negaristan* ‘смотреть’, ‘глядеть’). В грамматиках и в приложениях к словарям персидского языка подобноправильные глаголы обычно включаются в списки неправильных глаголов.

3. Неправильные глаголы.

К неправильным относятся глаголы, обе основы которых, хотя чаще всего и восходят к одному и тому же корню, в настоящее время имеют фонетические различия и не могут быть образованы одна из другой. Большинство из них различаются только одним звуком — согласным или гласным. Этот звук в ОНВ является конечным, а в ОПВ предшествует исходному *ت -t* или *د -d*: *آمیز āmiz* — *آمیخت āmixt* < гл. *آمیختن āmixtan* ‘смешивать’, ‘смешиваться’; *فرما farmā* — *فرمود farmud* < гл. *فرمودن farmudan* ‘приказывать’. Иногда звуковые соотношения между ОНВ и ОПВ бывают более сложными: *باش bāš* — *بود bud* < гл. *بودن budan* ‘быть’; *بر bar* — *برد bord* гл. < *بردن bordan* ‘нести’; *ده deh* — *داد dād* < гл. *دادن dādan* ‘давать’; *کن kon* — *کرد kard* < гл. *کردن kardan* ‘делать’.

Отметим основные закономерности в фонетических соотношениях презентных и претеритальных основ неправильных глаголов.

1) У глаголов с ОПВ на *فت -ft* наблюдаются следующие виды чередования согласных:

a) *b/f*: *کوب kub* — *کوفت kuft* < гл. *کوفتن kuftan* ‘бить’; *شتاب šetāb* — *شتافت šetaft* < гл. *شتافتن šetaftan* ‘спешить’; *فریب farīb* — *فریفت farift* < гл. *فریفتن fariftan* ‘обманывать’; одновременно возможно также изменение гласного: *روب rub* — *روفت roft* < гл. *روفتن roftan* ‘мести’, ‘подметать’; *آشوب āšub* — *آشفت āsoft* < гл. *آشفتن āsoftan* ‘волноваться’; *خواب xāb* — *خفت xoft* < гл. *خفتن xoftan* ‘спать’;

b) *v/f*: *رو rav* — *رفت raft* < гл. *رفتن raftan* ‘идти’, ‘уходить’.

2) У глаголов с ОПВ на *خت -xt* встречаются следующие виды чередования:

a) *z/x*: *انداز andāz* — *انداخت andāxt* — гл. *انداختن andāxtan* ‘бросать’; *آموز āmuz* — *آموخت āmuxt* < гл. *آموختن āmuxtan* ‘учить’, ‘обучать’; *دوز duz* — *دوخت duxt* < гл. *دوختن duxtan* ‘шить’; *باز bāz* — *باخت bāxt* < гл. *باختن bāxtan* ‘проигрывать’; *ساز sāz* — *ساخت sāxt* < гл. *ساختن sāxtan* ‘строить’;

b) *s/x*: *شناس šenās* — *شناخت šenāxt* < гл. *شناختن šenāxtan* ‘знать’, ‘быть знакомым’;

v) *š/x*: *فروش foruš* — *فروخت foruxt* < гл. *فروختن foruxtan* ‘продавать’; *دوش duš* — *دوخت duxt* < гл. *دوختن duxtan* ‘доить’.

3) У глаголов с ОПВ на *شت -št* могут быть следующие виды чередования:

a) *z/š*: *افراز afrāz* — *افراشت afrāšt* < гл. *افراشتن afrāštan* ‘поднимать’;

б) r/š: گذر *gozar* — گذشت *gozašt* < гл. گذشتن *gozaštan* 'проходить'; دار *dār* — داشت *dāšt* < гл. داشتن *dāštan* 'иметь'; کار *kār* — کاشت *kāšt* < гл. کاشتن *kāštan* 'сеять';

в) s/š: نویس *nevis* — نوشت *nevešt* < гл. نوشتن *neveštan* 'писать'; ریش *ris* — رشت *rešt* < гл. رشتن *reštan* 'прясть', 'сучить' (в этом случае гласный *e* изменился на *i*);

г) l/š: هل *hel* — هشت *hešt* < гл. هشتن *heštan* 'оставлять', 'допускать';

д) rd/š: گرد *gard* — گشت *gašt* < гл. گشتن *gaštan* 'вращаться', 'гулять'.

4) Глаголы с ОПВ на *-st* имеют следующие виды чередования согласных:

а) y/s: آرای *ārāy* — آراست *ārāst* < гл. آراستن *ārāstan* 'украшать'; پیرای *pirāy* — پیراست *pirāst* < гл. پیراستن *pirāstan* 'украшать', 'убирать'; одновременно возможно изменение гласных: روی *ruy* — رست *rost* < гл. رستن *rostan* 'расти'; جوی *juy* — جست *jost* < гл. جستن *jostan* 'искать'; شوی *šuy* — شست *šost* < гл. شستن *šostan* 'мыть', 'стирать';

б) h/s: جه *jah* — جست *jast* < гл. جستن *jastan* 'прыгать', 'скакать'; ره *rah* — رست *rast* < гл. رستن *rastan* 'избавляться'; خواه *xāh* — خواست *xāst* < гл. خواستن *xāstan* 'хотеть';

в) nd/s: بند *band* — بست *bast* < гл. بستن *bastan* 'связывать', 'привязывать'; پیوند *peyvand* — پیوست *peyvast* < гл. پیوستن *peyvastan* 'соединять';

г) n/s: شکن *šekan* — شکست *šekast* < гл. شکستن *šekastan* 'ломать', 'разбивать'.

Кроме того, ряд неправильных глаголов наряду с чередованием согласных имеет чередования гласных звуков, например: نشین *nešin* — نشست *nešast* < гл. نشستن *nešastan* 'сидеть'; خیز *xiz* — خاست *xāst* < гл. خاستن *xāstan* 'вставать', 'подниматься'.

Отметим некоторые чередования гласных звуков:

а) ā/u: نما (ی) *nemā(y)* — نمود *nemud* < гл. نمودن *nemudan* 'показывать', 'казаться'; فرما (ی) *farmā(y)* — فرمود *farmud* < гл. فرمودن *farmudan* 'приказывать'; سرا (ی) *sarā(y)* — سرود *sorud* < гл. سرودن *sorudan* 'петь'; ربا (ی) *robā(y)* — ربود *robud* < гл. ربودن *robudan* 'похищать'; پیم (ی) *peymā(y)* — پیمود *peymud* < гл. پیمودن *peymudan* 'мерить', 'измерять';

б) ā/o: آزار *āzār* — آزد *āzord* < гл. آزدن *āzordan* 'обижать', 'огорчать'; سپار *sepār* — سپرد *sepord* < гл. سپردن *sepordan* 'поручать'; شمار *šomār* — شمرد *šomord* < гл. شمردن *šomordan* 'считать'.

В самостоятельную группу следует выделить неправильные глаголы, имеющие в исходе ОНВ сонорный *-n*, который в ОПВ отсутствует: زن *zan* — زد *zad* < гл. زدن *zadan* 'бить', 'ударять'; آفرین *āfarin* — آفرید *āfarid* < гл. آفریدن *āfaridan* 'творить', 'создавать'; گزین *gozin* — گزید *gozid* < гл. گزیدن *gozidan* 'выбирать'; چین *č'in* — چید *č'id* < гл. چیدن *č'idan* 'собирать'; ستان *setān* — ستاد *setād* < гл. ستادن *setādan* 'брат', 'взимать'.

Особое место среди неправильных глаголов занимают глаголы دیدن *didan* 'видеть' и آمدن *āmadan* 'приходить', обладающие супплетивными основами. Презентная и претеритальная основы этих глаголов восходят к разным корням: بین *bin* — دید *did* < гл. دیدن *didan*: ОНВ بین *bin* — к иранской основе **vaina-*₂, ОПВ دید *did* — к причастию прошедшего времени **dita-*; آمد (ی) *ā(y)* — آمد *āmad* < гл. آمدن *āmadan*: ОНВ آمد (ی) *ā(y)* — к иранской основе **i-*, ОПВ آمد *āmad* — к иранской основе **gam-* 'приходить', см. [ОИЯ 1982, с. 140].

3.1.2. Глаголы производные и непроизводные

Как отмечалось выше, об аффиксальном словообразовании глаголов в основном можно говорить в диахроническом плане. В связи с этим выделение двух групп простых глаголов — производных и непроизводных — с синхронной точки зрения выглядит весьма условно. И все же выделение таких групп мы считаем целесообразным: оно поможет изучить структурные особенности современных простых глаголов.

Основанием для выделения производных глаголов служат два обстоятельства: наличие у них четко выраженной морфемной структуры и наличие живых, образующих претеритальную основу аффиксов *ید* -*id* и *د* -*d*. К числу производных глаголов относятся отыменные (деноминативные), вторичные (образованные от презентных основ неправильных глаголов) и каузативные глаголы.

К непроизводным (первообразным) относятся все глаголы, которые не являются инновационными образованиями, т.е. они существовали как готовые единицы уже в новоиранскую языковую эпоху. В их состав входят все неправильные и подобноправильные глаголы, а также те правильные глаголы, которые не являются образованиями классического или современного персидского языка.

1. Производные глаголы.

1. Отыменные глаголы.

Эта разновидность производных глаголов образована по модели «имя + основообразующий суффикс *ید* -*id* + суф. *ن* -*an*».

Имена, выступающие в роли презентных основ отыменных глаголов, по своему происхождению могут быть исконно иранскими и заимствованными из других языков. Но основную массу составляют чисто персидские имена.

В качестве презентных основ деноминативных глаголов используются:

1) имена существительные: *نام* *nām* 'имя' (*نامیدن* *nāmidan* 'называть', 'именовать'), *چرخ* *čarx* 'колесо' (*چرخیدن* *čarxidān* 'крутиться'), *دزد* *dozd* 'вор' (*دزدیدن* *dozdidan* 'воровать'), *جنگ* *jang* 'война' (*جنگیدن* *jangidan* 'воевать', 'сражаться'), *رنج* *ranj* 'обида', 'огорчение' (*رنجیدن* *ranjidan* 'обижаться', 'огорчаться') и т.д.;

2) имена прилагательные: *ترش* *torš* 'кислый' (*ترشیدن* *toršidan* 'прокисать'), *خشک* *xošk* 'сухой' (*خشکیدن* *xoškidan* 'высыхать'), *لنگ* *lang* 'хромой' (*لنگیدن* *langidan* 'хромать');

3) звукоподражательные слова: *جرنگ* *jarang* 'звон', 'бряцание' (*جرنگیدن* *jarangidan* 'звенеть', 'бряцать'), *غرمب* *qoromb* 'грохот' (*غرمبیدن* *qorombidan* 'громыхать').

Из заимствованных слов, выступающих в качестве презентных основ, отметим арабские имена: *فهم* *fahm* 'понимание' (*فهمیدن* *fahmidan* 'понимать'), *بلع* *bal* 'глотание' (*بلعیدن* *bal'idan* 'глотать'), *رقص* *raqs* 'танец' (*رقصیدن* *raqsidan* 'танцевать'), *طلب* *talab* 'требование' (*طلبیدن* *talabidan* 'требовать'), *غارت* *qārat* 'грабеж' (*غارتیدن* *qāratidan* 'грабить').

В современном персидском языке употребляется также каузативный отыменный глагол *قبولاندن* *qabulāndan* 'заставить принимать', 'навязывать', 'убеждать', где в роли презентной основы выступает арабское имя *قبول* *qabul* 'принятие', 'одобре-

ние'. Исходный некаузативный глагол قبولیدن *qabulidan* 'принимать', употреблявшийся в языке классического периода, в современном языке не сохранился.

В персидском языке имеется небольшое количество деноминативных глаголов с презентной основой, восходящей к тюркским словам: کوچیدن *kučidan* 'кочевать', 'перекочевывать' (کوح *kuč* 'кочевание' от тюрк. *kočmak* 'перекочевывать'), قاپیدن *qāpidan* 'хватать' (قاپ *qāp* 'хватание' от тюрк. *qapmaq* 'хватать').

Из европеизмов в качестве глагольной основы в персидских грамматиках приводится слово تلگراف *telgerāf* 'телеграф' и соответственно отыменный глагол تلگرافیدن *telgerāfidan* 'телеграфировать', который, по нашему мнению, в современном языке не получил большого распространения.

В грамматиках персидского языка, изданных в Иране, все отыменные глаголы в отличие от других, именуемых основными (اصلي *asli*), названы ложными, искусственными (جعلی *ja'li* или ساختگی *sāxtegi*). Особенностью этих глаголов является то, что они образованы от именных основ, выступающих как самостоятельные слова и никогда не способных выступать в качестве ОНВ неправильных глаголов, см. [Шариат 1364, с. 94–95].

Образование деноминативных глаголов, их появление не во всех случаях связано с началом формирования новоперсидского языка.

Отыменные глаголы употреблялись уже в среднеперсидском языке, где они образовывались от именных основ с помощью основообразующих суффиксов *-t*, *-it*, *-est* и окончания инфинитива *-an*: پآکآر-ت-آن *pātkār-t-an* 'сражаться' (*pātkār* 'сражение', 'битва', *ken-it-an* 'злиться', 'мстить' (*ken* 'злость', 'месть'), *kāmeštan* 'желать', 'хотеть' (*kām* 'желание'), см. [ОИЯ 1981, с. 105, 109]. Многие из деноминативных глаголов были употребительны только в среднеперсидском языке и в новоперсидском не встречаются. Отдельные отыменные глаголы, употреблявшиеся в среднеперсидском и дошедшие до нашего времени, в современном персидском языке уже не воспринимаются как деноминативные из-за утраты исходной именной основы. Например, среднеперсидский глагол *vāridan* (*vār* 'дождь') в новоперсидском приобрел форму باریدن *bāridan* 'литься', 'идти (о дожде)', а существительное باران *bārān* 'дождь', образовавшееся из ОНВ этого глагола, не является его презентной основой.

Возрастание числа отыменных глаголов наблюдалось в раннем новоперсидском языке. В поэме Фирдоуси «Шахнаме» встречаются десятки отыменных глаголов, которые, по мнению Л.С.Пейсикова, являются результатом авторского словотворчества: شتابیدن *šetābidan* 'торопиться', خروشیدن *xorušidan* 'кричать', گرازیدن *gorāzidan* 'грациозно выступать', ستیزیدن *setizidan* 'сражаться', بسیجیدن *basijidan* 'мобилизовать' и т.д. [Пейсиков 1973, с. 124].

Ж.Лазар в работе, посвященной характеристике языка ранней персидской прозы, отмечает свыше 20 глаголов-деноминативов [Lazard 1963, с. 501–513].

М.Бахар указывает, что деноминативы, образованные от иноязычной (арабской) основы, стали появляться в XII в.: فهمیدن *fahmidan* 'понимать' (فهم *fahm* 'понимание'), طلبیدن *talabidan* 'требовать' (طلب *talab* 'требование'), رقصيدن *raqsidan* 'танцевать' (رقص *raqs* 'танец') и др. [Бахар 1337, т. 1, с. 58].

Большинство отыменных глаголов имеет ясную структуру и сохраняет семантическую связь с именем, которое становится их презентной основой. Вместе с тем

следует отметить, что в отношении некоторых глаголов возникают трудности при определении их производности от имени. Л.С.Пейсиков приводит простые глаголы, семантическая производность которых от имени ослабляется, становится неясной в связи с тем, что их значение непосредственно не вытекает из значения производящего имени: это может быть вызвано архаичностью или сдвигом семантики производного [Пейсиков 1973, с. 125]. Например, ср. چرب *čarb* 'жирный' и چربیدن *čarbidan* 'превосходить'; خار *xār* 'колочка' и خاریدن *xāridan* 'чесаться', 'чесать', 'скрести'; پای *pāy* 'нога' и پاییدن *pāyidan* 'стеречь', 'караулить'.

Что касается фонетических несоответствий между глаголами и именами, приводимых Л.С.Пейсиковым (там же), то в одних случаях это могут быть не деноминативные, а неправильные глаголы (например, انباشتن *ambāštan* 'накапливать', 'собирать' и انبار *ambār* 'склад'), в других — производящим словом, видимо, является не имя, а ОНВ глагола (например, نالیدن *nālidan* 'плакать', 'стенать' и ناله *nāle* 'плач', خندیدن *xandidan* 'смеяться' и خنده *xande* 'смех'), к которой прибавлен словообразовательный суффикс *-e*. Иначе говоря, в обоих случаях глаголы не являются отыменными.

Отыменные глаголы обычно не служат производящей основой для образования префиксальных глаголов.

Иранский филолог П.Н.Ханляри в книге «История персидского языка», рассматривая образование деноминативных глаголов на материале языка классического периода, отмечает, что от ОНВ этих глаголов не может быть образовано отглагольное имя (مصدر *masdar*) с окончанием *-eš*. Например, невозможны такие слова, как **jangeš*, **dozdeš*, **toršeš* [Ханляри 1349, с. 14].

В современном персидском языке сохранилось сравнительно ограниченное число отыменных глаголов, употреблявшихся в языке классической литературы. В настоящее время новые деноминативные глаголы почти не образуются, и для выражения новых значений, связанных с глагольным действием, используются сложные глаголы. Так, вместо употребительных отыменных глаголов классического периода стали использовать сложные глаголы: вместо آغازیدن *āqāzidan* 'начинать' (آغاز *āqāz* 'начало') — آغاز کردن *āqāz kardan*; вместо اندوهیدن *anduhidan* 'печалиться', 'тосковать' — اندوه خوردن *anduh خوردan*. Вместе с тем в современном персидском имеются отыменные глаголы, употреблявшиеся еще в языке классического периода и сохраняющиеся в современном языке наряду с их эквивалентами — сложными глаголами: چرخیدن *čarxidan* 'кружиться' и چرخ زدن *čarx zadan*; طلبیدن *talabidan* 'требовать' и طلب کردن *talab kardan*; کوچیدن *kučidan* 'кочевать' и کوچ کردن *kuč kardan*. Некоторые отыменные глаголы не имеют эквивалента в виде сложного глагола, образованного от того же имени, например: فهمیدن *fahmidan* 'понимать' (فهم *fahm* 'понимание'), ترسیدن *tarsidan* 'бояться', 'страшиться' (ترس *tars* 'страх').

Пополнение глагольной лексики за счет увеличения числа отыменных глаголов в современном языке почти не наблюдается. Отдельные случаи появления новых отыменных глаголов можно встретить только в разговорном языке.

2. Вторичные глаголы.

К вторичным мы относим такие простые глаголы, которые образованы от презентных основ неправильных глаголов: گردیدن *gardidan* 'вращаться' (گشتن *gaštan* — ОНВ گرد *gard*), خوابیدن *xābidan* 'спать' (خفتن *xofian* — ОНВ خواب *xāb*). Все вторич-

ные глаголы образуются по схеме правильных глаголов. Их претеритальные основы образуются путем добавления к ОНВ суффиксов *ید* -*id* (наиболее часто) и *د* -*d*.

Многие исследователи отмечают, что в языке классической литературы эти инновационные глаголы получили широкое распространение и практически от любого неправильного глагола можно было образовать правильный. Так, от неправильных глаголов *انداختن andāxtan* ‘бросать’, *گفتن goftan* ‘говорить’, *رافتن raftan* ‘идти’ можно было образовать соответственно правильные формы: *اندازیدن andāzidan*, *گویدن guyidan*, *رویدن ravidan*. Однако в дальнейшем правильные формы не получили распространения.

В настоящее время в персидском языке сравнительно небольшое количество простых глаголов сохраняют одновременно неправильную и правильную формы. И хотя неправильная форма глагола является первичной, а правильная — вторичной, инновационная форма часто оказывается более употребительной, ср.: *خفتن xoftan* и *خوابیدن xābīdan* ‘спать’; *مشتن moštan* и *مالیدن mālidan* ‘тереть’, ‘растирать’.

Имеется небольшое количество простых глаголов, неправильная и правильная формы которых приблизительно одинаково употребительны в современном персидском языке: *کوفتن kuftan* и *کوبیدن kubīdan* ‘бить’, ‘ударять’; *تافتن tāftan* и *تابیدن tābīdan* ‘светить’, ‘сиять’; *گذاشتن gozāštan* и *گزاردن gozārdan* ‘ставить’, ‘класть’, ‘оставлять’, ‘допускать’; *جستن jastan* и *جهیدن jahīdan* ‘прыгать’; *گشتن gaštan* и *گردیدن gardīdan* ‘вращаться’; *رستن rostan* и *روییدن ruyīdan* ‘расти’.

Некоторые вторичные глаголы в современном языке приобрели статус основной формы, а первоначальная, архаичная форма вышла из употребления, ср., например, архаичное *سختن saxtan* (ОНВ *سج sanj*) и *سنجیدن sanjīdan* ‘обдумывать’, ‘измерять’; архаичное *لشتن leštan* (ОНВ *لیس lis*) и *لیسیدن lisīdan* ‘лизать’.

От ряда ОНВ неправильных глаголов вообще не могут быть образованы вторичные глаголы: *کردن kardan* (ОНВ *کن kon*) ‘делать’, *دیدن دیدان* (ОНВ *بین bin*) ‘видеть’, *دادن dādan* (ОНВ *ده deh*) ‘давать’, *داشتن dāštan* (ОНВ *دار dār*) ‘иметь’, *آمدن āmadan* (ОНВ *آی āy*) ‘приходить’, *زدن zadan* (ОНВ *زن zan*) ‘бить’ и т.д.⁸. От глагола *گذاشتن gozāštan* ‘проходить’ не употребляется вторичный глагол **gozarīdan*, но употребляется каузативная форма *گذرانیدن gozarānīdan* ‘проводить’.

3. Каузативные глаголы.

Среди производных глаголов особое место принадлежит каузативным глаголам. Они образуются от ОНВ глаголов с помощью каузального суффикса *ان* -*ān* и основообразующих суффиксов *ید* -*id* и *د* -*d*⁹. Каузативные глаголы образуются от ОНВ как непереходных, так и переходных глаголов. В результате непереходные глаголы становятся переходными (например, *دویدن davidan* ‘бежать’ — *دواندن davāndan* ‘заставлять бежать’, ‘гнать’), а переходные получают понудительное значение (например, *خوردن xordan* ‘есть’ — *خورانیدن xorānīdan* ‘заставлять есть’, ‘кормить’).

⁸ В некоторых северных говорах таджикского языка, например в чустском, глаголы *کردан* и *دیدан* имеют параллельные правильные формы — *кундан* и *бендан*, см. [Расторгуева, Керимова 1964, с. 11].

⁹ В языке дари каузативные глаголы могут быть образованы не только от презентных, но и от претеритальных основ. Р. Фархади утверждает, что претеритальный каузатив образуется только от глаголов, основа которых оканчивается на *فت* -*ft*, *ست* -*st*, *شت* -*št*, *خت* -*xt*: *ریختانیدن rēxtāndan* ‘лить’, ‘сыпать’, *شکستاندن šekastāndan* ‘ломать’, ‘разбивать’ и т.д. [Фархади 1974, с. 136].

Образование каузативных глаголов нельзя рассматривать только как способ глагольного словообразования, ибо при этом присутствует также и грамматический фактор. Переходность–непереходность выступает в языке как лексико-грамматическая категория глагола. Рассмотрению каузативных глаголов как чисто грамматических форм, образующих понудительный залог, препятствует следующее: а) каузативные глаголы могут быть образованы не от каждой ОНВ глагола, т.е. отсутствует регулярность (например, нельзя образовать каузативный глагол от ОНВ гл. داشتن *dāštan* ‘иметь’, от ОНВ гл. گریستن *geristan* ‘плакать’, от ОНВ гл. گفتن *goftan* ‘говорить’); б) нередко у каузативных глаголов наблюдается изменение лексического значения или возникают новые значения (например, гл. برگشتن *bar-gaštan* ‘возвращаться’ в каузативной форме برگردانیدن *bar-gardānidan* получает значения ‘переводить (на другой язык)’, ‘искажать’, ‘извращать’, гл. خنداندن *xandāndan* имеет значения не только ‘заставлять смеяться’, но и ‘потешать’, ‘забавлять’).

О неграмматичности каузативных глаголов свидетельствует и то, что они могут полностью совпадать с коррелирующими глаголами только в некоторых значениях, не образуя своих собственных, например: کشاندن *kešāndan* 1) ‘тянуть’, ‘тащить’; 2) ‘манить’, ‘влечь’ (оба значения среди многочисленных других значений имеются у гл. کشیدن *kešidan*); بخشانیدن *baxšānidan* ‘прощать’, ‘извинять’ (одно из значений гл. بخشیدن *baxšidan*).

Имеется некоторое количество каузативных глаголов, образованных от именных основ: چرخاندن *čarxāndan* ‘крутить’, ‘вращать’, ‘кантовать’ (چرخ *čarx* ‘колесо’); ترسانیدن *tarsānidan* ‘пугать’, ‘запугивать’ (ترس *tars* ‘страх’, ‘боязнь’); فهماندن *fahmāndan* ‘давать понять’, ‘объяснять’, ‘растолковывать’ (فهم *fahm* ‘понимание’); قبولاندن *qabulāndan* ‘заставлять принимать’ (قبول *qabul* ‘принятие’, ‘одобрение’). В историческом плане процесс образования каузативных отыменных глаголов не изучен, но, учитывая согласованность в значениях с корреспондирующими с ними некаузативными глаголами, можно допустить, что они образовались от ОНВ ранее уже образованных отыменных глаголов.

II. Непроизводные глаголы.

Все рассмотренные выше глаголы, хотя и относятся к производным, в своем большинстве не являются результатом словообразовательного акта в современном языке. Видимо, наибольшими возможностями в пополнении своего состава обладают каузативные отыменные глаголы.

К производным (или первообразным) глаголам можно отнести только такие, которые в новоиранскую языковую эпоху существуют как уже готовые единицы и не являются новообразованиями. Они охватывают все неправильные и подобноправильные глаголы, а также правильные глаголы, не являющиеся инновационными образованиями.

Выше была дана характеристика неправильных глаголов и отмечены те звуковые закономерности в соотношении презентных и претеритальных основ, которые в древности образовались от одного корня: انداختن *andāxtan* ‘бросать’ — ОНВ انداز *andāz*, ОПВ انداخت *andāxt*; گفتن *goftan* ‘говорить’ — ОНВ گو *gu*, ОПВ گفت *goft*; گرفتن *gereftan* ‘брать’, ‘получать’ — ОНВ گیر *gir*, ОПВ گرفت *gereft*.

Часть неправильных глаголов, как предполагают некоторые иранисты, могла появиться в новоиранский период (и в единичных случаях в среднеиранский)

необычным способом. У глаголов, имеющих в основах чередование *r/š*, претеритальная основа на *شت -št* образовалась по аналогии с глаголами, имевшими в древности корневое **r* типа *کار kār / کشت kešt* — *کشتن keštan* ‘возделывать землю’, *گرد gard / گشت gašt* — *گشتن gaštan* ‘вращаться’ [Salemann 1901, с. 307; Horn 1901, с. 140]. По аналогии появились претеритальные основы на *شت -št* (при презентной основе на *ر -r*) у глаголов *داشتن dāštan* ‘иметь’ — *دار dār / داشت dāšt* и *گذشتن gozaštan* ‘проходить’ — *گذر gozar / گذشت gozašt*, см. [ОИЯ 1982, с. 136].

К непроизводным глаголам относятся правильные глаголы, ОНВ которых могут быть получены путем отбрасывания основообразующих суффиксов *ید -id*, *د -d* и суффикса инфинитива *ن -an*: ОНВ *خر xar* от *خریدن xar + id + an* ‘покупать’, ОНВ *نوش nuš* от *نوشیدن nuš + id + an* ‘пить’. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что правильные первообразные глаголы строятся по тем же моделям, по которым образованы отыменные и вторичные глаголы. Поэтому может вызвать затруднения отграничение правильных первообразных глаголов от отыменных и вторичных: необходимо изучение лексико-семантических и структурных особенностей простых глаголов не только в синхронном, но и в диахроническом плане. Так, если нужно определить принадлежность таких глаголов, как *خوابیدن xābīdan* ‘спать’ и *رهیدن rahīdan* ‘освобождаться’, ‘избавляться’, к производным или непроизводным, то следует оценить их основы настоящего времени и выявить наличие неправильных форм. Глагол *خوابیدن xābīdan* имеет ОНВ *خواب xāb*, которая употребляется в значении существительного ‘сон’¹⁰ и имеет неправильную форму *خفتن xofītan*. Глагол *رهیدن rahīdan* не обладает ОНВ, которая могла бы употребляться в качестве существительного, но имеет неправильную форму *رستن rastan*. Анализ этих глаголов дает основание рассматривать их как вторичные производные образования.

К непроизводным глаголам относятся также подобноправильные глаголы, характеристика которых была дана выше. Суффиксы *اد -ād*, *ست -est*, *ت -t*, *فت -oft* и *ست -st*, на которые оканчиваются претеритальные основы этих глаголов, не участвуют в современном глагольном словообразовании. Этим они отличаются от суффиксов *ید -id*, *د -d*, также образующих претеритальные основы.

3.2. Префиксальные глаголы

Особенностью этого структурного типа глаголов является наличие у них префиксов (приставок, превербов), которые в отличие от отмеченных выше формообразующих приставок *mi-*, *be-* являются словообразующими. Число словообразующих префиксов невелико, и, как справедливо отмечают иранисты, оно уже не пополняется новыми префиксами. Состав префиксальных глаголов и значения глагольных префиксов, которые исторически восходят главным образом к предлогам, довольно подробно освещены в работах отечественных и зарубежных авторов. Тем не менее вопрос о выделении префиксальных глаголов в самостоятельный структурный тип остается еще спорным.

¹⁰ В данном случае словообразовательная модель осуществляется не по формуле «имя → глагол» (формула образования отыменных глаголов), а, наоборот, — «ОНВ глагола → имя».

Авторы ряда грамматик, изданных в Иране, рассматривают префиксальные глаголы вместе со сложными. Нечеткость в разграничении префиксальных и сложных глаголов наблюдается и в грамматиках персидского языка, изданных в России, см. [Залеман, Жуковский 1890, с. 56–60; Галунов 1922, с. 36–38; Бертельс 1926, с. 67–69; Жирков 1927, с. 75–76]. Объединяя эти две разновидности, авторы различают: а) глаголы с морфологически невыделяемыми префиксами; б) сочетания предлогов и наречий с глаголами; в) сочетания глаголов с предшествующими именами.

Однако синхронный анализ этих разновидностей глагола, опирающийся на структурно-грамматический подход к их строению, позволяет по структуре и способу образования выделить три вида глаголов: 1) глаголы с морфологически неотделимыми, «мертвыми» приставками, которые срослись с глагольными основами (например, \bar{a} — آمدن *āmadan* ‘приходить’; پژ *paž* — پژمردن *pažmordan* ‘увядать’); эти глаголы можно отнести к префиксальным, только рассматривая их в процессе исторического развития; 2) глаголы с морфологически отделимыми префиксами: بر *bar-*, در *dar-*, فرا *farā-*, فرو *foru-*, وا *vā-* (например, آمدن *āmadan* ‘приходить’ — برآمدن *bar-āmadan* ‘подниматься’, ‘всходить’; آوردن *āvardan* ‘приносить’ — درآوردن *dar-āvardan* ‘вынимать’; گرفتن *gereftan* ‘брать’, ‘получать’ — فراگرفتن *farā-gereftan* ‘охватывать’; بردن *bordan* ‘нести’, ‘уносить’ — فروبردن *foru-bordan* ‘погружать’; گردیدن *gardidan* ‘вращаться’ — واگردیدن *vā-gardidan* ‘перевертываться’); 3) сложные глаголы, представляющие собой фразеологическое объединение имени и компонирующего глагола (например, کار کردن *kār kardan* ‘работать’; سیگار کشیدن *sigār kešidan* ‘курить’).

Глаголы с «мертвыми» приставками были рассмотрены в связи с характеристикой простых производных глаголов; теперь следует проанализировать структурно-грамматические и семантические особенности префиксальных и сложных глаголов.

Количество префиксов, выступающих в качестве глагольных превербов, невелико. Исторически они восходят к собственно предлогам и наречиям: بر *bar-*, در *dar-*, فرا *farā-*, فرو *foru-*, وا *vā-*. Наречие باز *bāz* ‘вновь’, ‘снова’ мы не относим к глагольным префиксам, поскольку это слово имеет собственное лексическое значение и может употребляться самостоятельно: او باز دیر می کند *U bāz dīr mikonad* ‘Он снова опаздывает’. Поэтому глагольные образования باز دادن *bāz dādan* ‘отдавать назад’, ‘возвращать’, باز گشتن *bāz gaštan* ‘возвращаться’, ‘отступать’, рассматриваемые в некоторых работах как префиксальные глаголы, см. [ОИЯ 1982, с. 145], мы относим к сложным глаголам. Морфема وا *vā-*, восходящая, как и слово باز *bāz*, к среднеперсидскому наречию *apāč* ‘сзади’, ‘назад’, ‘опять’ (там же), в современном персидском языке употребляется только как глагольный префикс.

Особенность глагольных префиксов состоит в том, что, присоединяясь к некоторым простым глаголам, они либо изменяют значение глагола, либо не влияют на его семантику. Это дает основание разделить все префиксальные глаголы на две группы: 1) префиксальные глаголы, значения которых по сравнению с простыми глаголами в результате присоединения префиксов изменяются, и 2) префиксальные глаголы, значения которых в результате присоединения префиксов не изменяются.

1. В первой группе префиксальных глаголов глагольные префиксы наиболее часто присоединяются к таким простым глаголам, как آمدن *āmadan* ‘приходить’, آوردن *āvardan* ‘приносить’, داشتن *dāštan* ‘иметь’ и др. Они образуют глаголы с новыми лексическими значениями: برآمدن *bar-āmadan* ‘подниматься’, ‘восходить’, ‘появляться’, ‘показываться’, ‘выступать’, ‘выдаваться’, ‘вытекать’, ‘следовать’; برآوردن *bar-āvardan* ‘исполнять’, ‘осуществлять’, ‘вынимать’, ‘вытаскивать’, ‘выявлять’, ‘обнаруживать’; برداشتن *bar-dāštan* ‘поднимать’, ‘снимать (головной убор)’, ‘брать’, ‘забирать’, ‘убирать’, ‘снимать (урожай)’; برخوردن *bar-xordan* ‘встречаться’, ‘сталкиваться’, ‘наталкиваться’ (خوردن *xordan* ‘есть’, ‘кушать’); درآمدن *dar-āmadan* ‘выходить’, ‘появляться’, ‘получаться’, ‘всходить’, ‘вырастать’; درآوردن *dar-āvardan* ‘вынимать’, ‘вытаскивать’, ‘выносить’.

Префиксальные глаголы с измененным общим значением образуются и при помощи других превербов: فرا *farā-*, فرو *foru-*, وا *vā-*: فرا آمدن *farā-āmadan* ‘выходить вперед’, ‘подходить ближе’; فرا آوردن *farā-āvardan* ‘добывать’, ‘приобретать’, ‘создавать’; فرا گرفتن *farā-gereftan* ‘охватывать’, ‘изучать’, ‘усваивать’ (گرفتن *gereftan* ‘брать’, ‘получать’); فروماندن *foru-māndan* ‘попадать в безвыходное положение’, ‘бедствовать’, ‘нуждаться’ (ماندن *māndan* ‘оставаться’, ‘сохраняться’); وازدن *vā-zadan* ‘браковать’, ‘отбрасывать’ (زدن *zadan* ‘бить’, ‘ударять’).

2. Те же глагольные префиксы, присоединяясь к некоторым другим простым глаголам, либо совсем не изменяют значений глаголов, либо эти значения мотивируются суммой значений простого глагола и префикса: برخاستن *bar-xāstan* ‘вставать’, ‘подниматься’ (خاستن *xāstan* ‘вставать’, ‘подниматься’ — употребляется реже, чем префиксальный глагол); برچیدن *bar-čidan* ‘собирать’ (چیدن *čidan* ‘собирать’); برگزیدن *bar-gozidan* ‘выбирать’, ‘избирать’ (گزیدن *gozidan* ‘выбирать’, ‘избирать’); برانگیختن *bar-angixtan* ‘подстрекать’, ‘побуждать’ (انگیختن *angixtan* ‘подстрекать’, ‘побуждать’); درآموختن *dar-āmuxtan* ‘изучать’, ‘учиться’, ‘учить’ (آموختن *āmuxtan* ‘изучать’, ‘учиться’, ‘учить’); در ربودن *dar-robudan* ‘похищать’ (ربودن *robudan* ‘похищать’); در رسیدن *dar-rasidan* ‘прибывать’ (رسیدن *rasidan* ‘прибывать’); فراخواندن *farā-xāndan* ‘звать’ (خواندن *xāndan* ‘звать’).

Вот несколько префиксальных глаголов, значения которых складываются из суммы образующих компонентов. Префикс فرو *foru-* образовался из فرود *forud*, объединяющего значения существительного ‘снижение’, прилагательного ‘нижний’ и наречия ‘вниз’, ‘книзу’. Все эти значения проявляются и в префиксе فرو *foru-*: فرو آمدن *foru-āmadan* ‘опускаться’, فرو آوردن *foru-āvardan* ‘спускать’, ‘опускать’, فرو رفتن *foru-raftan* ‘спускаться’, ‘погружаться’, ‘вонзаться’, ‘впиваться’ (رفتن *raftan* ‘идти’, ‘уходить’).

Предпринимались попытки описать значения глагольных префиксов, которые они вносят в значения префиксальных глаголов. Этому посвящена большая работа З.Телегди [Telegdi 1955] о языке классического периода и современном персидском языке. Л.С.Пейсиков также стремился указать значения глагольных префиксов [Пейсиков 1973, с. 189–194], но практически для определения семантики префиксальных глаголов такой подход дает мало. Это почти подтверждается нашим анализом конкретных значений глагольных префиксов:

بر *bar-* указывает на движение вверх (برداشتن *bar-dāštan* ‘поднимать’, ‘брать’, برافراشتن *bar-afraštan* ‘поднимать’, ‘воздвигать’); наружу (برکشیدن *bar-kešidan* ‘извле-

кать', 'вытаскивать', بر آوردن *bar-āvardan* 'вынимать', 'вытаскивать'); в сторону, прочь بر انداختن *bar-andāxtan* 'сбрасывать', 'ниспровергать', بر تافتن *bar-tāftan* 'отворачивать', 'поворачивать в сторону') и т.д.

Этот префикс обладает способностью соединяться также с ОНВ, ОПВ, существительными и другими частями речи: بر چسب *barčasp* 'наклейка', 'этикетка', بررسی *barrasi* 'изучение', 'обследование', برنامه *barnāme* 'программа'.

در *dar-* указывает на движение внутрь در کشیدن *dar-kešidan* 'втягивать'); наружу در آوردن *dar-āvardan* 'вынимать', 'выводить', در کندن *dar-kandan* 'вырывать'); в сторону, прочь در بردن *dar-bordan* 'спасать', 'уносить') и т.д.

فرا *farā-* указывает на движение вперед فرا بردن *farā-bordan* 'нести вперед', 'двигать дальше', فرا رفتن *farā-raftan* 'выступать', 'выходить вперед'); к себе فرا چیدن *farā-čidan* 'собирать', 'тянуть к себе', فرا گرفتن *farā-gereftan* 'охватывать', 'овладевать') и т.д.

فرو *foru-* указывает на движение вниз. Анализ этого префикса был проведен выше.

وا *vā-* указывает на повторность действия وا پرسیدن *vā-porsidan* 'переспрашивать', 'пересматривать'); на движение обратно وا خریدن *vā-xaridan* 'выкупать', 'вызывать обратно') и т.д.

Анализ глагольных префиксов показывает, что определить их четкие значения не представляется возможным, так как в большинстве случаев они широки и даже неопределенны. Особенно изменяются значения префиксов при сочетании с полисемантическими простыми глаголами.

С точки зрения современного языка можно говорить только о большем или меньшем количестве префиксальных глаголов, в составе которых имеется конкретный префикс, поскольку в настоящее время новые префиксальные глаголы не образуются. В языке классического периода они имели большое распространение, а в современном персидском языке представляют собой закрытый класс.

Одной из характерных особенностей префиксальных глаголов является возможность отделения глагольной словообразующей приставки от глагольной основы при образовании некоторых временных форм глагола: بر می گردم *bar migardam* 'я возвращаюсь', بر خواهم گشت *bar xāham gašt* 'я возвращусь', فرا می گرفت *farā migereft* 'усваивал', در می آورد *dar miāvarad* 'вынимает' и т.д.¹¹ Отрицательная приставка *na-* также помещается между превербом и основой глагола: بر نمی گردم *bar nemigardam* 'я не возвращаюсь', بر نگشتم *bar nagaštam* 'я не возвратился', بر نخواهم گشت *bar naxāham gašt* 'я не возвращусь'.

3.3. Сложные глаголы

Среди структурных типов глаголов современного персидского языка наибольшее распространение и развитие получили сложные глаголы (СГ). В грамматиче-

¹¹ В языке дари Афганистана глагольный префикс не всегда отделяется от основ настоящего и прошедшего времени, особенно в разговорном языке. В этом случае глагольная приставка *mi-* присоединяется не к глагольной основе, а к префиксу: می برداشت *mībar-dāšt* 'он поднимал', می برآیم *mībar-āyam* 'выхожу'.

ской литературе по персидскому языку нет четкого определения сложных глаголов, не определены их состав и объем. В результате этого одни глагольные словосочетания рассматриваются как *свободные* (например, ترجمه کردن *tarjome kardan* ‘переводить’, букв. ‘перевод делать’; خبر دادن *xabar dādan* ‘извещать’, ‘сообщать’, букв. ‘известие, сообщение давать’), другие — как *устойчивые глагольные словосочетания* разной структуры и разного количественного состава компонентов (например, سرما خوردن *sarmā خوردan* ‘простужаться’, букв. ‘есть холод’; به راه انداختن *be rāh andāxtan* ‘пускать в ход, в дело’, букв. ‘бросать в дорогу’; لب از لب نگشودن *lab az lab nagošudan* ‘хранить молчание’, букв. ‘губу от губы не открывать’). К устойчивым глагольным словосочетаниям относятся и просто двухкомпонентные образования, и такие, к именной части которых относится предлог, и трех-, и четырехкомпонентные образования. Основное отличие устойчивых словосочетаний от свободных состоит в том, что общее значение устойчивых единиц не выводится непосредственно из значения составляющих компонентов. Однако такое деление устойчивых словосочетаний не отражает объективного соотношения глагольных образований первого и второго типа, не учитывает их семантические и серийные возможности (возможность моделирования), не отражает их структурные особенности. Такой подход к глагольным словосочетаниям неудобен для их лексикографической обработки, для размещения внутри словарных статей, а также для преподавания персидского языка.

Среди глагольных фразеологизмов в многочисленных грамматиках и учебниках персидского языка выделяются двучленные глагольные фразеологические единицы, называемые сложными глаголами. Именно эта разновидность глагольных фразеологизмов больше, чем любой другой вид устойчивых сочетаний слов, отражена в толковых и переводных словарях персидского языка.

По своим фразеологическим и грамматическим свойствам СГ представляют собой весьма пеструю картину: они неоднородны как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических взаимоотношений. Вопросы о природе СГ и его отношении к сложному слову и словосочетанию, о его месте в системе языка, т.е. в грамматике и фразеологии, о его фразеологических и аналитических свойствах не являются до конца выясненными.

СГ, обладая всеми семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами глаголов, не являются сложными словами, а представляют собой глагольные словосочетания разной степени устойчивости, компоненты которых сохраняют словесную автономность.

Сложные глаголы выражают наиболее важные и жизненно необходимые действия и процессы: کار کردن *kār kardan* ‘работать’, نفس کشیدن *nafas kešidan* ‘дышать’, دوست داشتن *dust dāštan* ‘любить’ и т.д. Они выполняют функции, которые в других языках обычно выполняют простые глаголы. В количественном отношении они значительно преобладают над простыми глаголами, число которых строго ограничено¹². При этом состав СГ постоянно пополняется¹³.

¹² П.Ханляри отмечает, что общее количество простых глаголов в новоперсидском языке не превышает трехсот, включая употребительные, малоупотребительные и вышедшие из употребления глаголы [Ханляри 1349, с. 13].

¹³ П.Ханляри считает, что СГ в современном персидском языке вытеснили многие простые и префиксальные глаголы, и приводит список простых глаголов, вместо которых употребляются сложные [Ханляри 1349, с. 95–96]. Процесс активного образования СГ наблюдается в персидском языке начиная с XIII в. (там же, с. 91).

В настоящее время в тех случаях, когда возникает необходимость выразить в языке какие-либо действия, процессы и состояния, ранее не имевшие вербального обозначения, как правило, не создаются новые простые и префиксальные глаголы, а образуются сложные.

Иранский лингвист М.Батени, обеспокоенный трудностями создания новой персидской научной терминологии, в статье «Персидский язык — бесплодный?» с сожалением пишет об отказе пользоваться простыми глаголами, созданными на основе существительных и прилагательных, и об активном вытеснении их вновь создаваемыми СГ. Используя примеры создания новых терминов на основе простых глаголов в английском языке, М.Батени считает возможным создание новых отыменных глаголов и в персидском. Он показывает на конкретных примерах, как простые глаголы могут быть использованы для создания на их основе отглагольных именных образований — терминов. Вопреки мнению ряда ученых, М.Батени считает, что внедрение в персидский язык вышедших из употребления и вновь создаваемых простых глаголов не является чем-то искусственным, вредящим чистоте и красоте персидского языка. Что касается СГ, то они, по мнению автора статьи, бесплодны и не дают возможности создавать новые научные термины, см. [Батени 1371].

И тем не менее наличие огромного количества СГ в современном языке делает крайне необходимым тщательное изучение структурно-грамматических, семантических и функционально-стилистических особенностей этих глаголов. Начнем с наиболее общей классификации всех СГ.

Наличие предлога перед именной частью отражается на структурных и семантических свойствах сложных глаголов, в связи с чем они подразделяются на две большие группы: 1) СГ, именная часть которых не имеет предлога (далее — беспредложные СГ), и 2) СГ, перед именной частью которых находится предлог (далее — предложные СГ).

3.3.1. Сложные глаголы, именная часть которых не имеет предлога

Именная часть сложного глагола

В роли именной части СГ используется широкий круг лексем, обладающих одним или несколькими значениями. Они являются как исконно персидскими, так и заимствованными словами и относятся к различным частям речи. Именная часть СГ может быть выражена именами существительными и прилагательными, причастиями персидского и арабского происхождения, наречиями и некоторыми другими категориями слов. В большинстве случаев она выступает как выразитель семантики всего глагольного словосочетания, как его смысловое ядро.

Иногда в роли именной части можно встретить арабские словосочетания и даже целые предложения: *کان لم یکن kaanlamyakon* (букв. 'как будто бы вовсе не было') — *کان لم یکن شمردن kaanlamyakon šomordan* 'игнорировать', 'считать несуществующим', *کن فیکن konfayakon* (букв. 'будь, и сразу будет') — *کن فیکن کردن konfayakon kardan* 'уничтожать полностью'.

Самую большую группу составляют СГ, именная часть которых выражена существительными. В роли именной части могут выступать все семантические разря-

ды существительных. Из абстрактных существительных наиболее часто встречаются существительные со значением действия, среди которых арабские масдары занимают первое место: استفاده *estefāde* ‘использование’ — استفاده کردن *estefāde kardan* ‘использовать’; اظهار *ezhār* ‘выражение’ — اظهار داشتن *ezhār dāštan* ‘заявлять’, ‘выражать’; تشکیل *taškil* ‘организация’ — تشکیل دادن *taškil dādan* ‘организовывать’ и т.д.

В роли именной части СГ используются также чисто персидские существительные со значением действия: افزایش *afzāyeš* ‘увеличение’ — افزایش دادن *afzāyeš dādan* ‘увеличивать’; خواهش *xāheš* ‘просьба’ — خواهش کردن *xāheš kardan* ‘просить’ и т.д.

Из конкретных существительных в роли именной части сложных глаголов отметим названия частей тела человека и животных. СГ, в состав которых входят такие существительные, выражают действия, выполняемые этими органами: پا *pā* ‘нога’ — پا شدن *pā šodan* ‘вставать’; چشم *češm* ‘глаз’ — چشم انداختن *češm andāxtan* ‘смотреть’; نوک *nok* ‘клюв’ — نوک زدن *nok zadan* ‘клевать’ и т.д.

СГ, образованные на основе существительных со значением инструментов и орудий, предметов быта, обозначают действия, которые выполняются при помощи этих предметов: اره *arre* ‘пила’ — اره کردن *arre kardan* ‘пилить’, ‘отпиливать’; قفل *qofl* ‘замок’ — قفل کردن *qofl kardan* ‘запирать на замок’; کلید *kelid* ‘ключ’ — کلید کردن *kelid kardan* ‘запирать’, ‘закрывать ключом’, ‘закрывать на ключ’; رنده *rande* ‘рубанок’ — رنده زدن *rande zadan* ‘строгать’ и т.д.

Несмотря на очень широкое использование разных семантических разрядов существительных в роли именной части, не каждая семантическая группа образует СГ. Например, существительные, обозначающие людей, животных, растения, обычно в роли именной части не употребляются.

Именная часть СГ может быть выражена прилагательными и причастиями персидского и арабского происхождения. СГ, образованные на основе прилагательных, более однотипны по своей структуре и не столь многочисленны. Наиболее употребительными компонирующими глаголами, сочетающимися с прилагательными, являются کردن *kardan* ‘делать’, شدن *šodan* ‘становиться’ и их эквиваленты: بزرگ کردن *bozorg kardan* ‘увеличивать’, ‘воспитывать’, ‘растить (*demeū*)’, ‘преувеличивать’ (بزرگ *bozorg* ‘большой’, ‘великий’, ‘выдающийся’, ‘взрослый’); سفید کردن *sefid kardan* ‘белить (*мелом, известкой*)’, ‘отбеливать’, ‘лудить’ (سفید *sefid* ‘белый’, ‘белого цвета’); سرخ شدن *sorx šodan* ‘подрумяниваться’, ‘поджариваться’, ‘накаляться докрасна’ (سرخ *sorx* ‘красный’, ‘румяный’) и т.д.

Компонирующий глагол ساختن *sāxtan*, выступающий как эквивалент глагола کردن *kardan*, сочетается только с прилагательными: استوار ساختن *ostovār sāxtan* ‘делать устойчивым’, ‘укреплять’ (استوار *ostovār* ‘устойчивый’, ‘прочный’); آگاه ساختن *āgāh sāxtan* ‘извещать’, ‘уведомлять’, ‘осведомлять’ (آگاه *āgāh* ‘сведущий’, ‘извещенный’, ‘осведомленный’) и т.д.

Другие компонирующие глаголы в сочетании с прилагательными вступают редко.

В роли именной части СГ могут выступать причастия прошедшего времени простых, префиксальных и сложных глаголов. Известно, что многие из этих форм обладают двойственной природой: с одной стороны, они выступают как причастия (при образовании аналитических форм времени и пассивного залога), а с другой —

как имена прилагательные или существительные, приобретая все грамматические свойства последних.

Особо следует остановиться на причастиях прошедшего времени, образованных от префиксальных и сложных глаголов. Именно на примере этих форм благодаря различиям в ударении четко прослеживается сосуществование различных грамматических и лексико-фразеологических образований. В тех случаях, когда эти формы являются действительно причастиями, главное ударение падает на префиксы и именные части: *است برآمده bár-āmade ast* ‘он поднялся, взошел’, ‘он появился, показался’, *وا زده and vā-zade and* ‘они забраковали’, *اند تعلیم دیده ta’lim dide and* ‘они выучились’ и т.д. В случае использования этих причастий в атрибутивной и субстантивной функции ударение переносится на последний слог причастия: *برآمده barāmade* ‘поднявшийся’, ‘взошедший’, ‘появившийся’, *وا زده vāzade* ‘забракованный’, *تعلیم دیده ta’limdide* ‘обученный’ и т.д. Перенос ударения на последний слог причастной формы позволяет сделать вывод об образовании новых производных и сложных слов на основе причастий прошедшего времени префиксальных и сложных глаголов. Именно эти слова употребляются в роли именной части СГ: *وا زده kardān vāzade kardān* ‘браковать’, *برآورده kardān barāvarde kardān* ‘исполнять’, ‘осуществлять’, *آبدیده kardān ābdide kardān* ‘закаливать’, ‘делать закаленным, стойким’ (*آبدیده ābdide* ‘подмоченный’, ‘закаленный’ < СГ *آب دیدن āb didan* ‘промокать’, ‘отсыревать’).

В роли именной части сложных глаголов используются и причастия прошедшего времени простых глаголов: *آلوده kardān ālude kardān* ‘пачкать’, ‘грязнить’, *برشته کردن berešte kardān* ‘жарить’, ‘поджаривать’.

Арабские причастия довольно часто используются в качестве именной части СГ: *محدود کردن mahdud kardān* ‘ограничивать’, *مستعمل شدن mosta’mal šodan* ‘употребляться’, *محترم داشتن mohtaram dāstan* ‘почитать’, ‘уважать’ и т.д.

Количество СГ, в которых именная часть выражается другими лексико-грамматическими классами слов, сравнительно невелико. Так, в роли именной части иногда используются инфинитивы простых глаголов: *دیدن کردن didan kardān* ‘посещать’, ‘наносить визит’, ‘осматривать’, *جستن کردن jastan kardān* ‘прыгать’, ‘скакать’; наречия: *ازبر کردن azbar kardān* ‘учить наизусть’, *کشان بردن kešān-kešān bordan* ‘тащить волоком’, ‘волочить’, ‘насиленно тащить’.

Именная часть может быть выражена междометиями и звукоподражательными словами: *وای کردن vāy kardān* ‘ахать’, ‘охать’, *هورا کشیدن hurā kešidan* ‘кричать ура’, *قو قلیقو کردن ququliqu kardān* ‘кукарекать’, *میومیو کردن miyowmiyow kardān* ‘мяукать’.

В роли именной части СГ используются не только слова иранского и арабского происхождения, но и западноевропейские заимствования, причем число последних в этой роли растет: *سانسور کردن sānsur kardān* ‘подвергать цензуре’, *رکورد شکستن rekord šekastan* ‘побивать рекорд’, *کنفرانس دادن konferāns dādan* ‘читать лекцию’, ‘делать доклад’ и т.д.

Глагольная часть сложного глагола

Глагольная часть СГ выполняет формально-грамматическую роль показателя действия и в зависимости от семантической структуры СГ в большей или меньшей степени участвует в формировании общего значения фразеологической единицы.

Она может быть выражена простыми, префиксальными, а иногда и сложными глаголами.

Глаголы, выступающие в составе устойчивых двучленных глагольных словосочетаний, в силу специфики функционирования и приобретаемого нового лексико-грамматического значения получили название компонирующих.

СГ представляют собой фразеологические единицы с грамматической направленностью, т.е. являются фразеологизмами, которые постоянно выступают в роли определенной части речи (в данном случае – в роли глагола). Между простыми и сложными глаголами существуют самые тесные семантико-грамматические связи. В то же время и те и другие по своим семантико-грамматическим свойствам и структурным особенностям отличаются от многочисленных глагольных фразеологизмов, включающих в свой состав три и большее число компонентов¹⁴.

В семантико-грамматическом плане сходство сложных глаголов с простыми обнаруживается в следующих явлениях.

1. От СГ могут быть образованы различные причастные формы: причастия прошедшего времени (например, اشغال شده *ešqālšode* ‘занятый’, ‘оккупированный’, تحصیل کرده *tahsilkarde* ‘обученный’, ‘полученный’); причастия настоящего времени на -نده (например, ادامه دهنده *edāmedehande* ‘продолжатель’, خفه کننده *xafekonande* ‘удушливый’); причастия долженствования (например, اجرا شدنی *ejrāšodani* ‘выполнимый’, ‘осуществимый’, فاسد شدنی *fāsedšodani* ‘скоропортящийся’). От некоторых СГ образуются деепричастия: دست زنان *dast zanān* ‘аплодируя’, ‘хлопая в ладоши’.

2. Имеются СГ с переходным и непереходным значением. При этом пассивное значение прямопереходных СГ обычно выражается не грамматическим способом (в отличие от простых глаголов), а лексическим: компонирующий глагол, сообщающий сложному глаголу переходное значение, регулярно заменяется на другой компонирующий глагол, четко противостоящий ему и выражающий непереходное значение¹⁵. Круг компонирующих глаголов, используемых для выражения непереходного значения, весьма ограничен. Наиболее часто в этой функции используется глагол شدن *šodan* ‘становиться’, который коррелирует с глаголами کردن *kardan* ‘делать’, دادن *dādan* ‘давать’ и داشتن *dāštan* ‘иметь’. Сравним на конкретных примерах оппозиционные отношения этих компонирующих глаголов:

Переходное значение

Непереходное значение

منتشر کردن *montašer kardan* ‘издавать’
 مرقوم داشتن *marqum dāštan* ‘писать’
 انجام دادن *anjām dādan* ‘заканчивать’
 ابراز داشتن *ebrāz dāštan* ‘проявлять’
 اظهار داشتن *ezhār dāštan* ‘выражать’

منتشر شدن *montašer šodan* ‘издаваться’,
 مرقوم شدن *marqum šodan* ‘быть написанным’,
 انجام شدن *anjām šodan* ‘заканчиваться’,
 ابراز شدن *ebrāz šodan* ‘проявляться’,
 اظهار شدن *ezhār šodan* ‘выражаться’.

¹⁴ Об отличиях СГ от многочисленных глагольных фразеологизмов в лексико-грамматическом и структурном плане см. [Рубинчик 1981, с. 192–201; Веретенников 1993].

¹⁵ Некоторые СГ могут иметь истинную форму пассивного залога, образованную аналитическим путем, например انتشار دادن *entešār dādan* ‘публиковать’ — انتشار داده شدن *entešār dāde šodan* ‘публиковаться’. Но эта форма встречается редко.

Следует отметить, что компонирующий глагол شدن *šodan*, употребляемый обычно для выражения непереходного значения СГ, встречается в некоторых сложных глаголах, имеющих переходное значение. Однако количество таких сложных глаголов сравнительно невелико: شدن متصرف *motasarref šodan* 'овладевать', 'захватывать', شدن متذکر *motazakker šodan* 'напоминать', 'указывать', 'упоминать', شدن متحمل *motahammel šodan* 'испытывать', 'переносить', 'терпеть', یادآور شدن *yādāvar šodan* 'напоминать', 'упоминать', 'отмечать', خواستار شدن *xāstār šodan* 'просить', 'требовать', پذیرا شدن *pazirā šodan* 'принимать', 'одобрять' и т.д.

Для выражения непереходного значения СГ могут использоваться также компонирующие глаголы یافتن *yāftan* 'находить', خوردن *xordan* 'есть' и некоторые другие. Они сочетаются с существительными и противостоят компонирующему глаголу دادن *dādan* 'давать', сообщающему СГ прямопереходное значение:

Переходное значение	Непереходное значение
ادامه دادن <i>edāme dādan</i> 'продолжать'	ادامه یافتن <i>edāme yāftan</i> 'продолжаться'
انتشار دادن <i>entešār dādan</i> 'публиковать'	انتشار یافتن <i>entešār yāftan</i> 'публиковаться'
چرخ دادن <i>čarx dādan</i> 'вращать'	چرخ خوردن <i>čarx xordan</i> 'вращаться'
فریب دادن <i>farib dādan</i> 'обманывать'	فریب خوردن <i>farib xordan</i> 'обманываться'

3. СГ в форме инфинитива, подобно простым глаголам, могут выступать в роли различных субстантивных членов предложения, получая изафет и сочетаясь с предлогами и послелогом را *-rā* (примеры приводятся при рассмотрении инфинитива).

4. В синтаксическом плане СГ обладают теми же свойствами, которыми характеризуются и простые глаголы. Финитные формы СГ, выступая в роли сказуемого, управляют субстантивными членами предложения при помощи предлогов и послелога را *-rā*, могут определяться обстоятельственными членами, что свидетельствует об их семантической цельности как фразеологических единиц (примеры приводятся в синтаксической части «Грамматики»).

3.3.2. Структурно-семантическая типология сложных глаголов

Семантические отношения между компонентами, а также сочетательные свойства (валентность) компонирующих глаголов определяют характер сцепления двучленных глагольных словосочетаний и позволяют выделить два структурно-семантических типа сложных глаголов — моделированные и немоделированные.

Моделированные сложные глаголы

К этому типу относятся такие глагольно-именные словосочетания, в которых именная часть полностью сохраняет свое лексическое значение, а компонирующий глагол либо также сохраняет свое лексическое значение, частично ослабляя его, либо полностью его изменяет. При этом изменение значения компонирующего глагола имеет регулярный характер. В результате образуются серии СГ, иногда очень большого количественного состава, в которых моделирующим компонентом выступает один и тот же компонирующий глагол в строго определенном значении. В этих СГ именная часть — переменный компонент, а компонирующий глагол — постоянный.

Моделированные сложные глаголы в зависимости от того, сохраняет компонирующий глагол свое значение или изменяет, подразделяются на: 1) СГ с мотивированным значением и 2) СГ с частично мотивированным значением¹⁶. Наиболее многочисленную группу составляют СГ с мотивированным значением.

В качестве компонирующих глаголов СГ с мотивированным значением используются простые глаголы с широкой семантикой: کردن *kardan* 'делать', شدن *šodan* 'становиться', دادن *dādan* 'давать', یافتن *yāftan* 'находить', 'приобретать', کشیدن *kešidan* 'терпеть', 'испытывать', داشتن *dāštan* 'иметь' и некоторые другие.

С помощью компонирующего глагола کردن *kardan* образуются СГ с прямопереходным значением (کردن اجرا *ejrā kardan* 'выполнять', 'исполнять', کردن ایجاد *ijād kardan* 'создавать', کردن تولید *towlid kardan* 'производить' и т.д.), с косвенно-переходным значением (کردن فکر *fekr kardan* 'думать', کردن اشاره *ešāre kardan* 'указывать', کردن تلقین *talqin kardan* 'внушать', 'втолковывать' и т.д.) и с непереходным значением (کردن وفات *vafāt kardan* 'умирать', کردن سرفه *sorfe kardan* 'кашлять' и т.д.).

Компонирующий глагол دادن *dādan* частично утрачивает свое реально-вещественное значение и вступает в сочетание с именами существительными абстрактными. СГ, содержащие компонирующий глагол دادن *dādan*, управляют зависимым от них дополнением как при помощи послелога را *-rā*, так и при помощи предлога به *be*: انتشار دادن *entešār dādan* 'публиковать', 'издавать' (را *-rā*); ادامه دادن *edāme dādan* 'продолжать' (را *-rā*, به *be*); شکست دادن *šekast dādan* 'наносить поражение' (را *-rā*, به *be*) и т.д.

Компонирующий глагол یافتن *yāftan* выступает как пассивный коррелят гл. دادن *dādan*, сообщая СГ непереходное значение: انتشار یافتن *entešār yāftan* 'публиковаться', 'издаваться' — ادامه یافتن *edāme yāftan* 'продолжаться' и т.д.

В качестве компонирующих глаголов СГ с частично мотивированным значением в основном выступают простые глаголы с конкретным лексическим значением: زدن *zadan* 'бить', خوردن *xordan* 'есть', نمودن *nemudan* 'показывать', ساختن *sāxtan* 'строить', ورزیدن *varzidan* 'упражняться', فرمودن *farmudan* 'приказывать' и т.д. Переосмысление компонирующего глагола имеет типовой характер и регулярно проявляется во всей серии образованных сложных глаголов. Утрачивая реальное значение, эти компонирующие глаголы сообщают СГ значение переходного или непереходного действия и во многих случаях могут быть заменены на глаголы کردن *kardan* и شدن *šodan*.

Компонирующий глагол نمودن *nemudan* почти во всех случаях может быть употреблен вместо гл. کردن *kardan*: اجرا نمودن *ejrā nemudan* 'выполнять', ایجاد نمودن *ijād nemudan* 'создавать', فکر نمودن *fekr nemudan* 'думать' и т.д. Компонирующий глагол نمودن *nemudan* вносит в значение СГ оттенок книжного стиля.

Компонирующий глагол ساختن *sāxtan*, заменяя гл. کردن *kardan*, сочетается с прилагательными и причастиями: آگاه ساختن *āgāh sāxtan* 'извещать', 'уведомлять', آماده ساختن *āmāde sāxtan* 'готовить', روشن ساختن *rowšan sāxtan* 'освещать', 'разъяснять' и т.д.

¹⁶ Подробную характеристику моделированных СГ с мотивированным и частично мотивированным значением см. [Рубинчик 1981, с. 154–159].

Компонирующий глагол فرمودن *farmudan* выступает как вежливый эквивалент гл. کردن *kardan*: اعلام فرمودن *e'lām farmudan* 'объявлять', ایجاد فرمودن *ijād farmudan* 'создавать', حکایت فرمودن *hekāyat farmudan* 'рассказывать'. Несколько реже он выступает и как эквивалент других компонующих глаголов.

Компонирующий глагол زدن *zadan* сочетается как с отвлеченными, так и с конкретными существительными и образует большое количество моделированных СГ. Он становится равноценным компонующему глаголу کردن *kardan*, но иногда может выступать как неэквивалент последнего, например: بوسه زدن *buse zadan* 'целовать', طعنه زدن *ta'ne zadan* 'упрекать', حدس زدن *hads zadan* 'предполагать', 'догадываться', تشر زدن *tašar zadan* 'бранить', 'ругать'.

Немоделированные сложные глаголы

Эти глаголы лишены стандартности структурно-семантических взаимоотношений, которая характерна для моделированных сложных глаголов. Компонирующий глагол в составе немоделированных СГ в значительной степени утрачивает ту служебно-формальную функцию, которую он выполняет в моделированных СГ.

На основе мотивированности или немотивированности общего значения немоделированных сложных глаголов последние можно подразделить на три семантические группы: 1) СГ с немотивированным значением, 2) СГ с частично мотивированным значением и 3) СГ с мотивированным значением. Деление это весьма условно: не все СГ могут быть строго распределены по указанным трем семантическим группам. Но оно, несомненно, помогает более глубокому изучению семантики этого пласта СГ.

Немоделированные сложные глаголы в количественном отношении значительно уступают моделированным.

1. Стилистически нейтральные СГ с немотивированным значением выражают обычные действия, процессы, состояния: سرما خوردن *sarmā xordan* 'простужаться' (букв. 'холод есть'); زمین خوردن *zamin xordan* 'падать' (букв. 'землю есть'); سر زدن *sar zadan* 'заходить ненадолго', 'заглядывать' (سر *sar* 'голова', زدن *zadan* 'бить'); چانه زدن *čāne zadan* 'торговаться', 'болтать', 'много говорить' (букв. چانه *čāne* 'подбородок'); باد کشیدن *bād kešidan* 'портиться', 'тухнуть' (باد *bād* 'воспаление', 'вздутие', کشیدن *kešidan* 'тянуть') и т.д.

Стилистически окрашенные СГ с немотивированным значением выделяются своей образностью и экспрессивностью: مگس پراندن *magas parāndan* 'гонять мух', 'бездельничать', 'бить баклуши' (букв. 'запускать муху'); موش دواندن *muš davāndan* 'заниматься подстрекательством, интриганством' (букв. 'гонять мышь'); حرف جویدن *harf javidan* 'мямить', 'невнятно говорить' (букв. 'жевать слова') и т.д.

2. В СГ с частично мотивированным значением один из компонентов утрачивает лексическое значение, а другой компонент свое значение сохраняет: ترک گفتن *tark goftan* 'покидать' (ترک *tark* 'покидание', گفتن *goftan* 'говорить')¹⁷; توطئه چیدن *toṭṭeh čidan*

¹⁷ Нередко СГ с частично мотивированным значением может превращаться в моделированный или немоделированный сложный глагол с мотивированным или немотивированным значением в результате замены компонующего глагола. Например, если в СГ ترک گفتن *tark goftan* 'покидать' (букв. 'покидание говорить') заменить компонующий глагол گفتن *goftan* 'говорить' на کردن *kardan* 'делать' (что в языке часто имеет место), то СГ ترک گفتن *tark goftan* из немоделированного с частично мотивированным значением превратится в моделированный СГ с мотивированным значением.

towtee čidan ‘подготавливать заговор’ (توطئه *towtee* ‘заговор’, چیدن *čidan* ‘рвать’, ‘собирать’); چشم دراندن *čēšm darāndan* ‘тарашить глаза’, ‘бесстыдно смотреть’ (букв. ‘разрывать глаза’); بو کردن *bu kardān* ‘нюхать’ (بو *bu* ‘запах’); دل دادن *del dādan* ‘ободрять’, ‘вдохновлять’ (دل *del* ‘сердце’, ‘душа’).

3. Наименьшее число среди немоделированных СГ составляют глаголы с мотивированным значением: راه رفتن *rāh raftān* ‘ходить’, ‘ездить’, ‘путешествовать’ (راه *rāh* ‘дорога’, ‘путь’); غذا خوردن *qazā xordān* ‘есть’, ‘принимать пищу’ (غذا *qazā* ‘пища’); فریاد خواستن *faryād xāstan* ‘звать на помощь’ (فریاد *faryād* ‘крик о помощи’); خنده خندیدن *qahqāhe xandidān* ‘хохотать’, ‘заливаться смехом’ (قهقهه *qahqāhe* ‘хохот’).

3.3.3. Сложные глаголы, именная часть которых имеет предлог

Изучение глагольных словосочетаний с предлогами показывает, что они обладают рядом специфических особенностей по сравнению с рассмотренными выше СГ, в состав которых предлоги не входят. В работах по грамматике специфика этих двучленных глагольных устойчивых словосочетаний обычно не рассматривается, и они, как правило, включаются в состав сложных глаголов.

П.Ханляри в работе «История персидского языка» в разделе «Структура глагола» отделяет глагольные словосочетания с предлогом от СГ и называет их «глагольными выражениями». Они рассматриваются вместе с многочленными глагольными словосочетаниями, состоящими из трех и более знаменательных слов [Ханляри 1349, с. 81–87]. Однако никаких аргументов в пользу такого подхода в работе не приводится.

И все же по своим структурным и семантическим свойствам двучленные глагольные словосочетания с предлогом ближе всего стоят к СГ. Мы считаем целесообразным рассматривать их как структурную разновидность сложных глаголов.

Все предложные СГ — به سر بردن *be sar bordān* ‘жить’, به عمل آوردن *be amal āvardān* ‘совершать’, ‘осуществлять’, در میان نهادن *dar miyān nehādan* ‘рассказывать’, ‘делиться’, از کار افتادن *az kār oftādan* ‘выходить из строя’, ‘останавливаться’ и другие — имеют одинаковое строение: «предлог + именная часть + компонирующий глагол».

Именная часть и относящиеся к ней предлоги

В роли именной части предложных СГ выступают имена существительные, чаще всего конкретные: پا *pā* ‘нога’, دست *dast* ‘рука’, سر *sar* ‘голова’, چشم *čēšm* ‘глаз’, کار *kār* ‘дело’, ‘работа’.

В качестве именной части предложных СГ могут также выступать: указательное местоимение آن *ān* ‘тот’ (بر آن بودن *bar ān budān* ‘намереваться’, ‘собираться’), отрицательное местоимение هیچ *hič* ‘ничто’ (به هیچ گرفتن *be hič gereftān* ‘не ставить ни во что’), отыменный предлог بین *beyn* ‘среди’, ‘между’ (از بین بردن *az beyn bordān* ‘уничтожать’).

Многие предложные СГ образуются на основе одних и тех же существительных, изменяются только компонирующие глаголы и предлоги.

Важным показателем устойчивости глагольных словосочетаний с предлогами и превращения их в СГ является утрата одним или всеми компонентами лексических значений.

Из собственно предлогов в образовании СГ участвуют только предлоги *از az* 'из', 'с', *به be* 'в', 'к', 'на', *در dar* 'на', 'в', *بر bar* 'на', обычно выражающие пространственные и временные отношения. В составе сложных глаголов эти предлоги часто утрачивают свое значение. В то же время они играют важную роль в создании общего значения предложных СГ. Особенно заметна их роль в тех случаях, когда СГ имеют одинаковые именные части и компонирующие глаголы:

از کار رفتن az kār raftan 'выходить из строя', 'изнашиваться';

به کار رفتن be kār raftan 'быть использованным', 'быть примененным';

از حاصل افتادن az hāsel oftādan 'переставать плодоносить';

به حاصل افتادن be hāsel oftādan 'начинать плодоносить'.

Особенно ярко видна разница между свободными глагольными словосочетаниями и предложными СГ, если случаи сохранения значений предлогов и существительных сравнить со случаями изменения их значений в составе предложных СГ: *به خانه بردن be xāne bordan* 'уносить домой' (свободное глагольное словосочетание) и *به سر بردن be sar bordan* 'жить', 'проживать' (предложный СГ); *به چوب بستن be čub bastan* 'привязывать к палке' (свободное словосочетание) и *به آتش بستن be āteš bastan* 'обстрелять' (предложный СГ).

В отдельных случаях допустима взаимозаменяемость предлогов *به be*, *بر bar* и *در dar*; при этом значение СГ не изменяется: *باد دادن (به) بر bar (be) bād dādan* 'пускать по ветру', 'проматывать', 'губить'; *فکر بودن (در) به be (dar) fekr budan* 'думать', 'размышлять', *دست گرفتن (در) به be (dar) dast gereftan* 'захватывать', 'овладевать' и т.д.

Возможны также случаи участия в составе СГ отыменных предлогов, таких как: ...*زیر زیر-zir-e* 'под', ...*روی روی-ru-ye* 'на', ...*سر سر-sar-e* 'на', ...*توی تو-ye tu-ye* 'в' и некоторых других: *زیر پا گذاشتن زیر زیر-zir-e pā gozāštan* 'топтать', 'попирать', *زیر پا کردن زیر زیر-zir-e pā kardan* 'исходить', 'объездить', 'обойти'; *روی کار آمدن روی روی-ru-ye kār āmadan* 'становиться во главе дела', 'приходить к власти'; *سر حال آمدن سر سر-sar-e hāl āmadan* 'приходить в хорошее настроение', 'приходить в сознание' и т.д. Возможна замена одного отыменного предлога на другой, а также отыменного предлога на собственно предлог; при этом смысл СГ не изменяется: *حرف ایستادن (روی) سر sar-e (ru-ye) harf istādan* 'держаться слово'; *فکر رفتن (به) توی تو-ye (be) fekr raftan* 'задумываться'.

Среди СГ с отыменными предлогами чаще встречаются глаголы с экспрессивно окрашенным значением: *سر قوز افتادن sar-e quz oftādan* 'упрямиться', 'упорствовать' (букв. 'на горб падать'); *روی دم نشستن ru-ye dom nešastan* 'раздражаться', 'выходить из себя' (букв. 'на хвост садиться').

Компонирующие глаголы в составе предложных сложных глаголов

По своему составу компонирующие глаголы предложных СГ отличаются от компонирующих глаголов беспредложных СГ. В качестве компонирующих в предложных СГ наиболее часто используются простые глаголы *افتادن oftādan* 'падать', *آمدن āmadan* 'приходить', *انداختن andāxtan* 'бросать', *آوردن āvardan* 'приносить', *بردن bordan* 'уносить', 'нести', *رسیدن rasīdan* 'достигать', *رساندن rasāndan* 'доставлять', *رفتن raftan* 'идти', 'уходить', *گذاشتن gozāštan* 'проходить', *گذراندن gozarāndan*

‘проводить’, گذاشتن *gozāštan* ‘ставить’, ‘класть’. Компонирующие глаголы کردن *kardan* и شدن *šodan* используются редко, например: کردن *به دست کردن* ‘надевать на руку’, کردن *به پا کردن* ‘надевать на ногу’, ‘ставить на ноги’, شدن *در جوال شدن* *dar jovāl šodan* ‘замолчать’, ‘штушеваться’ (جوال *jovāl* ‘мешок’).

Из префиксальных глаголов в составе предложных СГ встречаются درآمدن *dar-āmadan* ‘выходить’, آوردن *dar-āvardan* ‘вынимать’, دررفتن *dar-raftan* ‘уходить’ и некоторые другие: آمدن *از کار آمدن* *az kār dar-āmadan* ‘проходить испытание’, آوردن *از پا آوردن* *az pā dar-āvardan* ‘изматывать’, ‘губить’, ‘уничтожать’, رفتن *از جا رفتن* *az jā dar-raftan* ‘выходить из себя’, ‘сердиться’.

Некоторые компонирующие глаголы сообщают СГ значение переходного или непереходного действия, объединяясь в следующие пары: آوردن *āvardan* — آمدن *āmadan*, رسانیدن *rasānidan* — رسیدن *rasidan*, انداختن *andāxtan* — افتادن *oftādan*. При этом оппозиция сохраняется только в том случае, если в составе СГ употребляется один и тот же предлог.

Переходное значение	Непереходное значение
آوردن <i>به حرکت آوردن</i> <i>be harakat āvardan</i> ‘приводить в движение’	آمدن <i>به حرکت آمدن</i> <i>be harakat āmadan</i> ‘приходить в движение’
آوردن <i>به هوش آوردن</i> <i>be huš āvardan</i> ‘приводить в сознание’	آمدن <i>به هوش آمدن</i> <i>be huš āmadan</i> ‘приходить в сознание’
رساندن <i>به قتل رساندن</i> <i>be qatl rasāndan</i> ‘убивать’	رسیدن <i>به قتل رسیدن</i> <i>be qatl rasidan</i> ‘быть убитым’
انداختن <i>به خطر انداختن</i> <i>be xatar andāxtan</i> ‘подвергать опасности’	افتادن <i>به خطر افتادن</i> <i>be xatar oftādan</i> ‘подвергаться опасности’.

Все приведенные выше предложные СГ представляют собой моделированные образования. Компонирующий глагол и соответствующий предлог, изменяя свои значения, выступают как моделирующие элементы, на основе которых образуются серии моделированных сложных глаголов. Так, можно выделить модели: «*به* *be* + именная часть + افتادن *oftādan*», «*به* *be* + именная часть + آمدن *āmadan*», «*به* *be* + именная часть + انداختن *andāxtan*», «*به* *be* + именная часть + آوردن *āvardan*», «*به* *be* + именная часть + بردن *bordan*» и т.д.; «*از* *az* + именная часть + افتادن *oftādan*», «*از* *az* + именная часть + رفتن *raftan*» и т.д.

Для примера возьмем модель «*به* *be* + именная часть + رسیدن *rasidan*», которая служит эталоном для образования ряда моделированных предложных СГ: فروش رسیدن *به فروش رسیدن* *be foruš rasidan* ‘продаваться’, امضا رسیدن *به امضا رسیدن* *be emzā rasidan* ‘быть подписанным’, ترجمه رسیدن *به ترجمه رسیدن* *be tarjome rasidan* ‘быть переведенным’, مجازات رسیدن *به مجازات رسیدن* *be mojāzāt rasidan* ‘понести наказание’, هلاکت رسیدن *به هلاکت رسیدن* *be halākat rasidan* ‘погибать’ и т.д.

Естественно, моделированным предложным СГ противостоят немоделированные предложные СГ, см. [Рубинчик 1981, с. 169–171], которые в связи с утратой компонентами значений не обладают единой структурно-семантической моделью: زبان افتادن *از زبان افتادن* *az zabān oftādan* ‘замолчать’, ‘переставать говорить’ (букв. ‘от языка падать’); خدا رسیدن *به خدا رسیدن* *be xodā rasidan* ‘дойти до белого каления’ (букв. ‘достичь

Бога’). Приведенные примеры относятся к СГ с немотивированным значением. Среди немоделированных образований встречаются также сложные глаголы с частично мотивированным значением (به طول انجامیدن *be tul anjāmidan* ‘длиться’, ‘продолжаться’ — *طول tul* ‘долгота’, انجامیدن *anjāmidan* ‘выполняться’) и мотивированным значением (به رسمیت شناختن *be rasmiyyat šenāxtan* ‘признавать официально’ — *رسمیت rasmiyyat* ‘официальность’).

3.3.4. Взаимосвязь предложных и беспредложных сложных глаголов

Сравнение предложных и беспредложных СГ с точки зрения их строения, способности образования переходных и непереходных СГ, наличия серийных образований, сходства семантической структуры позволяет рассматривать их в пределах одной структурной группы глагольных фразеологизмов. Об этом свидетельствуют также возможность образовывать одинаковые по значению предложные и беспредложные СГ и случаи пропуска предлогов в некоторых предложных СГ.

Сравним для примера предложные и беспредложные СГ и случаи пропуска предлогов в некоторых предложных СГ, образованных на базе одной именной части: تصویب کردن *tasvib kardan* и از تصویب گذراندن *az tasvib gozarāndan*, تصویب رساندن *be tasvib rasāndan* ‘утверждать’, ‘ратифицировать’ (تصویب *tasvib* ‘утверждение’); مجازات شدن *mojāzāt šodan* и به مجازات رسیدن *be mojāzāt rasidan* ‘быть наказанным’, ‘понести наказание’. Можно привести еще несколько примеров на полное совпадение значений СГ. Однако такое совпадение имеет место не во всех случаях; при этом такие СГ могут совпадать только в каком-либо одном значении.

В некоторых сложных глаголах имеет место пропуск предлогов. Это явление перекликается с обычным пропуском предлогов, распространенным в современном персидском языке, особенно в разговорной речи. Обычно пропускаются два собственно предлога: به *be* (наиболее часто) и در *dar*. В результате для отдельных СГ приходится признать две формы существования: с предлогом и без предлога. Ср. درد آمدن *dard āmadan* и به درد آمدن *be dard āmadan* ‘заболеть’ (درد *dard* ‘боль’); یاد آوردن *yād āvardan* и به یاد آوردن *be yād āvardan* ‘вспоминать’, ‘припоминать’; یاد داشتن *yād dāstan* и در یاد داشتن *dar yād dāstan* ‘помнить’ (یاد *yād* ‘память’); راه انداختن *rāh andāxtan* и به راه انداختن *be rāh andāxtan* ‘провождать в дорогу’, ‘направлять’, ‘пускать в ход’ (راه *rāh* ‘дорога’).

Иногда на протяжении небольшого отрезка текста у одного и того же автора можно встретить одинаковые СГ, употребленные как с предлогом, так и без него: او دوباره به راه افتاد *U dobāre be rāh oftād* ‘Он снова пустился в путь’; او بیدرنگ راه افتاد *U biderang rāh oftād* ‘Он немедленно отправился в путь’ (Хедаят. Лале).

Пропуск предлога, превращаясь в постоянный фактор, может служить средством для образования беспредложных СГ. Так, в результате эллипсиса предлогов и фразеологизации глагольных словосочетаний образованы некоторые беспредложные СГ: بالا رفتن *bālā raftan* ‘подниматься’, ‘повышаться’ (из به بالا رفتن *be bālā raftan* ‘идти наверх’); بالا بردن *bālā bordan* ‘подымать’, ‘повышать’, ‘возносить’, ‘возвеличивать’ (из به بالا بردن *be bālā bordan* ‘нести наверх’); کنار آمدن *kenār āmadan*

‘договариваться’, ‘приходить к соглашению’ (из *به کنار آمدن* *be kenār āmadan* ‘приходить к краю’).

П.Ханляри отмечает пропуск предлогов в наиболее ранних произведениях классического персидского языка [Ханляри 1349, с. 87]. Пропуск предлогов в устойчивых глагольных словосочетаниях в современном языке, особенно в разговорном стиле, стал обычным явлением. В случае эллипсиса предлога, по мнению П.Ханляри, глагольное словосочетание ничем не отличается от обычных СГ (там же).

На наш взгляд, все отмеченные выше явления дают полное основание относить к СГ двучленные глагольные фразеологизмы с предлогом.

3.3.5. Сложные глаголы и вопросы образования рамочной конструкции

Обращает на себя внимание особое построение многих глагольных фразеологических единиц, при котором между постоянными членами фразеологизмов вклиниваются одно или несколько слов, не входящих ни структурно, ни семантически в их состав. В грамматической литературе по персидскому языку такое разобщенное построение принято называть рамочной конструкцией¹⁸.

Рамочная конструкция в персидском языке охватывает фразеологизмы, соотносимые по своему строению как со словосочетаниями, так и с предложениями. Она не только относится к сфере стилистических средств, но и выступает как постоянная структурная модель многих фразеологических единиц.

Фразеологические единицы, которые способны иметь не только контактное, но и дистантное положение компонентов, образуют факультативную рамочную конструкцию. Она свойственна преимущественно сложным глаголам. В этом случае рамочное и нерамочное построение одного и того же фразеологизма выступает как коррелятивная пара. Например, СГ *تسلیم کردن* *taslim kardan* ‘вручать’, ‘передавать’, у которого именная часть и компонирующий глагол находятся в контактном положении, может образовать рамочную конструкцию — *تسلیم کسی کردن* *taslim-e kas-i kardan* ‘вручать кому-л.’, — которая представляет собой дистантное построение СГ (между именной частью и компонирующим глаголом вклинивается непостоянный член *کسی* *kas-i* ‘кто-л.’, выступающий в роли косвенного дополнения). В пределах небольшого отрезка текста нередко можно встретить рамочное и нерамочное построение одного и того же сложного глагола.

Факультативная рамочная конструкция дает возможность более гибко и дифференцированно выражать различные оттенки высказывания и используется как одно из средств стилистического и логического выделения членов предложения. Именно этот вид рамочной конструкции оказался объектом рассмотрения в грамматиках и грамматических исследованиях по персидскому языку, см. [Арендс 1941, с. 36; Пейсиков 1959, с. 390].

Факультативной рамочной конструкции противостоит постоянная рамочная конструкция, характерная главным образом для многочленных

¹⁸ Термин «рамочная конструкция» заимствован из грамматической литературы по немецкому языку, где он употребляется для характеристики такого синтаксического построения, при котором семантически наиболее тесно связанные части высказывания находятся в дистантном положении.

глагольных фразеологизмов и фразеологизмов-предложений. Постоянная рамочная конструкция представляет собой единственное допустимое построение, как устойчивая структурная модель данной фразеологической единицы. Она встречается в глагольных фразеологизмах, состоящих из двух, трех и более постоянных членов, например: *شمردن را کسی را دندان داندان dandān-e kas-i-rā šomordan* ‘знать о ком-л. всю подноготную’, ‘видеть кого-л. насквозь’, ‘командовать кем-л.’ (букв. ‘считать чьи-л. зубы’).

При образовании факультативной рамочной конструкции, несмотря на отрыв именной части от компонирующего глагола, между ними сохраняется устойчивая фразеологическая связь, и они выступают в предложении как единый член — сказуемое. Поскольку при факультативной рамочной конструкции допустимо также и контактное построение фразеологизма, возникает вопрос: приводит ли изменение способа подчинительной связи в случае образования рамочной конструкции к изменению синтаксической функции второстепенного члена. Анализ случаев употребления рамочных видов дополнений и обстоятельственных членов в роли вставочного компонента дает основание ответить на этот вопрос отрицательно.

Наибольшие трудности вызывает отграничение рамочной конструкции СГ, которая обычно факультативна, от постоянной рамочной конструкции многочленного глагольного фразеологизма. Практически это делается следующим образом: выясняется, обязательно ли наличие вставочного компонента для реализации значения глагольной фразеологической единицы и постоянно ли место переменных слов между именной и глагольной частями, см. [Веретенников 1993, с. 34]. При положительном ответе на эти вопросы мы имеем дело с рамочной конструкцией многочленного глагольного фразеологизма.

Выделяются два основных вида рамочного построения двухкомпонентных глагольных фразеологизмов.

1. Некоторые сложные глаголы всегда имеют постоянную рамочную конструкцию, когда они включают в свой состав слово — показатель объекта. Без дополнения сложный глагол, сохраняя то же значение, имеет контактное построение своих компонентов. Для отнесения данной глагольной фразеологической единицы к СГ важным является то, что при рамочном и нерамочном построении значение остается неизменным. Возьмем для примера несколько сложных глаголов: *به درد خوردن be dard xordan* ‘подходить’, ‘годиться’, *انتقام گرفتن enteqām gereftan* ‘мстить’, *به استحضار رسانیدن be estehzār rasānidan* ‘доводить до сведения’, *به فکر افتادن be fekr oftādan* ‘приходить к мысли’, ‘подумать’. Все эти СГ в случаях, когда возникает необходимость выразить объект действия, имеют форму рамочной конструкции: *به درد کسی خوردن be dard-e kas-i xordan* ‘подходить кому-л.’, ‘годиться кому-л.’, *گرفتن (چیزی را) کسی را انتقام enteqām-e kas-i-rā (čiz-i-rā) gereftan* ‘мстить за кого-л. (за что-л.)’, *به استحضار کسی رسانیدن be estehzār-e kas-i rasānidan* ‘доводить до сведения кого-л.’, *به فکر کاری افتادن be fekr-e kār-i oftādan* ‘подумывать, намереваться что-л. сделать’.

Слово — показатель объекта в составе обязательной рамочной конструкции не только свидетельствует о единственно возможном построении данного глагольного фразеологизма, но и указывает на одушевленность / неодушевленность существительного, выступающего в роли вставочного компонента. С этой целью в качестве показателя объекта удобно использовать существительные *کس kas* и *چیز čiz*

с артиклем *ی -i*, которые имеют значение ‘кто-л’, ‘что-л.’. В то же время, когда вставочный компонент выражает значение действия, употребляется существительное *کار kār* ‘дело’, ‘работа’ с артиклем *ی -i*: *کاری kār-i* ‘какое-то дело’.

2. Другой случай рамочной конструкции связан с ограничением сложного глагола от многочленного глагольного фразеологизма. При вхождении СГ в состав такого фразеологизма возникает необходимость установить, действительно ли данное глагольное словосочетание является многочленным фразеологизмом или это обычное рамочное построение СГ.

1) СГ, имеющий форму рамочной конструкции, теряет свое собственное значение, например, в глагольных фразеологических единицах *پا به جهان گذاشتن pā be jahān gozāštan* ‘появляться на свет’ (*جهان jahān* ‘свет’, ‘мир’ и СГ *گذاشتن pā gozāštan* ‘входить’, ‘вступать’); *پا به فرار گذاشتن pā be farār gozāštan* ‘обращаться в бегство’, ‘идти на попятный’ (*فرار farār* ‘бегство’); *داخل آدم شدن dāxel-e ādam šodan* ‘причислять себя к людям’, ‘считать себя человеком’ (*آدم ādam* ‘человек’ и СГ *داخل شدن dāxel šodan* ‘входить’). Такие глагольные фразеологические единицы не могут рассматриваться как рамочные конструкции СГ: они получают совершенно новое значение и являются типичными многочленными глагольными фразеологизмами.

2) СГ, сохраняя свое значение, в сочетании с определенными словами, которые также сохраняют свое значение, выступают всегда в форме рамочной конструкции. Вставочный компонент становится членом фразеологической единицы, в результате чего все сочетание следует рассматривать как многочленный глагольный фразеологизм: *اقامة دليل کردن eqāme-ye dalil kardan* ‘аргументировать’, ‘приводить доказательство’, *ادای احترام کردن adā-ye ehterām kardan* ‘оказывать почести’, *خارج بلد کردن exrāj-e balad kardan* ‘высылать за пределы родины’, ‘экспатриировать’.

Рассмотрение большого количества примеров на использование СГ в форме рамочной конструкции позволило выделить три группы сложных глаголов в зависимости от того, какое построение (дистантное или контактное) является наиболее типичным:

а) СГ, для которых основной формой существования служит рамочная конструкция (например: *بودن کسی (چیزی) دارای dārā-ye kas-i (čiz-i) budan* ‘иметь кого-л. (что-л.)’, *دچار چیزی شدن dočār-e čiz-i šodan* ‘столкнуться с чем-л.’, ‘подвергнуться чему-л.’, *شامل چیزی بودن šāmel-e čiz-i budan* ‘включать что-л.’, ‘состоять из чего-л.’, ‘распространяться на что-л.’); возможно также нерамочное, контактное построение этих СГ: *دارا بودن dārā budan*, *دچار شدن dočār šodan*, *شامل بودن šāmel budan*; при таком построении появляются разные способы управления дополнениями: *این کتاب پنج فصل را دارا است In ketāb panj fasl-rā dārā ast* ‘Эта книга имеет пять глав’; *به مشکلات بزرگی دچار شدیم Be moškelāt-e bozorg-i dočār šodim* ‘Мы столкнулись с большими трудностями’;

б) СГ, которые преимущественно употребляются при контактном положении компонентов (например, *تشکیل دادن taškil dādan* ‘организовывать’, *درک کردن dark kardan* ‘понимать’, ‘воспринимать’, *توضیح دادن towzih dādan* ‘разъяснять’, ‘объяснять’);

в) СГ, у которых «рамка» и «нерамка» встречаются приблизительно одинаково (например, *تقدیم کردن taqdim kardan* ‘преподносить’, ‘дарить’, *دست زدن dast zadan*

‘приступать’, ‘начинать’, شدن داخل *dāxel šodan* ‘входить’, ‘поступать’). В словарях нет необходимости отражать факультативную рамочную конструкцию, даже если она наиболее характерна для данного СГ (группа «а»), ибо для понимания его значения достаточно зафиксировать этот СГ при контактном положении его компонентов.

4. Лексико-грамматические классы глаголов

Классификация глаголов на основании их лексико-грамматических свойств представляет немалые трудности, поскольку эти свойства не составляют строгих оппозиций и проявляются недостаточно последовательно и систематично. Они отражаются в основном на синтаксическом уровне и сопровождаются разными грамматическими показателями, причем охватывают не весь состав глагольной лексики и даже не все структурные разновидности глаголов.

4.1. Переходные и непереходные глаголы

4.1.1. Переходные глаголы

В широком смысле переходными можно было бы считать глаголы, которые требуют какого-то дополнения, в отличие от тех, которые самостоятельно выражают полноту значения и не нуждаются ни в каком дополнении. Однако понятие переходности в грамматике понимается в более узком смысле: переходными считаются те глаголы, которые требуют прямого дополнения. Их также называют прямопереходными глаголами. К ним относят глаголы типа خواندن *xāndan* ‘читать’, کشتن *koštan* ‘убивать’, گرفتن *gereftan* ‘брать’, ‘получать’, آوردن *āvardan* ‘приносить’, بردن *bordan* ‘уносить’, برداشتن *bar-dāštan* ‘поднимать’, تقسیم کردن *taqsīm kardan* ‘делить’, ایراد کردن *irād kardan* ‘произносить’, ترجمه کردن *tarjome kardan* ‘переводить’ и т.д.

Переходные глаголы характеризуются следующими грамматическими признаками: 1) они могут образовывать пассивный (страдательный) залог; 2) с ними употребляется прямое дополнение, которое часто имеет послелог را *-rā*.

1) Пассивный залог могут образовывать все структурные типы прямопереходных глаголов: простые глаголы — خوانده شد *xānde šod* ‘было прочитано’, گرفته می شود *gerefte mišavad* ‘берется’, ‘получается’; префиксальные глаголы — برداشته می شود *bar-dāšte mišavad* ‘поднимается’, برگردانیده شد *bar-gardānide šod* ‘было возвращено’, ‘было переведено’; сложные глаголы — نشان داده شد *nešān dāde šod* ‘было показано’, انتشار داده می شود *entešār dāde mišavad* ‘публикуется’.

Особо следует остановиться на выражении прямопереходными СГ пассивного значения. Этот тип глаголов, как показывают наблюдения, чаще выражает его лек-

сическим способом, путем замены компонирующего глагола, имеющего переходное значение, на глагол, сообщающий СГ пассивное значение: ср. امضا کردن *emzā kardan* ‘подписывать’ — امضا شدن *emzā šodan* ‘подписываться’, تشكيل دادن *taškil dādan* ‘организовывать’ — تشكيل شدن *taškil šodan* ‘организовываться’, ‘быть организованным’, اظهار داشتن *ezhār dāštan* ‘выражать’ — اظهار شدن *ezhār šodan* ‘выражаться’.

2) Показателем переходности глагола является оформление послелогом را *-rā* прямого дополнения. Послелог را *-rā* выступает не после любого прямого дополнения, а лишь после такого, которое обозначает предметы и явления вполне определенные, конкретные, известные. Прямое дополнение всегда имеет послелог, если оно выражено именами собственными и местоимениями или если к нему относятся имена собственные и местоимения: احمد را ملاقات کردم *Ahmad-rā molāqāt kardam* ‘Я встретил Ахмада’; می خواست این کتاب را دوباره بخواند *Mixāst in ketāb-rā dobāre bexānad* ‘Он хотел еще перечитать эту книгу’. Глагол остается прямопереходным и в тех случаях, когда послелог را *-rā* не оформляет прямого дополнения. Это часто имеет место, когда предметы и явления мыслятся как представители всего класса: من هر روز روزه می خورم *Man har ruz ruznāme mixānam* ‘Я каждый день читаю газету’ (а не книгу)¹⁹.

4.1.2. Непереходные глаголы

Эта группа глаголов обозначает действия, не направленные на какой-то предмет. Она охватывает глаголы движения, состояния.

Глаголы движения (رفتن *raftan* ‘идти’, ‘уходить’, آمدن *āmadan* ‘приходить’, دیدن *didan* ‘бежать’, پریدن *paridan* ‘летать’, حرکت کردن *harakat kardan* ‘двигаться’, شنا کردن *šenā kardan* ‘плавать’, خزیدن *xazidan* ‘ползть’ и т.д.) обозначают перемещение в пространстве. Многие из глаголов движения в форме простого прошедшего времени (претерита) и других времен изъявительного наклонения выражают становление соответствующего действия, его начинательность: قطار حرکت کرد *Qatār harakat kard* ‘Поезд тронулся’; پسر دوید *Pesar david* ‘Мальчик побегал’; کبوتر پرید *Kabutar parid* ‘Голубь полетел’.

Можно также отметить подгруппу глаголов эмоционального состояния (خندیدن *xandidan* ‘смеяться’, گریه کردن *gerye kardan* ‘плакать’, راضی شدن *rāzi šodan* ‘становиться довольным’, خشمگین شدن *xašmgin šodan* ‘сердиться’ и т.д.), действие которых замкнуто в самом субъекте и не переходит ни на какой объект.

Особое место по своим семантико-грамматическим свойствам занимают глаголы состояния: خوابیدن *xābīdan* ‘спать’, ‘лежать’, ایستادن *istādan* ‘стоять’, نشستن *neštan* ‘сидеть’, دراز کشیدن *derāz kešīdan* ‘лечь’, ‘разлечься’ и др.). Временные формы этих глаголов имеют специфические значения, отличающие их от других глаголов. Так, прошедше-настоящее время (перфект) этих глаголов обозначает действие (состояние), происходящее в данный момент (من نشسته ام *Man nešaste-am*

¹⁹ Более подробно случаи употребления را *-rā* рассматриваются во второй части, в главе «Предлоги, послелог را *-rā*», и в третьей части, в главе «Второстепенные члены предложения. Косвенное дополнение». Там, в частности, анализируются случаи, когда послелог را *-rā* употребляется не только после прямого, но и после косвенного дополнения.

‘Я сижу’); форма настояще-будущего времени обозначает будущее действие и действие, совершающееся постоянно (ساعت دوازده شب می خوابم *Sāat-e davāzdah-e šab mixābam* ‘В двенадцать часов ночи я лягу (ложусь) спать’; موقع خواندن همیشه پشت میز می نشینم *Mowqe’-e xāndan hamīše pošt-e miz minešinam* ‘Во время чтения я всегда сажусь за стол’); форма преждепрошедшего времени (плюсквамперфект) употребляется для выражения действия (состояния), имевшего место в прошлом в определенный момент (دیروز ساعت ده شب خوابیده بود *Diruz sāat-e dah-e šab xābide bud* ‘Вчера в десять часов вечера он спал’).

Таким образом, глаголы состояния в формах перфекта и плюсквамперфекта в отличие от других глаголов действительно выражают состояние, а не переход в него. В форме же претерита эти глаголы выражают переход в соответствующее состояние: آنها ایستادند *U xābid* ‘Он уснул’; من نشستم *Man nešastam* ‘Я сел’; آنها ایستادند *Ānhā istādand* ‘Они встали’.

Форма прошедшего длительного времени (имперфекта) не вносит каких-либо особенностей в значение глаголов состояния по сравнению с глаголами других семантических групп: من همیشه در نزدیکی پنجره می نشستم *Man hamīše dar nazdiki-ye panjare minešastam* ‘Я всегда сидел поблизости от окна’ или ‘Я всегда сидел поблизости от окна’.

Глаголы состояния обычно не образуют конкретных временных форм с глаголом داشتن *dāstan*.

4.2. Каузативные (понудительные) глаголы

Выше был охарактеризован способ образования каузативных глаголов. Но из-за краткости раздела не были рассмотрены простые глаголы, которые часто служат основой для образования каузативных. Например, от глагола گذشتن *gozaštan* ‘проходить’ каузативный глагол образуется следующим образом: к ОНВ глагола — گذر *gozar* — прибавляются каузальный суффикс ان *-ān*, суффикс основы прош. вр. ید *-id* или د *-d* и суффикс инфинитива ن *-an*, в результате образуется глагол گذرانیدن *gozarānidan* или گذراندن *gozarāndan* ‘проводить’. Таким способом могут быть образованы каузативные глаголы: رسیدن *rasidan* ‘прибывать’ — رسانیدن *rasānidan* ‘доставлять’; خوابیدن *xābidan* ‘спать’ — خوابانیدن *xābānidan* ‘укладывать спать’; دویدن *davidan* ‘бегать’ — دوانیدن *davānidan* ‘гнать’, ‘заставлять бежать’; خندیدن *xandidan* ‘смеяться’ — خندانیدن *xandānidan* ‘смешить’, ‘забавлять’, ‘заставлять смеяться’ и т.д.²⁰

Казуативные формы глагола образуются в основном от простых глаголов, но иногда могут быть образованы и от префиксальных: برگشتن *bar-gaštan* ‘возвращаться’ — برگردانیدن *bar-gardānidan* ‘возвращать’, ‘переводить’; درگرفتن *dar-gereftan* ‘зажигаться’, ‘вспыхивать’ — درگیرانیدن *dar-girānidan* ‘зажигать’, ‘разжигать (огонь)’.

²⁰ Отмечен случай фонетического изменения ОНВ исходного глагола при образовании каузативной формы: نشین *nešin* (ОНВ гл. نشستن *nešastan* ‘сидеть’) — نشانیدن *nešāndan* ‘сажать’, ‘усаживать’.

От сложных глаголов каузативные формы обычно не могут быть образованы, поскольку СГ с переходным значением образуются не грамматическим, а лексическим способом: ср. یافتن پایان *pāyān yāftan* ‘заканчиваться’ и دادن پایان *pāyān dādan* ‘заканчивать’ (замена компонирующего глагола یافتن *yāftan* на دادن *dādan*); حرکت کردن *harakat kardan* ‘двигаться’ и حرکت دادن *harakat dādan* ‘двигать’ (замена компонирующего глагола کردن *kardan* на دادن *dādan*); به وجود آمدن *be vojūd āmadan* ‘возникать’, ‘появляться’ и به وجود آوردن *be vojūd āvardan* ‘производить’, ‘создавать’ (замена компонирующего глагола آمدن *āmadan* на آوردن *āvardan*). Как исключение, следует отметить предложные СГ с компонирующими глаголами رسیدن *rasidan* ‘достигать’ — رساندن *rasandan* ‘доставлять’: به پایان رسیدن *be nāyān rasidan* ‘оканчиваться’ — به پایان رساندن *be nāyān rasandan* ‘оканчивать’; به اثبات رسیدن *be esbāt rasidan* ‘быть доказанным’ — به اثبات رساندن *be esbat rasandan* ‘доказывать’.

Выше говорилось о том, что образование каузативных глаголов нельзя считать полностью грамматическим способом, поскольку каузативная форма может быть образована не от любого простого глагола (переходного или непереходного), т.е. процесс создания каузативных глаголов не имеет строго регулярного характера. Например, не образуются каузативные формы от глаголов ریختن *rixtan* ‘сыпать’, ‘лить’, ‘сыпаться’, ‘литься’, آمیختن *āmixtan* ‘смешивать’, ‘смешиваться’, بردن *bordan* ‘нести’, ‘уносить’, گفتن *goftan* ‘говорить’. Поэтому суффикс ان *-ān* следует считать не столько грамматической морфемой, сколько словообразовательной.

Кроме того, при образовании лексических значений каузативных глаголов не действуют строгие стандартные правила:

а) некоторые глаголы, получая каузативную форму, сохраняют прежнее значение: ср. کشیدن *kešidan* ‘тянуть’ и کشانیدن *kešānidan* ‘тянуть’; پروریدن *parvaridan* ‘растить’, ‘воспитывать’ и پرورانیدن *parvarānidan* ‘растить’, ‘воспитывать’; گستردن *gostardan* ‘расстилать’, ‘распространять’, ‘расширять’ и گسترانیدن *gostarānidan* ‘расстилать’, ‘распространять’, ‘расширять’ — многозначные слова полностью совпадают во всех значениях;

б) при образовании каузативных глаголов не все семы некаузативного глагола получают каузативное значение (например, гл. خورانیدن *xorānidan* ‘кормить’, ‘заставлять есть, пить’ не приобретает каузативного значения на основе других значений гл. خوردن *xordan* — ‘попадать (в цель)’, ‘ударяться’, ‘задевать’, ‘касаться’ и т.д.);

в) некоторые каузативные глаголы получают новые значения, прямо не связанные со значениями соответствующего некаузативного глагола. Например, гл. دوآنیدن *davānidan* помимо значения ‘гнать’, ‘заставлять бежать’ получает еще значение ‘выгонять’, ‘изгонять’ (гл. دویدن *davidan* ‘бежать’). Ряд новых значений по сравнению с соответствующим некаузативным глаголом برگشتن *bar-gaštan* ‘возвращаться’ получает каузативный глагол برگردانیدن *bar-gardānidan*, например ‘переводить (на другой язык)’, ‘искажать’, ‘извращать’.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что процесс образования каузативных глаголов имеет в основном словообразовательный характер.

4.3. «Двузаложные» глаголы

К «двузаложным» относятся такие глаголы, которые одновременно имеют переходное и непереходное значения. Они представлены всеми структурными типами глаголов, но количество их невелико: آمیختن *āmixtan* ‘смешивать’, ‘соединять’ и ‘смешиваться’, ‘соединяться’; ریختن *rixtan* ‘сыпать’, ‘лить’ и ‘сыпаться’, ‘литься’; شکستن *šekastan* ‘ломать’, ‘разбивать’ и ‘ломаться’, ‘разбиваться’; در آمیختن *dar-āmixtan* ‘смешивать’, ‘сплавлять’ и ‘смешиваться’, ‘сплавляться’; تدارک دیدن *tadārok didan* ‘подготавливать’ и ‘подготавливаться’; عکس گرفتن *aks gereftan* ‘фотографировать’ и ‘фотографироваться’.

Переходное или непереходное значение «двузаложного» глагола определяется по контексту.

4.4. Модальные глаголы

К модальным относятся глаголы со значением возможности, долженствования, желания, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания. Это глаголы توانستن *tavānestan* ‘мочь’, خواستن *xāstan* ‘хотеть’, بایستن *bāyestan* ‘долженствовать’, ‘быть нужным’ и их эквиваленты: فرصت کردن *forsat kardan* ‘находить возможность’, ‘успевать’, قادر بودن *qāder budan* ‘мочь’, ‘быть в состоянии’, بودن مستعد *mosta'ed(d) budan* ‘быть склонным’, ‘быть готовым, подготовленным’, میل داشتن *meyl dāštan* ‘желать’, امید داشتن *omid dāštan* ‘надеяться’, علاقمند بودن *alāqemand budan* ‘быть склонным, заинтересованным’, مجبور بودن *majbur budan* ‘быть вынужденным’, موظف بودن *movazzaf budan* ‘быть обязанным’ и т.д. После модальных глаголов смысловый глагол ставится в одном из времен сослагательного наклонения, и в предложении образуется сложное сказуемое, в состав которого входят оба глагольных компонента.

Глаголы توانستن *tavānestan* и خواستن *xāstan* имеют личные формы: او می تواند *U mitavānad be fārsi sohbat konad* ‘Он может говорить по-персидски’; آن شب من نتوانستم از منزل بیرون بروم *An šab man natavānestam az manzel birun beravam* ‘В тот вечер я не смог выйти из дома’; می خواهم او را ببینم *Mixāham u-rā bebinam* ‘Я хочу ее увидеть’.

Существует застывшая безличная форма глагола توانستن *tavānestan* — می توان *mitavān* ‘можно’²¹, после которой употребляется усеченная форма инфинитива смыслового глагола: می توان رفت *Mitavān raft* ‘Можно идти’; نمی توان بحث کرد *Nemitavān bahs kard* ‘Нельзя спорить’. В этом же значении употребляются глагольные формы می شود *mišavad* ‘можно’, می شد *mišod* ‘можно было’ и форма аориста بشود *bešavad* ‘можно бы’ (все три формы — 3-го лица ед. числа гл. شدن *šodan* употребляются и в отрицательной форме — نمی شود *nemišavad* ‘нельзя’, نمی شد *nemišod* ‘нельзя было’, نشود *našavad* ‘нельзя бы’): می شود گفت؟ *Mišavad goft?* ‘Можно сказать?’; آن وقت می شد این کار را کرد *Ān vaqt mišod in kār-rā kard* ‘В то

²¹ Встречаются еще и две другие безличные формы этого глагола: توان *tavān* (обычно в поэзии) и بتوان *betavān* (форма аориста).

время можно было сделать это'; اینجا نمی شود سیگار کشید *Injā nemišavad sigār kešid* 'Здесь нельзя курить'.

Основное назначение глагола خواستن *xāstan* — выразить желание, склонность, намерение, волю. Смысловой глагол, следующий после модального глагола, выражает цель, склонность, намерение и поэтому ставится в форме аориста.

Л.С.Пейсиков вслед за Д.Филлотом [Phillot 1919, с. 261] отмечает, что под влиянием разговорного языка у глагола خواستن *xāstan* развилось другое основное значение — выражение необходимости. Формы имперфекта می خواستی *mixāsti*, می خواست *mixāst*, می خواستید *mixāstid* и т.д. означают 'тебе надо было', 'ему надо было', 'вам надо было' [Пейсиков 1959, с. 308]: اگر سرش درد می کرد می خواست یک استکان قندداغ بخورد *Agar sar-aš dard mikard mixāst yek estekān qanddāq bexorad* 'Если у нее болела голова, ей надо было выпить горячего сладкого чая' (Хедаят. Хаджи-ага); می خواستید یک تکه بدهید دست بچه! *Mixāstid yek tekke bedehid dast-e bačče!* 'Вам надо было дать один кусочек ребенку!' (Хедаят. Хаджи-ага).

К сказанному Л.С.Пейсиковым можно добавить, что глагол خواستن *xāstan* в безличном значении иногда употребляется в настоящем времени (в 3-м лице ед. числа): نمی خواهد اینجا بروید *Nemixāhad ānjā beravid* 'Вам не нужно туда идти'.

От глагола بایستن *bāyestan* сохранились только застывшие формы باید *bāyad*²², بایست *bāyest*, بایستی *bāyēsti*, می بایست *mibāyest*, می بایستی *mibāyesti*, می باید *mibāyad* со значениями 'должен', 'надо', 'следует'. Все они употребляются одинаково для всех лиц и почти не имеют семантических различий между собой. Наиболее употребительными из них являются باید *bāyad* и بایستی *bāyēsti*. В зависимости от того, с какими временными формами и формами наклонения смысловых глаголов сочетаются эти слова, могут выражаться разные временные значения: в сочетании с основными глаголами в одной из форм сослагательного наклонения они имеют значение настояще-будущего времени (او باید آمده باشد) *U bāyad āmade bāšad* 'Он должен уже прийти'; من باید این کتاب را بخوانم *Man bāyad in ketāb-rā bexānam* 'Я должен прочитать эту книгу'), а в сочетании с глаголами в форме прошедшего длительного времени — значение прошедшего времени (او بایستی می آمد) *U bāyesti miāmad* 'Он должен был прийти'.

²² От застывшей глагольной формы следует отличать модальное слово باید *bāyad* 'возможно', 'может быть', возникшее на базе этого же глагола и встречающееся главным образом в разговорном языке: او باید آمده باشد *U bāyad āmade bāšad* 'Он, возможно, уже пришел'.

Глава восьмая

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА

Персидский глагол, обозначающий действие или состояние как процесс, выражает это значение при помощи категорий залога, времени, наклонения и лица/числа. Эти морфологические категории глагола, показывающие протекание действия во времени, отношение действия к его субъекту или объекту, соотношение с моментом речи, изображающие действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, утверждаемый или отрицаемый, проявляются в составе предложения.

Категория залога присуща всем грамматическим формам переходных простых и префиксальных глаголов, категория времени отсутствует у инфинитива, категории наклонения и лица отсутствуют у инфинитива и причастий.

Нужно также отметить синтаксические признаки глагола — способность выполнять функции сказуемого, способность согласовываться с подлежащим, иметь при себе управляемые слова, определяться обстоятельственными словами.

Категория вида, свойственная глаголу во многих языках и показывающая протекание действия во времени, в персидском языке не получила четкого грамматического выражения. Видовые оттенки проявляются во временных формах, которые могут выражать завершенность и незавершенность действия, его длительность, повторяемость, а также результативность, которая выявляется в настоящем времени (است آمده است *U āmade ast* 'Он уже пришел'), должна быть выявлена в будущем (او باید تا ساعت دوی بعد از ظهر آمده باشد) *U bāyad tā sāat-e do-ye ba'd az zohr āmade bāšad* 'Он должен прийти до двух часов дня') или была уже выявлена в прошлом (سال گذشته از خارجه برگشته بود) *Sāl-e gozašte az xāreje bar-gašte bud* 'В прошлом году он возвратился из-за границы'). Все эти видовые характеристики глагольного действия будут рассмотрены при описании соответствующих временных форм. Однако вид как грамматическая категория в «Грамматике» не выделяется.

Наиболее четкое выражение грамматическими средствами получили временные формы глагола. Рассмотрение их ведется последовательно в плане принадлежности к тому или иному наклонению.

В современном персидском языке различают три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Кроме того, можно встретить застывшие формы желательного наклонения, которое имело ограниченное употребление уже в языке классического периода.

Временные формы персидского глагола распределяются между двумя наклонениями — изъявительным и сослагательным, различие между которыми заключается в выражении отношения действия (состояния) к действительности, устанавливаемого говорящим (пишущим). Это выражение модальности действия раскрывает отношение говорящего к высказываемому, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. Повелительное наклонение имеет более узкие рамки применения и более четкое выражение грамматическими средствами.

1. Категория времени

1.1. Сущность грамматической категории времени

Грамматическая категория времени есть отражение времени, реально существующего в природе. Она указывает на отношение действия или состояния к моменту речи или к какому-либо другому моменту, принятому за точку отсчета. Времена глагола, выражающие отношение действия непосредственно к моменту речи, называются **абсолютными**: настоящее время, прошедшее время, будущее время. Времена глагола, выражающие отношение одного действия по отношению к действию другого глагола, принято называть **относительными**. Они определяются не соотношением с моментом речи, а соотношением с другой временной формой в предложении: *من به برادرم گفتم که پدر در اتاق خود است* *Man be barādar-am gofiām-ke pedar dar otāq-e xod ast* ‘Я сказал брату, что отец находится в своей комнате’. Форма настоящего времени глагола-связки *است ast* ‘находится’ указывает на совпадение времени действия не с моментом речи, а с временем действия, выраженного глаголом-сказуемым главного предложения — *گفتم gofiām* ‘сказал’. Часто одна и та же временная форма может иметь в одних случаях значение абсолютного, а в других — относительного времени. Следует различать употребление времен в главном и придаточном предложениях. В придаточном предложении время чаще всего используется в относительном значении.

В персидском языке можно говорить о трех основных временах: настоящем, прошедшем и будущем, каждое из которых представлено несколькими временными формами. Так, настоящее время представлено настоящим-будущим временем изъявительного наклонения и настоящим временем сослагательного наклонения (аористом); прошедшее время — простым прошедшим (претеритом), прошедшим длительным временем (имперфектом), преждепрошедшим временем (плюсквамперфектом) и т.д.; будущее время — будущим категорическим временем и настоящим-будущим временем.

В связи с отсутствием вида в персидском языке различные временные формы настоящего, прошедшего и будущего времени могут выражать завершенность и незавершенность, длительность и многократность, результативность действия.

Формы времени в персидском языке в зависимости от способа образования подразделяются на простые (синтетические) и описательные (аналитические).

Простые времена образуются от основ настоящего и прошедшего времени, к которым присоединяются личные окончания. Кроме того, в зависимости от временной формы прибавляются глагольные приставки: *می نویسم minevisam* ‘я пишу’ (настояще-будущее время), *آمدند āmadand* ‘пришли’ (простое прошедшее время), *برود beravad* ‘пусть уйдет’ (аорист).

К простым временам относятся: настоящее-будущее время, аорист, простое прошедшее время, прошедшее длительное время.

Описательные времена образуются из соединения различных форм основного глагола (причастие прошедшего времени, усеченный инфинитив, формы настоящего-будущего и прошедшего длительного времени) с вспомогательными глаголами: *خواهم گفت xāham goft* ‘я скажу’ (будущее категорическое), *دارد می نویسد dārad minevisad* ‘он пишет’ (настоящее конкретное время), *آمده است āmade ast* ‘он пришел’ (прошедше-настоящее время) и т.д.

К описательным временам относятся: будущее категорическое время, настоящее конкретное и прошедшее конкретное время, прошедше-настоящее время (перфект), прошедше-настоящее длительное время, преждепрошедшее время (плюсquamперфект), прошедшее предположительное время.

В зависимости от отношения говорящего к высказываемому, его оценки отношения сообщаемого к объективной действительности, выражаемых в глагольных формах, все временные формы распределяются между изъявительным и сослагательным наклонениями.

1.2. Временные формы изъявительного наклонения и способы их образования

1.2.1. Настояще-будущее время

Образуется из основы настоящего времени путем присоединения приставки *می mi-* и личных окончаний¹: *می کنم mikonam*, *می کنی mikoni* и т.д.

Отрицательная форма настоящего-будущего времени образуется при помощи префиксальной отрицательной частицы *ن na-*, которая перед глагольной приставкой *می mi-* произносится как *ne-*. На нее переносится главное ударение. Аналогичная картина наблюдается при образовании других временных форм глагола.

Настояще-будущее время имеет несколько значений.

1) Обозначает действие, совершающееся в данный момент: *حالا روزنامه می خوانم Hālā ruznāme mixānam* ‘Я сейчас читаю газету’; *سر دم درد می کند Sar-am dard mikonad* ‘У меня болит голова’.

2) Обозначает действие, совершающееся постоянно, традиционно, или выражает постоянно присущие предмету качества, свойства: *من هر روز روزنامه می خوانم Man har ruz ruznāme mixānam* ‘Я каждый день читаю газету’; *پروین همیشه دیر می کند Parvin hamiše dir mikonad* ‘Парвин всегда опаздывает’; *طلا زنگ نمی زند Talā zang*

¹ В целях единообразия при образовании временных глагольных форм и форм наклонения используется глагол *کردن kardan* ‘делать’ (ОНВ *کن kon*).

nemizana'd 'Золото не ржавеет'; *آب و آتش باهم جمع نمی شود* *Āb-o āteš bā ham jam* 'немиšavad' 'Вода с огнем не уживаются'.

Это значение настоящего-будущего времени часто сопровождается обстоятельством, указывающими на постоянно совершающееся действие: همیشه *hamiše* 'постоянно', هر روز *har ruz* 'каждый день' и т.д.

3) Обозначает будущее действие: فردا پیش تو می آیم *Fardā piš-e to miāyam* 'Завтра я приду к тебе'; هفته آینده می رود به آسایشگاه *Hafte-ye āyande miravad be āsāyeshgāh* 'На будущей неделе он едет в санаторий'.

Форма настоящего-будущего времени от некоторых глаголов не имеет значения будущего времени. К ним относятся модальные глаголы, глаголы интеллектуального восприятия, глаголы эмоционального состояния, глагол داشتن *dāstan* 'иметь'.

Форма настоящего-будущего времени от глаголов состояния, как уже отмечалось при характеристике этих глаголов, имеет два значения: действие, совершающееся постоянно (او هر روز شش ساعت می خوابد) *U har ruz šeš sāat mixābad* 'Каждый день он спит шесть часов'), и будущее действие (او در پهلو می نشیند) *U dar pahlu-ye man minešinad* 'Он сядет рядом со мной'.

4) Обозначает действие, имевшее место в прошлом; его обычно называют историческим настоящим временем. Оно употребляется для выражения действий, имевших место в прошлом, для придания большей живости и изобразительности рассказу: امروز دیر از خواب بیدار شدم، به اتاق دوستم داخل می شوم و می بینم کسی آنجا نیست *Emruz dir az xāb bidār šodam, be otaq-e dust-am dāxel mišavam va mibinam: kas-i ānjā nist* 'Сегодня я проснулся поздно. Вошел в комнату друга и вижу, там никого нет'.

Отнесенность действия, выраженного глаголом в форме настоящего-будущего времени, к прошлому устанавливается контекстом — наличием в предшествующих предложениях глаголов в прошедшем времени, а также употреблением обстоятельства, указывающего на прошлое.

5) Глагол в настоящем-будущем времени иногда употребляется для выражения повеления, приказания: می روی پیش پدرت و به او حکایت می کنی *Miravi piš-e pedar-at va be u hekāyat mikoni* 'Пойдешь к отцу и расскажешь'; این کتاب را می خوانید *In ketāb-rā mixānid va ba'd be man pas bedehid* 'Прочтите эту книгу, а потом возвратите ее мне'.

В языке классического периода настоящего-будущее время глагола часто употреблялось без приставки *mi-*: ام کارت غافل ام *Amir goft to pandāri-ke az kār-at qāfel-am* 'Эмир сказал: ты полагаешь, что я не думаю о твоём деле' (Сийасатнамэ); در بغداد کسی شناسی از مردمان شهر و بازار که دیناری پانصد *Dar Baqād kas-i šenāsi az mardoman-e šahr va bazar ke-dinar-i pānsad bā man moātele konad?* 'Знаешь ли ты в Багдаде кого-нибудь из горожан и торговцев, кто заключит со мною сделку динаров на пятьсот?'.

Без приставки *mi-* можно встретить глаголы в настоящем-будущем времени в грамматиках и учебниках современного персидского языка, в эпистолярном стиле: مبهمات کلماتی را گویند که کسی یا چیزی را به طرز مبهم نشان دهد *Mobhamāt kalemt-i-rā guyand-ke kas-i yā čiz-i-rā be tarz-e mobham nešān dehad* 'Неопределенными местоимениями называют такие слова, которые представляют кого- или что-либо в неопределенном виде' (Бахар, Форузанфар и др.).

Настояще-будущее время глагола без приставки *می mi-* часто употребляется в пословицах и поговорках: *حاجی حاجی را در مکه بیند Hāji hāji-rā dar Makke binad* ‘Хаджи² увидит другого хаджи в Мекке³’ (соотв. ‘Ищи ветра в поле’); *عاقل نشود با نیک نشینی نیک شوی Āqel našavad qāfel* ‘Умного не застанешь врасплох’; *با دیگ نشینی سیاه Bā nik nešini nik šavi, bā dig nešini siyāh* ‘С хорошим сядешь — хорошим станешь, с котлом сядешь — черным (станешь)’ (соотв. ‘С кем поведешься, от того и наберешься’).

Глагол *داشتن dāštan* ‘иметь’, выступая в предложении в самостоятельном лексическом значении, употребляется без приставки *می mi-*, в составе же СГ в качестве компонирующего глагола он может получать приставку *می mi-*: *یاد دوست خود را دارد گرامی می دارد Yād-e dust-e hod-rā gerāmi midārad* ‘Он чтит память о своем друге’.

Глагол *گفتن goftan* ‘говорить’ в настояще-будущем времени при использовании его в неопределенно-личном значении часто употребляется без приставки *می mi-*: ... *گویند guyand...* ‘говорят...’.

1.2.2. Настоящее конкретное время

Образуется из формы настоящего времени основного глагола и формы настоящего времени вспомогательного глагола *داشتن dāštan* ‘иметь’: *دارم می کنم dāram mikonam*, *داری می کنی dāri mikoni* и т.д. В образовании этого времени участвуют две финитные формы глаголов. Отрицательная форма отсутствует.

Основное значение настоящего конкретного времени — обозначение действия, совершающегося сейчас, в данный момент: *دارم نامه می نویسم Dāram nāme minevisam* ‘Я (в данный момент) пишу письмо’.

Иногда это время может обозначать действие, которое должно совершиться в самом ближайшем будущем: *او دارد می آید U dārad miāyad* ‘Он сейчас придет’; *درخت دارد می افتد Deraxt dārad miyoftad* ‘Дерево вот-вот упадет’.

В языке классического периода настоящее конкретное время не зафиксировано. Следует также отметить, что это время не образуется от глаголов состояния, модальных глаголов, глаголов чувственного и интеллектуального восприятия.

Вспомогательный глагол *داشتن dāštan* занимает довольно свободное положение по отношению к основному глаголу: либо находится непосредственно перед основным глаголом, либо отделяется от него другими членами предложения (но никогда не употребляется после основного глагола): *ما داریم با یکدیگر به زبان فارسی حرف می زنیم Mā dārim bā yekdigar be zabān-e fārsi harf mizanim* ‘Мы говорим (в данный момент) друг с другом по-персидски’.

1.2.3. Будущее категорическое время

Образуется из личной формы настоящего времени вспомогательного глагола *خواستن xāstan* ‘хотеть’ без приставки *می mi-* и усеченного инфинитива основного

² Хаджи (حاجی *hāji*) — мусульманин, совершивший паломничество в г. Мекку.

³ Мекка (مکه *Makke*) — священный город мусульман в Саудовской Аравии, место их паломничества (حج *hajj*).

глагола: *خواهم کرد xāham kard*, *خواهی کرد xāhi kard* и т.д. Отрицательная форма образуется путем присоединения отрицательной приставки *ن na-* к личной форме глагола *خواستن xāstan*: *نخواهم کرد naxāham kard*.

В языке классического периода после вспомогательного глагола *خواستن xāstan* употребляли инфинитив основного глагола: *خواهم کردن xāham kardan*, *خواهی کردن xāhi kardan* и т.д.

При образовании формы будущего категорического времени от префиксальных глаголов вспомогательный глагол *خواستن xāstan* ставится между префиксом и усеченным инфинитивом, например: *بر خواهم گشت bar xāham gašt* 'я возвращусь', *فرا خواهد گرفت farā xāhad gereft* 'охватит'.

В сложных глаголах при образовании этого времени глагол *خواستن xāstan* ставится между именной частью и компонирующим глаголом, например: *ایجاد نخواهد کرد ijād naxāhad kard* 'не создаст', *به عمل خواهیم آورد be amal xāhim āvard* 'совершим', 'осуществим'.

Будущее категорическое время представляет собой описательную (аналитическую) форму глагола, поэтому важно знать ее просодическую структуру в предложении. Она может образовывать либо самостоятельную синтагму, либо единую ритмическую группу в составе синтагмы. Формы будущего категорического времени, образованные от разных структурных типов глаголов, различаются ударением.

1) Форма будущего категорического времени от простых глаголов характеризуется главным ударением на вспомогательном глаголе *خواستن xāstan*: *آهنگ خواهند آمد xāhānd āmad* 'они придут'.

2) Форма будущего категорического времени от префиксальных глаголов получает ударение на префикс: *بر خواهم گشت bar xāham gašt* 'я возвращусь'.

3) Форма будущего категорического времени от сложных глаголов имеет главное ударение на именной части: *راضی خواهد شد rāzi xāhad šod* 'он будет доволен'.

4) Отрицательная форма всех структурных типов глаголов в будущем категорическом времени имеет главное ударение на отрицательной частице *ن na-*, например: *نخواهم گفت naxāham goft* 'я не скажу'; *ترجمه نخواهد کرد tarjome naxāhad kard* 'он не будет переводить'.

5) В тех случаях, когда возникает необходимость подчеркнуть категоричность совершения действия, выражаемого при помощи префиксальных и сложных глаголов, главное ударение переходит на вспомогательный глагол *خواستن xāstan*: *پشتیبانی خواهند کرد poštibāni xāhānd kard* 'они поддержат'.

Форма будущего категорического времени употребляется для выражения действия, которое обязательно должно совершиться в будущем. Это время больше свойственно письменной речи.

1.2.4. Простое прошедшее время (претерит)

Образуется из основы прошедшего времени путем прибавления личных окончаний (в 3-м лице ед. числа окончание является нулевым, т.е. берется чистая основа): *کردم kardam*, *کردی kardi*, *کرد kard* и т.д.

Следует обратить внимание на ударение в разных структурных типах глагола.

В простых глаголах в форме простого прошедшего времени ударение падает на последний или единственный слог основы прошедшего времени: گرفتَم *geréftam* ‘получил’, دیدم *didam* ‘увидел’, گفتند *góftand* ‘они сказали’.

В сложных глаголах в форме претерита (как и в других временах) ударение падает на именную часть (خورد سرما *sarmā xord* ‘он простудился’, آشنا شدیم *āšnā šodim* ‘мы познакомились’), а в префиксальных глаголах — на префикс (برخاستم *bár-xāstam* ‘я встал’, برگشتیم *bár-gaštīm* ‘мы возвратились’).

В языке классического периода к формам претерита часто присоединяли приставку *be-*, подчеркивавшую однократность, завершенность действия: برفت *beraft* ‘ушел’.

Общее значение претерита состоит в констатации прошедшего действия без его квалификации с точки зрения длительности или повторяемости, но в отдельных случаях он может выражать различные оттенки.

Основные случаи употребления простого прошедшего времени.

1) Выражает однократное действие, совершенное в прошлом: پس از جلسه به خانه رفت *Pas az jalase be xāne raft* ‘После заседания он отправился домой’; سه هفته گذشت *Se hafte gozašt* ‘Прошло три недели’.

2) При наличии обстоятельственных слов, указывающих на длительность во времени, повторяемость, может выражать длительное действие: چند بار به او گفتم که آنجا نرود *Čand bár be u goftam-ke ānjā naravad* ‘Я несколько раз ему говорил, чтобы он туда не ходил’; مدتی به موسیقی گوش کردیم *Moddat-i be musiqi guš kardim* ‘Некоторое время мы слушали музыку’.

3) В придаточных условных и придаточных времени подчеркивает уверенность в совершении будущего действия (действие мыслится как бы уже совершенным, и претерит употребляется вместо аориста): اگر شما این وظیفه را انجام ندادید مسئولیت آن به گردن شما خواهد افتاد *Agar šomā in vazife-rā anjām nadādid mas’uliyyat-e ān be gardan-e šomā xāhad oftād* ‘Если вы не выполните это задание, то ответственность за это ляжет на вас’; وقتی که خواندن این کتاب را تمام کردید به من خبر دهید *Vaqt-i ke xāndan-e in ketāb-rā tamām kardid be man xabar dehid* ‘Когда вы закончите чтение этой книги, сообщите мне’.

4) В разговорном языке некоторые глаголы в претерите употребляются для обозначения будущего действия, что практически означает призыв к его немедленному осуществлению (رفتیم *raftim* ‘пошли’, بردیم *bordim* ‘понесли’, خوش آمدید *xoš āmadid* ‘добро пожаловать’, ‘милости просим’), а также будущего действия, которое должно произойти немедленно (رفتَم *raftam* ‘ну, я пошел’ в значении ‘сейчас пойду’).

1.2.5. Прошедшее длительное время (имперфект)

Образуется из основы прошедшего времени путем прибавления приставки *mi-* и личных окончаний (в 3-м лице ед. числа окончание является нулевым, т.е. берется чистая основа): می کردم *mi-kardam*, می کردی *mikardi*, می کرد *mikard* и т.д.

Общее значение имперфекта состоит в выражении незавершенного, длительно-го и многократно повторяющегося действия, протекавшего в прошлом.

В современном языке прошедшее длительное время употребляется в следующих случаях.

1) Когда необходимо выразить длительное, повторяющееся действие, протекавшее в определенный момент в прошлом: *دیروز ساعت دوی بعد از ظهر در باغ گردش می کردم Diruz sāt-e do-ye ba'd az zohr dar bāq gardeš mikardam* 'Вчера в два часа дня я гулял в саду'.

2) Когда нужно выразить длительное действие, совершавшееся постоянно в прошлом (безотносительно к какому-либо моменту или другому действию в прошлом): *تابستان گذشته بچه ها هر روز آبتنی می کردند Tābestān-e gozašte baččehā har ruz ābtani mikardand* 'Прошлым летом дети каждый день купались'; *سابقاً تدریس زبان Sābeqan tadrīs-e zabān be tarz-e digar anjām migereft* 'Прежде обучение языку осуществлялось иначе'.

3) Когда необходимо выразить будущее действие в прошлом, с тем чтобы что-то пояснить, раскрыть причину совершения предшествующего действия. Часто глагол в форме имперфекта ставится в придаточном предложении причины: *همه چیز برای راه طولانی حاضر بود چونکه فردای آن روز سفر ما شروع می شد Hamečiz barāye rāh-e tulāni hāzer bud čon-ke fardā-ye ān ruz safar-e mā šoru' mišod* 'Все было готово для дальнего пути, так как на следующий день начиналось наше путешествие'.

4) В сложноподчиненных предложениях с придаточными времени, когда нужно выразить действие, протекавшее в определенный момент в прошлом на фоне какого-либо другого прошедшего действия. Прошедшее длительное время может употребляться как в главном, так и в придаточном предложении: *وقتی که داخل اتاق شدیم Vaqt-i ke dāxel-e otāq šodim ānhā sohbat mikardand* 'Когда мы вошли в комнату, они разговаривали'.

5) В сложноподчиненных предложениях с условными придаточными, когда выражается нереальное условие. В этом случае действие и главного, и придаточного предложения выражает модальные значения неизъявительного характера, а глаголы-сказуемые обоих предложений ставятся в форме имперфекта: *اگر می دانستم Agar midānestam be šomā migoftam* 'Если бы я знал, то сказал бы вам'; *اگر می آمدم Agar miāmad in majalle-rā be u pas midādam* 'Если бы он пришел, я возвратил бы ему этот журнал'.

6) После глаголов и других слов, выражающих желательность или необходимость совершения действия в прошлом. В этом случае, как и в предыдущем, речь идет о выражении ирреального действия, передающего модальные значения сослагательного наклонения. Обычно форме имперфекта смыслового глагола предшествуют такие слова и словосочетания, как *باید bāyad*, *بایست bāyest*, *بایستی bāyesti*, *لازم لازم lāzem ast* 'необходимо', *بود لازم lāzem bud* 'было необходимо', *خوب خوب xub ast* 'хорошо', *کاش kāš*, *کاشکی kāški* 'если бы!', 'хотя бы!', 'хорошо бы!': *باید (بایست) باید (بایست)* *Bāyad (bāyest) miāmad* 'Он должен был прийти'; *خوب است سر وقت بر می گشت Xub ast sar-e vaqt bar migašt* 'Хорошо бы он вовремя возвратился'; *ای کاش او را Ey kāš u-rā molāqāt mikardim!* 'О, если бы мы его встретили!'.

Форма прошедшего длительного времени от глаголов بودن *budan* 'быть' и داشتن *dāštan* 'иметь' употребляется без приставки *می mi-*. Однако глагол داشتن *dāštan*, употребляющийся в качестве компонирующего глагола в составе СГ, может принимать приставку *می mi-*: *شد می شد* 'становился'.

Agar in serr-rā penhān nemidāšt vaz'-e dust-aš xeyli badtar mišod 'Если бы он не скрывал эту тайну, положение его друга было бы намного хуже'.

В языке классического периода прошедшее длительное время образовывалось путем присоединения к любой из форм претерита частицы *همی hamē* (می *mē*) или постпозитивного неударного суффикса *-ē*: *همی کردم hamē kardam*, *همی کردی hamē kardē* и т.д.; *می کردم mē kardam*, *می کردی mē kardē*, *می کرد می mē kard* или *کردمی kardam-ē*, *کردی kard-ē*, *کردی kard-ē* и т.д. Таким образом, вместо современной глагольной приставки *می mi-* употребляли частицу *همی hamē* (می *mē*), которая могла ставиться как перед глаголом, так и после него. Было допустимо также двойное маркирование длительности — с помощью *همی hamē* (می *mē*) и *یذ -ēδ*, *-ē*: *همی کردم می hamē kardam-ē*, *همی کردم میذ hamē kardam-ēδ* 'я делал'.

1.2.6. Прошедшее конкретное время

Образуется из личных форм прошедшего длительного времени основного глагола и личных форм простого прошедшего времени вспомогательного глагола *داشتن dāstan*: *داشتم می کردم dāštam mikardam*, *داشتی می کردی dāšti mikardi*, *داشت می کرد dāšt mikard* и т.д., т.е. в образовании этого времени участвуют две финитные формы глаголов. Глагол *داشتن dāstan*, занимая свободное положение в предложении, всегда находится в препозиции по отношению к основному глаголу.

Прошедшее конкретное время употребляется только в положительной форме и выражает действие (процесс), происходившее в определенный момент в прошлом: *آن روز که او را ملاقات کردم او داشت در نزدیکی خانه خود گردش می کرد آن روز که او را ملاقات کردم او داشت در نزدیکی خانه خود gardeš mikard* 'В тот день, когда я его встретил, он гулял недалеко от своего дома'; *موقعی که داخل اتاق شد من داشتم با تلفن صحبت می کردم Mowqe'-i-ke dāxel-e oṭāq šod, man dāštam bā telefon sohbat mikardam* 'Когда он вошел в комнату, я разговаривал по телефону'.

Глаголы состояния, модальные глаголы, глаголы чувственного и интеллектуального восприятия не образуют форм прошедшего конкретного времени.

1.2.7. Прошедшие-настоящее время (перфект)

Образуется от причастия прошедшего времени основного глагола и кратких форм глагола-связки *هست hast*: *کرده ام karde-am*, *کرده ای karde-i*, *کرده است karde-ast* и т.д. При отрицании приставка *نا na-* присоединяется к причастию и на нее переходит главное ударение независимо от структурного типа глагола.

Краткая форма глагола-связки 3-го лица ед. числа *است -ast* иногда может опускаться. Особенно часто это явление наблюдается в разговорном языке: *چه اتفاقی افتاده؟ Āhmad kojā rafte?* 'Что случилось?'; 'Ахмад куда ушел?'.
آهmad kojā rafte?

В отличие от простого прошедшего времени, которое выражает лишь факт совершения действия, прошедшие-настоящее время фиксирует внимание не только на факте совершения действия, но и на его отношении к моменту речи: *او آمده است*

U āmade-ast ‘Он уже пришел’; *من نگفته ام Man nagofte-am* ‘Я еще не сказал’. Это время наиболее часто можно встретить в прямой речи, в диалоге.

Прошедше-настоящее время употребляется в следующих случаях.

1) Когда необходимо выразить действие, связанное своим результатом с настоящим моментом: *او نهار خورده است U nahār xorde-ast* ‘Он уже пообедал’; *آمده است برای این که ما را به شب نشینی دعوت کند Āmade-ast barāye in-ke mā-rā be šabnešini da'vat konad* ‘Он пришел, чтобы пригласить нас на вечер’.

2) Для выражения будущего действия, мысленно реализованного к определенному моменту. В этом случае прошедше-настоящее время употребляется в главных предложениях, следующих после условных придаточных: *اگر در این بحث شرکت بکنید اگر در این بحث شرکت بکنید کار بزرگی را کرده اید Agar dar in bahs šerkat bekonid kār-e bozorg-i-rā karde-id* ‘Если вы будете участвовать в этой дискуссии, то сделаете большое дело’.

3) Когда в роли сказуемого выступают глаголы состояния (*خوابیدن xābīdan* ‘спать’, *نشستن nešastan* ‘сидеть’, *ایستادن istādan* ‘стоять’ и др.), обозначающие действие-состояние, которое имеет место в данный момент: *او خوابیده است U xābide-ast* ‘Он спит’; *چرا شما اینجا نشسته اید؟ Āma injā nešaste-id?* ‘Почему вы здесь сидите?’.

4) Когда действие началось раньше и продолжается в данный момент: *شما را پای تلفن خواسته اند Somā-rā pā-ye telefon xāste-and* ‘Вас просят к телефону (т.е. попросили раньше и продолжают просить сейчас)’; *روانشناسان نیز از زبان تعریفهایی که روانشناسان نیز از زبان تعریفهایی که Ravānšenāsān-niz az zabān ta'rifhā-yi ke-xāss-e ānhā ast be dast dāde-and* ‘Психологи также дали определение языка, которое специфично только для них’.

5) При наличии обстоятельственных слов, выражающих повторяемость (например, *مکرراً mokarraran* ‘неоднократно’, ‘многократно’, *بارها bārḥā* ‘много раз’, ‘неоднократно’); в этом случае перфект обозначает многократно повторяющееся действие: *... من گفته اند بارها به من گفته اند Bārḥā be man gofte-and...* ‘Неоднократно мне говорили...’.

1.2.8. Прошедше-настоящее длительное время

Образуется из форм прошедше-настоящего времени путем прибавления приставки *می mi-*: *می کرده ام mikarde-am*, *می کرده ای mikarde-i*, *می کرده است mikarde-ast* и т.д.

В современном языке форма прошедше-настоящего длительного времени больше свойственна книжному стилю речи. Ее основное назначение состоит в том, чтобы выразить длительное многократное действие, происходившее в прошлом: *یک نوع شعر در قدیم قصیده می گفته اند Yek now'-e še'r dar qadim qaside migofte-and* ‘Один вид стиха в старину называли касыдой’; *پدر روشن پس از مرگ مادرش علاقه Pedar-e Rowšan pas az marg-e mādar-aš alāqe-ye xāss-i nesbat be in tanhā doxtar-aš ebrāz mikarde-ast* ‘Отец Роушан после смерти матери проявлял любовь по отношению к своей единственной дочери’.

1.2.9. Преждепрошедшее время (плюсквамперфект)

Образуется от причастия прошедшего времени и личных форм простого прошедшего времени вспомогательного глагола بودن *budan*: کرده بودم *karde budam*, کرده بودی *karde budi*, کرده بود *karde bud* и т.д. В отрицательной форме приставка *na-* присоединяется к причастию. Иногда это время называют также давнопрошедшим.

Преждепрошедшее время представляет собой отодвинутое в план прошлого прошедше-настоящее время. В отличие от последнего оно соотносит результат действия не с моментом речи, а с каким-либо моментом в прошлом или с моментом совершения другого прошедшего действия. Эта временная форма глагола обычно употребляется для выражения прошедшего действия, совершенного до начала другого прошедшего действия.

Случаи употребления преждепрошедшего времени.

1) Употребляется для выражения прошедшего действия, которое завершилось до наступления другого прошедшего действия. Этот случай имеет место в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и с придаточными определительными:

а) в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени глагол-сказуемое главного предложения ставится в форме преждепрошедшего времени, если его действие предшествовало моменту совершения действия в придаточном предложении: *وقتی که من پیش او آمدم کار خود را تمام کرده بود* *Vaqt-i-ke man piš-e u āmadam kār-e xod-rā tamām karde bud* 'Когда я к нему пришел, он уже закончил свою работу';

б) в сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными глагол-сказуемое придаточного предложения ставится в форме преждепрошедшего времени, если его действие предшествовало прошедшему действию главного предложения: *دادم که کتابخانه دانشگاه پس دادم* *Ketāb-i-rā ke xānde budam be ketābxāne-ye dānešgāh pas dādam* 'Я возвратил в библиотеку университета книгу, которую прочел'; *او با دوست خود ملاقات کرد که چند سال پیش در همان دانشکده تحصیل کرده بود* *U ba dust-e xod molāqāt kard-ke čand sāl piš dar hamān dāneškade tahsil karde bud* 'Он встретил друга, с которым несколько лет тому назад учился на том же факультете'.

2) Глаголы состояния ставятся в форме преждепрошедшего времени, если выражаемое ими действие-состояние совершалось в определенный момент в прошлом: *وقتی که داخل اتاق شدم او پشت میز تحریر نشسته بود و چیزی می نوشت* *Vaqt-i-ke dāxel-e otāq šodam u pošt-e miz-e tahrir nešaste bud va čiz-i minevešt* 'Когда я вошел в комнату, он сидел за письменным столом и что-то писал'; *مدتی است که همه آنها خوابیده بودند* *Moddat-i ast ke-hame-ye ānhā xābide budand* 'Уже давно все они спали'.

3) Употребляется в условных придаточных предложениях вместо имперфекта, когда необходимо подчеркнуть нереальность совершения прошедшего действия: *اگر در باره آمدن خود به شهر ما به من قبلاً خبر داده بودید من حتماً از شما استقبال می کردم* *Agar dar bāre-ye āmadan-e xod be šahr-e mā be man qablan xabar dāde budid man hatman az šomā esteqbāl mikardam* 'Если бы вы заранее сообщили мне о том, что придете

в наш город, я обязательно встретил бы вас'; اگر قدری زودتر آمده بودید می توانستید منزل پیدایش بکنید *Agar qādri zudtar āmade budid mitavānestid manzel peydā-yaš bekonid* 'Если бы вы пришли раньше, то могли бы застать его дома'.

4) Иногда употребляется для выражения просто прошедшего действия, результат которого относится к прошлому; часто действие отделено от момента речи более или менее значительным промежутком времени: شهر مسکو در سال ۱۱۴۷ تاسیس شد *Šahr-e Moskow dar sāl-e hezār-o yeksad-o čehel-o haft ta'sis yāfte bud* 'Город Москва был основан в 1147 году'; در بارهٔ خلافت این شاعر بسیار صحبت کرده بودیم *Dar bāre-ye xallāqiyyat-e in šaer besyār sohbat karde budim* 'Мы много говорили о творчестве этого поэта'.

От глагола بودن *budan* 'быть' преждепрошедшее время не образуется, вместо этого времени употребляется простое прошедшее.

1.3. Временные формы сослагательного наклонения и способы их образования

Сослагательное наклонение в персидском языке представлено двумя временными формами: настояще-будущим временем и прошедшим предположительным.

1.3.1. Настояще-будущее время (аорист)⁴

Образуется из основы настоящего времени путем прибавления приставки *be-* и личных окончаний: بکنم *bekonam*, بکنی *bekoni*, بکند *bekonad* и т.д.

Аористная форма префиксальных глаголов (главным образом с префиксом *bar-*) обычно не имеет приставки *be-*, например: باید برگردد *Bāyad bar-gardad* 'Он должен возвратиться'; می تواند برخیزد *Mitavānad bar-xizad* 'Он может встать'.

В аористной форме сложных глаголов приставка *be-* также часто опускается: می خواهم این مقاله را به زبان روسی ترجمه کنم *Mixāham in maqāle-rā be zabān-e rusi tarjome konam* 'Хочу эту статью перевести на русский язык'.

При отрицании приставка *be-* опускается: نکنم *nakonam*, نکنی *nakoni* и т.д.

Форма аориста от глагола بودن *budan* 'быть' употребляется без приставки *be-*: باشم *bāšam*, باشی *bāši*, باشد *bāšad* и т.д. У глагола داشتن *dāstan* 'иметь' вместо аориста используется форма прошедшего предположительного времени: داشته باشم *dāšte bāšam*, داشته باشی *dāšte bāši* и т.д. Однако в составе СГ этот глагол как компонентирующий может иметь приставку *be-*: باید معذورم بدارند *Bāyad ma'zur-am bedārand* 'Они должны меня извинить'.

Аорист — инновационная глагольная форма, появившаяся в новоперсидском языке. Она заключает в себе признаки времени и наклонения, ее можно было бы

⁴ Термин «аорист», получивший распространение в работах западноевропейских авторов по отношению к настояще-будущему времени сослагательного наклонения, не соответствует подлинному значению этого термина (от греч. *aoristos* 'необозначенный'), используемого в грамматиках индоевропейских языков (греческого, старославянского, древнерусского, современных южнославянских) и обозначающего видо-временную форму недлительного действия, полностью относящегося к прошлому.

назвать модальным временем. Аорист является ярким примером взаимосвязи категорий времени и наклонения.

Как временная форма, аорист охватывает действия, относящиеся к настоящему или будущему времени.

В отличие от настоящего-будущего времени изъявительного наклонения, указывающего на то, что действие безусловно совершается или совершится, аорист употребляется в тех случаях, когда совершение действия является не обязательным, а только возможным. Аорист используется при выражении желания, возможности, необходимости, допущения, понуждения к действию, косвенного приказа, условия и т.п. Выражая то, что должно произойти, или то, что произойдет при известных условиях, аорист как форма наклонения указывает на отношение действия к действительности. Поэтому аорист называют настоящим-будущим временем сослагательного наклонения.

Различается самостоятельное и зависимое употребление аориста.

При самостоятельном употреблении аористная форма выступает независимо от других языковых средств, модальный смысл предложения определяется употреблением самой глагольной формы, например для выражения косвенного повеления (желательности *به پسرش نگوید* *Be pesar-aš naguyad* 'Пусть он ничего не говорит своему сыну'), желательности (между нами) *مابین خودمان بماند* *Mābeyn-e xod-emān bemānad* 'Пусть останется между нами'), в вопросах, имеющих оттенки сомнения (*در را باز کنم؟* *Dar-rā bāz konam?* 'Мне открыть дверь?').

При зависимом употреблении глагол ставится в форме аориста после модальных глаголов и иных модальных слов (*او می تواند به زبان فارسی صحبت کند* *U mitavānad be zabān-e fārsi sohbat konad* 'Он может говорить по-персидски'; *شاید* *U mišāyad dir konam* 'Возможно, я опоздаю'), в различных типах придаточных предложений — условных, временных и др. (*اگر او را ببینید سلام مرا به او برسانید* *Agar u-rā bebinid salām-e ma-rā be u berasānid* 'Если его увидите, то передайте ему мой привет').

В языке классического периода в некоторых случаях аорист бывает трудно отделить от настоящего-будущего времени, так как последнее могло употребляться без приставки *می* *mi-* (см. примеры, приведенные выше).

Случаи использования аориста следует разделить на два вида: употребление в простом предложении и употребление в сложноподчиненном предложении.

1) Аорист употребляется в составе сложных глагольных сказуемых в следующих случаях:

а) после модальных глаголов *خواستن* *xāstan* 'хотеть', *توانستن* *tavānestan* 'мочь', *بایستن* *bāyestan* 'долженствовать' (представлен только застывшими формами) и их синонимов — *میل داشتن* *meyl dāstan*, *آرزو داشتن* *ārezu dāstan* 'желать', 'хотеть', *موففّق شدن* *movaffaq šodan* 'удаваться', *موظّف شدن* *movazzaf šodan* 'быть обязанным, вынужденным' и т.д.: *می خواست لبخند بزند* *Mixāst labxand bezanād* 'Она хотела улыбнуться'; *من آن شب نتوانستم شام بخورم* *Man ān šab naṭavānestam šām bexoram* 'Я в тот вечер не смог поужинать'; *حتماً باید پیش پزشک برود* *Hatman bāyad piš-e pezešk beravad* 'Он обязательно должен пойти к врачу'; *آرزو می کرد برای تکمیل* *Ārezu mikard barāye takmil-e ma'lumāt-aš be Hendustān beravad* 'Он хотел для совершенствования своих знаний отправиться в Индию';

б) после глаголов, выражающих старание, стремление, намерение, решимость: *Hanuz jor 'at nemikonam be zabān-e fārsi harf bezanam* 'Я еще не осмеливаюсь говорить по-персидски'; *Sa'y mikard har če zudtar be šomā nāme beferestad* 'Он старался как можно скорее отправить вам письмо'. По своему значению глаголы этой группы стоят близко к модальным глаголам.

2) Аорист употребляется после модальных слов, выражающих возможность, желательность / нежелательность действия, которое должно совершиться в будущем: *Šāyad biyāyad* 'Возможно, он придет'; *Momken ast moxālefāt konad* 'Может быть, он будет возражать'; *Xodā naknd ain āqā be maqām وزارت* *Xodā nakonad in āqā be maqām-e vezārat mansub šavad* 'Не дай Бог, этот господин будет назначен на должность министра'.

3) Аорист употребляется также после модальных оборотов *nazdik ast... 'вот-вот...', nazdik bud... 'чуть (было) не...', 'едва не...', kam mānde-ast... 'вот-вот...', kam mānde bud... 'чуть (было) не...',* модального слова *moškel* 'едва ли', 'вряд ли' (чаще в разговорном языке), выражающих возможность / невозможность совершения действия в ближайшем будущем или в какой-то момент в прошлом, сомнение в совершении действия: *Nazdik ast xabar-e tāze-i be mā berasad* 'Вот-вот к нам поступит новое сообщение'; *Nazdik bud beyoftad* 'Он чуть было не упал'; *Nazdik bud divāne bešavam* 'Я едва не сошел с ума'; *Kam mānde bud eštebāh konam* 'Я едва не ошибся'; *Moškel u-rā bebinam* 'Вряд ли я его увижу'; *Moškel u betavānad sar-e vaqt berasad* 'Вряд ли он сможет добраться [туда] вовремя'; *Kam mānde-ast vazir bešavad* 'Вот-вот он станет министром'.

4) Аорист употребляется для выражения косвенного повеления, приказанья (*Biyāyad injā* 'Пусть он придет сюда'; *Be u naguyad* 'Пусть он ему не говорит'), призыва к совместному действию (*Beravim!* 'Пойдемте!'; *Bexānim va tarjome konim!* 'Читаем и переводим!'). Такого рода предложения часто могут быть усилены путем постановки модально-побудительных частиц — *begozār* 'пусть', *biyā* 'давай', *biyāyid* 'давайте': *Begozār ānjā naravad* 'Пусть он туда не ходит'; *Biyāyid sigār nakešim* 'Давайте не курить'; *Biyā sohbat konim* 'Давай поговорим'.

5) Аорист употребляется в эмоционально окрашенных предложениях для выражения пожеланий, приветствий, поздравлений: *Id-e šomā tobārak bāšad!* 'Поздравляю вас с праздником!' (букв. 'Да будет ваш праздник счастливым!'); *Farāmuš-etān našavad* 'Не забудьте!'; *Qorbān-at šavam!* 'Дорогой мой!', 'Дорогая моя!' (обращение в письме, букв. 'Да стану жертвой за тебя!'); *Dande-aš narm šavad!* 'Поделом ему!', 'Так ему и надо!' (букв. 'Да станет мягким его ребро!').

6) Аорист употребляется в вопросительных предложениях, выражающих значения желательности, сомнения, возможности совершения действия: *من چه کار کنم?*

Man ċe kār konam? ‘Что мне делать?’; *بخوانم? Bexānam?* ‘Мне читать?’; *در را باز کنم? Dar-rā bāz konam?* ‘Я должен открыть дверь?’.

Аорист широко используется в различных типах придаточных предложений, сохраняя при этом свое основное модальное значение — возможность, некатегоричность совершения действия. В одних типах придаточных предложений употребление аориста зависит от глагола-сказуемого главного предложения (например, в придаточных цели, дополнительных), в других — аорист проявляет свое модальное значение более самостоятельно (например, в придаточных определительных, времени, условных).

Употребление аориста в различных типах придаточных предложений.

1) В условных придаточных предложениях, когда действие относится к будущему: *اگر او را ببینید درخواست مرا به اطلاع او برسانید Agar u-rā bebinid darxāst-e ma-rā be ettelā'-e u berasānid* ‘Если вы его увидите, то сообщите ему о моей просьбе’; *اگر تلفن کند نشانی خود را به او بدهید Agar telefon konad nešāni-ye xod-rā be u bedehid* ‘Если он позвонит, то дайте ему свой адрес’.

2) В уступительных придаточных предложениях после союзов *هر چه har ċe* ‘что ни’, ‘сколько ни’, *هر قدر har qadr* ‘как ни’, ‘сколько ни’, если действие относится к будущему: *Har ċe beguyim u qabul dārad* ‘Что ни скажем, он соглашается’; *Har qadr ham moškel bāšad man bāyad be tahsil-e xod edāme bedeham* ‘Как ни трудно, я должен продолжить учебу’.

3) В придаточных предложениях цели: *برای این که زبان فارسی را زودتر و بهتر فرا بگیرید Barāye in-ke zabān-e fārsi-rā zudtar va behtar farā begirid lāzem ast har ruz beyn-e xod be in zabān harf bezanid* ‘Для того чтобы быстрее и лучше изучить персидский язык, необходимо, чтобы вы каждый день между собой говорили на этом языке’.

4) В придаточных дополнительных предложениях, следующих после глаголов, которые выражают желание, просьбу, приказание, стремление, сомнение и т.п.: *U xāheš kard-ke fardā šab piš-e u biyāyat* ‘Он попросил, чтобы завтра вечером я зашел к нему’; *Tardid-i dāram-ke u motaxasses-e xub-i bešavad* ‘Я сомневаюсь, что он станет хорошим специалистом’.

5) В придаточных предложениях времени, вводимых союзами *تا tā*, *آن که tā ān-ke*, *تا این که tā in-ke* ‘пока’, ‘до тех пор, пока’, *قبل از آن که qabl az ān-ke*, *پس از آن که pas az ān-ke* ‘до того, как’, *بعد از آن که ba'd az ān-ke* ‘после того, как’, если речь идет о будущем действии: *Tasmim gereft bačče-rā negah dārad tā sāheb-aš peydā šavad* ‘Он решил держать у себя ребенка до тех пор, пока не найдется хозяин’ (Хедаят. Лале); *Barādar-am qabl az ān-ke dāxel-e otāq šavad dar-rā zad va ejāze-ye vorud xāst* ‘Мой брат, прежде чем войти в комнату, постучал в дверь и попросил разрешения войти’.

6) В придаточных предложениях исключения, вводимых союзами *بدون آن که bedun-e ān-ke*, *بدون این که bedun-e in-ke*, *بی آن که bi ān-ke* ‘без того, чтобы’, *به جای آن که be jā-ye ān-ke*, *به جای این که be jā-ye in-ke* ‘вместо того, чтобы’, *مگر آن که magar ān-ke*, *مگر این که magar in-ke* ‘за исключением того случая, если’, ‘если только не’:

من بدون آن که از موزه های شهر دیدن بکنم از اینجا نخواهم رفت *Man bedun-e ān-ke az muzehā-ye šahr didan bekonam az injā naxāham raft* 'Пока я не осмотрю музеи города, отсюда не уеду'; چه شد که او رفت بدون آن که جواب بدهد؟ *Če šod ke u raft bedun-e ān-ke javāb bedehad?* 'Что случилось, что он ушел, не дав ответа?'; عملاً کاری انجام نمی داد مگر این که سودی در آن داشته باشد *Amalan kār-i anjām nemidād magar in-ke sud-i dar ān dāšte bāšad* 'По существу он не делал ни одного дела, если только не имел для себя какой-то выгоды'; زبان فارسی... نمی تواند یک زبان علمی باشد، *Zabān-e fārsi... nemitavānad yek zabān-e elmi bāšad, magar in-ke barāye kāstihā-ye ān čāre-i andišide šavad* 'Персидский язык... не может стать языком науки, пока не будут устранены его недостатки' (букв. 'за исключением того случая, когда будет придумано средство, устраняющее его недостатки') [Батени 1371].

7) В придаточных определительных предложениях, в которых дается характеристика лицам, предметам и явлениям с оттенком неуверенности, предположительности, желательности: برای ترجمه باید مقاله ای انتخاب کرد که مضمون آن را خوب بفهمند *Barāye tarjome bāyad maqāle-i entexāb kard ke-mazmun-e ān-rā xub befahmand* 'Для перевода надо подобрать статью, содержание которой хорошо бы поняли'; من برای این کار ساخته نشده ام. من زنی که اینطور زندگانی کند و زندگانی دورو داشته باشد نیستم *Man barāye in kār sāxte našode-am. Man zan-i-ke intowr zendegāni konad va zendegāni-ye doru dāšte bāšad nistam* 'Я не создана для этого дела. Я не такая женщина, которая бы так жила и вела бы двойную жизнь' (Дашти. Тень).

Выше были рассмотрены наиболее типичные случаи употребления аориста в различных типах придаточных предложений. Аорист может выступать и в других типах придаточных предложений. Главное условие употребления этой временной формы сослагательного наклонения — наличие модальных значений, связанных с такими понятиями, как желательность совершения действия, неуверенность, сомнение.

1.3.2. Прошедшее предположительное время

Образуется от причастия прошедшего времени смыслового глагола и форм аориста вспомогательного глагола بودن *budan*: کرده باشم *karde bāšam*, کرده باشی *karde bāši*, کرده باشد *karde bāšad* и т.д. В отрицательной форме приставка *na-* ставится перед причастием, и на нее переходит ударение. От глагола بودن *budan* форма прошедшего предположительного не употребляется, вместо нее используется аористная форма этого глагола.

Прошедшее предположительное время противопоставляется прошедше-настоящему времени (перфекту) в модальном плане. Поэтому его называют прошедшим временем сослагательного наклонения. Так же как и аорист, прошедшее предположительное время сочетает в себе грамматические признаки времени и наклонения и может быть названо модальным временем.

В отличие от прошедше-настоящего времени, которое констатирует, что действие совершилось и результат его налицо, прошедшее предположительное время выражает сомнение, предположение, желательность совершения действия в прошлом. Это время используется для выражения таких же модальных оттенков, как и

аорист. Однако оно противопоставляется аористу во временном аспекте: аорист связан с настоящим или, чаще, с будущим действием, тогда как прошедшее предположительное время характеризует преимущественно прошедшее действие. Кроме того, в отличие от аориста прошедшее предположительное время подчеркивает результат действия.

Иногда прошедшее предположительное время может обозначать и будущее действие, если необходимо подчеркнуть результат действия, который должен быть в последующем обнаружен.

Из описанного выше общего значения прошедшего предположительного времени вытекают конкретные случаи его употребления. Прошедшее предположительное время употребляется в следующих случаях.

1) Когда нужно выразить сомнение, предположение относительно достоверности уже совершившегося действия. Обычно прошедшее предположительное время употребляется после модальных слов *شاید šāyad* 'возможно', 'может быть', *باید bāyad* (в том же значении), а также модальных оборотов *است ممکن motken ast* 'возможно', 'может быть', *است شک šakk ast* 'сомнительно' и т.п., выражающих сомнение или предположение: *ممكن است اشتباه کرده باشد Momken ast eštebāh karde bāšad* 'Возможно, он ошибся'; *شک است خواهش شما را انجام داده باشد Šakk ast xāheš-e šomā-rā anjām dāde bāšad* 'Сомнительно, что он выполнил вашу просьбу'.

2) В предложениях со значением долженствования после модальных слов и оборотов *باید bāyad* 'надо', 'следует', *است لازم lāzem ast* 'необходимо', *است ضروری ast zaruri ast* 'необходимо', 'обязательно':

а) когда нужно обозначить действие, которое должно дать результат к определенному моменту в будущем: *ما باید از این حوادث درسهای بسیار مهمی را گرفته باشیم Mā bāyad az in havādes darshā-ye besyār mohemm-i-rā gerefte bāšim* 'Мы должны извлечь очень важные уроки из этих событий'; *شما باید تا ساعت پنج بعد از ظهر پیش مدیر روزنامه آمده باشید Šomā bāyad tā sāat-e panj-e ba'd az zohr piš-e modir-e ruznāme āmade bāšid* 'Вы должны до пяти часов вечера прийти к редактору газеты';

б) когда нужно обозначить действие, результат которого должен был бы явиться в определенный момент в прошлом: *دیروز ساعت هفت بعد از ظهر می بایستی پیش من آمده باشد بلکه نیامد Diruz sāat-e haft-e ba'd az zohr mibāyesti piš-e man āmade bāšad balke nayāmad* 'Вчера он должен был прийти ко мне в семь часов вечера, но не пришел'.

3) В придаточных определительных предложениях, дающих предположительную характеристику предметам и явлениям, если действие их относится к прошлому: *Mardān-e bozorg mesl-e baččehā-yi-ke mādar-e xod-rā az dast dāde bāšand gerye mikardand* 'Взрослые мужчины плакали, как дети, которые потеряли свою мать' (Аляви. Пятьдесят три человека); *Kamtar zendāni دیدم که شب اول گرفتاری خود را نباخته باشد Kamtar zendāni دیدم که شب اول گرفتاری خود را نباخته باشد* 'Я редко видел заключенного, который бы не растерялся в первую ночь своего ареста' (Аляви. Пятьдесят три человека).

Нередко глагол-сказуемое придаточных определительных предложений ставится в форме прошедшего предположительного времени, если они следуют после главных предложений, содержащих отрицание или вопрос: *امروز در دنیا دانشمندی*

باشد *Emruz dar donyā dānešmand-i nist-ke be-din osul imān nayāvarde bāšad* 'Сегодня в мире не найдется ученого, который не верил бы в эти принципы'.

4) В условных придаточных предложениях, когда необходимо подчеркнуть результат действия, который выявится в будущем: *اگر اشتباه کرده باشم مرا ملامت کنید* *Agar eštebāh karde bāšam marā malāmat konid* 'Если я ошибусь, то поругайте меня'; *بروید پیش احمد اگر آمده باشد از او اطلاعات لازم را بگیرید* *Beravid piš-e Ahmad agar āmade bāšad az u ettelāāt-e lāzem-rā begirid* 'Идите к Ахмаду, если он уже пришел, то получите у него необходимые сведения'.

5) В придаточных исключения, когда необходимо подчеркнуть результат действия: *دیروز بدون این که خواسته باشم کاغذ و قلم برای من آوردند* *Diruz bedun-e in-ke xāste bāšam kāqaz va qalam barāye man āvardand* 'Вчера без всякой просьбы с моей стороны (букв. без того, чтобы я попросил) мне принесли бумагу и ручку'; *یک نویسنده بزرگ درگذشت بدون این که هموطنانش به ارزش او پی برده باشند* *Yek nevisande-ye bozorg dar-gozašt bedun-e in-ke hamvatanān-aš be arzeš-e u pey borde bāšand* 'Умер один большой писатель, не будучи по достоинству оценен своими соотечественниками' (букв. 'без того, чтобы его соотечественники поняли его ценность').

6) В простых предложениях, выражающих желательность / нежелательность обнаружения результата действия, после таких модальных слов и оборотов, как *مبادا* *mabādā* 'не дай Бог', *کاش* *kāš*, *کاشکه* *kāške*, *کاشکی* *kāški* 'о, если бы', *خدا نکند* *xodā nakonad* 'не дай Бог': *مبادا نمک به جای قند به من داده باشند* *Mabādā namak be jā-ye qand be man dāde bāšand* 'Не дай Бог, чтобы мне дали соль вместо сахара'; *خدا نکند در کاش نیامده باشد* *Kāš nayāmade bāšad* 'О, если бы он не пришел'; *خدا نکند در قطار دیگر سوار شده باشم* *Xodā nakonad dar qatār-e digar savār šode bāšam* 'Не дай Бог мне сесть на другой поезд'.

В рассмотренных выше примерах формы прошедшего предположительного времени могли бы быть заменены на формы аориста. Однако аорист выразил бы возможность совершения действия в будущем безотносительно к его результату.

2. Категория наклонения

Грамматическая категория глагола, которая выражает отношение действия (состояния) к действительности, устанавливаемое говорящим, называется наклонением. Наклонение посредством специальных глагольных форм показывает, считает ли говорящий действие реальным или нереальным, предполагаемым, возможным или желаемым.

Значения, которые выражает категория наклонения, называют также модальными. Модальность, отражающая в самом широком смысле отношение высказывания к реальной действительности, охватывает не только наклонения, но и случаи выражения отношения к действительности другими языковыми средствами, например лексическими, интонационными.

Категория наклонения тесно связана с категорией времени. В персидском языке формы времени часто выражают различные модальные оттенки, т.е. выполняют

роль наклонений (например, использование прошедшего длительного времени для выражения ирреального условия, настоящего-будущего времени изъявительного наклонения в значении повелительного наклонения).

В современном персидском языке различают три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Кроме того, как уже говорилось, в языке классического периода (и частично в современном языке) встречаются остатки желательного наклонения.

2.1. Изъявительное наклонение

Обозначает действие, которое мыслится говорящим как вполне реальное, действительное, происходящее, происходившее или возможное в будущем. Отрицательная форма не изменяет значения изъявительного наклонения, так как и в этом случае речь идет о действительном факте — об отсутствии действия (в настоящем, прошедшем или будущем времени).

Это наклонение находит в языке наибольшее применение. С морфологической точки зрения изъявительное наклонение не характеризуется никакими особыми показателями. Временные формы, за исключением аориста и прошедшего предположительного времени, являются вместе с тем и формами изъявительного наклонения.

Формы изъявительного наклонения могут передавать многообразные значения и неизъявительного порядка (например, употребление настоящего-будущего времени и простого прошедшего времени в значении повелительного наклонения, использование простого прошедшего времени вместо аориста в условных придаточных предложениях).

2.2. Сослагательное наклонение⁵

Употребляется для выражения действия, которое говорящий считает возможным, желаемым. Термин «сослагательное» указывает на то, что соответствующее наклонение чаще употребляется в зависимом, придаточном предложении.

Персидское сослагательное наклонение имеет два времени: настоящее-будущее и прошедшее (прошедшее предположительное) время.

Форма аориста является одновременно морфологическим показателем сослагательного наклонения. В прошедшем времени сослагательного наклонения в форме аориста ставится вспомогательный глагол *بودن budan* 'быть', являющийся составной частью аналитической формы этого времени.

Выше были рассмотрены случаи употребления обоих времен сослагательного наклонения. Главное различие между этими временными формами сводится к тому, что аорист обозначает действие безотносительно к его результату, тогда как прошедшее предположительное время подчеркивает наличие результата действия.

⁵ Термин «сослагательное наклонение» происходит из латинского термина *modus conjunctivus*, что буквально означает 'соединительное наклонение'.

Другим различием между этими временными формами является то, что аорист может употребляться для выражения косвенного повеления, приказа (برويم *beravim* 'пойдемте', 'пошли', 'идемте', بگوید *beguyad* 'пусть он скажет'), а прошедшее предположительное время в этом значении не употребляется.

Временные формы изъявительного наклонения могут использоваться для выражения значений сослагательного наклонения. Выше было отмечено употребление простого прошедшего времени вместо аориста в придаточных условных и придаточных времени, когда подчеркивается уверенность в совершении будущего действия. Для выражения значения сослагательного наклонения в условных придаточных предложениях, действие которых относится к прошлому, употребляется прошедшее длительное время (имперфект), а также преждепрошедшее время (плюсквамперфект): *آگر شما را می دیدم همه چیز را نقل می کردم* *Agar šomā-rā mididam hamečiz-rā naql mikardam* 'Если бы я вас увидел, то все бы рассказал'; *آگر قبلاً بلیط خریده بودم به تاتر می رفتم* *Agar qablan belit xaride budam be teātr miraftim* 'Если бы я предваритель-но купил билеты, то мы пошли бы в театр'.

Отличие в употреблении имперфекта и плюсквамперфекта в условных придаточных состоит в том, что имперфект может употребляться также в условных придаточных, относящихся к будущему: *آگر موفق می شدم او را ببینم هیچ حادثه ای روی نمی داد* *Agar movaffaq mišodam u-rā bebinam hič hādese-i ruy nemidad* 'Если бы мне удалось его повидать, то ничего бы не случилось'.

Как уже отмечалось, прошедшее длительное время употребляется в значении прошедшего времени сослагательного наклонения в оборотах долженствования после слова باید *bāyad* 'надо', 'следует' и его синонимов: *باید می آمد* *Bāyad miāmad* 'Он должен был прийти'; *بایستی می نوشتم* *Bāyesti mineveštam* 'Я должен был написать'.

В оборотах, выражающих желание, после модальных слов *کاش kāš*, *کاشکه kāške*, *کاشکی kāški* 'если бы', 'хотя бы', 'хорошо бы' помимо временных форм сослагательного наклонения иногда употребляют преждепрошедшее или прошедшее длительное время: *کاش آن لحظه مرده بودم!* *Kāš ān lahze morde budam!* 'Если бы я умер в тот момент!'; *ای کاشکی با دوستم ملاقات می کردم!* *Ey kāški bā dust-am molāqāt mikardam!* 'О, если бы мне встретить друга!'

2.3. Повелительное наклонение

Употребляется только во 2-м лице ед. и мн. числа. Образуется так же, как и форма аориста, от основы настоящего времени с помощью приставки *be-*, однако в ед. числе личное окончание *-i* не прибавляется (т.е. налицо нулевое окончание): *بکن! bekon!* 'делай!', *بکنید! bekonid!* 'делайте!'. В отрицательной форме приставка *be-* заменяется на частицу отрицания *na-*: *نکن! nakon!* 'не делай!'. Вместо частицы *na-* для усиления отрицания (главным образом в ед. числе) может употребляться отрицательная частица *ma-*: *مگو! magu!* 'не говори!', 'не говорить!'.

В префиксальных глаголах, начинающихся с префикса *bar-*, приставка *be-* совсем не употребляется (например, *برخیز! bar-xiz!* 'встань!'), в других префиксальных глаголах и в сложных глаголах приставка *be-* часто опускается: *فکر کن!* *fekr kon!* 'подумай!', *ترجمه کنید! tarjome konid!* 'переведите!'.

Глагол بودن *budan* ‘быть’ в повелительном наклонении приставку *be-* не принимает: باش *bāš*, باشید *bāšid*.

Форма повелительного наклонения от глагола داشتن *dāštan* ‘иметь’ образуется из причастия прошедшего времени этого глагола и формы повелительного наклонения вспомогательного глагола بودن *budan*: داشته باش! *dāšte bāš!* ‘имей!’, داشته باشید! *dāšte bāšid!* ‘имейте!’. При отрицании частица *na-* ставится перед формой причастия.

Глагол داشتن *dāštan* в качестве компонирующего глагола (в составе СГ) может иметь приставку *be-* в форме мн. числа, например: مرقوم بدارید *marqum bedārid* ‘пишите’, معذورم بدارید *ma'zur-am bedārid* ‘извините меня’.

Повелительное наклонение выражает волеизъявление говорящего, его просьбу или приказание, побуждение другого лица к совершению действия. В побудительном предложении обычно отсутствует подлежащее.

От некоторых глаголов форма повелительного наклонения не употребляется из-за их лексического значения, которое не дает возможности выразить побуждение к совершению действия, приказание: به درد خوردن *be dard xordan* ‘годиться’, خوش آمدن *xoš āmadan* ‘нравиться’ и т.д.

2.4. Желательное наклонение

Желательное наклонение встречалось только в языке классического периода и не имело полной парадигмы. Оно образовывалось от основы настоящего времени путем прибавления окончаний 3-го лица ед. и мн. числа *ad-ād* и *ānd-ānd*: کند *kunād* ‘да сделает’, ‘пусть сделает’, کنند *kunānd* ‘да сделают’, ‘пусть сделают’ (звук *o* в классическом языке звучал как *u*). Это наклонение преимущественно отмечено в 3-м лице единственного и — очень редко — множественного числа. Наряду с указанными формами употреблялись также формы с префиксом *bi-*: بکناد *bikunād*, بکناند *bikunānd*. В единичных случаях в ранних поэтических произведениях встречалась форма 1-го лица ед. числа: کنم *kunām* ‘да сделаю’.

В современном персидском языке сохранилась только форма 3-го лица ед. числа желательного наклонения глагола بودن *budan*: باد *bād* ‘да будет’, ‘пусть будет’ (сокращение от *bovād*). Встречается также форма с постпозитивной восклицательной частицей *-ā* — بادا! *bādā!* ‘да будет!’ и с отрицательной частицей *ma-* — مبادا! *mabādā!* ‘да не будет!’.

В современном языке эти три формы находят разное применение.

Слово باد *bād* употребляется как глагольная часть сказуемых в составе лозунгов: افتخار باد! *eftexār bād!* ‘славься..!’, ‘пусть славится..!’ (например, افتخار باد، میهن ما! *Eftexār bād mihan-e mā!* ‘Пусть славится наша родина!’); زنده باد! *zende bād!* ‘да здравствует..!’; مرده باد! *torde bād!*, پست باد! *past bād!*, محو باد! *mahv bād!*, نیست باد! *nist bād!* ‘долой..!’.

Слово بادا *bādā* встречается в составе устойчивого предложения-поговорки! هر چه بادا باد! *Har če bādā bād!* ‘Будь что будет!’, ‘Пусть будет все, чему суждено быть!’.

Слово *مبادا mabādā* употребляется как модальное слово со значением ‘не дай Бог!’, ‘как бы не..!’: *مبادا دير کند! Mabādā dir konad!* ‘Не дай Бог, он опоздает!’, *مبادا نيايد! Mabādā nayāyid!* ‘Не дай Бог, если вы не явитесь!’.

3. Категория залога

Глагольная категория залога не имеет четкого общепринятого определения. В «Грамматике» принято считать, что залоговые значения свойственны лишь переходным глаголам, так как только они могут показывать изменения в отношениях между субъектом и объектом в конкретных формах глагола.

3.1. Переходность / непереходность глаголов и понятие залога

Категория залога обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом действия (предметом, над которым действие производится), находящие свое выражение в форме глагола. Однако не всякие отношения между субъектом и объектом являются залоговыми, а только такие, которые получают грамматическое оформление — образуют пассивную форму глагола (морфологический уровень) и формируют залоговую конструкцию (синтаксический уровень).

Категория залога тесно связана с понятием переходности / непереходности глаголов. Отношение глаголов к объекту действия дает основание делить их на переходные и непереходные. Переходными глаголами обычно считаются только те, которые требуют прямого дополнения. В морфологической структуре переходных и непереходных глаголов различия нет, оно между ними прежде всего лексическое. Как известно, к числу переходных относятся все каузативные глаголы.

В зависимости от изменений в отношениях между производителем и объектом действия различаются два залога: активный и пассивный.

Активный залог показывает, что действие, производимое субъектом, переходит на прямой объект, который целиком охватывается этим действием: *موقع نهار نان می خورم Mowqe'-e nahār nān mixoram* ‘Во время обеда я ем хлеб; *دوستم مرخصی خود را در آسایشگاه گذرانید Dust-am moraxxasi-ye xod-rā dar āsāyeshgāh gozarānid* ‘Мой друг провел свой отпуск в санатории’.

Пассивный залог свидетельствует о том, что предмет, выступающий в роли подлежащего, не производит действия, а испытывает на себе действие субъекта, выступающего в роли предложного дополнения, которое также называют агентивным дополнением (агентивный от лат. *agens* ‘действующее лицо’), обозначающим лицо или предмет, от которого исходит действие, см. [Арсланбеков 1980, с. 13]: *نماینده ما از طرف رئیس جمهور برگزیده شده است Nemāyande-ye mā az taraf-e rais-e jomhur bar-gozide šode ast* ‘Наш представитель назначен президентом’;

این کتاب به دست نویسنده معروف نوشته شد *In ketāb be dast-e nevisande-ye ma'ruf nevešte šod* 'Эта книга была написана известным писателем'.

3.2. Пассивный залог и его образование от различных структурных типов глагола

Пассивный залог образуется из причастия прошедшего времени основного глагола и соответствующей временной формы вспомогательного глагола شدن *šodan*: *گفته شد gofte šod* 'было сказано', *نویسنده می‌نویسد nevešte mišavad* 'пишется'. Отрицательная форма образуется путем присоединения приставки *ن na-* к глаголу شدن *šodan*: *گفته نمی‌شود gofte nemišavad* 'не говорится'. В будущем категорическом времени формы вспомогательного глагола *خواستن xāstan* ставятся между причастием прошедшего времени основного глагола и усеченным инфинитивом глагола شدن *šodan*: *گرفته خواهد شد gerefte xāhad šod* 'будет получено'.

Пассивный и активный залог глагола по значению соотносительны. В морфологическом плане активная форма глагола не маркирована, пассивная же — маркирована, она является производной от активной формы и представляет собой аналитическую форму. Участвующий в образовании пассива вспомогательный глагол شدن *šodan* только в языке классического периода мог заменяться на синонимичные глаголы *گردیدن gardidan* и *گشتن gaštan*; в современном же языке случаи замены встречаются исключительно редко. Все это дает основание утверждать, что в персидском языке залоговые отношения передаются не лексическим способом, а выражаются грамматически, с помощью особой аналитической формы.

От переходных глаголов *داشتن dāštan* 'иметь' и *کردن kardan* 'делать' пассивный залог не образуется⁶.

Аналитическая форма пассивного залога образуется в основном от простых и префиксальных глаголов. Пассивное значение сложных глаголов обычно выражается лексическим способом: компонирующий глагол, придающий СГ переходное значение, заменяется на другой компонирующий глагол, сообщающий ему пассивное значение: *ایجاد کردن ijād kardan* 'создавать' — *ایجاد شدن ijād šodan* 'создаваться', *توسعه دادن towsee dādan* 'расширять' — *توسعه یافتن towsee yāftan* 'расширяться', *به عمل آوردن be amal āvardan* 'производить' — *به عمل آمدن be amal āmadan* 'производиться', *به کار بردن be kār bordan* 'применять' — *به کار رفتن be kār raftan* 'применяться', *انتشار دادن entešār dādan* 'публиковать' — *انتشار یافتن entešār yāftan* 'публиковаться' и т.д.

В тех случаях, когда в качестве компонирующего глагола используется глагол *کردن kardan* (или его эквивалент *نمودن nemudan*), его можно заменить не только на *شدن šodan*, но и на его эквиваленты *گردیدن gardidan* и *گشتن gaštan*: *تشکیل کردن*

⁶ А.И. Арсланбеков в кандидатской диссертации, посвященной сопоставительному исследованию категории залога в современном персидском языке и языке дари Афганистана, показал различия в образовании пассивного залога в языке дари: 1) в качестве вспомогательного глагола при образовании пассива иногда используется также глагол *آمدن amadan* 'приходить'; 2) аналитическая форма пассива может быть образована от глагола *کردن kardan*, выступающего в качестве компонирующего в сложных глаголах (например, *تولید کرده شدن tawlid karda šodan* 'производиться'), см. [Арсланбеков 1980, с. 7].

taškil kardan ‘организовывать’ — *تشکیل گردیدن taškil gardidan* ‘организовываться’, *کردن آزاد āzād kardan* ‘освободить’ — *آزاد گردیدن āzād gardidan* ‘освободиться’ и т.д. Глагол *شدن šodan*, выражая пассивное значение СГ, может быть свободно заменен на отмеченные выше эквивалентные компонирующие глаголы, тогда как при образовании аналитической формы пассива такая замена практически невозможна. Вместе с тем форма пассивного залога может быть образована от тех переходных СГ, в состав которых не входят компонирующие глаголы *کردن kardan* и *داشتن dāštan*: *انتشار دادن entešār dādan* ‘публиковать’ — *انتشار داده شدن entešār dāde šodan* ‘публиковаться’, *بیرون راندن birun rāndan* ‘изгонять’ — *بیرون رانده شدن birun rānde šodan* ‘изгоняться’, *انجام دادن anjām dādan* ‘выполнять’ — *انجام داده شدن anjām dāde šodan* ‘выполняться’, *یاد گرفتن yād gereftan* ‘заучивать’, ‘запоминать’ — *یاد گرفته شدن yād gerefte šodan* ‘заучиваться’, ‘запоминаться’.

Таким образом, пассивное значение сложных глаголов может передаваться двумя способами: а) лексическим, путем замены одного компонирующего глагола на другой, сообщаящий СГ пассивное значение, и б) грамматическим, путем образования аналитической формы пассива. От ряда СГ пассивное значение может выражаться обоими способами: *انتشار یافتن entešār yāftan* и *انتشار داده شدن entešār dāde šodan* ‘публиковаться’, *تشکیل شدن taškil šodan* и *تشکیل داده شدن taškil dāde šodan* ‘организовываться’.

3.3. Пассивная конструкция

Наиболее полное выражение категории залога наблюдается в синтаксисе. Именно здесь получают лексико-грамматическое выражение соотношения глагола-сказуемого с субъектом, объектом и адресатом действия.

Предложения, в которых логический субъект выражается описательно, с помощью вторичных предлогов (از طرف *az taraf-e*, به وسیله *be vasile-ye*, [به] [be] *tavassot-e*, از سوی *az su-ye*, از جانب *az jāneb-e*, به دست *be dast-e* и др.), принято называть пассивными конструкциями; все эти предлоги употребляются с агентивным дополнением. В пассивных конструкциях сказуемыми являются глаголы пассивного залога или сложные глаголы с пассивным значением: نامه از طرف دوستم فرستاده شد *Nāme az taraf-e dust-am ferestāde šod* ‘Письмо было послано моим другом’; این خانه به دست کارگران خارجی ساخته می شود *In xāne be dast-e kārgarān-e xāreji sāxte mišavad* ‘Этот дом строится иностранными рабочими’; این کتاب به قلم نویسنده معروف نوشته شده است *In ketāb be qalam-e nevisande-ye ma'ruf nevešte šode-ast* ‘Эта книга написана известным писателем’; شرح حال کاملی که به وسیله پسر استاد منتشر شد *Šarh-e hāl-e kāmeli-ke be vasile-ye pesar-e ostād montāšer šode-ast barāye hame-ye mā xub mā'lum ast* ‘Полная биография, которая была опубликована сыном профессора, всем нам хорошо известна’; اتاق فرهنگ ایران توسط سفیر جمهوری اسلامی ایران در انستیتوی فلسفه گشایش یافت *Otāq-e farhang-e Irān tavassot-e safir-e Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān dar Anstitu-ye falsafe gošāyesh yāft* ‘В Институте философии послом Исламской Республики Иран была открыта комната иранской культуры’. Пассивные конструкции стилистически окрашены и получили распространение главным образом в эпистолярном, газетно-информационном,

публицистическом и научно-техническом стилях, т.е. употребляются в основном в книжном языке.

Пассивная конструкция для полного выражения залоговых отношений должна обязательно иметь агентивное дополнение и всегда строится по формуле: «подлежащее + агентивное дополнение + сказуемое, выраженное глаголом с пассивным значением». При отсутствии в пассивной конструкции агентивного дополнения и подлежащего она превращается в безличное предложение: نوشته شد *nevešte šod* 'было написано', اعلام می شود *e'lām mišavad* 'объявляется'.

4. Категория лица/числа

Глагольная категория лица выражает отношение действия и его субъекта к говорящему. Форма глагола изменяется в зависимости от того, является ли субъектом действия сам говорящий, его собеседник или же лицо (предмет), не участвующее в речевом акте. Различаются три лица. Форма 1-го лица (متکلم *motakallem* 'говорящий', '1-е лицо') указывает, что субъектом действия является сам говорящий; форма 2-го лица (مخاطب *moxātab* 'адресат', '2-е лицо') указывает, что субъектом действия является собеседник говорящего; форма 3-го лица (غایب *qāyeb* 'отсутствующий', '3-е лицо') указывает, что субъектом является лицо (предмет), не участвующее в речевом акте. Различия между лицами выражаются личными окончаниями глаголов.

Формы 1-го и 2-го лица ед. числа отличаются от формы 3-го лица тем, что указывают на определенный субъект действия, тогда как форма 3-го лица ед. числа такого указания не содержит, поэтому субъект действия в этой форме может быть выражен любым существительным. В 3-м лице ед. числа простого прошедшего времени категория лица не выражается, и поэтому для понимания значения необходимо знание конкретного субъекта или предшествующего контекста.

Если субъектов действия больше чем один, употребляют формы мн. числа: 1) ما می نویسیم *Mā minevisim* 'Мы пишем'; 2) شما می نویسید *Šomā minevisid* 'Вы пишете'; 3) آنها می نویسند *Ānhā minevisand* 'Они пишут'. Таким образом, личные формы глагола одновременно выражают и значение числа.

Формы мн. числа глагола, так же как и соответствующие формы личных местоимений, отличаются по значению от форм мн. числа имен существительных, обозначающих множество однородных предметов. Форма 1-го лица мн. числа показывает, что действие производят не «много я», а «я и другие (другой)» (ما می خوانیم *Mā miḫānim* 'Мы читаем'); иногда эта форма может употребляться вместо формы 1-го лица ед. числа в авторской речи, преимущественно публицистической, научной: ... ما تصور می کنیم که... *Mā tasavvor mikonim ke...* 'Мы предполагаем, что...'. Форма 2-го лица мн. числа обозначает, что действие производит собеседник совместно с другим лицом или лицами, либо употребляется вместо формы ед. числа при вежливом обращении. Формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа чаще всего относятся к лицам.

Формы 3-го лица ед. и мн. числа обозначают действие любых живых существ и неодушевленных предметов, о которых идет речь. Кроме того, формам 3-го лица

мн. числа свойственно неопределенно-личное значение, т.е. действие, обозначаемое личной формой глагола, относится не к известному лицу — подлежащему, а к нескольким не вполне определенным лицам: ... *از تهران خبر می دهند* *Az Tehrān xabar midehand*... 'Из Тегерана сообщают...'; *امروز حقوق می دهند* *Emruz hoquq midehand* 'Сегодня дают зарплату'.

Категория лица/числа выражается личными глагольными окончаниями. Но встречаются временные формы и формы отдельных глаголов, которые не принимают личных окончаний либо употребляются только в 3-м лице ед. числа.

1) Как уже отмечалось, глаголы в 3-м лице ед. числа претерита, имперфекта имеют нулевое окончание: *او گفت* *U goft* 'Он сказал'.

2) Некоторые глаголы из-за своего лексического значения употребляются только в форме 3-го лица ед. или мн. числа (например, *درد کردن* *dard kardan* 'болеть', *درد خوردن* *be dard خوردن* 'годиться', 'подходить', *خوش آمدن* *xoš āmadan* 'нравиться'): *این مقاله به درد مجله نمی خورد* *In maqāle be dard-e majalle nemixorad* 'Эта статья не годится для журнала'; *سر درد می کند* *Sar-am dard mikonad* 'У меня болит голова'.

3) Устойчивые глагольные сочетания с формой глагола в 3-м лице ед. числа по существу превратились во фразеологизмы-предложения: *انتظار می رود* *entezār miravad* 'ожидается', *تصور می رود* *tasavvor miravad* 'предполагается', *به نظر می رسد* *be nazar mirasad* 'кажется', *بنا است* *banā ast* 'решено', *احتمال می رود* *ehtemāl miravad* 'предполагается' и т.д.

Следует особо остановиться на застывших формах модальных глаголов *بایستن* *bāyestan* 'долженствовать' и *توانستن* *tavānestan* 'мочь' с точки зрения категории лица. Они не имеют личных окончаний.

От глагола *بایستن* *bāyestan* сохранилась только форма 3-го лица ед. числа *باید* *bāyad* 'должно', 'следует' и встречающиеся реже синонимы (см. приведенные выше примеры). В отрицательной форме обычно употребляется слово *نباید* *nabāyad* 'не следует'.

От глагола *توانستن* *tavānestan*, который обладает способностью образовывать финитные формы и изменяться по временам, образованы застывшие безличные формы от основы настоящего времени глагола с помощью приставок *می* *mi-* и *به-*: *می توان* *mitavān*, *توان* *tavān*, *بتوان* *betavān* 'можно'. В отрицательной форме присоединяют частицу *ن* *na-*: *نمی توان* *nemitavān*, *نتوان* *natavān* 'нельзя'. В качестве синонимов безличных форм глагола *توانستن* *tavānestan* используются безличные формы глагола *شدن* *šodan* — *می شود* *mišavad*, *بشود* *bešavad*, *شود* *šavad* 'можно'. В том же значении, но в прошедшем длительном времени встречается форма *می شد* *mišod* 'можно было' (*می شد گفت* *Mišod goft* 'Можно было бы сказать').

Личные окончания глагола одновременно являются выразителями значения лица и числа и фактически представляют две грамматические категории: лицо и число. В связи с этим нельзя не сказать об особенностях согласования сказуемого с подлежащим в персидском языке. Но эта проблема была уже затронута в связи с характеристикой категории одушевленности / неодушевленности персидских имен существительных.

Глава девятая

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

К неличным (неспрягаемым) формам глагола относятся инфинитив (от лат. *modus infinitivus* ‘неопределенный способ’) и формы причастий. Среди причастий персидского языка выделяются причастие прошедшего времени, причастия настоящего времени и причастие долженствования.

Неличные формы глагола по своим семантическим и грамматическим свойствам тесно соприкасаются с именами существительными и прилагательными. Что касается их глагольных признаков, то они проявляются по-разному. Наиболее ярко глагольные признаки выявляются в форме инфинитива и причастия прошедшего времени. Другие же неличные формы (причастия настоящего времени и причастие долженствования) связаны с глаголом главным образом семантически.

1. Инфинитив

Форма инфинитива — одна из немногих глагольных форм, прямо восходящих к персидскому прототипу. В древнеперсидском языке инфинитив имел окончание *-tana*, которое присоединялось непосредственно к корню. В клинописных памятниках, дошедших до нас, инфинитив встречается только в местном падеже (*locativ*): *čartanaiy* (√ *kr*) ‘делать’. В дальнейшем, в среднеперсидском языке древнее окончание инфинитива *-tana* дало *-tan* (после глухих согласных) и *-dan* (после гласных и сонантов), в персидском языке — соответственно *تن -tan* и *دن -dan*: ср. ср.-п. *guftan*, перс. *گفتن goftan* ‘говорить’; ср.-п. *karđan* (более ранняя форма — *kartan*), перс. *کردن kardan* ‘делать’; *namūdan* (более ранняя форма — *namūtan*), перс. *نمودن nemudan* ‘казаться’, ‘показывать’ и т.д.

В ходе развития языка старый корневой элемент потерял значение отдельной морфологической единицы: *gof* в глаголе *گفتن goftan* ‘говорить’, *kar* в глаголе *کردن kardan* ‘делать’, *nehu* в глаголе *نمودن nemudan* ‘казаться’, ‘показывать’ в современном языке представляют сочетания звуков хотя и связанные смысловыми отношениями со значениями глаголов, но не входящие ни в какие морфологические формы глагола. Параллельно с этим из старого причастия прошедшего времени — древнеперсидского прошедшего пассивного причастия на *-ta* (*karta* ‘сделанный’) через

посредствующее звено в виде среднеперсидского причастия прошедшего времени на *-ak* (*kartak*, в более позднем произношении — *karḡay* ‘сделанный’) образовалось персидское причастие прошедшего времени на *-a* (позднее — *-e*).

Одновременно происходило образование глагольной основы прошедшего времени, всегда оканчивающейся на *د* *-d* или *ت* *-t* (*کرد kard* — ОПВ от *کردن kardan* ‘делать’, *گفت goft* — ОПВ от *گفتن goftan* ‘говорить’, *نمود nemud* — ОПВ от *نمودن نمودan* ‘казаться’, ‘показывать’). Основа прошедшего времени глаголов стала широко использоваться в образовании прошедших времен: *کردم kardam* ‘я сделал’, *گفتم goftam* ‘я сказал’, *کرده ام karde-am* ‘я уже сделал’, *گفته ام gofte-am* ‘я уже сказал’, *می کردم mikardam* ‘я делал’, *می گفتم migoftam* ‘я говорил’ и т.д.

Эти изменения привели к передвижению морфологической границы в инфинитиве: начальный согласный суффикса инфинитива (*تن -tan*, *دن -dan*) стал осознаваться как часть основы (по аналогии с формой 3-го лица ед. числа прошедшего времени глагола), а формантом окончания инфинитива в результате перераспределения стал суффикс *-an*¹.

Таким образом, с точки зрения современного персидского языка можно сказать, что инфинитив состоит из основы прошедшего времени и суффикса *-an*: *کردن kardan* ‘делать’, *گفتن goftan* ‘говорить’. Поскольку по своему значению инфинитив является именем действия, то и переводить его на русский язык можно не только неопределенной формой глагола, но и соответствующим отглагольным существительным: ‘делание’, ‘говорение’.

Инфинитив может иметь отрицательную форму, которая образуется при помощи отрицательной частицы *ن na-*. В отличие от личных форм глагола ударение в отрицательной форме инфинитива падает не на отрицательную частицу, а на последний слог.

Инфинитив, называемый также неопределенной формой глагола, представляет собой название обобщенного действия безотносительно к лицам, временам и наклонениям. Он сочетает в себе именные и глагольные свойства.

В современном языке инфинитив выступает в основном в функции имени существительного. Подобно имени существительному, инфинитив может выступать в предложении в роли подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства, именной части составного сказуемого. В этой синтаксической функции главное ударение префиксальных и сложных глаголов переносится на конечный суффикс *-an*. Встречаются случаи употребления инфинитива в роли именной части сложного глагола: *کردن دیدن didan kardan* ‘навещать’, ‘посещать’ (гл. *دیدن didan* ‘видеть’), *کردن جستن jastan kardan* ‘прыгать’ (гл. *جستن jastan* ‘прыгать’).

Приведем примеры на употребление инфинитива в роли некоторых субстантивных членов предложения:

1) в роли подлежащего: *سیگار کشیدن در اتاق ممنوع است Sigār kešidan dar oṭāq tamnu' ast* ‘Курение в комнате запрещается’; *یاد گرفتن این قاعده فایده ای دارد Yād gereftan-e in qāede fāyede-i dārad* ‘Изучение этого правила приносит какую-то пользу’;

¹ Вопросы образования современной формы инфинитива в таджикском языке рассматриваются в работе [Расторгуева, Керимова 1964, с. 137–138, 157].

2) в роли прямого и косвенного дополнения: نوشتن حروف الفبای فارسی را یاد *Neveštan-e horuf-e alefbā-ye fārsi-rā yād migirad* 'Он изучает написание букв персидского алфавита'; از نشان دادن این تابلو خودداری کنید! *Az nešān dādan-e in tāblo xoddāri konid!* 'Воздержитесь показывать эту картину!';

3) в роли определения: طرز حرف زدن او همه ما را متعجب می ساخت *Tarz-e harf zadan-e u hame-ye mā-rā motaajeb misāxt* 'Его манера говорить всех нас удивляла'; اتاق سیگار کشیدن در طبقه یکم واقع است *Otāq-e si-gār kešidan dar tabaqe-ye yekom vāqe' ast* 'Комната для курения расположена на первом этаже';

4) в роли обстоятельства (в сочетании с различными предлогами): پس از آمدن پدر تمام مشکلات دختر حل شده بود *Pas az āmadan-e pedar tamām moškelāt-e doxtar hall šode bud* 'После прихода отца все трудности девушки были решены'; برای خاتمه دادن به جنگ از هیچ سعی و کوششی دریغ نخواهیم کرد *Barāye xāteme dādan-e be jang az hič sa'y-o kušēš-i dariq naxāhim kard* 'Для прекращения войны мы не пожалеем никаких усилий'; با وجود دست یافتن دشمن بر قسمت اعظم شهر نیروهای ما به ایستادگی خود ادامه می دادند *Bā vojūd-e dast yāftan-e došman bar qesmat-e a'zam-e šahr niruhā-ye mā be istādegi-ye xod edāme midādand* 'Несмотря на захват противником большей части города, наши войска продолжали сопротивление';

5) в роли именной части составного сказуемого: کار شما حساب کردن است *Kār-e šomā hesāb kardan ast* 'Ваше дело — считать'.

Как и имя существительное, инфинитив может принимать изафетный показатель и входить в состав изафетной конструкции, выступая и как главный, и как зависимый член (см. приведенные выше примеры). Кроме того, инфинитив способен сочетаться с предлогами и послелогом *ra* -*rā*, оформляться универсальным показателем множественного числа *-hā*, получать выделительный артикль. Однако, как справедливо отмечает Г.А.Восканян, употребление суффикса *-hā* и выделительного артикля «встречается довольно редко, что указывает на преобладание в инфинитиве абстрактного значения» [Восканян 1955, с. 12]: این پایان دست و پا *In pāyān-e dast-o pā zadanhā-ye šomā hast* 'Это конец всех ваших хлопот'; خیر، باید خود را از رنج کشیدن زیادی خلاص کرد *Xeyr, bāyad xod-rā az ranj kešidan-e ziyād-i xalās kard* 'Нет, необходимо освободиться от излишнего труда'; لازم بود دیدنی از او بکنم *Lāzem bud didan-i az u bekonam* 'Мне было необходимо его повидать'; *Bā ċe xun-e del xordan-i u-rā bozorg karde budam!* 'С какими мучениями я его вырастила!'

Таким образом, инфинитив может выступать во всех основных функциях имени существительного, получая при этом предметное значение и характерные для существительных способы сочетаемости. Однако, какую бы функцию он ни выполнял, в какой бы степени выражаемое им действие ни получало предметное значение, он сохраняет свои глагольные черты.

Случаи употребления инфинитива в функции имен существительных и получение им соответствующих грамматических показателей не следует рассматривать как его полную субстантивацию. Особенность персидского инфинитива состоит в том, что он обладает двойственной природой, сохраняя одновременно и глагольные свойства.

Инфинитив по своей семантике тесно связан с глаголом. Общность семантики инфинитива и финитной формы глагола состоит в обозначении ими действия или

состояния как процесса. Инфинитив всегда соотносится по значению с личными формами глагола. Вот почему в словарях глаголы всегда фиксируются в форме инфинитива.

По мнению Г.А. Восканяна, «о наличии в инфинитиве глагольного значения свидетельствует и то, что от инфинитива с помощью суффикса *-i* может образовываться форма, называемая в грамматиках причастием должествования или причастием будущего времени» [Восканян 1955, с. 5]. Этот вид причастия рассматривается ниже.

Инфинитив обладает рядом глагольных свойств, которые могут быть охарактеризованы как морфологические и синтаксические.

При отнесении того или иного слова к какой-либо части речи вопрос о синтаксических связях данного слова имеет большое значение. Следует учитывать как способы сочетаемости этой категории слов, так и те поясняющие слова — члены предложения, которые от них зависят.

Назовем основные глагольные свойства инфинитива.

1. Способность инфинитива распространяться теми же словами, что и личные формы глагола, т.е. получать прямое или косвенное дополнение и обстоятельство, образуя с относящимися к нему словами инфинитивные обороты.

Прямое дополнение при инфинитиве может быть с послелогом *را* *-rā* и без него (соблюдаются обычные закономерности): *Barāye u nāme neveštan kāfi nabud* 'Писать только письма ему было недостаточно'; *سیمای شاعر را کج نشان دادن نقصان بزرگ سخنرانی وی است Simā-ye šāer-rā kaj nešān dādan noqsān-e bozorg-e soxanrāni-ye vey ast* 'Неправильное изображение образа поэта — серьезный недостаток его доклада'.

Инфинитив может распространяться косвенным дополнением: *در باره گذشته قضاوت کردن آسان است Dar bāre-ye gozašte qazāvat kardan āsān ast* 'Судить о прошлом — дело легкое'.

Подобно личным формам глагола, инфинитив может иметь обстоятельственные члены предложения: *Xub tahsil kardan vazife-ye šomā ast* 'Хорошо учиться — ваша обязанность'; *چه آسان است اینجور فکر کردن! Āle-ye āsān ast injur fekr kardan!* 'Как легко так думать!' (Аляви. Ее глаза).

2. Способность инфинитива выражать активное (переходное) и пассивное (непереходное) значение. Выше были показаны случаи употребления прямого дополнения в сочетании с инфинитивом; теперь остановимся на случаях выражения пассивного значения. Пассивное значение могут выражать все структурные типы глагола — простые, префиксальные и сложные глаголы.

Для выражения пассивного значения инфинитива простых и префиксальных переходных глаголов используется форма пассивного залога: *Pazirofte šodan-e in pišnehādāt az taraf-e dowlāt fāyede-ye bozorg-i dāst* 'Принятие этих предложений правительством принесло большую пользу'.

При передаче пассивного значения сложными глаголами используется как лексический способ (наиболее часто), так и способ грамматический — образование пассивного залога: *Nabard-e Estālingerād bā monhadem šodan-e arteš-e šešom-e Ālman xāteme paziroft* 'Сталин-

градская битва закончилась разгромом Шестой армии Германии»; به رسمیت شناخته شدن دولت از جانب کشورهای همسایه در این شرایط ممکن نیست *Be rasmiyyat šenāxte šodan-e dowlat az jāneb-e kešvarhā-ye hamsāye dar in šarāyet momken nist* ‘Официальное признание правительства соседними странами в этих условиях невозможно’.

3. Способность инфинитива управлять субстантивными членами предложения с помощью предлогов и послелогога -*rā*: این دروغها را باور کردن که چیزی نیست را *In doruqhā-rā bāvar kardan ke-ēz-i nist* ‘Принять всю эту ложь за правду не так уж трудно’; ... استفاده نکردن از این کتاب موجب شد که *Estefāde nakardan az in ketāb towjeb šod-ke...* ‘Неиспользование этой книги послужило причиной того, что...’.

4. Способность инфинитива некоторых глаголов, подобно личным формам глагола, образовывать каузативные формы с помощью суффикса *-ān*, присоединяемого к основе настоящего времени. Инфинитивы непереходных глаголов становятся переходными: رسیدن *rasidan* ‘достигать’ — رساندن *rasāndan* ‘доставлять’; گذشتن *gozaštan* ‘проходить’ — گذراندن *gozarāndan* ‘проводить’. Инфинитивы переходных глаголов получают побудительное значение, выражая понуждение к действию или состоянию: خوردن *xordan* ‘есть’ — خوراندن *xorāndan* ‘заставлять есть’, ‘кормить’; خوابیدن *xābidan* ‘спать’ — خواباندن *xābāndan* ‘заставлять спать’. Примеры на употребление инфинитивов в каузативной форме в составе предложений не приводятся, так как они очевидны.

Инфинитив лишен грамматической категории времени. Но значение действия в нем всегда ощущается, а действие, как известно, связано со временем. Действие инфинитива часто мыслится соотношенным с действием глагола-сказуемого предложения, бывает с ним связано во временном плане.

В языке классического периода инфинитив обладал как глагольными, так и именными свойствами. Вместе с тем инфинитив в современном персидском языке претерпел ряд изменений, которые сводятся к следующему:

1) инфинитив утратил способность участвовать в образовании формы будущего категорического времени; например, вместо خواهد پرسیدن *xāhad porsidan* ‘он будет спрашивать’ употребляется усеченный инфинитив — خواهد پرسید *xāhad porsid*;

2) инфинитив утратил способность употребляться в сочетании с модальными глаголами, уступив свое место аористу и усеченному инфинитиву; так, вместо сочтаний می خواهد رفتن *mixāhad raftan* ‘хочет пойти’ и می توان گفتن *mitavān goftan* ‘можно сказать’ в современном языке говорят می خواهد برود *mixāhad beravad* и می توان گفت *mitavān goft*.

Усеченный инфинитив

Данная форма глагола не имеет самостоятельного употребления в языке и внешне совпадает с основой прошедшего времени. Образуется путем отбрасывания суффикса *-an* от инфинитива: دانست *dānest* от гл. دانستن *dānestan* ‘знать’, درآورد *dar-āvard* от гл. درآوردن *dar-āvardan* ‘вынимать’, حرف زد *harf zad* от гл. حرف زدن *harfzadan* ‘разговаривать’.

Усеченный инфинитив встречался уже в среднеперсидском языке, сочетаясь с финитными формами модальных глаголов.

В современном языке усеченный инфинитив используется в следующих случаях:

- 1) входит в состав аналитической формы будущего времени: خواهد شنید *xāhad šenid* ‘услышит’, بر خواهیم گشت *bar xāhim gašt* ‘возвратимся’;
- 2) участвует в образовании безличных модальных оборотов: باید رفت *bāyad raft* ‘надо уходить’, می توان حرف زد *mitavān harf zad* ‘можно говорить’;
- 3) иногда употребляется после личных форм модального глагола توانستن *tavānestan* ‘мочь’: می توانم گفت *mitavānam goft* ‘могу сказать’.

2. Причастия

Персидские причастия, несмотря на их большую роль в образовании различных грамматических форм глагола и в пополнении лексического состава персидского языка новыми единицами, остаются еще недостаточно изученными как в плане связи с глаголом (отражение глагольных свойств, семантики глагола), так и в плане функциональном. Недостаточно изучено участие причастий в словообразовательных процессах персидского языка.

Персидские причастия представляют собой одно из противоречивых и сложных явлений языка и охватывают разнообразную по грамматическим свойствам категорию слов.

2.1. Виды причастий и их лексико-семантическая и грамматическая связь с глаголом

В грамматической литературе по персидскому языку наблюдается неоднозначный подход к выделению разновидностей причастий. Наиболее изучены причастия прошедшего времени, и их отнесение к причастным формам не вызывает сомнения ни у кого из грамматистов. Что касается других разновидностей — причастий настоящего времени, образованных при помощи суффиксов *-نده -ande*, *-ان -ān*, *! -ā*, а также причастия долженствования, образованного от инфинитивов с помощью суффикса *-ی -i*, то одни исследователи включают их в число причастных форм, другие рассматривают как прилагательные и существительные, а названные выше морфемы относят к обычным деривационным суффиксам. При этом двойственная природа таких образований — связь с глаголом и именами — признается всеми грамматистами.

В «Грамматике» причастия настоящего времени и причастие долженствования рассматриваются как особые отглагольные формы. Они могут употребляться и как причастия, проявляя ряд глагольных свойств, и как имена прилагательные и существительные со всеми присущими им грамматическими признаками. Общим для этих отглагольных образований является то, что они тесно связаны с глаголом семантически, представляя действие в виде признака предмета.

Итак, в персидском языке выделяются три разновидности причастий: причастие прошедшего времени, причастия настоящего времени и причастие долженствования.

ния. Среди причастий настоящего времени различают три формы: с суффиксами نده *-ande*, ان *-ān* и ا *-ā*.

Причастие настоящего времени и долженствования могут быть образованы не от каждого глагола. В отличие от них причастия прошедшего времени образуются от любого структурного типа и любой лексико-грамматической разновидности персидского глагола.

Связь различных причастных форм с глаголом и возможность их образования проиллюстрированы в табл. 9 на примере некоторых простых глаголов. Из данной таблицы видно, что не все глаголы образуют причастия настоящего времени, оканчивающиеся на суффиксы ان *-ān* и ا *-ā*. К этому следует добавить, что глаголы состояния вообще не образуют таких форм причастий.

Интересно отметить, что известный иранский ученый — реформатор языка А.Кясрави в своей работе «زبان پاک» *Zabān-e pāk* («Чистый язык»), указывая на разнообразие понятий, обозначаемых причастиями настоящего времени, приводит дополнительный список причастных образований, созданных им искусственно. В этот список он включает также причастия от глаголов состояния [Кясрави 1322, с. 12]. По мнению Кясрави, образование отсутствующих в языке форм причастий облегчит изучение персидского языка, станет препятствием на пути проникновения в современный язык иноязычных слов и создаст условия для создания чистого персидского языка (там же, с. 13).

Таблица 9

Глагол	Причастие прош. вр.	Причастие наст. вр. на نده <i>-ande</i>	Причастие наст. вр. на ان <i>-ān</i>	Причастие наст. вр. на ا <i>-ā</i>	Причастие долженствования
رفتن <i>raftan</i> 'идти', 'уходить'	رفته <i>rafte</i> 'ушедший'	رونده <i>ravande</i> 'идуший'	روان <i>ravān</i> 'текущий', 'проточный'	روا <i>ravā</i> 'приемлемый', 'разрешенный'	رفتنی <i>raftani</i> 'собирающийся уходить'
دیدن <i>didan</i> 'видеть'	دیده <i>dide</i> 'увидевший', 'глаз'	بیننده <i>binande</i> 'видящий'	—	بینا <i>binā</i> 'видящий', 'зрячий'	دیدنی <i>didani</i> 'то, что следует увидеть', 'достопримечательность'
گفتن <i>goftan</i> 'говорить'	گفته <i>gofte</i> 'сказавший', 'сказанный', 'слово'	گوینده <i>guyande</i> 'диктор', 'говорящий'	گویان <i>guyān</i> 'говоря'	گویا <i>guyā</i> 'говорящий'	گفتنی <i>goftani</i> 'то, что следует сказать'
آمدن <i>āmadan</i> 'приходить'	آمده <i>āmade</i> 'пришедший'	آینده <i>āyande</i> 'будущее'	—	—	آمدنی <i>āmadani</i> 'собирающийся прийти'

Остановимся на анализе конкретных форм персидских причастий, обращая особое внимание на их лексико-семантическую и грамматическую соотнесенность с глаголами.

2.2. Причастие прошедшего времени

Причастие прош. вр. образуется путем прибавления суффикса *o* -*e* к основе прошедшего времени, например: آمده *āmade* ‘пришедший’, گفته *gofte* ‘сказанный’, گرفته *gerefte* ‘полученный’. Из всех видов причастных форм причастие прош. вр. сохраняет наибольшую грамматическую и лексико-семантическую связь с глаголом.

Причастия прош. вр. участвуют в образовании следующих аналитических форм персидского глагола: прошедше-настоящего времени, давнопрошедшего времени, прошедше-настоящего длительного времени, прошедшего предположительного времени, пассивного залога. Причастия прош. вр. могут быть образованы от всех структурных типов и лексико-грамматических классов персидского глагола — от простых, префиксальных, сложных глаголов, а также от переходных, непереходных, «двuzаложных», модальных и каузативных глаголов.

Причастия прош. вр. всех структурных типов и лексико-грамматических классов глагола могут иметь отрицательную форму, при этом ударение переносится на частицу отрицания *na-* (نا *nā-*): نگرفته *nágerefte* ‘не полученный’, برگشته *bar-nagašte* ‘не возвратившийся’, ترجمه نشده *tarjome nášode* ‘не переведенный’.

Обращает на себя внимание просодическая структура причастий прош. вр., образованных от префиксальных и сложных глаголов.

1. Причастия прош. вр., образованные от префиксальных глаголов, сохраняют полную акцентную и семантическую соотнесенность с данным структурным типом глаголов² только в случае их участия в образовании упомянутых выше аналитических форм: برافتاده *bár-ofiādē* < преф. гл. برافتادن *bar-ofiādan* ‘выходить из употребления’, ‘исчезать’; فرآ رسیده *farā-rasidē* < преф. гл. فرآ رسیدن *farā-rasi-dan* ‘подходить’, ‘наступать’ и т.д. Однако в случаях адъективного и субстантивного употребления причастий прош. вр. эта соотнесенность нарушается: префикс сливается с глаголом и главное ударение переходит на последний слог такого образования: برافروخته *barafruxté* ‘покрасневший от гнева’, ‘рассердившийся’ < преф. гл. برافروختن *bar-afruxtan* ‘сердиться’, ‘краснеть от гнева’; درمانده *darmāndé* ‘оказавшийся в бедственном, безвыходном положении’, ‘несчастный’, ‘бедняга’ < преф. гл. درماندن *dar-māndan* ‘оказываться в бедственном положении’ и т.д.

2. Причастия прош. вр., образованные от сложных глаголов, сохраняют полную акцентную и семантическую соотнесенность с данным структурным типом глаголов при участии в образовании аналитических форм: именная часть и причастие компонирующего глагола произносятся с соблюдением паузы между ними — بودند *tahsil kardē budand* ‘получили образование’ от *تahsil کردن* *tahsil kardan* ‘учиться’. Но при употреблении причастия прош. вр. сложного глагола в адъективной и субстантивной функциях именная часть и компонирующий глагол сливаются, и главное ударение с именной части переходит на последний слог причастной формы компонирующего глагола: *تahsil کرده* *tahsil kardé* ‘получивший

² В тех случаях, когда речь идет об акцентной соотнесенности причастий прош. вр. префиксальных и сложных глаголов, в первую очередь имеются в виду финитные формы этих глаголов. Дело в том, что хотя в форме инфинитива эти глаголы и могут иметь основное ударение на префиксе и именной части (при обычном употреблении в речи), но при употреблении их в функции именных членов предложения главное ударение перемещается на последний слог глагола, т.е. на суффикс *n* -*an*.

образование', 'закончивший курс обучения', 'выпускник' < СГ *تأسیل کردن tahsil kardan* 'учиться'; *پف کرده pofkardé* 'опухший', 'распухший' < СГ *پف کردن pof kardan* 'опухать', 'распухать'.

Причастию прош. вр. свойственны такие глагольные признаки, как значение времени, переходности / непереходности, способность к глагольному управлению. Отсутствие у них, как и у инфинитива, связи с категориями лица и наклонения дает основание включить причастие прош. вр. в систему неличных форм глагола.

Основным грамматическим значением причастия прош. вр. является результат действия, выражаемый в виде качества. Причастие прош. вр. представляет действие, закончившееся к настоящему моменту или имевшее место в прошлом: *رفته rafte* 'ушедший', *آزموده āzmude* 'испытанный', *آلوده ālude* 'испачканный'.

Причастие прош. вр. обладает значением прошедшего времени, которое мотивируется основой прошедшего времени, входящей в состав этой причастной формы. Исключение представляют причастия прош. вр. глаголов состояния, которые обладают значением настоящего времени. Значение настоящего времени ярко проявляется при употреблении этих причастий в атрибутивной функции: *آدم نشسته ādam-e nešaste* 'сидящий человек', *بچه خوابیده bačče-ye xābide* 'спящий ребенок'. Значение настоящего времени проявляется также в формах прошедше-настоящего времени глаголов состояния: *او نشسته است U nešaste ast* 'Он сидит'; *بچه خوابیده است Bačče xābide ast* 'Ребенок спит'; *سرباز ایستاده است Sarbāz istāde ast* 'Солдат стоит'.

Рассматриваемая причастная форма связана с понятием переходности / непереходности глаголов. Причастия прош. вр., образованные от переходных глаголов, обладают активным и пассивным значениями. Активное значение причастий проявляется в их участии в образовании аналитических форм времени, а пассивное — в образовании пассивного залога глагола и служит основой для их адъективации и субстантивации. Так, причастия прош. вр. переходных глаголов *گفتن goftan* 'говорить', *گرفتن gereftan* 'брать', 'получать', *بستن bastan* 'привязывать' имеют следующие значения: *گفته gofte* 'сказавший' и 'сказанное', *گرفته gerefte* 'взявший', 'получивший' и 'взятое', 'полученное', *بسته baste* 'привязавший' и 'привязанное'. Двойственное значение причастий прош. вр. в современном языке не случайно, оно объясняется их историческим развитием. В среднеперсидском языке причастия прош. вр. от переходных глаголов имели пассивное значение. Только в новоперсидском языке в результате серьезных изменений во всей системе персидского глагола эти причастия приобрели также и активное значение.

Причастиям прош. вр. не свойственна категория залога. Выражение залоговой оппозиции — «активный залог / пассивный залог» — характерно для персидских переходных глаголов и подкрепляется употреблением морфологического показателя — формы 3-го лица ед. (иногда — мн.) числа вспомогательного глагола *شدن šodan* 'становиться'. Вместе с тем следует отметить, что несмотря на наличие пассивного значения, причастие прош. вр. в атрибутивной функции обычно употребляется в сочетании с причастной формой вспомогательного глагола *شدن šodan* — *شده šode*, образуя сложное слово: *گفته شده goftešode* 'сказанный' — *سخنان گفته شده soxanān-e goftešode*; *خریده شده xaridešode* 'купленный' — *کالاهاى خریده شده kālāhā-ye xaridešode*; *خوانده شده xāndešode* 'прочитанный' — *کتاب خوانده شده ketāb-e xāndešode* 'прочитанная книга'. Нельзя было бы построить словосочетания без причастия

شده *šode* — **soxan-e gofte*, **kālāhā-ye xaride*, **ketāb-e xānde*. Причастие прош. вр. в сочетании с причастной формой شده *šode* может иметь отрицательную форму, которая образуется путем прибавления отрицательной частицы ن *na-* к شده *šode*: خوانده نشده *xādenašode* ‘не прочитанный’.

Т.Вахидьян-Камьяр в статье «Изучение причастий прошедшего времени и значение их для персидского языка» отмечает, что такие причастия прош. вр., как دیده *dide* ‘увиденный’, زده *zade* ‘ударенный’, ‘битый’, پرسیده *perside* ‘спрошенный’, خریده *xaride* ‘купленный’, خوانده *xānde* ‘прочитанный’, никогда не могут быть употреблены в качестве определения к имени без сочетания с причастной формой شده *šode*. В то же время некоторые причастия прош. вр. — گشوده *gošude*, فهمیده *fahmide*, گداخته *godāxte* (например, در گشوده *dar-e gošude* ‘открытая дверь’, آدم فهمیده *ādam-e fahmide* ‘понятливый человек’, آهن گداخته *āhan-e godāxte* ‘расплавленное железо’) — могут самостоятельно употребляться в качестве определений [Вахидьян-Камьяр 1371, с. 62].

Способность управлять другими словами — одно из проявлений глагольных свойств причастий прош. вр. Управление с помощью предлогов наблюдается в тех случаях, когда эти причастия образуют причастные обороты, эквивалентные придаточным определительным предложениям. В качестве предлогов наиболее часто используются از *az*, به *be*, با *bā*, در *dar*: ... خبر رسیده از تهران حاکی است که *Xabar-e raside az Tehrān hāki ast-ke...* ‘В сообщении, полученном из Тегерана, говорится, что...’. احمد با نظر امیخته با نگرانی به طرف او نگاه می کرد *Ahmad bā nazar-e āmixte bā negarāni be taraf-e u negāh mikard* ‘Ахмад с беспокойством (букв. ‘взглядом, смешанным с беспокойством’) смотрел в его сторону’.

Сохраняя тесную связь с именными частями речи, причастия прош. вр. постоянно подвергаются транспозиции и частично или полностью переходят в имена прилагательные и существительные. При использовании таких причастий в роли имен существительных за основу берется их пассивное значение: گفته *gofte* ‘сказанный’ → ‘слово’; نوشته *nevešte* ‘написанный’ → ‘записка’, ‘письмо’; گذشته *gozaste* ‘прошедший’ → ‘прошлое’; کوفته *kufte* ‘битый’ → ‘куфте (кушанье из рубленого мяса и риса типа тефтелей)’, ‘фрикадельки’; فرموده *farmude* ‘приказанный’ → ‘приказ’, ‘распоряжение’. Очень редко в основе отпричастных существительных может лежать их активное значение, например: دیده *dide* ‘увидевший’ → ‘глаз’, ‘око’.

При рассмотрении имен прилагательных уже указывалось на переход причастий прош. вр. в качественные прилагательные. Большинство причастий, подвергшихся адъективации, получает, как правило, новое значение, непосредственно не связанное с первоначальным значением данного слова, например: پخته *poخته* (< гл. پختن *poختان* ‘варить’, ‘печь’) приобрело значения ‘спелый’, ‘зрелый’ (سیب پخته *sib-e poخته* ‘зрелое яблоко’), ‘опытный’, ‘зрелый’ (آدم پخته *ādam-e poخته* ‘опытный человек’), ‘совершенный’, ‘устоявшийся’ (زبان پخته *zaban-e poخته* ‘совершенный, зрелый язык’, خط پخته *xatt-e poخته* ‘совершенный, устоявшийся почерк’); برجسته *barjaste* (< гл. برجستن *bar-jastan* ‘вспрыгивать’, ‘выпрыгивать’) получило значения ‘вычеканенный’, ‘выдающийся’, ‘знаменитый’, ‘важный’, ‘ответственный’ (هنرپیشه برجسته *honarpiše-ye barjaste* ‘выдающийся артист’, مقام برجسته *maqām-e barjaste* ‘важный пост’); گرفته *gerefte* (< гл. گرفتن *gereftan* ‘получать’) приобрело

несколько значений: 'мрачный', 'удрученный' (قیافه گرفته *qiyāfe-ye gerefte* 'мрачная физиономия'), 'хриплый' (صدای گرفته *sadā-ye gerefte* 'хриплый голос'), 'пасмурный', 'хмурый' (آسمان گرفته *āsmān-e gerefte* 'хмурое небо').

Об устойчивости перехода причастий прош. вр. в качественные прилагательные может свидетельствовать их употребление в роли однородного определения с определением, выраженным прилагательным: مرد چشمهای آبی بزرگ و برآمده داشت *Mard češmhā-ye ābi-ye bozorg va barāmade dāšt* 'У мужчины были большие голубые и выпуклые глаза' (برآمده *barāmade* 'выпуклый' < гл. برآمدن *bar-āmadan* 'выступать').

Нередко причастие прош. вр. приобретает одновременно значения прилагательного и существительного: برگزیده *bargozide* (< гл. برگزیدن *bar-gozidan* 'выбирать', 'избирать') имеет значения 'избранник' и 'избранный'; کوفته *kufte* (< гл. کوفتن *kuftan* 'бить', 'ударять', 'отбивать', 'размягать') — 'разбитый', 'утомленный' и 'куфте (кушанье из рубленого мяса и риза тина тефтелей)'; گذشته *gozašte* (< гл. گذشتن *gozaštan* 'проходить', 'протекать') имеет значения 'прошедший', 'прошлый' (در گذشته سال *sāl-e gozašte* 'прошлый год') и 'прошлое', 'былое' (گذشته نزدیک *dar gozašte-ye nazdik* 'в недалеком прошлом'). Кроме того, слово گذشته *gozašte* участвует в образовании вторичного предлога: از گذشته *gozašte az* 'кроме' (گذشته از این پیش نهاد *gozašte az in pišnehād* 'кроме этого предложения').

В отдельных случаях причастие прош. вр. может получить значение наречия. Например, причастие فهمیده *fahmide* помимо значения прилагательного приобрело также адвербиальное значение 'сознательно', 'намеренно'; причастие فشرده *fešorde* кроме адъективных значений 'сжатый', 'конденсированный', 'насыщенный', 'плотный', 'тесный' имеет также адвербиальное значение 'сжато', 'кратко'. Количество примеров, иллюстрирующих получение причастия прош. вр. адвербиального значения, можно увеличить. К сожалению, в имеющихся толковых и переводных словарях персидского языка многие значения, которые получили причастия прош. вр. в последние годы (процесс развития значений причастий активно происходит в современном языке), отражены слабо.

И тем не менее образование адъективных, субстантивных значений не является универсальным свойством всех причастий прош. вр. Многие причастия от простых, префиксальных и сложных глаголов сохраняют только причастные значения и других, дополнительных значений не имеют, например: آورده *āvarde* (< гл. آوردن *āvardan* 'приносить'), اندیشیده *andišide* (< гл. اندیشیدن *andišidan* 'думать'), بخشیده *baxšide* (< гл. بخشیدن *baxšidan* 'дарить', 'прощать'), خندیده *xandide* (< гл. خندیدن *xandidan* 'смеяться').

Поскольку процесс перехода причастий прош. вр. в именные части речи активно продолжается в современном языке, степень адъективации и субстантивации этих причастий неодинакова. Среди всех разновидностей персидских причастий причастия прош. вр. в наибольшей степени обладают свойствами окказиональных транспозитов. Об их употреблении в функции других частей речи можно говорить лишь в определенном контексте. Вне контекста их целесообразно рассматривать как причастия прош. вр. соответствующих глаголов.

Транспонированные в именные части речи, причастия прош. вр. выполняют все грамматические функции, свойственные именам существительным и прилага-

тельными: субстантивированные — они выполняют функции подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого, могут получать показатели мн. числа и выделительный артикль; адъективированные — выступают в качестве определения и именной части составного сказуемого, образуют степени сравнения.

Таким образом, в результате словообразовательной транспозиции причастия прош. вр. получают не только новые лексические значения, но и новые грамматические свойства³. К наиболее устойчивым транспозитам можно отнести те слова, у которых произошел существенный разрыв со значением исходного глагола. К ним можно отнести такие лексемы, как *فراورده farāvarde* ‘продукт’, ‘изделие’ (от гл. *فرا آوردن farā-āvardan* ‘добывать’, ‘приобретать’); *برجسته barjaste* ‘выдающийся’, ‘знаменитый’, ‘важный’ (от гл. *برجستن bar-jastan* ‘вспрыгивать’, ‘вскакивать’, ‘выпрыгивать’); *افتاده oftāde* ‘скромный’ (от гл. *افتادن oftādan* ‘падать’) и т.д.

Причастия прош. вр. активно участвуют и в других словообразовательных процессах, главным образом в аффиксации, словосложении, лексикализации словосочетаний.

В данном разделе остановимся более подробно на участии причастий прош. вр. в аффиксальном способе словообразования, свидетельствующем о том, что эти причастные формы выступают в качестве производящей основы подобно качественным прилагательным. Это является еще одним доказательством перехода таких причастий в имена прилагательные.

Как и многие качественные прилагательные, причастия прош. вр. с помощью словообразовательного суффикса *ی -i* (*مصدری یای yā-ye masdari*) могут образовывать абстрактные имена существительные: *آزرده āzorde* ‘обиженный’ → *آزردگی āzordegi* ‘обида’ (от гл. *آزردن āzordan* ‘обижать’); *آمیخته āmixte* ‘смешанный’, ‘перемешанный’ → *آمیختگی āmixtegi* ‘смешанность’, ‘соединение’ (от гл. *آمیختن āmixtan* ‘смешивать’, ‘перемешивать’); *دراشته darrafte* ‘вывихнутый’ → *دراشتهگی darraftegi* ‘вывих’, ‘растяжение’ (от гл. *درا رفتن dar-raftan* ‘вывихнуться’); *آراسته ārāste* ‘украшенный’ → *آراستگی ārāstegi* ‘украшение’ (от гл. *آراستن ārāstan* ‘украшать’) и т.д.

Факты участия причастий прош. вр. в редупликации, когда путем повторения одних и тех же причастных форм образуются сложные слова (например, *رفته رفته rafterafte* ‘постепенно’, *بریده بریده borideboride* ‘прерывисто’, *جسته جسته jastejaste* ‘мало-помалу’), в модельном словосложении (например, *بادکرده bādkarde* ‘вздувшийся’, *تحصیل کرده tahsilkarde* ‘обученный’, ‘получивший образование’, *زلزله زده zelzelezade* ‘пострадавший от землетрясения’) свидетельствуют об их высокой словообразовательной активности. Эти случаи получили освещение в ряде работ, например, [Рубинчик 1981; Чавчавадзе 1986; Вахидов 1990] и непосредственно к грамматической характеристике причастий прош. вр. не относятся.

Основные же грамматические характеристики этих причастий обнаруживаются при образовании аналитических форм глагола, что было рассмотрено выше, и их синтаксическое использование в роли заместителей различных видов глаголов-сказуемых. Такое широкое использование причастий данной разновидности делает их семантически и грамматически весьма нагруженными.

³ Вопросы адъективации и субстантивации персидских причастий, условия, пути и следствия этих процессов рассматриваются в кандидатской диссертации Ю.Б.Потапова [Потапов 1986].

Об участии причастий прош. вр. в образовании аналитических временных и залоговых форм говорилось выше. Здесь же кратко остановимся на их употреблении в предложении в роли заместителей глаголов-сказуемых.

1. В современном персидском языке вместо однородных сказуемых (при наличии двух, трех и более сказуемых) часто употребляются причастия прош. вр., а последнее сказуемое ставится в личной форме соответствующего времени. В этом случае причастные формы выражают то же время, что и последний глагол, а между ними употребляется соединительный союз *و* *va* 'и': *بیش از هفت صد تن از آنان را کشته و زخمی نموده و جمعی از آنان را به اسارت خود درآوردند* *Biš az hafisad tan az ānān-rā košte va zaxmi nemude va jam 'i az ānān-rā be esārat-e xod dar-āvardand* 'Более семисот человек из них убили и ранили и некоторое количество захватили в плен'.

2. Причастие прош. вр. может выполнять деепричастно-обстоятельную функцию, обозначая действие, происходящее перед действием, выраженным основным глаголом-сказуемым. В этом случае между формой причастия прош. вр. и глаголом-сказуемым отсутствует союз *و* *va*: *امشب همانطور شام نخورده به بستر رفت* *Emšab hamāntowr šām naxorde be bastar raft* 'Сегодня, также не поужинав, он отправился спать'.

3. Причастие прош. вр. может представлять перфектные формы глагола-сказуемого в 3-м лице ед. числа (чаще такое употребление встречается в разговорном языке) в результате пропуска глагола-связки *است* *ast*: *گفته* *Gofte* 'Он сказал' (вместо *گفته است* *gofte-ast*); *به خانه رفته* *Be xāne rafte* 'Он пошел домой' (вместо *رفته است* *rafte-ast*).

Все рассмотренные случаи замены глаголов-сказуемых на соответствующие формы причастия прош. вр. встречаются не только в простых предложениях, но и в сложносочиненных и сложноподчиненных. Эти случаи получают освещение в соответствующих разделах «Грамматики».

К глагольным свойствам причастий прош. вр. следует отнести их способность выступать в качестве стержневого слова в составе причастных оборотов, о чем говорилось выше. Этот вопрос рассматривается также в связи с характеристикой изафетных и предложных словосочетаний персидского языка.

2.3. Причастия настоящего времени

Причастия наст. вр. представлены тремя разновидностями. По степени связанности с глаголом они во многом уступают причастиям прош. вр., поэтому в большинстве грамматик и учебников персидского языка эти отглагольные образования относят к причастиям с большими оговорками.

Ряд грамматистов вообще исключают причастия наст. вр. из состава причастных форм и рассматривают их среди имен существительных и прилагательных, образованных с помощью суффиксов *گر* *-gar*, *گار* *-gār* и др., а также глагольных полуаффиксов. Такой подход характерен для большинства иранских авторов. При этом не учитывается то обстоятельство, что имена, образованные с помощью упомянутых суффиксов, в качестве производящей основы могут иметь основу как глагольного, так и именного происхождения, тогда как слова, образованные при по-

мощи суффиксов نده *-ande*, ان *-ān* и ا *-ā*, связаны только с ОНВ глагола. Однако, по мнению Л.С.Пейсикова, «связь значения этих форм со значением действия не дает права включать их в разряд причастий...» [Пейсиков 1959, с. 362], т.е. причастия наст. вр. также исключаются из состава причастных форм.

Для выяснения подлинной сущности этих образований необходим тщательный и всесторонний анализ каждой их разновидности.

2.3.1. Причастия с суффиксом نده *-ande*

Образуются присоединением к ОНВ глагола суф. نده *-ande*: نویس *nevis* + نده *-ande* → نویسنده *nevisande* ‘пишущий’, ‘писатель’ (نوشتن *neveštan* ‘писать’); بخش *baxš* + نده *-ande* → بخشنده *baxšande* ‘щедрый’, ‘великодушный’, ‘милосердный’ (بخشیدن *baxšidan* ‘дарить’, ‘жаловать’, ‘извинять’, ‘миловать’).

Причастия с суф. نده *-ande* могут быть образованы от простых, префиксальных и сложных глаголов. Однако причастие наст. вр. по сравнению с причастием прош. вр. имеет ограничения: если причастие прош. вр. образуется от всех структурных типов и лексико-грамматических классов персидского глагола, то причастие наст. вр. с суф. نده *-ande* может быть образовано не от каждого глагола. Например, оно не образуется от глаголов состояния, мало образований от префиксальных глаголов.

При образовании причастий наст. вр. от префиксальных глаголов происходит слияние префикса с основной формой, главное ударение с префикса переносится на последний слог: فراخوانده *farāxānandé* ‘вызывающий’, ‘призывающий’, ‘отзывающий’ (فراخواندن *farā-xāndan* ‘вызывать’, ‘призывать’, ‘отзывать’); فرونشاندۀ *forunešānandé* ‘усмиряющий’, ‘успокаивающий’ (فرونشاندن *foru-nešāndan* ‘усмирять’, ‘успокаивать’).

Наибольшее число причастий с суф. نده *-ande* образуется от сложных глаголов. При образовании причастных форм именная часть утрачивает главное ударение, которое переходит на последний слог причастия, и происходит слияние именной части с причастной формой компонирующего глагола: شرکت کننده *šerkatkonandé* ‘участвующий’, ‘участник’ (شرکت کردن *šerkat kardan* ‘участвовать’); تشکیل دهنده *taškildehandé* ‘организующий’, ‘организатор’ (تشکیل دادن *taškil dādan* ‘организовывать’).

Известно, что входящие в состав СГ компонирующие глаголы могут заменяться на эквивалентные глаголы, которые в большинстве случаев не являются их лексическими синонимами. Таким образом, один и тот же сложный глагол может иметь два, три и более компонирующих глаголов — эквивалентов. Так, в качестве эквивалентов компонирующего глагола کردن *kardan* используются глаголы نمودن *nemudan* ‘показывать’, ساختن *sāxtan* ‘строить’, ورزیدن *varzidan* ‘упражняться’, ‘совершать’, ‘выполнять’, فرمودن *farmudan* ‘приказывать’. Каждый из этих компонирующих глаголов, сообщая сложным глаголам одинаковое лексико-грамматическое значение, отличается от основного компонирующего глагола стилистическими оттенками и сочетательными возможностями с именной частью: ср. СГ آگاه کردن *āgāh kardan* ‘извещать’, ‘уведомлять’ и СГ آگاه ساختن *āgāh sāxtan*, آگاه نمودن *āgāh nemudan*, آگاه فرمودن *āgāh farmudan*, см. [Рубинчик 1981, с. 156–157].

В связи с широкими возможностями образования причастий с суф. *-ande* от различных СГ возникает вопрос: какие компонирующие глаголы служат основой для образования таких причастий? Наблюдения над причастиями с суф. *-ande*, образованными на основе сложных глаголов, позволяют сделать следующие выводы.

1. Наиболее часто данные причастные формы образуются от СГ, в качестве компонирующего глагола которых употреблен гл. کردن *kardan* 'делать': ایجادکننده *ijādkonande* 'создающий', 'создатель' (ایجاد کردن *ijād kardan* 'создавать'); شرکت کننده *šerkatkonande* 'участвующий', 'участник' (شرکت کردن *šerkat kardan* 'участвовать'); صادرکننده *sāderkonande* 'экспортирующий', 'экспортер' (صادر کردن *sāder kardan* 'экспортировать') и т.д. При наличии эквивалентных компонирующих глаголов в случае образования причастной формы предпочтение отдается глаголу کردن *kardan*: استفاده کننده *estefādekonande* 'пользующийся' (استفاده کردن *estefāde kardan* = استفاده بردن *estefāde bordan* 'использовать', 'пользоваться'); حمله کننده *hamlekonande* 'наступающий', 'атакующий' (حمله کردن *hamle kardan* = حمله آوردن *hamle āvardan* 'наступать', 'атаковать').

2. При образовании причастий с суф. *-ande* от СГ, в состав которых входит не глагол کردن *kardan*, а другие компонирующие глаголы, в качестве словообразовательного коррелята всегда берется такое сочетание именной части и компонирующего глагола, которое является наиболее употребительным, а другие эквивалентные компонирующие глаголы обычно не участвуют в образовании причастных форм: نجات دهنده *nejātdehande* 'спасающий', 'спасатель' (نجات دادن *nejāt dādan* = نجات بخشیدن *nejāt baxšīdan* 'спасать'), آزار دهنده *āzārdehande* 'мучающий', 'мучитель' (آزار دادن *āzār dādan* = آزار رساندن *āzār rasāndan* 'мучить').

Причастия с суф. *-ande* могут быть образованы и от сложных глаголов, именная часть которых имеет предлог, но число таких образований невелико. Особенностью этих причастий является то, что предлог, употребляемый в исходной глагольной форме — в предложном СГ, часто выпадает. Но, несмотря на это, причастия с суф. *-ande* сохраняют исходное значение сложного глагола, в образовании которого участвует предлог: یادآورنده *yādāvarande* 'вспоминающий', 'напоминающий' (به یاد آوردن *be yād āvardan* 'вспоминать', 'напоминать'); گروهگیرنده *gerowgirande* 'берущий в залог' (به گروه گرفتن *be gerow gereftan* 'брать в залог'); امانتگیرنده *amānatgirande* 'берущий на хранение' (به امانت گرفتن *be amānat gereftan* 'брать на хранение')⁴.

Рассмотрев особенности образования причастий с суф. *-ande* от различных структурных типов глагола, проанализируем причины, на основании которых, по нашему мнению, данную форму следует оставить среди причастий. Таких причин две: 1) наличие у некоторых причастий наст. вр. глагольных свойств и 2) сохранение полной или частичной семантической связи со значением (или значениями) исходного глагола.

⁴ В приведенных выше сложных глаголах предлоги также могут опускаться. Но различие между двумя глагольными единицами состоит в том, что в сложных глаголах предлоги часто употребляются факультативно, а в образованных на их основе причастиях предлоги вообще не употребляются.

В причастиях с суф. *-نده* *-ande* основным носителем времени, как и в случае с причастиями прош. вр., является основа — в данном случае презентная основа. Значение времени в таких причастиях выражается не столь отчетливо, как в причастиях прош. вр. В этом можно убедиться, сравнив значения времени, выражаемые обеими разновидностями причастий (от гл. گرفتن *gereftan* ‘получать’ и رفتن *raftan* ‘идти’, ‘уходить’):

گرفته *gerefte* ‘полученный’, ‘получивший’ — گیرنده *girande* ‘получающий’, ‘получатель’;
رفته *rafte* ‘ушедший’ — رونده *ravande* ‘идуший’ и т.д.

Причастия с суф. *-نده* *-ande*, образованные от переходных глаголов, обладают только активным значением (ср. с причастиями прош. вр. переходных глаголов, которые одновременно обладают как активным, так и пассивным значением).

Наличие активного значения создает предпосылки для участия причастий с суф. *-نده* *-ande* в составе развернутого причастного определения, в котором эта причастная форма выступает в качестве стержневого слова и осложняется поясняющими словами, причем зависимые слова присоединяются к причастию с помощью изафета и предлогов: همیشه اشخاص گوینده این سخن و نویسندۀ این سطور بیش از Hamiše ašxās-e guyande-ye in soxanān va nevisande-ye in sotur biš az yek maqsud nadārand ‘Люди, говорящие эти слова и пишущие эти строки, всегда имеют только одну цель’; خواست و ارادۀ مردم شرکت کننده در جنبشهای ضد جنگ را Xāst-o erāde-ye mardom-e šerkatkonande-ye dar jombešhā-ye zedd-e jang-rā minemāyad ‘Он показывает желание и волю народа, участвующего в антивоенном движении’.

В причастиях с суф. *-نده* *-ande* глагольность проявляется также в том, что они, как правило, семантически связаны со значением глагола, например: گیرنده *girande* ‘получающий’, ‘получатель’ (گرفتن *gereftan* ‘получать’); نویسندۀ *nevisande* ‘пишущий’, ‘писатель’ (نوشتن *neveštan* ‘писать’); خواننده *xānande* ‘читатель’, ‘певец’ (خواندن *xāndan* ‘читать’, ‘петь’). Однако не все значения исходных глаголов получают отражение в значениях причастий. А.А.Вахидов, проводивший анализ на материале 200 наиболее употребительных глаголов, пришел к выводу, что причастия с суф. *-نده* *-ande* бисемантических глаголов почти всегда отражают оба значения исходного глагола. В случае же, когда количество значений глагола превышает два, большинство причастий семантически соотносятся с наиболее употребительными семами [Вахидов 1990, с. 91–94].

Таким образом, семантическая связанность причастий наст. вр. с исходными глаголами имеет относительный характер. В ряде случаев в причастных формах появляются дополнительные значения, прямо не вытекающие из значений исходного глагола.

Наиболее часто причастия с суф. *-نده* *-ande* выступают как имена прилагательные и существительные, получая при необходимости все грамматические показатели, свойственные этим частям речи, что позволяет таким причастным формам выполнять все функции именных членов в составе предложения.

2.3.2. Причастия с суффиксом ان -ān

Образуются путем прибавления суф. ان -ān к ОНВ глагола: گریز *goriz* + ان -ān = گریزان *gorizān* ‘бегущий’, ‘убегающий’ (гл. گریختن *gorixtan* ‘убегать’); گری *geri* + ان -ān = گریان *geriān* ‘плачущий’, ‘плача’ (гл. گریستن *geristan* ‘плакать’) и т.д.

В связи с тем, что суф. ان -ān, образующий причастную форму, совпадает по звучанию с другим суффиксом ان -ān, образующим ОНВ каузативных глаголов, возникает вопрос: не являются ли рассматриваемые образования основами наст. вр. каузативных глаголов, получивших в процессе развития персидского языка дополнительные лексико-грамматические значения?

На данный вопрос следует ответить отрицательно, так как причастие с суф. ان -ān сохраняет значения переходности / непереходности глагола, от которого оно образовано. Каузативные же глаголы обладают только переходным значением; естественно, ОНВ таких глаголов также сохраняют это значение. Таким образом, оба суффикса выступают как омонимичные морфемы.

Причастия с суф. ان -ān образуются не от всех структурных типов и лексико-грамматических классов глагола. Так, данная причастная форма не образуется от префиксальных и каузативных глаголов, глаголов состояния.

Особо следует остановиться на семантике причастий с суф. ان -ān. Как и причастия с суф. نده *-ande*, они соотносятся не со всеми значениями исходного глагола. В большинстве случаев значения причастий, образованных от полисемантических глаголов, соотносятся с наиболее употребительными, первыми значениями. При этом кроме причастно-адъективного значения у данного причастного образования может появляться адвербиальное значение. Так, причастие наст. вр. دوان *davān* ‘бегущий’, ‘бегом’ соотносится только с первым значением глагола دویدن *davidan* ‘бегать’, а другие два значения — ‘спешить’, ‘торопиться’ и ‘гнаться’ — остаются нереализованными, см. [ПРС, т. 1, с. 687]. Причастие نالان *nālān* соотносится с первыми тремя значениями глагола نالیدن *nālidan*: ‘стонущий’ < ‘стонать’, ‘ноющий’ < ‘ныть’, ‘жалующийся’ < ‘жаловаться’, а остальные два значения (‘страдать’, ‘петь печальные песни’) не находят отражения в значениях причастной формы, см. [ПРС, т. 2, с. 617].

В причастных образованиях от моносемантических и бисемантических глаголов их значения обычно соотносятся со значениями исходных глаголов: خروشان *xorušān* ‘ревущий’, ‘волнующийся’ (خروشیدن *xorušidan* ‘реветь’, ‘волноваться’); لنگان *langān* ‘хромающий’, ‘хромая’ (لنگیدن *langidan* ‘хромать’); رقصان *raqsān* ‘танцующий’, ‘танцует’ (رقصیدن *raqsidan* ‘танцевать’).

В некоторых случаях причастия с суф. ان -ān имеют дополнительные переносные значения, возникающие в результате семантического сдвига: چسبان *časbān* (от гл. چسبیدن *časbidan* ‘приклеиваться’, ‘прилипнуть’) наряду со значениями, соотносимыми со значениями исходного глагола — ‘приклеенный’, ‘прилипающий’, — имеет значения ‘облегающий’, ‘обтягивающий’, ‘ловко’, ‘проворно’; سوزان *suzān* (от гл. سوختن *suxtan* ‘гореть’) наряду со значением ‘горящий’ получило дополнительные значения — ‘обжигаящий’, ‘палящий’, ‘едкий’, ‘разъедающий’.

При образовании причастий с суф. ان -ān от сложных глаголов нарушается просодическая структура, характерная для исходного СГ: исчезает фонетическая

самостоятельность именной части и компонирующего глагола, изменяется акцентное строение. В форме причастия наст. вр. пропадает пауза между компонентами, ударение переходит на последний слог, в результате чего образуется единое сложное слово: دعاگو یان *doāguyān* ‘молясь’, ‘читая молитву’ (دعا گفتن *doā goftan* ‘молиться’, ‘читать молитву’); تعظیم کنان *ta'zimkonān* ‘кланяясь’, ‘выражая почтение’ (تعظیم کردن *ta'zim kardan* ‘кланяться’, ‘выражать почтение’).

Анализ семантики причастий с суф. ان *-ān*, образованных от СГ, показывает, что они обладают главным образом адвербиальным значением. Этим причастные формы сложных глаголов отличаются от причастных форм простых глаголов, которые обладают не только адвербиальным, но и главным образом адъективным значением. Кроме того, причастия с суф. ان *-ān* редко изменяют свою семантику по сравнению с семантикой исходного СГ. Отметим случай приобретения нового значения причастной формой по сравнению со значением исходного СГ: ср. причастие наст. вр. نفس زانان *nafaszanān* ‘запыхавшись’, ‘с трудом переводя дыхание’, ‘тяжело дыша’ и СГ نفس زدن *nafas zadan* ‘дышать’, ‘делать вдох’.

Семантическая преемственность этих причастий по сравнению со значениями сложных глаголов в большинстве случаев почти не нарушается.

Компонентный анализ причастных образований с суф. ان *-ān* от СГ подтверждает ту же закономерность, о которой говорилось в связи с образованием причастий с суф. نده *-ande* от СГ. Самое большое количество причастий с суф. ان *-ān* образуется от СГ, компонирующим глаголом которых является гл. کردن *kardan* ‘делать’: خنده کنان *xandekonān* ‘смеясь’ (خنده کردن *xande kardan* ‘смеяться’); التماس کنان *eltemāskonān* ‘упрашивая’, ‘умоляя’ (التماس کردن *eltemās kardan* ‘упрашивать’, ‘умолять’).

Если СГ имеет несколько эквивалентных компонирующих глаголов, то при образовании причастий с суф. ان *-ān* используется только один из них. В СГ فریاد زدن *faryād zadan* ‘кричать’, ‘вопить’, ‘звать на помощь’ компонирующий глагол может быть заменен на три эквивалентных глагола — آوردن *barāvardan*, کردن *kardan*, کشیدن *kešidan*, но причастие с суф. ان *-ān* отмечается только с участием причастной формы глагола زدن *zadan*: فریاد زانان *faryādzanān* ‘крича’, ‘вопя’, ‘звя на помощь’.

От обычных причастий с суф. ان *-ān*, образованных от СГ, следует отличать слова, только внешне совпадающие с данными причастиями:

1) слова, не имеющие в качестве словообразовательного коррелята сложного глагола. Например, слово خون چکان *xuncākān* ‘кровоточащий’, ‘кровавый’, ‘полнокровный’, ‘румяный’ не образовано от СГ, так как такого глагола нет (خون *xun* ‘кровь’ + چکیدن *čakidan* ‘капать’, ‘сочиться’, ‘протекать’). Следовательно, в данном случае можно говорить об образовании по модели «имя + причастие с суф. ان *-ān*»;

2) слова, состоящие из имени и ОНВ каузативного глагола, например پشه پران *pašeparān* ‘опахало’, ‘завеса’, ‘москитник’, ‘сетка’ (из پشه *paše* ‘комар’, ‘мошка’ и ОНВ پران *parān* каузативного глагола پراندن *parāndan* ‘заставлять взлетать’, ‘запускать’);

3) слова, представляющие собой, видимо, лексикализованные формы мн. числа с суф. ان *-ān*: گلریزان *golrizān* ‘церемония забрасывания цветами’ (گل *gol* ‘цветок’ + ОНВ ریز *riz* гл. ریختن *rixtan* ‘сыпать’, ‘лить’ + суф. мн. числа ان *-ān*); انگورپزان *angurpazān* ‘время созревания винограда’ (انگور *angur* ‘виноград’ + ОНВ پز *paz*

гл. *پختن* *poxtan* ‘варить’ + суф. мн. числа *ان -ān*); *خاتنه سوران* *xatnesurān* ‘пиршество по случаю обрезания’ (*خاتنه* *xatne* ‘обряд обрезания’) + *سور* *sur* ‘пир’ + суф. мн. числа *ان -ān*).

Несмотря на наличие признаков, позволяющих говорить об отрыве причастных форм от глагола, причастия с суф. *ان -ān* остаются в рамках глагольной системы. О глагольности этих причастных форм свидетельствует прежде всего сохранение ими значения настоящего времени, вносимого основной наст. вр. глагола: *رويان* *ruyān* ‘цветущий’, ‘произрастающий’ (*روستن* *rostan* ‘расти’, ‘произрастать’); *خندان* *xandān* ‘смеющийся’, ‘смеюсь’ (*خندیدن* *xandidan* ‘смеяться’). Значение причастий с суф. *ان -ān* связано с оттенком процессуальности.

В значении причастия с суф. *ان -ān* часто сохраняется связь с переходным и непереходным значениями глагола. Образованные от переходных глаголов, эти причастия сохраняют активное значение: *بویان* *buyān* ‘нюхающий’ (*بوییدن* *buyidan* ‘нюхать’), *پرسان* *porsān* ‘спрашивающий’, ‘спрашивая’ (*پرسیدن* *porsidan* ‘спрашивать’). Образованные от непереходных глаголов причастия с суф. *ان -ān* характеризуются непереходным значением: *گریان* *geryān* ‘плачущий’ (*گریستن* *geristan* ‘плакать’), *کوشان* *kušān* ‘старющийся’, ‘стараясь’ (*کوشیدن* *kušidan* ‘стараться’).

Случаи, когда причастие с суф. *ان -ān* выступает в качестве причастного определения и связывается с зависимым от него словом при помощи предлога, встречаются редко: *Az šahr čizi ke mi āmd dar kise-ye kuček-e āvizān be gardan-aš penhān mikard* ‘Все, что поступало из города, он прятал в маленький мешочек, висевший на шее’.

В соответствии с теми значениями, которыми обладают причастия с суф. *ان -ān* простых и сложных глаголов, они способны выполнять в предложении функции определения, предикатива и обстоятельства образа действия: *مادر لیلی از پایین* *Mādar-e Leyli az pāyin bā sadā-ye larzān porsid...* ‘Мать Лейли дрожащим голосом спросила снизу...’ (*لرزان* *larzān* ‘дрожащий’ — *لرزیدن* *larzidan* ‘дрожать’); *بالای آن زنگ مسی آویزان بود* *Bālā-ye ān zang-e mesi āvizān bud* ‘Над ней был подвешен медный колокольчик’ (*آویزان* *āvizān* ‘подвешенный’, ‘висячий’ — *آویختن* *āvixtan* ‘вешать’, ‘подвешивать’).

Субстантивное значение и соответственно употребление в роли субстантивных членов предложения не характерно для причастий наст. вр. этой разновидности. Тем не менее можно отметить несколько причастных форм, которые полностью превратились в имена существительные (например, *باران* *bārān* ‘дождь’ — *باریدن* *bāridan* ‘выпадать’, ‘идти (об осадках)’) или одновременно обладают адъективным и субстантивным значениями (например, *گذران* *gozarān* ‘непостоянный’, ‘преходящий’, ‘средства к жизни’, ‘жизнь’ — *گذشتن* *gozaštan* ‘проходить’, ‘протекать’).

Особо следует остановиться на адвербиальной функции таких причастных образований. На основании этой функции в ряде работ эти причастные формы получили название деепричастий, поскольку они, примыкая к глаголу-сказуемому, выражают сопутствующее действие: *از جای خود بلند شد و عصازنان به سوی صندلی رفت* *Az jā-ye xod boland šod va asāzanān be su-ye sandali raft* ‘Он поднялся со своего места и, опираясь на палку, направился к стулу’; *فاطمه گریهکنان داخل اتاق شد* *Fāteme geryekonān dāxel-e otaq šod* ‘Фатеме, плача, вошла в комнату’.

В таджикском языке адвербиальная функция подобного рода образований получила наибольшее развитие, а сами эти слова на *-он* названы одновременно причастиями и деепричастиями настоящего времени. Подчеркивается, что они указывают на способ или образ выполнения основного действия, см. [Расторгуева, Керимова 1964, с. 207–208].

В заключение характеристики причастий с суф. *-ān* отметим, что они могут подвергаться редупликации. В этом случае наблюдается следующее:

1) адъективные и адвербиальные значения причастия получают большую интенсивность: *خندان خندان xandānxandān* ‘громко смеясь’, ‘громко смеющийся’ (ср. *خندان xandān* ‘смеющийся’, ‘смеясь’), *گریان گریان geryāngeryān* ‘громко плача’, ‘сильно рыдая’, ‘громко плачущий’, ‘сильно рыдающий’ (ср. *گریان geryān* ‘плачущий’, ‘рыдающий’, ‘плача’, ‘рыдая’);

2) при редупликации причастные формы могут утрачивать свое адъективное значение и получать только адвербиальное значение без всякого его усиления: *غلطان غلطان galtānqaltān* ‘катясь’, ‘перекатываясь’, ‘переворачиваясь’ (ср. *غلطان galtān* ‘катящийся’, ‘перекатывающийся’, ‘круглый’, ‘шаровидный’), *خرامان خرامان xerāmānxerāmān* ‘грациозно’, ‘плавно’, ‘изящно’, ‘величаво’ (ср. *خرامان xerāmān* ‘грациозный’, ‘изящный’, ‘плавный’, ‘грациозно выступающий’);

3) некоторые причастные формы не имеют одиночного употребления и встречаются лишь в редуплицированной форме; они обладают только адвербиальным значением: *کشان کشان kešānkešān* ‘волоком’ (гл. *کشیدن kešidan* ‘тянуть’, ‘тащить’), *شلان شلان šalānšalān* ‘хромая’, ‘ковыляя’ (гл. *شالیدن šalidan* ‘хромать’, ‘прихрамывать’).

Как показал семантико-грамматический анализ причастий с суф. *-ān*, они обладают сложной и противоречивой природой, совмещая в себе причастные и деепричастные функции. Именно последнее свойство этой разновидности причастий дает основание рассматривать ее среди неличных форм глагола и называть также причастием настоящего времени.

2.3.3. Причастия с суффиксом *-ā*

Образуются прибавлением суф. *-ā* к ОНВ глагола: *کوشا kušā* + *-ā* = *کوشا kušā* ‘старяющийся’, ‘усердствующий’ (*کوشیدن kušidan* ‘стараться’, ‘усердствовать’), *پذیرا pazirā* + *-ā* = *پذیرا pazirā* ‘принимающий’, ‘соглашающийся’ (*پذیرفتن paziroftan* ‘принимать’, ‘соглашаться’).

Из рассмотренных выше причастных форм причастие с суф. *-ā* меньше всего связано с глаголом. Авторы грамматик и учебников персидского языка, в которых данная разновидность включается в систему причастий, ограничиваются краткой характеристикой способа их образования и констатацией факта преобладания именных значений у этих причастий.

А.А.Вахидов, собравший более четырех тысяч примеров на функционирование различных видов причастий в современном персидском языке, отмечает около 50 причастий с суф. *-ā*, образованных от простых глаголов, и ни одного примера на причастное образование от префиксальных и сложных глаголов. Это позволило ему сделать вывод, что данная разновидность причастий наст. вр. представлена

только одним видом: образованиями от простых глаголов, см. [Вахидов 1990, с. 121].

Семантическая соотношенность причастий с суф. ا-ā со значениями исходных глаголов проявляет ту же тенденцию, о которой говорилось при характеристике семантики других разновидностей причастий: причастная форма полностью сохраняет значение моносемантических глаголов и выбирает одно-два наиболее употребительных значения полисемантических глаголов.

Параллельная соотносимость этих значений сохраняется редко — лишь в некоторых причастных образованиях от полисемантических глаголов, например: *پویا* *puyā* ‘бегающий (в поисках чего-л.)’, ‘ищущий’, ‘разыскивающий’, ‘спешащий’ — гл. *پویدن* *puyidan* ‘бегать (в поисках чего-л.)’, ‘искать’, ‘разыскивать’, ‘спешить’.

Одним из показателей полной транспозиции причастных образований этой разновидности является утрата ими семантической соотносительности с исходными глаголами: *روا* *ravā* ‘разрешенный’, ‘дозволенный’, ‘допустимый’, ‘приемлемый’ (гл. *رفتن* *raftan* 1) ‘идти’, ‘ехать’, ‘уходить’; 2) ‘подходить’, ‘приближаться’; 3) ‘течь’, ‘вытекать’; 4) ‘заходить’, ‘садиться (о солнце)’; 5) ‘походить’, ‘быть похожим’; 6) ‘гаснуть’; 7) ‘намереваться’, ‘собираться’, ‘решаться’).

Для причастия с суф. ا-ā характерно в основном адъективное значение, хотя иногда оно имеет одновременно и адъективное, и адverbиальное значение: *خوانا* *xānā* ‘разборчивый’, ‘удобочитаемый’ и ‘разборчиво’, ‘четко (*мисамъ*)’; *گذرا* *gozarā* ‘преходящий’, ‘временный’ и ‘мельком’, ‘мимоходом’; *پرسا* *porsā* ‘спрашивающий’, ‘любопытный’ и ‘спрашивая’.

Выступая в адъективном значении, эти слова с суф. ا-ā выражают постоянные качества лица или предмета и могут образовывать степени сравнения, получая соответствующие показатели: *رسا* *rasā* ‘доходчивый’, ‘громкий’ — *رساتر* *rasātar* ‘более доходчивый’, ‘более громкий’ — *رساترین* *rasātarin* ‘самый доходчивый’, ‘наиболее громкий’; *دانا* *dānā* ‘мудрый’ — *داناتر* *dānātar* ‘более мудрый’ — *داناترین* *dānātarin* ‘мудрейший’.

Адъективное значение часто перекликается с субстантивным: *دانا* *dānā* ‘мудрый’ и ‘мудрец’; *سوزا* *suzā* ‘горючее’, ‘топливо’ и ‘воспламеняющийся’, ‘горючий’. Некоторые причастные формы с суф. ا-ā используются как мужские имена собственные: *توانا* *tavānā* ‘могучий’ и *Tavānā* и. с. м. Таванá; *رسا* *rasā* ‘достойный’ и *Rasā* и. с. м. Расá.

Обладая адъективным значением, причастия с суф. ا-ā могут выступать в качестве именной части составного сказуемого и входить в состав инфинитивных оборотов; ср., например, название книги известного иранского ученого и политического деятеля А.Кясрави: *ان و توانا گردیدن آن زبان فارسی و راه رسا و پیران جویای نیروی جوانی فروخته می شود* *In davā be qeymat-e gerān be pirān-e juyā-ye niru-ye javāni foruxte mišavad* ‘Это лекарство по высокой цене продается старикам, ищущим силы молодости’; *رفع* *rafʿ* ‘подъем’.

Образованные от переходных глаголов, причастия с суф. ا-ā обладают активным значением и в составе словосочетаний могут выступать в роли стержневых слов. В этом случае зависимые слова присоединяются при помощи изафета и предлогов: *این دوا به قیمت گران به پیران جویای نیروی جوانی فروخته می شود* *In davā be qeymat-e gerān be pirān-e juyā-ye niru-ye javāni foruxte mišavad* ‘Это лекарство по высокой цене продается старикам, ищущим силы молодости’; *رفع* *rafʿ* ‘подъем’.

کرد *A'zā-ye hamin setād kušā dar raf'-e havāyej-e xalq be piruzi-ye enqelāb-e eslāmi xedmat xāhand kard* 'Члены этого штаба, старающиеся удовлетворить потребности народа, будут служить победе исламской революции'. Это небольшое проявление глагольности у причастий с суф. | -ā не получило распространения в современном языке.

Как и имена прилагательные, причастия с суф. | -ā могут образовывать имена существительные абстрактные с помощью суф. | -i (یای مصدری *yā-ye masdari*): دانا *dānā* 'знающий', 'мудрый' — دانایی *dānāyi* 'знание', 'мудрость'; بینا *binā* 'видящий', 'зрячий' — بینایی *bināyi* 'зрение'.

Некоторые причастия с суф. | -ā способны выступать в качестве именной части СГ, сочетаясь обычно с компонирующим глаголом بودن *budan* 'быть'. Образующиеся сложные глаголы сохраняют основные значения тех простых глаголов, от которых образованы причастные формы: داشتن *daštan* — دارا بودن *dārā budan* 'иметь', 'обладать'; جستن *jostan* — جویا بودن *juyā budan* 'искать'; پذیرفتن *paziroftan* — پذیرا بودن *pazirā budan* 'принимать'. Особенностью таких сложных глаголов является то, что они преимущественно употребляются в форме рамочной конструкции: او دارای یک کتاب جالبی است *U dārā-ye yek ketāb-e jāleb-i ast* 'У него есть одна интересная книга'. Поскольку причастие наст. вр. جویا *juyā* помимо основного значения 'ищущий' получило еще значение 'расспрашивающий', 'интересующийся', то и сложный глагол приобретает это дополнительное значение: اگر از راه لطف جویای حال بنده باشید بحمدالله نعمت سلامتی حاصل است *Agar az rāh-e loṭf juyā-ye hāl-e bande bāšid behamdollāh ne'mat-e salāmati hāsel ast* 'Если вы из благосклонности интересуетесь моим здоровьем, то, слава Богу, дело идет на поправку'.

Итак, причастие с суф. | -ā по сравнению с другими причастиями наст. вр. в наименьшей степени сохраняет грамматическую связь с глаголом.

2.4. Причастие долженствования

Эта причастная форма в грамматической литературе по персидскому языку имеет также второе название — причастие будущего времени. Двойное наименование связано с теми семантико-грамматическими значениями данного глагольного образования, которые, с одной стороны, включают в себе модальность, выражая долженствование, необходимость, желательность, возможность совершения действия, а с другой — содержат значение будущего времени, тесно связанное с этой модальностью. Выбранное нами название наиболее полно отражает семантико-грамматическую сущность таких образований.

Причастия долженствования образуются путем прибавления к инфинитиву ударного суффикса | -i: کردن *kardan* 'делать' — کردنی *kardani* 'то, что нужно сделать', 'то, что можно сделать', 'выполнимый', 'осуществимый'; گفتن *gofstan* 'говорить' — گفتنی *gofstani* 'то, что нужно или можно сказать', 'заслуживающий того, чтобы сказать'; رفتن *raftan* 'уходить', 'уезжать' — رفتنی *raftani* 'собирающийся уходить, уезжать' и т.д.

Причастия долженствования могут быть образованы от разных структурных типов персидского глагола, но преимущественно от простых глаголов.

Наименьшее число причастий долженствования образуется от префиксальных глаголов: برگشتن *bar-gaštan* ‘возвращаться’ — برگشتنی *bargaštani* ‘собирающийся возвратиться’; دریافتن *dar-yāftan* ‘понимать’ — دریافتنی *daryāftani* ‘понятный’, ‘постижимый’. Как и при образовании других причастных форм от префиксальных глаголов, просодическая структура причастий долженствования изменяется по сравнению с просодической структурой исходного глагола: главное ударение переносится на последний слог, между префиксом и глагольной частью исчезает пауза.

От сложных глаголов образуется довольно большое количество причастий долженствования, причем в основном от тех СГ, компонирующими глаголами которых являются глаголы کردن *kardan* ‘делать’ и شدن *šodan* ‘становиться’: باور کردن *bāvar kardan* ‘верить’, ‘доверять’ — باورکردنی *bāvarkardani* ‘заслуживающий доверия’, ‘правдоподобный’; انجام شدن *anjām šodan* ‘выполняться’ — انجام شدنی *anjāmšodani* ‘выполнимый’, ‘осуществимый’.

Просодическая структура причастий долженствования значительно отличается от просодической структуры сложных глаголов: главное ударение с именной части переносится на последний слог, между именной и глагольной частями пропадает пауза, в результате чего из СГ, который по своей структуре является словосочетанием, образуется сложное слово: فاسد شدن *fāsed šodan* ‘портиться’ — فاسدشدنی *fāsedšodani* ‘скоропортящийся’.

В грамматиках и учебниках персидского языка отечественных и зарубежных авторов дается лишь самая общая характеристика причастий этой разновидности, описывается способ их образования. На семантические отношения причастий долженствования с исходными глаголами, на их модальную направленность внимания не обращается. Не учитывается та особенность причастий долженствования, что они, как неличные формы глагола, не имеют категории наклонения, но тем не менее характеризуются сильной модальной окрашенностью. Последняя сближает причастия долженствования с формами сослагательного наклонения, что находит отражение в значениях долженствования, желания, намерения, необходимости, возможности. Модальная окрашенность причастий долженствования связана с проявлением значения будущего времени.

Характеризуя семантические особенности причастий долженствования, следует сказать, что по сравнению с исходными глаголами они получают специфическое лексико-грамматическое значение. Поэтому семантическая соотнесенность причастий долженствования с исходными глаголами носит условный характер.

Причастия долженствования, образованные от моносемантических глаголов, сохраняют основное значение исходных глаголов и, как правило, не содержат каких-либо семантических сдвигов: نوشتهنی *neveštani* ‘то, что должно быть написано или что заслуживает быть написанным’ (نوشتن *neveštan* ‘писать’); چاپ کردن *čāpkardan* ‘годный для печати’, ‘заслуживающий быть напечатанным’ (چاپ کردن *čāp kardan* ‘печатать’, ‘издавать’).

Сложнее обстоит дело с причастиями долженствования, образованными от полисемантических глаголов: в этом случае строгих закономерностей не существует. Чаще всего причастия долженствования, образованные от глаголов, которые имеют три и более значений, соотносятся с наиболее употребительными значениями глаго-

лов⁵. Причастие خواندنی *xāndanī* ‘заслуживающий того, чтобы быть прочитанным’, ‘интересный’ соотносятся только с первым значением глагола خواندن *xāndan* ‘читать’, имеющим еще семь значений, см. [ПРС, т. 1, с. 574]; причастие خوردنی *xordanī* ‘съедобный’, ‘годный для питья’, ‘еда’, ‘пища’ соотносится с первыми двумя значениями глагола خوردن *xordan* ‘есть’, ‘пить’, хотя он имеет одиннадцать значений (там же, с. 580).

Встречаются причастия долженствования, в которых проявляются не первые, наиболее употребительные значения исходных глаголов, а другие, последующие значения.

Иногда причастные формы приобретают дополнительные значения, не отмеченные у исходных глаголов, или же совсем изменяют свою семантику. Так, причастие پذیرفتنی *paziroftanī* ‘приемлемый’, ‘достойный одобрения’, соотносится только с первым значением глагола پذیرفتن *paziroftan* ‘принимать’, ‘одобрять’, приобрело также второе, дополнительное значение: ‘допущенный (к экзамену)’. Причастие دادنی *dādani* ‘подлежащий возврату’, ‘подлежащий оплате’, ‘оплачиваемый’ не соотносится ни с одним значением весьма распространенного глагола دادن *dādan* ‘давать’, ‘подавать’, ‘выдавать’, ‘вручать’, ‘отдавать’.

К сожалению, в имеющихся словарях персидского языка не только не учитываются своеобразные новые значения причастий долженствования, но и сами эти причастные формы не всегда находят в них отражение. В то же время хорошо известно, что не каждый глагол способен иметь форму причастия долженствования.

Причастия долженствования могут быть образованы от глаголов с переходным и непереходным значениями, при этом в большинстве случаев причастные формы, образованные от переходных глаголов, характеризуются пассивным значением с оттенком долженствования: خوردنی *xordanī* ‘съедобный’, ‘годный в пищу, для питья’ (خوردن *xordan* ‘есть’, ‘пить’); بخشیدنی *baxšidani* ‘простительный’, ‘даруемый’ (بخشیدن *baxšidan* ‘прощать’, ‘дарить’); دیدنی *didani* ‘заслуживающий того, чтобы быть увиденным’.

В то же время причастия долженствования, образованные от непереходных глаголов, могут иметь значение активного долженствования, намерения: رفتنی *raftanī* ‘собирающийся уходить, уезжать’ (رفتن *raftan* ‘уходить’, ‘уезжать’); برگشتنی *bargaštani* ‘собирающийся возвратиться’ (برگشتن *bar-gaštan* ‘возвращаться’).

Рассмотренные выше семантические особенности причастий долженствования объясняют их использование в качестве имен прилагательных и существительных, причем исходным, первоначальным обычно бывает адъективное значение.

Будучи употреблены в качестве прилагательного, причастия долженствования выступают как определения и могут получать показатели степеней сравнения: حرکت تانکرهاي حامل مواد سوختنی و فاسدشدنی از ساعت شش صبح آغاز می شود *Harakat-e tānkerhā-ye hāmel-e mavādd-e suxtanī va fāsedšodanī az sāat-e šeš-e sobh āqāz mišavad* ‘Движение танкеров, груженых горючими и скоропортящимися продуктами,

⁵ Разумеется, при современном развитии лексикографии о выделении значений глаголов, их количестве и порядке следования, о степени употребительности в языке можно говорить лишь весьма условно. Большую роль в разработке системы значений глаголов играет еще и субъективный фактор. Разные персидские словари часто неодинаково выделяют значения глаголов и тем более по-разному определяют порядок их следования друг за другом.

начинается с шести часов утра'; *به بیان فشرده مضمون داستانی که از خواندنی ترین آثار نویسنده است می پردازیم* *Be bayān-e fešorde-ye mazmun-e dāstān-i-ke az xāndanitarin āsār-e nevisande ast mipardāzim* 'Мы приступаем к краткому изложению повести, которая является одним из самых интересных (букв. из самых стоящих прочтения) произведений автора'.

Несмотря на способность проявления причастиями долженствования всех функциональных и грамматических свойств имен прилагательных, вряд ли можно говорить о полной транспозиции этих образований в прилагательные. В данном случае речь может идти только о частичной транспозиции. Причастные свойства слова ярко проявляются, когда причастие долженствования выступает в роли предикатива: на первый план выступает модальность и направленность в будущее.

При образовании отрицательных форм адъективированных причастий долженствования используются как отрицательный словообразовательный префикс *نا nā-*, так и его алломорф *ن na-*: *نا آموختنی nāāmuxtani* 'не поддающийся обучению', 'не поддающийся приручению', *نپذیرفتنی napaziroftani* 'неприемлемый', 'неподходящий', 'недостоверный'. В причастных образованиях от сложных глаголов отрицательная частица присоединяется к компонирующему глаголу, не нарушая их просодической структуры и лексической цельности: *فراموش نشدنی farāmušnašodani* 'незабываемый', *جدانشدنی jodānašodani* 'неотделимый', 'неразделимый'.

Причастия долженствования подвергаются субстантивации. В большинстве случаев в основе субстантивных образований лежит адъективное значение причастия: *خوردنی xordani* 'съедобный' → 'то, что съедобно', 'пища', 'еда', *بافتنی bāftani* 'годный для тканья, вязания' → 'вязаные вещи', 'трикотаж', *پوشیدنی pušidani* 'пригодный для надевания' → 'одежда'.

Субстантивированные причастия долженствования приобретают все лексико-грамматические свойства, характерные для имен существительных: могут принимать суффикс мн. числа *ها -hā*, выступать в роли определяемого, принимая в необходимых случаях изафетный показатель, иметь препозитивные определения, сочетаться с предлогами и послелогом *را -rā*: *با این حال همه گفتنیها را خودتان می دانید Bā in hāl hame-ye goftanihā-rā xod-etān midānid* 'Несмотря на это, вы сами знаете все, о чем нужно сказать'; *آنچه بهتر و پاکیزه تر بود از خوردنی و پوشیدنی همیشه به او رسید* *Ān-če behtar va pākizetar bud az xordani va pušidani hamiše be u mirasid* 'Все лучшее и более изысканное из пищи и одежды всегда доставалось ему'; *هر خوردنی پس دادنی دارد Har xordani pasdādani dārad* 'За каждое кушанье надо платить' (поговорка, соответствующая рус. 'Долг платежом красен').

Нередко причастие долженствования имеет одновременно адъективные и субстантивные значения. Слов, подобных *بستنی bastani* 'мороженое', *روستنی rostani* 'растение', которые полностью подверглись транспозиции и перешли в имена существительные, имеется немного.

Модальное значение причастий долженствования проявляется особенно ярко, когда эта форма выступает в роли предикатива именного составного сказуемого. В отличие от предикатива, выраженного именными частями речи, предикатив — причастие долженствования — выражает качественный признак более конкретно, так как оно связано с представлением о времени и модальности: *یک لحظه فکر کردم* *Yek lahze fekr kardam in bārān tamāšodani nist* 'В какой-то

миг я подумал, что этот дождь не прекратится»; ولی با واژه های بیگانه این راه نشدنی است *Vali bā vāzehā-ye bigāne in rāh našodani ast* 'Но с иностранными словами этого нельзя проделать'; ساعت چهار بعد از ظهر اینجا آمدنی هستم *Sāat-e čahār-e ba'd az zohr injā āmadani hastam* 'В четыре часа дня я должен прийти сюда'.

Как видно из приведенных примеров, модальные значения причастий долженствования в роли предикатива настолько разнообразны, что нередко вызывают у читателя (слушателя) трудности в их понимании и переводе.

Причастие долженствования, выступающее в роли предикатива, может связываться с обстоятельством места, относящимся к сказуемому, с помощью изафета, образуя рамочную конструкцию: من خودم به شما گفتم که ماندنی اینجا نیستم *Man xod-am be šomā goftam-ke māndani-ye injā nistam* 'Я сам вам сказал, что здесь не останусь'; همه ما رفتنی بهشت هستیم *Hame-ye mā raftani-ye behešt hastim* 'Все мы попадем в рай'.

Возможны случаи употребления причастий долженствования в составе именных сказуемых в безличных предложениях. Безличные предложения, в составе главного члена которых выступает такое причастие, выражают долженствование, обязательность или необходимость совершения того или иного действия: در اینجا گفتنی است که مرکز نشریات دانشگاه وابسته به شورای عالی انقلاب فرهنگ است *Dar injā goftani ast-ke markaz-e našriyyāt-e dānešgāh vābaste be šurā-ye āli-ye enqelāb-e farhang ast* 'Здесь необходимо сказать, что университетский издательский центр подчиняется Высшему революционному совету по культуре'; باورکردنی نیست که فیلم «هوای تازه» کار همین فیلم ساز جوان است *Bāvarkardani nist-ke film-e «Havā-ye tāze» kār-e hamin filmsāz-e javān ast* 'Не верится, что фильм «Свежий воздух» снят этим молодым режиссером'.

Употребление причастия долженствования в роли предикатива безличных предложений характерно для письменной речи и широко используется в иранской прессе. Такого рода предложения чаще всего употребляются в роли главных предложений с придаточными подлежащими.

Глава десятая

НАРЕЧИЕ

К наречиям относятся такие полнозначительные слова, которые обозначают признак действия (состояния) или признак признака. Наречия, как самостоятельная часть речи, в персидском языке отделяются от других частей речи на основании семантического и синтаксического критериев. Морфолого-словообразовательные показатели в выделении наречий как части речи универсальной роли не играют. По сравнению с такими частями речи, как имена существительные и прилагательные, персидские наречия слабо выделились в морфологическом плане.

1. Значение и функции наречий как части речи

Основная синтаксическая функция наречий — выступать в предложении в роли обстоятельств. Но установление синтаксической функции в предложении недостаточно для определения наречия как части речи: необходимо еще и всестороннее изучение семантики слова. Наречия могут примыкать к глаголу (наиболее часто встречающийся случай), к прилагательному, к другому наречию: *فوراً پیش او بروید! Fowran piš-e u beravid!* ‘Срочно идите к нему!’; *ناگهان از شهر بیرون رفت Nāgahān az šahr birun raft* ‘Внезапно он уехал из города’; *آنها با وضع خیلی سخت روبرو شدند Ānhā bā vaz'-e xeyli saxt ruberu šodand* ‘Они столкнулись с чрезвычайно сложным положением’.

В персидском языке наречия могут быть представлены словами, занимающими промежуточное положение между наречиями и прилагательными и выполняющими одновременно функции прилагательных и наречий (прилагательные-наречия). К такого рода словам в первую очередь следует отнести лексемы, оканчивающиеся на суф. *انه -āne*: *زد می حرف می زد U xeyli āzādāne be engelisi harf mizad* ‘Он очень свободно говорил по-английски’; *واقعاً دوستانه او را ملاقات کردند Vāqe'an dustāne u-rā molāqāt kardand* ‘Его действительно встретили по-дружески’.

Как говорилось выше, основная синтаксическая функция наречий — выступать в роли обстоятельств. Однако одних синтаксических признаков для выделения наречий в качестве самостоятельной части речи недостаточно, поскольку персидские

прилагательные качественные могут выполнять в предложении функции обстоятельств. Нередко такие прилагательные рассматриваются и как наречия: *اتومبیل زد از مقابل ما رفت* *Otomobil zud az moqābel-e mā raft* 'Автомобиль **быстро** проехал мимо нас'; *او دستم را مفصل بگویند* *Mofassal beguyid* 'Говорите **подробно**'; *محکم فشرده* *U dast-am-rā mohkam fešord* 'Он **крепко** пожал мою руку'.

Роль обстоятельств со значением времени и места в персидском языке выполняют имена существительные в сочетании с предлогами и без предлогов. Примеры на употребление имен без предлогов: *تابستان طی یک ماه استراحت می کنیم* *Tābestān tey-e yek māh esterāhat mikonim* '**Летом** в течение одного месяца мы отдыхаем'; *عصرها صبح رفت بیرون شهر* *Sobh raft birun-e šahr* '**Утром** он отправился за город'; *او همیشه در منزل است* *Asrhā u hamiše dar manzel ast* '**Вечерами** он всегда дома'.

Имена существительные, имеющие временное значение, в сочетании с выделительным артиклем могут выступать в роли обстоятельств времени: *روزی* *ruz-i* 'однажды', 'некогда' (*روز* *ruz* 'день'); *شب* *šab-i* 'однажды вечером' (*شب* *šab* 'вечер'); *باری* *bār-i* 'однажды' (*بار* *bār* 'раз'); *گاهی* *gāh-i* 'иногда', 'изредка' (*گاه* *gāh* 'время') и т.д. Иногда сочетание имени с артиклем приводит к значительному изменению значения, и все сочетание приобретает устойчивое адвербиальное значение (см. приведенные выше примеры).

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что прилагательные и существительные при определенных синтаксических условиях могут выполнять адвербиальные функции. Однако они не ограничивают способность наречий выполнять свои функции, хотя количество наречий, обособившихся от других частей речи, сравнительно невелико.

Нечеткость в выявлении морфологических признаков у многих слов, относимых к наречиям, дала основание Н.В.Хрисанову разделить все персидские наречия на две группы: собственно наречия и омонимические наречия [Хрисанов 1969, с. 8]. К собственно наречиям отнесены слова, имеющие четкие лексико-грамматические признаки и таким образом обособившиеся от других частей речи (например, *هرگز* *hargez* 'никогда', *ناگهان* *nāgahān* 'вдруг', 'неожиданно', *برایگان* *berāyegān* 'даром', 'бесплатно', *رسمًا* *rasman* 'официально'). Вторую, более многочисленную группу составляют омонимические наречия — имена существительные, прилагательные, причастия и т.д., которые, адвербиализуясь, способны переходить в собственно наречия. Они находятся на разных стадиях адвербиализации. По мнению Н.В.Хрисанова, эти слова не стали полностью наречиями — омонимами исходных слов, а только находятся на пути превращения в таковые (там же, с. 9).

Критерием для перехода прилагательных в наречия служит резкое изменение ими своего основного значения. В результате «семантического взрыва» образуются новые слова — наречия. Примером такого рода семантико-грамматических преобразований являются слова *پاک* *pāk* 'чистый' → 'совсем', 'целиком', 'полностью', *تازه* *tāze* 'свежий', 'новый' → 'только что', 'совсем недавно': *اسمعیل در زندگی خیلی بد آورده بود* *Esmāil dar zendegi xeyli bad āvarde bud va in avāxer ham pāk bikār šode bud* 'Исмаилу в жизни очень не везло, к тому же в последнее время он стал полностью безработным'; *اکنون پاک او را فراموش کرد* *Aknun pāk u-rā fa-rāmuš kard* 'Теперь она совсем забыла ее'; *درست به مانند کودکی که تازه حرف*

«خیلی ممنونم» *Dorost be mānand-e kudak-i-ke tāze harf zadan-rā farā-gerefte bud labxandzanān goftam*: «Хейли мамнун-ам» 'Подобно ребенку, который только что научился говорить, я, улыбаясь, произнес: «Очень вам благодарен»'.

По сравнению с другими лексико-грамматическими классами слов персидские наречия выделяются своей семантикой, структурными и словообразовательными признаками, синтаксическими функциями. К числу наиболее существенных грамматических признаков, свойственных наречиям, можно отнести следующие.

1. Наречия выступают в предложении в роли обстоятельств (времени, места, образа действия, меры): امروز سرد است *Emruz sard ast* 'Сегодня холодно'; او را همه جا جستجو می کردیم *U-rā hamejā jostojū mikardim* 'Мы искали его повсюду'; به آسانی منزلش را پیدا کردم *Beāsāni manzel-aš-rā peydā kardam* 'Я легко нашел его квартиру'.

2. Наречия не способны сочетаться с другими словами посредством изафета; предлоги в адвербиальных сочетаниях в большинстве случаев превращаются в префиксы. Особо следует подчеркнуть, что наречия никогда не употребляются в роли первого члена атрибутивных словосочетаний.

3. Наречиям не свойственны степени сравнения. В то же время некоторые прилагательные в форме сравнительной степени, приобретая адвербиальное значение, нередко отличающееся от основного значения прилагательного, могут выступать в качестве наречий, например: کمتر *kamtar* 'меньше' приобретает новое значение 'редко'. Иногда форма сравнительной степени прилагательного выступает в составе устойчивых словосочетаний, образующих фразеологические наречия: هر چه بیشتر *har če bištar* 'как можно больше', هر چه زودتر *har če zudtar* 'как можно быстрее', هر چه بهتر *har če behtar* 'как можно лучше'.

4. Ряд наречий характеризуется особыми словообразовательными показателями и словообразовательной структурой. Так, наречия могут быть образованы путем прибавления к прилагательным префикса به *be-* и ударного суффикса *-i* — مصدری *yā-ye masdari* (به آسانی *beāsāni* 'легко' из آسان *āsān* 'легкий'; بزودی *bezudi* 'вскоре', 'быстро', 'поспешно' из زود *zud* 'ранний', 'рано', 'быстро'; بروشنی *berowšani* 'ясно' из روشن *rowšan* 'светлый', 'ясный'), путем прибавления суффикса *-aki* к существительным или прилагательным (زورکی *zuraki* 'насильно' из زور *zur* 'сила', 'мощь'; هولکی *howlaki* 'поспешно' из هول *howl* 'спешка', 'поспешность'; یavaşکی *yavāšaki* 'тихо', 'украдкой' из یavaş *yavās* 'медленный', 'тихий').

В отдельных случаях наречия образуются путем прибавления префикса به *be-* к существительным: بتدریج *betadrij* 'постепенно' (تدریج *tadrij* 'постепенность'); بجرأت *bejor'at* 'смело' (جرأت *jor'at* 'смелость').

Характерным структурным признаком большинства наречий, заимствованных из арабского языка, является наличие в конце «танвин-фатхи» (أ) فوراً *fowran* 'срочно', کاملاً *kāmelan* 'полностью', حقیقتاً *haqiqatan* 'действительно'.

2. Структурные типы наречий и способы их образования

Количество собственно наречий, полностью обособившихся от других частей речи, сравнительно невелико. Кроме того, многие слова способны выступать (независимо от их исторического происхождения) одновременно и как существительные, прилагательные или наречия, например: بالا *bālā* 'верх', 'верхний', 'наверху', 'высоко'; پایین *pāyin* 'низ', 'нижний', 'внизу', 'книзу'; خوب *xub* 'хороший', 'хорошо'; درست *dorost* 'правильный', 'верный', 'правильно', 'верно'.

Рассмотрим основные типы наречий в зависимости от способа их образования и происхождения.

1. Слова, не имеющие никаких специальных адвербиальных признаков (ни словообразовательных, ни структурных), но являющиеся наречиями по своему синтаксическому использованию и семантике: اکنون *aknun* 'теперь', 'в настоящее время', همیشه *hamiše* 'всегда', 'постоянно', همواره *hamvāre* 'постоянно', اینک *inak* 'итак', 'и вот', 'теперь', هنوز *hanuz* 'еще не', 'все еще', سپس *sepas* 'затем', 'потом', 'после', بعد *ba'd* 'затем', 'потом' и т.д.

Среди наречий этого типа выделяются как простые, непроеизводные слова, так и производные, а также слова сложные и сложнопроизводные: چهارچشمی *čahārčešmi* 'пристально', 'зорко', چهاردستی *čahārdasti* 'поспешно', 'быстро', چهاردست وپا *čahārdastopā* 'на четвереньках', زیرچشمی *zirčešmi* 'исподлобья' и т.д.

К этому же типу относятся все местоименные наречия: اینجا *ānjā* 'там', اینجا *injā* 'здесь', کجا? *kojā?* (разг. کو? *ku?*) 'где?', هرگز *hargez* 'никогда', 'когда-нибудь' и т.д.

Некоторые из наречий этого типа могут употребляться с предлогами, несколько изменяя свое значение: برای همیشه *barāye hamiše* 'навсегда', از هم اکنون *az hamaknun* 'уже теперь', 'уже сейчас', از کنون *az konun* 'с этого времени', 'отныне'.

2. Наиболее ярко адвербиальные свойства обнаруживаются у наречий, заимствованных из арабского языка. Эти свойства проявляются в том, что все наречия этого типа имеют более или менее четкую структуру, не употребляются с предлогами, никогда не вступают в изафетную связь ни с предшествующим, ни с последующим словом. А.К.Арендс, отрицавший наличие наречий иранского происхождения в персидском языке, признавал наречиями только арабские заимствования в виде застывших косвенных падежей [Арендс 1941, с. 73].

Здесь выделяются два подтипа наречий.

1) Наречия, оканчивающиеся на «танвин-фатху» (ـَ). Эти арабские заимствования представляют собой слова, имеющие в конце суффикс *أ-an* — окончание винительного падежа в арабском языке. Этот суффикс имеет также значение показателя наречий в арабском языке [Рауфова 1969, с. 6–7]. В персидском же языке эта морфема выступает только как суффикс, используемый для образования наречий от арабских прилагательных, причастий, существительных: سریعاً *sari'an* 'быстро',

¹ Знак «танвин-фатху» ставится над алефом: فوراً *fowran* 'срочно', 'быстро'. Кроме того, его можно встретить в чисто арабских словах над буквой ة *tā-ye marbuta*: كلياً *kolliyatan* 'полностью', نسبتاً *nesbatan* 'относительно'.

‘скоро’ (سريع *sari* ‘быстрый’, ‘скорый’); مفصلاً *mofassalan* ‘подробно’ (مفصل *mofassal* ‘подробный’); وسيعاً *vasi’an* ‘широко’ (وسيع *vasi* ‘широкий’); رسماً *rasman* ‘официально’ (رسم *rasm* ‘обычай’, ‘правило’); احتراماً *ehterāman* ‘с уважением’ (احترام *ehterām* ‘уважение’) и т.д. Возможно также образование наречий от арабских прилагательных в форме превосходной степени: اقلأ *aqallan* ‘по меньшей мере’, ‘минимально’ (اقل *aqall* ‘наименьший’, ‘самый меньший’); اكثرأ *aksaran* ‘большей частью’, ‘преимущественно’ (اكثر *aksar* ‘наибольший’, ‘самый большой’). В арабском языке подобные формы невозможны. Как видно из приведенных примеров, образование наречий с помощью суффикса ا -an нередко сопровождается изменением основного значения слова.

Свидетельством большой ассимилированности суффикса ا -an персидским языком является использование его для образования наречий от основ иранского и европейского происхождения²: زباناً *zabānan* ‘устно’, ‘словесно’, ‘с помощью языка’ (زبان *zabān* ‘язык’, ‘речь’); زوراً *zuran* ‘насильно’, ‘силой’ (زور *zur* ‘сила’); نژاداً *nežādan* ‘по происхождению’ (نژاد *nežād* ‘раса’, ‘род’, ‘происхождение’); تلفناً *telefonan* ‘по телефону’; تلگرافاً *telgerāfan* ‘телеграфом’; پستاً *postan* ‘по почте’ и т.д.

В печатных текстах «танвин» иногда опускается, но его следует произносить. Вместе с тем необходимо отметить, что в некоторых словах «танвин» может опускаться не только в написании, но и в произношении: ср., например, слова ابدأ *abadan* и ابدآ *abadā* ‘никогда’, ‘ни в коем случае’, مطلقاً *motlaqan* и مطلقآ *motlaqā* ‘безусловно’, اصلاً *aslan* и اصلا *aslā* ‘совсем’, ‘совершенно’. Употребление этих слов без «танвина» закрепилось в языке и фиксируется в словарях³.

2) Наречия, представляющие собой арабские предложно-именные сочетания. Большинство из них имеет перед именем артикль ال *al-*: على الخصوص *alalxosus* ‘особенно’, على الاتصال *alalettesāl* ‘беспрерывно’, ‘непрерывно’, على السويه *alassaviyye* ‘поровну’, ‘безразлично’, على الاجمال *alalejmāl* ‘сокращенно’, ‘вкратце’, على الدوام *aladdavām* ‘постоянно’, ‘непрерывно’, بالاتفاق *belettefāq* ‘сообща’, ‘совместно’, بالاجبار *belejbār* ‘вынужденно’, ‘поневоле’, عندالامكان *endalemkān* ‘по возможности’, فى الجملة *feljomle* ‘вкратце’, فى الحال *felhāl* ‘тотчас же’, فى الفور *felfowr* ‘срочно’, عنقرب *angarib* ‘вскоре’, ‘в скором времени’, حسب الامر *hasbolamr* ‘по приказу’, حسب الاجازه *hasbolejāze* ‘по разрешению’, حسب الاراده *hasbolerāde* ‘по воле’, ‘по желанию’ и т.д.

По характеру своего употребления наречия второго подтипа, как правило, относятся к книжному стилю речи, а с точки зрения морфологической структуры должны рассматриваться как непроеизводные слова, ибо входящие в их состав первые компоненты не могут быть выделены как самостоятельные морфемы. В этом подтипе наречий нет образований, которые были бы созданы в персидском языке.

3. Наречия, образованные путем присоединения к прилагательным префикса به *be-* совместно с ударным суффиксом ي *-i masdari* (ياى مصدرى *yā-ye masdari*) или только

² Многие иранские ученые считают неправильным использование суффикса ا -an после такого рода основ.

³ От случаяв пропуска «танвина» в некоторых арабских словах следует отличать наречие حالا *hālā* ‘теперь’, ‘сейчас’, заимствованное в такой форме из арабского языка, и образованное от того же корня наречие с «танвин-фатхой» حالآ *hālan* ‘по состоянию’ (حالا جطور ايد؟ *Hālan četowr-id?* ‘Как вы себя чувствуете?’). В персидском языке это два самостоятельных слова с разными значениями.

префикса به *be-* к существительным: بزودي *bezudi* ‘вскоре’, ‘быстро’, بخوبی *bexubi* ‘хорошо’, بروشنی *berowšāni* ‘ясно’, بتازگی *betāzegi* ‘недавно’, بکندی *bekondi* ‘медленно’, بتفصیل *betafsil* ‘подробно’, بجرات *bejor‘at* ‘смело’, بتدریج *betadrij* ‘постепенно’, بغایت *beqāyat* ‘весьма’, ‘очень’.

В отдельных случаях вместо به *be-* может употребляться префикс با *bā-*: بزور *bezur* и بازور *bāzur* ‘насильно’, بزحمت *bezahmat* и بازحمت *bāzahmat* ‘с трудом’, بشتاب *bešetāb* и باشتاب *bāšetāb* ‘быстро’, ‘поспешно’. Естественно, что такого рода сочетания являются менее слитными, чем предыдущие. Это дает основание некоторым исследователям рассматривать их как сочетания предлогов с существительными в адвербиальной функции.

Некоторые слова имеют адвербиальное значение (наряду, например, с адъективным) и без предлога به *be*, но благодаря предлогу приобретают более четкое адвербиальное значение, которое становится единственным: ср. ناچار *nāčār* ‘вынужденный’, ‘вызываемый необходимостью’, ‘волей-неволей’, ‘поневоле’, ‘вынужденно’ и بناچار *benāčār* ‘волей-неволей’, ‘поневоле’, ‘вынужденно’; ناحق *nāhaqq* ‘несправедливый’, ‘незаконный’, ‘несправедливость’, ‘неправда’, ‘ложь’, ‘несправедливо’, ‘незаконно’, ‘неоправданно’, ‘необоснованно’ и بناحق *benāhaqq* ‘несправедливо’, ‘незаконно’, ‘неоправданно’, ‘необоснованно’. Все сочетания с предлогом имеют только наречное значение.

4. Наречия, представляющие собой словесные комплексы — сочетания прилагательного или существительного с предлогом (кроме предлога به *be*). При этом степень слитности компонентов у таких предложно-именных сочетаний может быть различной. Наиболее слитными из них являются те сочетания, которые утратили прямую смысловую связь между компонентами: ازبر *azbar* ‘наизусть’, ازبیخ *azbix* ‘в корне’, ‘совсем’, ‘основательно’, ازنو *aznow* ‘снова’, درحال *darhāl* ‘немедленно’, ‘тотчас’, ازقضا *azqazā* ‘случайно’, درزمان *darzamān* ‘немедленно’, ‘тотчас’, درساعت *darsāat* ‘тотчас’, ‘сейчас же’, درسابق *darsābeq* ‘раньше’, ‘прежде’, درواقع *darvāqe* ‘действительно’, ‘в самом деле’. По существу, предлог в составе таких комплексов превратился в словообразовательную морфему-префикс, утратив свое значение и возможность замены на другой синонимичный предлог. В других случаях сочетание предлога с прилагательным (или с прилагательным-наречием) представляется менее слитным, но получает четкое адвербиальное значение: از دور *az dur* ‘издалека’, در همه جا *dar hamejā* ‘всюду’, ‘повсюду’. Без предлога такие слова, как دور *dur* ‘далекий’, ‘далеко’, همه جا *hamejā* ‘всюду’, ‘повсюду’, ‘повсеместный’, обладают одновременно значениями прилагательного и наречия, т.е. предлог сообщает слову более четкое лексико-грамматическое значение наречия. По своей морфологической структуре такие сочетания занимают промежуточное положение между производным словом и устойчивым сочетанием служебного слова со знаменательным.

5. Наречия, образованные суффиксальным способом, не получили большого распространения. Кроме того, суффиксы, используемые для их образования, создают такие слова, которые часто имеют также значение прилагательных. Так, суффикс کی *-aki* образует наречия от существительных (а иногда и от прилагательных), и образованные им слова чаще употребляются в разговорном языке: دزدکی *dozdaki* ‘незаметно’, ‘скрытно’, ‘украдкой’ (دزد *dozd* ‘вор’); زورکی *zuraki* ‘насильно’, ‘силой’ (زور *zur* ‘сила’); هولکی *howlaki* ‘поспешно’, ‘торопливо’ (هول *howl* ‘спешка’,

‘поспешность’); *yavāšaki* ‘тихо’, ‘медленно’, ‘украдкой’; *moftaki* ‘на даровщинку’, ‘задаром’; *zirlabaki* ‘шепотом’, ‘неясно’, ‘невнятно’. У некоторых наречий, образованных с помощью суффикса *کی -aki*, наблюдается редупликация основы: *زورزورکی zurzuraki* ‘насильно’, ‘силой’; *پس پسکی paspasaki* ‘пя-тятьсь’, ‘задом’; *هول هولکی howlhowlaki* ‘поспешно’, ‘торопливо’; *یواش یواشکی yavāšiyavāšaki* ‘постепенно’, ‘мало-помалу’, ‘медленно-медленно’; *لوس لوسکی luslusaki* ‘льстиво’, ‘подхалимски’; *نرم نرمکی narmnarmaki* ‘мягко’, ‘нежно’, ‘постепенно’, ‘медленно’. Наречия с редуплицированной основой. по сравнению с наречиями, основа которых не редуплицирована, получают некоторое усиление, но их значение может и не изменяться (см. примеры выше).

Из других суффиксов, образующих наречия, отметим суффиксы *ان -ān* и *وار -vār*.

Суффикс *ان -ān* образует наречия со значением времени и присоединяется к именам существительным с тем же лексическим значением: *بامدادان bāmdādān* ‘утром’, ‘на рассвете’, *شامگاهان šāmgāhān* ‘вечером’, ‘в вечернее время’, *صبحگاهان sobhgāhān* ‘утром’, *نوبهاران nobbahārān* ‘ранней весной’. По существу имена существительные без этого суффикса имеют также адвербиальное значение времени, прибавление суф. *ان -ān* только усиливает его и свидетельствует о том, что они уже не обладают субстантивным значением.

Суффикс *وار -vār*, сообщающий значение сходства и подобия, образует слова, которые иногда имеют лексико-грамматическое значение не только наречий, но и прилагательных: *برادروار barādarvār* ‘братски’, ‘по-братски’, ‘сердечно’, ‘дружески’; *بندوار bandevār* ‘рабски’, ‘по-рабски’; *طوطوی tutivār* ‘как попугай’, ‘похожий на попугая’. И все же сфера использования слов с суф. *وار -vār* в адъективной функции более ограничена. В функции прилагательного они обычно употребляются после существительных, которые обозначают действие, процесс: *جهش شیروار jehš-e širvār* ‘львиный прыжок’. В известной степени суф. *وار -vār* по лексико-грамматическому значению, сообщаемому слову, приближается к суффиксу *انه -āne*, обладающему адвербиальным и адъективным значением: *دوستانه dustāne* ‘дружески’, ‘по-дружески’, ‘дружеский’; *داوطلبانه dāvṭalabāne* ‘добровольно’, ‘добровольный’; *آزادانه āzādāne* ‘свободно’, ‘непринужденно’, ‘свободный’, ‘непринужденный’; *برادرانه barādarāne* ‘братски’, ‘по-братски’, ‘братский’.

6. Наречия, представляющие собой сочетание количественного числительного (чаще всего числительного *یک yek* ‘один’) с существительным: *یکدل yekdel* ‘единодушно’, *یکخorde yekxorde* ‘немного’, *دوباره dobāre* ‘вторично’, ‘снова’, *دومرتبه domartabe* ‘опять’, ‘повторно’, *یکسره yeksare* ‘прямо’, ‘непосредственно’, ‘сразу’, *یکهرا yekhavā* ‘чуть-чуть’, ‘немножко’, *چهارزانو čahārzānu* ‘скрестив ноги’ (*сидячая поза*). Данная модель словообразования не является четко адвербиальной, поскольку таким же способом могут быть образованы слова с адъективным значением.

7. Наречия, образованные путем повторов. Редупликации чаще всего подвергаются качественные прилагательные, употребляемые и как наречия. При повторе, который по характеру объединения и слитности между словами ничем не отличается от словосложения, образовавшееся сочетание, во-первых, обладает *только* адвербиальным значением (ср. *آهسته āheste* ‘тихий’, ‘медленный’, ‘тихо’, ‘медленно’ и *آهسته آهسته āhesteāheste* ‘тихо’, ‘медленно’) и, во-вторых, выражает значение

интенсивности протекания действия⁴ (زودزود *zudzud* ‘очень рано’, ‘очень быстро’, بلندبلند *bolandboland* ‘высоко-высоко’, يواش يواش *yavāšyavāš* ‘тихо-тихо’, ‘медленно-медленно’, کم کم *kamkam* ‘понемногу’, سفت سفت *seftseft* ‘крепко-накрепко’, ‘очень прочно’, کند کند *kondkond* ‘очень медленно’).

К повторам прилагательных примыкают повторы причастий прошедшего времени: رفته رفته *rafterafte* ‘постепенно’, ‘мало-помалу’ (رفته *rafte* — причастие прош. вр. от гл. رفتن *raftan* ‘идти’, ‘ехать’, ‘уходить’, ‘уезжать’); جویده جویده *javidejavide* ‘невнятно’, ‘шамкая’ (جویده *javide* — причастие прош. вр. от гл. جویدن *javidan* ‘жевать’, ‘грызть’); بسته بسته *jastejaste* ‘мало-помалу’, ‘постепенно’, ‘понемногу’ (بسته *jaste* — причастие прош. вр. от гл. بستن *jastan* ‘прыгать’); بریده بریده *borideboride* ‘отрывисто’, ‘прерывисто’ (بریده *boride* — причастие прош. вр. от гл. بریدن *boridan* ‘резать’, ‘отрезать’, ‘отрубать’). Редупликация сообщает причастиям прош. вр. новое лексическое и адвербиальное значение.

Особо следует выделить редуплицированные формы причастий настоящего времени, оканчивающихся на суф. ان *-ān*: в этом случае они в отличие от нередуплицированных форм часто получают только адвербиальное значение. Так, ср. دوان *davān* ‘бегом’, ‘быстро’, ‘бегущий’ и دوان دوان *davāndavān* ‘быстро’, ‘бегом’; غلتان *qaltān* ‘катящийся’, ‘перекатывающийся’, ‘круглый’, ‘шарообразный’ и غلتان غلتان *qaltānqaltān* ‘катясь’, ‘перекатываясь’, ‘переворачиваясь’; پرسان *porsān* ‘спрашивающий’, ‘спрашивая’ и پرسان پرسان *porsānporsān* ‘спрашивая’; خرامان *xerāmān* ‘грациозный’, ‘изящный’, ‘легкий’, ‘плавный’ и خرامان خرامان *xerāmānxerāmān* ‘грациозно’, ‘изящно’, ‘плавно’, ‘величаво’; خزان *xazān* ‘ползущий’, ‘ползком’ и خزان خزان *xazānxazān* ‘ползком’.

В отдельную группу можно выделить редуплицированные формы причастий, оканчивающихся на суф. ان *-ān* и не имеющих одиночного употребления: они обладают только адвербиальным значением: کشان کشان *kešānkešān* ‘волоком’ (от гл. کشیدن *kešidan* ‘тянуть’, ‘тащить’); شان شان *šalānšalān* ‘хромая’, ‘ковыляя’ (от гл. شلیدن *šalidan* ‘хромать’, ‘прихрамывать’).

Все перечисленные редуплицированные формы причастий наст. вр. на ان *-ān*, отличающиеся от одиночных причастий на ان *-ān* лексико-грамматическим значением, до сих пор не включались в толковые и переводные словари персидского языка как самостоятельные лексические единицы. Но по всем своим признакам эти формы наречий должны регулярно отражаться в персидских словарях.

При повторении форм причастий наст. вр. встречаются случаи усечения окончания ان *-ān* у первого элемента, что свидетельствует о полном переходе данного сочетания в сложное слово: خندان خندان *xandānxandān* → خندخندان *xandxandān* ‘смеясь’; غلتان غلتان *qaltānqaltān* → غلت غلتان *qaltqaltān* ‘катясь’, ‘перекатываясь’; جنبان جنبان *jombānjombān* → جنب جنبان *jombjombān* ‘двигаюсь’, ‘передвигаюсь’; لرزان لرزان *larzānlarzān* → لرزلرزان *larzlarzān* ‘трясаясь’, ‘дрожа’; کشان کشان *kešānkešān* → کش کشان *keškešān* ‘волоком’.

⁴ Ср. также использование повторов как средства для интенсификации значения качественных прилагательных; в этом случае после первого слова употребляется изафетный показатель: بزرگ بزرگ *bozorg-e bozorg* ‘большой-пребольшой’, قشنگ قشنگ *qašang-e qašang* ‘красивый-прекрасивый’, سبز سبز *sabz-e sabz* ‘зеленый-презеленый’.

Среди наречий-повторов особую группу составляют повторы имен существительных, обозначающих ограниченное количество людей, живых существ и т.п., например: دسته *daste* ‘группа’, ستون *sotun* ‘колонна’, قطره *qatre* ‘капля’, گله *galle* ‘стадо’. При повторе сочетание получает распределительное значение, нередко между сочетающимися словами может употребляться предлог به *be*. Поэтому такого рода сочетания обладают меньшей слитностью компонентов, чем рассмотренные выше повторы — сложные слова: دسته دسته *daste-daste* и دسته به دسته *daste-be-daste*; گروه گروه *goruh-goruh* и گروه به گروه *goruh-be-goruh* ‘группами’, ‘по группам’; ستون ستون *sotun-sotun* ‘колоннами’; گله گله *galle-galle* и گله به گله *galle-be-galle* ‘стадами’, ‘стаями’; قطره قطره *qatre-qatre* и قطره به قطره *qatre-be-qatre* ‘капля по капле’, ‘капля за каплей’. Распределительное значение повторов иногда осложняется значением постепенности, последовательности.

По характеру синтаксического использования и по смыслу к наречным повторам с распределительным значением очень близко стоят повторы количественных числительных, так называемые распределительные числительные: یک یک *yek-yek*, یک به یک *yek-be-yek*, یکایک *yekāyek* ‘по одному’, ‘поодиночке’, ‘один за другим’; دو دو *do-do*, دو به دو *do-be-do* ‘по два’; چهار چهار *čahār-čahār*, چهار به چهار *čahār-be-čahār* ‘по четыре’ и т.д.

Отдельно должны рассматриваться повторы (чаще всего с предлогом به *be*, превратившимся в интерфикс, или с интерфиксом | (*-ā-*), когда смысл словосочетания не соответствует значению повторяющегося компонента: سبیل به سبیل *sebil-be-sebil* ‘наедине’, ‘с глазу на глаз’ (سبیل *sebil* ‘усы’); پی در پی *peyāpey*, پی در پی *peydarpey* ‘бесперывно’, ‘все время’ (پی *pey* ‘ступня’, ‘след’).

Повторы с временным значением существительного выражают постепенное и последовательное проявление временного значения: زمان زمان *zamān-zamān* ‘временами’, ‘время от времени’; گاه گاه *gāh-gāh* ‘временами’, ‘иногда’; لحظه لحظه *lahze-lahze* ‘моментами’, ‘с каждым мигом’.

8. Наречия, образованные путем сочетания послелога را *-rā* с именами существительными (чаще всего со словами, имеющими временное значение): تابستان را *tābestān-rā* ‘летом’, پاییز را *pāyiz-rā* ‘осенью’, شبها را *šabhā-rā* ‘вечерами’. Выступая в роли обстоятельства времени, такие наречия могут выражать либо период, в течение которого происходило действие (تمام شب را پیش دوستم بودم) *Tamām-e šab-rā piš-e dust-am budam* ‘Весь вечер я был у своего друга’), либо момент, когда произошло действие (ظهر را به شهر رسیدند) *Zohr-rā be šahr rasidand* ‘К полудню они достигли города’).

Встречаются случаи образования наречий, когда имя существительное не имеет временного значения: قضا را *qazā-rā*, اتفاق را *ettefāq-rā* ‘случайно’, راستی را *rāsti-rā* ‘действительно’, ‘по правде’. Но употребление такого рода образований имеет книжный характер, и они не получили широкого распространения в современном персидском языке.

Рассмотрение случаев употребления послелога را *-rā*, особенно со словами невременного значения, свидетельствует о том, что употребление послелога را *-rā* носит не столько синтаксический характер (тогда бы не следовало рассматривать را *-rā* как показатель наречия), сколько морфолого-словообразовательный. По спо-

собу образования наречия с послелогом ر *-rā* напоминают предложно-именные наречия (см. п. 4, с. 295).

3. Наречия — фразеологические словосочетания

Среди устойчивых наречных словосочетаний выделяются два подтипа: 1) моделированные образования и 2) немоделированные образования. Особенностью фразеологизированных образований наречного типа является то, что они обладают только адвербиальным значением. Наибольшее распространение в современном персидском языке получил первый подтип — наречные моделированные образования.

3.1. Наречные моделированные образования

Эти образования строятся по схеме: «предлог *به* *be* + существительное + изафет + существительное или прилагательное». В качестве моделирующего компонента выступают такие существительные, как *طور* *towr* ‘способ’, ‘образ’, ‘манера’, *حد* *hadd* ‘мера’, ‘степень’, *نحو* *nahv* ‘образ’, ‘способ’, ‘манера’, *قدر* *qadr* ‘мера’, ‘величина’, и некоторые другие. Моделирующий компонент, частично ослабляя свое значение, выступает как формальный элемент, определяющий совместно с предлогом *به* *be* синтаксическую функцию всего словосочетания. При этом с каждым моделирующим компонентом может быть образована целая серия устойчивых словосочетаний. Переменный компонент, представленный прилагательным или существительным, несет на себе основную семантическую нагрузку наречия-фразеологизма.

Распространенность моделирующих компонентов неодинакова. Наиболее широкое употребление получили адвербиальные обороты со словом *طور* *towr*: *به طور رضایت بخش* *be towr-e rezāyatbaxš* ‘удовлетворительно’, *به طور دقیق* *be towr-e daqiq* ‘точно’, ‘аккуратно’, *به طور مخفی* *be towr-e maxfi* ‘тайно’, ‘секретно’, *به طور وضوح* *be towr-e vozuh* ‘ясно’, *به طور غیر مستقیم* *be towr-e qeyr-e mostaqim* ‘косвенно’, *به طور تصادف* *be towr-e tasādof* ‘случайно’, *به طور اجمال* *be towr-e ejmāl* ‘сокращенно’, *به طور استثنا* *be towr-e estesnā* ‘в виде исключения’, ‘как исключение’, *به طور بیسابقه* *be towr-e bisābeqe* ‘небывало’, ‘невиданно’, ‘беспрецедентно’ и т.д.

Более ограниченной валентностью обладают моделирующие компоненты *نحو* *nahv*, *حد* *hadd*, *قدر* *qadr*. Некоторые из них при образовании устойчивых наречных словосочетаний выступают как эквиваленты более употребительного моделирующего компонента — *طور* *towr*.

Слово *نحو* *nahv* может выступать в качестве эквивалентной замены слова *طور* *towr*: ср. *به نحو رضایت بخش* *be nahv-e rezāyatbaxš* и *به طور رضایت بخش* *be towr-e rezāyatbaxš* ‘удовлетворительно’, *به نحو پیگیر* *be nahv-e peygir* и *به طور پیگیر* *be towr-e*

peygir ‘последовательно’, ‘систематически’, ‘постоянно’, ‘настойчиво’, ‘упорно’, *به نحو احسن be nahv-e ahsan* и *به طور احسن be towr-e ahsan* ‘наилучшим образом’, ‘в самом лучшем виде’. Однако такая замена возможна не во всех случаях. Так, получили распространение словосочетания *به طور استثنا be towr-e estesnā* ‘وضوح وضوح be towr-e vozuh’ *به طور تصادف be towr-e tasādoḡ*, в которых слово *towr* не может быть заменено на слово *nahv*. В качестве переменных компонентов этих словосочетаний выступают существительные *استثنا estesnā* ‘исключение’, *وضوح vozuh* ‘ясность’, *تصادف tasādoḡ* ‘случайная встреча’, ‘случай’, ‘случайность’.

В соответствии со своим значением моделирующие компоненты *حد hadd* и *قدر qadr* вступают в сочетание с именами прилагательными и существительными, образуя адвербиальные фразеологические словосочетания: *به حد کمال be hadd-e kamāl* ‘в совершенстве’, *به حد افراط be hadd-e efrāt* ‘в избытке’, ‘с излишеством’, ‘чрезмерно’, *به حد امکان be hadd-e emkān* ‘по мере возможности’, *به قدر امکان be qadr-e emkān* ‘по мере возможности’, *به قدر کافی be qadr-e kāfi* ‘в достаточной степени’, *به قدر مقدور be qadr-e maqdur* ‘по возможности’ и т.д. В отдельных случаях взаимозамена допустима и с этими моделирующими компонентами.

К наречным моделированным образованиям следует отнести устойчивые словосочетания, строящиеся по схеме «*هر چه har ċe* + прилагательное в сравнительной степени» («*هر چه har ċe* ‘что ни...’, ‘сколько ни...’): *هر چه زودتر har ċe zudtar* ‘как можно раньше’, ‘как можно быстрее’, *هر چه بیشتر har ċe bištār* ‘как можно больше’, *هر چه بهتر har ċe behtar* ‘как можно лучше’, *هر چه تمامتر har ċe tamāmtar* ‘как можно полнее’. В качестве моделирующего компонента в данном адвербиальном фразеологизме выступает словосочетание *هر چه har ċe*.

По характеру образования к моделированным фразеологическим словосочетаниям приближаются устойчивые наречные словосочетания, образованные с участием отыменных предлогов ... *روی ru-ye* ‘на’, ‘по’, ‘согласно’, ... *حسب hasb-e* ‘согласно’. Они строятся по схеме «собственно предлог + отыменный предлог + существительное». С отыменным предлогом ... *روی ru-ye* сочетается собственно предлог *از az*, с отыменным предлогом ... *حسب hasb-e* — предлоги *به be* или *بر bar*: *از روی اتفاق az ru-ye etteḡāq* ‘случайно’, *از روی انصاف az ru-ye ensāḡ* ‘по справедливости’, *از روی حق az ru-ye haqq* ‘по праву’, ‘справедливо’, ‘беспристрастно’, *بر حسب امکان bar hasb-e emkān* ‘по возможности’, *به حسب اتفاق be hasb-e etteḡāq* ‘случайно’.

В персидском языке постоянно растет количество моделированных образований разной структуры, в том числе адвербиальных моделированных образований. Так, на основе сложных предложений с придаточными определительными образовалась серия устойчивых оборотов, имеющих форму незавершенных придаточных определительных предложений⁵. Они строятся по схеме «предлог *به be* + существительное с выделительным артиклем + союз *که ke* + 3-е лицо ед. числа глагола-связки (либо гл. *بودن budan*, или *شدن šodan*)». При этом глагол-связка представлен формой *هست hast* ‘есть’, ‘имеется’, гл. *بودن budan* ‘быть’ — формами *باشد bāšad* ‘будет’ или *بود bud* ‘был’, гл. *شدن šodan* ‘становиться’ — формой причастия прош. вр. *شده šode*, а имя существительное — словами *وسيله vasile* ‘способ’, ‘средство’, *طور*

⁵ Анализ и описание такого рода устойчивых оборотов см. в статье [Рубинчик 1963].

towr ‘способ’, ‘образ’, نحو *nahv* ‘образ’, ‘способ’, ‘манера’, قیمت *qeymat* ‘цена’. Наличие союза که *ke* факультативно. Общее значение таких фразеологизированных словосочетаний приблизительно одинаково: это крайняя степень желательности, необходимости что-либо выполнить, осуществить: به هر وسیله ای (طوری، نحوی، که باشد (هست، بود، شده) *be har vasile-i (towr-i, nahv-i, qeymat-i) ke bāšād (hast, bud, šode)* ‘любым способом’, ‘любой ценой’, ‘во что бы то ни стало’. Например: هر طوری شده این کار را باید انجام داد *Har towr-i šode in kār-rā bāyad anjām dād* ‘Это дело необходимо во что бы то ни стало выполнить’.

3.2. Наречные немоделированные образования

Второй подтип наречий-фразеологизмов представлен устойчивыми немоделированными образованиями. Если моделированные образования с моделирующим компонентом по семантическим отношениям между компонентами в какой-то степени напоминают аналитические конструкции, то собственно фразеологизмы с наречным значением имеют индивидуальную структуру, а значение — либо полностью немотивированное, либо мотивированное частично: از بن دندان *az bon-e dandān* ‘покорно’, ‘послушно’ (букв. ‘из корня зуба’); با تمام دو *bā tamām-e dow* ‘во весь опор’, ‘во весь карьер’ (букв. ‘во весь бег’); به همین زودیها *be hamin zudihā* ‘в самое ближайшее время’, به زودی *be zudi-ye zud* ‘очень скоро’, ‘в ближайшее время’ (زودی *zudi* ‘скорость’, زود *zud* ‘ранний’); در یک چشم برهم زدن *dar yak cešm bar ham zadan* ‘в один миг’, ‘в мгновение ока’ (یک *yek* ‘один’, چشم *češm* ‘глаз’, برهم زدن *bar ham zadan* ‘приводить в беспорядок’); در این نزدیکیها *dar in nazdikhā* ‘поблизости’, ‘на близком расстоянии’, ‘в ближайшее время’, ‘совсем недавно’ (این *in* ‘этот’, نزدیکیها *nazdikhā* ‘около’, ‘незадолго до’).

Включение в состав наречий устойчивых адвербиальных словосочетаний мотивируется отсутствием четких морфологических и словообразовательных признаков у персидских наречий, наличием большого количества наречных моделированных словосочетаний, близких по взаимоотношению между компонентами к аналитическим конструкциям. Признавая возможность включения в состав наречий как самостоятельной части речи одних разновидностей устойчивых словосочетаний, нельзя игнорировать другую часть — немоделированные фразеологические единицы, обладающие только адвербиальным значением. Использование фразеологизмов в роли наречий нуждается в дальнейшем изучении.

4. Классификация наречий по значению

Наречия в зависимости от семантических взаимоотношений с действием или признаком, с которыми они соотносятся, подразделяются на две большие группы: наречия определительные и обстоятельственные. Дальнейшее деление внутри групп связано с конкретными значениями наречий.

4.1. Определительные наречия

Эти наречия характеризуют действие или признак со стороны качества, количества или способа совершения действия и подразделяются на наречия образа действия и наречия меры и степени.

4.1.1. Наречия образа действия

Они объединяются общей качественной характеристикой действия или признака. Они определяют действие или качество, внося в него новые оттенки значений. Иногда они могут обозначать способ осуществления действия. Наречия образа действия составляют значительную часть адвербиальной лексики и отвечают на вопросы? *چطور? četowr?* ‘как?’, *چگونه? čegune?*, *به چه وسیله? be če vasile?* ‘каким образом?’. По структуре к наречиям образа действия относятся простые, производные и сложные слова и фразеологические словосочетания: *فی الجملة feljomle* ‘вкратце’, *فی الفور felfowr* ‘срочно’, *بشادی bešādi* ‘весело’, *بخوبی bexubi* ‘хорошо’, *از قضا azqazā* ‘случайно’, *بروشنی berowšani* ‘ясно’, *بدو bedow* ‘бегом’, *سریعا sari'an* ‘быстро’, ‘срочно’, *رسماً rasman* ‘официально’, *اتفاقاً ettefāqan* ‘случайно’, *على الخصوص alalxosus* ‘особенно’, *چهار دست و پا čahārdastopā* ‘на четвереньках’, *زیر چشم zirčešm* ‘исподлобья’, *پس پسکی paspasaki* ‘пятак’, ‘задом’, *بریده بریده borideboride* ‘отрывисто’, ‘прерывисто’, *دوان دوان davāndavān* ‘бегом’, ‘быстро’, *باشد ای که باشد be har vasile-i-ke bāšad* ‘любим способом’, ‘любой ценой’, ‘во что бы то ни стало’, *به طور رضایت بخش be towr-e rezāyatbaxš* ‘удовлетворительно’, *به نحو پیگیر be nahv-e peygir* ‘последовательно’, ‘систематически’, ‘постоянно’, ‘настойчиво’, *از روی انصاف az ru-ye ensāf* ‘по справедливости’, *به زودی زد be zudi-ye zud* ‘очень скоро’, ‘в ближайшее время’, *از بن دندان az bon-e dandān* ‘покорно’, ‘послушно’ и т.д.

Главной синтаксической функцией наречий этого типа является выполнение роли обстоятельства образа действия при глаголе-сказуемом: *وقت خود را بشادی گذراند Vaqt-e xod-rā bešādi gozarānd* ‘Он весело провел время’; *رسماً به شما می گویم Rasman be šomā miguyam* ‘Я вам официально говорю’. Несколько реже эти наречия можно встретить в роли обстоятельства при определении: *حقیقتاً صمیمانه haqiqatan samimāne* ‘по-настоящему сердечный’, *بناحق فراموش شده benāhaqq farāmušode* ‘несправедливо забытый’.

4.1.2. Наречия меры и степени

Эти наречия обозначают количество, меру, степень, интенсивность проявления того или иного действия или признака и отвечают на вопросы: *چقدر? čeqadr?* ‘сколько?’, ‘насколько?’, *تا چه اندازه? tā če andāze?* ‘в какой мере?’, ‘в какой степени?’. Этот тип наречий представлен меньшим количеством слов и охватывает разные морфологические структуры, но наибольшее распространение имеют простые и производные слова: *بیش biš* ‘больше’, ‘чаще’, ‘дольше’, *بمراتب bemarāteb* ‘значительно’, ‘гораздо’, *چندان čandān* ‘столько’, ‘настолько’, *خیلی xeyli* ‘очень’, *یکخorde yekxorde* ‘немного’, ‘чуть-чуть’, *کاملاً kāmela* ‘полностью’, ‘совсем’, *اصلاً aslan* ‘отнюдь’, ‘нисколько’, ‘совсем’, ‘совершенно’ (в отрицательных предложениях), *بس*

bas ‘достаточно’, ‘много’, زوج زوج *zowjzowj* ‘парами’, گروه گروه *goruhgoruh* ‘группами’, تقريباً *taqriban* ‘приблизительно’ и т.д.

Наречиям меры и степени свойственны те же функции, что и наречиям образа действия, но в отличие от последних они чаще сочетаются с прилагательными: زياد بمراتب *bemarāteb ziyād* ‘чрезвычайно много’, كاملاً روشن *kāmelan rowšan* ‘совершенно ясный’, چندان قوي *čandān qavi* ‘настолько сильный’.

4.2. обстоятельственные наречия

Эти наречия служат для характеристики внешних условий совершения действия и проявления признака и являются выразителями пространственных, временных и целевых отношений, связанных с действием. Семантически обстоятельственные наречия подразделяются на наречия места, наречия времени и наречия причины.

4.2.1. Наречия места

Эти наречия указывают на место или направление совершения действия и отвечают на вопросы: كجا؟ *kojā?* (؟ در كجا *dar kojā?*) ‘где?’, كجا؟ *kojā?* (؟ به كجا *be kojā?*) ‘куда?’ и از كجا؟ *az kojā?* ‘откуда?’. К ним в основном относятся так называемые местоименные наречия: اینجا *injā* ‘здесь’, آنجا *ānjā* ‘там’, كجا؟ *kojā?* ‘где?’, ‘куда?’, در همه جا *dar hamejā* ‘всюду’, ‘повсюду’, ‘езде’, از دور *az dur* ‘издалека’, ‘издали’, از دور و نزدیک *az dur-o nazdik* ‘повсюду’, ‘езде’.

4.2.2. Наречия времени

Эти наречия обозначают время, в которое совершается действие, и отвечают на вопросы: کی؟ *key?* ‘когда?’, از کی؟ *az key?* ‘с каких пор?’, تا کی؟ *tā key?* ‘до каких пор?’, گاه *gāhgāh* ‘временами’, ‘время от времени’, اکنون *aknun* ‘сейчас’, ‘теперь’, بزودی *bezudi* ‘вскоре’, ‘быстро’, ‘поспешно’, أحياناً *ahyānan* ‘иногда’, ‘временами’, امروز *emruz* ‘сегодня’, دیروز *diruz* ‘вчера’, دیشب *dišab* ‘вчера вечером’, حالا *hālā* ‘сейчас’, از قدیم *az qadim* ‘с давних пор’, از اکنون *az aknun* ‘отныне’, تا کنون *tā konun* ‘до сих пор’, ‘пока’, تا ابد *tā abad* ‘навечно’.

4.2.3. Наречия причины

Эти наречия указывают на причину совершения действия и отвечают на вопросы: چرا؟ *čerā?* ‘почему?’, به چه جهت؟ *be če jehat?* ‘по какой причине?’. Они составляют немногочисленную группу и нередко совмещают в себе причинное значение со значением качественного признака действия и целевым значением: ناچار *nāčār*, بنچار *benāčār* ‘волей-неволей’, ‘поневоле’, ‘вынужденно’, عمداً *amdan* ‘намеренно’, ‘умышленно’, ‘нарочно’, اتفاقاً *ettefāqan* ‘случайно’, از روی ریشخند *az ru-ye rišxand* ‘в насмешку’, قصداً *qasdan* ‘преднамеренно’, ‘умышленно’.

В синтаксическом плане обстоятельственные наречия места и времени обнаруживают много общего с определительными наречиями, поскольку так же часто

вступают в сочетание с глаголом-сказуемым. Вместе с тем в отличие от определительных наречий они менее тесно связаны с глаголом, к которому относятся.

Обстоятельственные наречия времени и места сочетаются не только с глаголом, но и с прилагательными и причастиями, употребляемыми в адъективной функции: همیشه شاد *hamiše šād* ‘всегда веселый’, أحياناً ناراضی *ahyānan nārāzi* ‘иногда недовольный’, از دور نمایان *az dur namāyān* ‘издали виднеющийся’. Наречия времени могут сочетаться с другими наречиями времени: دیروز بامداد *diruz bāmdād* ‘вчера рано утром’.

5. Местоименные наречия

Среди наречий обособленную группу составляют местоименные наречия, которые объединяют признаки наречий и местоимений. Они, подобно местоимениям, не обозначают признак действия, а только указывают на него. Семантически они входят в общие разряды наречий и служат для указания на различные обстоятельства или для постановки вопроса о них.

Местоименные наречия по своим функциям соотносятся с определительными и обстоятельственными наречиями и с местоимениями, а по морфологической структуре представлены простыми и сложными словами. Большинство сложных наречий образовалось из сочетаний различных видов местоимений с существительными, обладающими обобщенно-абстрактным значением: جا *jā* ‘место’, طور *towr* ‘способ’, ‘образ’, گونه *gune* ‘образ’, ‘способ’, ‘вид’, ‘род’, گاه *gāh* ‘время’, اینجا *injā* ‘здесь’, آنجا *ānjā* ‘там’, چطور؟ *četowr?* ‘как?’, ‘каким образом?’, آنگاه *āngāh* ‘тогда’, هیچگاه *hičgāh* ‘никогда’, ‘когда-либо’, هیچ طور *hičtowr* ‘никак’, ‘никоим образом’, هیچکجا *hičkojā*, هیچ جا *hičjā* ‘нигде’, ‘никуда’, هیچ وقت *hičvaqt* ‘никогда’, ‘когда-либо’ и т.д.

Некоторые слова, рассматриваемые обычно как местоименные наречия, обладают одновременно значением местоименных прилагательных: آنطور *āntowr* ‘так’, ‘таким образом’, ‘такой’, ‘такого рода’, چطور؟ *četowr?* ‘как?’, ‘каким образом?’, ‘какой?’, ‘какого рода?’, ‘что за?’, چگونه؟ *čegune?* ‘как?’, ‘каким образом?’, ‘какого рода?’, ‘какой?’. В качестве определений местоименные наречия находятся в позиции к определяемому слову: چگونه سیاستی را تعقیب می کنند؟ *Čegune siyāsati-i-rā ta ‘qib mikonand?* ‘Какую политику они проводят?’.

В качестве обстоятельств местоименные наречия примыкают чаще всего непосредственно к глаголу-сказуемому: کجا می روید؟ *Kojā miravid?* ‘Куда идете?’; من آنجا نبودم *Man ānjā nabudam* ‘Я там не был’; او را همه جا جستجو می کردند *U-rā hamejā jostoju mikardand* ‘Его повсюду искали’.

Как и местоимения, местоименные наречия можно разделить на несколько подразрядов.

1) Вопросительные: کجا؟ *kojā?* ‘где?’, ‘куда?’, کو؟ *ku?* ‘где?’, کی؟ *key?* ‘когда?’, چرا؟ *čera?* ‘почему?’, ‘отчего?’, چطور؟ *četowr?* ‘как?’, ‘каким образом?’, چگونه؟ *čegune?* ‘как?’, ‘каким образом?’.

Некоторые местоименные наречия при постановке вопроса могут иметь уточняющие предлоги: ؟ از کجا? *az kojā?* ‘откуда?’, ؟ کجا به *be kojā?* ‘куда?’, ؟ تا کجا? *tā kojā?* ‘до какого места?’, ؟ از کی? *az key?* ‘когда?’, ‘с какого времени?’, ؟ تا کی? *tā key?* ‘до каких пор?’, ‘до какого времени?’.

В отличие от کجا *kojā* вопросительное местоимение и наречие ؟ کو? *ku?* ‘где?’ свойственно разговорному стилю речи, оно относится к настоящему времени и употребляется в предложениях без глагола-связки 3-го лица ед. числа: پول کو? *Pul ku?* ‘Где деньги?’; ؟ کو اون دختر? *Ku un doxtar?* ‘Где та девушка?’.

2) Отрицательные: هرگز *hargez*, هیچگاه *hičgāh*, هیچ وقت *hičvaqt* ‘никогда’, کجا هیچ *hičkojā*, جا هیچ *hičjā* ‘нигде’, ‘никуда’, هیچ طور *hičtowr* ‘никак’, ‘никоим образом’.

3) Указательные: اینطور *intowr*, آنطور *āntowr* ‘так’, ‘таким образом’, ‘этак’.

4) Определительные: همیشه *hamiše* ‘всегда’, همه جا *hamejā* ‘всюду’, ‘езде’.

Глава одиннадцатая

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Для выражения отношения говорящего к явлениям действительности в языке существуют различные средства: наклонения глагола, порядок слов в предложении, интонация и т.п. К числу этих средств относятся и так называемые модальные слова, представляющие собой лексическое средство выражения модальности.

Поскольку модальные слова в грамматиках чаще всего рассматривают вместе с наречиями, не отграничивая их друг от друга, считаем целесообразным рассматривать их в отдельной главе, сразу вслед за наречиями.

1. Модальные слова, их значение и функции

Модальные слова отражают отношение говорящего к достоверности явлений и связей в окружающей нас действительности с точки зрения их вероятности, возможности и необходимости, а также эмоциональное отношение человека к явлениям и событиям в природе и обществе.

То, что обычно принято называть в грамматиках модальными словами, включает в себя не только отдельные слова (например, *ظاهراً zāheran* ‘внешне’, ‘формально’, ‘как будто’, ‘по-видимому’, *خوشبختانه xošbaxtāne* ‘к счастью’), но и устойчивые выражения (например, *خدا نخواسته xodā naxāste*, *خدا نکند xodā nakonad* ‘не дай Бог’).

Известно, что основным носителем модальности в предложении является глагол-сказуемое. Модальные слова служат для того, чтобы усилить, ограничить или уточнить модальные значения, выражаемые сказуемым. Они являются как бы вторичными выразителями модальности.

Слова этого класса не могут обозначать предметы, их признаки, не способны выполнять номинативную функцию, и этим они отличаются от слов знаменательных. Они также не могут обозначать связи и выражать отношения между предметами, их признаками и этим отличаются от слов служебных, т.е. от частиц речи.

Модальные слова, выражая в предложении отношение к высказываемой мысли, не являются членами предложения. Выделение модальных слов как особой части речи связано с русской грамматической традицией.

В грамматиках персидского языка модальные слова не выделяются в особую лексико-грамматическую категорию: их обычно рассматривают среди наречий и частиц. Однако от наречий модальные слова отличаются тем, что наречие относится к сказуемому предложения и, реже, к определению, тогда как модальные слова относятся ко всему предложению: *متاسفانه دیشب نتوانستم پیش شما بیایم* *Motaassefāne dišab natawānestam piš-e šomā biyāyam* 'К сожалению, вчера вечером я не смог прийти к вам'; *شاید به خانه آمده باشد* *Sāyad be xāne āmade bāšad* 'Возможно, он уже пришел домой'.

Модальным словам не свойственны какие-либо структурные или специфические морфологические и словообразовательные признаки, которые выделяли бы их среди других частей речи. Они лишь на синтаксическом уровне имеют свои особые характеристики. Многие модальные слова еще недостаточно отграничились от тех частей речи, от которых они происходят.

2. Источники пополнения модальных слов

Основным критерием для отнесения тех или иных слов, словосочетаний и предложений к разряду модальных служит их синтаксическая функция в предложении.

Остановимся на характеристике различных групп модальных слов в зависимости от их структуры, семантики и происхождения.

2.1. Наиболее многочисленную группу составляют модальные слова, образованные из наречий. Процесс выделения модальных слов из наречий происходит и в современном персидском языке. Поэтому ряд слов, как, например, *واقعاً* *vāqe'an* 'действительно', 'в самом деле', *قطعاً* *qat'an* 'решительно', 'категорично', 'несомненно', *حتماً* *hatman* 'безусловно', 'решительно', *حقیقتاً* *haqiqatan* 'действительно', 'по правде', *بالخصوص* *belxosus* 'в особенности', 'особенно' и т.д., выступают и как наречия, и как модальные слова.

Если сравнить употребление слов *قطعاً* *qat'an* и *واقعاً* *vāqe'an* в следующих предложениях, то будет понятна разница в их употреблении как наречий и как модальных слов:

باید قطعاً بر ضد این سیاست مبارزه کرد *Bāyad qat'an bar zedd-e in siyāsāt mobāreze kard* 'Необходимо решительно бороться против этой политики'; *تابلویی که شما دیدید واقعاً خوب است* *Tāblo-yi-ke šomā didid vāqe'an xub ast* 'Картина, которую вы видели, действительно хороша'. В этих предложениях анализируемые слова являются наречиями и выступают в рамках обстоятельств образа действия;

این کتاب قطعاً یکی از بهترین آثار نویسنده است *In ketāb qat'an yek-i az behtarin āsār-e nevisande ast* 'Эта книга, несомненно, является одним из лучших произведений писателя'; *واقعاً هیچکس نمی توانست جریان وقایع آینده را پیشبینی کند* *Vāqe'an hičkas nemitavānest jarayān-e vaqāye'-e āyande-rā pišbini konad* 'Действительно, никто не мог предвидеть ход дальнейших событий'. В последних двух предложениях те же лексемы выступают как модальные слова. Они полностью относятся к содержанию

предложений, подчеркивают уверенность говорящего в достоверности утверждаемых фактов.

К этой же группе модальных слов следует отнести предложно-именные сочетания арабского происхождения: *حتى الامكان hattalemkān* 'по возможности', 'насколько возможно', *في الحقيقه felhaqiqe* 'в действительности', *في الواقع felvāqe* 'в самом деле', *على الخصوص alalxosus* 'особенно', 'в особенности' и т.д.

Ряд слов, обычно рассматриваемых в грамматиках как наречия, в действительности по своей семантике и синтаксическим функциям таковыми не являются: *اقبالاً eqbālan*, *خوشبختانه xošbaxtāne* 'к счастью', *بدبختانه badbaxtāne* 'к несчастью', *متأسفانه motaassefāne* 'к сожалению' и т.д. Они всегда выступают как модальные слова.

2.2. К модальным словам относятся некоторые устойчивые словосочетания моделированного типа, предложно-именные сочетания и отдельные предложения, обладающие сугубо модальным значением: *به طور كلي be towr-e kolli* 'вообще', 'в общем', *حد اقل hadd-e aqall* 'по крайней мере', *بدون شك bedun-e šakk*, *بی شک bi šakk*, *بدون تردید bedun-e tardid* 'без сомнения', *ممکن است momken ast* 'возможно', 'может быть', *بدیهی است badihi ast* 'несомненно', 'конечно', *مسلم است mosallam ast* 'несомненно', 'бесспорно' и т.д.

2.3. В качестве модальных слов выступает ряд застывших глагольных форм и предложений. Особенность такого рода образований состоит в том, что они характеризуются изменением семантики, а иногда и словесного ударения: *شاید šāyad* 'быть может', 'возможно', 'авось', 'вероятно' (от *شایستن šāyestan* 'быть достойным', 'приличествовать', 'подобать'); *گویا gūyā*, *گویى gūyi*, *گفتی gōfti* 'словно', 'как будто', 'будто', 'якобы' (формы гл. *گفتن goftan* 'говорить'); *گیرم gīram*, *گرفتیم gerēftim* 'допустим', 'предположим' (формы гл. *گرفتن gereftan* 'брать'); *پنداری pandāri* 'как будто', 'словно' (от гл. *پنداشتن pandāštan* 'думать'); *باشد bāšad* 'ладно', 'пусть', 'хорошо' (букв. 'да будет' от гл. *بودن budan* 'быть'); *خدا کند! xodā konad!* 'дай Бог!', *خدا نکند! xodā nakonad!* 'не дай Бог!', 'как бы не..!', '(نخواسته، نخواسته)!', *خدا نکند! xodā nakonad!* 'не дай Бог!', 'сохрани, упаси Бог!', 'как бы не..!', 'не дай Бог!'; *نگو nagu* 'представь(-те) себе'.

2.4. Небольшую группу модальных слов составляют лексемы, представляющие по своему происхождению имена существительные, но получившие специальное модальное значение: *راستی rāsti* 'кстати', 'между прочим' (*راستی rāsti* 'прямота', 'правда', 'истинность'); *باری bāri* 'итак', 'одним словом' (из *بار bār* 'раз' + артикль); *خلاصه xolāse* 'в итоге', 'в общем', 'короче говоря' (*خلاصه xolāse* 'краткое содержание').

3. Семантические разряды модальных слов

Основная функция модальных слов состоит в том, чтобы усилить, ограничить или уточнить модальное значение основного высказывания, выраженного средст-

вами предикативной модальности. В предложении они выступают в роли модальных обстоятельств, не зависящих от других членов предложения. Кроме того, значительная часть модальных слов способна выступать в качестве самостоятельного предложения.

В модальных словах находят выражение оценки и точки зрения говорящего на действительность и на способы ее словесного выражения. Классификация модальных слов может быть очень подробной, однако такое деление не принесет практической пользы. Поэтому ограничимся описанием модальных слов по выполняемым функциям и выражаемому значению.

3.1. Модальные слова, выражающие уверенность говорящего в достоверности явлений и фактов: *hatman* 'несомненно', *albatte* *لابد* *lābod* 'конечно', *بدون شك* *bedun-e šakk*, *بی شک* *bi šakk* 'несомненно', *واقعاً* *vāqe'an* 'действительно', *حقیقتاً* *haqiqatan* 'поистине', 'по правде', 'на самом деле', *فی الحقیقه* *felhaqiqe* 'фактически', 'в действительности', 'на самом деле', *طبیعتاً* *tabi'atan* 'естественно', *مسلماً* *mosallaman* 'бесспорно', 'несомненно' и т.д. Примеры: *آینہ خود آہا باید* *Albatte xod-e ānhā bāyad in tāblo-rā bebinand* 'Конечно, они должны увидеть эту картину'; *واقعاً ما نتوانستیم این موضوع را حل بکنیم* *Vāqe'an mā natavānestim in towzu'-rā hall bekonim* 'Действительно, мы не смогли решить эту проблему'.

3.2. Слова, выражающие неуверенность, предположение, возможность: *شاید* *šāyad* 'возможно', *گویا* *gūyā*, *گوی* *gūyi*, *گفتی* *gof'ti* 'как будто', 'словно', *ممکن است* *tomken ast* 'может быть', 'возможно', *احتمالاً* *ehemālan* 'вероятно', 'по-видимому', *ظاهراً* *zāheran* 'по-видимому', 'как будто' и т.д. Примеры: *شاید دیر کرده باشد* *Šāyad dir karde bāšad* 'Возможно, он уже опоздал'; *این کتاب را گویا آقای داناسرشت ترجمه کرده است* *In ketāb-rā gūyā āqā-ye Dānāserešt tarjome karde ast, ammā hanuz čāp našode ast* 'Эту книгу, кажется, перевел господин Данасэрэшт, однако она еще не напечатана'; *ظاهراً وضع تو بد نیست چون هنوز حال شوخی کردن داری* *Zāheran vaz'-e to bad nist čon hanuz hāl-e šuxi kardan dāri* 'По-видимому, ты находишься не в плохом положении, если еще можешь шутить'.

3.3. Модальные слова, выражающие желательность или нежелательность совершения действия: *کاش* *kāš*, *ای کاش* *ey kāš*, *کاشکه* *kāške*, *کاشکی* *kāški* 'если бы', 'хорошо бы', *مبادا* *mabādā*, *خدا نکند* *xodā nakonad*, *خدا نکرده* *xodā nakarde*, *خدا نخواسته* *xodā naxāste*, *نکند* *nakonad* 'не дай Бог', 'как бы не...'. Примеры: *ای کاش در آن لحظه مرده بودم!* *Ey kāš dar ān lahze morde budam!* 'О, если бы я умер в тот миг!'; *مبادا نمک! خدا نخواسته دیر کند!* *Xodā naxāste dir konad!* 'Не дай Бог, он опоздает!'; *مبادا نمک! به جای قند به جای ریخته باشند!* *Mabādā namak be jā-ye qand be čāy rixte bāšand!* 'Как бы в чай не всыпали соль вместо сахара!'

3.4. Модальные слова, выражающие эмоциональное отношение говорящего к высказываемой мысли: *خوشبختانه* *xošbaxtāne* 'к счастью', *بدبختانه* *badbaxtāne* 'к несчастью', *متأسفانه* *motaassefāne* 'к сожалению': *متأسفانه نتوانستم پیش شما بیایم* *Motaassefāne natavānestam piš-e šomā biyāyam* 'К сожалению, я не смог прийти к вам'.

3.5. Модальные слова, указывающие на порядок и взаимоотношение мыслей, отношение содержания какого-либо отрезка речи к общей последовательности мыслей: *بالاخره* *belaxare* 'в конце концов', 'наконец', *خلاصه* *xolāse* 'одним словом',

‘короче говоря’, *القصة alqesse* ‘короче говоря’, ‘итак’, *در ضمن dar zemn* ‘при этом’, ‘между прочим’, *عموماً otuman* ‘в общем’, *سرانجام saranjām* ‘наконец’, *پس pas* ‘следовательно’, *بالتیجه bennatije*, *در نتیجه dar natije* ‘в конечном счете’, ‘в итоге’, ‘в результате’, *بر عکس bar aks*, *بالعکس belaks* ‘наоборот’, ‘напротив’, *از جمله az jomle*, *منجمله menjomle* ‘в том числе’ и т.д. Примеры: *Belaxare ānhā ber-nagāšte-and* ‘В конце концов они не возвратились’; *Saranjām u-rā molāqāt kardam* ‘В конце концов я его встретил’; *خلاصه باید به سر Xolāse bāyad be sar-e mowzu’ bepardāzim* ‘Короче говоря, мы должны перейти к самой теме’; *بعضی ها او را عاقلترین فرد روی زمین می دانستند، بعضی ها Ba’zihā u-rā āqeltarin fard-e ru-ye zamin midānestand, ba’zihā bar aks u-rā divāne-i hesāb mikardand* ‘Некоторые считали его самым умным человеком на земле, некоторые другие, наоборот, полагали, что он просто сумасшедший’.

3.6. Модальные слова, используемые для выражения субъективной оценки степени или меры чего-либо: *اقلاً aqallan*, *لا اقل lāaqall*, *کم دست dast-e kam*, *حد اقل hadd-e aqall* ‘по крайней мере’, *اکثراً aksaran* ‘большей частью’, ‘максимально’, *حد اکثر hadd-e aksar* ‘максимум’, ‘максимально’, *حتی الامکان hattalemkān*, *حتى المقدور hattalmaqdur* ‘по возможности’, ‘по мере сил’. Примеры: *لا اقل می توانید سه روز Lāaqall mitavānid se ruz dar ānjā begozarānid* ‘По крайней мере, вы можете провести там три дня’; *دیدم دست کم چهار نفر داخل اتاق شدند Didam dast-e kam čahār nafar dāxel-e otāq šodand* ‘Я увидел, что в комнату вошли, самое меньшее, четыре человека’.

Глава двенадцатая

ПРЕДЛОГИ, ПОСЛЕЛОГ آ - $\bar{r}\bar{a}$

В персидском языке, где получили распространение аналитические конструкции и отсутствует падежная система, особую роль играют служебные слова. Они различны по семантике и выполняемым функциям. От полнозначных слов их отличает то, что их значение в основном несамостоятельное и предполагает наличие какого-то другого значения, выраженного знаменательным словом.

Среди служебных слов важнейшая роль принадлежит предлогам, осуществляющим подчинительную связь между членами словосочетаний и предложений. В персидском языке кроме предлогов имеется послелог آ - $\bar{r}\bar{a}$, выражающий объектные отношения между членами предложений. Поскольку в этом языке отсутствует система падежей, персидские предлоги оказываются функционально более нагруженными по сравнению с предлогами тех языков, которые обладают и падежной системой, и предлогами.

1. Предлоги

1.1. Общая характеристика предлогов

Категориальное значение предлогов как служебной части речи выражается не их лексическим значением, а особенностями их функционирования в качестве связующих служебных слов. Выступая в многообразных функциях, они выражают пространственные, временные, объектные, сопроводительные, причинно-следственные, целевые и другие отношения, существующие между предметами и явлениями в реальной действительности.

По своему происхождению предлоги делятся на две группы: 1) первичные (собственно предлоги, основные предлоги) и 2) вторичные (производные, отыменные, изафетные).

Предлоги бывают простые и сложные; это зависит от их состава. Простые предлоги представлены одним словом (*از az* 'из', 'от', *به be* 'в', 'к', 'на', *بر bar* 'на'), сложные состоят из двух слов (*از قبل az qabl* 'до', *تا be tā* 'до', *از بعد az ba'd* 'после', ... *در باره dar bāre-ye* 'о', 'относительно'), а иногда — из трех (*به جز az be joz az*, *به غیر az be qeyr az* 'кроме').

Вторичные предлоги часто употребляются в сочетании с первичными предлогами: *من در برابر* *dar barābar-e man* ‘напротив меня’, *بر روی زمین* *bar ru-ye zamin* ‘на земле’, *از روی میز* *az ru-ye miz* ‘со стола’, *در پشت خانه* *dar pošt-e xāne* ‘за домом’. Некоторые первичные предлоги могут сочетаться между собой: *از برای* *az barāye* ‘ради’, ‘для’, *به جز* *be joz* ‘кроме’, *تا به* *tā be* ‘до’.

Характер связи предлогов с зависимыми словами словосочетания или предложения может быть различным: либо крепкая связь предлога со словом, когда при выражении основного значения управляющего слова предлог является единственным средством связи этого слова с другим (*استفاده از کمک* *estefāde az komak* ‘использование помощи’, *عبور از رودخانه* *obur az rudxāne* ‘переправа через реку’), либо свободная связь предлога со словом, зависящая от общего смысла высказывания (*صحبت با دوستان* *sohbat bā dustān* ‘беседа с друзьями’, *صحبت از زندگی* *sohbat az zendegi* ‘разговор о жизни’, *صحبت در راه* *sohbat dar rāh* ‘разговор в пути’).

Следует также отметить местоположение предлога по отношению к управляющему слову: предлог может находиться в постпозиции (см. приведенные выше примеры) и в препозиции по отношению к управляющему слову. В сочетании с глаголом-сказуемым предложения предлог обычно находится в препозиции по отношению к нему: *او همیشه از پروین دفاع می کند* *U hamīše az Parvin defā' mikonad* ‘Он всегда защищает Парвин’; *من چند بار به او گفته بودم* *Man čand bār be u gofte budam* ‘Я несколько раз ему говорил’. В приведенных примерах предлоги *از* *az* и *به* *be* предшествуют глаголам-сказуемым предложений.

Как уже было отмечено, и первичные, и вторичные предлоги выполняют сходные функции, но различаются происхождением, семантикой и структурой.

1.2. Первичные (основные) предлоги

Первичные предлоги, называемые в грамматической литературе также основными или собственно предлогами, представляют собой наиболее древний пласт среди этих слов и восходят к соответствующим предлогам в средне- и древнеперсидском языках. Многие из них многозначны, различные их значения раскрываются только в составе словосочетаний и предложений.

Характерная особенность первичных предлогов — то, что после них не употребляется изафет. Что касается предлога *برای* *barāye* ‘для’, то звук *e* в его составе не является изафетным показателем.

В современном персидском языке насчитывается девять первичных предлогов: *از* *az*, *بر* *bar*, *به* *be*, *در* *dar*, *تا* *tā*, *با* *bā*, *جز* *joz*, *بی* *bi*, *برای* *barāye*.

Первичные предлоги следует отличать от префиксов в составе префиксальных глаголов, прилагательных и наречий. В этих словах предлоги превратились в их морфологически неотъемлемые части.

В составе префиксальных глаголов (например, *درآوردن* *dar-āvardan* ‘вынимать’, ‘вытаскивать’, *برگشتن* *bar-gaštan* ‘возвращаться’, *برخاستن* *bar-xāstan* ‘вставать’) при присоединении к глаголам приставок *می* *mi-*, *ب* *be-* провербы отрываются от глагольных основ: *در می آورم* *dar-miāvaram* ‘вынимаю’, *برمی گشت* *bar-migašt* ‘он возвращался’.

В составе прилагательных предлоги полностью превратились в словообразовательные префиксы: با عقل *bāaql* ‘разумный’, ‘умный’, با اراده *bāerāde* ‘волевой’, بابضاعت *bābāzāat* ‘состоятельный’, ‘богатый’, با ابتکار *bāehtekār* ‘инициативный’, ‘предприимчивый’, باخبر *bāxabar* ‘осведомленный’, ‘знающий’, با انصاف *bāensāf* ‘справедливый’; بیسواد *bisavād* ‘неграмотный’, بیجان *bijān* ‘неодушевленный’, ‘неживой’, ‘безжизненный’, بیکار *bikār* ‘безработный’, بی اساس *biasās* ‘беспочвенный’, ‘несостоятельный’, بی ادب *biadab* ‘невоспитанный’, ‘невежливый’, ‘грубый’.

По существу как префиксы следует рассматривать предлоги в составе наречий: از بر *azbar* ‘наизусть’, از نو *aznow* ‘снова’, بمراتب *bemarāteb* ‘значительно’, ‘намного’, در واقع *darvāqe* ‘действительно’, در سابق *darsābeq* ‘прежде’ и т.д. О слитности таких наречных сочетаний свидетельствует асинтагматическая связь предлогов с последующими существительными и прилагательными.

В качестве префиксов используются не все первичные предлоги, а только часть из них. В образовании префиксальных глаголов участвуют предлоги بر *bar*, در *dar*, при образовании прилагательных — предлоги با *bā*, بی *bi*, при образовании наречий — предлоги از *az*, به *be*, در *dar*.

Что касается девяти первичных предлогов, употребляемых в современном персидском языке, то большинство из них многозначно, и полностью перечислить их значения, отграничив одно от другого, не всегда представляется возможным. Поэтому ограничимся указанием на основные значения.

В первую очередь рассмотрим предлоги, в которых преобладают пространственные значения.

1.2.1. Предлог از *az* (в поэзии — часто *z* *ze*)

Этот предлог употребляется:

1) при обозначении направления действия откуда-либо — ‘из’, ‘с’: از خانه رفت *Az xāne raft* ‘Он вышел из дома’; از دست راست نزدیک می شود *Az dast-e rāst nazdik mišavad* ‘Он приближается с правой стороны’;

2) при обозначении места, откуда исходит что-либо — ‘от’, ‘с’, ‘у’, ‘ко’: از کوجه هیچ *Az dust nāme gereftam* ‘Я получил письмо от друга’; از کوچه هیچ *Az kuče hič sar-o sadā-yi be injā nemirasad* ‘С улицы сюда не доходит никакой шум’; این خبر را از رادیو شنیدیم *In xabar-rā az rādyo šenidim* ‘Это известие мы услышали по радио’;

3) при обозначении места прохождения чего-либо — ‘через’, ‘по’: از رودخانه عبور کردیم *Az rudxāne obur kardim* ‘Мы переправились через реку’; از خیابان گذشته *Az xiyābān gozašte be meydān rasidam* ‘Пройдя по улице, я достиг площади’;

4) при обозначении лица, предмета или явления, о котором идет речь — ‘о’, ‘об’, ‘относительно’: از این کتاب صحبت شد *Az in ketāb sohbat šod* ‘Речь зашла об этой книге’; از شما گفتگو می کنند *Az šomā goftogu mikonand* ‘Говорят о вас’;

5) при указании на источник чувств — страх, радость, отвращение и т.п.: از دیدار شما خوشحال ام *Az didār-e šomā xošhāl-am* ‘Я рад встрече с вами’; از رفتار او *Az raftār-e u faqat tanaffor hess mikonam* ‘От его поступка я испытываю только отвращение’;

6) при обозначении причины, основания чего-либо — ‘от’: *از گرسنگی می میرند* *Az gorosnegi mimirand* ‘Они умирают от голода’;

7) при обозначении части целого — ‘из’: *بعضی از آنها می خندند* *Ba'zi az ānhā mixandand* ‘Некоторые из них смеются’; *دو نفر از دانش آموزان خیلی خوشحال شدند* *Do nafar az dānešāmuzān xeyli xošhāl šodand* ‘Два человека из учеников очень обрадовались’;

8) при обозначении лица или предмета, от которого отнимается, берется что-либо — ‘из’, ‘с’, ‘у’, ‘от’: *از خرس مویی* *Az xers tu-yi* ‘С паршивой овцы — хоть шерсти клок’ (букв. ‘От медведя — волосок’); *نامه را از او بگیرید* *Nāme-rā az u begirid* ‘Возьмите у него письмо’;

9) при обозначении материала, из которого состоит или изготавливается что-либо — ‘из’: *از آهن ساخته* *az āhan sāxte* ‘сделанный из железа’; *قالی از پشم بافته* *Qālī az pašm bāfte šode ast* ‘Ковер соткан из шерсти’;

10) при указании на освобождение от должности, обязанности, избавление от опасности и т.п. — ‘от’: *از لزوم دیدار این شخص خلاص شدم* *Az lozum-e didār-e in šaxs xalās šodam* ‘Я избавился от необходимости встречи с этим человеком’; *از ورشکستگی نجات یافت* *Az varšekastegi nejāt yāft* ‘Он спасся от банкротства’;

11) при указании на предмет сравнения — ‘по сравнению с’, ‘чем’: *از من بزرگتر است* *Barādar-am az man bozorgtar ast* ‘Мой брат старше меня’; *او بهتر از همه کار می کند* *U behtar az hame kār mikonad* ‘Он работает лучше всех’;

12) при указании на принадлежность (чаще в сочетании с местоимением *آن ān* ‘тот’): *پیروزی از آن اوست* *Piruzi az ān-e u-st* ‘Победа принадлежит ему’; *اشعار از سعدی است* *Aš'ār az Sa'di-st* ‘Автор стихов — Саади’;

13) при указании на учебную дисциплину, когда речь идет об отметке по ней, — ‘по’: *از درس شیمی چهار گرفت* *Az dars-e šimi čahār gereft* ‘По химии он получил четверку’;

14) при обозначении части чего-либо в сочетании с указательными местоимениями *آن ān* ‘тот’ и *این in* ‘этот’: *کمی از آن آب به او بدهید* *Kami az ān āb be u bedehid* ‘Дайте ему немного той воды’;

15) в составе сложных вторичных предлогов: а) в препозиции: *از بالای* *az bālā-ye* ‘с’, ‘сверху’, ... *از بین* *az beyn-e* ‘от’, ‘сквозь’, ‘через’, ... *از پس* *az pas-e* ‘сзади’, ... *از پیش* *az piš-e* ‘от’, ‘мимо’; б) в постпозиции: *از بعد* *ba'd az*, *از پس* *pas az* ‘после’, *از پیش* *piš az*, *از قبل* *qabl az* ‘до’, ‘перед’, *از غیر* *qeyr az* ‘кроме’;

16) в составе устойчивых наречных сочетаний: *از سر* *az riše* ‘в корне’, *از در و دیوار* *az dar-o divār* ‘отовсюду’, ‘везде’;

17) для выражения связи с объектом действия при семантически различных глаголах: *از کسی دعوت کردن* *az kas-i da'vat kardan* ‘приглашать кого-л.’, ‘призывать кого-л.’, *از چیزی دیدن کردن* *az čiz-i didan kardan* ‘осматривать что-л.’, ‘посещать что-л.’, *از کسی پذیرایی کردن* *az kas-i pazirāyi kardan* ‘принимать кого-л.’.

Многозначность современного персидского первичного предлога *از az* является отражением и развитием значений среднеперсидского предлога *az (hač)*.

1.2.2. Предлог به be

Этот предлог употребляется:

1) при обозначении направления движения куда-либо — 'в', 'к', 'на': به اتاق *Be otaq dāxel šodand* 'Они вошли в комнату'; به خانه نزدیک شد *Be xāne nazdik šod* 'Он приблизился к дому'; به زمین افتادم *Be zamin oftādam* 'Я упал на землю';

2) при указании адресата: چند بار به او گفته بودم *Čand bār be u gofte budam* 'Несколько раз я ему говорил'; این دفتر را که می دانستم به شما نقل کردم *An-če-rā-ke midānestam be šomā naql kardam* 'Все, что я знал, рассказал вам'; آن را بده به من! *An-rā bedeh be man!* 'Дай мне это!';

3) при обозначении соприкосновения, столкновения с чем-либо, удара по чему-либо — 'о', 'по': گوله به سنگ خورد *Golule be sang xord* 'Пуля ударила о камень'; مشت می به میز کوفت *Mošt-i be miz kuft* 'Он ударил кулаком по столу';

4) при обозначении лица или предмета, на который направлено действие — 'в', 'на': این دفتر را به کیف گذاشتم *In daftar-rā be kif gozāštam* 'Эту тетрадь я положил в портфель'; به من نگاه کرد *Be man negāh kard* 'Она посмотрела на меня';

5) при обозначении изменения чего-либо, превращения во что-либо — 'в': یخ به آب تبدیل می شود *Yax be āb tabdil mišavad* 'Лед превращается в воду';

6) при обозначении лица или предмета, к которому проявляется какое-либо чувство, интерес — 'к': عشق به مادر *alāqe be tahsil* 'интерес к учебе', عشق به مادر *ešq be mādar* 'любовь к матери';

7) при обозначении сходства, подобия — 'на': دخترش شبیه است *Doxtar be mādar-aš šabih ast* 'Дочка похожа на свою мать';

8) при обозначении деления, дробления — 'на': کتاب به چند فصل تقسیم می شود *Ketāb be čand fasl taqsim mišavad* 'Книга делится на несколько глав';

9) при указании на цену при покупке, продаже — 'за': کتاب را به دویست تومان *Ketāb-rā be devist tumān xaridam* 'Я купил книгу за двести туманов';

10) при обозначении языка, на котором говорят, пишут, читают, — 'на', 'по': به زبان روسی سلیس حرف می زند *Be zabān-e rusi salis harf mizanad* 'Он свободно говорит по-русски';

11) при указании на помощь, содействие кого-либо или чего-либо — 'при помощи': کمک دوستان *be komak-e dustān* 'при содействии друзей';

12) при указании на сопровождение кого-либо или чего-либо — 'в': مهمان به *Mehmān be hamrāhi-ye mehmāndār vāred šod* 'Гость вошел в сопровождении хозяина';

13) при обозначении количества, распределяемого по частям, группам и т.д. — 'по': به گروه *be goruh*, به دسته *be daste* 'по группам'; سبب به کیلو می فروشند *Sib be kilo miforušand* 'Яблоки продают килограммами';

14) при повторах, имеющих распределительное значение — 'по': چهار به چهار *čahār be čahār* 'по четыре', گروه به گروه *goruh be goruh* 'группами';

15) при обозначении местонахождения в пространстве и времени — 'в', 'на': به سرزمین ایران *be sarzamin-e Irān* 'на иранской земле', به وقت خوردن *be vaqt-e خوردن* 'во время еды';

16) в составе вторичных предлогов: ... به بالای *be bālā-ye* 'на', 'наверх', ... به روی *be ru-ye* 'на', ... به وسیله *be vasile-ye*, ... به واسطه *be vāsete-ye* 'посредством', 'с помощью'.

В позиции перед местоимениями آن *ān* 'тот', این *in* 'этот', او *u* 'он' и некоторыми другими, начинающимися с гласного звука *d* (особенно в поэзии), как бы восстанавливая свою древнюю форму: آن به *be ān* → بدان *be-dān* 'тем', 'тому', این به *be in* → بدین *be-din* 'этим', 'этому', او به *be u* → بدو *be-du* 'ему'. Предлог به *be* восходит к среднеперсидскому предлогу *paδ* (*pat*) с теми же значениями.

1.2.3. Предлог در *dar*

Этот предлог употребляется:

1) при обозначении местонахождения в пространстве — 'в', 'на', 'по': هر دو *dar har do kerāne-ye ruxdāne* 'по обоим берегам реки';

2) при обозначении движения внутрь чего-либо — 'в': در مدرسه وارد شدند *Dar madrase vāred šodand* 'Они вошли в школу';

3) при обозначении времени: а) 'в', 'на': در ساعت پنج بعد از ظهر *dar sāat-e panj-e ba'd az zohr* 'в пять часов после полудня', در این روزها *dar in ruzhā* 'в эти дни'; б) 'в течение': در دو سال *dar do sāl* 'в течение двух лет', 'за два года';

4) при указании на обстоятельства протекания действия — 'в', 'при': در محیط زیست *dar mohit-e zist* 'в окружающей среде', در چنین شرایط *dar čenin šarāyet* 'при таких условиях', در مراجعت *dar morājeat* 'при возвращении';

5) при указании на сферу деятельности, занятий — 'в': او در کار خود خبره است *U dar kār-e xod xebre ast* 'Он специалист в своем деле'; او در کدام رشته تخصص دارد? *U dar kodām rešte taxassos dārad?* 'Он специалист в какой области?';

6) в сочетании с количественным числительным, указывая на различные количественные отношения: سه در سه نه (است) *Se dar se noh (ast)* 'Трижды три — девять'; دو متر در یک متر *do metr dar yek metr* 'два метра на один';

7) в составе сложных вторичных предлогов: ... در بالای *dar bālā-ye* 'на', 'над', ... در پشت *dar pošt-e* 'сзади', ... در باره *dar bāre-ye* 'о', 'относительно', ... در اطراف *dar atrāf-e* 'вокруг', 'около';

8) в составе устойчивых наречных сочетаний (производных слов): در حقیقت *dar haqiqat* 'в действительности', در سابق *dar sābeq* 'прежде', در حال *dar hāl* 'мгновенно', 'сразу'.

В языке классического периода предлог در *dar* имел форму اندر *andar* (как и в среднеперсидском языке).

1.2.4. Предлог بر *bar*

Этот предлог употребляется:

1) при обозначении лица или предмета, на которые направлено действие — 'на', 'о', 'по': سبد را بر سرش گذاشت *Sabad-rā bar sar-aš gozāšt* 'Он поставил корзину на голову'; بر او نگاه کردم *Bar u negāh kardam* 'Я на него посмотрел'; بر پایم خورد *Pā-yam bar sang xord* 'Я ударился ногой о камень';

2) при обозначении поверхности, на которой располагается что-либо — ‘на’: *Qāli bar kaf bud* ‘Ковер был на полу’; *Ānten bar bām-xāne vāqe ast* ‘Антенна расположена на крыше дома’;

3) при обозначении лица, которому что-либо ясно, понятно: *Bar hame rowšan ast* ‘Всем ясно’; *Bar hičkas pušide nist* ‘Ни для кого не секрет’;

4) при обозначении деления, дробления — ‘на’: *Hašt bar do taqsim konid!* ‘Восемь разделите на два!’;

5) в составе сложных вторичных предлогов: *bar tebq-e* ‘согласно’, *bar ru-ye* ‘на’, *alāve bar* ‘в дополнение к’, ‘кроме’.

В классическом персидском языке употреблялась и другая фонетическая форма этого предлога — *abar*, совпадающая с соответствующей формой среднеперсидского языка: *abar (apar)*. Предлог *abar* можно встретить в современной поэтической речи.

1.2.5. Предлог تا *tā*

Этот предлог употребляется:

1) при указании на предел, границы распространения действия — ‘до’, ‘по’: *az avval tā āxer* ‘с начала до конца’; *Tā bāzār piyāde raftim* ‘До рынка мы шли пешком’; *Tā zānu dar gel foru rafte bud* ‘Он по колено увяз в грязи’; в этом значении предлог *tā* в книжном языке может сочетаться с предлогом *be*: *tā be*;

2) при обозначении временного предела действия — ‘до’, ‘к’: *Man tā sāat-e davāzdah kār mikonam* ‘Я буду работать до двенадцати часов’; *Tā avāxer-e hafte bāyad bar-gardim* ‘К концу недели мы должны возвратиться’;

3) при указании на зависимость от чего-либо (в ответах на вопросы в сочетании с вопросительным словом и последующим глаголом-сказуемым в форме аориста) — ‘в зависимости от’, ‘смотря (по)’: *Tā če xāheš-i bāšad* ‘В зависимости от просьбы’; *Tā havā čegune bāšad* ‘Смотря какая будет погода’¹.

Рассмотренные выше первичные предлоги в какой-то степени могут быть объединены на основе пространственных и временных отношений, которые они выражают. Предлагаемые к дальнейшему рассмотрению первичные предлоги выражают непространственные отношения и в отличие от первых пяти предлогов не обладают синонимическими значениями.

¹ Предлог *tā* фонетически совпадает с подчинительным союзом *tā* ‘пока’, ‘до тех пор, пока’, ‘как только’, ‘едва только’, ‘чтобы’. Оба слова обладают одинаковой фонетической формой и в современном, и в среднеперсидском языке, что дает основание считать их имеющими общее происхождение.

1.2.6. Предлог با *bā*

Этот предлог употребляется:

1) при выражении комитативно-социативного значения — указание на участие в одном и том же деле, на сопровождение одного лица или предмета другим — ‘с’, ‘вместе с’: *Bā dust-am sohbat mikonam* ‘Я беседую с моим другом’; *Dehqān bā tabar dar dast dāxel-e xāne šod* ‘Крестьянин с топором в руках вошел в дом’;

2) при выражении орудийного значения — обозначение предмета, с помощью которого осуществляется действие: *Nān-rā bā kārd boride-am* ‘Я нарезал хлеб ножом’; *U hamīše panjare-ye xod-rā bā gol ārāyeš midehad* ‘Она всегда украшает свое окно цветами’;

3) при обозначении средства передвижения — ‘на’: *Dust dārad bā asb gardeš konad* ‘Он любит совершать прогулки на лошади’;

4) при обозначении наличия чего-либо, какого-либо характерного признака у лица или предмета — ‘с’: *Vaqt-e sobhāne dust dāram nān bā kare va panir bexoram* ‘Во время завтрака я люблю есть хлеб с маслом и сыром’; *doxtar-i bā surat-e rangparide* ‘девочка с бледным лицом’;

5) при указании на соединение, смешение чего-либо с чем-либо — ‘с’: *Yek rāh-rā bā rāh-e digar mottasel kardand* ‘Одну дорогу соединили с другой’; *Āy-i rā bā šir maxlut kard* ‘Он смешал чай с молоком’;

6) при указании, на основании чего совершается действие — ‘с’, ‘по’: *bā ejāze-ye šomā* ‘с вашего разрешения’, *bā dastur-e u* ‘по его указанию’;

7) при указании на обстоятельства, которые сопутствуют действию — ‘при’, ‘с’: *bā kamāl-e meyl* ‘с большим желанием’, ‘с большой охотой’, *bā xunsardi* ‘с хладнокровием’, ‘хладнокровно’; *Bā dark-e asl-e matlab mitavān beāsāni in mas’ale-rā hall kard* ‘Поняв суть, можно легко решить эту проблему’;

8) при указании на помощь, содействие кого-либо или чего-либо — ‘при’, ‘с’: *bā komak-e dustān* ‘с помощью друзей’, *bā mosādat* ‘при содействии’;

9) при указании на сопровождение кого-либо или чего-либо — ‘в’: *bā hamrāhi-ye orkestr* ‘в сопровождении оркестра’;

10) при обозначении лица или предмета, на которые распространяется действие — ‘с’: *Man bā Ahmad dust hastam* ‘Я дружу с Ахмадом’; *Bā pišnehād-e šomā movāfeq hastam* ‘Я согласен с вашим предложением’;

11) при обозначении лица или предмета, с которым что-либо сравнивается — ‘с’: *In matn-rā bā ān moqāyese mikonim* ‘Этот текст мы сравниваем с тем’;

12) при образовании обстоятельства уступки — ‘несмотря на’: *Bā hame-ye moškelāt-i-ke dārim tavānestim piš-e šomā biyāyīm* ‘Несмотря на все трудности, которые у нас есть, мы сумели прийти к вам’.

1.2.7. Предлог برای barāye

Этот предлог употребляется:

1) при указании на цель, назначение — ‘к’, ‘для’, ‘ради’, ‘на’: این پول را برای شما آوردم *In pul-rā barāye šomā āvardam* ‘Эти деньги я принес для вас’; آن کلمات برای شوخی گفته شد *Ān kalemāt barāye šuxi gofte šod* ‘Эти слова были сказаны ради шутки’; Barāye ruz-e šambe bāyad bargardad ‘К субботе он должен возвратиться’;

2) при обозначении срока, промежутка времени — ‘на’: برای یک هفته به مأموریت رفت *Barāye yek hafte be ta'muriyyat raft* ‘Он на неделю уехал в командировку’;

3) при указании на причину чего-либо — ‘из-за’: برای یک بینماز در مسجد را نمی بندند *Barāye yek binmāz dar-e masjed-rā nemibandand* ‘Из-за одного еретика двери мечети не закрывают’ (пословица);

4) при обозначении основания для возмещения чего-либо — ‘за’: برای انجام این کار پول زیادی گرفت *Barāye anjām-e in kār pul-e ziyād-i gereft* ‘За выполнение этой работы он получил большие деньги’.

Предлог برای *barāye* из-за конечного -*ye* иногда рассматривают как вторичный изафетный предлог, однако в современном персидском языке он таковым не является. По предположению П.Хорна, предлог برای *barāye* образовался из сочетания предлога به *ba* с послелогом را *rā* (из среднеперсидского *rāy (rād)* < др.-перс. *rādiy* ‘ради’, ‘из-за’) [Horn 1901, с. 162].

1.2.8. Предлог بی bi

Этот предлог употребляется при указании на неимение, отсутствие кого-либо или чего-либо — ‘без’: بی قوم و خویشان زندگی می کند *Bi qowmoxišan zendegi mikonad* ‘Он живет без родственников’; بی پول ماندم *Bi pul māndam* ‘Я остался без денег’.

В классическом персидском языке встречалась не только форма بی *bē*, соответствующая современной форме بی *bi*, но и форма ابی *abē* (в среднеперсидском — *abē / apē*).

1.2.9. Предлог جز joz

Этот предлог употребляется:

1) при необходимости выразить исключение кого-либо или чего-либо — ‘кроме’, ‘за исключением’: جز دفتر چیز دیگری ندارم *Joz daftar čiz-e digar-i nadāram* ‘Кроме тетради, у меня ничего другого нет’;

2) при необходимости выразить добавление к кому-либо или чему-либо — ‘кроме’, ‘сверх’: جز این پیشنهاد پیشنهادهای دیگری هم مورد بحث قرار گرفت *Joz in pišnehād pišnehād-hā-ye digar-i-ham mowred-e bahs qarār gereft* ‘Кроме этого предложения обсуждались также и другие предложения’.

В персидском языке классического периода вместо современной формы *joz* употреблялась форма *jud / juz*, соответствующая среднеперсидскому предлогу *jud / yut*. В современном персидском языке предлог *joz* нередко сочетается

с предлогами به *be* и از *az*: первый ставится в препозиции к нему, второй — в постпозиции. Так что кроме самостоятельного употребления جز *joz* возможны еще три варианта сочетания: از جز *joz az*, به جز *be joz* и به جز از *be joz az*, причем значения образовавшихся сложных предлогов сохраняются прежними.

1.3. Вторичные (производные) предлоги

В грамматиках персидского языка для предлогов этого типа используются также такие названия, как «производные», «отыменные» и «изафетные». В данной «Грамматике» мы предпочли пользоваться термином «вторичные»: другие термины хотя и отражают в значительной степени сущность этих предлогов, но не выражают полностью характер их функционирования в языке и связь с частями речи, от которых они происходят.

Основную массу вторичных предлогов составляют имена, получившие способность выполнять служебную функцию. Сохраняя семантическую связь с теми существительными, от которых они произошли, эти предлоги обладают в отличие от собственно предлогов большей лексической значимостью и, как правило, немногочисленны. В связи с этим значительно ограничивается круг их использования в языке.

Большинство вторичных предлогов сочетается с последующим словом при помощи изафета².

Предлоги именного и наречного происхождения впервые появляются в среднеперсидском языке. В.С.Расторгуева отмечает в этом языке только шесть вторичных предлогов [Расторгуева 1966, с. 128–130]. Количество вторичных предлогов в современном языке чрезвычайно велико, причем и в настоящее время оно пополняется за счет существительных. Процесс образования вторичных предлогов сопровождается частичной, а иногда и полной утратой прежнего лексического значения и грамматикализацией знаменательных слов: знаменательные части речи превращаются в служебные.

Чаще в роли отыменных предлогов выступают существительные, способные соотноситься с широким кругом слов: بالا *bālā* ‘верх’, طرف *taraf* ‘сторона’, پهلو *pahlu* ‘бок’, پیش *piš* ‘перед’, رو *ru* ‘лицо’, ‘поверхность’, سر *sar* ‘голова’, ‘верхняя часть’, مدت *moddat* ‘время’, ‘период’ и т.д. Релятивное значение предлога связано с конкретным значением имени: пространственные значения возникают из слов с локальным значением, временные — из слов с временным значением, причинные — из слов со значением причины и т.д. Но в действительности такое соотношение не всегда строго соблюдается, и значение вторичного предлога развивается, получая новые абстрактные семы. Например, отыменный предлог ... روی *ru-ye*, основные значения которого связаны со значениями существительного رو *ru* ‘лицо’, ‘поверхность’, имеет также такие значения, как ‘по’, ‘при помощи’ и др.: روی میل *ru-ye meyl* ‘по желанию’, روی این قاعده *ru-ye in qāede* ‘согласно этому правилу’. Существительное قلمرو *qalamrow* ‘область’, ‘сфера’ в результате транспозиции

² В обиходно-разговорном языке имеет место пропуск изафетного показателя после некоторых вторичных предлогов: تو اتاق *tu oīāq* ‘в комнате’ вместо تو ای اتاق *tu-ye oīāq*.

приобрело значение вторичного предлога: *dar qalamrov-e monāsebāt-e beynolmelali* 'в области международных отношений'.

Вторичные предлоги образуют простые и сложные структуры:

а) вторичный предлог (без первичного предлога) представлен одним словом, после которого всегда употребляется изафет: *pošt-e miz* 'за столом', *ru-ye miz* 'на столе', *sar-e dars* 'на уроке', *pirāmun-e zabān va zabānšenāsi* 'относительно языка и языкознания';

б) вторичный предлог с препозитивным собственно предлогом всегда присоединяется к последующему слову посредством изафета: *dar pošt-e miz* 'за столом', *az miyān-e abrha* 'сквозь тучи', *dar bāre-ye sarnevešt-e ānhā* 'относительно их судьбы';

в) вторичный предлог с постпозитивным собственно предлогом употребляется без изафета³: *ba'd az tanaffos* 'после перерыва', *qeyr az man* 'кроме меня', *banā bar goftehā-ye u* 'на основании его слов'.

Рассмотрение разновидностей вторичных предлогов позволяет сделать вывод о том, что они представлены простыми (группа а) и сложными предлогами (группы б и в). Все простые предлоги могут быть превращены в сложные путем прибавления к ним препозитивных собственно предлогов: ... *dar pošt-e* 'за', ... *bar ru-ye* 'на', ... *dar sar-e* 'на' и т.д. Таким образом, среди вторичных предлогов преобладают сложные. Кроме того, предлоги группы а и б являются изафетными предлогами, поскольку при присоединении к последующему имени требуют постановки изафета.

Представляет научный и практический интерес анализ сложных предлогов с точки зрения слитности сочетания их с собственно предлогами: он помогает понять этимологию большинства вторичных предлогов, характер их функционирования в литературном и разговорном языке, способствует их правильной лексикографической разработке.

Собственно предлоги в зависимости от характера сочетания с вторичными предлогами могут быть *факультативными* и *обязательными*.

Все постпозитивные собственно предлоги в сочетании с вторичными предлогами являются обязательными, так как они не могут быть опущены, например: *gozašte az* 'кроме', *banā bar* 'на основании', 'согласно'.

Собственно предлоги, находящиеся в препозиции по отношению к вторичному предлогу, могут быть факультативными или обязательными.

К факультативным собственно предлогам относятся такие, которые могут быть опущены. Тогда в качестве предлога выступает одно слово — изафетный предлог: [در] *pahlū-ye man nešast* 'Он сел рядом со мной'; [در] *tey-ye do ruz safar karde budim* 'В течение двух дней мы путешествовали'; [از] *bahr-e āšnāyi bā to injā miāyad* 'Он приходит

³ В качестве постпозитивного компонента вторичного предлога может выступать также отыменный предлог *sar*: *Zan pošt-e sar-e u miraft* 'Жена шла за ним'. Возможно также сочетание с собственно предлогом *az*: *Az pošt-e sar-e u miraft* 'Он шел следом за ним'. В результате образуется трехэлементный сложный предлог.

сюда ради знакомства с тобой'. В приведенных примерах в квадратные скобки заключены собственно предлоги به *be*, در *dar* и از *az*, которые могут быть употреблены, но в современном языке чаще опускаются. В обиходно-разговорном языке вторичные предлоги чаще употребляются без факультативных собственно предлогов.

Возможность совместного употребления собственно предлогов и отыменных предлогов дает основание считать, что первоначально их сочетание было обязательным. Имя выступало как посредник, уточнитель между собственно предлогом и именем — членом предложения. И только в процессе становления значения отыменного предлога, в тот момент, когда оно более или менее четко сформировалось, стал возможным пропуск собственно предлогов.

Имеется ряд вторичных предлогов, которые не могут употребляться без собственно предлогов: в случае их пропуска нарушится цельность сложного предлога как самостоятельной языковой единицы, например: ... در خصوص *dar xosus-e*, ... در باره *dar bāre-ye*, ... در باب *dar bāb-e* 'о', 'относительно', ... به علت *be ellat-e* 'по причине', 'из-за', ... با وجود *bā vojūd-e* 'несмотря на'. К числу двухэлементных вторичных предлогов относятся также такие, в которых собственно предлог играет главную роль в определении общего значения сложного предлога (в противоположность случаям, когда он играет второстепенную роль и может быть опущен), например: ... از داخل *az dāxel-e* 'из', 'изнутри' (в противоположность ... داخل [در] *[dar] dāxel-e* 'в', 'внутри' и ... داخل [به] *[be] dāxel-e* 'в', 'внутри'), ... از روی *az ru-ye* 'через', 'по', 'при помощи' (в противоположность ... روی [در] *[dar] ru-ye* 'на' и ... روی [از] *[az] ru-ye* 'по', 'согласно'). Как видно из приведенных примеров, вторичные предлоги могут обязательно или факультативно сочетаться с собственно предлогами.

Значения, выражаемые вторичными предлогами, многообразны. По релятивным значениям они могут быть объединены в несколько групп: со значением места (... روی *ru-ye* 'на', ... پشت *pošt-e* 'позади', ... توی *tu-ye* 'в', 'внутри', ... بالای *bālā-ye* 'на', 'над', ... زیر *zir-e* 'под'); направления (... پیش *piš-e*, ... نزد *nazd-e* 'к', ... به طرف *be taraf-e* 'по направлению к', ... سوی *be su-ye* 'к', 'по направлению'); времени (... در طی *dar tey-ye*, ... مدت *dar moddat-e*, ... ظرف *dar zarf-e*, ... در طول *dar tul-e* 'в течение', 'в продолжение'); причины (... به سبب *be sabab-e*, ... به علت *be ellat-e* 'по причине', 'из-за', ... خاطر *be xāter-e* 'из-за', ... در نتیجه *dar natije-ye* 'вследствие'); средства и способа действия (... وسیله *be vasile-ye*, ... توسط *be tavassot-e* 'посредством', 'при помощи').

2. Послелог را *-rā*

К послелогам принято относить такие служебные слова, которые выполняют синтаксическую функцию предлогов, но в отличие от них находятся в постпозиции по отношению к управляемому имени и фонетически сливаются с ним.

В персидском языке традиционно выделяется один послелог — را *-rā*, не всегда функционально совпадающий с предлогами, о чем будет сказано ниже.

Главная функция послелого *را* -*rā* в современном литературном языке — оформление прямого дополнения: *Tasādofan dust-e qadimi-ye xod-rā peyda kardam* 'Неожиданно я нашел своего старого друга'.

В разговорном языке, в частности в тегеранском диалекте, употребляются фонетические варианты *را* -*rā* — *و* -*o* или, реже *ه* -*e* (после слов, оканчивающихся на согласный звук) и *رو* -*ro* (после слов, оканчивающихся на гласный звук): *اونا چراغو دادم واسه اونا Āerāq-o dādām vāse unā* 'Я дал им лампу'; *اونا خودشون وظیفه شونو می دونن Unā xod-ešun vazife-šun-o midunan* 'Они сами знают свои обязанности'; *اگه می ترسی دساتو بلن کن Age mitarsi dassāt-o bolan kon* 'Если боишься, подними руки' [Пейсиков 1960, с. 121, 123].

Послелог *را* -*rā* всегда энклитичен и при наличии одного или нескольких определений при одном определяемом имени ставится после последнего из них: *Belaxare movaffaq šodam in otomobil-e savāri-ye novin-rā bexaram* 'В конце концов мне удалось купить этот новый легковой автомобиль'.

Новоперсидский послелог *را* -*rā* восходит к среднеперсидскому послелогу *rāy* (ранее *rādā*) < др.-перс. *rādiy* 'ради', 'из-за'. Нерасчлененное значение причины-цели древнеперсидского послелого изменяется и расширяется. В среднеперсидском языке послелог *rāy* стал выражать значение цели, причины, объекта речи, адресата действия или высказывания, обладателя чего-либо. В редких случаях послелог *rāy* оформлял прямое дополнение, см. [Расторгуева, Молчанова 1981, с. 140].

В классическом персидском языке происходит расширение функций послелого *را* -*rā*. Наряду с оформлением различных видов косвенного объекта — дополнений, обозначающих адресата, направление действий, лиц, у которых возникло какое-либо чувство, намерение, желание, лиц, которым что-либо принадлежит, и др., обстоятельств цели, причины, времени — послелог *را* -*rā* стал широко использоваться и для выделения прямого объекта⁴.

В современном языке функция оформления прямого дополнения для послелого *را* -*rā* стала ведущей. Однако послелогом оформляется не всякий прямой объект, а только такой, который представляет предмет известный, определенный. В связи с этим послелог *را* -*rā* неравноценен по своим функциям предлогам, поскольку не употребляется регулярно при каждом прямом дополнении.

Употребление послелого *را* -*rā* после прямого дополнения, обозначающего только определенный, известный говорящему (пишущему) предмет, позволило Л.С.Пейсикову отойти от традиционного подхода к *را* -*rā* и сделать вывод о том, что «частица *ra* не может быть отнесена к разряду служебных слов релятивного типа» [Пейсиков 1959, с. 37]. По мнению Л.С.Пейсикова, *را* -*rā* выполняет ту же функцию, что и артикль: выделяет известный предмет из ряда ему подобных. Кроме того, *را* -*rā* в отличие от подлинных предлогов-послелогов, которые используются для выражения релятивных отношений как в составе словосочетания, так и в составе предложения, употребляется только в составе предложения.

В примерах, приводимых в работе Л.С.Пейсикова «Вопросы синтаксиса персидского языка» (*Man ketāb-rā xaridam* и *من کتاب خریدم Man*

⁴ Вопросам развития послелого *را* -*rā*, его функций в персидском языке классического периода и в современном языке посвящена кандидатская диссертация И.К.Овчинниковой [Овчинникова 1951].

ketāb xaridam 'Я купил книгу' [Пейсиков 1959, с. 35]), подтверждается артиклевидный характер функционирования \bar{r} -*rā*. В первом примере наличие \bar{r} -*rā* свидетельствует о том, что речь идет о предмете, известном говорящему, т.е. выделенному из группы однородных предметов. Во втором примере речь идет о предмете как представителе всего класса предметов (о книге вообще, в отличие от других предметов). Основная функция \bar{r} -*rā* в этом случае состоит не в связывании слов, а в выделении / невыделении группы прямого дополнения. В связи с этим Л.С.Пейсиков предлагает отказаться от термина «послелог» и называть \bar{r} -*rā* «частицей» или «синтаксической частицей» [Пейсиков 1959, с. 36].

Но \bar{r} -*rā* в современном языке выполняет и другие функции, которые позволяют оставить за этой служебной частицей прежнее название — «послелог». Например, \bar{r} -*rā* может обозначать косвенное дополнение с указанием на лицо, которому что-либо принадлежит, на адресата действия. Эти и другие случаи употребления \bar{r} -*rā* рассматриваются ниже.

Итак, послелог \bar{r} -*rā* является формальным выразителем определенных семантико-синтаксических отношений между словами в предложении. Основная функция \bar{r} -*rā* в современном языке — оформление прямого дополнения при переходных глаголах. Однако \bar{r} -*rā* употребляется, как сказано выше, не после всякого прямого дополнения, а лишь после такого, которое обозначает предметы и явления определенные, конкретные, известные: *Man in ketāb-rā xāndam* 'Я прочитал эту книгу'. Прямое дополнение всегда имеет послелог, если оно выражено именами собственными и местоимениями или если к нему относятся имена собственные и местоимения: *داد بهرام را نجات داد Bahrām-rā nejat dad* 'Он спас Бахрама'; *او را ندیدم U-rā nadidam* 'Я его не видел'; *کلاه فریدون را از کف اتاق برداشت Kolāh-e Feridun-rā az kaf-e otaq bar-dāšt* 'Он поднял шапку Феридуна с пола комнаты'; *کتابتان را آوردم Ketāb-etān-rā āvardam* 'Я принес вашу книгу'.

Отсутствие послелога \bar{r} -*rā* после прямого дополнения свидетельствует о том, что оно обозначает предметы и явления, мыслимые как представители всего класса предметов и явлений: *Man majalle mixānam* 'Я читаю журнал' (*a ne knigu*); *آب بده Āb bedeh* 'Дай воды' (*a ne kaquy-libo druguyū zhidkost'*). Если же возникает необходимость получить конкретную воду, то прямое дополнение *آب āb* 'вода' следует употребить с послелогом \bar{r} -*rā*: *آب را بده Āb-rā bedeh* 'Дай воду'.

Послелог \bar{r} -*rā* может оформлять синтаксическое словосочетание, состоящее из имени существительного и зависимых от него слов и выступающее как прямое дополнение: *Fārsizabān in qānun-e jāri dar zabān-rā reāyat mikonad* 'Носитель персидского языка соблюдает это правило, существующее в языке' [Нашр-э данэш 1375, № 5]. В приведенном примере послелог \bar{r} -*rā* стоит в конце группы прямого дополнения, подчеркивая наряду с интонационными средствами ее синтаксическое единство. Вся группа прямого дополнения, включая послелог \bar{r} -*rā*, образует единую синтагму.

Из других случаев употребления послелога \bar{r} -*rā*, обычно упоминаемых в грамматиках персидского языка и словарях, отметим следующие:

1) после косвенного дополнения, обозначающего событие или случай, с которым поздравляют или по поводу которого выражают соболезнование: *عید نوروز را به*

می گویم *Eyd-e Nowruz-rā be šomā tabrik miguyam* ‘Поздравляю вас с Новым годом’; *Fowt-e dust-etān-rā be šomā tasliyyat miguyim* ‘Выражаем вам свое соболезнование по поводу кончины вашего друга’;

2) после косвенного дополнения, которое обозначает лица и предметы, обладающие чем-либо: *اسم را چهار حالت است Esm-rā čahār hā-lat ast* ‘У имени четыре формы’;

3) после косвенного дополнения, обозначающего лицо, которому нужен какой-либо предмет: *آنها را منزل لازم بود Anhā-rā manzel lāzem bud* ‘Им нужна была квартира’;

4) после косвенного дополнения, обозначающего лицо, с которым что-либо случается: *ما را ملاقات با او دست داد Mā-rā molāqāt bā u dast dād* ‘У нас произошла с ним встреча’;

5) после косвенного дополнения, указывающего на адресата действия: *برادر مرا گفت Barādar ma-rā goft* ‘Брат мне сказал’;

6) после косвенного дополнения, обозначающего лицо или предмет, о котором ведется разговор: *پادشاهی را حکایت می کنند که... Pādešāh-i-rā hekāyat mikonand ke...* ‘Об одном падишахе рассказывают, что...’.

Отмеченные варианты употребления послелога را -rā охватывают наиболее типичные случаи его использования после косвенных дополнений. При этом только первый случай является распространенным в современном персидском языке⁵, а все остальные характерны для книжного стиля, они употреблялись в классическом персидском языке и иногда встречаются в поэтической речи.

Помимо употребления را -rā после косвенных дополнений следует отметить случаи архаичного употребления послелога после обстоятельственных членов предложения — обстоятельства времени (*تابستان را به ییلاق رفتند Tābestān-rā be yeylāq raftand* ‘Летом они отправились на дачу’; *ما ظهر را انجا آمدیم Mā zohr-rā ānjā āmadim* ‘Мы пришли туда к полудню’), обстоятельства места (*هر جا را گشتیم... Har jā-rā gaštīm...* ‘Где бы мы ни ходили...’), обстоятельства цели или причины (*آنها این کار را آمدند Anhā in kār-rā āmadand* ‘Они пришли ради этого дела’). Все эти случаи употребления послелога را -rā нехарактерны для кодифицированного литературного языка: их можно встретить не только в архаичных текстах, но и в просторечной и диалектной речи.

В заключение отметим два случая ненормированного употребления послелога را -rā, встречающихся в стилистически разных текстах современного языка. Эти случаи не отмечены в грамматиках, изданных в Иране. В то же время они свидетельствуют о тесной связи прямого дополнения и сказуемого, управляющего им.

1. Послелог را -rā употребляется после подлежащего главного предложения, имеющего при себе в качестве определения придаточное определительное предложение, в котором в роли сказуемого выступает переходный глагол: *مطالبی را که در بالا ذکر کردم همه در جای خود مسلم است Matāleb-i-rā-ke dar bālā zekr kardam hame dar*

⁵ Подобно первому случаю употребления را -rā, в современном языке встречаются случаи употребления послелога в составе устойчивых предложений: *خدا را شکر! Xodā-rā šokr!* ‘Слава Богу!’; *ترا به خدا! To-rā be xodā!* ‘Прошу тебя’, ‘Ради Бога!’ и т.д. Эти фразеологизмы-предложения производятся как готовые формы, хотя употребление را -rā в них явно носит архаический характер.

jā-ye xod mosallam ast ‘Вопросы, которых я коснулся здесь раньше, не вызывают сомнений в соответствующих местах’ (Намэ-йе Фархангестан 1322); همين زنيکه بود شرمنده را که خودم رفته ام از محله پنجه ريسه آوردم دندانم را شمرده بود *Hamin zanike-ye šarmande-rā-ke xod-am raftam az mahalle-ye pamberise āvardam dandān-am-rā šomorde bud* ‘Та самая скромная женщина, которую я привела из квартала прядильщиков, командовала мной’ (Хедаят. Исповедь).

Употребление послелого *را -rā* после подлежащего имеет место только тогда, когда определяемое имя стоит непосредственно перед придаточным определительным предложением и указывает на связь определяемого имени и глагола-сказуемого придаточного предложения. Из анализа многочисленных примеров становится понятно, что употребление послелого *را -rā* с определяемым именем — подлежащим главного предложения — не является обязательным и свойственно эмоциональной монологической речи. Случай необычного употребления *را -rā* отмечен в работе автора «Грамматики», см. [Рубинчик 1959, с. 94–95].

2. Послелог *را -rā* ставится не после субстантива или указательного местоимения, выступающих в роли прямого дополнения, а после относящихся к ним придаточных определительных или дополнительных предложений, т.е. по существу оформляет сказуемое придаточного предложения, выраженное глаголом в финитной форме: امیدواریم اموال فرهنگی کشور که به طور غیر قانونی از مملکت خارج شده *Omidvār-im amvāl-e farhangi-ye kešvar-ke be towr-e qeyr-e qānuni az mamlakat xārej šode-ast-rā pas begirim* ‘Мы надеемся вернуть культурные ценности страны, которые незаконно были вывезены за пределы государства’ (Этгзлаат, № 18688); اینک بیایید آنچه که دیروز نوشتیم را ببوسیم و کنار بگذاریم *Inak biyāyid ān-če-ke diruz neveštīm-rā bebusim va kenār begozārim* ‘Итак, давайте то, что мы вчера написали, поцелуем и отложим в сторону’ (Джомхури-йе Эслами, № 797). Иногда в пределах одного сложноподчиненного предложения такая синтаксическая конструкция встречается дважды.

Факты реального использования послелого *را -rā* в необычной для современного языка функции позволяют говорить об этом явлении как о некодифицированной грамматической норме, характерной для газетно-публицистического стиля. Видимо, такая конструкция способствует большей четкости синтаксического членения предложения.

Случаи необычного употребления послелого *را -rā* после глагола-сказуемого придаточных предложений впервые отмечены в статье А.А.Веретенникова «Об одной грамматической инновации в современном персидском языке (некодифицированная функция послелого *-rā*)» [Веретенников 1994, с. 134–139]. Автор статьи подчеркивает нерегулярный, избирательный характер использования *را -rā* в этой конструкции. Он высказывает мнение, что время появления данного грамматического неологизма можно отнести к концу 70-х — началу 80-х годов, а уже в середине 80-х эта синтаксическая конструкция стала регулярно встречаться в текстах средств массовой информации.

«Рассматриваемая грамматическая конструкция не вытеснила другие, а начала функционировать параллельно с ними. При этом вследствие своей новизны и необычности она носит в определенной степени индивидуально-авторский характер: одни авторы избегают ее, другие же используют ее очень выборочно, лишь

в отдельных случаях» [Веретенников 1994, с. 136]. Эта конструкция не закрепились ни в бытовом речевом общении, ни в языке художественной литературы. А с начала 90-х годов она стала использоваться совсем редко.

В упомянутой выше статье А.А.Веретенникова отмечается как обычный случай использование послелога را -rā для оформления целого предложения, если оно выступает как единое целое в функции прямого дополнения. Такое использование را -rā не противоречит основной функции послелога в современном языке — служить в определенных случаях формальным показателем прямого дополнения [Веретенников 1994, с. 135]: نگهبان در را باز کرد و تابلویی که رویش نوشته شده را به آنها نشان داد «هیچکس خانه نیست» *Negahbān dar-rā bāz kard va tāblo-yi-ke ru-yaš nevēšte šode*: «Hičkas xāne nist»-rā be ānhā nešān dād ‘Сторож открыл дверь и показал им табличку, на которой было написано: «Дома никого нет»’ (Эттэлаат-э хафтэги, № 2817); رهبر چین نظریه «بگذار جنگ جهانی سوم رخ دهد» را در مقابل ... شوری ارابه ... کرده بود *rahbar-e Ćin nazariyye-ye «Begozār jang-e jahāni-ye sevvom rox dehad»-rā dar moqābel-e Šowravi erāye karde bud* ‘... руководитель Китая выдвинул перед СССР тезис: «Пусть произойдет третья мировая война»’ (Кейхан, № 11785).

Глава тринадцатая

СОЮЗЫ

К союзам относятся служебные слова, функция которых заключается в том, чтобы соединять предложения и члены предложения, выражая разные виды связи между ними.

Характеристика значений и особенности их функционирования рассматриваются в синтаксисе. В морфологии же излагаются сведения об их составе, структуре и разновидностях.

1. Морфологическая структура и функциональные разновидности союзов

Выступая в роли формального средства связи синтаксических единиц (членов предложений и частей сложного предложения), союзы одновременно служат средством выражения смысловых отношений между ними. Хотя семантически они так же несамостоятельны, как и предлоги, тем не менее могут быть классифицированы по смыслу выражаемых ими отношений. Исключение представляет универсальный подчинительный союз *که* *ke*, семантика которого многозначна и неопределенна. Значение этого подчинительного союза определяется смысловыми отношениями главного и придаточного предложений, грамматической структурой этих предложений и их лексическим составом.

По морфологическому составу персидские союзы делятся на простые (*و* *va* / -*o* 'и', *ولی* *vali* 'но', *یا* *yā* 'или', *اگر* *agar* 'если', *چون* *čon* 'так как' и т.д.) и сложные (*وقتی که* *yaqt-i-ke*, *موقعی که* *mowqe'-i-ke* 'когда', 'в то время, как', *اگرچه* *agar-če* 'хотя', *برای آن که* *barāye ān-ke* 'для того, чтобы', *به مجرد این که* *be tojarrad-e in-ke* 'как только', 'едва только' и т.д.).

Сложные союзы по характеру слитности входящих в них лексических компонентов не являются сложными словами, а выступают как фразеологические сочетания, причем некоторые из них при определенных построениях сложноподчиненных предложений могут распадаться на соотносительные слова и универсальный подчинительный союз *که* *ke*¹: *من آمدم برای آن که خواهر خود را ببینم* *Man āmadam barāye*

¹ Исключение составляет условно-временной союз *هرگاه* *hargāh* 'в том случае, если', 'всякий раз, когда', который выступает как сложное слово и не имеет в своем составе союза *که* *ke*.

ān-ke xāhar-e xod-rā bebinam ‘Я пришел для того, чтобы повидать свою сестру’;
 من برای آن آمدم که خواهر خود را ببینم *Man barāye ān āmadam-ke xāhar-e xod-rā bebinam*
 ‘Я для того пришел, чтобы повидать свою сестру’. Во втором предложении слож-
 ный подчинительный союз *برای آن* *barāye ān-ke* распался на две части: на соотно-
 сительное слово *برای* *barāye ān* и подчинительный союз *که* *ke*.

Персидские сложные союзы обладают некоторыми структурными особенно-
 стями — в частности, в состав большинства из них входит подчинительный союз
که *ke*. Исключения представляют отдельные уступительные союзы: *اگرچه* *agar-če*,
هر چند *har čand* ‘хотя’, *هر چه* *har-če* ‘что ни’, *هر قدر* *har qadr* ‘сколько (бы) ни’, ‘как
 (бы) ни’, условный союз *چنانچه* *čenān-če* ‘если’. Но и эти союзы (кроме *اگرچه*
agar-če) могут соединяться с подчинительным союзом *که* *ke*: *هر چند که* *har čand-ke*
 ‘хотя’, *هر قدر که* *har qadr-ke* ‘сколько (бы) ни’. Приведенные сложные союзы, как
 и другие, используются исключительно для соединения частей сложноподчиненных
 предложений.

Вместе с тем надо отметить возможность пропуска подчинительного союза
که *ke*. Выше были отмечены уступительные союзы *هر چند* *har čand* и *هر قدر* *har qadr*,
 которые употребляются как с союзом *که* *ke*, так и без него. Пропуск союза *که* *ke*
 возможен в сложных временных союзах *وقتی* *vagt-i-ke* ‘в то время, как’, ‘когда’,
هر وقت که *har vaqt-ke* ‘всякий раз, когда’ и в некоторых других. В случае пропуска
 союза *که* *ke* союзную роль выполняет слово *وقت* *vagt* с артиклем — *وقتی* *vagt-i* —
 и это же слово с определительным местоимением — *هر وقت* *har vaqt*.

По характеру употребления союзы делятся на одиночные (*و* *va* ‘и’, ‘а’,
یا *yā* ‘или’, *ولی* *vali* ‘но’, ‘однако’), повторяющиеся (...*چه*... *če*... *če*...
 ...*خواه*... *xāh*... *xāh*... ‘как..., так и...’, ...*یا*... *yā*... *yā*... ‘или..., или...’)
 и двойные (...*بلکه*... *balke*... *نه فقط*... *na faqat*... *balke*... ‘не только..., но и...’).

С точки зрения выполняемых синтаксических функций союзы подразделяются
 на сочинительные и подчинительные.

В заключение отметим, что все союзы в зависимости от характера связываемых
 отрезков текста подразделяются на две группы: союзы, способные объединять как
 члены предложения, так и части предложения (*و* *va* ‘и’, ‘а’, *یا* *yā* ‘или’, ...*چه*...
če... *če*... ‘как..., так и...’, ‘что..., что...’), и союзы, выражающие смысловые отно-
 шения только между частями сложноподчиненных предложений (*اگر* *agar* ‘если’,
هر چند *har čand* ‘хотя’, ‘несмотря на то, что’, *وقتی* *vagt-i-ke* ‘когда’, *چون* ‘так
 как’).

2. Сочинительные союзы

Сочинительные союзы выражают синтаксические отношения между однород-
 ными членами предложения и между частями сложносочиненного предложения.
 Например, сочинительный союз *و* *va* / -*o* может связывать однородные подлежащие
 (например, *پدر و مادر استراحت می کنند* *Pedar-o mādar esterāhat mikonand* ‘Отец и мать отды-
 хают’), сказуемые (*ما می نویسیم و می خوانیم و ترجمه می کنیم* *Mā minevisim va mixānim*

va tarjome mikonim ‘Мы пишем, читаем и переводим’), дополнения (*طی مسافرت آنها* *Tey-ye mosāferat ānhā az šahrhā-ye Širāz va Esfahān didan kardand* ‘Во время путешествия они осмотрели города Шираз и Исфахан’), а также части сложносочиненного предложения (*بیرون سرد بود و برف می آمد* *Birun sard bud va barf miāmad* ‘Снаружи было холодно и шел снег’).

По своему значению сочинительные союзы делятся на соединительные, противительные и разделительные.

1. Соединительные союзы представлены одиночными — *و* *va* ‘и’², *هم* *ham*, *نیز* *niz* ‘также’, повторяющимися — ...*چه*...*چه* *če... če...*, ...*هم*...*هم* *ham... ham...* ‘как..., так и...’, ‘и..., и...’, ...*نه*...*نه* *na... na...* ‘ни..., ни...’, двойными — ...*بلکه*...*بلکه* *balke... balke...*, ...*نه تنها*...*نه تنها* *na tanhā... na tanhā... balke...* ‘не только..., но и...’.

Союз *و* *va* по своему происхождению является заимствованным из арабского языка и широко употребляется для связи как членов предложения, так и частей сложносочиненных предложений. В персидском языке этот сочинительный союз может звучать и как *-o*, произносимый всегда как энклитика. По своему происхождению *-o* является иранским и восходит к среднеперсидскому *uδ / ut* < др.-перс. *utā* ‘и’. Четких норм употребления той или другой фонетической разновидности этого сочинительного союза, к сожалению, не выработано. Однако можно отметить основные случаи его употребления в виде энклитической частицы *-o*: это поэзия, сочетание синонимов, синтаксические конструкции, занимающие промежуточное положение между копулятивным сложным словом и копулятивным словосочетанием, составные количественные и порядковые числительные: *سعی و کوشش* *sa'y-o kušēš* ‘старания’, *بسط و توسعه* *bast-o-towsee* ‘расширение’, *عبور و مرور* *obur-o-morur* ‘хождение’, ‘движение’, *بیست و پنج* *bist-o panj* ‘двадцать пять’, *صد و سوم* *sad-o sevvom* ‘сто третий’.

Союзы *هم* *ham* и *نیز* *niz* ‘также’ всегда примыкают к предшествующему слову и часто употребляются в сочетании с союзом *و* *va*: *ناطق و همراهش هم وارد اتاق شدند* *Nāteq va hamrāh-aš-ham vāred-e otaq šodand* ‘Докладчик, а также его спутник вошли в комнату’; *من هم غایب بودم* *Emruz šomā sar-e dars nabudid, man-ham qāyeb budam* ‘Сегодня вы не были на занятиях, я также отсутствовал’.

Повторяющиеся союзы соединяют как члены предложения, так и части сложносочиненных предложений: *چه من چه او هیچ چیز نفهمیدیم* *Če man če u hičēz nafahmidim* ‘Как я, так и он ничего не поняли’. Некоторой спецификой обладает повторяющийся союз ...*نه*...*نه* *na... na...* ‘ни..., ни...’ — после него глагол-сказуемое ставится в положительной форме: *نه قلم دارم نه کاغذ* *Na qalam dāram na kāgaz* ‘У меня нет ни ручки, ни бумаги’.

2. Противительные союзы выражают отношения противопоставления, несоответствия, различия. К ним относятся простые союзы *و* *va* ‘а’ (следует отличать от соединительного значения ‘и’), *اما* *ammā*, *ولی* *vāli*, *بلکه* *bālke*, *لیکن* *liken*, *لکن* *lāken* ‘а’, ‘но’, ‘однако’. Последние пять противительных союзов имеют приблизительно одинаковое значение, но различаются стилистически. Реже употреб-

² Союз *و* *va* употребляется также и в противительном значении: ‘а’.

ляется союз لیکن *liken* и особенно لکن *laken*. Последние союзы встречаются в высоком, книжном стиле.

Интересной особенностью противительных союзов является то, что почти все они являются арабскими заимствованиями. Союз ولی *vali* представляет сокращенную форму от ولیکن *valiken*, а بلکه *balke* состоит из арабского союза بل *bal* 'но', 'однако' и персидского که *ke* (первоначально کی *ki*).

3. Р а з д е л и т е л ь н ы е с о ю з ы выражают отношения взаимоисключения, чередование действий, явлений, признаков и представлены одиночным союзом یا *yā* 'или', повторяющимися союзами ...یا...یا *yā... yā...*, ...یا...یا *yā... va yā...* 'или..., или...', 'либо..., либо...', ...خواه...خواه *xāh... xāh...* 'или..., или...', 'хоть..., хоть...', ...گاه...گاه *gāh... gāh...*, ...گاهی...گاهی *gāhi... gāhi...* 'то..., то...', сложными союзами یا آن که *yā ān-ke*, یا این که *yā in-ke*, و یا *va yā* 'или же', 'либо же'.

По своему значению к сочинительным союзам примыкает пояснительный союз یعنی *ya'ni* 'то есть'.

3. Подчинительные союзы

Подчинительные союзы выражают синтаксические отношения между частями сложноподчиненного предложения, связывая придаточные предложения с главными.

В персидском языке отсутствуют такие средства подчинительной связи, как союзные (относительные) слова. В некоторых других языках они в отличие от союзов не только выражают синтаксические отношения между придаточным предложением и главным, но и одновременно являются членами придаточных предложений. Так, в русском языке в роли союзных слов выступают относительные местоимения *который, какой* и местоименные наречия *где, как, когда, откуда*.

Широкое распространение в персидском языке получил универсальный подчинительный союз که *ke*. Посредством этого союза могут вводиться самые разнообразные типы придаточных предложений: придаточные подлежащные, сказуемостные, определительные, дополнительные, временные, условные и т.д. Случаи употребления союза که *ke* с разными типами придаточных предложений рассматриваются в дальнейшем, при описании синтаксиса сложноподчиненных предложений.

Союз که *ke* образовался в результате контаминации среднеперсидских союзов *kā, kī* и относительного местоимения *kē*. В результате слияния этих слов в раннем новоперсидском языке возник союз کی *ki*, который употреблялся и как вопросительное местоимение, а позднее перешел в союз که *ke*. История возникновения этого союза объясняет его многозначность в современном языке.

Союз که *ke* не имеет самостоятельного ударения и всегда интонационно примыкает к предыдущему или последующему слову. При наличии антецедента с выделительным артиклем союз که *ke* всегда произносится слитно с этим словом: زنِ که آمد خواهر دوست من است *Zan-i-ke āmad xāhar-e dust-e man ast* 'Женщина, которая вошла, — сестра моего товарища'.

Своим ритмико-интонационным положением союз *که ke* (а также союз *چه ĉe*) отличается от других подчинительных союзов, которые входят в состав ритмической группы придаточного предложения.

В некоторых грамматиках персидского языка встречаются попытки приписать подчинительному союзу *که ke* вещественное значение и рассматривать его то как относительное местоимение, то как относительную частицу³. В ряде работ *که ke* рассматривается как подчинительный многофункциональный союз.

Обычно в языках, где имеются относительные местоимения и относительные наречия, и те и другие связаны своим происхождением с вопросительными местоимениями и наречиями. Персидский союз *که ke* по своему происхождению также связан с вопросительным местоимением, но отошел от него не только по синтаксическим функциям, но и по морфологическим и семантическим признакам. В современном персидском языке это два совершенно самостоятельных слова. Различия между ними состоят в следующем:

1) союз *که ke* в отличие от вопросительного местоимения *که ke* (в разговорном языке часто — *کی ki*) не может непосредственно соединяться с предлогами и послелогом *را -rā*, не может находиться в начале сложного предложения; фразовое ударение на него никогда не падает, и он, как указывалось выше, всегда энклитичен или проклитичен;

2) подчинительный союз *که ke* не способен принимать показатели множественного числа *ها -hā*, *ان -ān*, тогда как местоимение *که ke* (*کی ki*) в роли вопросительного слова принимает окончания множественного числа: *کیان kiyān*, *کیها kihā*;

3) союз *که ke* существенно отличается от вопросительного местоимения *که ke* (*کی ki*) семантически: вопросительное местоимение связано с определенным лексическим значением 'кто', тогда как союз *که ke* не имеет такого конкретного значения. Этот союз многозначен, его конкретное значение складывается на основании реального содержания связываемых в одно целое предложений. Он полностью превратился в служебное слово и приобрел чисто грамматическое значение, выражающееся в том, что с его помощью придаточное предложение соединяется с главным.

О том, что *که ke* не является относительным местоимением, свидетельствует и частое употребление в придаточных определительных предложениях местоименных подчинительных слов, которые вводят эти придаточные, представляя в них определяемое имя: *در واگن ما مسافرین دیگری هم سفر می کردند که ما توانستیم با آنها آشنا شویم و صحبت کنیم* *Dar vāgon-e mā mosāferin-e digar-i-ham safar mikardand ke-mā tavānestim bā anhā āšnā šavim va sohbat konim* 'В нашем вагоне находились и другие пассажиры, с которыми мы могли познакомиться и побеседовать' (Тафаззоли. Поездка в Москву). В данном сложноподчиненном предложении наряду с *که ke* употреблено местоименное подчинительное слово *با آنها bā ānhā* 'с ними', представляющее определяемое словосочетание *مسافرین دیگری mosāferin-e digar-i* 'другие пассажиры' в придаточном предложении. В тех языках, где имеются относи-

³ Подробный анализ точек зрения на природу подчинительного союза *که ke* и его происхождение дается в нашей работе «Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке» [Рубинчик 1959, с. 20–35].

тельные местоимения, нет потребности в такого рода подчинительных словах, ибо относительные местоимения не только связывают придаточные предложения с главным, но и одновременно представляют в придаточном определяемый член главного предложения.

Большинство подчинительных союзов составляют сложные союзы, в состав которых входит универсальный подчинительный союз *که ke*. В составе многих сложных союзов наряду с союзом *که ke* употребляются имена существительные, вносящие определенные лексические значения, а также выделительный артикль *ی -i*: *وقتى که vaqt-i-ke* 'когда', *در صورتى که dar surat-i-ke* 'в случае, если', 'между тем, как', *به طوری که be towr-i-ke* 'как', 'так что', *از آنجایی که az ānjā-yi-ke* 'ввиду того, что' и т.д. Наличие выделительного артикля в составе сложных союзов свидетельствует о том, что вводимые этими союзами придаточные по происхождению связаны с придаточными определительными предложениями.

В состав сложных подчинительных союзов, включающих в себя *که ke*, часто входят указательные местоимения *این in* 'этот', *آن ān* 'тот': *برای این که barāye in-ke*, *برای آن که barāye ān-ke* 'для того, чтобы', 'потому что', *پیش از آن که piš az ān-ke* 'перед тем, как', *پس از آن که pas az ān-ke* 'после того, как', *به محض این که be mahz-e in-ke* 'как только', 'лишь только' и т.д.

Круг смысловых отношений, выражаемых сложными союзами, охватывает временные, причинные, сравнительные, следственные, целевые и некоторые другие отношения. Появление и развитие сложных союзов представляет собой дальнейшее совершенствование грамматических средств, выражающих подчинение одного предложения другому. Лексическая определенность этих союзов в отличие от союза *که ke* ограничивает круг их синтаксического использования, и поэтому они закреплены за определенными типами придаточных предложений.

Подчинительные союзы в зависимости от семантики и типа придаточного предложения, вводимого ими, подразделяются на несколько групп.

1. **И з ъ я с н и т е л ь н о - о п р е д е л и т е л ь н ы е**: *که ke* 'что', 'чтобы', 'который', *چه ĉe* 'что' (употребляется только с местоимениями *آن ān* 'тот', *هر har* 'каждый', 'всякий').

Об универсальном подчинительном союзе *که ke* довольно подробно говорилось выше. Этот союз может вводить придаточные дополнительные, подлежащие, сказуемые и определительные.

В случае присоединения придаточных определительных предложений союз *که ke* может употребляться либо самостоятельно, либо в сочетании с местоименными подчинительными словами.

Особого внимания заслуживает союз *چه ĉe*, который никогда самостоятельно не употребляется и постоянно сочетается с упомянутыми выше местоимениями. С его помощью вводятся придаточные дополнительные и подлежащие, а местоимения *آن ān* и *هر har* выступают как соотносительные слова в главных предложениях. При этом соотносительное слово *آن ān* в сочетании *آنچه ān-ĉe* сохраняет значение указательного местоимения 'то, что', а соотносительное слово *هر har* в сочетании *هرچه har-ĉe* приобретает значение определительного местоимения 'весь', 'всё, что'.

Другой особенностью союза چه *če* является то, что после него может употребляться универсальный подчинительный союз که *ke*: آنچه که من به تو می گویم *ke* ‘что я тебе говорю, правильно’; صحیح است *Ān-če-ke man be to miگویam sahih ast* ‘То, что я тебе говорю, правильно’; هرچه که می دانست به ما حکایت کرد *Har-če-ke midānest be mā hekāyat kard* ‘Всё, что он знал, рассказал нам’.

2. Временные: وقتی که *vaqt-i-ke*, موقعی که *mowqe'-i-ke*, هنگامی که *hangām-i-ke*, به مجرد این که *be mojarad-e in-ke* ‘едва только’, زمانی که *zamān-i-ke* ‘когда’, همین که *hamin-ke* ‘как только’, قبل از آن که *qabl az ān-ke* ‘до того, как’, پیش از آن که *piš az ān-ke* ‘перед тем, как’, بعد از آن که *ba'd az ān-ke* ‘после того, как’, پس از آن که *pas az ān-ke* ‘в то время, как’, در حالی که *dar hāl-i-ke* ‘пока’, مادام که *mādām-ke* ‘пока’, تا این که *tā in-ke* ‘пока’ и т.д.

Входящие в состав сложного союза указательные местоимения این *in* ‘этот’ و آن *ān* ‘тот’ взаимозаменяемы, причем смысл его не изменяется.

В современном языке наиболее употребительны временные сложные союзы, в состав которых входит слово وقت *vaqt* ‘время’. Сложные союзы وقتی که *vaqt-i-ke* ‘когда’, هر وقت که *har vaqt-ke* ‘всякий раз, когда’ могут употребляться без союза که *ke*, и тогда функцию всего союза берут на себя оставшиеся сочетания وقتی که *vaqt-i-ke* ‘когда’ и هر وقت که *har vaqt* ‘всякий раз, когда’.

3. Причинные: چون که *čon-ke*, چونکه *čon-ke*, زیرا که *zirā-ke* ‘так как’, زیرا که *zirā-ke* ‘поскольку’, به علت آن که *be ellat-e ān-ke* ‘потому что’, به علت آن که *be ellat-e in-ke* ‘по причине того, что’, به سبب این که *be sabab-e ān-ke* ‘по той причине, что’, به سبب این که *be sabab-e in-ke* ‘оттого, что’, به دلیل آن که *be dalil-e ān-ke* ‘ввиду того, что’, به دلیل آن که *be dalil-e in-ke* ‘что’ и т.д.

Среди союзов времени и причины встречаются союзы, близкие друг другу по значению, но отличающиеся стилистически.

Союз که *ke* употребляется факультативно только в составе союзов چونکه *čon-ke* и زیرا که *zirā-ke*; в составе других причинных союзов он не пропускается.

Как видно из приведенных примеров, указательные местоимения آن *ān* и این *in* в составе союзов причины могут также взаимозаменяться, не меняя их семантики.

4. Цельные: برای آن که *barāye ān-ke*, برای این که *barāye in-ke* ‘для того, чтобы’, تا که *tā ke* ‘чтобы’. Союзы تا که *tā ke* и برای این که *barāye in-ke* обычно употребляются самостоятельно, но в некоторых случаях употребляются вместе: تا که *tā-ke*, при этом значение ‘чтобы’ сохраняется: مجبور بودم دور بروم تا که او را ببینم *Majbur budam dur beravam tā-ke u-rā bebinam* ‘Я был вынужден далеко идти, чтобы ее увидеть’.

5. Условные: اگر که *agar-ke*, اگرچه *hargāh*, چنانچه *čenanče* ‘если’, اگرچه *agar-če* ‘хотя’, اگرچه *agar-če* ‘хотя’, در صورتی که *dar surat-i-ke* ‘в том случае, если’.

Употребление условных союзов обычно сопровождается постановкой сказуемого условного придаточного в одной из временных форм сослагательного (наиболее часто) или изъявительного наклонения.

6. Уступительные: اگرچه *agar-če* (گرچه *gar-če*) ‘хотя’, هر چند *har čand* ‘хотя’, ‘несмотря на то, что’, با آن که *bā ān-ke*, با این که *bā in-ke*, با وجود آن که *bā vojud-e ān-ke*, با وجود این که *bā vojud-e in-ke* ‘несмотря на то, что’, هرچه *har-če*,

که هرچه *har-če-ke* 'что ни', 'сколько ни', هر قدر که *har qadr-ke* 'как ни', 'сколько ни' и т.д.

7. Сравнительные: مثل این که *mest-e in-ke*, مثل آن که *mest-e ān-ke*, مانند این که *mānand-e in-ke*, مانند آن که *mānand-e ān-ke* 'подобно тому, как', همان طوری که *hamān towr-i-ke*, همان طور که *hamān towr-ke* 'точно так, как', 'подобно тому, как'.

8. Союзы следствия: به طوری که *be towr-i-ke*, به قسمی که *be qesm-i-ke*, به قدری که *be qadr-i-ke* 'так, что', 'таким образом, что'.

9. Союзы исключения: بدون این که *bedun-e in-ke*, بدون آن که *bedun-e ān-ke*, بی این که *bi in-ke*, بی آن که *bi ān-ke* 'без того, чтобы'. Сопровождаются обычно глаголом-сказуемым в форме настоящего времени сослагательного наклонения (аориста).

По своему значению и по характеру употребления сослагательного наклонения в придаточном к союзам исключения приближается союз به جای آن که *be jā-ye ān-ke*, به جای این که *be jā-ye in-ke* 'вместо того, чтобы'.

Не все подчинительные союзы однозначны, некоторые имеют два, три и даже больше значений и способны присоединять разные типы придаточных предложений. Например, союз چون *čon* имеет значения 'так как' и 'когда' (присоединяет придаточные причины и времени), союз تا *tā* имеет значения 'пока', 'в то время, как', 'до тех пор, пока', 'как только', 'чтобы', 'насколько' (вводит разные виды придаточных времени, придаточные цели, дополнительные и сопоставительные), сложный союз برای آن که *barāye ān-ke* имеет значения 'для того, чтобы' и 'так как', 'потому что' (присоединяет придаточные цели и причины).

Анализ структуры и значений персидских подчинительных союзов показывает их недостаточную изученность в стилистическом плане, особенно в случаях возможности замены одного союза другим. Одновременно он свидетельствует о том, что нужна определенная нормализаторская работа в области упорядочения структуры отдельных сложных подчинительных союзов: пропуск и употребление в их составе союза که *ke* и выделительного артикля.

Глава четырнадцатая

ЧАСТИЦЫ

1. Общая характеристика частиц и их происхождение

Служебные части речи включают в себя не только предлоги и союзы, к их числу относятся также частицы — служебные слова, которые не имеют самостоятельного предметного значения и служат для выражения дополнительных смысловых и модально-экспрессивных оттенков отдельных слов и целых предложений.

Частицы необходимо отличать от модальных слов, близких к ним по структуре и семантико-грамматическому значению. Большинство частиц, как и модальные слова, образовались из других частей речи, которые стали выполнять функцию слов, выражающих дополнительные смысловые и модально-экспрессивные оттенки. Поэтому представляется, что частицы по своему образованию — явление более позднее в языке. По происхождению они связаны с местоимениями (چه *če* 'что'), союзами (که *ke* 'что', 'чтобы'), с прилагательными (دیگر *digar* 'другой', خوب *xub* 'хороший'), с существительными (آخر *āxer* 'конец'), глаголами (بگذار *begozār* 'пусть', بیا *biyā* 'давай', بیایید *biyāyid* 'давайте') и т.д.

По месту, занимаемому по отношению к слову или предложению, от которых они зависят, частицы могут быть препозитивными (چه *če* 'как', 'какой' — چه هوای خوبیست! *Če havā-ye xub-i-st!* 'Какая хорошая погода!'; بگذار *begozār* (разг. *bogzār*) 'пусть' — بگذار بگوید *Begozār beguyad* 'Пусть скажет') и постпозитивными (دیگر *digar* 'ведь', 'же' — من گفتم دیگر *Man goftam digar* 'Я сказал же'; که *ke* 'же' — من که حرفی ندارم *Man-ke harf-i nadāram* 'Я же не возражаю'). Но иногда частицы могут употребляться и в препозиции, и в постпозиции. Они могут зависеть от слова и от всего предложения, выступать как самостоятельное предложение.

Наиболее часто частицы встречаются в разговорной речи, причем некоторые из них могут менять свою фонетическую форму: دیگر *digar* → دیگه *dige*, آخر *āxer* → آخه *āxe*, مگر *magar* → مگه *mage* и т.д.

2. Классификация частиц по значению

Единые критерии классификации выделить не удастся, поскольку частицы выражают различные оттенки слов и предложений, вносят в речь модальные и эмоционально-экспрессивные оттенки.

По выражаемому значению частицы делятся на несколько групп.

1. Утвердительные: *بلی bali*, *بله bale*, *آری āri* (разг. *آره āre*) ‘да’. Употребляются при ответе для выражения утверждения, согласия: *بله* – ‘دوست شما است؟’ *In dust-e šomā ast?* — *Bale* ‘Это ваш друг? — Да’; *بلی* – ‘شما این کتاب را خواندید؟’ *Šomā in ketāb-rā xāndid?* — *Bali, xādam* ‘Вы эту книгу прочитали? — Да, прочитал’.

2. Отрицательные: *نه na* ‘нет’, ‘не’, *خیر xeyr*, *نه na xeyr* (объединены две отрицательные частицы) ‘нет’. Употребляются при отрицании, при отрицательном ответе на вопрос: *خیر* – ‘این دانشیار شما است؟’ *In dānešyār-e šomā ast?* — *Xeyr* ‘Это ваш преподаватель? — Нет’; *شما او را می شناسید؟* — *نه خیر*, *نمی شناسم* *Šomā u-rā mišenāsīd?* — *Na xeyr, nemišenasam* ‘Вы его знаете? — Нет, не знаю’; *او* *تقصیر با او* *شما* *نه با شما* *است*, *Taqsir bā u ast, na bā šomā* ‘Это он виноват, а не вы’.

3. Усилительные: *آخر āxer*, *دیگر digar*, *که ke* ‘же’, ‘ведь’, *ده de!* (вариант *deh!*) ‘ну!’, ‘ну-ка!’, ‘давай-ка!’, *خوب xub* ‘ну’, *هآ hā* ‘ну’, *حتی hattā* ‘даже’, *هم ham* ‘даже’, ‘же’, *بلکه balke* ‘даже’. Эти частицы, не внося нового значения в речь, только усиливают то значение, которое заключено в слове, в высказывании: *من که گفتم* *Man-ke goftam* ‘Я же сказал’; *آخر آنها که خودشان گرسنه اند* *Āxer ānhā-ke xod-ešān gorosne and* ‘Они ведь сами же голодные’; *چه کردی آخر؟* *Āxer? Če kardī āxer?* ‘Что же ты сделал?’; *برو دیگر* *Berow digar* ‘Иди же’; *تلفن هم نکرد* *Telefon-ham nakard* ‘Он даже не позвонил’; *مزارحمتان نمی شوم*, *خوب* *Xub, mozāhem-etān nemišavam* ‘Ну, не стоит вас беспокоить’; *... حالا که اینطور است*, *خوب* *Xub, hālā-ke intowr ast...* ‘Ну, раз так...’; *ببین ها!* *Bebīn hā!* ‘Ну, посмотри!’.

Частица *حتی hattā* ‘даже’ выделяет значение того слова, к которому она относится: *حتی من این دعوتنامه را گرفتم* *Hattā man in da'vatnāme-rā gereftam* ‘Даже я получил это приглашение’.

Иногда усилительные частицы сочетаются между собой или повторяются, как, например, *ده de!* Последняя, выражая призыв, побуждение к действию, всегда употребляется с повелительной формой глагола: *برو ده*, *De, berow de!* ‘Ну, иди же!’; *ده، بخواب دیگه!* *De, bexāb dige!* ‘Ну, спи же!’; *ده، زود باش دیگه!* *De, zud bāš dige!* ‘Ну, пошевеливайся же!’.

4. Восклицательные частицы представлены следующими словами: простым — *چه ċe* ‘как’, ‘какой’, ‘что за’ — и сложными — *چقدر ċeqadr* (*چه ċe + چقدر ċeqadr* ‘как’, ‘какой’, ‘что за’ — *اینجوری injuri* (*این in + جور jur + суф. -ی -yi*) ‘вот как’; *چه کتابهایی بود* *Če ketābhā-yi bud* ‘Каких только книг я там не читал!’; *چه خوب حکایت می کرد!* *Če qadr xub hekāyat mikard!* ‘Как хорошо он рассказывал!’; *چه کتابهایی بود* *Če ketābhā-yi bud ke-ānjā naxāndam!* ‘Каких только книг я там не читал!’; *اینجوری باید ترجمه کرد!* *Injuri bāyad tarjome kard!* ‘Вот как надо переводить!’).

5. Вопросительные: *آیا āyā*, *مگر magar* ‘разве’, ‘ли’. Эти частицы вместе с соответствующей интонацией служат для образования вопросительных предложе-

ний. Они всегда находятся в самом начале предложения: *آیا این کلمه را درست تلفظ می‌کنند?* *Āyā in kalame-rā dorost talaffoz mikonad?* ‘Разве он правильно произносит это слово?’; *مگر او را دیده‌اید?* *Magar u-rā dide-id?* ‘Видели ли вы его?’.

Для образования альтернативных вопросов используются отрицательные частицы *نه na*, *خیر xejr* ‘нет’ в сочетании с союзом *یا yā* ‘или’: *سؤال او را فهمیده‌اید؟ خیر؟* *Soāl-e u-rā fahmide-id yā xejr?* ‘Поняли ли вы его вопрос или нет?’.

Вопросительная частица *ها hā* ‘а’ свойственна в основном разговорной речи и помещается в конце предложения. Она употребляется с целью привлечь внимание собеседника: *چرا اینطور می‌کنی، ها؟* *Čerā intowr mikonī, hā?* ‘Почему ты так делаешь, а?’

В качестве вопросительных частиц с оттенком удивления, недоверия употребляются слово *راستی? rāsti?* ‘правда?’, ‘да?’ и частица *ده de* ‘ну?’, ‘да ну?’, получающие особую вопросительную интонацию с повышением тона в конце: *ده؟ De?* ‘Да ну?’; *او را دیده‌ای؟ راستی؟* *U-rā dide-i? Rāsti?* ‘Ты его видел? Да?’.

Для выражения вопроса с оттенком удивления может быть использована утвердительная частица *بله bāle* ‘да’. В этом случае ударение переносится на последний слог, произносимый повышенным тоном: *بله؟ Balé?* ‘Да ну?’. Эта же частица с той же интонацией используется для переспрашивания (если, например, кто-либо чего-то не расслышал).

6. Выделительно-ограничительные: *فقط faqat*, *تنها tanhā* ‘только’, ‘лишь’. Эти частицы относятся к тому слову, которое логически выделяют в предложении: *فقط شما این کتاب را خوانده‌اید* *Faqat šomā in ketāb-rā naxānde-id* ‘Только вы не прочитали эту книгу’.

7. Модально-побудительные: *بگذار begozār* ‘пусть’, ‘пускай’, *بیا biyā* ‘давай’, *بیا بید biyāyid* ‘давайте’. Все эти частицы глагольного происхождения: они образовались в результате изменения значений форм повелительного наклонения от глаголов *گذاشتن gozāštan* ‘класть’ и *آمدن āmadan* ‘приходить’. Характерной особенностью этих частиц является то, что они употребляются только при глаголах; поэтому указанные частицы можно назвать также приглагольными.

Частица *بگذار begozār* (разг. *bogzār*), присоединяясь к основному глаголу в 3-м лице ед. и мн. числа в форме аориста, придает ему оттенок побуждения, желательности: *بگذار این شعر را بخواند* *Begozār in šer-rā bexānad* ‘Пусть он прочтет это стихотворение’.

Побудительные частицы *بیا biyā* и *بیا بید biyāyid* сочетаются с глаголом в форме аориста 1-го лица мн. числа: *بیا بید در باره این مسئله بحث کنیم* *Biyāyid dar bāre-ye in mas'ale bahs konim* ‘Давайте обсудим этот вопрос’; *بیا روز تعطیل برویم بیرون شهر* *Biyā ruz-e ta'til beravim birun-e šahr* ‘Давай в выходной день поедем за город’.

Глава пятнадцатая

МЕЖДОМЕТИЯ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

По своим внешним признакам, в частности фонетическим, друг к другу примыкают междометия и звукоподражательные слова. Оба класса слов традиционно не рассматриваются как части речи. Они различаются между собой по семантическим и синтаксическим свойствам.

1. Общая характеристика междометий

К междометиям относятся слова, служащие для кратчайшего выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: *ای ey* 'эй', *آه āh* 'ах', *واه vah* 'ай', *به bah-bah* 'браво', 'отлично', 'ах', 'ай-ай', *ای وای vāy-vāy* 'ай-ай', *ای وای ey vāy* 'ой', 'увы' и т.д.

В отличие от знаменательных частей речи междометия не обладают номинативной функцией: они выражают различные ощущения, чувства, побуждения говорящего, но не называют их. Междометия характерны для устной речи, и поэтому их значение в большинстве случаев становится понятным лишь в сочетании с определенной интонацией, в сопровождении тех или иных жестов и мимики. В отличие от служебных частей речи им несвойственна связующая функция.

Большинство междометий ведет свое происхождение от эмоциональных возгласов и звучаний. По своей внешней форме это чаще всего короткие выкрики: *ای دوستا، برویم پیش من! Ey dūstā, beravim piš-e man!* 'Эй, друг, пойдем ко мне!'. Междометия очень многозначны и иногда способны выразить даже противоположные чувства.

В связной речи междометия могут выступать или в качестве отдельного слова, входя в состав предложения, но не являясь его членами, или в качестве самостоятельного предложения: *وای وای Vāy-vāy, ċe kār-i karde!* 'Ой-ой, что он наделал!'; *آفرین! Afarin!* 'Браво!', 'Прекрасно!'.

Необходимо учитывать, что иногда междометия, утрачивая свое эмоциональное значение, могут выступать в роли самостоятельных членов предложения, например:

شد *Hurā az hamejā šenide mišod* «Ура» слышалось отовсюду». В данном предложении междометие *هورا hurā* 'ура' выступает в роли подлежащего, не получая значения существительного. Но возможны случаи, когда междометие получает самостоятельное значение, чаще всего — значение существительного. И тогда оно может выступать как междометие и как существительное, в последнем случае утрачивая полностью свойства междометия: *آه āh* 'ай', 'ой' и 'вздых' (*آه سرد āh-e sard* 'тяжелый вздох'), *وای vāy* 'ай' и 'крик', 'воплъ'.

Свойство междометий приобретать самостоятельное субстантивное значение дает им возможность выступать в качестве именной части сложных глаголов: *آه کشیدن āh kešidan* 'вдыхать', *وای کردن vāy-vāy kardan* 'ахать', 'охать'.

2. Классификация междометий по способу образования и структуре

По структуре все междометия делятся на две основные группы: первичные и производные.

К п е р в и ч н ы м относятся междометия, состоящие из одного звука (гласного) или из сочетания двух либо нескольких звуков (гласных и согласных). Важными свойствами первичных междометий являются их нечленимость и несвязанность по происхождению со знаменательными частями речи — они не имеют определенного грамматического и словообразовательного оформления: *ای ey* 'эй', *آه āh* 'ах', 'ой', 'беда', 'увы' (*возглас досады, печали*), *به bah* 'прекрасно', 'удивительно', 'браво', 'отлично', 'как хорошо', *یا yā* 'о', *هی hey* 'эй', 'слушай', 'берегись', *وای vāy* 'ай', 'ой', 'беда', 'увы' (*возглас досады, печали*), *واه vāh* 'ах', 'ой' (*возглас радости, удивления*) и т.д. Многие первичные междометия часто употребляются в удвоенной и даже утроенной форме: *به به bah-bah* 'браво', 'отлично', 'как хорошо', *واه واه vāh-vāh* 'ай-ай', 'ой-ой', *وای وای وای vāy-vāy-vāy* 'ай-ай-ай'. Иногда для усиления эмоций впереди помещается междометие *ای ey*: *ای وای ey vāy* 'ох', 'ай-ай'.

П р о и з в о д н ы е междометия по своему происхождению связаны со знаменательными словами, которые в этой функции перестают называть факты действительности и служат только для выражения эмоций. Среди них выделяются междометия, выражаемые именами существительными: *سلام salām* 'здравствуйте' (сущ. 'приветствие'); *افسوس afsus* 'жаль', 'увы' (сущ. 'сожаление', 'жалость'); *عجب ajab* 'удивительно', 'да ну', 'странно' (сущ. 'удивление', 'изумление').

Особую группу персидских междометий составляют застывшие арабские предложения: *انشاء الله enšā'allāh* 'дай Бог' (букв. 'если пожелает Бог'), *الحمد لله alhamdolellāh* 'слава Богу' (букв. 'да славится Бог'), *استغفر الله astaqferollāh* 'Господи, прости', 'Боже упаси' (букв. 'да простит меня Бог'), *بارک الله bārekallāh* 'браво', 'хорошо' (букв. 'да благословит тебя Бог'), *ما شاء الله māšā'allāh* 'браво', 'превосходно', 'отлично', 'замечательно' (букв. 'то, что пожелал Аллах'), *معاذ الله ma'āzallāh* 'сохрани Господь', 'не дай Бог', *سلام عليكم salāmaleykom* 'здравствуй(-те)' (букв. 'мир вам').

Часто в состав междометий, образованных от имен существительных и прилагательных, входит безударный суффикс | -ā (ندا *alef-e nedā* ‘алеф-возгласа, призыва’ — архаичный суффикс звательной формы имени): دريغا *darigā* ‘увы’, ‘о горе’, ‘жаль’ (دريغ *darig* ‘жалость’, ‘сожаление’, ‘раскаяние’); حيفا *heyfā* ‘увы’, ‘как жаль’, واويلا *vāvéylā* ‘о горе’, ‘увы’ (ويل *veyl* ‘несчастье’, ‘горе’); واحسرتا *vāhasratā* ‘увы’, ‘о горе’ (حسرت *hasrat* ‘тоска’, ‘печаль’); چه خوشا *če xōšā* ‘как хорошо’; چه بسا *če bāsā* ‘как много’ и т.д.

Значения, выражаемые междометиями-существительными, могут усиливаться употреблением при них числительных هزار *hezār* ‘тысяча’, صد *sad* ‘сто’: هزار افسوس *hezār afsus*, صد حيف *sad heyf* ‘тысяча сожалений’.

Таким образом, усиление значения и эмоционального воздействия междометия может достигаться не только путем удвоения-утроения междометия (см. первичные междометия), но и путем употребления числительных هزار *hezār*, صد *sad*.

3. Классификация междометий по значению

По значению междометия делятся на две группы: междометия, выражающие чувства, и междометия, выражающие волеизъявление (повелительно-побудительные).

3.1. Междометия, выражающие чувства

Этот разряд междометий выражает чувства, переживаемые говорящим, его отношение к окружающей действительности, к речи и действиям собеседника. Для выражения различных чувств используются как первичные, так и производные междометия.

Большую роль при выражении чувств играет интонация. Нередко одно и то же междометие (особенно первичное) благодаря интонации может выражать различные, даже противоположные чувства.

Эти междометия выражают:

а) радость, восхищение, одобрение: واہ واہ *vāh-vāh* ‘ай-ай’, ‘ой-ой’, زہ *zeh* ‘превосходно’, ‘браво’, زہی *zehi* ‘браво’, زہی سعادت *zehi saādat* ‘какое счастье’, ‘как прекрасно’, خوشا *xōšā* ‘хорошо’, ‘прекрасно’, یا *yā* ‘о’ (یا بخت! *yā baxt!* ‘о счастье!’), چه خوشا *če xōšā* ‘как хорошо’, چه بسا *če bāsā* ‘как много’, الحمد لله *alhamdolellāh* ‘слава Богу’, سبحان الله *sobhānallāh* ‘хвала Аллаху’;

б) положительную оценку фактов, похвалу: بہ بہ *bah-bah* ‘прекрасно’, احسن *ahsan* (احسنت *ahsant* букв. ‘ты хорошо сделал’) ‘молодец’, ‘браво’, آفرین *āfarin* ‘браво’, مرحبا *marhabā* ‘браво’, ‘прекрасно’, بارک الله *bārekallāh* ‘прекрасно’, ‘хорошо’; положительную оценку с оттенком пожелания: انشاء الله *ensā'allāh* ‘дай Бог’,

خدا *xodā qovvat* ‘дай Бог’, خدا يار تان *xodā yār-etān* ‘да поможет вам Бог’, هی هی *hey-hey* ‘ну да’, ‘ай да’;

в) горе, печаль, испуг, боль, неудовольствие, сожаление: آه *āh* ‘ай’, ‘ах’, وای وای *vāy-vāy* ‘ай-ай’, وای به جان من وای *vāy be jān-e man vāy* ‘о горе мне’, خاک به سرم *xāk be sar-am* ‘чтоб мне провалиться’, ‘будь я неладен’, دريغا *darīqā* ‘о горе’, واويلا *vāvēylā* ‘о горе’, ‘о несчастье’, واحسرتا *vāhasrātā* ‘увы’, ‘о горе’, افسوس *afsus* ‘увы’, ‘ах’, ‘жаль’, حيف *heyf* ‘увы’, ‘как жаль’;

г) порицание, отвращение, проклятие, презрение: تف *tof*, تفو *tofu* ‘тьфу’, هشا *hašā* ‘никогда’, ‘ни в коем случае’, لعنت *la'nat* ‘проклятие’;

д) удивление: عجب *ajab*, عجباً *ajābā* ‘удивительно’, ‘да ну?’.

3.2. Междометия, выражающие волеизъявление

Данная группа междометий употребляется как средство воздействия на живое существо в целях побуждения, приглашения, призыва, запрещения и т.д.

Эти междометия выражают:

а) оклик, обращение: ای *ey* ‘эй’, ایا *ayā* ‘о’, ‘эй’ (ایا دوستان! *ayā dustān!* ‘о друзья!’), یا *yā* ‘о’ (обычно употребляется в сочетании со звательной формой имени), هی *hey* ‘эй’, ‘слушай’;

б) просьбу о пощаде или помощи: کمک *komak* ‘на помощь’, ‘караул’, امان *amān* ‘пощады’, ‘помоги’, ‘упаси Боже’, ‘избави Бог’, ای داد *ey dād* ‘на помощь’;

в) предостережение, предупреждение, угрозу: ها *hā*, هان *hān* ‘смотри’, ‘вон’, ‘вот’, خبردار *xabardār* ‘эй, берегись’, زنهار *zenhār* ‘берегись’, ‘смотри’, هين *hin* ‘посторонись’, ‘пошевеливайся’, ‘скорее’, ‘живее’, هی *hey* ‘берегись’;

г) побуждение, призыв: بس *bas* ‘достаточно’, يواش *yavāš* ‘тихо’, ‘тише’, ساکت *sāket* ‘молчать’, ‘без разговоров’, س س *ss* ‘чшш’, ‘тсс’, هيس *his* ‘тихо’, ‘тише’, ‘тсс’, لا لا *lālā* ‘бай-бай’, يا الله *yāallā(h)* ‘давай’, ‘быстрее’, ‘пошевеливайся’, ‘живее’.

Особое место среди междометий последней группы занимают слова, употребляемые по отношению к животным с целью позвать их к себе или отогнать от себя. Так, чтобы позвать кошку, говорят پیش پیش *piš-piš* ‘кис-кис’, домашнюю птицу — جو جو *ju-ju* ‘цып-цып’, ‘уть-уть’, ‘тега-тега’, лошадь или осла — کرو کرو *koru-koru*. Для отгона животных используют: в отношении кошки — پیشت *pišt* ‘брысь’, собаки — چخ *čex* ‘прочь’, ‘пошла’, птицы — کیش کیش *kiš-kiš* ‘кыш-кыш’. В дальнейшем необходимо более детальное изучение такого рода междометий.

К междометиям следует также отнести слова, словосочетания и незавершенные предложения, выражающие приветствие и прощание (سلام *salām* ‘привет’, ‘здравствуй(-те)’, سلام عليكم *salām(on)aleykom* ‘здравствуйте’, روز به خیر *ruz be xeyr* ‘добрый день’, ‘всего хорошего’, ‘до свидания’), уверение, клятву ([خدا قسم] *be xodā [qasam]* ‘клянусь Богом’, ‘ей-Богу’).

4. Звукоподражательные слова

По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражательные слова, которые представляют собой условное воспроизведение звуков, сопровождающих действия, производимые человеком, животными и предметами.

Подражания крикам животных: *میو میو* *tiyow-tiyow* 'мяу-мяу', *عو عو* *ow-ow* 'гав-гав' (*лай собаки*), *عر عر* *ar-ar* 'иа-иа' (*рев осла*), *قوقلیقو* *ququliqu* 'кукареку', *قور قور* *qur-qur* 'ква-ква', *بع بع* *ba'-ba'* 'бе-е' (*подражание блянию овцы*), *جیر جیر* *jir-jir* 'чирик-чирик' (*подражание чириканью, щебетанию*).

Подражания звукам, издаваемым предметами или живыми существами: *درنگ درنگ* *derang-derang* 'динь-динь' (*звон колокольчика, металлических или стеклянных предметов*), *قور قور* *qor-qor* 'р-р-р' (*подражание урчанию в желудке*), *وز وز* *vez-vez* 'ж-ж-ж' (*жужжание мухи, писк комара*), *چلپ چلپ* *čelep-čelep* 'хлюп-хлюп', *غل غل* *gol-gol* (*подражание бульканью жидкости, чириканью, щебетанию птиц*).

Большинство персидских звукоподражательных слов одновременно имеет значение имен существительных (например, *میو میو* *tiyow-tiyow* 'мяу-мяу' и 'мяуканье', *جیر جیر* *jir-jir* 'чирик-чирик' и 'чириканье', 'щебетание') и может выступать в качестве именной части сложных глаголов (*بع بع کردن* *ba'-ba' kardan* 'блеять', *وز وز کردن* *vez-vez kardan* 'жужжать', 'пищать', *قور قور کردن* *qur-qur kardan* 'квакать', *غل غل کردن* *gol-gol kardan* 'булькать', 'чирикать', 'щебетать').

Часть третья

СИНТАКСИС

1. Предмет синтаксиса

Синтаксис изучает состав и структуру словосочетания и предложения, а также классифицирует эти языковые единицы по их структурно-семантическим свойствам.

Синтаксис включает в себя правила связывания слов и те единства, в составе которых эти правила реализуются, — синтаксические единицы. В свою очередь, синтаксические единицы состоят из компонентов, которые материально представлены парадигматическими формами слов. Это позволяет рассматривать синтаксис как высший грамматический уровень системы языка, стоящий над морфологическим.

Объектами синтаксиса являются словосочетание, простое и сложное предложения. Они находятся в иерархических отношениях друг с другом. Но объектом изучения синтаксиса является также и слово, которое на этом уровне анализируется со стороны связи с другими формами слов и их функций в составе синтаксических единиц.

Наиболее простой единицей синтаксиса является словосочетание, которое наряду со словом служит строительным материалом для предложения. Каждая последующая единица включает в себя структурные и содержательные элементы и располагает рядом новых свойств, которые отсутствуют у низшей единицы.

Предложение представляет собой качественно новую синтаксическую единицу. Если словосочетание характеризуется отсутствием соотнесенности с ситуацией речи, отсутствием оценки говорящим реальной действительности, то предложение обладает соотнесенностью с ситуацией речи и всегда характеризуется предикативностью. Предикативность, выражающая грамматическими средствами отношение содержания высказываемого к действительности, и интонация сообщения составляют основу предложения. Каждое предложение придает сообщаемому ту или иную модальную или временную характеристику. Коммуникативная функция является первичной для предложения, словосочетание не способно выступать в этой функции.

В простом предложении наблюдается монопредикативность. Сложные предложения, характеризующиеся раздельно оформленной соотнесенностью с ситуацией речи и оценкой говорящим объективного содержания по частям, обладают полипредикативностью.

Итак, основу синтаксиса составляют три вида единиц.

Синтаксическое (свободное) словосочетание — непредикативная единица, образованная соединением слов на основе того или иного вида

синтаксической связи. По семантике словосочетание представляет собой развернутое наименование какого-либо понятия, предмета или явления. В отличие от слова словосочетание вместе с названием предмета включает также обозначение и какого-то его признака (или признаков): *خود دوستی به میهن خود dusti be mihan-e xod* ‘любовь к своей родине’, *کتاب جالب ketāb-e jāleb* ‘интересная книга’, *استفاده از کمک estefāde az komak* ‘использование помощи’, *احتیاج به دانش ehtiyāj be dāneš* ‘потребность в знаниях’, *پر از آب por az āb* ‘полный воды’, *دور از حقیقت dur az haqiqat* ‘далекий от истины’.

Простое предложение — предикативная синтаксическая единица, состоящая из нескольких словосочетаний и слов, связанных тем или иным видом синтаксической связи. Предложение выражает законченную мысль и обычно состоит из двух или более компонентов, обозначаемых как словами, так и словосочетаниями: *خانه ساخته می شود Xāne sāxte mišavad* ‘Дом строится’; *این دختر قشنگ بلند In doxtar-e qašang boland harf mizanad* ‘Эта красивая девушка громко говорит’.

Сложное предложение — синтаксическая единица, компонентами которой являются два или большее количество предложений, связанных между собой синтаксической связью. Части сложного предложения обладают основным конституирующим признаком предложения — предикативностью — и отличаются от самостоятельных простых предложений только тем, что содержат в своем составе показатели синтаксической связи — союзы, местоименные подчинительные слова: *اگر احمد زیر باران بماند آنگاه لباسهایش خیس می شود Agar Ahmad zir-e bārān bemanad āngāh lebāshā-yaš xis mišavad* ‘Если Ахмад попадет под дождь, то его одежда промокнет’; *آدمی که دیروز او را دیده بودید امروز مریض شد Adam-i ke diruz u-rā dide budid emruz mariz šod* ‘Человек, которого вы видели вчера, сегодня заболел’.

Все отмеченные выше синтаксические единицы строятся по определенным схемам, изучением которых занимается синтаксис. Построение синтаксических конструкций настолько разнообразно и многопланово, что они называются также свободными. Необходимо отметить свободное наполнение синтаксических конструкций различными словами. Употребление лексем в составе синтаксических единиц ограничивается только логикой высказывания, смыслом и содержанием, соотносимыми с реальной действительностью.

Свободным синтаксическим конструкциям противостоят устойчивые сочетания слов, которые, хотя и строятся по обычным синтаксическим схемам, имеют лексические, грамматические и семантические особенности, дающие основания исключить их из синтаксиса и включить во фразеологию. Последняя, как самостоятельный раздел языкознания, изучает состав и структуру устойчивых сочетаний слов, особенности их функционирования и закономерности образования.

Фразеология охватывает устойчивые сочетания слов со структурой словосочетания и со структурой предложения: *دل زنگ دل zang-e del* ‘горе’, ‘печаль’ (букв. ‘ржавчина сердца’); *سرما خوردن sarmā xordan* ‘простужаться’ (букв. ‘кушать холод’); *گوشم با شماست Guš-am bā šomā-st* ‘Я вас слушаю’ (букв. ‘Мои уши с вами’). Фразеологизмы полностью исключаются из синтаксиса, и только виды синтаксических структур, способы синтаксической связи членов словосочетаний и членов предложений формально используются для изучения структурных разновидностей устойчивых сочетаний слов.

При определении предмета синтаксиса нельзя пройти мимо устойчивых синтаксических конструкций, которые не входят в состав фразеологии, но по характеру своей структуры (наличию фразеологизированных элементов) напоминают фразеологические предложения. От свободных предложений они отличаются тем, что содержат фразеологизированные схемы. Во фразеологизированных конструкциях отношения между компонентами являются немотивированными, так как они не соответствуют действующим в языке синтаксическим правилам.

В существующих грамматиках и учебниках персидского языка фразеологизированные синтаксические конструкции не отмечаются, хотя они вызывают значительные трудности для понимания их значения и перевода. Например, в предложении *ماهی یک دست کت و شلوار می دوزند، یک خانه جدید می خرند، ماشین می خرند، ماهی یک دست کت و شلوار می دوزند، یکه خانه جدید می خرند، ولی پولها تمام شدنی نیست که نیست* *Māh-i yek dast kot-o šalvār miduzand, yek xāne-ye jadid mixarand, māšin mixarand, vali pulhā tamāmšodani nist-ke nist* (Кейхан, № 11850) фразеологизированная часть представлена повторяющимися отрицательными формами глагола-связки, между которыми помещается слово *که ke*. По-видимому, в данном случае *که ke* является усилительной частицей. Все предложение переводится следующим образом: 'Каждый месяц они шьют себе по костюму, покупают по новому дому, покупают машины, но деньги все никак не кончаются'. Буквально перевести эту устойчивую конструкцию было бы невозможно. По рассмотренной выше устойчивой синтаксической модели с другими глаголами в отрицательной (или положительной) форме и усилительной частицей *که ke* могут быть образованы также подобные конструкции. Общее значение данной фразеологизированной конструкции заключается в усилении второй части сложносочиненного предложения: 'никак не получается', 'никак не выходит' и т.д.

Появление фразеологизированных синтаксических конструкций непосредственно связано с разговорной речью, которая и является основной сферой их функционирования. Отсюда эти конструкции проникают в газетно-публицистический язык и язык художественной прозы. Количество диагностических структурных схем в сфере синтаксиса невелико. А.А.Веретенников в статье, посвященной анализу фразеологизированных конструкций персидского языка, рассматривает шесть фразеологизированных схем и раскрывает их типовое содержание [Веретенников 1995].

Поскольку фразеологизированные конструкции непосредственно не связаны с изменением значения лексических компонентов, их изучение целесообразно проводить на синтаксическом уровне. Выявленные фразеологические схемы в персидском языке будут рассмотрены после описания основных синтаксических моделей простого предложения.

2. Некоторые особенности синтаксиса персидского языка

Каждый язык обладает специфическими особенностями в построении словосочетаний и предложений, которые, с одной стороны, вызваны его морфологической

структурой, а с другой — обусловлены его историческим развитием, наличием особых способов подчинительной и сочинительной связи, порядком слов.

Синтаксис до сего времени остается наименее исследованным разделом грамматики персидского языка, несмотря на то что имеются многочисленные исследования по отдельным проблемам, в частности по вопросам словосочетания, видам простого предложения, по структуре и разновидностям сложноподчиненных предложений. Задача данной «Грамматики» состоит в том, чтобы обобщить имеющиеся исследования и на основе их критического осмысления высказать собственные соображения по наиболее важным вопросам.

Персидский язык по характеру основных связей между словами относится к языкам аналитически-флективного типа, флективные отношения свойственны только глагольной системе. Синтаксические связи между словами в словосочетаниях и предложениях чаще всего выражаются не формами слов, а служебными словами — предлогами, послелогом *را -rā*, служебной частицей — изафетным показателем.

Особую функцию в предложении выполняет послелог *را -rā*, совмещающий в себе свойства служебного слова, аналогичного предлогу, и артикля.

Среди подчинительных средств связи выделяется изафет (от арабского *إضافه ezāfe* ‘добавление’, ‘прибавление’, ‘дополнение’) — особый неударный показатель атрибутивной связи: звук *-e*, примыкающий к предшествующему слову. Слово «изафет» обозначает не только звук *-e* — изафетный показатель, но и синтаксическую конструкцию, образуемую этим показателем и называемую также изафетной конструкцией.

Синтаксическая структура простого предложения персидского языка обладает чертами аналитического строя, что отражается на функционировании отдельных членов предложения и установлении смысловых отношений между ними.

Так, возможен распад некоторых единых членов предложения, обычно глагольных форм. В персидском языке получили большое распространение сложные глаголы, причем некоторые из них могут иметь рамочное построение: *گریهکنان داخل اتاق شد* *Geryekonān dāxel-e otāq šod* ‘Плача, она вошла в комнату’. СГ *داخل شدن* *dāxel šodan* ‘входить’ может употребляться и при контактном положении компонентов: *به اتاق داخل شد* *Be otāq dāxel šod* ‘Она вошла в комнату’.

Дистантное построение могут иметь также некоторые виды именного сказуемого и аналитические формы глаголов, выступающие в предложении как единое сказуемое: *پس از گردش طولانی داشت در اتاق خود استراحت می کرد* *Pas az gardeš-e tulāni dāšt dar otāq-e xod esterāhat mikard* ‘После длительной прогулки он отдыхал в своей комнате’. Вспомогательный глагол *داشت dāšt*, входящий в состав сказуемого, отделен от основной формы глагола *استراحت می کرد esterāhat mikard* ‘отдыхал’ обстоятельством места *در اتاق خود dar otāq-e xod* ‘в своей комнате’.

Отсутствие в некоторых случаях послелога *را -rā* после прямого дополнения, находящегося непосредственно перед глаголом-сказуемым, делает эту конструкцию с синтаксической точки зрения трудноотличимой от сложных глаголов, формально построенных по аналогичной схеме: ср. *او کتاب می خواند* *U ketāb mixānad* ‘Он читает книгу’ и *او استراحت می کند* *U esterāhat mikonad* ‘Он отдыхает (букв. ‘делает отдых’)’.

Характерной структурной особенностью персидского предложения является наличие личной формы глагола, которая выступает в качестве главного выразителя предикативности и обычно помещается в конце предложения. В именных предложениях всегда употребляется глагол-связка, поэтому их называют также связочными предложениями. Глагол отсутствует в эллиптических предложениях и в словах-предложениях, которые специально рассматриваются ниже, в соответствующих разделах синтаксиса простого предложения.

Имеется ряд особенностей в построении сложного предложения. Нередко встречаются сложносочиненные предложения, выделяющиеся своей протяженностью и повторением союза *و* *va* 'и', 'а', способного объединять несколько сложноподчиненных и простых предложений и выражать многообразие смысловых отношений между ними.

Сложноподчиненные предложения обладают большим количеством подчинительных средств, выражающих разнообразные связи между главными и зависимыми предложениями. К ним относятся многочисленные подчинительные союзы, соотносительные слова.

Отсутствие относительных местоимений в персидском языке привело к специфическому построению сложноподчиненных предложений с придаточными определительными. Это выражается в том, что после универсального подчинительного союза *که* *ke* в необходимых случаях употребляются местоименные подчинительные слова, а после определяемого слова-антецедента часто ставится выделительный артикль: *قاشقی که با آن پدر روشن داشت چاییش را هم می زد از دستش به زمین افتاد* *Qāšoq-i-ke bā ān pedar-e Rowšan dāšt čāyi-yaš-rā ham mizad az dast-aš be zamin oftād* 'Ложка, которой отец Роушан помешивал чай, упала из его рук на пол' (Аляви. Комета).

В персидском языке получили большое распространение бессоюзные сложные предложения, в которых средствами объединения служат интонация, паузы, грамматические формы глаголов-сказуемых. Таким образом между предложениями устанавливается связь наподобие той, которая наблюдается в сложноподчиненных и сложносочиненных предложениях.

Часть третья «Синтаксис» состоит из трех разделов: раздел первый — «Строение словосочетаний и предложений», раздел второй — «Простое предложение и его члены», раздел третий — «Сложное предложение». В каждом из разделов выделяется по три главы.

Раздел первый

СТРОЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Глава первая

СПОСОБЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЛОВ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ И ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Компоненты синтаксических единиц находятся друг с другом в определенных синтаксических отношениях, которые формально выражаются различными средствами языка. На способы синтаксической связи оказывает влияние морфологический строй конкретного языка. При подчинительной связи синтаксические отношения между компонентами словосочетаний и членами предложений могут выражаться морфологическими формами слов — словоформами, а также с помощью служебных слов. В языках синтетического строя преобладают средства словоизменения, в языках аналитического строя преимущественно используются служебные слова.

В персидском языке для выражения связи слов в словосочетаниях и простых предложениях используются следующие средства: а) служебные слова (предлоги, послелог *۱* *-rā*, сочинительные союзы), б) изафетный показатель (изафетная частица), в) порядок слов.

Связь между словами может быть сочинительной и подчинительной.

При сочинительной связи слова объединяются как равноправные. Сочинение осуществляется при помощи сочинительных союзов и перечисляющей интонации.

Для выражения подчинительной связи используются следующие способы: изафетная конструкция, порядок слов, примыкание, управление, согласование. Они получили неодинаковое распространение: на уровне словосочетания используются изафетная конструкция, примыкание, управление; на уровне предложения — примыкание, управление, согласование.

В отношении выделения способов связи и их наименований среди иранистов не существует единого мнения. Л.С.Пейсиков в работе «Вопросы синтаксиса персидского языка» отказался от термина «управление», считая, что он может применяться только по отношению к языкам, которые характеризуются падежными связями и имеют формальные показатели грамматических отношений, выраженных в слове. Так, Л.С.Пейсиков считает, что в предложении *او از این کتاب استفاده کرد* *U az in ketāb estefāde kard* 'Он использовал эту книгу' сказуемое *استفاده کرد* *estefāde kard* не

управляет дополнением, потому что форма дополнения остается неизменной [Пейсигов 1959, с. 21]. Однако нам представляется, что отказываться от ясного и уже установившегося термина «управление» не следует. Необходимо только указать, что управление может осуществляться как с помощью предлогов, так и с помощью послелого $\text{ر} -rā$. Более подробно об этом будет сказано ниже, в связи с характеристикой способов синтаксической связи слов.

Остановимся кратко на характеристике каждого способа синтаксической связи.

1. **Изафетная конструкция** — это такой способ подчинительной связи именных словосочетаний, при котором подчиняющее слово, находящееся на первом месте, связывается с последующим, подчиненным словом при помощи изафета — безударного грамматического показателя *-e* (после гласного *-ye*)¹. Таким путем осуществляется связь определения с определяемым: کتاب برادر *ketāb-e barādar* ‘книга брата’, کتاب جالب *ketāb-e jāleb* ‘интересная книга’, خواندن کتاب *xāndan-e ketāb* ‘чтение книги’². В этом заключается главная функция изафета.

Правписание изафета.

Изафет на письме графически изображается только в тех случаях, когда слово оканчивается на гласные $\text{ا} \bar{a}$, $\text{و} u$, $\text{ه} e$ ³.

Таблица 10

	После гласных $\text{ا} \bar{a}$, $\text{و} u$	После гласного $\text{ه} e$
Графическое обозначение изафета	ی	• или ی
Примеры	آشنای من <i>āšnā-ye man</i> ‘мой знакомый’, دانشجوی خوب <i>dānešju-ye xub</i> ‘хороший студент’	خانه ی ما <i>xāne-ye mā</i> ‘наш дом’ یا خانه ما <i>yā xāne mā</i>

Из табл. 10 видно, что после неустойчивого *e* наблюдается неунифицированное изображение изафета — с помощью знака ‘ («хамза») и буквы $\text{ی} (yā)$. Обозначение изафета с помощью буквы ی получило широкое распространение в середине 90-х годов в изданиях Академии персидского языка и литературы.

В арабских заимствованных словах, оканчивающихся на алеф с хамзой (ء) или $\text{واو} vāw$ с хамзой (وء), изафет обычно произносится, но не изображается: *املاء فارسی*

¹ Изафет обычно присоединяется к понимаемому в широком смысле определяемому слову. Однако в ряде случаев изафетный показатель принимают определения, находящиеся в препозиции к определяемому слову (например, определительные местоимения *همه hame*, *تمام tamām*, *کلیه kollīyе* ‘все’, слово *سایر sāyer* ‘другой’, ‘прочий’, а также превосходная степень прилагательных перед существительным во мн. числе: *عاقلمترین دانشجویان āqeltarin-e dānešjuyān* ‘самый умный из студентов’).

² Изафетный показатель употребляется также для связи отыменных предлогов с именами: *توی اتاق tu-ye otāq* ‘в комнате’. Однако в этом случае функция изафета меняется.

³ В учебных текстах (а иногда и в обычных) для облегчения понимания изафет может обозначаться и после слов, оканчивающихся на согласный и устойчивый гласный $\text{ی} i$. В этих случаях под последней буквой предшествующего слова ставится знак $\text{زیر} zir$, араб. *کسره kasre*): کتاب برادر *ketāb-e barādar* ‘книга брата’, *قوٹی کبریت quti-ye kebrīt* ‘коробок спичек’.

emlā-'e *fārsi* 'персидская орфография', سوء استفاده *su*-'e *estefāde* 'злоупотребление'. В отдельных текстах можно встретить и другое написание слов, оканчивающихся на алеф с хамзой: хамза выпадает, и вместо нее употребляется буква *ی* (*ya*): املاى فارسى *emlā-ye fārsi* 'персидская орфография'. Последнее обозначение получило большее распространение в современных текстах.

Возникает вопрос: к какому классу языковых знаков относить изафетный показатель — считать ли его служебной морфемой или служебным словом?

Анализ простого изафетного словосочетания خانه بلند *xāne-ye bolānd* 'высокий дом' показывает, что изафет в произношении является элементом неударяемым и фонетически всегда сливается с предшествующим словом. Однако в персидском языке фонетический признак (как и соответствующие правила графического изображения) не является достаточным критерием для определения морфологической природы тех или иных грамматических показателей и форм. Подобное энклитическое положение выделительного артикля, слитных местоимений, безударного сочинительного союза *و* -*o*, послелого *را* -*rā* и других форм не дает основания отнести их к числу словоизменяемых морфем предшествующих слов.

Изафетный показатель не является показателем формы предшествующего слова, а выступает как самостоятельная морфема, появляющаяся на уровне словосочетания. Наличие изафетного показателя не дает еще полного основания говорить о формальном подчинении в изафетном словосочетании одного слова другому, хотя сам изафетный показатель является одним из видов подчинительной связи.

Дело в том, что имеется ряд грамматических и лексических факторов, обуславливающих постановку изафета не после главного, стержневого слова словосочетания, а после зависимого слова, находящегося в препозиции к нему, после именной части сложного глагола при образовании им рамочной конструкции. К таким случаям в первую очередь следует отнести: а) постановку изафета после определительных местоимений, находящихся всегда в препозиции к главному слову, — همه *hame*, تمام *tamām*, کلیه *kolliyye* 'весь', 'все' и их синонимов — همه دانشجویان *hame-ye dānešjuyān* 'все студенты'; б) употребление изафета после отыменных предлогов — پیش پزشک *piš-e pezešk* 'у врача', من پهلوی *pahlu-ye man* 'рядом со мной'; в) употребление изафета после превосходной степени качественных прилагательных перед именем существительным во мн.числе, когда нужно обозначить выделение одного предмета / лица из многих однородных: بهترین دانشجویان *behtarin-e dānešjuyān* 'лучший из студентов', خوشگترین دختران *xošgeltarin-e doxtarān* 'самая красивая из девушек'; г) образование рамочной конструкции сложного глагола, когда именная часть присоединяется к последующему слову (например, обстоятельству места) посредством изафета: پدر بزرگ داخل اتاق شد *Pedarbozorg dāxel-e otaq šod* 'Дедушка вошел в комнату'. Существует ряд других случаев употребления изафета, когда он не выражает атрибутивную связь между словами (например, рамка в именном составном сказуемом с причастием долженствования: اینجا نیستم *Man māndani-ye injā nistam* 'Я здесь не останусь'; обозначение дальности расстояния с помощью количественного числительного и слова, обозначающего единицы измерения: این کارخانه در پنج کیلومتری شهر واقع است *In kārxāne dar panjikilometri-ye šahr vāqe* 'ast' 'Этот завод расположен в пяти километрах от города').

Таким образом, наличие изафетной конструкции недостаточно для того, чтобы правильно разобраться в строении изафетного словосочетания — установить стержневой член и зависимые от него члены. Для понимания смысла изафетного словосочетания необходим еще грамматический и логический анализ.

Картина происхождения и исторического развития изафета в некоторой степени объясняет его грамматическую неопределенность как морфемы и многообразие выполняемых функций в современном языке.

По своему происхождению изафетный показатель *-e* восходит к древнеперсидскому относительному местоимению *hya*, которое выполняло две основные функции: а) употреблялось для связи придаточного определительного (относительного) предложения с главным и б) выражало атрибутивную и посессивную связь между словами. В последнем случае оно помещалось между определяемым и определением, выраженным прилагательным, причастием и личным местоимением в косвенном падеже.

В среднеперсидском языке относительное местоимение получает более упрощенную форму *i* (*hya > i*), но сохраняет две прежние функции. В этот период происходит более четкое раздвоение функций *i*. По существу, в последующую эпоху развития среднеперсидского языка возникают два самостоятельных элемента: во-первых, *i₁* — относительное местоимение, а во-вторых, *i₂* — изафетный показатель.

В новоперсидском языке относительное местоимение *i₁* было вытеснено универсальным подчинительным союзом $\text{ک} ke^4$, а *i₂* стало широко употребляться в качестве изафетного показателя для обозначения связи между словами в качестве оформителя определенного типа словосочетаний.

Итак, уже в позднюю древнеперсидскую эпоху начался процесс грамматизации и утраты лексического значения относительного местоимения *hya*. Этот процесс заканчивается только к концу среднеперсидской эпохи, когда знаменательное слово превращается в лексически опустошенную синтаксическую морфему $\text{ک} ke$, получившую универсальную связующую функцию.

2. Порядок слов не играет такой существенной роли для выражения связи слов в словосочетаниях и предложениях, как названные выше грамматические средства. Тем не менее следует подчеркнуть, что в персидском языке существует твердый порядок слов, вытекающий из исторически сложившейся структуры предложений и словосочетаний. В большинстве случаев он не зависит от содержания высказывания. Сказуемое всегда находится в конце предложения, подлежащее, как правило, — на первом месте (иногда ему предшествует обстоятельство времени). Определяемое предшествует определению, за исключением случаев, которые предусмотрены грамматическими правилами (например, определения, выраженные указательными и некоторыми другими видами местоимений, а также прилагательные в превосходной степени находятся в препозиции). Различные виды дополнений и обстоятельств, поясняющие сказуемое, ему предшествуют. Однако в эмоционально окрашенной речи порядок слов может нарушаться, наблюдаются случаи обособления второстепенных членов предложения (в основном в поэтической речи).

⁴ Подчинительный союз $\text{ک} ke$, восходящий к древнеперсидской вопросительно-неопределенной основе *kā* 'кто', в среднеперсидском языке в формах *kā*, *kē*, *ki* использовался как вопросительное слово и как средство подчинительной связи.

Особенности порядка слов и его влияние на структуру словосочетаний и предложений рассматриваются ниже при анализе их конкретных разновидностей.

3. П р и м ы к а н и е — способ подчинительной связи, при котором подчиненное слово употребляется без всяких релятивных показателей (без предлогов, послелога را *rā*, изафета). Хотя между членами словосочетания нет никаких связующих звеньев в виде служебных слов или изафетного показателя, они находятся в определенных синтаксических отношениях, образуя смысловое единство. Посредством примыкания осуществляется связь препозитивных определений с определяемыми словами (این دفتر *in daftar* ‘эта тетрадь’, به دیگر سخنان *be digar soxanān* ‘другими словами’, بهترین دانشجو *behtarin dānešju* ‘лучший студент’), обстоятельственных членов предложения со сказуемым и т.д.

Примыкание используется в персидском языке для связи слов как внутри словосочетания, так и в составе предложения. В предложении по способу примыкания формируются многие типы глагольных словосочетаний, выступающих как отдельное предложение или как единый член — сложного глагольного сказуемого: باید رفت *bāyad raft* ‘надо идти’, می توان نشان داد *mitavān nešān dād* ‘можно показать’, لازم است اقرار کرد *lāzem ast eqrār kard* ‘необходимо признаться’, по способу примыкания связываются между собой многие члены предложения (например, обстоятельство, выраженное наречием, со сказуемым; определение, выраженное указательным местоимением, с субстантивным членом предложения).

Л.С.Пейсиков различает примыкание по двум параметрам: фиксированное (связанное) и свободное, препозитивное и постпозитивное [Пейсиков 1959, с. 113–117]. Такое выделение разновидностей нам представляется вполне оправданным.

При фиксированном примыкании члены словосочетания неотделимы друг от друга или отделены лишь в некоторых определенных случаях; такие словосочетания представляют собой спаянное синтаксическое единство: بیچاره دهاتی *bičāre dehāti* ‘бедный крестьянин’, بزرگترین کشور *bozorgtarin kešvar* ‘крупнейшая страна’, مختصر زمان *moxtasar zamān* ‘короткое время’, دکتر شهیدی *doktor Šahidi* ‘доктор Шахиди’, خیلی خوب *xeyli xub* ‘очень хорошо’.

Относительно фиксированное примыкание встречается в инфинитивных словосочетаниях, в которых порядок расположения членов может быть изменен. Например, в словосочетании هر روز برنج و روغن مصرف کردن *har ruz berenj va rowqan masraf kardan* ‘ежедневно расходовать масло и рис’ распространяющие члены могут меняться местами без существенного изменения смысла словосочетания.

В словосочетаниях, возникающих на базе предложения, наблюдается свободное примыкание. Это выражается в слабой закреплённости местоположения членов, в отсутствии контактности и фиксированности. Так, в предложении باید از این حوادث بسیار عمیقی فرا بگیریم *Bāyad az in havādes darshā-ye besyār amiq-i farā-begirim* ‘Мы должны из этих событий извлечь очень серьезные уроки’ сказуемое, выраженное глагольным словосочетанием فرا بگیریم *farā begirim* ‘должны... извлечь’, разбито на две части: первая часть начинается предложение, вторая заключает, а между элементами сказуемого помещаются другие члены предложения. Однако такой порядок слов не является строго обязательным, так как можно сказать باید از این حوادث بسیار عمیقی فرا بگیریم *Az in havādes bāyad darshā-ye besyār amiq-i farā-begirim*, а также از این حوادث

primykaniya. *Az in havādes darshā-ye besyār amiq-i bāyad farā-begirim.*

Примыкание может быть препозитивным или постпозитивным. Препозитивное примыкание характеризуется тем, что распространяющий член стоит впереди главного (см. примеры, приведенные выше). Постпозитивное примыкание характерно для распространяющих членов, входящих в состав предложения. Оно часто возникает в результате нарушения препозитивного примыкания, особенно в разговорной, эмоциональной речи, в поэзии. Инверсия наблюдается в диалогической речи и отражается в художественной литературе: صحبت کردیم خیلی آهسته *Sohbat kardim xeyli āheste* 'Мы разговаривали очень тихо'; تهران بودم سال گذشته *Tehrān budam sāl-e gozašte* 'Я был в Тегеране в прошлом году'.

4. Управление — способ связи подчиненного слова с подчиняющим при помощи предлогов или послелога رā -*rā*. При помощи предлогов подчинительная связь осуществляется как на уровне предложения — связь сказуемого с зависимыми от него второстепенными членами (بارها به او گفته بودم *Bārḥā be u gofte budam* 'Я ему неоднократно говорил'), так и на уровне словосочетания — связь главного члена с распространяющим (دفاع از میهن *defā' az mihan* 'защита отечества').

К средствам связи, осуществляющим управление, мы относим также послелог رā -*rā*. Но он служит средством связи слов на уровне предложения. На уровне словосочетания можно говорить об употреблении رā -*rā* только внутри инфинитивных словосочетаний, что наблюдается не так часто. Например, в предложении الآن این کتاب را خواندن ممکن نیست *Al'ān in ketāb-rā xāndan momken nist* 'Сейчас читать эту книгу невозможно' послелог رā -*rā* употребляется в инфинитивном словосочетании после относящегося к инфинитиву прямого дополнения. Только инфинитивные словосочетания допускают употребление послелога رā -*rā*; в других видах словосочетаний он не употребляется.

Во флективных языках при управлении, как способе подчинительной связи, синтаксические отношения между словами (пространственные, временные, причинные, целевые и др.) выражаются предлогами совместно с косвенными падежами имен существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных и числительных, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, прилагательными — с другой.

В персидском языке именные части речи не имеют категории падежа, но это не дает оснований отказываться от термина «управление». Связь между подчиняющим и подчиненным словами осуществляется предлогами и послелогом رā -*rā*, имена же сохраняют свою форму неизменной. Л.С.Пейсиков, отказавшись рассматривать رā -*rā* как релятивное слово — послелог, говорит об этом способе подчинительной связи как о предложном, т.е. понятие «управление» заменяется на понятие «предложная связь» [Пейсиков 1959, с. 17].

5. Согласование — это такой способ подчинительной связи членов предложения, который возникает только между сказуемым и подлежащим двусоставного предложения, обеспечивая координацию и соотнесенность главных членов. Особенность согласования в персидском языке состоит в том, что в определенных случаях оно формально может нарушаться. В строе словосочетаний согласование отсутствует.

Если подлежащее выражено существительным одушевленным, то сказуемое согласуется с ним в лице и числе: *بچه ها آمدند Baččehā āmadand* 'Дети пришли'; *دانشجویان کار می کنند Dānešjujān kār mikonand* 'Студенты работают'. В том случае, если подлежащее выражено существительным неодушевленным, согласование в числе может нарушаться: *کتابها و دفترها روی میز است Ketābhā va daftarhā ru-ye miz ast* 'Книги и тетради находятся (букв. 'есть') на столе'. Случаи согласования и несогласования сказуемого с подлежащим были рассмотрены в связи с характеристикой категории одушевленности / неодушевленности, поэтому здесь они не затрагиваются.

Помимо рассмотренных выше способов подчинительной связи слов в некоторых работах по грамматике персидского языка выдвигается еще один — местоименный вид связи, и тогда синтаксическая группа слов, якобы объединенная слитным местоимением, называется словосочетанием с местоименной связью, см. [Пейсиков 1959, с. 187–196; Миколайчик 1980, с. 250–251]. В данном случае речь идет о таких предложениях, как *عمو زنش بیمار است Amu zan-aš bimār ast* 'Жена дяди (букв. дядя — его жена) больна'; *اسب قیمتش گران است Asp qeymat-aš gerān ast* 'Цена лошади (букв. лошадь — ее цена) дорогá'.

Л.С.Пейсиков считает, что местоименный вид связи охватывает как словосочетания, так и предложения, но когда речь идет об анализе конкретных синтаксических единиц, он высказывается очень неопределенно и противоречиво.

Так, говоря о словосочетаниях типа *عمو زنش amu zan-aš* (т.е. о так называемых словосочетаниях с местоименной связью), Л.С.Пейсиков отмечает, что они встречаются во всех стилистических вариантах литературного языка, в диалогах, а также в живых говорах. При этом местоименная энклитика является выражением формы словосочетания. Такого рода словосочетания получили распространение во многих языках мира, особенно широко они представлены в тюркских языках.

Далее Л.С.Пейсиковым дается описание таких словосочетаний: они строятся на базе имен существительных, которые выступают в роли главного слова словосочетания; в редких случаях главное слово может быть выражено инфинитивом глагола: *این کتاب خواندنش آسان نیست In ketāb xāndan-aš āsān nist* 'Читать эту книгу нелегко'.

К структурным особенностям словосочетаний с местоименной связью относится их синтаксическая расчлененность — возможность включения слова или ряда зависимых слов между компонентами словосочетания: *علی کری زمستان چشمش درد می کرد Ali Kari zemes-tān češm-aš dard mikard* 'У Али Кяри зимой болели глаза' (М.Эслами. Будущее)⁵.

В качестве главного слова таких словосочетаний может выступать не только подлежащее, но и другие члены предложения, например прямое дополнение с послелогом *را -rā*: *اعلانی که دستور داده بودید رونویسیش را تهیه کردم E'lān-i-ke dastur dāde budid runevis-aš-rā tahiyye kardam* 'Я приготовил копию того объявления, которое вы мне приказали сделать' (Хедаят. Хаджи-ага).

Но оформляться послелогом *را -rā* может и первый член (распространяющее слово), когда оно выступает как прямое дополнение: *آقدس خانم را کس و کارش*

⁵ Этот и некоторые другие примеры взяты из книги Л.С.Пейсикова «Вопросы синтаксиса персидского языка» [Пейсиков 1959]. В нашем списке источников эти произведения не указаны.

دانستند خوشبخت می دانستند *Aqdas-xānom-rā kasokār-aš xošbaxt midānestand* 'Родные и знакомые считали Агдас-ханом счастливой' (Аляви. Счастливая женщина). Для словосочетания с местоименной связью характерно, по мнению Л.С.Пейсикова, выражение значения принадлежности (посессивности) в широком смысле.

Обратимся к фактам: действительно ли рассмотренные выше конструкции со слитными местоимениями представляют собою синтаксические словосочетания, в которых отношения между стержневым и распространяющим словом выражаются местоименной связью?

Синтаксический и интонационный анализ таких групп слов показывает, что они не являются словосочетаниями в обычном понимании термина, так как существуют не отдельно, а только в составе предложения.

Если сравнить обычное изафетное словосочетание *زن عمو zan-e amu* 'жена дяди' и так называемое словосочетание с местоименной связью *عمو زنش amu zan-aš*, то первое словосочетание выступает как единая синтагма с повышением тона на последнем слоге второго компонента. Оно может выступать отдельно от других членов, образуя номинативное предложение.

Совершенно другой интонацией характеризуется группа *عمو زنش amu zan-aš*. Ее интонационный рисунок выявляется только в составе предложения: оба первых слова (в том числе и слово со слитным местоимением) произносятся с повышением тона на последних слогах (во втором случае повышение тона приходится на местоименную энклитику), между первым и вторым словами возникает пауза. Последнее свидетельствует о том, что данную конструкцию нельзя рассматривать как единое словосочетание. Вторая группа слов не может быть представлена как номинативное предложение и, следовательно, остается как бы незавершенной, требующей поясняющих слов. Она не является самостоятельным словосочетанием.

В конце концов Л.С.Пейсиков приходит к выводу, что «словосочетание с местоименной связью не существует „отдельно“ от предложения как его строительный материал... Словосочетания с местоименной связью возникают лишь на базе предикативного соединения слов...» [Пейсиков 1959, с. 196]. И далее он признает, что такого рода словосочетания «стоят как бы на периферии системы персидских словосочетаний и, может быть, методологически должны быть изучены не в системе словосочетаний как номинативных единиц языка, а в разделе „Предложение“» (там же).

Таким образом, сам инициатор выделения словосочетаний с местоименной связью фактически отказывается от этого вида словосочетаний, а способ подчинительной связи с помощью слитных местоимений он безоговорочно относит к синтаксическим видам связи слов, проявляющимся в предложении. Поэтому представляется странным, что в работе сохраняется раздел, посвященный описанию словосочетаний с местоименной связью, а среди средств, создающих форму подчинительных словосочетаний, наряду с изафетом, предлогами, примыканием упоминается и местоименная связь.

Говоря о словосочетаниях с местоименной связью, Л.С.Пейсиков ссылается на работу В.С.Расторгуевой «Очерки по таджикской диалектологии» [Расторгуева 1952]. Однако, по нашему мнению, распространенная в северных таджикских говорах подобного рода конструкция имеет более слитный и самостоятельный характер, чем в персидском языке. Она возникла под влиянием узбекского языка. Думается,

что свойства и особенности этой конструкции не следует переносить на специфическое построение слов в персидском языке.

Упоминание о такого рода конструкции и о роли энклитических местоимений, представляющих предшествующее слово (антецедент) в следующем за ним предложении, можно найти в грамматике Г.Енсена [Jensen 1931], в работах Ж.Лазара [Lazard 1957; 1963] и др. Однако грамматического анализа данной конструкции в этих работах нет.

Впервые подробное освещение эта конструкция получила в работе А.К.Арендса «Краткий синтаксис современного персидского литературного языка» [Арендс 1941]. По его мнению, в предложении *است اسپ قیمتش گران است Asp qeymat-aš gerān ast* ‘Цена лошади дорогá’ слово *اسپ asp* ‘лошадь’ является подлежащим, а остальная часть — *قیمتش گران است qeymat-aš gerān ast* ‘ее цена дорогá’ — названа «предикативной группой слов» (там же, с. 32–34). Здесь же подчеркивается, что между двумя частями возникает пауза несколько более длительная, чем между главными членами в обычных двусоставных предложениях.

Во второй части уже упоминавшейся нами работы, которая озаглавлена «Простое предложение и его главные члены», Л.С.Пейсиков снова возвращается к местоименной связи слов. Разбирая предложение *عمو زنش درگذشت Amu zan-aš dar-gozašt* ‘Жена дяди умерла’, он выделяет «два ярко выраженных состава, которые призваны передать основное предикативное отношение „носитель действия — признак“» [Пейсиков 1959, с. 381]. В этом предложении носителем признака — подлежащим — выступает *عمو amu* ‘дядя’, а признак выражен группой слов — *زنش درگذشت zan-aš dar-gozašt* ‘его жена умерла’, — напоминающей по своему составу предложение. Таким образом, Л.С.Пейсиков разделяет точку зрения А.К.Арендса на эту конструкцию.

Вместе с тем Л.С.Пейсиков приводит примеры, которые не укладываются в рамки предложенной схемы (антецедент не является подлежащим по отношению к предикативной группе) и заставляют задуматься о необходимости другого подхода к анализируемой конструкции. Вот эти примеры: *اقدس خانم را كس و كارش اقدس خانم را كس و كارش Aqdas-xānom-rā kasokār-aš xošbaxt midānestand* ‘Ее родные и знакомые считали Агдас-ханом счастливой’ (Аляви. Счастливая женщина); *آفاكوچك را چقدر خرج تحصیلش كردم! Āfakūček-rā čeqadr xarj-e tahsil-aš kardam!* ‘Сколько я потратил сил на образование сына!’ (Хедаят. Хаджи-ага).

В приведенных примерах первый компонент (антецедент) выступает соответственно в роли прямого и косвенного дополнений, так что он не может считаться подлежащим. Что касается подлежащих так называемой предикативной части слов, то в первом предложении им является словосочетание *كس و كارش kasokār-aš* ‘ее родные и знакомые’, а во втором предложении подлежащее отсутствует и в качестве субъекта подразумевается личное местоимение *من man* ‘я’.

Кроме того, между антецедентом и предикативной частью иногда могут вклиниваться обстоятельства времени и некоторые другие члены предложения: *زمین او امسال حاصلش خوب نبود Zamin-e u emsāl hāsel-aš xub nabud* ‘В этом году земля принесла ему неважный урожай’ (Хедаят. Лале).

Иной подход наблюдается в статье А.П.Белицына «О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке» [Белицын 1976]. Рассматривая парадигму

изменений глагольного и именного компонентов в двух предложениях: *من برادرم خندید* *Man barādar-am xandid* 'Мой брат рассмеялся' и *من خنده ام گرفت* *Man xande-am gereft* 'Мне стало смешно', он приходит к выводу, что в обоих предложениях первые члены-антецеденты не являются подлежащими и рассматриваются как факультативные члены, которые могут быть опущены.

Автор статьи показывает, что первое предложение является простым двусоставным предложением. Согласование в числе между сказуемым и подлежащим может меняться в зависимости от формы числа подлежащего: *من برادرانم خندیدند* *Man barādarān-am xandidand* 'Мои братья рассмеялись'.

Второе предложение выступает как односоставное безличное предложение — фразеологизм, в котором изменяться может только энклитическое местоимение, а именная и глагольная части остаются неизменными: *تو خنده ات گرفت* *To xande-at gereft* 'Тебе стало смешно'; *ما خنده امان گرفت* *Mā xande-emān gereft* 'Нам стало смешно' и т.д.

Что касается антецедента, то А.П.Белицын делает вывод, что это «обособленный член предложения, средство плеонастического выражения особой стилистической экспрессии» [Белицын 1976, с. 48].

А.П.Белицын полностью разделяет точку зрения автора «Грамматики», высказанную еще в очерке «Современный персидский язык» [Рубинчик 1960, с. 118–119]: при обособлении второстепенного члена это слово (или словосочетание) ставится на первое место, а вместо него при подчиняющем члене предложения употребляется соответствующее слитное местоимение, которое соотносительно с выделяемым словом и повторяет его.

Итак, приступая к рассмотрению разновидностей персидских словосочетаний, мы исключаем из их числа словосочетания с местоименной связью.

Глава вторая

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Эта глава посвящена характеристике свободных синтаксических словосочетаний, представляющих собой объединение знаменательных слов, связанных грамматически и выражающих единое, но расчлененное понятие. Всякое синтаксическое словосочетание представляет собой сложное наименование явлений объективной действительности: خانه پدر *xāne-ye pedar* 'дом отца', بلند حرف زدن *boland harf zadan* 'громко говорить', نان خریدن *nān xaridan* 'покупать хлеб', بسیار خوب *besyār xub* 'очень хорошо', نوشته نامه *neveštan-e nāme* 'написание письма' и т.д. Не всякое соединение знаменательных слов образует единство. Некоторые слова логически не соединяются между собой и поэтому не могут образовывать номинативные словосочетания.

Каждое словосочетание грамматически оформлено тем или иным способом: изафетным показателем, примыканием, порядком слов, предлогом. Такие словосочетания имеют смысл, вытекающий из значений составляющих их слов. Они образуются каждый раз говорящим или пишущим заново для каждого конкретного случая. От свободных словосочетаний отличаются фразеологические словосочетания, построенные теми же грамматическими способами и по тем же синтаксическим моделям, но имеющие ряд существенных особенностей. Они характеризуются тем, что их общий смысл в большинстве случаев не равняется прямой сумме значений составляющих их компонентов, а благодаря своей устойчивости фразеологизмы воспроизводятся как уже готовые единицы. Поэтому в данной главе они не рассматриваются.

Любое синтаксическое словосочетание состоит из двух и более знаменательных слов, имеет свое содержание и свою форму и выполняет определенную функцию в связной речи.

Расположение слов, способ их сочетания и другие грамматические приемы, дающие возможность выразить содержание словосочетания, образуют его форму. Важную роль в организации словосочетания, в создании его структуры играют грамматические и фонетические средства.

Известно, что для каждой части речи характерны определенные синтаксические способы связи, которые проявляются при объединении их в составе словосочетаний. Большую роль в создании словосочетаний поэтому играет главное (стержневое) слово, к которому присоединяются зависимые компоненты. На этом основании строится одна из классификаций словосочетаний: в зависимости от того, какое слово в нем является главным, различается несколько типов словосочетаний.

1. Именные словосочетания; наиболее часто в роли главного слова выступают имена существительные: *عمارت بلند emārat-e boland* 'высокое здание', *دفاع از میهن defā' az mihan* 'защита отечества', *آن دوره ān dowre* 'та эпоха'.

В качестве главного слова именных словосочетаний могут выступать и прилагательные, причем распространяющие слова присоединяются к ним предлогом или изафетом: *پر از آب por az āb* 'полный воды', *کار آماده آماده āmāde-ye kār* 'готовый к работе'.

2. Инфинитивные словосочетания: *خوب تحصیل کردن xub tahsil kardan* 'хорошо учиться', *وظایف خود را انجام دادن vazāyef-e xod-rā anjām dādan* 'выполнять свои обязанности'; словосочетания такого типа широко используются в роли различных субстантивных членов предложения.

3. Причастные словосочетания: *رسیده از ایران raside az Irān* 'прибывший из Ирана', *پوشیده از برف pušide az barf* 'покрытый снегом'; по своим свойствам к персидским причастиям относятся и причастия арабского происхождения: *شامل سه قسمت šāmel-e se gesmat* 'включающий три части', *خالی از اشتباهات xāli az eštebāhāt* 'свободный от ошибок'.

4. Наречные словосочетания: *خیلی بندرت xeyli benodrat* 'очень редко'.

5. Местоименные словосочетания: *خود من xod-e man* 'я сам', *من بیچاره man-e bičāre* 'бедный я'.

Другую классификацию синтаксических словосочетаний предлагает Л.С.Пейсков [Пейсков 1959], вводя вслед за другими синтаксистами понятие «форма словосочетания». В это понятие он в первую очередь включает синтаксический способ связи слов, а также расположение в нем компонентов словосочетания. Такой подход, по его мнению, лучше помогает вскрыть структурные типы словосочетаний и их грамматическую специфику (там же, с. 39). К этому следует добавить, что необходимо учитывать также порядок следования компонентов и просодическое строение словосочетания, которое проявляется при вхождении словосочетания в состав предложения.

Таким образом, понятие «форма словосочетания» включает в себя несколько конституирующих элементов, среди которых выделяется один господствующий, составляющий специфику данного словосочетания. Например, в словосочетании *خانه بلند xāne-ye boland* 'высокий дом' зависимое слово стоит после подчиняющего слова и связывается с ним изафетным показателем. Какой же элемент формы словосочетания является здесь определяющим, господствующим? Порядок слов не является решающим, так как без изафетного показателя невозможно выразить смысл данного словосочетания. Кроме того, возможны изафетные словосочетания, когда зависимый член расположен впереди определяемого слова, например *سایر دانشجویان sāyer-e dānešjuyān* 'остальные студенты'. Определяющим элементом формы словосочетания *خانه بلند xāne-ye boland* является способ подчинительной связи — изафетная конструкция.

В действительности не существует таких словосочетаний, которые были бы построены только на одном каком-то виде грамматической связи. В каждом конкретном случае необходимо выделить господствующий вид грамматической связи, определяющий форму данного словосочетания.

В другом словосочетании — *صعود به قله soud-e be qolle* ‘восхождение на вершину’ — связь подчиняющего слова с распространяющим обеспечивается предложной связью, изафетным показателем и порядком слов. Но господствующим видом связи является предложная связь, выражающая пространственные отношения (отношения действия и места действия). Изафет и порядок слов служат второстепенными, сопутствующими признаками формы: изафет может быть опущен, а порядок слов в стилистических целях может быть изменен (например, *مگر این بود به قله* ‘Разве это было восхождение на вершину?!’). Следовательно, на основе господствующего способа связи словосочетание *صعود به قله soud-e be qolle* должно быть отнесено к предложным.

На основании этого способа связи в персидском языке выделяются следующие типы синтаксических словосочетаний: а) изафетные словосочетания, б) словосочетания, построенные на примыкании, в) предложные словосочетания.

Определив типы словосочетаний по господствующему виду синтаксической связи, необходимо обратить внимание также на морфологическую принадлежность входящих в словосочетание компонентов. Строение словосочетаний находится в прямой зависимости от морфологической природы их компонентов. В составе словосочетания выделяется главное, стержневое слово, вокруг которого группируются другие члены словосочетания. Если стержневым словом выступает существительное, то все словосочетание получает название субстантивного; если главным словом является прилагательное, то словосочетание становится адъективным; при использовании инфинитива в роли стержневого слова словосочетание будет инфинитивным и т.д.

Выделяя основные типы подчинительных словосочетаний (изафетные словосочетания, словосочетания с примыкающей связью, предложные словосочетания), мы исходили из структуры простых словосочетаний, состоящих из двух знаменательных компонентов и построенных на одном виде грамматической связи. Простое словосочетание состоит из одного стержневого слова и одного распространяющего. Но в языке встречаются часто сложные словосочетания, которые состоят из большего числа компонентов и образуют комбинации нескольких видов связи слов. Например, в одном и том же сложном словосочетании можно встретить в качестве грамматических средств связи и предлог, и изафет, и примыкание. Кроме того, для связи распространяющих членов между собой, а также для объединения нескольких словосочетаний используется сочинительная связь. Словосочетания, построенные на смешанных видах связи, рассматриваются после простых словосочетаний.

1. Возможны ли сочинительные словосочетания?

Если признать наличие сочинительных словосочетаний, то следует говорить и о связочной функции союзов в строе словосочетаний. Однако без оговорок говорить об этом не удается.

Как известно, в синтаксисе сочинительный вид связи выражает такие отношения, при которых сочетаемые элементы выступают как синтаксически равноправные и отсутствует зависимость одного элемента от другого. В связи с этим возникает вопрос о правомерности отнесения к словосочетаниям сочинительных соединений слов, поскольку они не являются результатом распространения одного знаменательного слова другим, в них нет главного (стержневого) и распространяющего членов. В отличие от подчинительных словосочетаний они в меньшей степени способны выступать в номинативной функции и сближаться со словом. Даже если включать сочинительные сочетания в раздел синтаксиса, посвященный изучению различных соединений слов, то не следует игнорировать качественные различия между сочинительными и подчинительными сочетаниями, специфику тех и других, резко их разграничивающую.

В.В.Виноградов, рассматривая разные виды сочинительных связей в русском языке, пришел к выводу, что «понятие сочинительных, или однородных, словосочетаний вырастает на почве смешения словосочетаний и так называемых однородных членов предложения, на почве общего неразграничения словосочетания и предложения» [Грамматика 1954, с. 42]. Вместе с тем он считает возможным сохранить термин «сочинительные словосочетания» за парными сочетаниями слов, принадлежащими к одной и той же части речи: *отец и мать* (родители), *день и ночь* (сутки), *муж и жена*, *униженные и оскорбленные*, *отцы и дети* и т.п. Такие сочетания подверглись лексико-семантической стабилизации и употребляются в номинативной функции (там же). В данном случае речь идет о парных сочинительных словосочетаниях, характеризующихся определенной лексико-семантической устойчивостью и этим отличающихся от обычных подчинительных словосочетаний.

В персидском языке встречается большое количество стабилизировавшихся парных сочетаний типа *отец и мать* (родители), *день и ночь* (сутки). Одни из них рассматриваются как сложные слова копулятивного типа, другие — как фразеологизмы. Не вдаваясь в подробности разграничения свободных синтаксических словосочетаний, устойчивых копулятивных словосочетаний (фразеологизмов) и сложных слов копулятивного типа¹, отметим, что к синтаксическим словосочетаниям, по-видимому, можно отнести только парные соединения синонимов, выражающих одинаковые понятия, но принадлежащих к разным стилистическим слоям. Например, могут объединяться в синонимические пары персидское и заимствованное слово, употребительное слово и слово менее употребительное: *سعی و کوشش sa'y-o kušeš* 'старание' (букв. 'старание и старание', первое — арабское слово, второе — персидское), *سست و ضعیف sost-o zaif* (букв. 'слабый и слабый', первое — персидское, второе — арабское), *واضح و آشکار vāzeh-o āškār* 'ясный' (букв. 'ясный и ясный', первое — арабское, второе — персидское). В роли заимствованного компонента обычно выступает арабское слово, а сочинительный союз *و* часто произносится как *-o* (хотя при определенных обстоятельствах возможно и произношение *va*). Нередки случаи, когда оба компонента представлены арабскими словами: *نظم و ترتیب nazm-o tartīb* 'порядок', *قصد و هدف qasd-o hadaf* 'цель', 'намерение'.

¹ На материале персидского языка проводился довольно обстоятельный анализ сочетаний слов, создающих единицы трех разных уровней: синтаксического, лексического и фразеологического, см. [Пейсинов 1959, с. 29–30, 1973, с. 160–163; Рубинчик 1981, с. 78–91], однако потребность в дальнейшем их исследовании по-прежнему сохраняется.

Итак, о сочинительных словосочетаниях в персидском языке можно говорить как о небольшой группе словосочетаний, представляющих собой соединение двух синонимов.

Переходим к рассмотрению подчинительных словосочетаний.

2. Изафетные словосочетания

Изафетное словосочетание — самый распространенный тип словосочетаний в персидском языке. Среди изафетных словосочетаний различают простые и сложные.

Простое изафетное словосочетание состоит из двух слов: *کیف برادر* *kif-e barādar* ‘портфель брата’.

Сложное изафетное словосочетание образуется из сочетания трех, четырех и более слов: *دوست باوفای من* *dust-e bāvafā-ye man* ‘мой верный друг’. Иногда сложное изафетное словосочетание называют **изафетной цепью**.

По характеру семантико-грамматических отношений между членами изафетное словосочетание относится к атрибутивным словосочетаниям и может выступать в функции номинативного предложения, например названия статей, книг и т.п.: *موفقیت هنرپیشگان ما* *Movaffaqiyat-e honarpišegān-e mā* ‘Успех наших артистов’; *اقامت سه روزه تهران* *Eqāmat-e seruze-ye Tehrān* ‘Трехдневное пребывание в Тегеране’.

Главная функция изафета заключается в том, чтобы соединять слова в единую, грамматически организованную единицу — словосочетание. Но изафет может выполнять и другие функции, вытекающие из его главной функции. Например, изафет связывает отыменный предлог с последующим именем, не образуя словосочетания, участвует в образовании рамочной конструкции сказуемого и т.д. Эти функции можно рассматривать как второстепенные.

Изафетной связью объединяются разные лексико-грамматические категории слов. В результате взаимодействия их значений возникают отношения определительные, принадлежности, количественные, пространственные, временные. Семантическое взаимодействие компонентов может выражать отношение действия к субъекту и объекту, отношение мысли к предмету мысли, к предмету ощущения и т.д. Все эти взаимоотношения в составе изафетных словосочетаний, когда одно слово (или ряд слов) развивает и уточняет семантику другого, в широком плане относятся к атрибутивным отношениям.

Следует отметить, что атрибутивные отношения не ограничиваются только изафетными словосочетаниями. Они могут быть выражены и другими способами подчинительной связи, например примыканием (*این کتاب* *in ketāb* ‘эта книга’), предложной связью (*دفاع از حقوق* *defā’ az hoquq* ‘защита прав’), изафетно-предложной связью (*آرزوی به سفر* *ārezu-ye be safar* ‘стремление к путешествиям’).

Одно и то же изафетное словосочетание может выражать не одно, а несколько отношений в зависимости от намерений говорящего / пишущего. Например, слово-

сочетание عشق مادر *ešq-e mādar* может означать ‘любовь матери’ и ‘любовь к матери’, словосочетание فکر پرویز *fekr-e Parviz* — ‘мысль Парвиза’ и ‘мысль о Парвизе’. Конкретное значение изафетного словосочетания определяется по контексту, из ситуации общения.

Атрибутивные отношения охватывают несколько видов отношений. Среди них наиболее распространенный вид — определительные отношения, при которых второй член определяет качество, свойство предмета, явления, лица, выраженные первым членом изафетного словосочетания: کتاب جالب *ketāb-e jāleb* ‘интересная книга’, دختر خوشگل *doxtar-e xošgel* ‘красивая девушка’, جنگل کاج *jangal-e kāj* ‘сосновый лес’, پشم شتر *pašm-e šotor* ‘верблюжья шерсть’, راهپیمایی اعتراض *rāhpeymāyi-ye e'terāz* ‘марш протеста’.

В приведенных примерах выражаются определительные отношения. Первый член словосочетания — носитель признака (главное слово), второй — выражает лишь один из признаков предмета, подчиняется главному члену и составляет с ним единое по смыслу словосочетание.

Имя существительное предметного значения, выступая вторым членом изафетного словосочетания, приобретает значение прилагательного и играет роль определения: پشم شتر *pašm-e šotor* ‘верблюжья шерсть’, کرم ابریشم *kerm-e abrišam* ‘шелковичный червь’, гусеница шелкопряда’.

Изафетные словосочетания, состоящие из имен нарицательных и собственных (شهر تهران *šahr-e Tehrān* ‘город Тегеран’, آقای محمدی *āqā-ye Mohammadi* ‘господин Мохаммади’, روزنامه کیهان *ruznāme-ye Keyhān* ‘газета «Кейхан»’), следует также рассматривать как определительные, в которых название — имя собственное выступает как признак имени нарицательного.

Хотя четкую семантическую границу между разными подтипами изафетных словосочетаний провести довольно сложно, тем не менее можно указать еще на некоторые разновидности атрибутивных отношений. К их числу относятся отношения принадлежности: کیف استاد *kif-e ostād* ‘портфель профессора’, خانه پدر *xāne-ye pedar* ‘дом отца’. Вторые компоненты такого рода словосочетаний не теряют значения названия предмета, явления, поэтому всякое дальнейшее присоединение слова (трехчленное словосочетание) при помощи изафета будет распространять и уточнять семантику этих вторых компонентов: کیف استاد دانشگاه *kif-e ostād-e dānešgāh* ‘портфель профессора университета’, خانه پدر من *xāne-ye pedar-e man* ‘дом моего отца’.

Отношения притяжательности могут расширяться и переходить в сходный тип отношений — отношения лица или предмета к кому-либо или чему-либо (например, отношение лица к организации, местожительству, предмета к источнику его появления): نماینده مجلس *nemāyande-ye majles* ‘депутат меджлиса’, اهل تهران *ahl-e Tehrān* ‘житель Тегерана’, نور آفتاب *nur-e āftāb* ‘свет солнца’, عمارت سینما *emārat-e sinemā* ‘здание кинотеатра’.

Близко к отношениям принадлежности стоят отношения части к целому (تکه نان *tekke-ye nān* ‘кусочек хлеба’, گوشه اتاق *guše-ye otāq* ‘угол комнаты’), пространственно-временные (دروازه میدان *darvāze-ye meydān* ‘ворота на площадь’, دکان بازار *dokkān-e bāzār* ‘лавка на базаре’, موقع تنفس *mowqe'-e tanaffos* ‘время перерыва’, اوایل بهار *avāyel-e bahār* ‘начало весны’).

Семантика компонентов словосочетаний влияет на характер отношений, устанавливающихся между ними. Так возникают причинно-следственные отношения между членами изафетных словосочетаний: *بلای عقل balā-ye aql* ‘горе от ума’, *تلفات آتش سوزی talafāt-e ātešsuzi* ‘потери в результате пожара’, *زخم تبر zaxm-e tabar* ‘рана от топора’. Если в роли главного члена изафетного словосочетания выступают различные отглагольные имена, инфинитивы, то между членами словосочетаний устанавливаются субъектно-объектные отношения: *خواندن کتاب xāndan-e ketāb* ‘чтение книги’, *انتخاب نماینده entexāb-e nemāyande* ‘выборы депутата’, *تغییر مکان taqyir-e makān* ‘изменение места’, *فشار و تضيیقات مأمورین پلیس fešār-o tazyiqāt-e ma'murin-e polis* ‘репрессии со стороны полицейских чиновников’.

2.1. Особенности структуры изафетных словосочетаний

Структура словосочетания тесно связана с принадлежностью слова к той или иной части речи. В любом изафетном словосочетании слова размещаются в строгом порядке и находятся в определенных синтаксических отношениях друг с другом. Порядок слов зависит не только от коммуникативных задач, но и от лексико-грамматической характеристики слов, входящих в изафетное словосочетание. Изафетные словосочетания с полным основанием можно назвать именными, так как все составляющие их члены относятся к именным частям речи.

2.1.1. Главный член изафетного словосочетания

В подавляющем большинстве изафетных словосочетаний, независимо от количества членов, первое слово является главным. Оно уточняется и конкретизируется последующими словами. В приводимых примерах первое слово — главное, а остальные слова путем изафетного присоединения уточняют и конкретизируют его значение: *کتابخانه ملی کشور ketābxāne-ye melli-ye kešvar* ‘национальная библиотека страны’, *بالا بردن سطح زندگی اهالی bālā bordan-e sath-e zendegi-ye ahālī* ‘поднятие жизненного уровня населения’.

Однако имеются случаи, когда первое слово изафетного словосочетания не является стержневым, а выступает в качестве определения ко второму, определяемому слову. Эти случаи рассматриваются ниже.

В большинстве случаев в роли главного слова изафетных словосочетаний выступает существительное, а в роли распространяющих членов — именные части речи.

Кроме существительного в роли главного члена могут выступать инфинитив глагола, прилагательное, причастие и — редко — некоторые личные местоимения.

Инфинитив глагола в роли стержневого слова по значению принципиально не отличается от обычного отглагольного имени, обозначая действие / процесс в отвлечении от субъекта действия: *برآوردن تقاضای من bar-āvardan-e taqāzā-ye man* ‘удовлетворение моей просьбы’, *برداشتن محصول bar-dāštan-e mahsul* ‘уборка урожая’, *امضا کردن قرارداد emzā kardan-e qarārdād* ‘подписание договора’.

В качестве главного слова изафетного словосочетания могут выступать прилагательные и причастия (обычно — причастия прошедшего времени, а также арабские причастия). При этом возникают отношения, уже рассматривавшиеся при характеристике словосочетаний с именами существительными в роли главного слова: объектные отношения (در تعليم یافته پدر *ta 'limyāfte-ye pedar* 'наученный отцом', حاوی سه داستان *hāvi-ye se dāstān* 'содержащий три рассказа', لبریز آب *labriz-e āb* 'полный воды'), пространственно-временные отношения (مورخه پنجم فروردین *movarraxe-ye panjom-e farvardin* 'датированный пятым фарвардина', تهران مقیم *tehrān moqim-e Tehrān* 'находящийся в Тегеране'), причинно-следственные отношения (مست مهمان نوازی *mast-e mehmānnavāzi* 'опьяненный от гостеприимства', ماتم زده فقر *mātamzade-ye faqr* 'пребывающий в трауре от бедности'), отношения цели, назначения (آماده حرکت *āmāde-ye harakat* 'готовый к отправлению', لایق این کار *lāyeq-e in kār* 'достойный этой работы') и т.д.

Некоторые изафетные словосочетания с прилагательными и причастиями в роли главного слова могут быть заменены на соответствующие предложные словосочетания: ср. آماده حرکت *āmāde-ye harakat* и برای حرکت *āmāde barāye harakat* 'готовый к отправлению'; لبریز آب *labriz-e āb* и لبریز از آب *labriz az āb* 'полный воды'; مست مهمان نوازی *mast-e mehmānnavāzi* и مست از مهمان نوازی *mast az mehmānnavāzi* 'опьяненный от гостеприимства'.

Оба типа словосочетаний (изафетный и предложный) получают все большее распространение в современном персидском языке, причем немалое влияние на распространение словосочетаний с прилагательными и причастиями в роли главного слова оказывает переводная литература.

Л.С.Пейсиков отмечает случаи, когда стержневой член изафетного словосочетания выражен некоторыми личными местоимениями: من بدبخت *man-e badbaxt* 'я, несчастный', من مسکین *man-e meskin* 'я, нищий', برای من فقیر *barāye man-e faqir* 'для меня, нищего', ماہای بیچاره *māhā-ye bičāre* 'мы, несчастные', اونای زیون بسته *unā-ye zebunbaste* 'они, безмолвные' [Пейсиков 1959, с. 71]. Такое употребление местоимений характерно для обиходно-разговорного языка и встречается редко.

2.1.2. Распространяющий член изафетного словосочетания

Наиболее типичным видом распространения главного слова является постпозитивное присоединение слов при помощи изафета. В качестве распространяющих членов выступают существительные, прилагательные, инфинитивы, порядковые числительные, личные местоимения.

Выше уже приводились примеры на употребление существительных и прилагательных, а также субстантивированных и адъективированных причастий, порядковых числительных в роли распространяющих членов изафетных словосочетаний. Приведем только примеры на употребление инфинитива в этой функции: آرزوی دیدن او *ārzu-ye didan-e u* 'желание ее увидеть', کار کردن *este 'dād-e kār kardan* 'способность работать', زیبایی برآمدن آفتاب *zibāyi-ye bar-āmadan-e āftāb* 'красота восхода солнца'.

Количественные числительные также включаются в изафетную цепь, но по сравнению с порядковыми числительными имеют более ограниченные возможности сочетания с именами существительными. Так, встречается сочетание количественных числительных со словом *ساعت sāat* ‘час’, употребляемое для обозначения точки во времени: *دو ساعت sāat-e do* ‘в два часа’, *ساعت چهار sāat-e čahār* ‘в четыре часа’, *ساعت پنج بعد از ظهر sāat-e panj-e ba'd az zohr* ‘в пять часов вечера’. Количественные числительные употребляются для обозначения нумераций, дат и т.д.: *سه و هشتاد و اتاқ صد otāq-e sad-o haštād-o se* ‘комната сто восемьдесят три’, *سال هزار و نهصد و نود و نه sāl-e hezār-o nohsad-o navad-o noh* ‘1999 год’ (букв. ‘год тысяча девятьсот девяносто девять’) и т.д.

В заключение характеристики постпозитивного распространяющего члена изафетных словосочетаний отметим арабские причастные формы, обладающие ярко выраженными глагольно-адъективными свойствами и выступающие наряду с причастиями прошедшего времени для образования так называемых причастных оборотов: *حامل hāmel* ‘несущий’, ‘перевозящий’ (*کامیون حامل گندم kāmyon-e hāmel-e gandom* ‘грузовик, груженный пшеницей’); *مقیم moqim* ‘находящийся’ (*خبرنگار مقيم مقيم moskow xābernegār-e moqim-e Moskow* ‘корреспондент, находящийся в Москве’); *متعلق motaalleg* ‘принадлежащий’ (*خانه متعلق به پدر xāne-ye motaalleg-e be pedar* ‘дом, принадлежащий отцу’). Все эти причастные формы употребляются аналогично причастиям прошедшего времени типа *الوده ālude* ‘запачканный’, *پوشیده pušide* ‘покрытый’, т.е. проявляют некоторые глагольные свойства и образуют причастно-адъективные обороты.

Среди изафетных словосочетаний имеются и такие, в которых распространяющее слово находится перед главным членом и соединяется с ним при помощи изафета. В этом случае первое слово словосочетания обозначает признак, второе — носителя признака.

К числу слов и грамматических форм, участвующих в препозитивном распространении главного члена изафетного словосочетания, относятся слова, принадлежащие разным частям речи.

1. Определительно-обобщающие местоимения *تمام tamām*, *همه hame*, *کلیه kolliyye* ‘весь’, ‘все’ и их синонимы: *همه اشخاص hame-ye ašxās* ‘все люди’, *تمام کتابها tamām-e ketābhā* ‘все книги’, *عموم اهالی omum-e ahāli* ‘все жители’.

К определительным местоимениям можно отнести такие слова, как *سایر sāyer* ‘другой’, ‘остальной’, *فردفرد fardfard* ‘каждый из’: *سایر آقایان sāyer-e āqāyān* ‘остальные господа’, *فردفرد دانشجویان fardfard-e dānešjuyān* ‘каждый из студентов’.

Слово *سراسر sarāsar* (букв. ‘из конца в конец’, ‘от начала до конца’) приобретает значение определительного местоимения ‘весь’, ‘все’, ‘на всем протяжении’: *سراسر زندگی خود sarāsar-e zendegi-ye xod* ‘всю свою жизнь’, *در سراسر ایران dar sarāsar-e Irān* ‘по всему Ирану’.

2. Определительно-возвратное местоимение *خود xod* ‘сам’: *خود من xod-e man* ‘я сам’, *خود احمد xod-e Ahmad* ‘сам Ахмад’.

3. Превосходная степень прилагательных (в сочетании с формой мн. числа имени существительного), когда нужно выделить одно лицо или один предмет из многих ему подобных: *بهترین دانش آموزان behtarin-e dānešāmuzān* ‘лучший из уче-

ников', جالب ترين فيلمها *jālebtarin-e filmhā* 'самый интересный из фильмов', قوي ترين وزنه برداران *qavitarin-e vaznebardārān* 'сильнейший из штангистов'.

Аналогичная картина наблюдается в тех случаях, когда употребляется превосходная степень арабских прилагательных: اشد اتهامات *ašadd-e ettehāmāt* 'самое сильное обвинение', اصح تعريفات *asahh-e ta'rifāt* 'самое правильное объяснение'.

На основе изафетных словосочетаний создается большое количество именных моделированных образований, которые занимают периферийную позицию в составе фразеологии, приближаясь к свободным словосочетаниям. К ним относятся словосочетания, в которых моделирующими компонентами выступают такие отвлеченные имена существительные, как حسن *hosn* 'добро', 'благо', سوء *su* 'зло', 'дурное качество', كمال *kamāl* 'предел', 'крайняя степень', فرط *fart* 'излишек', 'чрезмерность', نهايت *nehāyat* 'крайняя степень', 'предел'. Все эти существительные, находясь в начале изафетного словосочетания, утрачивают значение предметности и выступают как выразители качества, признака второго компонента, т.е. выступают как распространяющие члены.

Так, существительное حسن *hosn* приобретает значение 'добрый', 'хороший' (например, حسن تفاهم *hosn-e tafāhom* 'взаимопонимание', 'доброжелательное отношение', حسن نيت *hosn-e niyyat* 'доброе намерение', 'доброжелательность'), существительное سوء *su* — значение 'плохой', 'дурной' (например, سوء نيت *su'-e niyyat* 'дурное намерение', سوء پيشينه *su'-e pišine* 'дурное прошлое', سوء استفاده *su'-e estefāde* 'злоупотребление').

Существительные كمال *kamāl*, فرط *fart*, نهايت *nehāyat* как показатели признака второго компонента выражают крайнюю степень проявления его значения: كمال تعجب *kamāl-e taajjob* 'огромное удивление', كمال احترام *kamāl-e ehterām* 'полное уважение', از فرط خستگی *az fart-e xastegi* 'от чрезмерной усталости', نهايت خونسردی *nehāyat-e xunsardi* 'полное хладнокровие'.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что главный член изафетного словосочетания не всегда занимает первое место не только в свободных, но и в моделированных словосочетаниях, которые в силу серийности образования не обладают степенью устойчивости, характерной для собственно фразеологизмов².

Отдельные изафетные словосочетания подвергаются процессу лексикализации в результате утраты изафетного показателя. В персидской грамматической литературе это явление получило название فك اضافه *fakk-e ezāfe* 'выпадение изафета'. В результате этого происходит трансформация словосочетания в сложное слово: راه آهن *rāh-e āhan* → *rāhāhan* 'железная дорога', رئیس جمهور *rais-e jomhur* → *raisjomhur* 'президент', سيب زمینی *sib-e zamini* → *sibzamini* 'картофель' и т.д.

² Весь круг проблем, связанных с образованием и использованием моделированных словосочетаний, а также трудности их научного решения, необходимость их дальнейшего исследования рассматривались в ранее опубликованной работе автора «Грамматики», см. [Рубинчик 1981, с. 102–110].

3. Словосочетания, построенные на примыкании

По мере распада флексий и общей перестройки морфологического и синтаксического строя исторических предшественников персидского языка — древнеперсидского и среднеперсидского языков — уменьшалось значение и ограничивалась сфера применения таких способов связи слов, как согласование и управление, исчезли падежные флексии. В процессе развития новоперсидского языка наряду с изафетной связью получило большое распространение примыкание.

В образовании атрибутивных словосочетаний, построенных на примыкании, в качестве вторых компонентов участвуют существительные, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, глагольные формы (например, причастия, модальные глаголы и их синонимы). Эти категории слов, примыкая к другим словам, выступают в роли различных второстепенных членов предложения.

1. Местоимение, прилагательное, причастие, количественное числительное, нумеративы в роли распространяющего члена образуют различного типа примыкающие словосочетания: *این خانه in xāne* ‘этот дом’, *همان اشتباه hamān eštibāh* ‘та же самая ошибка’, *دو کتاب do ketāb* ‘две книги’, *سه نفر دانشجو se nafar dānešju* ‘три студента’, *دیگر سخن digar soxan* ‘другие слова’, *مهم ترین وظیفه mohemmtarin vazife* ‘важнейшая задача’, *کدام شهر؟ kodām šahr?* ‘какой город?’, *مختصر زمان moxtasar zamān* ‘короткое время’, *هر کارگر har kārgar* ‘каждый рабочий’.

2. Имя существительное (первый компонент) примыкает к другому существительному, уточняя и развивая его значение: *دکتر رضایی doktor Rezāyi* ‘доктор Резай’, *رفیق پتروف rafiq Petrof* ‘товарищ Петров’, *خانم مریم xānom Maryam* ‘госпожа Марьям’, *جناب سرهنگ jenāb sarhang* ‘господин полковник’, *دانشجو اشرفی danešju Ašrafi* ‘студентка Ашрафи’, *شاعر بزرگ فردوسی šāer-e bozorg Ferdowsi* ‘великий поэт Фирдоуси’, *دخترش شیرین doxtar-aš Širin* ‘его дочь Ширин’, *سرکار خانم sarkār xānom* ‘уважаемая госпожа’. Вопросы образования и состава приложений рассматриваются ниже.

3. Имя существительное, прилагательное, наречие примыкают к инфинитиву глагола, расширяя и дополняя его значение: *نامه نوشتن nāme neveštan* ‘писать письмо’, *آرام نشستن ārām nešastan* ‘спокойно сидеть’, *بلند حرف زدن boland harf zadan* ‘громко говорить’, *فوراً جواب دادن fowran javāb dādan* ‘срочно отвечать’.

4. Наречие и количественно-именное сочетание примыкают к прилагательному, уточняя значение признака: *خیلی خوب xeyli xub* ‘очень хорошо’, *بمراتب بیشتر bemarāteb bištar* ‘значительно больше’, *دو برابر نازکتر do barābar nāzoktar* ‘в два раза тоньше’.

5. Путем примыкания образуются многие типы глагольных словосочетаний, выступающих как отдельное предложение или как единый член предложения — сложноглагольное сказуемое: *می توان گفت mitavān goft* ‘можно сказать’, *باید رفت bāyad raft* ‘надо идти’, *لازم است صحبت کرد lāzem ast sohbat kard* ‘необходимо разговаривать’, *می توانم گوش کنم mitavānam guš konam* ‘я могу слушать’, *می خواهد سفر کند mi xāhad safar konad* ‘он хочет путешествовать’.

Между членами словосочетания, построенного на примыкании, нет никаких связующих звеньев в виде грамматических морфем, служебных слов или изафетной

частицы, тем не менее члены словосочетания находятся в определенных синтаксических отношениях, образуя семантико-синтаксическое единство.

Из многочисленных словосочетаний с примыкающей связью следует отметить несколько разновидностей, в составе которых в роли препозитивного распространяющего слова выступают существительные с артиклем, существительные во мн. числе, сочетания указательного местоимения این *in* 'этот' с существительными جور *jur* 'сорт', نوع *naw* 'вид', گونه *gune* 'способ', 'вид', 'род' и некоторыми другими. Эти словосочетания выделяются несколько необычной структурой распространяющего члена.

1) Имена существительные, выражающие количество, меру, сумму, размер, в сочетании с артиклем превращаются в имена с неопределенным количественным значением и выступают в качестве семантически зависимого распространяющего члена словосочетания: *عده ای زنان edde-i zanān* 'некоторые женщины' (*عده edde* 'число'); *مقداری گندم meqdār-i gandom* 'небольшое количество пшеницы' (*مقدار meqdār* 'количество'); *گروهی دانشجویان goruh-i dānešjuyān* 'группа студентов' (*گروه goruh* 'группа'); *جمعی خوانندگان jam'-i xānandegān* 'некоторая группа читателей' (*جمع jam* 'итог', 'группа') и т.д.

2) Некоторые имена существительные с суффиксом мн. числа *-hā*, обозначающие отрезок времени или расстояния, количество чего-либо, подчеркивают протяженность действия или расстояния, наличие большого количества чего-либо: *سالها مطالعه sālhā motālee* 'долгие годы изучения', *ماه ها کار māhā kār* 'долгие месяцы работы', *سالها حبس sālhā habs* 'долгие годы заключения', *فرساختها راه farsaxhā rāh* 'длинные фарсахи³ пути', *توده ها خاک tudehā xāk* 'груды земли' и т.д. Образование такого рода словосочетаний тесно связано с семантикой главного слова.

3) Существительные جور *jur* 'сорт', نوع *naw* 'вид', شکل *šekl* 'вид', گونه *gune* 'способ', 'вид', 'род' и другие в сочетании с указательным местоимением (обычно с این *in*) образуют единое слово и выступают как распространяющий член, стоящий перед главным словом: *این نوع حیوانات innow' heyvānāt* 'этот вид животных', *این جور آدم injur ādam* 'такой человек', *اینگونه حوادث ingune havādes* 'такого рода события' и т.д.

4. Предложные словосочетания

Выше было отмечено, что, сохраняя для персидского языка термин «управление» как один из способов подчинительной связи, мы имеем в виду синтаксическую связь между главным и распространяющим членами при помощи предлогов. Речь идет о предложной связи только в составе словосочетания, поскольку в составе предложения связь между глаголом-сказуемым и зависимым членом имеет свою специфику.

Например, если в русском языке главное слово словосочетания связывается с распространяющим словом с помощью определенного падежа или падежа с пред-

³ Фарсах (فرسخ *farsax*) — единица измерения расстояний, приблизительно равная 6–7 км.

логом, то в персидском языке в этом случае, кроме предлога, никаких других связующих средств нет. Поэтому роль предлогов как средств связи чрезвычайно возрастает: رودخانه عبور از *obur az ruxāne* ‘переправа через реку’, به مقصود رسیدن *be maqsud rasidan* ‘достигать цели’, در مباحثه شرکت کردن *dar mobāhese šerkat kardan* ‘участвовать в дискуссии’.

Как уже отмечалось, иногда встречается предложно-изафетная связь. Например, в словосочетании نیل به هدف *neyl-e be hadaf* ‘достижение цели’ связь главного слова نیل *neyl* с распространяющим هدف *hadaf* осуществляется посредством предлога и изафета. Но главным видом связи в данном случае остается предлог. Поэтому словосочетание относится к предложным.

Особо следует выделить словосочетания с отыменными предлогами. Эти словосочетания характеризуются тем, что после предлога употребляется изафет: روی میز کتاب *ketāb-e ru-ye miz* ‘книга на столе’, توی روزنامه خبرهای *xabarhā-ye tu-ye ruznāme* ‘сообщения в газете’. Наличие изафета после вторичного предлога объясняется исторически: именным происхождением предлога. Наличие изафетного показателя имеет здесь чисто формальный характер, ибо слово выполняет релятивную функцию. В разговорной речи возможен пропуск изафетного показателя между отыменным предлогом и именем существительным: رو میز *ru miz* ‘на столе’, تو روزنامه *tu ruznāme* ‘в газете’.

В составе словосочетания предлоги функционально не отличаются от изафета и примыкания как видов подчинительной связи. Однако это сходство чисто функциональное, ибо предлоги, обладая лексическим значением, вносят в эту связь свое значение.

Структура словосочетаний зависит от того, каким словом выражен *главный член*. Предложные словосочетания с именем существительным в роли главного члена обычно имеют такое строение: «главное слово + предлог + распространяющее слово» или «главное слово + изафет (не обязательно) + предлог + распространяющее слово»: استفاده از کمک *estefāde az komak* ‘использование помощи’, دخالت در امور *dexālat dar omur* ‘вмешательство в дела’, دعوت به مهمانی *da'vat be mehmāni* ‘приглашение в гости’.

Словосочетания с предложно-изафетной связью приводились выше.

В том случае, когда в роли главного члена предложного словосочетания выступает субстантивированный инфинитив, распространяющее слово с предлогом обычно находится в препозиции: از کمک استفاده کردن *az komak estefāde kardan* ‘пользоваться помощью’, در امور دخالت کردن *dar omur dexālat kardan* ‘вмешиваться в дела’, به مهمانی دعوت کردن *be mehmāni da'vat kardan* ‘приглашать в гости’.

Между двумя видами словосочетаний существуют различия не только в структуре, но и в смысловых отношениях главного и распространяющего слова. В словосочетаниях, в которых главным словом выступает существительное, объектные отношения осложняются определительными — распространяющее слово мыслится не только как объект действия (хотя это является основным в данном словосочетании), но и как признак названного действия. В словосочетаниях с инфинитивом в роли главного члена распространяющий член выполняет роль только объекта действия.

В предложных словосочетаниях с существительным в роли главного члена осложненность объектных отношений определительными подтверждается возможностью двойной формы связи — предложной и изафетной, например, *خدمت به وطن* *xedmat-e be vatan* 'служба родине'. Появление изафетного показателя возможно не только перед предлогом *به* *be*, но и перед другими предлогами, например *مبارزه با ملخ* *mobāreze-ye bā malax* 'борьба с саранчой'. Однако употребление изафета в такого рода словосочетаниях не является строго обязательным.

В случае окончания главного члена словосочетания на устойчивые гласные *ā*, *o* и *u* при предложно-изафетной связи изафетный показатель может быть выражен графически при помощи буквы *ی* (*yā*): *پس از ابتلای به سل* *pas az ebtelā-ye be sell* 'после заболевания туберкулезом', *وفای به عهد* *vafā-ye be ahd* 'верность договору'. Графическое обозначение изафета подтверждает факт его употребления в таких предложных словосочетаниях.

В определенных случаях предложные словосочетания могут заменяться на синонимичные им словосочетания с примыкающей или изафетной связью: ср. *عده ای کارگران* *edde-i az kārgarān* и *ای کارگران* *edde-i kārgarān* 'некоторые рабочие', *خدمت به وطن* *xedmat-e be vatan* и *خدمت وطن* *xedmat-e vatan* 'служение родине'.

При анализе значений, выражаемых предложными словосочетаниями, обращается внимание на значение предлогов, соединяющих главный и распространяющий члены.

Предлог *به* *be* в составе словосочетаний выражает не только объектные (см. приведенные выше примеры), но и пространственные отношения: *سفر به مسکو* *safar-e be Moskow* 'поездка в Москву', *رسیدن به مقصد* *rasidan-e be maqsad* 'прибытие к месту назначения'.

В словосочетаниях с предлогом *در* *dar* также выражаются объектные отношения: *دخالت در امور* *dexālat dar omur* 'вмешательство в дела', *پیشرفت در تحصیل* *pišraft dar tahsil* 'успех в учебе'. Кроме того, такие словосочетания могут отражать временные и пространственные отношения: *تحصیل در ماه سپتامبر* *tahsil dar mäh-e septāmr* 'учение в сентябре', *اقامت در ایران* *eqāmat dar Irān* 'пребывание в Иране', *ملاقات در دانشگاه* *molāqāt dar dānešgāh* 'встреча в университете'.

Словосочетаниям с предлогом *از* *az* по разнообразию выражаемых отношений принадлежит одно из первых мест среди предложных словосочетаний. Назовем лишь некоторые из семантических отношений, устанавливаемых между компонентами в словосочетаниях с предлогом *از* *az*: количественно-выделительные (*چند تن از دانشجویان* *čand tan az dānešjuyān* 'некоторые из студентов', *چند تن از دانش آموزان* *čand tan az dānešāmuzān* 'несколько человек из учеников'); определительно-выделительные (*از نمایندگان* *surat-i az nemāyandegān* 'список представителей'); объектные (*از پشتیبانی* *estefāde az poštibāni* 'использование поддержки', *از میهن* *defā az mihan* 'защита родины'); пространственные (*عبور از رودخانه* *obur az rudxāne* 'переправа через реку', *برگشت از شهر* *bar-gašt az šahr* 'возвращение из города') и т.д.

Орудийно-социативный предлог *با* *bā* объединяет слова в словосочетаниях с определительными отношениями (*زن با چادر سیاه* *zan-e bā čādor-e siyāh* 'женщина в черной чадре', *سبد با قارچ* *sabad-e bā qārč* 'корзина с грибами'); объектными отношениями (*مبارزه با ملخ* *mobāreze-ye bā malax* 'борьба с саранчой'). Словосочета-

ния с предлогом *bā* могут выражать сочинительные отношения между однородными членами предложения: زن با شوهر *zan bā šowhar* 'жена с мужем', مادر با دخترش *mādar bā doxtar-aš* 'мать со своей дочерью'. В последнем случае предлог *bā* синонимичен сочинительному союзу *u* *va/-o*.

Рассмотренные выше словосочетания и несколько основных предлогов дают некоторое представление о тех семантических отношениях, которые могут устанавливаться между компонентами предложных словосочетаний. Структура предложных словосочетаний с другими основными и отыменными предлогами принципиально не отличается от рассмотренных выше, а смысловые отношения между компонентами определяются значениями предлогов.

Самостоятельный тип предложных словосочетаний составляют словосочетания с прилагательным и причастием в роли главного члена. По значению они аналогичны причастно-адъективным словосочетаниям, в которых причастие или прилагательное распространяется с помощью изафета.

В создании причастно-адъективных оборотов участвуют главным образом предлоги *be*, *dar*, *az*, *bar*, *barāye* и ограниченное количество других предлогов, в том числе вторичных. В начале таких словосочетаний в качестве главного слова стоит причастие или прилагательное, связанное с последующим существительным предлогом. В редких случаях распространяющее слово стоит препозитивно по отношению к главному слову. Например, обычным порядком считается *mahrum az bāl* 'лишенный крыльев' и инверсионным — *az bāl mahrum* 'лишенный крыльев'.

Приведем несколько примеров на употребление предлогов в причастно-атрибутивных словосочетаниях.

Предлог *be*: *mo'tād be dud* 'привыкший к дыму', *ālode be sm* 'отравленный ядом', *alāqemand be teātr* 'интересующийся театром', *motaalleg be javānān* 'принадлежащий молодежи'.

Предлог *dar*: *hāzer dar majles* 'присутствующий на собрании', *motašakkel dar nehzat* 'объединенный в движение', *مندرجه در روزنامه mondareje dar ruznāme* 'помещенный в газете', *vāqe' dar šahr* 'расположенный в городе'.

Предлог *az*: *por az mardom* 'полный народа', *pušide az barf* 'покрытый снегом', *sarsār az omid* 'полный надежд', *ma'xuz az arabi* 'заимствованный из арабского', *tamlow az āb* 'наполненный водой'.

Предлог *bar*: *mabni bar haqiqat* 'основанный на фактах', *dāl bar nātavāni* 'свидетельствующий о слабости', *dāyer bar poštibāni* 'основанный на поддержке'.

В организации причастно-атрибутивных предложных словосочетаний в качестве главного слова выступают причастия прошедшего времени (аміخته *bā kāh* 'смешанный с соломой', *pušide az barf* 'покрытый снегом'); арабские причастия (*مندرجه در روزنامه mondareje dar ruznāme* 'помещенный в газете', *mottaki bar āzādi-ye soxan* 'опирающийся на свободу слова'); прилагательные (*tar az ašk* 'мокрый от слез', *آماده برای خوردن āmāde barāye xordan* 'готовый для еды'). Сравнительная степень прилагательных

в качестве главного слова всегда распространяется с помощью предлога *از*: *از*: *از* *من* *بلندتر* *از* *من* *bolandtar az man* ‘выше меня’, *از* *پر* *گاه* *سبکتر* *از* *parr-e kâh* ‘легче, чем соломинка’.

Причастия и прилагательные, получая распространяющее слово, уточняются и расширяются семантически. Между компонентами устанавливаются разнообразные семантические отношения — пространственно-временные (*برگشته از تهران* *bargašte az Tehrân* ‘возвратившийся из Тегерана’, *واقع در مرکز شهر* *vāqe dar markaz-e šahr* ‘расположенный в центре города’, *منعده در اردیبهشت ماه* *mon'aqede dar ordibehešt-mâh* ‘заключенный в месяце ордибехешт’); причинно-следственные (*خسته از بیخوابی* *xaste az bixābi* ‘усталый от бессонницы’, *تر از اشک* *tar az ašk* ‘мокрый от слез’); объектные (*متعلق به انجمن* *motaalleq be anjoman* ‘принадлежащий обществу’, *پر از ته سیگار* *por az tahsigâr* ‘полный окурков’); целевые (*حاضر برای مذاکره* *hâzer barāye mozākere* ‘готовый для переговоров’, *فرستاده شده برای تحصيلات* *ferestādešode barāye tahsilât* ‘посланный на учебу’); отношения сравнения (*شبيه به پدرش* *šabih be pedar-aš* ‘похожий на своего отца’, *بزرگتر از برادر* *bozorgtar az barâdar* ‘старше брата’) и т.д.

5. Структура сложных словосочетаний

Простые словосочетания характеризуются двухкомпонентным составом и одним определенным видом синтаксической связи (*برادر کمک* *komak-e barâdar* ‘помощь брата’, *دفاع از میهن* *defâ az mihan* ‘защита родины’, *بهترین دانشجو* *behtarin dānešju* ‘лучший студент’). Как было показано выше, иногда в простых словосочетаниях наблюдается предложно-изафетная связь.

Сложные словосочетания имеют трехкомпонентный состав (нередко и большее число компонентов) и комбинацию нескольких видов подчинительной связи (например, *مشهورترین سیاستمداران کشور* *māshurtarin siyâsatmadârân-e kešvar* ‘самые известные политические деятели страны’).

Следует отметить, что количество слов — членов словосочетания является существенным, но не абсолютным признаком при делении словосочетаний на простые и сложные. Так, трехсловные словосочетания, у которых два распространяющих члена обладают цельным содержанием и выступают как причастно-адекватный оборот, следует относить к простым словосочетаниям. Например, трехсловные словосочетания *کامیون حامل گندم* *kāmyon-e hâmel-e gandom* ‘грузовик, нагруженный пшеницей’, *دختر شبیه به مادر* *doxtar-e šabih be mādâr* ‘дочь, похожая на мать’ рассматриваются как простые словосочетания на том основании, что выступающие в них распространяющие члены — *کامیون حامل گندم* *hâmel-e gandom* и *شبیه به مادر* *šabih be mādâr* — представляют собой цельные обороты и не могут быть сокращены до одного слова. Практически невозможны словосочетания *کامیون حامل* *kāmyon-e hâmel* (?) и *دختر شبیه* *doxtar-e šabih* (?) из-за их смысловой неполноты.

Комбинация нескольких видов подчинительной связи не является строго обязательным признаком сложных словосочетаний. Словосочетания бывают сложными и в том случае, если они строятся на основе какого-нибудь одного вида связи. Нередко, например, встречаются трехсловные (и даже многословные) словосочетания, построенные на однородной изафетной связи типа: *دوست گرامی من dust-e gerāmi-ye man* ‘мой дорогой друг’, *دیوار خانه بلند آجری divār-e xāne-ye boland-e ājori* ‘стена высокого кирпичного дома’, которые по своей семантико-грамматической структуре относятся к сложным.

Таким образом, словосочетание можно считать сложным при наличии трех и более слов, но при условии, что распространяющие члены выступают не как семантически неразложимые словосочетания, а как отдельные слова, поясняющие главный член: *آن دختر قشنگ ān doxtar-e qašang* ‘та красивая девушка’, *چند کتاب جالب čand ketāb-e jāleb* ‘несколько интересных книг’, *بهترین دانشجویان دانشکده ما behтарین dānešjuyān-e dāneškade-ye mā* ‘лучшие студенты нашего факультета’.

Среди сложных словосочетаний выделяются словосочетания с распространяющими членами, связанными сочинительной связью: *مرد جوان قوی و کوتاه قد mard-e javān-e qavi va kutāhqadd* ‘молодой сильный мужчина низкого роста’. В приводимом примере три определения поясняют и уточняют признак лица, выраженного главным словом. Первые два распространяющих члена связаны изафетом, а третий — присоединяется к ним сочинительным союзом *و va*.

Таким образом, по характеру связи распространяющих членов с главным среди сложных словосочетаний различаются две разновидности: а) словосочетания, построенные на смешанных формах связи, и б) словосочетания, построенные на однородной форме связи.

Глава третья

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1. Словосочетание и предложение

Во всех современных синтаксических теориях предложение понимается как центральный объект синтаксиса. В отличие от рассмотренного ранее словосочетания (а также слова как части речи), имеющего номинативный характер, предложение характеризуется коммуникативной направленностью. Оно обладает рядом признаков, отличающих его от номинативных единиц. Важнейшим из них является предикативность.

Как уже отмечалось выше, предикативность представляет собой выражение языковыми средствами отношения высказываемого к действительности и выступает как основа предложения. Грамматическими средствами выражения предикативности являются категории времени, лица и модальности (как средства выражения говорящим его отношения к содержанию высказываемого). Поскольку персидское предложение преимущественно является глагольным, то модальность предложения чаще всего находит выражение в грамматической категории глагола — наклонении, которое обозначает отношение действия (состояния) к действительности.

Предложение, как основная единица общения, отличается от словосочетания предикативностью и интонацией сообщения. Последняя выступает в устной речи как важное средство выражения предикативности.

В современной синтаксической науке предложение рассматривается как многоаспектное явление, как комплекс нескольких относительно независимых (хотя и взаимосвязанных) частей.

В современном языкознании принято считать, что применительно к предложению необходимо различать конструктивный (формальный) и коммуникативный аспект. Формальный подход к строению предполагает автономное изучение предложения, все его свойства объясняются изнутри. Рассмотренное в плане второго аспекта, предложение выступает не само по себе, а как часть текста, т.е. в том лингвистическом и экстралингвистическом контексте, в котором оно фактически существует.

В «Грамматике» мы ограничиваемся первым аспектом — формально-грамматическим изучением предложения. Второй аспект рассматривается лишь попутно — в связи с вопросами актуального членения предложения.

В теории языка нет единого определения предложения, поэтому отметим наиболее существенные признаки этой синтаксической единицы, повторяемые в большинстве работ по синтаксису. Предложение представляет собой организованное соединение слов, обладающее известной смысловой и интонационной законченностью, оно является единицей формирования и выражения мысли и соотносится с логическим суждением. Однако предложение не тождественно последнему, ибо каждое суждение выражается в форме предложения, но не всякое предложение выражает суждение. Например, предложение может выражать вопрос, побуждение и т.д., соотносительные не с двучленным суждением, а с другими формами мышления. Предложение служит также для выражения эмоций и волеизъявлений, входящих в сферы чувств и воли, но не затрагивает логического суждения. Что касается главной грамматической основы предложения — предикативности, то о ней уже говорилось выше.

Предложение, имеющее в своем составе подлежащее и сказуемое, не нуждается в дополнительных средствах выражения предикативности, ибо сказуемое, представленное глаголом или предикативом с глаголом-связкой, имеет соответствующее лицо, форму времени и наклонения, что является достаточным показателем наличия предикативности. В определенных типах предложений (назывные, экспрессивно-оценочные, эмоционально-восклицательные), не имеющих сказуемого, предикативность выражается интонацией, которая становится единственным средством ее выражения.

Наименьшей коммуникативной единицей является простое предложение, которое может состоять из небольшого числа слов, а иногда даже из одного слова. Сложное предложение включает в себя два (или несколько) простых предложения, соединенных сочинительными и подчинительными средствами связи.

Единства взглядов по вопросу о принципах классификации предложений среди исследователей синтаксиса не существует. Важно отметить, что предложения строятся по определенным синтаксическим моделям, причем количество моделей строго ограничено. Заполняясь конкретными словами, свободными и устойчивыми словосочетаниями, эти модели передают бесконечное множество конкретных сообщений. Синтаксис изучает и описывает модели предложений в отвлечении от их конкретного лексического наполнения.

2. Соотношение понятий «словосочетание», «член предложения» и «синтаксическая группа»

Изучая составные элементы предложения, Л.С.Пейсиков обратил внимание на то, что названные в заголовке данного раздела понятия не всегда выступают как адекватные единицы [Пейсиков 1959, с. 208–229].

Прежде всего отметим, что не всякое словосочетание выступает как единый член предложения: само словосочетание может состоять из членов предложения. Синтаксическая же группа всегда выступает в качестве единого члена предложения.

Не рассмотрев отдельно каждое из этих понятий с учетом их различий и взаимосвязи, нельзя говорить о структуре простого предложения, и в частности о его разновидностях — двусоставных и односоставных предложениях.

К членам предложения относятся знаменательные слова или словосочетания, выражающие синтаксические отношения и находящиеся между собой в определенных синтаксических связях (например, подлежащее и сказуемое, второстепенные и главные члены предложения). Каждый член предложения соотносится с другим или другими членами и совместно с ними участвует в организации предложения.

Всякое фразеологическое словосочетание неразложимо и всегда выступает как один член предложения.

Свободные словосочетания в большинстве случаев разложимы, поскольку между их компонентами сохраняются живые синтаксические и смысловые связи. Например, в предложении *خوشکاندن باتلاقها در این ناحیه خاتمه یافت* *Hoškāndan-e bālāqhā dar in nāhiye xāteme yaft* 'Закончилось осушение болот в этом районе' изафетное словосочетание *خوشکاندن باتلاقها* *hoškāndan-e bālāqhā* 'осушение болот', выступающее в роли подлежащего, выражает объектные отношения с оттенком атрибутивности и разлагается на подлежащее и его дополнение.

Вместе с тем имеются такие свободные словосочетания, которые всем составом, подобно фразеологическим словосочетаниям, выступают в функции одного члена предложения, т.е. они неразложимы. Например, некоторые количественно-именные словосочетания относятся к нечленимым:

а) сочетания числительных (с нумеративами или без них) с именами существительными (*دو میز do miz* 'два стола', *پنج دانشجو panj dānešju* 'пять студентов', *سه تا سیب se tā sib* 'три яблока', *چهار رأس گوسفند čahār ra's gusfand* 'четыре барана');

б) сочетания со значением приблизительного и неконкретного количества (*بیش از صد نفر biš az sad nafar* 'больше ста человек', *کمتر از چهارصد ریال kamtar az čahārsad riyāl* 'меньше четырехсот риалов', *دو هزار قریب دو هزار کارگر qarib-e do hezār kārgar* 'приблизительно две тысячи рабочих').

Известно, что при сочетании количественных числительных с существительными последние имеют форму ед. числа: *یک کتاب yek ketāb* 'одна книга', *دو کتاب do ketāb* 'две книги', *سه کتاب se ketāb* 'три книги' и т.д. Если сравнить два предложения — *کارگران کار می کنند Kārgarān kār mikonand* 'Рабочие работают' и *سه کارگر کار می کنند Se kārgar kār mikonand* 'Трое рабочих работают', — то увидим, что в первом предложении сказуемое согласуется в лице и числе с подлежащим *کارگران kārgarān*, а во втором предложении — со всем словосочетанием *سه کارگر se kārgar*. Факт согласования сказуемого со словосочетанием, где существительное имеет форму ед. числа, свидетельствует о его неделимости. Нумератив, включаясь в количественно-именное словосочетание, не нарушает его цельности.

К нечленимым свободным словосочетаниям относятся сочетания модальных глаголов и эквивалентных им по значению глаголов, выражающих желание, возможность, умение и т.д., со смысловым глаголом (в форме аориста или прошедше-предположительного времени): *می توانم بروم mitavānam beravam* 'могу пойти', *باید بگیرد bāyad beguyad* 'он должен сказать', *تصمیم گرفتیم برویم tasmim gereftim beravim* 'мы решили пойти' и т.д. Цельность словосочетания подкрепляется не только смы-

словой нерасторжимостью двух глаголов, но и грамматическим единством согласующихся глагольных окончаний.

Можно выделить еще ряд сочетаний слов, которые по характеру отношений между компонентами остаются нечленимыми и выступают как единый член предложения (например, обозначение дат — روز بیست و پنجم اوت سال هزار و نهصد و نود و چهار از مرغی برگشتم *Ruz-e bist-o panjom-e ut-e sāl-e hezār-o nohsad-o navad-o šahār az moraxxasi bar-gaštam* ‘Двадцать пятого августа 1994 года я возвратился из отпуска’), хотя они остаются синтаксическими словосочетаниями. Такие сочетания слов Л.С.Пейсиков предлагает называть синтаксическими группами. Они не имеют единых признаков неделимости, но попытка расчленивать такого рода словосочетания нарушит реальные лексико-грамматические связи и отношения между членами предложения и приведет к бессмыслице.

По характеру отношений между компонентами к синтаксическим группам относятся местоименные и местоименно-числительные сочетания, выступающие в роли одного члена предложения: ما همه *mā hame* ‘мы все’, اینها همه *inhā hame* ‘они все’, آنها همه *ānhā hame* ‘они все’, آن یکی *ān yeki* ‘тот’, یکی دیگر *yeki digar* ‘другой’, این دو *in do* ‘эти оба’, آن دو *ān do* ‘те двое’ и т.д. Некоторые из такого рода сочетаний подверглись переосмыслению, в связи с чем встает вопрос об отнесении их к фразеологизмам или к сложным словам (если имеют место их фонетическое объединение, утрата паузы и перенесение ударения на последний слог).

Л.С.Пейсиков относит к нечленимым синтаксическим группам сочетания существительного с несамостоятельным определительным местоимением هر *har* ‘каждый’, ‘всякий’: هر حاجتی داشته باشی برآورده می شود *Har hājat-i dāšte bāsi bar-āvarde mišavad* ‘Всякое желание, (которое) у тебя возникнет, исполнится’ (Але Ахмад. Толпа). Словосочетание هر حاجت *har hājat* относится к синтаксически нечленимым [Пейсиков 1959, с. 227]. Однако такой подход не является бесспорным.

Проведенный выше анализ свидетельствует о трудностях деления синтаксических словосочетаний на членимые и нечленимые и о сложности выделения членов словосочетаний и членов предложений, поскольку не существует единых и четких критериев.

3. Формальная и смысловая организация простого предложения

Среди исследователей нет единства взглядов по вопросу о принципах классификации предложений, ибо главные вопросы, связанные с установлением структурных типов предложений, остаются до сих пор не решенными.

Простое предложение может состоять:

а) из одного слова: بنویسید! *Benevisid!* ‘Пишите!’; نامه ها *Nāme hā* ‘Письма’ (название художественного произведения Б.Аляви);

б) из соединения слов: دیروز احمد برگشت *Diruz Ahmad bar-gašt* ‘Вчера Ахмад возвратился’;

в) из соединения слов и словосочетаний: دشمن دانا از دوست نادان بهتر است *Došman-e dānā az dust-e nādān behtar ast* 'Знающий враг лучше, чем незнающий друг' (пословица).

Наиболее общая классификация предложений зависит от характера выражаемого в предложении отношения к действительности, утверждения или отрицания чего-либо. Выделение утвердительных предложений (او این حقیقت را ثابت کرد *U in haqiqat-rā sābet kard* 'Он подтвердил этот факт') и отрицательных предложений (معترض دایمی من به سؤال جواب نداد *Mo'tarez-e dāyemi-ye man be so'al-am javāb nadād* 'Мой постоянный оппонент не ответил на мой вопрос') не вызывает затруднений.

Далее классификация простых предложений ведется:

1) по составу их членов: а) распространенные и нераспространенные предложения; б) полные и неполные предложения; в) двусоставные и односоставные предложения;

2) по коммуникативно-смысловой структуре и цели высказывания: а) повествовательные предложения; б) вопросительные предложения; в) побудительные предложения; г) восклицательные предложения.

3.1. Классификация предложений по составу их членов

При делении простых предложений по составу их членов учитываются: наличие главных членов предложения (т.е. одного или двух главных членов); наличие или отсутствие второстепенных членов; наличие или частичное отсутствие членов, обеспечивающих структурную завершенность предложения.

3.1.1. Распространенные и нераспространенные предложения

Предложения, имеющие в своем составе кроме главных еще и второстепенные члены, принято называть *распространенными*: دخترم در دانشگاه مسکو تحصیل می کند *Doxtar-am dar dānešgāh-e Moskow tahsil mikonad* 'Моя дочь учится в Московском университете'. Второстепенные члены представлены обстоятельствами и дополнениями. В качестве второстепенных членов предложений могут выступать отдельные слова, синтаксические и фразеологические словосочетания: من و دوستانم این شهر را بخوبی بیرون شهر گذرانیم *Man va dustān-am in do ruz-e ta'til-rā bexubi birun-e šahr gozarāndim* 'Я и мои друзья хорошо провели за городом эти два выходных дня'.

Предложения, не содержащие в своем составе второстепенных членов, относятся к *нераспространенным* предложениям: اوضاع روشن شد *Owzā' rowšan šod* 'Положение прояснилось'; دو روز گذشت *Do ruz gozašt* 'Прошло два дня'.

В нераспространенных предложениях подлежащее может быть выражено не только словом, но и словосочетанием, а сказуемое может быть глагольным, именным и глагольно-именным: بچه های کوچک بازی می کنند *Baččehā-ye kuček bāzi mikonand* (глагольное сказуемое) 'Маленькие дети играют'; وظیفه ما روشن است

Vazife-ye mā rowšan ast (именное сказуемое) ‘Наша задача ясна’; همه از سر سفره گرسنه پا می شوند *Hame az sar-e sofre gorosne pā mišavand* (глагольно-именное сказуемое) ‘Все встанут из-за стола голодными’ (Хедаят. Хаджи-ага).

3.1.2. Полные и неполные предложения

Деление предложений на полные и неполные обусловлено контекстом, ситуацией речи. Оно производится на основе наличия или отсутствия тех или иных обязательных членов.

Неполное предложение характеризуется некоторой незавершенностью грамматической структуры или неполнотой состава вследствие того, что в нем отсутствуют один или несколько членов (главных или второстепенных), понятных из контекста или из ситуации речи. Их отсутствие всегда ясно, ощутимо. Неполные предложения свойственны главным образом разговорному языку, а также диалогической речи персонажей художественных произведений: شما این کتاب را خوانده اید؟ - بله، خوانده ام. *Šomā in ketāb-rā xānde-id?* — *Bale, xānde-am* ‘Вы эту книгу уже прочитали? — Да, прочитал’. Во втором предложении отсутствует прямое дополнение.

Вот еще примеры на неполные предложения: شما کی به تهران پرواز می کنید؟ - فردا. *Šomā key be Tehrān parvāz mikonid?* — *Fardā* ‘Вы когда летите в Тегеран? — Завтра’. Во втором предложении пропущены подлежащее, сказуемое и обстоятельство места, но хотя пропущенные члены и обязательны, они ясны из предшествующего вопроса. Полный вариант этого предложения выглядел бы так: فردا به تهران پرواز می کنم *Fardā be Tehrān parvāz mikonam* ‘Я лечу в Тегеран завтра’. Другой пример: نتوانستم بروم. خواستم پیش بروم. *Xāstam piš beravam. Natavānestan* ‘Хотел пройти вперед. Не смог’. Наличие одного модального глагола в последнем предложении, обычно не способного к самостоятельному употреблению (без смыслового глагола), свидетельствует о неполноте предложения.

Неполнота отмеченных выше предложений не означает их ущербности. Зачастую употребление полной формы предложения вместо неполной ухудшает стилистическое строение текста и поэтому оказывается стилистически неприемлемым. Вместе с тем по своему содержанию неполные предложения тождественны их полным вариантам. По выражаемым мыслям они оказываются богаче своего лексического состава.

К неполным предложениям примыкают так называемые эллиптические предложения, в которых отсутствует сказуемое. Если неполные предложения выступают как варианты полных и отсутствующие в них члены могут быть восстановлены по контексту и с учетом речевой ситуации, то эллиптическим предложениям органически присущ пропуск сказуемого. Г.Ш.Махмудов, характеризуя эллиптические предложения, в докторской диссертации «Проблема структурных типов и членов простого предложения современного персидского языка» пишет: «Отсутствие сказуемого в эллиптических предложениях является и их структурно обусловленным свойством: از این پس شهریارا ما و از مردم رمیدنها *Az in pas Šahriyārā, mā-vo az mardom ramidanhā* ‘Отныне, о Шахрияр, ты избегай людей’» [Махмудов 1982, с. 15]. Действительно, такие предложения не могут рассматриваться как неполные, ибо их неполнота является структурной нормой.

Автор данной «Грамматики» считает эллиптические предложения одной из разновидностей фразеологизмов со структурой предложения [Рубинчик 1981, с. 238]. Они обладают всеми свойствами устойчивых предложений. Отсутствие глагола — главное свойство, отличающее их от других типов фразеологизмов-предложений. Для персидских свободных предложений безглагольность не характерна.

По своей структуре эллиптические предложения-фразеологизмы соотносятся с простыми предложениями: например, *خدا قوت! Xodā qovvat!* ‘Бог в помощь!’, ‘Да поможет Бог!’ (букв. ‘Бог сила’); *التفات شما زیاد Eltefāt-e šomā ziyād* ‘Благодарю вас’ (букв. ‘Ваша доброта велика’) и сложносочиненными: например, *شما کجا و این حرفها! Šomā kojā-vo in harfhā!* ‘Довольно странно слышать от вас такое!’ (букв. ‘Где вы и где эти слова’); *دل به کار و دست به یار Dast be kār-o del be yār* ‘Занят делом, а думает о другом’ (букв. ‘Руки на деле, а сердце на друге’).

Форму эллиптических предложений имеют многие пословицы и поговорки (например, *دست ما کوتاه و خرما بر نخیل Dast-e mā kutāh va xormā bar naxil* ‘Руки наши коротки, а финики на дереве’ (соотв. ‘Видит око, да зуб неймет’); *نوشدارو پس از مرگ سهراب Nušdāru pas az marg-e Sohrāb* ‘Противоядие после смерти Сохраба’ (соотв. ‘Как мертвому припарки’); различные формулы приветствий, поздравлений, просьб, благодарности, извинения, соболезнования, клятвы, проклятия (например, *چشم ما روشن! Čašm-e mā rowšan!* ‘Поздравляю вас с приездом!’; *دست شما بی بلا Dast-e šomā bi balā* ‘Благодарю вас’ (букв. ‘Ваши руки без несчастья’); *خاک به سرش! Xāk be sar-aš!* ‘Чтоб ему ни дна ни покрывки!’ (букв. ‘Землю на его голову!’); *دور از چشم! Dur az češm!* ‘Прочь с глаз!’, ‘С глаз долой!’) и т.д.

Дальнейшее изучение эллиптических предложений и их структурных видов — дело фразеологической науки и ее раздела, занимающегося исследованием фразеологизированных предложений.

3.1.3. Разграничение двусоставных и односоставных предложений

По своему строению и способу выражения предикативности предложения делятся на два больших типа: двусоставные и односоставные.

Двусоставные предложения имеют два главных члена — подлежащее и сказуемое, односоставные — один. Основные условия существования двусоставного предложения — независимая позиция *носителя признака* и наличие формальных средств, служащих для выражения приписываемого ему *предикативного признака*.

Двусоставные предложения составляют подавляющее большинство предложений, встречающихся в персидской речи, и представляют основной тип предложений современного персидского языка.

В теории синтаксиса простого предложения проблема разграничения односоставных и двусоставных предложений не получила окончательного научного разрешения. Существуют две точки зрения на природу этих предложений.

Л.С.Пейсиков считает, что предложения *من کتاب می خوانم Man ketāb mi xānam* ‘Я читаю книгу’ и *کتاب می خوانم Ketāb mi xānam* ‘Читаю книгу’ следует считать двусоставными, ибо при отсутствии одного из главных членов (в данном случае —

подлежащего) нельзя говорить об односоставности данного предложения. По его мнению, формальный подход не может считаться достаточным [Пейсиков 1959, с. 235].

Типичным двусоставным предложением является такое, в котором наличествуют оба главных члена: *استاد تودار بود و رازينهان کن* *Ostād tudār bud va rāzpenhānkon* 'Художник был неразговорчив и скрытен' (Аляви. Ее глаза). Но часто бывает случаи, когда подлежащее отсутствует. Предложения без формального подлежащего получили большое распространение. В них подлежащее легко восстанавливается по контексту или речевой ситуации. Такие предложения Л.С.Пейсиков относит к неполным конкретно-личным двусоставным предложениям.

Иной точки зрения придерживается Г.Ш.Махмудов, который считает, что в персидском языке личные окончания глагола и глагольные связи сами по себе способны указывать на лицо — производителя действия. Однако это не свидетельствует о факультативном характере употребления лексически выраженного подлежащего. По его мнению, лексическое выражение подлежащего придает предложению завершенный характер, а наличие в предложении обоих структурно-организационных центров — подлежащего и сказуемого — обуславливает его семантическую самостоятельность. Поэтому нельзя считать однотипными предложения, в которых подлежащее выражено словесно, и предложения, где оно только подразумевается [Махмудов 1982, с. 8]. Двусоставное предложение как минимум включает в себя подлежащее и сказуемое, но в нем могут наличествовать и второстепенные члены: ср., например, *باران می بارد* *Bārān mibārād* 'Идет дождь' и *از صبح زود باران شدید* *Az sobh-e zud bārān-e šadid mibārād* 'С раннего утра идет сильный дождь'.

В «Грамматике» мы придерживаемся формального подхода к определению двусоставных предложений, т.е. если лексически выраженное подлежащее отсутствует, то мы относим такое предложение к определенно-личным односоставным. Однако поскольку субъект предложения ясен из контекста и может быть легко восстановлен, мы не отрицаем наличия второго главного члена в этом предложении — сказуемого. Пожалуй, неправильно было бы говорить об употреблении в таких предложениях просто главного члена (не уточняя его вида), а не сказуемого. Такой подход дает более четкие возможности для разграничения двусоставных и односоставных предложений.

Основную массу двусоставных предложений представляют конкретно-личные предложения: *دوست قدیم ما وارد سمرقند شد* *Dust-e qadim-e mā vāred-e Samarqand šod* 'Наш старый друг прибыл в Самарканд'. Предложение типа *تو وقتی که تماشا می کنی می بینی که...* *To vaqt-i-ke tamāšā mikoni mibini-ke...* 'Ты когда смотришь, то видишь, что...', приводимое Л.С.Пейсиковым как двусоставное полное неконкретно-личное предложение (местоимение 2-го лица ед. числа *تو to* 'ты' употреблено в обобщенно-личном значении) [Пейсиков 1959, с. 238], не является типичным для персидского языка.

Дальнейшую классификацию двусоставных предложений целесообразно проводить на основании типа сказуемого предложения, которое бывает глагольным, именным (связочным), глагольно-именным и наречно-междометным. Двусоставные предложения, различающиеся по типу сказуемого, будут рассмотрены во втором разделе в главе первой «Главные члены предложения».

3.2. Виды односоставных предложений и их характеристика

В теории односоставных предложений до сих пор многие вопросы вызывают споры между исследователями. К ним, в частности, относятся определение статуса односоставных предложений, их классификация, а также отграничение некоторых видов односоставных предложений (например, номинативных) от сходных по форме синтаксических структур.

В большинстве типов односоставных предложений главный член представлен спрягаемой формой глагола, которая, подобно сказуемому двусоставных предложений, выражает категории времени, лица, наклонения. Тем не менее исследователи, как правило, выступают против именованного главного члена односоставного предложения подлежащим или сказуемым. Этот главный член не только называет действие, явление или предмет, но и выражает их отношение к действительности. Таким путем создается необходимая для любого предложения предикативность.

Выделяются следующие типы односоставных предложений: 1) определенно-личные, 2) неопределенно-личные, 3) обобщенно-личные, 4) безличные, 5) номинативные, 6) слова-предложения.

Определенно-личные предложения настолько близки по своим синтаксическим свойствам к двусоставным предложениям, в них так легко может быть восстановлено подлежащее, что мы считаем возможным говорить о наличии в них просто сказуемого, а не главного члена.

3.2.1. Определенно-личные предложения

К предложениям этого типа относятся односоставные бесподлежащие предложения, сказуемое которых выражено глаголом в форме 1-го или 2-го лица ед. или мн. числа. Глагол в этих предложениях не нуждается в выражении субъекта (например, в наличии местоимения), так как его личное окончание указывает на вполне определенное лицо: *بعد صحبت می کنیم، اول روزنامه می خوانیم، Avval ruznāme mīxānim, ba'd sohbat mikonim* 'Сначала прочтем газету, а потом побеседуем'. Несмотря на отсутствие в персидских предложениях личных местоимений, они могут быть употреблены в русском переводе.

Главный член определенно-личных предложений, синтаксически самых близких к двусоставным, может быть выражен:

1) формами 1-го лица ед. и мн. числа глагола: *بچه ها، اول درس گذشته را می پرسم و بعد درس تازه ای می دهم، همه چیز داریم، Hame čiz dārim* 'Мы все имеем';
Baččehā, avval dars-e gozašte-rā mīporsam va ba'd dars-e tāze-i mideham 'Ребята, сперва спрошу прошлый урок, а потом начну новый';

2) формами 2-го лица ед. и мн. числа глагола: *ترا به خدا، کی هستی؟، Radi Boga, ty kto?; خبر خوبی آورده اید، Xabar-e xub-i āvarde-id* 'Вы принесли хорошее известие';

3) формами повелительного наклонения (2-е лицо ед. и мн. числа): *بفرمایید تو، بنشینید، Befarmayid tu, benešinid* 'Заходите, садитесь'; *راستش را بگو، Rāst-aš-ra begu* 'Скажи правду'.

Логическим субъектом в определенно-личных предложениях выступают 1-е и 2-е лица. Присутствие действующего лица непосредственно в процессе общения устраняет необходимость употребления личных местоимений или же ослабляет эту необходимость. Если в обычных предложениях их употребление является факультативным, то в предложениях с глаголом в повелительном наклонении местоимения вообще не употребляются.

Особое место среди определенно-личных занимают предложения, глагол-сказуемое которых стоит в форме 3-го лица ед. и мн. числа: گفت *Goft* 'Сказал'; رفت *Raft* 'Ушел'; می سازند *Misāzand* 'Строят'. От обычных определенно-личных предложений они отличаются тем, что в смысловом плане более тесно связаны с предыдущим контекстом. Тем не менее они также относятся к определенно-личным предложениям.

В случае употребления в таких предложениях личных местоимений определенно-личные предложения превращаются в двусоставные. В таких предложениях подчеркивается наличие деятеля (например, شما چه میل دارید؟ *Šomā če meyl dārid?* 'Что вы хотите?') или выражается противопоставление действий двух предложений, связанных сочинительной союзной либо бессоюзной связью (например, تو مواظب بچه باش، من الآن هیزم می آورم *To movāzeb-e bačče bāš, man al'ān hizom miāvaram* 'Ты посмотри за ребенком, а я сейчас принесу дрова' (Хедаят. Заживо погребенный)).

3.2.2. Неопределенно-личные предложения

К неопределенно-личным предложениям относятся бесподлежащные предложения, в которых главный член выражен глаголом в форме 3-го лица мн. числа и обозначает действие, совершаемое неопределенными лицами: شما را پای تلفن خواسته اند *Šomā-rā pā-ye telefon xāste-and* 'Вас просят к телефону'.

В неопределенно-личных предложениях подлежащее не употреблено, как и в неполных определенно-личных предложениях. Однако в отличие от последних оно предстает как неизвестное, неопределенное. Отсутствие подлежащего является структурным признаком этих предложений.

В неопределенно-личных предложениях внимание говорящего сосредоточено на действии, указание же на действующее лицо не представляется важным. Нередко действующее лицо бывает более или менее известным, однако оно словесно не выражается: دوستم را برای چهار ماه به ماموریت فرستادند *Dust-am-rā barāye čahār māh be ma'muriyyat ferestādand* 'Моего друга на четыре месяца послали в командировку'; در روزنامه های امروز در باره کار این کنفرانس زیاد می نویسند *Dar ruznāme-hā-ye emruz dar bāre-ye kār-e in konferāns ziyād minevisand* 'В сегодняшних газетах много пишут об этой конференции'.

В фольклоре, в языке классического периода глагол گفتن *goftan* 'говорить' часто употребляется в форме настояще-будущего времени без глагольной приставки می *mi-*: ...گویند *guyand...* 'говорят...'. При этом глагол-сказуемое выступает как главное предложение (универсальный подчинительный союз که *ke* чаще всего не употребляется), за которым следует придаточное дополнительное: گویند کوزه گر خوبی بود *Guyand kuzegar-e xub-i bud* 'Говорят, он был хорошим горшечником'.

3.2.3. Обобщенно-личные предложения

К ним относятся бесподлежащие предложения, главный член которых обычно выражен глаголом в форме 2-го лица ед. числа, в форме повелительного наклонения или в форме 3-го лица мн. числа, и обозначают действие, которое практически можно отнести к любому лицу. Основная функция обобщенно-личных предложений состоит в том, чтобы образно выражать общие суждения, сентенции. Очень часто такие предложения представлены пословицами и поговорками: شهر یکچشم روی بی گدار به آب مزنی! *Šahr-e yekčēšmān ravi yekčēšm šavi!* ‘Идешь в город одноглазых, так стань одноглазым!’ (соотв. ‘С волками жить — по-волчьи выть’); تا آب نزننی شناور نشوی *Tā āb nazani šenāvar našavi* ‘Пока не войдешь в воду, пловцом не станешь’; آن قدر بیز که بتوانی بخوری *Ān qadr bepaz ke-betavāni bexori* ‘Вари столько, сколько сможешь съесть’ (соотв. ‘Сам себе во всем меру знай’).

Главный член обобщенно-личных предложений может быть выражен глаголом и в форме 3-го лица мн. числа. В этом случае обобщение сводится к описанию типичной картины осуществления какого-либо действия: جوجه ها را آخر پاییز می شمارند *Jujehā-rā āxer-e pāyiz mišomārand* ‘Цыплят по осени считают’; مار خفته را نمی زنند *Mār-e xofte-rā nemizanand* ‘Спящую змею не бьют’ (соотв. ‘Лежачего не бьют’); از یک در مسجد در بینماز برای یک *Barāye yek binamāz dar-e masjed-rā nemibandand* ‘Из-за одного еретика двери мечети не запирают’.

Главное значение обобщенно-личных предложений состоит в том, что субъект действия соотносится с любым лицом, и поэтому действие приписывается обобщенному лицу или всем лицам определенной категории.

Обобщенное значение могут выражать и двусоставные предложения с подлежащим-существительным или с подлежащим-местоимением, употребляемыми в обобщенном значении: عاقل نشود غافل *Āqel našavad qāfel* ‘Умного не застанешь врасплох’; خفته را خفته کی کند بیدار *Xofte-rā xofte key konad bidār* ‘Спящий не разбудит спящего’ (соотв. ‘Дурак дурака ничему не научит’).

3.2.4. Безличные предложения

Односоставное предложение, в котором подлежащее как грамматическое выражение субъекта, испытывающего некое состояние, отсутствует и не может быть восстановлено ни из контекста, ни из форм глагола, принято относить к безличным. В безличном предложении главный член представлен глаголом, форма которого не выражает лица, грамматическое значение лица стирается¹.

В персидском языке в отличие от многих других языков, где главный член безличных предложений наиболее часто выражается безличными глаголами, эта форма не получила развития. Как показывает изучение персидских безличных предложений, главный член их может выражаться некоторыми простыми глаголами (в том

¹ Некоторые языковеды выступают против термина «безличные предложения», считая, что глагол в таких предложениях хотя и имеет форму «ненастоящего» 3-го лица ед. числа, но полностью безличным не становится. А.М.Пешковский предлагает вместо этого термин «предложения с устраненными подлежащими» [Пешковский 1938, с. 317].

числе в форме пассивного залога), специальными синтаксическими конструкциями, глагольными фразеологизмами и фразеологизмами-предложениями. Большой интерес представляют структуры главных членов безличных предложений, выраженных особыми безличными фразеологическими единицами.

Для образования безличных предложений обычно используются непреходные сложные глаголы (СГ в пассивном значении), которые, подобно простым глаголам в форме пассивного залога, могут иметь безличное значение. Такого рода сложные глаголы обозначают процессы речи и умственной деятельности и наиболее часто выступают в роли главных частей сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими, например: ...اعلام شد که *e'lām šod-ke...* 'объявлено, что...' (СГ اعلام شدن *e'lām šodan* 'объявляться', 'сообщаться'), ...به نظر می رسد که *be nazar mirasad-ke...* 'кажется, что...' (СГ به نظر رسیدن *be nazar rasidan* 'казаться', 'выглядеть', 'представляться').

Безличные фразеологизмы-предложения — одна из наиболее распространенных структурных форм выражения синтаксической категории безличных предложений в персидском языке. Они характеризуются высокой степенью устойчивости и воспроизводимостью в качестве готовых языковых единиц. Устойчивость этих предложений поддерживается переосмыслением одного из компонентов — чаще глагольного (например: خنده ندارد *xande nadārad* 'не смешно', букв. 'смеха не имеет'; ...انتظار می رود که *entezār miravad-ke...* 'ожидается, что...', букв. 'идет ожидание, что...'), а иногда — одновременно двух компонентов: именного и глагольного (например: کرایه نمی کند *kerāye nemikonad* 'не стоит', 'невыгодно', букв. 'аренду не делает'; زد خشکش *xošk-aš zad* 'он застыл в изумлении'), необычным лексическим и грамматическим значением глагольного компонента в результате утраты им значения 3-го лица ед. числа.

В состав значительной части безличных фразеологизмов-предложений в качестве обязательного элемента входят слитные местоимения, обозначающие субъект, который является производителем действия, либо субъект, испытывающий состояние. Таким образом, в зависимости от наличия или отсутствия слитного местоимения все безличные фразеологизмы-предложения можно разделить на бес субъектные и субъектные: ср., например, бессубъектные предложения عیب ندارد *eyb nadārad* 'ничего', 'ничего не значит', فرق نمی کند *farq nemikonad* 'безразлично', 'все равно' и субъектные предложения دریغ آمد *dariq-am āmad* 'мне стало жалко', سرفه اش گرفت *sorfe-aš gereft* 'он закашлялся', 'его одолел кашель'.

Структурным и смысловым центром безличного предложения выступает главный член, являющийся выразителем предикативности. Строение главного члена, способы его выражения определяют специфику безличных предложений и являются основными критериями их классификации. Главный член безличного предложения может быть выражен простым или сложным глаголом, фразеологизированным предложением, сочетанием имени и краткой формы глагола-связки и т.д. Глагольная часть всегда представлена формой 3-го лица ед. числа глагола.

При классификации безличных предложений учитываются не только строение главного члена и способы его выражения, но и участие в его составе энклитических местоимений и другие факторы, которые будут отмечены при характеристике конкретных видов предложений. Нельзя не сказать также о выделении безличных

предложений с главным членом глагольного типа (глагольные безличные предложения) и безличных предложений именного (связочного) типа (именные безличные предложения)².

Безличные предложения в зависимости от того, являются они свободной синтаксической конструкцией или фразеологизмом, делятся на две группы.

1. Свободные безличные предложения

1. Безличные предложения с главным членом, выраженным модальным глаголом в сочетании с усеченным инфинитивом смыслового глагола. Эта конструкция получила распространение в современном языке. В качестве ее модальных компонентов выступают формы трех глаголов, передающих значения необходимости, возможности, и их синонимы:

1) формы недостаточного глагола *بایستن* *bāyestan* 'долженствовать' — *باید* *bāyad*, *بایست* *bāyest*, *بایست می* *mibāyest*, *بایستی می* *mibāyesti*, *باید می* *mibāyad*, *بباید* *bebāyad* 'должно'. Наиболее употребительной из названных форм является *باید* *bāyad*: *باید گفت* *Bāyad goft* 'Нужно сказать'; *باید دید* *Mibāyest did* 'Нужно увидеть';

2) формы глагола *توانستن* *tavānestan* 'мочь' — *توان* *tavān*, *توان می* *mitavān*, *بتوان* *betavān* 'можно': *توان رفت* *Mitavān raft* 'Можно идти'; *برای آنکه این وظیفه را بتوان* *Barāye ān-ke in vazife-rā betavān bemowqe' anjām dād šarāyet-e monāseb-i lāzem ast* 'Для того чтобы можно было выполнить эту задачу вовремя, необходимы подходящие условия';

3) формы 3-го лица ед. числа глагола *شدن* *šodan* 'становиться' — *می شود* *mišavad*, *بشود* *bešavad* 'можно', *می شد* *mišod* 'можно было', утратившие семантическую связь с основным глаголом и получившие значение упомянутых выше форм глагола *توانستن* *tavānestan*: *می شود گفت* *Mišavad goft* 'Можно сказать'; *می شد رفت* *Mišod raft* 'Можно было уйти';

4) сочетания глагола-связки *است* *ast* 'есть' с арабскими причастиями *لازم* *lāzem* 'необходимый', *ممکن* *momken* 'возможный' — *لازم است* *lāzem ast* 'необходимо', *ممکن است* *momken ast* 'возможно', 'можно': *لازم است گفت* *Lāzem ast goft* 'Необходимо сказать'; *ممکن است رفت* *Momken ast raft* 'Можно идти'. Образовавшиеся именные безличные предложения выступают как синонимы соответствующих форм глаголов *بایستن* *bāyestan* и *توانستن* *tavānestan*.

Следует обратить внимание на различия в функционировании модальных глагольных форм *باید* *bāyad* (и других соответствующих форм глагола *بایستن* *bāyestan*) и *توان* *mitavān*, *می شود* *mišavad*. Как известно, глагольная форма *باید* *bāyad* может участвовать в образовании личных конструкций (например, *من باید بروم* *man bāyad beravam*), тогда как *توان* *mitavān* и *می شود* *mišavad* употребляются только в сочетании с усеченным инфинитивом³.

² Термины «именной» и «связочный» примерно одинаково употребляются для обозначения предложений, в которых главный член состоит из именной части и краткой формы глагола-связки *است* *ast* 'есть'. Поскольку наличие обоих компонентов (имени и связки) обязательно, употребление одного или другого термина вполне адекватно.

³ В языке классического периода в безличных предложениях с усеченным инфинитивом субъект действия мог передаваться именем существительным или местоимением с послелогом *را* *rā*: *باید رفت* *ra*

2. Главный член выражен переходным глаголом с пассивным значением. В связи с разными способами выражения пассивного значения выделяются две группы предложений:

1) предложения, где главный член представлен простым глаголом в форме пассивного (страдательного) залога: *شود گفته می شود* *Gofte mišavad* 'Говорится'; *شنیده شد* *Šenide šod* 'Послышалось', 'Стало слышно'; безличные предложения этого типа связаны со страдательным залогом лишь генетически и формально, в них безличное значение противопоставляется личному, но не пассивное — активному;

2) предложения, где главный член выражен сложным глаголом с пассивным значением. Пассивное значение сложных глаголов в большинстве случаев выражается не грамматическим способом, а лексическим: компонирующий глагол, сообщающий переходное значение сложному глаголу, заменяется на другой компонирующий глагол, выражающий непереходное значение: ср. *اعلام کردن* *e'lām kardan* 'объявлять' — *اعلام شدن* *e'lām šodan* 'объявляться'; *اظهار داشتن* *ezhār dāstan* 'заявлять' — *اظهار شدن* *ezhār šodan* 'быть заявленным'; *تشریح کردن* *tašrih kardan* 'разъяснять' — *تشریح شدن* *tašrih šodan* 'разъясняться' и т.д.

Глаголы с пассивным значением, поскольку они не являются собственно безличными глаголами, могут употребляться и в личных предложениях. В безличных же они употребляются в простых предложениях и в качестве главных предложений в составе сложноподчиненных с придаточными подлежащими.

В простых предложениях главный член обычно сочетается с предложным дополнением: *راجع به این حادثه هنوز رسماً اعلام نشده است* *Rāje' be in hādese hanuz rasman e'lām našode-ast* 'Еще официально не объявлено об этом происшествии'; *از هرگونه کمک استفاده شده بود* *Az hargune komak estefāde šode bud* 'Была использована всякого рода помощь'.

Такого рода безличные предложения употребляются также в качестве главных частей сложноподчиненных предложений: *در این مقاله گفته می شود که هیئت نمایندگی خارجی از نمایشگاه دیدن کردند* *Dar in maqāle gofte mišavad ke-hey'at-e nemāyandegi-ye xāreji az nemāyešgāh didan kardand* 'В этой статье сообщается, что иностранная делегация посетила выставку'; *اعلام شد که فردا مسابقات ورزشی روی می دهد* *E'lām šod-ke fardā mosābeqāt-e varzeši ruy midehad* 'Объявлено, что завтра состоятся спортивные соревнования'.

3. Главный член представлен собственно безличным глаголом *می شود* *mišavad* 'можно'. В роли безличных глаголов могут быть употреблены и другие производные от глагола *شدن* *šodan* формы 3-го лица ед. числа в прошедших временах — *شد* *šod*, *می شد* *mišod*, в аористе — *بشود*, но практически они встречаются редко.

Как было показано выше, глагол *می شود* *mišavad* входит в качестве конституирующего элемента в состав главного члена безличного предложения типа «модальный глагол + усеченный инфинитив». Помимо этого безличный глагол может играть роль главного члена безличного предложения совершенно самостоятельно.

ما را باید نهفت *Ma-rā raft bāyad be-din ċador zud* 'Мне нужно быстрее пойти в этот шатер'; *ما را باید نهفت* *Mā-rā bāyad nehoft* 'Нам нужно скрыться'. В отдельных случаях субъект выражался слитным местоимением: *بایدش رفت* *Bāyad-aš raft* 'Ему необходимо идти', см. [Белицын 1969, с. 9].

Предложения с собственно безличным глаголом می شود *mišavad* могут быть как нераспространенными, так и распространенными, выполнять функцию главной или зависимой части предложения, а также выступать в качестве самостоятельного предложения: می شود که نیایم؟ *Mišavad-ke nayāyam?* ‘Можно мне не приходиться?’; نشد سر وقت خودم را به تو برسانم *Našod sar-e vaqt xod-am-rā be to berasānam* ‘Мне было невозможно (не удалось) прийти к тебе вовремя’.

4. Главный член выражен именем и краткой формой глагола-связки است *ast* или формами 3-го лица ед. числа связочных глаголов بودن *budan* ‘быть’ и شدن *šodan* ‘становиться’. В роли именного компонента главного члена выступают имена существительные, прилагательные, различные формы причастий. Рассматриваемые двухкомпонентные безличные именные предложения могут быть как нераспространенными, так и распространенными, а также входить в состав сложноподчиненного предложения, выполняя функцию его главной или зависимой части.

Именные безличные предложения служат для обозначения состояния внешней среды (например, سرد است *Sard ast* ‘Холодно’; تاریک بود *Tārik bud* ‘Было темно’; روشن شد *Rowšan šod* ‘Стало светло’; گرم است *Garm ast* ‘Жарко’; خفه است *Xafe ast* ‘Душно’); могут иметь модальные значения необходимости, возможности совершения действия (например, لازم است *Lāzem ast* ‘Необходимо’; ممکن است *Momken ast* ‘Возможно’; شک است *Šakk ast* ‘Сомнительно’); могут обозначать восприятие субъекта с оттенками уверенности, неуверенности, сомнения (например, واضح است *Vāzeh ast*, مسلم است *Mosallam ast* ‘ясно’, ‘бесспорно’; معلوم است *Ma'lum ast* ‘Известно’; بدیهی است *Badihi ast* ‘Очевидно’, ‘Несомненно’; ...شایع است *Šāye' ast...* ‘Ходят слухи...’); могут обозначать необходимость (تاریک نشده باید کارم را تمام کنم *Tā tārik našode bāyad kār-am-rā tamām konam* ‘Пока не стало темно, я должен закончить работу’; لازم است پیش بروید *Lāzem ast piš-e pezešk beravid* ‘Вам необходимо пойти к врачу’; گمان دارم آنجا بهتر بود *Gomān dāram ānjā behtar bud* ‘Я думаю, там было лучше’).

5. Безличные предложения, в которых главный член выражен формами пассивного залога глаголов افزودن *afzudan* ‘увеличивать’, ‘умножать’, ‘добавлять’, ‘прибавлять’ и کاستن *kāstan* ‘уменьшать’, ‘убавлять’, ‘понижать’, ‘снижать’. Оба глагола имеют также и пассивные значения, однако в современном языке для четкости выражения чаще употребляются в форме пассивного залога с вспомогательным глаголом شدن *šodan*: افزوده شد *afzude šod*, کاسته شد *kāste šod*. Особенность этих глаголов состоит в том, что они в роли сказуемого всегда употребляются с предлогами: افزودن *afzudan* — с предлогами به *be*, بر *bar*, а کاستن *kāstan* — с предлогом از *az*. Поэтому слово, выражающее субъект, не имеет независимой формы, характерной для подлежащего, а всегда употребляется с предлогами. Образованное предложение должно рассматриваться не как двусоставное, а как односоставное безличное предложение: بر عده دانشجویان افزوده شد *Bar edde-ye dānešjuyān afzude šod* ‘Число студентов увеличилось’; از خطر ورشکستگی کاسته نشد *Az xatar-e varšekastegi kāste našod* ‘Опасность разорения не уменьшилась’.

Рассмотренные выше безличные предложения представляют собой свободные глагольные и именные предложения, составляемые говорящим / пишущим по определенным синтаксическим моделям. Основную же массу безличных предложений представляют предложения фразеологизированные.

2. Фразеологизированные безличные предложения

Фразеологизмы-предложения в зависимости от наличия или отсутствия в их составе выраженного субъекта делятся на две разновидности: *б е с с у б ъ е к т н ы е* и *и с у б ъ е к т н ы е* безличные фразеологизмы-предложения.

1. Бессубъектные безличные фразеологизмы-предложения в основном представлены предложениями двухкомпонентного состава — «имя + глагол в 3-м лице ед. числа». Основную семантическую нагрузку в них несет именной компонент, определяющий значение всего предложения. Иногда он может иметь выделительный артикль и зависимые слова: *هیچ تعجبی ندارد Hič taajjob-i nadārad* 'Ничего удивительного' (букв. 'Никакого удивления не имеет'); ... *جای آن دارد که... Jā-ye ān dārad-ke...* 'Было бы уместно, чтобы...', 'Было бы хорошо, чтобы...' (букв. 'Место того имеет, чтобы...').

В некоторых безличных фразеологизмах-предложениях слова, относящиеся к именному компоненту, являются *обязательными* членами, входящими в структуру фразеологической единицы: ... *بیم آن می رود که... Bim-e ān miravad-ke...* 'Имеется опасение, что...' (букв. 'Идет страх того, что...'); *چه عیب دارد? Će eyb dārad?* 'Ну и что же?', 'Пожалуй' (букв. 'Какой имеет недостаток?'); *چه ضرر دارد? Će zarar dārad?* 'Ничего', 'В этом нет ничего плохого' (букв. 'Какой имеет вред?').

Рассмотрим три разновидности безличных фразеологизмов-предложений, в качестве глагольных компонентов которых используются глаголы *داشتن dāštan* 'иметь', *رفتن raftan* 'идти', *کردن kardan* 'делать'.

1) Предложения, образованные сочетанием имени существительного и формы 3-го лица ед. числа глагола *داشتن dāštan*, встречаются в положительной и отрицательной форме: *تعجب دارد Taajjob dārad* 'Удивительно' (букв. 'Имеет удивление'); *خنده ندارد Xande nadārad* 'Не смешно' (букв. 'Не имеет смеха'); *قباحت دارد Qabāhat dārad* 'Стыдно', 'Неприлично' (букв. 'Имеет бесстыдство'); *تعریف ندارد ta'rif nadārad* 'Ничего хорошего', 'Не заслуживает похвалы' (букв. 'Не имеет похвалы') и т.д.

Предложения с *داشتن dāštan* передают широкий диапазон значений, но преобладающим является модальное значение долженствования, возможности или невозможности совершения действия: *گریه دارد Gerye dārad* 'Грустно', 'Хочется плакать' (грии *gerye* 'плач'); *گریه ندارد Gerye nadārad* 'Не стоит плакать', *تماشا دارد Tamāšā dārad* 'Стоит посмотреть' (*tamāšā* 'осмотр').

Иногда безличные предложения с *داشتن dāštan* имеют мотивированное и ясное значение, напоминающее значение именных безличных предложений (см. выше): *فایده ندارد Fāyede nadārad* 'Неважно' (букв. 'Не имеет пользы'); *اهمیت ندارد Ahammiyyat nadārad* 'Неважно' (букв. 'Не имеет значения'). Безличные фразеологизмы-предложения с глаголом *داشتن dāštan* могут употребляться самостоятельно, но чаще всего встречаются в составе сложных предложений в качестве главной их части: *ضرورت دارد که لهجه ها را با متد منظم علمی ضبط و تدوین و بعد منتشر کنند dārad-ke lahjehā-rā bā metod-e monazzam-e elmi zabt-o tadvin va ba'd montašer konand* 'Необходимо, чтобы все диалекты собирали и регистрировали строго научным методом, а затем публиковали'.

2) Безличные фразеологизмы-предложения, образованные сочетанием существительного и формы 3-го лица ед. числа глагола رفتن *raftan* 'идти', составляют небольшую группу: ... احتمال می رود که... *Ehtemāl miravad-ke...* 'Возможно, что...'; 'Вероятно, что...' (احتمال *ehtemāl* 'вероятность', 'предположение'); ... گمان می رود که... *Gomān miravad-ke...* 'Думается, что...'; 'Можно предположить, что...'; انتظار ... می رود که... *Entezār miravad-ke...* 'Ожидается, что...'; 'Представляется возможным, что...' (انتظار *entezār* 'ожидание'); ... تصور می رود که... *Tasavvor miravad-ke...* 'Предполагается, что...' (تصور *tasavvor* 'предположение').

Безличные предложения этого вида передают модальные значения возможности, предположения, неуверенности и выступают в качестве главной части сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными.

В ряде безличных предложений глагол رفتن *raftan* может заменяться глаголом داشتن *dāstan*: ... احتمال دارد که... *Ehtemāl dārad-ke...* 'Возможно, что...'; انتظار ... دارد که... *Entezār dārad-ke...* 'Ожидается, что...'.
3) Безличные фразеологизмы-предложения, в составе которых в качестве компонента выступает глагол کردن *kardan* 'делать', немногочисленны: فرق نمی کند *Farq nemikonad* 'Безразлично', 'Все равно' (فرق *farq* 'разница'); صرفه نمی کند *Sarfe nemikonad* 'Невыгодно' (صرفه *sarfe* 'польза', 'выгода'); کرایه نمی کند *Kerāye nemikonad* 'Не стоит', 'Невыгодно' (کرایه *kerāye* 'аренда', 'арендная плата'). Глагол کردن *kardan* утрачивает свое обычное значение и употребляется в отрицательной форме.

Глагол کردن *kardan* в составе некоторых безличных предложений может быть заменен на глагол داشتن *dāstan*: فرق ندارد *farq nadārad*, صرفه ندارد *sarfe nadārad*; при этом значение предложения не меняется.

2. По структуре и синтаксическому использованию к безличным фразеологизмам-предложениям двухкомпонентного состава относятся незавершенные предложения, которые можно охарактеризовать как фразеологические штампы. Они всегда выступают в роли главных частей сложноподчиненных предложений: ... ناگفته نماند که... *Nāgofte namānad-ke...* 'Следует отметить, что...'; 'Между прочим...' (букв. 'Да не останется несказанным, что...'); ... لازم نکرده که... *Lāzem nakarde-ke...* 'Необязательно, чтобы...'; 'Нет необходимости в том, чтобы...' (букв. 'Не сделал необходимым, чтобы...'); ... کم مانده بود که... *Kam mānde bud-ke...* 'Чуть было...' (букв. 'Мало осталось...'); ... کم مانده است که... *Kam mānde ast-ke...* 'Вот-вот...', 'Того и гляди...' и т.д. Значительная часть такого рода предложений по существу превратилась в модальные обороты и требует после себя постановки смыслового глагола в форме одного из времен сослагательного наклонения: نزدیک بود بیفتد *Nazdik bud biyoftad* 'Он чуть было не упал' (نزدیک *nazdik* 'близкий').

3. Субъектные безличные фразеологизмы-предложения представляют собой предложения трехкомпонентного состава «имя + слитное местоимение + глагол в 3-м лице ед. числа»: ننگم می آید *Nang-am miāyad* 'Мне стыдно' (نگ *nang* 'стыд', 'позор', гл. آمدن *āmadan* 'приходить'); خوابش برد *Xāb-aš bord* 'Он заснул' (خواب *xāb* 'сон', гл. بردن *bordan* 'нести', 'уносить'); غمم گرفت *Qam-am gereft* 'Мне стало грустно' (غم *qam* 'печаль', 'грусть', гл. گرفتن *gereftan* 'брать'). Трехкомпонентная структура этих предложений не может быть сведена к двухкомпонентной, ибо в их состав всегда входят слитные местоимения, свободно изменяющиеся

по лицам: *آمد رحمم Rahm-am āmad* 'Мне стало жалко', *آمد رحمت Rahm-at āmad* 'Тебе стало жалко', *آمد رحمش Rahm-aš āmad* 'Ему стало жалко' и т.д. (*رحم rahm* 'жалость'). В составе субъектных безличных предложений слитные местоимения являются конститутивными элементами и всегда выражают субъект действия.

Основную семантическую нагрузку несет на себе именной компонент, выражаемый обычно отвлеченными существительными со значением 'чувства, переживания'. Случаи употребления прилагательных в роли именного компонента нетипичны для таких безличных предложений: *زد خشکش Xošk-aš zad* 'Он застыл в изумлении' (*خشک xošk* 'сухой'); *دیرم شد Dir-am šod* 'Я овоздал' (*دیر dir* 'поздний').

Глагольный компонент частично или полностью утрачивает лексическое значение. Он всегда представлен глаголом в 3-м лице ед. числа. В качестве глагольного компонента выступает небольшое число глаголов; чаще всего в этой роли используются глаголы *آمدن āmadan* 'приходить' и *گرفتن gereftan* 'брать'. В зависимости от глагола, образующего безличный фразеологизм-предложение, можно выделить несколько разновидностей предложений.

1) Безличные фразеологизмы-предложения с глагольным компонентом *آمدن āmadan* выражают психофизическое состояние субъекта: *دردم می آید Dard-am miāyad* 'Мне больно' (*درد dard* 'боль'); *شرمش می آید Šarm-aš miāyad* 'Ему стыдно' (*شرم šarm* 'стыд'); *خنده ات می آید Xande-at miāyad* 'Тебе смешно' (*خنده xande* 'смех'); *غلغلکش می آید Qelqelak-aš miāyad* 'Ему щекотно' (*غلغلک qelqelak* 'щекотка', 'щекотание') и т.д.

Некоторые из рассматриваемых предложений допускают и другую, более архаичную конструкцию, при которой вместо слитного местоимения употребляется личное местоимение с послелогом *را -rā*, помещаемое впереди именной части: *ما شرم می آید Ma-rā šarm miāyad* 'Мне стыдно' (*شرم šarm* 'стыд'); *او را رشک آمد U-rā rašk āmad* 'Ему стало завидно' (*رشک rašk* 'зависть') и т.д. Однако эта конструкция имеет архаичный характер и в современном языке малоупотребительна.

2) Безличные фразеологизмы-предложения с глагольным компонентом *گرفتن gereftan*, который вносит в общее содержание предложения значение начала или становления действия: *خنده ام گرفت Xande-am gereft* 'Мне стало смешно', 'Меня разобрал смех'; *قهرش گرفت Qahr-aš gereft* 'Им овладела ярость' (*قهر qahr* 'гнев', 'ярость'); *سرفه اش گرفت Sorfe-aš gereft* 'Он закашлялся' (*سرفه sorfe* 'кашель'); *خاشمش گرفت Xašm-aš gereft* 'Его охватил гнев' (*خشم xašm* 'гнев'); *دنگش گرفت Dang-aš gereft* 'Ему взбрело в голову' (*دنگ dang* 'звон', 'лязг') и т.д.

Вместо слитного местоимения может употребляться также личное местоимение с послелогом *را -rā*: *او را قهر گرفت U-rā qahr gereft* 'Им овладела ярость'; *ما خنده گرفت Ma-rā xande gereft* 'Мне стало смешно' и т.д. Однако этот вариант безличных предложения встречается реже и носит архаичский характер. А в некоторых предложениях, свойственных разговорно-просторечному стилю, встречается только конструкция со слитными местоимениями: *شوخی اش گرفت Šuxi-aš gereft* 'Ему захотелось пошутить' (*شوخی šuxi* 'шутка'); *آوازش گرفته Avāz-aš gerefte* 'Ему приспичило петь' (*آواز avāz* 'голос', 'пение'); *رقصش گرفت Raqs-aš gereft* 'Его так и подмывает пуститься в пляс' (*رقص raqs* 'танец', 'пляска') и т.д.

Учитывая возможность контактного положения именной и глагольной части, авторы некоторых персидских словарей и грамматик приводят такого рода безлич-

ные обороты в виде инфинитивных форм без слитных местоимений: خواب بردن *xāb bordan*, خنده گرفتن *xande gereftan* и т.д. П.Ханляри называет такие сложные глаголы «безличными» (ناگذر *nāgozar*) и отмечает, что они имели распространение в новоперсидском языке раннего периода [Ханляри 1349, с. 97].

В современном персидском языке рассматриваемые конструкции получили более стабильный вид: слитные местоимения употребляются после именного компонента, а контактное употребление именного и глагольного компонентов стало исключением.

3) Число безличных фразеологизмов-предложений с глагольным компонентом شدن *šodan* сравнительно невелико: غلغلگم می شود *Qelqelak-am mišavad* ‘Мне щекотно’, عارم شد *Ār-am šod* ‘Мне стало стыдно’ (عار *ār* ‘позор’, ‘стыд’) и т.д.

Некоторые из рассмотренных выше безличных предложений с глагольным компонентом آمدن *āmadan*, выражающие психофизическое состояние субъекта, могут употребляться и с глаголом شدن *šodan*: دردم شد *Dard-am šod* ‘Мне стало больно’, رشکم می شود *Rašk-am mišavad* ‘Мне становится завидно’ и т.д. В результате образуются лексико-грамматические варианты безличных предложений.

Среди субъектных безличных фразеологизмов-предложений с глагольным компонентом شدن *šodan* встречаются предложения, которые никак не объединяются между собой семантически: چندمش شد *Čendeš-am šod* ‘Я вздрогнул’ (چندش *čendeš* ‘дрожь’); دیرش شد *Dir-aš šod* ‘Он опоздал’ (دیر *dir* ‘поздний’); حسودی اش شد *Hasudi-aš šod* ‘Ему стало завидно’ (حسودی *hasudi* ‘зависть’); یاقینم شد *Yaqin-am šod* ‘Я убедился’, ‘Я удостоверился’ (یاقین *yaqin* ‘уверенность’); باورشان شد *Bāvar-ešān šod* ‘Они поверили’ (باور *bāvar* ‘вера’) и т.д.

4) Безличные фразеологизмы-предложения с разными глагольными компонентами, образующими ограниченное число предложений (обычно два-три), выражают действия и состояния, проявляющиеся как произвольные, саморазвивающиеся процессы. К их числу относятся предложения с глагольными компонентами زدن *zadan* ‘бить’, ‘ударять’ (خشکش زد *Xošk-aš zad* ‘Он застыл в изумлении’; بهتش زد *Boht-aš zad* ‘Он поразился’ — بهت *boht* ‘удивление’; بختمان زد *Baxt-emān zad* ‘Нам повезло’ — بخت *baxt* ‘счастье’, ‘судьба’); بردن *bordan* ‘нести’, ‘уносить’ (خوابش برد *Xāb-am bord* ‘Я заснул’, ماتش برد *Māt-aš bord* ‘Он опешил’, ‘Он остолбенел’ — مات *māt* ‘изумленный’); کشیدن *kešidan* ‘тянуть’ (میلش کشید *Meyl-aš kešid...* ‘Ему захотелось...’ — میل *meyl* ‘желание’; عشقم کشید *Ešq-am kešid...* ‘У меня возникло желание...’ — عشق *ešq* ‘любовь’). Примеры: گویی خشکش زد *Guyi xošk-aš zad* ‘Как будто она застыла от удивления’ (Аляви. Ее глаза); شہا از دست عشقبازی *Šahā az dast-e ešqbāzi-ye Nāzi xāb-am nemibord* ‘По ночам из-за любовных походов Нази я не мог заснуть’ (Хедаят. Три капли крови).

Отдельные безличные фразеологизмы-предложения трехкомпонентного состава допускают замену глагольных компонентов на другие глаголы: خوابم می آید (می برد، می گیرد) *Xāb-am miāyad (mibarad, migirad)* ‘Мне хочется спать’, ‘Меня клонит ко сну’; ماتش برد (گرفت، زد، گرفت) *Māt-aš bord (zad, gereft)* ‘Он опешил’; دردم گرفت (آمد) *Dard-am gereft (āmad)* ‘Мне стало больно’. Замена глагольных компонентов почти не влияет на смысл и стилистическую окраску безличных предложений. Поэтому предложения, в которых заменяются глагольные компоненты, можно рассматривать как лексико-структурные варианты.

4. Безличные связочные предложения трехкомпонентной структуры имеют в своем составе в качестве постоянных элементов слитные местоимения: *تشنه ام است* *Tešne-am ast* 'Мне хочется пить' (*تشنه* *tešne* 'жаждущий'); *گرسنه امان است* *Gorosne-emān ast* 'Нам голодно' (*گرسنه* *gorosne* 'голодный'); *سختم است* *Saxt-am ast* 'Мне трудно', 'Мне тяжело' (*سخت* *saxt* 'трудный'); *گرمش است* *Garm-aš ast* 'Ему жарко' (*گرم* *garm* 'горячий'); *سردم است* *Sard-am ast* 'Мне холодно' (*سرد* *sard* 'холодный'). Такие безличные предложения получили распространение в обиходно-разговорной речи⁴.

От рассмотренных выше безличных связочных предложений типа *روشن است* *Rowšan ast* 'Светло', 'Ясно', *تاریک است* *Tārik ast* 'Темно' связочные безличные фразеологизмы-предложения отличаются тем, что слитные местоимения в них — обязательные компоненты. В случае опущения слитных местоимений изменяются содержание и грамматическая форма предложений: в одних случаях предложение становится личным (например, *گرسنه است* *Gorosne ast* 'Он голоден'), в других — бессубъектным, безличным (например, *سرد است* *Sard ast* 'Холодно').

П.Ханляри указывает на возможность употребления такого рода предложений не только в настоящем, но и в прошедшем времени [Ханляри 1349, с. 103]. В прошедшем времени вместо глагола-связки *است* *ast* в зависимости от выражаемого значения употребляются два глагола — *بودن* *budan* 'быть' и *شدن* *šodan* 'становиться'.

Глагол *بودن* *budan* сообщает безличному предложению значение длительности в прошлом: *تشنه ام بود* *Tešne-am bud* 'Мне хотелось пить'; *گرسنه امان بود* *Gorosne-emān bud* 'Нам было голодно'; *سختم بود* *Saxt-am bud* 'Мне было трудно', 'Мне было тяжело'; *گرمش بود* *Garm-aš bud* 'Ему было жарко'; *سردم بود* *Sard-am bud* 'Мне было холодно' и т.д.

Глагол *شدن* *šodan* выступает как соотносительная форма глагола-связки *است* *ast*, внося значение возникновения, становления признака (значение инхоативности): *تشنه ام شد* *Tešne-am šod* 'Мне захотелось пить'; *گرسنه امان شد* *Gorosne-emān šod* 'Нам стало голодно'; *سختم شد* *Saxt-am šod* 'Мне стало трудно', 'Мне стало тяжело'; *گرمش شد* *Garm-aš šod* 'Ему стало жарко'; *سردم شد* *Sard-am šod* 'Мне стало холодно'. По существу глагол *شدن* *šodan*, внося значение инхоативности, выполняет чисто связочную функцию.

Связочные безличные фразеологизмы-предложения выражают психофизическое состояние живых существ. Они выступают как моделированные образования и строятся по структурной модели ограниченного характера — «имя + слитное местоимение + глагол-связка»⁵. В роли именной части обычно выступают прилагательные. Построенные таким способом безличные предложения являются типичными моделированными образованиями, значения которых можно определить на основе значения имени.

⁴ В обиходно-разговорном языке эти безличные предложения употребляются в сокращенной форме, например: *گرسنه* *Gorosne-m-e* или *گشنه* *Gošne-m-e* 'Мне голодно', *تشنه* *Tešne-m-e* 'Мне хочется пить', *گرمه* *Garm-am-e* 'Мне жарко'. Эти и другие примеры на парадигматические изменения безличных предложений см. в работе [Пейсиков 1960, с. 56].

⁵ М.Шаки отмечает возможность существования в языке классической литературы параллельной конструкции с послеложным дополнением и приводит пример из средневекового сочинения «Самак-аййар»: *مرا گرسنه است* *Ma-rā gorosne ast* 'Я голоден' [Shaky 1967, с. 80].

Случаи, когда в роли именной части выступают не прилагательные, весьма малочисленны: *بسم است Bas-am ast* ‘Мне хватит’, ‘С меня хватит’ (*بس bas* ‘довольно’, ‘достаточно’); *چه ات است? Āt ast?* ‘Что с тобой?’ (*چه ĉe* ‘что’). Такие предложения выступают как нестандартные устойчивые образования, которые следует рассматривать в качестве немоделированных безличных фразеологизмов-предложений.

П.Ханляри отмечает, что при обследовании им литературных произведений раннего новоперсидского языка (IX–XIII вв.) не были обнаружены безличные связочные предложения трехкомпонентного состава [Ханляри 1349, с. 103]. Это позволяет сделать вывод о более позднем появлении в языке таких безличных предложений.

3.2.5. Номинативные предложения

К номинативным (или назывным) предложениям относятся односоставные предложения, главный член которых обозначает наличие, существование предмета или явления и выражен именем существительным, личным местоимением, субстантивированной частью речи, а также количественно-именным сочетанием. Номинативное предложение может быть представлено словом и словосочетанием: *جمعه پنج روز Jom'e. Āt ruz-e xoš-i!* ‘Пятница. Какой прекрасный день!’; *استراحت Panj ruz esterāhat* ‘Пять дней отдыха’.

С точки зрения наличия или отсутствия второстепенных членов номинативные предложения можно разделить на нераспространенные (например, *شب خاموشی Šab. Xāmušī* ‘Ночь. Тишина’) и распространенные (например, *دوازدهم بهمن ماه سالروز بازگشت امام خمینی به ایران. آغاز دهه فجر Davāzdahom-e bahmanmāh. Sālruz-e bazgašt-e emām Homeyni be Irān. Aqaz-e dahe-ye fajr* ‘Двенадцатое бахмана. Годовщина возвращения имама Хомейни в Иран. Декада Фаджр (букв. ‘рассвета’)).

Большую роль в создании номинативных предложений играет интонация; на этом основании могут быть выделены предложения повествовательные (например, *پنج روز جنگ Panj ruz-e jang* ‘Пять дней войны’) и восклицательные (например, *چه ملاقات عجیبی! Āt molāqāt-e ajib-i!* ‘Какая удивительная встреча!’).

Нередко номинативные предложения представляют собой названия статей, книг, учреждений, улиц, подписи под картинами и т.д.: *اظهاریه نخست وزیر Ezhāriyye-ye noxostvazir* ‘Заявление премьер-министра’; *تاریخ ادبیات ایران Tārix-e adabiyāt-e Irān* ‘История персидской литературы’ (название книги); *آرایشگاه Ārayešgāh* ‘Парикмахерская’; *خیابان فاطمه Xiyābān-e Fāteme* ‘Улица Фатеме’.

3.2.6. Слова-предложения

Слова-предложения (или нечленимые предложения) характеризуются тем, что выражаются одним словом или устойчивым словосочетанием. В их составе не выделяются отдельные члены, и они выполняют коммуникативную функцию, чаще всего в диалогической речи. В этих предложениях что-либо утверждается или отрицается, дается экспрессивно-модальная оценка предшествующего высказывания. В качестве слов-предложений употребляются междометия, модальные слова, некоторые частицы.

В зависимости от выражаемого значения выделяется несколько типов слов-предложений.

1) Утвердительные: بلى *Báli* (بله *Bále*), آری *Āri* (آره *Āré*) 'Да', البته *Albatte* 'Конечно', لابد *Lābod(d)* 'Неприменно', 'Обязательно', چشم [به] *[Be] čašm* 'Есть', 'Слушаюсь'.

Некоторые слова, служащие для утверждения, произнесенные с вопросительной интонацией (повышение тона на последнем слоге), образуют вопросительные предложения: ؟بله *Balé?* 'Да?', ؟راستی *Rāsti?* 'Правда?', 'Да неужели?', 'На самом деле?'.

2) Отрицательные: خیر *Xeyr*, نخیر *Naxeyr*, نه *Na* 'Нет'.

3) Эмоционально-оценочные предложения имеют значение положительной или отрицательной оценки происходящего, выражают общее отношение говорящего к высказываемому или к создавшейся ситуации: !آخ *Āx!* 'Ох!', !وای وای *Ūāy-vāy!* 'Ай-ай!', 'Ой-ой!', !به به *Bah-bah!* 'Браво!', 'Отлично!', 'Прекрасно!', !آفرین *Āfarin!* 'Браво!', 'Прекрасно!', !الحمد لله *Alhamdolellāh!* 'Слава Богу!', !انشاء الله *Enšā'allāh!* 'Дай Бог!', !بارک الله *Bārekallāh!* 'Браво!', 'Отлично!', !ماشاء الله *Māšā'allāh!* 'Браво!', 'Замечательно!', !واحسرتا *Vāhasrātā!* 'Увы!', 'О горе!', !دریغا *Dariqā!* 'О горе!', !وای به جان من وای *Vāy be jān-e man vāy!* 'О горе мне!' и т.д.

4) Побудительные: !بس *Bas!* 'Достаточно!', !یا الله *Yā'allāh!* 'А ну!', 'Быстрее!', 'Пошевеливайся!', !هی *Hey!* 'Ну!', !یواش *Yavāš!* 'Тихо!', 'Тише!', !ساکت *Sāket!* 'Молчать!', !یا علی *Yā Ali!* 'О Али!' (возглас при поднятии тяжестей; соотв. 'раз-два, взяли!').

5) Предложения, выражающие приветствие, прощание: !سلام *Salām!* 'Здравствуйте!', 'Привет!', !سلام علیکم *Salām aleykom!* 'Здравствуйте!', !خدا حافظ *Xodā hāfez!*, !خدا نگهدار *Xodā negahdār!* 'До свидания!' и др.

4. Коммуникативно-смысловая структура предложений

В зависимости от цели высказывания и выполняемых функций предложения принято делить на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные. В создании этих предложений, в их функционировании большую роль играет интонация. С этой точки зрения перечисленные разновидности предложений были охарактеризованы в первой части «Грамматики» (глава вторая «Интонация некоторых видов простого предложения»). Там приводятся также интонационные схемы этих предложений.

Здесь же дается их синтаксическая характеристика с учетом использования грамматических, лексических и интонационных средств.

4.1. Повествовательные предложения

Простое повествовательное предложение выражает констатацию того или иного факта действительности или умственного акта и может состоять из двух и более синтагм. Между синтагмами предложения не существует резких интервалов, повышение тона приходится на последние слоги последних слов — все это создает интонацию сообщения. Слова, поясняющие и дополняющие сказуемое, чаще всего ритмически примыкают к нему. Последняя синтагма произносится с понижением тона на последнем слоге. Вся интонация простого повествовательного предложения является нисходящей. Специальных формальных показателей, в частности служебных слов, эти предложения не имеют: *خواهر کوچک من در مسکو زندگی می کند* *Xāhar-e kuček-e man | dar Moskow zendegi mikonad* ‘Моя младшая сестра живет в Москве’; *با استفاده از نقشه مترو امکان رسیدن به تمام نقاط اصلی شهر مسکو وجود دارد* *Bā estefāde az naqše-ye metro | emkān-e rasidan be tamām-e noqāt-e asli-ye šahr-e Moskow | vojud dārad* ‘Пользуясь схемой метро, можно достичь любого из основных районов Москвы’.

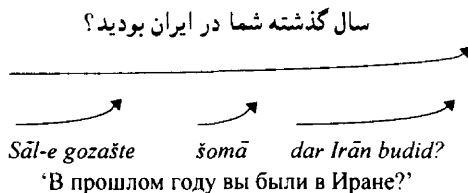
4.2. Вопросительные предложения

Вопросительные предложения образуются двумя способами: 1) либо только интонационными средствами; 2) либо интонационными средствами в сочетании с лексическими. К последним относятся вопросительные слова, вопросительные частицы и отрицательные частицы с союзом *یا* *yā*. В зависимости от участия в организации вопроса интонационных и лексических средств выделяются четыре типа вопросительных предложений.

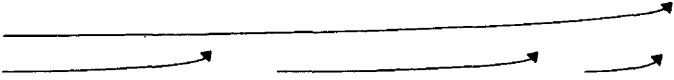
4.2.1. Вопросительные предложения без лексических средств

Интонация такого рода предложений характеризуется *общим повышением тона к концу предложения*. Этим вопросительные предложения отличаются от повествовательных, в которых интонация — нисходящая.

Повышение тона вопросительных предложений без лексических средств достигается путем выделения гласного звука последнего слога, который звучит наиболее высоко и одновременно может удлиняться (факультативно), даже если он неустойчивый. Если в вопросительном предложении имеется несколько синтагм, то все они произносятся с повышением тона, но наиболее высоко звучит последний слог последней синтагмы:

بودجه سال آینده توسط هیئت دولت تصویب شد؟

Budje-ye sāl-e āyande tavassot-e hey'at-e dowlat tasvib šod?
 'Бюджет будущего года утвержден правительством?'

4.2.2. *Вопросительные предложения с вопросительным словом*

Вопросительные предложения с вопросительным словом, как и повествовательные, характеризуются *общим понижением тона к концу предложения*. Однако само вопросительное слово всегда произносится с повышением тона на последнем слоге. В качестве вопросительных слов используются вопросительные местоимения (?کی *ki*? / که *ke*? 'кто?', چه *če*? 'что?', 'какой?'), вопросительные наречия (کی *key*? 'когда?', کجا *kojā*? 'где?', چرا *čerā*? 'почему?', چطور *četowr*? 'как?', 'каким образом?'):

چرا این دانشجو همیشه دیر می کند؟

Čerā in dānešju hamiše dir mikonad?
 'Почему этот студент всегда опаздывает?'

Вопросительное слово произносится с повышением тона и в тех случаях, когда оно входит в конечную синтагму:

دوست شما کجا رفت؟

Dust-e šomā kojā raft?
 'Куда пошел ваш друг?'

4.2.3. *Вопросительные предложения с вопросительными частицами*

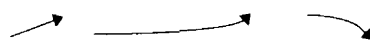
В качестве вопросительных используются две частицы: آیا *āyā* 'разве', 'ли' и مگر *tağar* 'разве', 'неужели'. Эти частицы всегда помещаются в начале предложения и выделяются повышением тона последнего слова, а также небольшой паузой непосредственно после них. Вся остальная часть вопросительного предложения произносится с повышением тона, причем тон повышается в конце каждой синтагмы. Наибольшее повышение тона приходится на последний слог последнего слова конечной синтагмы. Эти предложения мало чем отличаются от вопросительных предложений без лексических средств:

آیا با او ملاقات کردید؟

 Āyā bā u molāqāt kardid?
 'Встретили ли вы его?'

مگر درست نمی گویم؟

 Magar dorost nemigu Yam?
 'Разве я говорю неправильно?'

4.2.4. Альтернативные вопросительные предложения

Альтернативные вопросительные предложения образуются путем употребления в конце предложения отрицательной частицы *نه na* или *خیر xejr* 'нет' в сочетании с союзом *یا yā* 'или'. Эти отрицательные частицы прибавляются к вопросительным предложениям без лексических средств и ставятся после глагола-сказуемого. Как отмечалось выше, вопросительные предложения без лексических средств произносятся с повышением тона последнего слога конечной синтагмы, а добавленная синтагма с разделительным союзом *yā* и отрицательной частицей произносится с понижением тона на этой частице:

او اشتباه می کند یا نه؟

 U eštebāh mikonad yā na?
 'Он ошибается или нет?'

Иногда впереди альтернативных вопросительных предложений употребляются вопросительные частицы *آیا āyā* и *مگر magar*, интонационный рисунок которых был описан выше.

Альтернативные вопросительные предложения не получили широкого распространения в персидском языке.

4.3. Побудительные предложения

Основным содержанием этих предложений является волеизъявление, побуждение адресата к действию. Побудительные предложения выражают повеление, просьбу, приказ, предостережение, протест, угрозу, призыв, побуждение к совершению какого-либо действия.

В создании побудительных предложений участвуют специальные грамматические средства: 1) побудительная интонация, характеристика которой была дана

в первой части «Грамматики» (глава вторая); 2) постановка сказуемого в форме повелительного наклонения или в форме настоящего времени сослагательного наклонения — аористе; 3) особые модально-побудительные частицы.

В зависимости от наклонения, в котором употреблено сказуемое, различаются два типа побудительных предложений.

1) Побудительные предложения с глаголом-сказуемым в форме повелительного наклонения: *به دوست خود کمک کنید!* *Be dust-e xod komak konid!* ‘Помогите своему другу!’; *به تلفظ کلمات عربی الاصل دقت.کن!* *Be talaffoz-e kalemāt-e arabiyolasl deqqat kon!* ‘Обрати внимание на произношение слов арабского происхождения!’.

Интонация побудительных предложений с глаголом-сказуемым в повелительном наклонении характеризуется понижением тона на последнем слоге конечного слова.

Форму побудительных предложений имеют лозунги, призывы, проклятия, выражения негодования и т.п.: *زنده باد میهن ما!* *Zende bād mihan-e mā!* ‘Да здравствует наша родина!’; *پاینده باد جشن جوانان!* *Pāyande bād jašn-e javānān!* ‘Да здравствует праздник молодежи!’; *برو گم شو!* *Borow, gom šow!* ‘Убирайся прочь!’, ‘Пошел вон!’, ‘Пошел к черту!’.

2) Побудительные предложения, образованные с помощью модально-побудительных частиц *بگذار* *begozār* ‘пусть’, *بیا* *biyā* ‘давай’, *بیایید* *biyāyid* ‘давайте’) и глагола в форме аориста: *بگذار خودش نامه بنویسد* *Begozār xod-aš nāme benevisad* ‘Пусть он сам пишет письмо!’; *بیایید در بارهٔ تحصیلات ما صحبت بکنیم* *Biyāyid dar bāre-ye tahsilāt-e mā sohbat bekonim* ‘Давайте поговорим о нашей учебе’.

Побудительные предложения второго типа с интонационной точки зрения характеризуются тем, что модально-побудительные частицы произносятся с повышением тона на последнем гласном и отделяются от остальной части предложения небольшой паузой. Оставшаяся часть предложения произносится с понижением тона на последнем слоге конечного слова.

4.4. Восклицательные предложения

В предложениях этого типа изложение содержания мысли сопровождается выражением чувств, эмоций говорящего. В качестве составных частей восклицательных предложений выступают междометия, эмоционально-восклицательные частицы, восклицательная интонация. Благодаря этим средствам любое из предложений, выделяемых по целям высказывания (повествовательное, вопросительное, побудительное), может быть превращено в восклицательное: *چه کتاب جالبیست!* *Če ketāb-e jāleb-i-st!* ‘Какая интересная книга!’; *چه روز خوبی است!* *Če ruz-e xub-i ast!* ‘Какой хороший день!’; *چقدر خوب کار می‌کند!* *Čeqadr xub kār mikonad!* ‘До чего же хорошо он работает!’.

Восклицательная интонация достигается путем постановки основного (фразового) ударения на восклицательные частицы и их выделения повышением тона (часто вместе с синтагмой, в состав которой они входят). При этом высокий тон приходится на последний слог этой синтагмы только в тех случаях, когда она оказывается в начале предложения; остальная часть предложения произносится с пони-

жением тона. Все предложение произносится с большой интенсивностью: چرا همیشه دیر می کنی، ها؟ *Čerā hamīše dir mikoni, hā?* ‘Ну почему ты всегда опаздываешь?!’ В последнем примере наблюдается понижающаяся интонация с небольшой паузой перед частицей ها *hā*.

Помимо частиц восклицательные предложения могут сопровождаться междометиями, выражающими чувства радости, восторга, одобрения, грусти, негодования, страха, удивления: به به! *Bah-bah!* ‘Прекрасно!’, آفرین! *Āfarin!* ‘Браво!’, چه خوشا! *Če xošā!* ‘Как хорошо!’, ها! *hā!* ‘а!’, ‘ну!’ и т.д. Междометия употребляются в восклицательных предложениях либо без частиц چه *če*, چقدر *čeqadr*, либо в сочетании с ними: عجب! *Ajab!* ‘Удивительно!’, چه عجب! *Če ajab!* ‘Как удивительно!’. Но во всех случаях междометия представляют собой отдельные синтагмы, которые характеризуются повышением тона и отделяются от остальной части предложения паузой: آفرین! چقدر خوب آواز می خوانین! | *Āfarin! | Čeqadr xub | āvāz mixānin!* ‘Браво! Как хорошо вы поете!’.

Восклицательными могут быть вопросительные и повествовательные предложения. Побудительные предложения со значениями приказа и повеления всегда произносятся как восклицательные.

Восклицательные предложения могут быть безглагольными (с опущенной связкой): چه روز خوبی! *Če ruz-e xub-i!* ‘Какой хороший день!’; چه قدر عالی! *Če qadr āli!* ‘Как прекрасно!’; عجب مرد پاکدلی! *Ajab mard-e pakdel-i!* ‘Удивительно чистосердечный человек!’.

Восклицательному предложению противостоит невосклицательное, лишенное эмоциональной окраски.

5. Актуальное членение предложения

О смысловом членении предложения писали многие лингвисты, но начало научного подхода к актуальному членению предложения связывается с именем чешского лингвиста В.Матезиуса (1882–1945).

Проблема актуального членения предложения, средств и способов его выделения не была предметом специального исследования ни в отечественной, ни в зарубежной иранистике.

До сих пор при исследовании синтаксиса простого предложения персидского языка главное внимание уделялось формально-грамматическому изучению предложения, вопросы соотношения между семантической и грамматической структурами, вопросы актуализации членов предложения изучались недостаточно.

При актуальном членении предложения оно делится на исходную часть — *данное* (или *тема*) и на то, что говорится о ней, — *новое* (*рема*). При этом актуальное членение может совпадать с членением предложения на группу подлежащего и группу сказуемого: سیگار کشیدن ممنوع است | *Sigār kešidan | mamnu’ ast* ‘Курение | запрещено’; این دانشمند علل بکارگیری واژه های بیگانه را تشریح می کند | *In dānešmand | elal-e bekārgiri-ye važehā-ye bigāne-rā tašrih mikonad* ‘Этот ученый | объясняет при-

чины заимствования иностранных слов'. В этом случае можно говорить о совпадении актуального и грамматического членения. Но часто эти членения не совпадают: این کتاب را من خریدم *In ketāb-rā | man xaridam* 'Эту книгу | купил я'.

Поскольку подлежащее в персидском языке всегда предшествует сказуемому (кроме случаев инверсии), смысловая актуализация подлежащего достигается постановкой его непосредственно перед сказуемым. *Рема* — это компонент, который содержит какое-либо утверждение (или вопрос) об исходном пункте сообщения — теме. Ремой может быть любой член (или члены) предложения, он распознается по главному ударению и чаще всего по конечной позиции в предложении. Рема содержит новую информацию и обладает наибольшей степенью коммуникативной значимости.

В создании актуального членения предложения и выделении его компонентов в персидском предложении участвуют порядок слов, интонация, артикль, слитные местоимения, т.е. формально-грамматические средства языка.

Тема, содержащая уже известные данные, часто связанные с предшествующим контекстом, обычно находится в начале высказывания. Синтагма, соотносимая с темой, произносится с повышением тона последнего слога конечного слова. Впереди может находиться глагольная часть предложения, и она, являясь формальным сказуемым, видимо, должна рассматриваться как уже нечто известное, данное, например: چه آسان است اینجور فکر کردن *Če āsān ast | injur fekr kardan* 'Как легко подобным образом думать' (Аляви. Ее глаза). А формальное подлежащее اینجور فکر کردن *injur fekr kardan* 'подобным образом думать' выступает в качестве ремы. Соответствующая интонация, когда первая синтагма произносится с повышением тона к концу, подтверждает это. Но главным средством, меняющим актуальное членение предложения, служит порядок расположения групп главных членов в предложении.

Постановка изафета после предикатива и артикля — после относящегося к нему определения в именном предложении позволяет изменять его актуальное членение. Так, в предложении این آدم عاقلیست *In ādam-e āqel-i-st* 'Это умный человек' подлежащим и одновременно темой является указательное местоимение این *in* 'это'. Стоит убрать изафет и артикль, как смысловой центр меняется: این آدم عاقل است *In ādam āqel ast* 'Этот человек — умный', т.е. им становится сказуемое *است āqel ast*, которое следует рассматривать и как рему.

С точки зрения актуального членения предложения можно подойти и к рассмотренным выше предложениям, в которых антецедент внутри предложения повторяется слитными местоимениями. Например, в предложении آقا کوچک را چقدر خرج تحصیلش کردم *Āqākuček-rā | čeqadr xarj-e tahsil-aš kardam* 'Сколько я потратил сил на образование сына' (Хедаят. Хаджи-ага) в качестве темы выступает первый член предложения, оформленный послелогом *را -rā*, *آقا کوچک را Āqākuček-rā*; сообщаящая новые сведения о нем вторая часть является ремой.

И в следующем примере мы наблюдаем аналогичную картину: вынесенная на первое место группа прямого дополнения в предложении تاریخ مملکت را مردم می سازند *Tārix-e mamlakat-rā | mardom misāzand* 'Историю страны создает народ' выступает как тема, а грамматические подлежащее и сказуемое являются ремой предложения.

В письменной речи актуальное членение предложения определяется в основном расположением главных смысловых групп: вначале — тема, затем — рема. В устной речи к этому добавляется интонация: на теме голос повышается, на реме — понижается.

6. Фразеологизированные синтаксические структуры

До сих пор рассматривались предложения, построенные на синтаксических схемах, характеризующихся наличием четких, живых синтаксических связей между компонентами. Значения предложений, строящихся по свободным синтаксическим схемам, выводимы из составляющих их компонентов, поскольку отношения между компонентами являются мотивированными. Но иногда в синтаксисе персидского языка встречаются такие синтаксические схемы, где отношения между компонентами с точки зрения живых синтаксических связей являются немотивированными.

В составе простых и сложных предложений персидского языка иногда употребляются фразеологизированные синтаксические структуры, общее значение которых не вытекает непосредственно из их грамматического построения. Значение фразеологизированных структур так же необычно и идиоматично, как и значение идиоматических фразеологизмов.

Характеристику фразеологизированных синтаксических структур начнем с краткого рассмотрения серии устойчивых образований, возникших на базе сложных предложений с придаточными определительными, типа *... به هر قیمتی که شده... be har qeymat-i-ke šode...* ‘любой ценой...’, ‘во что бы то ни стало’: *به هر قیمتی که بود می خواست او را پیدا بکند Be har qeymat-i-ke bud mixāst u-rā peydā bekonad* ‘Она хотела любой ценой его найти’ (Хедаят. Светотень).

Впервые эта фразеологизированная структура была отмечена в статье автора «Грамматики» [Рубинчик 1963].

Особенностью этой фразеологизированной структуры является то, что именной и глагольный компоненты могут изменяться: именной компонент может быть представлен не только словом *قیمت qeymat* ‘цена’, но и словами *وسيله vasile* ‘средство’, ‘способ’, *نحو nahv*, *طور towr* ‘способ’, ‘образ’, *جور jur* ‘род’, ‘вид’, *شکل šekl* ‘вид’, ‘форма’, *طریق tariq* ‘путь’, ‘способ’, *عنوان onvān* ‘способ’, ‘вид’, ‘путь’, *علت ellat* ‘причина’ и др., а глагольный компонент — причастием прошедшего времени от глагола *شدن šodan* ‘становиться’, формами аориста и простого прошедшего времени глагола *بودن budan* ‘быть’, глаголом-связкой *هست hast* ‘есть’, ‘имеется’ и его краткой формой *است ast*. Все эти глагольные формы могут свободно взаимозамещаться. Это свидетельствует о том, что они не вносят никакого дополнительного значения в содержание предложения и являются чисто формальным элементом словосочетания-предложения.

Таким образом, в формировании данной синтаксической конструкции участвуют определительное местоимение *هر har* ‘каждый’ с предлогом *به be*, стержневое

слово с выделительным артиклем, союз که *ke* и соответствующая (одна из названных выше) глагольная форма. Союз که *ke* и артикль иногда отсутствуют: به هر وسیله کرد *Be har vasile hast bāyad bā xānevāde ertebāi hāsel kard* 'Любой ценой (букв. всяким способом имеется) нужно установить связь с семьей' (Аляви. Пятьдесят три человека); می خواهند به هر قیمتی شده مرا شوهر بدهند *Mixāhand be har qeymat-i šode ma-rā šowhar bedehand* 'Они хотят во что бы то ни стало выдать меня замуж' (Аляви. Ее глаза).

Предлог به *be*, определяющий синтаксическую функцию всего словосочетания как одного члена, может опускаться (обычно перед словами طور *towr* и جور *jur*): مامور بلوچ در این فکر بود که هر طور شده پول وپله ای پیدا کند *Ma'mur-e baluč dar in fekr bud ke-har towr šode pulopele-i peydā konad* 'Чиновник-белудж думал только о том, чтобы любым способом (букв. любым способом стало) раздобыть деньги' (Аляви. Крестьянин-гиляк).

Рассмотренная выше фразеологизированная структура превратилась из придаточного определительного предложения в единый член — обстоятельство образа действия. Эта фразеологизированная конструкция строится по определенной схеме, именной и глагольной компоненты которой имеют строго ограниченное наполнение, а служебные компоненты (предлог به *be*, союз که *ke*, артикль) употребляются факультативно.

В статье А.А.Веретенникова «О фразеологизированных синтаксических конструкциях в персидском языке» [Веретенников 1995] рассматриваются также устойчивые синтаксические схемы, но в отличие от рассмотренной выше фразеологизированной структуры они имеют более свободное лексическое наполнение. Они тоже обладают стабильной синтаксической структурой, переменным лексическим составом знаменательных слов и значением, образуемым не лексемным составом, как у фразеологизмов, а самой грамматической схемой предложения. Значение таких синтаксических структур невыводимо из отношений, существующих между их членами. Поэтому возникают трудности в способах описания и раскрытия их подлинного значения.

А.А.Веретенников приводит шесть типов фразеологизированных конструкций, образуемых по разным моделям⁶.

1) Модель Vf.neg.₁ + *ke* + Vf.neg.₁ имеет значение 'никак не получается', 'никак не выходит', 'не идет, и все тут': دو سه روز پیش هر چه اصرار کردم جهت هواخوری و خرید... پایش را از خانه بیرون بگذار قبول نکرد که نکرد *Do-se ruz piš har če esrār kardim jahat-e havāxori va xarid... pā-yaš-rā az xāne birun begozārad qabul nakard-ke nakard* 'Два-три дня тому назад сколько мы ни настаивали, чтобы он вышел на улицу подышать воздухом и сделать покупки... ничего не вышло' (Кейхан, № 11762); اما هر کاری کردم که سگ چند تا واق واق کند نکرد که نکرد *Ammā har kār-i kardam-ke sag čand tā vāq-vāq konad, nakard-ke nakard* 'Что я ни делал, чтобы собака залаяла, но она не лаяла, и все' (Кейхан, № 10061).

⁶ Для изображения структурных схем фразеологизированных конструкций используются следующие символы: Vf. — спрягаемая форма глагола, Vr. — глагол, N — имя существительное, neg. — отрицание, aff. — утверждение, положительная форма, sing. — ед. число, pl. — мн. число, сор. — копула, связка, imp. — повелительное наклонение. Кроме того, постоянные (незаменимые) компоненты таких конструкций приводятся в транскрипции, принятой в данной работе.

Характерной особенностью синтаксических конструкций этой модели является то, что в них повторяется один и тот же глагол в отрицательной форме.

2) Модель Vf.aff.₁ + ke + Vf.aff.₁ отличается от предыдущей тем, что финитный глагол повторяется только в утвердительной форме. Эта модель употребляется для выражения безразличного, пассивного отношения говорящего к какому-либо действию, событию и имеет значение ‘ну и пусть’, ‘ну так что’: *аگه کسی رو گرفتن، دیگه راحتیم که گرفتن، Age kas-i-ro gereftan-ke gereftan, dige rahat-im* ‘Если кого-то схватили, ну и пусть, нам же спокойнее’ (Эттэлаат-э хафтэги, № 2209).

Фразеологизированные конструкции характеризуются ярко выраженной эмоциональной окрашенностью и чаще всего встречаются в разговорной речи.

3) Модель N₁ + *dārim tā* + N₁ имеет значение ‘одни и те же предметы или явления могут обладать разными качествами либо свойствами’. В составе этой модели всегда используются постоянные компоненты — глагол *داریم dārim* ‘имеем’ (всегда в форме 1-го лица мн. числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения) и предлог *تا tā* ‘до’: *فرق بین هیئت حاکمه. فرق بین هیئت حاکمه. هیئت حاکمه داریم تا هیئت حاکمه. Hey'at-e hākeme dārim tā hey'at-e hākeme. Farq beyn-e hey'at-e hākeme-ye sāleh va hey'at-e hākeme-ye nāpāk va fāsed-rā az injā mitavān fahmid-ke...* ‘Правительства бывают разные. Разницу между честным правительством и правительством нечестным, прогнившим можно понять на основании того, что...’ (Кейхан, № 10613); *هیچ شکی نیست که حاج حسین پابرهنه شده بود، ولی پابرهنه داریم تا پابرهنه! هر کس که کفشش را درآورد پابرهنه نمی شود. Hič šakk-i nist-ke Hājj Hoseyn pāberahne šode bud, vali pāberahne dārim tā pāberahne! Har kas-ke kafš-aš-rā dar-āvarad pāberahne nemišavad* ‘Нет сомнения в том, что Хадж Хосейн обеднел. Однако бедняки бывают разные! Не всякий, кто снял обувь, становится бедняком’ (Эттэлаат-э хафтэги, № 2066).

4) Модель *in* + Nsing.₁ + *az ān* + Npl.₁ + cor.neg. имеет значение ‘это совсем другая вещь’, ‘это не то, что ты имеешь в виду’, ‘это не одно и то же’: *این برفبازی از اون برفبازیها نیست. In barfbāzi az un barfbāzihā nist* ‘... это совсем не та игра в снежки’ (которую ты имеешь в виду) (Кейхан, № 11762); *اما اشتباه نکنید! این Ammā eštebāh nakonid! In taxte-ye sang az ān sanghā nist* ‘Но не ошибитесь! Это совсем другая каменная плита’ (Эттэлаат-э хафтэги, № 2208).

5) Модель N₁ + N₁ + cor.aff. выражает значение ‘данную вещь нужно воспринимать такой, какова она есть’: *هدف ما تجربه اندوختن است و تجربه تجربه است: Hadafe mā tajrobe anduxtan ast va tajrobe tajrobe ast: ĉe farq-i mikonad tajrobe-ye talx bāšad yā tajrobe-ye širin* ‘Наша цель — накопление опыта, а опыт всегда есть опыт: неважно, горький ли этот опыт или приятный’ (Кейхан, № 11939); *چه فرقی می کند تجربه تلخ باشد یا تجربه شیرین آدم چه مسافرت خارج برود، چه مسافرت زنجان. چه فرقی: Adam ĉe mosāferat-e xārej beravad, ĉe mosāferat-e Zanjan. ĉe farq mikonad: mosāferat mosāferat ast* ‘Человеку безразлично, отправится ли он в путешествие за границу или в путешествие в Зенджан: путешествие есть путеше-ствие’ (Кейхан, № 17018).

А.А.Веретенников отмечает, что рассмотренная выше конструкция может реализовать еще одно дополнительное значение, выражая качественную, положительную либо отрицательную оценку предмета или явления, наименование которого

выступает в роли тавтологического компонента: امریکا امریکاست *Emrikā Emrikā-st* ‘Америка есть Америка’; شهر شهر است *Šahr šahr ast* ‘Город — это город’. Основным средством для выражения той или иной качественной характеристики служит интонация.

6) Модель *hālā + Vr.imp.sing.neg.₁ + [va] key + Vr.imp.sing.aff.₁* передает значение длительного и интенсивного совершения какого-либо действия: آقای راننده... ولی آخه ما کار داریم، اداره مون دیر میشه. راننده جوابی نداد، ولی برای این که معرفت خودش را نشان بدهد، دستش را گذاشت روی بوق. حالا بوق نزن و کی بزنی. ولی مگر باربرها؟ اعتنا می کردند؟ *Āqā-ye rānande... vali āxe mā kār dārim, edāre-yemun dir miše. Rānande javāb-i nadād, vali barāye-in-ke ma' refat-e xod-aš-rā nešān bedehad, dast-aš-rā gozāšt ru-ye buq. Hālā buq nazan va key bezan. Vali magar bārbarhā e 'tenā mikardand?* ‘Господин водитель... но у нас ведь работа, мы опоздаем в учреждение. Водитель не ответил, но для того, чтобы показать, что ему все понятно, положил руку на клаксон и давай вовсю сигналить. Но разве грузовой транспорт обращал на это внимание?’ (Эттэлаат, № 1754); این بود که شروع کردم بخورندم. خام خام بخرندم. این بود که شروع کردم به دویدن: حالا ندو کی بدو *Fekr kardam momken ast beparan sar-am, xām-xām bexorand-am. In bud ke šoru' kardam be davidan: hālā nadow key bedow* ‘Я подумала, что они нападут на меня и съедят живьем. Вот почему я и побежала, да так пустилась бежать что было сил’ (Сэпид-о сийах, № 969); رمضان دستم را گرفت و حالا نبوس کی بیوس *Ramazān dast-am-rā gereft va hālā nabus key bebus* ‘Рамазан держал мою руку и долго целовал’ (Джамаль-задэ. Политический деятель).

Выше были рассмотрены только некоторые фразеологизированные структуры, в действительности их существует значительно больше. В связи с исследованием этих структур встают вопросы их классификации, способов описания и фиксирования в грамматиках персидского языка, определения их значений, выявления парадигматических ограничений, распространяющихся на их компоненты, изучения их стилистических и функциональных особенностей.

Раздел второй

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ЧЛЕНЫ

Учение о членах предложения составляет главную традицию синтаксиса. В современной лингвистике члены предложения — это его составные компоненты, различающиеся по своей функции. Их набор определяет формальную организацию предложения и — в значительной степени — организацию смысла. Они представлены знаменательными словами или словосочетаниями, выражающими определенные синтаксические отношения и находящимися между собой в определенных синтаксических связях.

Термин «член предложения» возник из-за отсутствия соответствия между частями речи и выполняемыми ими в предложении синтаксическими функциями. Членов предложения меньше, чем частей речи, прямого соответствия между морфологической и синтаксической характеристикой слов не существует. Система членов предложения сложилась в результате последовательного членения простого повествовательного предложения, взятого в его наиболее развернутой форме, на функциональные элементы. Одни члены предложения организуют его минимальную основу и называются главными: в двусоставном предложении это подлежащее и сказуемое, в односоставном предложении — главный член односоставного предложения, иногда называемый также сказуемым. Другие члены предложения являются второстепенными: это — определение, дополнение и обстоятельство.

При первом членении предложения выделяются два его состава — состав подлежащего и состав сказуемого, связанные между собой предикативными отношениями. Состав подлежащего в простом независимом предложении соответствует субъекту суждения и теме сообщения, состав сказуемого — предикату суждения и реме сообщения. В составе предложения главные его члены — подлежащее и сказуемое — являются ядерными, грамматически опорными компонентами, определяющими формально-грамматическую организацию предложения.

Синтаксическая полифункциональность частей речи неодинакова. Она очень велика у существительных, способных выступать в роли разных членов предложения, и в меньшей степени проявляется у глаголов и прилагательных: личные формы глаголов могут быть только сказуемым, прилагательные — определением или именной частью сказуемого.

В систему членов предложения не входят так называемые автономные компоненты, не находящиеся в синтаксической связи ни с какими другими компонентами, — модальные слова, обращения.

К главным членам предложения некоторые языковеды относят и прямое дополнение, коррелирующее с подлежащим и участвующее в залоговых преобразованиях.

Члены предложения соответствуют типам информации, которую можно запросить и получить о некоем положении дел или событий, и поэтому соотносятся с определенным типом вопроса: *Doxtar-e šomā ċe mi konad?* — *Mixānad* ‘Что делает ваша дочь?’ — Читает (сказуемое); — *ki mi konad?* — *Doxtar-am* ‘Кто читает?’ — Моя дочь (подлежащее); *Doxtar-e šomā ċe mi konad?* — *Ketāb mixānad* ‘Что читает ваша дочь?’ — Книгу (прямое дополнение) читает’.

Члены предложения выделяются с учетом признаков формы, выполняемой функции и того синтаксического отношения, которое их вводит в предложение.

При выделении членов предложения предпочтение отдается то одному, то другому критерию. Так, в русском языке при определении подлежащего с его формально-грамматической устойчивостью принято опираться на форму именительного падежа существительного. При выделении прямого дополнения делаются уступки в пользу функции. Некоторые ученые пользуются терминологическим разграничением при определении членов предложения: при опоре на форму — прямое дополнение, при опоре на функцию — объект. Такое терминологическое раздвоение (дополнение — объект, подлежащее — субъект) облегчает анализ членов предложения, свидетельствует о грамматическом и логическом подходе к выделению членов предложения.

Система выделения членов предложения лежит в основе классификации придаточных предложений (ср. придаточные дополнительные, определительные, обстоятельственные, подлежащие, сказуемые) и используется при анализе сложноподчиненных предложений.

В персидском языке, характеризующемся чертами аналитического строя, при выделении членов предложения формально-грамматические признаки не играют большой роли. Отсутствие падежей, категории рода, а также согласования в роде и числе между существительными и прилагательными, когда они выступают в роли господствующих и зависимых именных членов предложения, выдвигают на первое место синтаксическую функцию слова-компонента в составе предложения. Средства синтаксической связи, отмеченные при анализе словосочетаний, при объединении членов предложения приобретают новую роль (например, использование послелога *را -rā* только в составе инфинитивных словосочетаний переходит в более широкое использование после прямого дополнения), приобретает значение использования повторяющихся и двойных предлогов при соединении однородных членов.

При соединении главных членов предложения используется согласование. Расширяется роль сочинения как средства связи. Будучи представлено союзной связью и связью с помощью перечислительной интонации, сочинение не свойственно простым словосочетаниям. Однако оно используется для построения сложных словосочетаний с одним стержневым словом, а также для соединения словосочетаний в составе предложения.

Имеются такие виды союзной связи, которые вообще не свойственны словосочетаниям, например соединение однородных членов предложения с помощью повторяющихся союзов *... ċe... ċe... ham... ham...* ‘как..., так и...’, ‘и..., и...’, двойного союза *... na faqat... balke...* ‘не только..., но и...’: *Dar sālāhāy-e āxir ċe dar āropā w ċe dar āiran šāyid yek dafʿe ham āw rā bā doxtari nāyid*

axir če dar Orupā va če dar Irān šāyad yek daf'e-ham u-rā bā doxtar-i nadidam
 'В последние годы как в Европе, так и в Иране я, кажется, ни разу не видел его
 с какой-либо девушкой' (Аляви. Комета).

Для связи членов предложения используется пояснительный союз *یعنی ya'ni*
 'то есть': *شد مواجهه شد یعنی ملخ زراعت وحشتناک با دشمن و باشريت Bašariyyat bā došman-e*
vahšatnāk-e zarāat ya'ni malax movājeh šod 'Человечество столкнулось со страшным
 врагом земледелия, то есть с саранчой'. Этот союз вводит пояснительный член
 предложения и не употребляется в составе словосочетаний.

Второстепенные члены предложения входят в состав группы подлежащего и
 группы сказуемого.

Глава первая

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Знаменательные слова (или словосочетания), выражающие определенные синтаксические отношения и находящиеся между собой в синтаксических связях, в грамматиках делятся на главные и второстепенные члены предложения. Однако противопоставление главных и второстепенных членов не всегда совпадает с той информативной нагрузкой, которую они несут в предложении: иногда распространяющий член содержательно может быть более существенным, чем главный член предложения (см.: часть третья, раздел первый, глава третья «Простое предложение», п. 5).

Главные члены предложения — подлежащее и сказуемое — составляют предикативную основу двусоставного предложения. Они выражают основные понятия высказывания.

1. Подлежащее

Подлежащее — это главный, грамматически независимый член двусоставного предложения, обозначающий предмет мысли, признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется сказуемым: آموزگار می خواند *Āmuzgār mixānad* ‘Учитель читает’; دانشجویان کار می کنند *Dānešjuyān kār mikonand* ‘Студенты работают’.

Вокруг подлежащего могут группироваться другие слова, которые семантически и грамматически зависят от него.

Подлежащее, взятое отдельно, без сказуемого, только называет что-либо, но не имеет еще полноценного содержания. Последнее оно приобретает благодаря своей связи со сказуемым, которое конкретизирует подлежащее в его действии или состоянии. Поэтому главным способом выделения и определения подлежащего в персидском языке является его смысловая и грамматическая соотнесенность со сказуемым.

Подлежащему как носителю признака всегда свойственно грамматическое значение предметности. В связи с этим в функции подлежащего чаще всего выступает существительное либо местоимение, обозначающее предмет или лицо, а другие части речи в этой функции подвергаются процессу опредмечивания.

Если сравнить значение предметности у существительного и подлежащего, то предметность существительного более конкретна, и она находит выражение в грамматических категориях, свойственных данной речи, — категории числа, выделенности, одушевленности / неодушевленности. Подлежащему не свойственны грамматические категории существительного, ему присуще лишь общее значение предметности, соотносительное с грамматическими категориями существительного. Поэтому когда в роли подлежащего выступает «непредметная» часть речи (прилагательное, наречие, междометие и т.д.), она получает общее значение предметности благодаря окказиональной субстантивации; она может получать грамматические показатели существительного, но не становится им. Так, в предложении *این تقریباً ها مقاله را خراب می‌کند* *In taqribanhā maqāle-rā xarāb mikonad* 'Эти «приблизительно» портят статью' благодаря употреблению указательного местоимения *این in* и суффикса мн. числа *ها -hā* наречие *تقریباً taqriban* приобретает значение предметности и выступает в роли подлежащего. Но оно не превратилось в существительное, так как для такого превращения необходимо закрепление за этим словом свойственных данной части речи грамматических категорий. Таким образом, процесс опредмечивания, который наблюдается всякий раз, когда в функции подлежащего выступает несубстантивная часть речи, нельзя смешивать с субстантивацией.

Л.С.Пейсиков к числу признаков, грамматически выделяющих подлежащее среди других членов предложения, относит: а) согласование сказуемого с подлежащим; б) неспособность сочетаться с предлогами и послелогом *را -rā*; в) преимущественное расположение в начале предложения.

Вместе с тем отмечается, что в отдельных случаях как исключение возможно употребление перед подлежащим предлога *از az* («частичное» подлежащее) и после подлежащего — послелога *را -rā* («объектное» подлежащее) [Пейсиков 1959, с. 244]. Однако эта точка зрения, связанная с выделением «частичного» и «объектного» подлежащего, вызывает возражение у ряда иранистов. (Об этом будет сказано ниже.)

В персидском предложении подлежащее может быть выражено существительным, местоимением, любой другой частью речи, употребленной субстантивно, а также свободным и фразеологическим словосочетаниями и неразложимой синтаксической группой.

2. Способы выражения подлежащего

Наиболее часто в роли подлежащего выступают существительные и местоимения.

1. Существительные, обозначающие предметы, лица, явления действительно часто выступают в роли подлежащего. Обычно данная синтаксическая функция определяется тем, что к подлежащему относится сказуемое, связанное с ним по способу согласования: *نمایندگان کشورهای مختلف برای شرکت در گردهمایی بین‌المللی وارد تهران شدند* *Nemāyandegān-e kešvarhā-ye moxtalef barāye šerkat dar gerdehamāyi-ye*

beynolmelali vāred-e Tehrān šodand ‘Представители различных стран прибыли в Тегеран для участия в Международной конференции’; *سکینه پشت صندلی ایستاده بود* *Sakine pošt-e sandali istāde bud* ‘Сакинэ стояла за креслом’ (Аляви. Ее глаза).

2. В роли подлежащего выступают различные виды местоимений: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, определительное местоимение *همه hame*, определительно-возвратное местоимение *خود xod*: *من به سخنرانی پرورسز بدقت* *Man be soxanrāni-ye profesor bedeqqat guš midādam* ‘Я внимательно слушал лекцию профессора’; *همه از سر سفره گشنه پا می شوند* *Hame az sar-e sofre gošne pā mišavand* ‘Все встают из-за стола голодными’ (Хедаят. Хаджи-ага); *بعضی ها* *Ba'zihā bar in aqide hastand-ke nabāyad be in eqdāmāt dast zad* ‘Некоторые считают, что не следует прибегать к этим мерам’.

3. Инфинитив, подвергаясь субстантивации, может выступать в роли подлежащего; в роли подлежащего может выступать также целая инфинитивная группа: *آمدنش غیر منتظره بود* *Āmadan-aš qeyr-e montazere bud* ‘Его приезд был неожиданным’; *ماشین کردن که خطر ندارد* *Māšin kardan-ke xatar nadārad* ‘Ведь печатание на машинке не связано с опасностью’ (Аляви. Ее глаза); *اینها را منعکس کردن کار دشوار است* *Inhā-rā mon'akes kardan kār-e došvār-i-st* ‘Все это отразить — дело трудное’ (Аляви. Ее глаза).

При наличии нескольких зависимых от инфинитива членов подлежащим остается инфинитив: *برای او دیگران را از زندگی محروم کردن چیزی نبود* *Barāye u digarān-rā az zendegi mahrum kardan čiz-i nabud* ‘Для него ничего не составляло лишить других жизни’ (Аляви. Письма). В данном примере инфинитив сложного глагола замыкает все словосочетание и выступает как подлежащее.

4. Прилагательные, выступая в роли подлежащего, подвергаются частичной субстантивации: *سیاه شایسته شماست* *Siyāh šāyeste-ye šomā-st* ‘Черное вам идет’; *سفید در دو حرکت سیاه را مات می کند* *Sefid dar do harakat siyāh-rā māt mikonad* ‘Белые дают черным мат в два хода’; *سیر از گرسنه خبر ندارد* *Sir az gorosne xabar nadārad* ‘Сытый голодного не разумеет’ (*нословица*). Случаи частичной субстантивации прилагательных встречаются не так часто. К ним мы не относим слова типа *جوان javān* ‘юный’, ‘молодой’, *پیر pir* ‘старый’, *پیاده piyāde* ‘пеший’, *دلیر dalir* ‘смелый’, ‘храбрый’ и другие, которые, будучи полифункциональными частями речи, выступают как прилагательные и как существительные.

Следует согласиться с Л.С.Пейсиковым, который считает, что не только субстантивированные слова, но и слова с адвербиальным значением, употребляемые без предлогов и послелога *را -rā* и обычно находящиеся в начале предложения, выступают как подлежащее. Так, постройка наречия *حالا hālā* ‘сейчас’ в позицию подлежащего в предложении *حالا وقت استراحت ماست* *Hālā vaqt-e esterāhat-e mā-st* ‘Сейчас — время нашего отдыха’ дает основание рассматривать его в качестве подлежащего [Пейсиков 1959, с. 246]. С этим не согласен Г.Ш.Махмудов. Критикуя предложенный синтаксический анализ, он считает, что это предложение — безличное и в нем нет подлежащего. По его мнению, слово *حالا hālā* здесь имеет чисто временное значение. Иначе обстоит дело, если указанное слово употребляется субстантивно: *«حالا» لفظ عربی است* «*Hālā*» *lafz-e arabi-st* «‘Халá’ — арабское слово’.

В этом случае оно получает предметное значение и выступает как подлежащее двусоставного предложения [Махмудов 1982, с. 18].

5. В качестве подлежащего иногда функционируют числительные. Количественные числительные полностью сохраняют свою форму: پنج و دو می شود هفت *Panj-o do mišavad haft* 'Пять плюс два получается семь'; هیچ دویی نیست که سه نشود *Hič do-i nist ke se našavad* 'Нет такой двойки, которая не стала бы тройкой' (пословица).

Порядковые числительные в функции подлежащего обычно употребляются с ударным суффиксом *-i* (ی مصدری *yā masdari*): اولی استاد بود، سومی هم من *Avvali ostād bud, sevvomi-ham man hastam, dovvomi ki-st?* 'Первым был художник, третий — я, кто же второй?' (Аляви. Ее глаза).

6. Независимость подлежащего как носителя признака выражается в отсутствии сочетания с предлогами и послелогом *را -rā*. Однако Л.С.Пейсиков из этого правила допускает два исключения, считая возможным в персидском языке употребление имени в роли подлежащего с предлогом или послелогом. Рассматривая такие случаи, он говорит о наличии «частичного» и «объектного» подлежащего [Пейсиков 1959, с. 214–215, 248–252]. Действительно, в современном персидском языке встречаются случаи несколько необычного употребления предлога *از az* и послелога *را -rā*, которые должны быть отмечены в синтаксической литературе как необычное оформление подлежащего.

Рассмотрим примеры на употребление предлога *از az*: از این سرگذشت های مبتذل فراوان است *Az in sargozaštā-ye mobtazal farāvān ast* 'Таких банальных историй много' (букв. 'Из таких банальных историй много есть'); از همه گونه جانور دریایی پیرامون آن کاخ قرار داشتند *Az hamegune jānvar-e daryāyi pirāmun-e ān kāx qarār dāštand* 'Всякого рода морские животные находились вокруг того дворца' (букв. 'Из всяких морских животных вокруг того дворца помещались'). Анализ примеров показывает, что предлог *از az* наряду с выражением частичности имеет и атрибутивное значение. Предлог *از az*, употребляемый в сочетании с местоименными словами, может быть заменен вместе с ними, например, на местоимение *چنین 'такой'*, явно выражающее атрибутивное значение. Поэтому термин «частичное подлежащее» представляется неудачным, см. [Махмудов 1982, с. 17]. Тем не менее, характеризуя способы выражения подлежащего в персидском языке, необходимо отметить необычное употребление предлога *از az* перед определением или перед определительной группой, относящимися к подлежащему и образующими с ним синтаксически неделимую группу.

Теперь рассмотрим вопрос о возможности выделения «объектного подлежащего». Автор данной «Грамматики», изучая структуру сложноподчиненных предложений с придаточными определительными в современном персидском языке, отметил, что встречаются конструкции, при которых определяемое имя, будучи подлежащим главного предложения, по требованию переходного глагола-сказуемого придаточного предложения может оформляться послелогом *را -rā*: همین زنی که شرمنده را *Hamin zanike-ye šarmande-rā-ke xod-am raftam az mahalle-ye pamberise āvardam dandān-am-rā šomorde bud* 'Та самая застенчивая бабенка, которую я привела из квартала прядильщиков, командовала мною' (Хедаят. Исповедь); مطالبی را که در بالا ذکر کردم همه در جای خود مسلم است

Matāleb-i-rā-ke dar bālā zekr kardam hame dar jā-ye xod mosallam ast ‘Те проблемы, которые я затронул выше, не вызывают сомнений в соответствующих местах’, см. [Рубинчик 1959, с. 94–95].

Употребление послелога *را -rā* после подлежащего главного предложения имеет место только в тех случаях, когда определяемое имя стоит непосредственно перед придаточным определительным и доказывает смысловую и синтаксическую близость определяемого имени и глагола-сказуемого придаточного предложения. Употребление послелога *را -rā* с определяемым именем — подлежащим главного предложения — не является обязательным. Это подтверждают случаи, когда придаточное определительное присоединяется бессоюзно, а после определяемого имени употребляется несамостоятельное определительное местоимение *هر har* ‘каждый’: *هر حاجتی داشته باشی برآورده می شود Har hājat-i dāste bāši bar-āvarde mišavad* ‘Всякое желание (которое) у тебя возникнет, исполнится’ (Але Ахмад. Директор школы); *هر بحثی بکنید بیجااست Har bahs-i bekonid bijā-st* ‘Всякий спор (который вы) будете продолжать, неуместен’.

Совмещение функций подлежащего и прямого дополнения в определяемом имени характерно для сложноподчиненных предложений с придаточными определительными и вызвано тем, что в персидском языке отсутствуют относительные местоимения, которые обычно не только связывают определительное предложение с главным, но и одновременно представляют в придаточном определяемое имя. Как уже отмечалось при характеристике местоимений, их замещают вместе с универсальным подчинительным союзом *که ke* местоименные подчинительные слова. Так, предложение *دو نفری را که من می شناختم قبل از من گرفتار شده بودند Do nafar-i-rā-ke man mišenāxtam qabl az man gereftār šode budand* ‘Два человека, которых я раньше знал, попали в тюрьму до меня’ (Аляви. Пятьдесят три человека) может быть представлено логически более четко: *دو نفری که من (انها را) می شناختم قبل از من گرفتار شده بودند Do nafar-i-ke man (ānhā-rā) mišenāxtam qabl az man gereftār šode budand*. Во втором предложении после подлежащего не употреблен послелог *را -rā*, поскольку в придаточном определительном употреблено местоименное подчинительное слово *انها را ānhā-rā* ‘их’.

Употребление термина «объектное подлежащее», по нашему мнению, нельзя признать удачным, так как это приводит к смешению логического субъекта и логического объекта. Вместе с тем при анализе употребления послелога *را -rā* после подлежащего необходимо отмечать, что одно и то же слово (или словосочетание), одновременно выражая значение и субъекта, и объекта, может соответственно совмещать функцию разных членов в главном и придаточном предложениях.

Основу же характеристики подлежащего в персидском языке составляют его независимая позиция, т.е. употребление без предлогов и послелога *را -rā*, соотнесенность со сказуемым и препозиция по отношению к нему.

7. Подлежащими могут быть и целые словосочетания. Свободные словосочетания, как известно, сами разлагаются на члены предложения, употребляясь как определения и дополнения к подлежащему. Иное дело, когда в роли подлежащего как цельные синтаксические единицы, которые не делятся на зависимые от подлежащего члены предложения, выступают фразеологизмы и синтаксически неразложимые словосочетания.

Использование фразеологических словосочетаний в качестве подлежащего с точки зрения синтаксического анализа не вызывает трудностей. Трудности связаны только с определением природы фразеологических единиц. В качестве подлежащего чаще всего используются именные и глагольные фразеологизмы (последние в инфинитивной форме): *گل سر سبد و شمع فروزان این مجالس دو سه نفری بودند که برآستی اهل فضل و کمال بودند* *Gol-e sar-e sabad va šam'-e foruzān-e in majāles do se nafar-i budand ke-berāsti ahl-e fazl-o kamāl budand* 'Подлинное украшение и блеск этих собраний составляли два-три человека, которые поистине были людьми весьма образованными и культурными (Ханданиха); *ماشین کردن که خطر ندارد* *Māšin kardan-ke xatar nadārad* 'Ведь печатание на машинке не связано с опасностью' (Аляви. Ее глаза).

В приведенных выше примерах в роли подлежащего в первом предложении выступают два однородных подлежащих, выраженные именными фразеологизмами *گل سر سبد gol-e sar-e sabad* и *شمع فروزان šam'-e foruzān*, во втором предложении — инфинитив сложного глагола *ماشین کردن māšin kardan*.

8. В отличие от употребления фразеологических единиц в роли подлежащего употребление в этой функции неразложимых синтаксических групп не поддается аналогичному четкому грамматическому анализу в связи с тем, что не существует достаточно определенного и единообразного подхода к выделению этих групп.

В функции подлежащего персидского предложения встречаются следующие синтаксически нечленимые словосочетания: количественно-именные словосочетания с количественными числительными; количественно-именные словосочетания, обозначающие приблизительное количество; сочетания местоимений с местоимениями и числительными; сочетания с местоимением *هر har*; изафетное сочетание превосходной степени прилагательного с существительными во мн. числе и некоторые другие.

1) Сочетание количественных числительных (с нумеративами или без них) с существительными в ед. числе: *دو نفر دانشجو فارسی خوب حرف می زنند* *Do nafar dānešju fārsi xub harf mizanand* 'Два студента хорошо говорят по-персидски'; *صدها هزار ریال صرف این ساختمان شد* *Sadhā hezār riyāl sarf-e in sāxtemān šod* 'Сто тысяч риалов потрачено на эту стройку'.

Сюда же следует отнести сочетания количественных числительных с существительными во мн. числе посредством предлога *از az*: *سه نفر از کارگران* *se nafar az kārgarān* 'трое из рабочих', *سه تا از مدادها* *se tā az medādāhā* 'три карандаша' (букв. 'три штуки из карандашей').

Числительное *یک yek* при сочетании с предлогом *از az* употребляется с артиклем: *یکی از استادان* *yeki az ostādān* 'один из профессоров', *یکی از این تابلوها* *yeki az in tāblohā* 'одна из этих картин'. Вообще числительное *یک yek* может употребляться вместо существительного только в сопровождении выделительного артикля.

2) Существительные с количественным значением, имеющие выделительный артикль (*گروه goruh*, *دسته daste* 'группа', *عده edde* 'число', *قسمت qesmat* 'часть', *مقدار meqdār* 'количество' и др.), могут объединяться с существительными или местоимениями во мн. числе при помощи предлога *از az* (иногда этот предлог опускается), выступая в роли единого подлежащего: *گروهی از دانشجویان* *goruh-i az dānešjuyān* 'группа студентов', *عده ای نمایندگان* *edde-i namāyandegān* 'некоторое число представителей', *قسمتی از کتابها* *qesmat-i az ketābhā* 'некоторая часть книг'.

К нечленимым словосочетаниям следует отнести случаи употребления неопределенного местоимения *بعضی* *ba'zi* с формами мн. числа существительных или местоимений: *دانش آموزان از بعضی* *ba'zi az dāneshāmuzān* 'некоторые из учеников', *بعضی کالاها* *ba'zi kālāhā* 'некоторые товары'.

3) Количественно-именные сочетания со словами и наречно-предложными сочетаниями, выражающими приблизительное и неточное количество, типа *قریب* *qarib-e* 'приблизительно', 'около', *از بیش* *biš az* 'более чем', *از متجاوز* *motajāvez az* 'больше чем', *از کمتر* *kamtar az* 'меньше чем' и др., следует рассматривать как нечленимые синтаксические словосочетания, способные выступать в роли подлежащего: *کردند دیدن قدیم شهر از این مسافر از پنج هزار* *Qarib-e panj hezār mosāfer az in šahr-e qadim didan kardand* 'Приблизительно пять тысяч путешественников посетило этот древний город'; *بیش از صد نفر دانشجو در این مسابقه شرکت کردند* *Biš az sad nafar dāneshju dar in mosābeqe šerkat dāstand* 'Более чем сто студентов приняло участие в этом соревновании'.

4) Многочисленные местоименные и местоименно-числительные сочетания часто выступают в роли нечленимых подлежащих — *ما همه* *mā hame* 'мы все', *آنها همه* *ānhā hame* 'они все', *آن یکی* *ān yeki* 'тот', *یکی دیگر* *yeki digar* 'другой', *کدام یک؟* *kodām yek?* 'который?', *هر یک* *har yek* 'каждый', *این دو* *in do* 'эти оба', *هر دو* *har do* 'оба' и др.: *ما همه مسلمانیم* *Mā hame mosalmān-im* 'Мы все мусульмане' (Хедаят. Хаджи-ага); *اینها هیچ کدام اهمیتی نداشت* *Inhā hič kodām ahammiyyat-i nadāšt* 'Все это не имело никакого значения'; *کدام یک به حقیقت وفق می دهد؟* *Kodām yek be haqiqat vefq midehad?* 'Который из них соответствует действительности?'.

В отдельных случаях местоименно-местоименные и местоименно-числительные сочетания бывают настолько фонетически слитными, а отдельные компоненты так меняют свое значение, что трудно с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с синтаксически нечленимыми группами (или фразеологизмами) либо со сложными словами. Необходимо дальнейшее всестороннее изучение этих видов словосочетаний.

5) Сочетание превосходной степени прилагательного с существительным во мн. числе при помощи изафета: *زیباترین دختران* *zibātarin-e doxtarān* 'самая красивая из девушек', *قوی ترین ورزشکاران* *qavitarin-e varzeškārān* 'сильнейший из спортсменов'. Образованные словосочетания характеризуются определительно-выделительными отношениями между компонентами. В книжном стиле речи в составе словосочетаний-подлежащих употребляются арабские прилагательные в превосходной степени, присоединяемые также к существительным во мн. числе при помощи изафета, — *اشد مجازاتها* *ašadd-e mojāzāthā* 'самое строгое наказание', *اشد اتهامات* *ašadd-e ettehāmāt* 'самое тяжелое обвинение', *اصح توضیحات* *asahh-e towzihāt* 'самое верное объяснение': *بلندترین عمارتهای شهر مسکو عمارت دانشگاه دولتی مسکو به نام* *Bolandtarin-e emārathā-ye šahr-e Moskow emārat-e dāneshgāh-e dowlati-ye Moskow be nām-e Lāmānosof ast* 'Самым высоким зданием в Москве является здание МГУ имени Ломоносова'; *قوی ترین وزنه برداران خروس وزن ایران نامجو بود* *Qavitarin-e vaznebardārān-e xorusvazn-e Irān Nāmju bud* 'Сильнейшим штангистом Ирана в легчайшем весе был Намджу'.

Таковы главнейшие способы выражения подлежащего в современном персидском языке.

3. Сказуемое

Сказуемое — второй главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего и обозначающий активный или пассивный признак того предмета, который выражен подлежащим. Обладая конкретным грамматическим и лексическим значением, оно определяет грамматическую форму двусоставного предложения.

Сказуемое может быть выражено простым или префиксальным глаголом (его синтетической или аналитической формой), сложным глаголом, многокомпонентным глагольным фразеологизмом, глагольно-именным сочетанием, наречно-междометным словом.

Основной коммуникативной функцией сказуемого является раскрытие в полном объеме признаков подлежащего. Сказуемое не только раскрывает признаки подлежащего, но и указывает на их реальность и нереальность, возможность и невозможность, уверенность или сомнение в их наличии и т.д., т.е. выражает различные модальные значения. Сказуемое — главное средство выражения предикативности в двусоставном предложении.

В работах по грамматике персидского языка обычно выделялось два общих типа сказуемых — глагольное и именное (связочное), причем подробной характеристики этих типов сказуемого не давалось.

Впервые классификация типов сказуемых дается в работе Л.С.Пейсикова «Вопросы синтаксиса персидского языка» [Пейсиков 1959]. Он выделяет пять типов сказуемого: 1) глагольное сказуемое, 2) именное сказуемое, 3) глагольно-именное сказуемое, 4) сказуемое неглагольного характера (наречно-междометное), 5) сказуемое, выраженное синтаксической группой предикативного типа. Указанные типы сказуемых различаются между собой как по содержанию, так и по форме. В основу их классификации положены следующие признаки: различие в видах функционирования частей речи в сказуемом, грамматические способы выражения предикативности двусоставного предложения, логико-грамматическая связь (согласование) с подлежащим.

Представляет интерес употребление слитных местоимений в составе сказуемого, характерное для персидского обиходно-разговорного языка. В упомянутой работе Л.С.Пейсикова такое употребление слитных местоимений названо как «возможность расширения лексико-грамматической емкости сказуемого» [Пейсиков 1959, с. 270]. Это явление, характерное для разговорного языка, постепенно под влиянием языка художественной литературы проникает и в литературный язык и поэтому должно быть отмечено перед характеристикой основных разновидностей сказуемого.

Употребление слитных местоимений характерно для всех видов глагольного сказуемого и некоторых видов именного. Характеристика широкого использования слитных местоимений как особых слов-заместителей дана во второй части (глава пятая «Местоимения»). Здесь же отметим случаи их употребления для указания на прямые и косвенные объекты: *دادمش Dādam-aš* 'Я дал ему'; *می خواهم از اینجا ببرم Mixāham az injā bebaram-at* 'Хочу увезти тебя отсюда'. Вопрос о выделении слитных местоимений в качестве отдельных членов предложения не находит единого решения среди иранистов.

Л.С.Пейсиков отмечает также употребление слитных местоимений в составе сказуемого в тегеранском диалекте [Пейсиков 1960] не для выражения прямого или косвенного объекта, а для указания на субъект высказывания. Такой способ обозначения субъекта возможен только в 3-м лице ед. числа и крайне редко — в 3-м лице мн. числа: نیستش *Nist-eš* ‘Его нет’; مردش *Mord-eš* ‘Он умер’; خونه هستش? *Xune hast-eš?* ‘Он дома?’; افتادش زمین *Oftād-eš zamin* ‘Он упал на землю’. При этом встречаются случаи плеонастического употребления слитных местоимений, когда в предложении подлежащее имеет уже конкретное лексическое выражение: او گفتش *U goft-eš* ‘Он сказал’; دختر هی چیغ می زدش *Doxtar hey jiq mizad-eš* ‘Девочка все время визжала’ (Хедаят. Исповедь). Если сравнить два предложения: او گفت *U goft* и او گفتش *U goft-eš*, имеющие одинаковое содержание, то второе предложение отличается от первого стилистически, наличием разговорно-диалектной окраски.

4. Виды сказуемого и способы их выражения

4.1. Глагольное сказуемое

Этот вид сказуемого характеризуется большим структурным многообразием. Вокруг глагола часто группируются уточняющие слова, выступающие как части глагольного словосочетания.

Для сказуемых этого вида характерно выражение действия, бытия, состояния. Обычно выделяется два вида глагольного сказуемого: 1) простое глагольное сказуемое, выраженное формой простого глагола или глагольного фразеологизма, и 2) сложное глагольное сказуемое, выраженное глагольной синтаксической группой.

4.1.1. Простое глагольное сказуемое

Это сказуемое может быть представлено синтетической и аналитической формами, а также может быть выражено фразеологическими глагольными словосочетаниями. Синтетическая форма самостоятельно передает значения лица, времени, наклонения. Аналитическая форма образуется из той или иной глагольной формы, состоящей из основы (например, причастие прошедшего времени, усеченный инфинитив) и вспомогательного глагола, который выступает как глагольный выразитель предикативности и может выражать категорию пассивного залога. Известно, что как синтетические, так и аналитические формы бывают продуктивными и непродуктивными.

1. Простое сказуемое, выраженное синтетическими глагольными формами

Из синтетических форм глагола как наиболее употребительные можно отметить настояще-будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное и некоторые другие времена: دست و پایش از گرسنگی می لرزد *Dast-o pā-yāš az gorosnegi milarzad* ‘Его руки

и ноги дрожат от голода»; *Be deraxtān-e pušide az barf minegarist* ‘Он смотрел на покрытые снегом деревья’ (Аляви. Ее глаза).

В современном языке можно встретить бесприставочную форму, широко употреблявшуюся в языке классического периода. Она в основном используется в научно-деловом стиле речи, в учебниках, научных трудах: *این کلمات را قید گویند* *In kalemāt-rā qeyd guyand* ‘Эти слова называют наречиями’.

В разговорной речи (в вопросительных, побудительных предложениях) используются в функции сказуемого аорист, повелительное наклонение: *روزنامه بخوانم؟ Ruznāme bexānam?* ‘Читать ли мне газету?’; *ها! Baččehā az deraxt nayofstand, hā!* ‘Как бы дети не упали с дерева!’; *Doxtar-aš-rā beferest sahrā* ‘Пошли его дочь в поле’.

Видимо, к числу простых сказуемых следует отнести глагол-связку *هست hast* ‘есть’, ‘имеется’ и его краткие формы, когда они употребляются не в связочном значении, а в значении глаголов бытия. Глаголы *هست hast* ‘имеется’, *نیست nist* ‘не имеется’ и глагольная связка 3-го лица ед. числа *است ast* ‘находится’, ‘имеется’, наполняясь конкретным содержанием глагола бытия, выступают в качестве простого сказуемого. Обращает на себя внимание глагол *هست hast*, который возник как эмфатическая ударная форма, призванная в противовес слабоартикулируемой и неполнозначной связке *است ast* обозначать существование, нахождение, бытие. Например, в простом предложении этот глагол-связка используется как разновидность простого глагольного сказуемого: *آیا اینجا گل‌های زیربرفی هست؟ Āyā injā golhā-ye zirbarfī hast?* ‘Имеются ли здесь подснежники?’.

Краткая форма глагола-связки *است ast* и ее краткие личные формы могут наполняться реальным содержанием, обозначая существование, нахождение, бытие лица или предмета. Это наблюдается в именных по форме предложениях, в которых подлежащее локализуется в пространстве: *مریم در تهران است Maryam dar Tehrān ast* ‘Марьям находится в Тегеране’; *مریم در تهران بود Maryam dar Tehrān bud* ‘Марьям находилась в Тегеране’. В этих предложениях глагол-связку *است ast* и глагол *بود bud* приходится считать сказуемыми, с которыми семантически связано обстоятельство места *در تهران dar Tehrān*.

Краткие формы глагола-связки в локальных предложениях также выступают в качестве простых глагольных сказуемых: *من در بازارم Man dar bāzār-am* ‘Я на базаре’; *ما در بازاریم Mā dar bāzār-im* ‘Мы на базаре’. В этом случае сказуемое наполняется реальным содержанием, обозначая местонахождение лица. Сказанное относится и к значению глагольных связок книжного стиля — *می باشم mibāšam*, *می باشی mibāši*, *می باشد mibāšad* и т.д.

Таким образом, связочно-именные по форме предложения, указывающие на положение подлежащего в пространстве, выходят из разряда именных и включаются в разряд глагольных.

Глагол *شدن šodan*, утратив прежнее значение глагола движения — ‘идти’, ‘уходить’, — в современном языке приобрел ряд служебных функций (о них подробно говорилось выше). В то же время этот глагол (сравнительно редко) может иметь значение бытия, существования, наличия, становясь синонимом глагола *بودن budan* ‘быть’: *شود و نمی‌شود و تمام سال نبوده و نمی‌شود Hamčenin burān-i tamāt-e sāl nabude va nemišavad* ‘Такого бурана весь год не было и не будет’ (Аляви. Ее

глаза); 'تو از کجا می دانی که نمی شود?' *To az kojā midāni ke nemišavad?* 'Откуда ты знаешь, что не будет?'; 'هیچ چی نمی شود' *Hičči nemišavad* 'Ничего не случится'.

2. Простое сказуемое, выраженное аналитическими глагольными формами

Рассмотренные выше глаголы и глагольные фразеологизмы, выступая в роли простого сказуемого, могут быть широко представлены не только синтетическими, но и аналитическими формами. Аналитическая форма образуется сочетанием одной из форм знаменательного глагола со служебным глаголом — с финитной формой вспомогательного глагола.

Так, перфектные формы образуются путем сочетания причастия прошедшего времени с краткими формами глагола-связки (*گفته ام gofte am* 'я уже сказал' — прошедше-настоящее время), с финитными формами вспомогательного глагола *بودن budan* 'быть' (*گفته بودم gofte budam* 'я сказал' — давнопрошедшее время), с аористной формой глагола *بودن budan* (*گفته باشم gofte bāšam* 'я сказал' — прошедшее время сослагательного наклонения). Значение этих временных форм и случаи их употребления были описаны в «Грамматике» выше, при характеристике грамматических категорий персидского глагола. В приводимых примерах перфектные времена образованы как от простых, так и от сложных глаголов: *تقریباً بیست سال بود که اهالی دماوند او را ندیده بودند چون گوشه نشینی اختیار کرده بود bud-ke ahāli-ye Damāvand u-rā nadide budand, čon gušenešini extiyār karde bud* 'Около двадцати лет жители Дамаванда его не видели, так как он избрал отшельнический образ жизни' (Хедаят. Лале); *دختران طبقه من آمده اند و رفته اند و مزه خوشبختی را نچشیده Doxtarān-e tabaqe-ye man āmade-and va rafte-and va maze-ye xošbaxti-rā načēšide dar-gozašte-and* 'Девушки моего сословия приходили, уходили и, не испытав счастья, умирали' (Аляви. Ее глаза).

На особенности употребления некоторых аналитических форм следует обратить внимание. Так, аналитическая форма конкретных времен (настоящее и прошедшее конкретные времена) в функции простого сказуемого может иметь разобщенное построение основного и вспомогательного глаголов, т.е. образовывать рамочную конструкцию, когда второстепенные члены вклиниваются между двумя компонентами аналитической формы. Но рамочная конструкция возникает в тех случаях, когда в предложении имеются второстепенные члены, без них оба компонента употребляются в контактном положении: *غم و غصه داشت دیوانه ام می کرد Qam-o qosse dāšt divāne-am mikard* 'Тоска сводила меня с ума' (Джамаль-задэ. Были и небылицы); *من همین هستم که شما دارید می بینید Man hamin hastam ke-šomā dārid mibinid* 'Я таков, каким вы меня видите' (Аляви. Ее глаза).

Л.С.Пейсиков считает, что рамочная конструкция аналитической формы глагола — прием стилистики и логического выделения. В предложении *مدیر مدرسه با شاگردان داشت صحبت می کرد Modir-e madrase bā šāgerdān dāšt sohbat mikard* 'Директор школы разговаривал с учениками' логически выделенным является слово *شاگردان šāgerdān*, так как оно, выйдя за пределы рамки (ср. с предложением *مدیر مدرسه داشت با شاگردان صحبت می کرد Modir-e madrase dāšt bā šāgerdān sohbat mikard*), нарушает обычную синтактико-стилистическую норму, становясь центром высказывания [Пейсиков 1959, с. 283].

К числу аналитических относятся формы пассивного залога от переходных глаголов: *صدای آنها از دور شنیده می شود Sedā-ye ānhā az dur šenide mišavad* 'Изда-

ли слышатся их голоса»; کتاب نوشته شد *Ketāb nevešte šod* 'Книга была написана'. Вспомогательный глагол شدن *šodan* вместе с причастием прошедшего времени образует залоговую форму, имеющую пассивное значение. Вместе с тем известно, что глагол شدن *šodan* выступает также и как связочный, выполняя функцию показателя предикативности при словах, лишенных таких показателей, и приписывает подлежащему становление некоего качественного признака. Простой или сложный глагол в форме пассивного залога выступает в предложении в функции простого глагольного сказуемого, чего нельзя сказать о связочном глаголе شدن *šodan*, образующем вместе с предикативом именное сказуемое.

Некоторые трудности в разграничении глагольного и именного сказуемого при употреблении глагола شدن *šodan* в двух разных функциях могут возникнуть в связи с тем, что отдельные причастия прошедшего времени от переходных глаголов, сохраняя свое основное значение, получают новые лексические значения, превращаясь в прилагательные: پخته *poxte* 'сваренный', 'испеченный', 'созревший', 'спелый' (< پختن *poxtan* 'варить', 'печь', 'созревать') получает значение прилагательного 'зрелый', 'опытный' (آدم پخته *ādam-e poxte* 'опытный человек', تصمیمات *tasmimāt-e poxte* 'зрелые решения', خط پخته *xatt-e poxte* 'хороший, устоявшийся почерк'); گرفته *gerefte* 'полученный' (< گرفتن *gereftan* 'получать', 'брать') имеет значения прилагательного — 'мрачный', 'опечаленный' (با قیافه گرفته *bā qiyāfe-ye gerefte* 'с мрачной физиономией'), 'охрипший', 'сдавленный' (صدای گرفته *sedā-ye gerefte* 'охрипший голос'), 'пасмурный', 'хмурый' (هوای گرفته *havā-ye gerefte* 'пасмурная погода') и т.д. При употреблении таких причастий-прилагательных могут возникнуть некоторые трудности в разграничении двух видов сказуемых. Но эти трудности легко преодолимы при внимательном лексико-синтаксическом анализе таких слов.

3. Простое сказуемое, выраженное фразеологическими глагольными словосочетаниями, как двучленными, так и многочленными

А. Сложные глаголы, как и простые, выражают категорию времени, наклонения и лица, обладают синтетическими и аналитическими формами.

Сложные глаголы, как и простые, наиболее часто встречаются в таких синтетических формах, как настоящее-будущее, простое прошедшее, прошедшее длительное время: کورش آداب مذهبی آنان را محترم می داشت *Kuroš ādāb-e mazhabi-ye ānān-rā mohtaram midāšt* 'Кир с уважением относился к их религиозным обычаям' (Хеджази. Наша родина); همایون خیره به آتش بخاری نگاه می کرد *Homāyun xire be āteš-e boxāri negāh mikard* 'Хомаюн с удивлением смотрел на огонь в камине' (Хедаят. Три капли крови); بدری سرش را بلند کرد *Badri sar-aš-rā boland kard* 'Бадри поднял голову'.

По своим фразеологическим и грамматическим свойствам сложные глаголы представляют весьма пеструю картину: они неоднородны как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических отношений между ними. Трудности рассмотрения сложного глагола как глагольного сказуемого возникают в двух случаях: когда именная часть получает какие-то морфологические показатели и когда она отрывается от компонирующего глагола, образуя рамочную конструкцию. Рассмотрим оба случая.

1. Именная часть иногда может оформляться грамматическими показателями.

Имя существительное, чаще всего выступающее в роли именной части, в составе сложного глагола обычно выступает в наиболее обобщенном виде, как представитель целого класса однородных предметов и явлений, и поэтому теряет свои парадигматические свойства.

Однако при определенных синтаксических и стилистических условиях между компонентами сложного глагола «оживают» синтаксические связи, и именная часть может принимать артикль, получать показатели мн. числа, оформляться послелогом *را -rā*, сопровождаться определениями. Но единство сложного глагола при этом не нарушается, ибо само по себе наличие грамматических формантов и зависимых от именной части слов не может служить причиной распада сложного глагола, если между его компонентами сохраняется семантическая монолитность. И в этом случае сложный глагол выступает в качестве сказуемого: *داد تا از او سوآلی نمی کردند جواب نمی داد* 'Пока у него не спрашивали, он не отвечал' (Аляви. Ее глаза); *در همینکه آن حرف را زدم چهره اندوهگین و قیافه ناامید زن* *Hamin-ke ān harf-rā zadam, čehre-ye anduhgin va qiyāfe-ye nāomid-e zan dar yek lahze taqyir kard* 'Как только я произнес эти слова, грустное и не выражавшее никакой надежды лицо женщины сразу преобразилось' (Ханданиха); *از همین حالا همسایه های چپ و راست به من نیشخندها و طعنه ها می زدند* *Az hamin hālā hamsāyehā-ye čap-o rāst be man nišxandhā-vo ta'nehā mizadand* 'С этого момента соседи повсюду подсмеивались надо мной' (Афгани. Муж Аху-ханом); *بی اعتنا به باد و باران و مأمور پاهای لختش را به آب می زد و قدمهای آهسته و کوتاه برمی داشت* *Bi e'tenā be bād-o bārān va ma'mur pāhā-ye loxt-aš-rā be āb mizad va qadamhā-ye āheste va kutāh bar-midāšt* 'Не обращая внимания на ветер, дождь и полицейских, он босыми ногами шагал по лужам и медленно продвигался вперед' (Аляви. Крестьянин-гиляк).

В последнем предложении автор выделяет слово *قدم qadam* 'шаг', чтобы показать читателю, как арестованный и ведомый жандармами гиляк равнодушно ступает своими босыми ногами по воде, какие у него ноги и какие он делает шаги. В таком предложении компонирующий глагол *برداشتن bar-dāštan* приобретает бóльшую самостоятельность, но не теряет семантико-грамматические связи со словом *قدمها qadamhā*.

Нередко артикль, употребленный после именной части, сообщает сложному глаголу значение однократности: *نفسی کشید Nafas-i kešid* 'Он вздохнул'; *تکانی خورد Takān-i xord* 'Он качнулся'; *تبسمی کرد Tabassom-i kard* 'Она улыбнулась' и т.д.

В отдельных случаях употребление грамматических показателей ставит сложный глагол на грань распада, и тогда в зависимости от значения компонирующего глагола можно говорить о выражении сказуемого либо сложным, либо простым глаголом, например: *در تاریخ ایران تحقیقاتی کرد Dar tārix-e Irān tahqiqāt-i kard* 'Он провел некоторые исследования в области истории Ирана'.

2. Многие сложные глаголы могут иметь не только контактное построение своих компонентов, но и дистантное, т.е. при определенных синтаксических и стилистических условиях способны образовывать рамочные конструкции. Например, СГ *داخل شدن dāxel šodan* 'входить', имеющий контактное расположение компонентов, может образовывать рамку — *داخل اتاқ شدن dāxel-e otaq šodan* 'входить

в комнату', представляющую собой дистантное построение. Возникает вопрос: можно ли рамочное построение сложного глагола рассматривать как единое сказуемое? Да, рамочную конструкцию следует рассматривать как единое сказуемое, причем необходимо уточнить, что сказуемое образуют только компоненты, входящие в состав сложного глагола, а слова, заключенные в рамку, выступают как второстепенные члены предложения — дополнения, обстоятельства: *نه كلمات عربی کاملاً* *Na kalemāt-e arabi kāmela* 'Ни арабские слова не превратились полностью в персидские, ни персидские слова не изменили своей формы' (Хомаюнфаррох); *دو سه بار سری به حبیبه سلطان زد* *Do se bār sar-i be Habibe Soltān zadam* 'Два-три раза я заглядывал к Хабибе Солтан' (Джамаль-задэ. Старое и новое). В приведенных предложениях в качестве сказуемых выступают СГ *تغییر دادن taqyir dādan* 'изменять' и *سر زدن sar zadan* 'заглядывать', а заключенные между компонентами слова *شکل šekl* 'вид' и *به حبیبه سلطان be Habibe Soltān* 'к Хабибе Солтан' являются дополнениями.

При решении вопроса об употреблении сложных глаголов в форме рамочной конструкции в роли сказуемого необходимо учитывать семантические отношения между компонентами сложных глаголов. Если компонирующий глагол, или именная часть, или оба компонента одновременно выступают не в своем лексическом значении, а в таком, в каком они обычно встречаются в составе сложного глагола при контактном положении его частей, то фразеологическая цельность глагольного словосочетания сохраняется.

Примером решающей роли семантических связей между именной частью и глагольным компонентом при определении семантической цельности словосочетания может служить сопоставительный анализ рамочного построения СГ *عکس برداشتن aks bar-dāštan* 'фотографировать' и омонимичного свободного словосочетания *عکس برداشتن aks bar-dāštan* 'брать фотографию'.

При сравнении двух предложений — *عکس دخترم را برداشتم Aks-e doxtar-am-rā bar-dāštam* 'Я сфотографировал свою дочь' и *عکس دخترم را برداشتم Aks-e doxtar-am-rā bar-dāštam* 'Я взял фотографию моей дочери' — они внешне (составом слов и грамматическим оформлением) полностью совпадают. Но это только формальный анализ. Конкретный семантико-синтаксический анализ этих двух предложений показывает, что в них разные сказуемые, и предложения выражают разное содержание. В первом предложении имеет место рамочная конструкция СГ *عکس برداشتن aks bar-dāštan*: в роли вставочного компонента выступает приглагольное дополнение *را دخترم doxtar-am-rā*, а глагол *برداشتن bar-dāštan* утрачивает свое лексическое значение 'брать', обеспечивая тем самым фразеологическую слитность глагольного словосочетания. В этом предложении сказуемым является СГ *عکس برداشتن aks bar-dāštan*. Во втором предложении все слова, сохраняя свои лексические значения, выступают как самостоятельные члены: *عکس aks* 'фотография' — прямое дополнение, *دخترم doxtar-am* 'моя дочь' — определение к дополнению и *برداشتم bar-dāštam* 'взял' — сказуемое. Подтверждением правильности грамматического анализа второго предложения и сохранения префиксальным глаголом *برداشتن bar-dāštan* значения 'брать' может служить прибавление к этому предложению обстоятельства места *از روی میز az ru-ye miz* 'со стола': *از روی میز عکس دخترم را*

برداشته *Az ru-ye miz aks-e doxtar-am-rā bar-dāštam* ‘Я взял со стола фотографию моей дочери’.

Б. В роли простого сказуемого может выступать и другой вид глагольных фразеологизмов — многочленные глагольные фразеологизмы. К ним относятся устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более лексем.

По сравнению со сложными глаголами многочленные глагольные фразеологизмы обладают рядом существенных структурных и семантических отличий, а их фразеологические свойства проявляются более отчетливо. Они представляют собой высшую форму организации фразеологизмов-словосочетаний, поскольку сами могут включать в свой состав сложные глаголы и различные виды именных фразеологизмов. Многочленные глагольные фразеологизмы потенциально обладают всеми морфологическими категориями, свойственными глаголу. Однако фактически далеко не во всех многочленных глагольных фразеологизмах эти категории получают конкретное выражение: особенности их семантической структуры и грамматической организации налагают определенные ограничения на возможности употребления этих глагольных фразеологических единиц в формах наклонения и залога, времени, лица и числа.

Большинство многочленных глагольных фразеологизмов имеет приблизительно одинаковое строение — два-три имени, связанные между собой разными грамматическими способами, плюс инфинитив глагола: *دادن ترتیب اثر tartib-e asar dādan* ‘реагировать’, ‘принимать к исполнению’ (букв. ‘упорядочивать след’); *دست به سیاه دست به سیاه dast be siyāh-o sefid nagozāstan* ‘палец о палец не ударить’ (букв. ‘не класть руку на черное и белое’); *وجود گذاشتن پا به عرصه وجود گذاشتن pā be arse-ye vojūd gozāstan* ‘появляться на свет’, ‘рождаться’ (букв. ‘ставить ногу на арену существования’). Но возможно и другое строение многочленного глагольного фразеологизма, когда в одной фразеологической единице при помощи соединительного союза *و va/o* ‘и’ объединяются два инфинитива с относящимися к ним словами: *دل دادن و قلوب گرفتن دل دادن و qolbe gereftan* ‘уйти с головой в беседу’ (поговорка — букв. ‘отдать сердце и получить почку’); *نمک خوردن و نمکدان شکستن namak خوردan-o namakdān šekastan* ‘платить неблагодарностью за хлеб-соль’ (поговорка — букв. ‘есть соль и разбивать солонку’).

Многочленные глагольные фразеологизмы, подобно простым и сложным глаголам, могут выступать в роли субстантивных членов предложения, но главная функция этих фразеологизмов — употребление в роли сказуемого: *چند لحظه مکث کند و بدو توی حرف من چند لحظه مکث کند و be entezār-e in-ke u bedavad tu-ye harf-e man* ‘Я остановился на мгновение, ожидая, что она перебежит меня’ (Аляви. Ее глаза); *ما می خواهیم ریشه بیسودی را در خاک ایران بخشکانیم ما می خواهیم rیشه بیسودی را در خاک ایران bexoškānim* ‘Мы хотим уничтожить неграмотность’ (букв. ‘высушить корни неграмотности’) в Иране’ (Кейхан); *با دمش گردو می شکست با دمش Bā dom-aš gerdu mišekast* ‘Он был вне себя от радости’ (букв. ‘хвостом разбивал грецкие орехи’) (Хедаят. Три капли крови).

4.1.2. Сложное глагольное сказуемое

К сложным глагольным сказуемым относятся такие, которые представлены двумя знаменательными глаголами. Первый глагол в личной форме является модальным глаголом, обозначающим желание, возможность, намерение совершить действие, волеизъявление, долженствование, или глаголом, обозначающим направление, цель движения, процессы мысли и т.д., а второй глагол также в личной форме (чаще всего в одном из времен сослагательного наклонения) выражает основное значение всей конструкции.

1. Сказуемое — глагольное сочетание модально-целевого характера

Так называется сказуемое, представленное двумя знаменательными глаголами, из которых первый обозначает желание, стремление, возможность, необходимость совершить действие, а второй — само действие, представляемое как результат, цель этого желания, стремления и т.д. Такое сказуемое выражает различного рода модальные отношения субъекта действия к самому действию. Если сравнить два предложения: *او کتاب می خواند* *U ketāb mixānad* 'Он читает книгу' (выражены лишь субъект и действие, но отношение субъекта к действию не показано) и *او می خواهد کتاب بخواند* *U mixāhad ketāb bexānad* 'Он хочет прочитать книгу' (показано стремление или желание субъекта совершить действие), — то следует констатировать: в первом предложении наличествует простое глагольное сказуемое, а во втором — сложного глагольное сказуемое. Вместо желания могут быть выражены и другие значения, например необходимость совершить действие, обязанность, возможность, склонность, решимость и т.д. и, наоборот, невозможность, нежелание, отсутствие необходимости и т.д.: *او می خواهد کار کند* *U mixāhad kār konad* 'Он хочет работать' (желание, стремление); *او می تواند کار کند* *U mitavānad kār konad* 'Он может работать' (возможность); *او باید کار کند* *U bāyad kār konad* 'Он должен работать' (необходимость); *او دوست دارد کار کند* *U dust dārad kār konad* 'Он любит работать' (любовь, склонность); *او حاضر است کار کند* *U hāzer ast kār konad* 'Он готов работать' (готовность, стремление); *او میل ندارد کار کند* *U meyl nadārad kār konad* 'Он не желает работать' (нежелание); *او تصمیم گرفت کار کند* *U tasmim gereft kār konad* 'Он решил работать' (решимость).

Глагольные словосочетания модально-целевого характера представляют собой синтаксически нечленимые словосочетания. Невозможно семантически оторвать модальный глагол или его эквиваленты от основного глагола, так как один модальный глагол не способен выразить полноту мысли. Предложение *او می تواند* *U mitavānad* 'Он может' не выражает законченного суждения. Грамматически единство модально-целевого сочетания обеспечивается тем, что модальные глаголы и их лексико-фразеологические эквиваленты требуют постановки смыслового глагола в одном из времен сослагательного наклонения. Нечленимость рассматриваемых глагольных сочетаний подтверждается также и тем, что обстоятельственные слова перед сложным сказуемым относятся ко всему сказуемому: *او خوب می تواند* *U xub mitavānad be fārsi sohbat konad* 'Он может хорошо говорить по-персидски'.

Главными из модальных глаголов — خواستن *xāstan*, توانستن *tavānestan*, بایستن *bāyestan* — обозначаются желание, возможность, необходимость. Каждый глагол имеет значительное количество синонимов.

1) Сказуемое с глаголом خواستن *xāstan* ‘хотеть’

Основное значение خواستن *xāstan* — это желание, склонность, намерение. Следующий после него смысловой глагол выражает цель, желание, склонность, намерение, поэтому он ставится в одном из времен сослагательного наклонения: خواستم چیزی بگویم *Xāstam ėiz-i beguyam* ‘Я хотела что-то сказать’ (Аляви. Ее глаза); متهم می خواهد سری را پنهان کند *Mottaham mixāhad serr-i-rā penhān konad* ‘Обвиняемый хочет скрыть тайну’ (Аляви. Ее глаза).

Этот глагол имеет ряд синонимов, которые в сложном сказуемом выражают различные оттенки желаяния, намерения, воли: علاقمند بودن *alāqemand budan* ‘быть склонным, заинтересованным’, آرزو داشتن *ārezu dāstan* ‘желать’, ‘надеяться’, توقع داشتن *tavaqqo dāstan* ‘надеяться’, رغبت کردن *reqbat kardan* ‘стремиться’, ‘желать’, میل داشتن *meyl dāstan* ‘желать’, اراده داشتن *erāde dāstan* ‘проявлять волю’, حوصله نداشتن *howsale nadāstan* ‘не иметь терпения’ и др.

В разговорном языке развилось второе основное значение خواستن *xāstan* — выражение необходимости. Формы прошедшего длительного времени می خواستی *mixāsti*, می خواست *mixāst*, می خواستید *mixāstid* и т.д. означают ‘тебе надо было’, ‘ему надо было’, ‘вам надо было’. Различие между значениями желаяния и необходимости видно из текста приводимых ниже примеров (глагол خواستن *xāstan* выражает необходимость): اگر سرش درد می کرد می خواست یک استکان قندداغ بخورد *Agar sar-aš dard mikard mixāst yek estekān qanddāq bexorad* ‘Если у нее болела голова, ей надо было выпить стакан сладкой горячей воды’ (Хедаят. Хаджи-ага); می خواستی یک دقیقه پیش اینجا نشسته بودی می شنیدی پشت سر وجیهه چه می گفت *Mixāsti yek daqīqe piš injā nešaste budi mišenidi pošt-e sar-e Vajihe ėe migoft* ‘Тебе надо было бы минуту тому назад посидеть здесь, тогда ты услышала бы, что она говорила про Ваджихе’ (Аляви. Квартиросъемщики).

2) Сказуемое с глаголом توانستن *tavānestan* ‘мочь’

Этот глагол выражает возможность в самом широком смысле слова: یک دگمه، یک سوزن را نمی توانیم بسازیم *Yek dogme, yek suzan-rā nemitavānim besāzim* ‘Мы не умеем делать ни пуговицы, ни иголки’ (Хедаят. Хаджи-ага).

Глагол توانستن *tavānestan* имеет ряд синонимов, обозначающих разного вида возможность: قادر بودن *qāder budan* ‘быть в состоянии’, ‘мочь’, بلد بودن *balad budan* ‘уметь’, ‘знать’, فرصت کردن *forsat kardan* ‘находить возможность’, ‘удаваться’, صلاح دانستن *salāh dānestan* ‘считать целесообразным’ и т.д. Сочетание этих глаголов с временными формами сослагательного наклонения основного глагола образует нечленимое в синтаксическом отношении сложное глагольное сказуемое.

3) Сказуемое с формами глагола بایستن *bāyestan* ‘долженствовать’

В современном персидском языке, как говорилось ранее, встречаются шесть форм глагола بایستن *bāyestan* — باید *bāyad*, بایست *bāyest*, بایستی *bāyesti*, می باید *mibāyad*, می بایستی *mibāyesti*, می بایست *mibāyest*. Сочетаясь со смысловым глаголом, они требуют постановки основного глагола в одной из временных форм сослагательного наклонения. Наиболее употребительные формы в современном языке —

بايد *bāyad* и بايستی *bāyesti*: بايستی به ديوار و رو به من وايستی *Bāyad pošt be divār va ru be man vā-isti* ‘Ты должен стоять спиной к стене и лицом ко мне’ (Аляви. Крестьянин-гиляк); تدريجاً احساس کردم که بايد در باره اش قضاوت کنم *Tadrijan ehsās kardam-ke bāyad dar bāre-aš qazāvat konam* ‘Постепенно я почувствовал, что должен высказать о ней свое мнение’ (Аляви. Ее глаза).

Глагольные формы بايد *bāyad*, بايستی *bāyesti*, сочетаясь с формами прошедшего длительного времени основного глагола, приобретают значение прошедшего времени: من بايد جواب می دادم *Man bāyad javāb midādam* ‘Я должен был отвечать’.

Формы глагола بايستن *bāyestan* имеют ряд синонимов, которые в составе сложного сказуемого обозначают близкие к долженствованию оттенки значений: مجبور بودن *majbur budan* ‘быть вынужденным’, وادار شدن *vādār šodan* ‘становиться вынужденным’, موظف بودن *movazzaf budan* ‘быть обязанным’, واجب شدن *vājeb šodan* ‘становиться обязательным’, مأمور شدن *ma'mur šodan* ‘становиться уполномоченным’, ‘уполномочиваться’ и т.д. Характер употребления этих синонимов с основным глаголом такой же, как и форм глагола بايستن *bāyestan*.

2. Сказуемое — глагольное сочетание направительно-целевого характера

Глаголы движения и положения в пространстве, включая глаголы состояния, при необходимости сочетаются с основным глаголом в форме одного из времен сослагательного наклонения (чаще с формой аориста) и образуют сложное сказуемое направительно-целевого характера. По структуре это сказуемое ничем не отличается от сказуемого «модальный глагол плюс сослагательное наклонение основного глагола».

В качестве глаголов для образования сказуемого направительно-целевого характера используются глаголы رفتن *raftan* ‘идти’, آمدن *āmadan* ‘приходить’, برگشتن *bar-gaštan* ‘возвращаться’, دویدن *davidan* ‘бежать’, وارد شدن *vāred šodan* ‘прибывать’, ‘входить’, ایستادن *istādan* ‘стоять’, ‘останавливаться’, پا شدن *pā šodan* ‘подниматься’, ‘вставать’, بلند شدن *boland šodan* ‘подниматься’, سر زدن *sar zadan* ‘заходить ненадолго’, ‘заглядывать’ и др.: خسته و کوفته بلند شدم بروم *Xaste va kufte boland šodam beravam* ‘Усталая и измученная, я поднялась, чтобы уйти’ (Аляви. Ее глаза); صاحب خانه دويد جایش را نشان بدهد *Sāheb-xāne david jā-yaš-rā nešān bedehad* ‘Хозяин дома побежал показывать ему место’. При одном глаголе движения могут быть употреблены два и даже три смысловых глагола в форме аориста: رفت درشکه اش را *Raft doroške-aš-rā begozārad va bar-gardad* ‘Он пошел поставить свой экипаж и вернуться’.

В связи с рассмотрением сложных сказуемых модально-целевого и направительно-целевого характера возникает вопрос разграничения простого и сложного предложений.

3. Отграничение сложного глагольного сказуемого от сложноподчиненного предложения

В составе сложноподчиненного предложения подчинительный союз که *ke* часто может опускаться, и тогда возникает вопрос, является ли придаточное предложение частью сложного глагольного сказуемого или самостоятельным предложением. Тем более что второй компонент, выступающий как сказуемое придаточного пред-

ложения или как второй компонент сложного глагольного сказуемого, стоит в форме одного из времен сослагательного наклонения. Рассмотренные выше разновидности сложного глагольных сказуемых позволяют сделать вывод, что если лица обеих личных форм совпадают, то мы имеем дело не с главным и придаточным предложением, а с двумя компонентами одного сказуемого. Так, в предложении *می خواهم کار کنم* *Mixāham beguyam-ke hālā nemitavānam kār konam* 'Я хочу сказать, что сейчас не могу работать' первая часть, являющаяся главным предложением, представлена сложного глагольным сказуемым, вторая часть, вводимая союзом *که ke*, — придаточное дополнительное предложение, представленная также сложного глагольным сказуемым и обстоятельством времени *حالا hālā* 'сейчас'.

Нередко между модальным глаголом (или его эквивалентом) и основным глаголом в форме аориста может быть употреблен союз *که ke*: *پدرم علاقمند نیست که به تهران برگردد* *Pedar-am alāqemand nist-ke be Tehrān bar-gardad* 'Мой отец не намерен возвращаться в Тегеран' (Аляви. Ее глаза). Наличие союза *که ke* дает основание отнести данное предложение к сложноподчиненным. Однако анализ предложения показывает, что наличие или отсутствие союза не может служить критерием для отграничения простого предложения от сложного. Таким образом, это предложение следует считать простым. Союз *که ke* можно опустить без изменения смысла всего высказывания. Нередки случаи, когда союз отсутствует в сложном предложении.

Введение союза в некоторых случаях вообще невозможно, ибо его употребление будет выглядеть как нарушение грамматической нормы. Например, в предложениях *می خواهم بگویم* *Mixāham beguyam* 'Хочу сказать'; *می تواند برود* *Mitavānad beravad* 'Он может идти'; *مجبورم بنویسم* *Majbur-am benevisam* 'Я вынужден написать'; *دوست دارم شب گردش کنم* *Dust dāram šab gardeš konam* 'Я люблю вечером гулять' между модальными и основными глаголами не употребляют союз *که ke*. Такие предложения являются простыми со сложным глагольным сказуемым.

Для того чтобы глагольные компоненты выступали как составные части сложного сказуемого, между ними должна устанавливаться не только связь в лицах (употребляются в одном лице), но и определенная семантико-грамматическая связь, когда второй компонент ставится в одной из временных форм сослагательного наклонения (чаще всего — в форме аориста).

او آنقدر خسته شده بود که نمی توانست چیزی حکایت کند *U ānqadr xaste šode bud-ke nemitavānest čiz-i hekāyat konad* 'Он настолько устал, что не мог ничего рассказать' — приведенное предложение представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным образа действия; сказуемые главного и придаточного предложений представлены независимыми формами глаголов.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что в тех случаях, когда оба глагола относятся к разным субъектам (независимо от того, наличествует или отсутствует союз), мы всегда имеем дело со сложноподчиненным предложением.

Итак, наиболее важными критериями для выделения сложного сказуемого являются семантическая неделимость глагольного сочетания и наличие общего субъекта для первой и второй частей. Не случайно семантико-синтаксическое сближение глаголов ведет к утрате союза. Однако при разграничении сложных глагольных сказуемых и сложноподчиненных предложений не исключены спорные случаи.

4. Сказуемое — глагольное сочетание с субъектным инфинитивом

Субъектным инфинитивом принято называть такой приглагольный инфинитив, который относится к тому же субъекту действия, что и подчиняющий глагол; в предложении он выступает как часть сложного глагольного сказуемого.

В персидском языке субъектный инфинитив встречается только при глаголах, обозначающих начало действия: *بنا کرد لرزیدن و فریاد کردن* *Banā kard larzidan-o faryād kardan* 'Он начал дрожать и кричать'; *شروع کرد با من از کمی حقوق و سنگینی کار صحبت کردن* *Šoru' kard bā man az kami-ye hoquq va sangini-ye kār sohbat kardan* 'Он начал говорить со мной о нехватке зарплаты и трудностях работы'.

Семантическим центром рассмотренных предложений служит инфинитив, передающий реальное действие субъекта. Первый компонент (глагол, обозначающий начало) определяет лишь характер протекания действия, заключенного в инфинитиве.

Глагол *شروع کردن šoru' kardan* 'начинать' способен образовывать разные формы сочетания с инфинитивом: последний может располагаться постпозитивно по отношению к *شروع کردن šoru' kardan*, связываться с ним с помощью предлога *به be*, находиться в препозиции, получая послелог *را -rā*. Ср. следующие предложения: *شروع کرد نوشتن* *Šoru' kard neveštan* 'Он начал писать'; *شروع کرد به نوشتن* *Šoru' be neveštan kard*; *نوشتن را شروع کرد* *Neveštan-rā šoru' kard*; *شروع کرد به نوشتن* *Šoru' kard be neveštan*. С одной стороны, приведенные предложения сохраняют один смысл, но различаются выделением разных компонентов — компонент, находящийся впереди, обращает на себя внимание в первую очередь. С другой стороны, с синтаксической точки зрения употребление предлога *به be* и послелога *را -rā* с инфинитивом свидетельствует о его субстантивации и дает основание рассматривать его не как часть сложного сказуемого, а как самостоятельный член — дополнение при глаголе-сказуемом.

Все эти моменты необходимо учитывать при выделении особого типа сказуемого с субъектным инфинитивом.

Известно, что в языке классического периода субъектный инфинитив использовался значительно шире: в текстах средневековой прозы и поэзии он регулярно употреблялся после модальных глаголов и их эквивалентов. В современном языке использование инфинитива сохранилось только при глаголах *شروع کردن šoru' kardan* и *بنا کردن banā kardan*, выражающих начало действия, а употребление инфинитива после модальных глаголов можно встретить в поэзии.

Глагол *گرفتن gereftan* также может сочетаться с субъектным инфинитивом некоторых глаголов для выражения начала действия, но такие сказуемые имеют иное построение: *باریدن گرفتن* *bāridan gereftan* 'начинать идти, лить' (о дожде, снеге и т.д.), *وزیدن گرفتن* *vazidan gereftan* 'начинать дуть', *روییدن گرفتن* *ruyidan gereftan* 'начинать расти', *شکفتن گرفتن* *šekoftan gereftan* 'начинать распускаться, расцветать', *تپیدن گرفتن* *tapidan gereftan* 'начинать биться, пульсировать' (о сердце), *درخشیدن گرفتن* *daraxšidan gereftan* 'засверкать', 'заблестеть' и др. Л.С.Пейсиков отмечает возможность сочетания *گرفتن gereftan* с отдельными сложными глаголами: *فحش دادن گرفتن* *fohš dādan gereftan*, *دشنام دادن گرفتن* *došnām dādan gereftan* 'начинать ругаться' [Пейсиков 1959, с. 321]. Глагол *گرفتن gereftan* сочетается с инфинитивом сравнительно небольшого числа глаголов и употребляется в форме 3-го лица

ед. числа простого прошедшего времени: *ابری تولید شد و روی زمین باریدن گرفت* *Abri-i towlid šod va ru-ye zamin bāridan gereft* ‘Появилась туча, и на землю полил дождь’ (Хедаят. Распутство); *نسیم خنکی وزیدن گرفت* *Nasim-e xonok-i vazidan gereft* ‘Подул холодный ветерок’.

Глагол گرفتن *gereftan* в составе сложного сказуемого утрачивает свои основные лексические значения — ‘брать’, ‘получать’ — и приобретает служебное значение для обозначения начала действия. Случаи употребления глагола گرفتن *gereftan* в этом значении встречаются в раннем новоперсидском языке и в языке классической персидской литературы.

4.2. Именное сказуемое

Сказуемое, в котором основное, вещественное значение выражается именной частью, а грамматическое (обозначение времени, лица, числа и наклонения) — глаголом-связкой, принято называть именным. Поскольку в персидском языке глагол (в том числе и глагол-связка) присутствует в большинстве предложений и помещается в конце, такие предложения называют также связочными.

Именная часть, называемая предикативом, предикативным, присвязочным членом, является семантическим центром сочетания и выражается существительным, прилагательным, местоимением, числительным, инфинитивом, причастием.

В персидском языке имена обычно не выступают в функции сказуемого без связки. Однако эта общая закономерность может нарушаться некоторыми случаями усечения (и даже пропуска) глагольной связки в разговорной речи, в пословицах и поговорках, крылатых выражениях: *به لقمان حکمت آموزی چه حاجت؟* *Be Loqmān hekmatātmuzi ċe hājat?* ‘Какая необходимость учить Логмана мудрости?’; *ملا شدن* *Mollā šodan āsān, ādam šodan moškel* ‘Муллоу стать легко, человеком — трудно’; *از گل بویی، از خرس مویی* *Az gol bu-yi, az xers mu-yi* ‘С паршивой овцы хоть шерсти клок’ (букв. ‘С цветка — запах, от медведя — хоть волосок’). Приведенные пословицы и поговорки звучали бы невыразительно и неритмично, если бы они произносились со связками.

В разговорном языке нередко наблюдается пропуск глагола-связки: *حالتان چطور؟* *Hāl-etān ċetowr?* ‘Как вы себя чувствуете?’; *من حاضر* *Man hāzer* ‘Я готов’.

Связка обычно отсутствует после вопросительного наречия *کو؟* *ku?* ‘где?’: *احمد کو؟* *Ahmad ku?* ‘Где Ахмад?’; *استکان کو؟* *Estekān ku?* ‘Где стакан?’.

Даже в письменном языке связка может иногда опускаться по стилистическим соображениям, а часто употребляется в сокращенной форме: *مسئله روشنه* *Mas’ale rowšan-e* ‘Вопрос ясен’; *هر کس به فکر خویشه، کوسه به فکر ریشه* *Har kas be fekr-e xiš-e, kuse be fekr-e riš-e* ‘У кого что болит — тот о том и говорит’ (букв. ‘Каждый думает о себе, а человек с реденькой бородкой — о настоящей бороде’).

Пропуск связки не вызван результатом какой-то перестройки способов выражения сказуемости, а объясняется стремлением говорящих и пишущих к лаконичности, выразительности и эмоциональности речи. Тем не менее связочный способ выражения именного сказуемого в современном языке остается главнейшим.

Существительные, прилагательные, местоимения и другие части речи, как правило, выступают в функции сказуемого со связкой, иначе бы они не выражали предикативности.

Семантически именованное сказуемое отличается от глагольного тем, что выражает некий именной признак подлежащего. Благодаря связочному глаголу именной качественный признак подлежащего более конкретен, чем признак, выраженный определением: он связан с представлением о времени, модальности и других грамматических категориях, поэтому характер его существования выявляется более четко.

В связи с характеристикой именованного сказуемого необходимо отличать его от внешне совпадающей с ним аналитической формы глагола. Дело в том, что краткие формы глагола-связки *است ast*, глагол *بودن budan* и глагол *شدن šodan* употребляются как связочные глаголы в составе именованного сказуемого и как вспомогательные глаголы в составе аналитических форм. Поэтому необходимо различать эти глаголы при выполнении ими различных служебных функций.

Служебный глагол аналитической формы полностью грамматизован, в связи с чем он утратил свое лексическое значение. Аналитическая форма представляет собой цельное, неразложимое морфологизованное словосочетание. Его компоненты не могут получать отдельного синтаксического распространения. Например, в предложении *او خوب گفته است U xub gofte-ast* 'Он хорошо сказал' обстоятельство образа действия *خوب xub* относится ко всему словосочетанию.

Связочные глаголы грамматизованы в меньшей степени и сохраняют более или менее отвлеченные лексические и модально-временные значения. Так, *بودن budan* 'быть' означает пребывание в данном состоянии, *شدن šodan* 'становиться' — переход в новое состояние. Сочетание «предикатив плюс связка» — синтаксическое сочетание, в котором сохраняется грамматическая выделимость его частей. Каждая из них может получать свое синтаксическое распространение. Например, в предложении *او خیلی خوشبخت است U xeyli xošbaxst ast* 'Он очень счастлив' слово *خیلی xeyli* относится только к предикативу *خوشبخت xošbaxst*. А в предложении *او سابقاً بود خوشبخت U sābeqan xošbaxst bud* 'Он прежде был счастлив' обстоятельство времени *سابقاً sābeqan* 'раньше', 'прежде' соотносено со связкой *بود bud*.

Служебный глагол аналитической конструкции не может быть заменен каким-либо другим синонимичным глаголом. Нельзя, например, вместо *او گفته است U gofte-ast* сказать *او گفته می باشد *U. gofte mibāšad*. Служебный глагол именованного сказуемого, наоборот, может быть заменен любым эквивалентным глаголом: ср. *او خوشبخت است xošbaxst ast*, *او گفته می باشد xošbaxst mibāšad*, *او خوشبخت می شود xošbaxst mišavad*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что необходимо строго отграничивать понятия «вспомогательный глагол» и «связочный глагол». Вспомогательный глагол — часть аналитической формы, связочный глагол — служебный компонент именованного сказуемого.

1. Связочные глаголы и их эквиваленты

К связочным глаголам относятся такие служебные глаголы, которые свободно сочетаются с предикативами, образуя именованное сказуемое. Они выражают отвлеченное значение; к ним относятся глагол-связка *هست hast* (и его краткие формы)

‘есть’, глагол بودن *budan* ‘быть’. Связочные глаголы свободно сочетаются с любым предикативом, что создает возможность замены одного связочного глагола другим. Глагол شدن *šodan* ‘становиться’ несколько отличается от названных глаголов наличием — хотя и отвлеченного — лексического значения, связанного с проявлением признака: ср. او دانشجو است *U dānešju ast* ‘Он — студент’ и او دانشجو شد *U dānešju šod* ‘Он стал студентом’. В современном персидском языке употребляются два синонима этого глагола — گشتن *gaštan* и گردیدن *gardidan*. Глагол شدن *šodan* и его синонимы в силу особого лексического значения, которое они выражают, могут быть в какой-то степени отнесены к полусвязочным глаголам. Употребление двух синонимов глагола شدن *šodan* носит книжный характер.

К перечисленным разновидностям связочных глаголов примыкает ряд глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний, образующих многочисленные семантические варианты именного сказуемого: به نظر رسیدن *be nazar rasidan* ‘казаться’, کردن جلوه *jelve kardan* ‘представляться’, ‘выглядеть’, به شمار رفتن *be šomār raftan*, شدن محسوب *mahsub šodan* ‘считаться’, نمودن *nemudan* ‘казаться’, ماندن *māndan* ‘оставаться’, درآمدن *dar-āmadan* ‘получаться’, ‘выходить’, ‘появляться’ и др. Эти глаголы и глагольные словосочетания объединяются со связочными глаголами в функциональном отношении. Обладая более конкретной семантикой, они вступают в сочетание с ограниченным числом предикативных членов, и поэтому сфера их употребления значительно уже сферы употребления других связочных глаголов. Например, глаголы کردن جلوه *jelve kardan*, نمودن *nemudan* ‘казаться’ сочетаются с ограниченным числом прилагательных, адъективированных причастий: این موضوع ساده جلوه می کند *In mowzu’ sāde jelve mikonad* ‘Этот вопрос кажется простым’; او بسیار جوان می نماید *U besyār javān minemāyad* ‘Он выглядит очень молодо’. С существительными и местоимениями глаголы подобного рода не объединяются в сказуемые.

При определении синтаксической функции связочных и полусвязочных глаголов необходимо иметь в виду, что все они, выступая в служебной функции, могут функционировать и в качестве самостоятельного сказуемого.

Именные сказуемые (как и глагольные) способны иметь более сложную форму, состоящую из модального глагола, предикатива и связочного глагола: می خواهم متخصص خوبی بشوم *Mixāham motaxasses-e xub-i bešavam* ‘Я хочу стать хорошим специалистом’; بچه های شما هم باید مانند خودتان باشند *Baččehā-ye šomā-ham bāyad mānand-e xod-etān bāšand* ‘Ваши дети должны быть такими же, как вы’.

Коротко остановимся на характеристике употребления некоторых связочных и полусвязочных глаголов.

1) Глагол-связка هست *hast*

Глагольная связка هست *hast* (а также все ее полные, краткие и отрицательные формы) по сравнению с другими связочными глаголами обладает наибольшей степенью сочетаемости с предикативами: او بیمار است *U bimār ast* ‘Он болен’; آنها دانشجو هستند *Ānhā dānešju hastand* ‘Они — студенты’.

Сказуемое, в состав которого входят формы глагола-связки هست *hast*, указывает на наличие, существование признака или свойства, присущего подлежащему: من خودم مسلمانم اما متعصب نیستم *Man xod-am mosalmān-am ammā motaasseb nistam* ‘Я сам мусульманин, но не являюсь фанатиком’ (Хедаят. Хаджи-ага); بسیاری از

است *Besyāri az matāleb por az tanāqozast* ‘Большинство вопросов полно противоречий’ (Аляви. Ее глаза).

В 3-м. лице ед. числа встречаются две формы связок — краткая безударная *ast* и ударная *hast*. Последняя используется значительно реже, случаи ее употребления связаны с необходимостью выделить, подчеркнуть свойства или признаки, присущие подлежащему: *او تاجر است و غنی هم هست U tājer-ast va qani-ham hast* ‘Он — купец, да к тому же богатый’; *یارو همانقدر که خوش تعارف است بدفحش هم هست Yāru hamān qadr-ke xoštaārofast badfohš ham hast* ‘Дядька настолько вежлив и учтив, насколько и груб’ (Джамаль-задэ. Были и небылицы).

Глагол-связка *hast* может встречаться в составе одного сказуемого с причастием прошедшего времени глагола *بودن budan*. В этом случае связка *hast* подчеркивает, что подлежащему присущ тот или иной признак в данный момент: *او طرفدار رئیس جمهور بوده و هست U tarafdār-e ra 'is-e jomhur bude va hast* ‘Он был сторонником президента и остается таковым’.

2) Связочный глагол *بودن budan* ‘быть’

Этот глагол обладает широкой парадигмой спряжения, что позволяет именному сказуемому выражать разнообразные признаки подлежащего, связанные со значением каждой из морфологических форм глагола. Глагол *بودن budan* соединяет признак подлежащего с понятием настоящего времени изъявительного и сослагательного наклонений (формы *می باشد mibāšad* и *باشد bāšad*), прошедшего времени изъявительного и сослагательного наклонений (формы *بود bud*, *بوده bude-ast*, *باشد bāšad*), прошедшего длительного времени (форма *می بود mibud* и устаревшая *بودی hami bud*), будущего категорического времени (форма *خواهد بود xāhad bud*). Поскольку глагол *بودن budan* изменяется по лицам, он обладает возможностями передачи всех семантико-синтаксических значений сказуемого. Отсюда — неограниченная сочетаемость этого глагола с предикативами: *شوهرش جوان بود و خوشگل و بلندقد Šowhar-aš javān bud va xoşgel va bolandqadd* ‘Муж ее был молод, красив и высок ростом’ (Аляви. Счастливая женщина).

Л.С.Пейсиков отмечает, что форма настоящего времени сослагательного наклонения (например, *باشد bāšad*), выступая в качестве связки, как правило, указывает на настоящее время изъявительного наклонения: *شما کی باشید? Šomā ki bāšid?* ‘Кто вы?’ [Пейсиков 1959, с. 333].

Формы настоящего времени глагола *بودن budan* — *می باشم mibāšam*, *می باشی mibāši*, *می باشد mibāšad* и др. функционируют в письменном языке, в деловой и официальной переписке: *بهار فصل بیدار شدن طبیعت می باشد Bahār fast-e bidār šodan-e tabi'at mibāšad* ‘Весна — время пробуждения природы’. В разговорном языке эти формы не употребляются.

3) Связочный глагол *شدن šodan* и его синонимы *گردیدن gardidan* и *گشتن gaštan*

Глагол *شدن šodan* ‘становиться’, как и глагол *بودن budan*, обладает широкими возможностями выражать предикативные значения; он обладает более узким лексическим значением: приписывает подлежащему становление нового качественного признака: *تمام اتاق نورانی شد Tamām-e otaq nurāni šod* ‘Вся комната стала светлой’; *آسمان داشت سبز می شد Āsmān dāšt sabz mišod* ‘Небо становилось зеленым’.

Ввиду наличия лексического значения становления у глагола *شدن šodan* именное сказуемое с этим глаголом сближается с глагольным. Именно поэтому из всех

связочных глаголов только شدن *šodan* может сочетаться с вспомогательным глаголом داشتن *dāštan*, образуя сложную форму именного сказуемого (см. приведенный выше пример). Форма прошедшего длительного времени выражает медленное приобретение нового признака подлежащим, действие приобретает процессуальный характер, что свойственно как раз глагольному сказуемому.

Глагол شدن *šodan* имеет стилистические синонимы گردیدن *gardidan* и گشتن *gaštan* (вторичный и основной глаголы): زندگی او روز به روز سخت تر می گردید *Zendegiy-e u ruz be ruz saxttar migardid* 'Его жизнь с каждым днем становилась труднее'; ... هر دفعه ای که یکی از دوستانش ناامید می گشت... *Har daf'e-i-ke yeki az dustān-aš nāomid migašt...* 'Всякий раз, когда кто-нибудь из его друзей отчаивался...'

В составе именного сказуемого глаголы گردیدن *gardidan* и گشتن *gaštan*, как и شدن *šodan*, выражают становление признака. Но они не являются полными синонимами شدن *šodan*. Наблюдения показывают, что если глаголы گردیدن *gardidan* и گشتن *gaštan* в функции связочного глагола во всех случаях могут заменяться на شدن *šodan*, то замена شدن *šodan* на эти глаголы не является такой свободной по стилистическим причинам. Глаголы گردیدن *gardidan* и گشتن *gaštan* встречаются главным образом в письменной речи и в качестве связки употребляются с прилагательными.

4) Полусвязочные глаголы в составе именного сказуемого

Полусвязочные глаголы в зависимости от выражаемого ими значения могут быть объединены в несколько групп.

Глаголы به شمار رفتن *be šomār raftan*, حساب شدن *hesāb šodan*, محسوب شدن *maḥsub šodan*, به حساب شمردن *be šomār āmadan*, شمردن *šomorde šodan*, به حساب آمدن *be hesāb āmadan* 'считаться' и их синонимы вносят некоторую неуверенность в общее значение именного сказуемого. В целом это значение может иметь модальную оценку выраженного в предикативе признака с точки зрения реальности / нереальности его осуществления: آنها اهالی اساسی کشور محسوب می شوند *Ānhā ahāli-ye asāsi-ye kešvar maḥsub mišavand* 'Они считаются коренным населением страны'; او یک پزشک کارآزموده به شمار می رود *U yek pezešk-e kārāzḡmude be šomār miravad* 'Он считается опытным врачом'. Замена полусвязочного глагола на глагол-связку است *ast* вносит в содержание предложения уверенность, полностью снимает сомнение: او پزشک کارآزموده است *U pezešk-e kārāzḡmude ast* 'Он опытный врач'.

Глаголы به نظر رسیدن *be nazar rasidan*, نمودن *nemudan* 'казаться', نمود کردن *nemud kardan*, جلوه کردن *jelve kardan*, جلوه گر شدن *jelvegar šodan* 'представляться', 'казаться' вносят значение реальности / нереальности протекания действия в общее значение именного сказуемого: مادرش خیلی متأثر به نظر می رسید *Mādar-aš xeyli motaasser be nazar mirasid* 'Его мать казалась очень расстроенной'; لقمه در دست دیگران بزرگ *Loqme dar dast-e digarān bozorg minemāyad* 'В чужих руках ломоть кажется огромным'; همه چیز در نظرم جالب و باسلیقه می نمود *Hame čiz dar nazar-am jāleb va bāsaliqe minemud* 'Все мне казалось привлекательным и сделанным со вкусом' (Аляви. Ее глаза); حاجی نسبت به سنش خیلی جوانتر نمود می کرد *Hāji nesbat be senm-aš xeyli javāntar nemud mikard* 'Хаджи выглядел гораздо моложе своего возраста' (Хедаят. Хаджи-ага).

Глагол ماندن *māndan* 'оставаться' чаще всего используется в своем лексическом значении, а как полусвязочный глагол встречается не так часто. Ср., например, два

предложения: *او در منزل ماند U dar manzel mând* ‘Он остался дома’ и *کيسه بايد Kise bāyad dastnaxorde bemānād* ‘Мешок должен остаться нетронутым’. В первом предложении глагол *ماندن māndan* употреблен в своем лексическом значении, во втором — выступает в качестве полусвязочного глагола. А вот типичный случай употребления этого глагола в роли полусвязки: *همیشه مراقب است که ما مبادا گرسنه بمانيم Hamiše morāqeb ast-ke mā mabādā gorosne bemānim* ‘Она все время следит за тем, чтобы мы, не дай Бог, не остались голодными’ (Кейхан).

Глагол *درآمدن dar-āmadan* в раннем новоперсидском языке употреблялся в своем первоначальном лексическом значении — ‘входить’, ‘приходить’. Это значение сохранилось в современном языке дари Афганистана. В современном персидском языке у этого глагола развилось новое, антонимическое значение — ‘выходить’, ‘появляться’. Но наиболее часто этот глагол используется в переносном значении — ‘выходить’, ‘получаться’, ‘оказываться’: *حسابها غلط درآمد Hesābhā qalat dar-āmad* ‘Подсчеты оказались ошибочными’; *عکس شما بد درآمد Aks-e šomā bad dar-āmad* ‘Ваш снимок плохо получился’.

На базе переносного значения префиксального глагола *درآمدن dar-āmadan*, видимо, образовался СГ *از آب درآمدن az āb dar-āmadan* ‘выходить’, ‘получаться’, ‘оказываться’: *تازه یکی از آنها خائن از آب درآمد Tāze yeki az ānhā xaen az āb dar-āmad* ‘Недавно один из них оказался предателем’ (Аляви. Предатель).

2. Предикативная часть и способы ее выражения

Анализ семантики и функций связочных глаголов, проведенный выше, еще не раскрывает содержание именных сказуемых. Основу семантики сказуемых составляет предикатив, выражающий именной признак подлежащего. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть типы предикативов, выяснить, какие части речи и словосочетания наиболее часто выступают в этой роли.

Предикатив-существительное может приписывать подлежащему некий именной признак, соотносить предмет-подлежащее с классом предметов, один предмет с другим, частное с общим, превращает один предмет в другой и т.д.: *من خودم مسلمانم Man xod-am mosalmān-am* ‘Я сам мусульманин’ (Хедаят. Хаджи-ага); *مرد لجوجيست اين آقا رجب Mard-e lajui-i-st in Āqā Rajab* ‘Упрямый мужчина этот Ага Раджаб’ (Аляви. Ее глаза).

Как известно, имя существительное обладает способностью выступать в категориальном, родовом значении. Поэтому форма ед. числа часто заменяет форму мн. числа. Предикатив-существительное, выступая самостоятельно, часто не согласуется в числе с подлежащим: *آنها دانشجو شدند Ānhā dānešju šodand* ‘Они стали студентами’. Однако при наличии у предикатива уточняющих слов или относящегося к нему придаточного определительного предложения это правило может нарушаться: *بهترین منقدین من اشخاصی بودند که برایشان شعرهایم را می خواندم Behtarin monaqqedin-e man ašxās-i budand-ke barā-yešān še 'rhā-yam-rā mixāndam* ‘Моими лучшими критиками были люди, которым я читал свои стихи’.

Если предикатив-существительное вводится предлогом *از az* или перед ним стоит прилагательное в превосходной степени с изафетом, то это существительное всегда ставится во мн. числе. Сюда относятся случаи, когда перед предикативом стоят сочетания *از یکی yeki az* ‘один из’, *از بعضی ba'zi az*, *از برخی barxi az* ‘некото-

рые из' и др.: *وی از روحانیون بود Vey az ruhāniyūn bud* 'Он был из духовных лиц'; *احمد یکی از تشکیل دهندگان این انجمن بود Ahmad yeki az taškildehandegān-e in anjoman bud* 'Ахмад был одним из создателей этого общества'; *او خوشگلترین دختران است U xošgeltarin-e doxtarān ast* 'Она самая красивая девушка'.

Особое внимание следует обратить на возможность сочетания предикатива с различными предлогами. Дело в том, что образующиеся предложно-именные сочетания бывают разными по своей устойчивости и синтаксическому характеру: образуются как свободные, так и фразеологические словосочетания, различия между которыми не всегда удается четко установить. При этом сочетания предлогов *با bā*, *بی bi*, *بر bar* с существительными в ряде случаев подвергаются лексикализации и образуют другую часть речи — прилагательное, наречие. В этом случае возникают новые затруднения по отграничению предложно-именного предикатива от предикатива, выраженного прилагательным.

Предложно-именные предикативы обычно сочетаются со связочными глаголами, обозначающими бытие, существование: *اوضاع در تغییر است Owzā' dar taqyir ast* 'Обстановка меняется'; *ابرهای خاکستری در حرکت بود Abrhā-ye xākestari dar harakat bud* 'Серые тучи находились в движении' (Аляви. Крестьянин-гиляк); *جان عزیزانمان در خطر جدی است Jān-e azizān-emān dar xatar-e jeddi-st* 'Жизнь наших близких находится в серьезной опасности'; *گیله مرد فقط در این فکر بود که چگونه بگیرد Gilemard faqat dar in fekr bud-ke čegune begorizad* 'Крестьянин-гиляк думал лишь о том, как убежать' (Аляви. Крестьянин-гиляк).

В то же время встречаются сочетания предлогов *در dar*, *به be* с существительными, которые по характеру своего функционирования и слитности между компонентами приближаются к сложным глаголам: *در (به) فکر بودن dar (be) fekr budan* 'думать', 'размышлять', *در خواب بودن dar xāb budan* 'спать'. К упомянутым словосочетаниям приближаются устойчивые словосочетания с постоянной рамкой: *بودن در فکر کسی (چیزی) budan dar fekr-r kas-i (čiz-i) budan* 'думать, заботиться о ком/чем-л.', *بودن در انتظار کسی (چیزی) budan dar entezār-e kas-i (čiz-i) budan* 'ожидать кого/чего-л.', *بودن در صد کار کردن budan dar sadad-e kār-i budan* 'намереваться что-л. сделать'.

Л.С.Пейсиков считает, что эллипсис предлога в именном сказуемом с предлогом *در dar* ведет к образованию новых типов сложных глаголов и к превращению именного сказуемого в глагольное. Так, вместо сочетания *در خواب است dar xāb ast* 'пребывает во сне', *در حبس است dar habs ast* 'пребывает в заключении' образуется сочетание *خواب است xāb ast* 'спит', *حبس است habs ast* 'арестован': *هنوز او خواب است Hanuz u xāb ast* 'Он еще спит' (Хедаят. Водоворот); *بیچاره حالا به اتهام قاچاق بیچاره حالا به اتهام قاچاق بیچاره حالا به اتهام قاچاق Hanuz u xāb ast* 'Он еще спит' (Хедаят. Водоворот); *بیچاره حالا به اتهام قاچاق بیچاره حالا به اتهام قاچاق بیچاره حالا به اتهام قاچاق Hanuz u xāb ast* 'сейчас бедняга арестован по обвинению в контрабанде опиума' (Аляви. Оловянный солдатик) [Пейсиков 1959, с. 350].

Сочетания предлога *با bā* с существительным выражают в составе именного сказуемого принадлежность и качественную характеристику: *حق تصحیح با مؤلف است Haqq-e tashih bā moallef ast* 'Право редактирования принадлежит автору'; *مسئولیت این کار با اوست Mas'uliyat-e in kār bā u-st* 'Ответственность за это дело лежит на нем'.

Во многих случаях предлог *با bā* в сочетании с существительными превратился в префикс, образующий прилагательные: *باسواد bāsavād* 'грамотный', *باوفا bāvafā*

‘преданный’, ‘верный’, *باخبر bāxabar* ‘сведущий’ и др. В составе именного сказуемого эти прилагательные выступают как единый предикатив, выражающий качества, признаки подлежащего. Однако не во всех случаях обнаруживается полное сращение предлога с существительным.

В составе именных сказуемых предикативы сочетаются и с другими предлогами, которые вносят различные оттенки и значения: *از az* ‘от’, ‘из’, *برای barāye* ‘для’, *چون čon* ‘как’, ‘подобно’, ... *مثل mesl-e*, ... *مانند mānand-e*, ... *نظیر nazir-e* ‘как’, ‘подобно’ и т.д.

Предикатив-прилагательное дает возможность выразить всестороннюю качественную характеристику подлежащего: *بود و گندمگون بالا، لاغر و خانم بلندبالا، Abjixānom bolandbālā, lāqar va gandomgun bud* ‘Абджи-ханом была высокой, худой и смуглой’ (Хедаят. Абджи-ханом).

Предикатив может быть представлен сравнительной степенью прилагательного: *خود تو از این بدتری Hod-e to az in badtar-i* ‘Ты сам хуже этого’ (Аляви. Крестьянин-гиляк); *گاهی زوزه باد خفیف تر می شد Gāhi zuze-ye bād xafīstar mišod* ‘Временами завывание ветра становилось все слабее’ (Аляви. Крестьянин-гиляк); *او بدتر و بدگلتر U badtar va badgeltar az Dās Ākol bud* ‘Он был хуже и уродливее Даш Аколя’ (Хедаят. Даш Аколь).

Превосходная степень прилагательных самостоятельно не выступает в роли предикатива. Она может быть лишь частью такого именного сказуемого, которое имеет выделительное значение. В этих случаях она соединяется с существительным во мн. числе, образуя с ним синтаксически неделимое словосочетание (см. приведенные выше примеры).

Предикатив, выраженный прилагательными, может иметь при себе распространяющие слова, чаще всего различные обстоятельства меры и степени: *خیلی xeyli*, *بسیار besyār* ‘очень’, *بمراتب bemarāteb* ‘гораздо’, *بی اندازه biandāze* ‘безмерно’, ‘непомерно’, *سه برابر se barābar* ‘в три раза’, ‘втрое’ и др.: *صورتش خیلی زیبا بود Surat-aš xeyli zibā bud* ‘Ее лицо было очень красивым’; *صادرات کشور طی یک سال دو برابر زیادتر Sāderāt-e kešvar tey-ye yek sāl do barābar ziyādtar šode-ast* ‘Экспорт страны в течение одного года увеличился вдвое’.

В качестве распространяющего члена прилагательного могут выступать существительные, причастия, присоединяемые к нему при помощи изафета или предлогов: *بود زیرسیگاری پر از ته سیگار Zirsigāri por az tahsigār bud* ‘Пепельница была полна окурков’ (Аляви. Ее глаза); *ما آماده حرکت بودیم Mā āmāde-ye harakat budim* ‘Мы были готовы к отъезду’; *اتاق سوم مملو از کتاب و تابلو بود Otāq-e sevvom mamlov az ketāb va tāblo bud* ‘Третья комната была заполнена книгами и картинами’ (Аляви. Ее глаза).

В функции предикатива широко используются различные персидские причастия: причастия настоящего времени (формы на *-ande*, *-ā*, *-ān*), прошедшего времени (форма на *-e*), причастие долженствования (форма на *-i*). При характеристике этих отглагольных образований в «Грамматике» уже были подробно рассмотрены их глагольные, субстантивные и адъективные свойства. Несмотря на противоречивые и двойственные свойства этих отглагольных образований, было решено рассматривать их не по частям речи, а среди неличных форм глагола.

В качестве предикативов эти отглагольные формы выступают так же, как и те именные формы, которым они соответствуют по своим грамматическим и лексико-

семантическим свойствам. Поскольку выше были рассмотрены случаи употребления существительных и прилагательных в функции предикатива именного сказуемого, то можно было бы не рассматривать эти отглагольные образования в данной функции. Исключение составляют причастия прошедшего времени, поскольку они в наибольшей степени обладают глагольными свойствами.

Причастие прошедшего времени, выступая в функции предикатива, приписывает подлежащему качественный признак, связанный с действием, проявляющимся во времени. Значение причастного сказуемого часто колеблется ввиду наличия в персидском языке сложных взаимоотношений причастия с глаголом, с одной стороны, и причастия с прилагательным — с другой. Ввиду того что сочетание служебного глагола с причастием может образовать аналитическую форму, а многие причастия прошедшего времени перешли в прилагательные и существительные, бывает трудно отличить причастное сказуемое от глагольного или именного, выраженного прилагательным.

Причастные сказуемые нередко имеют при себе распространяющие слова, присоединяемые предлогами или изафетом: *اسمان پوشیده از ابر بود* *Āsmān pušide az abr bud* 'Небо было покрыто тучами' (Аляви. Ее глаза); *او دلباختهٔ مرجان بود* *U delbāxte-ye Marjān bud* 'Он влюбился в Марджан' (Хедаят. Даш Аколь). В именных сказуемых употреблены причастные формы *پوشیده pušide* 'покрытый' (от гл. *پوشیدن pušidan* 'покрывать') и *دلباخته delbāxte* 'влюбленный' (от СГ *دل باختن del bāxtan* 'влюбляться'), которые сочетаются с зависимыми словами с помощью предлога *از az* и изафетного показателя.

В функции предикатива именного сказуемого могут выступать также причастия арабского происхождения. Заимствованные в персидский язык в разные периоды после захвата Ирана арабами в VII в., они подверглись сложной трансформации на чужой языковой почве. В персидском языке происходят те же процессы адъективации арабских причастий, которые происходили и происходят внутри самого арабского языка.

Выделяя три группы причастий арабского происхождения, Л.С.Пейсиков считает, что только причастия третьей группы, выступающие как самостоятельные слова и проявляющие ярко выраженные глагольно-адъективные свойства, могут, как и персидские причастия прошедшего времени, использоваться в качестве предикативов именного сказуемого [Пейсиков 1959, с. 364]. К ним относятся: *حامل hāmel* 'несущий', *مربوط marbut* 'связанный', 'относящийся', *حاضر hāzer* 'присутствующий', 'готовый', *محروم mahrum* 'лишенный', *مجهز mojahhaz* 'оснащенный' и др. Такие слова могут образовывать адъективно-причастные изафетные и предложные обороты и выступать в качестве предикативов сложного именного сказуемого: *باشگاه های ورزشی مجهز به تمام وسایل لازمه می باشند* *Bāšgāhā-ye varzeši mojahhaz be tamām-e vaṣāyel-e lāzeme mi bāšand* 'Спортивные клубы оснащены всеми необходимыми средствами'; *بعضی ملخها اساساً از بال محروم اند* *Ba'zi malaxhā asāsan az bāl mahrum and* 'Некоторые виды саранчи совершенно лишены крыльев'; *عواطف پاک من حاکی بود* *Avātef-e pāk-e man hāki az axodgozaštegi bud* 'Мои чистые побуждения свидетельствовали о самоотверженности' (Аляви. Ее глаза).

Инфинитив глагола, подобно существительным со значением действия, может выступать в роли предикатива именного сказуемого. Инфинитивное сказуемое ни-

чем не отличается от именного, однако двойственность значения инфинитива, проявляющаяся в его глагольных и именных свойствах, обнаруживается и в этой функции: *بود خوردن عرق بود و خوردن عرق بود و خورده افور و کشیدن آنها Tanhā tafrih-e ānhā kešidan-e vāfur va xordan-e araq bud* ‘Единственным их развлечением было курение опиума и употребление спиртного’ (Хедаят. Живая вода); *بود قصدم فریب دادن او نبود Qasd-am farib dādan-e u nabud* ‘Моим намерением не было его обмануть’ (Аляви. Ее глаза). Именные свойства инфинитива проявляются довольно отчетливо, так что почти во всех случаях он может быть заменен в этой функции на существительное с таким же значением. Кроме того, инфинитив может быть употреблен как однородный член предложения в паре с именем существительным, будучи объединен с ним сочинительным союзом и *va*: *و بی اعتنایی و غالباً علت عدم موفقیت در تربیت خانوادگی فراموش کردن و بی اعتنایی va: Qāleban ellat-e adam-e movaffaqiyyat dar tarbiyat-e xānevādegī farāmuš kardan va bie'tenāyi be hamin joz'iyāt ast* ‘Большей частью причиной неуспеха семейного воспитания является забвение этих мелочей или невнимание к ним’.

Инфинитивное сказуемое является именным по форме и по способу выражения сказуемости. Отделять его от именного и рассматривать отдельно нет оснований, так как способ выражения сказуемости именами и инфинитивами одинаков.

В роли предикатива именного сказуемого могут выступать местоимения и числительные, но такие случаи встречаются нечасто. Кроме того, эти части речи не вносят ничего нового в структуру именного сказуемого по сравнению с уже рассмотренными именными частями речи: *...اوضاع اقتصادی کشور چنین است که... Owzā'-e eqtesādi-ye kešvar čenin ast-ke...* ‘Экономическое положение страны таково, что...’; *Avvali ostād bud, dovvtomi-ham man hastam, sevvtomi kist?* ‘Первым был художник, второй — я, кто же третий?’ (Аляви. Ее глаза); *روز تولد Haqq bā šomā-st* ‘Вы правы’ (Хедаят. Хаджи-ага); *Ruz-e tavallod-e xāhar-am šešom-e āvril ast* ‘День рождения моей сестры — шестое апреля’.

4.3. Глагольно-именное сказуемое

Сказуемое, состоящее из двух полнозначных частей — лексически полнозначных глагола и именной части, — принято называть глагольно-именным. Подлежащее получает характеристику с двух сторон: со стороны глагольной части и именной, — одновременно создающих предикативность предложения. Так, в предложении *ام در آن اتاق بیمار پرورده شده ام Dar ān otaq bimār parvarde šode-am* ‘В той комнате я выросла (букв. была выращена) больной’ (Аляви. Ее глаза) субъекту (имеется в виду местоимение 1-го лица ед. числа *man*) приписывается одновременно глагольный признак (*پرورده شده ام parvarde šode-am*) и атрибутивный (*بیمار bimār*).

В приведенном предложении предикативный атрибут может быть опущен, но предложение сохранится: *ام در آن اتاق پرورده شده ام Dar ān otaq parvarde šode-am* ‘Я выросла в той комнате’. Таким образом, опущение предикативного атрибута приводит не к утрате сказуемым самостоятельности, а к изменению смысла всего предложения.

Интересно сравнить употребление предикативного атрибута в глагольно-именном сказуемом: его место и его функции напоминают место и функции предикатива в именном сказуемом. Ср. следующие предложения: *است و سالم تندرست او* *U tandorost-o sālem ast* 'Он здоров' и *او از بیمارستان تندرست و سالم بیرون رفت* *U az bimārestān tandorost-o sālem birun raft* 'Он вышел из больницы здоровым'.

И в том и в другом предложении прилагательные *تندرست tandorost* и *سالم sālem* выражают качественное состояние подлежащего. В первом предложении качество приписывается посредством связки *است ast*, которая является лишь формальным показателем связи предикатива с подлежащим. Во втором предложении эти прилагательные связаны с подлежащим через полнозначный СГ *بیرون رفتن birun raftan* 'выходить' и вместе с ним характеризуют подлежащее.

Л.С.Пейсиков считает необходимым среди глагольно-именных сказуемых выделить два вида.

Первый вид характеризуется связями компонентов глагольно-именного сказуемого только с субъектом-подлежащим: *بروم شدم بلند و کوفته خسته* *Xaste-vo kufte boland šodam beravam* 'Усталая и разбитая, я поднялась, чтобы уйти' (Аляви. Ее глаза); *مادرم ابله به دنیا آمده* *Mādar-am ablah be donyā āmade* 'Моя мать родилась на свет глупой' (Аляви. Ее глаза). См. также рассмотренные выше примеры.

Второй вид глагольно-именного сказуемого отличается от первого тем, что он связан не только с подлежащим, но и с дополнением предложения (чаще всего прямым). При этом с дополнением связан предикативный атрибут: *پدرم مرا لوس بار آورده بود* *Pedar-am ma-rā lus bār āvarde bud* 'Мой отец вырастил меня избалованной' (Аляви. Ее глаза); *شکارچیها توانستند ببر را زنده بگیرند* *Šekārcīhā tavānestand babr-rā zende begirand* 'Охотникам удалось схватить тигра живым'. В приведенных примерах предикативные атрибуты *لوس lus* 'избалованный', 'капризный', *زنده zende* 'живой' выражают качественные признаки, свойства прямых дополнений. В роли предикативного атрибута может выступать словосочетание: *دکتر فرشیدورد در این ارتباط برخورد فرهنگی را امری طبیعی می شمارد* *Doktor Faršidvard dar in ertebāt barxord-e farhangi-rā amr-i tabi 'i mišomārad* 'Доктор Фаршидвард в этой связи контакты культуры считает делом естественным' (Кейхан).

В составе первого вида глагольно-именного сказуемого выступают непереходные глаголы: глаголы движения, состояния и некоторые другие — *آمدن āmadan* 'приходить', *برگشتن bar-gaštan* 'возвращаться', *ایستادن istādan* 'стоять', *خوابیدن xābidan* 'спать', *حرکت کردن harakat kardan* 'двигаться', *بلند شدن boland šodan* 'подниматься', *پایین آمدن pāyin āmadan* 'спускаться', *بیرون رفتن birun raftan* 'выходить', *شناخته شدن šenāxte šodan* 'быть узанным', 'узнаваться'.

Второй вид глагольно-именного сказуемого представлен переходными глаголами логического определения, называния, чувственного восприятия. Особенно часто встречаются следующие глаголы: *دیدن دیدan* 'видеть', *به شمار آوردن be šomār āvardan* 'включать в число', *احساس کردن ehsās kardan* 'чувствовать', *دانستن dānestan* 'считать', *دادن جلوه jelve dādan* 'показывать', 'представлять', *اعلام کردن e'lām kardan* 'объявлять', *تلقی کردن talaqqi kardan* 'воспринимать', 'встречать' и др., см. [Пейсиков 1959, с. 377].

4.4. Простое неглагольное (наречно-междометное) сказуемое

Известно, что главным признаком персидского предложения и различных видов сказуемого является их глагольность. Глагол в виде полнозначного слова выступает в функции сказуемого или, будучи связочным либо полусвязочным, объединяется с другими частями речи (главным образом — именными) и образует именное сказуемое.

Вместе с тем существует небольшое количество слов, которые могут выступать в роли сказуемого самостоятельно, без участия глагола. К таким словам относят вопросительное наречие *کُو ku?* ‘где?’ и несколько имен в звательной форме (с *الف ندا alef-e nedā* ‘алефом возгласа’, ‘звательным алефом’), выступающие часто как междометия.

В современном языке существуют два вопросительных наречия места — *کُو ku?* и *کجا? kojā?* ‘где?’. В отличие от *کجا kojā*, *کُو ku* никогда не выступает как обстоятельство места и всегда используется как предикативное вопросительное наречие, выполняя роль сказуемого двусоставного предложения: *برادرم کُو? Barādar-am ku?* ‘Где мой брат?’; *کلاهم کُو? Kolāh-am ku?* ‘Где моя шапка?’.

Довольно редко в роли сказуемого используются междометия со звательным алефом (в основном в поэтической речи). Л.С.Пейсиков приводит стихотворный отрывок Хафеза:

خوشا شیراز و وضع بی مثالش خداوندا نگه دار از زوالش
Xošā Šīrāz-o vaz'-e bimesāl-aš
Xodāvandā negah dār az zavāl-aš

‘Красив Шираза вид, и слава высока | Да сохранит его господняя рука’ [Пейсиков 1959, с. 380]. В этом примере междометие *خوشا xošā* ‘хорошо’, ‘прекрасно’ выступает как сказуемое по отношению к двум однородным подлежащим. Его можно было бы сравнить с именным сказуемым *خوش است xoš ast* ‘прекрасно’.

4.5. Сказуемое, выраженное синтаксической группой предикативного типа¹

Вопрос о такого рода конструкциях уже поднимался в «Грамматике» в связи с рассмотрением так называемых словосочетаний с местоименной связью слов. Было высказано мнение, что эти конструкции как словосочетание существовать не могут: они не построены на базе стержневого слова, принадлежащего к какой-либо одной части речи.

А.К.Арендс в работе «Краткий синтаксис современного персидского литературного языка» впервые высказал мнение, что предложение *اسب قيمتش گران است Asb qeymat-aš gerān ast* ‘Цена лошади высока’ (букв. ‘Лошадь — цена ее дорога’)

¹ Данный термин получил распространение в работах некоторых иранистов и используется в «Грамматике» только для того, чтобы читателю сразу стало ясно, о чем идет речь.

следует рассматривать как двусоставное, состоящее из подлежащего *اسب asb* 'лошадь' и сказуемого *گران است qeymat-aš gerān ast* 'цена ее дорога', названного им предикативной группой слов [Арендс 1941, с. 32].

Л.С.Пейсиков, анализируя сходный пример — *عمو زنش درگذشت Amu zan-aš dar-gozašt* 'Жена дяди умерла', приходит к выводу, что в этом предложении имеются два ярко выраженных состава, передающие основное предикативное отношение «носитель признака — признак». Подлежащим здесь выступает слово *عمو amu* 'дядя', а сказуемое выражено группой слов *زنش درگذشت zan-aš dar-gozašt* 'жена его умерла', напминающей по своему составу предложение [Пейсиков 1959, с. 381].

Таким образом, точки зрения двух авторов совпадают².

Приводимые в дальнейшем в работе Л.С.Пейсикова примеры показывают различные виды подлежащего-антецедента, имеющего зависимые слова и отдаленного непосредственно от предикативной группы, что по существу не меняет точку зрения автора на природу таких предложений.

Вместе с тем в современном персидском языке встречаются случаи, когда слово-антецедент, находящееся впереди, не является подлежащим, а выступает в роли прямого или косвенного дополнения. Поэтому предложенная выше схема — «подлежащее + сказуемое (выраженное предикативной группой слов)» — не подходит для анализа такого рода предложений. Так, в предложении *اقدس خانم را کس و کارش اقدس خانم را کس و کارش Aqdasxānom-rā kasokār-aš xošbaxt midānestand* 'Родные и знакомые считали Агдас-ханом счастливой' (Аляви. Счастливая женщина) антецедент — имя собственное *اقدس خانم Aqdasxānom* не является подлежащим, а выступает в роли прямого дополнения при переходном глагольно-именном сказуемом *خوشبخت می دانستند xošbaxt midānestand* 'считали счастливой'. Не является подлежащим антецедент и в другом предложении: *آقا کوجک را چقدر خرج تحصیلش را کردم! آقا کوجک را چقدر خرج تحصیلش را کردم! Aqākiček-rā čeqadr xarj-e tahsil-aš-rā kardam!* 'Сколько я потратил средств на образование сына!' (Хедаят. Хаджи-ага). Здесь имя-антецедент выступает в роли косвенного дополнения, а слитное местоимение, представляющее антецедент, употребляется в составе рамочной конструкции *خرج کردن xarj kardan* 'тратить' и присоединяется к вставочному компоненту *تحصیل tahsil* 'учение'.

Таким образом, выделение сказуемого, выраженного синтаксической группой предикативного типа, вызывает ряд возражений. Не в пользу такого членения двусоставных предложений свидетельствует и факт употребления антецедентов с субъектными безличными предложениями: *من ننگم می آید Man nang-am miāyad* 'Мне стыдно'; *او خوابش برد U xāb-aš bord* 'Он заснул'; *تو رحمت آمد To rahm-at āmad* 'Тебе стало жалко'; *من تشنه ام شد Man tešne-am šod* 'Мне захотелось пить' и т.д. В этих примерах употребление личных местоимений в начале безличных предложений имеет чисто стилистический характер — стремление экспрессивно выделить логический субъект. Эти местоимения легко могут быть опущены.

Отмечая точку зрения А.К.Арендса и Л.С.Пейсикова, рассматривающих данную конструкцию как сочетание подлежащего со сказуемым, выраженным предикативной группой слов, мы сочли необходимым ее подробно изложить.

² Автор «Грамматики», не разделяя изложенную выше точку зрения, считает целесообразным анализировать такого рода предложения с позиции актуального членения предложения и обособления второстепенных членов, о чем говорится ниже. Тем не менее, поскольку точка зрения двух авторов получила распространение среди иранистов, мы сочли необходимым ее подробно изложить.

кативной группой слов, считаем необходимым выдвинуть и другую точку зрения, согласно которой антецедент является не подлежащим, а обособленным членом, дающим возможность экспрессивно выделить логический субъект. Подробно она изложена во втором разделе, глава вторая, п. 4 «Способы синтаксического выделения второстепенных членов предложения».

Другой подход к такого рода предложениям, близкий к трактовке, основанной на обособлении антецедента, возможен и с точки зрения актуального членения предложения. В этом случае первый выделенный член рассматривается как тема, а следующая за ним синтаксическая группа предикативного типа — как рема. Такой подход позволяет производить актуальное членение на материале простого предложения (см. приведенные выше примеры) и приводимого ниже сложноподчиненного с придаточным определительным.

Оба предложения различаются между собой структурно и возможностью употребления в сложноподчиненном предложении личных местоимений, сочетающихся с предлогом или присоединяемых изафетом. Эти местоимения представляют в главном предложении антецедент, к которому относится определительное предложение. Так, в предложении *کلماتی که در زبان فارسی جا افتاده اند مثل کلمات عربی امکان معادلسازی برای آنها وجود ندارد* *Kalemāt-i-ke dar zabān-e fārsi jā oftāde-and mesl-e kalemāt-e arabi emkān-e moādel-sāzi barāye ānhā vojūd nadārad* ‘Для слов, которые прочно вошли в персидский язык, подобно арабским словам, не существует возможности для создания эквивалентов’ (Кейхан, № 15331) слово *کلمات kalemāt* ‘слова’ не является подлежащим главного предложения, а вместе с относящимся к нему придаточным определительным *که در زبان فارسی جا افتاده اند ke-dar zabān-e fārsi jā oftāde-and* ‘которые прочно вошли в персидский язык’ образуют тему. Грамматическим подлежащим предложения выступает слово *امکان emkān* ‘возможность’, предложно-местоименное сочетание *برای آنها barāye ānhā* представляет в главном предложении антецедент *کلمات kalemāt*, а оставшуюся часть главного предложения *امکان معادلسازی برای آنها وجود ندارد emkān-e moādel-sāzi barāye ānhā vojūd nadārad* ‘не существует возможности для создания эквивалентов’ следует рассматривать как рему этого сложноподчиненного предложения.

Аналогичную структуру с точки зрения формально-грамматического анализа и актуального членения представляет собой следующее предложение: *ولی کلماتی که تازه وارد زبان فارسی می شوند امکان معادلسازی برای آنها وجود دارد* *Vali kalemāt-i-ke tāze vāred-e zabān-e fārsi mišavand emkān-e moādel-sāzi barāye ānhā vojūd dārad* ‘Однако для слов, вновь входящих в персидский язык, имеется возможность создания эквивалентов’ (Кейхан, № 15331), которое следует после первого предложения и вытекает из него по смыслу.

Таким образом, предложения со сказуемым, выраженным предикативной синтаксической группой, могут быть подвергнуты анализу и с точки зрения актуального членения предложения.

4.6. Формы рамочной конструкции сказуемого

Во многих работах по грамматике персидского языка говорится о разобщенном положении лексических элементов, образующих сказуемое. В частности, А.К.Арендс отмечает возможность контактного и дистантного расположения частей сложного глагола [Арендс 1941, с. 38–39]; о двух видах рамочной конструкции сказуемого пишет Л.С.Пейсиков, указывая на то, что второстепенные члены предложения могут помещаться внутри сказуемого, разобщая его компоненты [Пейсиков 1959, с. 387]. И только иранские грамматисты почти совсем не обращают внимания на это интересное явление синтаксического использования персидского сложного глагола, на возможность образования рамочной конструкции некоторыми аналитическими формами времени.

В связи с возможностью образования рамки возникают вопросы: в каких формах сказуемого это происходит и какие второстепенные члены включаются в рамочную конструкцию? Какую роль образование рамочных конструкций играет в общей структуре предложения?

Рамочная конструкция — это дистантное построение группы сказуемого, при котором его компоненты находятся в разобщенном состоянии и между ними помещаются второстепенные члены, развивающие и уточняющие значение всего сказуемого в целом. Так, в дистантном положении могут находиться части сказуемого, выраженного формами настоящего и прошедшего конкретных времен глагола: *احمد دارد نامه می نویسد Ahmad dārad nāme minevisad* ‘Ахмад пишет письмо’; *مدیر مدرسه دارد در حیاط با شاگردان صحبت می کند Modir-e madrase dārad dar hayāt bā šāgerdān sohbat mikonad* ‘Директор школы разговаривает во дворе с учениками’; *وقتیکه برگشتم او داشت نامه می نوشت Vaqt-i-ke bargāštam u dāšt nāme minevešt* ‘Когда я возвратился, он писал письмо’. В приведенных примерах сказуемые выражены аналитическими формами глаголов — настоящим и прошедшим конкретными временами. Между частями этих аналитических форм — вспомогательными формами глагола داشتن *dāštan* ‘иметь’ и смысловыми глаголами — вклиниваются второстепенные члены предложения — прямое дополнение *نامه nāme* ‘письмо’, обстоятельство места *در حیاط dar hayāt* ‘во дворе’ и предложно-косвенное дополнение *با شاگردان bā šāgerdān* ‘с учениками’.

В этих примерах постановка второстепенных членов между вспомогательными формами глагола داشتن *dāštan* и смысловыми глаголами является наиболее типичной формой построения предложений. В случае необходимости привлечения большего внимания к второстепенным членам предложения, их выделения формы вспомогательного глагола داشتن *dāštan* ставятся непосредственно перед смысловыми глаголами, а второстепенные члены выносятся вперед.

Из всех аналитических временных форм глагола только временные формы с вспомогательным глаголом داشتن *dāštan* могут образовывать рамку. При этом рамочное построение при наличии второстепенных членов является нормой: *اداره سیاسی دارد او را فریب می دهد Edāre-ye siyāsi dārad u-rā farib midehad* ‘Политическое управление обманывает его’ (Аляви. Пятьдесят три человека); *موقعی که داشتم از اتاق خارج می شدم... Mowqe'-i-ke dāštam az otāq xārej mišodam...* ‘Когда я выходил из комнаты...’. В качестве вставочных компонентов в рамочную конструкцию

включаются: прямое и косвенное дополнение (с предлогом и без него), различные обстоятельства (места, причины, времени, цели). Как уже отмечалось, вынос второстепенного члена за пределы рамки в препозицию служит средством его логического выделения.

К совершенно иной разновидности относится рамка, образуемая глагольными фразеологизмами, которые также выступают в роли единого сказуемого предложения. Она отличается от предыдущих рамочных построений прежде всего в количественном отношении, так как глагольные фразеологические единицы, и особенно сложные глаголы, образуют рамочные конструкции весьма часто. Кроме того, с образованием рамочных конструкций глагольными фразеологизмами возникает ряд семантико-синтаксических проблем употребления сложных глаголов в форме рамочной и нерамочной конструкции, установления границ сказуемого в связи с отделением рамочных конструкций некоторых сложных глаголов от многочленных глагольных фразеологических единиц. Эти и другие проблемы (например, общая характеристика рамочной конструкции и ее разновидности, рамочная конструкция и структурно-семантическое единство фразеологической единицы, рамочная конструкция сложного глагола и вопросы образования многочленных глагольных фразеологизмов) рассматриваются в работе автора «Грамматики» [Рубинчик 1981, с. 173–192, 196–198].

Знание особенностей образования рамочных конструкций имеет огромное практическое значение, поскольку глагольные фразеологические единицы в зависимости от способности / неспособности образовывать рамку делятся на: 1) фразеологические единицы, не способные образовывать рамочную конструкцию; 2) фразеологические единицы, имеющие устойчивое построение в виде рамочной конструкции; 3) фразеологические единицы, употребляемые преимущественно в виде рамочной конструкции; 4) фразеологические единицы, имеющие приблизительно одинаковое употребление в форме рамки и нерамки.

Рассмотрим особенности образования рамочных конструкций на материале бинарных глагольных фразеологических единиц, называемых сложными глаголами.

Большинство сложных глаголов могут образовывать рамочные конструкции. Сложные глаголы, которые способны иметь не только контактное, но и дистантное положение компонентов, образуют факультативную рамочную конструкцию. Именно этот вид рамочной конструкции является объектом рассмотрения в грамматиках и грамматических исследованиях по персидскому языку, см. [Арендс 1941, с. 38–39; Пейсиков 1959, с. 390–393]. Анализ семантики сказуемых с рамкой сложных глаголов и их сопоставление со сказуемыми с нерамочной конструкцией показывают, что образование рамочной конструкции не ведет к изменению смысла сказуемого.

Косвенное дополнение или его группа, замыкаясь в рамку сложного глагола, связывается с именной частью предлогом, т.е. тем же самым предлогом, который стоял бы, если бы это дополнение находилось в препозиции по отношению к сказуемому: *Zan-e badbaxt dar barābar-e man eqrār be gonāhān mikard* 'Несчастливая женщина признавалась мне в своих грехах' (Аляви. Ее глаза).

При образовании рамочной конструкции сложного глагола предложное дополнение может переходить в косвенное дополнение, присоединяемое к именной части

изафетом. Ср., например, два предложения: *اسناد را به نماینده دولت تسلیم کرد* *Asnād-rā be nemāyande-ye dowlat taslim kard* и *اسناد را تسلیم نماینده دولت کرد* *Asnād-rā taslim-e nemāyande-ye dowlat kard* 'Он вручил документы представителю правительства'. По существу, в смысловом плане оба предложения совпадают. Однако при образовании рамочной конструкции изменяется интонационное строение предложения. Что касается синтаксической структуры сказуемых обоих предложений, то она несколько различается.

В первом предложении зависимый второстепенный член *نماینده دولت* *nemāyande-ye dowlat* 'представитель правительства' присоединяется к сказуемому, выраженному СГ *کردن تسلیم* *taslim kardan* 'вручать', с помощью собственно предлога *به* *be*. Во втором предложении этот же второстепенный член предложения разделяет сказуемое на две части и присоединяется к именной части сложного глагола (*تسلیم* *taslim* 'вручение') при помощи изафета. И в первом, и во втором предложении сказуемое остается тем же, второстепенный член предложения также остается косвенным дополнением, но средства связи косвенного дополнения со сказуемым и структура самого сказуемого различаются. В первом предложении косвенное дополнение является предложным, во втором — изафетным.

При образовании факультативной рамочной конструкции, несмотря на отрыв именной части от компонирующего глагола, между ними сохраняется устойчивая фразеологическая связь, и они всегда выступают в предложении как единый член — сказуемое с тем же значением, которое имеет сложный глагол при контактном положении компонентов. Подтверждением этого может служить тот факт, что дополнения и обстоятельственные члены, предшествующие рамочной конструкции, относятся не к отдельным частям, а ко всему сложному глаголу как единому члену предложения. Между этими второстепенными членами и сложным глаголом сохраняются те же виды подчинительной связи, что и при контактном положении его компонентов: предложно-послеложная и примыкающая. Например: *هر جا را گشتیم، از هر کس سراغ او را گرفتیم بیهوده بود* *Har jā-rā gaštīm, az har kas soraq-e u-rā gereftīm bihude bud* 'Где мы только ее ни искали, у кого ни спрашивали о ней, все было бесполезно' (Хедаят. Три капли крови); *اکنون همایون افسوس روزهای گذشته را می خورد* *Aknun Homāyun afsus-e ruzhā-ye gozašte-rā mixord* 'Теперь Хомаюн сожалел о прошедших днях' (Хедаят. Три капли крови).

Сложный глагол, несмотря на дистантное положение своих компонентов, выступает как цельная фразеологическая единица. Поэтому нельзя говорить об изменении синтаксической функции того члена предложения, который замыкается компонентами сложного глагола, по сравнению с синтаксической функцией, выполняемой этим членом в предложении при контактном положении частей сложного глагола. Происходит лишь изменение синтаксической позиции второстепенного члена предложения. Можно привести большое количество примеров, когда нерамочная конструкция может быть свободно переделана в рамочную.

Изучение случаев образования рамочных конструкций различными сложными глаголами свидетельствует о том, что дистантное расположение компонентов — это не просто свободное построение глагольной фразеологической единицы. Факультативная рамочная конструкция дает возможность более гибко и дифференцированно выражать различные оттенки высказывания и используется как одно из средств

стилистического и логического выделения второстепенных членов предложения. Вместе с тем в этом явлении тесно переплетаются структурно-семантические особенности сложных глаголов и логико-стилистические моменты в строении предложения, оказывающие влияние на выбор той или иной конструкции.

Немалое количество сложных глаголов не образует рамочных конструкций. Например, не имеют таких конструкций сложные глаголы, в роли именной части которых выступают различные прилагательные: بلند کردن *boland kardan* 'поднимать', 'делать длинным, долгим' (بلند *boland* 'высокий'); بزرگ کردن *bozorg kardan* 'воспитывать', 'выращивать', 'преувеличивать' (بزرگ *bozorg* 'большой'); خشک کردن *xošk kardan* 'замерзать', 'застывать' (خشک *xošk* 'сухой'); سبز شدن *sabz šodan* 'расти', 'вырастать' (سبز *sabz* 'зеленый'). Факультативную рамочную конструкцию не образуют многие сложные глаголы, в роли именной части которых выступают различные имена существительные (чаще всего — имена конкретные): زنگ زدن *zang zadan* 'ржаветь' (زنگ *zang* 'ржавчина'); طول کشیدن *tul kešidan* 'длиться', 'продолжаться' (طول *tul* 'долгота', 'длительность'); زمین خوردن *zamin xordan* 'падать' (زمین *zamin* 'земля'); روی دادن *ruy dādan* 'происходить', 'случаться' (روی *ruy* 'лицо') и т.д.

Рамочная конструкция получила большое распространение в персидском языке в силу того, что такого рода построение не только относится к сфере стилистических средств языка, но и выступает как постоянная структурная модель многих фразеологических единиц.

Постоянная рамочная конструкция может быть охарактеризована как единственно возможное построение, как устойчивая структурная модель данной фразеологической единицы. Она встречается в глагольных фразеологизмах, состоящих из двух, трех и более постоянных членов: دندان کسی را شمردن *dandān-e kas-i-rā šomordan* 'знать о ком-л. всю подноготную', 'видеть кого-л. насквозь' (букв. 'считать чьи-л. зубы'); در پوست کسی افتادن *dar pust-e kas-i oftādan* 'за глаза ругать кого-л.', 'злословить на чей-л. счет' (букв. 'падать в чью-л. шкуру'); انگشت در شیر زدن *angošt dar šir-e kas-i zadan* 'мешать кому-л.', 'вмешиваться в чьи-л. дела' (букв. 'совать палец в чье-л. молоко') и т.д. Наличие постоянной рамочной конструкции и отсутствие возможности объединять постоянные члены в контактное положение свидетельствуют о том, что в этом случае мы имеем дело не с рамочной конструкцией сложного глагола, а с многочленным глагольным фразеологизмом.

И все же возможна постоянная рамочная конструкция и для сложных глаголов. Изучение случаев образования рамочных конструкций различными сложными глаголами показало, что некоторые из них при необходимости выразить определенные виды объектов имеют постоянную рамочную конструкцию, т.е. рамочная конструкция является единственно допустимым построением в конкретных семантико-синтаксических условиях: без объекта сложный глагол сохраняет контактное построение своих компонентов. Таким образом, значительное количество сложных глаголов при наличии любых дополнений или дополнений определенного вида всегда образуют рамочную конструкцию: انتقام گرفتن *enteqām gereftan* 'мстить' — انتقام گرفتن *enteqām-e kas-i-rā (čiz-i-rā) gereftan* 'мстить за кого-л. (за что-л.)'; به استحضار رسیدن *be estehzār rasidan* 'быть доведенным до сведения' — به استحضار کسی رسیدن *be estehzār-e kas-i rasidan* 'быть доведенным до сведения'

кого-л.': *به فکر افتادن* *be fekr oftādan* 'приходить к мысли', 'подумать' — *به فکر افتادن* *be fekr-e kār-i oftādan* 'подумывать, намереваться что-л. сделать'; *به عرض رسانیدن* *be arz rasānidan* 'докладывать', 'доводить до сведения' — *به عرض رسانیدن* *be arz-e kas-i rasānidan* 'докладывать кому-л.', 'доводить до сведения кого-л.': *به تن کردن* *be tan kardan* 'надевать (одежду)' — *به تن کسی کردن* *be tan-e kas-i kardan* 'надевать на кого-л.' и т.д.

Наличие постоянной рамочной конструкции и двучленного словосочетания может свидетельствовать о превращении такого словосочетания в многочленный глагольный фразеологизм, однако в рассмотренных выше словосочетаниях этого не происходит по следующим причинам: а) сложный глагол при дистантном построении полностью сохраняет свое значение; б) при отсутствии соответствующего дополнения компоненты сложного глагола всегда находятся в контактном положении.

Следует обратить внимание на особо устойчивый характер рамочной конструкции, образуемой некоторыми сложными глаголами, в роли именной части которых выступают арабские масдары *اظهار* *ezhār* 'выражение', 'проявление', *ابراز* *ebrāz* 'проявление', 'выражение', *جلب* *jalb* 'привлечение', *تغيير* *taqyir* 'изменение', *اعمال* *e'māl* 'употребление', 'применение': *اظهار عقیده کردن* *ezhār-e aqide kardan* 'выражать мнение', *ابراز تنفر کردن* *ebrāz-e tanaffor kardan* 'выражать отвращение', *جلب نظر کردن* *jalb-e nazar kardan* 'привлекать внимание', *دادن تغییر شکل کردن* *taqyir-e šekl dādan* 'изменять вид', *اعمال نفوذ کردن* *e'māl-e nofuz kardan* 'использовать влияние'. Каждый из такого рода сложных глаголов, образуя рамочную конструкцию, сочетается с определенной группой слов или с одним-двумя словами.

Среди названных сложных глаголов наибольшей валентностью обладают СГ *اظهار کردن* *ezhār kardan* и *ابراز کردن* *ebrāz kardan*, в качестве вставочных компонентов которых используются абстрактные существительные со значением мыслительной деятельности и чувств: *اظهار امیدواری کردن* *ezhār-eomidvāri kardan* 'выражать надежду', *اظهار رضایت کردن* *ezhār-e rezāyat kardan* 'выражать удовлетворение', *اظهار اطمینان کردن* *ezhār-e etminān kardan* 'выражать уверенность', *ابراز همدردی کردن* *ebrāz-e hamdardi kardan* 'выражать сочувствие', *ابراز احساسات کردن* *ebrāz-e ehsāsāt kardan* 'выражать свои чувства' и т.д.

Следует отметить одну особенность этих двух глаголов. Оба они могут иметь в качестве компонирующего и глагол *داشتن* *dāstan*: *اظهار داشتن* *ezhār dāstan* и *ابراز داشتن* *ebrāz dāstan*, т.е. каждый из них имеет по два взаимозаменяемых компонента — *داشتن* *dāstan* 'иметь' и *کردن* *kardan* 'делать', выступающих как полные эквиваленты. Однако рамочная конструкция этих сложных глаголов образуется только с компонирующим глаголом *کردن* *kardan*.

Еще более устойчивыми глагольными фразеологизмами являются бинарные сочетания, которые, сохраняя свое значение, в сочетании с определенными словами употребляются только в форме рамочной конструкции. Эти вставочные компоненты становятся постоянными членами фразеологических единиц, и таким путем рамочные построения превращаются в новые глагольные фразеологизмы трехчленного состава, т.е. становятся многочленными глагольными фразеологизмами: *ادای احترام کردن* *adā-ye ehterām kardan* 'оказывать почести', 'выражать уважение', *اظهار حیات* *ezhār-e hayāt kardan* 'заявлять о своем существовании', *ترک ادب کردن* *tark-e*

adab kardan 'становиться невежливым, неучтивым', *فسخ عزیمت کردن fasx-e azimat kardan* 'отказываться от своего намерения', *تجدید نظر کردن tajdid-e nazar kardan* 'пересматривать, изменять точку зрения', *تجدید ساختمان کردن tajdid-e sāxtemān kardan* 'реконструировать', 'перестраивать', *خلع سلاح کردن xal'-e selāh kardan* 'разоружать', 'обезоруживать' и т.д.

Итак, были рассмотрены случаи соединения второстепенных членов со сказуемым, выраженным аналитическими формами времени с глаголом *داشتن dāštan* и глагольными фразеологизмами. С одной стороны, второстепенные члены могут находиться вне сказуемого, предшествуя ему; с другой стороны, они размещаются внутри сказуемого, разобщая его компоненты и образуя рамочную конструкцию. Были раскрыты основные проблемы соединения второстепенных членов с бинарными глагольными фразеологизмами, но проблемы эти настолько многообразны и сложны, что требуют дальнейших наблюдений как в области синтаксического и стилистического использования этих фразеологизмов, так и в области их структурной организации.

* * *

В заключительной части характеристики главных членов предложения следовало бы остановиться на вопросе согласования сказуемого с подлежащим. Термин «согласование» в персидском языке понимается как смысловая и формально-грамматическая связь сказуемого с подлежащим. При этом необходимо учитывать все закономерности и «аномалии», которые проявляются при координации главных членов. Формальное уподобление выражается не во всех случаях употребления имени-подлежащего во мн. числе, в большей степени имеет место логическое согласование, когда предикативное отношение «носитель признака — признак» обеспечивается связью подлежащего и сказуемого по смыслу, что выражается не морфологически, а другими языковыми средствами — порядком слов, интонацией. Но в данном случае вопрос согласования главных членов не рассматривается, так как уже довольно подробно затрагивался ранее, при характеристике грамматической категории одушевленности / неодушевленности имен существительных.

Глава вторая

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К второстепенным относятся члены предложения, которые находятся в подчинительной связи с главными членами или между собой и служат для пояснения, уточнения, дополнения их значений. Таким образом, при главных членах предложения могут находиться второстепенные члены нескольких степеней подчинения: *Dar in avāxer dar owzā'-e dāxeli-ye kešvar taqyirāt-e bozorg-i ruy dāde ast* 'В последнее время во внутреннем положении страны произошли большие изменения'.

Второстепенные члены возможны не только в двусоставных, но и в односоставных предложениях: определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных, безличных, номинативных.

В основе выделения групп второстепенных членов обычно лежит логико-семантическая классификация, построенная с учетом как грамматических, так и лексических значений подчиненных и подчиняющих слов и синтаксических связей между ними. Выделяются группы *дополнения, определения и обстоятельства*.

Эта классификация, в целом пригодная для синтаксического разбора по членам предложения, в отдельных случаях может оказаться весьма схематичной, так как она не учитывает переходных явлений в области второстепенных членов и возможности совмещения различных синтаксических значений в одном слове. В персидском языке встречаются такие второстепенные члены, отнесение которых к определенному разряду вызывает затруднения. Например, это можно наблюдать в тех случаях, когда второстепенный член представлен именем существительным, связанным с другим существительным --- подчиненным словом при помощи изафета или предлога. Иногда бывают двусмысленными некоторые косвенные дополнения и обстоятельства, выраженные именами существительными с предлогами. Поэтому у каждой из отмеченных трех групп второстепенных членов возможны разновидности.

При выделении этих групп второстепенных членов и их разновидностей учитываются следующие признаки:

- а) часть речи, выражающая господствующее слово, к которому относится второстепенный член;
- б) средства подчинительной связи с господствующим словом;
- в) местоположение второстепенного члена по отношению к подчиняющему слову;

г) выражаемое значение (например, при выделении различных видов обстоятельств);

д) часть речи, которой выражен второстепенный член.

В каждой из трех групп второстепенных членов один-два признака оказываются ведущими, а остальные учитываются при выделении их разновидностей.

1. Дополнение и его разновидности

Дополнение — это второстепенный член, поясняющий слово со значением действия, предмета или признака и обозначающий объект по отношению к действию или проявлению признака.

Дополнение может относиться к членам предложения, выраженным глаголами, существительными или прилагательными (а также соответствующими им различными формами причастий). Для связи дополнения со словами, от которых оно зависит, используются следующие подчинительные способы синтаксической связи: управление (с помощью предлогов и послелога را *-rā*), изафетная конструкция и примыкание.

В зависимости от категории слова, к которому относится дополнение, выделяются дополнения приглагольное (зависит от глагола) и приименное (зависит от существительного, инфинитива или прилагательного). Далее, приглагольные дополнения делятся на прямые (зависят от прямопереходного глагола) и косвенные (зависят от косвенно-переходного глагола), а приименные дополнения — на изафетные и предложные. Характеристика этих видов дополнения дается ниже. Но прежде остановимся на способах выражения дополнений.

1.1. Способы выражения дополнения

В роли дополнения могут использоваться почти все части речи, если они подвергаются хотя бы частичной субстантивации. Наиболее часто в этой синтаксической функции используются имена существительные, различные разряды местоимений, инфинитив глагола, количественные числительные: دنبال خدمتکار و تابلو به دنبال خدمتکار و تابلو به دست وارد اتاق شدم *Dombāl-e xedmatkār va tāblo be dast vāred-e oṭāq šodam* ‘Следом за слугой и с картиной в руках я вошел в комнату’ (Аляви. Ее глаза); مگر شما را *Magar šomā-rā da'vat be sokut nakardand?* ‘Разве вас не призывали молчать?’; ازش چیزی سؤال نکردم *Az-eš čiz-i soāl nakardam* ‘Я у него ничего не спросил’; دانش آموزان نوشتن و خواندن را فراموش کردند *Dāneshāmuzān neveštān-o xāndan-rā farā-migirand* ‘Ученики учатся писать и читать’; بیست منهای پنج مساویست *Bist menhā-ye panj mosāvi-st be pānzdah* ‘Двадцать минус пять равняется пятнадцати’.

Как уже отмечалось, второстепенный член может иметь зависимые слова, которые вместе с ним образуют синтаксическую группу. К дополнению могут относиться определения и другие дополнения.

В роли дополнения выступают именные и глагольные фразеологические единицы (последние — в инфинитивной форме): این خانم فکر می کرد که از چشم بد هیچ نیست *In xānom fekr mikard-ke az češm-e bad hič nejāt-i nist* ‘Эта женщина считала, что от сглаза нет никакого спасения’; دیگر نه طاقت سرما خوردن دارد نه تحمل *Digar na tāqat-e sarmā خوردan dārad na tahammol-e gorosnegi kešidan* ‘Она больше не в состоянии переносить ни холод, ни голод’.

Среди именных фразеологизмов в роли дополнения можно встретить различные терминологические словосочетания: ابر مصنوعی *abr-e masnu‘i* ‘дымовая завеса’, اعتصاب غذا *e’tesāb-e qazā* ‘голодовка’, شورای امنیت *Šowrā-ye amniyyat* ‘Совет Безопасности’, خاور نزدیک *Xāvar-e nazdik* — Ближний Восток, خاور دور *Xāvar-e dur* — Дальний Восток, میدان اسب دوانی *meydān-e asbdavāni* ‘ипподром’, کاسه چشم *kāse-ye češm* ‘глазная впадина’ и т.д.

Функцию дополнения могут выполнять синтаксически нечленимые словосочетания, о которых уже говорилось в связи с общей характеристикой словосочетаний и при описании способов выражения подлежащего. К ним относятся несколько видов сочетаний.

1. Количественно-именные сочетания числительных (с нумеративами или без них) с именами существительными в ед. числе, а также сочетания равнозначных числительным имен существительных с количественным значением (употребляются с артиклем) с полнозначными существительными (قسمتی *qesmat-i* ‘какая-то часть’, مشتی *mošt-i* ‘некоторое количество’, ‘кучка’, دسته ای *daste-i*, یک دسته *yek daste* ‘группа’, ‘группка’, عده ای *edde-i* ‘некоторое количество’ и т.д.): دو نفر کارگر *do nafar kārgar* ‘двое рабочих’, هزارها ریال *hezārha riyāl* ‘тысячи риалов’, چند کتاب *čand ketāb* ‘несколько книг’, یک جفت جوراب *yek joft jurāb* ‘одна пара носков’, عده ای شاگردان *edde-i šāgerdān* ‘некоторое число учеников’. Иногда такие сочетания употребляются с предлогом از *az*: قسمتی از قواعد *qesmat-i az qavāed* ‘часть правил’, یکی از آنها *yek-i az ānhā* ‘один из них’, بعضی از دانشجویان *ba’zi az dānešjuyān* ‘некоторые из студентов’. Употребление подобного рода нечленимых словосочетаний не вызывает трудностей: تصمیم گرفتم این دو جفت جوراب را بخرم *Tasmim gereftam in do joft jurāb-rā bexaram* ‘Я решил купить эти две пары носков’; با عده ای از *Bā edde-i az dānešjuyān vāred-e dānešgāh šodim* ‘С несколькими студентами мы вошли в университет’.

2. Местоименно-местоименные и местоименно-числительные сочетания: آنها *ānhā* ‘они все’, همه *hame* ‘они все’, آن یکی *ān yeki* ‘тот’, یکی دیگر *yeki digar* ‘другой’, کدام یک؟ *kodām yek?* ‘который?’, هر یک *har yek* ‘каждый’, این دو *in do* ‘эти оба’, هر دو *har do* ‘оба’. Эти и другие сочетания, будучи употреблены с предлогами и послелогом *-rā*, выступают в роли различных дополнений: *Bā kodām yek āšnā hastid?* ‘С кем вы знакомы?’; *Az yeki digar mixāham beporsam* ‘У другого я хочу спросить’; *Az har yek xodāhāfezi kardam* ‘С каждым я попрощался’.

3. Сочетание превосходной степени прилагательного с именем существительным во мн. числе при помощи изафетного показателя. В образовавшейся синтаксической конструкции изафет выполняет необычную для себя выделительную функцию: قوی ترین وزنه برداران *qavitarin-e vaznebardārān* ‘сильнейший из штангистов’, ‘сильнейший штангист’, زیباترین دختران *zibātarin-e doxtarān* ‘самая красивая из

девушек’, *بلندترین درختان bolandtarin-e deraxtān* ‘самое высокое из деревьев’ и т.д. Каждое из этих синтаксически нечленимых словосочетаний может выступать в роли дополнения, образуя единый член.

Для связи дополнения со словами, от которых оно зависит, используются следующие способы синтаксической связи: *управление* (с помощью предлогов и послелога *را -rā*), *изафетная конструкция* и *примыкание*.

В зависимости от того, к какой части речи относится дополнение, все дополнения делятся на приглагольные и приименные.

1.2. Приглагольные дополнения

Приглагольные дополнения в зависимости от характера семантико-грамматической связи со сказуемым предложения, выраженным глаголом, бывают прямыми и косвенными.

1.2.1. Прямое дополнение

Прямое дополнение обозначает такие предметы и явления, на которые распространяется действие, выражаемое прямопереходным глаголом. Оно полностью охватывается действием глагола и необходимо для более полного и точного определения значения переходного глагола. Прямое дополнение выражается как основной формой имен и словосочетаний без релятивных показателей, так и путем их оформления послелогом *را -rā*.

В тех случаях, когда прямое дополнение обозначает предметы и явления вполне определенные, конкретные, известные, после него употребляется послелог *را -rā*: *این فیلم را دیدید؟ In film-rā didid?* ‘Вы смотрели этот фильм?’.

Прямое дополнение всегда имеет послелог *را -rā*, если оно выражено именами собственными, местоимениями или к нему относятся имена собственные, местоимения: *رضا را خوب می شناسم Rezā-rā xub mišenāsam* ‘Я хорошо знаю Резу’; *شما را ندیدم آنجا Šomā-rā nadidam ānjā* ‘Я вас там не видел’; *کلاهش را برداشت Kolāh-aš-rā bar-dāšt* ‘Он снял свою шляпу’.

В роли прямого дополнения, оформленного послелогом *را -rā*, нередко выступает целое синтаксическое словосочетание, состоящее из имени существительного и зависимых от него слов: *حالا می فهمم که چرا خرج تحصیل او را دولت قطع کرده است Hālā mifahmat-ke čerā xarj-e tahsil-e u-rā dowlat qat' karde-ast* ‘Я теперь понимаю, почему правительство прекратило платить за его учебу’ (Аляви. Ее глаза).

Известно, что нередко послелог *را -rā* отсутствует после прямого дополнения; это свидетельствует о том, что оно представляет предметы и явления выразителями всего класса предметов и явлений: *او به من دفتر داد U be man daftar dād* ‘Он мне дал тетрадь (*a не ручку*)’; *من روزنامه می خوانم Man ruznāme mišānam* ‘Я читаю газету (*a не книгу*)’; *آب بده Āb bedeh* ‘Дай воды (*чтобы напиться, a не какую-то другую жидкость*)’. Если же возникает потребность получить какую-то конкретную воду, то после прямого дополнения следует употребить послелог *را -rā*: *آب را بده Āb-rā bedeh* ‘Дай [эту] воду’. Послелог *را -rā* не употребляется после вопроситель-

ного местоимения به او چی *be ō ci* (چی *či*), выступающего в роли прямого дополнения: به او چی گفتید؟ *Be ō ci goftid?* ‘Что вы ему сказали?’, поскольку оно примет форму вопросительного наречия چرا؟ *čerā?* ‘почему?’, что приведет к искажению смысла¹.

Таким образом, прямое дополнение в зависимости от того, употребляется ли оно с послелогом را *rā* или без него, бывает оформленным или неоформленным.

Вопрос об идентификации прямого дополнения имеет непосредственную связь с категорией переходности глагола. Наряду с такими глаголами, как خواندن *xāndan* ‘читать’, ترجمه کردن *tarjome kardan* ‘переводить’, برداشتن *bar-dāštan* ‘брать’, ‘поднимать’, گرفتن *gereftan* ‘получать’, ایجاد کردن *ijād kardan* ‘создавать’, и другими, которые по своим семантико-грамматическим признакам являются четко прямопереходными, в современном персидском языке встречается немало глаголов, выступающих одновременно как переходные и непереходные. В языке не всегда четко проявляется оппозиция глаголов по признаку переходности / непереходности. Персидский язык представляет собой один из тех иранских языков, которые сохранили следы нерасчлененной семантики по признаку переходности / непереходности, см. [Пирейко 1975, с. 335]. Имеются глаголы, которые могут быть употреблены в переходном и в непереходном значениях: آمیختن *āmixtan* ‘смешивать’ и ‘смешиваться’, ریختن *rixtan* ‘сыпать’ и ‘сыпаться’, سوختن *suxtan* ‘гореть’ и ‘жечь’, شکستن *šekastan* ‘ломать’ и ‘ломаться’ и др.

От прямопереходных глаголов следует отличать глаголы типа استفاده کردن *estefāde kardan* ‘использовать’, دفاع کردن *defā kardan* ‘защищать’, ‘оборонять’, پذیرایی کردن *pazirāyi kardan* ‘принимать’, دعوت کردن *da'vat kardan* ‘приглашать’, تشکر کردن *tašakkor kardan* ‘благодарить’, دیدن کردن *didan kardan* ‘посещать’. Эти глаголы для раскрытия своего лексического значения нуждаются в обязательном выражении прямого объекта, без которого они не получают смысловой законченности. Все эти глаголы в отличие от прямопереходных требуют употребления перед дополнением предлога از *az*, который используется здесь не в своем обычном значении, а выступает как формальный грамматический показатель. Следовательно, по своей семантике эти глаголы сближаются с переходными, а грамматически, по способу синтаксической связи с дополнением, — с непереходными. Некоторые из этих глаголов (например, دعوت کردن *da'vat kardan*) допускают употребление имен в функции дополнения также с послелогом را *rā*.

1.2.2. Косвенное дополнение

Оно охватывает все другие виды дополнений, обозначающие предметы и явления, на которые ориентировано действие. Косвенное дополнение указывает на различную зависимость предметов и явлений действия, выражаемого глаголом-сказуемым предложения.

Косвенное дополнение связывается с глаголом-сказуемым с помощью предлогов и, значительно реже, с помощью послелога را *rā*. В зависимости от способа связи с глаголом-сказуемым предложения косвенное дополнение бывает двух видов: косвенно-предложное и косвенно-послеложное.

¹ Случаи употребления послелога را *rā* после прямого дополнения рассматриваются также в главе «Предлоги, послелог را *rā*» (часть вторая, глава двенадцатая).

1. Косвенно-предложное дополнение в зависимости от конкретного значения глагола-сказуемого, который поясняется дополнением, и значения предлога, употребленного с дополнением, выражает различные оттенки значения.

Наиболее часто для выражения адресата источника действия, орудийности, совместности и т.д. употребляются первичные предлоги به *be* 'в', 'к', 'на', از *az* 'из', 'от', با *bā* 'с' и др.: *مى خواهم به دوستم سرى بزنم* *Mixāham be dust-am sar-i bezanam* 'Я хочу заглянуть к другу'; *دهقان زمين را با بيل مى کند* *Dehqān zamin-rā bā bil mikand* 'Крестьянин копал землю лопатой'; *از او سوال کردند که چرا دير کرده اى؟* *Az u soāl kardand-ke čerā dir karde-i?* 'У него спросили: «Почему ты опоздал?»'.

В персидском языке встречаются случаи, когда при одном и том же глаголе могут сосуществовать разные способы управления дополнением. Например, СГ *ادامه دادن* *edāme dādan* 'продолжать' может сочетаться с дополнением при помощи предлога به *be* (*به جواب خود ادامه بدهيد* *Be javāb-e xod edāme bedehid* 'Продолжайте свой ответ') и послелога را *-rā* (*جواب خود را ادامه بدهيد* *Javāb-e xod-rā edāme bedehid* 'Продолжайте свой ответ'); СГ *افزايش دادن* *afzāyeš dādan* 'увеличивать', 'умножать', 'прибавлять' сочетается с дополнением при помощи предлога بر *bar* (*كمك بر اقتصادى افزايش دادند* *Bar komak-e eqtesādi afzāyeš dādand* 'Они увеличили экономическую помощь') и послелога را *-rā* (*كمك اقتصادى را افزايش دادند* *Komak-e eqtesādi-rā afzāyeš dādand* 'Они увеличили экономическую помощь'). Как следует оценивать дополнения, имеющие разные способы синтаксической связи со сказуемым?

Такого рода дополнения определяются по способу синтаксической связи с глаголом-сказуемым. Дополнения, связанные с глаголом при помощи предлога, относятся к косвенно-предложным; дополнения, связанные с глаголом при помощи послелога را *-rā*, — к прямым. Как видим, во всех случаях решающую роль в определении разновидности дополнения играет способ синтаксической связи.

Среди косвенно-предложных дополнений следует выделить дополнения, которые зависят от членов предложения, выраженных прилагательными. Такого рода прилагательные выступают в роли предикатива именных сказуемых. Поскольку именная часть сказуемого образует тесное смысловое и грамматическое единство с глаголом-связкой, можно считать, что предложное дополнение относится ко всему сказуемому. Предикатив может быть выражен прилагательным в положительной степени: *تالار پر از مردم بود* *Tālār por az mardom bud* 'Зал был полон народа'; *تاهل بارايه هر كس لازم و ضرورى است* *Tahsil barāye har kas lāzem-o zaruri ast* 'Учеба необходима каждому'; *آثار اين نويسنده براي دل هر ميهن پرست عزيز و گرامى است* *Āsar-e in nevisande barāye del-e har mihanparast aziz-o gerāmi ast* 'Произведения этого писателя дороги сердцу каждого патриота'.

В роли предикатива используются также прилагательные в сравнительной степени. Дополнения при членах предложения, выраженных именами прилагательными в форме сравнительной степени, обозначают лицо или предмет, с которыми сравнивается другое лицо или другой предмет: *احمد از خواهر خود بزرگتر است* *Ahmad az xāhar-e xod bozorgtar ast* 'Ахмад старше своей сестры'; *پيراهن من از پيراهنى كه تو* *Pirāhan-e man az pirāhan-i-ke to* *خرىدى گرانتر است* *dar šatranj bāzi rafiq-am az man besyār qavitar ast* 'Моя рубашка дороже, чем рубашка, которую ты купил'; *دار شطرنج بازى رفيقم از من بسيار قويتر است* *Dar šatranj bāzi rafiq-am az man besyār qavitar ast* 'В шахматной игре мой товарищ

намного сильнее меня'. Для выражения косвенно-предложного дополнения во всех примерах используется предлог از *az*.

2. *Косвенно-последложное дополнение* встречается в современном языке значительно реже, чем косвенно-предложное, и представляет собой остатки этого вида дополнения в языке классического периода, где функции послелога را *-rā* были многообразны. В современном персидском языке сохранились лишь некоторые из этих функций. Можно утверждать, что употребление послелога را *-rā* в сочетании с косвенным дополнением обычно воспринимается как архаизм. Тем не менее такие случаи его употребления встречаются не только в фольклоре, поэзии, но и в современном литературном языке.

Отметим лишь некоторые, наиболее часто встречающиеся случаи использования послелога را *-rā*. Он употребляется после дополнения, обозначающего: 1) событие или случай, с которым поздравляют или по поводу которого выражают соболезнование: سالروز پیروزی بزرگ را به شما تبریک می گویم *Sālruz-e piruzi-ye bozorg-rā be šomā tabrik miguyam* 'Я поздравляю вас с годовщиной большой победы'; فوت دوست خود را به پدر و مادرش تسلیت گفت *Fowt-e dust-e xod-rā be pedar-o mādar-aš tasliyyat goft* 'Он выразил соболезнование родителям своего друга по поводу его кончины'; 2) лиц и предметы, которым что-либо принадлежит: اسم را چهار حالت است *Esm-rā čahār hālat ast* 'Имя имеет четыре формы'; پادشاهی را سه پسر بودند *Pādešāh-i-rā se pesar budand* 'У одного падишаха было три сына'; 3) адресата действия: روزی مرا گفت *Ruz-i ma-rā goft* 'Однажды он мне сказал'. Наиболее распространенным среди трех приведенных случаев является первый. Помимо отмеченных выше случаев употребления послелога را *-rā* с косвенным дополнением в современном персидском языке встречаются и другие случаи, но они воспринимаются как архаизм, сохранившийся от классического персидского языка².

1.3. Приименные дополнения

Этот вид дополнений представлен такими именами, которые поясняют члены предложения, выраженные существительными и другими субстантивными словами (например, инфинитивом). Приименные дополнения связываются с поясняемым словом при помощи изафета и предлогов, что позволяет разделить их на *изафетные* и *предложные*.

В связи с выделением приименных дополнений возникают трудности отделения их от определений, выраженных существительными. Это бывает особенно трудно сделать, когда именной член связывается с поясняемым членом при помощи изафета. В этом случае лексическое значение имени, от которого зависит данное слово, играет решающую роль. Обращается внимание на то, имеет ли имя связь с действием, и не просто с любым действием, а с действием, выраженным переходным глаголом. Поясняемый член управляет последующим именем или сам подвергается качественной характеристике. В последнем случае отношения между словами выступают как отношения между определяемым и определением.

² Более подробно случаи употребления послелога را *-rā* с косвенными дополнениями и обстоятельствами рассматриваются в главе «Предлоги, послелоги را *-rā*» (часть вторая, глава двенадцатая).

1.3.1. Изафетное дополнение

Это дополнение в зависимости от значения поясняемого слова может быть разделено на три вида:

1) дополнение, относящееся к именам существительным со значением действия, соотносимого с переходными глаголами: قواعد تکرار قواعد *tekrār-e qavāed* ‘повторение правил’ (СГ کردن تکرار *tekrār kardan* ‘повторять’); کالا فروش *foruṣ-e kālā* ‘продажа товара’ (гл. فروختن *foruxtan* ‘продавать’); امریه حکومت نظامی *barqarāri-ye hokumat-e nezāmi* ‘установление военного режима’ (СГ برقرار کردن *barqarār kardan* ‘устанавливать’);

2) дополнение, зависимое от инфинитивов переходных глаголов: خواندن کتاب *xāndan-e ketāb* ‘чтение книги’, رساندن غذا *rasāndan-e qazā* ‘доставка пищи’, بالا بردن *bālā bordan-e sath-e zendegi-ye mardom* ‘повышение уровня жизни людей’;

3) дополнение, относящееся к именам существительным со значением организатора, руководителя, вдохновителя, производителя и вообще активного деятеля; в роли таких имен часто выступают причастия настоящего времени, оканчивающиеся на суффикс نده *-ande*: ایجادکننده سازمان نو *ijādkonande-ye sāzmān-e now* ‘создатель новой организации’, الهام دهنده نهضت *elhāmdehande-ye nehzat* ‘вдохновитель движения’, حزب تازه تشکیل دهنده *taškildehande-ye hezb-e tāze* ‘организатор новой партии’, برنده مسابقه *barande-ye mosābeqe* ‘победитель соревнования’, فروشنده کتاب *foruṣande-ye ketāb* ‘продавец книг’, فروشنده قالی *foruṣande-ye qālī* ‘продавец ковров’); арабские причастия действительного залога (حامی دهقانان *hāmi-ye dehqānān* ‘защитник крестьян’, قاتل بچه ها *qātel-e baččehā* ‘убийца детей’, وطن ناجی *nāji-ye vatan* ‘спаситель родины’); имена со значением деятеля, оканчивающиеся на суффикс گر *-gar*: آزمایشگر اتومبیل *āzmāyešgar-e otomobil* ‘испытатель автомобилей’, ایفاگر نقش *ifāgar-e naqš* ‘исполнитель роли’) и др.

1.3.2. Предложное дополнение

Это дополнение относится к именным членам предложения со значением действия и связывается с ними при помощи предлогов. Формально на основе того, как выражен поясняемый член — просто именем со значением действия или инфинитивом глагола в субстантивной функции, — можно выделить два вида предложных дополнений, которые весьма слабо различаются между собой:

1) дополняемый член выражен существительными, по своему значению соотносительными с непереходными сложными глаголами: مبارزه با ملخ *mobāreze bā malax* ‘борьба с саранчой’, عبور از رودخانه *obur az rudxāne* ‘переправа через реку’, صحبت از اوضاع بین المللی *sohbat az owzā-e beynolmelali* ‘беседа о международном положении’, خدمت به وطن *xedmat be vatan* ‘служение родине’, پس از راهیابی به *pas az rāhyābi be dānešgāh-e Aksford* ‘после поступления в Оксфордский университет’;

2) дополняемый член выражен инфинитивами непереходных сложных глаголов, используемых в значении существительных: مبارزه کردن با ملخ *mobāreze kardan bā malax* ‘бороться с саранчой’, عبور کردن از رودخانه *obur kardan az rudxāne*

‘переправляться через реку’, *sohbat kardan az owzā'-e beynolmelali* ‘беседовать о международном положении’, *خدمت کردن به وطن xedmat kardan be vatan* ‘служить родине’.

Обе разновидности предложных дополнений характеризуются тем, что некоторые из них могут присоединяться к предыдущему слову также с помощью изафета. Это свидетельствует о близости такого рода дополнений к определениям, выраженным существительными, например: *خدمت به وطن xedmat-e be vatan*, *مبارزه با ملخ tobāreze-ye bā malax*. Строгих правил употребления изафета перед предлогами не существует.

Обращают на себя внимание инфинитивы тех глаголов, которые на основе их семантики можно было бы рассматривать как прямопереходные, но которые устойчиво требуют предлога *از az*: *دفاع کردن از حقوق defā' kardan az hoquq* ‘защищать права’, *پذیرایی کردن از مهمانان pazirāyi kardan az mehmānān* ‘принимать гостей’, *استفاده کردن از کمک estefāde kardan az komak* ‘использовать помощь’, *پشتیبانی کردن از دانش آموزان poštibāni kardan az dānešāmuzān* ‘поддерживать учеников’. Все приведенные в качестве примеров инфинитивы представляют собой сложные глаголы, именная часть которых, употребленная самостоятельно в качестве субстантивного члена, также требует предлога *از az*: *دفاع از حقوق defā' az hoquq* ‘защита прав’, *پذیرایی از مهمانان pazirāyi az mehmānān* ‘прием гостей’, *استفاده از کمک estefāde az komak* ‘использование помощи’, *پشتیبانی از دانش آموزان poštibāni az dānešāmuzān* ‘поддержка учеников’.

2. Определение

Второстепенный член предложения, обозначающий качество, признак, свойство, принадлежность, порядковый номер предмета, принято называть *определением*. Определение относится к любому члену предложения, выраженному существительным или субстантивированным словом. Оно может зависеть от подлежащего, дополнения, обстоятельства, именной части сказуемого.

В отличие от других второстепенных членов определение не может выступать самостоятельно: если оно остается без определяемого слова, то принимает на себя выражение предметности и перестает быть определением.

В зависимости от места по отношению к определяемому слову определения бывают *постпозитивными* и *препозитивными*.

Особый вид определения представляет собой *приложение*.

2.1. Постпозитивные определения

К этому виду определений относятся такие, которые следуют за определяемым словом. Постпозитивные определения — наиболее распространенный вид определений в современном персидском языке.

Постпозитивные определения могут быть выражены одним словом или словосочетанием: دانشمند مشهور *dānešmand-e mašhur* ‘известный ученый’, کاغذ سفید *kāqaz-e sefid* ‘белая бумага’, خانه پدر بزرگ من *xāne-ye pedarbozorg-e man* ‘дом моего дедушки’, کукلا با چشمان آبی رنگ، عروسک *arusak-e bā češmān-e ābirang* ‘кукла с голубыми глазами’.

Два и более определений при одном определяемом имени связываются между собой либо посредством соединительного союза و *va/-o*, либо при помощи изафета. В последнем случае образуется конструкция, называемая изафетной цепью: ср. کیف بزرگ سیاه *kif-e bozorg va siyāh* ‘большой черный портфель’ и کیف بزرگ سیاه *kif-e bozorg-e siyāh* ‘большой черный портфель’.

Постпозитивные определения связываются с определяемым словом при помощи изафета, предлогов, а иногда путем примыкания.

На основании средств связи с определяемым словом постпозитивные определения делятся на изафетные, предложные и сложные причастно-определятельные обороты.

Особое место среди постпозитивных определений занимают причастно-определятельные конструкции, названные так по главному слову, которое их образует. Они связываются с определяемым именем при помощи изафета, а иногда примыкания.

2.1.1. Изафетные определения

Большинство постпозитивных определений связывается с определяемым словом посредством изафета. В роли изафетных определений используются имена и неличные формы глагола.

1. Прилагательные качественные и относительные. Эти определения в соответствии со значением прилагательного как части речи обозначают разнообразные признаки предметов: پیراهن آبی رنگ *pirāhan-e ābirang* ‘голубая рубашка’, کتاب جالب *ketāb-e jāleb* ‘интересная книга’, قطار سریع السیر *qatār-e sari'osseyr* ‘скорый поезд’, ساعت مچی *sāat-e moči* ‘наручные часы’, پشم شتری *pašm-e šotori* ‘верблюжья шерсть’, سر کچل *sar-e kačal* ‘лысая голова’.

Качественные прилагательные употребляются в роли постпозитивного определения не только в положительной, но и в сравнительной степени: پرویز این سطره را *Parviz in satre-rā bā sadā-ye bolandtar-i xānd* ‘Парвиз эту строку прочитал **более громким** голосом’; حالا خداداد با قدمهای وسیع تری راه می رفت *Hālā Xodādād bā qadamhā-ye vusi'tar-i rāh miraft* ‘Сейчас Хоодадад шагал **более широкими** шагами’.

2. Существительные. Определения, выраженные существительными, обладают большими возможностями конкретизации и уточнения, так как сами могут иметь поясняющие слова. Такого рода определения могут обозначать разного рода признаки.

1) Признак определяемого предмета по принадлежности: شعر سعدی *še'r-e Sa'di* ‘поэзия Саади’, عمارت دبیرستان *emārat-e dabirestān* ‘здание средней школы’.

2) Признак, раскрывающий или уточняющий содержание определяемого понятия: حالت اضطراب *hālat-e ezterāb* ‘состояние нервозности’, مسئله همزیستی صلح آمیز *mes'lele hemzīstī salh amīz*

mas'ale-ye hamzisti-ye solhāmiz ‘вопрос мирного сосуществования’, *منظور سخنرانی*
manzur-e soxanrāni-ye noxostvazir ‘цель выступления премьер-министра’,
سیاست برقراری روابط دوستی siyāsat-e barqarāri-ye ravābet-e dusti ‘политика установ-
 ления дружественных отношений’.

К этой же разновидности субстантивного определения следует отнести существительные, характеризующие предмет, явление, действие с точки зрения времени, периода, эпохи: *شب تاریکی tāriki-ye šab* ‘темнота ночи’, *وقت نهار vaqt-e nahār* ‘время обеда’, *دوره سلسله سامانیان dowre-ye selsele-ye Sāmāniyān* ‘эпоха династии Саманидов’. Такие определения соотносительны с качественными и относительными прилагательными.

3) Признак, характеризующий производителя действия в широком смысле: *حرکت اتومبیل harakat-e otomobil* ‘движение автомобиля’, *آمدن دوست āmadan-e dust* ‘приход друга’, *فرارسیدن تابستان farā-rasidan-e tābestān* ‘наступление лета’.

3. Местоимения. В качестве определения обозначает признак предмета по его принадлежности: *برادر شما barādar-e šomā* ‘ваш брат’, *کشور ما kešvar-e mā* ‘наша страна’, *نامه های خود nāme-hā-ye xod* ‘свои письма’, *دستهای یکدیگر dasthā-ye yekdigar* ‘руки друг друга’. С этой целью используются личные, определительные, взаимные и другие виды местоимений.

4. Порядковые числительные, оканчивающиеся на суффикс *-om*, а также порядковые числительные *اول avval*, *نخست noxost* (реже — *نخستین noxostin*) ‘первый’: *درس سوم dars-e sevvom* ‘третий урок’, *زنگ دوم zang-e dovvom* ‘второй звонок’, *ملاقات اول molāqāt-e avval* ‘первая встреча’.

В роли изафетных определений употребляются также арабские порядковые числительные *ثانی sāni* ‘второй’, *ثالث sāles* ‘третий’ и др., но они встречаются в основном в книжном языке.

5. Неличные формы глагола. Охватывают различные виды отглагольных образований, и все они способны выступать в качестве изафетных определений. К ним относятся инфинитивы, причастия прошедшего времени, причастия настоящего времени (формы на *نده -ande*, *ان -ān*, *ا -ā*), причастия долженствования. При характеристике этих отглагольных форм (см. соответствующие разделы «Грамматики») отмечались их именные свойства, позволяющие им выступать как имена существительные и прилагательные. В данном разделе дается характеристика инфинитивов, причастий прошедшего времени и причастий долженствования в роли изафетных определений.

1) Инфинитив, выступая в роли определения, относится чаще всего к существительным абстрактным. Такого рода определения раскрывают или уточняют содержание определяемого понятия: *استعداد کار کردن este'dād-e kār kardan* ‘способность работать’, *با قصد دیدن bā qasd-e didan* ‘с целью увидеть’, *عادت سیگار کشیدن ādat-e sigār kešidan* ‘привычка курить’, *مسئله آزاد کردن شهر mas'ale-ye āzād kardan-e šahr* ‘вопрос освобождения города’.

Инфинитив в роли определения к существительным с конкретным значением встречается редко. В этом случае определение-инфинитив обозначает признак, указывающий на назначение определяемого предмета: *اتاق سیگار کشیدن otāq-e sigār kešidan* ‘комната для курения’, *دفتر یادداشت کردن daftar-e yāddāšt kardan-e qavāed* ‘тетрадь для записи правил’.

2) Причастие прошедшего времени в роли определения имеет сравнительно ограниченное использование, так как в этой функции может выступать далеко не каждое причастие. В роли определения употребляются причастия простых и сложных глаголов: گذشته سال *sāl-e gozašte* ‘прошлый год’ (گذشته *gozašte* < гл. گذشتن *gozaštan* ‘проходить’); نامه رسیده *nāme-ye raside* ‘полученное письмо’ (رسیده *raside* < гл. رسیدن *rasidan* ‘достигать’); رهبر آزموده *rahbar-e āzmude* ‘испытанный руководитель’ (آزموده *āzmude* < гл. آزمودن *āzmudan* ‘испытывать’); درس تمام نشده *dars-e tamānnašode* ‘неоконченный урок’ (تمام نشده *tamānnašode* < отрицательная форма СГ تمام شدن *tamām šodan* ‘оканчиваться’); حقوق پایمال شده *hoquq-e pāymālšode* ‘попранные права’ (پایمال شده *pāymālšode* < СГ پایمال شدن *pāymāl šodan* ‘попираться’).

Особенность причастий, образованных от сложных глаголов, состоит в том, что в функции определения они по существу превращаются в прилагательные. Это находит выражение в том, что каждый компонент утрачивает самостоятельное ударение и образуется сложное слово, тогда как при участии сложного глагола в образовании аналитических форм каждый компонент сохраняет самостоятельное ударение. Таким образом, необходимо отличать образования от сложных глаголов, выступающие в роли настоящих причастий прошедшего времени, от образований, выступающих как «ложные» причастия прошедшего времени, превратившиеся в имена прилагательные.

Иногда происходит переосмысление значений причастий прошедшего времени, которые превращаются в прилагательные. Так, прилагательное آب نکشیده *ābnakešide* ‘грубый’, ‘бранный’ (например, فحش آب نکشیده *fohš-e ābnakešide* ‘грубая, неприличная брань’, حرفهای آب نکشیده *harfhā-ye ābnakešide* ‘бранные слова’) образованы от отрицательной формы причастия прошедшего времени آب نکشیده *āb nakešide* сложного глагола آب کشیدن *āb kešidan* ‘полоскать’, ‘прополаскивать’.

Переход причастий прошедшего времени в прилагательные наблюдается и в тех случаях, когда они образованы от простых и префиксальных глаголов. Этот переход подтверждается тем, что такого рода слова не только получают грамматические признаки прилагательных (например, степени сравнения), но и обладают новым лексическим значением, нередко далеко отошедшим от первоначального значения причастия, например: خط پخته *xatt-e poxte* ‘хороший, совершенный почерк’ (гл. پختن *poxtan* ‘варить’); صورت گرفته *surat-e gerefte* ‘хмурое лицо’ (гл. گرفتن *gereftan* ‘брать’, ‘получать’); جوان فهمیده *javān-e fahmide* ‘понятливый юноша’ (гл. فهمیدن *fahmidan* ‘понимать’).

От прилагательных, образовавшихся на основе причастий прошедшего времени сложных глаголов, следует отличать образования, состоящие из имени существительного и причастной формы простого глагола: مناطق زلزله زده *manāteq-e zelzelezade* ‘районы, пострадавшие от землетрясения’ (زلزله زده *zelzelezade* ‘пострадавший от землетрясения’ = زلزله *zelzele* ‘землетрясение’ + причастие прош. вр. زده *zade* от гл. زدن *zadan* ‘бить’); زنهای وحشت زده *zanhā-ye vahšatzade* ‘женщины, охваченные ужасом’ (وحشت زده *vahšatzade* ‘охваченный ужасом’ = vahšat ‘ужас’ + причастие прош. вр. زده *zade* от гл. زدن *zadan* ‘бить’); پسر مادرمرده *pesar-e mādarmorde* ‘мальчик, потерявший мать’ (مادرمرده *mādarmorde* ‘потерявший мать’ = مادر *mādar* ‘мать’ + причастие прош. вр. مرده *morde* от гл. مردن *mordan* ‘умирать’). Такого рода

сложные слова — прилагательные хотя внешне и похожи на причастия прошедшего времени сложных глаголов, тем не менее, как было показано выше, таковыми не являются.

3) Причастие долженствования ограниченно употребляется в роли изафетного определения: *آب خوردنی āb-e xordani* ‘питьевая вода’, *مسئله حل نشدنی mas'ale-ye hallnašodani* ‘неразрешимый вопрос’, *فیلم تماشاشدنی film-e tamāšāšodani* ‘фильм, заслуживающий того, чтобы его посмотрели’, *حوادث فراموش نشدنی havādes-e farāmušnašodani* ‘незабываемые события’.

6. Наречия места и времени: *روزنامه امروز ruznāme-ye emruz* ‘сегодняшняя газета’ (букв. ‘газета сегодня’), *اخبار دیروز axbār-e diruz* ‘вчерашние новости’ (букв. ‘новости вчера’), *هوای اینجا و آبه abohavā-ye injā* ‘здешний климат’ (букв. ‘климат здесь’), *گرمای آنجا garmā-ye ānjā* ‘тамошняя жара’ (букв. ‘жара там’).

В роли изафетного определения могут использоваться и другие грамматические категории слов, иногда даже такие, которые не имеют самостоятельного лексического значения в новом, синтаксическом употреблении (например, застывшие глагольные формы): *روز مبادا barāye ruz-e mabādā* ‘на черный день’ (مبادا *mabādā* ‘да не будет’), *اسرار مگو asrār-e magu* ‘сокровенные тайны’ (مگو *magu* ‘не говори’).

2.1.2. Предложные определения

Эти определения выражаются существительными с различными предлогами. Они имеют широкое распространение в современном персидском языке. Предложные определения, как правило, присоединяются к определяемому слову при помощи изафета (несмотря на наличие предлога): *دوستی بین ملتها dusti-ye beyn-e mellathā* ‘дружба между народами’, *وقت بعد از کار vaqt-e ba'd az kār* ‘время после работы’, *دکان جنب باغ dokkān-e jamb-e baq* ‘лавка около сада’, *جنگهای بین کشورها janghā-ye beyn-e kešvarhā* ‘войны между странами’, *آدم با کلاه adam-e bā kolāh-e namadi* ‘человек в войлочной шляпе’.

2.1.3. Сложные причастно-определятельные обороты

Эти обороты образуются путем сочетания некоторых причастий прошедшего времени, заимствованных арабских причастий, а также некоторых прилагательных с зависимыми от них словами. В такого рода оборотах причастия (персидские или арабские) или прилагательные выступают как главные слова, которые связываются с определяемым словом с помощью изафета, а при наличии других зависимых от определяемого слова членов — путем примыкания: *نامه رسیده از تهران nāme-ye raside az Tehrān* ‘письмо, полученное из Тегерана’, *خبر واصله از کشور دیگر xabar-e vāsele az kešvar-e digar* ‘известие, поступившее из другой страны’ (оба причастно-определятельных оборота имеют одинаковую структуру, но различаются тем, что в первом обороте в роли главного слова употребляется персидское причастие *رسیده raside*, а во втором — арабское причастие *واصله vāsele*); *خریدن تمام ارز موجود در بازار xaridan-e tamām-e arz-e mowjud dar bāzār* ‘скупка всей валюты, имеющейся на рынке’; *تالار پر از مردم tālār-e por az mardom* ‘зал, полный народа’; *فیلم های مربوط به جنگ filmhā-ye marbut be jang-e kabir-e mihani* ‘фильмы, посвященные Великой

Отечественной войне»; *خارج از کشور دانشجویان مقیم* *dānešjujān-e moqim-e xārej az kešvar* ‘студенты, находящиеся за границей’.

В тех случаях, когда непосредственно после определяемого имени имеются другие зависимые слова, сложные причастно-определятельные обороты образуются без *изафета*: *گذشته در ماه منعقدہ قرارداد دوستی* *qarārdād-e dusti mon'aqede dar mäh-e gozašte* ‘договор о дружбе, заключенный в прошлом месяце’; *سفیر جمهوری اسلامی ایران مقیم در مسکو* *safir-e Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān moqim dar Moskow* ‘посол Исламской Республики Иран в Москве’ (букв. ‘находящийся в Москве’); *اعلام قبلی دولت* *e'lām-e qabli-ye dowlat mabni bar gerān našodan-e kālāhā* ‘предварительное заявление правительства о том (букв. ‘основанное на’), что товары не подорожают’.

Обращает на себя внимание употребление в роли главного слова причастно-определятельных оборотов арабских причастий, которые в основном в составе этих оборотов проявляют свои глагольные свойства и тем самым как бы оправдывают название «причастие», которое закрепилось за ними в грамматической и учебной литературе по персидскому языку. И тем не менее необходимо отметить условность применения этого термина для персидского языка, поскольку эти слова не являются в нем отглагольными образованиями.

2.2. Препозитивные определения

В роли препозитивных определений может быть использовано значительно меньшее количество слов, чем в роли постпозитивных. Препозитивные определения располагаются перед определяемым словом и связываются с ним *без изафета*, примыкая к нему, либо *с помощью изафета*. В связи с этим их можно подразделить на примыкающие и *изафетные*.

2.2.1. Примыкающие определения

Эти определения выражаются различными способами.

1. Превосходной степенью прилагательных, выражающей высшую степень качества предмета: *بهترین دانشجو* *behtarin dānešju* ‘лучший студент’, *بلندترین عمارت* *bolandtarin emārat* ‘самое высокое здание’, *عالیترین مقامات دولت* *ālitarin maqāmāt-e dowlat* ‘высшие государственные органы’. Превосходная степень прилагательных в качестве препозитивного определения может употребляться перед существительными как в единственном, так и во множественном числе.

2. Порядковыми числительными, оканчивающимися на суффикс *مین -omin*: *سومین درس* *sevvomin dars* ‘третий урок’, *پنجمین فصل کتاب* *panjomīn fasl-e ketāb* ‘пятая глава книги’. Сюда же относятся числительные *اولین* *avvalin*, *نخستین* *noxostin* ‘первый’, оканчивающиеся на суффикс *ین -in*: *داستان (نخستین)* *avvalin (noxostin) dāstān* ‘первый рассказ’.

3. Местоимениями:

а) указательными: *این* *in* ‘этот’, ‘эта’, ‘это’, *آن* *ān* ‘тот’, ‘та’, ‘то’, *همین* *hamin* ‘этот же’, ‘этот самый’, *همان* *hamān* ‘тот же’, ‘тот самый’, *چنین* *čenin*, *چنان* *čenān*

‘такой’, ‘подобный’. В качестве первичных указательных местоимений выступают *این in* и *آن ān*, другие местоимения образовались путем прибавления к ним префиксальных словообразовательных частиц *هم ham-*, *چون čon* (> *čen-*), вносящих в значение первичных местоимений конкретные оттенки: *این حادثه in hādese* ‘этот случай’, *آن دفعه ān daf'e* ‘тот раз’, *همان روز hamān ruz* ‘в тот же день’; *من همین چطور دچار همین Man hamin aqide-rā dāram* ‘У меня такое же мнение’; *چطور دچار همین اشتباه شدید? Četowr dočār-e hamin ešebāh šodid?* ‘Как вы допустили такую ошибку?’; *من چنین کتابی را لازم دارم Man čenin ketāb-i-rā lāzem dāram* ‘Мне нужна такая же книга’;

б) вопросительными: *چه چه? ‘что за?’*, ‘какой?’, *کدام? kodām?* ‘который?’, ‘какой?’. Имя существительное, которому предшествует вопросительное местоимение *چه چه*, обычно употребляется с выделительным артиклем: *چه مسایلی مورد بحث قرار گرفت? Če masāyel-i mowred-e bahs qarār gereft?* ‘Какие вопросы обсуждались?’; *امروز چه روزیست? Emruz če ruz-i-st?* ‘Какой сегодня день?’. Вопросительное местоимение *کدام? kodām?* выделяет лица или предметы среди им подобных: *کدام کتاب مال شما است? Kodām ketāb māl-e šomā ast?* ‘Какая книга принадлежит вам?’;

в) определительным *هر har* ‘каждый’, ‘всякий’: *هر روز har ruz* ‘каждый день’, *هر شخص har šaxs* ‘каждый человек’; определительным местоимением *همه hame* ‘каждый’ (перед именами существительными в ед. числе): *همه شب hame šab* ‘каждую ночь’, ‘по ночам’, *همه کس hame kas* ‘каждый человек’, ‘все люди’;

г) неопределенными: *بعضی bā'zi*, *برخی bārxi* ‘некоторые’, ‘одни’, *پاره ای pāre-i* ‘некоторые’ (перед одушевленными и неодушевленными существительными) — *مسایلی [از] بعضی ba'zi [az] masāyel* ‘некоторые проблемы’, *در پاره ای موارد dar pāre-i mavāred* ‘в некоторых случаях’³;

д) отрицательным *هیچ hič* ‘ничто’, ‘никакой’: *هیچ دانشجویی نیامد Hič dānešju-yi nayāmad* ‘Ни один студент не пришел’; *هیچ تردیدی نیست Hič tardid-i nist* ‘Нет никакого сомнения’.

4. Некоторыми прилагательными (большинство из них может употребляться и в постпозиции, присоединяясь к определяемому слову изафетом): *اندک andak* ‘небольшой’, ‘незначительный’, ‘малый’, *دیر dir* ‘поздний’, ‘запоздалый’, *بیچاره bičāre* ‘бедный’, *مختصر moxtasar* ‘краткий’, *یگانه yegāne* ‘единственный’: *مدت اندک andak moddat* ‘краткий срок’, *بیچاره دهقان bičāre dehqān* ‘бедный крестьянин’, *به دیگر سخن be digar soxan* ‘другими словами’, *راه یگانه yegāne rāh* ‘единственный путь’, *عجب آدم ajab ādam* ‘удивительный человек’, *از دیر زمان az dir zamān* ‘с давнего времени’ и др. Некоторые из этих словосочетаний вследствие ограниченности соединения прилагательных с существительными и постоянной повторяемости могут, видимо, рассматриваться как устойчивые словосочетания. Однако таких словосочетаний не много.

³ Неопределенные местоимения связываются с последующим определяемым именем как путем примыкания, так и с помощью предлога *از az* ‘из’, ‘от’. Таким образом, препозитивные определения иногда могут быть предложными.

2.2.2. Изафетные определения

При установлении разновидностей препозитивных изафетных определений необходимо обратить внимание на необычное положение изафета и определить, какую функцию он выполняет перед определяемым именем. На этом основании выделяем две разновидности изафетных определений.

1. К первой разновидности относятся изафетные определения, входящие в состав словосочетаний типа «превосходная степень прилагательного + изафет + имя существительное во мн. числе». В роли изафетного определения всегда выступают прилагательные в превосходной степени, а существительные берутся в форме мн. числа.

Такие определительные словосочетания выполняют двойную функцию: выделяют один предмет (явление, живое существо) из одинаковых предметов (явлений, живых существ) по качественным признакам (это главная функция изафетного показателя) и устанавливают атрибутивные отношения между сочетающимися словами — превосходной степенью прилагательного и именем существительным во мн. числе: *قويترين وزنه برداران qavitarin-e vaznebardārān* ‘сильнейший из штангистов’, *بزرگترین اتاقها bozorgtarin-e otaq̄hā* ‘самая большая из комнат’ и др.

Подобную же картину можно наблюдать в сочетании превосходной степени арабских прилагательных с формами мн. числа существительных: *اشرف مخلوقات ašraf-e maxluqāt* ‘благороднейшее из созданий’ (о человеке), *اشد مجازاتها ašadd-e mojāzāthā* ‘самое строгое из наказаний’, *اصح تعريفات asahh-e ta'rifāt* ‘самое правильное из объяснений’. Отличие этих атрибутивных сочетаний от предыдущих состоит в том, что они встречаются редко и относятся к книжному стилю.

2. Вторая разновидность изафетных определений выражает главным образом определительные отношения между распространяющим членом (обычно определительным местоимением) и определяемым именем (существительным, личным местоимением).

В качестве препозитивных определений чаще всего выступают определительные-обобщающие местоимения *همه hame*, *تمام tamām*, *کلیه kolliyye* ‘весь’, ‘все’ и их синонимы: *تمام پیشنهادات tamām-e pišnehādāt* ‘все предложения’, *همه روز hame-ye ruz* ‘весь день’, *عموم اهالی شهر omum-e ahāli-ye šahr* ‘все население города’, *کلیه آموزگاران kolliyye-ye āmuzgārān* ‘все учителя’.

Отдельно следует рассмотреть сочетание некоторых слов при помощи изафета с последующими определяемыми словами. В этом случае в роли препозитивного определения могут выступать слова, близкие по значению к различного рода местоимениям (кроме личных).

Слово *سایر sāyer* ‘другой’, ‘остальной’, близкое по значению к определительным местоимениям, всегда находится в препозиции и присоединяется к последующему слову изафетом: *سایر دانشجویان sāyer-e dānešjuyān* ‘другие студенты’, *سایر پیشنهادات sāyer-e pišnehādāt* ‘остальные предложения’.

Сложное слово *سراسر sarāsar* (букв. ‘из конца в конец’, ‘от начала в конец’) приобрело значение определительного местоимения ‘весь’, ‘все’, ‘на всем протяжении’ и вносит значение длительности как в понятие расстояния, так и времени: *سراسر کشور sarāsar-e kešvar* ‘вся страна’, *سراسر شاهنامه sarāsar-e Šāhnāme* ‘вся «Шахнаме»’, *سراسر مردم sarāsar-e mardom* ‘весь народ’. В соответствии со значением

в употребление этого слова вносятся ограничения. Как его синоним и одновременно вариант употребляется *سرتاسر sartāsar*, где в качестве интерфикса вместо | -ā- используется *تا -tā-*.

Используемое в качестве препозитивного изафетного распространяющего члена определительно-возвратное местоимение *خود xod* ‘сам’ подчеркивает своим значением самостоятельность именного члена: *خود آذر داد xod-e Āzardād* ‘сам Азардад’.

Употребляющееся сложное слово-повтор *فرد فرد fardfard* ‘каждый из’ приобрело значение определительного местоимения и одновременно сохраняет значение выделенности, подобно прилагательным в превосходной степени в сочетании со множественным числом существительных: *فرد فرد دانشجویان fardfard-e dānešjuyān* ‘каждый из студентов’.

2.3. Приложение (аппозиция)

Приложение представляет собой особый вид определения, которое характеризует предмет, давая ему другое название. В роли приложения выступают имена существительные, субстантивированные слова, личные местоимения. Приложение может быть выражено одним словом и сочетанием слов. Определяя предмет или лицо, оно уточняет и характеризует его с различных сторон.

Приложение может относиться к любому члену предложения, выраженному существительным (как нарицательным, так и собственным), субстантивированным прилагательным, причастием, личным местоимением. Оно может иметь характер определяющий, поясняющий предшествующее слово. Характерным для приложения (при определении его места среди других членов предложения) является то, что оно наиболее часто употребляется постпозитивно, например: *بيکم خواهر کوچک من بیگم جوانان شهر کوچک حاضر اند با ما در زمانه یافتن خود در آنوقت توی اتاق بود جویانان شهر کوچک حاضر اند با ما در زمانه یافتن خود در آنوقت توی اتاق بود* ‘Бейгом, моя младшая сестра, в то время находилась в комнате’; *ورزشکاران تجربه دیده مسابقه کنند* *Javānān-e šahr-e kuček hāzer-and bā mā varzeškārān-e tajrobedide mosābeqe konand* ‘Молодежь небольшого города готова вступить в соревнования с нами, опытными спортсменами’.

Нередко приложения характеризуют лицо со стороны его профессии, социального происхождения, принадлежности к определенному политическому течению: *Dust-e man naqqāš-e ma’ruf jāyeze-ye avval-rā gereft* ‘Мой друг, известный художник, получил первую премию’; *خدایاد دهقان فقیر* *Xodādād dehqān-e faqir hāl-aš bad šod* ‘Хоодадад, бедный крестьянин, почувствовал себя неважно’.

В роли приложений выступают имена собственные — имена и фамилии людей, клички животных, названия газет, журналов, научных и литературных произведений, географические названия и др.: *نویسنده صادق هدایت معروفترین نویسندگان ایران* *Nevisande-ye Sādeq Hedāyat ma’rufitarin-e nevisandegān-e Irān-e konuni-st* ‘Писатель Садек Хедаят — самый известный из писателей современного Ирана’; *In šahr dar kerāne-ye rudxāne-ye Volgā vaqe’ ast* ‘Этот город расположен на берегу реки Волга’.

В ряде языков (например, в славянских) приложение согласуется с определяемым словом в падеже, роде, числе. Это дает возможность более четко определять приложение среди других членов предложения. В персидском языке синтаксическая роль приложения как особого рода определения и его положение по отношению к определяемому слову позволяют определять его как приложение: *ما دانشجویان mā dānešjujān* ‘мы, студенты’, *ما شهریها mā šahrihā* ‘мы, горожане’.

Средства синтаксической связи не определяют вид приложения, поскольку они не связаны с какой-либо его семантической разновидностью. Приложение может связываться с определяемым словом четырьмя способами:

а) примыканием: *تهران پایتخت جمهوری اسلامی ایران در نزدیکی کوه های البرز واقع است Tehrān pāytaxt-e Jomhuri-ye Eslāmi-ye Irān dar nazdiki-ye kuhhā-ye Alborz vāqe' ast* ‘Тегеран, столица Исламской Республики Иран, расположен недалеко от гор Эльбурс’; *کلینتون رئیس جمهور امریکا وارد پاریس شد Klinton ra'is-e jomhur-e Emrikā vāred-e Pāris šod* ‘Клинтон, президент США, прибыл в Париж’; *خانم دلشاد xānom Delšād* ‘госпожа Дельшад’, *رفیق پتروف rafiq Petrof* ‘товарищ Петров’;

б) при помощи изафета: *شهر تهران šahr-e Tehrān* ‘город Тегеран’, *آقای نخست وزیر āqā-ye noxostvazir* ‘господин премьер-министр’;

в) при помощи союза *یعنی ya'ni* ‘то есть’: *او با شخصی که با او Sardabir-e ruznāme ya'ni šaxs-i-ke bā u āšenā šode-id soxanrāni xāhad kard* ‘Главный редактор газеты, т.е. человек, с которым вы уже познакомились, выступит с сообщением’;

г) при помощи предложно-именных сочетаний — уточнителей *بنام be nām-e* ‘по имени’, *تحت عنوان taht-e onvān-e*, *به عنوان be onvān-e* ‘под названием’: *پسر جوان بنام احمد pesar-e javān be nām-e Ahmad* ‘молодой парень по имени Ахмад’, *مقاله تحت عنوان ما پیروز خواهیم شد maqāle-ye taht-e onvān-e «Mā piruz xāhim šod»* ‘статья под названием «Мы победим»’.

Как можно заметить, средства связи, используемые для соединения приложений с определяемыми словами, зависят от слов, вступающих в сочетание. Поэтому определяемые слова и средства их связи с приложениями следует запоминать. Например, одинаковые по характеру синтаксического употребления слова *آقا āqā* ‘господин’ и *رفیق rafiq* ‘товарищ’ имеют разные виды связи с последующим словом: *آقا āqā* связывается изафетом, *رفیق rafiq* — примыканием.

В тех случаях, когда приложение называет профессию, занимаемую должность лица, оно в персидском языке (это нужно подчеркнуть) следует после имени собственного: *آقای محمد عباس مدیر روزنامه āqā-ye Mohammad Abbās modir-e ruznāme* ‘господин Мохаммад Аббас, редактор газеты’, *نهر و نخست وزیر هند Nehru noxostvazir-e Hend* ‘Неру, премьер-министр Индии’, *لآمانوسوف دانشمند کبیر روس Lāmānosof dānešmand-e kabir-e rus* ‘Ломоносов, великий русский ученый’.

А.К.Арендс допускает только один вид связи между приложением и определяемым словом — примыкание. «Предикативность же приложения выражена тем, что оно связывается с господствующим словом не изафетом, как определение, а соединительной паузой, аналогично паузе между независимым и зависимым составом двусоставного предложения» [Арендс 1941, с. 79]: *همه می خواهند از من موجود ضعیف Hame mixāhand az man towjud-e zaif negahdāri va parastāri konand* ‘Все желают заботиться обо мне и ухаживать за мной, созданием слабым’;

است تهران فراوان است *Zan barāye to javān-i dar Tehrān farāvān ast* 'Жен для тебя, *молодого человека*, в Тегеране в изобилии'.

Коротко можно сформулировать те характеристики, которые дает приложение определяемому слову:

1) называет предмет: روزنامه اطلاعات *ruznāme-ye Ettelāāt* 'газета «Эттелаат»', رود دانوب *rud-e Dānub* 'река Дунай', کوه دماوند *kuh-e Damāvand* 'гора Демавенд', داش اکل اثر صادق هدایت *Dāš Akol asar-e Sādeq-e Hedāyat* 'произведение Садека Хедаята «Даш Аколь»';

2) называет профессию, занимаемую должность, специальность, национальность и т.д.: مهندس پیروز *mohandes Piruz* 'инженер Пируз', علی اشرف صادقی سردبیر مجله زبانشناسی *Ali Ašraf-e Sādeqi sardabir-e majalle-ye zabānšenāsi* 'Али Ашраф Садеги, главный редактор журнала «Языкознание»';

3) выражает различные качества и свойства предмета, лица: سمیرنف بهترین دانشجوی دانشکده *Smirnof behtarin dānešju-ye dāneškade* 'Смирнов, лучший студент факультета', هیتلر جنایتکار *Hitler-e jenāyatkār* 'Гитлер, преступник', گلستان گنجینه *Golestān ganjine-ye ketābhā-ye qadim-e Irān* «Голестан», сокровищница древнейших книг Ирана';

4) дает более точное описание предмета, лица: احمد دوست قدیم من *Ahmad dust-e qadim-e man* 'Ахмад, мой старый друг', تهران پایتخت ایران *Tehrān pāytaxt-e Irān* 'Тегеран, столица Ирана'.

3. Обстоятельство

Второстепенный член предложения, синтаксически связанный с глаголом и охватывающий все разнообразие многочисленных и сложных пространственных, временных, ситуативных отношений, принято называть обстоятельством. Обстоятельство характеризует действие, состояние или признак, а также условия осуществления какого-либо действия (место, время, цель, причина, способ и т.д.).

Наиболее употребительной частью речи для выражения обстоятельства является наречие. В функции обстоятельства выступают также существительные с предлогами и без них, причастия, инфинитивы глаголов и другие части речи, подвергшиеся субстантивации и адвербиализации.

Обстоятельство может быть выражено одним словом и целым словосочетанием: حسن خیلی تند راه می رفت *Hasan xeyli tond rāh miraft* 'Хасан шел *очень быстро*'; سه سال قبل خانواده ما به این شهر نقل مکان کرد *Se sāl qabl xānevāde-ye mā be in šahr naql-e takān kard* 'Три года тому назад наша семья переехала *в этот город*'.

Исходя из общих значений, которые могут выражаться обстоятельствами, выделяются следующие их виды: обстоятельства образа действия, времени, места, меры, причины, цели, условия, уступки.

3.1. Обстоятельства образа действия

Эти обстоятельства в зависимости от выражаемого значения подразделяются на две основные разновидности: 1) обстоятельства, определяющие качество действия, степень проявления действия или признака; 2) обстоятельства, характеризующие способ совершения действия.

1. Обстоятельства, определяющие качество действия, степень проявления действия или признака, выражаются:

а) качественными наречиями, наречиями со значениями степени проявления признака или действия: *احمد بلا درنگ برگشت خانه* *Ah-mad belāderang bargāšt xāne* 'Ахмад **немедленно** возвратился домой'; *افسر نگهبان بخوبی از عهده وظایف خود بر می آمد* *Afsar-e negahbān bexubi az ohde-ye vazāyef-e xod bar-miāmad* 'Дежурный офицер **хорошо** справлялся со своими обязанностями'; *توضیحات استاد کاملاً روشن بود* *Towzihāt-e ostād kāmelaṅ rowšan bud* 'Объяснения профессора были **полностью** понятны';

б) именами прилагательными качественными в положительной и сравнительной степени, выступающими в адвербиальном значении: *دید که من بسیار خونسرد و بی اعتنا به سوی وی نگاه می کردم* *Did ke man besyār xunsard va bie'tenā be su-ye vey negāh mikardam* 'Он увидел, что я очень **холодно** и **невнимательно** смотрел в его сторону'; *در نتیجه سرماخوردگی سخت بیمار شد* *Dar natije-ye sarmāxordegi saxt bimār šod* 'В результате простуды он **тяжело** заболел'; *باید بهتر کار کرد* *Bāyad behtar kār kard* 'Следует **лучше** работать';

в) именами существительными с предлогами: *مادرش با اضطراب این کلمات را تکرار می کرد* *Mādar-aš bā ezterāb in kalemtā-rā tekrār mikard* 'Его мать **с волнением** повторяла эти слова'; *در این شرایط نیامدن علی رضا تا اندازه ای نامطلوب بود* *Dar in šarāyet nayāmadan-e Ali Rezā tā andāze-i nāmatlub bud* 'В этих условиях неприход Али Реза **до некоторой степени** был нежелательным';

г) фразеологическими словосочетаниями адвербиального типа — *از صمیم قلب* *az samim-e qalb* 'от чистого сердца', *از ته دل* *az tah-e del* 'от всей души', 'от всего сердца', *با کمال میل* *bā kamāl-e meyl* 'с огромным желанием', *در نهایت صبر* *dar nehāyat-e sabr* 'с огромным терпением', *هر چه زودتر* *har-če zudtar* 'как можно быстрее', 'как можно раньше', *در یک چشم بهم زدن* *dar yek češt beham zadan* 'в один миг', 'в два счета': *پیشنهاد شما را با کمال میل قبول دارم* *Pišnehād-e šomā-rā bā kamāl-e meyl qabul dāram* 'Я с большим удовольствием принимаю ваше предложение'; *من از صمیم قلب می گویم* *Man az samim-e qalb be u tabrik miguyam* 'Я от всего сердца поздравляю его'; *در یک چشم بهم زدن با چوب چنان ضربتی به سرنیزه وارد کرد که...* *Dar yek češt beham zadan bā čub čenān zarbat-i be sarnize vāred kard-ke...* 'В один миг он нанес такой удар палкой по штыку, что...' (Аляви. Крестьянин-гиляк).

2. Обстоятельства, характеризующие способ совершения действия, выражаются:

а) наречиями: *بزرگ به این نتیجه نمی توان رسید* *Bezur be in natije nemitavān rasid* '**Насильно** такого результата не достигнешь'; *این حرفها را بشوخی گفتم ولی او نفهمید* *In harfhā-rā bešuxi goftam vali u nafahmid* 'Эти слова я сказал **в шутку**, но он не понял меня и обиделся'; *این کتاب را برایگان دریافت* *In ketāb-rā berāyegān daryāft karde-am* 'Эту книгу я получил **бесплатно**';

دیدی گروهی با چاهها دستهدسته به جنگل می رفتند *Baččehā dasteduste be jangal miraftand* ‘Дети **группами** направлялись в лес’. Среди этой разновидности обстоятельств следует выделить прилагательные-наречия, существительные-наречия: مرتب به پسر کوچکش *Morattab be pesar-e kuček-aš ruznāme midād* ‘Он **регулярно** давал газету своему младшему сыну’ (Хедаят. Хаджи-ага); دوستم ساکت نشسته بود *Dust-am sāket nešaste bud* ‘Мой друг **тихо** сидел’; به ایستگاه راه آهن پیاده آمدم *Be istgāh-e rāh-e āhan piyāde āmadam* ‘До железнодорожной станции я дошел **пешком**’;

б) причастными формами на *-ān*: مردی را دیدم که عصازنان در حاشیة خیابان *Mard-i-rā didam-ke asāzanān dar hāšiye-ye xiyābān migozašt* ‘Я увидел мужчину, который, **опираясь на палку**, шел по обочине улицы’; پس از این حادثه پیرزن *Pas az in hādese pirzan āheste va šalānšālān be xāne-ye pesar rasid* ‘После этого случая старая женщина медленно и **прихрамывая** добралась до дома своего сына’;

в) именами существительными с предлогами: در همه جاهایی که بسیاری از مردم *Dar hame jāhā-yi-ke besyāri az mardom dar entezār budand, Hāji bā ezzat-o ehterām va bedun-e kamtarin māne* ‘Во все места, где многие из людей находились в ожидании, Хаджи свободно входил **с достоинством и уважением** и **без малейших помех**...’ (Хедаят. Хаджи-ага); باد مثل سگ ولگرد زوزه می کشید *Bād mest-e sag-e velgard zuze mikešid* ‘Ветер завывал, как **бродячий пес**’; این مجله تحت ویرایش *In majale taht-e virāyeš-e dānešmand-e ta’ruf montāšer mišavad* ‘Этот журнал издается **под редакцией** известного ученого’;

г) фразеологическими словосочетаниями различных типов: بطور پیگیر اوضاع *Be towr-e peygir owzā* ‘Положение **постоянно** ухудшалось’; بدتر می شد *Be towr-e qeyr-e mostaqim az kār-e u enteḡād mikard* ‘Он **косвенным образом** критиковал его работу’; به هر وسیله ای شده *Be har vasile-i šode bāyad u-rā bebinam* ‘**Во что бы то ни стало** я должен его увидеть’.

3.2. Обстоятельства времени

Эти обстоятельства обозначают время, в которое совершается действие. Они могут выражаться:

а) наречиями времени: امروز *emruz* ‘сегодня’, دیروز *diruz* ‘вчера’, فردا *fordā* ‘завтра’, همیشه *hamiše* ‘всегда’, سابقاً *sābeqan* ‘прежде’, حالا *hālā* ‘сейчас’, از اکنون *az aknun* ‘отныне’, تا کنون *tā konun* ‘до сих пор’, пока, بعد *ba’d* ‘потом’ и др.;

б) именами существительными с предлогами и без предлогов: در همان لحظه *dar hamān lahze* ‘в тот же миг’, طرف شب *taraf-e šab* ‘к вечеру’, روزها *ruzhā* ‘днями’, شبها *šabhā* ‘ночами’, روز دیگر *ruz-e digar* ‘на следующий день’;

в) инфинитивами глаголов в сочетании с предлогами и существительными, обозначающими время (زمان *zamān*, موقع *moḡqe*, وقت *vaqt*, هنگام *hangām* и др.): پس از آمدن مادر *pas az āmadan-e mādar* ‘после прихода матери’, از وقت فهمیدن این *az vaqt-e fahmidan-e in haqiqat* ‘со времени понимания этого факта’;

از این به پس *az in be pas* ‘после этого’, ‘с тех пор’, ‘отныне’, ‘از این به بعد *az in be ba'd* ‘впредь’, ‘روزهای تعطیل بیرون *روزهای تعطیل بیرون* ‘выходные дни мы выезжаем за город’), и обстоятельства, характеризующие действие с указанием на временной предел (например, *Ruzhā-ye ta'til birun-e šahr miravim* ‘В выходные дни мы выезжаем за город’), и обстоятельства, характеризующие действие с указанием на временной предел (например, *Pas az bar-gaštan be mihan nevisande se ketāb-e digar-rā ta'lif kard* ‘После возвращения на родину писатель написал еще три книги’; *Taraf-e šām hame-ye mehmānān jam' šodand* ‘К вечеру все гости собрались’). Последняя разновидность обстоятельств времени содержит в себе указание на исходный или конечный момент.

3.3. Обстоятельства места

Эти обстоятельства по выражаемому значению можно разделить на три группы: 1) обстоятельства, обозначающие собственно место; 2) обстоятельства, обозначающие направление движения; 3) обстоятельства, обозначающие путь движения.

В роли обстоятельства места выступают имена существительные, имеющие значение места, пространства, в сочетании с предлогами (در کوچه *dar kuče* ‘на улице’, از شهر *az šahr* ‘из города’, به جنگل *be jangal* ‘в лес’, زیر بام *zir-e bām* ‘под крышей’, روی میز *ru-ye miz* ‘на столе’); местоименные наречия (اینجا *injā* ‘здесь’, آنجا *ānjā* ‘там’, کجا؟ *kojā?* ‘где?’, کجا؟ *kojā?* ‘куда?’, در همه جا *dar hamejā* ‘всюду’, ‘повсюду’, ‘везде’); наречия места, выраженные предложно-именными сочетаниями и фразеологическими словосочетаниями (از دور *az dur* ‘издалека’, ‘издали’, از نزدیک *az nazdik* ‘близко’, ‘вблизи’, ‘с близкого расстояния’, از دور و نزدیک *az dur-o nazdik* ‘везде’, ‘повсюду’).

1. Обстоятельства, обозначающие собственно место: چایکوفسکی آهنگساز بزرگ *Čaykofski āhangsāz-e bozorg-e rus dar šahr-e Votkinsk be donyā āmade* ‘Чайковский, великий русский композитор, родился в городе Воткинске’; توی دکان نشسته بودم... آن روزها دکان عطاری من سر بازار بود

Tu-ye dokān nešaste budam... ān ruzhā dokān-e attāri-ye man sar-e bāzār bud ‘Я сидел в лавке... в те дни моя бакалейная лавка находилась на базаре’.

2. Обстоятельства, обозначающие направление движения, указывают на его исходный или конечный пункт: *بوسيلة پلکان رفتیم بالا* *Be vasile-ye pellekān raftim bālā* ‘По лестнице мы поднялись *наверх*’; *پرسان پرسان به کعبه می توان رفت* *Porsānporsān be Ka'be mitavān raft* ‘Спрашивая, можно пойти *до Каабы*’ (соотв. ‘Язык до Киева доведет’); *از مسکو خبر خوبی رسید* *Az Moskow xabar-e xub-i rasid* ‘Из Москвы пришло хорошее известие’.

3. Обстоятельства, обозначающие путь движения: *موقعیکه از کوچه می گذشتم با دوست قدیم خود برخوردم* *Mowqe'-i-ke az kuče migozaštam bā dust-e qadīm-e xod bar-xordam* ‘Когда я проходил *по улице*, встретил своего старого друга’; *توپ از بغل دروازه گذشت* *Tup az baqal-e darvāze gozašt* ‘Мяч пролетел *мимо ворот*’.

3.4. Обстоятельства меры

Эти обстоятельства дают количественную характеристику действия и могут выражать длительность во времени, меру пространства, меру веса, стоимость: *من بارها به او گفته بودم که آنجا نرود* *Man bārḥā be u gofte budam-ke ānjā naravad* ‘Я неоднократно ему говорил, чтобы он туда не ходил’; *ما فقط سه ساعت گردش کردیم* *Mā faqat se sūat gardeš kardim* ‘Мы гуляли *только три часа*’; *آنها مجبور بودند* *Ānhā majbur budand taqriban bist kilometr piyāde rāh beravand* ‘Они были вынуждены *приблизительно двадцать километров* пройти пешком’; *این تابلو بیست هزار تومان می ارزد* *In tāblo bist hezār tumān miarzad* ‘Эта картина стоит *двадцать тысяч туманов*’.

По выражаемому значению многие обстоятельства меры приближаются к обстоятельствам образа действия и обстоятельствам времени.

3.5. Обстоятельства причины

Эти обстоятельства указывают на причину возникновения действия и выражаются сочетанием абстрактных существительных, местоимений и инфинитивов глаголов с предлогами *از az* ‘от’, *در اثر dar asar-e*, *در نتیجه dar natije-ye* ‘в результате’, ‘вследствие’, *به علت be ellat-e*, *به سبب be sabab-e*, *به جهت be jehat-e* ‘по причине’, ‘из-за’, ‘вследствие’, *بر سر bar sar-e*, *سر سر sar-e*, ‘из-за’, ‘вследствие’, *به خاطر be xāter-e*, *از دست az dast-e* ‘из-за’: *بخاطر بیماری نتوانست* *Be xāter-e bimāri natavānest sar-e dars biyāyad* ‘Из-за болезни он не мог прийти на занятия’; *سر چه دعوی کردید؟* *Sar-e če da'vā kardid?* ‘Из-за чего вы поссорились?’; *از ترس حسن نتوانست حرفی بزند* *Az tars Hasan natavānest harf-i bezanad* ‘От страха Хасан не смог ничего сказать’; *در نتیجه نداشتن اطلاعات لازم* *Dar natije-ye nadāstan-e ettelāāt-e lāzem majbur budand be mosāferat-e xod xāteme bedehand* ‘Вследствие отсутствия необходимых сведений они были вынуждены прекратить свое путешествие’;

همیشه از دست او گریه می‌کرد *Hamiše az dast-e u gerye mikard* 'Она всегда плакала из-за него'.

3.6. Обстоятельства цели

Эти обстоятельства обозначают цель совершения действия. Они выражаются сочетанием имен существительных, местоимений и инфинитивов глаголов с предлогами برای *barāye*, ... جهت *jehat-e* 'для', ... محض *mahz-e* 'ради', 'для', ... خاطر *be xāter-e*, ... محض خاطر *mahz-e xāter-e* 'ради': برای شرکت در مذاکرات نمایندگان *Barāye šerkat dar mozākerāt nemāyandegān-e kešvarhā-ye Orupā vāred-e Pāris šodand* 'Для участия в переговорах в Париж прибыли представители европейских стран'; جهت ملاقات با دوستم ناچار شدم کار خود را قطع کنم *Jehat-e molāqāt bā dust-am nāčār šodam kār-e xod-rā qat' konam* 'Ради встречи с другом я вынужден был прервать работу'; به خاطر شما اینجا آمده است *Be xāter-e šomā injā āmade-ast* 'Он пришел сюда ради вас'.

3.7. Обстоятельства условия

Эти обстоятельства обозначают условие, при котором совершается действие; они имеют весьма ограниченное распространение.

В роли обстоятельств условия выступают имена существительные абстрактные (часто со значением действия) и инфинитивы глаголов с отыменным предлогом در صورت *dar surat-e* 'в случае': در صورت وقوع خطر باید راه دیگری انتخاب کرد *Dar surat-e voqu'-e xatar bāyad rāh-e digar-i entexāb kard* 'В случае возникновения опасности следует избрать другой путь'; پدر گفت: در صورت دیر آمدنش از او مأخذه بکنید *Pedar goft: dar surat-e dir āmadan-āš az u moāxze bekunid* 'Отец сказал: «Если он поздно возвратится (букв. в случае его позднего возвращения), накажите его»'.

3.8. Обстоятельства уступки

Этот вид обстоятельств называет фактор, который не приводит к ожидаемому-ся (ожидавшемуся) следствию.

Они могут выражаться именами существительными и инфинитивами глаголов в сочетании с предлогами با وجود *bā vojūd-e* 'несмотря на', ... بر خلاف *bar xelāf-e*, ... علی رغم *alāraqm-e*, ... صرف نظر از *sarf-e nazar az* 'невзирая на', 'независимо от', 'вопреки', 'несмотря на': با وجود کار زیاد در این روزها منزلتان سر می‌زنم *Bā vojūd-e kār-e ziyād dar in ruzhā manzel-etān sar mizanam* 'Несмотря на большую занятость, в эти дни обязательно загляну к вам домой'; علی‌رغم اظهاریه وی این فیلم *Alāraqm-e ezhāriyye-ye vey in film movaffaqiyyat-e bozorg-i dāšt* 'Вопреки его заявлению этот фильм имел большой успех'; آنها به کار کشت مشغولند *Ānhā vāli bā tamam košši ke dr rah behūd meišst xod mi‌کنند* 'وضع آنان بسیار خراب است'.

be kār-e kešt mašqul-and vali bā tamām-e kušēš-i-ke dar rāh-e behbud-e maišat-e hod mikonand vaz'-e ānān besyār xarāb ast 'Они заняты обработкой земли, но, несмотря на все старания, прилагаемые для улучшения условий жизни, их положение остается весьма тяжелым'.

4. Способы синтаксического выделения второстепенных членов предложения

В персидском языке существуют различные способы выделения членов предложения как самостоятельно, так и с зависимыми от них словами. В фонетической части «Грамматики» (глава вторая) говорилось об использовании интонации, логического ударения для деления предложения на определенные интонационно-смысловые отрезки с целью привлечения внимания слушателя. При рассмотрении структуры простого предложения и его разновидностей указывалось на актуальное членение предложения, когда основой высказывания (темой) является нечто уже известное, а ядром высказывания (ремой) — то новое, что сообщается о его основе. Речь шла в основном о выделении групп главных членов предложения и частично — о выделении зависимых членов. Возможность разного расположения элементов высказывания в составе предложения выдвигает важный вопрос — об обычном (прямом, традиционном) порядке слов и отступлениях от него. Изменение построения предложения и порядка расположения его членов позволяет менять его смысловую и эмоционально-стилистическую направленность.

В обычном распространенном двусоставном предложении второстепенные члены предложения могут относиться к главным следующим образом: к подлежащему — разные виды определений и дополнений, к сказуемому — дополнения (прямое и косвенное) и обстоятельства. Подлежащее и сказуемое располагаются соответственно в начале и конце предложения; прямое дополнение с послелогом *را -rā* обычно предшествует косвенному, а без послелога часто ставится после косвенного дополнения; определение, как было показано выше, постпозитивно, реже — препозитивно по отношению к определяемому слову; обстоятельства могут находиться перед подлежащим, между обоими составами предложения или непосредственно перед сказуемым.

Путем изменения обычного места второстепенного члена предложения (например, определения), необычного употребления артикля и другими способами достигается выделение соответствующего члена предложения, например: *می خواهم کلمه ای چند حرف بزنم* *Mixāham kaleme-i čand harf bezanam* 'Я хочу сказать несколько слов'. В этом предложении путем постановки неопределенного числительного *چند čand* 'несколько' в постпозицию по отношению к определяемому слову достигается его выделение.

В этом разделе «Грамматики» речь идет о способах выделения второстепенных членов предложения с целью выражения определенных смысловых оттенков и достижения большей выразительности.

4.1. Инверсия

Инверсия — это такое расположение членов предложения, при котором для большей выразительности нарушается обычный (прямой) порядок. Нарушение порядка слов сопровождается изменением интонации. Инверсия относится к числу стилистических приемов и более свойственна разговорной и стихотворной речи. Она широко используется в языке художественной литературы как средство оживления речи и придания ей большей эмоциональной окрашенности. При инверсии наблюдается смещение членов предложения с их обычных позиций. Например, обстоятельство места или косвенное дополнение ставится после глагола-сказуемого: رفتم پیش پزشک *Raftam piš-e pezešk* (вместо پیش پزشک رفتم *Piš-e pezešk raftam*) 'Я отправился к врачу'; به هیچ نتیجه نرسیده برگشتم خانه *Xaste va be hič natije naraside bargāštam xāne* (вместо به خانه برگشتم *be xāne bargāštam*) 'Усталый, не добившись никакого результата, я возвратился домой'; سوال کنید از این مرد *Soāl konid az in mard* (вместо از این مرد سوال کنید *Az in mard soāl konid*) 'Спросите у этого мужчины'; چند روز نشسته بودم منزل *Čand ruz nešaste budam manzel* (вместо چند روز در منزل نشسته بودم *Čand ruz dar manzel nešaste budam*) 'Несколько дней я просидел дома'.

Известно, что в персидском языке порядок слов относительно твердый, поэтому его изменение служит важным средством для выражения нужных смысловых и эмоциональных оттенков.

А.К.Арендс относит к инверсии следующие случаи необычного употребления второстепенных членов предложения: 1) прямое дополнение после сказуемого — ... بنده خیلی دیدم اشخاصی را که متأسفانه پول مملکت را بردند در خارج... *Bande xeyli didam ašxās-i-rā-ke motaassefāne pul-e mamlakat-rā bordand dar xārej...* 'Я много видел лиц, которые, к сожалению, увезли за границу государственные деньги...'; 2) косвенное дополнение после сказуемого — پیشرفت تحصیل و ترقی شاگردان بسته است به وضع... *Pišraft-e tahsil va taraqqi-ye šāgerdān baste ast be vaz'-e tadrīs...* 'Успех учебы и развития учеников зависит от состояния преподавания...'; 3) прямое дополнение перед подлежащим — سکنه آبادان را اهالی شهرهای مختلف ایران تشکیل می دهند *Sakane-ye Abādān-rā ahāli-ye šahrhā-ye moxtalef-e Irān taškil midehand* 'Население Абадана составляют жители разных городов Ирана' [Арендс 1941, с. 80–81].

Инверсия тесно связана и с другим способом выделения второстепенных членов предложения — обособлением.

4.2. Обособление

Цель обособления заключается в смысловом и интонационном выделении второстепенных членов. Обособленные члены уточняют высказываемую мысль, вносят в предложение необходимую экспрессивную окраску.

Впервые термины «обособление» и «обособленные второстепенные члены» были введены в научный обиход А.М.Пешковским при первом издании его известной работы «Русский синтаксис в научном освещении» в 1914 г. В последующих работах по синтаксису термин «обособление» стал регулярно употребляться и полу-

чил некоторые уточнения. В частности, стало обращать внимание не только на интонационное выделение (как это делал А.М.Пешковский), но и на смысловое и экспрессивно-стилистическое.

На материале персидского языка обособление впервые получило характеристику в нашей работе [Рубинчик 1960, с. 118–119].

Для обособления второстепенных членов предложения в зависимости от того, какими частями речи они выражаются и к каким членам предложения относятся, используются различные грамматические средства — выделительный артикль, местоименные энклитики, особое построение словосочетаний и предложений.

В работе рассматриваются два случая: обособление приименных дополнений и определений, выраженных существительными и личными местоимениями, и обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными.

1. Обособление приименных дополнений и определений, выраженных существительными и личными местоимениями, осуществляется с помощью особой грамматической конструкции: выделяемое слово (или словосочетание) ставится впереди всего предложения, а вместо него при подчиняющем члене предложения употребляется соответствующее энклитическое местоимение, которое соотносительно с выделяемым словом (словосочетанием) и повторяет его. После обособленного члена возникает пауза: *است اسب قیمتش گران است* *Asb qeymat-aš gerān ast* 'Цена лошади (букв. Лошадь, цена ее) высока'. Это же предложение могло бы иметь обычное построение — *است قیمت اسب گران است* *Qeymat-e asb gerān ast*, но в этом случае слово *اسب* *asb* не было бы выделено.

Чаще всего выделяемое в результате обособления слово находится в зависимости от подлежащего предложения: *است عمو زنش مریض شده است* *Amu zan-aš mariz šode-ast* 'Жена дяди заболела'; *من سرم خیلی درد می کند* *Man sar-am xeyli dard mikonad* 'У меня сильно болит голова'. Однако синтаксические отношения между обособленным членом и членом предложения, от которого зависит этот обособленный член, могут меняться. Например, в предложении *آقا کوجک را چقدر خرج تحصیلش کردم!* *Āqākuček-rā čeqadr xarj-e tahsil-aš kardam!* 'Сколько я потратил на образование сына!' (Хедаят. Хаджи-ага) обособленный член зависит от обстоятельства цели *تحصیل* *tahsil* 'на образование', заключенного в рамочную конструкцию сложного глагола *خرج کردن* *xarj kardan* 'тратить'. Следует также отметить необычное употребление обособленного члена в роли косвенного дополнения с послелогом *را* *-rā* — *آقا کوجک را* *Āqākuček-rā*.

В предложении *اقدا س خانم را کس و کارش خوشبخت می دانستند* *Aqdasxānom-rā kasokār-aš xošbaxt midānestand* 'Родные и близкие считали Агдас-ханом счастливой' (Аляви. Счастливая женщина)⁴ обособленный член выступает в роли прямого дополнения глагола-сказуемого предложения. В то же время его можно считать потенциальным приименным определением подлежащего *کس و کار* *kasokār* 'родные и близкие'. В данном предложении, как и в предыдущих, чувствуется смещение члена предложения с его обычной позиции, что характерно для инверсии.

Среди фразеологизмов-предложений встречаются разновидности, которые внешне очень похожи на рассмотренные выше предложения с обособленным членом:

⁴ Оба примера взяты из работы Л.С.Пейсикова [Пейсиков 1959, с. 386].

کرد احمد پيازش كونه كونه *Ahmad piyāz-aš kune kard* ‘Ахмаду здорово повезло’ (букв. ‘Ахмад, его лук пустил корни’); من رحم آمد *Man rahm-am āmad* ‘Мне стало жалко’ (букв. ‘Я, жалость ко мне пришла’); من حرصم گرفت *Man hers-am gereft* ‘Я рассердился’, ‘Я вышел из себя’ (букв. ‘Я, гнев меня взял’). Отличие этих предложений от свободных предложений состоит в том, что они представляют собой устойчивые обороты, в которых образующие их слова не могут заменяться на синонимы. Не могут заменяться и входящие в их состав местоименные энклитики на обособленные члены. Что касается обособленного члена, то он является необязательным элементом данных предложений и выступает как плеонастическое средство выражения экспрессии.

О том, что обособленный член, по нашему мнению, не следует рассматривать как подлежащее для последующей предикативной группы слов, уже говорилось дважды: при рассмотрении способов синтаксической связи слов в словосочетаниях и предложениях (Синтаксис. Раздел первый. Глава первая) и при анализе видов сказуемого и способов их выражения (Синтаксис. Раздел второй. Глава первая). В то же время при анализе предложений данной структуры с точки зрения актуального членения предложения (Синтаксис. Раздел первый. Глава третья, п. 5) есть все основания для выделения темы (обособленные члены) и ремы (остальная часть предложения).

2. Обособление постпозитивных определений, выраженных прилагательными, достигается путем постановки выделительного артикля после определяемого слова: *مردى عاقل mard-i āqel* ‘какой-то умный мужчина’, *کتابى جالب ketāb-i jāleb* ‘интересная книга’ и т.д. В данных примерах артикль выполняет свою обычную выделительную функцию, сообщая именам значение неопределенности. Но в обычных условиях он должен употребляться после определения, а не после определяемого существительного. Употребляясь непосредственно после имени, артикль создает необходимость возникновения паузы: *وى طبعى نأرام داشت Vey tab'-i nāārām dāšt* ‘У него был беспокойный характер’; *او نویسنده ای توانا بود که با شدت از افکار و U nevisande-i tavānā bud-ke bā šeddat az afkār-o aqāyed-e xod defā' minemud* ‘Он был крупным писателем, энергично защищавшим свои убеждения’.

В тех случаях, когда постпозитивное определение относится к именной части составного сказуемого, его в целях выделения ставят после глагольной части, а после предикативного члена употребляют выделительный артикль: *مسكو شهرىست قدیم Moskow šahr-i-st qadim* ‘Москва — город древний’; *او مردى بود نیرومند U mard-i bud nirumand* ‘Он был человеком сильным’; *دوستانم اشخاصى هستند ساده Dustān-am ašxās-i hastand sāde* ‘Мои друзья — люди простые’. В результате такой перестановки достигается еще большее выделение предикативной части сказуемого, а обособление переходит в инверсию.

Глава третья

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К однородным относят члены предложения, выполняющие одинаковую синтаксическую функцию и объединенные одинаковым отношением к одному и тому же члену предложения. Они связаны между собой сочинительной связью, которая выражается сочинительными союзами или только интонацией (бессоюзная связь). Однородные члены предложения образуют сочинительный ряд, в котором все слова равноправны: صدای جینگ دخترها، صحبت، خنده، همه، صدای موتور و موزیکهای مختلف بود Sadā-ye jiq-e doxtarhā, sohbat, xande, hamhame, sadā-ye motor va muzikhā-ye moxtalef darham pičide bud 'Визгливые голоса девчонок, разговоры, смех, шум, гул моторов и различная музыка — все смешалось воедино' (Хедаят. Разбитое зеркало).

Предложения с однородными членами в некоторых работах называются слитными предложениями, см., например, [Арендс 1941, с. 83].

В качестве союзов, объединяющих однородные члены, могут быть использованы все три вида сочинительных союзов: соединительные (و va/o 'и', چه... چه... ĉe... ĉe, هم... هم ham... ham 'как..., так и', 'и..., и', نه... نه na... na 'ни..., ни', بلکه... فقط... na faqat... balke 'не только..., но и'), противительные (و va 'а', اما ammā, ولی vāli, بلکه bālke 'а', 'но', 'однако' и др.), разделительные (یا yā 'или', یا yā... یا yā... va yā 'или..., или', 'либо..., либо', خواه... خواه xāh... xāh 'или..., или', 'хоть..., хоть' и др.). Употребление разных сочинительных союзов расширяет возможности выражения особых значений однородными членами.

В роли однородных могут выступать любые члены предложения: и главные, и второстепенные. Для их объединения используются обычные сочинительные средства связи. При наличии двух однородных членов чаще всего употребляется сочинительный союз و va/o- 'и': من و دوستانم به مناسبت بزرگداشت این روز خوش جمع شدیم Man va dustān-am be monāsebat-e bozorgdāšt-e in ruz-e xoš jam' šodim 'Я и мои друзья собрались вместе по случаю празднования этого прекрасного дня'; صدای امواج دریا، فریادهای کارگران بندر، زبان ناشناس خارجی از پنجره باز به گوش می رسید Sadā-ye amvāj-e daryā, faryādhā-ye kārgarān-e bandar, zabān-e nāšenās-e xāreji az panjare-ye bāz be guš mirasid 'Шум морских волн, крики рабочих порта, незнакомая иностранная речь доносились через открытое окно'. В данных предложениях представлены однородные подлежащие, соединенные союзом و va (первое предложение) и бессоюзно (второе предложение).

Перед однородными членами предложения или после них (например, при перечислении лиц, предметов) может стоять обобщающее слово (словосочетание):
 زبان‌شناسان تحقیقات خود را در تاریخ زبان از جمله تعیین واجها و نحوه تلفظ آنها Zabānšenāsān tahqīqāt-e xod-rā dār tārix-e zabān az jomle ta'yin-e vajhā va nahve-ye talaffoz-e ānhā be amal miāvarand 'Языковеды проводят свои исследования по истории языка, в том числе по установлению состава фонем и способам их произношения' (Языкознание, № 2).

В качестве объединяющих однородные члены могут быть использованы и другие сочинительные союзы. Приведем примеры лишь на употребление разделительного союза یا *yā* 'или' и соединительного союза со значением отрицательного перечисления نه ... نه *na... na* 'ни... ни':
 ولی روزهایی که هوا خوب بود با خداداد یا تنها Vali ruzhā-yi-ke havā xub bud bā Xodādād yā tanhā be gardeš miraft 'Однако в те дни, когда погода была хорошей, она ходила гулять с Ходададом или одна' (Хедаят. Лале);
 نه از گرگ می ترسید نشست و نه از گول و نه از خداداد Xodādād-ke na az qul va na az gorg mitarsid, nešast 'Ходадад, который не боялся ни оборотня, ни волка, сел' (Хедаят. Лале);
 این کشور نه زبان و نه خط مشترکی با ما دارد In kešvar na zabān va na xatt-e moštarak-i bā mā dārad 'Эта страна не имеет с нами ни общего языка, ни письменности'. В последних двух примерах употреблен союз со значением отрицательного перечисления, при наличии которого сказуемое никогда не ставится в отрицательной форме.
 من به سه چیز - دفتر، قلم و کاغذ احتیاج دارم Man be se ĩz — daftar, qalam va kāqaz ehtiyāj dāram 'Мне нужны три вещи — тетрадь, ручка и бумага';
 لهاف و دوšاک هر کدام یک طرف افتاده بود Lehāf va došak har kodām yek taraf oftāde bud 'Одеяло и матрац, оба (букв. каждый) упали в разные стороны' (Хедаят. Исповедь). В приведенных примерах в качестве обобщающих выступают три словосочетания: جمله از *jomle* 'в том числе', سه چیز *se ĩz* 'три вещи', هر کدام *har kodām* 'каждый'.

Особое место по сравнению с однородными членами предложения занимают парные синонимы. Они получили широкое распространение в персидском языке и большей частью представляют собой стабилизировавшиеся парные сочетания типа کوشش *kušš* 'старание' и توسعه *towsee* 'расширение'. Наблюдается объединение в паре синонимов персидского и арабского слова مهر و محبت *mehr-o mahabbat* 'любовь', 'дружба' или двух слов арабского происхождения نظم و ترتیب *nazm-o tartib* 'порядок', 'теhnит' تبریک و تهنیت *tabrik-o tahniyyat* 'поздравление', 'фصل و حل *hall-o fasl* 'решение'; возможны и другие сочетания слов. Они характеризуются постоянством состава компонентов и устойчивостью структуры, а в результате частого употребления в речи эти сочетания синонимов становятся настолько устойчивыми, что воспроизводятся как готовые единицы языка. Таким образом, от обычных однородных членов они отличаются своей фразеологичностью¹.

Возможно употребление определения после второго синонима: ترس و واهمه *Tars-o vāheme-ye mohib-i be u dast dād* 'Его охватил ужасный'

¹ Об отличиях сочетаний парных синонимов от сложных слов копулятивного типа и их сходстве с копулятивными фразеологизмами см. [Рубинчик 1981, с. 77–76, 88–89].

страх' (Хедаят. Лале). Тем не менее парные синонимы выражают одно понятие и используются как стилистический прием в целях усиления, выделения этого понятия, тогда как однородные члены выступают как семантически разные слова. В этом состоит также отличие парных синонимов, копулятивных сочетаний от однородных членов предложения.

Объединение однородных подлежащих, как было показано выше, не характеризуется какими-либо своеобразными чертами по сравнению с другими однородными членами предложения. Иначе обстоит дело, когда речь идет об объединении однородных сказуемых. В качестве однородных сказуемых могут использоваться глаголы разных структурных типов: простые, префиксальные, сложные. Все они синтаксически равноценны и связываются друг с другом сочинительной связью. Перечислим некоторые особенности употребления однородных сказуемых.

1. В персидском языке однородные сказуемые могут объединяться бессоюзно, а также при помощи сочинительных союзов: *با دستهای زمخت خودش زمین را بیل می زد، آبیاری می کرد و کشت و درو می نمود* *Bā dasthā-ye zomoxt-e hod-aš zamin-rā bil mizad, ābyāri mikard va kešt-o derow minemud* 'Своими грубыми руками он вскапывал землю, поливал ее, сеял и убирал урожай' (Хедаят. Лале); *خان آرنجش را روی صندلی گذاشت، پیشانی را به دست تکیه داد* *Xān āranj-aš-rā ru-ye sandali gozāšt, pišāni-rā be dast takeye dād* 'Хан облокотился на поручни кресла, оперся лбом о руку' (Нушин. Хан и другие); *آدمیزاد لخت و عور به دنیا می آید و همانطور هم می رود* *Ādamizād loxt-o ur be donyā miāyad va hamāntowr-ham miravad* 'Человек рождается нагим и в таком же виде уходит из жизни' (Хедаят. Три капли крови).

2. При наличии двух и более однородных сказуемых (важным признаком их однородности считается употребление в форме одного времени) все сказуемые, кроме последнего, ставятся в форме причастия прошедшего времени, а последнее сказуемое, выраженное финитной формой глагола, употребляется в необходимом времени: *بیش از هفتصد تن از آنان را کشته و زخمی نموده و جمعی از آنان را به اسارت خود درآوردند* *Biš az hafisad tan az ānān-rā košte va zaxmi nemude va jam'i az ānān-rā be esārat-e hod dar-āvardand* 'Более семисот человек из них убили и ранили и некоторое количество захватили в плен'; *از این گذشته دختری را که او در الونک خودش پناه داده، غذا داده، لباس پوشانیده، به پایش زحمت کشیده و بزرگ کرده بود برایش حکم یک درخت... داشت...* *Az in gozašte doxtar-i-rā-ke u dar ālunak-e hod-aš panāh dāde, qazā dāde, lebās pušānide, be pā-yaš zahmat kešide va bozorg karde bud barā-yaš hokm-e yek deraxt-e mive-rā dāšt...* 'Кроме этого девушка, которую он пригрел в своей хижине, кормил, одевал, ради которой трудился и которую вырастил, была для него как фруктовое дерево...' (Хедаят. Лале).

3. В тех случаях, когда в роли однородных сказуемых выступают два сложных глагола, имеющих одинаковые компонирующие глаголы, первый из них иногда опускается: *...زبانشناسان واجهای زبان فارسی چند قرن پیش از حافظ را نیز بررسی و ...مشخص کرده اند* *Zabānšenāsān vājhā-ye zabān-e fārsi-ye čand qarn-e piš az Hāfez-rā-niz barrasi va mošaxxas karde-and* '...Языковеды исследовали и определили фонемы персидского языка за несколько веков до Хафеза' (Языкознание, № 2); *بچه گریه و ناله می کرد* *Bačče gerye va nāle mikard* 'Ребенок плакал и кричал' (Хедаят. Исповедь). Пропуск одного из компонирующих глаголов вызван, видимо, стилистическими причинами (чтобы не повторять два одинаковых глагола рядом).

Если же употребляются разные компонирующие глаголы, то первый из них не пропускается: *درو و کشت و آبیاری می کرد*, *آبیاری می زد*, *با دستهای زمخت خودش زمین را بیل می زد*, *Bā dasthā-ye zomox̄t-e xod-aš zamin-rā bil mizad, ābyāri mikard va kešt-o derow minemud* ‘Своими грубыми руками он вскапывал лопатой землю, поливал ее, сеял и убирал урожай’ (Хедаят. Лале). Первые два из однородных сложных глаголов-сказуемых — *زد می زد bil mizad* ‘вскапывал лопатой’, *آبیاری می کرد ābyāri mikard* ‘поливал’ — имеют разные компонирующие глаголы, а вторые два — *کشت می نمود kešt minemud* ‘растил урожай’ и *درو می نمود derow minemud* ‘убирал урожай’ — могли бы иметь одинаковые компонирующие глаголы *نمود می نمود minemud* (первый компонирующий глагол опущен).

Однородные сказуемые необходимо отличать от сказуемых сложносочиненных предложений, части которых также соединены при помощи сочинительных союзов или при помощи интонации. Различие состоит в том, что однородные сказуемые зависят от одного общего подлежащего (субъекта), тогда как сказуемое каждого сочиненного предложения зависит от своего подлежащего. Это хорошо видно на примере однородных сказуемых и частей сложносочиненных предложений, соединенных противительным союзом *ولی vāli* ‘но’, ‘однако’: ср. *ولی بود حرف کم خیلی او خیلی کم حرف بود ولی* *او خیلی کم حرف بود ولی* *U xeyli kamharf bud vali axlāq-i baččehā-rā dāšt* ‘Она была малоразговорчивой, но имела детский характер’ (Хедаят. Разбитое зеркало) и *دو کاغذ در جواب عودت نوشتم ولی یکی از آنها بدون جواب ماند و دومی به آدرس خودم* *Do kāqaz dar javāb-e Owdat neveštam vali yeki az ānhā bedun-e javāb ماند va dovomi be ādres-e xod-am bar-gašt...* ‘В ответ я написал Оудат два письма, но одно совсем осталось без ответа, а второе возвратилось обратно...’ (Хедаят. Разбитое зеркало).

Второстепенные члены предложения — прямые и косвенные дополнения, разные виды обстоятельств, — выступая в роли однородных членов, получают предлоги, послелог *را -rā*. Особенности употребления предлогов и послелога *را -rā* состоят в следующем.

1. Предлоги могут употребляться перед каждым из однородных членов, однако чаще всего употребляются только перед первым (а иногда и перед последующим): *وقتیکه ما برگشتیم مدیر مدرسه شروع نمود به سؤال کردن از من، از رستم، از همه شاگردان* *Vaqt-i-ke mā bargāštīm modir-e madrase šoru' nemud be soāl kardan az man, az Rostam, az hame-ye sāgerdān* ‘Когда мы возвратились, директор школы начал задавать вопросы мне, Ростаму, всем ученикам’; *...همیشه منجر می شد به اینکه برویم پایین و* *Hamiše monjar mišod be in-ke beravim pāyin va ba'd be sinemā yā teātr va yā kāfe beravim* ‘...Всегда это заканчивалось тем, что мы спускались вниз и затем направлялись в кино, театр или кафе’ (Хедаят. Разбитое зеркало).

2. Послелог *را -rā* ставится один раз после последнего однородного прямого дополнения: *سکوت و آرامش را از ما سلب کردند* *Sokut-o ārāmeš-rā az mā salb kardand* ‘Нас лишили тишины и покоя’; *در دالان پالتو و گالش خود را پوشید* *Dar dālān pālto va gāloš-e xod-rā pušid* ‘В коридоре он надел пальто и галоши’ (Хедаят. Водоворот).

Известно, что послелог *را -rā* может употребляться не только после прямого дополнения, но и после косвенных дополнений и обстоятельств. В тех случаях, когда эти второстепенные члены являются однородными, послелог *را -rā* ставится также

после последнего из них: چقدر دقیقه ها، ساعتها و شاید روزهای یکشنبه را من از پشت شیشه پنجره اتاقم به او نگاه می کردم *Āqadr daqiqehā, sāathā va šāyad ruzhā-ye yek-šambe-rā man az pošt-e šīše-ye panjare-ye otāq-am be u negāh mikardam* ‘Сколько минут, часов и, возможно, воскресений я смотрел на нее через оконное стекло из моей комнаты’ (Хедаят. Разбитое зеркало). В данном предложении послелог *را -rā* относится к нескольким однородным обстоятельствам времени, обозначающим период, в течение которого происходило действие, но употребляется после последнего из них.

1. Сложное предложение как синтаксическое единство

Прежде чем рассматривать синтаксические конструкции, состоящие из двух и более предложений, объединенных смысловой связью и грамматическими средствами сочинения и подчинения, необходимо сформулировать общие принципы подхода к сложным предложениям как к самостоятельным единицам языка.

Сложное предложение представляет собой синтаксическое единство, которое качественно отличается от простого предложения и обладает рядом лексико-грамматических и структурных особенностей. В сложных предложениях реализуется все богатство синтаксиса, обладающего разнообразными грамматическими средствами связи и многочисленными конструкциями. Части, входящие в состав сложного предложения, хотя и соотносительны с простыми предложениями по внешнему строению, но, будучи объединены между собой, ни семантически, ни структурно, ни интонационно не равны самостоятельным предложениям. Поэтому и сам термин «предложение», применяемый по отношению к составным частям сложного целого, весьма условен. Части сложного предложения органически зависят друг от друга и обуславливают друг друга, вследствие чего не могут быть рассмотрены изолированно или переставлены местами без нарушения общего смысла предложения. Отношения между частями сложного предложения своеобразны и не тождественны отношениям между словами внутри простого предложения. Основная задача при изучении сложных предложений — определить типы связей и отношений между их частями и способы формального выражения этих связей. Части сложного предложения могут быть грамматически соединены по способу сочинения и подчинения. Понятия «сочинение» и «подчинение» лежат в основе деления сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные.

В теории синтаксиса персидского языка, несмотря на наличие работ по отдельным проблемам сложного предложения, вопросы структуры и типологии сложносочиненных и сложноподчиненных предложений разработаны слабо. Недостаточно изучены синтаксические средства, употребляемые для создания подчинительной связи между предложениями: подчинительные союзы и соотносительные слова, соотношение грамматических форм глаголов-сказуемых, порядок следования предложений внутри сложного единства. Не изучены сложносочиненные предложения, в состав которых входят сложноподчиненные предложения, т.е. сложные предложения смешанного типа; сложные предложения с бессоюзным и союзным соединением частей; многочленные сложноподчиненные предложения с последовательным и параллельным подчинением.

Вместе с тем следует отметить, что отдельным проблемам синтаксиса сложного предложения персидского языка посвящены специальные исследования. Так, разновидности персидских сложноподчиненных предложений рассматриваются в докторской диссертации А.М.Шафаи «Сложноподчиненные предложения в современном персидском языке», защищенной в Баку в 1967 г. [Шафаи 1967]. Наша монография «Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке» посвящена рассмотрению одного из наиболее распространенных типов придаточных предложений и связанных с ними вопросов, касающихся употребления артикля после определяемого слова-антецедента [Рубинчик 1959]. Опубликовано несколько статей, посвященных характеристике отдельных типов сложноподчиненных предложений и средствам связи компонентов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Исследования по синтаксису сложных предложений в основном принадлежат отечественным авторам. Краткие же сведения о сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях, об особенностях их функционирования в современном языке обычно даются в учебниках персидского языка.

В грамматиках и учебниках, изданных в Иране, вопросам синтаксиса, в частности синтаксиса сложного предложения, уделяется мало внимания: не дается описания особенностей построения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, синтаксических средств связи и их составных частей, отсутствуют классификация сложноподчиненных предложений, характеристика их различных типов. В Иране нет ни одной исследовательской работы, специально посвященной синтаксису персидского языка. И только в работе Дж.Шариата «Предложение и его построение» [Шариат 1348] собраны примеры на разные типы простых и сложных предложений, но анализа и классификации их не дается.

Литература по синтаксису сложного предложения в основном ограничивается соответствующими разделами грамматик, в большинстве которых даются лишь самые краткие сведения о сложном предложении. При характеристике сложноподчиненных предложений главное внимание обращается на подчинительные союзы. Анализу других структурно-семантических особенностей сложноподчиненных предложений отводится незначительное место. Эти недостатки присущи и книге А.К.Арендса «Краткий синтаксис современного персидского литературного языка» [Арендс 1941], которая остается до сих пор единственным монографическим исследованием, целиком посвященным всем основным вопросам персидского синтаксиса.

При анализе синтаксических конструкций главный акцент делается на примеры из литературных прозаических произведений разговорного стиля, ибо сочинительная и подчинительная связь и грамматическое выражение этих видов связи наибольшее развитие получают в языке письменном, а не в разговорном. Что касается произведений поэтического характера, то строй предложения в поэтической речи имеет специфические черты, вызванные ритмико-стилистическими особенностями.

Итак, простое предложение в составе сложного представляет собой особую единицу, лишенную свойств самостоятельного простого предложения: оно не обладает смысловой законченностью отдельного сообщения, не имеет интонационной завершенности, в его структуре отражена смысловая и конструктивная связь

с другими компонентами сложного предложения. Сложное предложение с точки зрения семантики не является суммой значений входящих в него простых предложений. Оно обладает смысловой целостностью, составляет структурное и семантическое единство.

2. О сочинении и подчинении предложений

В основе деления сложных предложений на два основных типа — сложносочиненные и сложноподчиненные предложения — лежат понятия «сочинение» и «подчинение». По вопросу о сочинении и подчинении как двух основных способах связи предложений существуют различные точки зрения.

В ряде работ по синтаксису отношения между частями сложносочиненных предложений уподобляются отношениям между однородными членами простых предложений, а отношения между главным и придаточным — отношениям между членами простого предложения¹. Но соответствие придаточных предложений членам простого предложения не может считаться отличием сочинения от подчинения, ибо имеются такие типы придаточных предложений, которые не находят соответствия в членах главного предложения (например, придаточные предложения следствия).

В отечественной грамматической теории получили распространение два подхода к природе сложного предложения. Одни исследователи склонны рассматривать его как «соединение», «сочетание», «сцепление» самостоятельных предложений. К ним относятся А.М.Пешковский, А.А.Шахматов, предлагавшие заменить термин «сложное предложение» на термины «сложное целое» [Пешковский 1938] и «сочетание предложений» [Шахматов 1941].

Вторая точка зрения четко выражена В.А.Богородицким, считавшим, что «во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него» [Богородицкий 1935, с. 229]. Мысль о целостности сложного предложения и о несамостоятельности его компонентов развита и обоснована в трудах Н.С.Поспелова [Поспелов 1950а,б].

А.М.Пешковский, исходя из самостоятельности частей сложных предложений, считал, что при сочинении отношения между предложениями обратимы, т.е. при перестановке предложений отношения между ними сохраняются прежними. Наоборот, подчинение выражает отношения необратимые, т.е. перестановка предложений приведет к изменению отношений между ними [Пешковский 1938, с. 412–413].

¹ См., например, *Абакумов С.И.* Современный русский литературный язык. М., 1942, с. 152–153; *Андреевская М.В.* Вопросы синтаксиса немецкого языка. М.–Л., 1950, с. 78–79.

Из этой же синтаксической концепции исходит и А.К.Арендс при анализе сложного предложения персидского языка. Характеризуя сочинение и подчинение, он пишет: «...между сочетающимися предложениями существуют две основные категории отношений со многими разновидностями, обуславливающими как структуру всего сложного предложения в целом, так и характер отдельных составляющих его законченных словосочетаний. Обе категории отношений легко могут быть обнаружены при помощи известного приема перестановки сочетающихся предложений, в результате чего возможны два случая: либо отношение между сочетающимися предложениями не переменится, либо между ними появится иное, новое отношение» [Арендс 1941, с. 92].

Как отмечалось выше, сложное предложение представляет собой синтаксическое единство, а не свободное сочетание самостоятельных предложений, которые можно менять местами. Конечно, не во всех типах сложного предложения обнаруживается одинаковая слитность его частей, но даже в самых свободных их соединениях (например, в некоторых разновидностях сложносочиненных предложений) такая слитность налицо.

Признавая синтаксическое единство сложного предложения, нельзя допускать возможность перестановки его частей, а следовательно, «обратимость» или «необратимость» предложений не может служить критерием для отличия сочинения от подчинения. Внешняя независимость и смысловая самостоятельность сочиненных предложений, органически связанных между собой в составе сложного предложения, весьма условны. В действительности эти предложения так же необратимы, как и сложноподчиненные. Порядок следования предложений, их внутренние взаимоотношения не могут быть изменены без нарушения смысла и структуры сложного целого, так как порядок предложений не только указывает на реальный порядок следования событий, но и является выражением последнего. В.В.Виноградов писал по этому поводу: «Признак обратимости и необратимости представляется вообще для понятий сочинения и подчинения не очень существенным и слишком абстрактным. Действительно, что в речи обратимо, т.е. что может без ущерба для смысла поменяться местами? Обратимы лишь названия и „суждения“ в цепи перечисления (соединительного и разделительного) или свободного, грамматически не связанного рядоположения, соседства. И это не всегда — в зависимости от смысла» [Виноградов 1950, с. 66].

Сущность сочинения и подчинения невозможно раскрыть без охвата смысла всего синтаксического целого, без анализа смысловых взаимоотношений входящих в него частей; необходимо установить характер связи между частями сложного предложения, определить зависимость этой связи от структурно-грамматических особенностей его частей.

Компоненты сложного предложения, подобно простым предложениям, обладают категорией предикативности и выступают как несамостоятельные предикативные единицы.

Сложное предложение, представляя собой синтаксически организованное сочетание нескольких предикативных единиц, противостоит простому предложению как структура полипредикативная структуре монопредикативной. Неоконченные части сложного предложения, как и неоконченные синтагмы в составе простого предложения, не обладают признаком интонационной завершенности, свойственным

самостоятельным коммуникативным единицам. Этим признаком обладает лишь конечная часть и, таким образом, целиком все сложное предложение. Кроме того, части сложного предложения обладают формальной и смысловой организацией, свойственной простым предложениям, но не обладают коммуникативной целостностью. И только все сложное предложение может быть определено как объединение предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве коммуникативного целого.

Глава первая

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сочинение представляет такую связь предложений, при которой каждое из них внешне выступает как самостоятельный равноправный член, соответствуя отдельному акту мысли, например: هوای گرمی روی سر آنها سنگینی می کرد و گرد و غبار نرمی جلو آسمان لاجوردی موج می زد *Havā-ye garm-i ru-ye sar-e ānhā sangini mikard va gard-o qobār-e narm-i jelov-e āsmān-e lājvardi mowj mizad...* 'Горячий воздух давил на их головы, и тонкая пыль волнообразно кружилась в лазурном небе...' (Хедаят. Бродячий пес).

Сочинительную связь условно можно было бы назвать «неполной связью». Грамматическим средством связи сочиненных предложений служат сочинительные союзы, которые «по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них» [Пешковский 1938, с. 414]. Как уже отмечалось, сочинительные союзы используются как для связи членов предложения, так и для связи частей сложносочиненных предложений.

При сочинении каждое действие или каждый этап в развитии действия представлены предложением, которое сохраняет некоторые черты самостоятельности и имеет значение отдельного сообщения. Однако о самостоятельности сочиненных предложений можно говорить только условно: ни в смысловом, ни в коммуникативном отношении они самостоятельными предложениями не являются. Сочинение не является механическим соединением предложений. Анализ смысловых отношений между сочиненными предложениями, изучение их структурных и интонационных особенностей свидетельствуют о том, что лексико-грамматическое и интонационное строение этих предложений отражает их смысловые взаимоотношения, их смысловую зависимость друг от друга.

Рассмотрим сложное предложение, части которого связаны по способу сочинения: يك نوبت ديگر نيز «كو» در همان كتاب به نظر رسيد و آن در صفحه ۱۹۳ است *Yek nowbat-e digar-niz «ku» dar hamān ketāb be nazar rasid va ān dar safhe-ye sad-o navad-o se ast* 'Другой раз также встретилось «ку» в той же самой книге, и это — на странице 193' (Бахар. Стилистика). В этом сложносочиненном предложении два предложения соединены между собой по смыслу и структуре. Значение указательного местоимения آن *ān* 'тот', выполняющего анафорическую функцию связи с предшествующим содержанием, может быть понято лишь при наличии предыдущего предложения. Только такой порядок предложений обеспечивает понимание

смысла всего синтаксического целого. Второе предложение представляет собой сообщение о первом и семантически связано с ним местоимением *آن ān*. Кроме того, связь между предложениями осуществляется сочинительным союзом и интонацией, характеризующейся понижением тона на последнем слоге последнего слова.

В некоторых работах отечественных авторов по синтаксису сложного предложения отношения между сочиненными предложениями иногда сопоставляются с отношениями между сочиненными однородными членами. Такое сопоставление заставляет предполагать «однородность» сочиненных предложений. Однако сочетание однородных предложений — это лишь частный случай их взаимных отношений, встречающийся сравнительно редко: *بيرون سرد بود و برف می آمد Birun sard bud va barf miāmad* 'На улице было холодно и шел снег' (Аляви. Письма). В этом предложении, части которого соединены союзом *و va*, описывается состояние погоды. Это достигается сочетанием двух равноправных предложений, выражающих простую одновременность явлений природы.

Значительно чаще встречаются сочиненные предложения, находящиеся в смысловой зависимости друг от друга. При этом круг смысловых отношений между этими предложениями далеко выходит за пределы отношений соединения, противопоставления и разделения, которые обычно отмечаются в грамматиках. Между сочиненными предложениями могут устанавливаться причинно-следственная, временная зависимость, различного рода определительные отношения: *ولی حالا قدری Vali hālā qadr-i mosen n šode bud va in kār barāye u xeyli moškel minemud* 'Однако теперь он немного постарел, и эта работа казалась ему очень трудной' (Кяrimi. Амдали-позолотчик); *در فکر او فقط Dar fekr-e u faqat yek matlab jā dāšt va ān enqelāb-e Irān bud* 'В его голове была только одна мысль, и это была мысль о революции в Иране' (Аляви. Комета); *یکمترتبه در باز شد و یک دختر جوان خوشگل وارد Yekmartabe dar bāz šod va yek doxtar-e javān-e xošgel vāred-e otāq šod* 'Вдруг дверь открылась, и в комнату вошла молодая красивая девушка' (Хедаят. Катя).

В приведенных выше предложениях между объединяемыми частями установлены взаимозависимые отношения. В первом примере предложения связаны причинно-следственной зависимостью: первое предложение выражает причину, второе — следствие. Во втором предложении указательное местоимение *آن ān*, представляющее подлежащее первого предложения, указывает на то, что второе сочиненное предложение поясняет подлежащее первого. Отношения между предложениями близки к определительным. В третьем сложносочиненном предложении его части связаны временной последовательностью.

Сочиненные предложения могут вызывать в нашем сознании такие представления о взаимосвязях и взаимоотношениях явлений действительности, которые характеризуются подчинением одного явления другому. Тем не менее смысловые отношения, которые устанавливаются между сочиненными предложениями, охватывают наиболее простые отношения. В тех же случаях, когда нужно передать отношения цели, условные, уступительные, сравнительные и некоторые другие обстоятельственные отношения, сочинение предложений уступает место подчинению.

Смысловая зависимость сочиненных предложений обычно выражается соотношением времен и наклонений, лексическим составом сказуемых, порядком следо-

вания предложений (подчиненное в смысловом отношении предложение находится на втором месте), интонацией.

Исходя из сказанного под сочинением предложений следует понимать способ сочетания двух или более относительно самостоятельных предложений, создающий коммуникативное, смысловое и интонационное единство. Грамматическим средством связи предложений являются сочинительные союзы и интонация (при бессоюзном подчинении). Сложные предложения, части которых связаны между собой по способу сочинения, принято называть сложносочиненным.

Взаимоотношения частей сложносочиненных предложений могут быть весьма разнообразными: они бывают близки к смысловым отношениям, существующим между частями сложноподчиненных предложений.

Наиболее близки к сложноподчиненным сложносочиненные предложения, части которых объединены причинно-следственной зависимостью: *تیر به سینۀ اردک فرو نشست و مرغک خون آلود به دریای بیکران سرنگون شد* *Tir be sine-ye ordak foru nešast va morqak-e xunālud be daryā-ye bikerān sarnegun šod* 'Стрела вонзилась в грудь утки, и окровавленная птица упала в безбрежное море' (Нушин. Хан и другие).

Нередко сочетание предложений оформлено как подчинение, но по смысловым отношениям является близким к сочинению: *او شناسنامه خود را گم کرده بود که اسباب زحمت برای او شد* *U šenāsnāme-ye xod-rā gom karde bud-ke asbāb-e zahmat barāye u šod* 'Он потерял свой паспорт, что доставило ему много беспокойства'.

В этом сложноподчиненном предложении второе предложение формально подчинено первому, но первое фактически раскрывает содержание второго. По смысловым отношениям это сочетание предложений близко к сочинению и может быть легко заменено сложносочиненным: *او شناسنامه خود را گم کرده بود و آن اسباب زحمت برای او شد* *U šenāsnāme-ye xod-rā gom karde bud va ān asbāb-e zahmat barāye u šod* 'Он потерял свой паспорт, и это доставило ему много беспокойства'.

Как видим, сочинительный союз *و va* 'и' может быть легко заменен на подчинительный союз *که ke*. Таким образом, наличие либо сочинительного союза *و va*, либо подчинительного союза *که ke* дает основание формально рассматривать все сложное предложение соответственно как сложносочиненное или как сложноподчиненное.

Существующее многообразие отношений между частями сложносочиненных предложений может быть сведено к трем наиболее общим отношениям: соединительным, противительным и разделительным.

1. Сложносочиненные предложения с соединительными отношениями

Эти отношения выражаются при помощи соединительных союзов, к которым относятся одиночные союзы *و va* 'и', *هم ham*, *نیز niz* 'также'; повторяющиеся — *چه...چه ĉe... ĉe*, *هم...هم ham... ham* 'как..., так и', 'и..., и', *نه...نه na... na* 'ни..., ни'; двойной — *نه فقط... بلکه na faqat... balke* 'не только..., но и'. Союзы *هم ham* и

نيز *niz* всегда примыкают к предшествующему слову и часто употребляются в сочетании с союзом *va*: خانم مريض است و من هم ناراحتم *Xānom-am mariz ast va manham nārāhat-am* 'Жена моя больна, и мне тоже нездоровится'.

Среди соединительных союзов наибольшее распространение получил союз *va*.

1.1. Сложносочиненные предложения с союзом *va* / -o

Этот союз почти не обладает конкретным лексическим значением и лишь указывает на то, что между сочиненными предложениями существуют какие-то смысловые отношения (например, временные, причинно-следственные, сопоставительно-противительные), выражаемые другими лексико-грамматическими средствами. Он превратился в формально-грамматический показатель сочинительной связи. Вне контекста и без учета логических отношений между соединяемыми частями вообще трудно говорить о собственном значении союза *va*.

Сложносочиненные предложения с союзом *va* характеризуются большим разнообразием смысловых отношений, устанавливающихся между входящими в них предложениями. Одной из характерных особенностей структуры персидских сложносочиненных предложений этого типа является то, что они нередко включают в свой состав сразу несколько предложений, связанных между собой по смыслу, причем каждое последующее предложение, простое или сложное, присоединяется союзом *va*, в результате чего создаются длинные периоды, представляющие своеобразное структурно-смысловое единство. Подобного рода периоды можно встретить в языке прессы, научной и публицистической литературы.

Нередко сложносочиненные предложения включают в свой состав сразу несколько сложных предложений, которые по своим синтаксическим свойствам и заключенному в них содержанию могли бы рассматриваться как самостоятельные, а следовательно, и союз *va* мог бы быть в ряде случаев заменен точкой¹.

Частое употребление союза *va* для соединения частей сложносочиненных предложений объясняется также тем, что он выражает не только соединительные отношения, но и сопоставительно-противительные, т.е. обладает значением, близким к значению противительных союзов اما *ammā*, ولی *vāli*, بلکه *bālke* 'а', 'но'. Употребление союза *va* в этом значении будет рассмотрено ниже, вместе с рассмотрением этих союзов при описании сложносочиненных предложений.

Специфика союза *va* не ограничивается отмеченным выше: этот союз может употребляться и тогда, когда смысловые отношения между предложениями настолько ослаблены, что приближаются к отношениям, характерным для самостоятельных предложений: قلیانی چاق کردم به دستش دادم و گفت حاضر شنیدن فرمایشات شما هستم *Qalyān-i cāq kardam be dast-aš dādam va goft hāzer-e šenīdan-e farmāyešāt-e šomā hastam* 'Я приготовил кальян, дал ему в руки. И он сказал: «Я готов слушать

¹ В русском языке объединение нескольких предложений (трех и более) в синтаксическое единство только при помощи сочинительного союза *и* — явление весьма редкое. Как правило, между связанными таким путем предложениями устанавливаются присоединительные отношения.

ваши распоряжения»' (Джамаль-задэ. Политический деятель). В приводимом при-
ре союз *و* *va* употреблен перед фактически самостоятельным предложением.

Анализ структуры сложносочиненных предложений, части которых соедине-
ны союзом *و* *va*, значительно затрудняется отсутствием разработанных для персид-
ского языка правил пунктуации, так как в конечном счете именно пунктуационный
знак — точка служит тем показателем, который отделяет одно самостоятельное
предложение от другого. Наблюдения показывают, что нет большой разницы
в смысловых отношениях, существующих между так называемыми сочиненными
предложениями и самостоятельными предложениями, когда последние связаны ло-
гико-смысловыми отношениями. Поэтому сложносочиненное предложение вос-
принимается в большинстве случаев как пунктуационное единство. Однако в пер-
сидском языке не существует каких-либо специально выработанных правил, строго
регламентирующих расстановку знаков препинания².

В отличие от противительных и других соединительных союзов, которые
всегда соединяют два предложения или две группы предложений (простые и слож-
ные либо только сложные предложения), союз *و* *va* может связывать три и более
простых и сложных предложений.

Между сочиненными предложениями могут устанавливаться однородные и не-
однородные отношения. В случае однородности сочиненных предложений каждое
из них обладает примерно равноценным значением в общем смысле всего сложно-
сочиненного предложения: همان احوال و احساسات و افکار در خاطر من زنده می شد و *Hamān ahvāl va ehsāsāt*
va afkār dar xāter-am zende mišod va hamān harfhā-ye baččegi be zabān-am miāmād
va galu-yam az zowq migereft 'Те же самые чувства и мысли оживали в моей памяти,
и те же слова детства произносились невольно мною, и горло сжималось от радо-
сти' (Хеджази. Слеза).

Многочленные сложносочиненные предложения с союзом *و* *va* могут выражать
последовательное чередование действий, событий: مدتی از این در و آن در صحبت شد و *Moddat-i az in dar-o ān dar sohbat šod va belaxare*
moraxxas-etān kard va raftam manzel 'Некоторое время разговор продолжался обо
всем, и наконец он нас отпустил, и я отправился домой' (Кешаварз. В определенное
время).

В трехчленном сложносочиненном предложении первое и второе предложения
часто объединяются бессоюзно, а второе и третье связываются союзом *و* *va*³:
Oqde-i gošude šod, zaxm-i sar *Oqde-i gošude šod, zaxm-i sar* 'Занеж от того, что
зачем-то изранен, и я в нем победила' (Хеджази. Слеза).

² Знаки препинания в персидском языке в основном отражают интонационное строение речи и ставятся произвольно. Часто вместо точки для отграничения самостоятельных предложений употребляют запятую или, как было отмечено, соединительный союз *و* *va*.

Систематически пунктуационные знаки начали употребляться в конце XIX — начале XX в. Большое влияние на их расстановку, как отмечают многие иранские ученые, оказывают западноевропейские языки, в частности французский. Так, Феридун Кар в работе «Давайте писать без ошибок» отмечает, что знаки препинания впервые появились в переводах западноевропейской литературы [Кар 1334, с. 22].

³ При помощи сочинительного союза *و* *va* могут соединяться и соподчиненные придаточные предложения (чаще всего не более двух): البته آن روز ندانستم که مسابقه زیبایی بوده و من برنده شده ام *Albatte ān*
ruz nadānestam-ke mosābeqe-ye zibāyi bude va man barande šode-am 'Конечно, я в тот день не знала, что
состоялся конкурс красоты и я в нем победила' (Хеджази. Слеза).

bāz kard va xun az ān rixt 'Развязался узел, открылась рана, и из нее полилась кровь' (Аляви. Ее глаза); *پای چپش فرمان نبرد و ناله اش برخاست Xāst bar-xizad, pā-ye čap-aš farmān nabord va nāle-aš bar-xāst* 'Он хотел встать, левая нога не слушалась его, и он вскрикнул' (Хеджази. Слеза).

Однако, по нашим наблюдениям, наиболее продуктивным типом сложносочиненных предложений являются предложения, состоящие из двух частей.

Составными частями сложносочиненного предложения могут быть не только простые, но и сложные предложения. Сложноподчиненное предложение, связанное сочинительной связью с простым предложением, может находиться в начале и в конце сложносочиненного предложения: *هر چند کردی از حیث ساختمان مستقل است ولی زبانهای اطراف یعنی فارسی و عربی و ترکی و ارمنی در آن تاثیر کرده اند و بسیاری از لغات آن مقتبس از آن زبانهاست Har čand kordi az heys-e sāxtemān mostaqell ast vali zabānhā-ye atrāf ya'ni fārsi va arabi va torki va armani dar ān ta'sir karde-and va besyāri az loqāt-e ān moqtabas az in zabānhā-st* 'Хотя курдский язык по своей структуре является языком самостоятельным, но окружающие его языки — персидский, арабский, турецкий, армянский — оказали на него влияние, и многие из слов, вошедших в курдский язык, заимствованы из этих языков' (Нашр-э данэш, № 4). В этом примере сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным предшествует простому предложению. А вот пример, когда, наоборот, простое предложение находится перед сложноподчиненным с дополнительным придаточным и также связано с ним соединительным союзом *و* *va*: *از صحبت می کرد و از اغلب با او صحبت می کرد و از Aqlab bā u sohbat mikard va az xande-ešān peydā bud-ke harfshā-ye xošmāze mizanand* 'Она часто разговаривала с ним, и по их смеху было видно, что они ведут приятную беседу' (Хеджази. Слеза).

Обе части сложносочиненного предложения могут быть представлены сложноподчиненными предложениями⁴: *آن دفعه که اینجا تشریف آوردید آقا رجب زنده بود و آن daf'e-ke injā tašrif āvardid Āqā Rajab zende bud va tanhā kas-i-ke az zendegi-ye ostād ettelā'-e kāmēl dāšt hamān u bud-ke digar nist* 'Тот раз, когда вы приходили сюда, Ага Раджаб был жив, и он был единственным человеком, обладавшим подробными сведениями о жизни художника, но его уже нет' (Аляви. Ее глаза); *سألها گذشت تا چشمم باز شد و Sālha gozašt tā češm-am bāz šod va didam har ke-rā mardom sar-e dast bar-midārand, hamān ast baxt-o ettefāq bar-gozide* 'Прошло много лет, пока мои глаза прозрели, и я увидел, что народ возвеличивает того человека, которому повезло' (Хеджази. Слеза).

Обращают на себя внимание случаи пропуска вспомогательных глаголов в составе сказуемых сложносочиненных предложений или случаи полного опущения глаголов-сказуемых. Так, если в обеих частях сложносочиненного предложения употребляются одинаковые вспомогательные глаголы, то вспомогательный глагол первого предложения может быть опущен: *شماره زیادی کلمات عربی با کلمات پارسی*

⁴ Следует иметь в виду, что если сочиняются сложноподчиненные предложения, то характер отношений между ними устанавливается на основании соотношения главных предложений; если же сложносочиненное предложение состоит из простого и сложноподчиненного предложений, то характер отношений между ними определяется соотношением простого предложения с главным.

است گرده فارسی گمشده کلمات جایگزین کلمات همراه شده و بعضی کلمات جایگزین کلمات گمشده فارسی گردیده است *kalemāt-e arabi bā kalemāt-e pārsi hamrāh šode va ba'zi kalemāt jāygozin-e kalemāt-e gomšode-ye fārsi gardide-ast* 'Большое количество арабских слов стало употребляться наряду с персидскими, а некоторые слова заменили собой вышедшие из употребления персидские' (Хомаюнфаррох).

В разговорном языке и фольклоре встречаются случаи пропуска глагола как в первой, так и во второй части сложносочиненного предложения: رخت او آبی زرد بود *Raxt-e u ābi-ye āsmāni va kolāh-aš namadi-ye zard bud* 'Одежда его была небесно-голубого цвета, и на нем была надета войлочная шапка желтого цвета' (Хедаят. Лале); سير از گرسنه خبر ندارد و سوار از پیاده *Sir az gorosne xabar nadārad va savār az piyāde* 'Сытый голодного не разумеет, а всадник — пешего' (нословица); شب دراز است و قلندر بیکار *Šab derāz ast va qalandar bikār* 'Ночь длинна, и бродячий дервиш без дела' (т.е. торопиться некуда, время еще терпит) (Рахмати. Словарь). В приведенных выше сложносочиненных предложениях во вторых частях пропущены глаголы: во втором предложении — СГ خبر ندارد *xabar nadārad* 'не разумеет', в третьем — глагол-связка است *ast* 'есть'. Иногда глагол-связка может быть опущен в обеих частях сложносочиненного предложения: دزد هم حاضر و بز حاضر *Boz hāzer va dozd-ham hāzer* 'И коза здесь, и вор налицо' (поговорка).

Как уже отмечалось, предложения, соединенные посредством союза *و* *va*, могут иметь временные, причинно-следственные, присоединительные и некоторые другие отношения. Однако эти отношения не всегда могут быть выявлены с полной определенностью. Так, значение временной последовательности часто осложняется причинно-следственными и присоединительными отношениями.

1.1.1. Сложносочиненные предложения с временными отношениями

Различные виды смысловой связи между частями сложносочиненных предложений с союзом *و* *va* неодинаково продуктивны. Наиболее часто между сочиненными предложениями устанавливаются временные отношения, характеризующиеся либо одновременностью действий, либо их последовательностью. Характер временной связи между предложениями в сложносочиненном и в сложноподчиненном предложении с придаточными времени различен: при сочинении действие каждого предложения воспринимается как имеющее самостоятельную ценность, наоборот, при подчинении действие одного предложения уточняет время действия другого.

1. Отношения одновременности действия в сложносочиненных предложениях чаще всего выражаются путем употребления одинаковых временных форм глаголов-сказуемых. Такие отношения наблюдаются в сложносочиненных предложениях, глаголы-сказуемые которых стоят в форме прошедшего длительного времени: هوای گرمی روی سر آنها سنگینی می کرد و گرد و غبار نرمی جلو آسمان لاجوردی موج می زد... *Havā-ye garm-i ru-ye sar-e ānhā sangini mikard va gard-o qobār-e narm-i jelov-e āsmān-e lājvardi mowj mizad...* 'Горячий воздух давил на их головы, и тонкая пыль волнообразно кружилась в лазурном небе...' (Хедаят. Бродячий пес); اما چشم آن زن به *Ammā češm-e ān zan be gardeš nemirāft*

va jaz be šowhar-e hod negāh nemikard 'Однако глаза той женщины не блуждали по сторонам, и она смотрела только на своего мужа' (Хеджази. Слеза).

Отношения одновременности также могут иметь место в сложносочиненных предложениях, сказуемые которых выражены глаголами в форме простого прошедшего и в форме преждепрошедшего времени: *از قضا در این شب تنها ماندیم و از رفقا کسی به سراغمان نیامد* *Az qazā dar in šab tanhā māndim va az rofaqā kas-i be sorāq-emān nayāmad* 'Случайно в этот вечер мы остались одни, и никто из товарищей не зашел к нам' (Хедаят. Катя); *از پله ها بالا رفت و من دنبال او بودم* *Az pallehā bālā raft va man dombāl-e u budam* 'Она поднялась по лестнице наверх, и я следовал за ней' (Аляви. Ее глаза); *تنبان بلند و گشادی تا مچ پایش پایین آمده بود و پول و طلائی جلوی سر بند او آویخته بود* *Tombān-e boland-o gošād-i tā moč-e pā-yaš pāyin āmade bud va pul-e talāyi jelov-e sarband-e u āvixte bud* 'Длинные широкие шаровары доходили до щиколоток, и на головном уборе висела золотая монета' (Хедаят. Трон Абунасра).

Отношения одновременности между частями сложносочиненных предложений могут выражаться и глаголами в форме настояще-будущего времени. Глаголы-сказуемые употребляются в форме настояще-будущего времени при характеристике общих, постоянно протекающих действий, а также при описании прошедших явлений и событий с целью оживления повествования. *خودت.. می پرسی.. و خودت جواب* *Xod-at miporsi va xod-at javāb midehi* 'Сам спрашиваешь и сам отвечаешь' (Рахмати. Словарь); *گیله مرد دید: محمد ولی کنار او راه می رود و از سرنیزه اش آب می چکد* *Gilemard did: Mohammad Vali kenār-e u rāh miravad va az sarnize-aš āb mičekad* 'Крестьянин-гиляк увидел: Мохаммад Вали идет рядом с ним, и со штыка его винтовки капает вода' (Аляви. Крестьянин-гиляк).

В сложносочиненных предложениях с союзом *و* *va* возможно частичное совпадение действий соединяемых предложений. Оно обычно наблюдается при употреблении разных временных форм глаголов-сказуемых (примеры приводятся ниже).

Отношения одновременности нередко сопровождаются параллелизмом в структуре сочиненных предложений, что находит выражение в одинаковом порядке слов, в повторении одних и тех же членов предложения, в употреблении одинаковых глагольных форм: *گلویم از شوق محبت گرفت و چشمم از اشک لبریز شد* *Galu-yam az šowq-e mahabbat gereft va češm-am az ašk labriz šod* 'От любви у меня перехватило дыхание, и глаза наполнились слезами' (Хеджази. Слеза); *او آنها سبزی او را پاک می کردند و او خوش رقصی های زیردستان و ارباب رجوع را تحمل می کرد* *Ānhā sabzi-ye u-rā pāk mikardand va u xošraqsihā-ye zirdastān va arbāb-e roju-rā tahammol mikard* 'Они ему лыстили, и он переносил угодничество подчиненных и просителей' (Аляви. Письма).

Особенно тесная связь между сочиненными предложениями бывает при наличии общего для них члена: *بیرون سرد بود و برف می آمد* *Birun sard bud va barf miāmad* 'Снаружи было холодно и шел снег' (Аляви. Письма); *از صبح زود ابرها جا به جا می شدند و باد موذی سردی می وزید* *Az sobh-e zud abrahā jā be jā mišodand va bād-e muzi-ye sard-i mivazid* 'С раннего утра облака непрерывно перемещались и дул неприятный холодный ветер' (Хедаят. Лале).

2. В сложносочиненных предложениях, выражающих последовательность действий, одно из них во времени предшествует другому. Отношения временной по-

следовательности выражаются порядком следования сочиненных предложений; во второй части сложносочиненного предложения сообщается о действии, которое начинается после окончания действия, описываемого в первой части: *در این وقت در آمدن کوفه باز شد و مرد مسنی با لباس فرسوده وارد شد* *Dar in vaqt dar-e kuče bāz šod va mard-e moseni-bā lebās-e farsude vāred šod* 'В это время открылась входная дверь, и вошел пожилой мужчина в поношенной одежде' (Хедаят. Хаджи-ага); *و مادرم برخاست و به طرف اتاق پدرم روان شد و ما به دنبال او رفتیم* *Mādar-am bar-xāst va be taraf-e otāq-e pedar-am ravān šod va mā be dombāl-e u raftīm* 'Моя мать встала и направилась в кабинет отца, и мы последовали за ней' (Хеджази. Слеза).

Наряду с чисто временными отношениями в таких сложносочиненных предложениях нередко выражаются причинно-следственные отношения: *کم کم پلکهای چشمش سنگین شد و به خواب رفت* *Kamkam pelkhā-ye češm-aš sangin šod va be xāb raft* 'Постепенно его веки сделались тяжелыми, и он заснул' (Хедаят. Патриот).

Последовательность действий может подчеркиваться употреблением во второй части различных слов и словосочетаний с временным значением, например *پیرزن به او آب و نان پس از آن داد و بعد باهم رفتند پشت آلونک* *Pirzan be u āb-o nān dād va ba'd bā ham raftand* *pošt-e ālunak* 'Старуха дала ему хлеба и воды, и потом они вместе пошли за хибару' (Хедаят. Живая вода); *رفیقم رفت و دیگر از آن به بعد هر چه جویا شدم اثرش را نیافتم* *Rafiq-am raft va digar az ān be ba'd har če juyā šodam asar-aš-rā nayāftam* 'Мой товарищ ушел, и с тех пор, сколько я его ни искал, мне не удалось обнаружить его следы' (Хедаят. Катя).

Отношения временной последовательности действий имеют место как в тех случаях, когда временные формы глаголов-сказуемых сочиненных предложений не совпадают, так и в тех случаях, когда употребляются одинаковые временные формы. Наиболее часто сказуемые обеих частей сложносочиненных предложений с отношениями последовательности действий выражаются одинаковыми формами времени — чаще всего простым прошедшим временем.

1.1.2. Сложносочиненные предложения с причинно-следственными отношениями

Взаимоотношения частей сложносочиненных предложений, в которых выражаются причинно-следственные отношения, определяются соотношением значений входящих в них сочиненных предложений. Такого рода сложносочиненные предложения состоят из двух частей. В первой части сообщается о причине или основании для другого действия, о котором говорится во второй части. Во втором предложении выражается следствие или результат того действия, о котором идет речь в первой части: *کلمه «جلسه» تا آن وقت به گوشم نخورده بود و در جواب معطل ماندم* *Kalame-ye «jalase» tā ān vaqt be guš-am naxorde bud va dar javāb moattal māndam* 'До того времени мне не приходилось слышать слово «собрание», и я промедлил с ответом' (Джамаль-задэ. Политический деятель); *زبانهای ایرانی کهن و میانه امروز دیگر رایج نیستند و آنها را فقط بر حسب مدارکی که از آنها به جای مانده است می شناسیم* *Zabānhā-ye irāni-ye kohān va miyāne emruz digar rāyej nistand va ānhā-rā faqat bar hasb-e madārek-i-ke az ānhā be jāy mānde-ast mišenāsīm* 'В настоящее время древне-

и среднеиранские языки не имеют распространения, и мы знаем о них только на основании тех документов, которые от них остались’.

Причинно-следственные отношения, выражаемые сочиненными предложениями, по своему характеру близки к тем отношениям, которые имеют место в сложно-подчиненных предложениях с придаточными следствия, начинающимися союзом *بطوریکه* *be towr-i-ke* ‘так что’. Это можно видеть, если сравнить два следующих предложения: *زمین او امسال حاصلش خوب نبود و ناگزیر شد تا مقداری از پس انداز خودش را* *Zamin-e u emsāl hāsel-aš xub nabud va nāgozīr šod tā meqdār-i az pasandāz-e xod-aš-rā xarj konad* ‘В этом году у него был неважный урожай, и он был вынужден израсходовать часть своих сбережений’ (Хедаят. Лале) и *زمین او امسال حاصلش خوب نبود بطوریکه ناگزیر شد تا مقداری از پس انداز خودش را خراج کند* *Zamin-e u emsāl hāsel-aš xub nabud be towr-i-ke nāgozīr šod tā meqdār-i az pasandāz-e xod-aš-rā xarj konad* ‘В этом году у него был неважный урожай, так что он был вынужден израсходовать часть своих сбережений’. Как в сложносочиненном, так и в сложноподчиненном предложении во вторых частях выражается следствие. Однако в отличие от сложноподчиненных в сложносочиненных предложениях отношения причины и следствия выступают в ослабленном виде. Таким образом, возможность выражения причинно-следственной зависимости при сочинении меньше, чем в сложноподчиненном предложении.

Временные формы глаголов-сказуемых сочиненных предложений сами по себе не выражают характера причинно-следственных отношений. Строгой соотнесенности в употреблении форм времени первой и второй частей сложносочиненного предложения не наблюдается. В сложносочиненных предложениях с причинно-следственной зависимостью сказуемые могут выражаться глаголами в разных временных формах: *راه و روش سخن را اکنون خوانندگان عزیز بخوبی فهمیدند و شاید توضیح بیان آن بیفایده باشد* *Rāh-o raveš-e Soxan-rā aknun xānandegān-e aziz bexubi fahmidand va šāyad towziḥ-e bayān-e ān bifāyede bāšad* ‘В настоящее время дорогие читатели хорошо поняли главное направление журнала «Сохан», и, вероятно, разъяснять его нет смысла’ (Сохан).

Для более четкого выражения причинно-следственной зависимости между сочиненными предложениями могут употребляться специальные слова и словосочетания, указывающие на причину действия второго предложения. К ним относятся такие словосочетания, как *به این علت* *be in ellat* ‘по этой причине’, ‘поэтому’, *به همین جهت* *be hamin jahat* ‘по этой же самой причине’, *به این ترتیب* *be in tartīb* ‘таким образом’ и другие, которые располагаются в начале второй части, за союзом *و*: *بر اثر مطالعات و تماشاهای بسیار توانسته ام اطلاعات بسیار جمع آوری و تحصیل کنم و بدین ترتیب سفر بیست و یک روزه فرصتی پیش آورد...* *Bar asar-e motāleāt va tamāshāhā-ye besyār tavāneste-am ettelāāt-e besyār jam āvari va tahsil konam va be-din tartīb safar-e bistoyekruze forsāt-i piš āvard...* ‘В результате длительных наблюдений мне удалось собрать много сведений, и, таким образом, двадцатидневное путешествие создало благоприятные возможности...’ (Тафаззоли. Поездка в Москву).

Причинно-следственные отношения между частями сложносочиненных предложений часто осложняются другими значениями, например значениями временной последовательности, определительно-присоединительными и т.д.

1.1.3. Сложносочиненные предложения с присоединительными отношениями

Сложносочиненные предложения, в которых выражаются присоединительные отношения, получили в современном языке большое распространение. Такого рода сложносочиненные предложения обычно состоят из двух частей, причем во второй из них содержится уточнение, пояснение, добавление к тому, о чем сообщается в первой. Кроме того, во второй части может также высказываться оценка содержания первого предложения.

Предложения, характеризующиеся присоединительными отношениями, несколько неравнозначны по содержанию. Первая часть является независимой грамматически и по смыслу, примыкающая же к ней часть зависит от нее. Во втором предложении содержится дополнительное сообщение, относящееся ко всему первому предложению или к одному из его членов. Существуют две разновидности сложносочиненных предложений с союзом *و* *va*, в которых имеют место присоединительные отношения.

1. Сложносочиненные предложения, в которых вторая часть поясняет целиком всю первую часть, сравнительно немногочисленны. Для выражения присоединительной связи такого рода сложносочиненных предложений во второй части употребляют указательное местоимение *این in* 'этот' и *آن an* 'тот' или сочетания этих местоимений со словами, служащими смысловым обобщением всего того, о чем сообщается в первой части: *پس از فوت پدرم به منزل نیامده بود و این خود دلیل بر آن بود که از دوستان خانواده نیست* *Pas az fowt-e pedar-am be manzel nayāmade bud va in xod dalil bar ān bud-ke az dustān-e xānevāde nist* 'После смерти отца он не приходил к нам, и **это** (букв. '**это само**') свидетельствовало о том, что он не был другом нашей семьи' (Хеджази. Слеза). В роли подлежащего во втором предложении выступает словосочетание *این خود in xod* 'это само', обозначающее все содержание первой части.

2. Значительно чаще второе из сочиненных предложений относится к какому-либо члену первого предложения. Существует несколько способов обозначения во втором предложении представляемого члена первого предложения. Во втором предложении может быть употреблено указательное местоимение *آن an* (реже *این in*), личные местоимения 3-го лица и соответствующие им местоименные энклитики, местоименные наречия *آنجا ānjā* 'там', *اینجا injā* 'здесь', представляющие поясняемый член первого предложения: *در فکر او فقط یک مطلب جا داشت و آن فکر انقلاب ایران بود* *Dar fekr-e u faqat yek matlab jā dāšt va ān fekr-e enqelāb-e Irān bud* 'Его мысли занимала только одна тема, и **это** была мысль о революции в Иране' (Аляви. Комета). В приведенном примере местоимение *آن an*, представляющее подлежащее первого предложения *یک مطلب yek matlab* 'одна мысль' (букв. 'одна тема'), выступает в роли подлежащего второго предложения.

Характерной особенностью сложносочиненных предложений с присоединительной связью является то, что все они по своему синтаксическому значению близки к сложноподчиненным предложениям с придаточными определительными, но имеют особую структуру. Особенность ее состоит в том, что главное предложение предшествует придаточному определительному. Так, если в сложном

предложении с придаточным определительным *قواعد کردن نمونه ای از مقصود ما یاد* *Maqsud-e mā yād kardan-e nemune-i az qavāed-e jomlesāzi ast-ke dānestan-e ānhā barāye nowāmuzān lāzem ast* ‘Наша цель — научить некоторым правилам построения предложений, которые необходимы для начинающих учащихся’ (Бахар, Форузанфар и др.) подчинительный союз *که ke* заменить союзом *و va*, образуется сложносочиненное предложение, причем содержание предложения в целом почти совсем не изменится. Поэтому такого рода связь между сочиненными предложениями целесообразно назвать присоединительно-определительной.

Сложносочиненные предложения с союзом *و va*, в которых выражаются присоединительные отношения, характеризуются несколько меньшей спаянностью своих частей, чем сложносочиненные предложения с другими видами отношений.

1.2. Сложносочиненные предложения с другими соединительными союзами

Кроме союза *و va/o* в качестве соединительных союзов употребляются повторяющиеся союзы *و ... و va... va* ‘и..., и’, *هم... هم ham... ham* ‘как..., так и’, ‘и..., и’, *نه... نه na... na* ‘ни..., ни’, двойной *بلکه... فقط na faqat... balke* ‘не только..., но и’, а также одиночные союзы *هم ham*, *نیز niz* ‘также’, ‘тоже’, ‘и’. Однако все эти союзы встречаются значительно реже, чем союз *و va*.

Сочинительный союз *نه... نه na... na* совмещает в себе функции соединительного союза и усилительной частицы. Этот союз употребляется для соединения только отрицательных предложений и поэтому вносит в сложносочиненное предложение значение отрицательного перечисления: *من توانستم این معمی را حل کنم نه دیگران قادر بودند به آن پی ببرند Na man tavānestam in moammā-rā hall konam na digarān qāder budand be ān pey bebarand* ‘Ни я не мог решить этой загадки, ни другие не могли ее понять’ (Кейхан); *نه او گفت چرا و نه من پرسیدم Na u goft čerā va na man پرسیدم* ‘Ни она не сказала, в чем дело, ни я не спросил’ (Хеджази. Слеза).

В состав повторяющегося союза *نه... نه na... na* может входить союз *و va*: *نه... نه na... va na* (всегда ставится перед вторым *نه na*). Кроме того, при употреблении его перед глаголами-сказуемыми сочиненных предложений, как уже отмечалось, частица отрицания не ставится, и они всегда даются в положительной форме.

Из других соединительных союзов, участвующих в образовании сложносочиненных предложений, отметим двойные союзы *بلکه... فقط na faqat... balke* и его синоним *نه تنها... بلکه na tanhā... balke*: *از پشت زبیرها و درشتیهای الیس را نرم و آسان و تحمل کردنی می دیدم Na tanhā āzār-am nemidād balke az pošt-e ān češmhā-ye porātefe... zebrihā va dorostihā-ye Alis-rā narm va āsān va tahammolkardani mididam* ‘Она меня не только не мучила, но и сквозь призму ее милых глаз... грубость и жесткость Алисы мне казались более легкими и терпимыми’ (Хеджази. Слеза); *در این کشور نه فقط نویسندگان را محترم می دانند بلکه اغلب روشنفکران علاقه مخصوصی به کار آنها دارند Dar in kešvar na faqat*

nevisandegān-rā mohtaram midānand balke aqlab-e rowšanfekrān alāqe-ye maxsus-i be kār-e ānhā dārand ‘В этой стране не только уважают писателей, но и большинство интеллигенции проявляет особый интерес к их работе’ (Пейам-э новин).

Повторяющиеся союзы و ... و *va... va*, چه ... چه *če... če* и другие чаще всего употребляются для соединения однородных членов предложения: چه من چه دوست من فردا استراحت می‌کنیم *Če man če dust-e man fardā esterāhat mikonim* ‘И я, и мой друг завтра отдыхаем’.

Одиночные союзы هم *ham*, نیز *niz* для соединения предложений употребляются сравнительно редко. Особенность их употребления состоит в том, что они помещаются не в начале присоединяемого с их помощью предложения, а после одного из его членов: زنها ساکت بودند، من هم از آنها پرسش نکردم *Zanhā sāket budand, man-ham az ānhā porseš nakardam* ‘Женщины молчали, я также не задавал им вопросов’ (Кейхан); من امتحان کردم یک حب قند هم این استکان را شیرین می‌کند *Man emtehān kardam yek habb-e qand-ham in estekān-rā širin mikonad* ‘Я испытал — и один кусочек сахара делает чай сладким в таких стаканах’ (Хедаят. Хаджи-ага).

Союзы هم *ham*, نیز *niz* обычно выражают присоединительные отношения в сложносочиненных предложениях. Союз هم *ham* не следует смешивать с энклитической усилительной частицей هم *ham* ‘даже’, служащей не для связи слов и предложений, а для подчеркивания различных оттенков значений слов.

2. Сложносочиненные предложения с противительными отношениями

В сложносочиненных предложениях этого типа противительные отношения часто совмещаются с сопоставительными. Последние бывает трудно отделить от первых, поэтому лучше говорить о сложносочиненных предложениях с сопоставительно-противительными отношениями.

В качестве противительных союзов используются слова اما *ammā*, ولی *vāli*, لکن *lāken*, لیکن *likēn* (в поэтической речи также لیک *lik*) ‘но’, ‘однако’, ‘а’, ‘тем не менее’, بلکه *bālke* ‘а’, ‘но’, والا *vaellā* ‘а не то’, ‘в противном случае’, ‘иначе’, گرنه *garna* ‘а не то’, ‘а иначе’. Противительные союзы اما *ammā*, لکن *lāken*, لیکن *likēn*, گرنه *garna* нередко употребляются в сочетании с союзом و *va*. Кроме того, в качестве сопоставительно-противительного союза употребляется уже рассматривавшийся в других значениях союз و *va* ‘а’, ‘но’. Этим значением, видимо, можно объяснить возможность его сочетания с другими противительными союзами.

В отличие от сложносочиненных предложений, в которых выражаются соединительные отношения, сложносочиненные предложения с противительными отношениями всегда двучленны. Они состоят не более чем из двух предложений или из двух групп предложений. Такая двучленность сложносочиненных предложений вытекает из внутренней природы противопоставления, заключающейся в том, что одному какому-либо действию (событию, явлению) может быть противопоставлено только одно действие (событие, явление).

Сложносочиненные предложения с противительными отношениями разнообразны по своей структуре: они могут состоять из двух простых предложений, из простого и сложного предложения (сложноподчиненного или сложносочиненного), из двух сложных предложений. Приведем некоторые примеры: باران تندتر شده اما او ملتفت نبود *Bārān tonđtar šode bud, ammā u moltafet nabud* ‘Дождь пошел еще сильнее, но он этого не заметил’ (Хедаят. Тупик); تاریکی شب همه جا را فرا گرفت، ولی لاله نیامد *Tārīki-ye šab hamejā-rā farā-gereft, vali Lāle nayāmad* ‘Темнота ночи охватила все кругом, но Лале не пришла’ (Хедаят. Лале). Части данных сложносочиненных предложений представляют собой простые предложения, объединенные противительными союзами اما *ammā* и ولی *vali*. Именно эти союзы, а не синонимичные им союзы لاکن *lāken* и لیکن *liken* имеют наибольшее распространение в современном персидском языке.

Первая часть сложносочиненного предложения может быть представлена не только простым, но и сложным предложением: او همیشه از وقتی که به خاطرش هست تفنگدار بوده و همیشه مزدور خان بوده است، اما در بچگی مزه غارت و بیخانمانی را چشیده بود *U hamīše az vaqt-i-ke be xāter-aš hast tofangdār bude va hamīše mozdur-e xān bude-ast, ammā dar baččegi maze-ye qārat va bixānemāni-rā češide bud* ‘Все то время, которое он сохраняет в памяти, он всегда был с винтовкой и служил у хана, однако в детстве ему пришлось познать, что такое грабежи и бездомная жизнь’ (Аляви. Крестьянин-гилак).

Возможны также и другие сочетания простых и сложных предложений с помощью противительных союзов.

Входящие в состав сложносочиненного простые предложения могут совпадать по своей структуре, по употребляемым в них главным и второстепенным членам и глагольным формам, но могут и различаться по составу компонентов и строению: دست شکسته کار می کند اما دل شکسته کار نمی کند *Dast-e šekaste kār mikonad ammā del-e šekaste kār nemikonad* ‘Сломанная рука может действовать, а разбитое сердце не работает’ (Рахмати. Словарь). Сложносочиненное предложение состоит из двух однотипных двусоставных предложений: دروازه را می شود بست اما دهان مردم را نمی شود بست *Darvāze-rā mišavad bast ammā dahān-e mardom-rā nemišavad bast* ‘Ворота можно закрыть, но рот у людей — нет’ (Рахмати. Словарь). Сложносочиненное предложение с противительной связью образовано сочетанием двух односоставных предложений.

Конкретную характеристику сложносочиненных предложений с противительными отношениями целесообразно связать с теми противительными союзами, которые объединяют части этих предложений. Дело в том, что отдельные противительные союзы или группа синонимичных союзов вносят определенные смысловые оттенки в противительные отношения сложносочиненных предложений.

Начнем рассмотрение с противительных отношений, возникающих при употреблении наиболее многозначного сочинительного союза و *va*, который в этом случае имеет значение ‘а’, ‘но’.

2.1. Сложносочиненные предложения с союзом *و* *va* / *-o*

Этот союз не является таким четким выразителем противительных отношений, как, например, союзы *اما ammā*, *ولی vali*, *بلکه balke*. Тем не менее нельзя не учитывать его участие в создании сложносочиненных предложений с сопоставительно-противительными отношениями.

В отличие от предложений с соединительной связью сложносочиненные предложения с сопоставительно-противительными отношениями всегда двучленные, т.е. состоят только из двух предложений или из двух групп предложений: *او شانزده سال داشت و من چهارده ساله بودم U šānzdah sāl dāšt va man čahārdahsāle budam* 'Ему было шестнадцать лет, а мне — четырнадцать' (Хеджази. Слеза).

Основным выразителем противительных отношений является само содержание сочиненных предложений, создаваемое лексическими средствами и одновременным употреблением положительной и отрицательной формы глаголов-сказуемых: *تو ناگاهت من مدتی طول کشید و پس از آنکه سالم شدم مدرسه بسته بود Jā tar ast va bačče nist* 'Некоторое время я болела, но когда я поправилась, школа была уже закрыта' (Хеджази. Слеза); *جا تر است و بچه نیست Jā tar ast va bačče nist* 'В этом месте мокро, а ребенка нет' (Рахмати. Словарь); *صددها دختر جمیل او را میخواستند و او یکی را به دلخواه خود نمی دید Sadhā doxtar-e jamil u-rā mixāstand va u yeki-rā be delxāh-e xod nemidid* 'Сотни красивых девушек хотели быть с ним, но ни одна ему не нравилась' (Хеджази. Слеза). В двух последних сложносочиненных предложениях противопоставление создается сочетанием положительной формы глагола-сказуемого (в первых частях сложносочиненных предложений) и отрицательной формы глагола-сказуемого (во вторых частях).

Части сложносочиненного предложения могут связываться одновременно союзом *و* *va* и одним из чисто противительных союзов — этим достигается более четкое противопоставление: *اخیراً چند نفری هم خواسته اند از روی شالودهٔ زبانهای اروپایی یعنی فرانسه و انگلیسی دستور بنویسند و آنها نیز به همان تقلید اصطلاحات قناعت کرده اند Axiran čand nafar-i-ham xāste-and az ru-ye šālude-ye zabānhā-ye orupāyi ya 'ni ferānse va engelisi dastur benevisand va ānhā-niz be hamān taqlid-e estelāhāt qanāat karde-and* 'В последнее время несколько человек также пытались на основе европейских языков, французского и английского, написать грамматику, но и они ограничились только подражанием в применении терминологии' (Хомаюнфаррох).

Как уже было отмечено, по своему значению к противительным близко примыкают сопоставительные отношения, также часто устанавливающиеся между сочиненными предложениями с союзом *و* *va*: *دوست سخن راست می زند و لو تلخ باشد و دشمن با چرب زبانی انسان را می فریبید Dust soxan-e rāst mizanad valow talx bāšad va došman bā čarbzabāni ensān-rā mifaribad* 'Друг говорит правду, даже если она бывает горька, а враг лживыми речами обманывает человека' (Рахмати. Словарь).

Характерной особенностью сложносочиненных предложений является наличие параллелизма в строении первой и второй частей, что выражается в одинаковом порядке расположения членов предложения, в повторении одинаковых слов, в употреблении одинаковых временных форм глаголов-сказуемых.

2.2. Сложносочиненные предложения с союзами *اما ammā*, *ولی vāli*, *لکن lāken*, *لیکن liken*

Среди противительных союзов наибольшее распространение получили союзы *اما ammā*, *ولی vāli*. Они встречаются как в литературном языке, так и в разговорном. Союзы *لکن lāken*, *لیکن liken* характерны для книжного стиля речи, причем союз *لیکن liken* в современном языке встречается реже. Грамматические и семантические отношения между предложениями, соединяемыми этими союзами, в основном совпадают. Различия между союзами наблюдаются в основном в стилистическом плане, о котором говорилось выше. Выбор противительного союза зависит от своеобразия стиля автора. Наблюдения над употреблением противительных союзов двумя авторами показало, что, например, в произведениях С.Хедаята наиболее часто можно встретить союзы *ولی vāli*, *اما ammā*, у М.Хеджази — *لکن lāken*, *اما ammā*: *Morād Morād* *dozdaki be farq-e tās-e Hāji negāh-i kard, ammā be in harfhā guš-aš bedehkār nabud* 'Морад украдкой посмотрел на лысую макушку Хаджи, но он не прислушивался к этим словам' (Хедаят. Хаджи-ага); *اکبرشاه هندی حافظ را به هندوستان دعوت کرد ولی اکبرشاه هندی حافظ از منظره کشتی و دریا ترسید و از مسافرت صرف نظر کرد* *Akbaršāh-e hendī Hāfez-rā be Hendustān da'vat kard vāli Hāfez az manzare-ye kašti va daryā tarsid va az mosāferat sarf-e nazar kard* 'Индийский правитель Акбар-шах пригласил Хафеза в Индию, но Хафез при виде корабля и моря испугался и отказался от путешествия' (Хедаят. Патриот); *من از زیبایی خود خیلی مغرور بودم لکن مقداری از این دشمنی و بدبینی از حسادت بود* *Man az zibāi-ye xod xeyli maqrur budam lāken meqdār-i az in došmani va badbini az hesādat bud* 'Я очень гордилась своей красотой, но эта враждебность и недоброжелательность были до некоторой степени результатом зависти' (Хеджази. Слеза).

Противопоставление частей сложносочиненного предложения усиливается в тех случаях, когда сказуемые по своему лексическому значению являются антонимами или когда одно из них имеет отрицательную форму. При этом отрицание может быть выражено либо в первой части сложносочиненного предложения, либо во второй: *قلم و کاغذ برداشت تا یادداشتهایی راجع به منطق فلسفی خود بکنند ولی حواش جمع نبود* *Qalam va kāqaz-rā bar-dāšt tā yāddāštihā-yi rāje' be notiq-e falsafi-ye xod bekonad, vāli havāss-aš jam' nabud* 'Он взял ручку и бумагу, чтобы сделать кое-какие заметки для своего доклада на философскую тему, но он не мог собраться с мыслями' (Хедаят. Патриот).

Особенно четко противопоставление ощущается тогда, когда в первой части выражается желание, намерение, просьба и т.д., а во второй — сообщается о невыполнении этого желания, намерения, просьбы, часто с указанием причины: *می خواهم اینهمه دیدنی را ببینم اما آنقدر تند می رویم که نمی توانم* *Mixāham inhame-ye didani-rā bebinam ammā ānqadr tond miraviṁ ke nemitavānam* 'Я хочу посмотреть все эти достопримечательности, но мы едем так быстро, что я не успеваю' (Хеджази. Слеза).

Значение противопоставления тесно переплетается со значением уступки: *سید نصرالله تا غروب که موقع حرکت کشتی بود به مهمانی گذرانید ولی هیجان و اضطراب* *Sayyed Nasrollāh tā qorub-ke mow-qe'-e harakat-e kašti bud* *be mehmāni gozarānid vāli hayajān va ezterāb-e maxsus-i dar del-aš dāšt* 'Сеид

Насролла до вечера, когда пароход должен был отплыть, находился в гостях, но чувство особого беспокойства не покидало его' (Хедаят. Патриот).

Вообще уступительные отношения близки по своей природе к отношениям противопоставления. Вот почему в сложных предложениях с уступительными придаточными наряду с уступительным союзом часто в начале главного предложения употребляется один из противительных союзов: به اگرچه سامانیان و صفاریان شروع به ترویج زبان فارسی کردند و به احیاء آن اقدام نمودند ولی احتیاج مذهبی مردم هم از طرف دیگر در توسعه عربی می افزودند *Agar ċe Sāmāniyān va Saffāriyān šoru' be tarvij-e zabān-e fārsi kardand va be ehyā'-e ān eqdām nemudand vali ehtiyāj-e mazhabi-ye mardom-ham az taraf-e digar dar towsee-ye arabi miāfzud* 'Хотя Саманиды и Саффариды начали распространять персидский язык и предприняли шаги к его возрождению, **однако** религиозные потребности народа, в свою очередь, также способствовали распространению арабского языка' (Хомаюнфаррох). В сложноподчиненном предложении наряду с уступительным союзом اگرچه *agar ċe* 'хотя' употреблен противительный союз ولی *vali*, находящийся в начале главного предложения.

Как уже отмечалось, с отношениями противопоставления тесно соприкасаются отношения сопоставления: آب تیره دریا او را به سوی خودش می خواند، اما صدای دیگری به تو پست هستی... تو جانی هستی... *Āb-e tire-ye daryā u-rā be su-ye xod-aš mixānd, ammā sadā-ye digar-i be u migoft: to past hasti... to jāni hasti...* 'Темная морская вода звала его к себе, а другой голос говорил ему: «Ты подлец... ты злодей...»' (Хедаят. Тупик). В данном сложносочиненном предложении сопоставление действий поддерживается соотношением подлежащих.

В зависимости от того, какое явление или событие либо какие лица и предметы сопоставляются, возможны различные соотношения временных форм глагольных и связочных сказуемых. Однако чаще формы глаголов-сказуемых простых предложений, входящих в состав сложносочиненного предложения, совпадают, так как сопоставление, как правило, проводится в одном временном плане.

При анализе противопоставительных и сопоставительных связей сложносочиненных предложений следует обращать внимание на соотношения членов первого и второго предложений. Противительно-сопоставительные отношения могут опираться на соотношение глаголов-сказуемых, подлежащих, дополнений, обстоятельств. Во многом значение противопоставления определяется порядком слов во втором предложении. Если противопоставление или сопоставление опирается на соотношение субъектов, то во второй части сразу за противительным союзом следует подлежащее; если же противопоставляются или сопоставляются объекты действий либо обстоятельства, то во второй части на первое место ставится дополнение или обстоятельство. Один из членов первого предложения может повторяться во втором, часто становясь подлежащим второго предложения: از خیالات آشفته فرار کردم و به سفره خانه پایین آمدم اما آن خیالات زودتر از من رسیده به پیش رویم جا گرفته بودند *Az xiyālāt-e āšofte farār kardam va be sofrexāne pāyin āmadam ammā ān xiyālāt zudtar az man raside be piš-e ru-yam jā gerefte budand* 'Пытаясь избавиться от волновавших меня мыслей, я спустился в столовую, но мысли спустились быстрее меня, и их можно было прочесть на моем лице' (Хеджази. Слеза).

Основу противопоставления может составить и второстепенный член предложения, например обстоятельство места, и тогда он помещается на первом месте

второй части сложносочиненного предложения, перед подлежащим: *Dar besyāri jāhā zabān-e tude az zabān-e neveštān jodā ast vali hičjā duri tā be in andāze nist* 'Во многих местах народно-разговорный язык отличается от письменного языка, но нигде различие не бывает до такой степени большим' (Кясрави 1322).

2.3. Сложносочиненные предложения с союзом بلکه *bâlke*

Сложносочиненные предложения с противительным союзом بلکه *bâlke* 'а', 'но' встречаются реже, чем предложения с рассмотренными выше противительными союзами.

В грамматической литературе по персидскому языку сложносочиненные предложения с союзом بلکه *bâlke* рассматриваются наряду с другими сложносочиненными предложениями, содержащими противительные союзы. Особенности употребления союза بلکه *bâlke* по сравнению с другими противительными союзами не отмечаются, не указывается своеобразие логико-грамматических отношений, устанавливающихся между частями сложносочиненных предложений с союзом بلکه *bâlke*.

Тем не менее некоторые особенности употребления этого союза необходимо отметить.

Как правило, союз بلکه *bâlke* следует после отрицательной формы глагола-сказуемого первой части сложносочиненного предложения⁵. Вторая часть обычно носит характер пояснения по отношению к первой: *Qasd-e man tanzim-e yek safarnāme va šarh-e joz'iyā-e yek safar-e bistoyekruze nist balke mixāham ettelāāt-i-rā... dar dastras-e hamvatanān begozāram* 'Я не собираюсь писать путевые заметки и описывать подробности двадцатидневного путешествия, а хочу поделиться с моими соотечественниками некоторыми сведениями...' (Тафаззоли. Поездка в Москву).

Союз بلکه *bâlke* помещается на границе двух противопоставляемых частей и часто не вносит никакого дополнительного значения, так что на русский язык он может даже не переводиться: *In dastur-rā barāye mobtadiyān āmāde nakardim balke maqsud-eman tahqiq dar zabān-e fārsi-ye emruze bud* 'Эту грамматику мы составили не для начинающих: нашей целью было исследование современного персидского языка' (Хомаюнфаррох).

Во второй части сложносочиненного предложения содержится объяснение причины отрицания в первой части. Подобные отношения могут устанавливаться

⁵ И в простом предложении союз بلکه *balke*, употребляясь для связи однородных сказуемых, ставится также после отрицательной формы глагола: بلکه *Aksar-e in ta'rifhā be hičvajh nāqez-e yekdigar nistand, balke mokammel-e yekdigar-and* 'Большинство этих определений не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют друг друга' (Батени 1371).

также и между придаточными предложениями, соединяемыми союзом بلکه *bálke*: بود که Mohsen namorde bud, balke ruh-e u dar jesm-e in javān holul karde bud 'Шариф понял, что Мохсен не умер, а его дух воплотился в этом юноше' (Хедаят. Тупик).

Основой противопоставления частей сложносочиненных предложений с союзом بلکه *bálke* служат сказуемые, что подчеркивается наличием отрицания перед глаголом-сказуемым первого предложения.

Иногда в обеих частях сложносочиненного предложения с союзом بلکه *bálke* содержится отрицание: اگر تا به حال ترا در مشکلات زندگی وارد نکرده ام، برای این نبود که Agar tā be hāl to-rā dar moškelāt-e zendegi vāred nakarde-am, barāye in nabud-ke šāyeste-ye hamfekri nabāši balke nemixāstam huš-o havāss-at-rā az dars-e madrase bāz dāram 'Если до сих пор я держала тебя в стороне от трудностей жизни, то это было не оттого, что ты недостойн быть моим единомышленником: я не хотела отрывать твой ум и твои чувства от учения и школы' (Хеджази. Слеза).

Весьма редко встречаются сложносочиненные предложения с союзом بلکه *bálke*, первая часть которых содержит не отрицание, а утверждение: حرف را در فارسی گپ نامند، گپ زدن به معنی حرف زدن می باشد، بلکه حرف زدن ترجمه و تبدیل گپ زدن است Harf-rā dar fārsi gap nāmand, gap zadan be ma'ni-ye harf zadan mibāšad, balke harf zadan tarjome va tabdil-e gap zadan ast 'Слово по-персидски называют «gan», сочетание «gan задан» имеет значение «говорит», а слово «говорит» представляет собою перевод «gan задан» (Хомаюнфаррох). В данном сложносочиненном предложении, несмотря на наличие союза بلکه *balke*, отношения между объединяемыми частями присоединительные. Как известно, основным выразителем присоединительных связей является союз و *va*. И в рассмотренном выше сложносочиненном предложении союз بلکه *bálke* мог бы быть легко заменен на союз و *va* без нарушения общего смысла высказывания.

Вообще следует отметить, что союз بلکه *bálke* часто выражает не противительные, а присоединительные отношения. В предложениях с присоединительными отношениями вторая часть представляет дополнительные сведения, замечания к первой части: در فارسی به آنچه آمیخته شده بس نمی کنند، بلکه نویسندگان هنر خود می شمارند Dar fārsi be ān-če āmixte šode bas nemikonand, balke nevisandegān honar-e xod mišomārand-ke har zamān vāzehā-ye tāze-ye digar-i az zabānhā-ye bigāne gerefte be fārsi dar-āvarand 'В персидском языке не останавливаются на том, что в него уже вошло до сих пор, а писатели считают для себя искусством продолжать заимствовать другие новые слова в персидский язык' (Хомаюнфаррох).

2.4. Сложносочиненные предложения с союзами والا *vaellā* и گرنه *garna*

Сложносочиненные предложения с союзами والا *vaellā* 'а не то', 'в противном случае', 'иначе', گرنه *garna* 'а не то', 'а иначе' заключают в себе не только противопоставление, но и оттенок условности. Вторая часть этих предложений содержит

указания на последствия, которые могут произойти, если не будет выполнено или принято во внимание то, о чем сообщается в первой части. Значительная смысловая нагрузка в этих сложносочиненных предложениях падает на союзы. Наиболее часто встречаются сложносочиненные предложения с союзом *و* *vaellā*. Союз *گرنه garna* чаще встречается в сочетании с соединительным союзом *و* *va* — *گرنه و va garna* (в стихотворной речи встречается вариант *ورنه varna*). Оба союза характерны главным образом для письменного литературного языка: *امروز روزی است که وکلای ملت و شجاع و نجیب ایران باید تکلیف خود را ادا کنند والا ملت حاضر است جان خود را فدا کند... Emruz ruz-i ast-ke vokalā-ye mellat-e šojā' va najib-e Irān bāyad taklif-e xod-rā adā konand vaellā mellat hāzer ast jān-e xod-rā fadā konad...* ‘Сегодня наступил день, когда депутаты отважного и благородного народа Ирана должны выполнить свой долг, а не то народ готов пойти на самопожертвование...’ (Джамаль-задэ. Политический деятель); *این است راه ترقی والا دکادانس ما را تهدید می کند In ast rāh-e taraqqi vaellā dekādāns mā-rā tahdid mikonad* ‘Таков путь прогресса, в противном случае нам угрожает декаданс’ (Джамаль-задэ. Сладкозвучный фарси).

Временные формы глаголов-сказуемых обеих частей, как и при сопоставлении, обычно совпадают, так как все высказывание ведется в одном временном плане: *مجبور بودیم مطالب ساده خود را به زبان فرانسه به یکدیگر بگوییم والا فارسی مرا بخوبی نمی فهمید و فارسی او را کمتر ملتفت می شدم Majbur budim matāleb-e sāde-ye xod-rā be zabān-e ferānse be yekdigar beguyim vaellā fārsi-ye ma-rā bexubi nemifahmid va fārsi-ye u-rā kamtar moltafet mišodam* ‘Мы были вынуждены свои простейшие темы излагать друг другу на французском языке, а иначе он не смог бы хорошо понять мой персидский язык, а я еще меньше понял бы его персидский язык’ (Джамаль-задэ. Сладкозвучный фарси).

Сложносочиненные предложения с союзом *گرنه garna* аналогичны предложениям с союзом *و* *vaellā* как в способности выражать логико-грамматические отношения, так и в отношении структуры: *البته تقصیر از من و پدرت بود که پیشبینی نکردیم و Albatte taqsir az man va pedar-at bud-ke pišbini nakardim va garna čerā bāyad man emruz moškel va ranj-i dāšte bāšam va ejbāran to-rā dar ān šarik konam* ‘Конечно, вина лежит на мне и на твоём отце за то, что мы своевременно не предусмотрели этого, а иначе почему же сегодня я вынуждена испытывать трудности и тебя заставлять разделять их со мною?’ (Хеджази. Слеза); *و Bā inhamе برای این کار راه و روشی باید و با اینهمه برای این کار راه و روشی باید و Bā inhamе barāye in kār rāh-o raveš-i bāyad va garna be jā-ye sud ziyānhā az ān padid āyad* ‘Несмотря на все это, для дела нужны какие-то определенные пути и способы, а иначе вместо пользы из этого может получиться большой вред’ (Кясрави 1322).

3. Сложносочиненные предложения с разделительными отношениями

В сложносочиненных предложениях с разделительными союзами выражаются отношения взаимоисключения, перечисление, чередование действий, явлений, признаков. В качестве разделительных союзов используются одиночные, повторяющиеся союзы либо сочетание союзов: یا *yā*, و یا *va yā* ‘или’, ‘либо’, یا... یا *yā... yā* ‘или..., или’, ‘либо..., либо’, خواه... خواه *xāh... xāh* ‘или..., или’, ‘хоть..., хоть’, ‘будь то... или’, یا اینکه *yā in-ke*, یا آنکه *yā ān-ke* ‘или же’, ‘либо же’. Два последних являются сложными разделительными союзами.

Наиболее распространенный разделительный союз یا *yā* часто употребляется совместно с соединительными союзом و *va*. При этом союз و *va* полностью подчиняется значению союза یا *yā*, составляя с ним семантическое единство, но нередко этот союз употребляется и самостоятельно: آیا یک قوه خارجی محرک او بوده یا *Āyā yek qovve-ye xāreji moharrek-e u bude yā mosāferat dar ruhiyye-aš taqyir dāde bud?* ‘Разве он был движим какой-то внешней силой или путешествие изменило его духовное состояние?’ (Хедаят. Патриот); اگر پدر بیچاره تو این عیب را نداشت یا به قول خودش اگر بخت با او همراهی کرده بود، من حالا مجبور نبودم دل ساده ترا با این اسرار جان خراش بیازارم *Agar pedar-e bičāre-ye to in eyb-rā nadāšt yā be qowl-e xod-aš agar baxt bā u hamrāhi karde bud, man hālā majbur nabudam del-e sāde-ye to-rā bā in asrār-e jān-xarāš biyāzāram* ‘Если бы у твоего несчастного отца не было этого недостатка или, по его собственным словам, если бы счастье сопутствовало ему, то я сейчас не была бы вынуждена мучить твое неискнутое сердце этими ужасными тайнами’ (Хеджази. Слеза). В последнем примере союз یا *yā* связывает два условных придаточных предложения.

В тех случаях, когда употребляется союз یا *yā* и *va yā*, сложносочиненные предложения обычно передают последовательную смену действий, чередование событий, явлений: چنانکه هر کس خواسته است راجع به فارسی چیزی بنویسد به سبب اشکالات فراوان و ندانستن گفته است فارسی نحو ندارد و یا صرف و نحو فارسی مختصر و برهم است و ندانستن گفته است *Čenān-ke har kas xāste ast rāje’ be fārsi čiz-i benevisad be sabab-e eškālāt-e farāvān va nadānestan gofte-ast fārsi nahv nadārad va yā sarf-o nahv-e fārsi moxtasar va barham ast va nemitavān az yekdigar jodā sāxt* ‘Так, всякий, кто хотел что-либо написать о персидском языке, вследствие больших трудностей и отсутствия достаточных знаний заявлял, что персидский язык не имеет синтаксиса или что персидская морфология и синтаксис очень кратки и перемешаны между собой и их невозможно отделить друг от друга’ (Хомаюнфаррох). В данном сложносочиненном предложении союз و یا *va yā* соединяет два придаточных дополнительных предложения.

Повторяющийся союз یا... یا *yā... yā* усиливает разделительную связь. Он употребляется для связи частей сложносочиненного предложения реже, чем для соединения однородных членов предложения: یا اگر شدی باید بخشی یا *Yā našow zan-e xar, yā agar šodi bāyad bekeši bār-e xar* ‘Либо не становись женой осла, либо, если ты уже ею стала, неси груз осла’ (Рахмати. Словарь); Abbās yā bāyad az injā *Abbās yā bāyad az injā* عباس یا باید از اینجا برود یا من او را از اینجا بیرون خواهم کرد

beravad yā man u-rā az injā birun xāham kard ‘Или Аббас должен отсюда уйти, или я его отсюда выгоню’ (Шариат 1364).

В состав повторяющегося союза *یا... یا yā... yā* может входить соединительный союз *و va*, помещаемый перед вторым союзом *یا yā: یا... یا... va yā*. Он не вносит никакого нового смыслового оттенка в значение этого разделительного союза.

Сложные разделительные союзы *یا اینکه yā in-ke*, *یا آنکه yā ān-ke* ‘или же’ представляют собой сочетание союза *یا yā*, одного из указательных местоимений *این in* ‘этот’, *آن ān* ‘тот’ и подчинительного союза *که ke*. Возможно, в составе этих сложных союзов произошла контаминация подчинительного союза *که ke* и усилительной частицы *که ke*, поскольку они могут восприниматься как усиление союза *یا yā* и переводиться на русский язык с усилительной частицей *же*. Эти союзы употребляются в тех случаях, когда возникает необходимость усилить, подчеркнуть содержание второго предложения. В их состав может входить также соединительный союз *و va*, помещаемый перед союзом *یا yā*⁶: *گوی عارش آمد با کوچکتر: یاز خودی دریفتد یا اینکه راستی از نگاه های وحشیانه من تعجب کرد و ترسید* *Guyi ār-aš āmad bā kučektar az xodi dar-biyoftad yā in-ke rāsti az negāhhā-ye vahšiyāne-ye man taajjob kard va tarsid* ‘Как будто ему стало стыдно связываться с меньшим, чем он сам, или же в действительности он удивился и испугался моих страшных взглядов’ (Хеджази. Слеза); *نمی شد فهمید حافظه اش سست است و یا اینکه مهر خاموشی بر لب زده* *Nemišod fahmid-ke hāfeze-aš sost ast va yā in-ke mohr-e xāmuši bar lab zade* ‘Нельзя было понять, то ли у него ослабела память или же он дал себе обет молчания’ (Аляви. Ее глаза). В последнем предложении два придаточных дополнительных объединены посредством разделительного союза *یا اینکه yā in-ke*.

Союзы *یا yā* или *یا اینکه yā in-ke* могут находиться между вопросительными предложениями, связанными разделительными отношениями. В этом случае сочинительная связь между предложениями очень ослабляется, так как каждое предложение, обладая собственной вопросительной интонацией, сохраняет свою самостоятельность: *آیا این خوراک برای چندین صد سال یک نفر کافی است؟ یا اینکه در این حالت پس از مدتی دیگر احتیاج به خوراک ندارد؟* *Āyā in xorāk barāye čandin sad sāl-e yek nafar kāfi ast? Yā in-ke dar in hālat pas az moddat-i digar ehtiyāj be xorāk nadārad?* ‘Разве этой еды достаточно на несколько сотен лет для одного человека? Или же некоторое время спустя в таком состоянии у него исчезает потребность в еде?’ (Хедаят. Трон Абунасра).

Повторяющийся союз *خواه... خواه xāh... xāh* чаще всего встречается в простом предложении для соединения однородных сказуемых, одно из которых употреблено в отрицательной форме: *من می روم خواه او بیاید خواه نباید* *Man miravam xāh u biyāyad xāh nauyāyad* ‘Я пойду независимо от того, придет он или нет’ (Шариат 1348).

⁶ В простом предложении союзы *یا اینکه yā in-ke*, *یا آنکه yā ān-ke* употребляются главным образом в книжной, письменной речи для соединения только однородных сказуемых. При этом часто эти союзы соединяют одинаковые глаголы, один из которых стоит в отрицательной форме: *بالاخره بگو: Belaxare begu miāyi yā in-ke nemiāyi?* ‘Скажи, в конце концов, ты придешь или (же) нет?’.

Глава вторая

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Классификация сложноподчиненных предложений

В изучении синтаксиса сложноподчиненных предложений большое значение имеет классификация, охватывающая максимальное количество их разновидностей. Она не только содействует тщательному и углубленному рассмотрению различных типов сложноподчиненных предложений, но и оказывает значительную помощь в решении многих проблем сложного предложения. Вот почему проблеме классификации сложноподчиненных предложений различными исследователями уделялось и уделяется столь значительное внимание.

Вопросы синтаксиса сложного предложения, и в частности вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения, являются объектом рассмотрения лишь в грамматической литературе, изданной вне пределов Ирана. В этой литературе перечисляются (далеко не полно) типы сложноподчиненных предложений, а принципы их классификации совсем не излагаются. Более подробно характеристика сложноподчиненных предложений дается в работах Г.Енсена [Jensen 1931], Ж.Лазара [Lazard 1957], А.К.Арендса [Арендс 1941]. Однако и в этих работах не упомянуты многие из типов сложноподчиненных предложений, распространенных в современном персидском языке. Наиболее полная характеристика сложноподчиненных предложений персидского языка дается в докторской диссертации А.М.Шафаи [Шафаи 1967], с которым автор «Грамматики» на протяжении длительного времени имел возможность обсуждать главные проблемы сложноподчиненного предложения. А.М.Шафаи впервые дает классификацию персидских сложноподчиненных предложений, опираясь на такие средства подчинения, как союзы, соотносительные слова, местоименные подчинительные слова, порядок расположения предложений-компонентов, соотношение грамматических форм сказуемых [Шафаи 1967, с. 28]. В диссертации собран большой фактический материал из произведений классиков персидской литературы и произведений современных писателей, из периодической печати Ирана.

Авторы грамматик, изданных в Иране, при рассмотрении вопросов синтаксиса сложного предложения ограничиваются лишь перечислением некоторых подчинительных союзов; типология сложноподчиненных (как и сложносочиненных)

предложений, их структура и т.п. совершенно не рассматриваются. Даже в такой капитальной работе, как грамматика А.Хомаюнфарроха [Хомаюнфаррох], являющейся самой полной как по охвату грамматических явлений, так и по количеству собранного в ней иллюстративного материала, полностью отсутствует структурно-грамматическая характеристика сложного предложения. В этой грамматике если и затрагиваются какие-то вопросы синтаксиса, то вопросы синтаксиса сложносочиненного и сложноподчиненного предложений даже не упоминаются.

Учитывая то, что система классификации сложноподчиненных предложений должна наиболее полно охватывать их разнообразные структурно-семантические разновидности, мы положили в ее основу синтаксическую функцию, которую выполняет придаточное предложение по отношению к главному. При этом для более полного раскрытия синтаксической функции придаточного в сложном предложении учитывается совокупность нескольких параметров.

1) Имеется ли в главном предложении соотносительное слово, являющееся выразителем семантико-синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения? Если такое слово имеется, то в зависимости от того, какую синтаксическую функцию оно выполняет в главном предложении, адекватную функцию будет выполнять и придаточное предложение.

2) Лексико-грамматический разряд того слова, к которому относится придаточное предложение.

Известно, что придаточное предложение может относиться либо к одному из членов главного предложения, либо ко всему главному предложению. Если придаточное предложение поясняет один из членов главного предложения, то важно учитывать, какой частью речи выражен данный член. Так, например, придаточные дополнительные обычно поясняют глагол-сказуемое, придаточные определительные относятся к имени существительному.

3) Каким путем придаточное предложение поясняет главное:

- а) раскрывает значение соотносительного слова;
- б) относится ко всему главному предложению;
- в) выполняет функцию члена главного предложения.

4) Подчинительное средство, с помощью которого придаточное предложение связывается с главным.

В персидском языке отсутствуют союзные слова, и связь подчиненных предложений с главными осуществляется либо посредством союзов, либо бессоюзно. Каждый тип придаточного предложения характеризуется определенным набором подчинительных союзов. Во многих случаях подчинительный союз является главным показателем синтаксической функции зависимого предложения.

Особо следует остановиться на подчинительном союзе *که*, который из-за своей многозначности не определяет семантико-синтаксическую функцию зависимого предложения и поэтому получил название универсального средства подчинительной связи. Он может вводить придаточные подлежащные, сказуемые, дополнительные, определительные, обстоятельственные придаточные времени, цели, причины, следствия, образа действия.

5) Смысловые оттенки, которые выражаются самим придаточным предложением.

Различные смысловые оттенки придаточных предложений выражаются в основном грамматическими формами глаголов-сказуемых, а также структурой сложно-

подчиненного предложения — расположением придаточного по отношению к главному предложению. Содержание придаточного предложения и выражаемые им смысловые оттенки необходимо учитывать особенно в тех случаях, когда употребляются подчинительные союзы, обладающие не одним, а несколькими значениями, например: союзы که *ke*, تا *tā* имеют одинаковые значения ‘чтобы’, ‘пока’, союз چنانکه *čēnān-ke* имеет значения ‘как’ и ‘так что’, союз (اینکه) برای آنکه *barāye ān-ke (in-ke)* — ‘для того, чтобы’ и ‘потому что’.

б) Местоположение придаточного в сложном предложении. Например, придаточные сказуемые всегда следуют за главным предложением; придаточные определительные и придаточные дополнительные либо вклиниваются в главное предложение, либо следуют за ним, но никогда не могут располагаться перед главным предложением.

Все перечисленные выше параметры легли в основу классификации персидских придаточных предложений. Поскольку синтаксические функции большинства придаточных предложений сходны с синтаксическими функциями членов простого предложения, названия таким придаточным предложениям принято давать в соответствии с названиями членов простого предложения (например, придаточные определительные, дополнительные, условные, временные, причины, цели). Для удобства классификации вводится термин «обстоятельственные придаточные предложения». Однако следует иметь в виду, что сходство синтаксических функций не означает их тождества. Придаточные предложения обладают рядом специфических особенностей, отличающих их от членов простого предложения. Это, прежде всего, различия в структуре и в грамматических средствах подчинения. Придаточные предложения благодаря наличию таких грамматических средств, как союзы, соотносительные слова, формы времен и наклонений, имеют значительно большие возможности детализировать и конкретизировать необходимые для выражения мысли.

Кроме того, некоторые разновидности придаточных предложений не могут быть заменены соответствующими членами простого предложения, так как то, что выражается придаточным, бывает невозможно выразить одним словом или словосочетанием. Отдельные типы придаточных предложений (например, придаточные следствия, сопоставительные придаточные) выполняют функции, которые не свойственны членам простого предложения. Случаи несоответствия придаточных и членов простого предложения особо будут рассмотрены при характеристике конкретных типов подчиненных предложений.

В определении синтаксической функции зависимого предложения основную роль играют подчинительные средства, выступающие одновременно и как критерии классификации подчиненных предложений.

Союзы являются основным грамматическим средством выражения подчинения предложений и употребляются для передачи разнообразных семантико-грамматических отношений между придаточными и главными предложениями. Большинство подчинительных союзов составляют сложные союзы (برای آنکه *barāye ān-ke* ‘для того, чтобы’, همینکه *hamin-ke* ‘как только’, از آنجایی که *az ānjā-yi-ke* ‘оттого что’, بنا بر اینکه *banā bar in-ke* ‘на том основании, что’, وقتیکه *vaqt-i-ke*, زمانیکه *zamān-i-ke* ‘когда’, بدون آنکه *bedun-e ān-ke* ‘без того, чтобы’, به علت اینکه *be ellat-e in-ke* ‘по той причине, что’ и др.), представляющие собой фразеологические сочетания, в состав которых входит универсальный подчинительный союз که *ke*. Количество

подчинительных союзов, представленных простыми словами, невелико: اگر *agar* 'если', چون *čon* 'так как', 'когда', زیرا *zirā* 'так как', که *ke* 'который', 'что', 'когда'.

Подчинительный союз که *ke*, входящий в состав большинства сложных союзов, в отдельных случаях может быть опущен, и тогда оставшаяся часть выполняет роль подчинительного союза: وقتیکه *vaqt-i-ke* → وقتی *vaqt-i* 'когда', هر وقت که *har vaqt-ke* → هر وقت *har vaqt* 'всякий раз, когда'. Союзы причины چون *čon*, زیرا *zirā* употребляются с союзом که *ke* и без него: چونکه *čon-ke* — چون *čon*, زیرا که *zirā-ke* — زیرا *zirā* 'так как', 'ибо'. Особенности употребления подчинительных союзов рассматриваются одновременно с характеристикой соответствующих подчиненных предложений¹.

Соотносительные слова — одно из важнейших грамматических средств выражения подчинения. Они указывают на наличие подчинительной связи между компонентами сложноподчиненного предложения и на наличие придаточного и, наконец, являются выразителями синтаксической функции зависимого предложения. Эти слова употребляются в качестве одного из членов главного предложения, которое предшествует придаточному. Иногда они могут быть представлены словосочетанием, о чем будет сказано ниже.

В качестве соотносительных слов используются указательные местоимения این *in* 'этот', آن *ān* 'тот' и производные от них چنین *čenin*, چنان *čenān* 'такой', همین *hamin* 'этот самый', 'этот же', همان *hamān* 'тот самый', 'тот же', некоторые существительные со значением времени, места, способа действия, количества (употребленные с выделительным артиклем и соответствующим предлогом): وقت *vaqt*, زمان *zamān*, موقع *mowqe*, هنگام *hangām* 'время', جا *jā* 'место', طور *towr*, طرز *tarz* 'способ', اندازه *andāze* 'мера', 'количество', قدر *qadr* 'количество', حد *hadd* 'граница', 'предел'. Эти существительные приобретают значение соотносительных слов только в том случае, если они употреблены с артиклем (или с указательным местоимением آن *ān*) и соответствующим предлогом (предлог часто может опускаться).

В этом случае значения существительных изменяются, и они получают новые значения, связанные с их дейктической функцией в составе сложноподчиненного предложения: وقت *vaqt* 'время' → وقتی *vaqt-i* 'тогда', 'в то время', طور *towr* 'способ' → طوری *towr-i* 'так', 'таким образом', اندازه *andāze* 'мера', 'измерение' → تا اندازه ای *tā andāze-i* 'до такой степени', قدر *qadr* 'количество', 'мера' → به قدری *be qadr-i* 'настолько', 'до такой степени', آنقدر *ān qadr* 'настолько' и т.д. Значение указательных местоимений, выступающих в роли соотносительных слов, не меняется. В качестве подчинительного союза, сочетающегося с соотносительными словами, обычно используется союз که *ke*: او که فکر از او رافته بود *Be qadr-i motavaheš šod-ke jor'at-e harakat yā fekr az u rafte bud* 'Он настолько испугался, что потерял способность передвигаться или думать' (Хедаят. Тупик); او که در حال طبیعی نیستی و در آتش رقابت می سوزی *Goft barāye in nemipasandam-ke to dar hāl-e tabi'i nisti va dar ātaš-e reqābat misuzi* 'Она сказала: «Я потому не могу согласиться с этим, что ты находишься в неестественном для тебя состоянии и в тебе пылает огонь соперничества»' (Хеджази. Слеза); ما وقتی از آزادی واقعی بهره و نصیب خواهیم برد که استعداد و قابلیت رشد اجتماعی

¹ Структура и состав подчинительных союзов рассматривались во второй части (Морфология), в главе тринадцатой.

تحصیل کرده باشیم *Mā vaqt-i az āzādi-ye vāqei bahre va nasib xāhim bord-ke este'dād va qābeliyyat-e rošd-e ejtemāi tahsil karde bāšim* 'Мы *тогда* будем пользоваться подлинной свободой, когда будем обладать способностью к общественному росту' (Нураи. Под голубым небосводом).

В связи с соотносительными словами возникает необходимость проанализировать сочетания указательного местоимения *آن ān* и несамостоятельного определительного местоимения *هر har* 'каждый', 'всякий' с вопросительным местоимением *چه ċe* 'что'. Есть основание считать, что подобные образования выступают в функции соотносительных слов. Они выражены словосочетаниями и коррелируют с придаточными подлежащими и дополнительными: *آنچه من می توانم بنویسم همین است که در روزنامه ها نوشته شده است* *Ān-ċe man mitavānam benevisam hamin ast-ke dar ruznāmeḥā nevešte šode ast* 'То, что я могу написать, — это то же, что уже написано в газетах' (Аляви. Ее глаза); *هر چه را آن روز گفته و شنیده و فکر کرده بودم بر سر میز* *Har-ċe-rā ān ruz gofte va šenide va fekr karde budam, bar sar-e miz-e šām barāye mādar-am ta'rif kardam* 'Все, что я в тот день говорил, слышал и думал, во время ужина рассказал матери' (Хеджази. Слеза). Первое предложение является придаточным подлежащим (*آنچه ān-ċe* выступает в роли подлежащего главного предложения), второе — придаточным дополнительным (*هر چه ra* *har-ċe-rā* выступает в роли прямого дополнения). Наличие послелога *را -rā* после *هر چه har-ċe* свидетельствует о том, что оно воспринимается как единое словосочетание, выступающее в роли соотносительного слова.

Другим свидетельством того, что рассмотренные выше словосочетания выступают как соотносительные слова, служит возможность употребления после них (обычно после *آنچه ān-ċe*) универсального подчинительного союза *که ke*: *عقاید و مذاهب مختلف در دو هزار سال پیش به مردم وعده می دادند علوم به صورت عملی درآورده بود* *Ān-ċe-rā-ke aqāyed va mazāheb-e moxtalef dar do hezār sāl-e piš be mardom va'de midādand, olum be surat-e amali dar-āvarde bud* 'То, что различные религии и верования за прошедшие две тысячи лет обещали людям, наука превратила в реальную действительность' (Хедаят. Светотень).

Поскольку в большинстве случаев соотносительные слова *آنچه ān-ċe*, *هر چه har-ċe* употребляются без последующего союза *که ke*, возникает вопрос: считать ли подобные сложноподчиненные предложения бессоюзными? С формальной точки зрения эти предложения, видимо, можно было бы квалифицировать как бессоюзные. Но, учитывая, что употребление союза *که ke* в них не является типичным и что слово *چه ċe* в составе этих словосочетаний выполняет союзную функцию, а местоимения *آن ān* и *هر har* от него никогда не отделяются, эти словосочетания и подчинительную связь между компонентами сложноподчиненного предложения можно было бы назвать соотносительно-союзными.

К соотносительно-союзным словосочетаниям тесно примыкает сочетание определительного местоимения *هر har* с союзом *که ke* (в данном случае можно говорить и о вопросительном местоимении *که ke*²): *با هر که حرف می زد و می رقصید و*

² В результате употребления с несамостоятельным определительным местоимением *هر har* произошла контаминация подчинительного союза *که ke* с вопросительным местоимением *که ke*. Об этом свидетельствует возможность употребления соотносительно-союзного словосочетания *هر که har-ke* в роли прямого дополнения и постановки после него послелога *را -rā*.

اوست یقین می کردم که رقیب من اوست *Bā har-ke harf mizad va miraqsid va mixandid, yaqin mikardam-ke raqib-e man u-st* 'Каждого, с кем она говорила, танцевала, смеялась, я принимал за своего соперника' (Хеджази. Слеза).

Итак, сделаем некоторые выводы о структуре соотносительных слов и особенностях их употребления с подчинительным союзом *که ke* в составе сложноподчиненных предложений.

1. Соотносительные слова — указательные местоимения *این in*, *آن ān*, *چنین čenin*, *چنان čenān*, *همین hamin*, *همان hamān* в основном употребляются в дистантном положении по отношению к союзу *که ke*, выступая в роли различных членов главного предложения. И только указательные местоимения *آن ān* и *این in* могут непосредственно сочетаться с союзом *که ke*: *آنکه مرد است برای معشوقی که به خاطر دیگری او را بگذارد و برود غصه نمی خورد* *Ān-ke mard ast barāye ma'šūq-i-ke be xāter-e digari u-rā begozārad va beravad qosse nemixorad* 'Настоящий мужчина (букв. 'тот, кто мужчина') не будет страдать из-за возлюбленной, которая способна его бросить ради другого' (Хеджази. Слеза).

2. Некоторые из названных указательных местоимений, находясь в контактном положении с союзом *که ke* и употребляясь с предлогом, образуют сложные подчинительные союзы: *اینکه (اینکه) برای آنکه barāye ān-ke (in-ke)* 'для того, чтобы', *چنانکه čenān-ke* 'как', 'так что', *همینکه hamin-ke* 'как только'. В то же время указательные местоимения *چنین čenin*, *همان hamān* обычно не сочетаются с союзом *که ke*.

Соотносительные слова — сочетания существительных, обозначающих время, место, способ действия, количество, с артиклем — употребляются дистантно по отношению к союзу *که ke*: *نقطه وقتی گذاشته می شود که معنی جمله تمام باشد* *Noqte vaqt-i gozāšte mišavad-ke ma'ni-ye jomle tamām bāšad* 'Точка ставится тогда, когда смысл предложения является законченным'; *به طوری حالش منقلب شد که به زحمت می توانست از تغییر حالت خود جلوگیری بکند* *Be towr-i hāl-aš monqaleb šod-ke be zahmat mitavānest az taqyir-e hālat-e xod jelowgiri bekonad* 'Он был так потрясен, что с трудом мог помешать изменению своего состояния' (Хедаят. Тупик).

В том случае, когда соотносительные слова соединяются с *که ke*, образуются сложные союзы: *وقتی که vaqt-i-ke*, *زمانی که zamān-i-ke*, *هنگامی که hangām-i-ke*, *موقعی که towqe'-i-ke* 'когда', *بطوریکه be towr-i-ke* 'так что', 'как' и т.д. Последнее явление свидетельствует о том, что для выражения различных оттенков содержания сложноподчиненное предложение может быть составлено как со сложным союзом, так и с соотносительным словом.

Исключение представляет существительное *جا jā* 'место', которое может употребляться в качестве соотносительного слова с придаточными образа действия и места. В случае сочетания с придаточным образа действия значение этого слова меняется — *جا jā* 'место' → *بجایی be jā-yi* 'настолько', 'до такой степени'. При сочетании соотносительного слова *بجایی be jā-yi* с придаточным образа действия оно находится в дистантном положении по отношению к союзу *که ke*.

При употреблении *جا jā* с придаточными места оно располагается непосредственно перед *که ke* и выступает в роли обстоятельства места главного предложения: *جایی که شتر بود به یک غاز، خر قیمت واقعی ندارد* *Jā-yi-ke šotor bovad be yek qāz, xar qeymat-e vāqe'i nadārad* 'Там, где верблюды ценятся как гусь, осел не имеет настоящей цены' (Нураи. Под голубым небосводом).

3. Соотносительно-союзные образования *آنچه* *ān-če* и *هر چه* *har-če* представляют собой словосочетания и вводят придаточные подлежащные и дополнительные.

К числу подчинительных средств относятся также **местоименные подчинительные слова**. Но поскольку они употребляются только в составе придаточных определительных предложений, то характеристика их будет дана в связи с рассмотрением этого типа подчиненных предложений. Нельзя согласиться с А.М.Шафаи, который считает, что местоименные подчинительные слова употребляются не только в определительных придаточных, но и в других типах зависимых предложений [Шафаи 1967, с. 41]. Нечеткий подход к определению синтаксической функции местоименных подчинительных слов не дает возможности А.М.Шафаи установить их состав и роль в подчинении одного предложения другому, раскрыть их сущность как одного из средств выражения подчинительной связи.

Грамматический анализ сложноподчиненных предложений с придаточными определительными показал, что в роли местоименных подчинительных слов используется группа неконкретных членов определительных придаточных предложений, которые наряду с союзом *که* *ke* вводят указанные придаточные предложения, представляя в них определяемый член главного предложения, см. [Рубинчик 1959]. Местоименные подчинительные слова вместе с союзом *که* *ke* в персидском языке выполняют такую функцию, которую в других языках (например, в русском) выполняют относительные местоимения.

Охарактеризовав главные средства подчинительной связи предложений и сделав некоторые оговорки относительно сходства функций, выполняемых придаточными предложениями и членами простого предложения, перейдем к классификации сложноподчиненных предложений. На основании синтаксической функции, выполняемой придаточным в составе сложноподчиненного предложения, выделяются следующие типы подчиненных предложений: придаточные подлежащные, сказуемые, дополнительные, определительные и обстоятельственные. Обстоятельственные предложения, в свою очередь, подразделяются на придаточные времени, условные, уступительные, причинные, цели, образа действия, исключения, сравнения, следствия, места, сопоставления.

2. Сложные предложения с придаточными подлежащими

К придаточным подлежащим относятся такие зависимые предложения, которые выполняют функцию отсутствующего подлежащего главного предложения или раскрывают значение подлежащего, выраженного местоимением. Среди придаточных предложений этого типа выделяются две разновидности.

1. Придаточные предложения, выполняющие функцию подлежащего по отношению к сказуемому главного предложения, всегда следуют после главного предложения и вводятся союзом *که* *ke*. При этом сказуемое главного предложения может быть выражено различными способами.

1) Именной частью и глаголом-связкой است *ast* 'есть', связочными глаголами بودن *budan* 'быть', شدن *šodan* 'становиться'. В роли именной части выступают прилагательные (в том числе арабские причастия, используемые как прилагательные): روشن است *rowšan ast* 'ясно', معلوم است *ma'lum ast* 'известно', واضح بود *vāzeh bud* 'было ясно', خوب است *xub ast* 'хорошо', لازم می شود *lāzem mišavad* 'становится необходимо' и др. Глаголы-сказуемые главных предложений могут употребляться в разных временах, но всегда в форме 3-го лица ед. числа: منتهی معلوم بود که گذشت *Montahā ma'lum bud-ke gozašt-e ruzgār in lab-o dahān-rā-ham pir karde bud* 'Наконец, было понятно, что прошедшее время также состарило эти губы и рот' (Аляви. Ее глаза); بی مناسبت نیست که پیش از ورود در اصل *Bi monāsebat nist-ke piš az vorud dar asl-e mowzu' ya 'ni bahs az dastur-e zabān va qavāed-e ān šarh-e ejmāli dar bāre-ye tabaqebandi-ye zabānhā va tārix-e zabān dāde šavad* 'Весьма целесообразно, прежде чем приступить к основной теме, т.е. к вопросу о грамматике языка и его правилах, коротко остановиться на классификации языков и истории создания грамматики' (Хайямпур 1334).

Особое место среди сложноподчиненных предложений этого типа занимают предложения, в которых придаточные следуют после таких глагольно-именных сочетаний, как این جهت است *az in jahat ast*, به این علت است *be in ellat ast* 'вот почему', 'по этой причине' (букв. 'по этой причине есть'), بدین ترتیب است *be-din tartib ast* 'таким образом' (букв. 'таким порядком есть'). Употребление этих словосочетаний и соответственно придаточных подлежащих имеет место в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть причинную связь с предыдущим высказыванием. Вместо перечисленных выше словосочетаний могут быть употреблены и другие синонимичные им словосочетания. Как правило, главное предложение в таких сложноподчиненных предложениях бывает представлено только одним сказуемым: به همین جهت بود که وزارت فرهنگ این کتاب را اختیار کرد *Be hamin jahat bud-ke vazārat-e farhang in ketāb-rā extiyār kard* 'Именно поэтому (букв. 'по этой причине было, что') министерство культуры предпочло выбрать эту книгу'; به این ترتیب بود که شهر مسکو *Be in tartib bud-ke šahr-e Moskow pāytaxt-e kešvar-e Rusiye barāye mahall-e taškil-e konferāns entexāb gardid* 'Таким образом (букв. 'этим порядком было, что') город Москва, столица России, была избрана местом конференции' (Тафаззоли. Поездка в Москву).

В этом же значении употребляются и другие глагольно-именные сочетания в главных предложениях, например сочетания указательных местоимений (чаще всего این *in* и آن *ān*) со связочными глаголами в 3-м лице ед. числа — است *ast* 'есть', بود *bud* 'был' и شد *šod* 'сделался', 'стал': نه تنها از مریض فقیر پول نمی گرفت *Na tanhā az mariz-e faqir pul nemigereft balke dast-i-ham be u midād. In šod ke vaqt-e raftan barāye mā ėiz-e qābel-i nagozāšt* 'Он не только не брал денег у неимущего больного, но и сам оказывал ему помощь. Вот почему (букв. 'это стало, что') после смерти он нам ничего существенного не оставил' (Хеджази. Слеза).

В приведенных выше сложноподчиненных предложениях роль главного предложения сводится к подчеркиванию причинной связи с предшествующим высказыванием.

Именная часть сказуемого может быть представлена одним или несколькими существительными с относящимися к ним словами. Назначение такого рода главных предложений состоит в выделении, подчеркивании содержания этих существительных. В данном случае стилистический замысел автора осуществляется с помощью определенной синтаксической конструкции, а именно — с помощью сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими: *تنها عشق به ادب و ميهن عزيز بود که مؤلف دانشمند آن را بر آن داشت...* *bud-ke moallef-e dānešmand-e ān-rā bar ān dāšt...* 'Только любовь к литературе и дорогой родине (букв. только любовь к литературе и дорогой родине была, что) заставила ученого — автора работы...' (Хомаюнфаррох); *از مقایسهٔ زبانهای قدیم هندی و زبانهای قدیم ایرانی است که می توان به چگونگی زبان «آریایی» یا «هند و آریایی» پی برد* *Az moqāyese-ye zabānhā-ye qadīm-e hendi va zabānhā-ye qadīm-e irāni ast-ke mitavān be čegunegi-ye zabān-e āryāyi yā «hend-o āryāyi» pey bord* 'Только в результате сравнения древних индийских и иранских языков (букв. из сравнения древних индийских и древних иранских языков есть, что) можно представить себе характерные черты «арийского», или «индоарийского», языка' (Сохан).

2) Предложениями, которые при самостоятельном употреблении рассматриваются как безличные: *اهمیت ندارد ahammiyyat nadārad* 'неважно', 'не имеет значения', *فایده ندارد fāyede nadārad* 'бесполезно', 'невыгодно' и др. Такого рода предложения, их лексический состав и строение, уже рассматривались среди безличных предложений. В составе сложноподчиненных предложений они могут выступать в качестве главных, после которых следуют придаточные подлежащие: *الآن اهمیت ندارد که زود یا دیر برمی گردد Al'ān ahammiyyat nadārad-ke zud yā dir bar-migardad* 'Теперь не имеет значения, (что) возвратится он рано или поздно'; *ما دیر کردیم و ما دیر کردیم و ما دیر کردیم Mā dir kardim va fāyede nadārad-ke u-rā mibinim yā na* 'Мы опоздали, и важно, (что) увидим мы его или нет'.

Основанием для отнесения таких зависимых предложений к числу придаточных подлежащих служит то, что глагольно-именные сочетания типа *فایده ندارد fāyede nadārad* могут употребляться и в двусоставных предложениях, в которых, как известно, имеются и подлежащее, и сказуемое: *این عمل فایده ندارد In amal fāyede nadārad* 'Это действие бесполезно' (букв. 'не имеет пользы').

3) Простым глаголом в форме страдательного залога и сложным глаголом в пассивной форме, обозначающими процессы речи и умственной деятельности — высказывание, сообщение, умственное и чувственное восприятие и т.д., — *گفته می شود gofte mišavad* 'говорится', *شنیده شد šenide šod* 'послышалось', *اظہار شد ezhār šod* 'было заявлено', *اعلام شد e'lām šod* 'было объявлено' и т.д.: *این گفته و دانسته شد که افعال از حیث معنی و چگونگی صدور به سه دسته منقسم می شوند Piš az in gofte va dāneste šod-ke af'āl az heys-e ma'ni va čegunegi-ye sodur be se daste monqasem mišavand* 'Раньше уже говорилось и было признано, что глаголы с точки зрения смысла и формы делятся на три группы' (Хомаюнфаррох); *رسماً اعلام شد Rasman e'lām šod-ke kešvar-e mā dar in konferāns-e beynolmelali šerkat nemikonad* 'Официально было объявлено, что наша страна не участвует в этой международной конференции'; *گفته شد که زبان نوشتنی که ما از راه چشم آن را می بینیم، می خوانیم و می فهمیم در ابتداء علامتی بوده است Gofte šod-ke zabān-e nevestani-ke mā az rāh-e česm ān-rā mibinim, mixānim va*

mifahmim dar ebtedā' alāmati bude-ast 'Говорилось, что письменный язык, который мы видим, читаем и понимаем, первоначально был иероглифическим' (Хомаюн-фаррох).

2. Придаточные предложения, раскрывающие значение указательных местоимений — подлежащих главных предложений, следуют непосредственно за этими местоимениями.

Обычно в качестве подлежащих главных предложений используются местоимения *این in* 'этот', *آن ān* 'тот', обозначающие как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Придаточное подлежащее вводится подчинительным союзом *که ke* независимо от того, после какого указательного местоимения оно следует: *اینکه اینکه ماس پیغمبر ماس تو سراغشو می گیری حسنی قوزی نیس، پیغمبر ماس In-ke to sorāq-aš-o migiri Hasani-ye quzi nis, peyqambar-e mā-s* 'Тот, кого ты ищешь, — не Хасані-горбун, а наш пророк' (Хедаят. Живая вода); *اما می ترسم باز اینکه می گویی شعر باشد و باد هوا Ammā mitarsam bāz in-ke miguyi še'r bāšad va bād-e havā* 'Однако я опасаясь, что опять то, что ты говоришь, сплошная поэзия и ерунда' (Хеджази. Слеза).

В двух приведенных сложноподчиненных предложениях с придаточными подлежащими в качестве подлежащего главного предложения использовано указательное местоимение *این in*, обозначающее в первом предложении одушевленный предмет, а во втором — неодушевленный.

Указательное местоимение *آن ān*, обозначая лиц, сочетается с союзом *که ke*: *آنکه مرد است برای معشوقی که به خاطر دیگری او را بگذارد و برود غصه نمی خورد An-ke mard ast barāye ma'suq-i-ke be xāter-e digari u-rā begozārad va beravad qosse nemixorad* 'Настоящий мужчина (букв. тот, кто мужчина) не будет страдать из-за возлюбленной, которая способна его бросить ради другого' (Хеджази. Слеза).

В том случае, если местоимение *آن ān* относится к неодушевленному предмету, оно сочетается с союзом *چه ċe*: *آنچه من می توانم بنویسم همین است که در روزنامه ها نوشته شده است An-ċe man mitavānam benevisam hamin ast-ke dar ruznāmeḥā nevešte šode-ast* 'То, что я могу написать, — это то же, что уже написано в газетах' (Аляви. Ее глаза).

Кроме отмеченных выше указательных местоимений в роли подлежащего главного предложения может употребляться несамостоятельное определительное местоимение *هر har* 'каждый', сочетающееся как с союзом *که ke*, так и с союзом *چه ċe*: *هر که مرا در کوچه و خیابان می بیند، باید محو جمال من باشد و مرا دوست بدارد Har-ke ma-rā dar kuċe va xiyābān mibinad, bāyad mahv-e jamāl-e man bāšad va ma-rā dust bedārad* 'Каждый, кто увидит меня на улице, должен быть покорен моей красотой и влюбиться в меня' (Хеджази. Слеза); *هرچه عاید می شد مثل سیل روان از دست لیدا بیرون Har-ċe āyed mišod mesl-e seyl-e ravān az dast-e Lidā birun miraft* 'Все, что мы получали, быстро, подобно потоку, убегало из рук Лиды' (Хеджази. Слеза).

Во втором предложении сочетание *هرچه har-ċe*³ относится к неодушевленному предмету и этим отличается от сочетания *هر که har-ke*, которое всегда выражает одушевленные предметы.

³ Сочетание *هرچه har-ċe* 'всё, что', рассматриваемое нами как соотносительно-союзное, следует отличать от сложного союза *هر چه har ċe*, имеющего значение 'чем..., тем', 'сколько..., столько' и 'что бы ни', 'сколько ни' и вводящего соответственно сопоставительные и уступительные придаточные предложения (об этом см. ниже).

Выше говорилось, что сочетание هرچه *har-če* рассматривается нами в качестве соотносительно-союзного. Это означает, что оно может сочетаться с союзом که *ke* и вводимые им придаточные связаны с главным предложением союзной связью: هرچه که ترا از من راضی و خاطر ترا آسوده کند برای من شعر خواهد بود و موسیقی *Har-če-ke to-rā az man rāzi va xāter-e to-rā āsude konad barāye man še'r xāhad bud va musiqi* 'Все, что тебя удовлетворит и успокоит, для меня будет поэзией и музыкой' (Хеджази. Слеза).

3. Сложные предложения с придаточными сказуемыми

К придаточным сказуемым относятся такие зависимые предложения, которые раскрывают значение предикатива именного сказуемого главного предложения, выраженного указательными местоимениями این *in* 'этот', آن *ān* 'тот', همین *hamin* 'этот самый', همان *hamān* 'тот самый', چنین *čenin*, چنان *čenān* 'такой'.

Придаточные сказуемые всегда находятся в постпозиции по отношению к главному предложению и вводятся только подчинительным союзом که *ke*. Сказуемое главного предложения — всегда именное, глагольная часть его выражается краткой формой глагола-связки است *ast* или формами 3-го лица (чаще всего ед. числа) связочных глаголов بودن *budan* 'быть' и شدن *šodan* 'делаться', 'становиться': Be towr-e kolli ān-če az ānhā dar-yāfte-am in ast-ke ostād-e Makān mard-e rāzdār-i bude 'В общем, я у них узнал (букв. то, что я у них узнал, это есть, что), что художник Макан был человеком надежным' (Аляви. Ее глаза); امیدم این بود که امروز و فردا آن ابر سیاه *Omid-am in bud-ke emruz-o fardā ān abr-e siyāh xāhad darid va āftāb-e haqiqat...* rowšan xāhad kard 'Я надеялся (букв. моя надежда была этой, что), что не сегодня завтра эта мрачная туча рассеется и истина... восторжествует' (Хеджази. Слеза); آنچه من می توانم بنویسم همین است که *Ān-če man mitavānam benevisam hamin ast-ke dar ruznāme-hā neveste šode-ast* 'То, что я могу написать, — это то же, что уже написано в газетах' (Аляви. Ее глаза); آنچه مهم است آن است که به نحو مقرر و مطلوب صورت *Ān-če mohemm ast ān ast-ke be nahv-e movaqqar-o matlub surat girad va na saboksarāne* 'Важно то, что все это происходит серьезно и благожелательно, а не легковесно' (Нодушан 1375).

В тех случаях, когда подлежащее главного предложения выражено личными местоимениями 1-го или 2-го лица, глагол ставится в форме соответствующего лица: پرسیدم مگر مرا دوست داری؟ گفت تو همانی که من آرزو داشتم *Porsidam magar ma-rā dust dāri? Goft to hamān-i-ke man ārzu dāštam* 'Я спросил: «Ты меня разве любишь?» Она ответила: «Ты — тот, кого я желала» (Хеджази. Слеза).

В случае необходимости глагол главного предложения может быть употреблен в отрицательной форме: آلیس آن نبود که بتوانم از حال دل خود به او چیزی بگویم *Alis ān*

nabud-ke betavānam az hāl-e del-e xod be u čiz-i beguyam ‘Алис была не такой, чтобы с ней можно было поделиться тем, что у тебя на сердце’ (Хеджази. Слеза).

В современном языке получила распространение конструкция, когда при перечислении глагол-связка *است ast* опускается (чаще всего после указательного местоимения *آن ān*) и указательное местоимение соединяется непосредственно с союзом *که ke*: میان این دو خیال معلق بودم: یکی آنکه خودم را بکشم، دیگری آنکه از لیدا یکباره هلاکم میبندازم *Miyān-e in do xiyāl moallaq budam: yeki ān-ke xod-am-rā bekošam, digari ān-ke az Lidā yekbāre češm bepušam va xod-rā be dāman-e Helen biyandāzam* ‘Я колебался, какое из двух решений мне принять: одно (букв. одно то, что) — покончить жизнь самоубийством, другое (букв. другое то, что) — сразу отказаться от Лиды и уйти к Элен’ (Хеджази. Слеза).

Возможен пропуск глагола-связки и после указательного местоимения *این in*. Что касается указательных местоимений *همین hamin*, *همان hamān*, *چنین čenin*, *چنان čenān*, которые также употребляются в качестве именной части сказуемого, то после них пропуск глагола-связки *است ast* не наблюдается.

Таковы основные разновидности сложных предложений с придаточными сказуемыми. Из анализа языкового материала вытекает, что структурно сложноподчиненные предложения представляют один тип, а именно: придаточные раскрывают значение соотносительного слова, выступающего в роли именной части сказуемого.

В придаточных сказуемых в основном при помощи лексических средств могут быть выражены различные смысловые оттенки, например оттенки следствия, причины. Однако при всех обстоятельствах этот тип придаточных предложений четко выделяется среди других типов зависимых предложений благодаря наличию соотносительных слов в главном предложении.

4. Сложные предложения с придаточными дополнительными

К придаточным дополнительным относятся такие зависимые предложения, которые выступают в функции развернутого дополнения к сказуемому главного предложения или раскрывают значение дополнения, выраженного в главном предложении соотносительным словом — указательным местоимением. На этом основании выделяются две разновидности придаточных дополнительных предложений.

1. Придаточное предложение раскрывает содержание сказуемого главного предложения, дополняет его. Такого рода дополнительные придаточные предложения всегда находятся в постпозиции по отношению к главному предложению и связываются с ним при помощи союза *که ke*. Они выступают в функции объектов глаголов или глагольных словосочетаний, которые обозначают:

а) сообщение, высказывание, утверждение, отрицание — *گفتن goftan* ‘говорить’, *حکایت کردن hekāyat kardan* ‘рассказывать’, *نوشتن neveštan* ‘писать’, *جواب دادن javāb dādan* ‘отвечать’, *اعلام کردن e'lām kardan* ‘объявлять’, *تأیید کردن ta'yid kardan*

‘подтверждать’, *ezāfe kardan* ‘добавлять’, *va'de dādan* ‘обещать’, *ezhār dāštan* ‘заявлять’, *šekāyat kardan* ‘жаловаться’, *yādāvar šodan* ‘напоминать’ и др.: *rebudn* ‘быть другим’, *Bayad goft-ke taqlid az amal-e digarān va robudan-e hāsel-e ranj-e sāyerān kār-i besyār zešt va nāpasandide ast* ‘Следует сказать, что подражание действиям других и присвоение труда других является делом низким и недостойным’ (Кар 1334);

б) восприятие — *didan* ‘видеть’, *hess kardan* ‘чувствовать’, *šenidan* ‘слышать’, *mošāhede kardan* ‘обнаруживать’ и др.: *Az hamān daqiqe-ye avval ehsās kardam-ke bā yek zan-e ādi sarokār nadāram* ‘С первой же минуты я почувствовал, что имею дело с необычной женщиной’ (Аляви. Ее глаза); *mi didm ke zaman va havādes nācār Mididam-ke zamān va havādes nācār vojūd va surat-e xiyālāt-e mā-rā avaz kard* ‘Я видел, что время и события невольно изменили наш внешний облик и образ мыслей’ (Хеджази. Слеза);

в) мыслительную деятельность, чувства, внутреннее состояние — *fekr kardan* ‘думать’, *fahmidan* ‘понимать’, *bāvar kardan* ‘верить’, *yaqīn dāštan* ‘быть убежденным’, *hads zadan* ‘догадываться’, *entezār dāštan* ‘ожидать’, *taajjob kardan* ‘удивляться’, *xošhāl šodan* ‘радоваться’, *tarsidan* ‘пугаться’ и др.: *Yaqīn dāštam ke zan astād ra mi šnaخته ast* ‘Я был уверен, что эта женщина знала художника’ (Аляви. Ее глаза); *āyin zan bexubi mi dānist ke bā xānde-āš چه تاثیري دارد* ‘Эта женщина хорошо знала, (что) какое воздействие она оказывает на других своим смехом’ (Аляви. Ее глаза);

г) требование, решение, приказание, просьбу, побуждение — *xāstan* ‘хотеть’, *tasmim gereftan* ‘решать’, *taqāzā kardan* ‘требовать’, *eltemās kardan* ‘просить’, *umolāt* ‘умолять’, *da'vat kardan* ‘приглашать’, *amr dādan* ‘приказывать’, *vādār kardan* ‘вынуждать’ и др. Глагол-сказуемое придаточных дополнительных после этих глаголов, как правило, ставится в форме сослагательного наклонения: *Bar ān šodam-ke in qalathā-rā dar ketāb-i gerd āvaram-ke hame vaqt dar dastras-e morājeekonandegān bāšad* ‘Я решил собрать (букв. решил, что) эти ошибки в одной книге, чтобы читатели постоянно имели к ним доступ’ (Кар 1334); *Eltemās kardam-ke har-če be nazar-aš berasad be man beguyad* ‘Я ее умолял, чтобы все, что ей придет в голову, она сообщала мне’ (Хеджази. Слеза).

Придаточные дополнительные предложения, выступающие в роли развернутого дополнения к одному из названных выше глаголов, могут вводиться также союзом *tā* ‘чтобы’: *Tā si-yo hašt sāl-e omr-e gerāmi-rā bedun-e hičgune tavaqqo' va češmdāst-i masruf-e ta'lif-o tasnif-e ān sāzad* ‘Только любовь к литературе и дорогой родине

заставила ученого — автора работы отдать (букв. чтобы отдал) тридцать восемь лет своей жизни ее созданию без всякой надежды на какое-либо вознаграждение' (Хомаюнфаррох); احتراماً بدین وسیله از جناب عالی دعوت به عمل می آید تا در مراسم Ehterāman be-din vasile az jenāb-e āli da 'vat be amal miāyad tā dar marāsem-e eftetāhiyye-ye nemāyešgāh hozur beham rasānid 'С уважением приглашаем Ваше Превосходительство (букв. Ваше Превосходительство приглашаетесь, чтобы) принять участие в торжественной церемонии открытия выставки'.

2. Придаточное предложение раскрывает значение дополнения, выраженного в главном предложении указательными местоимениями и соотносительно-союзными сочетаниями آنچه *ān-če* 'то, что', هرچه *har-če* 'всё, что'. В зависимости от того, к чему относятся соотносительные слова — к глаголу или имени существительному, придаточные дополнительные подразделяются на две разновидности.

1) Придаточное предложение раскрывает значение соотносительного слова, служащего дополнением к глаголу-сказуемому главного предложения. В качестве дополнения употребляются указательные местоимения این *in*, آن *ān* и соотносительно-союзные сочетания آنچه *ān-če*, هرچه *har-če*.

Придаточные предложения, относящиеся к указательному местоимению این *in*, всегда вводятся подчинительным союзом که *ke* и следуют непосредственно за этим местоимением: با کمک شما تبرئه این زن حتمی است، زیرا در جنون او و در اینکه در اثر آن Bā komak-e šomā tabree-ye in zan hatmi ast, zirā dar jonun-e u va dar in-ke dar asar-e ān badbaxti tekān-i xorde va āqel šode šobhe-i nist 'С вашей помощью эта женщина безусловно будет оправдана, так как нет никакого сомнения в ее помешательстве и в том, что в результате того несчастья она перенесла сильное потрясение и обрела рассудок' (Хеджази. Слеза).

Однако в тех случаях, когда нужно сосредоточить основное внимание на значении, выражаемом дополнением — указательным местоимением и относящимся к нему придаточным предложением, глагол-сказуемое главного предложения помещается непосредственно перед этим придаточным. В результате такого стилистического приема указательное местоимение становится логическим центром высказывания: این را می داند که استاد وقتی کارش تمام می شد او را به خانه می رساند In-rā midānad-ke ostād vaqti kārš tamām mišod, u-rā be xāne mirasānd 'Он знает (то), что художник после окончания работы доставлял ее домой' (Аляви. Ее глаза).

Местоимения این *in* и آن *ān* чаще всего употребляются для указания на неодушевленные предметы: چرا آنکه من می خواهم نمی شنوی؟! Čerā ān-ke man mi xāham nemi šenavi?! 'Почему ты не слышишь то, что я хочу?!' (Хеджази. Слеза).

Для указания на одушевленные предметы обычно используется местоимение من آن *ān*: من آن را که از همه بهتر است از میان آنها برای خدمتگذاری خودم انتخاب خواهم کرد Man ān-rā-ke az hame behtar ast, az miyān-e ānhā barāye xedmatgozāri-ye xod-am entexāb xāham kard 'Я выберу себе в услужение из них того, кто лучше всех' (Хеджази. Слеза).

Местоимение این *in* для указания на лиц используется редко: پیدا بود که به ماذلن می گوید مقایسه کن و ببین، آیا اینکه من جسته ام بهتر است یا آنکه تو انتخاب کرده ای Peydā bud-ke be Māzlen miguyad moqāyese kon va bebin, āyā in-ke man joste-am behtar ast yā ān-ke to entexāb karde-i 'Было видно, что он говорит Мадлен: «Посмотри

и сравни, кто лучше: этот, которого нашел я, или тот, которого выбрала ты» (Хеджази. Слеза).

В тех случаях, когда местоимение *آن ān* указывает на неодушевленные предметы, оно чаще сочетается с союзом *چه ċe*. При этом образуется синтаксически неразложимое соотносительно-союзное словосочетание, о чем свидетельствует возможность употребления послелого *را -rā* после союза *چه ċe*: *متأسفانه آنچه را طبیعت به حد افراط در وجود تو خلق کرده احساسات رقیق است* *Motaassefāne ān-ċe-rā tabiat be hadd-e efrāt dar vojūd-e to xalq karde, ehsāsāt-e raqiq ast* 'К сожалению, природа в избытке создала в тебе (букв. то, что природа в избытке создала в тебе) повышенную чувствительность' (Хеджази. Слеза).

Кроме того, о слитности *آنچه ān-ċe* свидетельствует также возможность употребления после этого словосочетания подчинительного союза *که ke*, о чем уже подробно говорилось выше.

Определительное местоимение *هر har* в зависимости от того, обозначает оно одушевленные или неодушевленные предметы, сочетается то с союзом *که ke*, то с союзом *چه ċe*. После сочетания *هرچه har-ċe* может употребляться послелог *را -rā*, что свидетельствует о слитности этого словосочетания; после него может употребляться также союз *که ke*: *هر چه را آن روز گفته و شنیده و فکر کرده بودم، بر سر میز شام برای Har-ċe-rā ān ruz gofte va šenide va fekr karde budam, bar sar-e miz-e šām barāye mādar-am ta 'rif kardam* 'Все, что я в тот день говорил, слышал и думал, во время ужина рассказал матери' (Хеджази. Слеза).

Словосочетание *هر که har-ke* указывает на лиц: *با هر که حرف می زد و می رقصید و Bā har-ke harf mizad va miraqsid va mixandid, yaqin mikardam-ke raqib-e man u-st* 'Каждого, с кем она говорила, танцевала, смеялась, я принимал за своего соперника' (Хеджази. Слеза).

2) Придаточное предложение поясняет соотносительное слово, выступающее в роли приименного дополнения в главном предложении. В роли приименного дополнения обычно употребляются указательные местоимения *این in* и *آن ān*: *آمده ام از تو خواهش کنم که پیوند بریده را دوباره با او ببندی. خندید و به تصور اینکه شوخی زد* *Āmade-am az to xāheš konam-ke peyvand-e boride-rā dobāre bā u bebandi. Xandid va be tasavvor-e in-ke šuxi mikonam ċešmak-i zad* 'Я пришел попросить тебя, чтобы ты восстановил с нею прерванные отношения. Он засмеялся и, думая, что (букв. при предположении того, что) я шушу, подмигнул мне' (Хеджази. Слеза); *دانستن اینکه یک کلمه چندین معنی مختلف دارد کافی نیست* *Dānestan-e in-ke yek kaleme ċandin ma 'ni-ye moxtalef dārad kāfi nist* 'Знание того, что одно слово обладает несколькими различными значениями, недостаточно' (Хомаюнфаррох); *بارها به من گفته اند که در حفظ آنچه که به دستت می سپارند باید از دل و جان بکوشی* *Bārha be man gofte-and-ke dar hefz-e ān-ċe-ke be dast-at misepārānd bāyad az del-o jān bekuši* 'Мне неоднократно говорили, что ты должен стараться сохранить то, что (букв. стараться в сохранении того, что) тебе дают' (Хеджази. Слеза).

Особое место среди придаточных дополнительных занимают зависимые предложения, следующие после фразеологизмов-предложений, которые выступают в качестве главных. При самостоятельном употреблении этих предложений (не в составе сложноподчиненных предложений) они рассматриваются как безличные

фразеологизмы-предложения⁴. По выполняемой функции в составе сложноподчиненного предложения эти зависимые предложения выступают не как типичные дополнительные придаточные, а как дополнительно-изъяснительные. Нами выделяются три вида этих придаточных.

1. Придаточное предложение раскрывает значение главного предложения, сказуемое которого построено по модели «имя + глагол в 3-м лице ед. числа». Основную семантическую нагрузку несет именной компонент, а грамматическое значение лица глагола стирается: ...که احتمال می رود *ehtemāl miravad-ke...* 'предполагается, что...', 'возможно, что...' (букв. 'предположение идет, что...'); ...که گمان می رود *gamān miravad-ke...* 'думается, что...' (букв. 'мысль идет, что...'); ...که انتظار می رود *entezār miravad-ke...* 'ожидается, что...' (букв. 'ожидание идет, что...'); ...که بیم آن می رود *bim-e ān miravad-ke...* 'имеется опасение, что...' (букв. 'страх того идет, что...'); ...که ضرورت دارد *zarurat dārad-ke...* 'необходимо, чтобы...' (букв. 'необходимость имеет, чтобы...'); ...که جا دارد *jā dārad-ke...* 'уместно, чтобы...', 'следует, чтобы...' (букв. 'место имеет, чтобы...'); ...که جای آن دارد *jā-ye ān dārad-ke...* 'было бы уместно, чтобы...', 'было бы хорошо, чтобы...' (букв. 'место того имеет, чтобы...') и др. Все приведенные фразеологизмы-предложения относятся к бессубъектным предложениям и чаще всего состоят из двух компонентов: ضرورت دارد که *Zarurat dārad-ke* همه لهجه ها را با متود منظم علمی... ضبط و تدوین و بعد منتشر کنند *hame-ye lahjehā-rā bā metod-e monazzam-e elmi... zabt-o tadvin va ba'd montāšer konand* 'Необходимо, чтобы все диалекты... собирали и регистрировали строго научным методом, а затем публиковали' (Пейам-э новин); جا دارد که اولیای امور *Jā dārad-ke owlyā-ye omur-e Irān hamenow*'-e komak va mosāedat dar in bāb benemāyand 'Следует, чтобы руководители Ирана оказали всяческое содействие в этом вопросе' (Эттэлаат); انتظار می رود که *Entezār miravad-ke noxostvazir-e kešvar dar in konferāns šerkat mikonad* 'Ожидается, что в этой конференции примет участие премьер-министр страны'; بیم آن می رود که بر اثر بدی هوا مسابقه دوچرخه سواران روی *Bim-e ān miravad-ke bar asar-e badi-ye havā mosābeqe-ye dočarxesavārān ruy naxāhad dād* 'Имеется опасение, что из-за плохой погоды состязание велосипедистов не состоится'.

2. Придаточное предложение раскрывает значение главного члена предшествующего предложения, построенного по модели «имя + местоименная энклитика + глагол в 3-м лице ед. числа». В отличие от предыдущего данное главное предложение всегда имеет трехкомпонентную структуру, которая не может быть сведена к двухкомпонентной, ибо слитные местоимения, свободно изменяющиеся по лицам, не опускаются: ...که یادم آمد *yād-am āmad ke...* 'мне вспомнилось, что...' (букв. 'мне пришло на память, что...'); ...که باورشان شد *bāvar-ešān šod-ke...* 'они поверили, что...' (букв. 'у них стала вера, что'); ...که یقینم شد *yaqin-am šod-ke...* 'я убедился, что...', 'я удостоверился, что...' ('у меня стала вера, что...') и т.д. Эти предложения при самостоятельном употреблении (обычно без союза *که ke*) рассматриваются как субъектные безличные предложения, но могут также употребляться и как главные предложения: *Yaqin-am* شد که با این زن باید استادانه بازی کنم والا این زن می رود

⁴ Характеристику безличных фразеологизмов-предложений см. [Рубинчик 1981, с. 225–235].

šod-ke bā in zan bāyad ostādāne bāzi konam vaellā in zan miravad ‘Я убедился, что с этой женщиной нужно умело вести игру, а иначе она скроется’ (Аляви. Ее глаза); *یادم آمد که باید از لیدا بپرسم چرا دیوانه وار پول را خرج می کند* *Yād-am āmad-ke bāyad az Lidā beporsam čerā divānevār pul-rā xarj mikonad* ‘Мне вспомнилось, что я должен выяснить у Лиды, почему она как сумасшедшая тратит деньги’ (Хеджази. Слеза).

3. Придаточное предложение следует после главного, построенного по модели «имя *جا jā* ‘место’ + изафет + имя + глагол-связка *است ast*»: *جای تعجب است که...* ‘... удивительно, что...’ (букв. ‘место удивления есть, что...’); *جای تاسف است که...* ‘... жаль, что...’ (букв. ‘место жалости есть, что...’); *جای خوشوقتی است که...* ‘... радостно, что...’ (букв. ‘место радости есть, что...’) и др. Главное предложение представлено типичным моделированным фразеологизмом-предложением, в котором моделирующим компонентом выступает слово *جا jā* ‘место’. Поскольку это слово утрачивает свое лексическое значение, его нельзя считать грамматическим подлежащим. На этом основании предложение является безличным устойчивым. Такого рода предложения нередко выступают в качестве главных в составе сложноподчиненных с придаточными дополнительно-изъяснительными и встречаются главным образом в книжном, газетном стиле: *جای تاسف است که ملاقات ما صورت نگرفت* *Jā-ye taassof ast-ke molāqāt-e mā surat nagereft* ‘Жаль, что наша встреча не состоялась’; *جای تعجب نیست که پس از این کنفرانس ملاقات روزنامه نگاران تشکیل شد* *Jā-ye taajjob nist-ke pas az in konferāns molāqāt-e ruznāmenegārān taškil šod* ‘Неудивительно, что после этой конференции состоялась встреча журналистов’.

Интересно отметить, что во всех рассмотренных выше сложноподчиненных предложениях в роли главных выступают моделированные фразеологизмы-предложения.

5. Сложные предложения с придаточными определительными

Придаточные определительные — это такие зависимые предложения, которые выступают в роли развернутого определения к одному из именных членов главного предложения, выраженного именем существительным или словом, употребленным в значении существительного.

В русском языке разновидности придаточных определительных предложений выделяются на основе тех союзных слов и союзов, которыми они вводятся. Так, выделяются придаточные предложения, вводимые союзными словами *который, какой, чей*, союзом *что* и т.д. В персидском языке средства связи придаточного предложения с определяемым словом главного предложения не позволяют установить четкие критерии для разграничения придаточных определительных предложений. Поэтому в основе классификации этих определительных предложений лежит другой принцип: характер семантико-грамматической связи между подчиненным

предложением и определяемым словом. На этом основании придаточные определительные подразделяются на два вида: собственно определительные придаточные и определительно-изъяснительные придаточные⁵. Наибольшее распространение в языке имеют придаточные первого вида.

5.1. Собственно определительные придаточные предложения

Собственно определительные придаточные предложения характеризуют предметы и явления с точки зрения их качества, показывают их количественное отношение к другим предметам и явлениям, описывают присущие им признаки и свойства, указывают на их характеристики со стороны действия или состояния: اما او که تا به حال از استنطاق دیگران لذت می برد، هرگز متوجه زجری که متهم می کشید نشده بود *Ammā u-ke tā be hāl az estentāq-e digarān lezzat mibord, hargez motavajjeh-e zajr-i-ke mottaham mikesīd, našode bud* 'Однако он, получавший до сих пор удовольствие от допроса других, никогда не обращал внимания на мучения, которые испытывал обвиняемый' (Аляви. Письма); آیا این من بودم که این جنایت ها را می کردم؟ *Āyā in man budam-ke in jenāyathā-rā mikardam?* 'Разве это я совершала эти преступления?' (букв. 'Разве я была, которая совершала эти преступления?').

Собственно определительные придаточные предложения вводятся или только одним союзом که *ke*, или союзом که *ke* совместно с местоименными подчинительными словами⁶: آیا حیواناتی که تمام فصل زمستان را می خوانند در حالت موت کاذب نیستند؟ *Āyā heyvānāt-i-ke tamām-e fasl-e zemestān-rā mixāband dar hālāt-e mowt-e kāzeb nistand?* 'Разве животные, которые спят всю зиму, не находятся в летаргическом сне?' (Хедаят. Трон Абунасра); دنبال نامه ای می گشت که در آن به اسرار مرگ زن جوانش اشاره شده بود *Dombāl-e nāme-i migašt-ke dar ān be asrār-e marg-e zan-e javān-aš ešāre šode bud* 'Он искал письмо, в котором (букв. что в нем) излагались тайные обстоятельства смерти его молодой жены' (Аляви. Письма). Во втором придаточном определительном предложении употреблено местоименное подчинительное слово در آن *dar ān* 'в нем'.

Следует отметить, что именно в сочетании с этой разновидностью определительных придаточных предложений широко употребляется выделительный артикль. Связь выделительного артикля с собственно определительными придаточными

⁵ Названия двух разновидностей придаточных определительных предложений даются в соответствии с выполняемой ими семантико-синтаксической функцией в сложном предложении, см. [Рубинчик 1959, с. 65].

⁶ Местоименными подчинительными словами мы называем такие неконкретные члены собственно определительных придаточных предложений, которые наряду с союзом که *ke* вводят эти придаточные предложения, представляя в них определяемое имя. В роли местоименных подчинительных слов обычно используются: указательное местоимение آن *ān*, личные местоимения 3-го лица и соответствующие им местоименные энклитики, местоименное наречие آنجا *ānjā*. При необходимости они сочетаются с соответствующими предлогами и послелогом را *-rā*. Кроме того, в роли местоименных подчинительных слов иногда могут выступать местоимения همه *hame* 'все', خود *xod* 'сам', بعضی *ba'zi* 'некоторые', слова یکی *yeki* 'один', دیگری *digari* 'другой', словосочетания هر یک *har yek*, هر کدام *har kodām* 'каждый', 'всякий', имеющие значение местоимений.

предложениями объясняется сходством синтаксических функций, выполняемых этими придаточными предложениями и артиклем.

Артикль, употребляемый в сочетании с определительными придаточными после определяемого имени, сохраняет свою основную сущность показателя грамматической категории выделенности, но, несмотря на это, отличается от артикля, употребляемого в простом предложении. В простом предложении артикль, выделяя предметы и явления из подобных им, сообщает имени значение неопределенности, единичности и некоторые другие значения, о которых говорилось ранее. В сочетании же с придаточными определительными артикль выполняет лишь выделительно-указательную функцию. В этом случае артикль может употребляться не только после обычных существительных, но и после личных местоимений, имен собственных и существительных с указательными местоимениями, выступающих в роли определяемого имени: *راستی او کیست؟ اوی که همیشه چشمهایش به دنبال ماست، اوی که همیشه برای ما می تپد، اوی که با آندوه ما آه می کشد و از لبخند ما دلشاد می شود؟! Rāsti u kist? U-yi-ke hamiše česmhā-yaš be dombāl-e mā-st, u-yi-ke del-aš hamiše barāye mā mitapad, u-yi-ke bā anduh-e mā āh mikešad va az labxand-e mā delšād mišavad?! 'Действительно, кто он? Он, который с беспокойством постоянно смотрит на нас, он, сердце которого постоянно болеет за нас, он, который вздыхает по поводу наших горестей и радуется каждой нашей улыбке?!' (Кейхан для детей, № 810); ... شنیدم ناگهان کسی که از دهان لیدا به جز قهر و سرزنش نمی شنیدم ناگهان شنیدم. Lidā be joz qahr-o sarzaneš nemišenidam nāgahān šenidam... 'Я, который из уст Лиды ничего не слышал, кроме гневных жалоб и упреков, вдруг услышал...' (Хеджази. Слеза); اما هیچ انتظار نداشت که او را به گیلانی که آنقدر مرطوب و سرد است بفرستند Ammā hič entezār nadāšt-ke u-rā be Gilān-i-ke ānqadr martub va sard ast beferestand 'Но он никогда не ожидал, что его отправят в сырой и холодный Гилян' (букв. 'в Гилян, который такой сырой и холодный') (Аляви. Крестьянин-гиляк); ان حقوقی که با فداکاری تحویل می شود گرانها و عزیز است آن hoquq-i-ke bā fadākāri tahsil mišavad garānbahā va aziz ast 'Те права, которые достаются благодаря самоотверженности, особенно дороги'.*

В приведенных выше примерах артикль употреблен: а) после личных местоимений: ... اوی که u-yi-ke... 'он, который', ... منی که man-i-ke... 'я, который...'; б) после имени собственного: ... گیلانی که Gilān-i-ke... 'Гилян, который...'; в) после имени существительного с указательным местоимением آن ān 'тот': ... ان حقوقی که ān hoquq-i-ke... 'те права, которые...'. Без наличия придаточных определительных предложений употребление выделительного артикля в этих случаях было бы невозможным.

5.2. Определительно-изъяснительные придаточные предложения

В сравнении с собственно определительными придаточными предложениями определительно-изъяснительные получили меньшее распространение. Эта разновидность придаточных предложений более свойственна научно-деловому стилю, а также языку произведений общественно-политического характера. Придаточные

предложения этой разновидности, с одной стороны, определяют существительные, а с другой — выступают как развернутые дополнения, т.е. одновременно отвечают на вопросы определения и дополнения. Таким образом, они обнаруживают связь как с определительными, так и с дополнительными придаточными предложениями: *Belaxere be in natije rasidim-ke kāqaz-i be āqā-ye Mirzā Bozorg benevisim eqdām-i bekonad* 'В конце концов мы пришли к решению (букв. достигли этого результата)', что я напишу письмо господину Мирзе Бозоргу, чтобы он предпринял необходимые меры' (Кешаварз. В определенное время); *عضو هیئت علمی دانشگاه با ذکر این مطلب که کشورهای پیشرفته صنعتی با صدور محصولات صنعتی خود واژه های مرتبط را نیز به داخل Ozv-e hey'at-e elmi-ye dānešgāh bā zekr-e in matlab-ke kešvarhā-ye pišrafte-ye san'ati bā sodur-e mahsulāt-e san'ati-ye xod vāzehā-ye mortabet-rā-niz be dāxel-e kešvarhā-ye mowred-e niyāz-e ān mahsulāt vāred mikonand goft...* 'Член ученого совета университета, указав на то, что (букв. с упоминанием этой темы, что)' промышленно развитые страны вместе с промышленной продукцией ввозят соответствующие слова в страны, которые нуждаются в этой продукции, сказал...' (Кейхан, № 1531).

Определительно-изъяснительные придаточные рассматриваются нами среди придаточных определительных на том основании, что они связаны главным образом с именными членами главного предложения, а не с глаголами-сказуемыми, к которым обычно относятся дополнительные придаточные. Кроме того, существительные, к которым относятся придаточные предложения этого вида, обычно имеют при себе указательные местоимения, выступающие в роли определения: *فقط حل این مسئله باقی می ماند که آیا این جایزه ها را حقیقتاً می دهند یا این هم حقه بازی است؟ Faqat hall-e in mas'ale bāqi mimānd-ke āyā in jāyehā-rā haqiqatan midehand yā in-ham hoqqebāzi ast?* 'Оставалось только решить вопрос, действительно ли (букв. 'что разве действительно') выплачивают выигрыш или это также мошенничество' (Нушин. Мирза Мохсен).

Употребление указательных местоимений — соотносительных слов в главном предложении служит важным основанием для отнесения придаточных предложений к числу определительных. Определительно-изъяснительные придаточные предложения вводятся только союзом *که ke*, местоименные подчинительные слова с этим видом определительных придаточных никогда не употребляются.

Определительно-изъяснительные придаточные относятся не ко всем существительным. Существительные с узкопредметным значением — *شخص šaxs* 'человек', *ماهی māhi* 'рыба', *مداد medād* 'карандаш', *خانه xāne* 'дом', *دیوار divār* 'стена' и др. — не могут подчинять подобного рода зависимые предложения. Придаточные предложения этой разновидности обычно раскрывают значение существительных, обозначающих отвлеченные понятия (акты мысли и речи, чувства и т.п.). К ним относятся отвлеченные существительные типа *نکته nokte* 'мысль', 'обстоятельство', *موضوع mowzu* 'вопрос', 'тема', *مطلب matlab* 'тема', *فکر fekr*, *خیال xiyāl* 'мысль', *آرزو ārezu*, *میل meyl* 'желание', *مسئله mas'ale* 'вопрос', 'проблема', *سؤال so'āl* 'вопрос', *دلیل dalil* 'довод', 'доказательство', *اطلاع ettelā* 'сообщение', *خبر xabar* 'известие', *اعلامیه e'lāmīyye* 'коммюнике', 'сообщение', *امید omid* 'надежда', *نتیجه natije* 'результат', *واقعیات vāqeiyyat* 'факт' и др.: هر که هر

کند پیدا ای پول و پوله ای شده طوری *Ma'mur-e baluč dar in fekr bud-ke har towr-i šode pulopele-i peydā konad* 'Белудж думал о том, как (букв. 'был в этой мысли, чтобы) во что бы то ни стало раздобыть денег' (Аляви. Крестьянин-гиляк); ما از این مسئله *Mā az in mas'ale qāfel* *hastim-ke in filmhā ċe zararhā-ye ajib-i barāye kudakān-e mā dārad* 'Мы не обращаем внимания на то (букв. 'на этот вопрос), какой вред приносят эти фильмы нашим детям'.

В отличие от собственно определительных придаточных предложений определительно-изъяснительные не характеризуют определяемое имя с точки зрения одного или нескольких отдельных признаков, а раскрывают его содержание в целом. В этом состоит существенное семантическое различие между двумя разновидностями придаточных определительных предложений.

6. Сложные предложения с придаточными обстоятельственными

Обстоятельственные придаточные охватывают большую группу зависимых предложений, вступающих в различные смысловые отношения с главными предложениями. Отражая сущность закономерностей объективной действительности, эти отношения сводятся к пространственно-временным, причинно-следственным и сравнительно-сопоставительным. Вследствие многообразия смысловых отношений, которые выражаются обстоятельственными придаточными предложениями, их классификация представляет большие трудности. Причинно-следственными отношениями охватывается наибольшее количество подчиненных предложений, к которым помимо придаточных причины и следствия относятся придаточные условные и цели. Последние могут трактоваться как «желаемое условие». Близко к этим придаточным стоят зависимые предложения, выражающие связь событий во времени и пространстве. Особняком стоят придаточные уступительные, но и они, будучи выразителями «обратной обусловленности», также могут рассматриваться как разновидность причинно-следственных отношений, осложненная противопоставлением одной мысли другой. Большинство придаточных обстоятельственных находят соответствие в обстоятельственных членах предложения.

Придаточные обстоятельственные предложения указывают, как и при каких обстоятельствах совершается действие, о котором сообщается в главном предложении. Они характеризуются наличием большого числа разнообразных подчинительных союзов (часто не отраженных в словарях персидского языка) и соотносительных слов, описание которых будет дано вместе с соответствующими типами придаточных. При этом некоторые из подчинительных союзов используются для введения двух, а иногда и трех видов придаточных (например, برای آنکه (اینکه), *barāye ān-ke (in-ke)*) 'для того, чтобы', 'потому что', چون *ċon* 'так как', 'когда', تا *tā* 'чтобы', 'пока'), так что незнание значений и функций союзов может привести к искажению смысла высказывания. Различные синтаксические функции,

выполняемые обстоятельственными предложениями, определяются главным образом подчинительными союзами и соотносительными словами, которые занимают первое место среди подчинительных структурно-грамматических средств в подобного рода сложноподчиненных предложениях. Такие грамматические средства, как интонация, порядок расположения предложений, употребление разных временных форм глаголов-сказуемых и другие, имеют лишь второстепенное, вспомогательное значение.

6.1. Сложные предложения с придаточными времени

Придаточные предложения времени указывают на то, когда происходит действие главного предложения.

Этот тип придаточных предложений обладает большим количеством подчинительных союзов. К временным относятся союзы *وقتیکه vaqt-i-ke*, *زمانیکه zamān-i-ke*, *به محض هنگامیکه hangām-i-ke*, *موقعی موقعی towqe'-i-ke* 'когда', *همینکه hamin-ke*, *آنکه* *به محض آنکه* *hamin-ke*, *آنکه* *به مجرد آنکه* *be mojarad-e ān-ke (in-ke)* 'как только', 'едва только', *تا tā*, *تا آنکه* *tā in-ke* 'пока', 'до тех пор пока', *مادامی که* *mādām-i-ke* 'пока', *چون čon* 'когда', *آنکه* *پیش از آنکه* *piš az ān-ke (in-ke)*, *آنکه* *پس از آنکه* *qabl az ān-ke (in-ke)* 'перед тем как', 'до того как', *آنکه* *پس از آنکه* *pas az ān-ke (in-ke)*, *آنکه* *بعد از آنکه* *ba'd az ān-ke (in-ke)* 'после того как' и др. Временные придаточные могут вводиться также только одним подчинительным союзом *که ke*: *دور است، اشک دور که* *āšk dowr-e češmahā-yat halqe zade-ast* 'Сейчас, когда читаешь то, что написано, твое сердце стремится к ней, а глаза наполняются (букв. наполнились) слезами' (Кейхан для детей, № 810).

Употребление того или иного союза в сложноподчиненных предложениях этого типа влияет на их структуру, на необходимость употребления глаголов-сказуемых придаточных предложений в определенных временах и наклонениях.

Придаточные предложения времени либо поясняют сказуемое главного предложения, либо раскрывают конкретное значение соотносительного слова — обстоятельства времени. Местоположение придаточных времени может быть различным — они могут находиться впереди, позади и, реже, в середине главного предложения, если они относятся к его сказуемому: *عوايد او حتی آن وقتیکه در شیراز بازپرس* *Avāyed-e u hattā ān vaqt-i-ke dar Širāz bāzpers-e sāde-i biš nabud, ziyād bud* 'Его доходы даже тогда, когда он служил простым следователем в Ширазе, были большими' (Аляви. Письма). В приведенном сложном предложении придаточное времени, вводимое сложным союзом *آن وقتیکه ān vaqt-i-ke*, находится в интерпозиции по отношению к главному предложению.

В роли указательно-местоименных слов, соотносительных с придаточными времени, обычно употребляются имена существительные *وقت vaqt*, *هنگام hangām*, *زمان zamān*, *موقع towqe'* 'время' в сочетании с выделительным артиклем: *وقتی vaqt-i*, *من وقتی زمانه هستم که وجود* *aman vaqt-i zamān-i, towqe'-i*

من دانم *Man vaqt-i zende hastam-ke vojvod-e hasti-ye* *xod-rā qarq dar zendegi-ye u midānam* 'Я существую только *тогда*, когда считаю себя целиком погруженной в его жизнь' (Аляви. Комета); *مثلاً شما یک من شیر خریده و در شیشه بسته باشد و کسی آزاد نباشد* *Masalan šomā yek man šir xaride va dar šīše-i be xāne āvarde-id, ān tū hangām-i šir ast-ke dar šīše baste bāšad va kas-i āzād nabāšad čizhā-ye digar-i be ān biyāmizad* 'Например, вы купили один ман⁷ молока и принесли его в сосуде домой. Оно *до тех пор* будет оставаться молоком, пока сосуд закрыт и никто не в состоянии туда чего-нибудь добавить' (Кясрави 1332); *اما متأسفانه زمانی به ایجاد فرهنگستانها در کشور مبادرت شد که اکثر واژه های بیگانه وارد زبان فارسی شده است* *Ammā motaassefāne zamān-i be ijād-e farhangestānhā dar kešvar mobāderat šod-ke aksar-e vāzehā-ye bigāne vāred-e zabān-e fārsi šode ast* 'Однако, к сожалению, к созданию академий в стране приступили *тогда*, когда большинство иноязычных слов уже вошло в персидский язык' (Кейхан, № 15331).

Соотносительные слова *vaqt-i* *hangām-i* и другие получают фразовое ударение и тем самым выделяются среди других членов главного предложения. После них придаточные предложения вводятся союзом *ke*.

Соотносительные с временными придаточными слова следует отличать от совпадающих с ними по форме временных союзов, у которых опущен союз *ke*: *Man vaqt-i mibinam yeki-rā šallāq mizanand xiyāl mikonam hod-am darām kotak mixoram* 'Когда я вижу, что кого-то бьют плетью, то я думаю, что это бьют меня самого' (Аляви. Тюремные записки); *وقتی مردم احساس کنند آنهایی که افکارشان را هدایت می کنند* *Vaqt-i mardom ehsās konand ānhā-yi-ke afkār-ešān-rā hedāyat mikonand az vāzehā-ye bigāne estefāde mikonand hassāsiyyat-e in qaziyye kam mišavad* 'Когда люди почувствуют, что те, кто управляет их мыслями, сами употребляют заимствованные слова, то у них понизится чувствительность к этому' (Кейхан, № 15331).

Придаточные предложения времени, вводимые союзом *ke*, часто следуют после главного предложения: *غروب بود که نعلش زن بیست و دو ساله را به خانه آوردند* *Qorub bud-ke na'š-e zan-e bistodosāle-rā be xāne āvardand* 'Был вечер, когда принесли домой труп двадцатидвухлетней женщины' (Аляви. Письма).

В тех случаях, когда временные придаточные с союзом *ke* находятся впереди главного предложения, он ставится не в начале сложного предложения (как это бывает с другими союзами), а после одного из именных членов придаточного предложения: *Be meydān-ke bar-gašt bu-ye xorākīhā-ye jurbejur be mašām-aš rasid* 'Когда он возвратился на площадь (букв. на площадь, когда возвратился), он почувствовал запах разнообразной пищи' (Хедаят. Бродячий пес); *Hasani-ke in xabar-rā šenid owqāt-aš talx šod* 'Когда Хасани услышал это известие (букв. Хасани, когда это известие услышал), он огорчился' (Хедаят. Живая вода).

Такого рода придаточные предложения времени с союзом *ke* следует отличать от придаточных определительных предложений, следующих непосредственно

⁷ Ман (من *man*) — мера веса, неодинаковая в разных районах Ирана.

после определяемого имени без артикля. В этом случае смысл всего сложного предложения, а также содержание всего высказывания помогают правильному установлению логико-грамматической связи между главным и придаточным предложениями.

Сложные временные союзы *vaqt-i-ke* *هنگامیکه* *hangām-i-ke*, *زمانیکه* *zamān-i-ke*, *موقعی* *mowqe'-i-ke*, наиболее часто встречающиеся в различных жанрах и стилях современного языка, могут включать в свой состав указательные местоимения и предлоги, усилительные частицы: *همان وقتیکه خواست از ولایت به تهران بیاید با خود و خدا و وجدان خود شرط کرد که دامن خود را به هیچگونه پلیدیهای آلوده نسازد Hamān vaqt-i-ke xāst az velāyat be Tehrān biyāyad bā xod va xodā va vejdān-e xod šart kard-ke dāman-e xod-rā be hičgune palidihā-yi ālude nasāzad* 'В то время, когда он собирался приехать из провинции в Тегеран, он договорился с самим собой, с Богом и со своей совестью, что не будет ввязываться ни в какие грязные дела' (Джамаль-задэ. Вождь).

При наличии указательного местоимения в составе временного союза артикль иногда опускается: *آن وقت که طاق آسمان را می زدند او نیمه اش بالا می انداخت An vaqt-ke tāq-e āsmān-rā mizadand, u nime-aš bālā miandāxt* 'В то время, когда строили небесный купол, он подбрасывал половинки' (Рахмати. Словарь); *در این موقع که با تصویب مجلس و به حکم شاه زمام امور مملکت به دست او افتاده فهمیده است که با این Dar in mowqe'-ke bā tasvib-e majles va be hokm-e šāh zamān-e omur-e mamlakat be dast-e u oftāde fahmide-ast-ke bā in daste-ye ma'dud... bāyad kenār āyad* 'В то время, когда после утверждения меджлиса и по указанию шаха бразды правления страны перешли в его руки, он понял, что необходимо прийти... к соглашению с этой небольшой группкой' (Джамаль-задэ. Вождь).

Определительное местоимение *هر* *har* 'каждый', 'всякий' может входить в состав сложного временного союза. Наличие этого местоимения создает значение повторяемости, постоянства действий главного и придаточного предложений: *هر وقت که خواب بود و یا با زنهایش کشمکش داشت و احياناً کسی به دیدنش می آمد، مراد عادت Har vaqt-ke xāb bud va yā bā zanhā-yaš kašmakeš dāšt va ahyānan kas-i be didan-aš miāmad, Morād ādat karde bud-ke beguyad: «Āqā be masjed rafte»* 'Каждый раз, когда он спал или ссорился со своими женами и в это время к нему кто-нибудь приходил, Морад по привычке говорил: «Господин пошел в мечеть»' (Хедаят. Хаджи-ага).

При наличии в составе сложного союза местоимения *هر* *har* возможен пропуск союза *که* *ke*, и тогда роль подчинительного союза берет на себя оставшееся словосочетание: *هر وقت لازم باشد خبر بدهید خواهیم آمد Har vaqt lāzem bāšad xabar bedehid xāham āmad* 'Когда будет необходимо, сообщите мне, я приду' (Джамаль-задэ. Вождь); *هر وقت هم کسی برای کلفتی می خواهد ترا به شهر ببرد مثل بچه ننه ها گریه می کنی Har vaqt-ham kas-i barāye kolfati mixāhad to-rā be šahr bebarad mesl-e baččenanehā gerye mikoni* 'И всякий раз, когда кто-нибудь хочет взять тебя в качестве прислуги в город, ты плачешь, как маменькина дочка' (Оховват. Красное яблоко).

В приведенных примерах, несмотря на отсутствие союза *که* *ke*, сложноподчиненные предложения относятся к союзным предложениям, и в качестве подчинительного союза, связывающего главное и придаточное предложения, выступает устойчивое словосочетание *هر وقت* *har vaqt* 'всякий раз, когда'.

Придаточные времени, вводимые союзом که *ke*, могут передавать разное содержание. Так, выделяются зависимые предложения, в которых подчеркивается внезапность действия: ... کلفت داشت از اتاق خارج می شد که فرنگیس امرانه گفت... *Kolfat dāšt az oṭāq xārej mišod-ke Farangis āmerāne goft...* ‘Прислуга выходила из комнаты, когда Ференгис повелительно сказала...’ (Аляви. Ее глаза). Обычно такие придаточные следуют после главного предложения.

Необходимо выделить постпозитивные придаточные, вводимые союзом که *ke*, которые следуют после главного предложения, обозначающего какой-то отрезок времени. Такие сложноподчиненные предложения строятся по определенной устойчивой схеме и имеют довольно большое распространение в современном персидском языке: و چهار سال است که در این شهر بی هیچ شغل معین و عایدات مقرری خورده ای و *Čahār sāl ast-ke dar in šahr bi hič šoql-e moayyan va āyedāt-e moqarrar-i xorde-i va xābide-i* ‘Вот уже четыре года, как ты в этом городе, не имея определенных занятий и доходов, ешь и спишь’ (Джамаль-задэ. Вождь); نه ماه بود که مهرداد *Mehrdād mašgul-e takmil-e zabān-e ferānse bud* ‘Вот уже девять месяцев, как Мехрдад совершенствовался во французском языке’ (Хедаят. Манекен в витрине).

Главное предложение может быть представлено безличным фразеологизмом-предложением: طولی نکشید که احمدک را گرفتند *Tul-i nakešid-ke Ahmadak-rā gereftand* ‘Прошло немного времени, как Ахмадака схватили’ (Хедаят. Живая вода); دیری نکشید که همه اهالی زرافشان به او ایمان آوردند *Dir-i nakešid-ke hame-ye ahāli-ye Zarafšan be u imān āvardand* ‘Прошло немного времени, как все жители Зарафшана поверили ему’ (Хедаят. Живая вода).

В этих примерах первое предложение является главным только на основании формальных признаков — располагается в начале и завершается союзом که *ke*, а по своему содержанию выражает второстепенную мысль высказывания — время протекания действия придаточного предложения.

Из простых союзов, как уже было отмечено, помимо که *ke* для введения придаточных времени употребляются союзы تا *tā* ‘пока’ и چون *čon* ‘когда’. Союз چون *čon* во временном значении широко использовался в языке классического периода (главным образом в поэзии).

Временные придаточные, вводимые союзом تا *tā*, могут находиться как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к главному предложению: می رفتیم تا به کتابخانه ای رسیدیم *Miraftim tā be ketābxāne-i rasidim* ‘Мы шли до тех пор, пока достигли какого-то книжного магазина’ (Хеджази. Слеза); تا خون روان نشود *Tā xun ravān našavad āsyāb-e omur be kār naxāhad oftād* ‘До тех пор пока не потечет кровь, общественная мельница не будет нормально работать’ (Хеджази. Слеза).

Сложные предложения с придаточными времени обладают большими возможностями для выражения временного соотношения между действиями главного и придаточного предложений. Между ними могут устанавливаться следующие виды временной соотнесенности: одновременность и последовательность действий. В персидском языке временная соотнесенность опирается главным образом на смысловую сторону предложений и значение подчинительных союзов. Соотнесенность временных форм глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений не имеет большого значения, хотя и она должна учитываться.

1. Одновременность действий.

Одновременность подразумевает полное или частичное совпадение действий во времени. Для ее выражения употребляются союзы *وقتیکه vaqt-i-ke*, *موقعی موقعی towqē 'i-ke*, *هنگامیکه hangām-i-ke*, *زمانیکه zamān-i-ke* 'когда', *در حالیکه dar hāl-i-ke*, *dar zemn-e ān-ke (in-ke)* 'в то время, как', 'в то время, когда', *تا tā* 'пока', *هر وقت که har vaqt-ke* 'всякий раз, когда' и др. Одновременность действий наблюдается в любом естественном и грамматическом времени — настоящем, будущем и прошедшем: *وقتیکه شیرین را به شهر آوردند، یازده سال بیشتر نداشت* *Vaqt-i-ke Širin-rā be šahr āvardand, yāzdah sāl bištar nadāšt* 'Когда Ширин привезли в город, ей было не более одиннадцати лет' (Оховват. Красное яблоко); *من تا مدتی Man tā moddat-i-ke dar Orupā hastam, yek zendegi-ye šāhāne barāye šomā tartib mideham* 'До тех пор пока я буду в Европе, устрою для вас шахскую жизнь' (Аляви. Ее глаза).

При частичном совпадении действий придаточного и главного предложений в главных предложениях действие начинается раньше, чем в придаточных, и его длительность ограничивается окончанием действия придаточных предложений. Такие придаточные времена вводятся союзами *تا وقتیکه tā vaqt-i-ke*, *تا آنکه (اینکه) tā ān-ke (in-ke)* 'до тех пор пока', 'пока', *تا tā* 'пока' и другими (часто такими, в состав которых входит предлог *تا tā* 'до'): *سالها گذشت و یکدیگر را ندیده بودیم تا: Sālha gozašt va yekdigar-rā nadide budim tā ān-ke yek ruz dar ruznāme-i surat-e zan-i be češm-am xord va be nazar-am āšnā āmad* 'Прошло много лет, и мы друг друга не видели, пока однажды в какой-то газете мне попалось лицо какой-то женщины, и оно мне показалось знакомым' (Хеджази. Слеза).

Выражение одновременности действий, состояний в главном и придаточном предложениях может поддерживаться употреблением глаголов-сказуемых в форме прошедшего длительного времени: *تا از کسی خوشش نمی آمد، تا برای کسی احترام قائل نبود به دیدنش نمی رفت* *Tā az kas-i xoš-aš nemiāmad, tā barāye kas-i ehterām qāel nabud, be didan-aš nemiraft* 'До тех пор пока ему кто-нибудь не нравился, пока он не относился с уважением к кому-нибудь, он не ходил к нему с визитом' (Аляви. Ее глаза); *تا وقتیکه من برای استاد علی السویه بودم، تا آنوقت با او بازی می کردم* *Tā vaqt-i-ke man barāye ostād alassaviyye budam, tā ān vaqt bā u bāzi mikardam* 'До тех пор пока я была безразличной художнику, я заигрывала с ним' (Аляви. Ее глаза).

Полное совпадение действий во времени всегда наблюдается в сложноподчиненных предложениях в тех случаях, когда придаточное вводится сложным союзом, в состав которого входит определительное местоимение *هر har*. Тогда в главных и придаточных предложениях выражаются повторяющиеся, совпадающие во времени действия: *هر وقت که گوشی تلفن را زمین می گذاشت مثل این بود که مته به جگر من می گذاشت* *Har vaqt-ke guši-ye telefon-rā zamin migozāšt, mesl-e in bud-ke matte be jegar-e man migozāšt* 'Всякий раз, когда он клал телефонную трубку на пол, я чувствовала, что мне как будто в печень вставляют сверло' (Аляви. Ее глаза); *از آن به بعد این گل را* *Az ān be ba'd in gol-rā mibinam, be yād-e ān bāq mioftam* 'С тех пор всякий раз, когда я вижу этот цветок, я вспоминаю тот сад' (Хеджази. Слеза).

2. Последовательность действий (отношения разновременности).

Среди сложных предложений с отношениями разновременности наибольшее распространение имеют сложноподчиненные предложения, в которых действие главного следует за действием придаточного времени. В таких сложноподчиненных предложениях придаточное вводится союзами *وقتیکه vaqt-i-ke*, *موقعی که moqce'-i-ke*, *زمانیکه zamān-i-ke*, *هنگامیکه hangām-i-ke*, *بعد از آنکه ba'd az ān-ke (in-ke)*, *پس از آنکه pas az ān-ke (in-ke)*, *همینکه hamin-ke*, *به محض be mahz-e ān-ke (in-ke)*, *از زمانیکه az zamān-i-ke*, *از وقتیکه az vaqt-i-ke* и др.: *Vaqt-i be xod āmadam va mādar-am va tabib-e xānevāde-rā bālā-ye sar-am didam, dānestam-ke bimār am* 'Когда я пришел в себя и увидел над собой мать и семейного врача, поняв, что я болен' (Хеджази. Слеза); *اما وقتیکه کتاب را به دست گرفت و خواندن را Ammā vaqt-i-ke ketāb-rā be dast gereft va xāndan-rā āqāz kard, az noxostin lahze dočār-e eškāl mišavad* 'Однако, когда он берет (букв. взял) в руки книгу и приступает (букв. приступил) к ее чтению, он с первого же момента сталкивается с трудностями' (Хеджази. Слеза). В последнем примере отношения разновременности поддерживаются также постановкой глаголов-сказуемых в разных временных формах.

В тех случаях, когда высказывание относится к будущему и в нем имеется оттенок предположительности, глагол-сказуемое придаточного предложения ставится в форме одного из времен сослагательного наклонения (чаще всего аориста), а глагол-сказуемое главного предложения — в настояще-будущем или будущем категорическом времени. Такие сложноподчиненные предложения по своему значению и употребляемым в них глагольным формам приближаются к сложным предложениям с условными придаточными. Поэтому вместо аориста в придаточных времени, как и в соответствующих условных придаточных, часто употребляют простое прошедшее время: *زحمت مادرم را که مجبور به کار کردن شده وقتی تحصیل تمام شد Zahmat-e mādar-am-rā-ke majbur be kār kardan šode, vaqt-i tahsil-am tamām šod jobrān xāham kard* 'Когда я закончу учение, я полностью возьму все труды моей матери, которая была вынуждена работать из-за меня' (Хеджази. Слеза).

Наиболее отчетливо следование действия главного предложения за действием придаточного проявляется при наличии сложных союзов (айнке) *پس از آنکه pas az ān-ke (in-ke)*, *بعد از آنکه ba'd az ān-ke (in-ke)* 'после того, как'. Придаточные времени с этими союзами обычно располагаются перед главными предложениями: *... Pas az ān-ke lahze-i sāket budim goft...* 'После того как некоторое время мы оставались в молчании, она сказала...' (Хеджази. Слеза); *... Pas az ān-ke nimsāt-i bāzi kardim, goftam man emruz xaste-am...* 'После того как мы поиграли полчаса, я сказал, что сегодня устал...'.

Сложноподчиненные предложения с союзами *همینکه hamin-ke*, *به محض آنکه be mahz-e ān-ke (in-ke)*, *به مجرد آنکه be mojarad-e ān-ke (in-ke)* 'как только', 'едва только', 'лишь только' всегда имеют главные предложения, действия которых следуют за действиями придаточных времени. При этом названные союзы указывают на быстрое наступление действия главного предложения вслед

за действием придаточного. Как правило, придаточные, вводимые этими союзами, находятся в начале сложноподчиненного предложения: *همینکه استاد قلم میویش را به رنگ آغشته کرد و می خواست روی پرده بکشد، نگاهش به صورت وزیر افتاد* *Hamin-ke ostād qalammu-yaš-rā be rang āqešte kard va mixāsti ru-ye parde bekešad, negāh-aš be surat-e vazir oftād* 'Как только художник обмакнул кисточку в краску и хотел провести ею по полотну, его взгляд упал на лицо министра' (Аляви. Ее глаза); ... *مادرم به محض اینکه سروصداها راه افتاد از ایران فرار کرد...* *Mādar-am be mahz-e in-ke sarosedāhā rāh oftād, az Irān farār kard...* 'Едва только началась смута, моя мать бежала из Ирана...' (Аляви. Ее глаза).

Для выражения предшествования действия придаточного предложению главному употребляются также союзы *که ke* 'когда', *تا tā* 'пока', (اینکه) *tā ān-ke (in-ke)*, *تا وقتیکه tā vaqt-i-ke* 'до тех пор, пока' и др.: *این خبر را شنید که این خورشید را شنید* *Hasani-ke in xabar-rā šenid owqāt-aš talx šod* 'Когда Хасани услышал это известие, он огорчился' (Хедаят. Живая вода); *من جرئت نکردم تا وقتیکه او کارش تمام نشده بود از جایم بلند بشوم* *Man jor'at nakardam tā vaqt-i-ke u kār-aš tamām našode bud az jā-yam boland bešavam* 'Я не осмелился подняться со своего места, пока он не закончил свою работу' (Оховват. Красное яблоко).

В сложноподчиненных предложениях, в которых действие главного предшествует во временном плане действию придаточного времени, употребляются сложные союзы *قبل از آنکه qabl az ān-ke (in-ke)*, (اینکه) *piš az ān-ke (in-ke)* 'прежде чем': *قبل از آنکه مهر مرا به دل بگیرد اصلاً مزه عشق و مهربانی را نچشیده بود* *Qabl az ān-ke mehr-e ma-rā be del begirad, aslan maze-ye ešq-o mehrebāni-rā načešide bud* 'Прежде чем испытать мою любовь, он вообще не знал, что такое любовь' (Аляви. Ее глаза); *پیش از آنکه مهربانو بتواند بر اضطرابی که به او دست داده بود غلبه* *Piš az ān-ke Mehrbānu betavānad bar ezterāb-i-ke be u dast dāde bud, qalabe konad, man pišdasti kardam va goftam...* 'Прежде чем Мехрбану смогла перебороть в себе волнение, которое ее охватило, я, опередив ее, сказала...' (Аляви. Ее глаза).

6.2. Сложные предложения с придаточными условными

К придаточным условным относятся зависимые предложения, выражающие условие, от которого зависит осуществление действия главного предложения.

По сравнению с придаточными предложениями времени число союзов, используемых для введения придаточных условных, невелико. Придаточные этого типа связываются с главным предложением союзами *اگر agar*, *هرگاه hargāh* 'если'⁸,

⁸ Союз *هرگاه hargāh* иногда употребляется в сочетании с союзом *که ke* — *هرگاه که hargāh-ke*, причём общее значение образующегося союза не меняется.

В поэтической речи союз *اگر agar* часто приобретает сокращённую форму — *گر gar* и может иметь также значение 'хотя'. Кроме того, этот союз участвует в образовании ещё трёх сложных союзов: *اگر چه agar čenānče* 'в случае, если' (условного), *اگر چه agar če* 'хотя' (уступительного) и *اگر نه agar na* 'если нет, то', 'иначе' (противительного).

در صورتیکه *dar surat-i-ke* ‘в том случае, если’, چنانچه *čenānče* ‘если’ (реже — اگر چنانچه *agar čenānče* ‘в случае, если’), (اینکه) *be šart-e ān-ke (in-ke)*, به شرط آنکه *be šart-i-ke* ‘при условии, если’. Наиболее употребительным из условных союзов является союз اگر *agar*, встречающийся в разных стилях речи.

В сложноподчиненных предложениях условные придаточные могут находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к главному предложению. Но наиболее часто они встречаются перед главным предложением: اگر کسی از بیرون وارد شود می فهمد که این مرد از صبح تا به حال چقدر توتون دود کرده است *Agar kas-i az birun vāred šavad mifahmad-ke in mard az sobh tā be hāl čeqadr tutun dud karde-ast* ‘Если кто-нибудь с улицы зайдет к нему, то сразу почувствует, сколько этот человек с самого утра и до настоящего времени успел выкурить табак’ (Джамаль-задэ. Вождь).

В зависимости от того, представляется ли говорящему / пишущему соотношение условия придаточного предложения со следствием, выраженным в главном предложении, как реальное, возможное или как предполагаемое, желаемое, сложноподчиненные предложения этого типа подразделяются на две основные разновидности. Главными показателями различия этих двух типов предложений служат формы времени, употребляемые в главных и придаточных предложениях и играющие важную грамматическую роль в различении соотносительности действий, обозначающих условие и вытекающее из него следствие. Рассмотрим каждую из этих разновидностей.

1. Сложноподчиненные предложения, в которых условие связано с будущим временем и представляется говорящему / пишущему как реально возможное. В этом случае глагол-сказуемое придаточного предложения ставится в одном из времен сослагательного наклонения, а в главном предложении употребляются будущее категорическое, настояще-будущее время в значении будущего либо повелительное наклонение: اگر سبب عجیب این مهربانی و قصه این عشق و خوشگلی را بدانید حیرت شما صد چندان خواهد شد *Agar sabab-e ajib-e in mehrefāni va qesse-ye in ešq va xošgeli-rā bedānid, heyrat-e šomā sad čandān xāhad šod* ‘Если вы узнаете удивительную причину этой нежности, а также необыкновенную историю этой любви и красоты, то ваше удивление возрастет в сотни раз’ (Хеджази. Слеза); اگر امروز تابلوها را نبینم دیگر *Agar emruz tāblohā-rā nabinam digar forsāt naxāham kard* ‘Если сегодня же не увижу картины, то мне уже больше не представится удобный случай’ (Аляви. Ее глаза).

Употребление того или иного временного союза не влияет на характер соотносительности условия, выраженного придаточным, и следствия, выраженного главным предложением. Для выражения реального условия, кроме союза اگر *agar*, употребляют и другие условные союзы, хотя они встречаются реже: چنانچه *čenānče* *bexāhim hatman fārsi bāšād mitavānim yādšode benevisim* ‘Если захотим, чтобы было написано обязательно по-персидски, можем написать слово «упомянутый»’ (Кар 1334); به شرطیکه *be šart-i-ke* *xaste našavid bā ham sar-e vaqt be yeki az ān mizhā miravim* ‘При условии, если вы не устанете, то мы вместе в определенное время подойдем к одному из этих столов’ (Нураи. Под голубым небосводом).

В тех случаях, когда говорящий / пишущий хочет подчеркнуть уверенность в осуществлении условия (действие придаточного предложения мыслится как бы совершенным), глагол-сказуемое придаточного предложения вместо формы аориста ставится в форме простого прошедшего времени: امیدوارم که اگر دوستان و دانشمندان را آگاه فرمایند *Omidvār-am-ke agar dustān va dānešmandān xatāhā va eštebāhāt-i dar in molāheze farmudand lotfan nevisande-rā āgāh farmāyand* 'Я надеюсь, что если друзья и ученые обнаружат (букв. 'обнаружили') в нем [в словаре] ошибки, то любезно сообщат об этом автору' (Мокри. Предисловие).

Если действие главного и придаточного предложений относятся к настоящему времени, то глаголы-сказуемые таких предложений ставятся в форме настояще-будущего времени: من اگر خودم را گول می زنم حق ندارم مردی از خودم ساده تر را گول بزنم *Man agar xod-am-rā gul mizanam haqq nadāram mard-i az xod-am sādetar-rā gul bezanam* 'Если я обманываю себя, то не имею права обманывать людей, которые по своему развитию стоят ниже меня' (Джамаль-задэ. Вождь).

Иногда действие главного предложения может быть направлено в будущее; в этом случае глагол-сказуемое ставится в форме настояще-будущего или будущего категорического времени: اگر اینطور است من از فردا به مدرسه نمی روم و کار می کنم *Agar intowr ast man az fardā be madrase nemiravam va kār mikonam* 'Если это обстоит так, то я с завтрашнего дня не пойду в школу и стану работать' (Хеджази. Слеза).

Подводя итог анализа сложноподчиненных предложений с придаточными условными, действие которых связано с настоящим или будущим временем, следует отметить, что эти сложные предложения имеют строго определенные временные формы глаголов-сказуемых образующих их предложений. В придаточных употребляется одно из времен сослагательного наклонения, а в главных предложениях — настояще-будущее, будущее категорическое время или повелительное наклонение. В некоторых условных придаточных с целью подчеркнуть уверенность говорящего заменяют сослагательное наклонение на простое прошедшее время (претерит). В тех случаях, когда в придаточном предложении сказуемое выражено глаголом в форме настояще-будущего времени, смысловое и логическое соотношение между главным и придаточным предложениями меняется. Если действие главного предложения относится к настоящему времени, то между предложениями устанавливаются сопоставительные отношения. Если же действие главного предложения относится к будущему, между предложениями возникают отношения причины и следствия. В сложных предложениях с сопоставительными отношениями придаточное располагается впереди главного предложения.

2. Сложноподчиненные предложения, в которых условие и обуславливаемое им действие в главном предложении относятся к прошлому и представляются говорящему / пишущему как предполагаемые, ирреальные. Глаголы-сказуемые придаточного и главного предложений обычно ставятся в форме прошедшего длительного времени⁹. В этом случае прошедшее длительное время выражает модальное

⁹ Такое деление сложноподчиненных предложений с условными придаточными на два основных типа имеет место и в других индоевропейских языках. Однако расположение наклонений несколько иное: в сложноподчиненных предложениях первого типа глаголы-сказуемые употребляются в изъявительном наклонении, а в сложноподчиненных предложениях второго типа глаголы-сказуемые ставятся в сослагательном наклонении.

значение, подобное значению сослагательного наклонения в других языках: واقعاً اگر کمی مهربان تر با من رفتار می کرد شاید فرصت پیدا می کردم که ذوق خود را پرورش دهم *Vāqean agar kam-i mehrebāntar bā man raftār mikard, šāyad forsāt peydā mikardam-ke zowq-e hod-rā parvareš deham* 'В самом деле, если бы она обходилась со мной чуть-чуть более нежно, то я, возможно, сумел бы найти удобный случай, чтобы возбудить в себе интерес' (Аляви. Ее глаза); اگر نویسنده مجربی بودم نمی بایستی *Agar nevisande-ye mojarreb-i budam nemibāyesti az sargozašt-e Helen dar injā čiz-i beguyam* 'Если бы я был опытным писателем, то я не должен был бы в этом месте что-либо рассказывать о судьбе Элен' (Хеджази. Слеза).

В тех случаях, когда условие связано исключительно с прошедшим временем и имеет характер чистого предположения, в придаточном предложении употребляется преждепрошедшее время, а в главном — либо прошедшее длительное время, либо также преждепрошедшее: اگر گرسنگی کشیده بودید خدا و خرما هر دو را فراموش می کردید *Agar gorosnegi kešide budid xodā va xormā har do-rā farāmuš mikardid* 'Если бы вам пришлось голодать, то вы забыли бы о Боге и хурме' (Джамаль-задэ. Истина и заблуждение); اگر تبر را از دستش نگرفته بودند همه ما را تکه پاره کرده بود *Agar tabar-rā az dast-aš nagerefte budand hame-ye mā-rā tekke pāre karde bud* '...Если бы у него не отобрали топор, то он изрубил бы нас всех на куски' (Хедаят. Катя).

Наличие преждепрошедшего времени в сложноподчиненных предложениях с придаточными условными помимо модального значения предположительности вносит в содержание этих предложений оттенок результативности.

Анализ двух разновидностей сложных предложений с придаточными условными показал, что предложения с ирреальным условием отличаются от предложений с реальным условием по своему значению и употребляемым в них глагольным временным формам. Что касается структуры предложений и используемых в них условных союзов, то в этом отношении никаких различий между двумя разновидностями сложноподчиненных предложений не наблюдается.

Особо следует отметить придаточные предложения, вводимые союзами ولو *valow*, (اینکه) ولو آنکه *valow ān-ke (in-ke)* 'если даже'. Они указывают на условие, которое не способствует осуществлению действия главного предложения, однако последнее осуществляется и при его наличии. Эти предложения близки к уступительным и фактически могут быть заменены ими: اجازه بده از فردا کار کنم ولو *Ejāze bedeh az fardā kār konam valow ruznāneforuši bāšad, tahsilāt-e āli nemixāham* 'Разрешите мне с завтрашнего дня начать работать, даже если это будет продажа газет, — мне не нужно высшее образование'.

Придаточные предложения, вводимые союзом ولو *valow*, следуют после главного. Глагол-сказуемое таких предложений ставится в одной из временных форм сослагательного наклонения.

6.3. Сложные предложения с придаточными уступительными

В сложных предложениях с придаточными уступительными выражаются отношения между действием (явлением, суждением) и условием особого рода. Придаточные уступительные содержат сообщения о фактах, явлениях, событиях, которые могли бы помешать осуществлению действия главного предложения, но не помешали: они «уступают» последнему, откуда и возникло название «уступительные» предложения.

Уступительные предложения по выражаемому значению могут быть разделены на два вида. Уступительные *первого вида* выражают простое констатирование фактов, явлений и т.д., которые могли бы помешать осуществлению действия главного предложения, но не помешали. Уступительные предложения *второго вида* указывают на обобщение, предельное проявление того, что могло бы помешать выполнению действия главного предложения, но не помешало. Это различие в значениях двух видов придаточных находит выражение в употреблении разных союзов.

1. Придаточные первого вида вводятся следующими уступительными союзами: اگرچه *agar-če* (сокращенно — گرچه *gar-če*), هر چند *har čand*, هر چند که *har čand-ke* 'хотя', (اینکه), با وجود آنکه *bā vojūd-e ān-ke (in-ke)* 'несмотря на то, что'¹⁰. Выбор формы времени и наклонения глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений зависит от содержания высказывания, выражаемого всем сложным предложением.

Иногда придаточное уступительное вводится союзом اگر *agar* 'если': اگر به گفتۀ آقای مینوی میان مطالب دستور آنها هماهنگی نیست، ولی هر یک از استادان مزبور قسمت ... Agar be gofte-ye āqā-ye Minovi miyān-e matāleb-e dastur-e ānhā hamāhangi nist, vali har yek az ostādān-e mazbur qesmat-e marbut be xod-rā mohaqqeqāne nevešte-ast... 'Если даже, по словам господина Минови, в освещении отдельных вопросов их грамматики нет единства взглядов, но каждый из упомянутых профессоров по-научному написал принадлежащую ему часть...'

В сложных предложениях с уступительными придаточными, подобно сложносочиненным предложениям с противительной связью, имеется противопоставление между действиями главного и придаточного предложений. Это находит выражение в употреблении противительных союзов в начале главного предложения в том случае, если оно следует после придаточного уступительного. В качестве противительных союзов используются не только союзы ولی *vāli*, لیکن *lāken*, لیکن *liken* 'но', 'однако', но и союзы, встречающиеся только в сочетании с уступительными придаточными, — مع هذا *ma 'hazā*, مع ذلك *ma 'zalek* 'всё же', 'вместе с тем', 'тем не менее', اگرچه تمام روز را محبوس بودیم ولی در اردوی خودمان باز هم، باز *bāz ham, bāz* 'всё же': اگرچه تمام روز را محبوس بودیم ولی در اردوی خودمان باز هم، باز داشتیم *Agar-če tamām-e ruz-rā mahbus budim, vali dar ordu-ye xod-emān āzādi dāštīm* 'Хотя в течение всего дня мы находились под арестом, но в пределах нашего лагеря имели свободу' (Хедаят. Катя); پدر و مادر اگرچه از وضع و حالت دختر به جواب Pedar-o mādar agar-če az vaz' va hālat-e doxtar be javāb-e ... پرسیدند

¹⁰ А.К.Арендс среди уступительных союзов ошибочно называет сложный отыменный предлог ... با وجود *bā vojūd-e* 'несмотря на', который может входить в состав сложных союзов, но самостоятельно в функции союза не употребляется [Арендс 1941, с. 96].

u pey bordand ma 'hazā porsidand... ‘Хотя родители по ответу дочери поняли ее состояние, все же спросили...’ (Оховват. Красное яблоко).

Противительный союз в рассмотренных предложениях в отличие от сочиненных предложений выполняет функцию подчеркивания, усиливая значение противопоставления содержания главного предложения тому, чего следовало бы ожидать, судя по содержанию придаточного.

Наиболее часто придаточные уступительные располагаются перед главным предложением. Встречаются также придаточные уступительные после главного предложения. Можно встретить и придаточные этого типа, которые вклиниваются в главные предложения: *با این دسته هر چند اکثریت هم داشته باشند کنار آمدن کار مشکلی نیست* *Bā in daste har čand aksariyyat-ham dāšte bāšand kenār āmadan kār-e moškel-i nist* ‘С этой группой, хотя бы даже она составляла большинство, договориться нетрудно’ (Джамаль-задэ. Вождь).

Как позволяют судить наблюдения, строгой специализации в употреблении союзов *اگرچه* *agar-če*, *هر چند* *har čand* ‘хотя’ нет — стилистически они приблизительно равноценны. Придаточные уступительные предложения, вводимые союзами *با وجودیکه* *bā vojud-e ān-ke (in-ke)*, *با وجودیکه* *bā vojud-i-ke* ‘несмотря на то, что’, чаще встречаются в книжном стиле речи: *شیرین با اینکه زیاده خسته بود خوابش نمی برد* *Širin bā ān-ke ziyād xaste bud xāb-aš nemibord* ‘Несмотря на то что очень устала, Ширин никак не могла заснуть’ (Оховват. Красное яблоко); *گاهی میل می کرد به یکی از رستورانهای خارج بیرون* *Bā vojud-i-ke bonye-ye māli-ye u čandān qavi nabud, gāh-i meyl mikard be yeki az restoranhā-ye xārej beravad* ‘Несмотря на то что его финансовые дела шли не очень хорошо, он иногда позволял себе ходить в один из загородных ресторанов’ (Джамаль-задэ. Вождь).

2. Придаточные уступительные предложения второго вида вводятся союзами *هر چند* *har čand [-ke]* ‘сколько [бы] ни’, ‘как [бы] ни’, *هر چه* *har če* ‘что [бы] ни’, ‘сколько [бы] ни’, *هر که* *har ke* ‘кто [бы] ни’ и другими и располагаются перед главным предложением. Придаточные этого вида имеют обобщительный характер и поэтому могут быть названы обобщенно-уступительными.

Наблюдается сходство в употреблении глагольных времен в уступительных и условных придаточных. Если действие главного и уступительного предложений относится к настоящему или будущему времени, то глагол-сказуемое уступительного ставится в одном из времен сослагательного наклонения (в аористе либо прошедшем предположительном времени), а глагол-сказуемое главного предложения — в форме настояще-будущего или будущего категорического времени: *هر کاری را هر قدر پوزحمت باشد قبول خواهیم کرد* *Har kār-i-rā har qadr porzahmat bāšad qabul xāham kard* ‘Я соглашусь на любую работу, какой бы ни была она трудной’ (Хеджази. Слеза); *من هر که باشم از شما تقاضا می کنم...* *Man har ke bāšam az šomā taqāzā mikonam...* ‘Кем бы я ни была, я вас прошу...’ (Аляви. Ее глаза).

Противительные отношения между главным и уступительным придаточным нередко поддерживаются постановкой глагола-сказуемого главного предложения в отрицательной форме: *هر چه آب به سر و صورتش می ریخت گرمی از بدنش دور نمی شد*

Har če āb be sar-o surat-aš mirixt garmi az badan-aš dur nemišod ‘Сколько ни лил он себе воды на голову и лицо, жар не покидал его тело’ (Джамаль-задэ. Вождь).

Уступительный союз *هر قدر* *har qadr* своей семантикой выражает предельное количество какого-либо признака или действия, в связи с чем он часто располагается непосредственно перед сказуемым придаточного предложения: *هر قدر خواست هر قدر نگريد* *Har qadr xāst geribān-e xod-rā az čangāl-e in afkār-e āzārdehande rahā sāzad maqdur nagardid* ‘Сколько ни хотел он освободиться от пут этих мучительных мыслей, ему это не удалось’ (Джамаль-задэ. Вождь); *من هر کار دیگری را هر قدر فايده داشته باشد می گذارم و می آيم*; *Man har kār-e digar-i-rā har qadr fāyede dāšte bāšad migozāram va miāyam* ‘Как бы ни было выгодно любое другое дело, я оставляю его и приду’ (Хеджази. Слеза).

Сложный союз *هر چه* *har če* также выражает количественную характеристику, однако эта характеристика связана не с признаком, а с действием. Поэтому сфера его применения несколько уже: ... *هر چه خواستند او را آرام کنند مرتب در حال گريه می گفت...* *Har če xāstand u-rā ārām konand morattab dar hāl-e gerye migoft...* ‘Как ни хотели ее успокоить, она, плача, беспрерывно повторяла...’ (Кяrimi. Амдали-позолотчик); *هر چه انتظار کشيد گلبو را نديد* *Sobh-rā Zarrinkolāh har če entezār kešid Golbabu-rā nadid* ‘Сколько ни ждала Зарринколах утром, она так и не увидела Гольбабу’ (Хедаят. Женщина, потерявшая мужа).

Внешне и по характеру употребления уступительный союз *هر چه* *har če* совпадает с соотносительно-союзным словосочетанием *هر چه* *har če*, встречающимся в сложных предложениях с придаточными подлежащими. В некоторых случаях структура и значение сложных предложений с уступительными придаточными бывают настолько близки к структуре и значению сложных предложений с придаточными подлежащими, что между ними трудно провести различие: *به احدى ابقا نمی کند و هر چه می خواهی به او بفهمانی تو اهل این حرفها نیستی و بذله و متلک به تو* *Be ahadi ebqā nemikonad va har če mixāhi be u befahmāni to ahl-e in harfhā nisti va bazle va matalak be to nemiāyad be xarj-aš nemiravad* ‘Он ни с кем не считается, и сколько ни пытаешься ему объяснить, что он не разбирается в этих словах и всякого рода шутки и остроты ему не идут, до него ничего не доходит’ (Джамаль-задэ. Сватовство). Приведенное предложение можно рассматривать как уступительное и как подлежащее: все зависит от того, как понимать значение словосочетания *هر چه* *har če*. Если это словосочетание рассматривать как уступительный союз ‘сколько ни’, то налицо уступительное придаточное; если же считать словосочетание соотносительно-союзным ‘всё, что’, то придаточное воспринимается как подлежащее. Для четкого понимания словосочетания *هر چه* *har če* необходимо учитывать более широкий контекст.

В приводимом ниже предложении сочинительной связью объединены два сложных предложения с придаточными подлежащими: *هر چه او می خواست همان می شد و آنچه نمی خواست خود شدنی نبود* *Har če u mixāst hamān mišod va ān če nemixāst xod šodani nabud* ‘Все, что он хотел, то и происходило, а то, чего он не хотел, то само по себе было невыполнимым’ (Бехазин. Узоры на шелке). Оба сложных предложения имеют одинаковую синтаксическую структуру.

В сложных предложениях с придаточными уступительными всегда имеется противопоставление между придаточным и главным предложением: *هر چه اصرار*

کردم دوا را نخورد *Har če esrār kardam davā-rā naxord* ‘Как я ни настаивал, она не приняла лекарство’ (Хеджази. Слеза). Противопоставленность двух предложений является показателем наличия уступительных предложений.

В сложных предложениях с придаточными подлежащими употребляются словосочетания, названные нами соотносительно-союзными. Они представляют собой устойчивые сращения, в которых первая часть — указательное местоимение *آن ān* и определительное местоимение *هر har* выступают в роли соотносительных слов — подлежащих главного предложения.

Уступительные придаточные следует отличать также от сопоставительных придаточных, вводимых союзом *هر چه har če* ‘чем... тем’. Отличительной особенностью придаточных сопоставительных служит наличие в них сравнительной степени прилагательных, показывающей степень проявления признака и предшествующей глаголу-сказуемому.

В разговорном языке встречается и другая форма уступительного союза *هر چه har če* — *هر چی har či: است* *اما بعدها می دید که خاله اش هر چی باشد مهربانتر از خانم است* *Ammā ba'dhā midid-ke xāle-aš, har či bāšad, mehrebāntar az xānom ast* ‘Впоследствии она понимала, что ее тетка, какой бы она ни была, дороже для нее, чем хозяйка’ (Оховват. Красное яблоко).

Уступительный союз *هر که har ke* ‘кто [бы] ни’ употребляется сравнительно редко. Он встречается тогда, когда бывает необходимо соотнести какое-либо слово со значением лица, выступающего в роли подлежащего или какого-либо другого члена главного предложения, с действием, выраженным сказуемым придаточного предложения: *البته اجازه به شما دادن هر که هم باشید خالی از اشکال نیست* *Albatte ejaže be šomā dādan har ke-ham bāšid xāli az eškāl nist* ‘Безусловно, давать вам разрешение, кем бы вы ни были, непросто’ (Аляви. Ее глаза); *گر چه هلم را در آن صورت نشناختم، اما چنان ژولیده و پژمرده بود که هر که بود دلم برایش سوخت* *Gar če Helen-rā dar ān surat našēnāxtam, ammā čēnān žulide va pažmorde bud ke-har ke bud del-am barā-yaš suxt* ‘Хотя я тогда не узнал Элен, но она имела такой жалкий вид, что, кем бы она ни была, я пожалел ее’ (Хеджази. Слеза).

Таковы два основных вида придаточных уступительных предложений, распространенных в современном персидском языке.

6.4. Сложные предложения с придаточными образа действия

Придаточные образа действия — такие зависимые предложения, которые своим содержанием раскрывают способ и характер действия или указывают на степень проявления действия и качества главного предложения. Указанные различия в характере логико-семантических отношений придаточного и главного предложений определяются в основном семантикой и структурой сказуемого главного предложения, а также синтаксической ролью соотносительного слова.

Придаточные предложения этого типа присоединяются к главному союзом *که ke* и поясняют стоящие в главном предложении соотносительные слова, выступающие в роли обстоятельства образа действия. Поэтому они всегда следуют после

главного предложения: *Sedā-yaš čēnān avaz sode bud-ke dahān-am az taajjob bāz mānd* 'Ее голос **так** изменился, **что** я раскрыл рот от изумления' (Хеджази. Слеза); *بطوری حالش منقلب شد که بزحمت می توانست از تغییر حالت خود جلوگیری بکند...* *Be towr-i hāl-aš monqaleb šod-ke be zahmat mitavānest az taqyir-e hālat-e xod jelowgiri bekonad...* 'Он был **настолько** потрясен, **что** с трудом мог помешать изменению своего состояния...' (Хедаят. Тупик).

Придаточные образа действия выражают следствие, результат, вытекающие из содержания главного предложения.

В зависимости от характера отношений главного и придаточного предложений и употребляемых соответствующих соотносительных слов можно выделить две разновидности сложноподчиненных предложений с придаточными образа действия. Между этими разновидностями нет резких различий. Наряду с предложениями, которые по своему значению с полным основанием относятся к первой или второй разновидности, встречаются и такие придаточные, которые занимают промежуточное положение между ними, так как в них характеризуется не только способ совершения действия, но и степень его проявления. Обычно такого рода придаточные следуют после соотносительного слова *چنان čēnān* 'так', 'такой', выступающего в роли обстоятельства образа действия при глагольном сказуемом главного предложения: *سرش را با قوت تمام چنان کوبید به سنگ حوض که پیشانی اش دو انگشت شکاف برداشت و جابجا از حال رفت Sar-aš-rā bā qovvat-e tamām čēnān kubid be sang-e howz-ke pišāni-yaš do angoš šekāf bar-dāšt va jābejā az hāl raft* 'Он так сильно ударился головой о камень бассейна, что на лбу у него образовалась трещина размером в два пальца, и он сразу потерял сознание' (Джамаль-задэ. Тлеющие угли).

1. Придаточные предложения первой разновидности указывают на то, как, каким образом осуществляется действие главного предложения. Они могут быть названы *придаточными собственно образа действия*. Сказуемое главных предложений в такого рода сложноподчиненных предложениях всегда глагольное. С придаточными предложениями этой разновидности употребляется одно из следующих соотносительных слов — *طوری towr-i*, *بطوری be towr-i*, *چنان čēnān*, *جوری jur-i* 'так', 'таким образом': *چند بار خواست مطلب را با رئیس هیئت در میان بگذارد ولی یارو چنان که رحمت الله را بکلی از رو برد Cand bār xāst matlab-rā bā rais-e hey'at dar miyān begozārad vali yāru čēnān xod-aš-rā be kuče-ye Aličap zad-ke Rahmatollā-rā bekolli az ru bord* 'Несколько раз он хотел обсудить этот вопрос с главой делегации, но тот прикинулся таким непонимающим, что совершенно обескуражил Рахматоллу' (Джамаль-задэ. Тлеющие угли); *همینطوری کردید که پارسال چهار ماه حقوق ما را عقب انداختند Hamintowr-i kardid-ke pārsāl čahār māh hoquq-e mā-rā aqab andāxtand* 'Вы сделали так, что в прошлом году нам на четыре месяца задержали зарплату' (Аляви. Крестьянин-гиляк).

В состав соотносительного слова может входить числительное *یک yek* 'один', выполняющее функцию, подобную функции артикля. Одновременное употребление числительного *یک yek* и артикля характерно для разговорной речи: *اقلاً یک طوری Aqallan yek towr-i negāh mikonand-ke az hezār tā fohš badtar ast* 'Они по крайней мере смотрят так, что это хуже, чем услышать тысячу ругательств' (Оховват. Красное яблоко); *خیلی دلش می خواست یک جوری بشود*

که دیگر شیرین از چشم کاسه‌های بازارچه و مخصوصاً آن سربازی که روی چهارپایه کوتاه *Xeyli del-aš mixāst yek jur-i bešavad-ke digar Širin az češm-e kāsebhā-ye bāzārče va maxsusan ān sarbāz-i-ke ru-ye čahārpāye-ye kutāh minešast va kāse-ye āb-e yax-rā beham mizad, biyoftad* ‘Ей очень захотелось (букв. ‘чтобы получилось *так*’), чтобы Ширин исчезла с глаз торговцев базарчика и особенно того солдата, который сидел на маленькой скамеечке и размешивал в миске воду со льдом’ (Оховват. Красное яблоко).

2. Чаше встречаются придаточные образа действия второй разновидности. Они раскрывают степень проявления действия или признака, выражаемого сказуемым главного предложения. Они могут быть названы *придаточными степенями действия и качества*. В отличие от сложноподчиненных предложений первой разновидности сказуемое главных предложений этого типа бывает не только глагольным, но и именным: *ای مادلن بزرگوار، ای فرشته نیکی، من آنقدر کوچکم که نمی توانم بزرگی ترا ببینم Ey Mādlen-e bozorgvār, ey ferešte-ye niki, man ān qadr kuček-am-ke nemitavānam bozorgi-ye to-rā bebinam* ‘О благородная Мадлен, о прелестный ангел, я настолько ничтожен, что не могу оценить твоего величия’ (Хеджази. Слеза).

С придаточными образа действия второй разновидности употребляется значительно большее число соотносительных слов, чем с придаточными первой разновидности. Отметим наиболее часто встречающиеся из них: *آنقدر ān qadr, به قدری be qadr-i* ‘столько’, ‘настолько’, ‘в такой мере’, *چنان čenān, بطوری towr-i, بطوری be towr-i* ‘так’, ‘настолько’, *تا حدی tā hadd-i, به حدی be hadd-i, ای اندازه ای tā andāze-i, به اندازه ای be andāze-i* ‘настолько’, ‘до такой степени’, *چندان čandān* ‘настолько’, *به جای be jā-yi* ‘до того’, ‘до такой степени’. Как видно из этого перечисления, почти все соотносительные слова первой разновидности придаточных предложений (چنان čenān, *طوری towr-i, بطوری be towr-i*) могут употребляться и с придаточными второй разновидности: *چنان بغض بیخ گلویش را گرفته بود که حرفهایش درست مفهوم نمی شد Cenān boqz bix-e galu-yaš-rā gerefte bud-ke harfhā-yaš dorost mafhum nemišod* ‘Ее горло *так* сжалось от гнева, что слова становились непонятными’ (Джамальзадэ. Тлеющие угли).

Многие соотносительные слова сочетаются только с придаточными второй разновидности, например: *آنقدر ān qadr, به قدری be qadr-i, تا حدی tā hadd-i, به حدی be hadd-i, اندازه ای be andāze-i, تا اندازه ای tā andāze-i, بجای be jā-yi, چندان čandān*. Такого рода придаточные по своей семантике способны выдержать предельную степень проявления действия или признака: *وقتی انگشتر نامزدی را در انگشتش دید Vaqt-i angoštar-e nāmzadi-rā dar angošt-aš did az fart-e qeyz be hadd-i dast-aš-rā fešār dād-ke dard-aš āmad* ‘Когда он увидел на ее пальце обручальное кольцо, то от злости *так* сильно сжал ее руку, что ей стало больно’ (Аляви. Ее глаза); *البته این زبان چندان دشوار نیست که آنرا نتوان آموخت Albate in zabān čandān došvār nist-ke ān-rā natavān āmuxt* ‘Безусловно, этот язык *не настолько* труден, чтобы его нельзя было изучить’ (Сохан); *کم کم کار به جای کرد Kamkam kār be jā-yi kešid-ke dowlat qošunkeši kard* ‘Постепенно дело дошло *до того*, что правительство предприняло военный поход’ (Джамальзадэ. Тлеющие угли).

В тех случаях, когда соотносительные слова относятся к глагольным сказуемым главного предложения, они указывают на предельную степень проявления дейст-

вия: *به قدری متوحش شد که جرئت حرکت و فکر از او رفته بود* *Be qadr-i motavahheš šod-ke jor'at-e harakat va fekr az u rafte bud* 'Он так испугался, что потерял способность передвигаться и думать' (Хедаят. Тупик); *آنقدر مار خورده که افعی شده* *Ān qadr mār xorde-ke af'i šode* 'Он столько съел змей, что сам стал змеей' (Рахмати. Словарь).

Соотносительные слова, относящиеся к именованному сказуемому главного предложения, указывают на степень проявления признака: *بالاخره بیابان آنقدر وسیع است که* *Belaxare biyābān ān qadr vasi' ast-ke amniyyehā nemitavānand u-rā peydā konand* 'Наконец, пустыня **настолько** широка, что жандармы не могут его найти' (Аляви. Крестьянин-гиляк); *اتاقم چنان تنگ و تاریک شده بود که بزحمت نفس می کشیدم* *Otāq-am čenān tang va tārīk šode bud-ke bezahmat nafas mīkešidam* 'Моя комната стала **настолько** узкой и темной, что я с трудом мог дышать' (Хеджази. Слеза).

Как правило, придаточные образа действия выражают следствие, вытекающее из содержания главного предложения. Глагол-сказуемое таких придаточных предложений в зависимости от контекста и содержания сложного предложения ставится в форме одного из времен изъявительного наклонения. Придаточные образа действия могут иметь и целевой оттенок. Однако такие предложения встречаются редко. В придаточных образа действия, выражающих значение цели, употребляется одно из времен сослагательного наклонения: *چطور و از کجا آنقدر گستاخ شد که شرافت مرا* *Četowr va az kojā ān qadr gostāx šod-ke šarāfat-e ma-rā faqat dar moqābel-e panj hezār tumān bexarad, faqat panj hezār tumān?!* 'Как и почему она стала **такой** нахальной, чтобы осмелиться купить мою честь за пять тысяч туманов¹¹, всего только за пять тысяч туманов?!' (Аляви. Ее глаза).

Как уже было отмечено, придаточные предложения образа действия вводятся универсальным подчинительным союзом *که ke*, который сочетается с различными видами соотносительных слов. Но в отдельных случаях может употребляться и другой подчинительный союз — *تا tā*, в подобных случаях имеющий значение 'что', 'чтобы'. Собранный языковой материал свидетельствует о том, что союз *تا tā* наиболее часто сочетается с соотносительным словом *آنقدر ān qadr*: *آنقدر در کوچه و* *Ān qadr dar kuče va xiyābān vaqt gozarāndam tā Lidā az kār āzād šod* 'Я **так** долго пробыл на улице, что Лида уже закончила работу' (Хеджази. Слеза); *آنقدر خدا خدا کردیم تا این ابرها را هوا کردیم* *Ān qadr xodā xodā kardim tā in abrhā-rā havā kardim* 'Мы **так** усердно молились Богу, что разогнали эти тучи' (Рахмати. Словарь).

Известно, что союз *تا tā* обычно используется для введения придаточных цели и времени. В приведенных выше примерах союз *تا tā* сохраняет некоторый временной оттенок, близкий к его значению во временных придаточных, — 'пока', 'когда'.

Союз *تا tā* может вводить также придаточные предложения образа действия, в которых содержится целевой оттенок: *آزمایشم این بود که آنقدر رنج و عذابشان بدهم* *Āzmāyeš-am in bud-ke ān qadr ranj va azāb-ešān bedeham tā az man*

¹¹ Туман (تومان *tumān*) — иранская денежная единица, равная десяти риалам.

farār konand ‘Мое испытание состояло в том, чтобы их *так* помучить, чтобы они от меня убежали’ (Хеджази. Слеза).

Итак, придаточные предложения, вводимые союзом *تا tā*, имеют временной или целевой оттенок. Только наличие соотносительного слова *آنقدر ān qadr*, употребляемого в главных предложениях и служащего для выражения предельной степени проявления действия, дает основание рассматривать эти придаточные как предложения образа действия. Без соотносительного слова эти предложения были бы соответственно придаточными времени и цели.

6.5. Сложные предложения с придаточными исключения

Этот тип сложноподчиненных предложений в других языках обычно не выделяется, хотя подобные структурные типы сложного предложения не являются чистой спецификой персидского языка. Придаточные исключения характеризуют действие, выраженное в главном предложении, указывая на то, что их собственное действие, которое могло бы сопутствовать действию главного предложения, отрицается или исключается. По своей синтаксической функции эти придаточные близки придаточным образа действия.

Придаточные исключения получили распространение в современном литературном языке; в языке классической персидской литературы подобного рода придаточные предложения не встречаются. Они вводятся сложными союзами *بدون آنکه* *bedun-e ān-ke (in-ke)*, *بی آنکه* *bi ān-ke (in-ke)* ‘без того, чтобы’, по существу не имеющими между собой никакого стилистического различия.

Особенностью рассматриваемого типа придаточных предложений является то, что форма наклонения глагола-сказуемого в них не обуславливается общим модальным планом высказывания. Глагол-сказуемое всегда ставится в форме сослагательного наклонения (чаще всего в форме аориста), и его употребление является обязательным элементом этих придаточных. Наличие небольшого числа свойственных этому типу сложноподчиненных предложений подчинительных союзов, собственного синтаксического значения, а также строго обязательное употребление в них форм сослагательного наклонения позволили выделить придаточные исключения в самостоятельный тип, отдельный от придаточных образа действия: *فآتمه وارد اتاق خود شد بدون اینکه چیزی بگوید* *Fāteme vāred-e otāq-e xod šod bedun-e in-ke čiz-i beguyad* ‘Фатеме вошла в свою комнату, ничего не сказав’ (букв. ‘без того, чтобы что-нибудь скажет’) (Кяrimi. Амдали-позолотчик); *نخست وزیر... تا ساعت دو و سه ربع بعد از نیمه شب لاینقطع مشغول کار بود بدون آنکه فرصت پیدا کند شامی بخورد و استراحتی بکند* *Noxostvazir... tā sāāt-e do-vo se rob'-e ba'd az nime-ye šab lāyenqat' mašqul-e kār bud bedun-e ān-ke forsāt peydā konad šām-i bexorad yā esterāhat-i bekonad* ‘Премьер-министр... был непрерывно занят работой до без четверти трех ночи, не имея возможности поужинать или отдохнуть’ (Джамаль-задэ. Вождь).

Следует отметить, что субъекты главного и придаточного предложений, как правило, совпадают. И только в редких случаях субъекты бывают разные:

مدتی به موزیک گوش کردیم بی آنکه حرفی بین ما رد و بدل بشود *Moddat-i be muzik guš kardim bi ān-ke harf-i beyn-e mā raddobadal bešavad* ‘Мы какое-то время слушали музыку, не обменявшись ни одним словом’ (букв. ‘без того, чтобы одно слово между нами обменялось’) (Хедаят. Катя).

Придаточные исключения наиболее часто следуют после главного предложения. Однако они могут также вклиниваться в главное предложение или располагаться перед ним: *را نویسنده بی آنکه منتظر بشود که نخست وزیر برای خدا حافظی دست خود را دراز کرد ... Nevisande bi ān-ke montazer bešavad-ke noxostvazir barāye xodāhāfezi dast-e xod-rā be taraf-e u derāz konad dast-rā be taraf-e u derāz kard...* ‘Писатель, не дожидаясь того (букв. без того, чтобы дожидаться), когда премьер-министр протянет ему руку для прощания, сам протянул ему руку...’ (Джамаль-задэ. Вождь)¹².

По структурно-грамматическим и частично семантическим признакам к придаточным исключениям можно отнести зависимые предложения, вводимые сложными союзами (اینکه بجای *be jā-ye ān-ke (in-ke)*, (اینکه *be avaz-e ān-ke (in-ke)* ‘вместо того, чтобы’. В таких придаточных предложениях содержится указание на невыполнение действия, вместо которого в главном предложении осуществляется другое действие. Глагол-сказуемое таких придаточных предложений также ставится в форме сослагательного наклонения, а главное и придаточные предложения имеют общий субъект: *گریستم و برگرداندم سرم را tamāšā konam, sar-am-rā bar-gardāndam va geristam* ‘Вместо того, чтобы посмотреть на нее, я отвернулся и заплакал’ (Хеджази. Слеза).

Эта разновидность придаточных исключений обычно располагается перед главным предложением: *همینکه امدم بچه از خواب پرید و عوض اینکه گریه بکنند تو رویم Hamin-ke āmadam bačče az xāb parid va avaz-e in-ke gerye bekonad tu ru-yam xandid* ‘Как только я вошла, ребенок внезапно проснулся и вместо того, чтобы плакать, рассмеялся мне прямо в лицо’ (Хедаят. Исповедь).

6.6. Сложные предложения с придаточными сравнения

К придаточным сравнения относятся такие зависимые предложения, которые характеризуют действие главного предложения путем сравнения. По своим семантическим признакам этот тип придаточных близок к придаточным образа действия. Во многих работах по синтаксису сложного предложения они рассматриваются как разновидность придаточных образа действия.

Придаточные сравнительные могут вводиться следующими подчинительными союзами: (اینکه) مثل *mesl-e ān-ke (in-ke)*, (اینکه) مانند *mānand-e ān-ke (in-ke)*, همانطور *hamān towr-i-ke*, (اینکه) همانطور *hamān towr-ke* ‘подобно тому, как’, *گویا guyā*, *گویا guyi*, (اینکه) *گویا guyā ān-ke (in-ke)* ‘как будто’, ‘словно’, ‘будто бы’. Форма времени придаточных этого типа не обусловлена структурой предложения — в них чаще всего употребляется одно из времен изъявительного наклонения:

¹² На русский язык придаточные исключения обычно переводятся деепричастными оборотами.

کرد *Hamiše jeddi va ārām bud mesl-e in-ke zendegi-ye bidaqdaqe-i tey kard* 'Он был всегда серьезным и спокойным, как будто жизнь его проходила без хлопот и волнений' (Хедаят. Даш Аколь); سرش داشت می ترکید مثل اینکه درد و حصرت زندگی مانند وزنۀ بزرگی به قلبش اویخته بود *Sar-aš dāšt mitarakid mesl-e in-ke dard va hasrat-e zendegi mānand-e vazne-ye bozorg-i be qalb-aš āvixte bud* 'У нее раскалывалась голова, как будто горести и печали жизни, как большая гиря, были подвешены к ее сердцу' (Оховват. Красное яблоко).

Придаточные сравнения относительно свободно располагаются по отношению к главному предложению: они могут находиться к нему в препозиции, в интерпозиции и в постпозиции. Выше были приведены придаточные, следующие после главного; приведем придаточные сравнительные, расположенные впереди и в середине главного предложения: مثل اینکه در خواب باشم، ناتوان و بیچاره، شاهد عذاب و *Mesl-e in-ke dar xāb bāšam, nātavān va bičāre, šāhed-e azāb va šekanje-ye xod budam* 'Я как будто находился во сне, слабый и беспомощный, созерцал свои мучения' (Хеджази. Слеза); قاضی می خواست شیرین همانطوریکه تا به حال او را دوست داشته، باز هم داشته باشد *Qāzi mixāst širin hamān towr-i-ke tā be hāl u-rā dust dāšte, bāz-ham dāšte bāšad* 'Судья хотел, [чтобы] Ширин продолжала любить его так же, как она любила его до сих пор' (Аляви. Письма).

Иногда для введения придаточных сравнения употребляется союз همچنانکه *hamčēnān-ke* 'точно так же, как', 'подобно тому, как': ساعتی بیشتر پیش من نبود، اما من با این لب و دندان و گونه و پیشانی و چانه همچنانکه اجزای صورت خود مرا *Sāat-i bištar piš-e man nabud, ammā man bā in lab va dandān va gune va pišāni va čāne hamčēnān-ke ajzā-ye surat-e xod-am-rā mišenāxtam, āšnā budam* 'Она была у меня не больше часа, но я уже был знаком с этими губами, зубами, щеками, лбом и подбородком точно так же, как я был знаком с частями своего лица' (Аляви. Ее глаза).

Нередко в сложноподчиненных предложениях с придаточными сравнения субъекты главного и придаточного предложений совпадают, но они могут иметь и разные субъекты действия.

Придаточные сравнительные, вводимые союзами گویی *guyi*, گویا *gūyā* 'словно', 'подобно', 'как будто', располагаются после главного предложения: دیوانه وار در *Divānevār dar otāq rāh miraft, guyi aqab-e čiz-e gomkarde-i migašt* 'Он, как сумасшедший, ходил по комнате, как будто искал что-то потерянное' (Аляви. Письма).

Что касается придаточных сравнительных, вводимых другими союзами, то они могут занимать довольно свободное положение по отношению к главному предложению: همانطور که در ممالک متمدن و در نزد ملتهای مترقی مرسوم است قبل از شروع به رفتن و فتق امور با اشخاصی که از برکت فکر رسا و قلم توانا رهبر و پیشقدم این ملت هستند *Hamān towr-ke dar mamālek-e motamadden va dar nazd-e mellathā-ye motaraqqi marsum ast qabl az šoru'-e be ratqofatq-e omur bā ašxās-i-ke az barakat-e fekr-e rasā va qalam-e tavānā rahbar va pišqadam-e in mellat hastand mašvarathā-yi bekonim* 'Подобно тому, как принято в цивилизованных странах и у прогрессивных народов, прежде чем приступить к решению государственных дел, мы должны посоветоваться с людьми, которые благодаря зрелости ума и силе пера стоят во главе нашего народа' (Джамаль-задэ. Вождь).

Поскольку отдельные союзы обладают способностью вводить не только придаточные сравнительные, но и другие зависимые предложения, подлинная функция придаточного познается на основании анализа содержания всего сложного предложения, а потом уже определяется значение сложного союза.

6.7. Сложные предложения с придаточными сопоставительными

В сложных предложениях с придаточными данного типа содержание главного предложения рассматривается в сопоставлении с содержанием придаточного. Путем сопоставления устанавливается различие или сходство между явлениями и фактами, их свойствами и действиями. Структурные формы сложных предложений с такими придаточными весьма разнообразны. Сопоставление может проводиться во временном плане, в плане количественной или качественной соотносительности. Иногда сопоставительные отношения осложняются дополнительными оттенками противопоставления и уступительности. При этом сопоставляются субъекты и объекты предложений, например оба субъекта по их действиям и признакам, по сопровождающим их обстоятельствам.

Для введения придаточных сопоставительных используются союзы *در صورتیکه* *dar surat-i-ke* ‘в то время как’, ‘между тем как’, *[و] حال آنکه [وا] hāl ān-ke* ‘тогда как’, *هر چه har če*, [که] *هر قدر har qadr [-ke]* ‘чем..., тем’, *آنقدر... آنقدر... ān qadr... هر قدر... آنقدر... hamān qadr-ham*, *همانقدر... هر قدر... hamān qadr-ham*, *هر اندازه... هر اندازه... hamān andāze-ham* ‘сколько..., столько’, ‘насколько..., настолько’, *آنقدر که ānqadr-ke* ‘столько, сколько’, *تا tā*, *تا آنجا که tā ānjā-ke* ‘сколько’, ‘насколько’, *اگر agar* ‘если..., то’ и некоторые другие. Многие из названных союзов, как было показано выше, могут употребляться с другими типами придаточных обстоятельственных предложений. Для некоторых союзов сопоставительное значение является уже второстепенным. Так, союз *در صورتیکه* *dar surat-i-ke*, видимо, имел раньше просто временное значение, а в настоящее время он употребляется с придаточными сопоставительными, с придаточными времени, выражающими значение одновременности с действием главного предложения, с придаточными условными. Союз *تا tā* употребляется также с придаточными времени и цели; союз *اگر agar* в основном используется как условный, и употребление его с сопоставительными придаточными — явление новое; сложный союз *هر چه har če* встречается как с уступительными, так и с сопоставительными придаточными.

Сложные предложения с союзом *در صورتیکه* *dar surat-i-ke* имеют не только сопоставительное значение, но и выражают противительные или уступительные отношения. В таких сложноподчиненных предложениях главные и придаточные предложения имеют разные субъекты: *کریم بی کتاب مانده بود در صورتیکه بیژن در همان Karim bi ketāb mānde bud dar surat-i-ke Bižan dar hamān do se ruz-e avval ketābhā-rā āvard* ‘Керим остался без книг, между тем как Бижан в те же первые два-три дня принес книги’ (Джамаль-задэ. Тлеющие угли); *پدرم برای داخل شدن به اتاق سرش را خم می کرد در صورتیکه مادرم راست می رفت*

داشت شدن ناداشت و احتیاجی به خم شدن نداشت *Pedar-am barāye dāxel šodan be otāq sar-aš-rā xam mikard dar surat-i-ke mādar-am rāst miraft va ehtiyāj-i be xam šodan nadāšt* ‘Мой отец для того, чтобы войти в комнату, нагибал свою голову, **в то время как** мать шла прямо и ей не нужно было нагибаться’ (Хеджази. Слеза).

В приведенных выше двух сложноподчиненных предложениях выражаются противительные-сопоставительные отношения между входящими в них частями.

Сложноподчиненные предложения с сопоставительными придаточными нередко имеют одинаковое строение своих главных и зависимых частей: فقط چشمهای او *Faqaṭ češmhā-ye u miši bud dar surat-i-ke češmhā-ye mojassame bur bud* ‘Только глаза ее были карие, **тогда как** глаза статуи были бурые’ (Хедаят. Манекен в витрине). Параллелизм структуры заключается в употреблении одинаковых членов предложения в главном и придаточном и в одинаковом порядке их расположения, в постановке глаголов-сказуемых в одних и тех же временных формах.

Отношения противопоставления, выражаемые сложноподчиненными предложениями с союзом *dar surat-i-ke*, бывают настолько близки к аналогичным отношениям в сложносочиненных предложениях, что он может быть заменен на сочинительные противительные союзы (например, *ama* ‘но’, и *va* ‘и’); при этом смысловые отношения между предложениями почти не изменятся. Ср., например, с приведенными выше сложноподчиненными предложениями следующее сложносочиненное: رنجهایی که برده ایم... هرگز فراموش نمی شود اما دردهایی که به دیگران *Ranjhā-yi-ke borde-īm, ... hargez farāmuš nemišavad ammā dardhā-yi-ke be digarān češanide-īm meš-e abrhā-yi-ke dar āsmān dide bāšim, hame āsān gozašte va az yād-emān rafte* ‘Огорчения, которые мы перенесли... никогда не забываются, а неприятности, которые мы причинили другим, подобно облакам, увиденным в небе, все с легкостью прошли и забыты нами’ (Хеджази. Слеза).

Значение уступительности в сложных предложениях с сопоставительными придаточными, вводимыми союзом *dar surat-i-ke*, встречаются довольно редко: او هم مثل مردم بیخبر و کمسواد دم از تاریخ هفت هزارساله می زند در صورتیکه سیروس *U-ham meš-e mardom-e bixabar va kamsavād dam az tārix-e hafthezārsālē mizānad dar surat-i-ke Sirus-ke moasses-e saltanat dar Irān ast bist-o šeš-haft qarn bištar nist-ke esm-e Irān-rā alam karde* ‘Он также, подобно малограмотным и неосведомленным людям, хвастается семитысячелетней историей, между тем как Кир, являющийся создателем государства в Иране, провозгласил название «Иран» не более 26–27 веков тому назад’ (Джамаль-задэ. Вождь).

Оттенок уступительности обычно наличествует в сложных предложениях с подчинительным союзом *hāl ān-ke* [و] *hāl ān-ke* ‘тогда как’: ما می خواهیم با گفتن: *[va] hāl ān-ke* ‘тогда как’: حلوا حلوا دهن شیرین کنیم و حال آنکه عروس آزادی را به این مفتی به انسان نمی دهند, *Mā mixāhim bā goftan-e halvā halvā dahan širin konim va hāl-ān-ke arus-e āzādi-rā be in mofti be ensān nemidehand, čakočune lāzem dārad* ‘Мы хотим, чтобы от повторения слова «халва» во рту стало сладко, **тогда как** свободу (букв. невесту свободы) так просто не дают человеку, для этого необходимо проявлять огромную настойчивость’ (Нураи. Под голубым небосводом).

Сложноподчиненные предложения с союзами *در صورتیکه dar surat-i-ke* и *و حال آنکه [و] [va] hāl ān-ke* в том случае, когда эти союзы имеют сопоставительное значение, могут состоять как из простых, так и из сложных предложений: معلوم است که حالا دیگر مرتباً بیژن در کلاس اول می شد در صورتیکه کریم با همه سعی و کوشش عجیبی که داشت روز به روز عقب می افتاد *Ma'lum ast-ke hālā digar morattaban Bižan dar kelās avval mišod dar surat-i-ke Karim bā hame-ye sa'y-o kušeš-e ajib-i-ke dāšt ruz be ruz aqab mioftād* 'Понятно, что теперь Бижан был в классе постоянно первым учеником, **в то время как** Керим, несмотря на все свои невероятные старания, с каждым днем все больше отставал' (Джамаль-задэ. Тлеющие угли). В данном примере подчинительным союзом *در صورتیکه dar surat-i-ke* объединяются сопоставительно-противительными отношениями два сложноподчиненных предложения: первое — с придаточным подлежащим, а второе — с придаточным определительным. Нередко одна из частей (главная или придаточная) представляет собой простое предложение, а другая — сложное.

Для выражения сопоставительных отношений между частями сложноподчиненного предложения может использоваться союз *اگر agar* 'если'. В этом случае союз *اگر agar* не выражает привычных условно-следственных отношений, а служит для сопоставления предметов и явлений, находящихся в центре внимания обеих частей сложноподчиненного предложения: *ما طایفه پرندهگان اگر قدرت همدستی نداریم حس همدردی که داریم* *Mā tāyefe-ye parandegān agar qodrat-e hamdasti nadāšte bāšim, hess-e hamdardi-ke dārim* 'Мы, племя летающих существ, **если** и не имеем силы товарищеской сплоченности, то чувство сострадания у нас все же есть' (Джамаль-задэ. Истина и заблуждение).

Условные предложения занимают довольно свободное место по отношению к главному предложению, хотя чаще всего их можно встретить в препозиции. Сопоставительные придаточные с союзом *اگر agar* всегда располагаются в препозиции по отношению к главному предложению: *اگر سابقاً یک نفر بود زور می گفت، حالا* *Agar sābeqan yek nafar bud zur migoft, hālā sad-o bist hezār nafar zur miguyand* 'Если прежде один человек творил насилие, то теперь творят насилие сто двадцать тысяч человек' (Нураи. Под голубым небосводом).

Логическим центром высказывания в сложных предложениях с сопоставительными придаточными является вторая часть — главное предложение; первая часть имеет вступительное, вводное значение. В сложных предложениях с условными придаточными смысловым центром высказывания, наоборот, служит первая часть, независимо от того, является ли она главным или придаточным предложением.

Другим отличием сложных предложений с сопоставительными придаточными от сложных предложений с условными придаточными является то, что при сопоставительных отношениях сообщаются реальные факты, в случае же условно-следственной зависимости речь может идти о предполагаемых или нереальных фактах. Вот почему в придаточных условных употребляется обычно сослагательное наклонение или при ирреальном условии используется прошедшее длительное время.

Как и для других видов сложных предложений с сопоставительно-противительными отношениями, для сложных предложений с союзом *اگر agar* характерен параллелизм в структуре главных и придаточных предложений: расположение членов предложения и способы выражения их во второй части соответствуют расположе-

нию и способам их выражения в первой части: *روز اگر فرضاً اید که غافل اید* *Az in nokte qāfel-id-ke farzan agar ruz barāye zahmat kešidan ast, šab barāye lezzat bordan ast* ‘Вы не учитываете того, что, допустим, *если* день предназначается для работы, то ночь — для получения удовольствий’ (Джамаль-задэ. Истина и заблуждение).

Как известно, сопоставительные и противительные отношения тесно соприкасаются друг с другом, так что подчас бывает трудно установить между ними смысловые различия. Противительные отношения являются частью сопоставительных, причем иногда они могут выступать на первый план: *من اگر خودم را گول می زنم* *Man agar xod-am-rā gul mizanam haqq nadāram mardom-e az xod-am sādetar-rā gul bezanam* ‘Если я себя обманываю, то я не имею права обманывать людей проще себя’ (Джамаль-задэ. Вождь).

К противительным отношениям семантически примыкают уступительные. Придаточные предложения, вводимые союзом *اگر* *agar*, могут иметь уступительное значение: *شاید بتوان تصورکرد که اگر این زن در زندگی خصوصی استاد دخالتی نداشته و سآیاد betavān tasavvorkard-ke अगर in zan dar zendegi-ye xosusi-ye ostād dexālat-i nadāšte va nemitavaneste dāšte bāšad, aqallan dar zendegi-ye ejtemāi-ye u moasser bude-ast* ‘Вероятно, можно предположить, что *если* эта женщина не имела и не могла иметь отношения к личной жизни художника, то по крайней мере она оказала влияние на его общественную жизнь’ (Аляви. Ее глаза); *اگر هم می داند چیزی نمی گوید و یا نمی خواهد بگوید* *Agar-ham midānad ċiz-i nemiguyad va yā nemixāhad beguyad* ‘*Если* он и знает, то ничего не говорит или не хочет сказать’ (Аляви. Ее глаза). В этих двух предложениях союз *اگر* *agar* выступает в уступительном значении и может быть заменен на синонимичные союзы *گر چه* *gar ċe*, *هر چند* *har ċand* ‘хотя’.

Кроме того, в сложноподчиненных предложениях с союзом *اگر* *agar* могут устанавливаться причинно-следственные отношения: *دولت اگر واقعاً دولت خیرخواه و دولت صالحی است نباید اجازه بدهد که نسبت به مورچه ای در این مملکت ظلم روا دارند* *Dowlat अगर वाқеан dowlat-e xeyrxāh va sāleh-i ast nabāyad ejaze bedehad-ke nesbat be murċe-i dar in mamlakat zolm ravā dārand* ‘*Если* правительство действительно является доброжелательным и справедливым, то оно не должно позволить, чтобы в этой стране угнетали даже муравья’ (Джамаль-задэ. Вождь).

Как было отмечено, сопоставительные отношения выражаются также с помощью союзов *هر چه* *har ċe* ‘чем..., тем’, *آنقدر... آنقدر هم* *ān qadr... ān qadr-ham*, *همانقدر هم* *har qadr... hamān qadr-ham*, *تا* *tā*, *تا آنجا که* *tā ānjā-ke*, *تا آنجایی که* *tā ānjā-yi-ke* ‘сколько..., столько’, ‘насколько..., настолько’, ‘в такой мере..., как’ и некоторых других. Особенности употребления этих союзов и структура объединяемых ими предложений требует еще дополнительного изучения. Они недостаточно полно представлены в словарях персидского языка. Рассмотрим только некоторые из сложных предложений с придаточными сопоставительными, вводимыми этими союзами.

Союз *هر چه* *har ċe* выражает качественное или количественное возрастание признаков, относящихся к сказуемым. Это возрастание проявляется одновременно в придаточном и главном предложениях. Неотъемлемой структурной частью сложноподчиненных предложений с этим союзом является наличие в придаточном и

главном предложении сравнительной степени прилагательных, входящей в состав сказуемого в качестве его именной части, либо выступающей в роли обстоятельства образа действия, зависящего от сказуемого. Придаточные сопоставительные, вводимые этим союзом, находятся перед главным предложением: هر چه نزدیکتر می آمدند، صورت ملیح و محزون و رفتار آرام و نجیب هلن در نظرم بیشتر جلوه می کرد و Har *če nazdiktar miāmadand, surat-e malih va mahzun va raftar-e āram va najib-e Helen dar nazar-am bištar jelve mikard va xāstanitar mišod* 'Чем ближе они подходили, тем меня больше очаровывали и становились желаннее прелестное, покрытое печалью лицо Элен и ее спокойное и благородное поведение' (Хеджази. Слеза); هر چه بیشتر شلاق می خورد علاقه اش به گللبو بیشتر می شد Har *če bištar šallāq mixord alāqe-aš be Golbabu bištar mišod* 'Чем больше она получала ударов плетью, тем больше становилась ее любовь к Гольбабу' (Хедаят. Женщина, потерявшая мужа).

Иногда в значении сопоставительного употребляется союз [که] هر قدر *har qadr [ke]* (выше было показано употребление этого союза в уступительном значении 'как [бы] ни', 'сколько [бы] ни'). Этот союз в данном случае имеет значение, подобное союзу هر چه *har če* 'чем..., тем': مطمئن باشید که هر قدر سخن شما ساده تر: Motmaenn *bāšid-ke har qadr soxan-e šomā sādetar bāšad bištar šomā-rā dust xāham dāšt* 'Будьте уверены, чем проще будут ваши слова, тем я буду больше вас любить' (Хеджази. Слеза).

Временные формы глаголов-сказуемых главного и придаточного предложений часто совпадают. Совпадение может касаться форм прошедшего (см. примеры, приведенные выше) и настоящего времени: من هنوز در کنج مدرسه استاد نشسته ام و Man *hanuz dar konj-e madrase-ye ostād nešaste-am va har če esm-e u az zabānhā bištar mioftad ehterām-e man be u bištar mišavad* 'Я все еще сижу в углу школы художника, и чем больше забывается его имя, тем больше становится мое уважение к нему' (Аляви. Ее глаза).

Союз هر چه *har če*, употребленный с сопоставительными придаточными, может иметь не только значение 'чем..., тем', но и значение 'насколько..., настолько', 'сколько..., столько'¹³: مردم آن دیار هر چه توانستند کوشیدند که خاکشان به پای Mardom-e *ān diyār har-če tavānestand kušidand-ke xāk-ešān be rā-ye bigānegān ālude nagardad* 'Народ той страны насколько мог, [настолько] старался, чтобы на его землю не ступила нога чужеземцев' (Нафиси. Предисловие); مسئولیت خرج را به عهده او گذاشتم و هر چه پول داشتم به او سپردم Mas *'uliyyat-e xarj-rā be ohde-ye u gozāštam va har če pul dāštam be u sepordam* 'Я поручил ей вести расходы и сколько имел денег, [столько] отдал ей' (Хеджази. Слеза). В такого рода сложноподчиненных предложениях прилагательные в сравнительной степени не употребляются.

¹³ Сложный союз هر چه *har če* в сопоставительном значении следует отличать от сложного уступительного союза هر چه *har če* 'что [бы] ни', 'сколько [бы] ни' и от соотносительно-союзного сочетания هر چه *har če* 'всё, что', употребляемого в сложных предложениях с придаточными подлежащими и дополнительными. Характеристика уступительного союза и сочетания هر چه *har če* дана выше при рассмотрении соответствующих придаточных предложений.

6.8. Сложные предложения с придаточными причины

К придаточным причины относятся такие зависимые предложения, в которых выражается причина или обоснование того, о чем сообщается в главном предложении. Этот тип подчиненных предложений в отличие от некоторых других типов зависимых предложений находит довольно полное соответствие в таком члене простого предложения, как обстоятельство причины. В связи с этим выделение данного типа обстоятельственных предложений не представляет больших трудностей.

Придаточные причины связываются с главным предложением при помощи союзов چون *čon*, چونکه *čon-ke*, زیرا *zirā*, که زیرا *zirā-ke* 'так как', 'поскольку', 'ибо', (اینکه) *be* (از) جهت آنکه *be (az) jehat-e ān-ke (in-ke)* 'потому что', 'вследствие того, что', (اینکه) *be* علت آنکه *be ellat-e ān-ke (in-ke)* 'потому что', 'оттого что', 'вследствие того, что', (اینکه) *banā* بر آنکه *banā bar ān-ke (in-ke)* 'на том основании, что', (اینکه) *az* آنجا که *az ānjā-ke*, از آنجاییکه *az ānjā-yi-ke* 'оттого что', 'поскольку', 'ввиду того, что', (اینکه) *barāye* آنکه *barāye ān-ke (in-ke)* 'потому что', چرا که *čērā-ke* 'так как' и некоторых других. Между этими союзами причины существуют лишь небольшие семантические различия, и поэтому все они взаимозаменяемы.

Значительное количество из них приходится на сложные союзы, образованные путем сочетания имен существительных причинной семантики с предлогами به *be* 'по', 'в', از *az* 'из' и указательными местоимениями آن *ān* 'тот', این *in* 'этот'. Имена существительные со значением причины входят в состав сложных союзов как отыменные предлоги, несущие основную семантическую нагрузку. В состав сложных союзов причины входит, как правило, союз که *ke*. Простые причинные союзы چون *čon* и زیرا *zirā*¹⁴ могут также употребляться в сочетании с союзом که *ke*: چونکه *čon-ke*, زیرا که *zirā-ke*.

Как и другие типы придаточных предложений, придаточные причины в отдельных случаях имеют сходство с другими близкими им по структуре придаточными предложениями. Встречаются придаточные причины, напоминающие определительно-изъяснительные придаточные: با این حال زیان مادی را تحمل کردیم و از این کار که موجب بهبود مجله و سود خوانندگان بود دریغ نوزیدیم *Bā in hāl ziyān-e māddi-rā tahammol kardim va az in kār-ke mowjeb-e behbud-e majalle va sud-e xānandegān bud dariq navarzidim* 'Вместе с тем мы пошли на материальные расходы, но не пожалели их, поскольку (букв. от этого дела, что) они способствовали улучшению качества журнала и шли на пользу читателей' (Сохан). Сходство этих зависимых предложений состоит в том, что придаточные предложения относятся к именам существительным с соотносительными словами — определениями, но главное значение предложно-именного сочетания از این کار *az in kār* дает основание относить зависимые предложения к придаточным причины.

Придаточные предложения, вводимые сложным союзом (اینکه) *az ān-ke (in-ke)*, в зависимости от содержания всего сложного предложения, и в первую очередь от значения глагола-сказуемого главного предложения, могут в той или иной степени приближаться к придаточным дополнительным, раскрывающим значение

¹⁴ Союз زیرا *zirā*, образовавшийся в среднеперсидском языке из сочетания *az-e-rā*, в современном языке воспринимается как морфологическое целое.

соотносительного слова — косвенного дополнения. Это объясняется многозначностью предлога *از az*, способного употребляться для выражения и обстоятельства причины, и косвенного дополнения. Ср. два сложноподчиненных предложения, зависимые части которых можно рассматривать как придаточные причины: *فهمیدم که از اینکه مایه دعوایی به بهانه بی پولی از دستش رفته متأثر شد* *Fahmidam az in-ke māye-ye da'vā-yi be bahāne-ye bipuli az dast-aš rafte, motaasser šod* 'Я понял, что она расстроилась из-за того, что у нее исчез повод для ссоры в связи с отсутствием денег' (Хеджази. Слеза) и *لکن از اینکه ما دایماً با یکدیگر می رقصیدیم متعجب بودند* *Laken az in-ke mā dāyeman bā yekdigar miraqsidim motaajjēb būdand* 'Однако они были удивлены тем (букв. из-за того), что мы постоянно друг с другом танцевали' (Хеджази. Слеза).

Повод для сомнения исчезает, когда придаточное вводится типичным союзом причины: *از خط چینی که برای هر کلمه علامت جداگانه دارد اینجا گفتگو نمی کنیم* *Az xatt-e čini-ke barāye har kaleme ālāmat-i jodāgāne dārad injā goftogu nemikonim, zirū-ke in gune xatthā az now'-e xatt-e mā nist* 'Я здесь не стану говорить о китайской письменности, имеющей для каждого слова отдельный знак, **ибо** такого рода системы письма отличаются от нашей письменности' (Сохан 1339); *از آنجاییکه جوان بیهوشی نبود باطناً احساس کرده بود که* *Az ānjā-yi-ke javān-e bihuš-i nabud bātenan ehsās karde būd-ke pazirāyi-ye noxostvazir jambe-ye tasanno' dāšt* 'Поскольку он был догадливым молодым человеком, он внутренне почувствовал, что прием премьер-министра носил показательный характер' (Джамаль-заде. Вождь).

Придаточные причины, вводимые сложным союзом (اینکه) *barāye ān-ke (in-ke)*, следует отличать от придаточных цели, которые также могут вводиться этим союзом, так как данный союз обладает двумя значениями: 'для того, чтобы' и 'потому что', 'так как'. Основным структурным различием между двумя типами придаточных предложений является то, что в придаточных предложениях цели всегда употребляется одно из времен сослагательного наклонения. Кроме того, при разграничении сложных предложений с союзом (اینکه) *barāye ān-ke (in-ke)* необходимо учитывать содержание всего сложного предложения и более широкого контекста. Вот примеры на придаточные причины: *شما می توانید مرا ریاکار و شارلاتان تصور کنید، حق هم دارید برای اینکه کشف رمز زندگی استاد یک جنبه خودخواهی هم* *Šomā mitavānid marā riyākār va šārlātān tasavvor konid, haqq-ham dārid barāye in-ke kašf-e ramz-e zendegi-ye ostād yek jambe-ye xodxāhi-ham barāye man dārad* 'Вы можете меня считать лицемером и шарлатаном, и вы будете правы, **так как** раскрытие тайн жизни художника имеет для меня своего рода корыстный интерес' (Аляви. Ее глаза); *مردم فارسی نمی دانند برای اینکه تصور می کنند آنها* *Mardom fārsi nemidānand barāye ān-ke tasavvor mikonand ān-rā āmuxte-and va niyāz-i be tahsil-e qavāed-e xāndan va neveštan-e ān nadārand* 'Люди не знают персидского языка, **потому что** они думают, что изучили его и не нуждаются в изучении правил его чтения и письма' (Сохан).

Наблюдения над частотой употребления этого союза и большим количеством примеров на сложноподчиненные предложения с союзом (اینکه) *barāye ān-ke (in-ke)* показывают, что этот союз чаще вводит придаточные цели.

Более четко и определенно с точки зрения принадлежности к придаточным причины выглядят зависимые предложения, вводимые сложными союзами, в состав которых входят отыменные предлоги ... به علت *be ellat-e*, ... به جهت *be jehat-e*, ... به سبب *be sabab-e* 'по причине', 'из-за', 'вследствие', ... در نتیجه *dar natije-ye*, ... در اثر *dar asar-e* 'в результате', ... به دلیل *be dalil-e* 'по причине', 'на основании'. Образующиеся сложные союзы (اینکه) به علت آنکه *be ellat-e ān-ke (in-ke)*, (اینکه) به جهت آنکه *be jehat-e ān-ke (in-ke)*, (اینکه) به سبب آنکه *be sabab-e ān-ke (in-ke)* 'вследствие того, что', 'из-за того, что', (اینکه) به دلیل آنکه *be dalil-e ān-ke (in-ke)* 'из-за того, что', 'потому что', 'в результате того, что' и другие носят книжный характер и чаще употребляются в научно-публицистической литературе: به سبب اینکه غریب و دیگر دستورنویسان بجای مبتدا و خبر که ایشان برگزیده اند مسندالیه و مسند و رابطه به کار برده اند فصول بزرگی تنظیم کرده اند تا ثابت کنند (مسند و رابطه) غلط است *Be sabab-e in-ke Qarib va digar dasturnavisān be jā-ye mobtadā va xabar-ke išan bar-gozide-and mosnadeleyh va mosnad va rābete be kār borde-and fosul-e bozorg-i tanzim karde-and tā sābet konand (mosnad va rābete) qalat ast* 'Из-за того, что господин Гариб и другие грамматисты вместо терминов «мобтада» ('подлежащее') и «хабар» ('сказуемое'), которые предпочел использовать он, употребляли термины «моснадэлейх» ('подлежащее'), «моснад» ('сказуемое') и «рабете» ('связка'), им были написаны пространные разделы, чтобы доказать ошибочность употребления терминов «моснад» и «рабете» (Рахнэма-йе кетаб); زبان فارسی در نتیجه اینکه قواعدش کاملاً مدون نگشته درست به شکل (Raḥnema-ye ketāb); Zabān-e fārsi dar natije-ye in-ke qavāed-aš kāmelan modavvan nagašte dorost be šekl-e kešvar-e bisāheb-e nāmonazzam-e bihaddomarz-i dar-āmade ast 'Персидский язык в результате того, что правила его совершенно не упорядочены, подобен стране, не имеющей ни хозяина, ни порядка, ни границ' (Намэ-йе Фархангестан 1332); آقا رجب مرد و هیچ نگفت، شاید به دلیل اینکه او را ترسانده بودند *Āqā Rajab budand 'Aqa Radjab umar, tak ničego i ne skazav, vozmožno, potomu, čto ego zapugali* (Аляви. Ее глаза).

Рассмотрев основные разновидности придаточных причины, вводимых различными сложными союзами, остановимся на характеристике их местоположения в сложном предложении. Придаточные причины могут находиться перед главным предложением, вклиниваться в него или следовать за ним. Наиболее обычным положением является постпозиция или препозиция. В случае препозиции придаточного главное предложение всегда выражает следствие: از اینکه شوهرم شعور تشخیص ندارد و نمی بیند که من از آن رقیب خوشگترم به جان می آمدم *Az in-ke šowhar-am šour-e tašxis nadārad va nemibinad-ke man az ān raqib xošgeltar-am, be jān miāmadam* 'Оттого что мой муж не способен видеть, что я красивее той соперницы, я вышла из себя' (Хеджази. Слеза).

Местоположение придаточного причины оказывает влияние на выбор того или иного союза. Так, придаточные, вводимые союзами زیرا *zirā*, زیرا که *zirā-ke*, چرا *čerā-ke*, всегда находятся в постпозиции по отношению к главному предложению: من نتوانستم بیش از این نگاه کنم زیرا چنان برق خشمی از چشم آن خانم جهید که اگر سر را *Man natavānestam biš az in negāh konam zirā čenān barq-e xašm-i az češm-e ān xānom jahid-ke agar sar-rā nagardānde budam šāyad*

nāsazā-yi-ham mišenidam ‘Я не мог больше продолжать смотреть, **так как** эта женщина бросила на меня такой гневный взгляд, что если бы я не отвернулся, то услышал бы какую-нибудь брань’ (Хеджази. Слеза); این برای تو بهترین سرمایه خواهد شد چرا که یقین دارم از این کار عاید خوبی خواهیم داشت *In barāye to behtarīn sarmāye xāhad šod čerā-ke yaqīn dāram az in kār āyed-e xub-i xāhim dāšt* ‘Это будет для тебя лучшим капиталом, **так как** я уверена, что от этого дела мы будем иметь хорошие доходы’ (Хеджази. Слеза).

Среди причинных союзов, имеющих большое распространение, следует отметить союз چون *čon*¹⁵. Придаточные с этим союзом чаще располагаются перед главным предложением, но могут также находиться в постпозиции по отношению к нему: چون هوای کافه گرم بود مشتریها دور از بخاری جا می گرفتند *Čon havā-ye kāfe garm bud moštarihā dur az boxāri jā migereftand* ‘Поскольку в кафе было жарко, посетители занимали места подальше от печи’ (Нушин. Разбитый стакан); گاهی هم معنی لغات فارسی را از ما می پرسید چون می خواست زبان فارسی را یاد بگیرد *Gāhi-ham ma’ni-ye loqāt-e fārsi-rā az mā miporsid čon mixāst zabān-e fārsi-rā yād begīrad* ‘А иногда он спрашивал у нас значение персидских слов, **так как** хотел изучить персидский язык’ (Хедаят. Катя). В первом примере союз چون *čon* вместе с придаточным предложением находится перед главным, во втором примере этот же союз вместе с придаточным находится в постпозиции по отношению к главному.

В современном персидском языке иногда встречается краткая форма союза چون *čon* — چه *če*, по форме и звучанию совпадающая с изъяснительным союзом بعضی از این زبانها را باید مستقل شمرد چه تفاوت آنها با کردی (کرمنجی) *Ba’zi az in zabānhā-rā bāyad mostaqell šomord, če tafāvot-e ānhā bā kordi (kormanji) biš az ān ast-ke betavān ānhā-rā bā kordi peyvaste dānest* ‘Некоторые из этих языков следует считать самостоятельными, **так как** они слишком сильно отличаются от курдского (курманджи), чтобы можно было рассматривать их в единстве с ним’ (Сохан); ولی گناهی هم بر او نمی توان نوشت چه جز این راهی نداشت و تصدی و تمامیت امور مردم شوخی بردار نیست *Vali gonāh-i-ham bar u nemitavān nevešt če joz in rāh-i nadāšt va tasaddi va tamāmiyyat-e otur-e mardom šuxibardār nist* ‘Но и ему нельзя приписать вину, **так как**, кроме этого, у него не было другого выхода, а руководство делами народа — это нештучное дело’ (Джамаль-задэ. Вождь).

В рассмотренных выше сложных предложениях с придаточными причины употреблены многочисленные подчинительные союзы, имеющие приблизительно одно и то же значение ‘так как’. С употреблением того или иного союза связаны различные структурно-семантические особенности придаточных причины. Кроме того, следует иметь в виду также стилистические оттенки использования союзов. Союз

¹⁵ В персидском языке слово چون *čon* употребляется не только как союз причины, но и как союз времени со значением ‘когда’. Как временной союз چون *čon* используется значительно реже; тем не менее возможность такого использования надо всегда иметь в виду: چون این واو در بین کلمات و جمله ها درآید مانند ضمۀ آخر کلمۀ ماقبل او تلفظ می شود *Čon in vāv dar bez beyn-e kalemāt va jomlehā dar-āyad mānand-e zamme-ye harf-e āxer-e kaleme-ye māqabl-e vāv talaffoz mišavad* ‘Когда этот «вав» встречается между словами и предложениями, то он произносится подобно «замме» (как *o*) — знаку, огласующему последнюю букву слова, предшествующему букве «вав» (Хомаюнфаррох). Кроме того, چون *čon* используется в качестве сравнительного союза ‘как’.

چون *čon* как наиболее употребительный встречается и в устном, и в письменном языке. Союзы زیرا *zirā*, که زیرا *zirā-ke*, چرا *čerā-ke*, چه *če* и большинство сложных союзов причины используются главным образом в книжном стиле речи.

В заключение характеристики сложных предложений с придаточными причины отметим употребление в них универсального подчинительного союза که *ke*. Он может употребляться в значении причины самостоятельно и в сочетании с соотносительными словами, но самостоятельно в этом значении он встречается редко: امشب اینجا به جا و منزل به من بدین که از گشنگی و تشنگی دارم از پا درمیام *Emšab injā ye jā-vo manzel be man be-din-ke az gošnegi va tašnegi dāram az pā dar-miyām* 'Дайте мне возможность на ночь здесь поселиться, **так как** я валюсь с ног от голода и жажды' (Хедаят. Живая вода).

Соотносительные слова, сочетающиеся с союзом که *ke*, выступают в роли обстоятельства причины в главном предложении. Они бывают двух видов: соотносительные слова — указательные местоимения и соотносительные слова — существительные. Все они представляют собой предложено-именные сочетания, которые при контактном положении с союзом که *ke* образуют сложные союзы причины.

С указательными местоимениями часто употребляется предлог برای *barāye* 'для': گفت: برای این نمی پسندم که تو در حال طبیعی نیستی و در آتش رقابت می سوزی *Goft: barāye in nemipasandam-ke to dar hāl-e tabi'i nisti va dar āteš-e reqābat misuzi* 'Она сказала: «Я **потому** не соглашаюсь, **что** ты находишься в неестественном для себя состоянии и в тебе горит огонь соперничества» (Хеджази. Слеза); گفت: امروز بهتر از همیشه بازی می کنی، گفتم: برای این است که تو از هر روز زیباتری *Goft: emruz behtar az hamīše bāzi mikoni, goftam: barāye in ast-ke to az har ruz zibātār-i* 'Она сказала: «Ты сегодня играешь лучше, чем обычно». Я ответил: «Это **потому**, **что** ты сегодня выглядишь красивее, чем обычно» (Хеджази. Слеза).

С существительными — соотносительными словами употребляются указательные местоимения и предлоги از *az* 'от' и به *be* 'по': از خیالم گذشت که شاید آن آه و افسوس مادرم از این جهت است که نمی تواند خرید تازه ای بکند و بر گنجینه زیبایی های ما بیفزاید *Az xiyāl-am gozašt-ke šāyad ān āh-o afsus-e mādar-am az in jehat ast-ke nemitavānad xarid-e tāze-i bekonad va bar ganjine-ye zibāyihā-ye mā biyafzāyad* 'У меня промелькнуло в голове, что, возможно, вздохи и возгласы сожаления моей матери происходят **по той причине**, **что** она не в состоянии сделать новую покупку и увеличить нашу коллекцию картин' (Хеджази. Слеза); به عقیده ایشان دیگران این روش را از این رو برگزیده اند که کلمه ای مشکل عربی (مسندالیه) را به کار برند و به اصطلاح فضل فروشی کنند *Be aqide-ye išan digarān in raveš-rā az in ru bar-gozide-and-ke kaleme-i moškel-e arabi (mosnadeleyh)-rā be kār barand va be estelāh fazlforuši konand* 'По его мнению, другие **потому** прибегли к такому приему, **чтобы**, употребив это сложное арабское слово «моснадэлейх» ('подлежащее'), показать свою так называемую ученость' (Рахнэма-йе кетаб).

6.9. Сложные предложения с придаточными цели

Придаточные цели — это такие зависимые предложения, которые указывают, для чего, с какой целью совершается действие главного предложения.

Количество союзов, употребляемых с этим типом придаточных, невелико. Для связи придаточных цели с главными предложениями используются простые союзы که *ke*, تا *tā* и сложные союзы (اینکه) برای آنکه *barāye ān-ke (in-ke)* ‘для того, чтобы’ и (اینکه) به منظور آنکه *be manzur-e ān-ke (in-ke)* ‘с той целью, чтобы’. Наиболее часто в сложных предложениях с придаточными цели употребляются простые союзы که *ke*, تا *tā* и сложный союз (اینکه) برای آنکه *barāye ān-ke (in-ke)*. Сложный союз (اینکه) به منظور آنکه *be manzur-e ān-ke (in-ke)* больше свойствен книжному стилю речи: به منظور اینکه اوضاع کنونی کشور بیشتر روشن و مفهوم گردد ما رشته های می گذرانیم *Be manzur-e in-ke owzā'-e konuni-ye kešvar bištar rowšan va mafhum gardad, mā reštehā-ye moxtalef-e zendegi-ye mardom-e ān-rā az nazar-e xānandegān-e mohtaram migozarānim* ‘С той целью, чтобы современное положение страны было более очевидно и понятно, мы покажем уважаемым читателям различные стороны жизни ее народа’ (Кейхан 1374).

Важной структурно-грамматической особенностью придаточных цели является то, что сказуемое этих предложений выражается глаголом в форме одного из времен сослагательного наклонения (чаще всего в форме аориста): شوهرم برای اینکه شوهرم برای اینکه *Sowhar-am barāye in-ke bačče-aš bemānad nazr-o niyāz-i nabud-ke nakard* ‘Каких только обетов и клятв не давал мой муж ради того, чтобы ребенок остался жив’ (Хедаят. Исповедь); پاهایش را دم بخاری دیواری *Pāhā-yaš-rā dam-e boxāri-ye divāri migozāšt-ke garm bāšad* ‘Он ставил свои ноги у печки в стене, чтобы они согрелись’ (Аляви. Письма).

Подобно другим обстоятельственным придаточным, придаточные цели могут предшествовать главному предложению, следовать за ним или вклиниваться в него. Придаточные предложения цели, вводимые союзами که *ke* и تا *tā*, всегда следуют за главным предложением: گفتیم از اتاق بیرون برو تا حکایتیم را نشنود *Goftam az otaq birun beravad tā hekāyat-am-rā našenavad* ‘Я ему велела выйти из комнаты, чтобы он не слышал моего рассказа’ (Хедаят. Исповедь); بلند حرف می زدیم که فرنگیس را *Boland harf mizadam-ke Farangis-rā motavajjeh-e xod konam* ‘Я говорил громко, чтобы привлечь внимание Фарангис’ (Аляви. Ее глаза).

В приведенных выше двух примерах и в главных, и в придаточных предложениях отсутствуют подлежащие, но действующие лица — субъекты — в обоих предложениях совпадают. Такого рода предложения рассматриваются как сложные, а не как простые предложения с составными сказуемыми. В этих сложных предложениях сказуемые второй части выражаются финитной формой глагола, а для соединения частей используются те же подчинительные союзы, которые связывают обычные придаточные цели с главными предложениями. Помимо отмеченных союзов که *ke* и تا *tā*, для связи придаточных и главных предложений с одинаковым субъектом может употребляться сложный союз (اینکه) برای آنکه *barāye ān-ke (in-ke)*: اشک در چشم و بغض به گلویش آمد و برای اینکه خود را آرام کند برخاست و رفت و *Ašk dar češm va boqz be galu-yaš āmad va barāye in-ke xod-rā*

ārām konad, bar-xāst va raft va barā-yam yek dāne sib āvard ‘Слезы и гнев душили ее, и для того, чтобы себя [как-то] успокоить, она встала и принесла мне яблоко’ (Хеджази. Слеза).

Во избежание повторения одного и того же союза *ke* при последовательном подчинении употребляют *ta tā*: رفتن و دستش را گرفتیم که بلندش کنیم تا دعوی را تا *tā*: *Raftam va dast-aš-rā gereftam-ke boland-aš konam tā da'vā-rā mardāne tamām karde bāšam* ‘Я подошел и взял его за руку, чтобы поднять его и чтобы по-мужски прекратить ссору’ (Хеджази. Слеза); لقمان نبودم که چشم به رفتار *Loqmān nabudam-ke češm be raftār-e digarān dāšte bāšam, tā xelāf-e ān konam* ‘Я не был Логманом, чтобы следить за поступками других и чтобы им (поступкам) противодействовать’ (Бехазин. Узоры на шелке).

Придаточные цели, вводимые сложными союзами, могут занимать различные позиции по отношению к главному предложению, например располагаться перед ним: برای آنکه تفصیل جدا شدن خود را از هلن در تاریکی بگذارم ناچار باید به عالم کودکی... *Barāye ān-ke tafsil-e jodā šodan-e xod-rā az Helen dar tāriki begozāram, nāčār bāyad be ālam-e kudaki-ye xod bar-gardam...* ‘Для того, чтобы скрыть подробности моего отдаления от Элен, я вынужден снова обратиться к своему детству...’ (Хеджази. Слеза). А вот пример на то, когда придаточное причины вклинивается в главное предложение: یک سال پس از مرگ پدر برای اینکه به کتابخانه آسانتر دسترسی *Yek sāl pas az marg-e pedar barāye in-ke be ketābxāne āsantar dastras dāšte bāšam, pošt-e miz-e kār-e u minešastam* ‘Через год после смерти отца для того, чтобы легче пользоваться библиотекой, я сел за его рабочий стол’ (Хеджази. Слеза).

В заключение характеристики сложных предложений с придаточными цели кратко остановимся на соотносительных словах, в роли которых выступают предложно-местоименные сочетания (این) برای *barāye ān (in)* ‘для того’ и منظور *be manzur-e ān (in)* ‘с той целью’, ‘с целью того’. Соотносительные слова, выступая в роли обстоятельства цели главного предложения, определяют синтаксическую функцию придаточного предложения: جزوه حاضر اصولاً به منظور آن گرد آمده که *Jozve-ye hāzer osulan be manzur-e ān gerd āmade-ke dānešjuyān-e kelāshā-ye bālāyi-ye zabān-e fārsi ān-rā be tanhāyi bexānand* ‘Настоящий сборник составлен с той целью, чтобы студенты старших курсов персидского отделения смогли читать его самостоятельно’; شاید این *Šāyad in gozašt barāye in bud-ke yekbāre xāter-rā az kine va došmani-ye Filip āsude karde bāšam* ‘Возможно, эта уступка для того была сделана, чтобы я сразу перестал думать о враждебном отношении ко мне со стороны Филиппа’ (Хеджази. Слеза).

6.10. Сложные предложения с придаточными следствия

К придаточным предложениям следствия относятся зависимые предложения, выражающие результат, который вытекает из содержания главного предложения. Известно, что значение следствия выражают также и придаточные образа действия.

Но различие между двумя типами придаточных предложений состоит в том, что в сочетании с придаточными образа действия употребляются соотносительные слова, тогда как придаточные следствия не могут иметь соотносительных слов в главном предложении, ибо они не находят соответствия ни в одном члене простого предложения. Придаточные предложения следствия всегда характеризуют главное предложение в целом.

Структурные типы сложноподчиненных предложений с придаточными следствия не отличаются большим разнообразием. Они всегда следуют за главным предложением и связываются с ним подчинительными союзами که *ke* 'так что', بطوریکه *be towr-i-ke*, به قسمیکه *be qesm-i-ke*, به قدریکه *be qadr-i-ke*, چنانکه *čenān-ke* 'так что'. Наиболее часто с этим типом придаточных употребляется универсальный подчинительный союз که *ke*. Синтаксическая функция придаточного предложения в этом случае определяется содержанием всего сложноподчиненного предложения, и в первую очередь самим придаточным: در آن گوشه چیزی جلب نظر مرا کرد که در وهله اول گمان کردم گربه براق سفیدی است *Dar ān guše čiz-i jalb-e nazar-e ma-rā kard-ke dar vahle-ye avval gamān kardam gorbe-ye borāq-e sefid-i ast* 'В том углу мое внимание привлек какой-то предмет, **так что** в первый момент я подумал, что это пушистая белая кошка' (Джамаль-задэ. Сладкозвучный фарси); با ملایمت و شیرینی به من جواب داد که من خواهی نخواهی مجبور بودم رام شوم *Bā molāyemat va širini be man javāb dād-ke man xāhinaxāhi majbur budam rām šavam* 'Она вежливо и мягко ответила мне, **так что** я невольно был вынужден подчиниться' (Аляви. Ее глаза).

Глагол-сказуемое придаточных следствия в зависимости от содержания и цели высказывания ставится в одном из времен изъявительного наклонения. Сослагательное наклонение в них не употребляется. Между сложными союзами, вводящими придаточные следствия, больших семантических различий не наблюдается: شروع به تحصیل کردم و در مدت کمی زبان ترکی را یاد گرفتم بطوریکه به زبان *Šoru' be tahsil kardam va dar moddat-e kam-i zabān-e torki-rā yād gereftam be towr-i-ke be zabān-e torki konferāns midādam* 'Я приступил к изучению и за короткое время овладел турецким языком, **так что** делал на нем доклады' (Хедаят. Катя); این دلسردی او را از تعلیم نیز باز داشت چنانکه کاری دیگر گرفت و *In delsardi u-rā az ta'lim-niz bāz dāšt čenān-ke kār-i digar gereft va az Irān raft* 'Это равнодушие заставило его бросить и преподавание, **так что** он выбрал для себя другое дело и покинул Иран' (Сохан 1339).

Иногда в роли подчинительного союза следствия может употребляться сложный союз که آنجا که *tā ānjā-ke*, встречающийся чаще в придаточных сопоставительных: محتاج گفتن نیست که این کار برای مجله بسیار گران تمام شد تا آنجا که بهای هر *Mohtāj-e goftan nist-ke in kār barāye majalle besyār gerān tamām šod tā ānjā-ke bahā-ye har šomāre-ye majalle az qeymat-e foruš-e ān-niz andaki tajāvoz kard* 'Нет необходимости говорить, что это дело очень дорого обошлось журналу, **так что** фактическая стоимость каждого номера несколько превысила его продажную цену' (Сохан). В таких «сомнительных» случаях решающую роль в определении типа придаточного предложения и значения сложного союза играют общий контекст и содержание сложного предложения.

6.11. Сложные предложения с придаточными места

Придаточные предложения места указывают, где совершается действие главного предложения, куда или откуда оно направлено. Этот тип придаточных сохраняет тесную смысловую и синтаксическую связь с придаточными определительными. Об этом свидетельствуют структурно-семантические особенности придаточных предложений этого типа: они следуют после существительного *جا jā* 'место', которое, как правило, имеет выделительный артикль, вводится подчинительным союзом *که ke*. Какие же имеются основания различать эти два типа придаточных предложений?

В сложных предложениях с придаточными места и содержание, и структура зависимых предложений подчеркивают их обстоятельственный характер. Имя существительное *جا jā* выступает либо как составная часть сложного союза, либо как соотносительное слово — обстоятельство места главного предложения: *در جایی که فاعل اسم جمع باشد مطابقه و عدم مطابقه رواست Dar jā-yi-ke fāel esm-e jam' bāšad motābeqe va adam-e motābeqe ravā-si* 'Там, где субъект действия выражен именем существительным во множественном числе, допускается согласование и отсутствие согласования [у сказуемого]' (Гавим 1326).

Четко выделяются те придаточные места, которые следуют после соотносительных слов: *دیروز گذرم به جایی افتاد که شاگردان مدرسه موقع تنفس و پس از اتمام دروز گوزار-ام به جایی oftād-ke šāgerdān-e madrase towqe '-e tanaffos va pas az etmām-e dorus-e xod gardeš mikonand...* 'Вчера мне пришлось проходить там, где школьники гуляют во время перемен и после окончания уроков...' (Кейхан 1374).

Если же слово *جا jā* выступает в роли подлежащего, дополнения, определения или предикативного члена главного предложения, то придаточное следует рассматривать как определительное: *دانشگاه جایی نیست که هر دانشجو پس از به پایان رساندن تحصیلات در آن باید استاد بشود Dānešgāh jā-yi nist-ke har dānešju pas az be pāyān rasāndan-e tahsilāt dar ān bāyad ostād bešavad* 'Университет не является таким местом, где каждый студент после окончания его должен стать профессором'.

В отличие от придаточных определительных в придаточных места не употребляются местоименные подчинительные слова: *جایی که شتر بود به یک غاز، خر قیمت ندارد Jā-yi-ke šotor bovad be yek qāz, xar qeymat-e vāqe 'i nadārad* 'Там, где верблюд ценится как один гусь, осел не имеет настоящей цены' (Нураи. Под голубым небосводом).

В состав сложных союзов места могут входить определительное местоимение *هر har* 'каждый', 'всякий' и предлоги: *هر کس به میل خود هر جا که می خواست Har kas be meyl-e xod har jā-ke mixāst minešast* 'Каждый по своему желанию садился там, где хотел' (Хеджази. Слеза); *در جاییکه سابقاً کسی زندگی نمی کرد Dar jā-yi-ke sābeqan kas-i zendegi nemikard šahr-e bozorg-i be vojūd āmad* 'Там, где раньше никто не жил, появился большой город'.

Сложные союзы места могут включать в свой состав местоименное наречие *آنجا ānjā* 'там' и вопросительное наречие *کجا? kojā?* 'где?', 'куда?'. Последнее

слово сочетается с определительным местоимением *har*: آنچه عیان است *har*: 'Там, где [все] очевидно, нет надобности в разъяснениях' (Нураи. Под голубым небосводом); بسیاری از کلمات در فارسی مشترک بین اسم و صفت هستند و هر کجا که خواهند به تنهایی کلمه معنی اسم آوردند *Besyāri az kalemāt dar fārsi moštarak beyn-e esm va sefat hastand va har kojā-ke xāhand be tanhāyi kaleme ma'ni-ye esm dāšte bāšad va moštarak nabāšad yek hā-ye sāken dar āxer-e ān kaleme miāvarand* 'Многие из слов в персидском языке являются [одновременно] и именами существительными, и прилагательными, а там, где захотят, чтобы слово имело значение только существительного, к таким словам прибавляют *hā*-«немое»' (Хомаюнфаррох).

В заключение отметим, что сложноподчиненные предложения с придаточными места не являются вполне сложившимся структурным типом сложного предложения. Об этом свидетельствуют рассмотренные выше примеры. Многие другие разновидности стоят на грани перехода из придаточных определительных в придаточные места, сохраняя большие или меньшие семантико-грамматические связи с определенными придаточными.

Имеются зависимые предложения, которые хотя и следуют после слов со значением места, но ничем не отличаются от типичных определительных придаточных: کم کم به جبران سالهای عزلت و انزوا به تفریح پرداخت و باز به بعضی جاها که شاید *Kamkam be jobrān-e sālḥā-ye ozlat-o enzevā, be tafriḥ pardāxt va bāz be ba'zi jāhā-ke šāyad motanāseb bā vaz'-e u nabud miraft* 'Постепенно от одинокой затворнической жизни она перешла к увеселениям и снова стала посещать некоторые места, которые, возможно, не соответствовали ее положению' (Хеджази. Слеза). В приведенном сложном предложении существительное *jāhā* не входит в состав сложного союза и не выступает в главном как соотносительное слово, поскольку сохраняет свое лексическое значение и имеет форму множественного числа.

Вместо существительного *jā* могут употребляться его синонимы, например محل *mahall* 'место': زن به محلی که جای پرده «چشمهایش» بود نزدیک شد *Zan be mahall-ike jā-ye parde-ye «Češmhā-yaš» bud nazdik šod* 'Женщина приблизилась к месту, где находилась картина «Ее глаза»' (букв. 'которое было местом картины «Ее глаза»') (Аляви. Ее глаза). Слово محل *mahall*, являясь синонимом существительного *jā*, имеет более ограниченное использование: оно не является настоящим соотносительным словом и не входит в состав сложных союзов.

Глава третья

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложные предложения с бессоюзной связью в персидском языке представляют собой наименее изученный раздел синтаксиса сложного предложения, хотя они являются весьма продуктивной и широко распространенной синтаксической конструкцией. Отсутствует не только конкретное описание отдельных структурно-семантических типов бессоюзных сложных предложений, но не раскрыта их грамматическая природа и не показаны их особенности по сравнению с союзными сложными предложениями. Не рассматривается эта разновидность сложных предложений в работах и иранских, и зарубежных авторов. Слабая изученность подобного рода сложных предложений в персидском языке в известной степени отражает существующую в общем языкознании неопределенность и противоречивость в решении вопроса о месте бессоюзных предложений среди других видов сложных предложений и недостаточную теоретическую разработанность этого вопроса по сравнению с другими проблемами сложного предложения.

В лингвистической литературе по русскому языку большое распространение получила точка зрения Н.С.Поспелова, впервые изложенная им в статье «О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений» [Поспелов 1950а, с. 338–354] и принятая в ряде работ, посвященных исследованию различных языков. Бессоюзные сложные предложения рассматриваются не как синтаксическая разновидность союзных сложных предложений, а как самостоятельный структурно-семантический тип, независимый от сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Другая точка зрения резко отличается от позиции Н.С.Поспелова. Сторонники ее проводят анализ смысловых и структурных особенностей бессоюзных предложений в свете основных семантико-грамматических категорий сложного предложения — сочинения и подчинения, в связи с чем выделяются бессоюзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения [Пешковский 1938, с. 419; Каратаева 1941; Гвоздев 1958]. Авторы, придерживающиеся данной точки зрения, слишком категорично и прямолинейно находят соответствия бессоюзных предложений в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях и не видят специфических черт некоторых бессоюзных предложений.

О персидских бессоюзных сложных предложениях можно найти отдельные замечания при описании сложных предложений с союзной связью. Эти замечания, как правило, очень кратки и касаются лишь таких предложений, в которых явно

чувствуется отсутствие того или иного сочинительного либо подчинительного союза. Бессоюзная связь представляется как дополнение к союзному сочинению и подчинению, а бессоюзные сложные предложения рассматриваются как разновидности союзных [Арендс 1941; Lazard 1957].

Как же подходить к проблеме выделения и классификации бессоюзных сложных предложений на материале персидского языка? Основой подхода к рассмотрению бессоюзных сложных предложений, примененного в данной главе, послужила точка зрения автора, изложенная в статье «Основные виды бессоюзных сложных предложений в персидском языке» [Рубинчик 1964].

В «Грамматике» делается попытка выделить и охарактеризовать наиболее типичные виды бессоюзных сложных предложений на основе анализа сходства и различия их грамматических и смысловых признаков как внутри самих бессоюзных предложений, так и по сравнению с союзными сложными предложениями. Исходя из общетеоретического положения о том, что основные отношения, объединяющие части сложного предложения в синтаксическое единство, — это отношения сочинения и подчинения, мы во всех случаях, когда возможно, проводим анализ бессоюзных предложений в сравнении с соответствующими типами сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Тем не менее вследствие наличия у некоторых разновидностей бессоюзных предложений особых, не свойственных союзным сложным предложениям семантико-грамматических признаков, а также для удобства исследования они рассматриваются самостоятельно.

Изучение структуры бессоюзных сложных предложений в персидском языке затрудняется из-за отсутствия четко разработанной системы пунктуации. Нередко можно встретить отрывки текста, в которых границы между самостоятельными предложениями и предложениями, связанными бессоюзной связью, очень шатки и неопределенны, и в этих случаях не помогает даже более широкий контекст.

Анализ собранного языкового материала позволяет наметить три вида бессоюзных предложений: 1) сложносочиненные бессоюзные предложения, 2) сложноподчиненные бессоюзные предложения и 3) сложные бессоюзные предложения, не имеющие соответствия в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях с союзной связью. Выделенные виды бессоюзных предложений различаются между собой по структурно-грамматическим признакам и смысловым отношениям. Установление характерных особенностей каждого из отмеченных видов дает возможность решить вопрос о грамматической сущности бессоюзных предложений, уточнить грамматические и лексические средства связи частей этих предложений.

1. Сложносочиненные бессоюзные предложения

Сложносочиненные бессоюзные предложения не имеют столь широкого распространения, как сложносочиненные предложения с союзной связью. Сочинительный союз *wa* настолько часто употребляется в речи, что встречается не только

при соединении частей сложных предложений, но даже между предложениями, близкими к самостоятельным¹. Широкая употребительность этого союза как бы сократила возможность использования бессоюзных сочинительных связей.

Сопоставление сложносочиненных бессоюзных предложений с союзными показывает, во-первых, что различные виды смысловых связей между частями бессоюзных и союзных предложений продуктивны не в одинаковой степени. Наиболее часто между объединяемыми частями бессоюзных предложений устанавливаются отношения временные (одновременность, последовательность) и сопоставительно-противительные. Другие виды отношений в бессоюзных предложениях наблюдаются реже, чем в сложносочиненных предложениях с союзной связью. Во-вторых, что разделительные отношения не могут выражаться бессоюзными предложениями. В-третьих, что отношения сопоставительно-противительные и временные не противостоят друг другу с такой четкостью, как в союзных сложносочиненных предложениях. В союзных предложениях, когда нужно с полной определенностью выразить противительные отношения, употребляются специальные противительные союзы. В бессоюзных же предложениях даже более широкий контекст не всегда помогает установить подлинные или более четкие отношения между соединяемыми частями.

Немалую роль при бессоюзной связи играет интонация. В устной речи она нередко выполняет почти ту же роль, что и союзы в письменной. Бессоюзные сложносочиненные предложения охватывают два вида интонации: *п е р е ч и с л и т е л ь н а я* (понижение тона в конце каждой части предложения), характеризующая временные отношения одновременности и последовательности, и *п р о т и в и т е л ь н а я* (повышение тона в конце первой части, между частями — длительная пауза), характеризующая сопоставительно-противительные отношения.

Предложения с временными отношениями включают перечисление одновременных или последовательно сменяющих друг друга фактов и встречаются при описании природы и событий, окружающей обстановки, при характеристике внешности персонажей, при описании внутреннего состояния людей и т.п.: *از دور چراغ ضعیفی می درخشید، یکی دو قایق موتوری دیده می شد و چند کشتی بادی مشغول باربندی بودند* *Az dur čerāq-e zaif-i midaraxšid, yeki do qāyēq-e motori dide mišod va čand kašti-ye bādi mašqul-e bārbandi budand* 'Издали тускло светил фонарь, виднелись одна-две моторные лодки, и несколько парусников находились под погрузкой' (Хедаят. Бродячий пес); *باد، باد او ظاهراً روی جاده نمناک و دورنمای جلگه ممتد می شد، کلاغها برایش پیام شادی پوست تن او را نوازش می کرد، درختها به نظر او می رقصیدند، همه طبیعت به نظر او خرم و خوشرو می آمد* *Negāh-e u zāheran ru-ye jādde-ye namnāk va durnemā-ye jolge momtadd mišod, bād pust-e tan-e u-rā navāzeš mikard, deraxthā be nazar-e u miraqsidand, kalāqhā barāy-aš peyām-e šādi miāvardand va hame-ye tabi'at be nazar-e u xorram va xošru miāmad* 'Его взгляд как будто простирался по дороге, сырой и уходящей в глубь долины, ветер ласкал его кожу, деревья, как ему казалось, танцевали, вороны слали ему радостные вести, и вся природа казалась ему свежей и прекрасной' (Хедаят. Лале).

¹ Вопрос об использовании союза *و* в союзных сложносочиненных предложениях уже рассматривался выше, при характеристике этого вида сложных предложений. Тогда отмечалось, что этот союз иногда может употребляться в тех же случаях, когда можно или нужно употребить точку.

В этих двух примерах первые части связаны бессоюзно, а последние соединяются друг с другом при помощи сочинительного союза *و* *va*. Между составными частями выражаются отношения одновременности, что подтверждается употреблением в них глаголов-сказуемых в форме прошедшего длительного времени. Наличие сочинительного союза перед последней частью свидетельствует о том, что он выражает те же отношения, какие установлены между частями с бессоюзной связью.

Аналогичную синтаксическую структуру имеют бессоюзные предложения, выражающие отношения временной последовательности: عقده ای گشوده شد، زخمی سر باز کرد و خون از آن ریخت *Oqde-i gošude šod, zaxm-i sar bāz kard, va xun az ān rixt* 'Узел развязался, рана вскрылась, и из нее полилась кровь'. Как и в предыдущей разновидности бессоюзных предложений (при выражении отношений одновременности), в предложениях с выражением временной последовательности используется перечислительная интонация, при которой в конце каждой части наблюдается понижение тона.

Количество частей бессоюзных сложносочиненных предложений иногда зависит от смысловых отношений, устанавливающихся между ними. Если временные отношения могут объединять в бессоюзные предложения две, три и более частей, то сопоставительно-противительные — не более двух: جمعتان جمع بود، یکی تان کم بود *Jam'-etān jam' bud, yeki-tān kam bud* 'Вас было много, одного среди вас не хватало' (Рахмати. Словарь); میخواست دروغی بخندد، خنده در لبانش خشک شد *Mixāst doruqi bexandad, xande dar labān-aš xošk šod* 'Она хотела притворно засмеяться — улыбка застыла на ее губах'.

Другие виды смысловых отношений, свойственные союзным сложносочиненным предложениям, встречаются среди бессоюзных предложений реже. Они обычно сопровождают бессоюзные предложения временной последовательности, но могут выявляться и самостоятельно: این بود جزای گناه یا اجر ثواب او، هر طور می خواهید حساب بکنید *In bud jazā-ye gonāh yā ajr-e savāb-e u, har towr mixāhid hesāb bekonid* 'Это было наказание за его проступок или воздаяние за доброе дело — как хотите, так и судите' (Аляви. Ее глаза). Во второй части этого предложения содержится следствие, вытекающее из первой части.

Между объединяемыми частями могут возникать пояснительно-присоединительные отношения: زندگی گذشته خود را به یاد آورد، یادگارهای پیشین از جلو او یک به یک زدند *Zendegi-ye gozašte-ye xod-rā be yād āvard, yād-gār-hā-ye pišin az jelov-e u yek be yek radd mišod* 'Он вспомнил свою прежнюю жизнь: прошлые воспоминания одно за другим проходили перед его глазами' (Хедаят. Три капли крови); یک کاسه آب آنجا بود آن را برداشت و سر کشید *Yek kāse āb ānjā bud ān-rā bardāšt va sar kešid* 'Там была кружка воды, она взяла ее и залпом выпила' (Хедаят. Светотень). В обоих приведенных примерах вторые части содержат пояснение, уточнение, добавление к тому, что высказано в первых частях.

Сравнение союзных и бессоюзных сложносочиненных предложений убеждает в том, что бессоюзные предложения по смысловым отношениям, устанавливающимся между входящими в них частями, и по структуре составных частей весьма сходны с союзными сложносочиненными предложениями и могут рассматриваться как синонимичные конструкции. Почти во всех разновидностях бессоюзных

сложносочиненных предложений без ущерба для смысла могли бы быть употреблены соответствующие сочинительные союзы. Не случайно поэтому в различных сборниках, содержащих широко распространенные в народе разговорные обороты и образцы фольклора, одинаковые пословицы и поговорки можно встретить и с союзной, и с бессоюзной связью. Например, в сборнике пословиц и идиоматических выражений Юсефа Рахмати [Рахмати. Словарь] пословица صاحب ناراضی، خر خسته، *Xar xaste, sāheb nārāzi* ‘Осел устал, хозяин недоволен’ дана в форме сложносочиненного предложения с бессоюзной связью, тогда как в словаре просторечной лексики, пословиц и поговорок Амирголи Амини [Амини. Словарь] та же пословица приводится в виде союзного сложносочиненного предложения: خر خسته و صاحب ناراضی *Xar xaste va sāheb nārāzi* ‘Осел устал, и (а) хозяин недоволен’.

2. Сложноподчиненные бессоюзные предложения

Среди бессоюзных сложных предложений этот вид имеет наибольшее распространение. Как правило, бессоюзные предложения данного вида по выражаемым смысловым отношениям и основным структурным особенностям находят соответствие в аналогичных союзных сложноподчиненных предложениях. Но это соответствие имеет в значительной степени односторонний характер: далеко не все типы союзных сложноподчиненных предложений находят аналоги в бессоюзных предложениях. Возможности передачи смысловых отношений союзными предложениями значительно шире. Во многих типах сложноподчиненных предложений бессоюзная связь затрагивает только отдельные их разновидности (например, в сложных предложениях с придаточными подлежащими, сказуемыми, временными).

Анализ собранных примеров позволил выделить две разновидности сложноподчиненных бессоюзных предложений: 1) бессоюзные варианты сложноподчиненных предложений с придаточными, вводимыми союзом که *-ke*, и 2) бессоюзные сложноподчиненные предложения, синонимичные сложноподчиненным предложениям с обстоятельственными придаточными, вводимыми не союзом که *-ke*, а другими подчинительными союзами.

1. Основную массу составляют бессоюзные предложения первой разновидности. Они включают в себя отдельные виды дополнительных, определительных, подлежащих, сказуемых и обстоятельственных придаточных, вводимых союзом که *-ke*. Так, в предложениях قرار بود آن شب باهم به سینما برویم *Qarār bud ān šab bā ham be sinemā beravim* ‘Было решено, [что] в этот вечер мы вместе пойдем в кино’ и گویا اینکه می‌خواهد بگوید این کلمات مشترک هستند در زبان عربی و پارسی *Guyā in-ke mixāhad beguyad in kalamāt moštarak hastand dar zabān-e arabi va pārsi* ‘Как будто он хочет сказать, [что] эти слова являются общими для арабского и персидского языков’ (Хомайюнфаррох) вторые части выступают как бессоюзные придаточные предложения: в первом предложении — как придаточное подлежащее, во втором — как придаточное дополнительное.

Употребление и пропуск союза *که -ke* часто бывают не связаны с выражением каких-либо смысловых или даже стилистических оттенков. При этом у одних и тех же авторов одинаковые придаточные предложения приводятся то с союзом *که -ke*, то без него. Из всех подчинительных союзов этот опускается наиболее часто: *آقا، آمده بودم موزهٔ این مدرسه را تماشا کنیم* *Bebaxšid, āqā, āmade budam muze-ye in madrase-rā tamāšā konam* 'Извините, господин, я пришла осмотреть музей этой школы?'; *تشریف آورده بودید که موزهٔ مدرسه را تماشا کنید؟* *Tašrif āvarde budid-ke muze-ye madrase-rā tamāšā konid?* 'Вы пришли посмотреть музей школы?' (Аляви. Ее глаза).

В приведенных примерах, взятых из одного и того же произведения, имеются однотипные придаточные предложения — придаточные цели, связанные с главными предложениями соответственно бессоюзной и союзной связью.

По своим структурным и смысловым признакам в одном ряду стоят сложные предложения с придаточными определительными с союзной и бессоюзной связью: *هر مبلغی که بخواهید می دهم* *Har mablaq-i-ke bexāhid mideham* 'Я дам любую сумму, которую вы захотите' (Аляви. Ее глаза); *هر خدمتی از دست من ساخته باشد با جان داد* *Har xedmat-i az dast-e man sāxte bāšad bā jān-o del anjām xāham dād* 'Любую услугу, [которую] я в состоянии выполнить, я окажу с открытой душой' (Джамаль-задэ. Горькое и сладкое). В обоих предложениях определяемые слова имеют выделительный артикль и определительное местоимение *هر har*. Различие состоит только в наличии / отсутствии союза *که -ke*.

Можно ли такого рода бессоюзные предложения противопоставлять соответствующим союзным и говорить об их какой-то особой природе? Думается, что нет. С этой точки зрения общие принципы классификации бессоюзных сложных предложений, предложенные Н.С.Поспеловым (см. выше) и примененные им в академической грамматике русского языка [Грамматика 1954], неприемлемы для персидского. Отсутствие союзов между частями бессоюзных сложных предложений не дает оснований при их рассмотрении игнорировать сочинительную и подчинительную связь. Приведенные выше предложения по существу могут быть не только сопоставлены, но и отождествлены с соответствующими сложноподчиненными предложениями. Включение в состав бессоюзных предложений союза *که -ke* несколько не изменило бы строй и содержание этих предложений.

Различные виды бессоюзных сложноподчиненных предложений, которые можно рассматривать как предложения с пропущенным *که -ke*, имеют неодинаковое распространение в языке. Наиболее часто встречаются бессоюзные дополнительные предложения после глаголов со значением «говорить», «беседовать» и т.п. или выражающих умственное и чувственное восприятие, желание и т.п.: *گفت فردا نمی آید* *Goft fardā nemiāyad* 'Он сказал, [что] завтра не придет'; *حس کردم بتوانم او را ببینم* *Hess kardam betavānam u-rā bebinam* 'Я почувствовала, [что] смогу его увидеть'; *می خواهید برایتان بگویم* *Mixāhid barāye-tān beguyam* 'Вы хотите, [чтобы] я вам сказала' (Аляви. Ее глаза).

Из других разновидностей бессоюзных сложноподчиненных предложений необходимо отметить придаточные подлежащные, сказуемые, определительные, времени, цели (обычно после глаголов движения). Бессоюзная связь наблюдается в тех случаях, когда придаточное следует после главного предложения. Исключение

представляют бессоюзные определительные придаточные, следующие непосредственно после определяемого имени с определительным местоимением *هر har* 'каждый', 'всякий', 'любой'²: *هر فکری داری به من بگو Har fekr-i dāri be man begu* 'Все, что у тебя в голове (букв. 'любую мысль имеешь'), скажи мне' (Хеджази. Слеза). Такого рода предложения произносятся часто без всяких пауз после определяемого имени и свойственны разговорной речи. В художественной литературе они встречаются, как правило, в языке персонажей.

2. Ко второй разновидности бессоюзных сложноподчиненных предложений относятся предложения, синонимичные обстоятельственным придаточным, вводимым не союзом *که -ke*, а другими подчинительными союзами: это придаточные условные, причины, следствия и некоторые другие. Бессоюзные предложения этой разновидности сохраняют структурное сходство с соответствующими союзными предложениями: в них употребляются те же грамматические формы глаголов-сказуемых, они имеют тот же порядок размещения частей. Однако в отличие от бессоюзных сложноподчиненных предложений первой разновидности они обладают некоторой смысловой неопределенностью и возможностью соотнесения с разными зависимыми предложениями. Нередко одно и то же бессоюзное предложение, взятое вне контекста, может быть сопоставлено со сложноподчиненными предложениями, заключающими в себе разные смысловые отношения и содержащими различные союзы: *در اینجور جاهای کوچک آدم آب بخورد همه می دانند Dar injur jāhā-ye kuček ādam āb bexorad hame midānand* 'В такого рода маленьких местечках стоит выпить кому-нибудь глоток воды (букв. человек выпьет воды) — все уже знают об этом' (Хедаят. Светотень). В этом предложении условные отношения совмещаются с временными, т.е. условные и временные отношения выступают недифференцированно. Тем не менее постановка глагола-сказуемого первой части предложения в форме аориста, порядок следования частей — все это свидетельствует о том, что подчиненное предложение является условным.

В следующем предложении условные отношения выражаются более четко: *با هر کس می خواستی دو کلمه حرف بزنی مثل خروس جنگی مهبای حمله و هجوم می گردید Bā har kas mixāsti do kalame harf bezani mesl-e xorus-e jangi mohayyā-ye hamle-vo hojum migardid* 'Захотелось тебе с кем-либо перебраться двумя словами — он, как боевой петух, готовился к нападению' (Джамаль-задэ. Горькое и сладкое). В этом бессоюзном сложном предложении придаточное является условным, что подтверждается смысловыми отношениями между составными частями и более широким контекстом, а также структурными особенностями предложения: поста-

² Придаточные предложения, раскрывающие значение указательных местоимений — соотносительных слов и следующие непосредственно за ними (придаточные подлежащные и дополнительные), всегда вводятся подчинительными союзами *که -ke* и *چه -če*: *آنچه بیشتر از همه چیز خیال مرا مشغول می کرد -ke چه -če: آن-če bištar az hame čiz xiyāl-e marā mašqul mikard vajāhat-e xod-am bud* 'То, что больше всего занимало мои мысли, была моя собственная красота' (Хеджази. Слеза); *چرا آنکه من می خواهم -ke چه -če: چرا آنکه من می خواهم -ke چه -če: Cerā ān-ke man mixāham nemišnavi?* 'Почему ты не слушаешь того, что я хочу?' (Хеджази. Слеза). В этих сложноподчиненных предложениях употреблены подчинительные союзы *که -ke* и *چه -če* после указательного местоимения *آن ān*, имеющего обобщенно-неодушевленное значение. В такого рода предложениях эти союзы взаимозаменяемы, но не могут быть опущены. Кроме того, вместо сочетания *آنچه ān-če* допустимо употребление *آنچه ān-če-ke*, т.е. прибавление к нему еще союза *که -ke*.

новкой глаголов-сказуемых в форме прошедшего длительного, порядком размещения частей.

Тесную связь с союзными предложениями сохраняют бессоюзные сложные предложения с придаточными причины: *نمی‌توانستیم جواب بدهیم، نمی‌توانستیم به طرف ساحل برگردیم: سوخت ما تمام شده بود* *Mā nemitavānestim javāb bedehim, nemitavānestim be taraf-e sāhel bargardim: suxt-e mā tamām šode bud* 'Мы не могли ответить, не могли возвратиться на берег: наше горячее кончилось' (Пейам-э новин 1339); *هیچ قوه‌ای در عالم او را نمی‌تواند مجبور به آمدن بکند، انسان آزاد است* *Hič qovve-i dar ālam u-rā nemitavānad majbur be āmadan bekonad ensān āzād-ast* '...Никакая сила в мире не может заставить его прийти: человек свободен' (Джамаль-задэ. Горькое и сладкое).

Структурное и смысловое сходство бессоюзных сложноподчиненных предложений второй разновидности с синонимичными им союзными предложениями подтверждается также тем, что у разных авторов одинаковые пословицы и поговорки иногда передаются по-разному: сложными предложениями с союзной и бессоюзной связью. Так, в уже упоминавшихся нами сборниках просторечной лексики, пословиц и поговорок персидского языка одна и та же пословица у Юсефа Рахмати дана в виде бессоюзного сложного предложения с придаточным условным: *لر نرود به: بازار می‌گندد* *Lor naravad be bāzār, bāzār migandad* 'Лур³ не пойдет на базар — базар зачахнет', а у Амирголи Амини — в виде союзного сложноподчиненного предложения с придаточным условным: *لر اگر بازار نرود بازار می‌گندد* *Lor agar bāzār naravad bāzār migandad* 'Если лур не пойдет на базар, базар зачахнет'. Хотя придаточные условные предложения в обоих примерах имеют разный порядок слов (в первом предложении обстоятельство места следует после сказуемого), но постановка глаголов-сказуемых придаточных предложений в форме аориста, а также наличие одинаковых главных предложений свидетельствует о том, что сложноподчиненные предложения выражают одинаковый смысл и различаются лишь отсутствием / наличием условного союза.

3. В связи с характеристикой бессоюзных сложноподчиненных предложений пришлось рассмотреть и ряд других типов предложений, внешне сходных с бессоюзными. Изучение грамматических и смысловых особенностей этих предложений показало неправомочность включения их в число бессоюзных сложноподчиненных предложений. Из рассмотренных предложений выделено две разновидности.

1) Предложения, включающие в свой состав глагол *دادن dādan*, употребленный не в обычном своем значении 'давать', а в значении просьбы, приказа, повеления: *روز هفتم دی تالار موزه را دادم قفل کردند* *Ruz-e haftom-e dey tālār-e muze-rā dādādam qofl kardand* 'Седьмого дея⁴ я велел, [чтобы] зал музея закрыли на замок' (Аляви. Ее глаза); *موی سرش را مثل مجسمه داد زدند و چین دادند* *Mu-ye sar-aš-rā mesl-e mojassame dād zadand va čin dādand* 'Она попросила, [чтобы] ее подстригли и завили подобно тому, как были подстрижены и завиты волосы манекена' (Хедаят. Светотень).

³ Лур — представитель этнически родственной бахтиарам народности, проживающей главным образом на западе Ирана.

⁴ Дей — название десятого месяца иранского солнечного года.

Приведенные предложения взяты из произведений двух разных писателей — Бозорга Аляви и Садека Хедаята. Если бы это были обычные сложные предложения с дополнительными придаточными, содержащими оттенок цели, глаголы-сказуемые таких предложений должны были бы стоять в форме аориста, а связь главного с придаточным предложением первой разновидности могла бы осуществляться либо при помощи союза *که* *-ke*, либо бессоюзно. Однако в этих предложениях и глагол *دادن* *dādan*, и следующие за ним глаголы стоят в простом прошедшем времени, в них не может быть употреблен союз. Таким образом, в отличие от бессоюзных дополнительных предложений, относимых нами к первой разновидности, эти предложения не имеют соответствия в союзных сложных предложениях.

Вообще же отнесение такого рода предложений к бессоюзным дополнительным придаточным нельзя признать достаточно обоснованным, ибо глагол *دادن* *dādan* в них фактически выполняет служебную функцию вспомогательного глагола, образуя с последующим смысловым глаголом аналитическую форму понудительного залога. Необходимо дальнейшее изучение функций глагола *دادن* *dādan* в современном персидском языке и особенностей употребления его личных форм в сочетании с другими глаголами в прошедшем времени. Это поможет окончательно выяснить природу подобных предложений⁵.

2) Предложения, рассматриваемые как бессоюзные сложные предложения с придаточными меры и степени. Выделение такого рода предложений среди бессоюзных сложноподчиненных предложений вызвано их двойственной природой. Предложное сочетание *از بس* *az bas*, которое заключает в себе не только значение высшей степени проявления чего-либо, но и значение причины, можно рассматривать как соотносительное слово со значением 'настолько', 'столько' и 'так', а раскрывающее его значение придаточное — как бессоюзное придаточное меры и степени, и в то же время как подчинительный союз причины со значениями 'поскольку', 'так как', 'оттого что', 'вследствие того'. На связь с предыдущим предложением указывает выражение союзом *از بس* *az bas* одновременно количественного значения 'очень', 'много': *بچه ها از بس نان خالی و ماست و پنیر، چغندر و خیار* *Baččehā az bas nān-e xālī va māst-o panir, čoqondar-o xiyār xorde-and šekamhā-yešān bād karde va rang bar roxsār-ešān namānde ast* 'Дети поели *столько* пустого хлеба, кислого молока, сыра, свеклы и огурцов, [что] животы их вспухли и лица побледнели' (Джамаль-задэ. Горькое и сладкое). Это же предложение можно представить в виде союзного предложения с придаточным причины: '*Оттого что* дети поели *много* пустого хлеба...'; *آز بس پهلوی مادر مریضم افتادم و آه و ناله شنیدم از عمر بیزار شدم* *Az bas pahlū-ye mādar-e mariz-am oftādam va āh-o nāle šenidam az omr bizār šodam* 'Я *так* намааялся около своей больной матери и *столько* слышал охов и вздохов, [что] жизнь мне опостылела' (Джамаль-задэ. Старое и новое). Это предложение можно представить в виде сложного предложения с придаточным причины: '*Оттого что* я *очень* намааялся...'; *آز بس گفت زبانش مو درآورد* *Az bas goft zabān-aš tu dar-āvard* 'Он *столько* говорил, [что] на языке у него выросли волосы' (Амини. Словарь). Это же

⁵ В морфологической части «Грамматики», где рассматривается глагольная категория залога, вопрос об аналитической форме понудительного залога не ставится из-за недостаточности материала.

предложение можно представить в виде сложноподчиненного с придаточным причины: ‘*Оттого что* он *много* говорил, на языке...’.

Значение союза причины в предложном сочетании *از بس az bas* проявляется значительно меньше. Это подтверждают и встречающиеся в разговорном языке сочетания типа *از بسکه az baske*, *بسکه baske*, *بسکی baski*, рассматриваемые нами как сложные образования — соотносительные слова, а не сложные союзы (ср. соответственно с модальными словами *کاشکه kāške*, *کاشکی kāški* ‘если бы’) ‘столько’, ‘настолько’, ‘так’: *بسکه گفتم زبانم مو درآورد Baske goftam zabān-am tu dar-āvard* ‘Я столько говорил, [что] на языке у меня выросли волосы’ (Шокур-задэ. Десять тысяч персидских пословиц); *بسکه خاموش نشستم سخن از یادم رفت Baske xāmuš nešastam soxan az yād-am raft* ‘Я столько сидел и молчал, [что] лишился речи’ (Шокур-задэ. Десять тысяч персидских пословиц); *بسکی وا ایستادم علف زیر پام سبز شد Baski vā-istādam alaf zir-e pā-m sabz šod* ‘Я столько стоял без движения, [что] у меня под ногами зазеленела трава’ (Шахри. Сахар и соль). Что касается соотносительных слов *از بس az bas*, *از بسکه az baske*, *بسکه baske*, *بسکی baski*, то, на наш взгляд, они являются разными формами одного образования — *از بس az bas* (наиболее употребительная форма), имеющими одинаковые значения.

Особенность бессоюзных предложений этого типа состоит в том, что они не находят соответствия в союзных сложноподчиненных предложениях аналогичной разновидности.

3. Сложные бессоюзные предложения, не имеющие соответствия в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях с союзной связью

Рассмотренные выше бессоюзные сложные предложения с соотносительным словом *از بس az bas* не находят соответствия ни в сложносочиненных, ни в сложноподчиненных предложениях с союзной связью. Поэтому в такого рода бессоюзных сложных предложениях не могут быть употреблены ни подчинительные, ни сочинительные союзы.

Имеются и другие типы бессоюзных сложных предложений, не находящих соответствия в союзных сложных предложениях. Постановка союза, хотя она и возможна в отдельных случаях, изменила бы смысловые отношения между частями сложного предложения. Смысловые отношения между частями таких предложений имеют, как правило, пояснительно-присоединительный характер. Во второй части содержатся уточнение, конкретизация, дополнительные сведения или пояснения, развивающие основное высказывание первой части: *موهائش چند روز بود که گویی رنگ شانه ندیده بود از اطراف درهم و برهم دسته به دسته به روی پیشانی و صورتش افتاده و دهانش Muhā-yaš čand ruz bud-ke guyi rang-e šāne nadide bud az atrāf darhamobarham daste be daste be ru-ye pišāni va surat-aš ofiāde va dahān-aš yekbāre kaj mānde bud* ‘Вот уже несколько дней его волосы были как будто непричесан-

ными: они растрепались и космами свисали на лоб и лицо, а рот совсем искривился’ (Джамаль-задэ. Старое и новое); صورت ماه را از پنجره دیدم و ایستادم، گویی مادرم در Surat-e māh-rā az panjare دیدam va istādam, guyi mādar-am dar āsmān negarān-e man ast ‘В окно я увидел луну и остановился: как будто моя мать с неба смотрела на меня’ (Хеджази. Слеза).

Среди бессоюзных предложений этого вида часто встречаются сложные конструкции, состоящие из нескольких предложений. Такие конструкции разбиваются на две части: первая часть содержит какое-либо высказывание обобщающего характера или просто обозначает восприятие, умственную деятельность, а вторая часть поясняет, уточняет значение первой и состоит из нескольких предложений: بلند شد نگاهي به بیرون انداخت: چراغ ساحل از دور سو می زد، در دالان اطاقهای کشتی دسته دسته Boland šod negāh-i be birun andāxt: ċerāq-e sāhel az dur su mizad, dar dālān-e otāqhā-ye kašti daste daste hammālhā-ye arab mašqul-e āmadošod budand ‘Он встал и выглянул наружу: издали на берегу светил фонарь, в коридоре между каютами группами суетились носильщики-арабы’ (Хедаят. Бродячий пес); از شدت وحشت از خواب پرید، عرق سرد به تمام تنش نشست بود، سرش Az šeddat-e vahšat az xāb parid, araq-e sard be tamām-e tan-aš nešaste bud, sar-aš tir mikešid, dahān-aš talxmaze bud ‘От ужаса он внезапно проснулся: холодный пот покрыл все его тело, голову ломило, во рту было горько’ (Хедаят. Бродячий пес).

Персидские бессоюзные сложные предложения отличаются от союзных не только по формальному признаку — отсутствию союза, но и по охвату смысловых отношений: 1) не все отношения, выражаемые союзной связью, находят отражение в бессоюзных предложениях; 2) смысловые отношения, передаваемые некоторыми бессоюзными предложениями, не имеют соответствий в союзных предложениях. Тем не менее круг смысловых отношений, выражаемых союзными предложениями, представлен шире и определеннее.

Бессоюзные предложения обладают значительно более ограниченным числом структурно-грамматических моделей по сравнению с союзными. Из выделенных выше основных видов бессоюзных предложений первые два сохраняют тесную грамматическую и семантическую связь с соответствующими им союзными сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями, третий вид занимает особое место в системе сложного предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Светское и религиозное руководство Исламской Республики Иран, в том числе первые лица государства, уделяют большое внимание совершенствованию персидского языка. Это находит выражение в создании научных и научно-практических учреждений, которые должны следить за развитием лексического состава языка и совершенствованием его грамматического строя, способствовать распространению персидского языка за рубежом. В периодической печати, в средствах массовой информации — по радио и телевидению обсуждаются вопросы становления лексической и грамматической норм, пути обогащения и упорядочения лексического состава языка, вопросы выработки орфографических и орфоэпических норм.

В связи с возросшим вниманием к изучению персидского языка перед исследователями и преподавателями встают вопросы о необходимости совершенствования отдельных правил грамматического употребления слов, установления кодифицированных норм в области грамматики, фонетики и фонологии, орфографии, повышения научного уровня выпускаемых грамматик, словарей и учебников.

Работа по написанию «Грамматики» показала, что попытки объяснить отдельные неустоявшиеся явления языка, опираясь только на правила, не всегда приводят к успеху, не во всех случаях удастся установить особенности функционирования некоторых служебных и знаменательных слов в составе словосочетаний и предложений. Например, нуждаются в дополнительном исследовании проблема согласования главных членов персидского предложения в числе, употребление выделительного артикля и послелого *l*, *-rā*, случаи обязательного и факультативного функционирования этих грамматических показателей. Скорейшее решение этих и других проблем, несомненно, будет способствовать улучшению преподавания персидского языка не только иностранным студентам, но и учащимся школ и других средних и высших учебных заведений Ирана.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БФП	—	безличные фразеологизмы-предложения
др.-перс.	—	древнеперсидский
ИЧ	—	именная часть
КГ	—	компилирующий глагол
МГФ	—	многочленный глагольный фразеологизм
ОНВ	—	основа настоящего времени
ОПВ	—	основа прошедшего времени
ППВ	—	причастие прошедшего времени
преф. гл.	—	префиксальный глагол
рел.	—	религия
РК	—	рамочная конструкция
СГ	—	сложный глагол
ср.-перс.	—	среднеперсидский
тюрк.	—	тюркские языки
ФЕ	—	фразеологическая единица
ФЛМЧ	—	форма ломаного множественного числа
ФП	—	фразеологизм-предложение

НАЗВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- جلال آل احمد. «مدیر مدرسه». تهران، ۱۳۳۷ — Але Ахмад. Директор школы —
- بزرگ علوی. «چشمه‌ایش». تهران، ۱۳۳۱ — Аляви. Ее глаза —
- بزرگ علوی. «اجاره خانه». تهران، ۱۳۳۳ — Аляви. Квартиросъемщики —
- بزرگ علوی. «نامه ها و داستانهای دیگر». تهران، — Аляви. Письма и другие рассказы — ۱۳۳۰
- بزرگ علوی. گیله‌مرد. از همان کتاب — Аляви. Крестьянин-гиляк —
- بزرگ علوی. نامه ها. از همان کتاب — Аляви. Письма —
- بزرگ علوی. خائن. از همان کتاب — Аляви. Предатель —
- بزرگ علوی. «پنجاه و سه نفر». چاپ دوم. تهران، ۱۳۲۳ — Аляви. Пятьдесят три человека —
- بزرگ علوی. «ورق پاره های زندان». تهران، ۱۳۳۲ — Аляви. Тюремные записки —
- بزرگ علوی. ستاره دنباله دار. از همان کتاب — Аляви. Комета —
- بزرگ علوی. ورق پاره های زندان. از همان کتاب — Аляви. Тюремные записки —
- امیر قلی امینی. فرهنگ عوام با تفسیر امثال و اصطلاحات زبان — [б. г.] Амини. Словарь [ب. г.] —
پارسی. [تهران]
- علی احمد افغانی. «شوهر آهوخانم». تهران، ۱۳۴۰ — Афгани. Муж Аху-ханом —
- محمد رضا باطنی. فارسی، زبان عقیم؟ — از مجموعه مقالات «بیرامون زبان» — 1371 Батени
و زبان‌شناسی». تهران، ۱۳۷۱
- محمد تقی بهار. سبک شناسی یا تاریخ تطور نشر فارسی. جلد ۱-۳. — Бахар. Стилистика —
چاپ دوم. تهران، ۱۳۳۷
- ملك الشعرا بهار، بدیع الزمان فروزانفر، عبد العظیم — [б. м., б. г.] Бахар، Форузанфар и др.
جلال همایی، رشید یاسمی. دستور زبان فارسی برای سال اول و دوم دبیرستانها.
قسمت دوم برای سال سوم و چهارم دبیرستانها
- م.ا. به آذین. «نقش پرند». تهران، ۱۳۳۴ — Бехазин. Узоры на шелке —
- قوم. دستور زبان فارسی. برای کلاس پنجم و ششم دبستانها. تهران، ۱۳۲۶ — 1326 Гавим
- علی دشتی. «سایه». چاپ سوم. تهران، ۱۳۳۵ — Дашти. Тень —
- سید محمد علی جمال زاده. «یکی بود یکی نبود». تهران، — Джамаль-задэ. Были и небылицы —
۱۳۲۰
- سید محمد علی جمال زاده. رجل سیاسی. از همان کتاب — Джамаль-задэ. Политический деятель —
- سید محمد علی جمال زاده. فارسی شکر است. از همان — Джамаль-задэ. Сладкозвучный фарси —
کتاب
- سید محمد علی جمال زاده. «تلخ و شیرین». [تهران]، — Джамаль-задэ. Горькое и сладкое —
۱۳۳۴

- Джамаль-задэ. Вождь — سيد محمد علی جمال زاده. پیشوا. از همان کتاب
- Джамаль-задэ. Истина и заблуждение — سيد محمد علی جمال زاده. حق و ناحق. از همان کتاب
- Джамаль-задэ. Сватовство — سيد محمد علی جمال زاده. خواستگاری. از همان کتاب
- Джамаль-задэ. Тлеющие угли — سيد محمد علی جمال زاده. آتش زیر خاکستر. از همان کتاب
- Джамаль-задэ. Старое и новое — ۱۳۳۷ [تهران]. «کهنه و نو».
- Джомхури-йе Эслами — روزنامه «جمهوری اسلامی». بعضی از شماره ها
- Кар 1334 — ۱۳۳۴ فریدون کار. غلط نویسیم. تهران،
- Кейхан — ۱۳۷۸-۱۳۵۸ روزنامه «کيهان». بعضی از شماره های سالهای
- Кейхан для детей — مجله «کيهان بچه ها». بعضی از شماره ها
- Кешаварз. В определенное время — کریم کشاورز. فی مدة المعلومه. از کتاب «نمونه های نشر
- کنونی ادبیات ایران». مسکو، ۱۹۴۹
- Кярими. Амдали мذهب. از کتاب «نمونه های نشر کنونی ادبیات
- ایران». موسکو، ۱۹۴۹
- Кясрави 1322 — احمد کسروی. زبان پاک. تهران، ۱۳۲۲ —
- Моин 1337 — محمد معین. مفرد و جمع و معرفه و نکره. تهران، ۱۳۳۷ —
- Мокри. Предисловие — محمد مکری. مقدمه. فرهنگ فارسی. جلد ۱. تهران، ۱۳۳۳ —
- Намэ-йе Фархангестан 1322 — ۱۳۲۲ مجله «نامه فرهنگستان»، سال اول. تهران،
- Нафиси. Предисловие — سعید نفیسی. مقدمه. شاهکارهای نشر فارسی معاصر. جلد ۱-۲. تهران، ۱۳۳۲-۱۳۳۰
- Нодушан 1375 — محمد علی اسلامی ندوشن. مفرد و جمع. از کتاب «درباره زبان فارسی». تهران،
- ۱۳۷۵
- Нураи. Под голубым небосводом — محمد شهید نورایی. «زیر گنبد کبود». مشهد، ۱۳۲۵ —
- Нушин. Мирза Мохсен — عبد الحسين نوشین. میرزا محسن. از کتاب «نمونه های نشر کنونی
- ادبیات ایران». مسکو، ۱۹۴۹
- Нушин. Разбитый стакан — عبد الحسين نوشین. استکان شکسته. از کتاب «نمونه های نشر کنونی
- ادبیات ایران». مسکو، ۱۹۴۹
- Нушин. Хан и другие — عبد الحسين نوشین. خان و دیگران. از کتاب «نمونه های نشر کنونی
- ادبیات ایران». مسکو، ۱۹۴۹
- Оховват. Красное яблоко — مهدی اخوت. سیب سرخ. از مجله «پیام نو»، ۱۳۲۷، شماره ۵ —
- Пейам-э новин — مجله «پیام نوین»، دوره دوم و سوم —
- Рахмати. Словарь — یوسف رحمتی. فرهنگ عامیانه، امثال، لغات، مصطلحات. تهران، ۱۳۳۰ —
- Рахнэма-йе кетаб — مجله «راهنمای کتاب». سال سیزدهم. تهران، ۱۳۴۹ —
- Сийасатнамэ — سياتنامэ — цит. по: Арендс 1941 (см.: Литература)
- Сохан — مجله «سخن». دوره دهم و یازدهم. بعضی از شماره ها —
- Сэпид-о сийах — مجله «سپید و سیاه»، بعضی از شماره ها —
- Тафаззоли. Поездка в Москву — محمود تفضلی. «سفری به مسکو». تهران، ۱۳۳۲ —

- Фирдоусинамэ-йе Бахар — ۱۳۴۵، تهران، بهار. فردوسی نامه بهار.
- Хайямпур 1334 — ۱۳۳۴، تبریز، چاپ دوم. دستور زبان فارسی. چاپ دوم. تبریز، ۱۳۳۴ — ۱۳۳۴
- Ханданиха — «خواندنیها». سالهای سی و چهار، سی و پنج
- Хедаят. Распутство — ۱۹۴۴، تهران، «ولنگاری».
- Хедаят. Живая вода — ۱۳۲۴، تهران، «آب زندگی».
- Хедаят. Заживо погребенный — ۱۳۰۹، تهران، «زننده به گور».
- Хедаят. Абджи-ханом — از همان کتاب
- Хедаяت. Заживо погребенный — از همان کتاب
- Хедаят. Три капли крови — ۱۳۱۱، تهران، «سه قطره خون».
- Хедаяت. Водоворот — از همان کتاب
- Хедаят. Даш Аколь — از همان کتاب
- Хедаят. Исповедь — از همان کتاب
- Хедаят. Лале — از همان کتاب
- Хедаят. Три капли крови — از همان کتاب
- Хедаят. Светотень — ۱۳۳۴، تهران، «سایه روش».
- Хедаяت. Женщина, потерявшая мужа — از همان کتاب
- Хедаяت. Манекен в витрине — از همان کتاب
- Хедаят. Бродячий пес — ۱۳۳۵، تهران، «سگ ولگرد».
- Хедаяت. Бродячий пес — از همان کتاب
- Хедаят. Катя — از همان کتاب
- Хедаят. Патриот — از همان کتاب
- Хедаят. Трон Абунасра — از همان کتاب
- Хедаяت. Тупик — از همان کتاب
- Хеджази. Наша родина — ۱۳۳۸، تهران، «میهن ما».
- Хеджази. Слеза — ۱۳۳۲، تهران، چاپ اول. «سرشک».
- Хомаюнфаррох [б.г.] — دستور جامع زبان فارسی. هفت جلد در يك — مجلد. چاپ دوم. تهران.
- Шариат 1348 — ۱۳۴۸، اصفهان، جمله سازی. جمله و جمله سازی.
- Шариат 1364 — ۱۳۶۴ [б. м.]، چاپ اول. دستور زبان فارسی. چاپ اول.
- Шахри. Сахар и соль — ضرب المثلهای تهرانی به زبان محاوره. تهران، ۱۳۷۰
- Шокур-зад. Десять тысяч персидских пословиц — «ده هزار مثل فارسی و بیست و پنج هزار معادل آنها». مشهد، ۱۳۷۲
- Эттэлаат — ۱۳۷۸-۱۳۵۸، بعضی از شماره های سالهای
- Эттэлаат-э хафтэги — ۱۳۷۴-۱۳۶۹، بعضی از شماره های سالهای
- Языкознание — ۱۳۷۹-۱۳۷۰، بعضی از شماره های سالهای

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

- Алиев 1985 — *Алиев С.А.* Полуаффиксация в системе словообразования современного персидского языка. Автореф. канд. дис. М., 1985.
- Алпатов 1986 — *Алпатов В.М.* О разных подходах к выделению частей речи. — Вопросы языкознания. 1986, № 5.
- Арендс 1941 — *Арендс А.К.* Краткий синтаксис современного персидского литературного языка. М.–Л., 1941.
- Арзуманян 1965 — *Арзуманян О.А.* Вопросительное предложение в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1965.
- Арсланбеков 1980 — *Арсланбеков А.И.* Категория залога в современном персидском языке и языке дари Афганистана (опыт сопоставительного анализа грамматической категории в двух близкородственных языках). Автореф. канд. дис. М., 1980.
- Баранов 1976 — *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. 5-е изд., переработанное и дополненное. М., 1976.
- Белицын 1969 — *Белицын А.П.* Безличные предложения в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Белицын 1976 — *Белицын А.П.* О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке. — Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.
- Бернштейн 1962 — *Бернштейн С.И.* Основные понятия фонологии. — Вопросы языкознания. 1962, № 5.
- Бертельс 1926 — *Бертельс Е.Э.* Грамматика персидского языка. Л., 1926.
- Боголюбов 1983 — *Боголюбов М.Н.* Строфа из таджикской песни VII в. — Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1983, № 4.
- Богородицкий 1935 — *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.–Л., 1935.
- Вахидов 1990 — *Вахидов А.А.* Причастия в современном персидском языке (функционально-грамматический анализ). Автореф. канд. дис. М., 1990.
- Веретенников 1993 — *Веретенников А.А.* Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М., 1993.
- Веретенников 1994 — *Веретенников А.А.* Об одной грамматической инновации в современном персидском языке (некодифицированная функция послелога *-pa*). — Вопросы языкознания. 1994, № 3.
- Веретенников 1995 — *Веретенников А.А.* О фразеологизированных синтаксических конструкциях в персидском языке. — Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1995, № 1.
- Виноградов 1950 — *Виноградов В.В.* Идеалистические основы синтаксической системы проф. А.М.Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия. — Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

- Виноградов 1972 — *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
- Виноградов 1975 — *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. — *Избранные труды. Исследования по русской грамматике.* М., 1975.
- Восканян 1955 — *Восканян Г.А.* Инфинитив в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1955.
- Восканян, Рубинчик 1951 — *Восканян Г.А., Рубинчик Ю.А.* Вводный курс современного персидского языка. М., 1951.
- Галунов 1922 — *Галунов Р.А.* Краткая грамматика персидского языка. М., 1922.
- Гаприндашвили, Гиунашвили 1964 — *Гаприндашвили Ш.Г., Гиунашвили Дж.Ш.* Фонетика персидского языка. Тбилиси, 1964.
- Гасанли 1977 — *Гасанли Г.Ю.* Счетные слова в современном персидском языке (состав и особенности функционирования). Автореф. канд. дис. М., 1977.
- Гаффаров 1974 — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. 1–2. М., 1974.
- Гвоздев 1958 — *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 2. М., 1958.
- Гиунашвили 1966 — *Гиунашвили Дж.Ш.* Фонологическая структура литературного персидского языка. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1966.
- Грамматика 1954 — *Грамматика русского языка.* Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954.
- Грамматика 1970 — *Грамматика современного русского литературного языка.* Под ред. Н.Ю.Шведовой. М., 1970.
- Джавов 1988 — *Джавов А.Г.* Структурные типы глагола современного языка дари (в сопоставлении с современным персидским языком). Автореф. канд. дис. М., 1988.
- Джафар 1901 — *Джафар М.* Грамматика персидского языка. 2-е изд. (с участием академика Ф.Е.Корша). М., 1901.
- Жирков 1927 — *Жирков Л.И.* Персидский язык. Элементарная грамматика. М., 1927.
- Завьялова 1960 — *Завьялова В.И.* К фонетической структуре синтагмы в персидском языке. — *Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы.* 1960, № 14, вып. 3.
- Завьялова 1961 — *Завьялова В.И.* К характеристике персидских согласных. — *Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Филология и история стран Востока.* 1961, № 294, вып. 12.
- Завьялова 1962 — *Завьялова В.И.* Интонация обращения в персидском языке. — *Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук.* 1962, № 306, вып. 16.
- Залеман, Жуковский 1890 — *Залеман К.Г., Жуковский В.А.* Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии. СПб., 1890.
- Иванов 1976 — *Иванов В.Б.* Акустические характеристики словесного ударения в персидском языке (опыт экспериментального исследования). Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Иванов 1996 — *Иванов В.Б.* Вокализм и просодика в персидском языке и дари. Автореф. докт. дис. М., 1996.
- Каратаева 1941 — *Каратаева Э.И.* К вопросу о бессоюзном подчинении. — *Русский язык в школе.* 1941, № 3.
- Киселева 1985 — *Киселева Л.Н.* Язык дари Афганистана. М., 1985.
- Киселева, Миколайчик 1986 — *Киселева Л.Н., Миколайчик В.И.* Дари-русский словарь. Под руков. Л.Н.Киселевой. 2-е изд. М., 1986.
- Майтинская 1969 — *Майтинская К.Е.* Местоимение в языках разных систем. М., 1969.
- Мамедова 1972 — *Мамедова А.Б.* Фонетическая природа и место словесного ударения в современном персидском языке (в свете экспериментальных данных). Автореф. канд. дис. Баку, 1972.

- Махмудов 1982 — *Махмудов Г.Ш.* Проблема структурных типов и членов простого предложения современного персидского языка. Автореф. докт. дис. М., 1982.
- Месамед 1984 — *Месамед В.И.* Калькирование как один из способов пополнения словарного состава современного персидского языка. Автореф. канд. дис. М., 1984.
- Миколайчик 1980 — *Миколайчик В.И.* Основы теоретической грамматики персидского языка. Курс лекций. М., 1980.
- Миллер 1950 — *Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. М., 1950. 2-е изд. М., 1953.
- Овчинникова 1951 — *Овчинникова И.К.* Синтаксическое использование персидского послелого «ра» в его истории (к вопросу выражения падежных отношений в новоперсидском языке). Автореф. канд. дис. М., 1951.
- Овчинникова 1956 — *Овчинникова И.К.* Функции послелого «ра» в современном литературном персидском языке. — Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М., 1956.
- Овчинникова 1961 — *Овчинникова И.К.* К вопросу о классификации именных частей речи в персидском языке. — Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. XXX. М., 1961.
- Овчинникова 1964 — *Овчинникова И.К.* Об употребительности неправильных форм множественного числа в современном литературном персидском языке (опыт статистического анализа). — Индийская и иранская филология. М., 1964.
- ОИЯ 1981–1982 — Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
- Островский 1969 — *Островский Б.Я.* Вопросы морфологической системы разговорного языка кабули (чередования и дистрибуция алломорф). Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Островский 1977 — *Островский Б.Я.* Чередование алломорф в персидском языке. — Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1977, № 2.
- Пейсиков 1958 — *Пейсиков Л.С.* К типологии служебных глаголов в персидском языке. — Ученые записки кафедры иностранных языков [ИМО]. Вып. 1. Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
- Пейсиков 1959 — *Пейсиков Л.С.* Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
- Пейсиков 1960 — *Пейсиков Л.С.* Тегеранский диалект. М., 1960.
- Пейсиков 1973 — *Пейсиков Л.С.* Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.
- Пешковский 1938 — *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Пирейко 1975 — *Пирейко Л.А.* Категория залога. — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. В 2-х томах. Отв. ред. В.С.Расторгуева. Т. 2. М., 1975.
- Поляков 1972 — *Поляков К.И.* Некоторые фонетические процессы и явления на стыках морфем в современном литературном персидском языке (экспериментально-теоретическое исследование). Автореф. канд. дис. М., 1972.
- Поляков 1977 — *Поляков К.И.* Теоретическая фонетика современного литературного персидского языка. Курс лекций. М., 1977.
- Поляков 1988 — *Поляков К.И.* Персидская фонетика. Опыт системного исследования. М., 1988.
- Поспелов 1950а — *Поспелов Н.С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

- Поспелов 19506 — *Поспелов Н.С.* О грамматической природе сложного предложения. — Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Потапов 1986 — *Потапов Ю.Б.* Словообразовательная транспозиция в персидском языке в сопоставлении с русским. Автореф. канд. дис. М., 1986.
- ПРС 1985 — Персидско-русский словарь в 2-х томах. Под ред. Ю.А.Рубинчика. 3-е изд., стереотипное. М., 1985.
- Расторгуева 1950 — *Расторгуева В.С.* Краткий очерк грамматики персидского языка. — *Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. М., 1950.
- Расторгуева 1952 — *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2. М., 1952.
- Расторгуева 1953 — *Расторгуева В.С.* Краткий очерк грамматики персидского языка. — *Миллер Б.В.* Персидско-русский словарь. 2-е изд. М., 1953.
- Расторгуева 1966 — *Расторгуева В.С.* Среднеперсидский язык. М., 1966.
- Расторгуева 1990 — *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990.
- Расторгуева, Керимова 1964 — *Расторгуева В.С., Керимова А.А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
- Расторгуева, Молчанова 1981 — *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Среднеперсидский язык. — Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Рауфова 1969 — *Рауфова А.У.* Категория наречий в современном арабском языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Рубинчик 1959 — *Рубинчик Ю.А.* Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., 1959.
- Рубинчик 1960 — *Рубинчик Ю.А.* Современный персидский язык. М., 1960.
- Рубинчик 1963 — *Рубинчик Ю.А.* Образование устойчивых словосочетаний в современном персидском языке на основе сложных предложений с придаточными определительными. — Иранский сборник. К 75-летию проф. И.И.Зарубина. М., 1963.
- Рубинчик 1964 — *Рубинчик Ю.А.* Основные виды бессоюзных сложных предложений в персидском языке. — Индийская и иранская филология. М., 1964.
- Рубинчик 1965 — *Рубинчик Ю.А.* О характере фонетических изменений арабских заимствований в персидском языке. — Семитские языки. Вып. II, ч. 2. М., 1965.
- Рубинчик 1969 — *Рубинчик Ю.А.* Современное состояние персидской орфографии. — Народы Азии и Африки. 1969, № 2.
- Рубинчик 1970 — Персидско-русский словарь в 2-х томах. Под ред. Ю.А.Рубинчика. М., 1970.
- Рубинчик 1981 — *Рубинчик Ю.А.* Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
- Рубинчик 1985 — *Рубинчик Ю.А.* Грамматический очерк персидского языка. — Персидско-русский словарь в 2-х томах. Под ред. Ю.А.Рубинчика. 3-е изд., стереотипное. Т. 2. М., 1985.
- Рубинчик 1987 — *Рубинчик Ю.А.* О соотношении персидского литературного и обиходно-разговорного языка. — Иранское языкознание. Ежегодник 1982. М., 1987.
- Рубинчик 1997 — *Рубинчик Ю.А.* Участие арабских заимствований в персидском словообразовании. — Исследования по иранской филологии. М., 1997.
- Рубинчик 1999 — *Рубинчик Ю.А.* Структурные типы арабских заимствований в персидском языке. — Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященных 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Солнцева. М., 1999.

- Соколова, Неменова и др. 1952 — *Соколова В.С., Неменова Р.Л., Богорад Ю.И., Лившиц В.А., Фархадян А.И.* Новые сведения по фонетике иранских языков. — Труды Института языкознания АН СССР. Т. 1. М., 1952.
- Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Трубецкой 1967 — *Трубецкой Н.С.* Некоторые соображения относительно морфонологии. — Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967.
- Узина 1976 — *Узина М.С.* Социально-стилистическая дифференциация современного персидского языка (на материале формул вежливости). Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Фархади 1974 — *Фархади Р.* Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974.
- Хрисанов 1969 — *Хрисанов Н.В.* Категория наречия в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Чавчавадзе 1986 — *Чавчавадзе Т.А.* Именное словосложение и проблема сложного слова. Автореф. докт. дис. М., 1986.
- Шарова 1964 — *Шарова Е.Н.* Использование форм изъявительного и сослагательного наклонений в тождественных синтаксических условиях. — Индийская и иранская филология. М., 1964.
- Шафаи 1967 — *Шафаи А.М.* Сложноподчиненные предложения в современном персидском языке. Автореф. докт. дис. М., 1967.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. М.—Л., 1941.
- Щерба 1957 — *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. М., 1957.
- Эдельман 1990 — *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Юшманов 1985 — *Юшманов Н.В.* Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М., 1985.

На западноевропейских языках

- GiPh — Grundriss der iranischen Philologie. Hrsg. von W.Geiger und E.Kuhn. Bd. 1, Abt. 1, 1895–1901. Abt. 2, 1898–1901. Bd. 2, 1896–1904. Strassburg.
- Hincha 1961 — *Hincha G.* Beiträge zu einer Morphemlehre des Neupersischen. — Der Islam. 37, 1961.
- Horn 1901 — *Horn P.* Neupersische Schriftsprache. — GiPh. Bd. 1, Abt. 2. Strassburg, 1901.
- Jensen 1931 — *Jensen H.* Neupersische Grammatik. Heidelberg, 1931.
- Lambton 1953 — *Lambton A.* Persian Grammar. Cambridge, 1953.
- Lazard 1957 — *Lazard G.* Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.
- Lazard 1963 — *Lazard G.* La langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris, 1963.
- Lazard 1966 — *Lazard G.* L'enclitique nominal *-i* en persan. — Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 61. Paris, 1966.
- Nyberg 1931 — *Nyberg H.S.* Hilfsbuch des Pehlevi. Bd. 2. Glossar. Uppsala, 1931.
- Phillot 1919 — *Phillot D.C.* Higher Persian Grammar. Calcutta, 1919.
- Platts, Ranking 1911 — *Platts J.T. and Ranking G.S.A.* A Grammar of the Persian Language. Pt I–II. Oxford, 1911. |

- Salemann 1901 — *Salemann C. Mittelpersisch.* — GiPh. Bd. 1, Abt. 1. Strassburg, 1901.
 Shaky 1967 — *Shaky Mansour. Principles of Persian Bound Phraseology.* Prague, 1967.
 Telegdi 1955 — *Telegdi Zs. Beiträge zur historischen Grammatik des Neupersischen. 1. Über die Partikelkomposition im Neupersischen.* — Acta linguistica. 1955, t. V, fasc. 1–2. Budapest.

На персидском языке с использованием арабской графики

- امير قلی امینی. فرهنگ عوام با تفسیر امثال و اصطلاحات زبان — [б.г.] — پارسی. [تهران]
- محمد رضا باطنی. فارسی، زبان عقیم؟ — از مجموعه مقالات «پیرامون زبان — 1371 باتنی و زبانشناسی». تهران، ۱۳۷۱
- محمد تقی بهار. سبک شناسی یا تاریخ تطور نثر فارسی. جلد ۱-۳. چاپ دوم. — 1337 باхар تهران، ۱۳۳۷
- ملك الشعرا بهار، بدیع الزمان فروزانفر، عبدالعظیم — [б.г., б.м.] — باхар، فوروزانفار و др. دستور زبان فارسی برای سال اول و دوم دبیرستانها. قسمت قریب، جلال همایی، رشید یاسمی. دوم برای سال سوم و چهارم دبیرستانها
- تقی وحیدیان کامیار. بررسی صفت مفعولی و اهمیت آن در — 1371 Вахидьян-Камьяр زبان فارسی. — مجله «زبانشناسی». سال نهم، شماره دوم (پیاپی ۱۸)، پاییز و زمستان ۱۳۷۱
- قوم. دستور زبان فارسی. برای کلاس پنجم و ششم دبستانها. تهران، ۱۳۲۶ — 1326 Гавим
- علی اکبر دهخدا. مقدمه. — «لغت نامه». شماره مسلسل: ۴۰. تهران، ۱۳۳۷ — 1337 Деххода
- فریدون کار. غلط نویسیم. تهران، ۱۳۳۴ — 1334 Кар
- احمد کسروی. زبان پاک. تهران، ۱۳۲۲ — 1322 Кясрави
- محمد معین. مفرد و جمع و معرفه و نکره. تهران، ۱۳۳۷ — 1337 Моин
- محمد معین. فرهنگ فارسی (متوسط) شامل یک مقدمه و سه بخش: — 1352-1342 Моин لغات، ترکیبات خارجی و اعلام. جلد ۱ - ۶. تهران، ۱۳۴۲ — ۱۳۵۲
- مجله «نامه فرهنگستان». بعضی از شمارهها — Намэ-йе Фархангестан
- مجله «نشر دانش». بعضی از شمارهها — Нашр-э данэш
- یوسف رحمتی. فرهنگ عامیانه، امثال، لغات، مصطلحات. تهران، ۱۳۳۰ — Рахмати.
- اسماعیل سعادت. زبان فارسی. ممیز ذیروح از غیر ذیروح. — «نشر دانش». — 1373 Саадат سال چهارم، شماره پنجم، مرداد و شهریور ۱۳۷۳
- علی اشرف صادقی. علامتهای جمع در فارسی معاصر. — «سخن». شماره — 1348 Садеги ۱۳۴۸، ۸

- «سخن» در باره تغییر خط فارسی. دوره یازدهم، شماره ۱، ۱۳۳۹ - ۱۳۳۹ - ۱۳۳۹
 خیامپور ع. دستور زبان فارسی چاپ دوم. تبریز ۱۳۳۴ —
 خایمپور ع. پرویز ناتل خانلری. وزن شعر. تهران، ۱۳۳۷ - ۱۳۳۷
 خانلری پرویز ناتل خانلری. زیانشناسی و زبان فارسی. تهران، ۱۳۴۳ - ۱۳۴۳
 خانلری پرویز ناتل خانلری. تاریخ زبان فارسی. بخشی از جلد دوم. ساختمان فعل. - ۱۳۴۹
 تهران، ۱۳۴۹
 خانلری پرویز ناتل خانلری. دستور زبان فارسی. تهران، ۱۳۵۱ - ۱۳۵۱
 خانلری پرویز ناتل خانلری. مقدمه. - فرهنگ تاریخی زبان فارسی. بخش اول: آ - ب. - ۱۳۵۷
 تهران، ۱۳۵۷
 عبد الرحیم همایونفرخ. دستور جامع زبان فارسی. هفت جلد در یک مجلد. [6. r.]
 چاپ دوم. تهران.
 محمد جواد شریعت. جمله و جمله سازی. اصفهان، ۱۳۴۸ — ۱۳۴۸
 شریعت محمد جواد شریعت. دستور زبان فارسی. چاپ اول. [6. m.] ۱۳۶۴ — ۱۳۶۴
 محمود شفیعی. تغییر خط نه ضروری است و نه شایسته. - مجموعه مقالات - ۱۳۵۳
 «سخنرانی و بحث در باره زبان فارسی». سخنرانیهای سومین دوره جلسات. تهران، ۱۳۵۳

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	9
1. Становление персидского языка как национального языка страны	10
2. Основные этапы изучения грамматического строя персидского языка в Иране и за рубежом	13
 Часть первая. Фонетическая и морфологическая структура персидского слова	
17	
Глава первая. Фонетика и фонология	17
1. Состояние изученности фонетики персидского языка	17
2. Состав и характеристика вокализма	19
3. Состав и характеристика консонантизма	22
4. Фонетические процессы и явления в потоке речи	30
5. Фонологический подход к характеристике персидских звуков	32
6. Слог и слоговоеделение	35
7. Словесное ударение	40
8. Соотношение словесного и морфемного ударений	45
9. Синтагматическое, фразовое и логическое ударение	48
Глава вторая. Интонация некоторых видов простого предложения	51
1. Интонация простого повествовательного предложения	52
2. Интонация простого вопросительного предложения	53
2.1. Интонация вопросительного предложения без лексических средств	53
2.2. Интонация вопросительного предложения с вопросительным словом ...	54
2.3. Интонация вопросительного предложения с вопросительной частью	54
2.4. Интонация альтернативного вопросительного предложения	55
3. Интонация побудительного предложения	55
4. Интонация восклицательного предложения	59
Глава третья. Некоторые вопросы письменности и орфографии	61
1. Арабско-персидский алфавит и вопросы орфографии	62
2. Явления ненормализованности персидской письменности	66
3. Особенности произношения буквы <i>ع</i> <i>еун</i> и орфографического знака * «хамза» в персидском языке	69

Глава четвертая. Морфологическая структура персидского слова	74
Глава пятая. Проблемы персидской морфонологии	84
1. Эпентеза как средство изменения морфологической структуры слова	86
2. Роль словесного ударения в изменении морфологической структуры слова	94
Часть вторая.	
Морфология	
Глава первая. Проблемы выделения именных частей речи в персидском языке	98
Глава вторая. Имя существительное	102
I. Общая характеристика. Семантика существительных	102
II. Лексико-грамматические классы имен существительных	103
III. Грамматические категории имен существительных	105
1. Категория числа	107
1.1. Суффиксы множественного числа иранского происхождения	109
1.2. Формы множественного числа арабского происхождения	111
1.3. Формы арабского ломаного множественного числа (ФЛМЧ)	114
2. Категория выделенности	119
3. Категория одушевленности / неодушевленности	125
4. Служебные функции имен существительных	127
Глава третья. Имя прилагательное	129
1. Качественные прилагательные	130
1.1. Степени сравнения качественных прилагательных	131
1.1.1. Сравнительная степень прилагательных	131
1.1.2. Превосходная степень прилагательных	133
2. Относительные прилагательные	135
3. Причастия прошедшего времени в роли прилагательных	137
Глава четвертая. Способы образования существительных и прилагательных	139
1. Структурные типы существительных и прилагательных	139
2. Словообразование при помощи аффиксов	141
2.1. Суффиксы существительных и прилагательных	143
2.2. Префиксы	146
3. Полуаффиксация	148
3.1. Полуаффиксы глагольного происхождения	149
3.2. Полуаффиксы именного происхождения	153

3.2.1. Именные словоморфемы суффиксального типа	153
3.2.2. Именные словоморфемы префиксального типа	156
4. Словосложение (основосложение)	158
4.1. Сложные имена сочинительного типа (копулятивы)	160
4.2. Сложные имена детерминативного типа	161
5. Лексикализация словосочетаний	162
6. Транспозиция (безафиксное словообразование)	165
Глава пятая. Местоимение	168
1. Личные местоимения	169
2. Слитные местоимения (местоименные энклитики)	172
3. Указательные местоимения	177
4. Вопросительные местоимения	178
5. Определительные местоимения	180
6. Определительно-возвратные местоимения	182
7. Неопределенные местоимения	183
8. Отрицательные местоимения	184
9. Взаимные местоимения	184
10. Употребление других частей речи в функции местоимений	185
Глава шестая. Имя числительное	187
1. Общая характеристика имени числительного	187
2. Определенно-количественные числительные	189
2.1. Нумеративы	190
3. Неопределенно-количественные числительные	192
4. Распределительные числительные	193
5. Порядковые числительные	193
6. Дробные числительные	194
7. Проценты	195
Глава седьмая. Глагол	197
1. Общая характеристика	197
2. Составные элементы глаголов и глагольных форм	198
2.1. Основы	198
2.2. Личные окончания	199
2.3. Формообразующие приставки	200
2.4. Служебные глаголы	200
2.4.1. Связочные глаголы	201
2.4.2. Вспомогательные глаголы	203
2.4.3. Компонирующие глаголы	203
3. Структурная и словообразовательная классификация глаголов	204
3.1. Простые глаголы	205
3.1.1. Глаголы правильные, подобноправильные, неправильные	205
3.1.2. Глаголы производные и непроизводные	208

3.2. Префиксальные глаголы	213
3.3. Сложные глаголы	216
3.3.1. Сложные глаголы, именная часть которых не имеет предлога	218
3.3.2. Структурно-семантическая типология сложных глаголов	222
3.3.3. Сложные глаголы, именная часть которых имеет предлог	225
3.3.4. Взаимосвязь предложных и беспредложных сложных глаголов	228
3.3.5. Сложные глаголы и вопросы образования рамочной конструкции	229
4. Лексико-грамматические классы глаголов	232
4.1. Переходные и непереходные глаголы	232
4.1.1. Переходные глаголы	232
4.1.2. Непереходные глаголы	233
4.2. Каузативные (понудительные) глаголы	234
4.3. «Двузаложные» глаголы	236
4.4. Модальные глаголы	236
Глава восьмая. Грамматические категории глагола	238
1. Категория времени	239
1.1. Сущность грамматической категории времени	239
1.2. Временные формы изъявительного наклонения и способы их образования	240
1.2.1. Настояще-будущее время	240
1.2.2. Настоящее конкретное время	242
1.2.3. Будущее категорическое время	242
1.2.4. Простое прошедшее время (претерит)	243
1.2.5. Прошедшее длительное время (имперфект)	244
1.2.6. Прошедшее конкретное время	246
1.2.7. Прошедше-настоящее время (перфект)	246
1.2.8. Прошедше-настоящее длительное время	247
1.2.9. Преждепрошедшее время (плюсквамперфект)	248
1.3. Временные формы сослагательного наклонения и способы их образования	249
1.3.1. Настояще-будущее время (аорист)	249
1.3.2. Прошедшее предположительное время	253
2. Категория наклонения	255
2.1. Изъявительное наклонение	256
2.2. Сослагательное наклонение	256
2.3. Повелительное наклонение	257
2.4. Желательное наклонение	258
3. Категория залога	259
3.1. Переходность / непереходность глаголов и понятие залога	259

3.2. Пассивный залог и его образование от различных структурных типов глагола	260
3.3. Пассивная конструкция	261
4. Категория лица/числа	262
Глава девятая. Неличные формы глагола	264
1. Инфинитив	264
2. Причастия	269
2.1. Виды причастий и их лексико-семантическая и грамматическая связь с глаголом	269
2.2. Причастие прошедшего времени	271
2.3. Причастия настоящего времени	276
2.3.1. Причастия с суффиксом نده <i>-ande</i>	277
2.3.2. Причастия с суффиксом ان <i>-ān</i>	280
2.3.3. Причастия с суффиксом ا <i>-ā</i>	283
2.4. Причастие долженствования	285
Глава десятая. Наречие	290
1. Значение и функции наречий как части речи	290
2. Структурные типы наречий и способы их образования	293
3. Наречия — фразеологические словосочетания	299
3.1. Наречные моделированные образования	299
3.2. Наречные немоделированные образования	301
4. Классификация наречий по значению	301
4.1. Определительные наречия	302
4.1.1. Наречия образа действия	302
4.1.2. Наречия меры и степени	302
4.2. обстоятельственные наречия	303
4.2.1. Наречия места	303
4.2.2. Наречия времени	303
4.2.3. Наречия причины	303
5. Местоименные наречия	304
Глава одиннадцатая. Модальные слова	306
1. Модальные слова, их значение и функции	306
2. Источники пополнения модальных слов	307
3. Семантические разряды модальных слов	308
Глава двенадцатая. Предлоги, послелог ل <i>-rā</i>	311
1. Предлоги	311
1.1. Общая характеристика предлогов	311

1.2. Первичные (основные) предлоги	312
1.3. Вторичные (производные) предлоги	320
2. Послелог <i>l_j-rā</i>	322
Глава тринадцатая. Союзы	328
1. Морфологическая структура и функциональные разновидности союзов	328
2. Сочинительные союзы	329
3. Подчинительные союзы	331
Глава четырнадцатая. Частицы	336
1. Общая характеристика частиц и их происхождение	336
2. Классификация частиц по значению	337
Глава пятнадцатая. Междометия и звукоподражательные слова	339
1. Общая характеристика междометий	399
2. Классификация междометий по способу образования и структуре	340
3. Классификация междометий по значению	341
3.1. Междометия, выражающие чувства	341
3.2. Междометия, выражающие волеизъявление	342
4. Звукоподражательные слова	343
Часть третья.	
Синтаксис	344
1. Предмет синтаксиса	344
2. Некоторые особенности синтаксиса персидского языка	346
<i>Раздел первый. Строение словосочетаний и предложений</i>	349
Глава первая. Способы синтаксической связи слов в словосочетаниях и предложениях	349
Глава вторая. Словосочетание	359
1. Возможны ли сочинительные словосочетания?	361
2. Изафетные словосочетания	363
2.1. Особенности структуры изафетных словосочетаний	365
2.1.1. Главный член изафетного словосочетания	365
2.1.2. Распространяющий член изафетного словосочетания	366
3. Словосочетания, построенные на примыкании	369
4. Предложные словосочетания	370
5. Структура сложных словосочетаний	374
Глава третья. Простое предложение	376
1. Словосочетание и предложение	376

2. Соотношение понятий «словосочетание», «член предложения» и «синтаксическая группа»	377
3. Формальная и смысловая организация простого предложения	379
3.1. Классификация предложений по составу их членов	380
3.1.1. Распространенные и нераспространенные предложения	380
3.1.2. Полные и неполные предложения	381
3.1.3. Разграничение двусоставных и односоставных предложений	382
3.2. Виды односоставных предложений и их характеристика	384
3.2.1. Определенно-личные предложения	384
3.2.2. Неопределенно-личные предложения	385
3.2.3. Обобщенно-личные предложения	386
3.2.4. Безличные предложения	386
3.2.5. Номинативные предложения	396
3.2.6. Слова-предложения	396
4. Коммуникативно-смысловая структура предложений	397
4.1. Повествовательные предложения	398
4.2. Вопросительные предложения	398
4.2.1. Вопросительные предложения без лексических средств	398
4.2.2. Вопросительные предложения с вопросительным словом	399
4.2.3. Вопросительные предложения с вопросительными частицами	399
4.2.4. Альтернативные вопросительные предложения	400
4.3. Побудительные предложения	400
4.4. Восклицательные предложения	401
5. Актуальное членение предложения	402
6. Фразеологизированные синтаксические структуры	404

Раздел второй. Простое предложение и его члены

Глава первая. Главные члены предложения

1. Подлежащее	411
2. Способы выражения подлежащего	412
3. Сказуемое	418
4. Виды сказуемого и способы их выражения	419
4.1. Глагольное сказуемое	419
4.1.1. Простое глагольное сказуемое	419
4.1.2. Сложное глагольное сказуемое	426
4.2. Именное сказуемое	431
4.3. Глагольно-именное сказуемое	440
4.4. Простое неглагольное (наречно-междометное) сказуемое	442
4.5. Сказуемое, выраженное синтаксической группой предикативного типа	442

4.6. Формы рамочной конструкции сказуемого	445
Глава вторая. Второстепенные члены предложения	451
1. Дополнение и его разновидности	452
1.1. Способы выражения дополнения	452
1.2. Приглагольные дополнения	454
1.2.1. Прямое дополнение	454
1.2.2. Косвенное дополнение	455
1.3. Приименные дополнения	457
1.3.1. Изафетное дополнение	458
1.3.2. Предложное дополнение	458
2. Определение	459
2.1. Постпозитивные определения	459
2.1.1. Изафетные определения	460
2.1.2. Предложные определения	463
2.1.3. Сложные причастно-определятельные обороты	463
2.2. Препозитивные определения	464
2.2.1. Примыкающие определения	464
2.2.2. Изафетные определения	466
2.3. Приложение (аппозиция)	467
3. Обстоятельство	469
3.1. Обстоятельства образа действия	470
3.2. Обстоятельства времени	471
3.3. Обстоятельства места	472
3.4. Обстоятельства меры	473
3.5. Обстоятельства причины	473
3.6. Обстоятельства цели	474
3.7. Обстоятельства условия	474
3.8. Обстоятельства уступки	474
4. Способы синтаксического выделения второстепенных членов предложения	475
4.1. Инверсия	476
4.2. Обособление	476
Глава третья. Однородные члены предложения	479
<i>Раздел третий. Сложное предложение</i>	484
1. Сложное предложение как синтаксическое единство	484
2. О сочинении и подчинении предложений	486

Глава первая. Сложносочиненные предложения	489
1. Сложносочиненные предложения с соединительными отношениями	491
1.1. Сложносочиненные предложения с союзом <i>و val-o</i>	492
1.1.1. Сложносочиненные предложения с временными отношениями	495
1.1.2. Сложносочиненные предложения с причинно-следственными отношениями	497
1.1.3. Сложносочиненные предложения с присоединительными отношениями	499
1.2. Сложносочиненные предложения с другими соединительными союзами	500
2. Сложносочиненные предложения с противительными отношениями	501
2.1. Сложносочиненные предложения с союзом <i>و val-o</i>	503
2.2. Сложносочиненные предложения с союзами <i>أما ammā, ولي vāli, لكن lāken, لیکن liken</i>	504
2.3. Сложносочиненные предложения с союзом <i>بلکه bālke</i>	506
2.4. Сложносочиненные предложения с союзами <i>وإلا vaellā</i> и <i>گرنه garna</i>	507
3. Сложносочиненные предложения с разделительными отношениями	509
Глава вторая. Сложноподчиненные предложения	511
1. Классификация сложноподчиненных предложений	511
2. Сложные предложения с придаточными подлежащими	517
3. Сложные предложения с придаточными сказуемыми	521
4. Сложные предложения с придаточными дополнительными	522
5. Сложные предложения с придаточными определительными	527
5.1. Собственно определительные придаточные предложения	528
5.2. Определительно-изяснительные придаточные предложения	529
6. Сложные предложения с придаточными обстоятельственными	531
6.1. Сложные предложения с придаточными времени	532
6.2. Сложные предложения с придаточными условными	538
6.3. Сложные предложения с придаточными уступительными	542
6.4. Сложные предложения с придаточными образа действия	545
6.5. Сложные предложения с придаточными исключения	549
6.6. Сложные предложения с придаточными сравнения	550
6.7. Сложные предложения с придаточными сопоставительными	552
6.8. Сложные предложения с придаточными причины	558
6.9. Сложные предложения с придаточными цели	563
6.10. Сложные предложения с придаточными следствия	564
6.11. Сложные предложения с придаточными места	566
Глава третья. Бессоюзные сложные предложения	568
1. Сложносочиненные бессоюзные предложения	569

2. Сложноподчиненные бессоюзные предложения	572
3. Сложные бессоюзные предложения, не имеющие соответствия в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях с союзной связью	577
Заключение	579
Условные сокращения	580
Названия источников иллюстративного материала	581
Литература	584

Научное издание

Рубинчик Юрий Аронович

Грамматика современного персидского литературного языка

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *М.И.Карлова*. Художник *Э.Л.Эрман*

Технический редактор *О.В.Волкова*. Корректор *Е.В.Карюкина*

Компьютерная верстка *Е.В.Катышева*

ЛР № 020297 от 23.06.97. Подписано к печати 01.03.2001

Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 48,8

Усл. кр.-отт. 48,8. Уч.-изд. л. 50,9. Тираж 1500 экз.

Изд. № 7909. Зак. № 1316

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в ППП «Типография «Наука».

121099, Москва, Шубинский пер., 6